

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARIES

3 1761 00100708 7

**This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Е. ГОЛУБИНСКАГО,

ВЫВШАГО ПРОФЕССОРА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ОР18148 Х63745

Періодъ второй,

МОСКОВСКІЙ.

ТОМЪ II,

отъ нашествія Монголовъ до митрополита Макарія включительно.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ТОМА.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Университетская типографія.

1900.

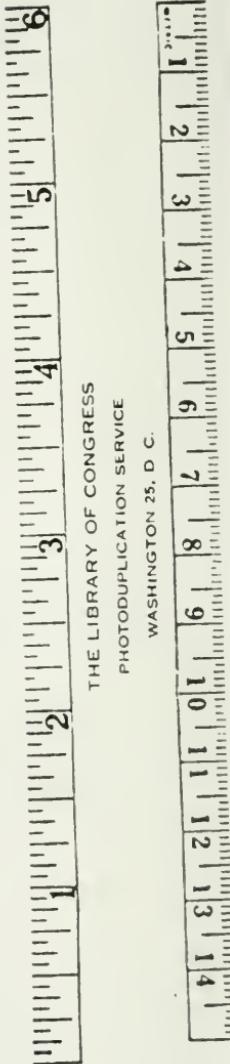
63748
324

PX
485
G58
1901
t. 2
pt. 1

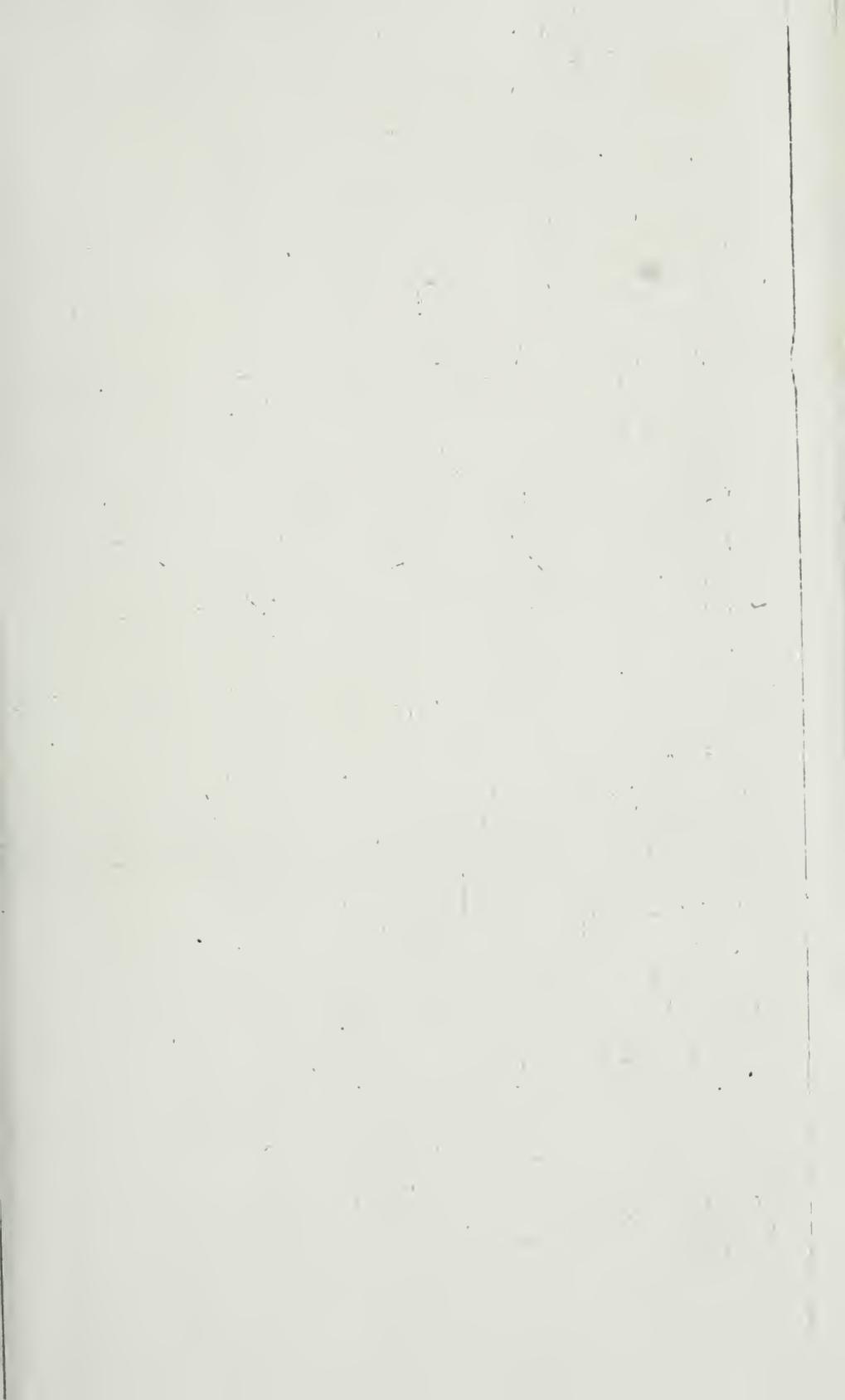
1138453

THE LIBRARY OF CONGRESS
PHOTODUPLICATION SERVICE

WASHINGTON 25, D. C.

ИСТОРИЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Е. Голубинского.

Составлено по Академическому Историческому Альманаху

Периодъ второй.

МОСКОВСКАЯ.

ТОМЪ II.

ОТЪ НАШЕСТВІЯ МОНГОЛОВЪ ДО МИТРОПОЛІЈА МАКАРІЯ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО.

НЕРВАЯ ПОЛОВИНА Т. II.

ИЗДАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО ТЕРРОССІЙСКИХЪ
ИМПЕРІАТОРСКІХЪ УНИВЕРСІТЕТІВ.

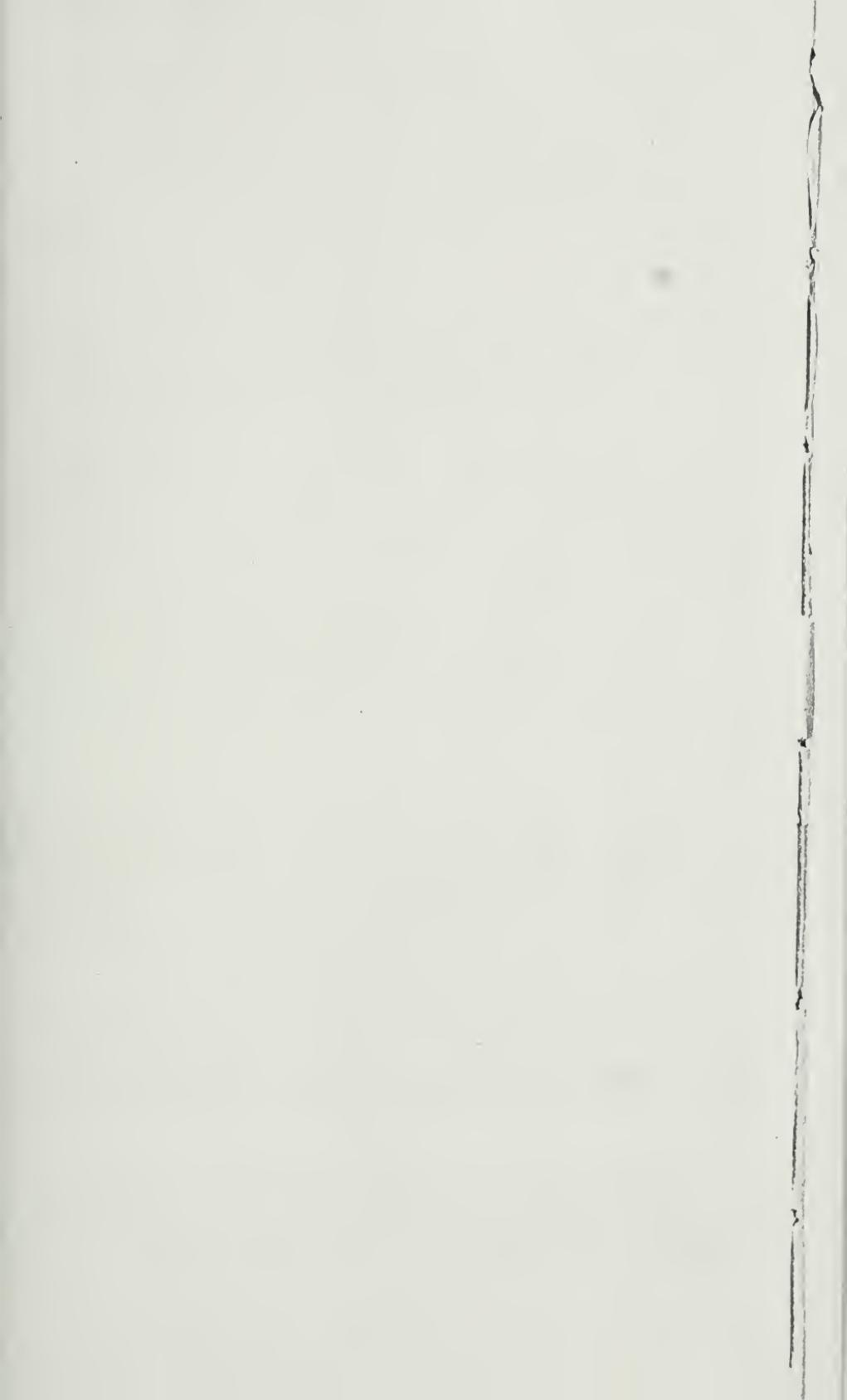
— 1 —

МОСКВА.
Университетская типография
1900.

Высокопреосвященный Макарий, въ бытность котого митрополитомъ московскимъ (1879—1882) издашъ миою первый томъ Исторіи русской церкви, доставилъ мнѣ возможность напечатать этотъ первый томъ и по поводу его явить себѣ моимъ благожелательнымъ покровителемъ. Искренняя и горячая благодарность ему за то и другое и обязываетъ меня посвятить его памяти настоящую первую половину втораго тома Исторіи русской церкви.

E. Голубинский.

Первый томъ моей Исторії русской церкви, состоящій изъ двухъ половинъ, представляющихъ изъ себя двѣ отдельныя книги, я напечаталъ въ продолженіе 1880—1881 годовъ; первую половину втораго тома, который имѣеть состоять также изъ двухъ половинъ въ двухъ отдельныхъ книгахъ, выдаю въ 1900-мъ году: слѣдовательно, черезъ 19-ть лѣтъ. Промежутокъ годовъ такой, что, бывъ во время нечтанія первого тома человѣкомъ зреющими лѣтъ, печатаю второй томъ сѣдымъ старикомъ. Относительно этого чрезвычайнаго, не по моей доброй волѣ случившагося, замедленія могу только сказать, что оно крайне для меня прискорбно...

Приготовивъ второй томъ къ печати вслѣдъ за первымъ, по не видѣніи возможности напечатать его, я поступилъ съ нимъ такъ, какъ и долженъ былъ поступить, т. е. положилъ его въ ящикъ. При этомъ я, конечно, слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ писалось по русской церковной исторії о времени, которое обнимается этимъ вторымъ томомъ моей Исторіи. Но не поручусь рѣшильнымъ образомъ, чтобы не упустилъ совершиенно ничего изъ иновъ написаннаго. Впрочемъ, если и упустилъ что нибудь, то лишь не имѣющее существенной важности, такъ что, не отрицая возможности иѣкотораго количества упущеній¹⁾, позволяю себѣ быть увѣреннымъ, что онѣ не таюны, чтобы благодаря имъ поздно печатаемый второй томъ моей Исторіи явился устарѣвшимъ. Другое дѣло — достоинства и недостатки его, равно какъ и первого тома, не зависящія отъ времени, каково это запозданіе. Не принадлежа къ числу людей, которые смотрятъ на свои творенія такъ, чтобы отрицать нужду и возможность дальнѣйшихъ послѣ нихъ работъ падь тѣмъ же, я считаю себя лишь однимъ изъ числа многихъ, имѣющихъ трудиться падь обработкой русской церковной исторіи. Мое, такъ сказать, исповѣданіе относительно сего читатель можетъ найти въ небольшой рѣчи, которую я

¹⁾ Разумѣемъ новые фактическія свѣдѣнія, а не новые взгляды па основаніи старыхъ фактическихъ свѣдѣній (отсутствіе рѣчей о новыхъ взглядахъ па основаніи старыхъ фактическихъ свѣдѣній должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что, не раздѣляя взглядовъ, мы воздерживаемся отъ полемики противъ нихъ).

предварилъ мой докторскій диспутъ (бывшій 16-го Декабря 1880-года) и которая напечатана въ приложениі ко второй половинѣ первого тома Исторіи. Я говорю тамъ о себѣ не съ фарисейскимъ или ищемѣрнымъ смиреніемъ, а съ полною искренностію.

Преосв. Филаретъ раздѣляетъ исторію русской церкви на пять періодовъ, именно: періодъ первый, отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ (988—1237 г.); періодъ второй, отъ опустошенія Россіи Монголами до раздѣленія митрополіи (1237—1410 г.); періодъ третій, отъ раздѣленія митрополіи до учрежденія патріаршества (1410—1588 г.); періодъ четвертый, — періодъ патріаршества (1588—1720 г.); періодъ пятый, суподальное управлѣніе (1721—). Преосв. Макарій раздѣляетъ исторію русской церкви на три періода, именно: первый—періодъ совершиенной зависимости русской церкви отъ константинопольского патріарха (988—1240); второй—постепеннаго перехода ея отъ этой зависимости къ самостоятельности (1240—1589); третій—періодъ ея самостоятельности (1589—). Я не могу призвать удовлетворительнымъ ни того ни другаго раздѣленія. Что касается до преосв. Филарета, то «раздѣленіе митрополіи», т. е. отдѣленіе въ особую отъ Москвы митрополію кіевской или юго-западной ~~были~~ не имѣло для первой ни малѣйшаго внутренняго значенія, а лишь ~~были~~ нѣйнѣе значеніе сокращенія предѣловъ ея церковной области ¹⁾, а то учрежденіе патріаршества, состоявшее только въ переименованіи ~~было~~ нынѣшаго представителя русской церкви изъ митрополитовъ въ патріархи, не произвело ни малѣйшей перемѣны въ жизни и бытѣ церкви, то говорить и самъ преосв. Филаретъ. Раздѣленіе преосв. Макарія неправильно и неудовлетворительно: во-первыхъ, русская церковь ~~была~~ стала быть фактически независимою отъ константинопольскихъ патріарховъ не со времена только учрежденія у насъ собственнаго патріаршества, а гораздо ранѣе; во-вторыхъ, преосвященный соединяетъ одинъ періодъ самостоятельности несомнѣнно особыя одво отъ другого времена—патріаршеское и суподальное. Наиболѣе удовлетворительнымъ раздѣленіемъ исторіи русской церкви на періоды представляется намъ раздѣленіе, которое, если не ошибаемся, въ послѣднее

¹⁾ При этомъ преосв. Филаретъ неправильно и ведеть раздѣленіе отъ 1410-го года, отъ времени митр. Фотія, тогда какъ оно (постоянное на очень долгое время раздѣленіе послѣ не сколькоократныхъ недолговременныхъ раздѣленій) началось съ 458-го года, съ правленія св. Іоанна.

время привято для гражданской русской истории, именно—топографическое раздѣление на три периода: кievский, московский и петербургский. Топографическое раздѣление истории на периоды можетъ показаться для иныхъ несолько страннымъ. Но значеніе топографіи въ истории какъ одного изъ ея факторовъ общепризнанно¹), и если периоды какойнибудь церковной или гражданской истории суть такие отдельы времени, которые болѣе или менѣе отличаются отъ предшествующихъ и отъ послѣдующихъ отдельовъ времени характеромъ жизни дальнаго гражданскаго или церковнаго общества: то познанію, что отдельъ времени кievский, отдельъ времени московский и текущій отдельъ времени петербургскій представляютъ собою именно такие периоды нашей церковной (равно какъ и гражданской) истории. Топографія проявляетъ свое влияніе въ истории, когда играетъ роль одного изъ деятелей постѣдней на периоды, двоякимъ образомъ — или таъ, что понаѧ мѣстность условливаетъ новую противъ предшествующей жизнь: или паоборотъ таъ, что новая жизнь требуетъ новой мѣстности. У насъ было и то и другое: съ перенесеніемъ центра жизни съ юга на сѣверъ, изъ Киева во Владимиръ—Москву, начался новый противъ предшествующаго, условливаемый мѣстностью (подразумѣвается—не исключительно ею одною), периодъ жизни государственной и церковной; начатый Петромъ Великимъ новый периодъ той и другой жизни потребовалъ перенесенія центра жизни на новое мѣсто, изъ Москвы въ Петербургъ.

Періодъ московский долженъ быть раздѣляемъ на двѣ половины: отъ нашествія Монголовъ до митр. Макарія съ его Стоглавымъ соборомъ, на которомъ быть подведенъ, таъ сказать, итогъ всей предшествующей жизни, и отъ митр. Макарія до учрежденія св. Синода. А первая половина періода въ свою очередь можетъ быть раздѣлена на свои двѣ половины, именно—премя нахожденія нашихъ митрополитовъ подъ властью константинопольскаго патріарха и время постѣ отложения отъ этой власти, чтд совпадаетъ съ раздѣлениемъ митрополіи на двѣ особы митрополіи и съ переименованіемъ митрополитовъ всія Россіи, жившихъ въ Москвѣ, изъ кievскихъ и всія Россіи въ московскихъ и всія Россіи, а также съ образованіемъ у пасъ новыхъ взглядовъ на Грековъ.

¹) Какъ напр. относительно нась—Русскихъ не можетъ не быть общепризнаннымъ, что составляющая половину Европы великая равнина, которую мы занимаемъ, въ значительной степени условливала собою образованіе великаго русскаго государства.

VIII

Второй томъ моей Исторії русской церкви имѣеть обнимать первую половину періода московскаго или время отъ пашествія Монголовъ до митр. Макарія включительпо. Подобно первому тому онъ будетъ состоять изъ двухъ половина: первая половина тома будетъ посвящена хронологическому обозрѣнію исторіи церкви по правлѣніямъ митрополитовъ или будетъ представлять рядъ біографій этихъ послѣднихъ; вторая половина тома будетъ посвящена обзору церковной жизни по ея отдѣламъ или видамъ, каковы—управленіе, просвѣщеніе, богослуженіе и пр..

О томъ, что наши лѣтописи и другіе наши историческіе памятники даютъ церковному историку слишкомъ малую возможность писать настоящія біографіи нашихъ митрополитовъ, равно какъ и другихъ нашихъ церковно-историческихъ дѣятелей, я парочито говорю въ предисловіи къ первому тому моей Исторіи. Достаточно пришлось мнѣ выслушать укоровъ за мои откровенныя рѣчи отъ пѣкотораго класса людей. Но и теперь я вынуждаюсь только заявить, что не пахожу возможнымъ отказаться ни отъ одного сказаннаго прежде слова. Итакъ, читатель, спрашивая съ насъ того, что мы могли ему дать и за что мы отвѣтственны, пусть не спрашиваетъ съ насъ того, чего, несмотря на все наше желаніе, мы не могли дать по независящемъ отъ насъ обстоятельствамъ; хотимъ сказать: пусть читатель не винить насъ за то, что мы даемъ ему очерки жизни и дѣятельности нашихъ митрополитовъ, которымъ название—біографіи, по которымъ очень далеки отъ того, чтобы быть настоящими біографіями¹⁾.

---

¹⁾ Не однаково съ историками церковными, но имѣютъ право жаловаться на лѣтописцевъ и гражданскіе наши историки. У Карамзина, который съ своимъ авторитетомъ да заградить меня собой отъ несправедливыхъ укоровъ, мы и дѣйствительно находимъ эту жалобу, и при томъ высказанию не менѣе сильно, неожели какъ высказываемъ ее мы; о даваемыхъ имъ біографіяхъ князей онъ говоритъ: «если вместо живыхъ, ильныхъ образовъ (я) представляль единственно тѣни, со отрыжками: то не моя вина: я не могъ дополнить Лѣтописи!» (предисл., изд. Эймерлинга стр. XI fin. и см. въ далѣ).

ПОРАБОЩЕНИЕ РУСИ МОНГОЛАМИ И ОТНОШЕНИЯ ХАНОВЪ МОНГОЛЬСКИХЪ КЪ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ИЛИ КЪ ВЪРЪ РУССКИХЪ И КЪ ИХЪ ДУХОВЕНСТВУ.

Монголы или Татары, кочевой народъ такъ называемаго алтайскаго или урало-алтайскаго семейства, обитавши съ древнаго времени въ той же великой азиатской степи, въ которой живутъ до настоящаго времени ихъ потомки и которая называется по ихъ имени Монголіей, до второй половины XII вѣка не составляли изъ себя одного политического цѣлого въ видѣ однаго государства, но распадались на отдельныя племена и орды, состоявши подъ властью своихъ особыхъ, большихъ и малыхъ, владѣтелей или хановъ¹⁾). Въ половинѣ XII вѣка явились у Монголовъ великий (и вмѣсть безмѣрию страннико) человѣкъ, который не только соединилъ ихъ въ одно цѣлое, но и сдѣлалъ огромныя завоеванія въ Монголіи, чтобы основать могущественнѣйшее монгольское государство, и который, мечтавъ о завоеваніи всего свѣта, гѣйстѣнно успѣхъ въ томъ, чтобы наполнить весь свѣтъ ужасомъ имени своего и своихъ дикихъ сородичей. Это быть Темучинъ, известный въ исторіи подъ своимъ послѣдующимъ титуломъ Чингисъ-хана.

¹⁾ До тѣхъ поръ пока не были соединены въ одно политическое цѣлое, Монголы или Татары не имѣли и одного общаго имени. Со времени объединенія они усвоили себѣ и имъ усвоено было ихъ объединителемъ, какъ таковое общее имя, частное имя того племени, къ которому принадлежалаъ послѣдній: это—первое изъ двухъ именъ, т. е. Монголы. Что же касается до втораго имени,—Татары, то, не бывъ употребляемо ими самими, а бывъ дано имъ соѣдними народами и служивъ ихъ преимущественнымъ именемъ у чужихъ, въ томъ числѣ и у европейцевъ, оно явилось такимъ образомъ, что частное имя другаго племени было распространено на весь народъ. Въ нашихъ русскихъ языческихъ и вообще у нась—Русскихъ Монголы известны были исключительно подъ вторымъ или несобственнымъ своимъ именемъ.

Темучинъ бытъ сынъ Язукая, удѣльнаго владѣтеля одной монгольской орды, состоявшей изъ 30—40 тысячъ семей (кибитокъ) и кочевавшей въ сѣверо-восточной Монголіи, въ верховьяхъ рѣки Онона (образующаго по соединеній съ Аргунью образуетъ Амурь); онъ родился около 1155-го года. Оставшись послѣ смерти отца 13-лѣтнимъ мальчикомъ, Темучинъ до сорока лѣтъ своего возраста не давалъ ожидать отъ себя ничего особеннаго и все время оставался однимъ и тѣмъ же младенцемъ владѣтелемъ. Въ此刻ъ указаниемъ возрастѣ онъ внесли вступить, какъ выражаются восточные, на стезю завоеваній и пошелъ по ней необыкновенно быстро. Въ продолженіи десяти лѣтъ, съ 1195-го по 1205-й годъ, онъ подчинилъ своей власти всѣ отдельныя племена и орды монгольскія и образовалъ изъ нихъ одно государство. Послѣ этого, принявъ на общемъ торжественномъ съѣздѣ покоренныхъ князей титулъ Чингисъ-хана, чтѣ значить великий (могущественный) ханъ, т.-е. государь, и чтѣ соответствуетъ европейскому титулу императора, и утвердивъ свою резиденцію въ городѣ Харахоринѣ или Каракорумѣ на верхнемъ Орхонѣ (виадающемъ съ правой стороны въ Селенгу), на югъ, на юго-западъ, отъ нашей теперешней Кяхты, Темучинъ началъ и быстро повелъ вѣнчаній завоеванія: покорилъ сѣверный Китай по рѣку Гоангъ-го или Желтую, Тангутъ или землю Тагогутыскую нашихъ лѣтощесей (восточную большую или меньшую половину нынѣшнаго Тибета или, можетъ быть, весь нынѣшній Тибеть прилежащею къ нему иѣкоторою частію западнаго Китая), Каракахай (нынѣшній восточный Туркестанъ), Ховарезмъ или Харезмъ (нынѣшнюю Хиву, къ которой принадлежали тогда Бухара и Коқандъ), Серасанъ на югъ отъ Ховарезма (съ городами Мервомъ въ Туркестанѣ, Балхомъ и Гератомъ въ Афганистанѣ и Шинабуромъ въ сѣверо-восточной Персіи), восточную половину такъ называемаго Кипчака ли степь туркмено-киргизскую¹). Чингисъ-ханъ умеръ въ 1227-мъ году. передъ смертю онъ раздѣлилъ свои завоеванія между своими тремя сыновьями и между внуками отъ четвертаго сына, умершаго прежде его, на четыре улуса или на четыре отдельныхъ халата, но такъ, чтобы одинъ улусъ, назначавшійся пребывать въ его собственной столицѣ

¹) Кипчакомъ, степью кипчакскою (Дешти-Кипчакъ) назывались у восточныхъ, отъ имени тюркскаго народа Кипчаковъ, степь туркмено-киргизская и служаща ея продолженіемъ въ Европѣ наша степь новороссийская. Печенѣги и Но-вцы или принадлежали къ Кипчакамъ, или же, по мѣстности, въ которой жили, называются у восточныхъ Кипчаками.

Харахоринѣ или Каракорумѣ, быть величимъ ханомъ и имѣль верховную власть надъ ханами остальныхъ. Наша Русь была покорена потомъ ханами улуса кипчакскаго, который, обнимая не весь восточный Кипчакъ, а сѣверную его половину или степь киргизь-кайсацкую, отданъ быть Чингисъ-ханомъ сейчасъ поминутымъ внукамъ, именно—дѣтьмъ его старшаго сына Чучи или Джучи.

Русскіе впервые узнали Монголовъ еще при жизни Чингисъ-хана въ 1223-мъ году. Государь ховарезмскій, бывъ побѣженъ императоромъ монгольскимъ, искалъ спаси свою жизнь бѣгствомъ въ Перею. Для его преслѣдований Чингисъ-ханъ отрядилъ двухъ своихъ полководцевъ, которые и гнались за нимъ почти до сѣверной границы Переи, пока онъ не укрылся отъ преслѣдований на одномъ изъ острововъ Каспийскаго моря. Углубившись въ Перею слишкомъ далеко, чтобы возвращаться назадъ старымъ путемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ желая имѣть и новое поприще для грабежей, полководцы прошли у Чингисъ-хана и получили отъ него дозволеніе совершилъ обратный путь чрезъ кавказскій перешеекъ на киргизскую степь. При переходѣ чрезъ Кавказъ они побили тамошніе народы—Ясовъ, Обезовъ и Касоговъ (Осетинъ, Абуазцевъ и Черкесовъ), а спустившись на сѣверную его сторону, въ степь половечскую, начали странное избиеніе Половицъ, за которыми гнались въ направлениі отъ юго-востока къ сѣверозападу чрезъ всю степь до самой границы Руси,—до вала половецкаго, который былъ ниже Переяславля. Половцы приѣхали къ русскимъ князьямъ и умоляли ихъ о помощи. Князь Мстиславъ Мстиславичъ торопецкій, сидѣвшій тогда въ Галицѣ, былъ зятемъ князя половецкаго Котяна. Виномъ мольбамъ тестя, онъ успѣхъ склонить на сторону Половицъ сидѣвшаго въ Кіевѣ своего двоюроднаго брата Мстислава Романовича¹⁾; два Мстислава составили съѣздъ въ Кіевѣ всѣхъ южныхъ князей, и на съѣздѣ решено было пойти на Татаръ всею южною русскою землей. Отступившій отъ русскихъ предѣловъ полчища враговъ были настигнуты нашимъ великою ратию въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, въ юго-восточномъ ея углу, на рекѣ Калѣ (теперь же Калѣцѣ или Кальчицѣ, впадающемъ въ Калміусъ, который, отдѣляя Екатеринославскую губернію отъ земли войска Донскаго, впадаетъ въ Азовское море у Мариуполя). Въ начальной стычкѣ передовыхъ отрядовъ или авангардовъ Русскіе побили Татаръ; но потомъ, въ генеральной битвѣ цѣлыхъ обояхъ полчищъ, потерпѣли отъ нихъ совершенное и странное пораженіе, какого, по словамъ лѣтописца, не

¹⁾ Мстиславы были внуки Ростислава Мстиславича смоленскаго.

бывало никогда (главными причинами которого были трусость Полоццевъ и взаимная великай зависть между двумя Мстиславами, устроившими походъ). Самихъ князей шало девять или десять, въ томъ числѣ Мстиславъ киевскій, а что касается до простаго огромнаго войска, то его погибло «много множества... много безъ числа» (однихъ только киевлянъ, какъ говорили,—около десяти тысячи человѣкъ). Послѣ пораженій Русскихъ Татары возвращались на Русь и доходили до Новгорода святональчаго, который находился на Днѣпѣ, въ разстояніи отъ Кіева всего верстъ 70-ти; но, страшио опустошивъ окраину страны и избивъ всѣхъ, кто былъ имъ на пути и кто не бѣжалъ отъ нихъ, они не пошли на самій Кіевъ и отхлынули назадъ. Калкинское побоище имѣло мѣсто 31-го Мая (16-го Июня?) 1223-го года.

Чрезъ 14-ть лѣтъ послѣ калкинской битвы въ 1237-мъ году Татары снова пришли на Русь, чтобы совсѣмъ и надолго поработить ее.

Норвѣдскій лѣтописецъ, рассказалъ о напасти Татаръ 1223-го года, заключаетъ разсказъ: «Татари же (дошедъ до Новгорода святональчаго) възвратились назадъ отъ рѣки Днѣпра, и не съѣдаемъ, откуду суть пришли и кѣдѣ ся дѣла оиять». На основаніи этихъ словъ лѣтописца можно было бы думать объ окончательномъ напасти 1237-го года, какъ о совершеніи неожиданномъ для Русскихъ, чтѣ служило бы къ немалому извиненію великаго князя Владимирскаго, оказавшаго имъ такое плохое сопротивленіе. Но если это, можетъ быть, и правда въ отношеніи къ Новгороду, то вовсе не можетъ быть признано правдой въ отношеніи къ Владимиру. Одновременно съ тѣмъ, какъ Чингисханъ послалъ изъ Хивы на югъ двухъ своихъ полководцевъ для преслѣдованія хана хивинскаго, сына его Джучи двинулся оттуда же на сѣверъ, занялъ сѣверную половину восточнаго Кинчака и остался въ ней господствовать; но сѣверная половина восточнаго Кинчака имѣла своей западной границей рѣку Ураль, древній и старый Яикъ, который для восточнѣкъ, по крайней мѣрѣ, Русскихъ,—владимирскъ и также рязанскихъ, входилъ въ черту той географическо-политической области, на которую распространялись ихъ сѣѣдѣнія. Что Татары не намѣревались считать рѣку Ураль непереступной для себя границей, это должно было стать яснымъ для владимирскихъ и рязанскихъ Русскихъ по крайней мѣрѣ съ 1229-го года; подъ этимъ послѣднимъ годомъ въ нашей русской лѣтописи, и именно владимирской, записано: «того же лѣта Сакени (народецъ тюркскаго племени) и Половци възбѣгнаша изъ низу къ Болгаромъ передъ Татары, и сторожеве болгарскими приѣхали, бѣши отъ Татаръ близъ рѣки, ейже ими Яикъ». Въ 1232-мъ году завоевательный стремленія Татаръ, грозившія опасностю и Руси, должны

были обнаружиться для Русскихъ еще съ болѣшею ясностю. Въ той же нашей владимирской лѣтописи подъ этимъ годомъ читаемъ: «того же лѣта придоша Татарове и зимоваша, не дошедши Великаго града Болгарскаго» (составлявшаго столицу камской Болгаріи и находившагося въ Спасскомъ уѣздѣ имѣнией казанской губерніи, въ 25-ти верстахъ къ юго-западу отъ уѣздиаго города, близъ лѣваго берега Волги, въ настоящее время село Успенское-Болгары). Какъ кажется, въ этомъ году Татары только разграбили Болгарію, а не завоевали ее, потому что о завоеваніи говорится въ нашей лѣтописи (той же владимирской) подъ 1236-мъ годомъ. Но страннихъ людей, приходившихъ одинъ разъ, нужно было ожидать снова, а они приходили уже къ нашимъ непосредственнымъ сосѣдямъ.

Не долго пришлося ждать того, чтобы Татары явились и къ намъ самимъ. Послѣ смерти Чингисъ-хана престолъ великаго хана въ Каракорумѣ оставался позамѣщеннымъ въ продолженіе двухъ лѣтъ; наконецъ, въ 1229-мъ году согласно съ его волею провозглашенъ былъ великимъ ханомъ его третій и особенно любимый имъ сынъ Оготай (Угэдай). Послѣ усмирѣнія восстанія, венчавшаго въ Ховарезмѣ и послѣ завоеванія Китая по рѣку Янгъ-тсе-Кіангъ, въ 1235-мъ году Оготай рѣшилъ спарадить великия арміи для выполнения мысли и завѣщанія Чингисъ-хана о завоеваніи всего свѣта. Спарожены были двѣ арміи и одна изъ нихъ съ тѣмъ, чтобы идти на западъ, для завоеванія Европы. Во главѣ ея былъ поставленъ Батый, сынъ Джучиевъ, повелитель Кипчака, пограничнаго съ Европой, къ которому имѣли быть присоединены здѣшніи покоренные страны; Батый сопровождали два сына самого Оготая и сыновья двухъ его братъчъ. Завоеваніе Европы начато было Татарами съ камской Болгаріи, которая въ 1232-мъ году была ими разграблена. Осенью слѣдующаго 1236-го года Татары явились подъ столицей Болгаріи Великимъ городомъ, взяли его и совершили разграбленіе, избивъ жителей отъ старыхъ до юныхъ и до сущихъ младенцевъ, и потомъ опустошили и покорили всю страну. Въ виду этихъ ужасовъ у сосѣдей и уже черезъ чуръ явно написавшей надъ самою Россіей страшной грозы, великий князь владимирскій Юрій Всеволодовичъ занимался тѣмъ, что спрашивалъ свадьбы двухъ своихъ сыновей! Проведши въ Болгаріи годъ, отъ осени до осени, на слѣдующую зиму, т. е. въ концѣ 1237-го года, Татары явились въ Россіи. Но всей вѣроятности, руководясь мыслю начать съ слабѣшшихъ, они направились не на княжество владимирское, а на рязанское. Взявъ изъ Болгаріи путь на юго-западъ и явившись въ южной части княжества, они расположились станомъ на рѣкѣ, называемой въ лѣтописяхъ

Онузю, которой въ настоящее время неизвестно и подъ котою, можетъ быть, должно разумѣть рѣку Узу, текущую въ сѣверной части Саратовской губерніи и впадающей въ Суру на границѣ съ губерніей Иензенской. Отсюда они отправили пословъ къ князьямъ рязанскимъ, требуя себѣ отъ нихъ десятины въ людяхъ, въ коняхъ и во всемъ. Князья рязанскіе, не допустивъ пословъ до своей столицы, чтобы не дать имъ высмотрѣть ея мѣстности и укрѣплений, и вышедъ къ нимъ на рѣку Воронежъ, отвѣчали: когда нась всѣхъ не будетъ, тогда все будетъ ваше. Татары передвинулись съ рѣки Онузы на рѣку Воронежъ, а князья рязанскіе, рѣшившися биться, отправили просить помощи къ вел. кн. владимирскому Юрію Всеvolодовичу. Но великій князь жалкимъ образомъ далъ въ обманъ Татарамъ. Но особому кодексу правиль о всепной чести, образованіемуся, какъ нужно думать, въ то время, когда Монголія, раздробленная на мелкія владѣнія, была погружена въ междоусобія, Татары считали хитрость и самый безсовѣтный обманъ такими же военными доблестями, какъ и мужество, и постоянно старались пользоваться первыми прежде, чѣмъ обращаться къ послѣднему: тѣжѣ самые посы татарскіе, которые приходили къ рязанскимъ князьямъ, прошли отъ князей съ рѣки Воронежа во Владимиръ и убѣрили великаго князя, что онъ будетъ не тронуть, если останется нейтральнымъ къ предстоящей борьбѣ. Князь, давнишъ въ обманъ пословъ, отпустилъ ихъ отъ себя одаренными¹⁾). 16-го Декабря 1237-го года Татары подступили къ Рязани, а 21-го взяли ее. Отъ Рязани они двинулись къ Коломенѣ. Такъ какъ послѣдня (принадлежавшая тогда къ рязанскому удѣлу) стояла на самой границѣ владимирскаго княжества, то великій князь понялъ обманъ и послѣдилъ выслать къ ней, на помощь уѣздѣніямъ рязанцамъ, свое войско подъ предводительствомъ одного изъ своихъ сыновей. Но соединенное войско рязанско-владимирское было разбито Татарами, а городъ взятъ. Но сѣ взятія Коломны они вступили въ область великаго княженія и направились къ Москвѣ: городъ взяли, а здѣшняго удѣльного князя, другаго сына Юріева, живымъ захватили въ пленъ. Ожидая прихода Татаръ на Владимиръ, великій князь оставилъ въ столицѣ двухъ своихъ сыновей, а самъ съ тремя

¹⁾ Что дѣло было такъ, это дасть знать Лаврентьевская лѣтопись въ своихъ рѣчахъ о вел. кн. Юріи Всеvolодовичѣ, которая читаются въ ней подъ 1239-мъ годомъ. А утверждаемое Новгородскою лѣтописью, будто Юрій потому отказалъ рязанцамъ въ помощи, что хотѣлъ биться съ Татарами особо, очевидно, мало имѣть смысла (хотя, можетъ быть, онъ дѣйствительно далъ рязанцамъ этоѣ странный отвѣтъ, чтобы чѣмънибудь мотивировать свой отказъ).

илемянниками, князьями ростовскими, въ малой дружинѣ, удалился за Волгу и стать станомъ на рѣкѣ Сити (въ нынѣшнемъ Мологеюскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи), ожидая къ себѣ съ войсками своихъ братьевъ—Ярослава киевскаго и Святослава юрьевскаго. Намѣреніемъ великаго князя, поведеніе котораго вообще не можетъ быть признано совершенію понятіемъ, но всеиѣ иѣроятности было то, чтобы по собраніи войска напастъ на Татаръ подъ Владимиромъ съ тыла. Но если это такъ, то ничего подобнаго не случилось.

Татары, представлявшіе изъ себя войско исключительно конное и въ тоже время въ отношении къ неустомимости въ Ѣздѣ лошадей и людей образцовое, дѣйствовали съ величайшою быстротою, разсчитывая наводить этимъ особенный ужасъ на враговъ и захватывать ихъ врачилохи: едва ли великий князь и успѣхъ принять на Сити какое-нибудь рѣшеніе, какъ уже Владимиръ былъ взятъ. Татары явились подъ его стѣнами 2-го Февраля. Расположившись станомъ у него, они сѣѣли выѣздъ къ Суздалю, отстоящему отъ него на 34 версты, чтобы взять эту вторую столицу великаго княжения, а затѣмъ, послѣ однодневнаго приготовленія къ осадѣ и послѣ столько же непродолжительной осады, взяли его 8-го Февраля. Овладѣть Владимиромъ, въ которомъ погибло все рѣшительное семейство великаго князя ¹), Татары разсыпались для опустошения и грабежа по всей области суздальско-ростовской: отдѣльными отрядами они устремились на Ростовъ, Ярославль, Переяславль, Тиеръ, на Волгу къ Городцу, отъ которого простили свои опустошенія въ заволжки до Галича морѣскаго (нынѣ костромскаго). Евтоинецъ говорить, что не было мѣста ни веси и сель такихъ рѣдко, где бы не воевали Татары на суздальской землѣ, и что ими было взято 14 городовъ, кромѣ слободъ и погостовъ. Все это погнаніе и опустошеніе области суздальско-ростовской совершиено было Татарами въ продолженіе одного Февраля мѣсяца ²). Нетишино и невыразимо ужаснымъ должноствовало быть положеніе

¹⁾ Сынъ Владимира, захваченный въ путь въ Москву, былъ убитъ подъ стѣнами Владимира; два сына Всеволода и Мстислава, оставленные въ столицѣ для ея защиты, жена, дочь, снохи и внуки, оставившіе въ ней же, всѣ погибли въ самомъ Владимирѣ. Великая княгиня съ женской и малолѣтней частью семейства, бояре (старые и невоенные, не принимавшіе участія въ защитѣ), жены боарскія съ семействами, а также и множество вскихъ гражданъ, затворились было имѣсть съ епископомъ Митрофаномъ въ соборной епископской церкви. Но Татары, взявъ городъ, подожгли церковь и, давъ части затворившихся погибнуть въ дымѣ и огнѣ, оставшую часть изсѣкли.

²⁾ Можетъ показаться недоумѣніемъ, что Татары предприняли свой завоева-

вел. кн. Юрия Всеолодовича, стоявшаго на Сити, когда въ страшномъ пожарѣ погибшее отечество ждало отъ него послѣдней попытки спасенія и когда онъ лично былъ уже человѣкомъ безъ отечества, лишившися всего на этомъ свѣтѣ. Великій князь и не сдѣлать никакой попытки: на его неподвластно стоявшее въ совершенномъ смущеніи отчаянія войско, которое позабыло даже выставлять стражей, Татары внеслию нахлынули 4-го Марта; произошла битва, въ которой Русскіе были разбиты и предались бѣгству и въ которой великий князь панель свою смерть¹).

Изъ области суздальской Татары направились въ область новгородскую. Послѣ двухнедѣльной осады, они взяли 23-го Марта Торжокъ и пошли Селигерскимъ путемъ къ самому Новгороду. Но, не доходя ста верстъ до Новгорода, остановились у мѣста, называвшагося Игнать крестъ,² и повернули на югъ, вѣроятно, испугавшись новгородскихъ топей и болотъ, которыхъ Монголы, будучи жителями возвышенныхъ сухихъ мѣстъ, и въ настоящее время вообще страшно боятся. Изъ истории этого движения Татаръ на югъ и потому на юго-востокъ, въ степь полоцкую, которое, несомнѣнно, сопровождалось такими же грабежами и опустошениями, какъ и въ области суздальской, извѣстенъ эпизодъ осады Татарами Козельска. Ничтожный городокъ Козельскъ, принадлежавший къ области черниговской (нынѣ Калужской губерніи)

тельный походъ на Россію зимой. Но это съ нарочитымъ намѣреніемъ. Монголіи, представляющая изъ себя возвышенную и безлѣсную плоскость, имѣть чрезвычайно суровый климатъ: зима въ ней очень продолжительна, отличается страшными холодами, ужасными буранами и вьюгами. Будучи поэтому народомъ закаленнымъ относительно зимы со всеми ея ужасами, Монголы со времени самого Чингис-хана нарочно и предпринимали свои большие военные походы зимой, чтобы се имѣть своею помощницею въ одержаніи верха надъ врагами, см. Землемѣріе Азіи *K. Риттера* въ русск. переводѣ *Семенова*, т. V, выпускъ 1, Спб., 1879, стр. 444 (Свидѣтельство греческаго историка Пахимера, что Татары имѣютъ обыкновеніе воевать зимой, у *Стриттера* въ Memogr. рорр. III, 170. По свидѣтельству Бонапата, и крымскіе Татары XVII вѣка дѣлали свои вторженія въ непріятельскія земли всегда въ зимнюю пору,—Description d'Ukraine, ed. Rouen, 1660, p. 41).

¹) Новгородская летопись дѣлаетъ по поводу смерти Юрия Всеолодовича, можетъ быть—указывая только на ходившій въ Новгородѣ сплетни, загадочное замѣченіе: „Богъ же вѣсть, како скончася, много бо глаголють о немъ ииїп“.

²) Мѣсто это въ настоящее время неизвѣстно; считаются вѣроятнымъ видѣть въ немъ нынѣшній городъ Крестцы (находящійся въ 79-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Новгорода).

покрыть себя доблестной славой за всю русскую землю, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, на стыдъ нашемъ князьямъ, что при большемъ съ ихъ стороны мужествѣ и патріотическомъ одушевлении Татары не владѣли бы русской землей. Козельскъ имѣлъ въ то время своего удѣльнаго князя, по имени Василія, неизвѣстно чьего сына и потомка¹⁾); но князь былъ весьма молодъ. Не смотря на это, жители города рѣшились биться съ Татарами и положить за него свой животъ. Имѣя свою защиту, иѣть сомнѣнія, ничтожныя сравнительно укрѣщенія, они такъ мужественно выдерживали осаду, что послѣдняя продолжалась цѣлую семью недѣль. Когда наконецъ Татары разбили городскую стѣну и взошли на вѣху, козельцы рѣзались съ ними ножами и, напавъ на самый ихъ станъ, перерѣзали четыре тысячи человѣкъ, пока сами не были все до одного перебиты. Осада Козельска оставила по себѣ такую страшную память у Татаръ, что, по словамъ лѣтописца, они не смѣли потомъ называть его Козельскомъ, но называли злымъ городомъ.

Опустошеніе Руси, пройденной полчищами монгольскими, должно быть представляемо какъ самое ужасное. Въ то время и всеѣ европейскіе народы вели войны совершение новаварски; но естественно, что настоящіе варвары, родичи Гунновъ и Неченѣgovъ, каковы были Монголы, должны были значительно превосходить въ семъ отношеніи европейцевъ. Страшное опустошеніе и совершение разрушеніе городовъ и селений, безпощадное и совсѣмъ злѣрское избѣженіе не успѣвавшихъ спасаться отъ нихъ жителей,—иногда за исключеніемъ тѣхъ, которые отбирались въ рабство, иногда же и совершение ноголовное, вотъ то, въ чемъ Монголы полагали свою военную славу и свое рыцарство и въ чемъ они находили свое дикое услажденіе и веселіе. Такъ вели войны самъ Чингисъ-хань; такъ вели ихъ и его дѣти и внуки. Монголы завоевали міръ, чтобы владѣть имъ, и въ то же время они такъ безпощадно опустошали его, что какъ будто хотѣли владѣть пустынями²⁾. Проходъ Монголовъ по сѣверной Россіи безъ всякаго преуве-

¹⁾ Можетъ быть, сына того Мстислава, который, будучи называемъ въ Ипатской лѣтописи козельскимъ и черниговскимъ, погибъ съ сыномъ въ калкинской битѣ.

²⁾ Въ объясненіе ужасныхъ убийствъ, которыхъ производили Монголы въ покоренныхъ ими городахъ и порабощенныхъ земляхъ, ссылаются на то, что они считали себѣ посланными Богомъ завоевать міръ и что противившихся имъ они хотѣли наказывать какъ противившихся волѣ Божіей. Но весьма нерѣдко они безпощаднымъ образомъ избивали жителей и тѣхъ городовъ, которые, положивши на нихъ обѣщаніе пошады въ случаѣ покорности, сдавались имъ добровольно.

личеній долженъ быть уподобленъ страшному тропическому урагану, который все сокращаетъ и уничтожаетъ на своемъ пути: города и селенія были выжжены и представляли груды пепла; на пепелищахъ и кругомъ пепелица валилось безчисленное множество человѣческихъ труповъ. Къ счастію, Монголы имѣли то сходство съ ураганомъ, что проносились такъ же быстро, какъ онъ, такъ что по крайней мѣрѣ остававшіеся въ живыхъ скоро должны были освобождаться отъ своихъ ужасовъ: немалую дугу, которую описали Монголы по Россіи, они прошли не болѣе какъ въ продолженіе пяти-шести мѣсяцевъ¹⁾.

Изъ опустошенной Россіи Батый вышелъ въ степь половечскую, въ которой и рѣшилъ утвердить свое постоянное пребываніе вмѣсто стени киргизской. Въ продолженіе 1238-го года, начиная съ лѣта, и въ продолженіе стѣдующаго 1239-го года до зимы его орда была и прогоняла Половцевъ, чтобы очистить просторъ себѣ, осматривалась и устраивалась на новомъ мѣстѣ жительства и отдыхала отъ совершиеннаго похода.

Зимой 1239-го года Батый возобновилъ свои завоеванія и вмѣстѣ с опустошениемъ. Два отряда, посланные имъ на сѣверо-западъ, взяли и обратили въ пепель Переяславль и Черниговъ; отрядъ, посланный на сѣверъ, взялъ землю мордовскую, города Муромъ и Городовецъ и опустошилъ область по нижней Клязьмѣ. Возобновленіе Татарами военныхъ дѣйствий навело на Русскихъ такой панический страхъ, что, по словамъ лѣтописца, въ 1239-мъ году «быть пополохъ золь по всей земли, (такъ что) и сами не вѣдаху, и гдѣ хто бѣжитъ». Послѣ Переяславля и Чернигова дошла очередь и до старинной столицы Руси, задѣбрьковскаго Кіева. Предводитель отряда, посланного для взятія Чернигова, спустился отъ Чернигова къ Кіеву и подошелъ къ нему съ этой стороны Днѣпра. Надѣясь взять Кіевъ лестію, онъ отправилъ

¹⁾ Чтобы составить себѣ надлежащее понятіе о всей ужасности монгольскихъ нашествій, нужно читать не однихъ нашихъ лѣтописцевъ, которымъ не подъ силу было рисовать сколько-нибудь живыя картины ужасовъ, но еще восточныхъ и западно-европейскихъ (наши лѣтописцы изъ немногихъ и нисколько искартиныхъ рѣчахъ своихъ о неистовствахъ Монголовъ главнымъ образомъ обращаютъ вниманіе на то, что послѣдніе при избѣженіи или забираніи въ рабство жителей не дѣлали исключеній для черицовъ и черниговицъ, для поповъ и попадей). Вирочемъ, и у насъ есть одинъ писатель не изъ числа лѣтописцевъ, рисующій до некоторой степени помянутыя живыя картины; это—Серапионъ Владимирскій, дающій ихъ намъ въ своихъ поученіяхъ).—По легенду о св. Меркурии Смоленскомъ Татары проходили мимо Смоленска во второй половинѣ Ноібра; по необходимо думать, что это было гораздо раньше,—около половины Аврѣля.

пословъ къ сидѣвшему тогда въ Кіевѣ черниговскому князю Михаилу Всеволодовичу, вѣроятно, съ предложеніемъ, что городъ будетъ пощаженъ, если сдастся добровольно; но Михаилъ отвѣчалъ тѣмъ, что приказатъ умертвить пословъ. Донесеніе Батыю его предводителя, видѣвшаго «красоту и величество» старшей русской столицы, а также и ея сравнительно сильныя укрѣпленія, которыхъ съ этой стороны Днѣпра должны были казаться еще болѣе сильными, такъ какъ съ рѣки городъ на высокой горѣ, вѣроятно, гласило, что для овладѣнія Кіевомъ требуется вся рать монгольская, а не отдаленный отрядъ. Зимой слѣдующаго 1240-го года Батый, вообще рѣшившисъ володновитъ завоеваніе Европы, пошелъ на Кіевъ со всѣми своими полчищами. Между тѣмъ въ Кіевѣ успѣли сѣниться три князя: Михаила Всеволодовича выгнать Ростиславъ Мстиславичъ смоленскій, а Ростислава—Данила Романовичъ галицкій; этотъ послѣдній, не переселяясь въ Кіевъ самъ, а только присоединивъ его къ своему княженію, посадилъ въ немъ для обороны отъ Татаръ своего боярина Димитрия. Войско, приведенное Батыемъ подъ Кіевъ, было такъ многочисленно, что, по словамъ лѣтописца, отъ скрипѣнія телѣгъ обоза, отъ ревѣнія верблюдовъ и отъ ржанія стадъ конскихъ нельзя было слышать голоса человѣческаго. Но всѣ продолжительной осады, при чемъ пороки или стѣнобитная машина осаждающихъ, составлявшія тогданиную артиллерию, были стѣны города день и ночь, Кіевъ быть взятъ 6-го Декабря, въ Николинъ день¹⁾. Отъ Кіева, который быть разграбленъ и выжженъ, а жители которого подверглись страшному избиенію²⁾, Батый направился въ область волынско-галицкую; взялъ большую часть ея городовъ, изъ томъ числь столицъ Владимиръ и Галичъ, и опустошилъ область также безпощадно и ужасно, какъ и сузdalево-ростовскую³⁾. Отъ Га-

¹⁾ Сколько долго продолжалась осада Кіева, наши лѣтописи не говорятъ; но Илано-Карпини говоритъ, что она была продолжительная,—отдѣла извѣстій въ его сочиненіи о Татарахъ статья V.

²⁾ Лаврентьевск. лѣтоп.: „а люди отъ мала и до велика вси убиша мечемъ“. О страшномъ избиеніи свидѣтельствуетъ и Илано-Карпини, ibid..

³⁾ Когда князья галицко-волынскіе Даниилъ и Василько Романовичи, во время опустошений ихъ области Батыемъ находившіеся въ Венгріи и Польшѣ, возвратились изъ посѣдней домой и пришли къ Берестью,—нынѣшнему Бресту-Литовску, то, по словамъ лѣтописца, „не возмогша ити (да же) въ поле смрада ради множества избѣгнувшихъ, не бѣ бо,—говорить лѣтописецъ,—на Володимѣрѣ не осталъ живый, церкви святой Богородицы исполнена трупья, иныхъ церкви наполнена быва трупія и тѣлесъ мертвыхъ“ (Шлатк., 2 изд. стр. 524).

лича въ Галиції Батый двинулся въ западную Европу. Онъ раздѣлилъ свою армію на двѣ половины: съ одною самъ пошель въ Венгрию чрезъ Карпаты, а другую послать въ Польшу. Первая армія занималась разгромомъ Венгрии, при чемъ ея передовые отряды доходили до стѣнъ Вѣны въ Австріи, а отдѣленный отъ нея корпукъ, посланный преслѣдоватъ искавшаго спасенія въ бѣгствѣ венгерскаго короля, достигать на югѣ до самаго Адриатическаго моря въ Далматіи. Вторая армія прошла Польшу, Силезію, Моравію и изъ послѣдней новоротила въ Венгрию на соединеніе съ самимъ Батыемъ. Двинувшись изъ Венгрии назадъ, Татары держали свой обратный путь частію чрезъ Трансильванию и Молдавію (самъ Батый), частію черезъ Боснію, Сербію, Болгарію и Молдавію (корпукъ, посланный для преслѣдованія венгерскаго короля). Мысль о подчиненіи себѣ западной Европы Батый долженъ быть оставить. Но его проходъ по ней былъ тѣмъ же ужаснымъ ураганомъ, чтѣ и въ нашей Россіи.

Возвратившись изъ западной Европы въ степь половецкую въ 1242-мъ году¹⁾ и утвердивъ свое пребываніе на восточномъ краю ея, на берегахъ Волги, близъ границы съ степью азіатскою, Батый началъ свое господствованіе надъ Россіей. Въ томъ же 1242-мъ году пошли къ нему князья русскіе для изъявленія ему своей покорности и для получения отъ него утверждения на своихъ престолахъ. Съ береговъ Волги князья должны были предпринимать страшно далекія и страшно трудныя путешествія въ Харахоринъ или Каракорумъ для поклоненія великому хану. Это послѣднее продолжалось вирочемъ не долго. Четвертый великий ханъ (послѣ самого Чингисъ-хана) Хубилай или Кублай²⁾, избранный въ 1260-мъ году, покорилъ весь Китай (въ 1279-мъ году), сдѣлался императоромъ Китайскимъ и переселился изъ Харахорина въ Пекінъ; чрезъ это прекратилось существованіе великаго ханата и тетрархіи, установленной Чингисъ-ханомъ³⁾. Въ самой Рос-

¹⁾ По Шатской летописи, Батый возвратился изъ западной Европы въ 1243-мъ году; но болѣе надежная относительна хронология летописи Новгородской, которой следуютъ и другія сѣверные летописи, говорить, что, возвратившись изъ западной Европы, Батый позвалъ къ себѣ вел. кн. Ярослава Всеволодовича въ 1242-мъ году.

²⁾ Между Оготаемъ и Хубилаемъ два промежуточныхъ великихъ ханы были: Гуюкъ или Куюкъ и Мангутъ или Менгу (Монгэ).

³⁾ Въ русскомъ языке есть слово харахориться, что значитъ неумѣренно величаться, сипникомъ ломаться. Подозрѣвается памъ, что слово — отъ названія столицы великихъ хановъ Харахорина и что оно введено въ русскій языкъ на-

сіи, для завѣдыванія ю, какъ страною вассальною, а премущественно для сбора податей и пошлинъ съ ея населенія, явились ханскіе намѣстники, называвшіеся баскаками.

ишиими князьями, бѣдившими въ Харахориѣ, съ того повода, что великие ханы слишкомъ величались надъ ними или что имъ приходилось слишкомъ унижаться предъ ханами. Великие ханы носили титулъ „каановъ“, чтò толкуется—ханъ надъ ханами (и чтò, вѣроятно, есть особое произошеніе титула хаканъ или каганъ, тогда какъ ханъ есть сокращеніе послѣдняго). Въ нашихъ лѣтописяхъ великие ханы называются канами, а о поѣздкахъ въ имъ князей кроме выраженій: поѣхать къ канови, прѣѣхать изъ кановы земли, употребляются еще выраженія: поѣхать къ кановичемъ, прѣѣхать отъ кановичъ, что должно быть понимаемо въ смыслѣ: поѣхать къ наследникамъ Чингисъ-хана въ качествѣ великихъ хановъ, ибо и самъ Чингисъ-ханъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ каномъ. Батый подъ конецъ своего правленія, вѣроятно, въ 1253-мъ году, построилъ для своего преображенія городъ Серай или Сараѣ (что значитъ дворецъ), который долженъ быть полагаемъ на нижней Ахтубѣ, на мѣстѣ нынѣшняго селенія Селитряный городокъ, находящагося въ 110-ти верстахъ отъ Астрахани (а послѣ построенъ былъ новый Сараѣ, который долженъ быть полагаемъ на верхней Ахтубѣ, на мѣстѣ нынѣшняго города Царева и который называется въ лѣтописяхъ Сараемъ великимъ,—Собр. лѣтт. VI, 194). Орда Батыева, владѣвшая Русью, называлась улусомъ Джучиевымъ отъ отца Батыева, улусомъ кинчакскимъ и ордой кинчакской отъ мѣстности, ордой сарайской отъ города Сарая и золотой ордой отъ ханской палатки. Орда собственно значить лагерь, состоящій изъ того или другого количества палатокъ (а отсюда и цѣлый кочевой народъ, живущій въ палаткахъ), но еще это название употреблялось, какъ многозначно даетъ знать Илано-Карпини, о палатахъ хановъ и вѣльможъ (потому, вѣроятно, что около собственно ихъ палатокъ стояли цѣлые лагеря, орды, палатокъ ихъ прислузы). Палатка хановъ называлась золотой ордой, какъ даетъ знать тотъ же Илано Карпини, потому что она ставилась на неистахъ, покрытыхъ золотыми листами (а можетъ быть и потому также, что у Монголовъ энитетъ „золотой“ употреблялся о ханахъ въ соотвѣтствіе европейскому энитету августейший).—Наконецъ, о національности кинчакской или Батыевої орды должно быть сказано, что она была собственно не монгольская или татарская, а тюркская, такъ что и остающіеся отъ неї до настоящаго времени наши Татары представляютъ собою не Монголовъ или Татарь, а Тюрковъ (народная группа которыхъ, имѣющая въ Азіи главными своими представителями Туркменовъ, а въ Европѣ представляема Турками османисами, принадлежитъ къ тому же урало-алтайскому семейству, чтò и Монголы, и есть ближайшая въ немъ къ послѣднимъ). Это случилось такимъ образомъ, что Батый привезъ собою въ Европу для ея заноеванія погища не коренныхъ Монголовъ, а покоренныхъ въ восточномъ Кипчакѣ Тюрковъ (поминутыхъ Туркменовъ и Киргизовъ) и что настоящіе Монголы были только во главѣ погищъ, въ качествѣ начальниковъ.

Поработивъ своему игу русскую землю и ставъ ея верховными господами въ отношении государственномъ, Татары вмѣстѣ съ тѣмъ стали ея верховными господами и въ отношении церковномъ. Они могли принуждать Русскихъ къ принятию ихъ вѣры, и именно—принуждать или весь народъ, или по крайней мѣрѣ князей съ высшимъ сословиемъ боярскимъ. Не принуждая никого къ перемѣнѣ вѣры, они могли ограничить гражданскія права нашего духовенства, или совсѣмъ отнять ихъ у него. Вообще, будучи народомъ иночѣрнымъ, они могли стать большими или меньшими врагами нашей русской (православно-христіанской) вѣры по отношению къ ней самой и къ ея представителямъ. Въ какій же отношеніи стали Татары къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству?

По прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны на минуту воротиться назадъ, чтобы сказать о поведеніи и обѣ участіи нашего духовенства во время поработительного нашествія Татаръ и также о томъ, какія бѣдствія потерпѣла отъ нихъ во время этого нашествія собственno церкви.

Если полагать, что обязанность вышаго духовенства,—епископовъ съ соборами и гумановъ, долженствовала при данныхъ обстоятельствахъ состоять въ томъ, чтобы одушевлять князей и всѣхъ гражданъ къ мужественному сопротивленію врагамъ для защиты своей земли: то лѣтописи не даютъ намъ права сказать, чтобы епископы наши оказались на высотѣ своего призванія,—они не говорятъ намъ, чтобы, при всеобщей паникѣ и растерянности, раздавался по странѣ этотъ одушевляющій святительскій голосъ. Что касается до поведенія тѣхъ епископовъ, каѳедральные города которыхъ взяты были Татарами, то, не давая намъ свѣдѣній обо всѣхъ ихъ и ограничиваясь только иѣкоторыми изъ нихъ, лѣтописи сообщаютъ намъ, что одни изъ этихъ иѣкоторыхъ епископовъ оставались въ своихъ городахъ въ минуту взятія ихъ Татарами, чтобы потерпѣть отъ послѣднихъ смерть наравицъ съ пручими, или чтобы получить отъ нихъ пощаду жизни, и что другіе спасались отъ нихъ чрезъ удаленіе изъ своихъ городовъ въ безо опаснія мѣста. Епископъ рязанскій, неизвѣстный по имени, съ каѳедральнаго города котораго начали Татары, сдѣлалъ второе пами указанное: а епископа, говорятъ лѣтописи, ублюде Богъ, отъѣха проче (прочь, вонъ изъ города) въ той годъ (въ то время), егда рать останніи градъ¹⁾. Епископъ владимирскій Митрофанъ оставался во Владимирѣ и погибъ въ своей соборной церкви отъ огня или меча вмѣстѣ со всѣми другими, которые затворились было съ нимъ въ ней¹⁾). Епископъ ростов-

¹⁾ Ипатская лѣтопись утверждаетъ о Митрофанѣ, что онъ воодушевлялъ князей и гражданъ къ сопротивленію Татарамъ. Но при молчаніи о семъ Лаврентьев-

скій Кирилль поступиши подобно епископу рязанскому, «избывъ» Татаръ на Бѣлоозерѣ. Епископы переславскій Сумеонъ и черниговскій Порфирий оставались въ своихъ городахъ, при чемъ первый изъ нихъ бытъ убитъ, а второй остался въ живыхъ и оставленъ былъ на свободѣ. Прочие епископскіе города, взятые Татарами, были: митрополичій Кіевъ, Бѣлогородъ, Юрьевъ, Владимиръ Волынскій, Галичъ и, вѣроятно, Переяславль. Митрополита Іосифа, прибывшаго изъ Греціи на Русь въ 1237-мъ году, т.-е. въ самыій годъ нашествія Татаръ на владимирскую часть ея, мы не находимъ у насъ постѣ взятія Татарами Кіева и изъ двухъ предположений, что или онъ убитъ бытъ при взятіи города, или предъ его взятіемъ удалился домой въ Грецію, за наиболѣе вѣроятное должно быть признано второе. Что стало съ епископами бѣлогородскимъ, юрьевскимъ и владимиро-волынскимъ, остается неизвѣстнымъ; а епископовъ галичскаго и переяславского мы находимъ живыми постѣ взятія Татарами ихъ городовъ. Поведеніе тѣхъ епископовъ, которые оставались въ своихъ городахъ, чтобы изгѣбать или только ожидать смерти имѣеть съ своими наставами, конечно, должно быть признано болѣе доблестнымъ, чѣмъ пондѣніе тѣхъ епископовъ, которые удалились въ безопасный мѣста. Но, съ другой стороны, нужно имѣть въ виду и то, что избѣженіе Татарами многихъ епископовъ оказалось бы звѣсма бѣдственнымъ для общества въ церковномъ отношеніи. Если бы, напримѣръ, имѣеть съ епископомъ владимирскимъ бытъ убить и епископъ ростовскій, тогда откуда стала бы братъ священниковъ цѣлая обширная область?

Представители нынѣшаго приходскаго духовенства—священники и діаконы взятыхъ и разграбленныхъ Татарами городовъ и селений и монахи съ монастырями находившихся въ нихъ монастырей подвергались одинаковой участіи съ мѣрнями, т.-е. или были избиваемы, или уводимы въ плѣнь. О Рязани лѣтоини говорить: «изяна градъ Резанъ и пожгона весь и князя ихъ Юрья убина и княгиню его, а иныхъ же емне мужей и жены и дѣти и чѣрница и черницъ и ерея—овыхъ расѣкаху мечи, а другихъ стрѣлами стрѣляху, ты (тѣхъ, иныхъ) въ огнь вметаху, иныхъ имающе вязаху (и груди вырѣзываху, и колѣвь выимаху, а съ иныхъ кожи одираху, а иныхъ икры и щеки за ногти біяху)¹⁾ и поруганіе чѣрницамъ и поцаляемъ и добрымъ женамъ и дѣ-

скѣй лѣтоини представляется гораздо вѣроятнѣшимъ показаніе лѣтоини Новгородской, что при первомъ же взглядѣ на татарскія похищена, обступившая Владимиръ, епископъ вмѣсть съ князьями признала, «яко уже взяту быти граду».

¹⁾ Слова, поставленный въ скобахъ,—изъ сводной повѣсти о разореніи Ба-

вищамъ предъ матерми и сестрами (чиияху). О Суздалѣ лѣтопись говорить: «черници и черници старыя и попы (старые) и (люди) слѣпныи и хромыи и слукаи и трудоватыи и люди все (старыя) изсѣкона, а что чернецъ уныхъ и черница и поповъ и пошади (уныхъ) и дьяконы и жены ихъ и дчери и сыны ихъ (и иные уные люди всѣ)»—то все ведоша въ станы своя ¹⁾. О Владимирѣ лѣтопись говоритъ: «(убьены и поплѣнены были) игумени и черници и черници и попы и дьяконы, отъ уного до старца и сесущаго младенца, и та вся иссѣкона (и поплѣниша), овы убивающе, овы же ведуще босы и безноговены въ станы своя, изыхающи мразомъ». О Торжкѣ лѣтопись говоритъ: «и тако поганіи взяша градъ и изсѣкоша все отъ мужъска полу и до женъска, іерейскими чинъ все и черноризъскими, а все изъбиажено и поругано»...

Что касается до бѣдствій церкви помимо избіенія и пѣненія священниковъ и монаховъ, то Татарами было уничтожено великое множество храмовъ и монастырей. Какъ должно думать, они не уничтожали намѣреннымъ образомъ однихъ и другихъ, подвергая только тѣ и другіе, и особенно вторые, своему разграбленію ²⁾; но при сожжении ими городовъ и селений тѣ и другіе погибали вмѣстѣ съ человѣческими жилищами. При этомъ, относительно храмовъ чувствительность бѣдствія состояла не столько въ ихъ собственной погибели, сколько въ погибели ихъ молитвенныхъ принадлежностей, ихъ богослужебной утвари и ихъ богослужебныхъ книгъ: самые храмы (подразумѣвается—деревянные) безъ особеннаго труда могли быть построены вновь, но пріобрѣтеніе принадлежностей и утвари, въ особенности же пріобрѣтеніе богослужебныхъ книгъ, было въ то время дѣломъ чрезвычайно труднымъ.

тыемъ Рязани, напечатанной И. И. Срезневскимъ въ Свѣдѣніяхъ и замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, № XXXIX, стр. 79.

¹⁾ Нѣсколько дополнемъ и поправлемъ лѣтопись,—Лаврентьевскую, на основаніи выше читаемаго въ ней мѣста, которымъ она буквально пользуется въ настоящемъ случаѣ, именно—мѣста подъ 1203-мъ годомъ.

²⁾ Изъ церквей знаменитыхъ и вмѣстѣ богатыхъ были разграблены Татарами, по показанию лѣтописей, соборы: суздальский, владимирский, переславль южнаго и кievский Софійский. О разграбленіи владимирского собора лѣтопись говоритъ: «святую Богородицу разграбиша, чюдную икону [Владимирской Божіей Матери] одраша, украшену златомъ и серебромъ и каменемъ драгымъ, и и (иные) иконы одраша, а иные изсѣкоша, а ивы поимаша, и кресты честныи и ссуды священныи и книги одраша, и порты блаженыхъ первыхъ князій, еже бяху по вѣшали въ церквахъ святыхъ на память собѣ, то же все положиша собѣ въ полонъ». Что касается до монастырей, то лѣтописи говорятъ, что Татары разграбили ихъ все—въ Москвѣ (?), Суздалѣ, Владимирѣ и Кіевѣ.

Возвращаемся къ нашему вопросу: въ какія отношенія стали Татары къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству вслѣдь за порабощеніемъ ихъ страны.

По окончаніи самого порабощенія, въ продолженіе котораго, какъ времени войны, церковь не составила исключенія и подверглась совершенно такимъ же ужаснымъ бѣствіямъ, какъ и государство, Татары стали къ вѣрѣ и къ духовенству Русскихъ въ отношенія самой полной терпимости и самаго полнаго благопріятствованія. Ни цѣлый народъ, ни кого бы то ни было въ отдѣльности, они вовсе не прииждали къ перемѣнѣ вѣры; за духовенствомъ наимѣнѣ они вполнѣ признали его существованія гражданскія права. Такимъ образомъ, этотъ бичъ Божій, обрушившися на наше отечество, не явился по крайней мѣрѣ бичемъ для церкви, т.-е. не явился бичемъ для послѣдней по крайней мѣрѣ со стороны ея нынѣшней свободы и виѣннаго положенія.

Татары стали въ отношенія полной и совершенней терпимости къ вѣрѣ Русскихъ не потому, чтобы они хотѣли сдѣлать исключение имѣнію для нихъ, а потому, что въ такія отношенія они становились къ вѣрамъ всѣхъ покоренныхъ ими народовъ,—потому, что полная вѣротерпимость была общимъ ихъ правиломъ въ приложении ко всѣмъ.

Причинъ этой полной вѣротерпимости Татаръ было несколько.

Первою причиной было то, что они были язычники. Мы уже говорили прежде¹⁾, что язычники не смотрятъ на свои вѣры, которыхъ держатся, какъ на религії единственно истинныя, но что все вѣры, сколько ихъ ни видятъ у людей, они считаютъ религіями одинаково истинными, ведущими начало отъ одного и того же Бога, и только различными по различию людей. На этомъ основаніи вѣротерпимость язычниковъ есть то, чтѣ вытекаетъ изъ существа ихъ воззрѣй на вѣры. Какихъ воззрѣй держатся всѣ язычники, такихъ же должны были держаться и Татары; а отсюда, подобно всѣмъ другимъ язычникамъ, они принципіально долженствовали быть терпимыми. Что Татары не уклонились въ своихъ воззрѣйахъ на вѣры отъ всѣхъ другихъ язычниковъ,—каковое уклоненіе было бы дѣломъ необъяснимымъ,—на это мы имѣемъ положительныи свидѣтельства, принадлежащія имъ самимъ. Когда монахъ Рубруквисъ, ходившій къ великому хану Каракорумскому Мангу отъ французскаго короля Людовика Святаго²⁾,

¹⁾ И т 2-я полов., стрр. 75 и 79.

²⁾ Вильгельмъ Рубруквисъ (Руисбрѣкъ, Рубрукъ), французскій монахъ францисканскаго ордена (мінерітъ), былъ посланъ Людовикомъ Святымъ изъ Сиріи.

убѣждать хана принять христианство, последний отвѣчалъ: «мы Монголы вѣруемъ, что есть единый (для всѣхъ народовъ) Богъ, которымъ мы живемъ и которымъ умираемъ, и къ Нему мы имѣемъ правое сердце; но какъ Богъ дать рукѣ многіе пальцы, такъ дать людямъ многіе пути (спасенія: *sed sicut Deus dedit manui diversos digitos, ita dedit hominibus diversas vias*); вамъ дать Богъ писанія и вы христиане не храните ихъ, а намъ дать волхвовъ (*divinatores*) и мы дѣлаемъ все, чтѣ они приказываютъ намъ, и живемъ иль мирѣ» ¹⁾.

Второю причиной полной вѣротерпимости Монголовъ были побужденія политическія. Темучинъ объявлять и имѣтъ признавать себя за человѣка, предназначенаго Богомъ покорить весь міръ, чтобы образовать изъ него одно всемірное государство. Но въ мірѣ существуютъ многія вѣры и дѣлать людямъ наслѣдѣ въ семъ отношеній значило бы возбуждать противъ себя ихъ вражду. Всё же желая дѣлать этого наслѣдія уже по своимъ принципамъ религиознымъ, Темучинъ, по побужденіямъ политическімъ, объявилъ полную и совершиенную вѣротерпимость, съ одинаковымъ покровительствомъ со стороны верховной власти всѣмъ вѣрамъ, какъ основной законъ своего государства. Соединивъ всѣ монгольскія племена въ одно цѣлое и принявъ титулъ Чингисъ-хана или императора, онъ, прежде чѣмъ обращаться къ дальнѣйшему завоеванию міра, обнародовалъ книгу государственныхъ законовъ подъ наименіемъ Иса (Исаакъ), что значитъ запреты ²⁾. Въ этой Иса, предписанія кото-

---

гдѣ находился король для крестовой войны съ Сарацинами, къ сыну Батыеву Сартаку, съ цѣлю проповѣди христианства между Татарами, по тому поводу, что ему — королю ложно было донесено, будто Сартакъ принялъ христианство. Отправленный Сартакомъ къ Батыю, а Батыемъ къ Мангу, Рубруквісь прибылъ къ двору великаго хана 27-го Декабря 1263-го года и послѣ пятимѣсячного пребыванія отпущенъ былъ имъ въ обратный путь въ Іоинъ 1264-го года. Несколько позже изданіе его сочиненія „Путешествіе на Востокъ“ (*Voyage en Orient*) въ *Recueil de voyages et de nesmoiges* парижского Географического общества, т. IV. Не имѣя у себѣ этого изданія, мы пользовались сочиненіемъ отчасти по старому изданію Бержерона, отчасти черезъ вторыя разныя руки (подробное извлеченіе между прочимъ у *D'Ossoa* въ *Histoire des Mongoles*, II, 283 sqq.).

¹⁾ О совершенной вѣротерпимости язычниковъ-шаманистовъ, каковыми были Татары до принятія магометанства, въ настоящее время см. „Китай въ гражданскомъ и нравственномъ состояніи“ монаха *Iакинеа*, IV, 55 ff.. Изъ язычниковъ, современныхъ Монголамъ и по мѣсту близкихъ къ нашей Руси, убѣдительный примѣръ вѣротерпимости представляютъ Литовцы.

²⁾ См. обѣ Иса у *Гаммера* въ *Geschichte d. gold. Horde*, S. 148, также у *Григор'ева* въ диссертациѣ „О достовѣрности ирлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству“, стр. 35 sqq.

рой должны были быть безусловно обязательными для его преемниковъ подъ страхомъ лишения престола и пожизненнаго заключенія (чтѣдѣйствительно бывало) и на которую Монголы дѣйствительно смотрѣли какъ на своего рода евангеліе или коранъ¹⁾, сдѣлали нарочитое узаконеніе о томъ, что всѣ вѣры, безъ различія ихъ смихъ и содержащихъ ихъ народовъ, должны быть терпимы и что служители всѣхъ вѣръ, равно какъ врачи и ищицѣ, ученые и подвижники, молитвосозыватели и гробохранители, должны быть освобождены отъ всякихъ по-датей и налоговъ²⁾. Преемники Чингисъ-хана, побуждаемые политикой, не только оказывали полную терпимость всѣмъ вѣрамъ, но старались вести себя такъ, чтобы послѣдователи каждой вѣры считали ихъ болѣе наклонными къ своему исповѣданію. Тотъ же Рубруквистъ, котораго мы привели сейчасъ выше, пишетъ о томъ же великому хану Мангу: «у него въ обычай, чтобы въ тѣ дни, въ которые его волхвы назначать быть праздникамъ, или на которые, какъ на праздники, указываютъ ему священники несторіанскіе (о сихъ священникахъ ниже), приходили къ нему сначала священники христіанскіе въ своемъ облаченіи и молились за него и благословляли его кубокъ (вина), чтобы по удаленіи ихъ приходили священники (мұллы) сарацинскіе и дѣлали то же и чтобы постѣ сихъ приходили священники (жрецы) языческіе и дѣлали (опять) тоже. И говорилъ мифъ,—продолжаетъ Рубруквистъ,—монахъ (несторіанскій, находившийся при дворѣ великаго хана), что вѣрить (ханъ) только христіанамъ, хотя желаетъ, чтобы всѣ молились за него. Но онъ (монахъ),—прибавляетъ Рубруквистъ,—обманывался, потому что (ханъ) никому не вѣрить (не держится ни чьей вѣры)..., всѣ слѣдуютъ за дворомъ его, какъ мухи за медомъ, и всѣмъ (онъ) даетъ (оказываетъ благоволеніе), и всѣ думаютъ, что онъ есть именно ихъ особенный покровитель, и всѣ предрекаютъ ему благополучіе».

Третью причину сонерпенійной вѣротерпимости Монголовъ и ихъ усерднаго покровительства всѣмъ вѣрамъ составляло то, что они были народъ крайне и до послѣдней степени суевѣрный. На своихъ языческихъ волхвовъ или кудесникахъ (шаманахъ) они смотрѣли какъ на

¹⁾ Арабскій историкъ конца XIV—первой половины XV вѣка Макрази говоритъ: „для погонковъ Чингисъ-хана Яса была не нарушимы закономъ. отъ постановлений котораго они никогда ни въ чемъ не отступали..: они столь же строго исполняли повелѣнія Яса, какъ первые мусульмане слѣдовали предписанному кораномъ”... См. Исторію Монголовъ съ древѣйшихъ временъ до Тамерлана, переводъ съ персидскаго (изъ Хондемира) Григор'ева, Спб., 1834, прям. 93.

²⁾ У Гаммера ibid. S. 190.

людей, которые обладают чудесами даромъ отвращать отъ людей несчастія и вмѣстѣ насыпать на нихъ постыднія. Какъ смотрѣли они на своихъ волхвовъ, представлявшихъ собою служителей ихъ вѣры, такъ смотрѣли они на служителей и всѣхъ другихъ вѣръ. Своихъ волхвовъ Монголы, съ одной стороны, весьма боялись, опасаясь отъ нихъ несчастій; а съ другой—весьма почитали, надѣясь посредствомъ ихъ чудеснаго дара быть въ своихъ дѣлахъ благоуспышими. По той же самой причинѣ они въ такой-же мѣрѣ боялись и почитали служителей и всѣхъ другихъ вѣръ. Стѣдѣствіемъ сего и было то, что они, одинаково теряя всѣ вѣры, усердно почитали, т.-е. собственно старались задабривать, служителей всѣхъ вѣръ и вели себя такъ, что какъ будто принадлежали ко всѣмъ вѣрамъ¹⁾.

Христіанство, составляющее религию единую истинную и открыто выдающее себя за таковую, повидимому, не должно было нравиться ханамъ монгольскимъ своими притязаніями исключительности. Но притязаніямъ христіанства, считая ихъ съ своей точки зренія неосновательными, ханы оказывали, такъ сказать, великодушное снисхожденіе; между тѣмъ были частны историческія обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, начиная со времени самого Чингис-хана, оно должно было, съ одной стороны, стать въ глазахъ Монголовъ особенно высоко, такъ чтобы они имѣли охоту оказывать ему покровительство нарочитое и преимущественное, а съ другой стороны—пріобрѣсть за себя ходатаевъ

¹⁾ Мы привели свидѣтельство Рубруквица, что великий ханъ Мангут велъ себя по отношенію ко всѣмъ вѣрамъ такъ, что какъ будто принадлежалъ къ каждой изъ нихъ. Вотъ такое же свидѣтельство извѣстно Марко-Поло о преемникѣ Мангута, великому ханѣ (потомъ императорѣ Китайскомъ), Хубилай или Кублай: „въ день пасхи, зная, что это одинъ изъ главныхъ христіанскихъ праздниковъ, великий ханъ велѣлъ всѣмъ христіанамъ явиться къ нему и принести съ собою то священное писаніе, въ которомъ заключается четвероевангеліе; окунувъ торжественно ядомъ эту книгу, онъ благородѣйно поцѣловалъ ее; тоже должны были сдѣлать, по его приказанію, и всѣ тутъ бывшіе вельможи: это у него всегдашній обычай при всякомъ большомъ празднике у христіанъ, о Рождествѣ и о Пасхѣ; тоже сблюдалъ онъ и въ праздники Сарацинъ, Жидовъ и изычниковъ; когда спросили его, зачѣмъ онъ дѣлаетъ это, онъ отвѣчалъ: „есть четыре пророка, почитаемые и обожаемые четырьмя разными племенами міра: христіане почитаютъ Иисуса Христа, Сарацины—Магомета, Жиды—Моисея, а у изычниковъ самый высшій богъ Согономбаръ-канъ, а я почитаю всѣхъ четырехъ и молю о помощи себѣ того, кто въ самомъ дѣлѣ выше всѣхъ изъ нихъ...“ Путешествія кн. 2, гл. 2, русскій переводъ Шемякина съ немецкаго (очень хорошаго) изданія Ад. Бюржа въ Членіяхъ Общ. Ист. и Древн. 1861 г. кн. 3.

предъ ханами съ голосомъ весьма сильнымъ и дѣйствительнымъ. Ко времени Чингись-хана христианство существовало въ Монголіи, какъ вѣра, исповѣдуемая нѣкоторыми изъ отдельныхъ, населившихъ ее, народовъ. Это именно—христианство несторіанской секты. Несторіане въ концѣ V вѣка изгнанные изъ предѣловъ греческой имперіи, нашли себѣ убежище въ Персіи, государи которой, изъ политического соперничества съ императорами Константинопольскими, предложили имъ свое усердное покровительство. Поселившись въ Персіи, Несторіане начали вести дѣятельную пропаганду на востокѣ, посыпали своихъ миссіонеровъ во всѣ стороны, и успѣли распространить христианство своей секты въ Индіи, Туркестанѣ, Монголіи и Китаѣ. Въ Монголіи они воздвигли свое христианство у двухъ народовъ: у народа тюркского племени Уйгурівъ, которые жили на сѣверѣ отъ момента выше Тангута, у восточныхъ склоновъ горного хребта Тянъ-Шань, ограничивающаго съ сѣвера такъ-называемый восточный Туркестанъ (города: Хамиль, Турфанъ, Урумчи¹), и у народа собственной монгольской семьи Керантовъ, жившихъ въ сѣверной Монголіи, въ верховыхъ рекъ Селенги и Орхона, съ столицей въ Харахоринѣ или Каракорумѣ, который сдѣлалъ потомъ своей столицей Чингись-ханъ, послѣ покоренія Керантовъ въ 1202—3 году²). Керанты приняли несторіанское христианство въ началѣ XI вѣка³). Когда оно распространилось у Уйгурівъ,—остается неизвестнымъ; но нужно думать, что значительно задолго до Керантовъ, приблизительно вѣкъ въ IX—VIII, если не въ VII⁴). Несторіане ввели у Уйгурівъ свою сиркскую албугу (на подобіе того, какъ Константінъ философъ ввелъ у Славянъ албугу греческую, приспособивъ ее къ славянскому языку), и чрезъ это не только сдѣлали ихъ народомъ грамотнымъ, но и дали имъ возможность стать до нѣкоторой степени народомъ образованнымъ, чтѣ и на самомъ дѣлѣ было. Эти Уйгуры, добровольно поддавшись Чингись-хану въ 1209—10 году, заняли въ тѣлѣѣ обранихъ имъ подъ свою власть народовъ выдающееся положеніе. До Чингись-хана у Монголовъ вовсе не было грамоты; когда онъ создалъ свое обширное государство, оказалась нужда,

¹⁾ K. Риммера Die Erdkunde von Asien, B. I, S. 342 sqq.

²⁾ Ibid. S. 257.

³⁾ Jos. Assemani Bibliotheca Orientalis, T. III, pp. 474 и 483 (у Риммера ibid. S. 288).

⁴⁾ Позднѣйшія сказанія производили христианство Уйгурівъ отъ трехъ вождевъ, приходившихъ на поклоненіе родившемуся Иисусу Христу, которые будто были вождями уйгурскіе.—у Ассем. ibid. pp. 470 и 503.

для целей администрации, въ грамотѣ и людяхъ грамотныхъ; этой нуждѣ удовлетворили Уйгуры, у которыхъ они заимствовали грамоту и которыхъ призвать для занятія мѣстъ въ администраціи, требовавшихъ именности¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, служилое или дворянское сословіе Уйгуроў, представлявшее изъ себѣ людей сравнительно образованныхъ, занило высокое положеніе при дворѣ Чингись-хана, что постоянно оставалось и при его преемникахъ. Не вѣр Уйгуры, игравшіе видную роль при ханахъ монгольскихъ, принадлежали къ христіанству,—были между ними будисты и магометане; но, какъ положительно говорить современныя свидѣтельства, не малое количество ихъ, и въ томъ числѣ знающихъ между ними, было и изъ несторіанскихъ христіанъ²⁾. Естественно, что уваженіе, которымъ пользовались у хановъ ихъ чиновники и сановники изъ числа послѣдователей несторіанства, должно было отразиться во взглядахъ хановъ и на ихъ христіанскую вѣру. Въ то же время и непосредственно о самихъ служителяхъ или духовныхъ несторіанского христіанства ханы должны были составить себѣ мнѣніе какъ о людяхъ, которые должны быть уважаемы ими не менѣе, чѣмъ служители всѣхъ другихъ вѣръ. На всемъ магометанскомъ востокѣ Несторіане славились своимъ знаніемъ врачебного искусства, такъ что лекарями у магометанскихъ государей и князей были по преимуществу они³⁾. Мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній, чтобы это такъ было и въ языческой Монголіи; но, впервыхъ, вѣроятно предполагать это само по себѣ; во вторыхъ, это даютъ знать свѣдѣнія пеиримыя⁴⁾. Между тѣмъ Монголы объединили въ своихъ представленихъ лекарей съ служителями вѣръ, ибо служители ихъ собственной языческой вѣры были вмѣстѣ и лекарями. Этотъ взглядъ на несторіанскихъ духовныхъ, какъ на лучшихъ лекарей, вмѣстѣ съ чѣмъ люди суевѣрные не могли не представить себѣ ихъ и наиболѣе странными колдунаами, долженъ быть имѣть естѣствіемъ то, чтобы ханы оказывали имъ не только одинаковое благоволеніе съ духовными всѣхъ другихъ вѣръ, но и до извѣстной степени особенное,—чтобы они отличали ихъ отъ другихъ. Приведенные нами выше слова Рубруквица о праздничныхъ обычаяхъ

¹⁾ *Rittera Erdkunde von Asien*, Band V. Drittes Buch, Ss. 438 и 589.

²⁾ Армянские историки: *Comitestabularius Armeniae* и Гайтонъ у *Accessio* pp. 470 и 503; Рубруквіцъ, гл. XVII и XXVI.

³⁾ *Rittera Erkunde von Asien*, B. I, S. 285.

⁴⁾ Рубруквіцъ въ одномъ примѣрѣ даетъ знать, что великий ханъ Мангу болѣе довѣрилъ врачебному искусству Несторіанъ, чѣмъ языческихъ волхвовъ,—гл. XXXVIII.

великаго хана Мангу (если дать имъ полную вѣру) показываютъ, что это и на самомъ дѣлѣ было такъ: въ дни праздничные первыми приходили къ великому хану, чтобы молиться о немъ и благословлять его кубокъ, священники христіанскіе, подъ которыми разумѣются именно священники несторіанскіе. Другой западный монахъ, Илано-Карини, Фадившій къ великому хану Гююку отъ нашу Иппокентія IV¹⁾, дасть до иѣкоторой степени знать обѣ отличій, которое оказывалось несторіанскимъ христіанамъ, какъ великими ханами, такъ и всѣми Монголами, когда сообщается, что Гююкъ содержалъ при себѣ христіанскихъ священниковъ, которымъ давать жалованье,—что у него быть и молитвенный домъ предъ большою его палаткою, где церковнослужители всенародно иѣли и отправляли службу въ тѣ же часы, какъ и греческіе христіане, при чемъ находилось бесчисленное множество Татаръ и другихъ народовъ. Второй христіанскій народъ Монголіи Керанты, какъ кажется, не могли производить ил хановъ монгольскихъ благопріятнаго впечатленія относительно христіанства сравнительнымъ процвѣтаниемъ у нихъ просвѣщенія. Но країней мѣрѣ, касательно этого иѣть никакихъ указаний. Но они должны были содѣствовать тому, чтобы ханы стали нарочитыми друзьями христіанства инымъ путемъ. У Керантовъ принялъ его самъ государь²⁾. Когда Чингисъ-ханъ поборолъ ихъ и сдѣлать ихъ государя своимъ вассаломъ, то одну изъ племянницъ послѣдняго онъ взялъ въ жены себѣ, а двухъ—въ жены двумъ своимъ сыновьямъ, и такимъ образомъ, съ одной стороны, между его собственными женами была христіанка, а съ другой стороны—слѣдствиемъ сего

¹⁾ Іоаннъ де-Ілано-Карини, итальянскій монахъ того же францисканскаго ордена, чтѣ и Рубруквисъ, быаъ посыпаемъ нашу Иппокентіемъ къ великому хану Гююку съ тою цѣллю, чтобы отвратить его отъ мысли о завоеваніи Европы и попытаться обратить его въ христіанство. Ждавъ чрезъ нашу Россію, онъ прибылъ къ Гююку 22-го Іюля 1246-го года и поспѣ четырехмѣсячнаго безъ десяти дней пребыванія при немъ, при чемъ видѣлъ торжественное провозглашеніе его великимъ ханомъ, отправился назадъ 13-го Ноября того же года (лучшее изданіе его сочиненій: *Relation des Mongols ou Tatars*—тамъ же, где и Рубруквиса. Есть два русскіе перевода: принадлежащій неизвѣстному А. М., напечатанный въ 1795-мъ году, и Языкова, 1825-го года, читаемый въ 1-мъ тохъ предпринятаго было послѣднімъ изданія: „Собрание путешествий къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XIII, XIV и XV столѣтіяхъ“).

²⁾ Носившій титулъ Ванъ-ханъ, откуда у несторіанскихъ миссіонеровъ явился знаменитый въ средніе вѣка на Западѣ presbyter Iohannes rex (ибо Ванъ, иначе Ованъ, было принято за собственное имя Іоаннъ, а ханъ, катанъ, было принято за одно и то же съ спрѣкимъ катана, чтѣ значить священникъ).

было то, что два последне великие хана, Мангу и Хубилай, были детьми христианки ¹⁾.

Несторианские христиане, конечно, старались внушить ханамъ, что действительная христианская истина только въ ихъ сектѣ. Но если для хановъ истина была одинакова во всѣхъ религіяхъ, то очевидно, что они не могли быть убѣждены къ тому, чтобы полагать различіе между частными исповѣданіями одной религіи.

Оказывая совершиенно полную терпимость ко всѣмъ вѣрамъ, великие ханы монгольские, искренно или притворно и по разсчетамъ, до такой степени оказывали свое благоволеніе христианамъ, что съ трехъ послѣднихъ между ними, Гююкъ, Мангу и Хубилаѣ, составились сказанія, будто они одинъ за другимъ на самомъ дѣлѣ принимали христианство ²⁾.

Съ какою полною терпимостію относились ко всѣмъ вѣрамъ великие ханы каракорумскіе въ продолженіе недолгаго существованія великаго ханата, съ такою же полною терпимостію къ нашей русской вѣрѣ или къ нашему православному христианству относились ханы золотоордынскіе въ продолг. . . всего, очень долгаго, господства ихъ надъ Россіей.

Весьма возможно, однако, что исторія терпимости хановъ золотоордынскихъ къ нашей русской вѣрѣ должна быть раздѣляема на два периода: періодъ терпимости добровольной и періодъ терпимости невольной. Въ первую половину господства надъ Россіей ханы относились съ полною терпимостію къ нашей вѣрѣ по доброй волѣ, потому что хотѣли быть вполнѣ терпимыми; но относительно второй половины можетъ быть предполагаемо и то, что они оставались столько же терпимыми, какъ и прежде, уже не по доброй волѣ, а по необходимости, потому только, что не видѣли возможности быть нетерпимыми. Если

¹⁾ По монгольскому историку конца XIII—начала XIV вѣка Рашидъ-Эддину, Чингисъ-ханъ взялъ изъ четырехъ дочерей брата Ванъ-ханова Ржаканыбо—одну за себя, другую—за старшаго сына Джучи, и третью, послѣднюю матерь Мангу и Хубилаѣ, за младшаго сына Тузи (Полагаютъ, или по крайней мѣрѣ полагали, что Оготай имѣлъ жену христианку и что Гююкъ былъ его сыномъ именно отъ послѣдней, см. у *Ассемани* ibid. pp. 193 и 408. Но изъ Рашидъ-Эддина видно, что это неправда: онъ не говоритъ, чтобы Оготай имѣлъ жену изъ дома Ванъ-ханова, а о матери Гююковой Туракинѣ ясно говорить, что она была изъ племени Меркитовъ, предполагать у котораго христианство не существуетъ никакихъ оснований).

²⁾ У *Ассемани*. ibid. pp. 105 вѣц. и 480.

бы ханы золотоординскіе постоянно оставались язычниками, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сохранять взглядъ на всѣ вѣры, какъ на одинаково истинныя, то они постоянно сохраняли бы и искреннее расположение оказывать терпимость къ вѣрѣ Русскихъ. Но уже третій преемникъ Батыя, наследовавшій ему и всего черезъ два или черезъ три года послѣ его смерти, въ 1257-мъ или 1258-мъ году, ханъ Берке или Беркай (Беркаль) принялъ магометанство. Преемники Берке, умершаго въ 1266-мъ году, до хана Узбека, вступившаго на престолъ въ 1313-мъ году, снова были язычниками; но съ этого Узбека, который опять принялъ магометанство, уже всѣ ханы были магометанами, такъ что магометанство стало ихъ родовою религіей вмѣсто язычества. Магометанство, подобно христіанству, притязаетъ быть религіей единой истинной, а потому магометанамъ столько же естественно быть терпимыми къ другимъ вѣрамъ, сколько, напротивъ, язычникамъ быть терпимыми, тѣмъ болѣе, что магометанство, притязая быть религіей единой истинной, прямо обязываетъ своихъ послѣдователей распространять его посредствомъ насилия. О ханахъ Берке и Узбекѣ, которые одинъ чрезъ промежутокъ послѣ другого впервые принимали магометанство, мы положительно знаемъ, что они хотѣли быть иными терпимыми къ вѣрѣ Русскихъ по доброй волѣ. Это должно быть объяснено отчасти тѣмъ, что они еще не усвоили магометанства до такой степени, чтобы исполниться желанія стать его распространителями, и еще настолько оставались въ своихъ взглѣдахъ монголами-язычниками, чтобы продолжать видѣть во всѣхъ религіяхъ одинаково истинную религию (съ такимъ, вѣроятно, лишь извѣніемъ магометанства, чтобы въ числѣ другихъ истинныхъ религій ставить его на первомъ мѣстѣ); отчасти тѣмъ, что Чингисъ-ханова Яса съ своимъ преднисаніемъ терпимости еще сохранила для нихъ всю свою обязательную силу и что они еще не держали поступать вопреки ся. О двухъ преемникахъ Узбековыхъ, его сынахъ Джанибекѣ или Чанибекѣ и внуку Бердебекѣ, также положительно известно, что они были терпимы по доброй волѣ, каковы терпимость должна быть объяснена или обѣими сейчась указанными причинами, или второю изъ нихъ¹⁾. Но послѣ смерти Бердебека въ

¹⁾ Поздѣйшій монголо-мугаммединскій историкъ дома Чингисъ-ханова Абульгази (ханъ хорасанскій или хивинскій, +1664 г.) утверждаетъ, что Берке, принялъ магометанство, повелѣвъ указомъ, чтобы приняли его новую вѣру и всѣ его подданные,—Родословной исторіи о Татарахъ часть седьмая, глава вторая. Но это неправда. Что Берке отличался полной терпимостью по отношенію къ вѣрѣ Русскихъ и хотѣлъ оказывать ей свое парочитое благоволеніе, это видно изъ того, что въ

1359-мъ году мы продолжали оставаться подъ властю Татаръ еще въ теченіе болѣе чѣмъ ста лѣтъ. Очень возможно то, что преемники Бердібека до самаго конца существованія Орды постоянно оставались плохими магометанами, упорно продолжавшими сохранять въ себѣ прежнихъ индифферентныхъ язычниковъ и вовсе не помышлявшими о какомъ-нибудь распространеніи своего «правоїрія», но не невозможно и то, что они стали искренними и усердными магометанами, вмѣстѣ съ чѣмъ, поставивъ предписанія корана выше предписаній Чингись-хановой Исы, они должны были одушевляться

его правленіе въ 1261-мъ году, по его дозволенію, а гораздо вѣроятнѣе—всѣдѣствіе его требованія, была учреждена русская епископская каѳедра въ его столицѣ Сараѣ. Если мы дадимъ вѣру житію св. Петра, царевича ордынского, въ которомъ разсказывается, что Берке для исцѣленія отъ болѣзни своего сына призывалъ къ себѣ епископа ростовскаго Кирилла (см. житіе въ Правосл. Собесѣди. 1859-го года, ч. 1, стр. 360), то мы будемъ видѣть въ немъ монгола-язычника, который еще вовсе не считаетъ ираниато имъ магометанства за вѣру единую истинную (Не ссылаемся на то, что въ 1257-мъ году женился въ Ордѣ или на дочери или на какой-нибудь близкой родственницѣ Берки ростовскій князь Глѣбъ Васильковичъ, при чёмъ книжнѣ, какъ это необходимо подразумѣвать, было дозволено вреститься, такъ какъ бракъ могъ состояться еще до принятия Беркою магометанства. Если наша лѣтопись говорить о смерти Берке: „умре царь ординскій Беркай и бысть ослаба Руси отъ насилия татарскаго“,—Никон. Ш., 45, то подъ насилиемъ должно разумѣть не насилие въ вѣрѣ со стороны самого Берке, а насилие въ собирaniи податей со стороны откупщиковъ татарскихъ). Свидѣтельствомъ добровольной терпимости хана Узбека служить его ярыкъ св. митр. Петру, а что его терпимость была не только слѣдствіемъ повиновенія Чингись-хановой Иса, но и отсутствіемъ еще въ немъ самому магометанской нетерпимости, это видно изъ того, что онъ выдалъ за московскаго князя Юрия Даниловича сестру свою Кончаву, дозволивъ ей креститься, и что она покровительствовала въ черноморской части своихъ владѣній западнымъ христіанамъ, см. *Карамз. IV, 156 fin.* и *Григорьевъ О достопрѣности ярыковъ*, стр. 50 (Самъ Узбекъ имѣлъ въ числѣ своихъ женъ греческую принцессу—дочь Андроника Младшаго,—*Гаммера Geschichte d. gold. Horde, S. 299*). О добровольной терпимости Чанибека и Бердібека свидѣтельствуютъ ихъ ярыки, перваго—митрополиту Феогносту (не сохранившися и упоминаемый въ ярыкѣ Феогносту Тайдулы), втораго — св. митр. Алексію. Что Чанибекъ по своимъ взглядамъ еще не былъ настоящимъ магометаниномъ, который бы признавалъ истинымъ одно магометанство, а оставался еще болѣе или менѣе язычникомъ, признававшимъ одинаково истинными всѣ вѣры, видно изъ того, что для исцѣленія отъ болѣзни своей жены Тайдулы онъ призывалъ св. Алексія. Наша лѣтопись прямо говоритъ о немъ: „ѣхъ же ѿй царь Чанибекъ Азбаковичъ добъ зѣло ко христіанству“,—Никон. Ш., 209.

желаниемъ пропаганды. Если было послѣднее, то преемники Бердібека должны были оказывать полную, какъ и прежде, терпимость къ вѣрѣ Русскихъ противъ своего желанія, по необходимости, вслѣдствіе того, что начавшіяся непосредственно послѣ смерти Бердібека крайнія замышленія въ Ордѣ, приведшія къ ослабленію власти хановъ надъ Россіей, уже отняли у послѣднихъ возможность посягать на неприкословенность вѣры Русскихъ.

Что ханы золотоордынскіе во все время своего господства надъ Россіей, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, оказывали совершенно полную терпимость къ вѣрѣ Русскихъ, не дѣлая ни матѣйшаго на нее посягательства и ни матѣйшаго ей стѣсненій,—что они вполнѣ признавали права нашей церкви, никакъ не ограничива и не умаляя существовавшихъ гражданскихъ преимуществъ нашего духовенства, а напротивъ принимая ихъ подъ свою рѣшительную охрану, обѣ этомъ, вонъвыхъ, отрицательно свидѣтельствуетъ совершение молчаніе нашихъ лѣтощесей и другихъ современныхъ памятниковъ о какихъ-либо дѣйствіяхъ посягательства на неприкословенность вѣры со стороны хановъ; вонъвыхъ, обѣ этомъ положительнымъ образомъ свидѣтельствуютъ ханскіе ярлыки или ханская жалованная грамоты¹⁾ нашихъ митрополитамъ, посредствомъ которыхъ ханы ограждаются неприкословенностью вѣры и цѣлостью правъ духовенства отъ какихъ-либо посягательствъ. Извѣстно нѣсколько частныхъ случаевъ поведенія хановъ, которые какъ будто представляютъ собою возраженія противъ сейчасъ сказанного; но случаи на самомъ дѣлѣ во все не представляютъ собою такихъ возражений, а требуютъ только объясненія, чтѣ мы и сдѣлаемъ ниже.

Исторія фактически-формальныхъ отношений хановъ золотоордынскихъ къ русской церкви и русскому духовенству, какъ стороны покровительствующей къ сторонѣ покровительствуемой, т.-е. исторія того, въ какихъ формахъ и какимъ порядкомъ ханы золотоордынскіе на дѣлѣ заявляли русской церкви и ея духовенству свое признаніе ихъ неприкословенности и правъ, остается недостаточно извѣстною. Въ Никоновской лѣтощеси подъ 1313-мъ годомъ читаемъ о путешествіи св. митр. Петра въ Орду къ хану Узбеку, который въ этомъ году занялъ мѣсто хана Токты: «того же лѣта князь великий Михаилъ Ярославичъ

¹⁾ Тюркское „ярлыкъ“, собственно значаще: повелѣніе, приказаніе, на юридическомъ языке Монголовъ означающее всякаго рода исходящую отъ правительства бумагу и соответствовало старому русскому „грамотѣ“. — Григорьевъ „О достовѣрности ярлыковъ“, стр. 18.

тврскій поиде въ Орду, такожъ и Петръ митрополитъ кіевскій и всєя Русіи вкупъ съ нимъ поиде въ Орду, того ради, понеже тогда въ Ордѣ Тяхти царь умре, а новый царь Азбакъ сѣлъ на царствѣ, и всі обновиша ся и всі приходдаху въ Орду того ради, понеже тогда въ Ордѣ и ярлыки имаху каждо па свое имя, и князи и епискуны¹⁾). Въ той же лѣтоиси подъ 1343-мъ годомъ говорится о путешествіи въ Орду митр. Феогноста ізъ хану Чанибеку, сыну Узбека, тотчасъ по занятіи имъ престола: «тогожъ лѣта прииде изъ Орды отъ царя Чанибека Феогнастъ митрополитъ кіевскій и всія Русіи; ходить о причтѣ церковнемъ, имаше (имаху) бо митрополитъ (-ы) и епискупъ (-ы) ерлыки па своя причты церковныя отъ царей ордынскихъ»²⁾). Иаконецъ, о св. митр. Алексіѣ известно, что онъ, случайно находившись въ Ордѣ въ 1357-мъ году, когда хансій престолъ занялъ сынъ Чанибековъ Бердібекъ, получилъ отъ новаго хана ярлыкъ. Два свидѣтельства лѣтоиси и третій къ нимъ фактъ говорять то, что при восишествіи на престоль новыхъ хановъ митрополиты должны были отправляться въ Орду, чтобы отъ каждого новаго хана получать себѣ и своимъ епископамъ ярлыки, въ которыхъ каждымъ ханомъ подтверждались бы ихъ права и преимущества. Такимъ образомъ, о фактически-формальной сторонѣ отношеній слѣдовало бы думать, что Батый при начаї своего господства надъ Россіей далъ духовенству ярлыкъ, въ которомъ призналъ непрікосновенность вѣры и ненарушимость правъ его—духовенства, и что всѣ послѣдующіе ханы при своихъ вступленіяхъ на престоль выдавали духовенству ярлыки, въ которыхъ подтверждали первоначальный ярлыкъ Батыева. Но необходимо думать, что или свидѣтельства Никоновской лѣтоиси относятся только ізъ тому частному времени, о которомъ она говоритъ, или что въ ней, по ошибочнымъ заключеніямъ, допущено несправедливое обобщеніе. Отъ восьми хановъ, предшествующихъ Узбеку, начиная съ Батыя, дональ до насть ярлыкъ только одного хана Менгу-Темира (1266—1281) и въ ярлыкѣ Узбековому дается памъ знать, что относительно ярлыковъ другихъ хановъ должно думать не то, что они не дошли до насть, а то, что ихъ не существовало³⁾). Изъ

¹⁾ III, 108.

²⁾ III, 179.

³⁾ Посль ссылки на грамоты первыхъ и прежнихъ царей, подъ которыми должно разумѣть (такъ же, какъ и въ ярлыкѣ Менгу-Темировомъ) грамоты великихъ хановъ, именно—Чингисъ-хавову Ясу и ея подтвержденіе Оготасъ и Мангу (*Geschichte d. gold. Horde*, S. 151). Узбечъ ссылается на «нашу первую грамоту» (у *Григор'ева* стр. 117). Но такъ какъ его собственной

сейчасъ сказанного слѣдуетъ, что Батый заявилъ свое признаніе неприкосновенности нашей вѣры и правъ нашего духовенства не посредствомъ ярлыка или письменной грамоты, а иначе. Это «иначе» можетъ быть понимаемо только какъ признаніе фактическое, т.-е. что, подчинивъ своей власти Рѹсь и поставивъ князей и народъ въ известные отношения даничества себѣ, Батый оставилъ въ сторонѣ и покой русскую церковь и русское духовенство, чѣмъ и давать знать о признаніи неприкосновенности первой и ненарушимости правъ втораго. Почему Батый не утвердилъ и не счѣлъ нужнымъ утверждать неприкосновенность нашей вѣры и права нашего духовенства нарочитой дарственной грамотой, это совершенно понятно. Мы—Русскіе не были первымъ народомъ, который Монголы покорили своей власти, напротивъ мы послѣдними были присоединены къ иже многовѣрному государству. Въ государствѣ этомъ со временемъ самого Чингисъ-хана существовалъ органический законъ, чтобы всѣ вѣры оставались неприкосновенными и права духовенства всѣхъ вѣръ ненарушимыми. Органический законъ самъ собою распространялся на вѣру каждого покорившагося народа, а поэтому ханы и не имѣли нужды и побужденій давать каждому народу нарочитыхъ грамотъ. Нѣть сомнѣнія, что о существованіи у Монголовъ поминутаго органическаго закона знало и наше духовенство; но если могли быть у него какія-нибудь сомнѣнія, то они должны были разбѣтиться при первой переписи народа, для обложения его данью, произведеннай по приказанію Батыя въ 1246-мъ или 1247-мъ году¹⁾: духовенство, которое имѣло быть свободно отъ дани, не было подвергаемо переписи.

Послѣ фактическаго признанія ханами неприкосновенности нашей вѣры и правъ нашего духовенства, или—что тоже—при необходимо подразумѣваемомъ распространеніи на нашу страну органическаго закона, действовавшаго на всей территоріи монгольскихъ завоеваній,

первой грамотой была именно эта же ярлыкъ 1313-го года, то и необходимо понимать его слова о первой или единственной до него грамотѣ хановъ золотоордынскихъ.

¹⁾ По нашимъ яѣтописямъ, перепись народа произведена была въ первый разъ уже послѣ смерти Батыя въ 1257-мъ году; но Плано Карини говорить, что первая перепись, по приказанію вел. хана Гююка и Батыя, произведена была въ то время, какъ онъ находился въ Россіи, сѣдовательно—въ 1246-мъ году, въ которомъ Плано-Карини былъ въ Россіи,ѣхавъ къ вел. хану, или въ 1247-мъ году, въ которомъ онъ былъ въ ней на возвратномъ пути,—извѣстій статья VII; ср. Соловьевъ Истор. т. III, изд. 4, стр. 189.

ханы не имѣли нужды давать, а духовенство наше не имѣло нужды просить у нихъ письменныхъ утвердительныхъ грамотъ. Ханскіе ярлыки нашимъ митрополитамъ по своему происхождѣнію и не суть грамоты утвердительныя, а суть грамоты охранительныя: первый ярлыкъ, данный ханомъ Менгу-Темиромъ митр. Кириллу, данъ былъ, какъ это ясно видно изъ него самого, не съ цѣллю утвержденія неприкословенности вѣры и правъ духовенства, въ чёмъ не было нужды, а съ цѣллю ограниченія одной и другихъ отъ посягательства чиновниковъ монгольскихъ, постоянно жившихъ въ Россіи и временио прѣбывавшихъ въ нее. Предполагая признаніе неприкословенности вѣры и правъ духовенства, какъ существующій фактъ, ханъ обращается въ ярлыкѣ къ своимъ всякимъ чиновникамъ (которые перечисляются въ немъ по должностямъ) и строго запрещаетъ имъ посягать на неприкословенность вѣры и правъ духовенства, угрожая имъ въ противномъ случаѣ опредѣленными въ законѣ карами. Необходимо думать, что этотъ первый ярлыкъ данъ былъ ханомъ Менгу-Темиромъ по нарочитой просьбѣ митр. Кирилла, вызвавшой тѣмъ, что чиновники монгольскіе, постоянно живущіе въ Россіи и временио прѣбывавшіе въ нее, въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству мало стѣснялись существовавшими законами относительно правъ постѣдняго¹⁾.

Послѣ Менгу-Темира три ярлыка даны были митрополитамъ тремя преемствовавшими одинъ другому ханами: Узбекомъ, Чанибекомъ²⁾ и Бердикомъ. По новоду ярлыка Узбекова Никоновская лѣтопись говоритъ, что у новыхъ хановъ митрополиты брали ярлыки, и необходимо думать, что именно Узбекомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы митрополиты взимали ярлыки у каждого нового хана, и что распоря-

¹⁾ Монгольская дата, выставленная подъ ярлыкомъ Менгу-Темира, отъ спосо-
бца монгольского лѣточислѣнія, не вполнѣ опредѣлена и соответствуетъ двумъ
нашимъ годамъ—1267-му и 1279-му,—*Григорьевъ* О достовѣрности ярлыковъ,
стр. 93. Считаютъ вѣроятѣйшимъ принимать первый годъ, какъ годъ восшествія
Менгу-Темира на престолъ; но на самомъ дѣлѣ вѣроятѣе принимать послѣдній
годъ, такъ какъ Никоновская лѣтопись даетъ знать, что въ 1279-мъ году митр. Кирилль
былъ въ Ордѣ у Менгу-Темира; подъ симъ годомъ въ лѣтописи читается:
„того же лѣта прииде юеогнасть епискупъ Сарайскій втретія изъ греческія земли,
изъ Цареграда: посылаѧ убо его пресвященній Кирилль митрополитъ кievskий и
всея Русіи и царь ординскій Менгу-Темиръ въ патріарху и ко царю Михаилу Ца-
леологу греческому,—отъ пресвященнаго Кирила митрополита грамоты и отъ царя
Менгу-Темира грамоты и поминки (отъ) обюо“.

²⁾ Непосредственнымъ преемникомъ Узбека былъ Тианибекъ, но онъ убитъ
былъ Чанибекомъ послѣ весьма недолгаго сидѣнія на престолѣ.

жение это оставалось въ силѣ при двухъ его преемникахъ. Ярлыки Узбековъ, Чанибековъ и Бердебековъ по своей формѣ и своему содержанию—совершенно то же, что ярлыкъ Менгу-Темировъ, т.-е. охраны грамоты церкви и духовенству отъ посвящательствъ на неприкословимость вѣры и правда духовенства со стороны ханскихъ чиновниковъ. Но очевидно, что Узбекъ, сдѣлавшій распоряженіе, чтобы отъ каждого новаго хана были получаемы митрополитами ярлыки, хотѣть придать имъ и другое значеніе, а именно—значеніе какъ бы ханскихъ инвестиций митрополитамъ, или видимыхъ знаковъ, посредствомъ которыхъ выражалась бы зависимость отъ хановъ, какъ ихъ—митрополитовъ, такъ и всей съ ними церкви¹). Послѣ Бердебека, убитаго въ 1359-мъ году, до конца господства Татаръ надъ Россіей или до 1480-го года избѣгли всего одинъ ханскій ярлыкъ митрополитамъ, именно—Атюликовъ (Тулушибековъ), данный нареченному митрополиту Михаилу или, какъ его звали, Митяю, въ 1379-мъ году. Должно думать, что этотъ единственній избѣгній послѣ Бердебека ярлыкъ и на самомъ дѣлѣ былъ единственнымъ и что онъ представляеть собою не болѣе какъ простую случайность. Послѣ Бердебека въ Ордѣ начались весьма и долгія времена, чутъ не по самый конецъ господства Татаръ надъ нами, такія замѣнительства и такая быстрая смѣна хановъ, что, съ одной стороны, митрополиты не могли успѣвать, чтобы получать отъ хановъ ярлыки, а съ другой стороны—они должны были воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы избавить себя отъ наложенной было изъ нихъ и весьма непріятной для нихъ обязанности²). Что же касается до ярлыка Атюликова Михаила или Митяю, то онъ данъ быть ханомъ нареченному митрополиту, когда этотъ Жахъ чрезъ Орду, пущеніеструя въ Константинополь на поставленіе, и данъ быть, какъ должно думать, вовсе не по просьбѣ Михаила, а по собственной пред-

¹) Узбекъ, сдѣлавшій на ханскомъ престолѣ болѣе всѣхъ другихъ хановъ (1313—1341), былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самымъ могущественнымъ между ними послѣ Батыя и самымъ великоѣпнѣмъ (великій Узбекъ). Не удивительно поэтому его хотѣніе, чтобы зависимость и русскихъ митрополитовъ отъ хановъ выражалась посредствомъ видимыхъ знаковъ, посредствомъ своего рода инвестиции.

²) Въ ярлыкѣ Атюликовомъ, правда, утверждается, будто и послѣ Бердебека отъ всѣхъ хановъ были получаемы митрополитами ярлыки. Но если вѣренъ славянскій переводъ данного мѣста, то несомнѣнно, что это есть не болѣе, какъ простое «красное» слово и простая фанфарона со стороны хана или его канцелярии (и послѣ Бердебека неизмѣнно-де продолжалось такъ, какъ установилъ Узбекъ).

управительности хана, желавшаго выразить ему свое особое благоволение¹⁾.

Такимъ образомъ, фактически-формальная сторона отношений хановъ золотоордынскихъ къ русской церкви и русскому духовенству состоять въ томъ, что послѣ покоренія Руси Монголами на нее фактически распространено было дѣйствіе закона Чингисъ-ханова о вѣротерпимости,—что ханы изъявляли готовность, по просьбамъ митрополитовъ, ограждать строгую непарушимость закона отъ посягательствъ на него монгольскихъ чиновниковъ посредствомъ своихъ нарочитыхъ охранныхъ грамотъ или ярлыковъ,—что ханъ Узбекъ придалъ было ярлыкамъ значеніе инвеституры, имѣвшей получаться митрополитами отъ каждого новаго хана, но что это, по обстоятельствамъ Орды, продолжалось весьма недолго²⁾.

Имѣя собственное значеніе грамотъ, охраниющихъ неприкосненность вѣры и правъ духовенства, а не прямо иль утверждающихъ, хансіе ярлыки митрополитамъ въ то же время показываютъ, до какой степени ханы признавали неприкосненность нашей вѣры и въ какой мѣрѣ или какомъ объемѣ признавали права нашего духовенства, ибо въ ярлыкахъ указывается—что и сколько охраняютъ они отъ посягательства своихъ чиновниковъ.

¹⁾ См. Никоновск. лѣтоп. III, 74. Въ лѣтописи дѣйствующее лицо—Мамай, потому что онъ сполна распорижался тогда за хановъ, которыхъ непрестанно мѣнялъ. И въ ярлыкѣ говорится, что его даетъ ханъ „Мамаевою мыслю дидиною“.

²⁾ На томъ основаніи, что митрополитъ Максимъ, тотчасъ послѣ своего прибытія на каѳедру въ 1283-мъ году, ходилъ въ Орду къ хану Тода-Мангу (Ник. лѣт. III, 76), некоторые утверждаютъ, будто этимъ ханомъ Тода-Мангу было постановлено, чтобы каждый митрополитъ при своемъ занятіи каѳедры являлся въ Орду для полученія утвердительного ярлыка. Но, вонервыхъ, митр. Максимъ могъ ходить въ Орду не для своихъ дѣлъ церковныхъ, а по порученію Константинопольского правительства (только что занявшаго престолъ императора Андроника Старшаго) съ ярціей политической (ибо Греки находились тогда съ Татарами въ политическихъ связяхъ, см. Стратегера Мемогг. рорр. III, 1002 и 1071 fin. sqq); во вторыхъ, если ходилъ и по дѣламъ церковнымъ, то выводимое отсюда заключеніе остается простымъ предположеніемъ, которое не можетъ быть принято въ виду того, что послѣ ярлыка Менгу-Темпрова митр. Кириллу первымъ ярлыкомъ долженъ быть считаемъ Узбековъ ярлыкъ св. митр. Петру 1313-го года, и что объ ярлыкахъ, будто бы получавшихся митрополитами при занятіи ими каѳедры, совершение ничего неизвѣстно (послѣ Максима ихъ должны бы были получать: Петръ въ 1308-мъ году отъ хана Токты, Феогностъ въ 1328-мъ году отъ Узбека, Алексій въ 1354-мъ году отъ Чанибека).

Въ первомъ по времени ярлыкѣ, который данъ былъ ханомъ Менгут-Темиромъ митрополиту Кириллу въ 1267-мъ или, чтѣ вѣроятнѣе, въ 1279-мъ году, находимъ: впервыхъ, что вѣра Русскихъ ограждается отъ всякихъ ея хулений и оскорблений и что принадлежности вѣшняго богослуженія ограждаются отъ посягательствъ на нихъ въ смыслѣ хищенія или поврежденія; во вторыхъ, что духовенство освобождается отъ даней, отъ всякихъ пошлий и всякихъ повинностей; втретихъ, что всѣ церковныя недвижимыя имѣнія признаются неприкосновенными и что церковные слуги, т.-е. принадлежащіе епископамъ или кому бы то ни было изъ церковныхъ властей и мѣстъ рабы или холоши, объявляются свободными отъ какихъ бы то ни было общественныхъ работъ. Относительно вѣры и принадлежностей вѣшняго богослуженія въ ярлыкѣ читаемъ: «а кто (изъ нашихъ всякихъ чиновниковъ) вѣру ихъ (Русскихъ) похулить или ругается, тотъничѣмъ не извинится и умреть злюю смертью...; или чтѣ въ законѣ ихъ—иконы и книги или иное что, по чему Бога молить, того да не емлють, ни издеруть, ни испортятъ». Относительно свободы духовенства отъ даней, пошлий и повинностей читаемъ: «какъ первые цари (подразумѣваются Чингисъханъ и его преемники въ Каракорумѣ) ножаловали поповъ и чернеццовъ и всѣхъ богоудѣльныхъ людей, (такъ) и мы, ихъ грамотъ (т.-е. собственно—законоположеній) не изыниачивая, по тому же жалуемъ: не надобе имъ (съ нихъ) дань и тамга и пошлиюю, ни ямъ ни подводы ни война ни кормъ; во всѣхъ пошлиахъ не надобе имъ ни которая царева пошлия ни царицына ни князей ни рядцевъ ни дароги¹⁾ ни посла, ни которыхъ пошлиниковъ ни которые доходы: а кто возьметъ (отъ поповъ и отъ чернечевъ дань или иное что)—баскаци наши и княжіе писцы и пошлижинцы и таможинцы, и ойчъ (тотъ) по величинѣ Язѣ (законодательному кодексу Чингисъ-ханову) не извинится и смертью да умреть». При этомъ дѣлаются два особыя постановленія: впервыхъ, относительно принятія митрополитомъ и епископами въ духовное званіе кандидатовъ изъ мѣрянъ; во вторыхъ, о дѣтихъ и братьяхъ поповскихъ, живущихъ при отцахъ и братьяхъ и отѣжившихъ отъ нихъ; первое постановленіе: «аще ли (митрополитъ) восхощеть иныхъ люди къ себѣ пріимать, хотиція Богови молитви (поставиться въ духовное званіе), ино на его волѣ будеть»²⁾; второе постановленіе: «а попове, единъ христъ ядуще и во единомъ мѣстѣ живуще, и у кого

¹⁾ Дарога—полицейскій чиновникъ.

²⁾ Въ непечатныхъ изданіяхъ ярлыка это постановленіе читается невразумительно; приводимъ его по Сунодальной рукописи № 792.

брать или сыть, и ты (тв) по тому же пожаловани идуть; аще ли отъ нихъ отделишися, изъ дому вышли, и тѣмъ цошлина и дань давать». Относительно недвижимыхъ церковныхъ имѣй и церковныхъ слугъ читаемъ: «что церковная земля, воды, огорода, винограды, мельницы, зимовица, лѣтовища, да не замають (не трогаютъ) ихъ (никакіе наши чиновники), а что будетъ взяли, ц они отадутъ беспосульно; а что церковные люди: мастера, сокольницы, парусинцы (звѣроловы), или которыхъ слуги и работницы и кто ни будетъ ихъ людей, тѣхъ да не замають ни на что,—ни на работу ни на сторожку».

Послѣ Менгу-Темира, давшаго ярлыкъ митр. Кириллу, какъ мы сказали, дани были ханами митрополитамъ еще четыре ярлыка: Узбекомъ св. Петру, Чанибекомъ Феогносту, Бердбекомъ св. Алексею и Атюлякомъ или Тулубекомъ нареченному митрополиту Михаилу (Митяю). Изъ четырехъ ярлыковъ сохранилось до настоящаго времени три, а именно—не дошло до насъ ярлыка, данного Чанибекомъ Феогносту¹). Всѣ три сохранившіяся ярлыка, подтверждая первый ярлыкъ, данный ханами митрополитамъ, или, какъ говорится въ ярлыкѣ Узбековомъ,—«первую ихъ грамоту», содержать при различнѣй виѣшией, канцелярской, редакції²), относительно неприкосновенности вѣры и правъ духовенства тоже самое, чтѣ и этотъ, по съ однѣмъ новымъ противъ него добавленіемъ. Добавленіе состоитъ въ томъ, что митрополитамъ, а съ ними, какъ должно быть подразумѣваемо, и всему духовенству, предоставляется судъ надъ принадлежащими имъ людьми или ихъ холопами, рабами, во всѣхъ уголовнѣйно преступленіяхъ дѣлахъ, не исключая разбоя, personalного и татѣбы: «а знаетъ митрополитъ въ правду,—постановляется въ первомъ изъ трехъ ярлыковъ Узбековомъ,—и право судить и управлять люди своя въ правду, въ чемъ нибудь (въ чемъ бы то ни было); и въ разбоя и въ personalномъ и въ татѣбѣ и во всякихъ дѣлахъ вѣдаеть самъ митрополитъ единъ или кому прикажетъ» (Въ ярлыкахъ Бердбековомъ и Атюляковомъ не читается даваемаго митр. Кириллу ярлыкомъ Менгу-Темировымъ дозвolenія принимать къ себѣ иныхъ людей, хотяющихъ Богу молитися; но необходимо думать,

¹) Онъ упоминается, какъ мы сказали выше, въ ярлыкѣ жены Чанибека Тайдулы тому же митр. Феогносту.

²) Ярлыкъ Узбековъ св. Петру относительно виѣшией редакції очень многословенъ и велерѣчивъ, и вслѣдствіе того сравнительно обширенъ. Эту особенность ярлыка, вѣроятно, должно понимать какъ знакъ нарочитаго благоволенія хана къ митрополиту (о чёмъ говорять наши лѣтописи), а также, можетъ быть, объяснять и тѣмъ, что онъ придавалъ ярлыку новое значеніе инвеституры.

что это пропускъ не намѣренный, а случайный, произошедшій въ первомъ изъ ярлыковъ, изъ котораго перешель и во второй, по винѣ ханской канцеляріи, ибо Бердібекъ и Атюлякъ прямо говорять въ своихъ ярлыкахъ, что даютъ ихъ по прежнимъ ярлыкамъ, не изыначивая сихъ послѣднихъ¹⁾.

Изъ сейчасъ сдѣланныго нами обозрѣнія ханскихъ ярлыковъ, по-видимому, слѣдуеть, что ханы не вполнѣ признавали гражданскія права и преимущества нашего духовенства: въ ярлыкахъ не подтверждается пра́ва архіереевъ взимать дань съ мірскихъ населеній епархій, или такъ называемую десятину; въ нихъ не подтверждается права архіереевъ судить мірянъ въ пѣкоторыхъ дѣлахъ и преступленіяхъ гражданскихъ. Но когда говорится о признаніи ханами правъ и преимуществъ нашего духовенства, то само собою понятно, что говорится не обо всѣхъ вообще правахъ, а только о тѣхъ, которыя, представляя собою освобожденіе отъ обязанностей именно по отношенію къ нимъ—ханамъ, могли быть признаны ими или не признаны. И покоривъ Русь, ханы наложили на русскій народъ извѣстныя обязанности, отъ которыхъ прежде нихъ собственнымъ нашимъ правительствомъ духовенство было освобождено: освободить, какъ было прежде, или не освобождать духовенство отъ этихъ обязанностей и было въ волѣ хановъ; но что касается до тѣхъ или иныхъ, большихъ или меньшихъ, гражданскихъ правъ духовенства, который не касались хановъ, т.-е. который не представляли собою освобожденій духовенства отъ обязанностей, ставшихъ обязанностями по отношенію къ нимъ, то имъ—ханамъ не было до этихъ послѣднихъ правъ никакого дѣла: признаніе или непризнаніе этихъ правъ осталось по прежнему исключительно въ волѣ князей, бывъ такъ сказать домашнимъ дѣломъ между ними и духовенствомъ. Указанный выше права духовенства, не подтверждаемыя въ ханскихъ ярлыкахъ, составляютъ послѣднюю категорію, а поэтому и нѣть о нихъ въ ярлыкахъ никакихъ рѣчей и упоминаній.

Съ другой стороны, не невозможно предполагать, что ханы не только признали существовавшія права нашего духовенства, но иѣсколько и разширili ихъ, отчасти въ ущербъ самимъ себѣ и нашему доманиему правительству или князьямъ, отчасти—въ ущербъ этимъ

¹⁾ Напоминаніе, дѣлаемое ханами въ ярлыкахъ нашему духовенству, что оно должно молить за нихъ Бога и что „аще ли кто имать неправымъ сердцемъ жалитъ (за нихъ) Бога, ино тотъ грѣхъ на немъ будетъ“ (ярлыкъ Менгу-Темировъ), по сказанному выше значить, что ханы одинаково признавали дѣйствительными молитвы служителей всѣхъ вѣръ и что они одинаково боялись служителей всѣхъ вѣръ.

послѣднимъ. О правахъ нашего духовенства за періодъ киевскій мы собственно не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Изъ тѣхъ правъ, которыхъ признаются ханами въ ярлыкахъ, со всею вѣроятностію должна быть предполагаема, какъ существовавшее прежде право,—личная свобода самого духовенства отъ податей и новинностей; но были ли свободны отъ всякихъ повинностей люди, принадлежавшие духовенству, имѣли ли оно неограниченную судебную власть надъ ними и было ли предоставлено митрополиту и епископамъ принимать въ духовное званіе изъ всѣхъ безъ изъятія и ограничений мірянъ, относительно этихъ вопросовъ мы не можемъ сказать, чтобы за единственному вѣроятному отвѣтъ на нихъ должно было принимать отвѣтъ утвердительный. Но крайней мѣрѣ относительно неограниченности судебнай власти духовенства надъ его людьми, такъ какъ обѣ этомъ не упоминается въ первомъ ярлыкѣ и только уже говорится во второмъ, представляется не невѣроятнымъ думать, что это было право новое, впервые предоставленное духовенству только ханами, т. е. именно ханомъ Узбекомъ. Если мы предположимъ, что всѣ три праѣ были правы новыя, то въ первомъ случаѣ, освобождая людей, принадлежавшихъ духовенству, отъ всякихъ своихъ повинностей, ханы наносили ущербъ самимъ себѣ или жертвовали интересами своими собственными; во второмъ случаѣ, предоставляемъ духовенству неограниченный судъ надъ его людьми, наносили ущербъ князьямъ; а въ третемъ случаѣ, предоставляемъ митрополиту и епископамъ принимать въ духовное званіе всѣхъ безъ изъятія мірянъ, наносили ущербъ вмѣстѣ и князьямъ и себѣ (ибо предоставили уходить въ духовное званіе такимъ мірянамъ, которые платили бы подати и князьямъ и имѣли самимъ). Но если предполагать, что всѣ три праѣ были правы новыя, то очень вѣроятно думать, что два изъ нихъ, посыгавшія на интересы князей, не были признаваемы сими послѣдними безусловно, а лишь были уступаемы ими духовенству въ видѣ пожалованія, на сколько они сами этого хотѣли. Къ рѣчамъ обѣ этомъ мы возвратимся постѣ¹⁾.

¹⁾ Изъ пяти ярлыковъ, данныхъ ханами митрополитамъ, какъ мы говорили, сохранились до настоящаго времени четыре: Менгу-Темировъ Кириллу, Узбековъ св. Петру, Бердикековъ св. Алексію и Атюляковъ Михаилу (Митяю). Вмѣстѣ съ этими четырьмя ханскими ярлыками сохранились еще три ярлыка одной ханши, именно—знакомитой жены хана Чашбека Тайдулы, данная ею митрополитамъ Феодигноту и св. Алексію и епископу Сарайскому Иоанну, такъ что всего сохранилось семь ярлыковъ. Въ собраніи ярлыковъ, съѣланномъ (весмы неизвѣстно) при кафедрѣ митрополичьей въ XV—XVI вѣкѣ, ярлыкъ Менгу-Темировъ Кириллу стоитъ.

Заботиться о томъ, чтобы ханскіе чиновники, постоянно жившіе въ Россіи и на время пріѣзжавшіе въ нее, не посягали на права духовенства и вообще не обижали его, въ отношеніи ко всему духовенству лежало на митрополитахъ. Но знаемъ мы примѣръ епископовъ одной по крайней мѣрѣ каѳедры, которые сами ходили въ Орду, чтобы искать тамъ охраны причту церковному своей собственной епархіи; это именно—примѣръ епископовъ ростовскихъ. Вѣроятно, впрочемъ, что на примѣръ этотъ должно смотрѣть какъ на исключеніе, объясняемое особыми обстоятельствами епископовъ ростовскихъ. Послѣ покоренія Руси Монголами суздальско-ростовская область оставалась безъ митрополита до 1250-го года, въ которомъ пришелъ въ нее, чтобы принять ее въ свое завѣдываніе вмѣстѣ съ южной Русью, митрополитъ Киприанъ, поставленный галицко-волынскимъ княземъ Данииломъ Романовичемъ. Во все это время представителемъ духовенства области былъ епископъ ростовский, такъ какъ другой епископъ,—владимирский, убитъ былъ Татарами при изгнаніи Владимира. Въ продолженіе 12-ти лѣтъ,

не на первомъ мѣстѣ, а на пятомъ, потому что собиратель усвоилъ его Менгу-Темиръ-Оксану, т. е. Тамерлану. Что касается до ярлыковъ Тайдулы, то ярлыки митр. Феогносту и епископу Иоанну (по надписанію—Ionѣ, митрополиту Кіевскому и всієй Русії, т. е. будто св. Ionѣ, жившему спустя столѣтіе послѣ Тайдулы), имѣютъ цѣлую оградить духовенство,—въ первомъ случаѣ всієй митрополії, а во второмъ—епископії, отъ притесненій и обидъ частныхъ ханшинскихъ чиновниковъ (ярлыкъ Иоанну не есть грамота ему, а есть грамота о немъ кому-то изъ начальникъ чиновниковъ ханши; ярлыкъ митр. Алексію есть проѣзжай ему знать по Ордѣ на тотъ случай, „коли ему случится ити въ Царюградъ“). Когда поинутый собиратель ярлыковъ въ своемъ послѣдованіи къ нимъ увѣряетъ, будто кромѣ нашихъ семи ярлыковъ „мнози суть иные велицы ярлыци“, то или разумѣтъ ярлыки хановъ не митрополитамъ, а князьямъ (самъ же и тутъ же онъ говоритъ, что въ митрополії нашелъ только наши семь ярлыковъ), или утверждаетъ тенденціозную неправду (имѣя въ виду укорить нашихъ государей XV—XVI в., рѣшившихся посягать на права церкви). Что во времія митр. Макарія хранилось при каѳедрѣ митрополичьей (и ему—митрополиту извѣстно было) только семь ярлыковъ, объ этомъ онъ ясно свидѣтельствуетъ въ своемъ извѣстномъ отвѣтѣ Грозному „о недвижимыхъ вещахъ, владившихъ Богови“: „и донынѣ въ русской митрополії,—говорить онъ,—семь ярлыковъ написаны пребывающа“. Переводъ ярлыковъ, въ соожалѣнію, очень неудовлетворителенъ, а сохранившіеся ихъ списки, какъ нужно думать, очень неисправны. Ярлыки напечатаны были пѣсколько разъ; послѣднее ихъ изданіе, по которому ихъ должно читать,—въ приложеніи къ диссертациѣ *B. B. Григор'ева: „О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой орды русскому духовенству“*, Москва, 1842.

которая прошли отъ покоренія области до прибытія къ нее митрополита (1238—1250), не одинъ разъ могла представиться епископу ростовскому нужда путешествовать въ Орду, для объясненій и ходатайствъ по дѣламъ церковнымъ. Но, начавъ путешествія въ Орду до прибытія митрополита, епископы, проложивши себѣ, таکъ сказать, дорогу въ Орду, могли продолжать ихъ и постѣ прибытія и вообще въ послѣдующее время. Какъ бы то ни было, только мы знаемъ, что путешествовалъ въ Орду уже постѣ прибытія въ сѣверную Русь митрополита епископъ ростовскій Кириллъ, о которомъ въ житіи св. Петра, царевича ордынскаго, говорится, что онъ ходилъ «за домъ святых Богородицы» (свою каѳедру) къ хану Берке, вступившему на ханскій престоль въ 1257-мъ или 1258-мъ году; о преемнике Кирилловомъ Игнатіи подъ 1282-мъ годомъ говорится въ лѣтописи ¹⁾, что въ семъ году онъ ходилъ въ Орду во второй разъ за причеть церковный; о преемнике Игнатіевомъ Тарасіи подъ 1293-мъ годомъ говорится въ лѣтописи ²⁾, что онъ ходилъ въ Орду вмѣстѣ со всѣми князьями. Если дать вѣру сейчасъ упомянутому житію царевича Петра, то епископы ростовскіе находились даже совсѣмъ въ особенныхъ отношеніяхъ къ ханамъ. Разсказавъ о чудесномъ исцѣленіи епископомъ Кирилломъ сына Беркина, житіе увѣряетъ, что ханъ въ благодарность за сіе «новѣль давати владицѣ оброки годовіи въ домъ святых Богородицы» и что послѣдующіе епископы ростовскіе ходили въ Орду, «емля оброкъ царскій» ³⁾. Можетъ показаться страннымъ и невѣроятнымъ, чтобы ханы золотоордынскіе давали оброки христіанскимъ православнымъ епископамъ; но мы приводили выше свидѣтельство Плано-Карпини о томъ, что великий ханъ Гуюкъ давалъ жалованіе священникамъ песторіанскимъ, которыхъ онъ содержалъ при своемъ дворѣ, а изъ первыхъ хановъ золотоордынскихъ это послѣднее известно о сыне Батыемъ Сартакѣ ⁴⁾.

Никоновская лѣтопись, какъ мы видѣли выше, разсказывая о получении ярлыковъ митрополитами Феогностомъ и Алексіемъ, увѣряетъ, что не только митрополиты, но и епископы «имаху (тогда) ярлыки на свои причты церковныя отъ царей ордынскихъ». Понимать дѣло

¹⁾ Такъ называемой Академической.

²⁾ Той же Академической.

³⁾ См. житіе въ Православи. Собесѣди. 1859 года, ч. I, стрр. 361 и 363.

⁴⁾ Рубруквись, гл. XX.—Въ 1257-мъ году Ростовскій князь Глѣбъ Васильковичъ женился въ Ордѣ на какой-то тамошней княжѣ: можетъ быть начало путешествій въ Орду епископовъ ростовскихъ имѣть некоторую связь съ этой женитьбою.

такъ, чтобы Узбекъ, обязавъ митрополитовъ являться за ярлыками къ каждому новому хану, обязать къ тому же и всѣхъ русскихъ епископовъ, совершение препятствуетъ отсутствіе всякихъ фактическихъ указаний на это, которымъ очень трудно было бы не быть; но не невозможно допустить то, что Узбекъ, не обязывая епископовъ являться вмѣстѣ съ митрополитами, обязать послѣднихъ брать у хановъ не одинъ только общій ярлыкъ на всю митрополію, но и частные ярлыки на каждую изъ епископской митрополіи. Это могло быть сдѣлано по двумъ побужденіямъ: во-первыхъ, чтобы каждому епископу вручать видимый знакъ его зависимости отъ хановъ; во-вторыхъ, чтобы увеличить пошлины съ митрополитовъ въ пользу ихъ казны и ихъ чиновниковъ, такъ какъ каждый ярлыкъ могъ быть обложенъ особой пошлиной.

Итакъ, ханы монгольскіе во все время своего продолжительнаго господства надъ Россіей оставили совершенню неприкосновенію вѣру Русскихъ и совершенню непарузимыми права русскаго духовенства. А такимъ образомъ, какъ сказали мы выше, тяжкій бичъ Божій, обрушившися на насъ къ видѣ Монголовъ, не былъ, по крайней мѣрѣ, бичемъ для церкви, именно—не быть бичемъ для неї по крайней мѣрѣ со стороны ея вѣшней свободы и вѣшняго положенія.

Однако, въ сейчасъ представлениемъ нами изложений мы уже дали знать, что непричастность духовенства тягостямъ ига монгольскаго должна быть представляема не совершенно безусловною. Мы говорили, что хансіе ярлыки митрополитамъ по своему происхожденію суть охраняныя грамоты духовенству отъ притѣсеній и обидъ со стороны монгольскихъ чиновниковъ. Если митрополиты были вынуждены просить у хановъ охраниыхъ грамотъ, то изъ сего, очевидно, слѣдуетъ, что притѣсенія и обиды со стороны чиновниковъ не только имѣли мѣсто, а и были болѣе или менѣе значительны. Но думать, чтобы хансіе ярлыки могли положить конецъ притѣсеніямъ и обидамъ, конечно, было бы напрасно: выешая власть строго и грозно приказывается, а чиновники не обращаются на приказы никакого вниманія,—это общій законъ всего чиновничьяго міра, по отношенію къ которому всего менѣе можно представлять исключениемъ чиновниковъ монгольскихъ. Духовенство паше было освобождено ханами не только отъ даней, но и отъ всѣхъ безъ изъятія пошлинь и пошлинъ: *«тако есми его (митрополита) пожаловали, что не надобь ему ни его людемъ ни всѣмъ церковнымъ богоомольцамъ—ищомъ и чернецомъ и бѣльцомъ и ихъ людемъ, отъ мала и до велика, ни какова дань, ни которая пошлина, ни кормъ, ни питье, ни запрось, ни дары, ни почестя не воздаютъ никакова, ни служба, ни работа, ни сторожка, ни которые доходы, ни поминки, ни поклони-*

ное, ни выхъдъ, ни полѣтиое, ни становое, ни въездное, ни мимоходное по дорозѣ послу, ни баскаку, ни которому моему пошлинику... (ярымъ Атюликовъ). Но ізъ платы пошлини, къ отбыванію новинностей чиновники ханскіе могли всегда принуждать духовенство, ссылаясь на исключительныя обстоятельства, на особые приказы ханскіе, или въ отношеніи такихъ новинностей, какъ постная, кормовая и поклонная, ссылаясь просто на то, что они суть чиновники ханскіе и не хотять знать никакихъ привилегий. Такимъ образомъ, совершение свободное изъ отношеній къ Монголамъ отъ всякихъ государственныхъ тягостей по закону, духовенство должно быть представляемо болѣе или менѣе страдавшимъ отъ произвола и злоупотреблений со стороны монгольскихъ чиновниковъ¹⁾.

Были и еще причины, вслѣдствіе которыхъ это монгольское явилось бѣдствіемъ для церкви со стороны вигинией. Но тутъ вина была не на Монголахъ, а на самихъ Русскихъ, именно—на нашихъ князьяхъ. Сеорясь другъ съ другомъ и отнимая другъ у друга власть, князья обращались къ ханамъ съ прошьбами о военной одинъ противъ другаго помоці. Удовлетвореніе ханами этихъ прошьбъ и являлось какъ величайшее бѣдствіе не только для государства, но и для церкви. Монголы по своей натурѣ были дикіе хищники, и приходившій къ князьямъ отъ хановъ всномогательныя войска, пользуясь случаемъ, обыкновенно предавались страшному грабежу, не разбирай владѣній ни друга, ни врага, и только стараясь какъ можно болѣе разширить районъ своихъ опустошеній. Въ этихъ частныхъ нахожденіяхъ Татаръ, которая по своимъ ужасамъ развѣ только мало уступали первоначальному общему нашествію и которая по обширности опустошаемыхъ территорій иногда достигали его самого, не было пощады ни церквамъ и монастырямъ съ ихъ утварью и святыней, ни священникамъ и монахамъ²⁾.

¹⁾ Когда въ началѣ XIV вѣка поднялась у насъ обличительная проповѣдь противъ взиманія епископами платы за поставленія въ церковныя степени и когда епископы, въ свое оправданіе, ссылались, между прочимъ, на „ноганское василіе“: то обличители не отвѣчали епископамъ, что они ссылаются несправедливо и, отстраняя оправданіе инымъ образомъ, признавали, что ноганы дѣйствительно грабить, см. Памятники древне-русскоаг права, изд. А. С. Павлова, часть I, col. 154.

²⁾ Наприм., татарскія войска, которая приводила князь Андрей Александровичъ, сынъ Невскаго, противъ своего старшаго брата Димитрія, въ 1281-мъ и въ 1293-мъ году, въ оба раза страшнымъ образомъ опустошили почти сплошь области Суздалскую и Ростовскую.

При дворѣ великихъ хановъ монгольскихъ въ Каракорумѣ находились служители вѣръ всѣхъ покоренныхъ ими народовъ¹⁾, дабы служители вѣры каждого изъ этихъ народовъ молились о нихъ—ханахъ. Не знаемъ, такъ ли это было при дворѣ хановъ золотоординскихъ. Но наша русская вѣра, если не съ самаго начала господства Монголовъ надъ Россіей, то съ 1261-го года имѣла при ханахъ своего особаго представителя, и именно—съ сего постѣдняго года въ лицѣ епископа, каѳедра которого была учреждена въ столицѣ ханской Сараѣ. Намъ неизвѣстна исторія учрежденія каѳедры, ибо лѣтопись подъ наимѣніемъ годомъ говорить только: «того же лѣта постави митронолитъ епископа Митрофана Сараю»; но со всею вѣроятностію должно объяснять себѣ дѣло не такъ, чтобы митронолитъ просилъ у хана дозвolenія назначить въ его столицу епископа для тѣхъ Русскихъ, которые жили между Татарами, а такъ, что самъ ханъ потребовалъ отъ митрополита, чтобы къ нему назначенъ быть представитель русской вѣры въ лицѣ епископа или, какъ выражались Татары о нашихъ епископахъ, большаго иона. Къ рѣчамъ обѣ этомъ возвратимся немногіо ниже.

Если не во все времена господства надъ Россіей, то по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оставались язычниками, ханы дозволяли епископамъ сарайскимъ обращать своихъ Татаръ въ христіанство. Преемникъ Митрофановъ на каѳедрѣ Феогностъ, адресовавшійся въ 1276-мъ году къ Константинопольскому патріарху собору съ разными вопросами, о чёмъ скажемъ ниже, между прочимъ спрашивалъ: «приходящихъ отъ Татаръ, хотяющихъ креститися, и не будетъ велика сосуда (т. е. когда дѣло случится во время кочевки въ степи), въ чёмъ погружать ему»²⁾.

Ханы золотоординские были не противъ того, чтобы выдавать своихъ татарскихъ дѣвицъ за нашихъ князей (и нашихъ бояръ), съ дозволеніемъ первымъ принимать христіанство. Примѣры женитьбы въ Ордѣ нашихъ князей, сколько знаемъ, не многочисленны; но они имѣли мѣсто до хана Узбека (1313—1341) включительно.

Остается намъ сказать о частныхъ случаяхъ поведенія хановъ, которые какъ будто представляютъ собою возраженія противъ совершеннай ихъ терпимости къ нашей вѣрѣ и противъ строгаго уваженія ими правъ нашего духовенства.

Коль скоро положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ известно какое-нибудь общее, то относительно частныхъ противъ него случаевъ

¹⁾ Рубруквисъ, гл. XLIV.

²⁾ См. еще у В. О. Ключевской въ Житіяхъ святыхъ, стр. 41 fin..

само собою дается предполагать, что случаи эти—или представляют собою исключений, зависѣвшихъ отъ какихъ-нибудь особыхъ причинъ, или понимаются не совсѣмъ правильно и не имѣютъ того смысла, который имъ придается, или, на конецъ,—что они не суть случаи достовѣрные. Что ханы монгольскіе оказывали полную и совершенную терпимость къ нашей вѣрѣ и такое же уваженіе къ неприкосновенности правъ нашего духовенства, это, какъ общее, известно намъ положительнымъ и несомнѣннымъ образомъ. А изъ сего само собою слѣдуетъ, что о частныхъ случаяхъ, какъ будто говорящихъ противъ этихъ терпимости и уваженій хановъ, должно думать что-либо изъ сейчасъ указанного выше.

Частные известныя случаи суть: во-первыхъ, осужденіе ханами на мученическую смерть за вѣру двухъ нашихъ князей; во-вторыхъ—одна, сдѣланныя ими, попытка обложить данью наше духовенство; втретыхъ—принятое было ими, но утвержденію некоторыхъ нашихъ лѣтописей, намѣреніе ввести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей.

Князья, потерпѣвшіе отъ хановъ мученическую смерть за вѣру, были: Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій, осужденный Батыемъ въ 1246-мъ году, и Романъ Ольговичъ Рязанскій, осужденный Менгу-Темиромъ въ 1270-мъ году.

О причинахъ осужденія Батыемъ на мученическую смерть Михаила Всеволодовича мы имѣемъ четыре разсказа: нарочитой повѣсти о страданіи князя¹⁾, лѣтописей Лаврентьевской и Ипатской, и западнаго писателя Плано-Карини. Нарочитая повѣсть говоритъ, что князья русскіе съ ихъ боярами, приходившіе къ Батыю въ Орду, должны были, по его приказанію, проходить сквозь огонь, поклоняться солицу, кусту²⁾ и идоламъ татарскимъ, и что Михаилъ со своимъ бояриномъ

¹⁾ Извѣстной въ нѣсколькихъ редакціяхъ и чигаемой—въ отдѣльномъ видѣ въ сборникахъ (изъ одного сборника XIV—XV вѣка напечатана *преосн.* *Макаріемъ* въ приложениі къ V т. Исторіи; обѣ авторѣ см. у *Ключевск.* въ Житіяхъ святыхъ, стр. 146) и викторопировано въ лѣтописяхъ, именно: 1-й Софійской (Поли. собр. лѣтт. V, 182), Воскресенской (*ibid.* VII, 152), Иконовской,---III, 19. и въ Степенной книгѣ,—I, 340.

²⁾ Что такое это „кусту“, не можемъ сказать. Гаммеръ утверждаетъ, что „кусту“, по-персидски „кести“, есть священный поясъ маговъ и Индийцевъ,—*Geschichte d. gold. Horde.* S. 137 прим.: но сомнѣваемся, чтобы это было такъ. Ипатская лѣтопись подъ кусту разумѣть кустъ въ русскомъ значеніи этого слова, ибо выражается: „водяще около куста“ (2 изд. стр. 535 fin.): но и это представ-

Феодоромъ не хотѣть исполнить этого требованія Батыева, какъ противнаго христіанству. Лаврентьевская лѣтопись разсказывается подъ 1246-мъ годомъ: «того же лѣта Михайло, князь черниговъскій, со внукомъ своимъ Борисомъ (Васильковичемъ, княземъ ростовскимъ) поѣхаша въ Татары, и бывшимъ имъ въ станѣхъ послѣ Батыя къ Михаилу князю, веля ему поклонитися огневи и болваномъ ихъ, Михайло же князь не повинулся величию ихъ, но укори й и глухыя его кумиры, и тако безъ милости отъ нечестивыхъ заколенъ бысть». Въ Ипатской лѣтописи подъ 1245-мъ годомъ читается: князь Михаилъ «Фха (изъ Чернигова) Батыеви, прося волости своею отъ него; Батыеви же рекшу: «поклонися отецъ нашихъ закону», Михаилъ же отвѣща «аще Богъ имъ есть предать и власть нашу, грѣхъ ради нашихъ, во руцѣ ваши, тебѣ кланимся и чести приносимъ ти, а закону отецъ твоихъ и твоему богопечестивому новелѣнию не кланимся»; Батый же ико свѣрбѣшій звѣрь возъярившися (и) новелѣ заплати князя Михаила». Илларион-Карпинъ пишетъ: «Татары обожаютъ югъ, какъ будто божество какое, и всѣхъ къ немъ прѣѣжающихъ вельможъ къ тому же привлѣдаются; иѣкотораго российскаго князя, по имени Михаила, который прѣѣхалъ къ Батыю для изъявленія своей преданности, они заставили сперва пройти между двумя огнями, а потомъ вѣльми молиться на югъ предъ Чингисъ-ханомъ; но онъ отвѣчатель, что поклонится предъ Батыемъ и его служителями, а предъ образомъ умершаго человѣка никогда того не сдѣлаетъ, поелику то возбранено христіанамъ».

Въ сейчасъ указанныхъ требованіяхъ, обращенныхъ къ князю, должно различать прохожденіе сквозь двухъ огней и поклоненіе образу Чингисъ-хана, какъ говорить Илларион-Карпинъ, или вообще идоламъ, какъ говорятъ наши сказанія. Прохожденіе сквозь двухъ огней не составляло языческаго религиознаго обряда въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова. Огонь считался у Татаръ очистительнымъ средствомъ, и такъ какъ они, будучи краине суевѣрными, страшно боялись колдовства и порчи, то чтобы у всѣхъ, приближающихъ къ хану, отнять способность околдовывать его, если бы кто имѣть таковое намѣреніе, они и проводили сквозь двухъ огней, какъ имѣющихъ способность уничтожать силу чаръ. Илларион-Карпинъ пишетъ объ этомъ: «прибыль къ Батыю, мы остановились на одну милю отъ его палатокъ и двора; когда наѣхъ повели къ нему, то объявили, что намъ надлежало проход-

---

ляется намъ сомнительнымъ. Такъ какъ въ сказаніи солнце и кусту стоять вмѣстѣ только одинъ разъ, а въ другіе разы либо солнце либо кусту: то кусту не значить ли солнце?

дить между двумя огнями; мы ни подъ какимъ видомъ на это не согласились; но они намъ сказали, чтобы мы не дѣлали въ томъ никакого затрудненія, потому что огонь, если бы мы наче чаяній имѣли какое злое намѣреніе противъ ихъ государи, или если бы у насъ былъ какой ядъ, могъ все сіе пожрать; чтобы не навести на себя подозрѣнія,—прибавляетъ Илано-Карини,—мы на то согласились». Изъ его—Илано-Кариниева разсказа какъ будто слѣдуетъ, что и князь исполнить требование о прохождении сквозь огни.

Изъ двухъ несогласныхъ свидѣтельствъ, чemu долженъ быть молитвенно кланяться князь—вообще ли татарскимъ идоламъ, какъ говорить наши сказанія, или одному образу Чингисъ-хана, какъ говорить Илано-Карини, преимущество должно быть отдано молитвенному послѣдняго. Мученическая смерть Михаила Всеволодовича имѣла мѣсто 20-го Сентября 1246-го года, а Илано-Карини, бѣдившій отъ нашихъ къ великому хану Гююку въ Каракорумъ, былъ у Батыя, на возвратномъ пути отъ хана, въ праздникъ Вознесенія слѣдующаго 1247-го года, такъ что долженъ быть слышать разсказъ о событии на самомъ мѣстѣ и отъ людей достовѣрно знающихъ дѣло; между тѣмъ наши новѣтствователи, говорящіе о требованіи поклоненій вообще татарскимъ идоламъ, очень легко могли сдѣлать обобщеніе, на основаніи своихъ простыхъ заключений. Какъ бы то ни было, но и поклоненіе образу Чингисъ-хана, которое было требовано отъ князя, должно быть представляемо не какъ простое гражданское возданіе почести основателю ханской династіи, а какъ молитвенное поклоненіе человѣку обоготворенному, ибо Илано-Карини ясно говоритъ имѣнію о молитвенномъ поклоненіи, т.-е. дастъ знать, что Татары боготворили Чингисъ-хана¹⁾. Но свидѣтельству нарочитаго сказанія и Илано-Карини, требование отъ Михаила Всеволодовича было требовано и отъ другихъ русскихъ князей, прѣѣждавшихъ въ Орду. То же утверждаетъ и Ипатская лѣтопись, говоря о пуречествѣніи къ Батыю галичскаго князя Даниила Романовича²⁾.

¹⁾ О религіозномъ поклоненіи Монголовъ душамъ предковъ см. Записки о Монголії монаха *Лакиноса*, томъ I, часть II, стр. 188, и его же „Китай“, IV, 58 fin.. Ипатская лѣтопись говоритъ, что Монголы поклоняются „солицю и землю и земли, дьяволу и умершимъ въ адѣ отцемъ ихъ и дѣдомъ и матеремъ“,—2-го изд. стр. 535.—Поклоненіе на югъ было именно молитвеннымъ поклоненіемъ,—Илано-Карини, гл. VII, Рубруковись у *Бержерона*, р. 31.

²⁾ Подъ 1250-мъ годомъ, 2-го изд. стр. 535 fin. sqq. Изъ всѣхъ разсказовъ, а преимущественно изъ разсказа лѣтописи, ясно видно, что поклоненіе было требовано одинъ разъ, именно—предъ тѣмъ, какъ князья должны были представляться ханамъ.

А такимъ образомъ, мы получаемъ, что Батыемъ было требовано отъ русскихъ князей, прѣзжавшихъ къ нему для изъявленія своей покорности и вообще по обязанностямъ своего даничества, чтобы они совершили молитвенное поклоненіе предъ образомъ обоготвореннаго Монголами Чингисъ-хана.

Но если это такъ, то мы получаемъ не тотъ фактъ, что ханы золотоордынскіе принуждали нашихъ князей принимать ихъ татарскую вѣру, а тотъ, что они, иисколько не думая дѣлать этого послѣдняго, только заставляли нашихъ князей изъявлять свое уваженіе къ ихъ татарской вѣрѣ. По строгимъ понятіямъ христіанскимъ, это есть то, на что христіанинъ не долженъ соглашаться, и поведеніе Михаила, само собою понятно, нужно признать несравненно болѣе доблестнымъ, чѣмъ поведеніе всѣхъ другихъ нашихъ князей, которые не отказывались исполнить волю хановъ. Но что касается до самихъ хановъ, то съ ихъ собственной точки зрѣй они не могли находить въ этомъ посягательства на совѣсть князей: одинако уважая всѣхъ покоренныхъ народовъ и выражая свое уваженіе ко всѣмъ вѣрамъ посредствомъ видимыхъ знаковъ (по отношению къ христіанству кажденіе и цѣлованіе Евангелія, см. выше), ханы могли находить совершенно естественнымъ, чтобы и отъ князей всѣхъ покоренныхъ народовъ требовать подобного же изъявленія уваженія къ своей вѣрѣ¹⁾.

(Очень можно подозревать, что въ отношеніи къ Михаилу Всеволодовичу требование молитвенного поклоненія образу Чингисъ-хана было поставлено значительно иначе, нежели какъ это было въ отношеніи къ другимъ князьямъ, именно—что ему нарочито и намѣренно предъявлены были при семъ такія особенные требования, на которыхъ никакъ не могла согласиться его христіанская совѣсть. Выше мы говорили, что Михаилъ Всеволодовичъ, сдѣливъ въ 1239-мъ году въ Кіевѣ, приказалъ убить присланныхъ къ нему татарскихъ пословъ. Но Илано-Карини пишетъ: «у Татаръ есть обыкновеніе, чтобы съ тѣми, которые убываютъ ихъ посланниковъ или худо съ ними поступаютъ, никогда не дѣлать имъ миру, ни перемирия; они не остаются въ покой до тѣхъ поръ, пока за то не отмстить». На основаніи сейчасъ сказанаго, очень можно думать, что Михаилу Всеволодовичу нарочито предъявлены были особенные противъ другихъ князей требования, въ надеждѣ, что онъ не исполнитъ ихъ и что такимъ образомъ дастъ Батыю предлогъ осудить его на смерть. Илано-Карини послѣ приведеннаго нами разсказа о смерти Михаила, говорить въ другомъ мѣстѣ: «иногда

¹⁾ Срѣ преосв. Макарія Іст. т. IV, стр. 117.

Татары бывают столь злы, что ищут случая убивать князей, какъ то они поступили съ российскимъ княземъ Михаиломъ и другими», и этимъ во всякомъ случаѣ довольно ясно даетъ знать, что у Батыя предрѣшено было убить Михаила и что ему только нужны были какиенибудь предлоги. Можно думать, что и въ Орду князь былъ заманенъ Татарами хитростю, посредствомъ тѣхъ или другихъ лживыхъ обѣща-
ний, ибо, зная за собою вину, едва ли онъ могъ имѣть охоту идти къ нимъ самъ.

Такимъ образомъ, исторія князя Михаила Всееволодовича Черниговскаго доказываетъ не то, что Батый принуждалъ нашихъ князей къ перемѣнѣ вѣры, или вообще къ принятию его язычества, а только то, что онъ позычески понималъ принципъ вѣротерпимости и что соп-образнаго съ своимъ пониманіемъ онъ требовалъ отъ нашихъ князей въ отношеніи къ своей татарско-языческой вѣрѣ.

Вмѣстѣ съ княземъ, какъ мы сказали, принялъ мученическую смерть одинъ изъ его бояръ, по имени Феодоръ. Бояринъ не только постыдовалъ пріемѣру князя, но и его самого укрѣплялъ въ рѣшимости отказаться отъ исполненія воли Батыя, въ виду настоятельныхъ увѣщаній со стороны другихъ Русскихъ, бывшихъ въ Ордѣ, покориться требованію хана¹⁾. Но слѣдъ долгаго мученія (о которомъ Плано-Карини говорить согласно съ нашимъ нарочитымъ сказаниемъ²⁾), князь и бояринъ преданы были смерти посредствомъ отсѣченія главы. Тѣла мучениковъ были брошены на съѣденіе псамъ³⁾, но потому благочести-

¹⁾ По нашему нарочитому сказанию, настоятельно увѣщевалъ Михаила Всееволодовича исполнить волю Батыя внукъ его Борисъ Васильковичъ ростовской. По Плано-Карини, который также говорить о непазываемомъ имъ по имени бояринѣ сейчасъ сказанное пами, Батый послалъ къ Михаилу съ увѣщаніемъ бывшаго въ Ордѣ сына Ярославова, т. е. сына вел. кн. Ярослава Всееволодовича.

²⁾ Въ нашемъ нарочитомъ сказании: „Убійци (князя) прѣхаша, скочиша съ конемъ и яши Михаила и растигла за руцѣ, почаша бити руками по сердцу; посемь повѣргоша его изъ на землю и біахутъ й пятами; сему же надолѣ бывши, иѣкто, бывъ прежде християнъ и послѣди же отвержеся вѣры християнскій и бысть ногамъ законопреступникъ, именемъ Доманъ, сій отрѣза главу святому мученику Михаилу и отверже ю прочъ... (потомъ) начаша Феодора мучити, якоже и прежде Михаила; послѣже честную главу его урѣзаша“.

³⁾ Чѣдѣ, можетъ быть, должно понимать не такъ, чтобы хотѣли предать ихъ возможно большему позору. а такъ, что только не хотѣли удостонить ихъ соотвѣтствующаго погребенія. По свидѣтельству Ирженальскаго, Монголы въ настоящее время закапываютъ въ землю только трупы князей и важныхъ ламъ, а всѣ прочіе трупы выбрасываютъ на съѣденіе собакамъ и хищнымъ звѣрямъ и птицамъ.

выми русскими людьми преданы были погребению,—вѣроятно, на общемъ кладбищѣ Русскихъ, жившихъ при ханѣ¹⁾).

О мученичествѣ рязанского великаго князя Романа Ольговича Никоновская лѣтопись подъ 1270-мъ годомъ разсказываетъ²⁾: во время бытности въ Ордѣ князь оклеветанъ былъ хану, что хулить его—хана и ругается его вѣрѣ; ханъ наизнѣсть на князя Татаръ, которые начали пудить его къ своей вѣрѣ; когда князь отвѣчать, что не достоинъ православіемъ христіанамъ, оставилъ свою вѣру православную, принимать вѣру бесерменскую ноганую, Татары начали его бить; когда и послѣ сего князь хвалилъ вѣру христіанскую и поносилъ татарскую, чиновники ханскіе предали его ужасной смерти: сперва отрѣзали ему языки и заткнули уста и полотенцемъ; потомъ начали рѣзать ему суставы и бросать ихъ прочь—отрѣзали всѣ персты у рукъ и у ногъ, отрѣзали уста и уши, а прочие суставы разрѣзали, такъ что остался одинъ трупъ; наконецъ, содрали кожу съ головы и воткнули ее на конь.

Лѣтопись говорить, что князь былъ оклеветанъ хану; но дальнѣйшій ея разсказъ показываетъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ дерзновеніе поносить вѣру хана³⁾ (вѣроятно, не бесерменскую, а языческую).

¹⁾ Годъ мученической смерти Михаила Всеволодовича показывается двояко: по нарочитому сказанію и по Ипатовой лѣтописи онъ есть 1245-й, по Лаврентьевской и такъ называемой Академической лѣтописямъ—1246-й. Принимая второй годъ, мы основываемся на томъ предположеніи, что не ошибается Лаврентьевская лѣтопись, когда относить смерть князя къ одному и тому же году со смертію вел. кн. Ярослава Всеволодовича, а относительно сего послѣднаго намъ извѣстно изъ Илано-Барини, что онъ умеръ въ 1246-мъ году, а не ранѣе. Мѣсяцъ и число, какъ мы сказали,—Сентября 20-е.—Изъ Орды мощи неизвѣстно когда перенесены были въ Черниговъ и положены здѣсь въ каѳедральномъ соборѣ. Изъ Чернигова въ 1575-мъ году царь Иванъ Васильевичъ перенесъ ихъ въ Москву и положилъ въ соборѣ, посвященномъ имени напіихъ (Черниговскихъ) чудотворцевъ, находившемся надъ Кремлевскими Тайницкими воротами; въ 1770-мъ году, когда предположено было уничтожить соборъ, онъ перепесены въ Срѣтенский дворцовыій соборъ, а отсюда въ 1774-мъ году перемѣщены въ Архангельский соборъ, въ которому подъ спудомъ находятся и до настоящаго времени, см. *Снегирева Памятники Московской древности*, стр. 67 col. 1 fin. (любопытное посланіе царя къ чудотворцамъ, молящее ихъ прибыть въ Москву, *ibid.*, пояснительныхъ примѣчаній стр. 4, 2). Къ лицу снятыхъ князь Михаилъ Всеволодовичъ и его бояринъ Федоръ причислены неизвѣстно когда ранѣе собора 1547-го года.

²⁾ Такжѣ Степенная книга—I, 383

³⁾ Впрочемъ, таъ какъ въ древнєе и старое времѧ слово: „оклевета” употреблялось въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ оболгania, какъ иныѣ, и въ смыслѣ до-

скую, ибо хань Менгу-Темиръ, при которомъ былъ замученъ князь, постъ своего предшественника Берке, принявшаго магометанство, какъ кажется, слова быть язычникомъ). Такимъ образомъ, если князь пріобрѣтъ себѣ вѣнецъ мученической истинымъ христіанскимъ дерзновеніемъ, то, съ другой стороны, и поведеніе хана вовсе не показываетъ его нетерпимости къ націей христіанской вѣрѣ. Ханы относились съ совершенію терпимостю ко всѣмъ вѣрамъ; но естественно, что того же требовали они и отъ другихъ по отношению ко всѣмъ вѣрамъ. Хань Менгу-Темиръ, давшій первый охраний ярлыкъ нашимъ митрополитамъ, угрожаетъ вѣнемъ своимъ чиновникамъ: «а кто вѣру ихъ похулилъ или ругается, тотъничѣмъ не извинится и умреть злу смертію». Если злая смерть была опредѣлена Татарамъ, которые бы осмѣлились хулигъ русскую вѣру, то естественно, что хань долженъ быть осудить на злую смерть Русскаго, осмѣлившагося хулигъ вѣру татарскую. Невѣроятно злая смерть, которой было преданъ князь, даетъ знать, что онъ съ полнымъ и великимъ дерзновеніемъ хулигъ вѣру татарскую.

Попытка со стороны хановъ обложить ежегодною данію русское духовенство имѣла място въ правленіе хана Чанибека, въ 1342-мъ году. Своей попыткой Чанибекъ хотѣлъ было нарушить основной государственный законъ Монголовъ, постановленный Чингисъ-ханомъ, чтобы духовенства всѣхъ вѣръ были свободны отъ даней и отъ всякихъ наказаний. Но вина за нарушеніе закона, если бы оно действительно случилось, падала бы не столько на хана, сколько на самихъ Русскихъ, ибо не самъ онъ подвигся, а этими послѣдними былъ подвигнутъ къ своей попыткѣ. Въ 1342-мъ году митр. Феогностъ приходилъ въ Орду, чтобы, согласно съ узаконеніемъ Узбека, получить ярлыкъ отъ Чанибека, какъ отъ нового хана. Въ это время, по словамъ Никоновской летописи, «иѣнъ рустіи человѣци оклеветаша Феогноста митрополита ко царю Чанибеку, яко много безчисленно имать дохода—и золота и серебра и всякого богатства, и достоинъ ему тебѣ давати въ Орду на всякий годъ полѣтия дани». Вѣдѣстіе этого хана и начать было просить у митрополита ежегодныхъ даней. Дѣло кончилось тѣмъ, что митрополитъ, съ рѣшителью твердостю отвѣчавшій отказомъ и, не будучи сомнѣнія, опирающійся въ отказѣ на Чингисъ-хановъ законъ, принужденъ быть раздарить хану и ханигѣ и ихъ главнѣйшимъ боярамъ (князьямъ) 600 рублей.

неса, обвиненія: то можетъ быть, что и лѣтопись употребляетъ его во второмъ смыслѣ.

Увѣренія пѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей о принятомъ было Татарами намѣреніи ввести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей, состоять въ томъ, что въ 1327-мъ году пришолъ въ Тверь посломъ отъ хана Узбека его двоюродный братъ Шевкаль, сынъ Дюденевъ,—что будто этотъ Шевкаль намѣревался, избивъ князей тверскихъ, самъ сѣсть на тверскомъ княженіи, а по городамъ посадить своихъ татарскихъ князей, и что будто онъ хотѣлъ привести христіанъ княженія въ свою татарскую вѣру¹⁾). Не невозможно, что Шевкаль дѣйствительно имѣлъ намѣреніе избить тверскихъ князей, но чтобы онъ самъ намѣревался сѣсть на тверскомъ княженіи это вовсе невѣроятно, а еще болѣе невѣроятно то, будто онъ намѣревался привести въ татарскую вѣру христіанъ тверской области. Могли еще Татары мечтать объ обращеніи въ свою вѣру всей Руси: но какой смыслъ могло имѣть обращеніе въ татарскую вѣру одной области русской? Шевкаль былъ посланъ Узбекомъ, а о послѣднемъ мы знаемъ, что онъ отличался совершенно полной вѣротерпимостью. Необходимо думать, что слухъ о намѣреніи Шевкала ввести татарскую вѣру, если только онъ дѣйствительно ходилъ между тверичами, былъ пущенъ самими тверскими князьями съ тою цѣллю, чтобы какъ можно болѣе вооружить народъ противъ ханского послана, какъ это и на самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто²⁾.

О значеніи татарского ига надъ Россіей для христіанской нравственности Русскихъ мы скажемъ ниже, въ особомъ отдѣлѣ о сей послѣдней.

¹⁾ Никон. лѣт., III, 137.

²⁾ Ср. у Соловьевъ т. III, 4-го изд. стр. 277.

МИТРОПОЛИТЫ КИЕВСКИЕ И ВСЕЯ РОССИИ.

МИТРОПОЛИТЬ КИРИЛЛЪ III.

Въ самый годъ нашествія Монголовъ на владимирскую Русь, т.-е. въ 1237-мъ году, прибыть къ намъ изъ Греціи митрополитъ Іосифъ, чтобы занять мѣсто митрополита Кирилла II, умершаго въ 1233-мъ году. Послѣ взятія Монголами Кієва въ 1240-мъ году мы не находимъ этого митрополита въ Россіи и какая была его судьба, остается неизвѣстнымъ, потому что наши лѣтописи, сообщивъ объ его прибытіи, затѣмъ ничего о немъ не говорятъ¹⁾. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что передъ нашествіемъ Батыя на Кіевъ онъ удалился въ Грецію, чтобы избѣжать угрожавшей опасности смерти. Если бы въ минуту взятія Батыемъ Кіева онъ находился въ послѣднемъ и быть убитъ въ немъ Монголами, то лѣтописи едва ли бы преминули сказать о мученической смерти митрополита, увѣличившей его доблестное поведеніе какъ настыря. Не должно и несправедливо было бы слишкомъ удивляться тому, что у митрополита—принадѣга Грека не нашлось самоотверженной готовности раздѣлить судьбу съ своей настойкой: какъ мы знаемъ, некоторые изъ епископовъ нашихъ, природные Русскіе, искали спасенія отъ Монголовъ въ бѣгствѣ.

Послѣ нашествія Монголовъ на мѣсто Іосифа митрополитъ поставленъ былъ не изъ Грековъ, а изъ природныхъ Русскихъ. Отчего это случилось,—отъ того ли, что Русскіе восхитили у Грековъ ихъ права, или, наоборотъ, отъ того, что Греки поступились Русскимъ своими правами, остается неизвѣстнымъ. Если первое, то Русскіе, по какой-то невѣдомой причинѣ, хотѣли восхитить у Грековъ ихъ права

¹⁾ И о прибытіи Іосифа въ Россію читается запись только въ одной лѣтописи,—Новгородской. Конецъ 1237-го года: „того же лѣта приде митрополитъ Гречинъ изъ Никѣи въ Кіевъ, именемъ Есифъ“ (изъ Новгородской лѣтописи бѣрутъ позднѣйшіе лѣтописные своды).

только отчасти: митрополить, избранный ими самими и изъ природныхъ Русскихъ, ходить для посвященія къ патріарху¹⁾). Но гораздо и неравнѣнно вѣроятнѣе послѣднее, т.-е. что Греки поступились своимъ правами. Митрополить Іосифъ, бѣжавшій отъ Монголовъ изъ Россіи, долженъ былъ принести въ Грецію страшныя вѣсти объ ужасахъ, творившихся въ нашемъ отечествѣ, и совершение естественно было случиться тому, чтобы на этотъ разъ не нашлось между Греками охотниковъ занять кафедру русской митрополії, несмотря на всю ея привлекательность...

Въ самой Россіи позаботиться о замѣщеніи кафедры митрополії, какъ само собою понятно, должны были тѣ ея князья, которые были въ ней старшинами. Въ минуту нашествія Монголовъ на Россію уже не было великаго князя кіевскаго; вместо одного великаго князя тогда были два великія князя, сидѣвшіе на двухъ наискось противоположныхъ окраинахъ страны—владимирскій и галическій. Изъ этихъ двухъ великихъ князей взять на себя дѣло избрания митрополита великий князь галическій Даниилъ Романовичъ, который передъ самимъ нашествіемъ Монголовъ овладѣлъ и Кіевомъ. Не должно однако, кажется, думать, чтобы Даниилъ потому именно присвоилъ себѣ дѣло избрания митрополита, что владѣлъ столицей митрополії: овладѣвъ Кіевомъ передъ самимъ нашествіемъ на него Монголовъ, Даниилъ послѣ этого нашествія, когда Монголы прекратили его въ совершиении развалины, какъ будто бросить его, таѣ что въ минуту избрания имъ митрополита Кіевъ едва ли не былъ въ такомъ положеніи, что не принадлежалъ никому, и во всякомъ случаѣ, кажется, не принадлежалъ ему—Даниилу²⁾). Какъ было произведено Данииломъ избрание митрополита,—

¹⁾) Въ этомъ случаѣ дѣло могло бы быть представляемо такъ, что пока Греки собирались избрать митрополита, великий князь Даниилъ Романовичъ, побуждаемый обстоятельствами, о которыхъ ниже, увидѣть себя въ необходимости самому избрать его и что Греки не нашли удобнымъ протестовать противъ избрания. А продолжительность сборовъ со стороны Грековъ, которые впрочемъ и вообще не торопились избраніемъ нашихъ митрополитовъ, должно было бы объяснять тѣмъ, что съ 1240-го по 1243-й годъ у нихъ не было патріарха.

²⁾) Кто владѣлъ Кіевомъ непосредственно послѣ нашествія на него Монголовъ, мы не знаемъ (а на основаніи сообщаемаго Инатскою лѣтописію о Михаилѣ Черниговскомъ, который пришелъ въ него тотчасъ послѣ его взятія Монголами,— 2 изд. стр. 524 ін., со всемъ вѣроятностію слѣдуетъ думать, что имъ не владѣлъ никто, потому что тотчасъ послѣ этого взятія въ немъ не только нечѣмъ было владѣть, но негдѣ было и жить). Въ концѣ 1245-го года, когда Даниилъ Романовичъѣхалъ чрезъ него въ Батыю (годъ у Плано-Карпини, см. сейчасъ виже), въ

по соглашению съ великимъ князомъ владимирскимъ или безъ этого соглашения, оиять остается неизвѣстнымъ. Если безъ соглашения, что представляется болѣе вѣроятнымъ, то должно думать, что великій князь владимирскій, или также съ своей стороны помышливший о замѣщении каѳедры митрополичей или, можетъ быть, ожидавшій митрополита изъ Греціи, узнавъ объ избраніи послѣдніго Данииломъ, не разсудилъ протестовать противъ сего и остался ждать, что принесетъ избранный кандидатъ отъ патріарха.

Данииль Романовичъ избралъ митрополита сравнительно въ очень непродолжительномъ времени послѣ покоренія Монголами Кіева и его галичской области, еще прежде чѣмъ формальнымъ образомъ установилась ихъ власть надъ Россіей. Полагаемъ, что эту сравнительную носиѣшность нужно объяснять случившимися обстоятельствами. Великій князь галичскій удалился отъ Монголовъ въ Венгрію, а изъ Венгріи въ Польшу. Во время его отсутствія, когда Монголы, покоривъ области кіевскую и галичско-волынскую, ушли въ тѣ же Венгрію и Польшу, присвоилъ себѣ митрополичи права надъ церковью, находившеюся въ предѣлахъ великаго княжества галичскаго, епископъ угровскій Іоасафъ¹⁾. Городъ Угровскъ или Угровескъ (Угорескъ), который былъ построенъ самимъ Данииломъ и въ которомъ была открыта имъ епархія²⁾, служилъ великому князю столицей вмѣсто Галича, такъ какъ въ послѣднемъ оиять не хотѣлъ имѣть пребыванія. Вѣроятно, какъ епископъ фактической столицы великаго князя, Іоасафъ и поспѣшилъ присвоить себѣ права митрополичи. Но, весьма оскорбленный его своеоліемъ, Данииль Романовичъ по возвращеніи домой не только отнялъ у него права митрополичи, но даже и совсѣмъ лишилъ его епископскаго престола. Однако, неудавшееся своеоліе Іоасафово все-таки имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что каѳедра митрополіи становилась на иѣкоторое время занятую. Устранивъ съ каѳедры кандидата самовольнаго, Даниилъ могъ находить неудобнымъ оставлять ее праздною послѣ бывшаго ея занятія, и это-то и могло побудить его къ тому, чтобы поспѣшить избраніемъ кандидата законнаго. Какъ бы то ни было, только

немъ сидѣть бояринъ великаго князя владимирскаго Ярослава,—Іпатск. лѣт. подъ 1250-мъ годомъ, 2 изд. стр. 535.

¹⁾ Іпатск. лѣтоп. подъ 1223-мъ годомъ 51н., 2 изд. стр. 494 51н.. Лѣтопись не говорить прямо, что Іоасафъ „скочилъ на столь митрополичъ“ въ отсутствіе Даниила, но это необходимо предполагать, потому что иначе князь не допустилъ бы его сдѣлать это.

²⁾ См. I тома Исторіи 2-ю полов.. стр. 578.

законного кандидата, илькоего Кирилла, Данійль избралъ еще до возвращенія Батыева изъ Венгрии, следовательно—не позднѣе первой половины 1242-го года ¹⁾.

Кто такой быть этотъ Кириллъ, избранный Данійломъ Романовичемъ въ митрополиты русскіе, остается неизвѣстнымъ. Такъ какъ мы съ увѣреніостю можемъ сказать, что онъ не быть однимъ изъ числа епископовъ области галичско-волынской, то должно предполагать, что онъ былъ или изъ игуменовъ какого-нибудь монастыря области или же и изъ простыхъ монаховъ ²⁾.

Данійль Романовичъ избралъ кандидата въ митрополиты не съ тѣмъ, чтобы онъ и поставленъ быть въ самой Россіи; для посвященія кандидатъ имѣть отиравтися въ Грецію къ патріарху. Путешествіе къ патріарху избранный митрополитъ предприняты не скоро. Вѣроятно, Данійль Романовичъ не хотѣть посыпать Кирилла на поставленіе прежде, чѣмъ совершиенно не устроить своихъ отношеній къ Монголамъ, а это случилось только въ концѣ 1245—началѣ 1246-го года, когда онъ благополучно спутешествовалъ въ Орду къ Батыю ³⁾. Спу-

¹⁾ Ипатск. лѣтоп. подъ 1243-мъ годомъ (неправильно вмѣсто 1242-го г.). Данійль Романовичъ, услышавъ, что Батый идеть назадъ изъ Венгрии, поѣхалъ изъ Холма, въ который перенесъ свою столицу изъ Угровска, къ брату своему Васильку во Владимиръ и взялъ съ собой Кирилла (парченаго) митрополита.

²⁾ Кромѣ епархіи угровской въ области галичско-волынской были еще три епархіи: галичская, перемышльская и владимирская. Тогдашніе епископы галичской и владимирской извѣстны намъ по имени (I тома 1-я половина, стрр. 552 и 573); епископъ перемышльский неизвѣстенъ по имени, но его нельзѧ предполагать, потому что онъ былъ врагъ Даніила (Ипатск. лѣт. подъ 1241-мъ годомъ sub. fin.. 2 изд. стр. 527 fin., точно такъ же, какъ и епископъ галичскій, ibid. непосредственно выше). Послѣ собственныхъ епископовъ области галичско-волынской не невозможно вирочемъ думать еще на двухъ епископовъ, это—юрьевскаго и бѣлогородскаго, епархіи которыхъ прекратили свое существованіе, нѣть сомнѣнія, въ нашествіе Монголовъ, но которые могли пережить свои епархіи и имена которыхъ неизвѣстны.—Предполагать, чтобы митр. Кириллъ былъ тотъ печатникъ Даніила Романовича, который является при немъ въ 1241-мъ году (Ипатск. лѣт. подъ этимъ 1241-мъ годомъ), мы не видимъ никакого дѣйствительного основанія. Печатникъ Кириллъ представляется намъ какъ человѣкъ военный почти одновременно съ тѣмъ, какъ избранъ быль митрополитъ.

³⁾ Ипатская лѣтопись говоритъ о путешествіи Даніила въ Орду подъ 1250-мъ годомъ. Но Плано-Карпини, бывшій у брата Даніилова Васильки въ началѣ 1246-го года, ясно свидѣтельствуетъ о Даніилѣ, что онъ былъ тогда у Батыя. Да и сама лѣтопись говоритъ, что во время проѣзда Даніилова къ Батыю черезъ Кіевъ въ

стя то или другое непродолжительное время послѣ ордынского путешествія Даниила, изъ котораго князь возвратился въ Февраль—Мартъ втораго указаннаго года, Кирилль отправился къ патріарху въ Никею, где этотъ постѣдній имѣлъ тогда пребываніе, и возвратился отъ него на Русь поставленнымъ митрополитомъ не позднѣе 1249-го года¹⁾.

Нока Кирилль оставался митрополитомъ только избраннымъ, онъ завѣдывалъ на правахъ митрополичьихъ тѣми епархіями, которыя находились въ предѣлахъ великаго княжества галичскаго. Но болѣе чѣмъ нѣроятно, что его власть не простидалась на всѣ другія епархіи, находившіяся въѣзѣ великаго княжества, такъ что епископы этихъ другихъ епархій за промежутокъ времени отъ бѣгства Іоанніоса и до посвященія его—Кириллова, продолжавшійся около 10-ти лѣтъ, должны быть представлены какъ не имѣвшіе надъ собою начальника и самостоятельные или самовластные. Посвященный патріархомъ, Кирилль былъ призванъ и стать митрополитомъ всей Руси.

Очень можетъ быть, что въ сузdalской Руси митрополитъ не тотчасъ же былъ бы призванъ съ полною готовностію; но ему помогли обстоятельства. Одновременно съ тѣмъ, какъ предъявлять ему свои права на сузdalскую Русь, здѣшній великий князь Андрей Ярославичъ²⁾ вступилъ въ бракъ съ дочерью Даниила Романовича. Не нѣроятно думать, что и митрополитъ съ своей стороны и въ своихъ интересахъ содѣйствовалъ устроенію этого брака. Какъ бы то ни было, только осеню 1250-го года, болѣе или менѣе вскорѣ послѣ возвраща-

послѣдніемъ сидѣлъ бояринъ владимирскаго великаго князя Ярослава Всеволодовича, а Ярославъ умеръ въ 1246-мъ году (о путешествіи Кирилла лѣтоискь говорить какъ объ имѣніемъ мѣсто послѣ путешествія Даниила въ Орду; но въ 1250-мъ году Кирилль не только уже возвратился изъ путешествія, но и прибылъ уже во Владимирскую Русь). Что Даниилъ возвратился отъ Батыя въ Февраль—Мартъ 1246-го года, см. ниже въ рѣчахъ объ его сношеніяхъ съ напои.

¹⁾ Что Ипатская лѣтоискь говорить совершиенную неправду, будто Кирилль отправился къ патріарху на поставление въ 1250-мъ году, это видно изъ сказаннаго сейчасъ выше. Ношедь на поставление черезъ Венгрию, онъ настойчиво прошень было венгерскимъ королемъ принять на себѣ старашій объ устроеніи брака между дочерью его—королеи и сыномъ Даниила, на что онъ согласился и для чего возвращался въ Галицію,—Ипатек. лѣт. ibid. . Венгерскіе историки относятъ этотъ бракъ къ 1245-му году,—Geschichte von Цигаги Фесслера, въ обработкѣ Клейна, I, 392; но это также несправедливо.

²⁾ Ярославъ Всеволодовичъ умеръ въ 1246-мъ году; ему наследовалъ братъ его Святославъ, котораго въ 1248-мъ году согналъ съ престола сынъ его Андрей.

щениј отъ патріарха съ поставленија, Кириллъ прибылъ въ съвериую Русь, чтобы явить себя ей, и отсѣлѣ началь бытъ ея митрополитомъ.

Прежде всего митрополитъ Кириллъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ управлялъ рускою церковью болѣе продолжительное время, чѣмъ кто-нибудь изъ его предшественниковъ (сколько знаемъ) и преемниковъ. Возвратившись съ поставленија въ 1248-мъ или 1249-мъ году, онъ жилъ и оставался на каѳедрѣ до конца 1281-го года. Слѣдовательно, правилъ церковью въ продолженіе 30-ти слишкомъ лѣтъ.

Выдающуся особенность правленія митр. Кирилла противъ его домонгольскихъ предшественниковъ составляетъ то, что онъ не пребывалъ постоянно въ Кіевѣ на своей каѳедрѣ, но оставлялъ свою митрополичью столицу на болѣе или менѣе продолжительныя времена, если только не большою частію отсутствовалъ изъ неї, чтобы жить въ другихъ мѣстахъ. Съ половины XII вѣка, со временеми Андрея Бого-любскаго, когда явилось и быстро возымѣлось суздалско-владимирское великое книженіе, Кіевъ постепенно началъ падать въ смыслѣ политическомъ. Сначала великие князья его должны были уступить первенствующее мѣсто вновь явившимся великимъ князьямъ, потомъ со степеніи великихъ князей они низошли на степень простыхъ князей и наконецъ передъ самыми нашествіеми Монголовъ древняя столица Руси лишилась и какихъ бы то ни было князей: захваченный въ 1238-мъ году галичскимъ великимъ княземъ Данииломъ Романовичемъ Кіевъ присоединенъ былъ ко второму вновь явившемуся великому книженію въ качествѣ пригорода и получилъ себѣ въ намѣстники великокняжескаго боярина. Если бы и не случилось нашествія Монголовъ, которое окончательно уничтожило всякое значеніе Кіева и сдѣлало его даже мѣстомъ небезопаснымъ для обитанія: то весьма вѣроятно, что у митрополитовъ вошло бы въ обычай на болѣе или менѣе продолжительныя времена покидать его, чтобы жить при великихъ князьяхъ. Церковь, конечно, можетъ существовать и въ северинской отдельности отъ государства; но древнія времена наши не были такими временами, когда могло бы это быть и когда бы митрополиты наши могли не сознавать нужды въ тѣсныхъ связяхъ съ великими князьями, какъ съ охранителями церкви. Нашествіе Монголовъ должно было рѣшительнымъ образомъ содѣйствовать тому, чтобы митр. Кириллъ пересталъ постоянно жить въ Кіевѣ и началь часто и надолго оставлять его для пребываній то при одному, то при другомъ великому князю. Монголы при своемъ взятіи Кіева предали странному, поголовному, избіенію его жителей, и такъ какъ онъ не задолго передъ тѣмъ сталъ городомъ безкняжескимъ или пригородомъ, то не могъ привлечь въ себя новыхъ

жителей; а поэтому вмѣсто населеннѣйшаго и лучшаго города Руси, каковымъ онъ былъ до нашествія Монголовъ, онъ сталъ послѣ нашествія ничтожнѣйшимъ и крайне бѣднымъ городкомъ, изъ котораго стремились разбѣжаться и тѣ немногіе жители, которые спаслись отъ меча Монголовъ. Естественно, что у митрополита не могло быть охоты постоянно обитать въ подобномъ городѣ, въ которомъ онъ долженъ быть бы чувствовать себя въ совершенномъ одиночествѣ, сходствуя съ сельскимъ священникомъ захолустнаго прихода. При этомъ, какъ мы сказали, послѣ нашествія Монголовъ Кіевъ сталъ мѣстомъ даже и небезопаснымъ для обитанія: онъ пересталъ имѣть своихъ князей, которые бы защищали и охраняли его, а между тѣмъ, съ одной стороны, дѣлали непрестанные набѣги на его область Литовцы ¹⁾, а съ другой стороны— Татары, протянувшись своими становицами по всей степи половецкой отъ Волги до Днѣпра и по-за Днѣпра, находились своимъ собственнымъ лицомъ въ такомъ близкому сосѣдствѣ съ нимъ, какъ Каневъ и поле Переяславское ²⁾.

Къ сейчасть указаннымъ выѣзжимъ причинамъ, побуждавшимъ митр. Кирилла оставлять Кіевъ на болѣе или менѣе продолжительныя времена, съ большою вѣроятностію должна быть присоединяема причина внутренняя, которая заставляла его покидать Кіевъ для того, чтобы предпринимать путешествія по Руси. Имѣемъ мы основанія предполагать, что митр. Кирилль былъ пастырь особенно ревностный. Можно поэтому думать, что онъ хотѣлъ сдѣлать приложеніе своей ревности иное противъ своихъ предшественниковъ, а именно—что онъ хотѣлъ предпринимать путешествія по Руси, чтобы самому лично учить, наказывать, исправлять. Но крайней мѣрѣ, Никоновская лѣтощись говорить объ этой причинѣ предпріятія митр. Кирилломъ многократныхъ путешествій по Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и многократныхъ покиданій Кіева, положительнымъ образомъ ³⁾.

Наконецъ, можно еще подозрѣвать, что, придавая офиціальный характеръ своимъ путешествіямъ и дѣлая служебно-полезное ихъ приложеніе, митр. Кирилль ввелъ или завелъ новый способъ совершенія своего апелляціоннаго суда на судъ епархіальныхъ епископовъ, именно— чтобы не вызывать тяжущихся къ себѣ, а самому черезъ извѣстные

¹⁾ Плано-Карини, гл. I.

²⁾ Ibid., срѣд. Ипатск. лѣт. стр. 555.

³⁾ III, 69, подъ 1280-мъ годомъ: „того же лѣта преосвященный Кирилль митрополитъ Кіевскій и всея Русіи изыде изъ Кіева по обычаю своему, и проходяше грады всея Руси, учаще, наказуяше, исправляше“...

промежутки времени обывать епархіи, и такимъ образомъ производить судь на мѣстѣ, т. е. на мѣстѣ по крайней мѣрѣ въ томъ обширномъ смыслѣ, чтобы творить судь въ каѳедральномъ городѣ каждой епархіи. Къ нарочитымъ рѣчамъ обѣ этомъ мы возвратимся послѣ, въ особой главѣ обѣ управлений.

Какъ бы то ни было, мы положительнымъ образомъ знаемъ, что митр. Кириллъ многократно приходилъ въ сѣверную Русь, чтобы пребывать съ здѣшними величими князьями. Относительно этихъ его путешествий на Сѣверъ и пребываній здѣсь мы находимъ въ лѣтописяхъ слѣдующее. Въ 1250-мъ году, спустя то или другое непродолжительное время послѣ своего возвращенія отъ патріарха съ поставленія, онъ отиравился изъ Кіева въ суздальскую Русь и прибыть во Владимириѣ черезъ Черниговъ и Рязань¹⁾. Въ слѣдующемъ 1251-мъ году онъ ходилъ изъ Владимира въ Новгородъ къ князю Александру Ярославичу Невскому и вмѣстѣ для поставлений новгородцамъ епископа (Далматы на мѣсто умершаго Спиридона). Въ 1252-мъ году онъ находился во Владимириѣ и посадилъ здѣсь на великому княженіи Александра Ярославича. Въ 1255-мъ году онъ опять находился во Владимириѣ, а въ слѣдующемъ 1256-мъ году путешествовалъ съ великимъ княземъ въ Новгородъ. Въ 1262-мъ году мы видимъ его въ Ростовѣ, гдѣ онъ неставилъ епископа (Игнатія на мѣсто умершаго Кирилла), а въ слѣдующемъ 1263-мъ году — во Владимириѣ, гдѣ онъ похоронилъ Александра Ярославича Невскаго. Очень можетъ быть, что послѣ 1252-го и 1256-го годовъ митрополитъ не уходилъ изъ сѣверной Руси и провелъ въ ней сподрядъ все времія съ 1250-го по 1263-й годы; но лѣтописи говорятъ неопределенно, сообщая только о пребываніи митрополита на Сѣверѣ въ извѣстные, сейчасъ указанные, годы. Въ 1274-мъ году митрополитъ пришелъ изъ Кіева во Владимириѣ, приведши съ собой архимандрита Нечерского Серапіона для поставлений въ епископы владимирскіе. Въ 1281-мъ году митрополитъ пришелъ изъ Кіева въ область суздальскую и здѣсь въ этомъ же году и окончилъ свою жизнь въ городѣ Переяславль Залѣсскому.

На мѣсто епископа владимирскаго Митрофана, убитаго Монголами при взятіи Владимира въ 1238-мъ году, Кириллъ поставилъ нового епископа только въ 1274-мъ году. Это обстоятельство если не даетъ основаній думать, чтобы въ продолженіе очень долгаго времени своего

¹⁾) Митрополитъ прибылъ въ суздальскую Русь осенью 1250-го года и зимой того же года онъ вѣнчалъ во Владимириѣ великаго князя Андрея Ярославича съ дочерью Даніиломъ Романовича.

правлений онъ имѣть мысль перенести изъ Киева во Владимиръ кафедру митрополії, то даетъ полное основаніе предполагать, что въ продолженіе очень долгаго времени своего правления онъ имѣть мысль оставить владимирскую епархію за митрополитами, подобно тому, какъ послѣ перенесенія кафедры изъ Киева во Владимиръ митрополиты оставили за собой епархію киевскую. Во всякомъ случаѣ, это медленіе съ поставленіемъ епископа значить то, что митрополитъ какъ можно дольше хотѣть оставлять во Владимирѣ, такъ сказать, свободнымъ мѣсто для самого себя и стѣдовательно—что онъ желалъ пріѣзжать въ него какъ можно чаще.

Что касается до пребыванія или пребываній митрополита въ Киевѣ, то мы знаемъ изъ лѣтописей, что онъ находился въ немъ въ 1274-мъ году, въ которомъ пришелъ изъ него во Владимиръ, потомъ въ 1276-мъ году, зимой котораго поставилъ въ немъ епископа новгородскаго (Клиmentа на мѣсто умершаго Далмата¹⁾), и наконецъ—въ 1281-мъ году, въ которомъ пришелъ изъ него въ область суздальскую.

Многократныя посѣщенія Кирилломъ съверной Руси заставляли бы предполагать, что онъ еще болѣе многократно посѣщалъ свою родину Галицію, великимъ княземъ которой онъ избранъ былъ въ митрополиты. Однако, обѣ этихъ посѣщеніяхъ его мы совершиению ничего не знаемъ. О нихъ не только вовсе не говорять съверные лѣтописи, но совсѣмъ не говорить и собственная лѣтопись галичско-волынская (Ипатская). Эта послѣдняя лѣтопись, сказавъ обѣ избраний Кирилла Данииломъ Романовичемъ и обѣ его путешествій къ патріарху на поставленіе, затѣмъ не упоминаетъ о митрополитѣ ни единимъ словомъ, точно онъ перестать существовать. Какъ понимать это молчаніе, не легко рѣшить. Съ одной стороны, оно наводитъ на подозрѣніе, что Кирилль по какими-то причинамъ отчуждался отъ своей родины, послѣ того какъ стать митрополитомъ всей Руси, а съ другой стороны—галичско-волынская лѣтопись ведеть себя по отношенію къ нему такъ, что ея молчаніе, можетъ быть, и ничего не значить: упомянувъ обѣ его избраний въ митрополиты великимъ княземъ и обѣ его путешествія къ патріарху,—въ оба раза совершило случайнымъ образомъ, она не говорить даже, чтобы онъ (Кирилль) приходилъ къ Даниилу Романовичу тотчасъ послѣ посвященій, а между тѣмъ это по крайней мѣрѣ уже совершиению необходимо предполагать. Даниилъ Романовичъ имѣть сношенія съ папою

¹⁾ А вѣроятно, также и владимирскаго Феодора на мѣсто скоро умершаго Серапіона, который поставленъ въ томъ же году (прежде Клиmentа), но мѣсто постановленія котораго въ лѣтописяхъ не описано.

римскимъ, и можно было бы подумать, что онѣ оттолкнули митрополита отъ князя; но сношения продолжались не все время правлениі Даниилова и, какъ кажется, не доходили до того, чтобы митрополит имѣть причины разорвать свои связи съ княземъ, а если и доходили, то весьма не надолго; кромѣ того, послѣ смерти Даниила въ 1264-мъ году Кирилль оставался митрополитомъ цѣлые 17-ть лѣтъ при сынѣ его Львѣ. Не находя возможнымъ решить вопроса объ отношеніяхъ Кирилла къ Галиціи и галическимъ великимъ князьямъ положительнымъ образомъ, мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ то, что не должно дѣлать никакихъ особыхъ выводовъ изъ молчанія галическо-волынскій лѣтописи. Можетъ быть только принимаемо за весьма вѣроятное и даже болѣе чѣмъ вѣроятное, что между двумя частями Руси и своей митрополіи онѣ видѣли главную часть государства и церкви не въ своей родинѣ Галиціи, а въ Руси сѣверной, владимирской.

Митр. Кирилль призванъ былъ управлять русскою церковью, когда надъ русской землей началось владычество Монголовъ. Послѣ страшнаго опустошенія Руси во времи самаго порабощенія, при чемъ церковь въ лицѣ духовенства и въ мѣстахъ общественнаго богослуженія—храмахъ потерпѣла столь же ужасно, какъ и государство, Монголы оставили Русскимъ совершиенно неприкосновеною ихъ вѣру и совершили неприкосновенными права ихъ духовенства, вообще оставили имъ ихъ церковь безъ всякаго измѣненія въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась до ихъ—Монголовъ нашествія. Это признаніе неприкосновенности вѣры и правъ духовенства, какъ говорили мы выше, заявлено было Монголами не посредствомъ дарованія нашему духовенству какой инбѣль жалованной грамоты, а фактически, или на самомъ дѣлѣ (самымъ дѣломъ). Совершеннная вѣротерпимость была общимъ ихъ принципомъ: во всѣхъ земляхъ, которыи они покорили прежде Руси, они оставляли полную свободу вѣры; ту же свободу вѣры оставили они и Русскимъ послѣ порабощенія ихъ земли своей власти. Такимъ образомъ, митр. Кирилль при своемъ возшествіи на престолъ не имѣлъ нужды заботиться и стараться о томъ, чтобы установить тѣ или иные отношенія Монголовъ къ русской церкви, чтобы испрашивать ей у хана лѣготъ и преимуществъ: отношенія возможно благопріятныя установились сами собою и до занятія имъ престола, такъ что ему только оставалось съ благодареніями Богу признать радостный фактъ. Очень можетъ быть, что Кирилль послѣ своего посвященія въ митрополита путешествовалъ въ Орду, для представленія хану, каковымъ быть тогда самъ покоритель Руси Батый; но вѣроятнѣе, что--нѣтъ, потому что лѣтописи едва ли бы умолчали объ этомъ путешествіи, если бы оно

имѣло мѣсто. Батый въ своемъ величиіи могъ не интересоваться тѣмъ, чтобы видѣть большаго русскаго попа, какъ называли Монголы нашихъ митрополитовъ, а митрополитъ съ своей стороны едва ли могъ имѣть охоту добиваться чести быть представляемымъ хану.

При третьемъ преемнике Батыевомъ, ханѣ Беркаѣ или Беркаѣ, въ 1261-мъ году была учреждена митрополитомъ Кирилломъ епископская кафедра въ столицѣ ханской Сараѣ. Къ сожалѣнію, лѣтописи не сообщаютъ намъ исторіи учрежденія кафедры, ограничиваясь только тѣмъ, что подъ этимъ годомъ говорятъ: «того же лѣта постави митрополитъ епископа Митрофана Сараю»¹⁾. Представлять дѣло такъ, чтобы самъ митрополитъ обратился къ хану съ просьбою о дозвolenіи учредить кафедру, весьма малоѣвроятно, ибо подобная просьба была бы со стороны митрополита такимъ притязаніемъ, заявлять которое оигъ не могъ отважиться; гораздоѣвроятнѣе, что самъ ханъ потребовалъ у митрополита учрежденія кафедры, дабы имѣть представителями при себѣ русскаго духовенства не простыхъ священниковъ, а епископовъ. Такъ или иначе, но это учрежденіе епископской кафедры въ столицѣ ханской показываетъ степень терпимости Монголовъ къ нашей вѣрѣ. Епископы сарайскіе, пребывая постоянно при ханахъ какъ во время житѣя послѣднихъ въ столицѣ, такъ и во время кочеванія ихъ по степи²⁾, должны были получить очень важное дипломатическое значеніе для русскихъ митрополитовъ и великихъ князей: они могли извѣщать тѣхъ и другихъ о всемъ происходившемъ въ Ордѣ, могли заводить тамъ нужную въ нашихъ интересахъ знакомства между боярами и пр., вообще могли имѣть тамъ такое же значеніе, какое имѣютъ въ настоящее время состояніе при другихъ дворахъ посланники. Вирочемъ, въ случаѣ борьбы между князьями, дѣлаясь сторонниками неправыхъ между послѣдними, они могли проявлять свое влияніе и весьма вреднѣмъ для отечества образомъ. Епископы имѣли завѣдывать не только тѣми Русскими, которые жили между самими Монголами и которыхъ въ первое по крайней мѣрѣ время существовало быть между ними очень много³⁾, но и некоторою частію и собственної Руси, именно—имѣть под-

¹⁾ Лаврентьевская, за нею Иконовская.

²⁾ Что епископы, постоянно пребывая при ханахъ, кочевали имѣстѣ съ ними, это дается знать въ вопросѣ епископа Феогноста Константинопольскому собору, который приведенъ нами выше,—стр. 41.

³⁾ Множество Русскихъ уведено было Монголами въ пленъ при пораженіи Руси; затѣмъ, въ первое по крайней мѣрѣ время, они производили въ ней, какъ и въ другихъ покоренныхъ странахъ, весьма спѣшными военными конскрипціями, см.

чинена была прилежавшая къ монгольскимъ кочевиимъ на сѣверо-западномъ краю послѣднихъ епископія переяславская ¹⁾). Что епископамъ сарайскимъ дозволено было ханами обращать Татаръ въ христіанство и что такія обращеній, въ бѣльшемъ или меньшемъ числѣ, дѣйствительно имѣли мѣсто, обѣ этомъ мы сказали выше (стр. 41).

Въ 1279-мъ году, не задолго до своей смерти, митр. Кирилль исходатайствовалъ у преемника Беркаева хана Менгу-Темира ярлыкъ, которымъ ограждалась неприкосновенность вѣры и правъ духовенства отъ посягательствъ монгольскихъ чиновниковъ и который, какъ необходимо думать, былъ вызванъ тѣмъ, что чиновники болѣе или менѣе позволяли себѣ эти посягательства. Въ Никоновской лѣтописи подъ 1279-мъ годомъ читается: «Того же лѣта прииде Феогнастъ епискупъ Сарайскій въ третій (и)зъ Греческія земли, изъ Цариграда; посыпалъ убо его пресвященній Кирилль митрополитъ Кіевскій и всеа Руси и царь Ординскій Менгутемиръ къ патріарху и ко царю Михаилу Чалеологу Греческому, — отъ пресвященнаго Кирила митрополита грамоты и поминки и отъ царя Менгутемира грамоты и поминки (отъ обою)» ²⁾. Это извѣстіе должно понимать такъ, что ханъ Менгу-Темиръ имѣлъ нужду отправить посольство къ императору Михаилу, вѣроятно — изъ-за Ногая, предводителя частной монгольской Орды, отторгнувшейся отъ Золотой или Сарайской и кочевавшей сначала по берегу Чернаго моря, а потомъ въ низовьяхъ Дуная, и что для

у Илано-Каринии Свѣдѣній ст. VII, также *Гамма* *Geschichte d. gold. Horde*, S. 146, а наконецъ — говорится еще о какихъ-то Русскихъ (первоначальныx) казакахъ или родоначальникахъ послѣдующихъ казаковъ), которые считались въ степяхъ и грабили путешественниковъ (Рубруквісь, см. у *Карамз.* IV, 35. Такъ какъ между Монголами проживало иѣкоторое количество православныхъ христіанъ изъ епархій кавказскихъ, то епископы этихъ послѣднихъ епархій изъявляли пріязніе на то, чтобы посѣщать епархію сарайскую ради своихъ насомыхъ; Константинопольскій патріаршій соборъ 1276-го года постановилъ, что эти проживающіе между Монголами кавказские христіане должны подлежать вѣданію епископа сарайскаго, см. греческій подiplинкъ отвѣтъ собора епископу сарайскому Феогносту въ Памятникахъ древне-руssкаго канонического права, изданныхъ Археографическою Комиссією (*А. С. Павловъ*), I, втораго счета col. 10. § 15).

¹⁾ О поставленіи митр. Кирилломъ въ 1269-мъ году второго епископа сарайскаго Никоновская лѣтопись пишеть: „того же лѣта пресвященній Кирилль митрополитъ Кіевскій и всеа Русії постави Феогнаста епискупомъ Русскому (т. е. Кіевскому) Переяславлю и Сараю” — III. 50 нач.. Въ надписації дѣяній владимирскаго собора 1274-го года этотъ Феогностъ называется переяславскимъ.

²⁾ III, 62.

бѣльшої успѣшиости посольства онъ приглашать къ содѣйствію себѣ митр. Кирилла. Не безъ вѣроятности можно думать, что для послѣдней цѣли онъ вызывалъ митрополита къ себѣ въ Сарай, и симъ-то личнымъ пребываніемъ у хана по его собственному дѣлу и могъ воспользоваться митрополитомъ, чтобы испросить у него ярлыкъ¹⁾). Употребленіе епископа сарайскаго въ посланики и приглашеніе митрополита къ содѣйствію успѣху посольства показываетъ, что между ханомъ Менгутемиромъ и нашою церковью существовали весьма добрыя отношенія. Что касается до епископа, то очень вѣроятно, что и два предшествующія путешествія въ Константионополь онъ совершилъ по порученію хана, хотя въ одно изъ этихъ путешествій, какъ знаемъ и о чёмъ ниже, онъ занимался и дѣлами церковными.

Мы сказали выше, что имѣемъ основанія думать о митр. Кирилѣ, какъ о пастыре особенно ревностномъ. Эти основанія даются намъ сохранившимися до настоящаго времени памятниками его пастырской дѣятельности, бажовыхъ памятниковъ два—пріобрѣтенная имъ для Россіи Кормчая книга съ толкованіями каноновъ и дѣянія владимирскаго собора 1274-го года. На основаніи послѣдняго памятника, который выражаетъ себою заботу и старанія митр. Кирилла освободить до нѣкоторой степени русскую церковь и ея жизнь отъ существовавшихъ въ ней недостатковъ, съ большимъ правомъ нужно считать его пастыремъ не только особенно, но и исключительно ревностнѣмъ, которому среди другихъ высшихъ пастырей русской церкви должно быть отведено одно изъ выдающихся мѣстъ.

Русская церковь обладала славянскимъ переводомъ составляющими законодательство вселенской церкви такъ-называемыхъ каноновъ церковныхъ съ самого первого времени своего существованія. Въ продолженіе периода до-монгольского у насъ находились въ употребленіи въ славянскомъ перевѣдѣ два собранія или изданія каноновъ церковныхъ—систематическое собраніе Иоанна Схоластика, патріарха константионопольскаго, жившаго во второй половинѣ VI вѣка (565—578), значительно неполное, и собраніе расположеннное по порядку соборовъ и отцовъ, едѣланное неизвѣстнымъ или неизвѣстными (составившее вторую часть или такъ-называемую синтагму 14-ти титульного номоканона, который въ окончательной своей редакціи, принадлежащей патр. Фотію, получилъ название Фотіева), также неполное, но уже не зна-

¹⁾ Въ ярлыкѣ Менгутемира какъ будто дѣйствительно дается до нѣкоторой степени знать, что митрополитъ лично присутствовалъ въ Ордѣ, ибо въ немъ говорится: „сему митрополиту грамоту сю даи есмѧ“.

чительно, а только весьма на немногое¹⁾). Заботы митр. Кирилла привлекла, впрочемъ, не столько эта иѣкоторая неполнота каноновъ церковныхъ, находившихся у насъ въ славянскомъ переводе, сколько другое. Въ продолженіе предшествующаго ему XII вѣка у Грековъ явились толкованія на церковные каноны Зонарино, Аристиново и Вальсамоново²⁾). Славянскій переводъ каноновъ, сопровождаемыхъ толкованіемъ, и пожелать онъ приобрѣсти отъ южныхъ Славянъ. Для полученія славянской Кормчей, содержащей каноны съ толкованіями, митронополит обращался съ просьбою къ болгарскому деспоту или болгарскому удѣльному владѣтелю (князю) Іакову Святиславу³⁾). Этотъ послѣдний, испросивъ желаемую Кормчую у своего терновскаго патріарха, приказалъ списать списокъ для митрополита и приелать ему послѣдний неизвѣстно въ какомъ изъ двухъ годовъ—1262-мъ или 1270-мъ⁴⁾.

Приобрѣтеніе митр. Кирилломъ славянской Кормчей, содержащей толкованія на каноны или каноны съ толкованіями, не было, однако, приобрѣтеніемъ слишкомъ цѣннымъ и важнымъ, хотя самъ онъ и усво-

¹⁾ См. I тома 1-ю половину, стр. 365 sqq.

²⁾ Иоаннъ Зонара, сперва императорскій сановникъ, а потомъ монахъ афонскій, написалъ свое толкованіе въ концѣ первой четверти XII вѣка; Алексѣй Аристинъ, помофиляксъ и экономъ великой церкви,— во второй четверти того же вѣка; Феодоръ Вальсамонъ, помофиляксъ и хартофиляксъ великой церкви и потомъ патріархъ антіохійскій (титуларный)—въ третьей четверти того же вѣка.

³⁾ О деспотѣ Іаковѣ Святиславѣ (Свѧтъславѣ) см. у *Стриттера* въ Memogr. рорр. II, 763, 768 нач. Не совсѣмъ понятно, что Кириллъ обращался къ деспоту Святиславу, а не къ самому болгарскому царю Константину Тѣху (можетъ быть, съ десpotомъ онъ свѣтъ знакомство въ свое путешествіе для поставленія въ митрополиты).

⁴⁾ Исторія приобрѣтенія митр. Кирилломъ его Кормчей книги дѣлается извѣстною изъ письма къ нему Святислава и изъ записи одного изъ писцовъ, писавшихъ списокъ для послѣдняго, которая читаются въ иѣкоторыхъ позднѣйшихъ спискахъ Кормчей,—*Восток. Опис. Рум. Муз. CCXXXIII*, стр. 290 sqq. Въ записи писца, написавшаго для Святислава часть Кормчей, означены годы писанія; но въ позднѣйшихъ извѣстныхъ рукописяхъ онъ читается такъ, что можетъ быть принимаемъ и за 1262-й и за 1270-й (самый годъ—послѣдний, а индиктъ при немъ первого года). Покойный И. И. Срезневскій считалъ болѣе вѣроятнымъ первый годъ, см. его „Древніе памятники русскаго письма и языка“ подъ 3262-мъ годомъ и Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ № LXXXI, стр. 11, V; однако на владимирскомъ соборѣ 1274-го года Кириллъ говоритъ о Кормчей такъ, что какъ будто она приобрѣтена имъ въ весьма недавнее передъ тѣмъ время, т.-е. какъ будто болѣе указываетъ на послѣдній годъ, чѣмъ на первый.

ять ему очень большое значение. У южныхъ Славянъ не были переведены пространный толкованія на каноны Зонарино и Вальсамоново, а было переведено весьма краткое толкованіе Аристиново, при чмъ и каноны церковные взяты Аристиномъ для своего толкованія не въполномъ видѣ, а въ сокращенной редакціи. Кормчая книга, содержащая въ себѣ сокращенные каноны церковные, съ краткимъ толкованіемъ Аристиновамъ, не слишкомъ задолго до Кирилла была переведена съ греческаго языка на славянскій св. Саввою, первымъ архіепископомъ сербскимъ¹), и отъ Сербовъ была заимствована Болгарами. Этотъ переводъ Саввы и былъ доставленъ митрополиту Кириллу деснотомъ Святиславомъ²). Въ предисловіи къ дѣяніямъ владимирскаго собора 1274-го года, по поводу своего приобрѣтенія Кормчей, содержащей каноны съ толкованіями, митрополитъ пишетъ, что дотолѣ правила церковныя были у насъ «неразумны» (невразумительны), «помрачени бо бѣаху прежде него облакомъ мудрости елинскаго языка», но что нынѣ, постѣ приобрѣтенія Кормчей, «облисташа, рече и толкованы быша, и благодатию Божію ясно сіяютъ, невѣдѣнія тму отгонище и все просвѣщающе свѣтломъ разумиамъ и отъ гробъ избавляюще». Слова эти, говорящія то, что у насъ до него—митрополита Кирилла не было славянскаго перевода правилъ церковныхъ, приводили ученыхъ въ большое недоумѣніе. Но оказывается, что митрополитъ буквально взялъ загадочные слова изъ предисловія св. Саввы къ его переводу Кормчей. Въ устахъ св. Саввы слова значили то, что у Сербовъ до его времени не было славянскаго перевода правильн., т.-е. что Сербами не были заимствованы отъ Болгаръ существовавшіе у постѣдніхъ славянскіе ихъ переводы и что дотолѣ они обходились греческимъ ихъ оригиналомъ. Митр. Кирилль, не совсѣмъ удачнымъ образомъ повторяющій слова въ ихъ подлинномъ видѣ, конечно, хочетъ сказать, что приобрѣтеніемъ толкованій правила стали гораздо яснѣ.

¹) См. нашъ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 452.

²) См. А. С. Павлова Первоначальный славяно-русскій поморканонъ, Га-занъ, 1869.—Лаковъ Святиславъ въ письмѣ къ Кириллу и одинъ изъ писцовъ списка въ своей записи называютъ посылаемую митрополиту Кормчую книгу Зонарою, тогда какъ въ ней толкованіе не Зонарины, а Аристиновы, вѣроятно, потому, что отъ старѣйшаго изъ толкователей Зонары всякия Кормчія съ толкованіями каноновъ принято было называть Зонарами. Не совсѣмъ понятное для насъ пишетъ Святиславъ митрополиту о своей Кормчей: „а писаніемъ сію (сія) Зонаря да ся искдѣ не пренішеть, понеже тако подобно есть сей Зонаръ во всякомъ царствѣ единой быти на съборѣ, яко же святіи отци уставиша и упредаша намъ“.

(Со времени приобрѣтенія митр. Кирилломъ его Кормчей книги у насъ начало существовать Фотіево собраніе каноновъ церковныхъ въ двухъ редакціяхъ: въ редакціи сокращенной съ толкованіемъ Аристиновыми, въ какомъ видѣ находилось оно въ его—Кирилловой Кормчей, и въ редакціи полной, бывшей у насъ до него, но съ приписаніями изъ его Кормчей тѣми же толкованіями Аристиновыми (а также и въ самыхъ канонахъ съ дополненіемъ изъ его Кормчей въ сокращенной редакціи того немногаго, чего не доставало). Фамилія Кормчихъ, содержащихъ каноны въ первой редакціи, называется по древнѣйшему извѣстному еписку ея, написанному въ 1283-мъ году для рязанскаго епископа Іосифа, фамиліей Рязанской или Іосифовской. Фамилія Кормчихъ, содержащихъ каноны во второй редакціи (полной), называется по таковому же еписку ея, написанному для новгородскаго Софійскаго собора между 1276—1294 годами фамиліей Софійской или Новгородской. Кормчая, напечатанная при патріархахъ Іосифѣ—Никонѣ въ 1650—53-мъ году, представляетъ собою Кормчую Рязанскую).

Въ 1274-мъ году митр. Кирилль принялъ изъ Кієва во Владимириѣ и привѣлъ съ собою архимандрита Печерскаго монастыря Серапіона, для поставленія въ епископы владимирскіе¹⁾). На посвященіе Серапіона митрополитъ призвалъ четырехъ епископовъ: Далмата новгородскаго, Игнатія ростовскаго, Феогноста сарайскаго и Сумеона полоцкаго. Съ этими епископами онъ составилъ соборъ и на соборѣ начерталъ письменное «Правило», состоящее изъ ряда предписаний, направлѣнныхъ къ искорененію существовавшихъ у насъ злоупотреблений въ церковномъ управлении, непрѣпестий въ богослуженіи и недостатковъ въ нравственной жизни духовенства и народа.

1274-й годъ бытъ 25—26-мъ годомъ пребыванія Кирилла на каѳедрѣ митрополичьей, считая со времени его посвященія, и 31-мъ годомъ со времени его избрания. Нельзя представлять себѣ дѣла такимъ образомъ, чтобы слишкомъ многіе годы своего правлѣнія митрополитъ не обращалъ вниманія на недостатки, существовавшіе въ русской церкви, и чтобы по прошествіи долгаго времени вдругъ и внезапно явилось у него желаніе принять мѣры къ ихъ искорененію. Необходимо думать, что вообще онъ бытъ пастырь весьма ревностный,—что въ продолженіе всего времени своего правлѣнія онъ заботился объ искорененіи

¹⁾ Никоновская летопись подъ 1274-мъ годомъ: „Пріиде изъ Кіева Кириль митрополитъ въ Володимеръ и приведе съ собою Серапіона архимандрита Печерскаго въ епискупы Володимеру и Суздалю“,—III, 58. См. еще у Карадз. IV, прим. 153.

недостатковъ, существовавшихъ въ церкви, посредствомъ стараний не-
письменныхъ и что письменными изданіемъ своихъ соборныхъ поста-
новлений или, по его собственному ихъ названию, своего «Правила»,
какъ мѣрою наиболѣе дѣйствительной и прочиою, онъ хотѣть завер-
шить свои предшествовавшия заботы и усиливъ. Въ виду сейчасъ ска-
занного получаетъ вею свою вѣроятность свидѣтельство Никоновской
лѣтописи, хотя, можетъ быть, и составляющее не болѣе какъ простое
предположеніе лѣтописца, только высказанное имъ въ видѣ положи-
тельнаго извѣстія, что митр. Кирилль между прочимъ затѣмъ не рѣдко
оставлялъ Кіевъ и предиринималъ нутешествія по Руси, чтобы всюду
самому лично учить, наказывать, исправлять. Въ предисловіи къ своему
«Правилу», говоря о наказаніи Божіемъ, постигшемъ наше отечество
за пренебреженіе и нарушеніе каноновъ церковныхъ и заповѣдей хри-
стіанскихъ, онъ пишетъ: «Какую прибыль получили мы, оставивъ Божіи
правила? Не разсыпалася ли насть Богъ по лицу всей земли? Не взяты
ли были наши города? Не погибли ли сильные князья наши отъ острія
мечя? Не уведены ли въ пленъ наши дѣти? Не занесѣли ли святыхъ
Божіихъ церкви? Не томяты ли насть на всякий день безбожные и нечи-
стые язычники? Все это случилось намъ за то, что не хранимъ гра-
вить святыхъ и преподобныхъ нашихъ отцевъ». Слова эти показываютъ,
что митрополитъ Кирилль принадлежалъ къ числу тѣхъ людей,
на которыхъ великія народныя бѣдствія дѣйствуютъ пробуждающимъ и
вразумляющимъ образомъ, какъ призывающіе къ исправленію и правствен-
ному улучшенію. Поставленный управлять русскою церковью тотчасъ
посѣ обрушившагося на русскую землю страшнаго всеобщаго бѣдствія,
когда постѣдни, бывъ только-что пройдена Монголами, представила
изъ себя силоюную кучу дамившихся развалинъ, покрытую безчислен-
нымъ множествомъ человѣческихъ труповъ, какъ скопинію травой,
митр. Кирилль, нужно думать, въ виду этого грознаго выраженія Божія
тигла, дать себѣ обѣтъ быть не только правителемъ русской
церкви, но и ей возможнымъ исправителемъ и обновителемъ, и по
мѣрѣ силъ оставался вѣримъ своему обѣту во все свое долговремен-
ное правленіе. На дѣянія владимирскаго собора 1274-го года необходимо
поэтому смотрѣть не какъ на иѣчто внесанное и не какъ на иѣчто изолированное (единичное) въ его дѣятельности, а какъ на за-
ключительное выраженіе тѣхъ стремлений къ исправленію русской
церкви, которыми онъ постоянно былъ одушевленъ во все свое долго-
временное пребываніе на кафедрѣ митрополіи,—какъ на предсмертное
выраженіе въ письменнѣи тѣхъ заботъ, которыми безшельмено онъ носилъ
въ себѣ во вею свою долгую жизнь.

Составляющее дѣянія владимирскаго собора 1274-го года «Правило» митр. Кирилла по своему объему довольно обширо; по своему содержанию оно есть рядъ предписаний противъ недостатковъ, существовавшихъ въ области церковной жизни. Но намъ думается, что оно не представляетъ собою того, чтд собственно было въ мысли митрополита. Рядъ предписаний, который дѣлаетъ онъ съ соборомъ въ Правилѣ, весьма недлиненъ, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что рядъ этотъ могъ бы быть очень длиннымъ. Чтобы митр. Кириллъ не могъ хорошо не знать всѣхъ недостатковъ современной ему церковной жизни, когда онъ сидѣть на каѳедрѣ такое продолжительное время и когда онъ изрочно старался знакомиться съ недостатками, этого невозможно предполагать. Поэтому, намъ рѣшительно думается, что собственнюю мыслю митрополита было то, чтобы начертать возможно полную картину всѣхъ недостатковъ современной церковной жизни съ осужденiemъ всѣхъ, какъ много спустя времени сдѣлать это Стоглавый соборъ, и что если онъ не привѣлъ своей мысли въ исполненіе, то причиной сего должны быть считаемы условія виѣшнія, литературы, именно—что у него съ его сотрудниками не доставало литературной способности на то, чтобы изготовить цѣлую книгу дѣяній соборныхъ, подобную дѣяніямъ Стоглаваго собора.

Какъ бы то ни было, дѣянія владимирскаго собора 1274-го года, называемыя въ ихъ надписаніи Правиломъ¹⁾), должны быть драгоценными для насъ потому, что они представляютъ собою первыя по времени изъ сохранившихся до насъ письменныхъ дѣяній помѣстныхъ соборовъ нашей русской церкви.

Дѣянія собора начинаются вступленіемъ отъ лица митрополита Кирилла; посль вступленія онъ состоять изъ ряда предписаній противъ недостатковъ церковной жизни²⁾.

«Преблагай Богъ наинъ,—начинаетъ митр. Кириллъ свое вступление,—который творить всяческое промышленіе о нашемъ спасеніи и который по недовѣдомымъ Его судьбамъ всеизвѣдительствомъ и пре-

¹⁾ Надписаціе дѣяній: «Правило Кюрила митрополита Русскаго (и) съшьдѣвшихъ еписконъ: Даимата Ноугородскаго, Игнатія Ростовскаго, Феогноста Переяславльскаго, Симеона Полотськаго, на поставление епископа Серапіона Володимирскаго».

²⁾ Дѣянія собора, напечатанныи въ I томѣ Русскихъ Достошамятностей, перепечатаны въ I части Памятниковъ древне-русскаго канонического права, о которыхъ мы упоминали выше. Должно читать дѣянія въ послѣднемъ изданіи, сдѣланномъ возможно удовлетворительнымъ для настоящаго времени образомъ.

мудростю своего Пресвятаго и Иречистаго Духа все приводить въ устроеніе, даруетъ (въ избытьѣ) всѣмъ достойно иршнявшимъ священство потребныи силы на то, чтобы спасено со всякимъ храненiemъ соблюдать святыя правила пресвятыхъ апостоловъ и бывшихъ постѣ нихъ преподобныхъ нашихъ отцоиъ, которые, имъя жизненное слово, своими пречистыми законоположеніями оградили церковь Божію какъ нѣкоторыми твердыми стѣнами и которые положили въ основу ея камень твердости,—тотъ камень, относительно котораго клялся Христосъ, что церковь пребудеть неразрушима отъ самаго ада, какъ имѣющая надежду на слова Спасителя: *дерзайте, Азъ побѣдихъ міръ*¹⁾). Но,— продолжаетъ митрополитъ, обращаясь къ русской церкви,— я Кирилль, смиренный митрополитъ всиа Руси, отчасти чрезъ собственное видѣніе, отчасти чрезъ слышаніе отъ другихъ, знаю о многихъ неустроеніяхъ въ храмахъ (въ дѣлѣ совершенія богослуженія), ибо одни держать такъ, другое иначе, о многихъ несогласіяхъ и нogrѣшніяхъ, (происходящихъ) или отъ небреженія пастырекаго, или отъ неразумнаго обычая, или отъ непосѣщенія епископами (своихъ епархій), или отъ невразумительности правилъ церковныхъ. Постѣдняя причина,—говорить митрополитъ,—невразумительность правиль, въ настоящее время, постѣ пріобрѣтенія Кормчей съ толкованіями, устраниена..., «такъ, на будущее время Богъ да сохраниТЬ насть отъ невѣдѣй, а грѣхъ (несоблюденія правиль по другимъ причинамъ) да простить (и затѣмъ) да ироенѣтъ и да вразумить насть относительно святыхъ правиль, чтобы мы никакъ не дерзали преступнать отеческія заповѣди и чрезъ то не наслѣдовали себѣ горя». Даѣже митрополитъ обращается къ своей наставѣ съ тѣми возваніями, которыя мы приели выше: «Какую прибыль мы получили, оставивъ Божіи правила? Не разсѣяли ли насть Богъ по лицу всей земли?» и пр. «Нынѣ же,—заключаетъ митрополитъ свое вступленіе,—азъ иомыслихъ съ святымъ съборомъ и съ преподобными епископами иѣкаю о церковныхъ венчехъ испытаніе извѣстно (со-)творити».

Предисловій собора, какъ мы сказали выше, нанравлены: противъ злоупотреблений и упущеній въ церковномъ управлении, противъ нogrѣшностей и неправильностей въ совершеніи общественнаго богослуженія и таинствъ и противъ недостатковъ въ нравственной жизни духовенства и народа.

Онѣ суть слѣдующія:

¹⁾ Начало вступленія весьма невразумительно и не имѣетъ грамматической правильности, такъ что приходится воспроизводить его по догадкамъ.

1. Противъ симоній и сребролюбія епископовъ и о поставлениі въ низшія церковныя степени.

Въ Греціи съ весьма древняго времени вошло въ обычай, чтобы епископы взимали плату за поставлениі въ низшія церковныя степени (равно какъ митрополиты за поставлениі въ епископы, а патріархи за поставлениі въ митрополиты). Взиманіе было собственно незаконное и представляло собою, строго говоря, не что иное, какъ симонію; но обычай, несмотря на всѣ старанія противъ него лучшихъ представителей церковной власти, начиная съ Василія Великаго¹⁾, стать общимъ обычаемъ и получить силу закона на томъ основаніи, что общее не есть злоупотребленіе. Очень долгое время не были опредѣлены размѣры платы, такъ что оставалась полная свобода произволу и притязаніямъ корыстолюбивыхъ епископовъ. Наконецъ, образъ дѣйствій этого рода епископовъ вынудилъ императорскую власть назначить опредѣленную таксу, свыше которой не было бы взимаемо. Это сдѣлалъ во второй половинѣ XI вѣка императоръ Исаакъ Комнинъ (1057—1059), который предписалъ: за поставлениіе въ чтецы братъ одну золотую монету, называемую империоромъ (*ὑπέρπιφον*) и заключавшую въ себѣ цѣнность 20-ти франковъ, за поставлениіе въ діаконы еще три золотыя монеты, за посвященіе во священники еще три таковыя же монеты, или всего за поставлениіе во священники семь золотыхъ монетъ. Вскорѣ послѣ Исаака Комнина указъ его былъ подтвержденъ его племянникомъ Алексѣемъ Комниномъ (1080—1118)²⁾. У насъ въ Россіи, какъ говорили мы прежде³⁾, взиманіе этой платы не могло войти въ обычай тотчасъ же послѣ того, какъ мы приняли христіанство, потому что въ первое время у насъ священниковъ должно было ставить правительство, набирая кандидатовъ посредствомъ принудительныхъ вербовокъ, а съ людей, которые были ставимы во священники не по доброй волѣ, нельзя было требовать еще платы за то, что ихъ ставили. Но со всемъ вѣроятностію нужно думать, что и у насъ взиманіе платы началось тотчасъ же послѣ того, какъ невольныхъ кандидатовъ во священники смирили добровольные искатели священства, что имѣло случиться по прошествіи болѣе или менѣе непродолжительного періода времени отъ принятия нами христіанства. Вмѣстѣ съ переходомъ въ намъ обычая

¹⁾ Василія Великаго каноническое правило 90-е, окружное посланіе Геннадія, патріарха Константинопольского (459-го года), посланіе патріарха Тарасія къ папѣ Адріану (ок. 787-го года).

²⁾ Цитату указовъ см. въ 1-й половинѣ I тома, стр. 430.

³⁾ Ibidd..

взимания платы долженъ быть первыи къ намъ въ качествѣ закона и указъ Исаака Комнина, опредѣлавшій размѣры платы. Но какъ въ Греціи корыстолюбивые епископы позволяли себѣ нарушать императорскій указъ и братъ болѣе, нежели сколько онъ предписываетъ, такъ это было и у насъ. Недовольствуясь незаконнымъ возвышеніемъ платы за постановлѣніе, греческіе корыстолюбивые епископы, а вслѣдъ за ними и наши таковые же, придумали большое количество другихъ взиманій съ низшаго духовенства и позволяли себѣ прибѣгать къ одному крайнему беззаконному средству для вымоганія денегъ съ мѣріи. Наконецъ, по примѣру епископовъ греческихъ или сами по себѣ, наши корыстолюбивые епископы позволяли себѣ еще угнетать мѣріи одного особаго класса.

Противъ незаконнаго возвышенія платы за постановлѣніе и противъ всего сейчасъ указаннаго и дѣлаетъ соборъ свои предписанія.

Относительно платы за постановлѣніе соборъ, посѣтъ настоятельныхъ рѣчей о томъ, что всякое линейное взиманіе есть мѣда и симонія, предписываетъ, чтобы на будущее время взимаемо было за посвященіе въ діаконы и во священники,—въ обѣ степени вмѣстѣ, не болѣе семи гривенъ, т.-е. не совсѣмъ опредѣленіемъ и не совсѣмъ обстоятельствомъ подтверждаетъ узаконеніе импер. Исаака, при чьемъ греческій императоръ приравниваетъ къ русской гривиѣ. Дѣлая предписаніе отъ своего лица, митр. Кириллъ говоритъ въ дѣяніи соборномъ: «не взимати же у нихъ (посвящаемыхъ въ діаконы и во священники) ничто же развѣ (должнаго): яко же азъ уставихъ въ митрополії¹⁾», да будетъ се во всѣхъ епископияхъ,—да вѣзмутъ клирикане (епископские) 7 гривенъ отъ поповъства и отъ дьяконъства,—отъ обоего», и образомъ своего выраженія даетъ знать, что въ предшествующее время у насъ узаконеніе импер. Исаака было нарушаемо не только епископами, но и самими митрополитами, и стѣдовательно—что послѣдніе сами подавали у насъ первымъ примѣръ нарушенія закона.

Относительно всѣхъ другихъ взиманій, производившихся епископами съ низшаго духовенства, соборъ предписываетъ, чтобы онъ были непремѣнно отложены и на будущее время ни подъ какимъ видомъ не имѣли мѣста. Эти другія взиманія, строго воспрещаемыи на будущее время соборомъ, были: плата за постановлѣніе священника къ церкви или за опредѣленіе на мѣсто сверхъ платы за посвященіе, плата за постановлѣніе въ игумены, называвшиася «посоиніемъ» (за вручение игу-

¹⁾ Можно понимать слова митрополита и такъ: не взимати же у нихъ ничего сверхъ того, что я узаконилъ...

менскаго посоха), плата за поставление мірскаго священика въ духовники («на игуменство»), плата за определение въ просфоропеки, «мѣда» за поставление въ намѣтники и десятинники, вымоганіе отъ священниковъ и настоятелей монастырей («отъ властель церковныхъ») приношений или подарковъ во время ихъ прѣѣзда на епархіальные соборы, имѣвшіе мѣсто въ такъ-называемое «сборное воскресеніе».

Наказаніе епископамъ, которые бы дерзнули нарушать сейчасть указаний предписанія, соборъ опредѣляетъ изверженіе изъ сана.

Беззаконное средство, къ которому прибегали иные наши епископы, вѣльдь за иными епископами греческими, для вымоганія денегъ съ мірянъ, состояло въ томъ, чтобы подвергать невинныхъ людей отлученію отъ церкви и потому взимать плату за разѣщеніе. Соборъ предаетъ отлученію епископовъ, прибегающихъ къ такому средству для удовлетворенія своей страсти сребролюбія. Вмѣстѣ съ этимъ онъ возвращаетъ епископамъ подвергать отлученію «ради угодія иѣкоего», т.-е. изъ урожденія кому-нибудь, желающему преслѣдоватъ посредствомъ церковнаго отлученія людей ему враждебныхъ или для него ненавистныхъ.

Угнетеніе епископами одного особаго класса мірянъ состояло въ томъ, что они принуждали иныхъ работать на себя въ своихъ имѣніяхъ или усадьбахъ,—жать хлѣбъ и косить сѣю, что они принуждали послѣднихъ перевозить хозяйственныя принасы изъ усадебъ къ меѣстамъ ихъ жительства («проводъ дѣяти») и вымогали съ нихъ подарки подъ именемъ «сборнаго». Мы думаемъ, какъ говорили мы прежде ¹⁾), что вѣроятнѣе разумѣть тутъ не всѣхъ вообще иныхъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые жили при церквяхъ, на церковныхъ земляхъ, и что по этой-то именно причинѣ епископы и притязали на нихъ какъ бы на своихъ холоповъ и тяглыхъ крестьянъ (Впрочемъ, и на всѣхъ вообще иныхъ епископы могли имѣть притязаніе потому, что всѣ они собирали милостынью у подвѣдомыхъ имъ—епископамъ церквей).

Соборъ воспрещаетъ епископамъ на будущее время творить на силѣ иницій.

Вмѣстѣ съ предписаніемъ относительно платы за поставление въ инишій церковныя степени соборъ дѣлаетъ предписаніе относительно самаго поставлениія въ эти степени. «Епископы, пишеть онъ,—когда хотять поставить священника или діакона, должны разузнать жизнь поставляемаго, какую онъ вель до поставлениія, (и для этого) должны приывать знающихъ его сосѣдей (его), которые знаютъ его изъ дѣт-

¹⁾ I т. 1-я полов., стр. 363.

ства... Пусть разузнаютъ они о поставляемомъ обстоятельно—сохранилъ ли дѣвство, женатъ ли законнымъ бракомъ на дѣвицѣ, сохранившей дѣвство, знаетъ ли хорошо грамоту; но и послѣ этого скоро не ставить его, (а узнать) не кощунникъ ли, не хищникъ ли, не пьяница ли, не клятвопреступникъ ли, не сварливъ ли. Также надлежитъ испытать его относительно грѣховныхъ венецъ: не грѣшилъ ли содомскимъ блудомъ, или со скотиною, или въ руку, не виновенъ ли въ татьѣ, исключая воровства дѣтскаго, не растиль ли своего дѣства до брака, не блудилъ ли со многими или не сотворилъ ли блуда отъ своей законной жены, не быть ли лживымъ свидѣтелемъ, не совершилъ ли убийства, вольнаго или невольнаго, не ростовщикъ ли, не морить ли своей челяди голодомъ и наготой и не изнуряетъ ли чрезмѣрно работой, не бѣгаеть ли отъ дани, не чародѣнецъ ли. Если кто будетъ обличенъ хотя въ одной изъ сейчасъ указанныхъ винъ, таковый не можетъ быть ни священникомъ, ни діакономъ, ни причетникомъ. А кто будетъ, по свидѣтельству отца духовнаго, свободенъ отъ всѣхъ этихъ винъ, того да поставить при поручительствѣ еще иныхъ семи священниковъ съ другими добрыми свидѣтелями. Сперва даетъ ему (епископъ) «евхію» (εὐχὴ), то-есть молитву причетническую объ оstriженіи главы и краткій фелонь, и послѣ этого пусть онъ капархаетъ и читаетъ иль соборной церкви, пока не выразумѣть всего, а епископъ долженъ поручить его для наученія «старѣшему церковному» (одному изъ своихъ соборныхъ клириковъ). Сиуста послѣ этого болѣе или менѣе продолжительное время, когда будетъ ему не менѣе 25-ти лѣтъ, пусть будетъ онъ поставленъ въ діаконы, а не раіже 30-ти лѣтъ во священники. Напоминаю о иныхъ правилахъ касательно поставленій въ клирикъ, соборъ подтверждаетъ посланіе константинопольского патріарха Германа къ митр. Кириллу II отъ 1228-го года¹⁾ о непоставленіи во священники рабовъ, не получившихъ предварительно свободы отъ рабства, и относительно этого предписывается: «не ставить во священники раба, если прежде сего господинъ его не отпустить его (на свободу) предъ многими свидѣтелями съ письменною (отпускою) грамотою и не предоставить ему—рабу идти, куда онъ хочетъ».

2. Противъ погрѣшиостей въ совершенніи чина и проскомидіи.

Митрополитъ напомъ, что въ предѣлахъ новгородскихъ діаконы изъмали божественный агиенъ и прежде священниковъ творили проскомисаніе,—что священники приходили послѣ діаконовъ и въ свою очередь совершали проскомисаніе. Ссылаясь на 56-е правило собора

¹⁾ I т. 1-я полов., стр. 401.

лаодиційского, что «діакономъ прежде пресвитера не входити въ святый олтарь, ии пресвітеромъ прежде епископа», и на 18-е правило первого вселенского собора, что «діаконы должны взимать причащеніе послѣ пресвітеровъ», соборъ предписываетъ: «отсель не повелѣваемъ діаконамъ изъимати агица, ио священникамъ», и присовокупляетъ: «если кто окажется творящимъ не по нашей заповѣди, то—въ случаѣ, если онъ будетъ знающій наше опредѣленіе (т.-е. настоящее), да будетъ изверженъ судомъ епископскимъ изъ своего мѣста, а если незнающій, да будетъ прощень; если окажутся непокоряющіеся и говорящіе во-преки нашему опредѣленію, то вѣдь да будутъ извержены; если же міряне по сему поводу начнутъ производить емуту, то да будутъ прокляты (отлучены).

Соборъ, какъ видно изъ его опредѣленія, признавалъ обычай новгородской области за великую погрѣшность. На самомъ дѣлѣ это не была погрѣшность, какъ-нибудь самочинно явившаяся въ Новгородѣ, а быть древній церковный обычай, остававшійся въ Греціи вмѣстѣ съ новымъ до временъ позднѣйшихъ, перешедшій къ намъ изъ Греціи вмѣстѣ съ постѣднимъ и ставшій въ области новгородской обычаемъ общимъ или преобладающимъ.

3. Противъ погрѣшностей и неправильностей въ совершении таинства крещенія.

До свѣдѣнія митрополита дошло, что въ иѣкоторыхъ мѣстахъ священники по омраченію какому-то и крайнему неразумію смѣшивали божественное миро съ деревяннымъ масломъ и такимъ образомъ мазали крещаемаго по всему тѣлу (т.-е. мазали крещаемому сплошь все тѣло). Соборъ преподаетъ наставленіе, что миро особо, а масло особо,—что масломъ деревяннымъ мажутъ крещаемаго на вѣхъ составахъ по оглашеніи, говоря: «мажется рабъ Божій масломъ радости во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и именъ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминъ», что потомъ крещаютъ, погружая въ три погруженія, «въ имя Отца, таче Сына, таче Святаго Духа», съ приглашеніемъ: «аминъ», и что послѣ сего мажутъ крещаемаго миромъ по чувствамъ, говоря: «печатъ и даръ Святаго Духа», и именно—ни на какихъ другихъ мѣстахъ не мажутъ, какъ—на челѣ, на очахъ, на ушахъ, на ноздряхъ и на устахъ. Рѣчь свою соборъ оканчиваетъ мѣстомъ изъ Оглашенія Кирилла Іерусалимскаго, въ которомъ объясняется, что значитъ и для чего совершается миромазаніе крещаемаго по его чувствамъ (извѣстными частиями тѣла).

Далѣе соборъ предписываетъ, чтобы по совершении крещенія сподобили новокрещемыхъ причащенія Святыхъ Таинъ, будеть ли это въ городѣ или же все равно въ селѣ.

За симъ соборъ предписываетъ: « boltѣ да не обливаютъ никого, но да погружаютъ, ибо—говорить онъ—нигдѣ не предписано обливаніе, но погруженіе въ особо назначеніи на то сосудѣ».

Къ предисаніямъ относительно крещенія соборъ присовокупляетъ предисаніе относительно брака, именно—повелѣваетъ, чтобы никого не вѣничали безъ причащенія (подразумѣвается—въ день совершенія брака): «безъ причащенія же да не крутятъ никого же».

4. Противъ совершеннія лицами непосвященными иѣкоторыхъ священныхъ дѣйствій, относительно участія мѣрскихъ лицъ въ совершенніи богослуженія, противъ посагательства дьяковъ на богослужебно-храмовые права, имть не принадлежанія, о храмовомъ, такъ сказать, качествѣ понамарей и обѣ обращеній съ олтаремъ.

Узнали мы, говорить митрополитъ, что въ новгородской области иѣкоторыя непосвященныя лица (подъ которыми со всею вѣроятностію должны быть разумѣмы просфоронеки¹⁾), освящаютъ приносимыя къ церкви плоды, именно— крупы или кутии, приносимыя за умершихъ. Повелѣваемъ, предисываетъ соборъ, отъ сего времени этому не быть, ни даже діаконы да не освящаютъ (но только священники). Далѣе соборъ приводитъ подъ именемъ 15-го правила лаодикійского собора толкованіе на это правило, въ которомъ говорится, что лицамъ непосвященнымъ воспрещено пѣти и читать на амвонѣ, и повелѣваетъ, чтобы отсѣтъ во всѣхъ церквяхъ лица непосвященныя ии апостола не читали, ии просимыя не пѣли и не входили въ олтарь. Дѣянь,—продолжаетъ свои предисанія соборъ,—если и посвященъ будетъ (а не только посить одежду и стрижку дьяческую безъ посвященій)²⁾, да не прикасается къ священнымъ сосудамъ и никакъ да не дерзнетъ принести святаго кандила (т.-е. никакъ да не дерзнетъ совершить дѣйствія какжденій)³⁾, чтобъ подобаетъ только священнику и діакону и чтобъ возбранено даже самому великому архіерейскому поддьяку (и поддіакону). И помните ко всѣмъ церквамъ должны быть поставлены изъ чистыхъ, чтобы святый Божій олтарь (иъ который они должны входить) не быть входентъ для всѣхъ безъ разбора. Ничего отнюдь не должно быть винсими въ святый Божій олтарь, ии кутии, ии чего-либо другаго. Свя-

¹⁾ Срѣчи о просфоронекахъ Стоглаваго собора,—гл. 5, вопросъ 11, и гл. 8, Казанск. изд. стрр. 57 и 87.

²⁾ См. I т. 1-ю полов., стр. 769, въ стр. 393 прим. 4.

³⁾ Въ древнемъ святительскомъ поученіи новопоставленному священнику между прочимъ читается: „а къ съедомъ священнымъ не прикасаются слуги, ии кадять“,—Памятники канонич. права, col. 105 fin..

щеникъ и діаконъ да не входять въ олтарь съ небреженіемъ, чтобы безчиннімъ вхожденіемъ не досаждать пречистому мѣсту.

б. Противъ пьянства священниковъ.

Узнали мы, говоритъ митрополитъ, что въ новгородской области творится по нерадѣнію безчинніе въ священствѣ, униваются безъ мѣры въ святые пречистыя дни постные отъ свѣтлыхъ недѣліи вербныхъ до всѣхъ святыхъ, такъ что до всѣхъ святыхъ не бываетъ ни божественнаго приношенія, ни божественнаго крещенія, т.-е. не поется литургіи и не совершаются таинства крещенія. Соборъ постановляетъ: и послѣдую божественнымъ правиламъ, которыхъ говорятъ: ипресвитеръ унивающійся да престанеть, или да будетъ изверженъ¹⁾), заповѣдуемъ преподобнымъ епископамъ: если не покаются (предающіеся пьянству священники), то всѣхъ извергни, ибо лучшее одинъ достойно служацій, чѣмъ тысяча беззаконныхъ; а если мірскіе люди (прихожане) будутъ составлять сходица, противясь сему правилу (т.-е. не дозволяя извергать недостойныхъ священниковъ, чтобы церкви не оставались безъ пѣнія), то да будуть подвергнуты проклѣтию (отлученію).

Не совсѣмъ понятно для насъ, что священники начинали свое пьянство не со дня св. Пасхи, а съ вербного воскресенія: можетъ быть, принималось, что посты кончается симъ послѣднимъ днемъ. Когда говорится въ дѣяніи соборномъ, что до всѣхъ святыхъ не поется литургіи и не совершаются таинства крещенія, иначе сказать—что прекращается пѣніе церковныхъ службъ и совершение требъ, то, по всей вѣроятности, это должно быть понимаемо, какъ иѣкоторое преувеличеніе, допущенное соборомъ съ цѣллю придания рѣчи большей выразительности.

6. Противъ кулачныхъ боевъ, противъ совершеннія одного нечестиваго и безнравственнаго языческаго праздника въ вечеръ субботы подъ воскресеніе и противъ вождія певѣсть къ водѣ.

Узнали мы,—шишеть соборъ,—что (руssкіе люди) держать еще обычай треклятыхъ еллиновъ (язычниковъ): въ божественное праздніе творить иѣкакія бѣсовскія позорища, съ свистаніемъ и съ кличемъ и съ воинствомъ сзываютъ иѣлихъ скаредныхъ пынницъ и бываютъ дреколіемъ (колъями) до самой смерти и берутъ себѣ одежду убиваемыхъ (т.-е. или расхищаютъ ее, обворовывая убитыхъ, или—чтѣ, кажется, вѣроятнѣе—разбираютъ и подѣляютъ ее, сунувши усвоенія ей какое-либо значеніе въ смыслѣ талисмана). Сказавъ, что это бываетъ на укоризну Божіемъ праздникамъ и на досажденіе Божіимъ церквамъ и самому

¹⁾ Апост. пр. 42-е.

Спасу нашему и Заступнику, соборъ повелѣваетъ: если кто окажется творящимъ (таковое) безчиніе послѣ сихъ нашихъ правиль, то да будуть прокляты въ есъ вѣкъ и въ будущій; если кто будетъ нашему законоположенію противиться, то отъ тѣхъ не принимать ни приложения, то-есть просфоры и куты, ни свѣчи, а когда умрутъ, то священники да не отпѣваютъ ихъ и да не совершаютъ по нимъ поминовенія и да не будутъ погребены они близъ Божіей церкви (т.-е. да не будутъ погребены на кладбищѣ, но виѣ его); если который священникъ дерзнетъ что (либо изъ указаннаго) сотворить надъ ними, то да будетъ чуждъ своего сана.

Чтобы понять всю строгость опредѣленія собора противъ кулачныхъ боевъ, нужно напомнить себѣ, что въ древнее и старое время (какъ въ иныхъ мѣстахъ Россіи отчасти еще и до сихъ поръ) бои эти представляли не дѣтскую какую-нибудь забаву, а страшную кровавую побоища между сотнями и тысячами и даже десятками тысячъ (sic) взрослыхъ (объ этой национальной забавѣ Русскихъ, для которой цѣлые города раздѣлялись на двѣ половины, чтобы ходить стѣной на стѣну, и въ которой выходили стѣной на стѣну одна противъ другой цѣлыхъ волости, мы будемъ вести нарочитыя рѣчи послѣ).

И еще вотъ чтѣ слышали мы,—пишеть соборъ: въ субботу вечеромъ собираются въ одио мѣсто мужчины и женщины и играютъ и пляшутъ безстыдно и «скверну дѣютъ» въ ночь святаго воскресенія, (подобно тому) какъ нечестивые язычники празднують Діонысовъ праздникъ (вакханалии),—вмѣстѣ мужчины и женщины и какъ коли визжать и ржутъ и скверну дѣлаютъ. И иныѣ,—предписываетъ соборъ,—да перестанутъ отъ того; если же иѣтъ, то да будутъ прокляты.

Не ясно въ дѣяніи соборномъ, разумѣть ли въ немъ почь подъ каждое воскресеніе или только подъ евѣтлое воскресеніе Пасхи. Какъ кажется,—послѣднєе, и дѣло съ вѣроятностію должно быть понимаемо такъ, что вакханалии представляли собою языческій праздникъ Русскихъ, который приходился на весеннее время года и который послѣ принятия христианства быть присоединенъ къ христианскому празднику Пасхи, какъ его канунъ¹⁾.

И еще слышали мы,—пишеть соборъ: въ предѣлахъ новгородскихъ водить невѣсть къ водѣ (т.-е. водить, какъ должно подразумѣвать, или для языческаго волхвованія надъ ними, или для совершенія языческихъ религіозныхъ дѣйствій). И иныѣ,—предписываетъ соборъ,—

¹⁾ См. I т. 2-ю полов., стр. 742.

не велимъ этого та^{къ} дѣлать, если же не перестануть, то повелѣваемъ проклинять ¹⁾.

Этимъ кончаются предписанія собора.

Какъ говорили мы выше, представляется намъ весьма вѣроятнымъ думать, что на наше дѣяніе соборное, далеко не обижающее въ своихъ предписаніяхъ всего, чтѣ требовало предписаній, должно смотрѣть не какъ на полное, а только какъ на иѣкоторое осуществленіе дѣйствительной мысли митр. Кирилла. Намъ весьма думается, что этою дѣйствительною мыслю митрополита должно быть предполагаемо именно возможно полное соборное осужденіе недостатковъ русской церковной жизни и что если вмѣсто желаемаго полноаго дѣяніе соборное вышло только иѣкоторымъ, не особенно большимъ, «иѣчт», то причиной сего нужно считать указанія нами условія виѣшнія, т.-е. что дѣло оказалось непосильнымъ для членовъ собора со стороны литературной (канцелярской), — что изложеніе литературное составляло для нихъ такой трудъ, котораго они не въ силахъ были побороть, и что вмѣсто обширнаго свитка дѣяній, доходящаго до размѣровъ цѣлой книги, они въ состояніи были начертать только тотъ малый свитокъ, который мы находимъ. Въ отношеніи къ своему литературному изложенію (какъ произведеніе канцелярское) дѣяніе соборное дѣйствительно никакъ не можетъ быть признано совершенно удовлетворительнымъ.

Возбуждаетъ недоумѣніе въ дѣяніи соборномъ то, что въ немъ дѣлаются многократныя указанія на новгородскую область и именно только на нее одну. Относительно иѣкоторыхъ случаевъ этихъ указаний мы съ увѣренностью можемъ сказать, что они идутъ не къ одному только Новгороду, но и ко всей Россіи; таковы напр. рѣчи о пьянствѣ священниковъ. Какъ объяснять себѣ это недоумѣніе обстоятельство, мы положительнымъ образомъ сказать не можемъ; но представ-

¹⁾ Причисляютъ еще къ правиламъ собора читаемое въ Кормчихъ и въ сборникахъ въ отдѣльномъ видѣ правило о томъ, чтобы не изображать креста на землѣ (прав. Трульск. соб. 73, — собственно на полу въ церквахъ и въ домахъ, чтѣ у Грековъ дѣжалось посредствомъ мозаической выкладки изъ камней, — Вальсам. толков на это правило) и не изсѣкать креста изо льду въ день Богоявленія на мѣстѣ освященія воды (на юрданѣ, чтѣ у Сербовъ дѣляется и доселе), чтобы не крестить или не святить воды въ Богоявленіе многими связанными крестами и не носить этой связки крестовъ до 8-ми дней на переносъ (великій входъ въ литургію). — Памятники канонич. права, соб. 100. Но правило это читается отдѣльно отъ дѣяній собора и въ Софийской Кормчей, написанной при архиепископѣ Климентѣ, преемнику Далмата, который присутствовалъ на соборѣ.

ляется намъ не невѣроятнымъ слѣдующее: всѣ известные въ настоящее время списки дѣянія соборнаго ведутъ свое начало отъ списка, который написанъ и въ Новгородѣ (и именно написанъ спустя очень непродолжительное время послѣ собора); архіепископъ новгородскій, присутствовавшій на соборѣ, желая достигнуть того, чтобы дѣяніе соборное оказалось сколько возможно болѣе дѣйствительнымъ для подвѣдомаго ему духовенства и для его паствы, обнародовалъ его въ своей епархіи въ такомъ видѣ, что какъ будто на соборѣ сдѣланы были опредѣленія именно и нарочито противъ новгородскаго духовенства и противъ Новгородцевъ; т.-е. мы предполагаемъ, что указанія на новгородскую область сдѣланы съ此刻омъ помянутую цѣллю архіепископомъ новгородскимъ въ томъ спискѣ дѣяній соборныхъ, который онъ обнародовалъ въ своей епархіи.

Кромѣ дѣяній владимирскаго собора 1274-го года, сохранился до настоящаго времени отъ правленія митр. Кирилла еще другой именійный памятникъ, относящейся къ области церковно-правительственной и также отчасти свидѣтельствующей о паstryрской заботливости нашего митрополита касательно благоустройства русской церкви. Это— вопросы, предложенные въ 1276-мъ году сарайскимъ епископомъ Феогностомъ константинопольскому патріаршему собору, съ полученными на нихъ отъ собора отвѣтами ¹⁾.

Необходимо думать, что епископъ предлагалъ свои вопросы собору не самъ отъ себя, но по порученію митрополита. Частнѣйшимъ образомъ дѣло о нихъ весьма вѣроятно представлять таѣ, что они возбуждены были на владимирскомъ соборѣ,—что соборъ этотъ призналъ себя некомпетентнымъ дать на нихъ отвѣты и что по сему и решено было обратиться съ ними къ патріаршему собору, для каковой цѣли епископъ или нарочито былъ посланъ въ Константинополь, или же—что вѣроятнѣе—воспользовался своей поѣздкой отъ хана къ императору съ дипломатическимъ порученіемъ.

¹⁾) До послѣдняго времени вопросо-отвѣты относимы были къ 1301-му году и къ правленію митр. Максима. Но покойныи преосвященнѣй Порфириемъ Успенскими найденъ въ библіотекѣ одного афонскаго монастыря отрывокъ греческаго ихъ подлинника, изъ котораго открывается ихъ настоящій годъ, см. Памятники канонич. права, col. 129, гдѣ вопросо-отвѣты напечатаны (Сата въ своей Средневѣковой библіотекѣ,—Мезаѳонѣкѣ Вѣздеѹрукѣ, сообщается, что кромѣ афонскаго есть другой греческій списокъ вопросо-отвѣтовъ, находящійся въ библіотекѣ константинопольскаго святогробскаго подворья,—г. III, предисл. стр. 92 [годъ 6984, очевидно, ошибкой или опечаткой высто 6784]. Святогробскій списокъ не подѣлѣ ли афонскаго?).

Всѣхъ вопросовъ, съ полученными на нихъ отвѣтами, извѣстно до 33-хъ¹⁾). По своему содержанию вопросы главицмъ образомъ касаются совершения общественного богослуженія и могущихъ встрѣтиться при семъ особыхъ случаевъ, также совершения таинствъ, затѣмъ—постриженія въ монахи, поста въ среду и пятокъ, принятія въ церковь еретиковъ и крещенія язычниковъ, яденія удавленіны, отношенія епископовъ къ монастырямъ ихъ епархій, особыхъ случаевъ сть епископами и священниками, женщинъ, могущихъ быть просфоронеками.

Общій смыслъ большей части вопросовъ есть тотъ, что церковная практика XIII вѣка и особенно практика богослужебная находилась у насъ еще не такомъ не окончательно установленномъ видѣ, что представляла для нашихъ пастырей много недоумѣнія (при чемъ это недоумѣніе раздѣляется въ вопросахъ на два класса,—на относящееся къ русской церкви вообще и къ находившейся въ особыхъ условіяхъ епархіи сарайской въ частности). Но есть иѣсколько вопросовъ, которые служатъ именно выраженіемъ пастырской заботливости митр. Кирилла о благоустройїи управляющей имъ церкви. Въ предисловіи къ дѣяніямъ владимирскаго собора митрополитъ пишетъ, что отчасти собственнымъ видѣніемъ, отчасти черезъ слышаніе отъ другихъ, онъ узналъ о многомъ неустроеніи и о многомъ несогласіи въ церквахъ, «ово сице дѣржаща, ово иначе». Это значитъ, что митрополитъ обратилъ свое вниманіе на разности въ чинахъ богослуженія, которая существовали у насъ въ его время. Сдѣлавъ иѣчто для устраненія этихъ разностей въ свою соборномъ «Правилѣ» (предписаніе относительно проскомидіи), онъ обратилъ, съ другой стороны, вниманіе и на разности, которая относительно богослуженія и также относительно дисциплинарной церковной жизни существовали между нами и Греками. У насъ во времена митр. Кирилла быть въ употреблениі богослужебный уставъ Студійскій, а въ Греціи уже принять быть уставъ Іерусалимскій. Слѣдствіемъ сего между прочимъ было то, что мы расходились съ Греками относительно дней въ году, назначенныхъ для иѣнія литургіи прѣждеосвященныхъ даровъ. И митрополитъ обращался къ патріарху собору съ вопросомъ касательно этой нашей разницы съ Греками. Постѣ споровъ о постѣ среды и пятка, происход-

¹⁾ Въ разныхъ спискахъ число вопросо-отвѣтовъ различно, см. въ Памятн. ibid.. Въ найденомъ отрывѣ греческаго подлинника читается одинъ вопросо-отвѣтъ, котораго неѣть на славянскомъ, а изъ него слѣдуетъ, что вопросы-отвѣты переведены были съ греческаго (на которомъ предложены были собору первые и на которомъ даны соборомъ вторые) не совершенно вполнѣ.

дившихъ у насъ во второй половинѣ XII вѣка, мы продолжали расходитьсь въ семь случаѣ съ Греками. И митрополитъ обращался къ патріаршему собору съ вопросомъ по поводу этой нашей розни съ ними.

Не передавая сполна этихъ вопросо-ответовъ здѣсь, мы приведемъ ихъ позднѣе въ подлежащихъ мѣстахъ, по соотвѣтствію содержанія.

Изъ дѣятельности митр. Кирилла церковно-правительственной въ тѣснѣшемъ смыслѣ этого послѣдняго слова, несмотря на всю ея исключительную продолжительность, намъ извѣстенъ по лѣтописямъ всего одинъ частный случай. Случай этотъ, имѣвшій мѣсто подъ самимъ конецъ его правлія, даетъ видѣть въ немъ именію того достойнаго пастыря, какимъ мы его себѣ представляемъ. Вотъ разсказъ о немъ Никоновской лѣтописи¹⁾. Въ 1281-мъ году преосвященный Кириллъ, митрополитъ кіевскій и всяя Россіи, вышелъ изъ Кіева по своему обычаю и проходилъ города всей Руси, уча, наказуя, исправляя. Прішлоъ онъ и въ суздальскую землю и услышалъ (здѣсь) отъ иѣкоторыхъ, повѣдавшихъ ему, что Игнатій епископъ ростовскій творить неправо: вопреки божественныхъ иисасій и священныхъ правиль осудилъ чрезмѣро жестоко своего великаго князя ростовскаго Глѣба Васильковича,—спустя 9 недѣль послѣ смерти (въ 1278-мъ году) съ поруганіемъ и безчестіемъ изринулъ его въ полночь изъ соборной церкви и приказалъ просто закопать его въ землю (а не положить въ ракѣ, въ гробницѣ, какъ погребались князья) въ Княгининѣ монастырѣ (построенному матерью Глѣбовой). За это преосвященный Кириллъ, митрополитъ кіевскій и всяя Россіи, отлучилъ епископа Игнатія отъ священской службы, поза стъ великимъ трудомъ не умолилъ о немъ митрополита князь ростовскій Дмитрій Борисовичъ, внукъ Василькова (и племянникъ Глѣбовой). Простили и разрешили епископа, митрополитъ говорилъ ему: «не возносися и не считай себѣ безгрѣшнымъ, и не столько много заботься о запрещеніи и отлученіи, сколько объ освобожденіи и прощеніи, ибо въ прощении братіи обрѣтаемъ прощеніе нашихъ грѣховъ и милость Господня (въ) милости ближніаго сокровена есть (т.-е. мы привлекаемъ къ себѣ милость Господню своюю милостию къ ближнему); плачь же и плачь, сынъ мой, до самой своей смерти объ этой неподобной и безстудной дерзости, ибо уже скончавшагося осудилъ ты прежде суда Божія, а когда онъ былъ живъ, ты

¹⁾ III, 69. Впрочемъ, должно оговориться, что характерное въ нашемъ случаѣ по отношенію къ митрополиту составляетъ обличительная рѣчь, которую онъ говоритъ епископу (и которая сейчасъ ниже). Но весьма не невозможно, что рѣчь эта есть сочиненіе уже самого лѣтописца.

стыдился его и дары отъ него брать, и ъѣль и пилъ съ нимъ, и водить общество съ нимъ и веселился, и когда было можно исправить, не исправлялъ, а иныи хочешь исправить посредствомъ такого жестокаго запрещенія и отлученія; если же лаешь оказать помощь ему, то окажи милостынми иницимъ и молитвами и совершеннемъ по немъ поминовенныхъ службъ». Сдѣланъ такимъ образомъ пространное обличеніе епископу Игнатию, митрополитъ Кириллъ простилъ его и благословилъ служить, и уѣхалъ его, чтобы онъ не видалъ слишкомъ въ большую скорбь.

До какой степени дѣятельное участіе принималъ митр. Кириллъ въ государственныхъ дѣлахъ Руси, мы не имѣемъ свѣдѣній. Иправственнопоблательный долгъ его, какъ вышаго пастыря русской церкви, составляло въ настоящемъ случаѣ главнымъ образомъ то, чтобы мирить ссорившихся князей и предотвращать между ними кровопролитія. Іѣто писи сообщаютъ намъ одинъ примѣръ того, что митрополитомъ былъ исполненъ этой нравственныи долгъ. Въ 1270-мъ году Новгородцы сильно поссорились съ великимъ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ (удѣльнымъ княземъ тверскимъ). Князь пришолъ на нихъ съ большимъ войскомъ, а они, въ свою очередь, выступили противъ него всей своей землей. Враги стояли другъ противъ друга, и готово было послѣдовать кровопролитію; но митрополитъ прислалъ новгородцамъ свою увѣщательную грамоту, и они, отложивъ оружіе, помирились съ княземъ. Въ своей грамотѣ митрополитъ писалъ новгородцамъ: «миѣ поручилъ Богъ архиепископію въ русской землѣ, вамъ (должно) слушать Бога и меня: крови не проливайте, а Ярославъ отложить весь свой гнѣвъ на вѣсть,—за это я вамъ ручаюсь; если вы и кресть цѣловали (чтобы не принимать къ себѣ князя, и разрѣшили вѣсть отъ крестоцѣлованія) и на себя беру эшитимю и отвѣчаю за то предъ Богомъ»¹⁾.

Въ нравленіе митр. Кирилла имѣли мѣсто сношенія и можетъ быть—кратковременный церковный союзъ галичскаго великаго князя Даниила Романовича съ наюю римскимъ, а также попытка папы получить своей власти и сѣверную Русь.

Исторію спошений съ наюю Данииломъ Романовичемъ, къ сожалѣнію, мы знаемъ не совершенно обстоятельнымъ образомъ.

¹⁾ Мы привели выдержку изъ грамоты митрополита по Новгородской лѣтописи (Собр. лѣтт. III, 62). Въ Никоновской лѣтописи (Ш, 52) она читается въ болѣе пространномъ видѣ; ноѣроятно, что распространеніе принадлежитъ самому лѣтописцу. Въ послѣдней лѣтописи говорится еще, что митрополитъ прислалъ грамоту новгородцамъ вслѣдствіе просьбы къ нему великаго князя оказать свою помощь въ устроеніи мира.

Извѣстно, что забота привлечь въ ограду единой и святой римской церкви всѣхъ блуждающихъ виѣ ея христіанъ составляла вѣчную заботу папъ. Въ первую половину XIII вѣка, до нашествія Монголовъ, папами сдѣланы были въ семъ смыслѣ три попытки по отношенію къ Россіи ¹⁾). Попытки эти продолжены были папами и послѣ нашествія Монголовъ. Въ юго-западномъ углу Россіи явилось новое великое княжество, которое своей территоріей вдавалось въ западную Европу, а по своимъ тѣснымъ связямъ съ Польшей и Венгріей какъ бы принадлежало къ системѣ западно-европейскихъ государствъ. Ничего не могло быть естественнѣе со стороны папъ, какъ желаніе включить это русское великое княжество въ духовно-церковную семью западно-европейскихъ народовъ. Прежде папъ неудачную попытку присоединить Галицію къ латинской церкви посредствомъ уніи сдѣлали венгерскіе короли ²⁾); но неудачи нисколько не приводили папъ въ отчаяніе.

Какъ бы то ни было, только папа Иннокентій IV, вступивший на престолъ въ 1243-мъ году, взялъ желаніе подчинить своей духовной власти галицкаго великаго князя Даниила Романовича. Въ концѣ 1245-го года папа счелъ нужнымъ отправить своихъ пословъ къ великому хану монгольскому Гюоку. На этихъ пословъ, которые имѣли идти черезъ Галицію, онъ и возложилъ порученіе сдѣлать попытку пачатія переговоровъ съ галицкимъ великимъ княземъ, снабдивъ ихъ своими грамотами къ послѣднему ³⁾). Послы, бывши въ Галиціи въ Июнѣ 1246-го года, не застали дома Даниила Романовича, потому что онъ ходилъ въ то время въ Орду къ Батыю, а братъ Даниилъ Василько, приимавшій пословъ, не рѣшился дать имъ никакого отвѣта ⁴⁾). Непосредственно за этимъ возвратился изъ Орды Даниилъ. Великий князь, отчасти, вѣроятно, увлекаясь фантастическою надеждой свергнуть при помощи папы иго Татаръ, при чемъ на него могло сильно дѣйствовать униженіе, только-что испытанное имъ въ Ордѣ передъ ханомъ ⁵⁾), а главнымъ образомъ, какъ должно думать, желая

¹⁾ См. I т. 1-ю полов., стр. 490 sqq.

²⁾ Ibid. стр. 701.

³⁾ См. у Плано-Карини, который былъ именно однимъ изъ пословъ папскихъ, ходившихъ къ хану, гл. I. Грамоты папы, отправленныя съ послами къ Даниилу, неизѣстны въ настоящее время.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ипатская лѣтопись утверждаетъ, что для великаго князя галицкаго сдѣлано было въ Ордѣ иѣкоторое исключеніе и что онъ не подвергся всему тому униженію, которому подвергались другіе князья; но весьма можно въ этомъ случаѣ и не вѣрить лѣтописи.

украсить свою голову королевскимъ вѣницомъ, который сравнялъ бы его въ рангъ съ его сосѣдами—королями польскимъ и венгерскимъ, не только не отклонилъ предложеній папы, а напротивъ принялъ ихъ съ величайшою готовностію. Немедленно по возвращеніи изъ Орды онъ отправилъ къ папѣ своего послана, какого-то игумена ¹). Чѣмъ имѣнно писалъ Даніилъ папѣ съ своимъ посломъ, остается неизвѣстнымъ. Но уже отъ Мая мѣсяца того же 1246-го года мы имѣемъ грамоту къ нему папы, въ которой этотъ послѣдній пишетъ, что, синеходя на его моленія (*tuis supplicationibus inclinati*), принимаетъ его самого и его государство подъ покровительство св. Петра и свое ²). Въ то же время папа отправилъ къ великому князю для пребыванія при немъ, съ цѣллю, какъ должно думать, дальнѣйшаго веденія переговоровъ и для обстоятельного наставленія князя въ католичествѣ, двухъ доминиканскихъ монаховъ ³). Въ слѣдующемъ 1247-мъ году переговоры дошли до того, что Даніилъ Романовичъ черезъ нарочно отиравленныхъ къ папѣ пословъ изъявилъ ему свое желаніе приступить къ союзу съ римскою церковью ⁴), подъ тѣмъ только условіемъ, чтобы его епископамъ и священникамъ дозволено было сохранить квасной хлѣбъ въ евхаристіи и обряды греческой церкви ⁵), а папа съ своей стороны изъявилъ согласіе на предложеніе условіе ⁶), въ концѣ года поручилъ архіепископу прусскому, на котораго онъ ранѣе возложилъ обязанность быть по отношенію къ Россіи легатомъ св. престола ⁷), лично отправиться въ Галицію, чтобы совершить присоединеніе страны къ римской церкви ⁸), и послать великому князю королевскій вѣнецъ съ двумя своимъ епископами ⁹). Но Даніилъ Романовичъ, съ легкомысленіей посѣвшностью поведній было дѣло о своемъ подчиненіи папѣ, внезапно оставилъся. Вѣроятно, что когда онъ увидѣлъ передъ собой королевскій вѣнецъ, иль немъ пробудилось сознаніе важности шага, который онъ

¹) Илано-Карпини, гл. XVI.

²) Грамота у *Tурленева* въ *Historica Russiae Monimenta*, I, LII, p. 57 (тутъ же.—LXV, p. 58, грамота папы къ королю Іоанну, т. е. къ брату Даніила Васильку Романовичу, имѣвшему другое имя Іоанна).

³) Грамоты папы *ibid.*, LIII и LIV, pp. 57 и 58.

⁴) *Ibid.* LXXII, p. 64, грамота папы къ архіепископу прусскому.

⁵) *Ibid.* LXVIII, p. 62.

⁶) *Ibidd.*

⁷) *Ibidd.* LXVI.

⁸) *Ibid.* LXXII.

⁹) Ипатек. лѣтоп. подъ 1255 г. нач., 2-го изд. стр. 558 („Древле бо того присказа...“).

готовъ бытъ сдѣлать, и онъ нашелъ, что не должно покупать вѣнца такой цѣнной, какъ измѣна православію: легатъ и епископы должны были удалиться отъ великаго князя ни съ чѣмъ, унося назадъ принесенный было панскій даръ; а князь, въ оправданіе своего отказа принять вѣнецъ, сказалъ имъ, что у него все еще продолжаются очень худыя отношенія къ Татарамъ и что онъ нуждался бы не въ королевскомъ титулѣ, а въ номенци папы¹⁾, т. е., какъ вѣроятно толковать его слова, съ прописью сказать, что нуждался бы не въ томъ, чтѣ можетъ папа дать, а въ томъ, чего онъ дать не можетъ²⁾.

На сейчашь сказаніемъ не прекратились однако споренія Даниила Романовича съ папой. Существуетъ грамота послѣдняго отъ мѣсяца Мая 1253-го года, обращенная ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Поморавіи (?), призывающая ихъ къ устроенію крестового похода противъ Татаръ³⁾; въ этой грамотѣ папа называется галичскаго князя своимъ новымъ возлюбленнымъ во Христѣ сыномъ (*pater carissimus in Christo filius*) и говорить, что получилъ отъ него посланіе. Должно съ вѣроятностію думать, что не задолго передъ этимъ папа вновь обращался къ Даниилу Романовичу съ своими прежними предложениями и убѣжденіями и что получилъ отъ него такой вѣжливый отвѣтъ, который не содержалъ въ себѣ прямого и яснаго отказа. Но если такъ, то эта вѣжливость имѣла очень важныя послѣдствія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что папа вовсе не надѣялся серьезнымъ образомъ устроить крестовый походъ противъ Татаръ и что онъ лишь желалъ показать Даниилу, что готовъ сдѣлать для него все; какъ бы то ни было, только своему легату Опизѣ (*Opizo, abbas de Mesano*), посланному для устроенія крестового похода, папа вручилъ королевскій вѣнецъ для возложенія его на главу галичскаго великаго князя, чтѣ легатъ дѣйствительно и успѣхъ сдѣлать. Опиза пришелъ съ королевскимъ вѣнцемъ въ Польшу, въ которую онъ былъ назначенъ отъ папы специальнымъ легатомъ⁴⁾, и здѣсь встрѣтилъ Даниила Романовича, только

¹⁾ *Райнальда Annales Ecclesiastici*, 1249, XV. Ипатск. лѣтоп. ibid..

²⁾ Грамотой отъ Декабря 1247 г. папа призналъ законнымъ бракъ Василька Романовича съ неизвѣстной намъ Дубравкой, съ которой онъ находился въ третьей степени родства,— у *Тургеневъ*. ibid. LXXVI, р. 67. Сдѣлалъ ли это папа по просьбѣ князя, или безъ просьбы въ предупредительно-парочитое изъявленіе своего къ нему благоволенія, изъ грамоты не видно (Если предполагать, что княгиня была католичка, родственница матери Данииловой и Васильковой, то вѣроятно будетъ думать, что испрошено было у папы признаніе по ей именно желанію).

³⁾ У *Тургенева* ibid. LXXXVIII. р. 78.

⁴⁾ *Райнальда Annales Ecclesiastici*, 1253, XXIV.

что возвратившагося изъ одного похода, предпринятаго имъ вмѣстѣ съ польскимъ королемъ¹). Не смотря на всѣ увѣренія со стороны легата великому князю, что папа памѣрѣнъ оказать ему свою помощь, при чёмъ легать, конечно, ссылался на то, что папа сдѣлать воззваніе къ христіанскимъ народамъ о крестовомъ походѣ противъ Татаръ, Даниилъ Романовичъ не соглашался принять королевскаго вѣнца, который, можетъ быть, уже успѣлъ потерять въ его глазахъ свою прелестъ. Но наконецъ, убѣжденный своимъ другомъ польскимъ королемъ, его боярами и своей материю, которая, вѣроятно, была по происхожденію католичкой²), онъ позволилъ сдѣлать себя королемъ священской римской имперіи. Въ концѣ 1253-го года или въ 1254-мъ году папскій легать муропомазалъ его на королевство и возложилъ на его главу королевскую діадему³) въ городѣ Дрогичинѣ (находящемся на западномъ Бугѣ, внизъ отъ Брестъ-Литовска,—въ настоящее время заштатиомъ городѣ гродненской губерніи, бѣльского уѣзда⁴).

Это принятие Данииломъ Романовичемъ королевскаго вѣнца не значить неизменнымъ образомъ того, что онъ формально призналъ надъ собою власть папы и римско-католической церкви. Если бы онъ искалъ вѣнца самъ, то необходимо было бы это предполагать; но такъ какъ вѣнецъ былъ ему навязанъ, то папа могъ поступить и такимъ образомъ, чтобы спачала сдѣлать его королемъ, а потомъ уже, какъ короли, убѣждать его сдѣлаться своимъ настоящимъ духовнимъ сыномъ. Чѣдѣ было на самомъ дѣлѣ, мы достовѣрныи образомъ не знаемъ. Представляется намъ вѣроятнѣйшимъ думать, что Даниилъ не присту-

¹) Похода противъ чешскаго короля на помощь кородю венгерскому (Ипатек. лѣтоп. подъ 1254 г.).

²) Отецъ Данииловъ Романъ Мстиславичъ женатъ былъ дважды. Въ первый разъ—на дочери Рюрика Ростиславича, которую отпустилъ или прогналъ отъ себя въ 1197-мъ году. Кто была его вторая жена, отъ которой Даниилъ и Василько, остается намъ неизвестнымъ, но что она была католичка. слѣдуетъ заключать изъ того, что она приходилась ятровью (снохой) королямъ венгерскому и польскому.—Ипатек. лѣт., стр. 480 fin. и 481 fin..

³) Грамота Александра IV отъ 1257 г. у *Tyrienen*. ibid. XCI. p. 84.

⁴) Ипатек. лѣтоп. подъ 1255 г. Даниилъ короновался, какъ здѣсь здѣстъ, еще при жизни Иннокентія, сдѣлов не въ 1255 г., въ которомъ она относить коронацію, а не позднѣе 1254 г., въ которомъ умеръ Иннокентій (въ Декабрѣ). Но лѣтописи, коронація имѣла мѣсто спустя болѣе или менѣе непроложительное время послѣ помянутаго похода Даниила съ польскимъ королемъ, а этотъ походъ совершился былъ лѣтомъ 1253 г. (*Geschichte von Ungarn Fes-sera*, въ обработкѣ *Клейна*, I. 398).

иать формально къ союзу съ Римскою церковю, а даль только обѣщаніе сдѣлать это, если наша устроить соединеніе или унію съ Греками¹⁾). Если же Даниилъ, принимая королевскій вѣнецъ, и дѣйствительно формальнымъ образомъ присягать на послушаніе римской церкви, какъ увѣряетъ преемникъ Никонентіевъ Александръ IV²⁾), то во всякомъ случаѣ весьма не на долгое время. Сейчасъ помянутый преемникъ Никонентіевъ Александръ въ своей грамотѣ къ Даниилу отъ Февраля мѣсяца 1257-го года укоряютъ великаго князя за нехраненіе имъ данной имъ нацѣ присяги³⁾.

Изложеннымъ окончились сношения Даниила Романовича съ папой, имѣвшія своимъ единственнымъ слѣдствіемъ то, что великие князья галическіе приобрѣли себѣ титулъ королевскій.

Какъ относился ко всему этому дѣлу сношений Даниила съ папой митр. Кириллъ, мы вовсе и совершиенно не имѣемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній. Если одновременно съ принятіемъ королевскаго вѣнца князь присягалъ нацѣ, то болѣе чѣмъ вѣроятно думать, что митрополитъ не былъ участникомъ въ крайне неподходящемъ дѣяніи и что онъ на время прерывалъ союзъ съ нимъ, чтобы оставаться митрополитомъ только южной Руси⁴⁾). Считая вѣроятнѣйшимъ то, что Даниилъ не признавалъ формальнымъ образомъ власти папы, мы весьма склонны предполагать, что въ оба раза онъ удержанъ былъ отъ притворного признания этой власти именно митр. Кирилломъ. Внезапный прерывъ первыхъ сношений въ 1248-мъ году надаетъ вѣроятнѣйшимъ образомъ на то время, какъ Кириллъ уже возвратился отъ патріарха съ поставленія: внезапность прерыва какъ будто указываетъ на явившееся стороннее вліяніе, а такимъ вліяніемъ могло быть именно вліяніе возвратившагося митрополита. Во второй разъ онъ не удержать великаго князя отъ того, чтобы послѣдний дозволилъ короновать себя папскому легату. Но это могло быть своеобразіемъ болѣе свободомыслиящеаго князя, хотѣвшаго смотрѣть на дѣло исключительно съ по-

¹⁾ Такъ располагаютъ насы думать слова Ипатской летописи, которая говоритъ: „Некентій бо (папа) кльняще тѣхъ хулящимъ (sic) вѣру Греческую правовѣрную, и хотяющу ему сборъ творити о правой вѣрѣ о воединенїи церкви“,— подъ 1255 г., 2 изд. стр. 548 fin..

²⁾ У Туренев. ibid. ХCV, p. 84.

³⁾ Ibidd.

⁴⁾ Если не въ 1254-мъ, то въ 1255-мъ году митрополитъ дѣйствительно находился въ южной, владимирской, Руси.

литической точки зрения, которое онъ—митрополит нашелся вынужденнымъ допустить и извинить¹)...

Начавъ въ 1246-мъ году сношения съ галицкимъ великимъ княземъ и видѣвъ въ первыхъ порахъ великую ихъ успѣшность, папа Иннокентій IV воодушевился желаніемъ и надеждой привлечь одновременно съ Галиціей къ союзу съ римскою церковью и съверную Русь. Въ началѣ 1248-го года онъ прислалъ своихъ пословъ къ новгородскому князю Александру Ярославичу Невскому, который долженъ быть стать хорошо известнымъ и Римѣ со временемъ своей знаменитой побѣды надъ Шведами 1240-го года, ибо походъ Шведовъ противъ Новгорода, въ которомъ они потерпѣли отъ Александра такое страшное пораженіе, былъ ничѣмъ инымъ, какъ крестовымъ походомъ противъ русскихъ еретиковъ, предпринятымъ всѣдѣствіе папскихъ возбужденій²). Иннокентій увѣряетъ Александра въ своей къ нему грамотѣ, будто отецъ его Ярославъ, бывшій у Татаръ одновременно съ папскимъ легатомъ Плано-де-Карпини, изъявилъ этому послѣднему свою искреннюю готовность приступить къ союзу съ римскою церковью, что и намѣривался въ самомъ скоромъ времени сдѣлать, если бы не постигла его внезапная смерть³). Послы папскіе были приняты Александромъ иѣжливо; онъ дозволилъ построить во Исковѣ латинскую церковь (для проживавшихъ тамъ пѣмѣцкихъ купцовъ), при чёмъ, можетъ быть, даже обѣщалъ свое содѣйствіе. Это было понято или намѣрено истолковано папою, какъ знакъ готовности Александра приступить къ союзу съ римскою церковью: въ концѣ того же 1248-го года онъ написалъ князю новгородскому другую свою грамоту, исполненную самой усиленной любезности, и намѣревался прислать къ нему своего легата,

¹⁾ По свидѣтельству Ипатской летописи, Даніиль коронованъ былъ королевскимъ вѣнцомъ отъ папскаго легата при участіи всѣхъ своихъ епископовъ,—подъ 1255-мъ году, 2 изд. стр. 548 fin.. Не говоря о митрополитѣ, летопись какъ будто даетъ знать, что онъ не намѣренно или намѣренно отсутствовалъ, а что касается до епископовъ, то одни могли быть побуждены къ сослуженію съ легатомъ приказаниемъ великаго князя, другіе сами по себѣ могли быть столько же свободномыслящими, какъ и онъ.

²⁾ Соловьевъ Исторіи т. III, гл. 3, 4-го изд. стр. 182 нач..

³⁾ Грамота папы у Тургеневъ. ibid. LXXVIII, p. 68. Относительно своего увѣренія объ Ярославѣ папа ссылается на донесеніе Плано-Карпини; но что ссылка должна быть считаема ложною, видно изъ того, что ничего подобнаго не говорить Плано-Карпини въ своемъ описаніи путешествія къ Татарамъ, хотя и упоминаетъ о своихъ встрѣчахъ съ Ярославомъ.

архієпископа прусского¹). Но на этомъ кончилось дѣло... Въ одной изъ написъ лѣтописей читается о приходѣ пословъ папы къ Александру слѣдующій разсказъ. Нѣкогда прислали къ нему своихъ пословъ папа изъ великаго Рима. Послы еказали князю: такъ говорить тебѣ папа: слышали мы, что ты князь честный и дивный и что велика земля твоя, поэтому мы послали къ тебѣ изъ двѣнадцати нашихъ кардиналовъ двухъ умнѣйшихъ, Галда и Гемонта, чтобы ты послушать нашего ученія. По великій князь Александръ, сдумавъ съ своими мудрецами, написать папѣ: «отъ Адама и до потопа, а отъ потопа до раздѣленія языка, а отъ раздѣленія языка до начала Авраамля, а отъ Авраама до проптия Израильтянъ сквозь Черное море, а отъ исхода сыновъ Израилевыхъ до смерти Давида царя, а отъ начала царства Соломона до Августа царя, а отъ начала Августа до Рождества Христова и до страданія и до воскресенія Его, а отъ воскресенія Его и на небеса вознесенія до царства великаго Константина и до первого собора и до седьмаго собора,—все это знаемъ хорошо, а отъ васъ ученія не принимаемъ». (Съ этимъ откѣтомъ) послы возвратились назадъ²). Нѣть сомній, что Александръ съ своими мудрецами написалъ папѣ не такую оригинальную премудрость; по лѣтописцу хотеть своей длиной, quasi весьма ученой, хронологической выниской дать знать, что князь съ своими богословами написалъ папѣ побѣдоносно—ученый отвѣтъ.

Митр. Кириллъ скончался 6-го Декабря 1281-го года³). Въ этомъ году онъ предпринялъ путешествіе изъ Киева въ сѣверную Русь; въ сѣверной Руси, въ городѣ Переяславлѣ Залѣскскомъ, гдѣ онъ на-

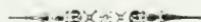
¹) Грамота папы у *Тейнера* въ изданіи *Vetera monumenta Poloniae*, I, XCVI, р. 46.

²) Софійская 1-я лѣтопись (Софійскій Временникъ Строева) подъ 1251 г.

³) По Никоновской и Воскресенской лѣтописямъ, Кириллъ скончался 7-го Декабря 6788-го года отъ С. М.; по Новгородской 1-й и Софійской лѣтописямъ—6-го Декабря 6789-го года отъ С. М. Всѣ новые историки (прое свв. Филаретъ и Максимъ, Карамзинъ и Соловьевъ) относятъ смерть Кирилла къ 1280-му отъ Р. Х., при чмъ дѣло должно быть понимаемо не такъ, чтобы хронологію двухъ первыхъ лѣтописей они предпочитали хронологіи двухъ послѣднихъ лѣтописей, я такъ, что въ двухъ послѣднихъ лѣтописяхъ они думаютъ вѣдь счесть годовъ сентябрьскій (при которомъ въ переводѣ годовъ отъ С. М. на годы отъ Р. Х., если будуть мѣсяцы Сентябрь—Декабрь, нужно вычитать изъ первыхъ годовъ не 5508, а 5509). Но въ лѣтописяхъ Новгородской 1-й и Софійской счесть годовъ не сентябрьскій, а несомнѣнно мартовскій (см. въ Новгор. лѣт. годъ 6784), изъ чего и будетъ слѣдоватъ, что Кириллъ скончался въ 1281-мъ, а не 1280-мъ году

ходился у тогдашняго великаго князя владимирскаго, удѣльнаго князя Переяславскаго, Дмитрія Александровича, и постигла его смерть. Какъ кажется, онъ созвать было въ Переяславль церковный соборъ изъ епископовъ съверной Руси; по крайней мѣрѣ въ минуту его кончины при немъ находились эти епископы—Климентъ новгородскій, Игнатій ростовскій и Феодоръ владимирскій. Тѣло его отвезено было для погребенія въ Киевъ и здѣсь положено въ каѳедральномъ Софійскомъ храмѣ.

Русскою церковію митр. Кириллъ управлялъ исключительно долгое время,—почти что сорокъ лѣтъ (если считать со дня избрания). Имѣемъ мы достаточныя основанія предполагать, что онъ замѣчательнъ былъ и не однѣмъ только этимъ, но и какъ пастырь очень ревностный, такъ что среди другихъ высшихъ пастырей нашеї церкви ему должно быть отводимо одно изъ выдающихся мѣстъ. Желательно было бы созерцать передъ собой живой образъ митрополита, замѣчательнаго по всему; но лѣтописи наши не даютъ ни единой черты и ни единаго штриха этого образа. Единственнымъ своеобразнымъ утѣшениемъ служить только то, что и далѣе не ожидаютъ насъ живые образы...

(Новгородская 1-я лѣтопись, веденная современниками, говоритъ о смерти митрополита въ связи съ событиемъ именно новгородскимъ, а это можетъ служить напорочнымъ удостовѣреніемъ въ неошибочности ея хронологического показанія).

МИТРОПОЛИТЬ МАКСИМЪ.

Преемникомъ митр. Кирилла былъ Максимъ, поставленный снова изъ Грековъ, какъ это было обычно въ періодъ домонгольской.

Сорокъ лѣтъ тому назадъ, тотчасъ послѣ ужаснаго нашествія Монголовъ на Россію, когда еще составляло первошний вопросъ, чтѣ будеть съ иею,—погибнетъ ли она отъ меча страшныхъ азіатскихъ дикарей или останется цѣла, у Грековъ не нашлось охотниковъ идти къ намъ, чтобы занять каѳедру нашей митрополіи. Но Русь осталась цѣла и оказалось, что подъ игомъ страшныхъ дикарей возможно существованіе,—что въ частности къ церкви покореннаго народа они относятся съ полною терпимостию и съ своимъ рѣшительнымъ покровительствомъ. Тогда у Грековъ снова нашлись охотники занимать каѳедру русской митрополіи, а патріархъ снова хотѣть пользоваться своимъ мнимымъ правомъ избирать русскихъ митрополитовъ самому, т. е. избирать ихъ изъ своего собственнаго клира.

Исторіи поставлений митр. Максима мы вовсе не знаемъ. Вѣроятно, послѣ смерти Кирилла Русскіе не рѣшились сами избрать преемника ему и дали знать обѣ освобожденій каѳедры митрополіи въ Константинополь, а отсюда имъ отвѣчали, что будеть присланъ въ Россію митрополитъ, избранный патріархомъ изъ его греческаго духовенства. Но не невозможно и то, что еще при жизни Кирилла было прислано Русскимъ предупрежденіе отъ патріарха, чтобы въ случаѣ его смерти они не избрали преемника ему, а ждали послѣдняго изъ Греціи.

Максимъ былъ поставленъ въ митрополиты русскіе и прибыть на свою паству въ Киевъ въ 1283-мъ году, на третій годъ послѣ смерти Кирилла.

Тотчасъ послѣ своего прихода въ Киевъ, въ томъ же 1283-мъ году, митрополитъ путешествовалъ въ Орду, къ хану Тода-Мангуту (преемнику Менгу-Темірову съ 1281-го года). Чѣмъ было причиной путешествія, лѣтописи не говорятъ. Относительно предположенія иѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей, будто ханомъ Тода-Мангуту было постановлено, чтобы каждый вновь занимавшій каѳедру митрополитъ, какъ глава духовенства, являлся въ Орду для испрошенія на свой санъ

утвердительной грамоты, мы уже говорили выше (стр. 32), что оно не можетъ быть принято, такъ какъ неизвѣстно ни ярлыка, даннаго самому Максиму въ его путешествіе въ Орду, ни ярлыковъ, даванныхъ его преемникамъ при занятіи ими каѳедры¹). Не обязанный являться къ хану въ качествѣ новаго митрополита, Максимъ могъ предпринять путешествіе въ Орду тотчасъ послѣ своего прибытія на Русь по какимъ либо особымъ нуждамъ церковнымъ. Но болѣе вѣроятно предполагать, что онъ послѣшилъ предпринять путешествіе къ хану не по нуждамъ церковнымъ, ознакомиться съ которыми еще не имѣть времени, а по порученію своего константинопольскаго императора (Андроника Старшаго, только что занявшаго мѣсто своего умершаго отца Михаила Палеолога), для какихъ нибудь греческихъ политическихъ дѣлъ, ибо императоры, какъ говорили и указывали мы выше (путешествіе въ Константинополь епископа сарайскаго 1279-го года) находились тогда въ спошніяхъ съ ханами.

По возвращеніи изъ Орды митрополитъ въ слѣдующемъ 1284-мъ году позвать къ себѣ въ Кіевъ на соборъ всѣхъ русскихъ епископовъ. Призваніе всѣхъ епископовъ заставляетъ предполагать, что причиною собора было что нибудь особенное и важное; но наши лѣтописи, по своему истиинно и до слезъ прискорбному, позволительно выразиться—ужасному, обычаю молчать обо всемъ, касающемся церкви, не говорять о причинѣ ни единаго слова²). Можетъ быть, митрополитъ привезъ что-нибудь важное, требовавшее призыва всѣхъ епископовъ, отъ хана изъ Орды; можетъ быть, прежде Орды онъ привезъ что-нибудь подобное отъ патріарха...; въ концѣ концовъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго положительнаго даннаго, чтобы сдѣлать какое нибудь предположеніе. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что намъ сообщается о важномъ церковно-историческомъ фактѣ, но сообщается такимъ образомъ, что все равно и даже пожалуй лучше было бы, если бы и не сообщалось...

Въ 1285-мъ году митр. Максимъ отправился изъ Кіева въ сузальскую область или сѣверную, владимирскую, Русь, и такъ какъ здѣшний великий князь, которымъ продолжать быть Димитрій Александровичъ Переяславскій, находился тогда въ Новгородѣ, то, заходя

¹⁾ Не говоримъ, что ни обѣ одномъ изъ преемниковъ Максима неизвѣстно, чтобы они путешествовали въ Орду тотчасъ по занятіи каѳедры, ибо тутъ возможно было бы предположеніе, что всѣ они прямо изъ Константинополя проходили черезъ Орду.

²⁾ Никоновская лѣтопись подъ нашимъ годомъ: „позвани быша епискупы вси рускія въ Кіевъ къ Максиму митрополиту кіевскому и всея Русіи“.

или не заходя во Владимиръ, прошель въ него. Изъ Новгорода онъ заходилъ во Исковъ.

По поводу этого путешествія митр. Максима Никоновская лѣтошиць дословно повторяетъ о немъ то, что говорить о митр. Кириллѣ, а именно, что онъ «по обічаю своему хожаше по всей землѣ рустей, учаше, наказуяще, управляше». И представляется весьма вѣроятнымъ думать, что если не относительно всего, то по крайней мѣрѣ относительно «хожаше» лѣтошиць говорить дѣйствительную правду,—что митр. Максимъ, по причинѣ неудобствъ постояннаго пребыванія въ Киевѣ, болѣе или менѣе часто оставлялъ его, чтобы, по примѣру своего предшественника Кирилла, предпринимать путешествія по Руси, имѣвшія видъ и значеніе верховно-частырскихъ ея обозрѣй. Половитательная свѣдѣнія, которыхъ мы имѣемъ о путешествіяхъ и мѣстахъ пребыванія митр. Максима послѣ 1285-го года, состоять въ томъ, что въ продолженіе 1288-го и 1289-го годовъ онъ находился въ Киевѣ,—что въ 1295-мъ году онъ прѣѣзжалъ во Владимиръ,—что въ 1300-мъ году онъ навсегда переселился изъ Киева во Владимиръ, изъ которого въ томъ же году ходилъ въ Новгородъ, и наконецъ—что когда-то во время своего пребыванія на кафедрѣ онъ посѣтилъ область галичско-волынскую¹⁾.

Извѣстій о церковно-правительственной дѣятельности митр. Максима мы имѣемъ еще менѣе, чѣмъ о дѣятельности его предшественника Кирилла, а именно—не имѣмъ вовсе никакихъ. Сохранился до насъ одинъ письменный памятникъ его правительственной дѣятельности. Это—его грамота, содержащая въ себѣ наставление или предписаніе (уставъ) относительно поста среды и пятка и увѣщаніе къ вступленію въ супружеское сожитіе не иначе, какъ посредствомъ законныхъ церковныхъ браковъ²⁾.

Выше мы сказали, что иная разность съ Греками относительно соблюденія поста въ среду и пятокъ обратила на себя вниманіе митр. Кирилла и что епископъ сарайскій Оеогностъ задавалъ по сему поводу вопросъ константинопольскому патріаршему собору. Отвѣтъ дать было епископу въ томъ смыслѣ, что русской церкви должны быть соблюдаемы порядки церкви греческой³⁾. Митр. Максимъ въ своей

¹⁾ Послѣднее извѣстіе находится въ Кипріановомъ житіи св. Петра, въ которомъ разсказывается, что Петръ поднесъ Максиму икону Богородицы своего письма, когда этотъ приходилъ въ волынскую землю для ея посѣщенія и обозрѣнія.

²⁾ Напечатана въ Исторіи преосв. Макарія, т. IV, прилож. XXIV, и въ Памятникахъ канонич. права, сол. 139.

³⁾ Вопросъ (19-й). Достоинъ ли въ апостольскія праздники въ среду и пятокъ мяса ясти? Отвѣтъ. „Не разорится и среда и пятокъ ни господскими праз-

грамотѣ, вслѣдствіе ли нарочитаго порученія отъ патріарха, который изъ вопроса епископа Феогноста узналъ о нашей разности съ Греками, или по своей собственной ревности привести наше въ согласіе съ ними, или же иаконецъ — вслѣдствіе заявленнаго самими Русскими желанія относительно сего послѣдняго, снова настоятельнымъ образомъ предписываетъ къ соблюденію порядки церкви греческой, излагая иль съ болѣшею обстоятельностью, нежели какъ это сдѣлано въ отвѣтѣ собора епископу. Уставъ митр. Максима о постѣ среды и пятка есть слѣдующій *постъ отмѣняется*: въ святую недѣлю Пасхи, въ среду иреполовенія — для тѣхъ, кто не желаетъ поститься, въ недѣлю Св. Духа по пятничинѣ, хотя особенно ревностные христіане въ эту недѣлю постятся, въ Рождество Христово, если оно случится въ теть или другой изъ нашихъ дней, и потому отъ Рождества Христова до Васильева дні, въ Богоявленіе Господне и въ недѣлю предъ мясопустами; *постъ ослабляется*: въ праздникъ апостоловъ Петра и Павла, въ Преображеніе Господне, въ Успеніе Богородицы и въ праздникъ апостола Филиппа, — въ эти праздники, если они случатся въ среду или пятокъ, не дозволяется Ѵсть мяса, но дозволяется Ѵсть рыбу. Къ предписанію о постѣ среды и пятка митрополитъ присоединяется предписаніе о канунахъ Рождества Христова и Богоявленія и имению говорить: въ какой бы день ни случился канунъ Рождества Христова, не должно Ѵсть мяса, ни рыбы; если случится въ субботу или въ воскресенье, то, не нарушая устава (о постѣ, непощеніи въ субботу и воскресеніе?), должно Ѵсть хлѣбъ и (пить) вино по службѣ Иоанна Златоустаго послѣ вечерни; относительно кануна Богоявленія наблюдается тоже самое.

Такъ какъ слѣдующее за уставомъ о постѣ, увѣщаніе о вступлении въ супружеское сожитіе не иначе какъ посредствомъ церковнаго вѣнчанія не имѣть съ нимъ никакой логической связи и представляеть иѣчто неожиданное, то можетъ быть подозрѣваемо, что сюо не принадлежитъ митр. Максиму и присоединено къ его уставу какимънибудь безграмотнымъ именемъ по какой нибудь случайной причинѣ. Но съ другой стороны не невозможно и то, что митрополитъ, не заботясь о логической связи, хотѣль воспользоваться случаемъ обнародованія грамоты съ уставомъ о постѣ, чтобы сдѣлать и это увѣщаніе, которое было необходимо иметь за очень нужное. Вотъ это увѣщаніе: «Пишу же

никомъ, кроме великихъ дній святыхъ недѣли.—въ среду и пятокъ да ядять, и на Свѣтицѣ Святаго Духа и егда прикалючится Рождество Христово или Богоявленіе и егда бываетъ недѣля о мытаряхъ и фарисеяхъ; опроче сихъ 5 праздниковъ да не разорять, среды и пятка, се бо възращено отиудь божественными канонами»...

и се вамъ, дѣтей моимъ, да вси чада моя, порожденіи въ купели новосвященій, держите жены отъ святых соборных и апостольскія церкви, занеже жена спасенія ради человѣческаго бысть; аще же ихъ держите въ блудѣ, безъ благословенія церковнаго, то что ти въ помошь есть? Но молися имъ (молитесь? т. е. священники) и нуди ихъ, аще и старіи суть и младіи, да вѣичаются въ церкви».

(Чтобы быть обстоятельными, должны мы еще сказать, что въ 1295-мъ году митр. Максимъ свѣль съ каѳедры епископа владимирского Якова, который былъ поставленъ имъ на каѳедру въ 1288-мъ году. Но сообщающая о семъ лѣтопись такъ называемая Троицкая или Академическая ничего не говоритъ о причинѣ изгнанія и, отнимая у насъ возможность что либо думать и что либо сказать о дѣяніи, ограничивается въ своемъ сообщеніи только словами: «въ лѣто 6803 прѣѣха Максимъ митрополитъ ис Кієва (во Владимиръ), Якова владыку Володимерскаго сведѣ съ епископы»).

Относителью участія митр. Максима въ государственныхъ дѣлахъ Руси намъ известно то, что въ 1304-мъ году, когда по смерти великаго князя Андрея Александровича городецкаго долженъ былъ занять великокняжеский престолъ по праву старшинства Михаилъ Ярославичъ тверской, митрополитъ унималъ искать великокняжеский престолъ подъ законнымъ кандидатомъ московскаго князя Юрия Даниловича. Что касается до усилийъ этого пастырски-миротворца вмѣшательства въ распри князей, то московскій князь, ожесточеннѣйшая борьба кото-раго съ Михаиломъ Ярославичемъ наполнила потомъ почти все времена правленія преемника Максимова св. Петра, не послушалъ настойатель-ныхъ увиѣній митрополита.

Историческую известность митр. Максима составляеть то, что въ 1300-мъ году онъ перенесъ столицу русской митрополіи изъ Кіева во Владимиръ. Предшественникъ его Кирилъ много разъ приходилъ изъ Кіева въ сѣверную, владимирскую, Русь и вообще не жилъ въ немъ постоянно, а только по временамъ и, можетъ быть, даже наименьшему частію; самъ онъ до 1300-го года приходилъ во владимирскую Русь по крайней мѣрѣ два раза и также, по всей вѣроятности, жить въ Кіевѣ только временно, урывками: но тѣмъ не менѣе Кіевъ продолжалъ составлять столицу митрополіи,—въ немъ оставался хозяйствен-ный домъ и дворъ митрополитовъ; въ немъ оставались ихъ клирические и чиновники; митр. Кирилъ умеръ въ сѣверной Руси, по тѣло его отвезено было для погребенія въ Кіевѣ, къ его каѳедрѣ. Въ 1300-мъ году митр. Максимъ формально перенесъ столицу митрополіи изъ Кіева во Владимиръ, переселившись изъ первого во второй «со всѣмъ сво-

имъ житиемъ», какъ говорять лѣтописи, и съ своиими клирошанами или чиновниками. Нѣть сомній, что Максимъ, такъ же какъ и Кирилль, съ самаго начала своего правленія признавалъ очень неудобнымъ то, чтобы столица митрополіи оставалась въ Кіевѣ; но рѣшеніе перенести ее изъ послѣдняго во Владимиръ было вызвано въ немъ внезапно случившимся обстоятельствами, ибо еще въ 1295-мъ году онъ поставилъ во Владимиръ епископа и стѣдовательно—не думать о собственномъ въ него переселеній. Въ 1299-мъ Кіевъ подвергся такому разграбленію отъ Татаръ, что разбѣжался весь городъ; вмѣстѣ съ другими принужденъ быть бѣжать и митрополитъ,—и онъ рѣшился бѣжать навсегда ¹⁾... Максимъ перенесъ каѳедру своей митрополіи изъ Кіева въ столицій городъ Руси владимирской, а не галицкой, какъ само собою подразумѣвается, потому, что въ первой, а не во второй Руси,—въ «Руси Великій», а не «Малой», какъ уже, можетъ быть, тогда называли, а во всякомъ случаѣ скоро за тѣмъ начали называть Греки дѣлъ Руси—сѣверную и южную, онъ видѣть главнѣйшую и важнѣйшую часть своей митрополіи.

Перенесши каѳедру митрополіи изъ Кіева во Владимиръ, Максимъ перевѣлъ здѣшняго епископа въ Ростовъ, на бывшую тогда праздною каѳедру послѣдняго. Что касается до Кіева съ его собственною епархіей, то митрополитъ не поставилъ въ него епископа, а оставилъ его за собой, въ качествѣ своей старшой столицы, такъ что съ этого времени у митрополитовъ стало дѣлъ епархіи, при чёмъ епархія кіевская начала состоять подъ вѣдѣніемъ ихъ намѣстниковъ ²⁾.

¹⁾ Что митр. Максимъ бѣжалъ изъ Кіева въ 1299-мъ году, это даетъ знать Новгородская лѣтопись подъ симъ годомъ (конецъ года): Въ Новгородѣ въ семъ году не было извѣстно, гдѣ находится митрополитъ, т.е. бѣжалъ изъ Кіева, онъ совершаю путь во Владимиръ неизвѣстными новгородцамъ мѣстами. Во Владимиръ онъ прибылъ, по пѣкоторымъ лѣтописямъ (Воскрес.), 15-го Апрѣля 1300-го года.

²⁾ Перенесеніе митрополитомъ Максимомъ каѳедры митрополіи изъ Кіева во Владимиръ (собственно—не каѳедры, которая осталась въ Кіевѣ, а столицы, сѣдaliaща, хѣдѣтра, см. ниже) представляло собою случай перенесенія митрополитомъ своей каѳедры изъ подиавшаго власти варваровъ своего столицаго города въ одинъ изъ епископальныхъ городовъ своей митрополіи. Относительно сего случая Вальсамонъ пишетъ (въ толкованіи на 82 ир. Кареаг. собора,—у Ради и И. III, 486), что пѣкоторые митрополиты считали себя въ правѣ дѣлать это самовольно,—что другіе призывали нужнымъ соборное разрѣшеніе, а иные царское повелѣніе, и что по его собственному мнѣнію—необходимо то и другое. Принадлежалъ ли митр. Максимъ къ первой категории митрополитовъ или по чему-либо другому, только

Перенесение митр. Максимомъ столицы митрополії изъ Киева во Владимиръ подало первый поводъ къ тѣмъ попыткамъ раздѣлениа русской митрополії на двѣ особы митрополії, которыхъ вслѣдствіе имѣвшихъ скоро за тѣмъ случиться политическихъ событий во всякомъ случаѣ становились неизбѣжными.

Между двумя русскими великими княженіями—владимирскимъ и галическимъ Киевъ занималъ такое, такъ сказать, нейтральное положеніе, что, пока столица митрополитовъ оставалась на своемъ старомъ мѣстѣ, они могли быть митрополитами обоихъ княженій или всей Руси. Но когда Максимъ перенесъ свою столицу изъ Киева въ столичный городъ владимирского великаго княженія, то великое княженіе галическое оказалось въ церковномъ отношеніи уже не равноправною съ первымъ частью митрополії, а только какъ бы иѣкоторымъ къ ней приданкомъ. Совершенно естественно было, чтобы великимъ князьямъ галическимъ не понравилась такая церковная роль ихъ страны и чтобы они предприняли старанія о пріобрѣтеніи себѣ своего особаго митрополита. Эти старанія они дѣйствительно и начали тотчасъ же послѣ того, какъ Максимъ переселился изъ Киева во Владимиръ, и такъ какъ имѣли въ нихъ успѣхъ, то и первый случай раздѣлениа русской митрополії на двѣ особы митрополії имѣлъ мѣсто при самомъ же Максимѣ. Въ иѣкоторыхъ спискахъ каталога архиерейскихъ каѳедръ, со-

онъ перенесъ каѳедру митрополії изъ Киева во Владимиръ безъ спроса въ Константинополь, и отъ патріарха формальнымъ образомъ было признано это перенесеніе только въ 1354-мъ году, при поставлении въ митрополиты св. Алексія.— Во Владимировскомъ Успенскомъ соборѣ находится икона Максимовской Божіей Матери, на которой Божія Матерь изображена преподающе омофоръ митрополиту Максиму. Въ подписи на иконѣ читается: „Сей святый чудотворный образъ пресвятаго Богородицы написанъ бысть въ лѣто 6807 (1299), по видѣнію Максима митрополита Владимира и всен Руссии (sic) чудотворца, Греченина родомъ: егда ему пришедшу отъ Киева во Владимиръ и отъ путваго шествія въ келліи своей мало успувъ, аbie видить яко паниѣ сиѣ велиѣ и необыченъ и въ томъ сиѣ явися ему пречистая Дѣва Богородица, держащая на руцѣ Превѣтшаго Младенца, и глагола: рабе мой Максиме, добрѣ пришелъ еси съмо посѣтити градъ мой, и подаде ему омофоръ, глагола: пріими сей омофоръ и паси въ градѣ моемъ словесныѧ овцы; онъ же пріемъ, возбудиася отъ сна и въ келліи никого же видѣ, а омофоръ обрѣтеся въ руцѣ его..., и прославиася сіе чудо во всей Русской землѣ и въ Палестинѣ, и повелѣ (митрополитъ) написати сей образъ тѣмъ подобіемъ, якоже видѣ“ (Доброхотова Намятники древности во Владимирѣ Клязьемскомъ, стр. 74, § 2). Чудесное видѣніе, бывшее митрополиту Максиму, должно было служить въ глазахъ русскихъ людей оправданіемъ его поступка.

ставленного при импер. Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ (1282—1327), читается о Галиції историческое замѣчаніе: «Галиція, бывшая епискошій Россіи, возведена въ митрополії императоромъ кирилъ Андроникомъ Палеологомъ при святѣйшемъ патріархѣ кирилъ Афанасіи въ 6811 (1303) году»¹⁾). Исторіи этого первого открытия особой галицкой митрополіи пока мы вовсе не знаемъ (какъ, впрочемъ, вовсе не знаемъ и постѣдующихъ открытій). Позднѣйшія галицкія свидѣтельства утверждаютъ, что первымъ особымъ митрополитомъ галицкимъ былъ Нифонтъ²⁾). Если онѣ говорять правду, то этого Нифонта и должно принимать за митрополита, поставленного въ 1303-мъ году. Въ тогдашнихъ предѣлахъ княжества галицкаго находилось шесть епискошій: галицкая, перемышльская, владимирская (владимиро-волынская), луцкая, холмская (бывшая угревская) и туровская. Эти шесть епискошій, при чёмъ первая изъ нихъ стала епархіей самого митрополита, и образовали отдѣльную митрополію галицкую. Великимъ княземъ галицкимъ въ 1303-мъ году, когда состоялось открытие митрополіи, былъ Юрій Львовичъ, внукъ Даниила Романовича, занимавшій послѣ отца престолъ великокняжескій съ 1301-го года по 1316-й годъ.

Митр. Максимъ скончался въ концѣ 1305-го года, по однімъ лѣтописямъ—6-го, по другимъ—16-го Декабря. Тѣло его было положено во Владимирскомъ Успенскомъ соборѣ³⁾.

¹⁾) Гάλιτζα, ἐπισκοπὴ ὡὗσα τῆς Ῥωσίας, ἐπιψήφη εἰς μητρόπολιν παρὰ τοῦ βασιλέως κυροῦ Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου ἐπὶ τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου κυροῦ Ἀθανασίου, ἐν ἑτερᾷ ἀξωιᾳ,—у Раля и П. Ч., 494, прим. 1. См. еще статью А. С. Пашкова: „О началѣ галицкой и литовской митрополії и о первыхъ тамошнихъ митрополитахъ по византійскимъ документальнымъ источникамъ“, напечатанную въ майской книжкѣ „Русскаго Обозрѣнія“ за 1894-й годъ. Митр. Кипріанъ въ житіи св. Петра говоритъ о попыткѣ галицкаго великаго князя Юрія Львовича получить для Галиції особаго митрополита, слѣдяной послѣ смерти митр. Максима, какъ о первой попыткѣ. Возможно, что Кипріанъ не зналъ о дѣйствительномъ первомъ поставленіи особаго галицкаго митрополита; но не невозможно, что и зная прітворился незнающимъ, ибо въ интересѣ московскихъ митрополитовъ было то, чтобы исторіи галицкой (галицко-литовской) митрополіи была возможно менѣе извѣстна, дабы противъ каждого поставленія особаго галицкаго митрополита можно было протестовать какъ противъ небывааго и неслыханного нововведенія.

²⁾) См. въ Намитии, канонич. права, приложж. col. 125.

³⁾) Въ Воскресенской лѣтописи относительно мѣста въ соборѣ, гдѣ былъ положенъ Максимъ, сказано: „въ соборій церкви святыя Богородица, во храмѣ (придѣльномъ) Христова мученика Пантелеимона“,—Собр. лѣт. VII, 184 (Тоже въ Степенной книжкѣ, I, 403).

МИТРОПОЛИТ СВ. ПЕТРЪ.

Преемникомъ митр. Максима былъ св. Петръ, снова природный Русский, какъ митр. Кириллъ III, и именію—опять южанинъ и изъ одной и той же съ послѣднимъ области галичско-волынской.

Источникъ свѣдѣній о жизни св. Петра мы имѣемъ кромѣ лѣтописей еще въ двухъ его житіяхъ. Такъ какъ при его мощахъ начали совершаться чудеса съ самой минуты его погребенія и такъ какъ существовали нарочитые поводы къ заботамъ о скорѣйшемъ всероссийскомъ его прославленіи: то въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ его кончины, послѣдовавшей въ 1326-мъ году, написано было его житіе. А поелику первоначальное житіе найдено было потомъ неувѣдомительнымъ, то вслѣдствіе сего было составлено другое или второе житіе. Первое житіе въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ спискахъ его усвояется Прохору, епископу ростовскому, который былъ поставленъ св. Петромъ въ 1311-мъ году и который скончался черезъ два года послѣ него въ 1328-мъ году; но о Прохорѣ житіе говорить въ третьемъ лицѣ и называетъ его преподобнымъ, почему и должно быть считаемо произведеніемъ неизвѣстнаго ¹). Второе житіе написано митр. Киниріаномъ послѣ 1390-го года (въ которомъ онъ окончательно сѣлъ въ Москву на каѳедру митрополіи) ²). Житіе неизвѣстнаго очень кратко, въ отношеніи

¹) Изъ синодальнаго сборника XVI-го вѣка житіе напечатано К. И. Неструевымъ въ яварской книжѣ харьковскаго Духовнаго Вѣстника 1862-го года; изъ новгородскаго Софійскаго Сборника XIV-го вѣка напечатано преосвящ. Макаріемъ въ приложеніяхъ къ IV-му т. Исторіи; третій извѣстный намъ списокъ—въ сборнике XVI-го вѣка Троицкой Лаврской ббліотеки, № 786, л. 300; указаше другихъ списковъ см. у Ключевскаго въ Древне-русскихъ Житіяхъ святыхъ, стр. 75, прим. 2, и у Барсукова въ Источникахъ Русской Агиографіи, col. 447, прибавивъ къ указаннымъ еще списокъ въ синодальномъ рукп. № 421. Епископу Прохору усвояется житіе въ спискѣ, напечатанномъ преосв. Макаріемъ, и въ нѣкоторыхъ изъ списковъ напечатанныхъ.

²) Помѣщено въ Степенной книгѣ,—I, 410; читается въ рукописяхъ и въ отдельномъ видѣ (см. преосв. Макарія Ист. т. IV, прилож. 3, Востокова Опи-

повѣствовательномъ страдаетъ явными пропусками, а въ отношеніи ораторскомъ слишкомъ скучески. Житіе Кипріаново отчасти со-ставляетъ литературную обработку житія неизвѣстнаго, а отчасти со-общаетъ и новыя противъ него свѣдѣнія, восполнія его повѣствова-тельныя пропуски. Къ сожалѣнію, вовсе нельзя сказать о житіяхъ, чтобы они представляли собою источникъ свѣдѣній о жизни св. Петра вполнѣ удовлетворительный. Прежде всего, онѣ ничего не говорять обѣ его церковно-правительственной дѣятельности, ограничиваясь въ этомъ случаѣ общими немногими фразами и указывая только на одну черту дѣятельности, саму по себѣ очень неопределеннную. Затѣмъ, и другія ихъ свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи его жизни, заключаютъ въ себѣ недоказы и умолчанія. Время святительствованія св. Петра было временемъ ожесточенной борьбы между двумя князьями твер-скимъ и московскимъ изъ-за вопроса о первенствѣ, за которымъ, видимо или невидимо для борющіхся, стояла вопросъ о томъ, которому княжеству—тверскому или московскому стать зерномъ будущей вели-кой Руы. Между двоими борющімыся св. Петръ сталъ и стоять на сторонѣ князя московскаго, чѣмъ и содѣйствовалъ решенію борьбы въ пользу Москвы. Но авторы житій не принадлежали къ числу лю-дей, которые были бы чужды этой борьбы; они принадлежали къ одной изъ сторонъ, именно—той же московской. Въ Москвѣ не хотѣли, чтобы исторія привлечения церкви къ борьбѣ государственной была извѣстна во всей своей подробности, и отъ того наши житія заключаютъ въ себѣ недоказы и умолчанія и представляютъ нѣкоторые частные слу-чи, входящіе въ исторію святительствованія св. Петра, въ такомъ видѣ, что они являются непонятными или даже и совсѣмъ представля-ютъ собою несообразности. Впрочемъ, по отношенію къ вопросу о привлечении церкви къ борьбѣ государственной житія все таки состав-ляютъ для насъ чрезвычайно важный источникъ свѣдѣній, ибо по-кровъ недоказовъ и умолчанія, который онѣ здѣсь накидываютъ на исторію, легко и съ увѣренностю можетъ быть приподнятъ.

Житія разсказываютъ, что по смерти митр. Максима нашелся во владимирской Руы какой-то игуменъ Геронтій, который, будучи одержимъ недугомъ самовластія и не видя никого себѣ возбраняющаго, дерзнуль дерзностю восхитить санъ святительства,—взялъ съ собою ризницу митрополичью, многія иконы изъ владимирскаго Успенскаго

саніе рукописей Румянцевскаго Музея и у Барсукова *ibid.*; памъ извѣстные спи-ски: бывшіе Волоколамскіе—№ 195, л. 226, и № 593, л. 226, и Лаврскіи Троицкій № 789, л. 51).

или кафедрального митрополичья собора, митрополичьихъ сановниковъ, и отправился въ Константинополь искать поставлениі въ митрополиты русскіе.

Житія сообщаютъ памъ весьма важное извѣстіе, но только въ такомъ видѣ, что ему не достаетъ качества вѣронодобности.

Чтобы на Руси могъ найдтишь лишеній разума игуменъ, который бы возъимѣть надежду, что придетъ онъ въ Константинополь къ патріарху, изъявить свое желаніе занять кафедру русской митрополіи и его поставить въ митрополиты, очевидно, есть дѣло совершиенно невозможное. Но если бы и нашелся подобный главоболѣюющій игуменъ, то во всякомъ случаѣ намъ ясно дается знать, что не быть такимъ игуменомъ папа Геронтій. Онъ взялъ съ собою ризницу митрополичью, многія иконы изъ владимирскаго Успенскаго собора и митрополичьихъ сановниковъ: но какъ могъ онъ все это сдѣлать, если бы отправился въ Константинополь самовольно? Положимъ, что ризницу и иконы онъ похитилъ бы, хотя этого не говорится и хотя это было вовсе не легко; но какъ бы онъ, пошедшіи самовольно, могъ взять съ собой митрополичьихъ сановниковъ? Такимъ образомъ, совершиенно ясно, что игуменъ Геронтій отправился въ Константинополь, искать поставлениія на кафедру русской митрополіи, не самовольно, а бывъ посланъ. Кѣмъ могъ онъ быть посланъ, это также совершиенно ясно: онъ не могъ никакъ быть посланъ кромѣ тогданиаго владимирскаго великаго князя. Въ минуту смерти митр. Максима величимъ княземъ владимирскимъ былъ тверской удѣльный князь Михайло Ярославичъ, занявший престолъ великокняжескій въ весьма нездолгое передъ тѣмъ время (Андрей Александровичъ городецкій, мѣсто котораго занялъ Михайло Ярославичъ, умеръ 22-го Іюня 1304-го года, а митр. Максимъ скончался 6-го или 16-го Декабря слѣдующаго 1305-го года). Значитъ, онъ—Михайло Ярославичъ и послать игумена Геронтія въ Константинополь для поставлениія въ митрополиты русскіе.

Послѣдующее поведеніе Михайла Ярославича по отношенію къ св. Петру заставляетъ думать, что, посыпая игумена Геронтія въ Константинополь, онъ имѣть въ виду не только то, чтобы, поставивъ его въ митрополиты, получить въ его лицѣ митрополита изъ природныхъ Русскихъ, но еще и свои особенные и личныя цѣли. Именно—представляется необходимымъ думать, что Михайло Ярославичъ, желая поставить въ митрополиты своего кандидата, хотѣть въ лицѣ митрополита приобрѣсти себѣ помощника въ своей борбѣ съ княземъ московскимъ, начавшейся съ самой минуты занятія имъ великокняжескаго престола, и вмѣсть съ тѣмъ помощника въ воззваніи своего твер-

скога удѣла, къ каковому возвышенню своихъ родовыхъ удѣловъ князя начали тогда стремиться. Каѣль далеко простирались при этомъ виды Михайла Ярославича по отношенію къ митрополиту, мы не можемъ сказать, потому что онъ вовсе не имѣлъ возможности обнаружить своихъ видовъ. Не представляется однако вѣроятнѣмъ припинять, чтобы они простирались до мысли о перенесеніи каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Тверь, чтѣ послѣ едѣлать князь московскій, ибо эта мысль, каѣль увидимъ ниже, иное значила въ приложеніи къ Москвѣ и иное въ приложеніи къ Твери, и со стороны Михайла Ярославича была бы черезчуръ неожиданною, потому что была бы съ его стороны слишкомъ отважною и рѣшительною. Если бы онъ имѣлъ эту мысль, то послалъ бы ставиться въ митрополиты не игумена Геронтия, а своего тверскаго епископа: иначе стѣдовало бы, что онъ намѣревался удалить епископа съ каѳедры, между тѣмъ какъ извѣстно, что онъ находился съ послѣднимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Нужно думать, что сейчасъ указанное нами и было причиной, почему житія св. Петра не хотятъ говорить, что игуменъ Геронтий былъ посланъ въ Константинополь Михайломъ Ярославичемъ. Мысль обратиться къ содѣйствію митрополитовъ въ государственной борьбѣ, которую съ такимъ успѣхомъ воспользовалась Москва, принадлежала собственно Твери, и на Москвѣ могли имѣть нежеланіе, чтобы это было записано въ исторію.

Игуменъ Геронтий, посланный Михайломъ Ярославичемъ въ Константинополь, не былъ тамъ поставленъ въ митрополиты русскіе.

Одновременно съ тѣмъ, какъ онъ отиравился въ Константинополь, быть посланъ туда изъ Россіи другой кандидатъ, чтобы быть поставленнымъ въ митрополиты не всея Россіи, а только ея части. Это—кандидатъ галическаго великаго князя Юрия Львовича, посланный для постановленія въ отдѣльные митрополиты галическіе. Выше мы сказали, что въ 1303-мъ году при митр. Максимѣ Галицкіи даиь былъ отдѣльный митрополитъ. Но нужно полагать, что митрополитъ этотъ, не долго занимавъ каѳедру, умеръ около одного времени съ Максимомъ и что такимъ образомъ и случилось, что кандидатъ, избранный Михайломъ Ярославичемъ въ митрополиты всея Руси, и кандидатъ, избранный Юриемъ Львовичемъ въ митрополиты галическіе, были посланы въ Константинополь для постановленій въ одно и тоже время.

Кандидатомъ галическаго великаго князя былъ игуменъ св. Петръ, и онъ-то вмѣсто того, чтобы быть поставленнымъ въ митрополиты галическіе, быть поставленъ патріархомъ въ митрополиты всея Руси.

Св. Петръ родился неизвестно где въ области галичско-волынской и неизвестно—отъ родителей какого состоянія; но, судя по пѣ-которымъ указаніямъ, можно думать, что онъ былъ отъ родителей состоянія достаточнаго, принадлежавшихъ къ сословію боярскому или купеческому, и что его родину составлялъ либо городъ Львовъ, тогдашняя столица Галиціи, либо городъ Бельзъ, находящійся на сѣверѣ отъ Львова ¹). Обучившись грамотѣ и всей, какъ говорить авторъ первого житія, мудрости, Петръ, неизвестно какъ называвшійся въ міру, тотчасъ по окончаніи книжнаго ученія, будучи 12-лѣтнимъ мальчикомъ, поступилъ въ монастырь съ тѣмъ, чтобы постричься въ монахи. Постѣ болѣе или менѣе долговременнаго пребыванія въ монастырѣ, при чемъ, по словамъ житія, усердно ревновалъ о монашескихъ подвигахъ и при чемъ, желая присоединить къ подвигамъ благочестиво-полезное занятіе, обучилъ искусству иконописанія въ такой степени, что стать «иконникъ чуденъ», онъ пожелалъ основать собственный монастырь, который и построилъ не слишкомъ далеко на сѣверѣ отъ столицы княжества Львова, на рекѣ или рѣчкѣ Ратѣ, текущей въ нынѣшней австрійской восточной Галиціи и впадающей струйкой стороны въ верхній западный Бугъ ²). По словамъ митр. Кип-

¹) Св. Петръ построилъ собственный монастырь, изъ чего и можно заключать, что онъ былъ человѣкъ со средствами, следовательно—что былъ родомъ горожанинъ, принадлежавший по сословію къ боярству или къ купечеству. Монастырь свой онъ поставилъ въ мѣстности между Львовомъ и Бельзомъ, изъ чего и можно заключать, что онъ родился въ томъ или другомъ изъ этихъ городовъ (Такъ какъ на всіхъ высшихъ церковныхъ должностяхъ въ древнее время большую частію ставили монаховъ по происхожденію родившихъ, то имѣли бы мы склонность предполагать, что св. Петръ былъ изъ знатнаго боярскаго семейства; но отъ предположенія удерживаетъ насъ авторъ первого житія, который не дѣлаетъ никакого въ этомъ родѣ намека.—Отца Петрова житія называютъ Феодоромъ, а матери не называютъ по имени; въ одномъ Румянцевскомъ сборнике отецъ называется Иаковомъ, а мать Евпраксіей,—у *Восток.* № 359, л. 324 об., стр. 514 col. 2).

²) Монастырь св. Петра, построенный во имя Спаса (Преображенскій), въ настоящее время не существуетъ; на его мѣстѣ стоитъ теперь село, съ приходской церковью также Спаса, которое посить два названія: Дворцъ (Дворцы) и Спасское (Спасское) и которое находится почти на равномъ разстояніи между городами Жолковымъ (Zolkiw, къ округу которого принадлежитъ) и Бельзомъ (примо на югъ отъ послѣдняго, въ епархіи перемышльской, въ деканатѣ или благочиніи угровскомъ). см. Галицкаго Исторического Сборника выпускъ III-й, стр. примѣчаній VII, прим. 6. Зубрицкій въ Критико-историч. новѣсти о Червонной Руси, стр. 71 прим., полагаетъ бывшій монастырь св. Петра въ нынѣшнемъ селѣ Верх-

ріана, въ санѣ игумена своего монастыря св. Петръ такъ прославился своею жизнью, что стать извѣстенъ князю и вельможамъ и вообще всей своей странѣ. Эта великая слава Петра, какъ нужно думать, и остановила на немъ выборъ Юрия Львовича, когда князь искалъ кандидата въ митрополиты ¹⁾.

Относительно того, какъ случилось, что въ митрополиты всея Россіи былъ поставленъ не кандидатъ владимирскаго великаго князя игуменъ Геронтій, а кандидатъ галичскаго великаго князя игуменъ св. Петръ, авторы житій разсказываютъ, что Геронтій и Петръ, предпринявъ путешествіе въ Константинополь, одновременно сѣли на корабли для переплытія Чернаго моря, но что, тогда какъ Петръ весьма благополучно совершилъ переходъ черезъ море, Геронтій чудеснымъ образомъ былъ задержанъ на немъ бурею,—что, явившись передъ патріарха и находящійся при немъ соборѣ митрополитовъ, Петръ былъ признанъ ими достойнымъ сана святительскаго и поставленъ въ митрополиты,—что по времени явился и Геронтій, но что патріархъ, испытавъ его, отказалъ ему въ посвященіи и провозгласилъ Петра митрополитомъ всея Россіи. Смыслъ не совсѣмъ ясенаго разсказа какъ будто тотъ, что Петръ, прибывшій въ Константинополь прежде Геронтія, былъ поставленъ въ отдѣльные митрополиты Галиціи,—что Геронтій, прибывшій послѣ Петра, былъ найденъ недостойнымъ посвященія въ санъ митрополита и что патріархъ, отложивъ свою мысль о раздѣленіи русской митрополіи на двѣ особы митрополіи, переименовать Петра изъ митрополитовъ галическихъ въ митрополиты всея Россіи. Если это такъ, то подобное представление дѣла нельзѧ признавать со-

---

ратѣ, находящемся отъ села Дворцѣ недалеко на западъ, неправильно, ибо въ селѣ Верхратѣ приходская церковь во имя св. Георгія (по шематизму). Авторъ Исторіи іерархівъ, V, 667, ошибочно считаетъ монастыремъ св. Петра монастырь Ратскій Воздвиженскій, находившійся въ сѣверо-западномъ углу волынской губерніи, на рѣкѣ Ратѣ, впадающей сѣва въ верхнюю Припять.

¹⁾ Митр. Кипріанъ, представляя дѣло такимъ образомъ, будто Юрій Львовичъ отиравицъ Петра въ Константинополь за тѣмъ, чтобы ходатайствовать о первомъ дарованіи Галиціи особаго митрополита, или о первомъ отдѣленіи ея въ особую митрополію, утверждаетъ, будто князь не сказалъ Петру, что именно его самого избираетъ кандидатомъ въ митрополиты, а что только въ отправленіи съ впіемъ посланіи въ патріарху и собору тайно отъ него просилъ, чтобы поставленъ былъ въ митрополиты именно онъ. Но такъ какъ Петръ не могъ быть отправленъ въ Константинополь съ указаннымъ порученіемъ (ибо, какъ мы сказали, Галиція уже была отдѣляема въ особую митрополію), то очевидно, что онъ могъ отправиться туда только открытымъ (и вѣдомымъ самому себѣ) кандидатомъ въ митрополиты.

вершенно вѣроятнымъ: не находя достойнымъ постановленія въ митрополиты игумена Геронтия и въ тоже время удовлетвория желанію владимирскаго великаго князя имѣть своимъ митрополитомъ человѣка ему угоднаго, патріархъ могъ вмѣсто Геронтия потребовать отъ князя другого кандидата. Съ гораздо болѣею вѣроятностію должно думать, что патріархъ,—тотъ же Афанасій, который въ 1303-мъ году дать Галиції особаго митрополита, съ первого раза поставилъ Петра, а не Геронтия, въ митрополиты всея Россіи потому, что въ эту разъ, перемѣнивъ по чему либо свои мысли, онъ не хотѣлъ давать Галиції особаго митрополита. Великій князь галическій Юрій Львовичъ, требуя у патріарха особаго митрополита для Галиції, какъ въ прошлый разъ, таѣ и теперешній, конечно, представлялъ ему, что митрополиты, живущіе въ отдѣленіи отъ Галиції Владимиру, не могутъ имѣть надлежащаго пастырскаго попеченія объ его странѣ. Отказывая князю въ особымъ митрополитѣ и ставя въ митрополиты всея Россіи именно кандидата, приславшаго имъ—княземъ, патріархъ могъ отвѣтить ему, что о своей родинѣ Петръ будетъ имѣть надлежащее попеченіе и изъ далекаго Владимира.

Не имѣмъ мы положительныхъ свѣдѣній, по судя по послѣдующему нужно думать, что великий князь владимирскій Михайло Ярославичъ употребилъ въ Константинополь всѣ возможныя усиія, чтобы воспрепятствовать постановленію въ митрополиты всея Россіи Петра и чтобы отстоять своего кандидата: отчасти это дается знать и тѣмъ, что Петръ поставленъ быть въ митрополиты спустя не мало времени послѣ Максима. Если усиія великаго князя не увѣничались успѣхомъ, то необходимо принимать, что патріархъ, рѣшивъ отказать Юрію Львовичу въ особымъ митрополитѣ, непремѣнно хотѣлъ удовлетворить его тѣмъ, чтобы поставить въ митрополиты всея Россіи его кандидата¹⁾.

Въ сейчасъ переданной нами исторіи замѣщенія каѳедры митрополичьей послѣ смерти Максима замѣчательнымъ является то, что вел. кн. Михайло Ярославичъ, вопреки существовавшему порядку ставленія нашихъ митрополитовъ не изъ природныхъ Русскихъ, а изъ Грековъ, обратился въ Константинополь съ просьбою о посвященіи въ митрополиты кандидата, избраннаго имъ самимъ изъ числа природныхъ Русскихъ. Очевидно, что князь принадѣль къ мысли или началь на мысль

¹⁾ Юрій Львовичъ былъ женатъ на родной сестрѣ Михайла Ярославича (Платек. лѣт подъ 1281-мъ г.—2 изд. стр. 583, Воскрес. лѣт. подъ 1282-мъ годомъ,—въ Собр. лѣтт. VII, 176); но это близкое родство князей, какъ видно, не послужило къ тому, чтобы второй могъ уладиться съ первымъ.

о своей просьбѣ, основываясь на исключениіи, только что передъ тѣмъ допущенномъ самими Греками, которые предоставили Русскимъ избрать своего собственнаго кандидата въ митрополиты непосредственно послѣ нашествія Монголовъ. Мысль обращаться въ Константинополь съ просьбою о посвященіи въ митрополиты кандидатовъ, избранныхъ въ самой Россіи, послѣ Михаила Ярославича была усвоена Русскими. А такимъ образомъ, исключеніе, допущенное самими Греками въ началѣ нашего періода изъ страха передъ Монголами, послужило къ тому, чтобы проложить путь новому порядку избрания нашихъ митрополитовъ.

Св. Петръ былъ поставленъ въ митрополиты всея Руси въ Маѣ—Іюнѣ мѣсяцѣ 1308-го года, на третій годъ послѣ смерти митр. Максима¹⁾. Въ томъ же самомъ году онъ возвратился изъ Константинополя въ Россію и прибылъ къ своему старѣшему столу въ Кіевъ, изъ котораго, какъ необходимо думать, ходилъ для посвященія своей родины Галиціи и своего великаго князя Юрія Львовича, если только не сдѣлалъ этого посвященія по пути изъ Константинополя въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ 1309-мъ году онъ явился на свой новый и дѣйствительный столъ во Владимиръ Кляземскій.

Митрополитъ Кириллъ говорить, что когда св. Петръ явился въ сѣверной Руси, то «изъ начала человѣческому роду врагъ и ратникъ малу спону святому сотвори и иѣкімъ подгнeti не хотѣти того прішествія». Несмотря на прикровенность рѣчей Кирилана, совершение ясно, кто были эти иѣкоторые, не хотѣвшіе прішествія Петрова, т. е. совершение ясно, что нежеланіе принять прішедшаго Петра выразилъ вел. кн. Михаило Ярославичъ, который разсчитывалъ видѣть на каѳедрѣ митрополичьей имѣ самимъ избраннаго кандидата и обманулся въ своихъ ожиданіяхъ и кромѣ котораго и во всякомъ случаѣ никто не могъ выразить своего нежеланія.

«По времени же»,—продолжаетъ Кириллъ,—(не хотѣвшіе прішествія Петрова) «себѣ зазрѣша и святителя того пріяша (и) съмиреніемъ тому покоришася», т. е. митр. Кириллъ хочетъ сказать, что

¹⁾ Скончавшись 21-го Декабря 1326-го года, св. Петръ пасъ церковь Божію 18-ть лѣтъ и 6-ть мѣсяцевъ (какъ говорится это въ надписаніи его житія. принадлежащаго неизвѣстному, по иѣкоторымъ его спискамъ, напр. Троицкому Лаврскому въ № 786-мъ, и изъ житія въ иѣкоторыхъ лѣто-ліяхъ,—Никоновск. III, 131, Типографск. стр. 80, Новгородск. З-й,—въ Собр. лѣтт. III, 224, въ святцахъ Слѣдований псалтири митр. Кирилана,—ркп. Моск. Дух. Акад. № 142, и въ мѣсацесловахъ съ „дѣтописью“, напр. въ Синод. ркп. по Опис. Горск. въ Невостр. № 432, л. 238 об., стр. 579).

вел. кн. Михайло Ярославичъ, сиачала не хотѣвши было принимать Петра, потомъ примирися съ нимъ и принялъ его съ искренимъ сердцемъ. Но это, какъ видно изъ дальнѣйшаго, вовсе неправда: великий князь, сиачала не хотѣвши было принимать Петра, потомъ началь неудобнымъ сдѣлать это и примиривши съ нежданимъ и нежеланиемъ митрополитомъ притворнымъ образомъ, рѣшился хлопотать у патріарха о законномъ низведеніи его съ каѳедры. Рождается здѣсь вопросъ: почему Михайло Ярославичъ не захотѣть примириться съ св. Петромъ искренимъ образомъ и почему онъ не постарался привлечь его на свою сторону, такъ чтобы Петръ могъ замѣнить ему Геронтия? Для отвѣта на этотъ вопросъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ положительныхъ данихъ; единственно вѣроятнѣмъ представляется то, что, когда Петръ ставился въ митрополиты, Михайло Ярославичъ своимъ противодѣйствиемъ ему до такой степени вооружилъ его противъ себя, что между ними уже невозможно было искреннее примиреніе.

Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ занятія Петромъ каѳедры митрополичьей во Владимирѣ епископъ тверской Андрей¹⁾ отправилъ на него патріарху доносъ съ какими-то весьма тяжкими противъ него обвиненіями. Митр. Кипріанъ выдаетъ поступокъ епископа Андрея за его личное дѣло, утверждая, что онъ рѣшился на него, «изумленъ суще о суетѣ сей славѣ», т. е. возльчимъ желаніе занять вмѣсто Петра столь митрополичій. Но Кипріанъ заставляетъ насъ принимать то, принять чего невозможно. Чтобы епископъ Андрей, равно какъ и какой бы то ни было епископъ, рѣшился искать низверженія митрополита помимо великаго князя, это было бы несообразностю, и совершенно ясно, что Андрей дѣйствовать не самъ собой, а какъ орудіе великаго князя и вмѣсть своего тверского удѣльного князя. Очень можетъ быть, что между великимъ княземъ и епископомъ было условлено, чтобы, въ случаѣ низверженія митрополита, послѣдній

¹⁾ Епископъ Андрей былъ родомъ Литвинъ или Литовецъ, сынъ князя Гердена или Ердена; въ 1266-мъ году онъ былъ захваченъ въ путь Довмонтомъ Псковскимъ, также Литовцемъ. Въ епископы тверскіе онъ былъ поставленъ митр. Максимомъ въ 1290-мъ году изъ игуменовъ общаго монастыря Богородицы (какъ должно думать, того, имъ самимъ построенаго и находившагося на рѣкѣ Шошѣ (Шешѣ), составляющей правый притокъ Волги, текущей въ старицкомъ и тверскомъ уѣздахъ, въ нижней части своей служащей границею послѣдняго отъ клинскаго уѣзда московской губерніи, въ которомъ по удаленіи съ каѳедры онъ скончался въ 1323-мъ году).

заняль его мѣсто; могло однако этого и не быть, а быть такъ, что епископъ хотѣть только содѣйствовать великому князю въ очищеніи мѣста митрополичьяго для другаго его кандидата.

Великій князь и епископъ Андрей, отправивъ патріарху свой доносъ на митрополита, содержали дѣло въ глубокой тайнѣ, такъ что никто не зналъ; «но—говорить Кипріанъ—шептаніе Андреево не утаится пресвященному святителю Петру», и этимъ даетъ знать, что послѣдній не былъ изъ числа людей, которыхъ можно застигнуть врасплохъ. Обвиненія, взведенные великимъ княземъ и епископомъ на митрополита, были такъ тяжки, что патріархъ,—тотъ же Аѳанасій, который поставилъ Петра въ митрополиты,—немедленно прислали въ Россію своего клирика или своего патріаршаго чиновника для соборнаго изслѣдованія дѣла. Патріаршій клирикъ, прибывъ въ Россію, созвалъ соборъ въ Переяславль Залѣсскому, чтб было въ 1310-мъ году или въ началѣ 1311-го года¹⁾). Соборъ созванъ былъ не въ столицомъ городѣ великаго князя и вмѣстѣ митрополита—Владимирѣ и не въ столично-удѣльномъ городѣ великаго князя Твери, а въ пригородѣ московскаго удѣла Переяславлѣ, иѣть сомнѣнія, потому, что ни ту ни другую столицу великаго князя не желать видѣть его мѣстомъ митрополитъ: въ своихъ столицахъ великий князь имѣть бы болѣе удобство составить и вести соборъ такимъ образомъ, чтобы онъ оказался пристрастно-враждебнымъ митрополиту, а этого, конечно, вовсе не могъ желать посолѣдній. Созванный соборъ представлялъ изъ себя не церковный соборъ въ собственномъ смыслѣ, но церковный и вмѣстѣ свѣтскій или земскій. Что касается до духовныхъ, то на немъ присутствовали два епископа,—обвинитель митрополита Андрей тверской и еще Симеонъ ростовскій, лучшіе изъ игуменовъ и монаховъ и священиковъ множествомъ; изъ свѣтскихъ присутствовало князей довольно и вельможъ множествомъ. Самъ

¹⁾ Патріархъ Аѳанасій, приславшій клирика для суда надъ митрополитомъ, удалился съ престола въ концѣ 1310-го или въ началѣ 1311-го года; епископъ ростовскій Прохоръ, присутствовавшій на соборѣ въ званіи игумена ярославскаго Спасскаго монастыря, поставленъ Петромъ въ епископы въ 1311-мъ году... Если бы дать вѣру такъ-называемой Тверской лѣтописи, что въ Мартѣ мѣсяцѣ 1311-го года св. Петръ былъ въ Твери и что 20-го и 21-го чиселъ этого мѣсяца совершилъ здѣсь два поставленія въ епископы (Собр. лѣтт. XV, 408): то изъ сего слѣдовало бы, что соборъ имѣлъ мѣсто послѣ марта 1311-го года, ибо св. Петръ могъ быть въ Твери передъ соборомъ и никакъ не въ первое время послѣ собора. Но показаніе лѣтописи должно быть считаемо за ошибочное, такъ какъ по нему одинъ изъ поставленныхъ въ Твери епископовъ былъ Прохоръ ростовскій, о которомъ мы знаемъ, что онъ поставленъ въ епископы послѣ собора.

великий князь Михайло Ярославичъ не быть на соборѣ, ибо находился въ Ордѣ. Вместо него пришли на соборъ два его сына—Дмитрій и Александръ Михайловичи; впрочемъ, такъ какъ они были еще дѣти, имѣвшіе—первый 11, а второй 9 лѣтъ, то поддерживать обвиненіе противъ митрополита было поручено великимъ княземъ, конечно, не имѣть, а сопровождавшимъ ихъ боярамъ. Какъ происходилъ соборъ, мы не знаемъ. Но, во-первыхъ, онъ былъ крайне бурный: «толика молва бысть»,—говорить митр. Кириллъ,—яко вмѣръ не безмѣстно что бысть», т. е. что между свѣтскими сторонниками великаго князя и митрополита дѣло едва не дошло до оружія. Во-вторыхъ, онъ кончился совершеннымъ оправданіемъ митрополита или совершеннымъ обнаружениемъ его невинности.

Въ чемъ именно обвиненіе было си. Петръ отъ великаго князя и отъ его епископа передъ патріархомъ и въ чемъ онъ судимъ быть на соборѣ, объ этомъ житія Петра совершенню молчать и это составляетъ загадку. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что взведены были какія-то обвиненія очень тяжкія: ибо, во-первыхъ, патріархъ въ своемъ письмѣ къ митрополиту, присланномъ съ клирикомъ, прямо говорить ему: «се пріодша отъ вашего языка словеса тяжка на твою святыню»; во-вторыхъ, на тяжесть обвиненій указываетъ и немедленный присыпъ патріархомъ своего клирика для соборного разбирательства дѣла. Съ другой стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что митрополитъ вовсе не былъ виновенъ во взведенныхъ на него обвиненіяхъ: если бы онъ былъ виновенъ, то великий князь, т. е. представители и сторонники послѣдняго, присутствовавшіе на соборѣ, конечно, не дозволили бы ему оправдаться. Къ этому присоединяется и еще недоумѣнное обстоятельство. Епископъ Андрей взвелъ на митрополита передъ патріархомъ тяжкія обвиненія, которыхъ оказались вовсе несправедливыми; слѣдовательно, онъ взвелъ на митрополита тяжкую клевету. Однако послѣ собора Переяславскаго, на которомъ обнаружена несправедливость его обвиненій, онъ не былъ удаленъ съ кафедры и не подвергся всеобщему презрѣнію, чтобъ имѣло бы послѣдовать съ нимъ, если бы онъ былъ тяжкій клеветникъ; кафедру, правда, онъ потомъ оставилъ, но спустя уже пять лѣтъ послѣ собора и очевидно—не въ слѣдствіе его, а что касается до репутаціи, то подъ 1321-мъ годомъ мы находимъ въ лѣтописяхъ указаніе, дающее знать, что онъ оставался человѣкомъ весьма уважаемымъ¹⁾). Мудреная загадка эта разъяснится для насъ возможно удовле-

¹⁾ Въ этомъ году Дмитрій Михайловичъ тверской, сынъ Михайла Ярославича, обращался къ его посредству для заключенія мира съ Юріемъ Даниловичемъ московскимъ.

творительнымъ образомъ, если мы примемъ, что епископъ Андрей обвинялъ митрополита передъ патріархомъ въ томъ, въ чёмъ спустя не сколько времени постѣ собора снова обвинялъ первого передъ послѣднимъ самъ великий князь Михайло Ярославичъ отъ своего лица, именно—во взиманіи мзды за поставленіе въ церковныя степени или въ симоніи. Излагая дѣянія владимирскаго собора 1274-го года, мы говорили, что іѣ намъ въ Россію перешелъ изъ Греціи обычай, чтобы епископы взимали плату за поставленіе въ церковныя степени,—что наши епископы, вслѣдъ за греческими, позволяли себѣ съ платою злоупотребленія и что это обстоятельство заставило митр. Кирилла сдѣлать на соборѣ предписаніе, чтобы на будущее время епископами не было взимаемо болѣе того, сколько въ Греціи было установлено указами императорскими. Не имѣемъ мы свѣдѣній, удалось ли митр. Кириллу достигнуть той цѣли, чтобы остановить на будущее время злоупотребленія епископовъ; но онъ достигъ другой цѣли, которой не имѣть въ виду. Его нарочитыя рѣчи о платѣ за поставленіе въ церковныя степени привлекли къ послѣдней вниманіе людей свободно-мыслящихъ, употребляя это слово въ лучшемъ его значеніи, и люди эти нашли, что не только противозаконно злоупотребленіе взиманіемъ платы, но что незаконна и она сама. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и первой причиной непредвидѣнаго митр. Кирилломъ результата, къ которому пришли люди свободно-мыслящіе, была онъ же самъ съ своимъ соборнымъ правиломъ о взиманіи платы. Въ своемъ правилѣ митрополитъ сначала ведетъ пространная и горячая рѣчи о томъ, что не должно брать мзы за поставленіе, съ вышисками о семъ изъ соборныхъ правиль, при чёмъ вовсе не поясняется, что разумѣеть подъ мздою не вообще взиманіе, а взиманіе линияго, незаконнаго, а потому вдругъ предписывается: «не взимати же у нихъ (поставляемыхъ въ церковныя степени) ничто же, развѣ (должнаго): якоже азъ уставихъ въ митрополіи, да будетъ се во всѣхъ епископияхъ,—да възмутъ клирошане (епискописки) 7 гривень отъ поповства и дьяконства,—отъ обоего», при чёмъ въ свою очередь вовсе не говорить прямо, какъ это было на самомъ дѣлѣ, что его предписаніе составляло подтвержденіе узаконеннаго императорами греческими. Такъ какъ указы императоровъ греческихъ, опредѣливши размѣры платы за поставленіе, у насъ не были известны, то всякому читавшему правило Кирилла легче можно было подумать, что именно онъ самъ впервые вводить и узаконяетъ плату за поставленіе; а иболику онъ узаконяетъ ее постѣ своихъ же пространныхъ и настоятельныхъ рѣчей противъ взиманія мзы за поставленіе, то люди свободно-мыслящіе легко могли прійти къ тому заклю-

ченію, что митрополить вопреки себѣ узаконяетъ иѣчто вовсе незаконное. Разъ увлеченные въ критику узаконеніаго взиманія платы за поставление и паводя обстоятельныя сиравки въ канонахъ, люди эти легко могли простереться далѣе и до того, чтобы признать плату незаконною и несмотря на узаконеніе ея со стороны императоровъ греческихъ, ибо она дѣйствительно была противна канонамъ (Василій Великаго правило 90-е, посланія патріарховъ Гениадія и Тарасія). Такіе свободномыслящиye люди нашлись у насъ въ правлениe вел. кн. Михайла Ярославича и имѣемъ мы прямая указанія, что именно къ такимъ свободномыслящимъ людямъ принадлежала епископъ тверской Андрей. Если мы примемъ это постѣднее за положительный фактъ и если мы будемъ при этомъ представлять себѣ епископа Андрея такимъ свободномыслящимъ человѣкомъ, который не зналъ, что извѣстныхъ размѣровъ платы за поставленіе существуетъ въ Греціи, какъ иѣчто узаконенное, и который производить ея начало у насъ отъ митр. Кирилла, тогда объясняется для насъ все дѣло по обвиненію имъ митрополита передъ патріархомъ. Когда епископъ тверской увидѣль, что новоприбывшій митрополить взимаетъ за поставленія узаконенію плату, онъ нашолъ, что митрополить взимаетъ мѣду и, служа великому князю, который желать имѣть поводы свергнуть митрополита съ престола, сдѣлалъ на него доносъ въ Константинополь патріарху¹⁾). Этотъ постѣдний понять доносъ въ томъ смыслѣ, что митрополить дѣйствительно взимаетъ мѣду, т.-е. что онъ не только взимаетъ узаконенію плату, но и позволяетъ себѣ брать сверхъ узаконеніаго,—и поспѣшилъ отиравить въ Россію своего клирика, для изслѣдованія дѣла. Прибывшій клирикъ нашолъ, что митрополить взимаетъ только узаконенію плату; сдѣдовательно, вмѣстѣ съ этимъ нашолъ, что митрополить невиновенъ въ возведеніомъ на него обвиненій. При этомъ и епископъ Андрей оказался не тѣжкимъ клеветникомъ, а только человѣкомъ, который относительно одного предмета,—этой узаконеній платы за постановленія, имѣть свой собственный взглядъ. При такомъ представлении дѣла, для насъ станетъ понятнымъ и странный составъ духовной стороны собора. Изъ епископовъ присутствовалъ на немъ, бромъ Андрея, имѣвшаго обвинять митрополита, и всего только

¹⁾ Прежде Петра Андрей видѣль, какъ взималъ плату за поставленія рукоположившій его въ епископы митр. Максимъ. Должно думать, что на взиманіе платы и смиъ постѣднія Андрей точно также смотрѣль, какъ на дѣло незаконное; а если не доносилъ патріарху, такъ потому, что не имѣлъ личныхъ къ сему поводовъ.

одинъ, а напротивъ было призвано на него множество священниковъ. Такъ какъ епископы представляли собой сторону, берущую плату, а священники—сторону дающую, то и совершению понятно, почему великий князь распорядился такъ, чтобы на соборѣ было какъ можно менѣе епископовъ и какъ можно болѣе священниковъ: епископы должны были быть за митрономита, а священники противъ него¹). Мы сказали выше, что имѣемъ положительныя указанія относительно надежности епископа Андрея къ тѣмъ свободномыслящимъ людямъ, которые смотрѣли на узаконенную плату за поставленія, какъ на незаконную мзду. До настоящаго времени сохранилось посланіе иѣкона тверского монаха Акиндина къ вел. кн. Михайлу Ярославичу, въ которомъ великий князь убѣждается искоренить въ русской церкви ересь мздоиманія святителей, при чёмъ подъ мздоиманіемъ разумѣется взиманіе узаконенной платы за поставленія²). Въ подтвержденіе своихъ словъ о беззаконности взиманія платы Акиндінъ ссылается на то, что онъ былъ посланъ своимъ епископомъ въ Константинополь къ вселенскому патріарху Нифонту и что будто патріархъ съ соборомъ отвѣчалъ ему на его вопросъ относительно взиманія платы, что совершение незаконно какое бы то ни было взиманіе. Патріархъ Нифонтъ, преемникъ Афанасіевъ, занималъ каѳедру съ 1312-го года по 1315-й, и посланіе къ нему епископомъ Андреемъ своего монаха³), очевидно, значить то, что епископъ, удивленный судомъ патріаршаго клирика, который не напечь митрономита, взимавшаго плату за поставленія, виновнымъ во взиманіи мзы, послать въ Константинополь своего человѣка, чтобы обстоятельно разузнать, какъ тамъ смотрѣть на плату и на мзду⁴).

¹) Единственный послѣ самого Андрея присутствовавшій на соборѣ епископъ ростовскій Симеонъ въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ него, въ 1311-мъ году, оставилъ каѳедру. Можно думать, что онъ былъ однимъ изъ мыслей съ епископомъ тверскимъ, что по этой причинѣ онъ одинъ изъ всѣхъ епископовъ попалъ на соборъ и что, заявивъ себя на немъ врагомъ митрономита, онъ и принужденъ былъ оставить каѳедру, когда судъ соборный кончился для послѣдняго оправданіемъ (Если не случилось подобнаго и съ Андреемъ, то, нужно думать, потому, что великий князь защищалъ уже самыи рѣшительныи образомъ).

²) Посланіе напечатано въ Православн. Собесѣдникѣ 1867-го года, ч. II. стр. 246. и въ Намятникахъ канонического права Павлова, col. 150.

³) Въ надписаніи посланія Акиндінъ называется минимъ лавры Святых Богородицы. Съ вѣроятностю можно думать, что онъ былъ изъ собственнаго Андреева монастыря.

⁴) Татищевъ сообщаетъ о соборѣ Переяславскомъ подъ 1313-мъ годомъ (IV, 92) слѣдующее неожиданное: „Того же лѣта явїся въ Новгородѣ еретикъ прото-

Переяславский соборъ, какъ мы сказали, имѣлъ мѣсто въ 1310-мъ году или въ началѣ 1311-го года.

Житія св. Петра не говорять, чтобы вел. кн. Михайло Ярославичъ послѣ первой неудачной попытки удалить митрополита съ каѳедры дѣлать и еще попытки достигнуть того же. Изъ другого источника мы знаемъ, что великий князь сдѣлалъ еще одну подобную попытку, имѣвшую мѣсто въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ собора переяславскаго или иначе сказать—въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ первой попытки.

попъ новгородской, къ нему же пристаща мнозіи отъ причета церковнаго и мірянъ, и епископъ тверскій Андрей помогаше имъ, глаголя: се яко рай на земли погибе, и святый ангельскій монашескій чинъ ругаху, безбожнымъ ученіемъ бѣсовскимъ имъноваху. и мнози отъ инохъ, изшедше (изъ монастырей), оженихуся; преосвященній же митрополитъ Петръ созва въ Переяславль соборъ велий: быша ту вси и епископы и игумены, попы, діаконы и чершецы, и отъ патріарха Аввасія килирикъ ученый, и многу пренію бывшу, еду преосвященній Петръ, митрополитъ Кіевскій и всяї Россіи отъ божественнаго писанія и помощію и заступленіемъ князя Ивана Даниловича преодолѣ проклятаго еретика, а самъ иде по градѣхъ, поучая право вѣрити и укроти молву, а смущеніе діавольское прогна⁴. Татищевъ имѣлъ у себя подъ руками такой списокъ первого житія св. Петра, принадлежащаго непзвѣстному, въ которомъ послѣ разсказа о соборѣ Переяславскомъ читалось, какъ это читается въ нѣкоторыхъ теперъ извѣстныхъ спискахъ: „и се тако еретика препрѣ, пріѣхавши на ирю, и прокля й⁵ вмѣсто: „и Сента еретика препре,“... и отиесть эти слова, говорящія объ еретикѣ, не имѣющемъ никакого отношенія къ собору переяславскому и явившемся позднѣе (см. о немъ ниже), къ сему послѣднему. Но такъ какъ Татищевъ читалъ въ житіи, что епископа Андрея св. Петръ не проклялъ, а простилъ, то значило, что еретикъ былъ не онъ, а другой; этого другого Татищевъ и сочиняетъ въ лицѣ протопопа новгородского, придавая епископу Андрею роль только помогающаго. Почему—протопопа, не можемъ сказать, а новгородского, можетъ быть, потому, что въ Новгородѣ спустя не особенно много времени послѣ собора переяславскаго явилась секта Стригольниковъ. Что касается до того, откуда береть Татищевъ ереси, то источникъ первой ереси ясенъ: въ Таїри вскорѣ послѣ епископа Андрея была распры о томъ, погибъ или не погибъ вещественный рай и епископъ тверской Феодоръ держался того мнѣнія, что онъ погибъ (посланіе о раѣ архіепископа новгородскаго Василія. † 1352, къ епископу тверскому Феодору, въ Софійск. 1-й и Воскресен. лѣтт. подъ 1347-мъ годомъ, въ Степен. кн. I. 480); относительно источника второй ереси, не имѣющей съ первою никакой логической связи и даже болѣе того, ничего не можемъ сказать (о возможномъ нѣкоторомъ источнике рѣчей Татищева объ ересьяхъ см. ниже).

Михайло Ярославичъ постѣ смерти митр. Максима посыпалъ въ Константинополь для поставленія въ митрополиты своего кандидата—игумена Геронтія съ тою цѣлію, чтобы въ лицѣ митрополита пріобрѣсти себѣ сильнаго помощника въ своей государственной борьбѣ съ княземъ московскимъ и въ своемъ стремлениі къ возвышенію своего родового тверскаго удѣла. Вмѣсто Геронтія ему было приеланъ въ митрополиты другой, котораго онъ встрѣтилъ враждебно и котораго онъ тотчасъ же попытался было удалить съ кафедры, чтобы замѣстить его своимъ новымъ кандидатомъ. Совершенно естественно, что этотъ другой—св. Петръ, будучи встрѣченъ подобнымъ образомъ отъ великаго князя, долженъ быть обратиться къ сторонѣ ему враждебной, т. е. къ князю московскому. Если Михайлу Ярославичу принадлежала мысль воспользоваться митрополитомъ, какъ помощникомъ, въ своей борьбѣ съ княземъ московскимъ, то этому постѣднему—Юрию Даниловичу не трудно было понять всю важность мысли, тѣмъ болѣе, что онъ былъ человѣкъ, несомнѣнно не отстававшій въ способности пониманія отъ Михайла Ярославича. Великій князь встрѣтилъ прибывшаго митрополита, какъ врага: понятно, что московскій князь долженъ быть посѣщать сойдти съ нимъ, какъ съ другомъ. Такъ это дѣйствительно и случилось. На соборѣ переславскомъ новоприбывшій митрополит имѣть между свѣтскими, присутствовавшими на немъ, людьми многочисленную партію своихъ сторонниковъ, у которыхъ съ партіей сторонниковъ великаго князя чуть не дошло дѣло до оружія. Несомнѣнно, что предводителемъ этой партіи былъ князь московскій, въ пригородѣ котораго созванъ былъ соборъ. Такимъ образомъ, Михайло Ярославичъ, посылавшій игумена Геронтія въ Константинополь ставиться въ митрополиты и получившій вмѣсто него Петра, достигъ не того, чтобы пріобрѣсти себѣ въ митрополитѣ помощника въ борьбѣ съ врагомъ, а того, чтобы напротивъ врагу доставить въ немъ помощника въ борьбѣ противъ себя. Понятно, что съ такимъ положеніемъ дѣла Михайло Ярославичъ не могъ мириться и что желаніе удалить митрополита съ кафедры должно было составить самое настоятельное его желаніе.

Сохранилось до настоящаго времени посланіе къ Михайлу Ярославичу константинопольскаго патріарха Нифонта, о которомъ упоминали мы сейчасъ выше¹⁾). Изъ этого-то посланія и узнаемъ мы, что великий князь въ непродолжительномъ времени постѣ собора перея-

¹⁾ Посланіе напечатано и перепечатано тамъ же, гдѣ посланіе къ тому же Михайлу Ярославичу монаха Акиндина.

славского дѣлать вторичную попытку низвергнуть митрополита. Посланіе патріарха представляетъ собою отвѣтъ на посланіе къ нему великаго князя. Изъ него оказывается, что великий князь въ своемъ посланіи къ патріарху взводить вину на митрополита и требовать суда надъ имъ. Относительно винъ дается знать, что митрополиту были усвоены княземъ многія противозаконныя дѣла; въ частности указываются двѣ вины: во первыхъ, что митрополитъ дозволять вѣнчаніе браковъ въ незаконныхъ степеняхъ родства, во вторыхъ—что онъ мзды ималъ отъ ставленія. Что касается до суда, то, какъ кажется, великий князь, имѣя въ виду московскую партию защитниковъ митрополита, просить, чтобы онъ произведенъ быть не въ Россіи, а въ Константинопольѣ; патріархъ пишетъ объ этомъ Михайлу Ярославичу: «пинемъ княжению твоему и власти твоей: если захочеть (митрополитъ) прийти сюда и дать отвѣтъ,—хорошо; а если не захочеть (прийти сюда) по доброй волѣ, то силой пришли его, а (съ нимъ пришли и тѣхъ) кто знаетъ вину его и свидѣтелей; когда придетъ митрополитъ, то, въ случаѣ, если онъ оправдается, онъ (да останется митрополитомъ), въ противномъ случаѣ поставимъ другого, кого захочеть твое бого любіе,—человѣка засвидѣтельствованного добрыми дѣлами отъ всѣхъ людей». Вмѣстѣ съ обвиненіями на митрополита великий князь просилъ патріарха, чтобы этотъ прислать ему «уставъ и законъ»; о чёмъ уставъ и законъ, не говорится, но вѣроятно—о тѣхъ пунктахъ, которые въ данную минуту составляли въ Россіи предметъ споровъ и сомнѣй, и по преимуществу, какъ нужно думать, о взиманіи платы за поставленія. Соборъ Переяславскій, по видимому, долженъ быть убѣдить великаго князя, что это взиманіе платы не можетъ служить пунктомъ обвиненія противъ митрополита, такъ какъ, бывъ прежде обвиняемъ въ томъ же, онъ былъ на соборѣ оправданъ. Но должно думать, что касательно взглядовъ константинопольскихъ на плату великій князь введенъ былъ въ заблужденіе. Мы сказали выше, что тотчасъ послѣ собора Переяславскаго епископъ Андрей послалъ въ Константинополь одного монаха разузнать, какъ тамъ смотрятъ на плату за поставленія. Этотъ монахъ, ходившій въ Константинополь, уверяетъ Михайла Ярославича въ своемъ посланіи къ нему—князю, что онъ спрашивалъ въ Константинопольѣ соборъ патріаршій, на которомъ вмѣстѣ съ патріархомъ константинопольскимъ присутствовалъ еще патріархъ іерусалимскій и который состоялъ изъ 36-ти митрополитовъ, и что будто бы получить отвѣтъ: «аще и до половины першера (империала,—золотой византійской монеты въ 5 рублей) или ино мало что (возьметъ ставящій отъ ставимаго), село крове нарече и корчму, со Іудою равни

суть и не имутъ части съ Христомъ ни здѣшь, ни въ будущемъ вѣцѣ». Очень можетъ быть, что монаху и дѣйствительно данъ былъ въ Константиноopolѣ такой отвѣтъ; но если былъ данъ, то былъ данъ, такъ сказать, софистическимъ образомъ. Въ Константиноopolѣ сознавали, что плата за поставлѣнія есть дѣло незаконное, ибо она слишкомъ ясно противорѣчила канонамъ церковнымъ; поэтому тамъ придумали называть ее не платой за поставлѣнія, а проторями или издержками при поставлѣніяхъ. На вопросъ: дозволительно ли плата за поставлѣнія въ Константиноopolѣ отвѣчали, что она незаконна и пребеззаконна, но при этомъ подразумѣвалось, что дозволительно и законно взиманіе проторей. Основываясь на донесеніи своего монаха, Михайло Ярославичъ могъ заподозрить, что клирикъ патр. Афанасія, прѣѣзжавшій въ Россію судить митрополита, судилъ неправо, а поэтому и могъ во второй разъ обвинять митрополита передъ патріархомъ въ томъ же взиманіи платы за поставлѣнія. Какую дальнѣйшую исторію имѣла эта вторичная попытка великаго князя, остается неизвѣстнымъ. Такъ какъ патр. Нифонть, наихудшій изъ патріарховъ константинопольскихъ даниаго времени, при всякихъ дурныхъ своихъ качествахъ, былъ человѣкъ до крайней степени сребролюбивый, за что и извергнутъ былъ съ престола ¹⁾, то Михайлу Ярославичу, повидимому, возможно было достичнуть своего желанія съ помощью подкупа. Если этого не случилось, то, можетъ быть, потому, что онъ началъ свою вторичную попытку въ послѣднее время непрѣодолимѣаго сидѣнія Нифонтова на патріаршей каѳедрѣ, такъ что патріархъ не успѣлъ исполнить желанія князя.

Несомнѣнно, что великій князь и митрополитъ оставались врагами и въ послѣдующее время, до самой смерти первого изъ нихъ въ 1318-мъ году. Но предпринималъ ли князь и еще попытки избавиться отъ митрополита, остается намъ неизвѣстнымъ ²⁾.

Св. Петръ управлялъ русскою церковью въ продолженіе 18-ти лѣтъ съ половиною, съ 1308-го года по конецъ 1326-го года.

Лѣтоиси совершенно ничего не говорять объ его церковно-правительственной дѣятельности. Житія говорятъ о ней, но въ выра-

¹⁾ См. о немъ въ исторіи Никифора Григоры и въ нарочитомъ обличительномъ словѣ противъ него Никифора Хума, напечатанномъ въ Анекдотахъ *Буасонада*, V, 255.

²⁾ Епископъ Андрей оставилъ каѳедру, чтобы удалиться въ основанный имъ монастырь, въ 1315-мъ году. Очень можетъ быть, что онъ принужденъ былъ къ этому враждѣ съ митрополитомъ, послѣ неудачныхъ попытокъ низвергнуть послѣдняго.

женіяхъ слишкомъ общихъ. Неизвѣстный авторъ первого житія, дошель въ свое мѣсто разказъ до возвращенія св. Петра въ Россію изъ Константиноцоля съ поставлениемъ, пишетъ о немъ: «и пришель въ свою митрополию и нача учить заблуждаа крестьяни, ослабѣшиа нужа ради ноганихъ шонѣрець, протолкуя евангельскаа писанія и апостольскаа, якоже Великій Василей, Іоанъ Златоустый (и) Григорей, та ученья излагаа и къ сему свое смиреніе являя и тѣмъ утверждая истинную вѣру во крестьянѣхъ, преходя волынскую землю и кіевскую и сузальскую землю, уча вездѣ вся». Сказавъ о соборѣ Переяславскомъ, который кончился оправданіемъ св. Петра, тотъ же авторъ далѣе продолжаетъ: «святый же святитель нача учить не токмо по градомъ, но по всѣмъ (неслыханъ), вся въ странахъ (страны?) и вся мѣста преходя, ии труда бо себѣ имѣя, ии искайся о стадѣ Христовѣ словесныхъ овець». Сказавъ потомъ о преподобіи св. Петромъ одного еретика, о чёмъ ниже, напись авторъ еще присовокупляетъ: «святый же болѣ подвигъ подъя,—поненіе и милостивой милостины, утверждая іереи, како водити стада Христовыхъ овець словеснаго стада, и черноризець и черноризица». Митр. Кириллъ съ своей стороны не склонна воспроизводить сейчасъ приведенное и не прибавляетъ отъ себя ничего по-ваго. Въ нашихъ общихъ отзывахъ положительную характеристическую черту дѣятельности составляетъ то, что св. Петру, подобно двумъ своимъ постѣмонгольскимъ предшественникамъ, предпринималъ путешествія по всей своей митрополии для личного ея дознанія и устроенія.

Одинъ сохранившийся до настоящаго времени письменный памятникъ дѣятельности св. Петра,—его поучительное посланіе къ священникамъ и мірянамъ¹⁾), дасть видѣть въ немъ первого вводителя существовавшаго въ нашей церкви особаго законо положенія относительно вдовыхъ священниковъ, именно—чтобы священники эти, если желаютъ сохранить священство, или въ монастыри, а если хотятъ оставаться въ міру, то не пѣли бы, т. е. слагали съ себя священство. Законо положеніе несколько не основывалось на канонахъ церковныхъ и собственно говоря противорѣчію имъ, ибо каноны, не взираясь на Господне и апостольское, что дѣвство выше супружества, не требуютъ непремѣнно, чтобы священники имѣли женъ, а только попустили имъ имѣть ихъ (Трульск. соб. пр. 13): по опо, какъ должно думать, было вызвано настоятельными требованиями пользы церкви. Т. е. необходимо думать, что вдовы священники въ столь значительномъ большинствѣ

¹⁾ Напечатано въ памятникахъ *Паслова*, № 17, col. 159.

своемъ вели зазорную жизнь, что законоположение объ ихъ удалениі изъ мѣра или о сложеніи ими съ себя священства представлялось св. Петру единственнымъ средствомъ избавить общество церкви отъ созлазна, который они причиняли собою. Подлинныя слова предписанія митрополита относительно вдовыхъ священниковъ суть слѣдующія: «аще у попа умретъ жена, да идеть въ монастырь, (и тогда) имѣть священство свое; аще иметь въ слабости пребывать и любити мірскыи сласти, да не поеть; аще не послушаетъ моего словеси, да будетъ не благословенъ, (а также) и тѣи, иже пріобщаются съ нимъ». Свое предписаніе въ посланіи митрополитъ предваряетъ замѣчаніемъ, что уже многажды онъ писалъ о семъ вдовымъ священникамъ, и этимъ даетъ знать—во-первыхъ, что онъ ветрѣчалъ своему новому закону сопротивленіе, а во-вторыхъ—что онъ вводить его съ болѣшою настойчивостію ¹⁾.

Въ началѣ разбираемаго посланія (послѣ приступа) св. Петръ говоритъ: «многажды писахъ вамъ въ священникомъ и миhiомъ, како пребывать», и симъ даетъ знать, что имъ было написано то или другое значительное количество учительныхъ посланий. Въ настоящее время известно этихъ посланий и всего три, при чмъ подлинность одного изъ трехъ еще составляетъ перѣштенный вопросъ.

Все содержаніе нашего посланія, въ которомъ читается предписаніе относительно вдовыхъ священниковъ, или первого сохранившагося, есть слѣдующее: постъ приступа, въ которомъ о томъ, что одинаково необходимы какъ правая вѣра, такъ и добрыя дѣла,—общее увѣщаніе къ священникамъ, чтобы достойно проходили пастырское служеніе и усердно насли своихъ духовныхъ овецъ; частныя увѣщанія къ нимъ же: чтобы налагали должный епитиміи на кающихся и не дѣлали синхожденія ради «взятія», т. е. подарковъ,—чтобы запрещали троеженцевъ и четверженцевъ, имѣющихъ непрѣначальныхъ женъ,—чтобы воздерживались отъ нынѣства; увѣщаніе ко всѣмъ православнымъ

¹⁾ Греческіе патріархи, присутствовавши на московскомъ соборѣ 1667-го года, отмѣнили узаконеніе св. Петра о вдовыхъ священникахъ на будущее время, произнесли свой приговоръ о немъ: „Судися же, яко аще и кромъ правиль положися, еже вдовствующимъ причетникомъ не служити божественная литургія, обаче за умноженіе безчестій непрѣкусныхъ причетниковъ, онаства ради, добръ повелѣся“,—Доказаніе, къ Акт. Ист. т. V, стр. 493, col. 2 (А увѣреніе визенскаго собора 1509-го года, будто современная ему константинопольская церковь держалась именно той практики относительно вдовыхъ священниковъ, которая существовала у насъ со времени св. Петра.—Русск. Историч. Библіотеки, изд. Археогр. Комиссіей, т. IV, col. 11, сколько знаемъ, должно быть признано за несправедливое).

христіанамъ о томъ, чтобы имѣли въ себѣ страхъ Божій, прибѣгали въ церковь и приносили отъ имѣнія даръ Богу, чтобы любили и чтили священниковъ и монаховъ, миловали убогихъ, вдовицъ, сиротъ, плѣненныхъ и находящихся въ темницахъ. Но своему объему посланіе не обширио и все сейчасъ переданное нами излагается въ немъ кратко, въ видѣ отрывочныхъ предписаний и наставлений.

Второе учительное посланіе св. Петра, имѣющее надписаніе: «Но-ученіе (дѣтей моимъ) игуменомъ и попомъ и дьякономъ» ¹⁾, содержитъ общія наставлений священникамъ, чтобы они старались быть истинными настырями, а не паемниками, и чтобы они заботились объ украшении себя христіанскими и настырскими добродѣтелями. Но своему объему также не обширио ²⁾.

Третье посланіе, усвояемое св. Петру, будучи адресуемо къ епископамъ, священникамъ, архимандритамъ, игуменамъ и діаконамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ ³⁾, состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части — наставленія и предписанія священникамъ относительно ихъ собственнаго новеденія ⁴⁾ и относительно ихъ настырскихъ обязанностей ⁵⁾, а также отчасти предписанія мона-

¹⁾) Напечатано въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцевъ за 1844-й годъ. Слова надписанія, поставленныя въ скобахъ, изъ ркн. Волокол. монастыря, нынѣ библіотеки Моск. Дух. Акад., № 566.

²⁾) Въ сейчасъ поминутой волоколамской рукописи присоединено къ нашему посланію какъ его второй часть или слито съ нимъ въ одно цѣлое,—л. 387 об. fin., посланіе какого-то пресвитера къ какому-то святителю, написанное вслѣдствіе повелій послѣдняго (л. 388 нач.), именно — какъ слѣдуетъ понимать, вслѣдствіе выраженного послѣднимъ желанія получить отъ пресвитера его писаніе. Можеть быть, что святитель есть св. Петръ (въ его панствѣ князь и власти,— л. 389). Пишущій выражаетъ тому, къ кому пишеть, свои усердныя желанія, чтобы онъ добрѣ упасъ порученную ему Богомъ паству.

³⁾) Напечатано въ Намітицахъ Кушелева-Безбородко, IV, 186 (о немъ у Филарета въ Обзорѣ § 65).

⁴⁾) Воздерживаться отъ пьянства и убѣгать лишихъ пировъ во всякое время, а особенно въ посты; не пить до обѣда; не заниматься торговлею и ростовщичествомъ.

⁵⁾) Учить мірянъ, чтобы приходили къ церкви, честно держали посты и прічащались ежегодно святыхъ таинъ,—чтобы воздерживались отъ блуда, почитали духовныхъ отцовъ и плотскихъ родителей, не ъли въ пирахъ до обѣда, воздерживались отъ сквернословія, бѣгали всякаго колдовства, не звались на такъ называемое „поле“; разлучать троеженцевъ и дозволять вступленіе въ третій бракъ только очень молодымъ людямъ, у которыхъ не будетъ дѣтей; крещеніе творить

хамъ¹⁾; во второй части—увѣщанія къ мірянамъ относительно ихъ христіанскихъ обязанностей и обличенія къ нимъ по поводу неисполненія этихъ обязанностей²⁾). Такъ какъ первая часть посланія представляется тождественною съ однимъ посланіемъ митр. Фотія (съ небольшими разностями—отчасти съ линіками, отчасти съ опущеніями³⁾): то могутъ быть предполагаемы три случая: или что посланіе дѣйствительно принадлежить св. Петру, а Фотій заимствовалъ свое посланіе изъ него; или что позднѣйший книжникъ соединилъ въ одно мѣсто посланія Фотія и Петра и далъ своему соединенію имя первого; или, наконецъ, что этотъ позднѣйший книжникъ соединилъ въ одно мѣсто посланія Фотіево и неизвѣстнаго митрополита и приписалъ свое соединеніе св. Петру совершенію произвольно. Что касается до болѣйшей иѣроятности одного изъ трехъ случаевъ, то намъ вовсе не представляется вѣроятнымъ, чтобы Фотій заимствовалъ свое посланіе изъ посланія св. Петра, такъ что по нашему мнѣнію, можетъ идти рѣчь о принадлежности св. Петру только второй части посланія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы ничего не можемъ сказать и должны ограничиться только замѣчаніемъ, что принадлежить или не принадлежить св. Петру эта часть посланія, во всякомъ случаѣ мы имѣмъ ее не въ подлинномъ видѣ, а въ болѣй или менышеи, отчасти неѣрожественій, передѣльѣ коміллятора (такъ же, какъ и первую часть, составляющую посланіе Фотія⁴⁾).

не чрезъ обливаніе, а черезъ троекратное погруженіе, и допускать при немъ только по одному куму или одной кумѣ, смотря по тому, какого пола младенецъ.

¹⁾ Не торговать и не заниматься ростовщичествомъ; не жить монахамъ и монахинямъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ.

²⁾ Увѣщанія: чтить духовныхъ отцовъ и вообще священниковъ; стоять въ церкви за службой честно и со страхомъ, внимать чтенію и пѣнію и не творя говора и шептаній; обличенія: „недаромъцамъ“, т.-е. не причащающиis тѣла Христова хотя по однажды въ году; обидящимъ церковь Божію и слугъ ея и не слушающимъ заповѣдей апостольскихъ и правиль святыхъ отецъ „и—говоритъ авторъ посланія—мой свитительской митрополичьей заповѣди“.

³⁾ Съ посланіемъ въ Новгородъ отъ 29 Августа 1410 г., напечатаннымъ въ Актахъ Экспедиції, I, № 369, и перепечатаннымъ въ Памятникахъ Паллова, col. 270.

⁴⁾ Въ одномъ хронографѣ (бібліотеки Віленской Семинарії, № 2215, ч. I л. 63) мы встрѣтили загадочное поученіе св. Петра, которое, по причинѣ его враткости, приводимъ здѣсь сполна: „Поученіе Петра митрополита ко князю великому Димитрію и къ смерти сio (sic, нужно: сыну, супружію?) и къ братии сio и къ синекону и къ болгаромъ и къ старымъ и ко младымъ и ко всімъ христіаномъ (курсивъ книопарью). Дѣти, были есте отъ Бога въ казнѣ, его же

Такъ какъ неизвѣстно учительныхъ посланий отъ предшествующихъ св. Петру митрополитовъ, то можно было бы принимать, что онъ первый былъ вводителемъ у насъ этихъ посланий. Однако, есть иѣкоторая основанія думать (приведемъ ихъ послѣ), что это не такъ,— что обычай писать подобная посланія существовать уже прежде и что отъ предшествующихъ митрополитовъ ихъ только не сохранилось до настоящаго времени.

Должно быть еще сдѣлано одно общее замѣчаніе относительно учительныхъ посланий какъ св. Петра, такъ его предшественниковъ и всѣхъ его преемниковъ. Не нужно непремѣнно представлять дѣла такимъ образомъ, что митрополиты, выдававшіе посланія, были и ихъ авторами или чтобы всѣ выдававшіеся митрополитами посланія были ихъ собственными произведеніями какъ авторовъ. На противъ, весьма можетъ быть предполагаемо, что посланія написаны, т. е. сочинены, были не самими митрополитами, а по ихъ порученію состоявшими при нихъ и способными на то чиновниками. Мы не имѣмъ, или по крайней мѣрѣ не знаемъ, прямыхъ указаний касательно сего въ исторіи нашей церкви, то мы знаемъ, что это такъ было въ церкви греческой, составлявъ не какоенибудь секретное дѣло, а обычай совершение открытый и совершение признаний. При патріархахъ константинопольскихъ состоялъ особый чиновникъ, называвшійся риторомъ, на обязанности которого между прочимъ лежало писать учительныя слова отъ ихъ—патріарховъ лица¹⁾.

Изъ сказанаго нами выше получаются иѣкоторая черты для характеристики св. Петра, какъ настыря. Вонервыхъ, несомнѣнно, что онъ былъ настырь очень ревностный; объ этомъ свидѣтельствуютъ его путешествія по Руси съ цѣллю ученія и исправленія и его многія настырскія посланія. Вонторыхъ, дается намъ знать, что при своей

любить отецъ сына, того и наказуетъ; а по первому и по второму и третіему наказанію оже не имѣте слушати, предасть Богъ такового мучителемъ и (въ) большую казнь; дѣти, не давайтесь въ безстрашіе; старіи добрѣ помнятъ, како было при великомъ князѣ и при смерти его, да и воспоминаютъ младымъ, а младіи велико послушаніе имѣйте и держите²⁾. Можно было бы подумать, что это есть поученіе вез. кн. Дмитрю Михайловичу по случаю убіенія отца его въ Ордѣ въ 1318 г.; но не позволяетъ предполагать этого выраженіе: „старіи добрѣ помнятъ“, ибо при св. Петре очень хорошо помнили смерть Михаила Ярославича не только старые, но и молодые.

¹⁾ Οἱ ἡγεμονεῖς γράψων λόγους διδασκαλίους ἀπὸ προεώφητος τοῦ ἀρχιερέως,— у Раиліи и II, V, 532, прим..

ревности онъ обладалъ нерядовыиъ характеромъ, который дѣлалъ его способнымъ къ тому, чтобы въ разрѣшеніи вопроса объ улучшенияхъ и исправленіяхъ онъ явился инициаторомъ и нововводителемъ (законоположеніе о идовыхъ священикахъ). Выше мы привели общий отзывъ о св. Петрѣ его первого житія, что онъ училъ крестьяни, якоже Василій Великій и Іоаннъ Златоустый и Григорій Богословъ, т. е. что онъ былъ настырь очень учительный. Что нужно понимать этотъ отзывъ не какъ простое общее мѣсто, видно изъ словъ самого св. Петра, который въ одномъ изъ своихъ сохранившихся посланий пишетъ: «того ради, дѣти, писаніемъ и не писаніемъ ионужаю васъ на дѣла благая, засе долженье есмь всегда поминати и писати (рамъ) душеполезная и спасеная»¹).—Въ 1312-мъ году св. Петръ снялъ сань съ епископа сарайскаго Измаила. Такъ какъ епископъ сарайскій, занимавшій особое положеніе, могъ играть очень важную политическую роль, направляя благоволеніе ханскаго двора въ ту или другую сторону; то могло быть, что епископъ постигla казнь церковная за вину нецерковную (объ епископѣ именно Измаилѣ срѣ Воскресенск. лѣт. подъ 1296 г.). Но если мы примемъ, что епископъ лишенъ былъ сана за прямую виновность по должностіи, то мы должны будемъ видѣть въ св. Петрѣ митрополита очень строгаго²).

Св. Петръ во время своего пребыванія на кафедрѣ митрополичьей по крайней мѣрѣ одинъ разъ долженъ быть путешествовать въ Орду, где получили ханскій ярлыкъ, сохранившійся до настоящаго времени.

¹) Во второмъ посланіи нашего счета.

²) Лѣтошніе не говорятъ нарочитымъ образомъ о путешествіяхъ св. Петра по Руси, но упоминаютъ объ одномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто во время этихъ путешествій, при которомъ подвергалась опасности его жизни. Вотъ разсказъ объ этомъ Воскресенской лѣтописи (читаемый въ другихъ лѣтописяхъ сокращеннѣемъ или расширѣніемъ): „Въ ту же (1310-го года) зиму, по крещеніи, Петръ митрополитъ Кіевскій и всен Русіи прииде во Брянскъ, и въ то время князь Василей пріиде ратью Татарскою ко Брянску на князя Святослава (Глѣбовича, дядю своего, который выгналъ его въ предшествующемъ 1309-мъ году,—Никон. лѣт.); митрополигъ же Петръ рече Святославу: „подѣлися, сыну, со княземъ Васильемъ киленіемъ или бѣги изъ города“; Святославъ же, на мужество свое надѣясь и на многу силу брянску, рече: „Брянцы мя, господине, не пустягъ, но хотить за мене головы споя положити“, и не послуша слова отца своего митрополита и поиде противу рати; соступнишемъ же си въ, и бысть сѣча зла: Брянцы же выдаша князя Святослава, коромодници суще, повръгти стиги свои, бѣжаша; князь же Святославъ дворомъ своимъ, токмо много бывся и тако ту убієнь бысть Априля 2; Петръ же митрополитъ затвориася тогда въ церкви, и ту сохрани его Богъ отъ поганыхъ“.

Въ 1313-мъ году умеръ ханъ Тохта или Тохтагу и его мѣсто заступить ханъ Узбекъ. Новый ханъ при своемъ восшествіи на престолъ, какъ говорили мы прежде, постановилъ узаконеніе, чтобы на будущее время ко вновь вступающимъ на престолъ ханамъ являлись за получениемъ утвердительныхъ ярлыковъ не только князья, но и митрополиты, и потребовали, чтобы исполненіе этого узаконенія началось съ него самого. Всѣдѣствіе сего св. Петра въ 1313-мъ году и долженъ быть предпринять путешествіе въ Орду. Неизвѣстно кѣмъ и когда сдѣланное предисловіе къ полученному имъ отъ хана ярлыку сообщаетъ, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду достигнуть и своихъ собственныхъ цѣлей, а именно—принести хану жалобу на обиды церкви отъ иѣхоторыхъ лукавыхъ человѣкъ и предупредить какіе-то замыслы намѣревавшихся пойти или шедшихъ къ хану иѣменскихъ пословъ и епископа напѣскаго Матея¹⁾. Разсказъ о путешествії св. Петра даетъ предполагать въ немъ человѣка, обладавшаго житейскимъ даромъ или житейскою мудростью обращенія съ людьми и веденія дѣлъ: оно было совершиено и исключительнымъ образомъ благоуспѣшио. Новый ханъ звалъ къ себѣ митрополита не за тѣмъ, чтобы надѣлать ему какихъ нибудь непріятностей; но онъ могъ принять его холодно и непочетно. На самомъ дѣлѣ, по словамъ лѣтописи²⁾, св. Петру «въ Ордѣ у царя бысть въ чести велицей и отпущенъ бысть отъ царя съ многою честю вборзѣ». Что это было дѣйствительно такъ, вполнѣ подтверждается и данными отъ хана ярлыкомъ. По своей редакціи ярлыкъ этотъ отличается отъ всѣхъ другихъ ханскихъ ярлыковъ тою особенностию, что сравнительно очень обширенъ, такъ что права митрополита—его получателя подтверждаются въ немъ съ пространнѣемъ, имѣющимъ видъ парочитой настойательности, многословiemъ. Необходимо думать, что ханская канцелярія изготовила ярлыкъ въ томъ видѣ, какой онъ имѣть, по парочитому приказанию хана, желавшаго чрезъ это выразить свое особенное благоволеніе къ св. Петру. Затѣмъ, какъ мы указывали прежде, и въ самомъ своемъ содержаніи ярлыкъ отличается одною важную особенностью отъ ярлыка Менгу-Темирова, даннаго митр. Кириллу: въ немъ предоставляется св. Петру судить принадлежащихъ ему людей во всемъ безъ избытія—«и въ разбои и въ половиномъ и въ татѣбѣ и во всякихъ дѣлахъ». Подъ лукавыми человѣками, на обиды которыхъ митрополитъ имѣлъ въ виду жаловаться хану, съ весьма большою вѣроятностію должно разумѣть не кого иного, какъ самого великаго князя

¹⁾ См. у *Карамз.* IV, прим. 245.

²⁾ Никоновской, Ш, 108.

Михаила Ярославича. Крайне любезный ярлыкъ хана митрополиту даетъ знать, что онъ вообще явилъ себя покровителемъ постъдняго въ возможно полной мѣрѣ; а сейчасъ указанную особенность ярлыка болѣе чѣмъ вѣроятно понимать какъ слѣдствіе жалобы митрополита на великаго князя, т. е. что ханъ, желая избавить его отъ всякихъ столкновеній съ великимъ княземъ, освободилъ принадлежавшихъ ему людей отъ всякой подсудности второму. Такъ какъ во время пребыванія св. Петра въ Ордѣ находился тамъ и великий князь (для получения своего ярлыка) и, нѣть сомнѣнія, старался изо всѣхъ силъ противодѣйствовать ему: то въ объясненіе его полнаго успѣха представляется необходимымъ усвоить ему тотъ житейскій даръ, о которомъ мы сказали выше ¹⁾). Что касается до замысловъ, которые имѣли нѣмецкіе послы и епископы папинъ и которые хотѣлъ предупредить св. Петра, то обѣ этомъ, при совершенномъ молчаніи (сколько знаемъ) западныхъ источниковъ, ничего не можемъ сказать положительнаго. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ то, что папа, занимавшійся тогда пропагандой своего латинскаго христіанства въ черноморскомъ побережью ханскихъ владѣній, хотѣлъ съ помощью нѣмецкихъ пословъ водворить при ханѣ и въ его столицѣ своего епископа въ качествѣ такого-же епископа сарайскаго, каковымъ бытъ папа епископъ православіи. Если это такъ, то старанія св. Петра, который справедливо долженъ быть видѣть въ этомъ опасность для нашего православія, увѣличились успѣхомъ ²⁾).

Мы сказали выше, что вел. кн. Михаило Ярославичъ обвинялъ митрополита передъ патріархомъ во взиманіи платы за поставленія. т.-е. во взиманіи платы, существовавшемъ узаконено, которое было принимаемо княземъ за незаконное. Это частное обвиненіе противъ

¹⁾) Незадолго передъ тѣмъ (въ предшествующемъ 1312-мъ году) поставленный въ епископы сарайскіе Варсонофій на яѣто низведеннаго Измаила, если только уже успѣлъ до того завести въ Ордѣ связи и знакомства, несомнѣнно бытъ усерднымъ старателемъ за митрополита (а что въ позднѣйшее, по крайней мѣрѣ, время епископъ пользовался нарочитымъ благоновленіемъ Узбека, относительно этого мы имѣемъ положительныи свидѣтельства,—Инк. дѣт. III, 155 нач.).

²⁾) О ведшейся тогда папами пропагандѣ въ черноморскомъ побережью ханскихъ владѣній см. у *Мозейма* въ *Historia Tartarorum ecclesiastica* (грамоту папы отъ Юля мѣсяца 1333-го года обѣ учрежденіи епископіи херсонской съ водчиненіемъ ея митрополиту босфорскому см. у *Тейнера* въ *Monumenta Polonicae*, т. I, р. 347).—Нѣкоторыя указанія на то, что когда-то поспѣлъ 1313-го года была учреждена папами если не дѣйствительная, то nominalная, епископія сарайская, см. у *Лекеня* въ *Oriens Christianus*, т. III, col. 1108.

митрополита, не достигнувъ тѣхъ цѣлей, на которыхъ было оно разсчитано, выступило затѣмъ въ видѣ общественнаго протesta противъ существовавшей у насъ практики взиманія платы за поставленія. Выше мы упоминали, что епископъ тверской Андрей, тотчасъ послѣ собора переславскаго, послать въ Константинополь своего монаха навести справки, какъ смотрѣть тамъ на плату за поставленія, и что великий князь, введенный въ заблужденіе донесеніемъ монаха, во второй разъ послѣ собора обвинилъ митрополита передъ патріархомъ въ томъ же взиманіи платы. Отъ этого, ходившаго въ Константинополь, монаха, по имени Акиндила, сохранилось посланіе къ Михаилу Ярославичу, въ которомъ онъ увѣряетъ князя, будто въ Константинополь многочисленный соборъ патріаршій назвать ему всякое взиманіе платы корчесствомъ и симоніей, и въ которомъ онъ убѣждаетъ князя подождить конецъ существованію незаконнаго обычая своею государственою властью. Адресованное къ князю посланіе было пущено Акиндинымъ въ среду читающихъ людей, какъ публичное сочиненіе, и такимъ образомъ явилось между ними какъ публичный и открытый протестъ противъ существовавшаго обычая. Но своему содержанію посланіе Акиндиново до крайней степени рѣзко. Совершенно приравнивая существовавшее у насъ взиманіе платы за поставленія къ симоніи и духовнодавчеству, онъ обращивается на него со всею тою безощадностью, которая подобала бы по отношению къ этимъ послѣднимъ. «Молчаній ради боюся осужденія,—пишетъ монахъ князю,—видя ересъ растущу и миражашуся, безстудиѣ и иенокровенными усты износиму, начиншуся обычаємъ богоненавистнымъ отъ старѣйшихъ святителей нашихъ и до меньшихъ, непродаемую благодать Духа Святаго въ куплю вводити и взимати отъ поставленія митрополиту отъ епископа и отъ попа и отъ дьякона и отъ прочихъ причтеникъ, также и епископу отъ сущаго подъ нимъ всего причта, отъ первыхъ и до послѣднихъ, и отъ всякаго священія: апостольское (же) и богоносныхъ отецъ соборное преданіе поставленнаго на мѣдѣ и съ поставльшимъ его обоихъ отъ сана измѣщеть и отнюдь къ тому непричастномъ быти своего степени (новѣѣвается) и въ проклятие сводить». Совершенно приравнивая взиманіе платы къ симоніи, монахъ Акиндинъ не смущается провозглашать и тѣ конечные выводы, которые отсюда слѣдовали: «стави бо и взимая поставленое,—говорить онъ,—то уже изверженъ, (а ставяся) отъ изверженаго никоенже не имать пользы отъ поставленія и прѣобщаяя пречистыхъ таинъ отъ него (поставленнаго), вѣдая, съ нимъ осудится», и еще: «по великому Леонасію, всякъ человѣкъ, пріимъ отъ Бога разумъ рассуждати, послѣдовавъ невѣжи настуху, муку пріиметь, по-

речено му: слѣпъ слѣпа ведя, оба въ яму впадетася, реки въ бездину». Съ беспощадною смѣлостю и съ немалою язвительностю обличаетъ Акиндинъ нашихъ епископовъ, взимавшихъ плату за поставления. Одни изъ епископовъ, не умѣя чтѣ отвѣтить обличавшимъ ихъ, изъявили желаніе заградить уста обличителей посредствомъ насильственнаго принужденія. Акиндинъ говоритъ о нихъ: «сребролюбія страстю помрачивающеся, хотяющихъ по истинаѣ решы чтѣ, злобою воспрещающе, кривымъ извѣтомъ глаголюще: сами вѣмы, не требѣ ии ваше исповѣданіе». Другіе епископы говорили, что они взимаютъ плату ради ноганскаго, т.-е. татарскаго, насилия. Акиндинъ отвѣтываетъ имъ: «ноганый, подобно тому какъ разбойникъ и тать, всяко тицаніе творить нграбити, гдѣ видитъ богатство (какъ это,—подразумѣваетъ онъ,—имѣть мѣсто у васъ—епископовъ); а идѣже иницата Христова смиренія, ту не наѣтетсяничто же ириобрѣти, то и не насилинъ и не томить»... «Апостоли—спрашиваетъ Акиндинъ архіереевъ—ци богатствомъ отъ конца и до конца вселеныя(—нуу, съ) ироновѣдію слѣва иртекоша?» Обращаясь къ великому князю съ убѣженіемъ показать тицаніе въ исправленіи архіереевъ, Акиндинъ говоритъ: «есъ удобрение есть веецерковному исполненію, еже святителей чистота и къ Богу дерзиеніе, аще право и подобно имуть житіе, добру имуще разумъ божественныхъ писаний, могуще еретикомъ заградити уста и священныя каноны вѣдѣти и творити; а не еже зватися именемъ точію святителей и чистительскими ризами украшатися и множествомъ предстоящихъ кичитися, многонародныиъ иослѣдованиемъ чтити себѣ и запрещати безъ иправды, мучительски, а не святительски, и злобою покрываючися отъ обличающихъ»...

Св. Петръ, бывъ посланъ въ Константинополь галичскимъ великимъ княземъ Юріемъ Ільевичемъ для поставления въ отдѣльные митрополиты галичские, бысть поставленъ тамъ въ митрополита всея Россіи. Патріархъ Афанасій, давшій было Галиції отдѣльного митрополита въ 1303-мъ году, потому почему-то перемѣнилъ свои мысли и послѣ смерти этого отдѣльного митрополита, иослѣдовавшей одновременно со смертю митрополита всея Россіи Максима, отказалъ Юрію Ільовичу въ его просьбѣ дать Галиції новаго отдѣльного митрополита. Но въ правление самого Петра при второмъ преемнику патріарха Афанасія Ioannѣ Гликѣ мы снова видимъ у насъ подгѣ митрополита всея Россіи еще другого или отдѣльного митрополита. Этотъ отдѣльный митрополитъ, по имени Феофилъ, называется не галичскимъ, а литовскимъ, чѣмъ дается знать, что оіль бысть истребованъ у императора и патріарха не великимъ княземъ галичскимъ, а великимъ княземъ литовскимъ. Чтѣ касается до его области, то мѣнія относительно сего несогласны: мы

съ своей стороны, заключая изъ того, что искать видимъ при митр. Феогностѣ, признаемъ за вѣроятнѣйшее думать, что отдѣльная митрополія обнимала не только Русь литовскую, но и галицко-волынскую или вообще всю Русь юго-западную; другіе находятъ вѣроятнѣйшимъ думать, что митрополія обнимала именно только литовскую Русь или въ точномъ смыслѣ слова была литовской¹⁾.

¹⁾ Несогласны съ нами—А. С. Павловъ въ указанной выше статьѣ: „О началѣ галицкой и литовской митрополіи“ (не совсѣмъ справедливо думающій, будто онъ ввелъ наше въ заблужденіе) и г. Н. Тихонравовъ въ диссертациѣ: „Галицкая митрополія“, напечатанной въ „Русской Бесѣдѣ“ за 1895-й годъ. Г. Павловъ не находить возможнымъ принять нашего предположенія о томъ, что митрополія литовская обнимала и Русь галицкую, но двумъ причинамъ: „1) въ Галичѣ существовала тогда если не *de facto*, то *de jure* своя собственная митрополія; 2) если галицко-волынскіе князья тяготились подчиненіемъ своихъ епископій митрополиту кievскому и всей Руси, съ великими князьями которой южные Даниловичи не имѣли уже никакихъ политическихъ счетовъ: то тѣмъ болѣе должны были чуждаться нового митрополита изъ соѣдней Литвы, съ которой у нихъ уже давно начались враждебные счеты“,—стр. 31 нач.. Что касается до первой причины, то мы не совсѣмъ понимаемъ ее: въ данное время, о которомъ говоримъ, въ Галиціи не существовало особой митрополіи *ni de facto, ni de jure*: въ 1303-мъ году была открыта особая митрополія галицкая, но потому она была закрыта, переставъ существовать *de facto* и письменно не оставшись существовать *de jure* (хотя бывший однажды примѣръ открытия митрополіи, конечно, имѣлъ значеніе для будущаго времени) и ея епархіи находились, какъ и до 1303-го года, въ вѣдѣніи митрополита всей Россіи. Вторая причина, представляясь основательною съ первого взгляда и такъ сказать теоретически или „вообще говоря“, не оказывается таковою при ближайшемъ и фактическомъ разсмотрѣніи дѣла. Митрополія литовская была открыта, какъ говоримъ мы сейчасъ ниже, въ 1316—1317-мъ году. Но въ 1315—1316-мъ году (насколько можно положиться на наши свѣдѣнія, а свѣдѣній вполнѣ достовѣрныхъ въ тогдашней исторіи Галиціи, Литвѣ и кievской Руси почти-что совсѣмъ нетъ) между Галиціей и Литвой была война, окончившаяся миромъ, такъ что митрополія была открыта какъ разъ по заключеніи мира. Затѣмъ, въ 1316—1317-мъ году, въ которомъ была открыта митрополія, отношенія между государями галицкими и литовскими были отношеніями двухъ соїдѣй, изъ которыхъ одинъ настолько былъ силенъ, чтобы навязывать свою волю другому, а другой настолько былъ слабъ, чтобы не дерзать противиться воли первого: государемъ литовскимъ, только что занявшимъ престолъ, былъ знаменитый Гедиминъ, который въ предшествующей войнѣ одержалъ рѣшительный и блестательный верхъ надъ Галичанами, а государемъ галицкимъ, также только что занявшимъ престолъ, былъ вмѣсто погибшаго въ предшествующей войнѣ Юрий Львовичъ его слабый (по общему представлению) сынъ Андрей Юрьевичъ. Гедиминъ, конечно, долженъ быть

Литовцы, особый народъ въ индоевропейскомъ семействѣ народовъ, ближайшій между другими народами семейства къ нашему славянскому, жили по южному и восточному берегамъ Балтийскаго моря въ нынѣшней сѣверо-восточной Пруссіи (начиная на западѣ отъ рѣки Вислы) и въ нашихъ губерніяхъ курляндской и частію лифляндской и потому внутрь отъ моря—въ нашихъ губерніяхъ ковенской и частію виленской, сувалкской (царства польскаго), минской и гродненской. Западная половина Литовцевъ, носившая особое название Пруссовъ, была покорена въ XIII вѣкѣ (съ 1230-го по 1283-й годъ) пѣмецкимъ орденомъ; восточная же половина (наша теперешня русская) образовала изъ себя великое княжество литовское, которое простерло свою власть на весьма значительную часть нашей Руси. До сороковыхъ годовъ XIII вѣка восточные Литовцы не составляли изъ себя одного государства, но распадались на мелкія и весьма мелкія владѣнія. Около 1238-го года у нихъ явился князь—собиратель земли, который соединить все мелкія владѣнія въ одно государство; этотъ князь, «самодержецъ всей земли литовской»¹⁾, былъ Миндовгъ, правившій до 1263-го года. Съ сего Миндовга и начинается покореніе Руси Литовцами. Мы не знаемъ исторіи завоеваній Миндовга, но въ концѣ своего правленія онъ вѣдѣть болѣе или менѣе значительною частію княжества полоцкаго²⁾.

имѣть сильное желаніе видѣть галицкую Русь подъ властію своего митрополита, такъ какъ это очень важно было въ видахъ государственныхъ, и чтобы онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивление своему желанію въ Андреѣ Юрьевичѣ, это представляется очень маловѣроятнымъ. Г. Навлоцкъ ссылается еще на то, что погребеніе митрополита Петра совершилъ луцкій епископъ Феодосій: епископъ, говоритъ онъ, пріѣзжалъ въ Москву, конечно, по дѣламъ епархіальнымъ; значитъ, въ 1326 году галицко-волынскія епархіи находились въ подчиненіи кievскому митрополиту,—стр. 11. Но невозможно и не невѣроятно будетъ предполагать, что епископъ пріѣзжалъ въ Москву не по дѣламъ епархіальнымъ, а по дѣламъ государственнымъ, при чёмъ могъ пріѣзжать или именно въ Москву къ Ивану Даниловичу, или же во Владимиръ, въ Тверь, къ великому князю, а въ Москву быть только проѣздомъ. Въ заключеніе мы должны сказать, что всякое вѣроятное мнѣніе есть только вѣроягное мнѣніе: мы защищаемъ свое мнѣніе потому, что оно представляется намъ вѣроятнымъ, но если бы оказались положительными доказанные или достовѣрныя свидѣтельства, обнаруживающія его ошибочность, то, конечно, мы не стали бы на немъ настаивать.

¹⁾ Ннатекъ, лѣт., 2 изд. стр. 567.

²⁾ Въ 1258-мъ году Литва приходила къ Смоленску съ Полочанами; следовательно—въ семь году Полочане были уже данниками Литвы.

При его преемникахъ Тройденѣ (1270—1283)¹⁾ и Витенѣ (1283—1315) Литовцы докончили завоеваніе (въ видѣ прямого покоренія или же подчиненій своей вассальной власти) княжества полоцкаго и овладѣли княжествомъ тuroвскимъ и частю княжества волынскаго. Преемникъ Витена знаменитый Гедиминъ (1315—1341²⁾) къ концу своего правленія стать обладателемъ всей или почти что всей юго-западной Руси, за исключениемъ Галиціи³⁾.

Исторія поставленій при св. Петрѣ отдалыаго митрополита литовскаго, который, какъ со всею вѣроятностію должно думать, получилъ въ свое завѣданіе Галицію или быть поставленъ въ митрополиты галицко-литовскіе, остается намъ въ своихъ подробностяхъ неизвѣстною. Въ одномъ изъ списковъ каталога архіерейскихъ кафедръ, составленного при императорѣ Андроникѣ II Палеологѣ Старшемъ (1282—1327), читается историческое замѣчаніе, что Литва, принадлежавъ къ митрополии Великой Россіи, сдѣлана особой митрополіей при помянутомъ

¹⁾ После смерти Миндовга сынь его Вониславъ отдалъ было великое княжение литовское своему зятю (мужу своей сестры) Шварну, сыну Данила Романовича галицкаго; но этотъ скоро умеръ и на престоль литовской снова вступилъ природный Литовецъ.

²⁾ Годъ смерти Гедимина по русскимъ лѣтописямъ, въ числѣ которыхъ и Новгородская 1-я, веденная современниками.

³⁾ До недавнаго времени, на основаніи Стрыйковскаго, было принимаемо, что завоеваніе всей юго-западной Руси было окончено Гедиминомъ въ 1321-мъ году взятиемъ Кіева. Въ настоящее время это отвергается, но вѣроятнаго общаго мнѣнія относительно хода завоеваній Гедимина пока не установлено. Мы съ своей стороны, какъ сказали, считаемъ за вѣроятнѣшее, что къ концу своего правленія Гедиминъ довѣръ свои завоеванія до того, до чего доводить ихъ Стрыйковскій къ 1321-му году. Новыя изслѣдованія по исторіи Кіевской Руси, Волынской земли, Галиціи и Литвы за нужное намъ время, въ которой почти что ничего неѣть достовѣрнаго, суть: *В. Б. Антоновича* „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго“, напечатанный въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ 1877—1878-го года, и потомъ, въ исправленномъ видѣ, въ I томѣ Сборника: „Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи“, изданиемъ въ 1885-мъ году; *Н. Н. Дацкевича* „Литовско-Русское государство, условия его воинствованій и причины упадка“, напечатанное въ тѣхъ же Извѣстіяхъ въ 1882-мъ году (и отдалено въ 1885-мъ году?); *А. Ф. Андрющича* „Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV столѣтія“, Кіевъ, 1887; *Н. Н. Филосовича* „Борьба Польши и Литвы—Руси за галицко-владимирское васлѣдіе“, напечатанная въ Журналѣ Министерства Народного Просвѣщенія за 1890-й годъ и потомъ выданная отдельной книгой; *М. С. Грушевскаго* „Исторія Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія“, Кіевъ, 1893.

императоръ Андроникъ и при патріархѣ Иоаннѣ Гликѣ¹⁾; а Иоаннѣ Глике занимать патріаршій престолъ съ Мая мѣсяца 1316-го года по тотъ же мѣсяцъ 1320-го года. Затѣмъ, въ сохранившихся до настоящаго времени записяхъ дѣяній константинопольскаго патріаршаго собора XIV в. находимъ, что митрополитъ литовскій (въ Литвѣ) присутствовалъ на этомъ соборѣ въ Августѣ мѣсяцѣ 1317-го года²⁾. Изъ сейчасъ сказаннаго мы получаемъ тѣ историческія данины относительно постановленій отдѣльного митрополита литовскаго, что онъ поставленъ быть въ 1316—1317-мъ году и что его испросилъ у импер. Андроника и патр. Иоанна Глики великий князь литовскій Гедиминъ. Совершенно естественно было, чтобы этотъ послѣдній, владѣя весьма значительною частью Руси, находилъ неудобною и небезопасною въ политическомъ отношеніи церковную зависимость своихъ русскихъ подданныхъ отъ митрополита, жившаго во владимирско-московской Руси; а потому онъ легко и могъ прийти въ мысли искать для своей литовской Руси особыхъ митрополита. Кафедра отдѣльной литовской митрополіи учреждена была не такимъ образомъ, чтобы возведенъ быть на степень митрополита одинъ изъ существовавшихъ литовско-русскихъ епископовъ, а такимъ образомъ, что митрополитъ поставленъ быть какъ новый противъ прежнихъ архіерей, съ новой епархией и съ новой кафедрой. Въ епархию митрополиту была назначена самая Литва, сколько было въ ней Русскихъ и сколько было въ ней православныхъ христіанъ изъ самихъ Литовцевъ; а кафедра его помѣщена была въ городѣ Новогрудѣ (Новомъ городкѣ), иниѣшнемъ уѣздномъ городѣ минской губерніи. Что касается до области митрополита литовскаго, кафедра которого съ 1316—1317-го года оставалась незакрытою до самой кончины св. Петра, то въ случаѣ предположенія, что онъ былъ митрополитомъ не просто литовскимъ, но галичско-литовскимъ, указать область эту было бы легко,— тогда ее должна была составить вся юго-западная Русь съ Галиціей, за исключеніемъ въ тѣснѣшемъ смыслѣ области кіевской, искольку эта послѣдняя была епархией митрополита всея Россіи, т. е. она должна была состоять изъ 6-ти епархій галичской митрополіи 1303-го года съ присоединеніемъ къ нимъ епископіи полоцкой и епархіи самого митрополита. Предполагая же, что митрополитъ быть единственню

¹⁾ У Ралли и Н. В., 494, прим. 2 (въ замѣчаніи выставленъ въ годъ, но въ напечатанномъ спискѣ къ тысячамъ и сотнямъ не достаетъ десятковъ и единицъ. „въ 68.. лѣто“ отъ С. М.).

²⁾ Acta Patriarchat. Constantinop. *Mikloshina*, I, 72.

литовскимъ, нельзя будетъ указать предѣловъ его области съ точностью и обстоятельностью, ибо остается хорошо не известнымъ какъ то, насколько Литва владѣла Русью въ минуту учрежденія каѳедры, такъ и постепенное дальнѣйшее разширеніе владѣній. Въ этомъ случаѣ будетъ несомнѣннымъ только то, что къ митрополии принадлежала епархія полоцкая, и весьма вѣроятнымъ то, что принадлежала къ ней епархія туровская.

Въ правленіе св. Петра являлся у нась на Руси еретикъ. Извѣстія объ этомъ еретикѣ читаются въ житіяхъ св. Петра; но, къ сожалѣнію, оғѣ чрезвычайно кратки и совершенно неспрѣдѣльны. Неизвѣстный авторъ первого житія пишетъ: «и Сента¹) еретика (святый святитель) препрѣ, пріѣхавши (вар. пріѣхавшю) на прю и прокля и». Митр. Кипріанъ говорить: «въ то же время (именно—когда Петръ началь приходить въ старость) и Сентъ еретикъ явился и чуждая церкви Христовы и православная вѣры мудрствуя; его же святый препрѣ и непокаряющася того проклятию предастъ, иже и погибъ»²). Этаъ явившійся при св. Петре еретикъ переносить насть въ мусульманскій міръ. Сентъ есть слово арабское, собственно—сендъ, и значить: го-сподинъ. Но общему употребленію этого слова въ мусульманскомъ мірѣ оно составляетъ титулъ потомковъ Магомета отъ его дочери Фатимы и зятя Алия; но у Татаръ, какъ даются знать наии лѣтописи и другіе памятники, сантами назывались высшіе магометанскіе духовные (какъ бы магометанскіе архіереи,—можетъ быть потому, что они у нихъ были или должныствовали быть изъ потомковъ Магомета³). Извѣстіе житій св. Петра о нашемъ еретикѣ, видимому, надлежало бы поминать такъ, что онъ быть именій магометанско-татарскій духовный, принявший христианство и потомъ впавший въ ересь. Но наимъ представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать другое, именно—что слово

¹⁾ Исправляемъ чтеніе имени по житію Кипріанову. Въ синекѣ житія, напечатанномъ преосв. Макаріемъ вмѣсто „Сенга“ читается: „се тако“, въ синекѣ Троицкомъ Лаврекомъ: „Сінта“.

²⁾ Авторъ Никоновской лѣтописи, запомнивъ извѣстіе объ еретикѣ изъ житія Кипріанова, вмѣсто „Сентъ еретикъ“ пишетъ: „се инь еретикъ“.

³⁾ Свидѣтельства лѣтописей см. у Карамзина и Арыбашева по Index'амъ; въ Азбуковникахъ слово сантъ толкуется словомъ владыка, т.-е. архіерей, егъ Никон. лѣт. V, 261. У Грековъ сантами назывались также магометанскіе духовные, см. у Дюканжа въ Gloss. Graecis. сл. Σεῖτιδες. По свидѣтельству Ванберги, въ Хиатѣ въ настоящее время верховное духовное лицо (иакабъ) всегда изъ сенідовъ или потомковъ пророка.

еретикъ употребляется въ житіяхъ въ весьма несобственномъ смыслѣ,— что Сентъ былъ вышій магометанскій духовный, не принимавший христианства, а остававшійся магометаниномъ, и что онъ вступалъ въ преніе съ св. Петромъ съ тою цѣлію, чтобы попытаться обратить его въ магометанство или по крайней мѣрѣ одержать надъ нимъ победу въ богословскомъ диспутѣ. Въ правліеніе св. Петра, при ханѣ Узбекѣ (вступившемъ на престолъ въ 1313-мъ году), Татары приняли магометанство: весьма возможно, что на первыхъ порахъ между ихъ магометанскими духовными находились люди, мечтавшіе о томъ, чтобы обратить въ магометанство и ихъ даниниковъ Русскихъ; нашъ Сентъ и могъ быть однимъ изъ числа магометанскихъ духовныхъ, увлеченныхъ подобною мечтою, т. е. могъ устроить богословское преніе съ св. Петромъ, одушевленясь надеждою обратить его, а за нимъ и его паству, въ магометанство, или по крайней мѣрѣ имѣя въ виду посрамить его предъ его паствою, чтобы такимъ образомъ открыть въ послѣднюю доступъ магометанской пропагандѣ. Въ первомъ житіи неизвѣстнаго говорится, что св. Петръ препрѣблъ еретику,—по однѣмъ спискамъ: «прѣхавши на ирю», по другимъ: «прѣхавши на ирю»¹), т. е. что или онъѣздилъ къ еретику на преніе или что еретику прѣѣжалъ для него къ нему. Въ первомъ случаѣ дѣло нужно понимать такъ, что по проосьбѣ Сента св. Петръ былъ вызываемъ ханомъ для пренія въ Орду; во второмъ случаѣ такъ, что Сентъ самъ прѣѣжалъ къ нему во Владимиръ или въ Москву. Во всякомъ случаѣ эти «прѣхавши» и «прѣхавши» исконечно не идутъ къ обыкновенному еретику (такъ какъ ни Петръ не поѣхалъ бы къ нему, ни онъ къ Петру) и подкупаютъ вѣроятность нашего предположенія²). Магометанскіе богословы на Востокѣ—въ Азіи имѣли большую наклонность къ диспутамъ съ христианскими богословами. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они сохранили эту наклонность и у Татаръ и что если мы не знаемъ о нихъ, то только по причинѣ молчанія нашихъ лѣтописей. Впрочемъ, послѣ предполагаемаго нами диспута св. Петра съ магометанскимъ богословомъ мы положительно знаемъ еще о таковомъ же диспутѣ св. Алексія.

¹) Первое чтеніе—въ списѣ, напечатанномъ преосв. Макаріемъ, второе—въ Троицкомъ Лаврскомъ.

²) Если митр. Кириллъ говорить о судьбѣ Сента, что онъ, проклятый Петромъ, погибъ, т.-е. подвергся гражданской казни: то это могло случиться очень просто: онъ принялъ Сента за обыкновенного еретика и прибавилъ: „погибъ“ по априорическому заключенію.

Въ правлениѣ св. Петра, и именно—въ самомъ его начаљѣ, имѣла мѣсто попытка наѧи привлечь къ союзу съ римскою церковію галичскаго великаго князя Юрия Львовича. Другонь пишетъ объ этомъ подъ 1309-мъ годомъ: «иана Климентъ V, отправивъ пословъ къ русскому королю, увиђевалъ и убѣждалъ его, чтобы онъ, согласно своему обѣщанію, данному чрезъ пословъ и чрезъ посланій, не пренебрѣгъ (не откладывать) приступить къ новоповенію римской церкви и къ союзу съ нею; король, отшутивъ тѣстными (или съ чѣмъ) апостолическихъ пословъ, остался непоколебимъ въ застарѣлой схизмѣ и хотѣлъ предпочитать греческій заблужденій каѳолическому благочестію¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ иныхъ свѣдѣній о попыткѣ, кромѣ тѣхъ, которыя читаются у Другона и которыя мы ейчасъ привели; а поэтому, остается намъ вовсе неизвѣстнымъ, когда и по какимъ побужденіямъ послалъ къ напѣ своихъ пословъ и свои посланія великий князь Юрий Львовичъ.

Въ концѣ правлениѣ св. Петра, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1324-го года, состоялось опредѣленіе константинопольскаго патріаршаго собора, имѣвшее фінансовое значеніе для русской митрополіи. Доходы каѳедры константинопольскихъ патріарховъ оскудѣли тогда до такой степени, что оказывались недостаточными для патріарха и находившихся при немъ клириковъ или его чиновниковъ. Всѣдѣствие сего соборъ приготовилъ, чтобы на будущее время подвѣдомые патріарху митрополиты и архиепископы оказывали ему помошь посредствомъ ежегоднаго взноса определенныхъ суммъ, соответствующихъ ихъ доходамъ²⁾. Въ приговорѣ соборномъ, въ которомъ прописаны митрополіи и архиепископіи съ обозначеніемъ суммы, какую каждая должна вносить, иѣть митрополія русской, равно какъ и всѣхъ вообще митрополій и архиепископій вѣнчанихъ,—находившихся вѣнѣ византійской имперіи. Вѣроятно, это значитъ то, что на митрополіи и архиепископіи вѣнчанія не находили удобнымъ налагать обязательнаго взноса и разсчитывали на добровольную съ ихъ стороны помошь. Какъ бы то ни было, но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что по отношенію къ исключительной русской митрополіи, вѣроятно—уже и прежде служившей помощницею патріарховъ если не постоянно, то очень не рѣдко, началя быть считаема обязательною такая добровольная помошь, которая создала въ бюджетѣ нашего митрополита и нашихъ епископовъ немаловажную статью расхода подъ именемъ «константинопольского выхода».

¹⁾ Lib. IX. ed. Lips. 1711, p. 928.

²⁾ Acta Patriarchat. Constantinop. Михаловича, I. 126.

Знаменитымъ дѣломъ св. Петра, имѣвшимъ весьма важное влияние на рѣшеніе политической судьбы Руси, было перенесеніе имъ каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву.

Москва, въ которой создалось великое русское государство, не принадлежитъ къ числу городовъ Руси ни доисторическихъ, ни знаменитыхъ историческихъ: въ суздальскомъ княжествѣ бытъ срубленъ маленький пригородъ, ставшій потомъ, съ размноженіемъ князей суздальскихъ, маленькимъ удѣломъ, и этотъ маленький пригородъ и маленький удѣлъ почти сразу поднялся на степень города, собирающаго около себя всю русскую землю. Москва въ первый разъ упоминается въ летописяхъ подъ 1147-мъ годомъ, въ правлѣніе суздальского князя Юрия Владимировича Долгорукаго. Записанное въ поздѣйшее время преданіе сему князю усвоѧть и ея построеніе. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ нынѣшней Москвы находилось имѣніе богатаго боярина Стефана Кучки, состоявшее изъ боярской усадьбы и окружавшихъ ее сель,—что князь Юрий Владимировичъ, бывъ оскорблена бояриномъ, приказалъ казнить его, а имѣніе его взялъ на себя, и на землѣ имѣнія, нашедъ удобное мѣсто для города, приказалъ срубить городъ, который назвалъ по рѣкѣ Москвой¹⁾. Вторая половина преданія, дѣлающаю Москву селомъ крови, можетъ быть, и несправедлива; но составляетъ исторический фактъ то, что она поставлена на мѣстѣ, которое называлось Кучковымъ²⁾, следовательно—она дѣйствительно поставлена на землѣ боярина Кучки: по преданію, Юрий Владимировичъ, убивъ Кучку, взялъ его дочь Улиту за своего сына Андрея (Боголюбскаго); можетъ быть, князь не убивалъ боярина, а, женивъ своего сына на его дочери, получилъ отъ него имѣніе въ даръ или въ приданое за дочерью³⁾. Князь поставилъ городъ, имѣвшій служить пограничной крѣпостью и сторожкою отъ княжествъ смоленскаго, черниговскаго и рязанскаго, какъ наибольшему частію ставились города, на стрѣлкѣ между двумя рѣками—на холмѣ (Боровичскомъ, потомъ Кремлевскомъ) между Москвой рѣкой и впадающей въ нее Неглинной (нынѣ текущей подъ Александровскимъ садомъ). Въ 1213-мъ году великий князь Юрий Всеволодовичъ послать въ

¹⁾ У Карамз. т. II, прим. 301 (поздѣйшія сказки тутъ же и т. I, прим. 292). Мѣсто усадьбы боярина Кучки преданіе полагаетъ на нынѣшнихъ Чистыхъ прудахъ, чтѣ между Мясницкой и Покровской улицами за почтамтомъ.

²⁾ Ипатек. лѣт. подъ 1176-мъ годомъ, 2 изд. стр. 407: „идоша до Кузкова, рекше до Москвы“.

³⁾ Иакимъ Кучковичъ и Петръ Кучковъ были главными убийцами Андрея Боголюбскаго.

Москву на удѣльь своего сына Владимира. Въ 1238-мъ году Москва была выужжена Татарами. Послѣ нашествія Татаръ, она, какъ кажется, довольно долгое время оставалась безъ своего удѣльного князя ¹⁾, а по-томъ великий князь Александръ Ярославичъ Невскій (1252—1263) посадилъ въ ней своего младшаго сына Даниила, потомки котораго и остались въ ней, тотчасъ же послѣ него начавъ возводить ее на степень землию Москви. Преемникъ Даниила Александровича его старшій сынъ Юрій Даниловичъ, ожесточенный врагъ великаго князя Михаила Ярославича, сидѣвшій послѣ него на престолѣ великокняжескомъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ 1318-го по 1322-й годъ, былъ современникомъ св. Петра: онъ заступалъ въ Москвѣ мѣсто отца въ 1304-мъ году, предваривъ митрополита четырьмя годами, а умеръ позднѣ 1325-го года, ровно за годъ съ мѣсяцемъ до смерти послѣдняго ²⁾.

Въ житіяхъ св. Петра мы находимъ разказы о перенесеніи имъ кафедры митрополичьей изъ Владимира въ Москву. Неизвѣстный авторъ первого житія пишетъ: «Преходи грады, обрѣте (святый свититель) градъ честенъ кротостію, зовомый Москва, въ немже (обрѣте) князя богочтива, именемъ Ивана, сына Данилова, внука Александрова, милостища до святыхъ церквей и до иныхъ, самого горазда святымъ книгамъ (и) послушателя святыхъ учений; обитавъ (святитель) во градѣ томъ и рече богочтивому князю: «о сыну! многое твоє благочестіе, послушай мене днесь»; благочестивому князю обѣщавши(у)ся и рече святый митрополитъ: «да зиждется церковь каменна во градѣ твоемъ святая Богородица»; благовѣрныи князь поклонися и рече: ««твою

¹⁾ Нѣкоторыя позднѣйшия летописи и сказанія называютъ московскимъ княземъ младшаго сына Ярослава Всеvolодовича Михаила, по прозванию Хороборита (храбраго), убитаго въ войнѣ съ Литовцами въ 1248-мъ году (см. у Карамз. IV, 42 и у Соловьев. т. Ш, изд. 4 стр. 186 нач.); но мы въ этомъ сомнѣваемся: князь погребенъ не въ Москвѣ, а во Владимирѣ (Лаврент. лѣт. подъ 1248-мъ годомъ).

²⁾ Юрій Даниловичъ началъ искать подъ Михаиломъ Ярославичемъ великокняжескаго престола тотчасъ же по занятіи первымъ послѣдняго, чтѣ было въ томъ же 1304-мъ году. Въ 1318-мъ году онъ успѣхъ достигнуть того, чтѣ Михаило Ярославичъ былъ убитъ въ Ордѣ, оставилъ ему великокняжескій престолъ. Но въ 1322-мъ году престолъ отнялъ у него сынъ Михаила Ярославича Дмитрий, который въ 1325-мъ году, мсти за отца, и убилъ его въ Ордѣ. По своимъ нравственнымъ качествамъ Юрій Даниловичъ, какъ извѣстно, стоитъ въ ряду нашихъ старого времени князей на одномъ изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ (человѣкъ—совершенно и до послѣдней степени нерыцарь: отзывъ о немъ Карамзина—IV, 106 fin.).

молитвою, святый отче, да будетъ», оснований же бывши церкви и гробъ себѣ сотвори святыма своими руками; по малѣ же времени возвѣщена бысть святымъ ангеломъ смерть его... Даѣже разсказывается, что св. Петръ умеръ въ Москвѣ и погребенъ въ новооснованной каменной церкви Богородицы. У митр. Кипріана читаемъ: «И яко убо прохожаше грады и мѣста Божій человѣкъ Петръ, прииде въ славиный градъ, зовомый Москва, еще тогда малу сущу ему и немногонародиу, а не якоже иныиѣ видимъ есть нами; въ томъ убо градѣ бише обладая благочестивый и великий князь Иванъ Даниловичъ, внукъ Александра блаженнаго, его же видѣ блаженный Петръ въ православіи сіяюща и всяими добрыми дѣлами украшена, милостива суща до иницихъ, честь подающи святымъ Божиимъ церквамъ и тѣхъ служителемъ, любочестива къ божественнымъ писаніемъ и послушателя святыхъ учений книжныхъ: и зѣло возлюби его Божій святитель, нача больше ииѣхъ мѣстъ жити въ томъ градѣ, совѣщаетъ же соизѣтъ благъ князю, совѣтуя ему, яко да сотворить церковь каменемъ составлену во имя пречистыя Владычицы нашей Богородица и Приснодѣвы Марія, пророчествовавъ сице: «яко анде мене, сыну! послушаеши и храмъ пречистыя Богородицы воздвигнешь во своемъ градѣ, и самъ прославишиша наче ииѣхъ князей и сынове и внуци твои (прославятся) въ роды, и градъ сей славенъ будеть во всѣхъ градѣхъ русскихъ и святители поклонять въ немъ и взмѣдуть руки его на илеща враговъ его и Богъ прославится въ немъ, еще же и мои кости въ немъ положени будуть». Сія убо словеса князь отъ учителя съ радостю пріемъ, начать со тиціемъ о церкви прилежати и оснований ей бывши начать день отъ дне спасеніи и воздвигнati... Даѣже разсказывается, что прежде чѣмъ церковь была окончена, св. Петръ скончался и быть положенъ въ ней, въ приготовлениомъ имъ самимъ гробѣ.

Иванъ Даниловичъ Калита, младший братъ Юрія Даниловича, занять его мѣсто въ Москвѣ въ концѣ 1325-го года, за годъ съ мѣсяцемъ до смерти св. Петра (а дотолѣ сидѣль въ Переяславлѣ, которыи достался ихъ отцу Данилу Александровичу въ 1303-мъ году послѣ бездѣти умершаго илеминника Ивана Дмитріевича). Такимъ образомъ, по представлению житій выходило бы, что св. Петръ подъ самай конецъ своей жизни пришелъ въ «честную кротостию» Москву,—какъ удачно выражается обѣ ся бѣдности авторъ первого житія,—что онъ напечь здѣшняго князя Ивана Даниловича человѣкомъ очень благочестивымъ и что это послѣднее обстоятельство возбудило въ немъ желаніе быть погребеніемъ въ Москвѣ, въ которой онъ дѣйствительно и быть погребенъ. Если бы и не имѣли мы никакихъ даниныхъ для надлежащаго пред-

ставлениі о дѣлѣ, то и тогда оно вовсе не могло бы казаться намъ вѣроятнѣмъ въ томъ видѣ, какъ представляется въ житіяхъ. Митрополитъ нашелъ въ одномъ маленькомъ городѣ благочестиваго князя, и вдругъ у него является желаніе быть погребеннымъ въ этомъ городѣ: какая тутъ внутренняя связь? Митрополитъ, конечно, долженъ быть очень радоваться, что въ его митрополіи есть благочестивый князь; но совершенно непонятно вдругъ явившееся у него желаніе быть погребену въ городѣ благочестиваго князя: у него была каѳедра во Владимирѣ и ему надлежало быть погребеннымъ при ней ¹⁾). Второй изъ жизнеописателей, митр. Кириллъ, проговаривается, что дѣло было не такъ: онъ говоритъ, что св. Петръ пришелъ въ Москву при Иванѣ Даниловичѣ, т. е. не ранѣе какъ за годъ до смерти, и однако потому говорить, что святитель «начать больше иныхъ мѣстъ жити въ томъ градѣ», т. е. даетъ знать, что митрополитъ пришелъ въ Москву вовсе не за годъ только до смерти.

Дѣло дѣйствительно должно быть представляемо далеко не такъ, какъ оно представляется въ житіяхъ.

Послѣ смерти митр. Максима великий князь Михайло Ярославичъ посыпалъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты своего игумена Геронтия съ тѣмъ, чтобы въ митрополитѣ себѣ преданнѣмъ приобрѣсти себѣ сильнаго помощника въ своей борбѣ съ княземъ московскимъ и вообще въ своихъ стремленіяхъ къ возвышенію своей родовой Твери. Когда вмѣсто Геронтия пришоль на митрополичью каѳедру св. Петръ, великий князь встрѣтилъ нежданнаго митрополита какъ врага, и этимъ врагомъ его остался во всю свою жизнь, не одинъ разъ пытавшись свергнуть его съ каѳедры. Встрѣченный какъ врагъ великимъ княземъ, Петръ естественно и необходимо долженъ быть искать дружбы съ его врагомъ—княземъ московскимъ, ибо между двумя врагами, бывъ принять какъ врагъ однѣмъ, онъ не могъ стать ни чѣмъ инымъ, какъ другомъ другого. При этомъ и князь московскій не могъ сдѣлать ничего иного, какъ то, чтобы со всею возможною послѣдностію и со всѣмъ возможнымъ стараніемъ искать дружества митрополита, который нашоль врага въ великому князѣ. Михайло Ярославичъ для борбы съ своимъ врагомъ и для возвышенія своего тверскаго удѣла

¹⁾) Герберштейну, во время его бытности въ Москвѣ, передавали и такую (иѣсколько замоскворѣцкую) легенду, будто св. Петръ переселился въ нее ради жившаго въ ней какого-то святаго старца Алексія (не могъ-де митрополитъ перезвать старца къ себѣ во Владимирѣ, такъ самъ не затруднился ради него перенести каѳедру митрополіи изъ Владимира въ Москву...).

хотѣть пріобрѣсти себѣ помощника въ митрополитѣ, и это ему не удалось: естественно, что московскій князь, пользуясь мыслю своего соперника, тотчас же долженъ быть употребить всѣ свои усилия достичнуть того, чтѣ не удалось Михаилу Ярославичу, т. е. пріобрѣсти въ митрополитѣ того помощника, котораго хотѣть найти въ немъ послѣдній. Такимъ образомъ, необходимо думать, что тѣсная связь и дружба митрополита съ княземъ московскимъ,—не съ Иваномъ Даниловичемъ Калитой, а съ его старшимъ братомъ Юріемъ Даниловичемъ, началась съ самой первой минуты прибытія митрополита на Русь. Что это было дѣйствительно такъ, мы имѣемъ на это и положительныя доказательства. На соборѣ Переяславскомъ только что прибывшій митрополит имѣть многочисленную партію свѣтскихъ сторонниковъ: ясно, что этихъ сторонниковъ создать ему и что во главѣ этихъ сторонниковъ стоялъ князь московский. Тотчасъ или весьма вскорѣ послѣ собора Переяславского, въ 1311-мъ году, сынъ великаго князя, вѣроятно—все еще находившагося, какъ и во время собора, въ Ордѣ, Дмитрій Михайловичъ пришелъ ратью на князя московскаго, какъ кажется, вынужденный оберегать великокняжескія права своего отца: митрополитъ, ясно являющійся сторонникомъ князя московскаго, употребилъ противъ князича тверскаго такую рѣшительную мѣру, какъ церковное отлученіе. Итакъ, знакомство св. Петра съ Москвой должно было начаться не за годъ только до смерти, а съ самой первой минуты прибытія на Русь, т. е. собственно прибытія въ Русь сузdalскую или владимирскую. Имѣя своимъ врагомъ великаго князя, которому принадлежала Владимиръ, хотя этотъ и не жилъ въ немъ постоянно, митрополитъ, естественно, могъ находить неудобнымъ и стѣснительнымъ для себя пребываніе въ своемъ кафедральномъ городѣ, а поэтому весьма вѣроятно предполагать, что съ самой первой минуты прибытія на Русь онъ старался какъ можно менѣе жить во Владимирѣ и какъ можно болѣе въ Москвѣ, у своего союзника—князя московскаго. Что это было дѣйствительно такъ, на это мы имѣемъ указаній въ лѣтоисчислѣ. Давая знать о томъ, что пребыванія или проживанія Петра въ Москвѣ начались съ первого времени занятія имъ кафедры митрополичьей, лѣтоисчислѣ говоритьъ, что онъ имѣть въ Москвѣ свой дворъ на двухъ мѣстахъ,—сначала па одномъ, а потомъ перенесъ на другое (сначала дворъ находился при церкви Иоанна Предтечи у Боровицкихъ воротъ¹⁾), потомъ перенесенъ быть на то мѣсто, на которомъ и остался навсегда,—

¹⁾ Такъ называемая Типографская лѣтоисчислѣ, стр. 259, также у *Карамз. V*, прим. 386, col. 167.

на мѣсто иныииней сиподальной палаты ¹⁾). Эти частыя и продолжительныя проживанія митрополита въ Москвѣ, начавшіяся съ первого времени его прибытія на Русь, не означали перенесенія имъ каѳедры митрополичьей изъ Владимира въ Москву: они означали только проживанія митрополита вмѣсто своего каѳедрального города въ одномъ изъ пригородовъ своей епархіи, каковымъ была Москва по отношенію къ Владимиру въ церковно-административномъ отношеніи.

Послѣ временныхъ, болѣе или менѣе частыхъ и продолжительныхъ, пребываній или проживаній въ Москвѣ, св. Петръ наконецъ перенесъ въ нее изъ Владимира каѳедру митрополіи.

Относительно этого послѣдняго дѣйствія св. Петра на самомъ дѣлѣ необходимо думать, что мысль о немъ возымѣлась только уже подъ самыи конецъ своей жизни, въ правлѣніе не Юрия Даниловича, а дѣйствительно, какъ говорятъ житія, только уже Ивана Даниловича. Объ этомъ ясно говоритъ исторія каменной церкви, въ которой св. Петръ имѣть быть погребеннымъ. Если бы еще Юрию Даниловичу изъявилъ онъ свое желаніе или точіе—какъ скажемъ сей-часъ ниже—согласіе быть погребеннымъ въ Москвѣ: то Юрий Даниловичъ давнѣо бы и благовременно и построилъ каменную церковь, имѣвшую служить для него усыпальницей. Но церковь эта строится только при Иванѣ Даниловичѣ: ясно, что и мысль о томъ, чтобы Петръ погребенъ былъ не во Владимирѣ, а въ Москвѣ, явилась только при немъ. Но исторіи построенія церкви мы даже съ совершеніемъ точности можемъ опредѣлить время, когда было рѣшено между св. Петромъ и Иваномъ Даниловичемъ, чтобы останки первого были положены не во Владимирѣ, а въ Москвѣ. Каменная церкви, какъ и всякия каменные зданія, начинаютъ класть весною; нашу же церковь начали класть совсѣмъ не въ обычное время—въ Августѣ мѣсяца 1326-го года (она заложена 4-го Августа): очевидно, кладка начата не въ обычное время по той причинѣ, что только въ это необычное время состоялось помянутое соглашеніе. А если не отложили кладки до весны слѣдующаго года, то необходимо думать, что не находили возможнымъ сдѣлать этого въ виду старости и болѣзниности св. Петра, который и дѣйствительно скончался черезъ четыре съ половиной мѣсяца послѣ заложенія церкви.

Житія св. Петра утверждаютъ, что онъ самъ изъявилъ Ивану Даниловичу желаніе быть погребеннымъ вмѣсто Владимира у него въ Москвѣ. Но представлять дѣло такимъ образомъ вовсе невѣроятно. Обстоятель-

¹⁾ Никон. лѣт. III, 130 нач..

ства вынуждали св. Петра проживать по часту, или может быть—большею частю, вмѣсто Владимира въ Москвѣ. Но Владимиръ бытъ его каѳедральнымъ городомъ и ему надлежало бытъ погребену при его каѳедрѣ. Какъ митрополитъ, св. Петръ не могъ имѣть совершенно никакихъ побуждений къ тому, чтобы желать бытъ погребениемъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ; а представлять дѣло такъ, будто возбудило въ немъ желаніе бытъ погребениемъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ благочестіе московскаго князя, какъ уже мы говорили, было бы очень странно, потому что митрополиты должны бытъ погребаемы при своихъ каѳедрахъ, а не въ какихъ нибудь и не во всякихъ другихъ мѣстахъ своихъ епархій, где придется имъ встрѣтить благочестивыхъ людей. Имѣть побужденія желать, чтобы св. Петръ бытъ погребенъ въ Москвѣ и чтобы его преемники начали жить въ ней, князь Иванъ Даниловичъ въ тѣхъ политическихъ видахъ, чтобы нахожденіе въ Москвѣ каѳедры митрополитовъ содѣствовало перенесенію въ нее изъ Владимира престола великокняжескаго. И необходимо принимать, что инициатива въ этомъ дѣлѣ о рѣшенніи св. Петра бытъ погребениемъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ принадлежала не ему самому, а князю,—что Иванъ Даниловичъ, возымѣвъ желаніе, чтобы св. Петръ вмѣсто Владимира бытъ погребенъ у него въ Москвѣ, обратился къ нему съ настоятельными просьбами о семъ и что онъ, уступая проосьбамъ князя и входи въ его политическіе виды, и далъ послѣднему относительно этого свое согласіе. Иванъ Даниловичъ, наслѣдовавъ постъ смерти брата престолъ московскій, не наслѣдовавъ отъ него вмѣстѣ съ тѣмъ престола великокняжескаго, который носѣтъ недолгаго сидѣнія на немъ Юріева (1318—1322), снова возвратился къ князьямъ тверскимъ¹⁾), такъ что въ ту минуту, когда состоялось соглашеніе между Иваномъ Даниловичемъ и св. Петромъ о погребеніи послѣднаго вмѣсто Владимира въ Москвѣ, первый не бытъ великимъ княземъ, а только удѣльнымъ княземъ московскимъ. Выходитъ, повидимому, то странное, что Иванъ Даниловичъ мечталъ о перенесеніи столицы великаго княженія изъ Владимира въ

¹⁾ Дмитрій Михайловичъ, согнавшій Юрія съ престола великокняжескаго въ 1322-мъ году и потомъ убившій его въ Ордѣ въ 1325-мъ году, бытъ за это по-слѣднее самъ казненъ смертью по приказанію хана (въ Сентябрѣ мѣсяцѣ слѣдую-щаго 1327-го года, черезъ 10 съ небольшимъ мѣсяцевъ послѣ убийства Юріева, въ продолженіе которыхъ находился въ Ордѣ въ заключеніи); но престолъ вели-кокняжескій все-таки не бытъ отнятъ ханомъ у князей тверскихъ: онъ отданъ бытъ брату Дмитріеву Александру, на мѣсто котораго уже по смерти св. Петра и съѣзъ Иванъ Даниловичъ.

Москву, когда еще не владѣлъ этой столицей. Но къ овладѣнію столицей онъ настоительнымъ образомъ стремился и оно было для него, таѣ сказать, дѣломъ рѣшеннѣемъ. Юрій Даниловичъ, послѣ 14-лѣтиихъ усиленійшихъ исканій престола великокняжескаго подъ Михайломъ Ярославичемъ (1304—1318) паконецъ доставшій его, когда скоро затѣмъ былъ снова съ него согнанъ (1322), какъ кажется, предался отчалию и махнулъ на него рукой¹⁾. Но Иванъ Даниловичъ, заступивъ мѣсто брата на столѣ московскомъ, началъ исканіе престола великокняжескаго съ тою же настойчивостію, съ какою искалъ его Юрій Даниловичъ въ помянутыя первыя 14 лѣтъ. Между Тверью и Москвой дѣло было поставлено такимъ образомъ, чтобы быть или не быть той или другой изъ нихъ.

Употребляя точнѣйшія рѣчи обѣ этомъ перенесеній св. Петромъ каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву, мы должны сказать, что собственно говоря св. Петръ вовсе не переносилъ каѳедры изъ одного города въ другой и что то дѣйствіе, на которое онъ изъявилъ свое согласіе по отношенію къ Москвѣ и которое принято называть перенесеніемъ каѳедры, можетъ быть называемо таковымъ только въ весьма несобственномъ и весьма неточномъ смыслѣ слова. Каѳедра митрополіи могла быть перенесена формальнымъ и настоющимъ образомъ по двумъ причинамъ—или по той церковной причинѣ, что Владимиръ прекратилъ бы свое существованіе, либо почему нибудь оказался невозможнымъ для пребыванія, или по той причинѣ государственной, что Москва стала бы вмѣсто него столицей великаго княженія. Ни одной, ни другой причины вовсе не существовало, и св. Петръ, вовсе не имѣвшій причинъ къ перенесенію каѳедры изъ Владимира въ Москву, дѣйствительно вовсе и не переносилъ ея, ибо въ продолженіе довольно долгаго времени послѣ него каѳедра митрополитовъ продолжала оставаться во Владимирѣ, а если митрополиты послѣ него начали жить въ Москвѣ, то это значило, что вмѣсто того, чтобы жить при своей каѳедрѣ, они начали жить въ одномъ изъ пригородовъ своей епархіи (впрочемъ 82-му правилу Караагенскаго собора). Мы сказали, что если бы Москва застутила мѣсто Владимира въ качествѣ столицы великаго княженія, то существовала бы законная причина къ перенесенію каѳедры митрополичьей изъ одного города въ другой. Напротивъ, иль даниомъ случаѣ

¹⁾ Съ 1322-го года Юрій жилъ не въ Москвѣ, а въ Новгородѣ, и занимался не интригами противъ Дмитрія Михайловича, а дѣлами новгородскими (1-я Новгородская лѣт.; можетъ быть, впрочемъ, имѣлъ въ виду то, чтобы выждать случая и съ помощью новгородцевъ отнять у князя тверскаго престолъ великокняжескій).

требовалось достигнуть того, чтобы пребываніе митрополитовъ на жительствѣ въ Москвѣ содѣйствовало возвышенію постѣдній на степень столицы великаго княженія (послѣ чего каѳедра митрополіи и могла бы быть перенесена въ нее формальнымъ образомъ). Не перенося каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву формальнымъ образомъ, чтѣ было невозможно по несуществованію причинъ, св. Петръ могъ содѣйствовать только тому, чтобы его преемники, вслѣдъ за нимъ, утвердили свое пребываніе въ Москвѣ,—этомъ пригородѣ митрополичьей епархіи, вмѣсто своего каѳедральнаго города Владимира. Въ видахъ достижениія этой цѣли, св. Петръ и сдѣлалъ то, что изъявилъ согласіе быть по-гребочнымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ. Желаніе по отношению къ его преемникамъ, выраженіе имъ въ этомъ согласії, т. е. желаніе, чтобы преемники остались жить при его гробѣ, иисколько не было обязательно для сихъ постѣдніихъ: могло оно осуществиться, какъ это и на самомъ дѣлѣ случилось, могло и не осуществиться. Но сдѣлать чего нибудь, что было бы обязательнымъ для преемниковъ, св. Петръ былъ не въ состояніи, потому что это было не въ его средствахъ. Онъ могъ только принять мѣры, чтобы его непосредственный преемникъ былъ подобно ему человѣкъ, имѣній охоту жить въ Москвѣ; эти мѣры онъ дѣйствительно и принималъ, какъ скажемъ ниже въ рѣчахъ о слѣдующемъ за нимъ митрополитѣ Феогностѣ.

Итакъ, исторія такъ называемаго перенесенія св. Петромъ каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву представляется въ слѣдующемъ видѣ. Св. Петръ, бывъ поставленъ въ митрополиты и прибывъ во Владимиръ, нашоль врагомъ себѣ владимирскаго великаго князя Михайла Ярославича, каковымъ врагомъ его великий князь и остался на все по-слѣдующее время. Принятый какъ врагъ великимъ княземъ, св. Петръ по необходимости долженъ былъ обратиться къ врагу сего постѣднаго—къ московскому князю Юрию Данилову, съ которымъ и вступить въ союзъ дружества. По своимъ отношеніямъ къ великому князю не находя удобнѣмъ пребываніе для себя во Владимирѣ, при своей каѳедрѣ, где былъ хозяиномъ имѣнію великій князь, св. Петръ, по часту, или можетъ быть—даже и весьма по часту, проживалъ у своего союзника Юрия Даниловича въ его Москвѣ, которая въ церковно-административномъ отношеніи была однимъ изъ пригородовъ митрополичьей епархіи. Подъ конецъ жизни св. Петра преемникъ Юрия Даниловича на московскомъ столѣ, его братъ Иванъ Даниловичъ, задался мыслию на-всегда удержать митрополитовъ въ Москвѣ, дабы обезпечить чрезъ это успѣхъ своему политическому замышленію перенести иль Владимира въ Москву столицу великаго княженія. Для этой цѣли Иванъ Дани-

ловичъ обратился къ св. Петру съ прошльбою, чтобы онъ согласился быть погребеннымъ вмѣсто Владимира въ Москвѣ, и св. Петръ, удовлетворивъ прошльбѣ и сочувствуя политическимъ стремленіямъ дружественнаго ему князя, далъ послѣднему свое согласіе.—Отчего житія св. Петра, написанныя людьми, нарочито радѣвшими объ интересахъ Москвы, представляютъ дѣло такъ, будто онъ самъ изъявилъ Ивану Даниловичу желаніе быть погребеннымъ въ Москвѣ, это совершиено понятно: при такомъ представлении дѣла, т. е. что св. Петръ самъ избралъ Москву мѣстомъ своего погребенія, фактъ его погребенія въ ней получать новое и особое, въ смыслѣ важности для нея, церковно-политическое значеніе.

Въ церковно-административномъ отношеніи, какъ говорили мы, Москва составляла пригородъ митрополичьей епархіи. Имѣй она своего епископа или принадлежи къ другой епархіи, не митрополичьей, то очень могло бы быть и весьма вѣроятно, что св. Петръ, не находя удобнымъ для себя пребываніе во Владимирѣ, избрать бы для своего пребыванія не ее, а другой какой-нибудь городъ, принадлежавший къ его епархіи. Такимъ образомъ, обстоятельства Москвы, предназначенней быть собирательницей Руси, были именно таковы, чтобы св. Петръ могъ жить въ ней, а затѣмъ и быть погребеннымъ въ ея стѣнахъ...

Москва, задавшися мыслю сдѣлаться вмѣсто Владимира столицей настѣнственнаго великаго княжения, была еще такъ «смиренна кротостью», но удачному выраженію первого жизнеописателя св. Петра, что въ ней не было еще ни одной каменной церкви. Св. Петръ, конечно, могъ быть погребенъ въ ней и въ одной изъ деревянныхъ церквей. Но его погребеніе въ Москвѣ было разчитано на то, что при церкви, въ которой онъ будетъ погребенъ, стануть жить въ ней, какъ бы по выраженному имъ чрезъ это завѣту, его преемники. Какъ будущей фактически-кафедральной церкви митрополитовъ (рядомъ съ юридически-кафедральною—владимирскими Успенскими соборомъ) нашей церкви надлежало быть каменною. Получивъ согласіе св. Петра на то, чтобы быть ему погребеннымъ въ Москвѣ, князь Иванъ Даниловичъ съ поспѣшностью приступилъ къ постройкѣ каменной церкви, какъ усыпальницы для митрополита. Церковь эта, весьма скромная по своимъ размѣрамъ¹⁾, хотя не смотря на свою вѣтшину скромность и ставшая вскорѣ знаменитою, была заложена 4-го Августа 1326-го года. Въ два или полтора осеннихъ мѣсяца она не могла быть складена: между

¹⁾ Нынѣшній московскій Успенскій соборъ не есть первоначальный, о которомъ говоримъ, а построенный вновь на мѣсто первоначальнаго.

тѣмъ св. Петръ скончался тою же зимой—съ 20-го на 21-е Декабря¹⁾. Въ слѣдствіе этого тѣло его было погребено въ начатой, но не оконченной, церкви, которая была окончена и освящена уже въ слѣдующемъ 1327-мъ году. Заранѣе приготовивъ для себя каменный гробъ, онъ поставилъ его въ отдѣленіи жертвениника или проскомидіи у виѣшней стѣны²⁾; здѣсь и положены были его останки.

При моцахъ св. Петра начали твориться чудеса съ самой минуты его погребенія. Торжественныи и формальныи образомъ онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ спустя всего 13 лѣтъ постѣ своей кончины при слѣдующемъ за нимъ митрополитѣ Феогностѣ.

До настоящаго времени сохраняется въ Москвѣ иѣсколько свищенныхъ предметовъ и венецъ, которые усвоются предашемъ св. Петру. Они суть слѣдующіе: 1) написанная святителемъ икона Успенія Божіей Матери, находящаяся въ Успенскомъ соборѣ, въ нижнемъ ярусѣ главнаго иконостаса, второю по правую сторону отъ царскихъ вратъ; 2) другая написанная имъ икона Божіей Матери, нарочито известная подъ именемъ Петровской, находящаяся въ томъ же Успенскомъ соборѣ, въ прѣдѣлѣ апостоловъ Петра и Павла; 3) принадлежавшая ему пасагия (золотая, полуovalная, на серебряной золоченой цѣночкѣ, украшенная лалами и кафимскими зернами, съ вставлениями съ передней стороны ониксомъ, на которомъ вырѣзано изображеніе пророка Даниила съ греческою по сторонамъ надиесью: ὁ προφήτης Δανιὴλ, и съ вырѣзаннымъ на задней сторонѣ, по золоту, образомъ Божіей Матери Одигитріи), хранящаяся въ Синодальной ризницѣ; 4) принадлежавший ему саккосъ (изъ лазореваго атласа, съ вытынанными въ кругахъ четырехконечными крестами), хранящійся въ той же ризницѣ; 5) принадлежавшая ему епитрахиль (изъ гвоздичной камки, украшенная 6-ю большими и иѣсколькими малыми дробницами, обнизанными мелкимъ жемчугомъ), хранящаяся въ той же ризницѣ; 6) принадлежавший ему посохъ, возобновленный патр. Іоакимомъ, находящійся въ Успенскомъ соборѣ и стоящий у патріаршаго мѣста; 7) его богослужебная шапка, находящаяся въ томъ же соборѣ при его моцахъ (въ духовныхъ завѣщаніяхъ великихъ князей, въ лѣтописяхъ и въ актахъ упоминается именный крестъ чудотворца Петра, которымъ онъ благословилъ Ивана

¹⁾ По свидѣтельству перваго житія, св. Петръ передъ своюю кончиною, о которой извѣщенъ былъ ангеломъ, раздалъ свое пятеціе нищимъ, священникамъ, монахамъ и монахинямъ, всѣмъ церковникамъ и своимъ домочадцамъ.

²⁾ Что у виѣшней стѣны, это видно изъ словъ Никоновской и Воскресенской автографъ о мѣстѣ положенія тѣла Феогностова.

Даниловича Калиту и весь его родъ и которымъ великие князья благословили большихъ своихъ дѣтей, т. е. старшихъ своихъ сыновей, въ настоящее время неизвѣстный, см. лѣтописи Воскресенскую и Софийскую подъ 1524-мъ годомъ,—и Собр. лѣтт. VI, 272, и VIII, 285, и духовное завѣщаніе Ивана Васильевича Грознаго у *Карамз.* IX, прим. 849, col. 182; крестомъ чудотворца Петра благословляемъ быть при вѣнчаніи на царство Федоръ Борисовичъ Годуновъ,—Собр. госуд. грамм. и договв. II, 189, Акт. Экспед. II, 86, но въ чинѣ вѣнчанія на царство Михаила Оседоровича о немъ не упоминается,—Собр. грамм. и договв. III, 70 sqq, и можно думать, что во время междуцарствія похитила или уничтожила его святотатственная рука Поляковъ, которые, сидѣвъ въ Кремлѣ, разграбили царскую казну).

МИТРОПОЛИТЪ ΘΕΟΓΝΟСТЬ.

Св. Петръ, давъ Ивану Даниловичу свое согласіе бытъ погребеніи вмѣсто Владимира въ Москвѣ, оставилъ чрезъ сіе какъ бы завѣщаніе своимъ преемникамъ, чтобы они утвердились на жительство вмѣсто перваго въ послѣдній. Однако, это своего рода завѣщаніе имѣло характеръ только приглашенія и никакого не обязательства, такъ что могло быть исполнено преемниками, начиная съ непосредственнаго или первого изъ нихъ, а могло быть вовсе и не исполнено. Между тѣмъ для московскаго князя въ его государственныхъ интересахъ было чрезвычайно важно, чтобы случилось такъ, какъ онъ желалъ, потому что пребываніе митрополитовъ въ его удѣльно-столицомъ городѣ представляло бы собою рѣшительное обезпеченіе упѣха явившейся у него мысли о возвышеніи своего удѣла на степень наследственнаго великаго княжения. Надѣяться на то, чтобы митрополитъ, присланный изъ мѣста св. Петра изъ Греціи и Грекъ, оказался именно такимъ человѣкомъ, какой былъ желателенъ, т. е. который бы согласился содѣйствовать новымъ политическимъ стремленіямъ Ивана Даниловича, конечно, было очень не надежно. И князь съ св. Петромъ рѣшились на смѣлое дѣло: обходя великаго князя, они избрали въ будуще преемники второму изъ нихъ своего человѣка, иѣкоего архимандрита Феодора¹⁾.

---

¹⁾ Объ избраніи св. Петромъ на свое мѣсто архимандрита Феодора говорить неизвѣстный авторъ первого его житія (готовясь испустить духъ, управлявшій св. Петръ «рече преподобному архимандриту Феодору, его же воименова на митрополію: «миръ ти, чадо, азъ почти хощу»). Книгіанъ, какъ человѣкъ пришлый и не сочувствовавшій избранию митрополитовъ въ самой Россіи, умалчиваетъ объ этомъ весьма важномъ обстоятельствѣ. Кто такой былъ архимандритъ Феодоръ, остается неизвѣстнымъ. Если бы можно было принять утвержденіе аѣтописей, что Давіиль Александровичъ, основавъ въ Москвѣ Даниловъ монастырь, учредилъ въ немъ архимандритю; то слѣдовало бы думать, что Феодоръ былъ архимандритомъ именно этого Данилова монастыря; но сомнительно, чтобы Даниилъ Александровичъ учредилъ въ своемъ монастырѣ архимандритю. Затѣмъ, въ сѣверной Руси (кромѣ Новгорода) были

Но смѣлость не имѣла на сей разъ того успѣха, которымъ она иногда сопровождается: архимандритъ Феодоръ не былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты и на мѣсто св. Петра былъ присланъ изъ Константиноополя Грекъ Феогностъ. Намъ неизвѣстна исторія устраниенія Феодора отъ кафедры митрополіи. Въ Константиноополѣ, несмотря на два, только что передъ тѣмъ бывшіе, случая постановленія митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, не могли имѣть охоты поступать такимъ образомъ; а поелику непріятная просьба шла не отъ самого великаго князя, а помимо него отъ князя удѣльнаго: то она и могла быть отстранена патріархомъ. Но необходимо думать, что во всякомъ случаѣ помѣшиалъ исполненію просьбы великій князь,—второй сынъ тверскаго Михаила Ярославича Александъръ Михайловичъ. Избрание кандидата въ митрополиты московскимъ княземъ было посагательствомъ на него—великаго князя права, и при этомъ посагательствомъ, которое было разсчитано именно противъ него: естественно, что онъ долженъ быть со всею рѣшительностью возстать передъ патріархомъ противъ исканія князя московскаго (очень можетъ быть, что Александръ Михайловичъ и противопоставлялъ кандидату Ивана Даниловича своего собственнаго кандидата, но что патріархъ отстранилъ и его, не желая между двумя соискавшими мѣста кандидатами оказывать предпочтенія одному).

На счастіе Москвы, которой суждено было стать собирательницею Руси, дѣло ея не прошло и съ устраненіемъ ея кандидата отъ кафедры митрополіи. Передъ самыми прибытіемъ на Русь новаго митрополита Иванъ Даниловичъ успѣлъ сѣсть на столь великоокніжескій вмѣсто Александра Михайловича (въ концѣ 1327—въ началѣ 1328 года) и встрѣтить нового митрополита не какъ удѣльный князь московскій, а какъ великій князь русскій. Въ волѣ нового митрополита было принять или не принять московскія требованія Ивана Даниловича; но, не принимая требованій, онъ сдѣлалъ бы своимъ врагомъ великаго князя. Съ другой стороны, этотъ великій князь былъ государственный человѣкъ далеко не рядовой, слѣдовательно,—какъ можно предполагать,

тогда два архимандрита: владимирскій Рождественскаго монастыря и ростовскій Петровскаго монастыря; первый былъ архимандритъ именно митрополичій, а второй чужой епархіи. почему и представляется вѣроятнѣйшимъ думать на перваго. Могло быть, впрочемъ, еще такъ, что самъ св. Петръ передъ своею смертю далъ санъ архимандрита вгущену Данилова монастыря (только въ 1330-мъ году архимандритъ дворцоваго Спасскаго монастыря, перемѣщенный, по словамъ летописей, въ семъ году изъ Данилова монастыря, назывался не Феодоромъ, а Иоанномъ).

обладать способностю убеждения и привлечений къ себѣ людей не со всѣмъ обыкновенію. Какъ бы то ни было, новый митрополитъ изъявилъ готовность быть помощникомъ Москвы въ ея государственныхъ стремленихъ и такимъ образомъ, замѣния своего предшественника, явился тѣмъ, чого Москва желала и искала. «Пріиде, говорить о Феогнѣтѣ московскій лѣтописецъ, на великий столъ на митрополию, на Кіевъ и на всю Русь, также пріиде въ Володимеръ и въ славный градъ Москву, къ пречистой Богородицѣ Успенію и къ чудотворцову гробу Петрову, и на его мѣсто сѣде и въ его дворѣ нача жити, милость Божія съ нимъ и пречистыя Богородицы и великаго чудотворца Петра молитва и благословеніе: инымъ же княземъ многимъ не много сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имаше въ себѣ живуща»¹⁾. Другіе князья весьма поняли, какой смыслъ и какое значеніе могло имѣть переселеніе митрополитовъ въ Москву на жительство.

Феогнѣсть былъ поставленъ въ митрополиты русскіе или въ концѣ 1327-го или въ началѣ 1328-го года, ибо въ Маѣ мѣсяцѣ втораго года онъ былъ уже въ Россіи.

По прибытіи на Русь огнь не проѣхалъ прямо на сѣверъ, но остановился на югѣ, въ волынскій землѣ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1328-го года онъ поставилъ здѣсь двухъ епископовъ—владимирскаго и галицкаго, при чемъ участниками его въ поставлениіи новыхъ епископовъ были существовавшіе или прежніе епископы: перемышльскій, холмскій, луцкій и туровскій²⁾, иначе сказать—всѣ наличные епископы галицко-волынскій Руси. Считая вѣроятнымъ думать, что епархія галицко-волынскія подчинены были вѣдѣнію митрополита литовскаго, поставленнаго въ 1316—1317-мъ году, нужно будетъ понимать дѣло такъ, что Феогнѣсту при вступлении его на каѳедру удалось достигнуть того, чтобы митрополія литовская была закрыта. А что при семъ вступлении Феогнѣста на каѳедру по всей вѣроятности была закрыта митрополія литовская, если и не входили въ ея составъ епархіи галицко-волынскія, слѣдуетъ изъ того, что въ числѣ епископовъ, участвовавшихъ въ поставлениіи новыхъ

¹⁾ Иакон. лѣт. III, 139.

²⁾ См. греческія записи о поставлениіи епископовъ при митр. Феогнѣтѣ, открытыя г. Регелемъ въ одной ватиканской рукописи и напечатанныя—въ русскомъ переводе въ статьѣ г. Васильевской: «Записи о поставлении русскихъ епископовъ при митрополитѣ Феогнѣтѣ въ ватиканскомъ греческомъ сборнике», помещенной въ февральской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1888-й годъ; въ греческомъ подлиннику—въ изданіи г. Регеля: *Analecta Byzantino-Russica*, Petropoli. 1891.

епископовъ, мы видимъ епископа туровскаго, епархія котораго въ государственномъ отношеніи, какъ сказали мы выше, по всей вѣроятности уже принадлежала тогда Литвѣ. Акты патріархіи константинопольской даютъ знать, что въ Апрѣль мѣсяцѣ 1329-го года находился въ Константинополѣ митрополитъ литовскій¹). Считая вѣроятніемъ сей-часть сказанное, должно будеть предполагать, что митрополитъ литовскій, каѳедра котораго была закрыта при поставленіи Феогноста въ митрополиты, явился въ Константинополь, чтобы хлопотать о новомъ ея открытии²).

Послѣ неизвѣстно сколь продолжительнаго пребыванія въ южной, волынскій, Руси, Феогностъ въ томъ же 1328-мъ году прибыть на сѣверъ, чтобы, согласно исканію вел. князя Ивана Даниловича, стать вѣдѣмъ за св. Петромъ митрополитомъ имени московскимъ.

Изъявивъ свою готовность быть помощникомъ Москвы въ ея государственныхъ стремленіяхъ, онъ явился помощникомъ весьма ревностнымъ, такъ что въ этомъ качествѣ пріобрѣть полное право на ея благодарность, подобно своему предшественнику св. Петру и подобно своему преемнику св. Алексію.

Москва задалась высокою мыслью, поставивъ себя на мѣсто Владимира, сдѣльаться столицей наследственнаго великаго княженія; между тѣмъ она была до тѣхъ поръ городомъ очень бѣднымъ. Такъ какъ соответствующая положенію виѣшность одинаково необходимымъ образомъ требуется сколько отъ людей, столько же и отъ городовъ: то князья московскіе, если они серѣзно помышляли сдѣлать свою столицу столицей великаго княженія, должны были позаботиться, чтобы сдѣлать изъ нея въ отношеніи къ виѣшности городъ болѣе или менѣе соответствующій роли, къ которой она предназначалась. Къ заботамъ объ этомъ и побудилъ митр. Феогностъ Ивана Даниловича тотчасъ же по своемъ прибытіи въ Москву, при чемъ и самъ принялъ дѣятельное

¹) См. Acta Patriarchatus Constantinopolitani, изданные Миклошичемъ и Миллеромъ, I, 147 (послѣ двухъ безыменныхъ упоминаній о митрополитѣ литовскомъ,—подъ 1317-мъ и 1326-мъ годами, на сей разъ акты называютъ его по имени, которое есть Феофиль).

²) Въ январѣ мѣсяцѣ 1327-го года, т. е. тотчасъ послѣ смерти св. Петра, мы видимъ митрополита литовскаго въ Константинополѣ,—Acta Patriarchat. Constantinop., I, 143. Конечно, онъ пріѣзжалъ въ Константинополь по какимъ либо дѣламъ своей митрополіи, но по какимъ именно и не находилась ли побѣдка въ какой либо связи со смертью св. Петра. къ сожалѣнію, совершенно ничего не можемъ сказать.

участіе въ ихъ осуществлениі. Въ древнее время какъ вездѣ, такъ въ частности и у насъ на Руси, благоукрашеніе городовъ составляли храмы или церкви. У насъ на Руси церквами, благоукрашающими города, считались церкви каменные, въ отличіе отъ церквей деревянныхъ, каковыми были обыкновенныя наши церкви. О благоукрашенніи Москвы церквами каменными и должно было позаботиться, чтобы выдвинуть ее изъ ряда городовъ бѣдныхъ и сдѣлать городомъ великолѣпнымъ въ тогдашнемъ смыслѣ, достойнымъ стать столицею великаго княженія. Строеніе церквей каменныхъ и началось въ Москвѣ тотчасъ же по прибытіи въ нее митр. Феогноста, при чемъ онъ самъ не только явился помощникомъ великаго князя, но и взялъ на себя инициативу. На другой годъ послѣ своего прибытія, въ 1329-мъ году, онъ построилъ въ Москвѣ двѣ каменные церкви—Иоанна Пѣтвичика¹) и апостола Петра (поклоненія честныхъ его веригъ²); въ слѣдующемъ 1330-мъ году великий князь заложилъ третью каменную церковь—св. Спаса въ свою домовомъ или придворномъ Спасскомъ монастырѣ³); спустя четыре года послѣ сего, въ 1333-мъ году, великий князь построилъ еще одну каменную церковь—архангела Михаила⁴). Такимъ образомъ, въ самомъ

¹) Въ послѣдующее время надъ церковю Иоанна Пѣтвичика была устроена колокольня (потому, что на колокольни ходить по лѣстницамъ?), отчего она стала называться церковю «Ивана святаго подъ колоколами»; въ настоящее время она подъ колокольней кремлевскіхъ соборовъ, которая отъ нея получила название Ивановской. Въ 1326-мъ году у Ивана Даниловича на память Иоанна Пѣтвичика (30 Марта) родился сынъ Иванъ (Воскрес. лѣт.): вѣроятно, что по сему случаю и построена наша церковь.

²) Церковь ап. Петра была построена не какъ самостоятельная церковь, а какъ придѣлъ къ церкви Успенія Божіей Матери, въ которой былъ погребенъ св. митр. Петръ (съ сѣверной стороны). Была построена или потому, что поклоненіе веригамъ ап. Петра (16 Инваря) было, можетъ быть, днѣмъ ангела св. Петра, или потому, что придѣлъ поклоненія веригамъ находился въ константинопольской св. Софії, см. Наломникъ Антонія по пзд. *Саввацкова*, сол. 63).

³) Имиѣ—придворный соборъ Сиасти на Бору (находящійся во дворѣ дворца).—Въ лѣтописяхъ говорится, что при семъ и основаніи былъ монастырь Иваномъ Даниловичемъ; но монастырь упоминается ранѣе, подъ 1319 г., въ разсказѣ о привезеніи въ Москву изъ Орды тѣла Михаила Ярославича.

⁴) Имиѣ—Архангельскій соборъ. Существовала ли прежде каменной деревянная церковь архангела Михаила, это составляетъ вопросъ и болѣе вѣроятно, что и существовала. Никоновская лѣтопись увѣряетъ, что Данило Александровичъ и Юрій Даниловичъ погребены въ церкви архангела Михаила. Но Данило Александровичъ погребенъ въ Даниловомъ монастырѣ, а Юрій Даниловичъ—въ церкви св. Димитрія

непродолжительномъ времени послѣ прибытія Феогноста въ Москву, благодаря ему и его вліянію, въ ней явилось пять каменныхъ церквей, считая съ тою церковью Успенія Божіей Матери, которая была заложена передъ смертью св. Петра и въ которой онъ быть погребенъ. Этимъ числомъ пяти каменныхъ церквей Москва не сравнялась по ихъ количеству съ Владимиромъ; а поелику всѣ церкви, не исключая и церкви Успенія Божіей Матери, были по своимъ размѣрамъ весьма скромныя, то вовсе не сравнялась съ ними и по качеству церквей: но не успѣвъ достигнуть еще этого, она все-таки сразу достигла того, чтобы рѣшительно выдвинуться изъ ряда другихъ городовъ владимирской или суздалской Руси. Теперь, заявляя свои высокія притязанія, она воине не могла уже казаться смѣшиною по несоответствію ея притязаній съ ея виѣшнотю¹⁾.

При монахахъ св. Петра начали совершаться чудеса съ самой минуты его погребенія. Князь Иванъ Даниловичъ приказывалъ записывать чудеса и еще прежде прибытія Феогноста на Русь, будучи побуждаемъ—съ одной стороны, конечно, непосредственнымъ желаніемъ прославить чудотворца, а съ другой стороны—несомнѣнно и государственными цѣлями прославить Москву, удостоившуюся получить явный знакъ Божія къ себѣ благоволенія въ томъ, что почивший въ ея стѣнахъ святитель сподобился получить отъ Бога даръ чудотвореній, послать записи о чудесахъ во Владимиръ, чтобы онъ прочитывались съ амбона въ каѳедральной митрополичьей церкви и такимъ образомъ становились извѣстными всей Руси²⁾. Чудеса продолжали совершаться при монахахъ св. Петра и послѣ прибытія Феогностова на Русь. Митрополитъ, конечно, не могъ отнять у монхѣй дара чудотвореній; но онъ

которая послѣ составляла придѣлъ Успенского собора (см. въ лѣтописяхъ о построении новаго Успенскаго собора подъ 1472 г.).

¹⁾ Спустя 11-ть лѣтъ послѣ построенія церкви архангела Михаила, въ про-
долженіе 1344—1345-го годовъ, всѣ пять каменныхъ церквей были расписаны
стѣнными письмомъ, которое было произведено отчасти мастерами греческими, отчасти
собственными русскими. Объ этомъ нарочито скажемъ ниже, въ отдѣлѣ о храмахъ
и богослуженіяхъ.

²⁾ См. первое житіе св. Петра, принадлежащее неизвѣстному. Что еще до при-
бытія Феогноста, ясно изъ того, что во Владимирѣ записи о чудесахъ читаль рос-
товской епископъ Прохоръ, очевидно, замѣнившій не прибывшаго еще митрополита
и во всякомъ случаѣ умершій до прибытія Феогностова (въ иѣкоторыхъ спискахъ
житія великимъ княземъ называется Иванъ Даниловичъ, но это ошибка или опи-
бочная поправка вѣсто: Александръ Михайловичъ).

очень могъ не позаботиться о торжественной канонизаціи чудотворца. Феогностъ, побуждаемый, съ одной стороны, желаніемъ воздать должное угоднику Божію, явно прославленному Богомъ, а съ другой стороны—несомнѣнно побуждаемый и желаніемъ содѣйствовать прославленію Москвы, поспѣшилъ торжественнымъ и формальнымъ образомъ причислить Петра къ лику святыхъ. Чтобы придать акту этого причисленія или канонизаціи возможно большую торжественность и твердость, чтѣ также имѣло значеніе въ видахъ политическихъ, митрополитъ не совершилъ его самъ собой, какъ это дѣжалось у насть дотолѣ и на что имѣть онъ право, а искропиль разрѣшеніе на него у патріарха. Сохранилось до настоящаго времени посланіе къ Феогносту константино-польскаго патріарха Іоанна Калеки отъ Юля мѣсяца 1339-го года, въ которомъ патріархъ благословляетъ митрополита причислить Петра къ лику святыхъ¹⁹). Въ своемъ посланіи патріархъ пишетъ митрополиту: «Получили мы писаніе твоего святительства съ извѣщеніемъ и вмѣстѣ удостовѣреніемъ о бывшемъ предъ тобою архіереѣ той же святейшей церкви, что по смерти онъ прославленъ отъ Бога и явленъ истиннымъ угодникомъ Его, такъ что отъ него совершаются великия чудеса и исцѣляются всякия болѣзни. И мы возвеселились о семъ и возрадовались духомъ и возелали Богу подобающе славословіе. А поелику твое святительство и отъ насть искало наставленія о томъ, что должно учинить съ таковыми святыми монцами,—(то отвѣчаемъ) и самъ ты знаешь и не не вѣдаешь, какаго чина и обычая держится въ подобныхъ случаяхъ церковь Божія; получивъ твердо и несомнѣнное удостовѣреніе касательно и сего (святаго), твое святительство да поступаетъ и относительно его всецѣло по тому же уставу церкви: почти и ублажи угодника Божія иѣсопѣніями и священными славословіями и предай сіе на будущія времена, въ хвалу и славу Богу, прославляющему прославляющихъ Его». Канонизація св. Петра имѣла ту особенность, что при семъ монца его не были изнесены изъ гроба, но попрежнему остались скрытыми въ немъ.

Несомнѣнно, что эта канонизація имѣла для Москвы чрезвычайно важное политическое значеніе. Изъ очень длиннаго ряда русскихъ митрополитовъ за трехсотлѣтнее существование русской церкви св. Петръ, благоволивший избрать Москву мѣстомъ своего обитанія, былъ первый, удостоившійся торжественнаго церковнаго прославленія: въ этомъ могли видѣть явный знакъ особеннаго Божія къ ней благоволенія, преди-

¹⁹ Въ Acta Patriarchat. Constantinop. I, 191, и отсюда съ русскимъ переводомъ въ Намѣтникахъ Павлова, приложж. col. 11.

значившаго ей исключительный жребий ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ стѣнахъ своихъ чудотворныя мощи новопрославленаго святителя, Москва необходимо должна была привлекать къ себѣ взоры всей сѣверной Руси. Вообще, гробъ св. Петра, постѣ того, какъ онъ—Петръ былъ канонизованъ, сталъ твердымъ краеугольнымъ камнемъ для нея въ ея стремлений къ политическому возвышенію.

Прибывъ на Русь и утвердивъ свое постоянное пребываніе въ Москвѣ, митр. Феогностъ на другой годъ постѣ прибытія, въ 1329-мъ году, по примѣру своихъ предшественниковъ Кирилла и Максима, а вѣроятно—и св. Петра, ходилъ въ Новгородъ для его посѣщеній.

Во время своего пребыванія въ Новгородѣ онъ долженъ былъ оказать политическую услугу великому князю Ивану Даниловичу. Въ Тверь въ 1327-мъ году приѣхалъ ханскій посолъ (Шевкаль), который самъ лично и чрезъ свою свиту страшно утѣшилъ жителей; дѣло дошло до открытоаго возмущенія со стороны послѣднихъ и произошедшая между Тверичами и Татарами рѣзня окончилась тѣмъ, что посолъ ханскій былъ убитъ, а всѣ бывшіе съ нимъ Татары были перебиты. Тверской князь Александръ Михайловичъ, бывший въ то же время и великимъ княземъ владимирскимъ, допустивъ сдѣлать это (а можетъ быть—и самъ это устроивъ), бѣжалъ изъ Твери и укрылся во Исковѣ, а ханъ (Узбекъ), страшно разгневанный поступкомъ Тверичей, отдалъ великое княженіе Ивану Даниловичу и потребовалъ отъ нового великаго князя, чтобы этотъ представить ему Михаила Александровича. Иванъ Даниловичъ

¹⁾ Въ Степенной книжѣ читаемъ: «Аще въ мнози бѣша пресвященніи митрополиты, иже прежде (святителя Петра) престолъ рускія митрополія украшаху, отъ первого въ Кіевѣ градѣ святѣшаго митрополита Михаила и до Максима митрополита, иже соверша житіе во градѣ Владимира, иже числомъ 23,—всі же сіи пресвященніи митрополиты многи труды и подвиги показаша и многи добродѣтели къ Богу стложаша и всі поспѣшеніемъ Святаго Духа церковь Христову непорочно сохраниша и слово истинныя божественныя благочестію исправиша, и аще тако святіи быша, овіи же отъ нихъ и чудесъ дарованія отъ Бога пріяша, а еще же и получиша небесную почести каждо противу труду своему: на земли же ни единъ отъ нихъ не сподобиша получити въ день памяти ихъ празднества и торжественнаю блаженсива, дошлаже блажоволи Богъ прѣйти и утверждитися кіевской и владимирской державѣ въ болгубисомъ градѣ Москвѣ, идѣже тогда державствова великий князь Иванъ, рекомъ Калита, по отцѣ своемъ блаженному Даниилу Александровичу; и тогда благоволїемъ Божіемъ пріиде во градъ Москву сій Божій чадовѣкъ, великий во святителѣхъ, Петръ, съ иниже вкупе и Божія благодать совиude, якоже самъ пророче и благослови сій Божій святитель, его же и самъ Богъ прослави паче всѣхъ прежде его бывшихъ рускихъ митрополитъ»,—I. 409.

въ сопровождениі другихъ князей и Новгородецъ отправился подъ Исковъ доставать тверскаго князя. Но Исковичи рѣшительно не хотѣли выдавать Александра Михайловича. Тогда Иванъ Даниловичъ обратился съ просьбою къ митрополиту, чтобы онъ наложилъ на тверскаго князя и на Исковичей церковное отлученіе. Какъ видно изъ разсказа лѣтописей, митрополиту, только что прибывшему на Русь, не хотѣлось начинать своей дѣятельности такимъ печальнымъ дѣйствіемъ, какъ церковное отлученіе¹⁾; но, въ концѣ концовъ, онъ былъ вынужденъ исполнить требование великаго князя. Александръ Михайловичъ, не желая, чтобы изъ-за него тяготѣло на Исковичахъ церковное отлученіе, удалился отъ нихъ въ Литву къ Гедимину, а митрополитъ послѣ этого снять съ Исковичей отлученіе.

Возвратившись изъ Новгорода въ Москву и совершивъ въ ней, или, можетъ быть, отчасти въ ней, отчасти во Владимирѣ, въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1329-го—первыхъ мѣсяцевъ 1330-го года, поставленія трехъ новыхъ епископовъ (ростовскаго, сузальскаго и тверскаго²⁾), Феогностъ опять отправился въ южную, волынскую, Русь, чтобы отсутствовать изъ Москвы на довольно продолжительное время. Изъ актовъ патріархіи константинопольской видно, что въ Апрѣль мѣсяца 1331-го года находился въ Константинополѣ митрополит галицкій³⁾, а изъ актовъ, относящихся къ нашей церковной исторіи, видно, что въ Августъ мѣсяца 1331-го года находился при митр. Феогностѣ епископъ галичскій, участвовавъ въ поставлениіи имъ одного нового епископа (черниговско-брянскаго⁴⁾). Два эти извѣстія необходимо понимать и примирять такимъ образомъ, что въ Апрѣль 1331-го года епископу галичскому удалось достигнуть того, чтобы открыта была митрополія галицкая, но что весьма скоро за симъ, къ Августу мѣсяцу того же года, по стараніямъ Феогноста, опять была закрыта. Это открытие галицкой митрополіи и эти старанія обѣ ея закрытия, нѣть сомнѣнія, и заставили Феогноста предпринять путешествіе въ галицко-

¹⁾ Иванъ Даниловичъ и другіе, бывши съ нимъ, князья «начаша узыщевати и молити пресвященнаго митрополита Феогноста, даби отлученемъ и запрещенемъ связалъ» Александра Михайловича,—Икон. лѣт. III, 153.

²⁾ См. указанныя выше греческія записи о поставлениіи митр. Феогностомъ епископовъ. Мѣста поставлениія въ записяхъ, къ сожалѣнію, не обозначаются; но гораздоѣроятнѣе думать, что поставлениія указанныхъ трехъ епископовъ совершены въ Москвѣ или во Владимирѣ, чѣмъ въ Новгородѣ.

³⁾ Acta Patriarchat. Constantinop., I, 164.

⁴⁾ См. указанная выше въ сейчасть помянутыя записи о поставлениіи епископовъ.

волынскую Русь и пробыть тамъ довольно долго, съ Марта—Апрѣля 1330-го года до Апрѣля—Мая 1332-го года ¹⁾.

Виновникомъ настоящаго, весьма не долго продолжавшагося, отдѣленія галицко-волынской Руси въ особую митрополію съ гораздо болѣею вѣроятностію должноѣть быть считаемъ Гедиминъ литовскій, чѣмъ великий князь галицкій, которымъ въ 1331-мъ году былъ послѣдний князь изъ дома Романова Юрий Андреевичъ, ибо этотъ послѣдний Романовичъ представляется государемъ настолько слабымъ, настолько, такъ сказать, одною тѣнию государя, что усвоить ему исканіе для себя отдѣльного митрополита весьма мало вѣроятно. Что касается до Гедимины, то онъ могъ дѣйствовать или самъ непосредственно или чрезъ своего сына Любарта, по христіанскому православному имени Димитрія, который съ 1320-го года сидѣть па удѣлѣ въ волынскомъ Луцкѣ, доставшемся ему послѣ его тестя Льва Юрьевича, младшаго брата вел. кн. Андрея, отца нашего Юрия II. Отвѣтъ на вопросъ: почему Гедиминъ хлопотать о возстановленіи митрополіи галицкой, а не своей литовской, можетъ быть данъ безъ затрудненія. Въ Константинопольѣ гораздо легче было добиться возстановленія митрополіи галицкой, чѣмъ митрополіи литовской: какъ даютъ знать греческие акты, императоръ и патріархъ константинопольскіе, одинъ разъ открывъ митрополію литовскую, не хотѣли больше открывать ея, потому что христіанъ въ самой Литвѣ было весьма мало и что они удобно могли быть завѣдуемы сосѣднимъ епископомъ русскимъ ²⁾.

Во время пребыванія Феогноста въ южной Руси, въ слѣдь за тѣмъ, какъ 25-го Августа 1331-го года онъ поставилъ во Владимирѣ Волынскомъ новгородского архиепископа Василія, присыпали къ нему посольство Исковицъ, съ просьбой поставить имъ своего особаго епи-

¹⁾ Какъ видно изъ тѣхъ же записей о поставлениіи епископовъ по соображеній иихъ съ известіями нашихъ авторовъ.

²⁾ См. у Навлова въ помянутой статьѣ «О началѣ галицкой и литовской митрополій», стр. 33. А что находившійся въ Апрѣль мѣсяцѣ 1331-го года въ Константинопольѣ Гедиминъ былъ несомнѣнно митрополитъ галицкій, а не епископъ, какъ призываютъ иные, это видно, впервыхъ, изъ того, что ему дается титулъ *епископъ*, который никакъ не могъ быть данъ епископу, во вторыхъ—изъ того, что въ записяхъ о закрытіи въ 1347-мъ году митрополіи галицкой, открытой въ 1337—1338-мъ году, говорится, что до того времени она была открываема *по слѣдѣ*—много разъ (у Навлова *ibid.*, стр. 17), между тѣмъ какъ если принять, что Гедиминъ 1331-го года былъ епископъ, то открытій митрополіи до 1347-го года будетъ у насъ и всего два.

скопа. Послѣ отбытія митрополита изъ Новгорода тверской князь Александръ Михайловичъ, ушедшій изъ Пскова въ Литву, снова возвратился во Псковъ, съ тѣмъ чтобы сѣсть въ пемъ на княженіи въ качествѣ подручника Гедимишова. Псковичамъ, отторгавшимся отъ Новгорода въ отношеніи государственномъ, очевидно, желательна была отдѣльность отъ него и церковная, и они, избравъ кандидата въ отдѣльные епископы псковскіе,—пѣкоего монаха Арсения, отправили его къ митрополиту съ просьбой о постѣвлѣніи. Просьба была настоятельно поддерживаема Гедимишомъ и всѣми князьями литовскими. Но Феогнотъ, отчасти, вѣроятно, не желая оскорблать Новгородцевъ и ихъ владыки, а отчасти, вѣроятно, потому именно, что исполненіе просьбы соотвѣтствовало бы видамъ литовскимъ, отказалъ въ ней Псковичамъ, при чёмъ, какъ нужно думать, мотивировалъ свой отказъ Гедимишу чѣмъ нибудь благовиднымъ, т. е. приводилъ какое нибудь каноническое основаніе для отказа.

Изъ галицко-волынской Руси Феогностъ не возвратился прямо въ Москву, но предпринималъ еще путешествіе изъ нея въ Константинополь. Достигнувъ закрытія открытой было митрополії галицкой черезъ своихъ пословъ къ императору и патріарху, онъ, вѣроятно, находилъ нужнымъ свое собственное путешествіе къ нимъ по той причинѣ, что не были совсѣмъ устранины или явились новыя опасности для возстановленнаго единства митрополії.

Возвратный путь изъ Константинополя въ Россію, и именно въ Москву, митрополитъ держалъ черезъ Орду¹⁾). Можетъ быть, ему нужно было видѣть хана, которымъ былъ тогда знаменитый Узбекъ, для какихъ либо дѣлъ церковныхъ; можетъ быть, онъ имѣлъ порученія къ хану изъ Константинополя; а можетъ быть, иаконецъ, и то, что опять шелъ черезъ Орду просто потому, что черезъ нее лежала одна изъ дорогъ, по которымъ ему нужно было возвращаться изъ Константинополя на Русь, и, какъ кажется, одна изъ дорогъ, по которой пан болѣе Ѵздили. Въ Москву митрополитъ прибылъ весной 1333-го года²⁾.

Въ 1341-мъ году произошла въ Ордѣ смѣна хановъ: умеръ сейчасъ помянутый Узбекъ и на его мѣсто вступилъ сынъ его Чанибекъ

¹⁾) Лѣтописи о возвращеніи Феогнота изъ путешествія въ волынскую землю (Никон. лѣт. подъ 1332 годомъ, III, 160).

²⁾) Что въ 1333-мъ году, это говорятъ многія лѣтописи; что весной, это даютъ знать нѣкоторые хронографы, по которымъ митрополитъ, прибывъ въ 1333-мъ году изъ Орды, закладывалъ въ семъ году въ Москвѣ церковь архангела Михаила.

(Джанибекъ¹). Такъ какъ Узбекъ при своемъ вступлениі на престоль узаконилъ, чтобы митрополиты являлись къ новымъ ханамъ за получениемъ утвердительныхъ ярлыковъ, то Феогностъ долженъ быть предпринять путешествіе въ Орду къ новому хану для сейчасъ поманутой цѣли (въ 1342—43-мъ году). Это его путешествіе въ Орду едва было не имѣло для церкви весьма печальныхъ послѣдствій. Когда онъ находился у хана, какіе-то русскіе люди наговорили на него послѣднему, что онъ много безчисленно имѣть дохода и золота и сребра и всякаго богатства и что поэтому весьма справедливо было бы, чтобы онъ платить въ казну ханскую ежегодную дань²). Неизвѣстные русскіе люди, наговорившіе хану на митрополита, были, вѣроятно, какіе нибудь удѣльные князья, потому что митрополитъ, представлявшій собою исключительноного сторонника и друга великаго князя, долженъ былъ имѣть между первыми враговъ и недоброжелателей; а новодомъ къ наговору могло послужить то, что Феогностъ, какъ мы цмѣемъ пѣкоторыя основанія думать, дѣйствительно былъ человѣкъ, нарочито заботившійся объ умноженіи митрополичьихъ доходовъ и въ болѣшей или меньшей мѣрѣ преданный печальной страсти сребролюбія. Внимая наговорамъ, ханъ потребовалъ отъ митрополита, чтобы онъ обязался платить ему ежегодную дань,—съ себя, подразумѣвается, и со всего духовенства. Но если дѣйствительно правда, что Феогностъ наѣкаль было бѣду на русскую церковь своюю заботливостью объ умноженіи митрополичьихъ доходовъ; то онъ же съумѣлъ и предотвратить отъ нея бѣду. Не смотря ни на какія угрозы и старанія ханскихъ чиновниковъ, чрезъ которыхъ ведено было дѣло, онъ рѣшительно отказалъ въ предъявленномъ ему требованіи. Ханъ золотоординскій, конечно, былъ деспотъ; но, во первыхъ, ханъ Чанибекъ былъ изъ числа деспотовъ лучшихъ³); во вторыхъ, и деспоты иногда уступаютъ, когда противъ нихъ твердо борются закономъ. У Монголовъ со временемъ Чингизъ-хана существо-

¹) Чанибекъ, какъ замѣчали мы выше, вступилъ на ханскій престоль не непосредственно послѣ Узбека, а послѣ весьма недолгаго сидѣнія на немъ своего старшаго брата Тинибека.

²) Никон. лѣт. III, 179. Въ Новгородской лѣтописи сказано, что наговорили хану на митрополита калантай (напечатано: Калантай). Такъ какъ по Гаммеру «калантай» значить подать (Geschichte d. gold. Horde, S. 217, прим. 6), то калантай должно значить: сборщики податей.

³) Наши лѣтописи отзываются о немъ: «бѣ сей парь Чанибекъ Азбяковичъ юбъ зѣло ко христіанству, многу лготу сотвори землѣ русѣй».—Никон. лѣтоп. II, 209.

валь органический государственный законъ, находившійся въ знаменитой Иѣ (какъ называлось собраніе законовъ, изданное Чингизханомъ), что духовенства всѣхъ вѣръ должны быть свободны отъ даней. Нѣть сомнѣнія, что, опираясь на этотъ законъ, митрополитъ и усилилъ отстоять неприкословенность правъ русскаго духовенства. Все таки однако онъ не просто взялъ, а долженъ былъ купить себѣ побѣду: на подарки хану, ханшѣ и ихъ чиновникамъ онъ долженъ былъ истратить шесть сотъ рублей (каковая, на первый взглядъ небольшая, сумма на самомъ дѣлѣ составляетъ немалую сумму шестиценти или болѣе тысячу нынѣшихъ кредитныхъ рублей¹⁾). Но всей вѣроятности, значительная часть изъ этой суммы досталась женѣ хана знаменитой Тайдулѣ, ибо она, въ знакъ своего благоволенія къ митрополиту, дала ему свой собственный ярлыкъ сверхъ ярлыка хана—своего мужа: приобрѣтеніе Феогностомъ благоволенія этой ханши должно быть считаемо большими добромъ, извлеченіемъ изъ худа.

При вступлении на каѳедру Феогносту удалось закрыть открытую было митрополію литовскую; въ 1331-мъ году ему удалось закрыть вторично было открытую митрополію галицкую: но эта послѣдня митрополія спустя шесть лѣтъ послѣ 1331-го года вновь была открыта. Въ актѣ константинопольской патріархіи, не имѣющемъ даты, по которому долженъ быть относимъ ко второй половинѣ 1337-го—къ началу 1338-го года²⁾, значится находящимся въ Константинополѣ митрополитъ галицкій,—и къ этому 1337—1338-му году и должно быть относимо третіе открытие митрополіи галицкой³⁾. Исторія этого открытия также совсѣмъ неизвѣстна, какъ и предшествующихъ двухъ. Во всякомъ случаѣ, что касается до государя, которому должны быть усвоены старанія

¹⁾ См. переложеніе старыхъ денегъ на новые въ статьѣ *В. О. Ключевского: «Русский рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ вышѣшнему»*, напечатанной въ I книгѣ Член. Общ. Ист. и Древн. за 1884-й годъ.

²⁾ Acta Patriarchat. Constantinop., I, 171 нач.. Актъ занимаетъ мѣсто между актами съ датой—отъ Іюля 1337-го года и отъ Февраля 1338-го года.

³⁾ Правда, что импер. Ioannъ Кантакузинъ и патр. Исидоръ въ своихъ грамотахъ о закрытіи третьей галицкой митрополіи относятъ ея открытие ко времени происходившихъ въ Константинополѣ смутъ, каковыя смуты, состоявъ въ междуусобной войнѣ между матерью малолѣтняго императора Ioanna Палеолога и правителемъ государства, послѣдующими соимператоромъ Ioannомъ, самимъ нашимъ Кантакузиномъ, начались въ Октябрѣ 1341-го года. Но должно думать, что императоръ и патріархъ только сваливаютъ вину на смуты, чтобы представить открытие галицкой митрополіи дѣломъ предосудительнымъ (въ дѣйствительности, между смутами и открытиемъ митрополіи нельзя усматривать никакой внутренней связи).

объ открытии митрополии: то изъ трехъ государей, между которыми въ 1337—1338-мъ году были раздѣлены Галиція съ Волынью и вся юго-западная Русь, старанія должны быть усвоены Гедимину съ его сыномъ Любартомъ, ибо третій государь,—мазовецкій княжичъ Болеславъ Тройденовичъ, получившій въ качествѣ женина наследства именно въ 1337-мъ году собственную Галицію, помышлялъ не о томъ, чтобы возстановить постѣдней митрополію, а чтобы ввести въ ней католичество. Эта третья галицкая митрополія существовала до Августа мѣсяца 1347-го года, т. е. въ продолженіе 10-ти или 10-ти съ небольшимъ годовъ¹⁾.

Въ греческихъ актахъ о закрытии митрополіи сообщаются официальные свѣдѣнія о предѣлахъ, которыя она имѣла, именно—она обнимала Галицію, Волынь и юго-западную литовскую Русь. Епархіи, принадлежавшія къ ней, поименовываются: владимирская, холмская, перемышльская, луцкая и туровская²⁾. Въ государственномъ отношеніи область митрополита, какъ мы сказали сейчасъ выше, не принадлежала какому нибудь одному владельцу, а раздѣлялась между тремя владельцами или слагалась изъ трехъ частей, принадлежавшихъ разнымъ владельцамъ: Галиція сначала имѣла собственнаго государя въ лицѣ поминутаго Болеслава Тройденовича, а потомъ сполна или не сполна досталась королю польскому; государемъ Волыни былъ, одну часть ея

¹⁾ Король польской Казимиръ, просившій въ 1370-мъ году у патріарха константинопольского особаго митрополита для Галиціи, писалъ въ своей къ нему о семъ грамотѣ: «Отъ вѣка вѣковъ Галичъ слыть митрополію во всѣхъ странахъ и быть престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ: первый митрополитъ вашего благословенія Нифонтъ, второй митрополитъ Петъръ, третій митрополитъ Гавріль, четвертый митрополитъ Феодоръ,—у *Павлова* ibid. col. 126. Принимая Нифонта за первого галицкаго митрополита, поставленного въ 1303-мъ году и разумѣя подъ Петромъ митрополита всея Россіи св. Петра, который былъ посланъ въ Константинополь ставиться въ отдѣльные митрополиты галицкіе, относительно Гавріла и Феодора можно думать, что ихъ нужно поставить одного па мѣсто другого и что второй изъ нихъ былъ митрополитъ 1331-го года, такъ какъ мы положительно знаемъ изъ греческихъ записей о поставлении Феогностомъ епископовъ, что митрополитъ 1331-го года назывался Феодоромъ, а первый—митрополитъ 1337—1338-го года.

²⁾ Греческіе акты о закрытии митрополіи въ числѣ шести, именно—хризовуль импер. Иоанна Кантакузина отъ Августа мѣсяца 1347-го года и грамоты его—къ кнтр. Феогносту, вел. кн. Симеону Ивановичу и князю Любарту Гедиминовичу, отъ Сентября мѣсяца того же года, постановленіе патр. Исидора и грамота его къ бывшему галицкому митрополиту отъ второго изъ двухъ указанныхъ мѣсяцевъ того же года,—въ *Памятник. Павлова*, col. 13 seqq. №№ 3—8.

получившій по наслѣдству, а другую захватившій силой, сынъ Гедиміновъ Любартъ; государемъ третьей части Руси, входившей въ составъ митрополії, былъ великий князь литовскій ¹⁾). Въ свѣдѣніяхъ, которыя сообщаются актами относительно области митрополії, есть одинъ непонятный для насъ пунктъ. Въ числѣ епархій митрополії поименовывается епархія туровская; а такъ какъ область туровская въ государственномъ отношеніи несомнѣнно припадлежала тогда Литвѣ, то изъ сего несомнѣнно слѣдуетъ, что и литовская или принадлежавшая Литвѣ Русь входила въ область митрополії. Между тѣмъ въ числѣ епархій митрополії не упоминается другая литовско-руссская епархія полоцкая. Вѣроятнѣйшей причиной умолчанія представляется памъ слѣдующее. Въ канцеляріяхъ императорской и патріаршіей не было известно, какія епархіи входили въ составъ митрополії галицкой, открытой въ 1337—1338-мъ году; но въ нихъ известно было, какія епархіи входили въ составъ митрополії галицкой, открытой въ первый разъ, въ 1303-мъ году. Предполагая, что составъ епархій митрополії, открытой въ 1337—1338-мъ году, былъ тотъ же, чтѣ митрополіи, открытой въ 1303-мъ году, канцеляріи и перечисляютъ въ актахъ тѣ епар-

¹⁾ Послѣ великаго князя галицкаго Юрія Львовича, погибшаго въ концѣ 1315-го года при оборонѣ города Владимира отъ Гедиміна, остались два сына Андрей и Левъ, изъ которыхъ первый занялъ престолъ великокняжескій во Львовѣ (составлявшемъ тогдашнюю столицу великаго княженія), а второй сѣлъ на удѣлѣ въ Луцкѣ. Льву Юрьевичу, умершему до 1320-го года, какъ принимаютъ—въ 1319-мъ году, наследовалъ на удѣлѣ луцкомъ зять его, мужъ его дочери, Любартъ, сынъ Гедиміна. Послѣ Андрея Юрьевича, умершаго въ 1324-й году, остался сынъ Юрий, который, бывъ бездѣтнымъ, занималъ престолъ до 1337-го года и на которомъ кончился рядъ или пресекся родъ князей галицкихъ. Юрію Андреевичу наследовалъ Болеславъ Тройденовичъ, сынъ польского казовецкаго князя Тройдена, мать котораго, а жена Тройдена, была дочерью или Юрія Львовича или Андрея Юрьевича. Послѣ смерти Болеслава, за приверженность къ католичеству, а, можетъ быть, и за другое что отравленаго галицкими боярами 25-го Марта 1340-го года, собственною Галиціей овладѣлъ король польскій (въ продолженіе 9-ти лѣтъ до 1349-го года боровшійся съ упорными возмущеніями,—Длугопѣ), Вѣликою Любартъ Гедиминовичъ съ своими братьями (согдоговоръ сыновей Гедиміна съ королемъ польскимъ, напеч. въ Акт. Западн. Росс. т. I, № 1), а западную Русью, такъ сказать, надволовину, насколько она еще не была покорена великими князьями литовскими, овладѣли эти послѣдніе.—Въ Литвѣ на престолѣ великокняжескомъ до конца 1341-го года сидѣлъ Гедимінъ; Гедимину наследовалъ сынъ его Евпіутъ, который въ 1345-мъ году скончалъ съ престола своимъ братомъ, знаменитымъ Ольгердомъ.

хіи, которые составили митрополію 1303-го года. А такъ какъ епархія полоцкая не входила въ составъ митрополіи 1303-го года, то по сей причинѣ ея и не значится въ числѣ епархій митрополіи 1337—1338-го года.

Въ актахъ сообщается намъ иѣчто и изъ внутренней исторіи митрополіи, именно—патріархъ въ своемъ постановлениі объ ея закрытіи разрѣшаетъ и собориѣ снимастъ церковное запрещеніе, которое произнесено было противъ епископовъ и другихъ лицъ, не хотѣвшихъ повиноваться митрополиту ¹⁾). Затѣмъ узнаемъ, что митр. Феогностъ и прежде закрытія митрополіи и при самомъ закрытіи взводилъ на бывшаго митрополита какія-то, къ сожалѣнію, остающіяся вовсе неизвѣстными, обвиненія, — что вслѣдствіе сихъ обвиненій императоръ и патріархъ рѣшили по закрытіи митрополіи подвергнуть бывшаго митрополита соборному суду постѣдного и что патріархъ призывалъ его па свой соборный судъ. Императоръ пишетъ въ своей грамотѣ къ митр. Феогносту: «Относительно галицкаго митрополита мое царское величество опредѣлило, чтобы онъ прибылъ сюда на судъ по возводимымъ на него обвиненіямъ, которыми ты и прежде возбуждалъ противъ него и теперь онять возбуждаешь», и приглашаетъ митрополита для предъявленія обвиненій патріаршему собору или явиться самому лично или прислать уполномоченныхъ ²⁾). Патріархъ въ своей грамотѣ къ бывшему галицкому митрополиту пишетъ: «Противъ твоего святительства предъявлены обвиненія, требующія соборного разслѣданія, посему предписываемъ тебѣ представать и явиться на нашъ сиащеній и божественный соборъ, дабы по соборномъ изслѣданій тѣхъ обвиненій состоялось, чтѣ признано будетъ канонически справедливыми ³⁾.

¹⁾ Въ Намятникахъ *Павлова* col. 38. Постановленіе говорить въ данномъ мѣстѣ не совершенно ясно, такъ что не видно, кѣмъ именно произнесено было отлученіе—митрополитомъ или патріархомъ. Подлинныя слова постановленія суть: «Мы (патріархъ съ соборомъ) отмѣняемъ недавно состоявшееся, во время смуты, при бывшемъ передъ вами патріархѣ (Иоаннѣ Калекѣ, который низложенъ былъ 2-го Февраля 1347-го года) соборное дѣяніе о галицкой (митрополіи), разрѣшавшая и снимавшая собориѣ произнесенное тогда противъ епископовъ и другихъ лицъ, не повинувшихся галицкому митрополиту, церковное запрещеніе, какъ неправильно учиненное». — Епископъ владимиро-волынскій Даниилъ, который жилъ въ Переяславль Заліцкомъ и который въ 1344-мъ году поставилъ въ игумены преп. Сергія Радонежскаго, долженъ быть считаемъ однимъ изъ епископовъ, подпавшихъ церковному запрещенію митрополита или патріарха, и изъ-за вражды съ митрополитомъ удалившися въ сѣверную Россію.

²⁾ У *Павлова* col. 24.

³⁾ Ibid. col. 40. Весьма подозрѣвается намъ, что обвиненіе, которое изводилъ Феогностъ на митрополита галицкаго до закрытія и постѣ закрытія митрополіи со-

Имъемъ иѣкотория свѣдѣнія и о закрытіи митрополіи. Въ Никоновской лѣтописи читается подъ 1347-мъ годомъ: «Того же лѣта пресвященный Феогнастъ, митрополитъ киевскій и всея Русіи, посовѣтова иѣчто духовниѣ съ сыномъ своимъ великимъ княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царыградъ къ патріарху о благословеніи»¹⁾. Подъ благословеніемъ, которое желали получить митрополитъ и князь отъ патріарха, вѣроятно, надлежить разумѣть благословеніе 3-го брака Симеона Ивановича, иѣ который онъ вступилъ, отославъ отъ себя вторую жену²⁾; но вмѣстѣ съ просьбой къ патріарху о благословеніи брака обращена была къ императору съ патріархомъ и просьба о закрытіи галицкой митрополіи. Объ этой посѣдней просьбѣ императоръ иѣ своемъ хризовутъ о закрытіи митрополіи говорить: «Гамошие (руssкіе) христіане не теряютъ нарушений своего обычая (состоящаго иѣ томъ, чтобы быть имъ подъ наствою одного митрополита); вотъ и теперь обѣ

стояло въ томъ, что митрополитъ галицкій, при содѣйствії Гедимина, осваивалъ у него—митрополита всяя Россіи каѳедральный городъ его митрополіи Кіевъ. Очень вѣроятно, что въ 1337—1338-мъ году, когда открыта была митрополія галицкая, Кіевъ въ государственномъ отношеніи уже принадлежалъ Литвѣ, т. е. уже былъ завоеванъ Гедиминомъ; но если еще и не принадлежалъ Литвѣ, то во всякомъ случаѣ находился въ такой вассальной отъ нея зависимости, которая дѣлала возможнымъ для митрополита галицкаго его освоеніе у митрополита всяя Россія, ибо въ подобной вассальной зависимости, какъ это видно изъ разсказа Новгородской лѣтописи о путешѣствіи новгородского архіепископа Василія въ волынскую землю къ митрополиту для посвященій, Кіевъ находился еще въ 1331-мъ году. Къ подтвержденію нашего подозрѣнія между прочимъ служить то, что въсѣ иѣтъ изѣстій, чтобы Феогностъ хотя одинъ разъ былъ въ Кіевѣ.

1) III, 186.—У Татищева вмѣсто читаемаго въ Никоновской лѣтописи читается слѣдующее неожиданное: «Пресвященный Феогностъ митрополитъ имѣ соборъ о дѣлахъ духовныхъ ко исправленію монастырскаго служенія и служителей церковныхъ; и уставиша начало года отъ Сентемврія 1-го числа (что есть совершенная неправда), и списавше списокъ посла князь великий Симонъ Ивановичъ со архимандритомъ Рожественскимъ въ Царыградъ къ патріарху, о благословеніи проса».—IV, 163, ск. также I, 67, (изъ Татищева московскій соборъ 1347-го года и въ Исторіи іерархіи,—I, 264).

2) Первой женой Симеона Ивановича была княжна ливовская Августа или Айгуста, нареченная въ крещеніи Анастасіей, съ которой онъ былъ вѣнчанъ зимой 1333-го года и которая умерла 11-го Марта 1345-го года; второй женой его была Еніраксія, дочь смоленскаго князя Федора Святославича, съ которой онъ вѣнчался лѣтомъ 1345-го года и которую отославъ назадъ къ отцу въ слѣдующемъ 1346-мъ году; третьей женой его была Марія, дочь тверскаго князя Александра Михайловича, съ которой онъ вѣнчался въ 1347-мъ году.

этомъ дѣлѣ доносить моему царскому величеству благородѣйшій великий князь Русланъ Симеонъ и вмѣстѣ съ другими тамошними князьями просить, чтобы моимъ царскимъ хризовуломъ (отдѣленыя въ особую митрополію) епископіи снова подчинены были святѣйшей митрополіи киевской, какъ было и прежде¹⁾). Современный греческий историкъ Никифоръ Григора сообщаетъ, что вел. кн. Симеонъ Ивановичъ имѣетъ съ другими русскими князьями прислать импер. Ioanu Кантакузину большую сумму денегъ на возобновленіе упавшей въ 1345-мъ году восточной апостоліи константинопольской св. Софіи²⁾). Принимая, что деньги были посланы именно въ 1347-мъ году или около 1347-го года, не невѣроятно будетъ думать объ ихъ отношеніи къ закрытю галицкой митрополіи одно изъ двухъ, именно—или что они составляли благодарность за это закрытіе или что закрытіе послѣдовало отчасти въ благодарность за нихъ³⁾.

Подобно тремъ своимъ послѣ-монгольскимъ предшественникамъ, Феогностъ предпринималъ путешествія по своей митрополіи: кромѣ посѣщенія имъ Новгорода въ 1329-мъ году и кромѣ двухъ его путешествій въ волынскую землю, мы знаемъ еще изъ лѣтописей и изъ сохранившихся историческихъ актовъ, что въ 1340-мъ году онъ былъ въ Брянскѣ, что въ 1341-мъ году онъ во второй разъ посѣтилъ Новгородъ, что въ 1348—1349-мъ году во второй разъ путешествовалъ въ волынскую землю (возвращенную ему въ 1347-мъ году) и что когда-то онъ былъ въ Костромѣ (принадлежащей къ его собственной епархіи⁴⁾).

¹⁾ У *Павлова* col. 16.

²⁾ Hist. Byzant. lib. XXVIII, cap. 35, и lib. XXXIV, cap. 31, ed. Bonn. pp. 192 бп. и 516. О паденіи апостоліи св. Софіи см. у *Византія въ Константинопольѣ*, I, 511. О возобновленіи ея говорится въ одномъ актѣ конца 1348-го года.—Acta Patriarchat. Constantipor., I, 275.

³⁾ Въ грамотѣ императора къ Любарту дѣло представляется такъ, что будто епископъ галицкій возведенъ былъ въ митрополиты помимо исканій его—князя и что если онъ принялъ его, то лишь изъ благополучанія и покорности святой Богородичной церкви,—у *Павлова* col. 34. Но необходимо думать, что это только греческая дипломатія: не искаль-де ты—князь открытия митрополіи, следовательно—ничего тебѣ огорчаться и ея закрытиемъ.

⁴⁾ О пребываніи въ Брянскѣ, посѣщеніи Новгорода и путешествіи въ волынскую землю знаемъ изъ лѣтописей; о пребываніи въ Костромѣ,—изъ грамоты св. Алексія на Червлений Яръ, напечатанной въ I томѣ Актовъ Историческихъ, № 3, и перепечатанной въ Намятникахъ *Павлова*, № 19. Въ Брянскѣ митр. Феогносту, подобно тому какъ это имѣло мѣсто съ св. Петромъ, случилось быть во время крамолы, о чёмъ въ той же, что о св. Петре, Воскресенской лѣтописи читается:

Но одно свидѣтельство о путешествіяхъ Феогнosta, которое мы имѣемъ, даетъ намъ подозрѣвать, что онъ служилъ не столько къ пользѣ управлениія, сколько къ отягощению духовенства. О прѣѣздѣ митрополита въ Новгородъ въ 1341-мъ году Новгородскій лѣтописецъ говоритъ: «прѣѣхъ митрополитъ Феогностъ Гречинъ въ Новгородъ съ многими людми, тяжко же бысть владыцѣ и манастиремъ кормомъ и дары». Т. е. митрополитъ требовалъ отъ архиепископа (съ бѣлымъ духовенствомъ) и отъ монастырей слишкомъ дорогихъ кормовъ себѣ и своей многочисленной свитѣ и какъ себѣ, такъ и свитѣ, слишкомъ большихъ даровъ.

Во время бытности въ Костромѣ митр. Феогностъ держалъ соборъ. Но обѣ этомъ соборѣ, кроме того, что имъ рѣшено было споръ между двуми епископами о границахъ епархій (ризанскимъ и сарайскимъ¹), болѣе намъ ничего неизвѣстно. По сообщенію одной лѣтописи, въ 1353-мъ году, не задолго до смерти Феогнosta, былъ «снемъ на Москвѣ (великому князю) Семёну (Ивановичу) и князю Константину Васильевичу (суздальскому) про причеть церковныи»²). Но о чёмъ именно былъ снемъ или съездъ, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ. Возможно, что соборъ и снемъ сдѣлали какія нибудь важныя постановленія, которая весьма должно было бы знать намъ: но, какъ много разъ говорили мы прежде и какъ не мало разъ придется сказать намъ и послѣ, лѣтописцы наши ведутъ себя по отношенію къ церковнымъ дѣламъ такъ, что теперешнимъ историкамъ церкви остается только плакать...

Въ послѣдователіи къ одной рукописи, написанной при вел. кн. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ въ 1339-мъ году, утверждается, что «при его державѣ престали безбожныя ереси»³. Если писецъ рукописи, обнаруживающей въ своемъ послѣдователіи (пространномъ) наклонность къ сочинительству, просто на просто не сочиняетъ ересей или же если онъ не разумѣеть подъ ерсями чего-нибудь въ несобственномъ смыслѣ этого слова: то пока мы совершенно ничего не можемъ ска-

«Тое же (1340-го года) зимы, мѣсяца Декабря 6, убила Брянцы Глѣба Святославича, выведше изъ церкви святаго Николы; бѣ же въ то время въ Брянске въ митрополитъ Феогностъ, и не возможе увѣти въ».

¹⁾ См. сейчасъ помянутую грамоту св. Алексія.

²⁾ Новгородской 4-й,—Собр. лѣтт. IV, 60.

³⁾ Послѣдователіе напечатано въ Библіографическомъ Словарѣ Строгова, стр. 2 првя., и въ Свѣдѣніяхъ въ замѣткахъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ Среднєвѣка, № LXXXVI.

зать объ ересиахъ, бывшихъ при Иванѣ Даниловичѣ и въ первую половину правленія митрополита Оеогноста.

Мы говорили выше, что въ правленіе св. Петра началась у нась обличительная проповѣдь противъ существовавшаго у нась, въ сѣльѣ за Грецію, обычная взиманія епископами платы за постановленія въ церковныхъ степеніи. Въ правленіе митр. Оеогноста проповѣдь продолжалась. Изъбѣстъ въ настоящее время сборникъ, составленный при Иванѣ Даниловичѣ († 1340), который надписывается: «Книга, нарицаемая Власіемъ, рече худа на еретики,—главы различныя отъ евангелія и отъ канонъ святыхъ отецъ, въ иныхже обличенія Богомъ испавнистыхъ злочестивыхъ духоподражныхъ ересей». Въ сборникѣ, состоящемъ изъ 67 главъ, сведены въ одно мѣсто каноническая постановленія церкви и неканоническая писанія отцовъ противъ симоніи или постановленія на мадѣ. Цѣль сборника, какъ это ясно изъ его содержанія, состоить въ томъ, чтобы дать въ немъ противникамъ взиманія платы за постановленія папошлю или всеоружіе для борьбы противъ обычая и противъ его защитниковъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить о сборникѣ близайшихъ свѣдѣній, потому что онъ изъбѣстъ намъ только по весьма краткому описанію¹⁾.

Въ правленіе митр. Оеогноста, въ 1348-мъ году, какъ сообщаютъ наши лѣтошицы, русскіе наши богословы были вызываемы на международный диспутъ съ богословами латинскими. Сосѣдня съ нами Швеція, бывшая чрезвычайно преданною католичеству, въ сѣльствіе возбужденій, дѣланыхъ изъ Рима, рѣшилась на такія попытки, какъ покореніе нась-Русскихъ латинству силою оружія. Мы говорили выше, что походъ Шведовъ на Новгородъ 1240-го года, въ которомъ они потерпѣли страшное пораженіе отъ Александра Ярославича Невскаго, быть ни чѣмъ инымъ, какъ крестовыми ихъ походомъ на нась, предпринятыми съ此刻а указанію цѣлію. Черезъ столѣтіе съ четвертью послѣ этого пораженія Шведы надумали предпринять новый крестовый походъ противъ Россіи. Но на сей разъ, какъ разсказываютъ наши лѣтошицы, прежде чѣмъ обращаться къ оружію, они вызывали нашихъ богослововъ на диспутъ съ ихъ богословами. Въ Новгородской лѣтошице подъ 1348-мъ годомъ читаемъ: «Магнушъ, король свѣйской земли, присласть въ новгородцемъ, рекъ: ионшѣте на съѣздъ свой философы, (а) азъ посмо свой философы, дажъ поговорить (чтобы поговорили)

¹⁾ О сборникѣ, открытомъ въ одной изъ рукописей бывшей библіотеки Софіевского монастыря, выѣѣ принадлежащей Казанской Духовной Академії. см. Православн. Собесѣдникъ 1867 г., ч. II, стр. 236.

про вѣру; а азъ то хощу слышеть, коя будеть вѣра лучши; а иже (если) ваша будеть вѣра лучши, ино азъ иду въ вашу вѣру, или пакы аще наша вѣра лучши, и вы поидѣте въ нашу вѣру, и будемъ вси за единъ человѣкъ, или не поидете (а если не пойдете) въ единачество, и азъ хощу или на васъ со всею мою силою». Швеція имѣла въ XIV вѣкѣ иѣкоторое образованіе, должна была имѣть ученыхъ до иѣкоторой степени богослововъ, и иѣть сомиѣнія, что король шведскій быть совершиенно увѣренъ въ побѣдѣ своего философа надъ философомъ русскимъ. Въ Новгородѣ паоборотъ должны были очень хорошо сознавать, что нашимъ богословамъ вовсе не выйти побѣдителями изъ предлагавшейся ученой битвы. Получивъ отъ короля вызовъ, новгородская власти, съ тогданимъ владыкою Василіемъ во главѣ, устроили общеноародное совѣщаніе и послѣ совѣщанія отвѣчали Магнусу: «аще хощени увѣдати, коя вѣра лучши,—наша ли или ваша, пошли въ Царыградъ къ патріарху, зане мы приѣли отъ Греца православную вѣру, а съ тобою ся не спрашаемъ про вѣру». Послѣ отказа Новгородцевъ отъ пренія о вѣрѣ король дѣйствительно пошелъ на нихъ войной, но война была небольшая и имѣла благополучный для Новгородцевъ конецъ¹⁾.

¹⁾ Въ нашихъ лѣтописяхъ (Никоновск. и Воскресенск. подъ 1352 г.,—первая: III, 198, Степен. кн. I, 484, сѣгъ *Карам.* IV, прим. 348) читается рукопи-саніе или духовное завѣщаніе Магнуса, въ которомъ онъ приказываетъ своимъ дѣтямъ и своимъ братьямъ и всей землѣ свѣтской не наступать на Русь вопреки крестного цѣлованія: «занеже—говорить король—намъ не пособляется», т. е. мы въ своихъ нападеніяхъ на Русскихъ не имѣемъ успѣха. Рассказавъ объ этихъ не-успѣшныхъ нападеніяхъ, начиная съ того, которое было при Александрѣ Ярославичѣ въ 1240-мъ году, Магнусъ говоритъ о себѣ, что послѣ двухъ походовъ на новгородскую землю онъ потерпѣлъ страшное кораблекрушеніе.—что шведскую землю послѣ того постигли всякия бѣдствія, а что у него самого Богъ отнялъ умъ. такъ что онъ сидѣлъ годъ въ палатѣ, будучи прикованъ къ стѣнѣ желѣзной цѣпью. Изъ палаты меня вынѣлъ—говорить Магнусъ—сынъ мой Сакунъ, ирѣхавъ изъ Норвегіи: но когда онъ повезъ меня въ Норвегію, меня снова постигла буря и я на днѣ разбитаго корабля плавалъ три дня и три ночи, пока не принесень былъ вѣтромъ подъ монастырь святаго Спаса въ Нолшу рѣку (Нолна рѣка есть финляндская рѣка Аура-юки, на которой стоитъ городъ Абовъ, см. Изаѣдованія *Лернеры*, русск. перев. стр. 159). Въ монастырѣ Магнусъ постригся въ монахи и написалъ свое духовное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи, не знаемъ—насколько подлинномъ, подъ монастыремъ св. Спаса разумѣется латинскій монастырь (находившійся въ Абовѣ или выше его на рѣкѣ). Но монахи нашего русскаго монастыря св. Спаса, находящагося на островѣ Валаамѣ, любители необыкновенныхъ преданій (посѣщеніе ихъ

Одновременно съ тѣмъ, какъ отказываться отъ преній съ богословами латинскими, богословы наши имѣли свои пренія домашнія. Отъ владыки новгородского Василія, который въ 1348-мъ году отклонилъ вызовъ короля шведскаго и который умеръ въ 1352-мъ году, сохранилось до настоящаго времени посланіе къ епископу тверскому Феодору о земномъ раѣ¹⁾). Изъ этого посланія и узнаемъ, что въ Твери происходили распри о томъ, погибъ или не погибъ земной рай, въ которомъ было поселенье Богомъ Адамъ по сотвореніи и въ которомъ онъ пребывалъ въ состояніи невинности. Епископъ тверской Феодоръ принадлежалъ къ сторонѣ тѣхъ, которые утверждали, что рай этотъ погибъ, т. е. болѣе не существуетъ. Но архіепископъ новгородскій быть противоположнаго мнѣнія. Узнавъ о происходящихъ въ Твери расприахъ и о томъ, какого мнѣнія держится епископъ, владыка Василій и написалъ къ Федору посланіе, въ которомъ утверждается, что рай не погибъ, но существуетъ и до сихъ поръ. Свое мнѣніе архіепископъ доказываетъ ссылкою на апокрифы, въ которыхъ говорится о нѣкоторыхъ святыхъ, будто одинъ изъ нихъ жили близъ рая, а другіе были въ немъ самомъ, и наконецъ ссылкою на своихъ новгородскихъ кун-

острова ап. Андреемъ), отнесли это къ себѣ и сочинили преданіе, будто Магнусъ потерпѣлъ бурю въ Ладожскомъ озерѣ, будто онъ спасся въ ихъ монастырѣ, будто у нихъ въ монастырѣ онъ принялъ православіе, востригся въ монашество, окончилъ свою жизнь и былъ погребенъ, см. Исторія іерархіи III, 489 fin. (Стихотворную эпитафию, вырезанную на деревянной доскѣ и находящуюся на воображаемой могилѣ Магнуса, см. у А. Н. Муравьевса въ Путешествіи по святымъ мѣстамъ русскимъ, ч. I, 6 изд. стр. 311, также у Немировича-Данченко въ Ноѳздрѣ на Валаамѣ (котораго не имѣмъ въ настоящую минуту подъ руками, чтобы цитировать обстоятельства). Эпитафія вовсе не древняя, въ чёмъ какъ будто увѣряли Валаамскіе монахи Муравьевса, а сочиненная какимъ-то стихоплетомъ и дѣсочинителемъ въ не особено давнее время, см. Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому Н. Озерникову, напечатанное въ Петербургѣ, въ 1792-мъ году, стр. 75, и указанный III томъ Исторіи іерархіи, напечатанный въ 1811-мъ году, стр. 490 нач., въ которыхъ прямо и ясно говорится, что никакой надписи на минной могилѣ Магнуса нѣть. Озерниковскому монаху какъ будто не умѣли назвать иноческаго шведскаго короля и по имени, ибо онъ говорить: «Возлѣ монастыря находится цѣлая кленовая рощица, въ которой показываютъ пустынники могилу нѣкотораго шведскаго государя»).

¹⁾ См. его въ Степенной книгѣ, I, 480, въ Софійской I-й и Воскресенской цѣльонисахъ подъ 1347 годомъ. Въ Твери были сряду два епископа Феодора: первый 1330—1342, второй до 1360 года. Если относить посланіе къ 1347-му году, подъ которымъ оно помѣщается въ цѣльонисахъ, то оно адресовано ко второму Феодору.

цовъ, которые, плавая по Черному или Каспийскому морю, будто бы занесены были бурею къ мѣсту святаго рая. Подробиѣ объ этомъ посланий архіепископа Василія къ епископу Феодору и объ его содѣжаніи мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ 1353-мъ году, передъ самою смертю митр. Феогноста, архіепископъ новгородскій Мовсей, не задолго передъ тѣмъ во второй разъ занявшій каѳедру вмѣсто умершаго Василія, послалъ пословъ въ Константинополь къ императору и патріарху, «прося отъ нихъ, по свидѣтельству Новгородской лѣтописи, благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насилиемъ отъ митрополита». Къ сожалѣнію, остается намъ неизвѣстнымъ положительно, въ чёмъ именно состояли непотребныя вещи. Никоновская лѣтопись даетъ знать, что жалоба была относительно проторей на поставленіяхъ и относительно церковныхъ пошлинь святительскихъ¹⁾). Такъ какъ не могла имѣть мѣста жалоба относительно проторей, которыхъ взимались епископами съ низшаго духовенства, ибо невозможно предполагать того случая, чтобы митронолитъ понизилъ размѣры этихъ проторей: то необходимо разумѣть ипротори, которыхъ взимались митрополитами съ самихъ епископовъ и понимать дѣло такъ, что Феогноть слишкомъ много взялъ или потребовалъ съ Мовсея за вторичное занятіе имъ каѳедры²⁾). Что касается до церковныхъ святительскихъ пошлинь, то подъ ними должно разумѣть тѣ пошлины, которыхъ взимались митрополитами съ низшаго духовенства всей митрополіи и понимать дѣло такъ, что Феогноть возымѣть эти пошлины. Рѣшеніе патріарха по жалобѣ архіепископа

¹⁾ Лѣтопись, III, 206, говоритъ, что въ отвѣтномъ посланіи патріарха новгородцамъ, которое не дошло до насъ, содержалось «о проторехъ на поставленіяхъ и о церковныхъ пошлинахъ святительскихъ».

²⁾ Архіепископъ Мовсей, оставилъ въ первый разъ каѳедру, постригся въ схиму, а правила канонической запрещаютъ архіереймъ, принимающимъ схиму, возвращаться къ прежнему достоинству,—собора въ храмѣ Премудрости пр. 2 (въ позднѣйшее время оно понимаемо было именно о схимѣ, какъ о настоящемъ монашествѣ,—отвѣты константинопольского собора епископу сарайскому Феогносту): нарушение правилъ каноническихъ и могло имѣть своимъ слѣдствиемъ нарочитое возвышеніе платы. Впрочемъ, должно быть замѣчено, что на показаніе Никоновской лѣтописи нельзя особенно полагаться: о грамотахъ патр. Антонія въ Новгородъ отъ 1393-го года лѣтопись говоритъ, что онѣ были «о проторехъ и исторехъ, иже на поставленіяхъ священничихъ»—IV, 255 фин.; между тѣмъ въ этихъ, дошедшихъ до насъ, грамотахъ (въ Памятн. Павл. №№ 37 и 38) говорится не о проторехъ на поставленіяхъ, а о другомъ (см. ниже).

послѣдовало при преемнике Феогноста св. Алексіѣ. Въ рѣчахъ о послѣднемъ мы и скажемъ о немъ.

Митр. Феогностъ приобрѣлъ право на величайшую благодарность Москвы не только тѣмъ, что самъ былъ иѣримъ и усердныи ея другомъ и сдѣлать все, чтѣ могъ, съ цѣллю содѣйствія ея политическому возвышенію, но и тѣмъ, что позаботился и успѣлъ оставить преемника по себѣ, который довѣтъ союзъ высшей церковной власти съ князьями московскими до его конца и до его неразрывности. Феогностъ, подобно св. Петру, имѣлъ своей фактической столицей Москву; но и это пребываніе втораго митрополита въ Москве не создавало для третьаго митрополита—его преемника непремѣнной обязанности сдѣлать тоже самое: преемникъ Феогноста, какъ и преемникъ св. Петра, могъ возвратиться снова во Владимиръ и тамъ подъ вліяніемъ другихъ князей стать изъ друга Москвы ея врагомъ; а между тѣмъ князья московскіе еще не находились въ такомъ положеніи, чтобы совершило исключалась возможность подобнаго случая. Митр. Феогностъ оставилъ въ св. Алексіѣ преемника по себѣ, который имѣлъ виолѣ замѣнить для Москвы его самого. Эта услуга Феогноста Москвѣ имѣть тѣмъ большую цѣну, что, будучи Грекомъ, онъ имѣлъ въ даниомъ случаѣ противъ своихъ интересовъ греческихъ, ибо поставленіе митрополитовъ русскихъ изъ природныхъ Русскихъ, каковъ бытъ св. Алексій, далеко не считалось константинопольскою патріаршею каѳедрою дѣломъ желательнымъ.

Современный Феогносту греческій историкъ Никифоръ Григора сообщаетъ извѣстіе о нашемъ русскомъ митрополитѣ, какъ о богословѣ, именно—извѣстіе о томъ, какъ отнесся Феогностъ къ поднявшимся въ Константинополь въ 1341-мъ году такъ называемымъ паламитскимъ спорамъ (по поводу ученія Григорія Паламы о несotворенности єаворскаго божественнаго свѣта); но извѣстіе вовсе не можетъ быть признано за совершение надежное. Будучи ожесточеннымъ врагомъ Паламы и его ученія, Григора увѣряетъ, что съ рѣшительной враждой отнесся къ ученію и русскій митрополитъ. Онъ говоритъ, что приверженцы паламитской партии, желая увлечь и Феогноста въ ироніастъ собственной погибели, послали ему, какъ и всѣмъ другимъ архиереямъ, новые томы (тотъ или опредѣленіе собора 1341-го года, которымъ признавалось и одобрялось ученіе Паламы), но что онъ, прочитавъ (приеланныя ему писанія) и увидѣвъ (въ нихъ) тьму хулений и надъ всѣмъ деснотически господствующее (въ нихъ) эллинское многобожіе, тотчасъ повергъ (нихъ) на землю и затинувъ уши съ великою поспѣшностью отскочилъ отъ злого слышанія,— что онъ написалъ простран-

иная укоризны, съ надлежащими изъ Священнаго Писания обличеніями и доказательствами, и послать ихъ патріарху и епископамъ, называя этихъ послѣднихъ безбожными и многобожными и крайне безстыдными отменниками и гонителями отеческихъ преданій и подвергая ихъ подобающимъ анаемамъ^{1).}

Мы сказали выше, что, по свидѣтельству того же Григоры, вел. кн. Симеонъ Ивановичъ съ другими князьями русскими присласть импер. Ioanni Кантакузину большую сумму денегъ на возобновлѣніе упавшей восточной апсиды св. Софіи. Какое бы ни было отношеніе этой большой суммы денегъ къ закрытію галицкой митрополіи, но со всею вѣроятностію нужно думать, что императоръ обязанъ быть ею главнымъ образомъ митр. Феогносту и его греческому, въ частности константинопольскому, патріотизму, ибо, по Григорѣ, его родиной была Константинополь.

Не особено надежны похвалы Григоры, ибо лицу онъ слишкомъ руководился партійными взглядами и ибо лицу мы знаемъ совершиенную несостоятельность нѣкоторыхъ его порицаній, но во всякомъ случаѣ онъ отзыается о митр. Феогностѣ съ очень большими похвалами, называя его мужемъ разумнымъ и боголюбивымъ и говорить, что въ Константинополѣ, который былъ его родиной и котораго онъ служилъ украшеніемъ, еще юношой онъ пріобрѣть знаніе божественныхъ каноновъ и законовъ^{2).} А двѣ наши собственныя лѣтописи называютъ Феогнosta великимъ наставникомъ^{3).} О томъ, что до нѣкоторой степени онъ можетъ быть занодозриваемъ въ страсти сребролюбія, мы говорили выше.

О систематической напекой пронагандѣ въ юго-западной Руси, которая началась со времени митр. Феогноста и нѣсколько ранѣе его—

¹⁾ Hist. Byzant. lib. XXVI, cap. 47, ed. Bonn. p. 114.—Въ одной греческой рукописи московской Суподальной библіотеки XV вѣка есть соборный томъ противъ Варлаама и Аквидина съ именами подписаніи подъ именемъ. По описанію греческихъ рукописей библіотеки архим. Владимира подъ томомъ между прочимъ есть подпись: Μητροπολίτης Ῥωμαίου ὀπέρτιμος Φεόγνωστος,—Л: 337, л. 38, стр. 497. Если Ρωμαῖος не ошибка или не опечатка вместо Ρωμαῖς, то тутъ долженъ быть разумѣемъ не нашъ русскій митрополитъ, а греческий митрополитъ города Ресія или Ресія, въ древнѣйшее время Тонира (который находится въ европейской Турціи, во Оракіи или Румедії, не особенно далеко на європейскому отъ города Эноса, и называется теперь у Турокъ Кешаномъ или Рускіемъ); если же ошибка или опечатка вместо Ρωμαῖς, то—нашъ русскій митрополитъ.

²⁾ Lib. XXVI, cap. 47, и lib. XXXVI, cap. 24—31.

³⁾ Воскресенская въ Собр. лѣтт. VII, 217, и Типографская, стр. 96 нач..

съ посльдникъ лѣть иправлениія св. Петра, мы скажемъ ниже, въ осо-
бомъ отдельѣ, посвященномъ этой ционагандѣ.

Митр. Феогностъ, скончался 11-го Марта 1353-го года ¹⁾). Онъ
погребенъ въ построенной имъ церкви ап. Петра (которая, какъ мы
говорили выше, составляла не самостоятельную церковь, а приделъ
церкви Успенія Божіей Матери или Успенскаго собора. Онъ положенъ
былъ въ своей церкви обѣ стѣну съ своимъ предшественникомъ св.
Петромъ ²⁾).

¹⁾ По Никоновской и Типографской лѣтописямъ, Феогностъ скончался 11-го
Марта, по Воскресенской лѣтописи—1-го Марта, по Степенной книгѣ (I, 444)—
14-го Марта. Должно быть признано вѣрнымъ показаніе лѣтописей Никоновской и
Типографской, такъ какъ первая изъ нихъ говоритъ потомъ, что вел. кн. Симеонъ
Ивановичъ, скончавшійся 26-го числа саѣдующаго Апрѣля мѣсяца, преставился
полеми недѣли послѣ митрополита, минувшимъ его сорочинамъ.

²⁾ Въ московской Синодальной библіотекѣ сохранился посвященіи ими митр. Феогно-
носта требникъ, въ которомъ весьма сильно и весьма ясно обличается иенраво-
мисіе раскольниковъ—старообрядцевъ. Этотъ ямимый Феогностовъ требникъ пред-
ставляетъ собою то же самое, чтѣ соборное дѣяніе на еретика Мартына армянина,—
нашей Исторіи русской церкви т. I, вол. 2, стр. 688. Обѣ изготошенія его,—да-
зеко не весьма искусство, Федоромъ Поликарповымъ, известнымъ ученикомъ Лиху-
довъ и директоромъ гипографіи, см. въ статьѣ: «Ученая дѣятельность Евгения Бол-
довитинова», посвященной въ юбилейной книжкѣ Русскаго Вѣстника 1885-го года,
стр. 675 ип..

МИТРОПОЛИТ СВ. АЛЕКСІЙ.

Преемникомъ митр. Феогноста, какъ мы давали знать сейчасъ выше, былъ св. Алексій. Подобно Кириллу III и св. Петру онъ былъ природный Русскій и по родителямъ своимъ такъ же, какъ оба они, были южанинъ, хотя и родившійся уже на сѣверѣ.

Источниками свѣдѣній о жизни св. Алексія, подобно тому, какъ о жизни св. Петра, должны бы служить кромѣ лѣтошицей его житія, которыхъ мы имѣемъ даже и не два, а цѣлыхъ пять. Но эти пять житій сообщаютъ еще менѣе свѣдѣній объ Алексіѣ, чѣмъ два о Петрѣ. Онѣ говорятъ объ его происхожденіи, объ его постриженіи въ монашество и монашеской жизни, объ его поставлѣніи въ митрополиты; но онѣ ни слова не говорятъ объ его дѣятельности въ санѣ митрополита ни церковной, ни государственной. Очень можетъ быть, что въ семъ случаѣ—недостатокъ свѣдѣній и не отъ нежеланія сообщать ихъ, а отъ ихъ неимѣнія. Первый жизнеописатель св. Алексія, епископъ пермскій Питиримъ, котораго не въ состояніи были дополнить отъ себя послѣдующіе жизнеописатели и трудъ котораго они воспроизводятъ только въ новыхъ літературныхъ редакціяхъ, съ нѣбольшими дополненіями изъ источниковъ письменныхъ, составилъ свое сказаніе не ранѣе, какъ спустя лѣтъ около 70-ти постѣ смерти св. Алексія. А при такой отдаленности времени жизни святителя біографъ его могъ оказаться въ невозможности собрать свѣдѣнія, несмотря на все желаніе сообщить ихъ¹⁾. Недостатокъ русскихъ свѣдѣній о св. Алексіѣ, почернае-

¹⁾ *Первое житіе* св. Алексія, принадлежащее епископу пермскому, поставленному изъ архимандритовъ чудовскихъ, Питириму, въ надписаніи котораго по известнымъ въ настоящее время синекахъ его не обозначено имени автора и о принадлежности котораго Питириму мы узнаемъ отъ второго жизнеописателя—Иахомія, читается въ отдѣльномъ видѣ въ рукописяхъ (у насъ подъ руками Троицк. Лаврск. № 789) и внесено въ некоторые лѣтописи: такъ называемую Типографскую, подъ 1377-мъ годомъ,—стр. 132, и Воскресенскую, подъ тѣмъ же годомъ,—Собр. лѣтт. VIII. 26. Изъ рукописей напечатано въ I томѣ матеріаловъ для исторіи русской

мыхъ изъ лѣтописей и изъ житій, въ значительной степени восполняется свѣдѣніями, какія находимъ въ сохранившихся до настоящаго времени актахъ греческихъ¹⁾.

Св. Алексій происходить изъ весьма знатнаго боярскаго рода, иначе сказать—быть по своему происхождѣнію знатный (вельможны) аристократъ. Отецъ его Феодоръ Бяконтъ бытъ черниговскій бояринъ; изъ опустѣвшаго посль нашествія Монголовъ и совершенню упавшаго

церкви, помѣщавшихся въ харьковскомъ Духовномъ Вѣстникѣ, стр. 43 sqq (февраль 1862-го года).—Замѣтимъ въ скобахъ, что нѣкоторые подвергаютъ сомнѣнію принадлежность житія Нитириму и считаютъ его авторомъ современнаго послѣднему неизвѣстнаго монаха Чудова монастыря). Когда именно написано Нитиримомъ житіе, остается неизвѣстнымъ; но вѣроятнѣйшимъ временемъ должно считать 1447—48-й годъ (см. Ключевск. Древне-руssк. житія святыхъ, стр. 134; если Нахомій говорить о житіи, что онъ пользуется писаніемъ архимандрита Нитирима, иже послѣди,—посль 1441 въ до 1447 года,—быть поставленъ Перми епископомъ, то, вѣроятно, это должно понимать не такъ, что по его—Нахоміевымъ свѣдѣніямъ Нитиримъ написалъ житіе, когда бытъ еще архимандритомъ, а такъ, что въ надписаніи житія читалось: «написано бытъ архимандритомъ, иже послѣди бысть»...), чтѣ, но употребительному въ старое время образу выраженія, можетъ означать не то, чтобы житіе написано было Нитиримомъ, когда онъ еще бытъ архимандритомъ, а то, что опонаписано епископомъ, бывшимъ архимандритомъ. Есть младшая редакція этого житія, явившаяся около 1486-го года,—Ключевск. ibid. стр. 243 т. I. Второе житіе, написанное извѣстнымъ составителемъ житія Нахоміемъ Сербиномъ въ 1459-мъ году (Ключевск. ibid., стрр. 120 и 137), находится во многихъ рукописяхъ (у насъ подъ руками Волоколамск. № 523 и 634 и Троицк. Лаврск. № 789), а въ 1877-мъ году напечатано Обществомъ любителей древней письменности,—изданій Общества № IV. Оно представляетъ изъ себя литературную обработку житія Нитиримова, дополненную отчасти, можетъ бытъ, на основаніи устныхъ преданій, отчасти изъ Епифаніева житія преп. Сергія Радонежскаго. Третье и четвертое житія составлены въ XVI вѣкѣ и помѣщены: одно въ Никоновской лѣтописи,—IV, 55, другое въ Степенной книгѣ.—I. 444; первое представляется литературную передѣлку житія Нитиримова, дополненную, какъ у Нахомія, изъ житія преп. Сергія; второе, написанное по приказанію митр. Макарія,—передѣлку Нахомія съ дополненіемъ изъ лѣтописей. Пятое житіе составлено въ концѣ XVII вѣка и принадлежитъ извѣстному чудовскому монаху Евѳимию, ученику Епифанія Славинецкаго (Описанія сунодъ. ркн. Горск. и Новостр. № 338, л. 13, стр. 814).

¹⁾ Записи дѣяній константинопольскаго патріаршаго собора, на которыхъ мы ссылались многократно прежде. Мы будемъ ниже цитовать ихъ не по Acta Patriarchat. Constantinop. Miklošiča, а по Памятникамъ древне-руssкаго каноническаго права А. С. Навлоха, гдѣ касающіяся до насъ записи помѣщены съ русскимъ переводомъ.

Чернигова ¹⁾ онъ пріѣхать на службу въ Москву къ князю Даниилу Александровичу и принять быть здѣсь въ число самыхъ первыхъ бояръ ²⁾. Св. Алексей, получившій въ крещеніи имена Симеона—Елеверія, быть старшій сынъ Феодора Быкonta и родился у него уже послѣ пріѣзда его въ Москву между 1293—1298-ми годами ³⁾. Крестинымъ отцомъ первого сына у новопріѣхавшаго боярина быть сынъ самого князя Даниила Александровича Иванъ Даниловичъ (извѣстный потомъ подъ именемъ Калиты). Епископъ Иптириимъ увѣряеть, что Симеонъ-Елеверій получилъ отличное въ тогдашнемъ смыслѣ и по тогдашнему времени образованіе; онъ говоритъ о немъ: «еще дѣтищемъ буда (—дучи) изучися всей грамотѣ и въ уности сый всѣмъ книгамъ

¹⁾ О княжествѣ черниговскомъ совершенно прекращаются всякия свѣдѣнія со времени нашествія Монголовъ. Главныи столицѣ въ княжествѣ вмѣсто Чернигова стала Брянскъ, къ которому первый присоединенъ быть въ качествѣ пригорода. На этомъ главномъ столѣ въ на побочныхъ столахъ (въ Глуховѣ, Каравеевѣ, Торусѣ и пр.) сидѣли дѣти и внуки Михаила Всеволодовича, убитаго Татарами въ 1246-мъ году (и имѣвшаго многочисленное потомство) и, можетъ быть, дѣти и внуки его брата Андрея Всеволодовича, о которомъ Ипатек. лѣт. подъ 1261 г., 2 изд. стр. 562 нач., ср. Исторію сѣверской земли до половины XIV ст. *Д. Баталль* (Кievъ. 1882).

²⁾ Но не совсѣмъ вразумительному свидѣтельству родословныхъ книгъ «за нимъ была (потомъ) Москва» (т. е. что онъ бывалъ потомъ намѣстникомъ московскимъ?), см. у *Карамз.* т. IV, прим. 324.—Такъ какъ по дорогѣ на сѣверъ Москва была Федору Быконту первымъ княжескимъ городомъ, то очень можетъ быть, что Данило Александровичъ, князь не особенно важный, расположилъ его оставаться у себя обѣщаніемъ ему возможно высокаго у себя положенія.

³⁾ По словамъ Иптириима, всѣхъ лѣтъ житія св. Алексея, скончавшагося 12-го Февраля 1378-го года, было 85-ть, изъ чего выходило бы, что онъ родился въ 1292-мъ году; но самъ же Иптириимъ говоритъ, что Алексей былъ 17-ю годами старше вел. кн. Симеона Ивановича, который родился въ 1315-мъ году, изъ чего выходитъ, что онъ родился въ 1292-мъ году.—У Федора Быкonta, кроме Симеона—Елеверія или, какъ называются его родословная книги, Алферія, были еще четыре сына; отъ этихъ сыновей произошли боярскія фамиліи Игнатьевыхъ, Жеребцовъ, Оомнинъ, Плещеевъ и другія. Родъ Омнинъ, происходившій отъ второго сына Федорова Феофана или Фофана (отъ его младшаго сына Стефана), по свидѣтельству родословной книги, «весь служилъ у митрополитовъ» (Родосл. кн., изд. *Нестик.*, 1. 278 нач.), а старшій сынъ Феофана Даниилъ, въ предсмертномъ монашествѣ Давидъ, быть однімъ «отъ велиможъ старѣшихъ бояръ вел. кн. Дмитрія Ивановича Донскаго, слуга его лѣній и вящій якоже пинъ ивкто же», — у *Карамз.*, изъ Троинк. лѣт., т. V, прим. 254. col. 98, Никон. лѣт. IV, 251 бін..

извичѣ», т. е. что постѣ изученій грамоты или искусства читать онъ еще изъ юности приобрѣть возможно хорошую книжную начитанность¹⁾

На 20—21-мъ году возраста Симеонъ-Елеверій принялъ рѣшеніе посвятить себя иноческой жизни и постригся въ монахи съ именемъ Алексія въ одномъ изъ монастырей, находившихся въ самой Москвѣ, именно—Богоявленскомъ, существующемъ до настоящаго времени²⁾. Въ монастырѣ Алексій провелъ, «добрѣ, по словамъ Интирима, подвизаясь на добродѣтель и все иноческое житіе исправивъ», года 22—лѣтъ 27³⁾), но затѣмъ его крестный отецъ вел. кн. Иванъ Даниловичъ Калита и митр. Феогностъ пришли относительно него къ той мысли, чтобы быть ему преемникомъ постѣднаго на каѳедрѣ митрополіи. Я говорить выше, что пребываніе Феогноста, всѣдѣ за св. Петромъ, въ Москвѣ никакъ не создавало обязательства для его преемника поступить точно такъ же: преемникъ Феогноста могъ снова захотѣть возвратиться во Владимиръ, между тѣмъ князь московскій еще не чувствовалъ себя въ такомъ положеніи, чтобы совершиенно надѣяться предотвратить подобную случайность. Желая устраниТЬ возможность подобной случайности, Иванъ Даниловичъ и митр. Феогностъ и рѣшили сдѣлать то, что первый изъ нихъ неудачно сдѣлать было имѣть съ св. Петромъ, именно—самимъ избрать кандидата на каѳедру

¹⁾ Впрочемъ, сейчасъ приведенное читается во второй или младшей редакціи житія Интирирова; въ первой редакціи сказано только: «еще во младенчествѣ съ изученія грамотѣ».

²⁾ У Нахомія читается разсказъ, заимствованный имъ, какъ нужно думать, изъ устнаго преданія, о чудесномъ призваніи Симеона—Елеверія къ монашеству. Разсказъ есть слѣдующій: «Прешедши же (Елеверію) 12 лѣтомъ (возраста). дѣтско еще вмущу (ему), яко случися (ему) прострѣть мрежа во уязеніе пернатымъ (разослать сѣти, подразумѣвается—на полѣ, для ловли птицы), и аbie, на то винчающи, воздремаися успѣ и бысть ему глашъ. глаголя: «Алексѣ! что всуе тружаеши, се отсѣлѣ будешъ человѣки ловя»; оному же, отъ сна возбужнувшу, не видѣ никогоже, и дивляшеся необычному гласу, наче же и новому званію, еже речи: Алексѣ, и отъ того часа бысть отрокъ яко во умніи и размышеніи велицѣ...»

³⁾ Въ житіи преп. Сергія Радонежскаго находимъ иѣкотория свѣдѣнія о жизни св. Алексія въ Богоявленскомъ монастырѣ, именно—въ житіи говорится, что старшій братъ Сергіевъ Стефанъ, оставилъ его (Сергія) въ пустынѣ и ушедшій въ Москву, въ Богоявленскій монастырь, засталъ въ монастырѣ Алексія, который «чернеческое житіе честно проходя пребываше» (иъ немъ), что «съ нижне (Алексіемъ) Стефанъ духовнымъ житіемъ оба купно живяста, ио и въ церкви на клиросѣ оба по ряду стояще», что «такоже и Героній иѣкто, нарочитъ и славень старецъ, въ томъ же монастыри (вмѣстѣ съ ними) живяше»,—литографич. изд. житія л. 61 об.

митрополії. При цьому рѣшенії виборъ князя и митрополита и паль на Алексія. Весьма близкій къ двору великаго князя по своему рожденію, сынъ боярина Быкона не долженъ быть порвать своихъ связей съ дворомъ и по удаленіи въ монастырь, тѣмъ болѣе—въ монастырь, находившійся въ самой Москвѣ: напротивъ, теперь эти его связи должны были сдѣлаться еще тѣснѣе, ибо теперь онъ являлся во дворецъ не въ качествѣ слуги, а въ качествѣ плюка, приносящаго благословеніе и душеспасительную бесѣду; Алексій обладалъ блестищими талантами, и этого великій князь не могъ не замѣтить при ближайшемъ его наблюдении; не могъ великій князь сомнѣваться и въ совершенной преданности своего крестнаго сына себѣ и своему дому: а все это и должно было рѣшить его виборъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія тотчасъ послѣ смерти Ивана Даниловича, въ первый годъ царственія сына его Семена Ивановича, именно—въ концѣ 1340-го года, св. Алексій, какъ предъизбранный кандидатъ въ митрополиты, сдѣланъ быть митрополичымъ намѣстникомъ¹⁾. Въ должностіи митрополичаго намѣстника, которая состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы быть митрополичимъ судьей²⁾, Алексій провелъ 12-ть співокъ лѣтъ. Въ 1350-мъ году, на 11-й годъ намѣстничества Алексіева, митр. Феогностъ виѣть въ болѣзнь³⁾. Сознавая болѣзнь опасною, митрополитъ вмѣстѣ съ великии Семеномъ Ивановичемъ отправилъ посольство въ Константинопольскій императору и патріарху съ прошешіемъ, чтобы въ случаѣ смерти его—Феогноста не былъ ставимъ въ митрополиты русскіе Греки, но быть поставленъ кандидатъ, который будетъ присланъ изъ Москвы. Послѣ смерти св. Петра Ивана Даниловича Галита посыпать было въ

¹⁾ Время избрания св. Алексія въ намѣстники опредѣляется тѣмъ, что онъ находился въ должностіи намѣстника до постановленія въ епископы владимирскіе 12-ть лѣтъ въ З мѣсяца (Никон. лѣт. IV, 58, Степен. кн. I, 450), а въ епископы онъ поставленъ 6-го Декабря 1352-го года. Что Алексій сдѣланъ намѣстникомъ не при Иванѣ Даниловичѣ, который умеръ 31-го Мая 1340-го года, а при Семенѣ Ивановичѣ, это прямо говоритъ Никифоръ.

²⁾ Относительно обязанностей св. Алексія въ качествѣ намѣстника его житіе XVI вѣка говоритъ: «и возвѣдаша его на старѣшинство и устроѧютъ его намѣстнику быти святительскихъ правленій, еже разсуждати Божія люди и вся церковная суды въ правду по священнымъ правилаомъ», привавляя и о нѣмъ постановленія его въ намѣстники: «яко да по Феогностѣ и престолу его наследникъ будеть»,—Степ. кн. I, 450.

³⁾ Извѣстіе о томъ, что митр. Феогностъ разболѣлся въ 1350-мъ году, читаемъ въ одномъ находящемся у насъ подъ руками хронографѣ.—бібліотека Виленской Семинаріи № 2215, т. I, л. 288, col. 2.

Константинополь своего кандидата съ подобною просьбою, и просьба не была уважена. Но Иванъ Даниловичъ тотчасъ послѣ смерти Петра не былъ великимъ княземъ русскимъ, такъ что не могъ имѣть и собственнаго авторитета въ глазахъ патріарха и долженъ былъ встрѣтить решительное противодѣйствие себѣ со стороны великаго князя (которымъ былъ тверской князь Александъръ Михайловичъ); Семенъ же Ивановичъ былъ великимъ княземъ русскимъ и притомъ великимъ княземъ, который уже до такой степени созидалъ свою силу, что ему давали титулъ Гордаго. Къ этому, митр. Феогностъ былъ Грекъ и—выражаясь привычнымъ языкомъ—долженъ былъ знать въ Константинополѣ всѣ входы и выходы, т. е. долженъ былъ знать, какими путями вести тамъ дѣло, чтобы добиться успѣха. Какъ бы то ни было, но изъ Константинополя послѣдство возвратилось съ отвѣтомъ отъ императора и патріарха, что просьба принимается. Прежде чѣмъ возвратилось послѣдство изъ Константинополя, въ началѣ Декабря 1352-го года, за три мѣсяца до своей смерти, Феогностъ поставилъ Алексія въ епископы владимирскіе, т. е. въ свои митрополичныи викарии¹⁾. Не совсѣмъ ясно, зачѣмъ онъ сдѣлалъ это и притомъ страннымъ образомъ дать ему титулъ владимирскаго, тогда какъ владимирскимъ былъ онъ самъ. Можно до нѣкоторой степени подозрѣвать, что—на случай неуспѣха своей просьбы въ Константинополѣ, т. е. что если бы въ Константинополѣ не захотѣли согласиться на постановленіе Алексія въ митрополиты и поставили митрополита изъ Грековъ, то этотъ, прішедъ въ Россію и нашедъ каѳедру владимирскую занятую, поневолѣ долженъ бы быть согласиться жить въ Москвѣ и стать вместо кіево-владимирскаго кіево-московскимъ.

Митр. Феогностъ умеръ отъ своей болѣзни, начавшейся въ 1350-мъ году, 11-го Марта 1353-го года²⁾, а черезъ 47 дней послѣ него, 26-го Апрѣля умеръ и великий князь Семенъ Ивановичъ отъ свирѣпства

¹⁾ Св. Алексій поставленъ Феогностомъ въ епископы 6-го Декабря 1352-го года и былъ епископомъ до смерти Феогноста не четыре года, какъ говорится въ житії, помѣщенному въ Никоновской аѳтониси.—IV, 58, а «толико три мѣсяцы или мало болѣ». какъ ясно говорить Нигерімъ. А что касается до Владимира, то, не бывъ еще призванъ со стороны патріарха формальнымъ образомъ за столъный городъ митрополитовъ, каковое призваніе послали позднѣ, при самомъ Алексѣѣ. онъ могъ быть разсмотриваемъ только какъ мѣсто временнаго пребыванія митрополитовъ, которое они могли снова уступить бывшимъ въ немъ прежде нихъ епископамъ.

²⁾ Новгор. 1-я аѳтон.: «преставившися митрополитъ Феогностъ, много болѣвъ»,—Собр. лѣтт. III, 85.

вавшей тогда въ Россіи повальной болѣзни, которую лѣтописцы называютъ черной смертью, оставилъ великохіяжескій престолъ брату своему Ивану Ивановичу. Посольство, возвратившееся изъ Константиноополя отъ императора и патріарха, не застало въ живыхъ ни того ни другого.

Тотчасъ послѣ прибытія изъ Константиноополя пословъ, которые возвратились вскорѣ послѣ смерти Феогноста и Семена Ивановича¹⁾, Алексій отправился туда для поставленія въ митрополиты. Однако, хотя въ Константиноополѣ и изъявили согласіе поставить его, онъ поставленъ быть вовсе не тотчасъ, какъ явился предъ лицо императора и патріарха. Сохранилось до настоящаго времени дѣяніе патріаршаго собора обѣя его возведеній въ митрополиты²⁾. Изъ этого дѣянія оказывается, что онъ жилъ въ Константиноополѣ на испытаніи въ продолженіе цѣлаго года. Императоръ и патріархъ изъявили согласіе на постановленіе въ митрополиты русскіе природнаго Русскаго, но вовсе не съ особицю охотою, и желали увѣриться, таковъ ли присланный кандидатъ, чтобы его безопасно было поставить, т. е. что онъ сохранилъ должное повиновеніе патріарху: а потому и prodержали его въ Константиноополѣ цѣлый годъ, желая его высмотреть, о чёмъ, т. е. о какомъ испытаніи, прямо говорится въ дѣяніи соборномъ³⁾. Такъ какъ въ Константиноополѣ господствовали тогда такие права, что никакое испытаніе не могло быть выдержано безъ надлежащаго приложения, сколько бы ни были высоки качества и сколько бы ни были бесспорны права испытуемаго⁴⁾: то съ большою вѣроятностію нужно думать, что продолжительное испытаніе, которому былъ подвергнутъ Алексій, обошлось ему весьма дорого и что на поминки императорскимъ и патріаршимъ чиновникамъ, если не на поднесеніе даровъ самимъ императору и патріарху, онъ вынужденъ былъ истратить большую и очень большую сумму денегъ.

¹⁾ Между 6-мъ и 22-мъ Іюнѣ 1353-го года, какъ даетъ знать Никоновская лѣтопись,—III, 202 и 203.

²⁾ Въ Намятникахъ Павлова, приложж. col. 41.

³⁾ Εἰσετάξει δεδωκότες ἀχριζεστάτη ἐπὶ ὅλοκληρον ἦδη ἐνισχυόν,—подвергнувшись тщательнейшему цѣлогодичному испытанію.

⁴⁾ Положительныя доказательства сейчасъ сказанныаго будуть передъ читателемъ далѣе,—отчасти въ исторіи самого св. Алексія, главнымъ же образомъ въ исторіи замѣшательствъ на кафедрѣ русской митрополіи, наставшіхъ въ сѣдь за его кончиною.

Онъ возведенъ бытъ патріархомъ, которымъ бытъ тогда Филоеей¹), изъ епископовъ владимирскихъ въ митрополиты кіевскіе и всея Россіи въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1354-го года²). Въ помянутомъ соборномъ дѣяніи относительно случая его поставлениія въ митрополиты русскіе, какъ природнаго Русскаго, пишется: «хотя подобное дѣло совершение необычно и небез опасно для церкви, однако ради достовѣрныхъ и похвальныхъ свидѣтельствъ о немъ (Алексѣѣ) и ради добродѣтельной и богоугодной его жизни мы судили этому быть, но (это) относительно одного только кири Алексія и отводъ не дозволяемъ и не допускаемъ, чтобы на будущее время сдѣлался архіереемъ (митрополитомъ) русскимъ кто нибудь другой устремившися (сюда) оттуда: изъ (клириковъ) сего бого прославленаго, бого возведенаго и благоделствующаго Константино поля должны быть поставлены митрополиты русскіе»... Затѣмъ, соборная грамота дѣлаетъ митрополиту предписание относительно посвѣщеній имъ Константино поля: «Поелику онъ (кири Алексій) необходимо долженъ, какъ повелѣваютъ божественные и священные каноны, приходить сюда по долгу своей зависимости отъ святой Божіей вселенской и апостольской церкви и по предписанию каноновъ, но не имѣть удобства приходить каждый годъ, какъ по дальности пути, такъ и по его трудности: то мы повелѣваемъ, чтобы онъ чрезъ каждые два года, поелику дѣло подлежитъ отчету (εὑρυτοῦ συτος τοῦ πράγματος; — поелику онъ долженъ давать отчетъ въ управлении митрополіей?), прѣѣзжать сюда какъ по самому своему долгу, который лежитъ на немъ, такъ и по прилучающимъ необходимымъ церковнымъ нуждамъ, а также и для (разрѣшенія) возникающихъ во всемъ его окружѣ важныхъ вопросовъ; если же по какой либо немощи или по другимъ препятствіямъ онъ не въ состояніи будетъ лично явиться на состояній при насы священныи и божественный соборъ, то обязанъ избрать и послать сюда изъ своего клира, кого найдеть способнымъ, и доносить посредствомъ собственныхъ, надлежаще скрѣпленныхъ, грамотъ о неотложно нужныхъ дѣлахъ, дабы онъ по благодати Божіей получили здѣсь надлежащее устроеніе и исправленіе». Мы говорили прежде, что въ Греции въ отношеніи къ обязанности являться на патріаршіе соборы митрополиты раздѣлялись на двѣ категории,—на митрополитовъ, имѣющихъ подъ собою округи подчиненныхъ епископий и на митрополитовъ, не имѣющихъ такихъ округовъ, или титуллярныхъ. Послѣдніе обязывались

¹) Смѣнившій Калиста 1-го въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1354-го года.

²) Соборное дѣяніе объ его возведеніи въ митрополиты написано 30-го Іюня 1354-го года.

ежегодно являться къ патріарху, чтобы составлять при немъ его *съучесову* *енвѣднсостъ*; что же касается до первыхъ, то они должны были приходить къ патріарху на его соборъ только по мѣрѣ нужды ¹⁾). Такъ какъ митр. Алексій принадлежалъ къ первой категоріи митрополитовъ, то на него не простидалось требование, которое предъявляется ему соборное дѣяніе. Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что оно было предъявлено къ нему по той причинѣ, что онъ былъ природный Русский. Обязывая Алексія являться къ себѣ чрезъ каждые два года, патріархъ хотѣлъ имѣть постоянныя доказательства его належащаго себѣ повиновенія. Не знаемъ, исполнилъ ли Алексій требование собора посредствомъ посыла въ Константинополь своихъ уполномоченныхъ, но что касается до его собственныхъ путешествий въ него, то во все время своего 24-лѣтняго пребыванія на каѳедрѣ онъ былъ въ немъ и всего дважды, считая и съ настоящимъ разомъ.

Съ полученіемъ сана митрополичьяго не кончилось для Алексія испытаніе въ Константинопольѣ. На противъ, теперь начался для него тамъ новый стадій испытаний.

Еще мѣсяцъ за восемь—за десять до смерти митр. Феогноста явился въ Константинополь иѣкій Феодоритъ и домогался у патріарха сдѣлаться митрополитомъ русскимъ. Патріархъ, какъ онъ разсказываетъ самъ ²⁾), произведши тщательное испытаніе (о дѣлѣ) и узнавъ, что митр. Феогностъ былъ еще живъ, не принялъ Феодорита и объявили ему, чтобы онъ подождалъ, пока онъ—патріархъ обошлюется (съ Россіей) и узнаетъ истину о Феогностѣ. Тогда Феодоритъ уѣхжалъ изъ Константинооля въ Терновъ и купилъ себѣ посвященіе въ митрополиты у патріарха болгарскаго. Въ то время какъ Алексій находился въ Константинопольѣ, ожидая себѣ поставленія въ митрополиты, Феодоритъ явился въ Кіевъ и сѣлъ тамъ на каѳедру митрополичью. Извѣстія, которыя находимъ мы о Феодоритѣ въ грамотахъ патріаршихъ, не совершило ясны; но онъ безъ труда и съ увѣренностью могутъ быть разъяснены. Невозможно думать, чтобы Феодоритъ былъ самовольный искаль приключений, который бы сумасбродно надѣялся, что придется онъ въ Константинополь, изъявить здѣсь желаніе получить каѳедру

¹⁾ Ист. Р. Ц. т. I, пол. 1, стр. 236.

²⁾ Въ своей грамотѣ о Феодоритѣ въ Новгородѣ,—въ Намятенкахъ, *Павловъ*, приложж. col. 60. Дальнѣйшая свѣдѣнія о Феодоритѣ—въ соборномъ дѣяніи о перенесеніи каѳедры русской митрополіи изъ Кіева во Владимиръ. *Ibid.* col. 63. Наша Никоновская лѣтопись говоритъ о поставленіи Феодорита патріархомъ терновскими въ митрополиты въ 1352-мъ году,—III. 201.

русской митрополии, и она действительно будет ему дана; необходимо думать, что онъ былъ присланъ въ Константинополь изъ юго-западной Руси съ тѣмъ, чтобы быть поставленнымъ въ отдельные митрополиты галицко-литовскіе. А если патріархъ говорить о немъ такъ, что какъ будто бы онъ искать занять кафедру митрополіи всея Россіи: то въ рѣчахъ патріарха нужно видѣть не болѣе, какъ простая неточность и необстоятельность (можетъ быть, и намѣренія, чтобы представить Феодорита, позволившаго себѣ обратиться за посвященіемъ къ патріарху терновскому, такимъ человѣкомъ, который явился въ Константинополь съ недѣшими притязаніями). Въ 1347-мъ году, какъ мы говорили выше ¹⁾, митр. Феогносту вмѣстѣ съ великимъ княземъ Симеономъ Ивановичемъ удалось достигнуть того, чтобы закрыта была отдельная митрополія галицко-литовская. Но въ Галиціи и Литвѣ, изъ которыхъ первая подала тогда подъ власть Польши, имѣвшей своимъ королемъ Казимира Великаго (1333—1370), а во второй было великимъ княземъ знаменитый Ольгердъ (1341—1380), сынъ Гедиминовъ, могли тотчасъ же возобновить попытку о новомъ приобрѣтеніи отдельного митрополита, ибо хотя въ актахъ и грамотахъ 1347-го года раздѣленіе русской митрополіи на двѣ особыя митрополіи называлось новизной и дѣломъ беззаконій, однако король и великий князь не могли не знать хорошо, что это пустыя слова, которыя ничего не значать и на которыхъ, въ случаѣ подкрѣпленія просьбы другими «вѣскими» доказательствами, могли не обратить никакого вниманія. Патріархъ говорить, что онъ отвѣчалъ Феодориту, чтобы эти отъ подождать, пока онъ—патріархъ, обославшись съ Россіей, узнаеть истину о Феогностѣ. Это значитъ, что Феодоритъ пришелъ въ Константинополь съ жалобами на Феогнosta, именно, какъ должно думать, съ тою, обычною Галичанамъ и Литовцамъ, жалобою, что митрополитъ живущій на сѣверѣ оставляетъ въ небреженіи галицко-литовскую часть своей митрополіи. Что заставило Феодорита бѣжать изъ Константинополя, чтобы искать незаконнаго поставленія у патріарха терновскаго, не видно. Но и незаконно поставленный онъ былъ принять Ольгердомъ и сѣсть въ Кіевѣ въ качесвѣ митрополита галицко-литовскаго (если быть принять Ольгердомъ, то ясно, что имъ быть и посланъ). Алексей не искать у патріарха приговора соборнаго, которымъ бы отѣлеченіе Литвы въ особую митрополію объявилось, какъ въ 1347-мъ году, дѣломъ · беззаконіямъ (потому, конечно, что находить это исканіе въ данную минуту напраснымъ и невозможнымъ); но въ отношеніи къ Феодориту онъ имѣть до

¹⁾ Въ статьѣ о митр. Феогностѣ.

патріарха двѣ просьби. Ка ъ мы говорили выше, есть вѣроятность думать, что современные Феогносту до 1347-го года отдалы галицко-литовские митрополиты осначивали и освояли у него Кіевъ, остававшійся подлинною столицею митрополитовъ всяя Россіи, но съ 1321-го года въ отношеніи государственномъ ставшій литовскимъ. Феодоритъ дѣйствительно сдѣлалъ то, что съ вѣроятностю можно предполагать обѣ его предшественникахъ: онъ завладѣль Кіевомъ и поселился въ немъ, какъ въ своемъ каѳедральномъ городѣ. Во-вторыхъ, Алексій опасался, какъ бы Феодоритъ не сдѣлать попыткѣ подчинить своей власти новгородской епархіи. Передъ самой смертью митр. Феогноста, какъ мы тоже говорили выше, владыка новгородскій послать посольство въ Константинополь съ жалобой на непотребныя вещи, приходящія съ насилиемъ отъ митрополита; естественно, Алексій могъ опасаться, чтобы Феодоритъ, пользуясь этимъ, не попытался привлечь на свою сторону новгородского архіепископа. Такимъ образомъ, Алексій обратился къ патріарху съ двумя просьбами: во-первыхъ, чтобы ему быть возвращенъ изъ-подъ Феодорита Кіевъ; во-вторыхъ, чтобы онъ—патріархъ употребить свое содѣйствіе къ предотвращенію посягательствъ Феодорита на Новгородъ. Патріархъ удовлетворилъ обѣ просьбы Алексія. Во исполненіе первой просьбы патріархъ составилъ соборное опредѣленіе¹⁾, которымъ признается и утверждается случившееся при Максимѣ переселеніе митрополитовъ всяя Россіи на жительство изъ Кіева во Владимиръ или перенесеніе ими своего сѣдалица (*καθισμα*) изъ первого въ послѣдній, какъ совершионное и благословленій винѣ, но которымъ имѣеть съ тѣмъ признается и объявляется за собственный престолъ митрополитовъ и за первое ихъ сѣдалице (*σικετας Θρόνος και πρῶτον καθισμα*) Кіевъ, а посягательства на него со стороны митрополита галицко-литовскаго отвергаются и осуждаются какъ разбойническое насилие. Во исполненіе второй просьбы патріархъ написать посланіе къ новгородскому архієпископу (называемому въ посланії епископомъ²⁾), въ которомъ извѣщаешь сего послѣдняго, что Феодоритъ получить посвященіе въ митрополиты совершение незаконно,—что онъ—патріархъ уже писалъ о семъ во всѣ тамошній мѣста, т. е. въ Литву и Галицію, и въ которомъ запрещаетъ архієпископу признавать незаконнаго митрополита подъ угрозою отлученія.

Сейчасъ сказаннымъ не кончилось новое, имѣвшее другой и худшій смыслъ, попыткіе Алексія въ Константинополь, а напротивъ только началось.

¹⁾ Въ Намятникухъ, col. 63.

²⁾ Ibid., col. 60.

Мы упомянули, что Алексей не искалъ у патріарха приговора соборнаго, которымъ бы отдаленіе Литвы въ особую митрополію объявлялось дѣломъ беззаконнымъ; патріархъ удовлетворяетъ просьбамъ Алексея относительно Феодорита, но при этомъ вовсе не говорить, чтобы вообще онъ не допускаль поставлениія особаго митронолита для Литвы, чтд ему должно было бы сказать, если бы его мысли дѣйствительно были таковы. На основаніи отсутствія этихъ общихъ рѣчей весьма вѣроятно предполагать, что патріархъ, написавъ Ольгерду о незаконности Феодорита, изъявилъ ему готовность законно поставить для Литвы особаго митронолита. Какъ бы то ни было, но на дѣль это было имено такъ. Вѣдѣствие грамотъ, посланныхъ патріархомъ въ Литву и Галицію, о которыхъ онъ говорить въ грамотѣ къ архиепискому новгородскому, незаконно поставленный въ митрополиты Феодоритъ бывъ удаленъ тамъ съ митроноличьей каѳедры; но немедленно вѣдѣ за удаленіемъ незаконно поставленнаго митрополита Ольгердъ прислалъ въ Константинополь другого кандидата для поставлениія въ митрополиты литовскіе,—изъкоего Романа, который прибыть въ Константинополь и бывъ посвященъ тамъ, когда еще не уходилъ изъ Константинооля Алексей. Бывъ поставленъ въ митрополиты, Романъ, подобно Феодориту, изъявилъ свои притязанія на Кіевъ, какъ на столицу своей отдельной митрополіи: но сей причинѣ между двуми митрополитами русскими, находившимися въ Константинополѣ, завязалась продолжительная борьба¹⁾). Определеніемъ собора патріаршаго, поста-

¹⁾ Прямая и непрямая извѣстія, которыя мы имѣемъ о борьбѣ Алексія съ Романомъ, находятся между собою въ разногласіи. Однѣ извѣстія относятъ борьбу ко времени до возведенія Алексія въ митрополиты или до Іюня 1354-го года; другія извѣстія относятъ ее ко времени послѣ возведенія Алексія въ митрополиты; третія извѣстія заставляютъ отрицать самое ея существованіе, утверждая, будто Алексій отбыть изъ Константинооля до прибытія въ него Романа. Наши лѣтописи Воскресенская,—въ Собр. лѣтт. VIII, 9, и Типографская,—стр. 97 нач., говорять, что Алексій возвратился изъ Константинооля на Русь осенью того же 1354-го года, въ которомъ возведенъ былъ въ митрополиты: это будетъ значить, что онъ возвратился тотчасъ, какъ былъ возведенъ въ митрополиты, и изъ этого будетъ сѣдовывать, что борьба имѣла мѣсто до возведенія. Что Алексій отбыть изъ Константинооля до прибытія туда Романа, это говорить константиноольское соборное определеніе по дѣлу Алексія и Романа, относящееся къ 1361-му году, о которомъ мы будемъ говорить ниже.—въ Намѣти. *Навл.*, col. 71 sub fin.. Но необходимо думать, что наши помянутыя лѣтописи ошибаются и что константиноольское соборное дѣяніе, венамѣренной ошибки со стороны которого нельзѧ допустить по близкости ко времени борьбы, венамѣренне говорить неправду. Противъ двухъ нашихъ

новленіемъ по поводу притязаній Феодорита, повидимому, уже рѣшено было дѣло, т. е. рѣшено было, чтобы Кіевъ оставался за митрополитомъ владимирскимъ или всея Россіи, какъ его старшій столъ. Но борьба двухъ русскихъ митрополитовъ представляла такую привлекательную перспективу наживы для императорскихъ и патріаршихъ чиновниковъ, что они не могли не дать ей полнаго хода, а съ другой стороны, можетъ быть, и то, что великий князь литовскій требовалъ новаго пересмотра дѣла. Борьба, дѣйствительно, такъ дорого обошлась

Лѣтописей, утверждающихъ, что Алексій возвратился изъ Константиноіоля осенью 1354-го года, мы имѣемъ другія дѣя въ болѣе авторитетныхъ лѣтописяхъ, которые утверждаютъ, что онъ возвратился осенью не 1354-го, а 1355-го года, это лѣтописи Троицкая (бывшая), — у Карадамз. т. IV, прим. 383, и Новгородская 1-я, — Собр. лѣтт. т. III, стр. 86. Затѣмъ, что борьбу должно относить ко времени не до а послѣ постановленія Алексія въ митрополиты, это съ совершенію яспостію видно изъ слѣдующаго. Во-первыхъ, свое опредѣленіе о перенесеніи кафедры митрополіи изъ Кіева во Владимиръ патріархъ составилъ и свою грамоту новгородскому архиепископу о Феодоритѣ написалъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1354-го года послѣ возведенія Алексія въ митрополиты; но ни въ опредѣленіи, ни въ грамотѣ вѣтъ о Романѣ на слова, тогда какъ въ нихъ необходимо должно было бы о немъ говориться, если бы онъ уже находился тогда въ Константиноіолѣ. Во-вторыхъ, мы имѣемъ документальное и несомнѣнное свидѣтельство, что Романъ находился въ Константиноіолѣ 17-го Августа 1355-го года (см. въ Acta Patriarchat. Constantinop. Миклюшича, т. I, р. 433, подпись подъ дѣяніемъ соборнымъ отъ 17-го Августа 1355-го года). Но несомнѣнно, что Романъ находился въ Константиноіолѣ 17-го Августа 1355-го года, не иначе какъ приѣхавъ туда послѣ постановленія, а оставаясь тамъ послѣ него (поставленія), и такъ какъ съ одной стороны,—само по себѣ иѣть никакихъ оснований предполагать, чтобы онъ оставался въ Константиноіолѣ слишкомъ долго послѣ Алексія, а съ другой стороны—мы положительно знаемъ, что онъ возвратился изъ слѣдъ за нимъ,—Никон. лѣт. III, 204; то по этой бытности Романа въ Константиноіолѣ необходимо относить возвращеніе изъ него въ Россію Алексія къ осени не 1354-го, а 1355-го года (при чемъ его отбыtie изъ Константиноіоля должно полагать ранѣе 17-го Августа, когда былъ тамъ Романъ и уже не было его—Алексія). Что касается до соборного опредѣленія 1361-го года, то его завѣренію, будто Алексій отбылъ изъ Константиноіоля прежде прибытія въ него Романа, мы можемъ противопоставить слѣдующее извѣстіе, читаемое въ нашей Никоновской лѣтописи подъ 1354-мъ годомъ: «того же лѣта мяtekъ во святительствѣ сотворися, чего не бывало прежде сего въ Руси: въ Царѣградѣ отъ патріарха поставлены были два митрополита на всю русскую землю Алексій да Романъ, и бысть межи иихъ не любое велие; и тогда отъ обонихъ иихъ изо Царяграда приїша послы во Тверь къ Феодору владыцѣ тверскому, и бысть священнническому чину тяжесть велия вездѣ».—III, 204. Чтобы приведенное нами извѣстіе Никоновской лѣтописи было вымышлено,

обоимъ тяжущимся, что у нихъ не хватило денегъ и они прислали пословъ на Русь,—оба къ одному и тому же епископу тверскому Феодору, чтобы произведенъ быть сборъ съ духовенства, и притомъ, нужно думать, сборъ усиленный, потому что, какъ говорить наши лѣтоисчислители, этого прихода пословъ «быть священническому чину тяжесть велия вездѣ»¹⁾). Алексій обращался къ тверскому епископу, какъ

этого совершенно невозможно допустить. Соборное определеніе отираетъ Алексія изъ Константиноополя до прибытія въ послѣдній Романа, какъ должно думать, затѣмъ, чтобы не упоминать и не напоминать о проходившей между митрополитами тяжбѣ, такъ какъ тяжба эта представила собою со стороны си устроителей дѣяніе крайне непохвальное; правдой, съ которою соборъ поступаетъ несолько вольно, было то, что Романъ прибылъ въ Константинополь, когда Алексій дѣйствительно собирался было уже отбыть изъ него (см. въ Намитин. *Павл.* сол. 53).—Есть еще свидѣтельство, по которому все дѣло было обратно тому, какъ оно обыкновенно представляется и какъ оно дѣйствительно было, это—свидѣтельство греческаго историка (непосредственнаго современника) Илкифора Григоры, который утверждаетъ, будто по смерти Оеогноста прибылъ въ Константинополь и согласно просьбѣ Ольгерда, обѣщавшаго принять христіанство, былъ посвященъ въ митрополита всея Россіи Романъ, будто послѣ посвященія Романа прибылъ въ Константинополь Алексій.—человѣкъ, по отзыву Григоры, крайне нехорошій, и съ помощью денегъ добился, чтобы и его поставили въ митрополиты, и будто такимъ образомъ и раздѣлилась митрополия русская на двое (*Historiae Byzantinae lib. XXXVI*, сар. 36, ed. Bonn. p. 519). Свидѣтельство Григоры, замѣчательное тѣмъ, что представляетъ собою чуть не единственный (случайный) примѣръ рѣчей Грека о дѣлахъ русской церкви, по его качеству должно быть причислено къ образцамъ греческаго извращенія исторіи и греческой легкости въ очернѣніи людей изъ-за личныхъ побужденій. Григора питалъ величайшую ненависть къ импер. Іоанну Кантакузену и патр. Философу, возведшимъ Алексія въ митрополита, изъ-за спора о евзорскомъ свѣтѣ, въ которомъ онъ (Григора) былъ горячимъ защитникомъ ученія Варлаама и Акиндинна противъ ученія Григорія Назамы и втъ,—изъ желанія навязать Кантакузену и Философу весьма нехорошее дѣяніе. онъ съ великими безстыдствомъ, для которого лгать въ писать исторію можетъ значить одно и тоже, представляетъ событие поставленій двухъ русскихъ митрополитовъ совсѣмъ обратно тому, какъ оно было на самомъ дѣлѣ, и съ той нравственной невѣроятностью, для которой самымъ мерзкимъ образомъ очернить человека ничего не стонуть, изображаетъ Алексія, о которомъ не имѣть ровно никакихъ свѣдѣній, усояя значение свѣдѣній развѣ только клеветамъ, слышаннымъ отъ представителей враждебной ему стороны, человѣкомъ крайне нехорошимъ.

¹⁾ Никон. лѣт., см. предыдущее примѣчаніе. Св. Алексій возведенъ былъ въ митрополиты въ юнѣ мѣсяцѣ 1354-го года патр. Философомъ по изволенію импер. Іоанна Кантакузена. Но и въ январѣ слѣдующаго 1355-го года Іоанъ Кантакузенъ

епископу своей митрополії, хотя и не совсѣмъ понятно, что обращался имено къ нему, а не къ какому-либо другому ¹⁾). Что касается до Романа, то онъ, какъ должно думать, обращался къ епископу тверскому вслѣдствіе своихъ особыхъ отношений къ тверскимъ князьямъ. Эти князья, захваченные враги Москвы, были союзниками и родственниками Ольгерда литовского ²⁾, кандидатомъ которого былъ Романъ; кроме того есть указания, что онъ самъ былъ родственникомъ князей тверскихъ ³⁾, и следовательно—нужно думать, что онъ былъ рекомендованъ Ольгерду какъ кандидатъ въ митрополиты имено сими князьями. Такъ, онъ—Романъ могъ разсчитывать, что князья тверские заставятъ своего епископа, отторгнувшись отъ власти митрополита владимирского и всей Россіи, признать власть его—митрополита литовского, а во всякомъ случаѣ могъ разсчитывать, что князья заставятъ епископа послать деньги къ нему, а не къ Алексію. Къ которому на самомъ дѣлѣ посланы были деньги, мы не знаемъ; по всей вѣроятности и болѣе чѣмъ вѣроятно—къ Алексію. Какъ бы то ни было, только въ концѣ концовъ онъ одолѣлъ своего противника и Кіевъ быть оставленъ за нимъ ⁴⁾.

Во времена бытности св. Алексія въ Константинополь постѣдовало рѣшеніе патріарха по жалобѣ новгородского архієпископа Моесея на митр. Феогноста. Относительно этого рѣшенія въ Новгородской лѣтописи подъ 1354-мъ годомъ читается: «того же лѣта пріоша послово»

долженъ былъ отказаться отъ престола, а за нимъ послѣдоваль и патр. Филоѳей, уступившій каѳедру вторично Каллисто 1-му. Должно думать, что эта перемѣна на престолѣ императорскомъ и каѳедрѣ патріаршій, если не удвоила расходы тягавшихся, то все таки весьма увеличила ихъ.

¹⁾ Старшимъ епископомъ въ митрополії Алексія былъ архієпископъ новгородский, но онъ былъ съ нимъ, по наслѣдству отъ Феогноста, о чёмъ сейчасъ въ текстѣ, если не совсѣмъ во враждебныхъ, то въ весьма натянутыхъ отношенияхъ. Старшимъ послѣ архієпископа новгородского былъ епископъ ростовский. И мы не можемъ сказать, почему Алексій не обратился къ нему. Есть некоторыя основанія предполагать, что Алексій находился въ личномъ дружествѣ съ епископомъ тверскимъ (Никон. лѣт. III, 211); это, можетъ быть, и было причиной, почему онъ обратился именно къ нему.

²⁾ Въ 1350-мъ году Ольгердъ женился на дочери тверского князя Александра Михайловича (бывшаго передъ Иваномъ Даниловичемъ великимъ княземъ).

³⁾ У Никифора Григоры, Lib. XXXVI, ed. Bonn. Vol III, p. 518 (εκ τριαντας συγγενής τοῦ κυρεστοῦ βουλής, т. е. родственникъ по женѣ свояка короля,—разумѣется Ольгердова).

⁴⁾ Объ исходѣ тяжбы мы знаемъ изъ опредѣленія патріаршаго собора 1361-го года, въ Памятни. col. 73 sqq.

архієпископа новогородскаго владыки Мовсія отъ Царяграда и привезша ему ризы христычныи и грамоты съ великимъ пожалованіемъ отъ царя и патріарха и златою печатью». Изъ словъ лѣтописца слѣдовало бы, что архієпископъ имѣть у патріарха съ своею жалобою полный успѣхъ. Но онь—лѣтописецъ говоритьъ объ одной грамотѣ патріарха къ архієпископу, которая прислана была послѣдніему съ его послами, и благоразумно умалчиваетъ о другой грамотѣ, которая прислана была ему спустя нѣсколько времени послѣ возвращенія пословъ. Первая грамота не дошла до насъ¹⁾ и мы знаемъ о ней изъ второй грамоты: въ этой второй грамотѣ дается знать, что первая грамота дѣйствительно была написана въ очень благосклонномъ тоиѣ или заключала въ себѣ «великое пожалованіе», и дѣйствительно подтверждается извѣстіе лѣтописца, что патріархъ далъ архієпископу кресты ризы, хотя съ поясненіемъ, что ризы этихъ просилъ у патріарха самъ архієпископъ, ссылаясь на то, что ихъ далъ митр. Феогностъ его предшественнику Василию. Но послѣ первой грамоты была получена архієпископомъ отъ патріарха вторая грамота. Мы не знаемъ, какъ было дѣло,—такъ ли, что послы архієпископа успѣли получить отъ патріарха грамоту, когда Алексій еще не приходилъ въ Константионополь, или такъ, что они получили ее уже послѣ его прибытія туда. Если послѣднѣе, то во всякомъ случаѣ это было въ самое первое время его пребыванія въ Константионополѣ, когда онь, еще не получивъ сана митрополита, только что началъ выдерживать тамъ свое испытаніе. Въ этомъ положеніи ему было очень неудобно вступать съ послами архієпископа въ сколько нибудь рѣшительную тяжбу передъ патріархомъ. Но послы ушли, а Алексій остался въ Константионополѣ, выдержать испытаніе и, синекавъ полное расположение къ себѣ патріарха, получить санъ митрополита. Тогда перемѣнилось дѣло. Относительно жалобы архієпископа митрополить, вѣроятно, представить патріарху, что она неосновательна, а затѣмъ онь принесъ на архієпископа встрѣчную жалобу въ печовиновеніи, имѣя при этомъ то фактическое, что во время его бытности въ Константионополѣ новгородцы, конечно, не безъ благословенія архієпископа, хлонотали было въ Ордѣ, чтобы престолъ великоокияжскій послѣ Сумеона Ивановича достался не его брату Ивану Ивановичу, а сопернику московскаго князя суздальскому князю

¹⁾ Къ великому сожалѣнію, ибо, какъ можно думать, изъ нея мы знали бы, въ чёмъ именно состояла жалоба архієпископа (Никон. лѣт. III, 206 нач.). Въ записяхъ дѣяній патріаршаго собора она не попала, вѣроятно, потому, что была такъ скажать кассирована слѣдующею за ней грамотою.

Константипу Васильевичу. И тотчасъ или вскорѣ послѣ поставленія Алексія въ митрополиты патріархъ послалъ архієпископу новгородскому вторую грамоту, которая уже вовсе не заключала въ себѣ «великаго пожалованія»¹⁾. Обходя совершенныемъ молчаніемъ жалобу архієпископа, патріархъ настоятельно и рѣшительно приглашаетъ его въ грамотѣ оказывать своему митрополиту безпрекословное и совершение должное повиновеніе; при этомъ предписываетъ ему, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ найдеть нужнымъ о чёмъ либо написать ему—патріарху, онъ дѣлать это не иначе, какъ съ вѣдома митрополита, за исключеніемъ одного того случая, если бы митрополитъ отнялъ у него данины ему патріархомъ крецатыя ризы.

(Не мало подозрѣвается намъ, что главной причиной жалобы архієпископа Мовселя на митр. Феогноста были эти крецатыя ризы, которыхъ митрополитъ почему-то не хотѣлъ дать архієпископу послѣ того, какъ далъ ихъ его предшественнику,—что этимъ не только весьма оскорбленье быть самъ Мовсей, но и всѣ новгородцы, которые могли смотрѣть на крецатыя ризы, данины Феогностомъ архієпископу Василию, какъ на отличие, однажды навсегда пожалованное имъ владыкамъ).

Вторая грамота патріарха къ архієпископу новгородскому, о которой мы сказали сейчасъ, дополняетъ наши свѣдѣнія о той заботливости, съ которой патріархъ хотѣлъ гарантировать себя относительно повиновенія ему Алексія, какъ постановленіаго въ митрополиты русскѣ изъ природныхъ Русскихъ. Въ грамотѣ сообщается, что были по-требованы о немъ «представительныя» или рекомендательныя, т. е., какъ должно съ вѣроятностю подразумѣвать,—поручительныя, грамоты русскихъ епископовъ, и что патріархъ,—если только мы правильно понимаемъ его,—не прежде хотѣлъ отпустить Алексій изъ Константино-поля, какъ получивъ эти грамоты.

На своихъ испытаніяхъ, о которыхъ мы сейчасъ вели рѣчь, св. Алексій прожилъ въ Константино-полѣ цѣлыхъ два года,—годъ до возведенія въ митрополиты и годъ послѣ возведенія въ митрополиты. Онъ возвратился въ Россію осенью 1355-го года²⁾.

¹⁾ Она въ Намятн. col. 51. Писана въ Іюлѣ 1354-го года.

²⁾ На возвратномъ пути изъ Константино-поля въ одно изъ двухъ своихъ путешествій въ него св. Алексій, перенесши бурю на Черномъ морѣ, присталъ къ берегу 16-го Августа, чѣмъ мы знаемъ изъ исторіи построенія имъ обѣтнаго монастыря (Андроникова) въ честь праздника нашего дня. Это перенесеніе бури большою частію относится ко второму путешествію; но на самомъ дѣлѣ оно должно быть относимо къ первому путешествію, ибо изъ втораго путешествія св. Алексій привезъ уже

Митрополичью кафедру онъ занималъ въ продолженіе 24-хъ лѣтъ, съ 1354-го года по начало 1378-го года.

О церковноправительственной дѣятельности его, несмотря на продолжительность послѣдней, мы совершенно ничего не знаемъ, кромѣ того, сколько и какихъ въ бытность свою митрополитомъ онъ поставилъ епископовъ. У первого биографа его Ипатия читается весьма краткій общій отзывъ объ этой дѣятельности, который есть слѣдующій: «пребыть (св. Алексій) во святительствѣ и во учителствѣ лѣта довольна, уча слову Божію и по благочестію поборая, правя слово истиинное православнаго вѣры, поставляя епископы, іереи и діаконы»¹⁾.

Сохранилось до настоящаго времени отъ св. Алексія учителльное посланіе или поученіе къ его паствѣ, обнародованное имъ, какъ это дается знать изъ посланія, при занятіи имъ митрополичьей кафедры²⁾. Въ началѣ посланія святитель говоритъ, что обращается съ нимъ къ паствѣ, «понеже долженъ есть пасти и учити ее»: по послѣ этого вступительнаго посланія писать ли онъ, подражая св. Петру, и другія общія учителльные посланія, адресованныя ко всей паствѣ, остается намъ неизвѣстнымъ. Кромѣ одного общаго учителльного посланія сохранились отъ св. Алексія, во свидѣтельство его архиастырской ревности къ учителству, два частныхъ учителльныхъ посланія, изъ коихъ одно адресовано къ духовенству и мірянамъ Нижнаго-Новгорода и Городца, а другое къ жителямъ области Червленааго Яра,—піицѣшней воронежской губерніи. Въ 1365-мъ году, о чёмъ говоримъ ниже, св. Алексій взялъ у епископа сузdalскаго и присоединилъ къ своей митрополичьей епархіи Нижній-Новгородъ и Городецъ съ ихъ уѣздами. При этомъ, вѣроятно, случилось онъ и написать учителльное посланіе духовенству и мірянамъ предѣла новгородскаго и городецкаго³⁾. Второе частное учи-

икону для предположенного имъ монастыря, да и возвратился онъ изъ втораго путешествія не осенью, а зимой, см. ниже.

¹⁾ Для поставленія двухъ тверскихъ епископовъ (Василія въ 1361-мъ году и Евоямія въ 1374-мъ году) Алексійѣздилъ въ самую Тверь, для постановленія одного епископа сузdalскаго (Діонисія въ 1374-мъ году)—въ самый Суздаль. Если бы за основаніи этихъ примѣровъ предполагать, что у него вообще или по крайней мѣрѣ наиболѣшее частію было принятоѣздить для постановленія епископовъ въ самые въ кафедральные города: то можно было бы думать, что при семъ имѣлись имъ въ виду цѣли пастырскаго надзора (дозированія).

²⁾ Напечатано въ 5-мъ томѣ Прибавленій къ твореніямъ свв. отцевъ, стр. 30.

³⁾ Напечатано въ 1-й книжкѣ «Душеполезнаго Чтенія» за 1887-й годъ, стр. 458.

тельное послание присоединено св. Алексием къ дѣловой грамотѣ. Ему нужно было извѣстить жителей области Червлена Яра, что между двумя спорившими о нихъ епископами рязанскимъ и сарайскимъ они должны признавать своимъ законнымъ епископомъ первого изъ двухъ, а иль официальной грамотѣ о семъ онъ и присоединяетъ обращенное къ жителямъ области учительное слово ¹⁾). Въ первомъ или общемъ учительномъ послании св. Алексія содержатся наставления—увѣщанія «христолюбивымъ христіаномъ»: любить другъ друга; имѣть въ сердцахъ своихъ страхъ Божій; соблюдать заповѣди Божіи, принося ежедневное покаяніе о своихъ грѣхахъ, творя милостыню и удаляясь отъ неподобныхъ дѣлъ, каковы: блудъ, пьянство, грабленіе, насиліе, чародѣйство и веякія коби, несбыточность богатства и всякаго злого имѣнія; имѣть въ умѣ свое мъ смерть съ воздаяніемъ каждому по дѣламъ; князьямъ, боярамъ и вельможамъ судить судъ право и милостиво и мады на невинныхъ не братъ; всѣмъ мірянамъ («людской чадѣ»): бояться Бога и чтить князя и священниковъ; притекать на исповѣдь къ отцамъ духовнымъ, памятуя при семъ, что истинное покаяніе есть возненавидѣть свои прежніе грѣхи; усердно ходить въ церкви за общественное богослуженіе, не думая замѣнять его домашней молитвой, и при этомъ—намѣрезаясь идти въ нихъ, быть въ мирѣ со всѣми, входить въ нихъ съ боязнию и благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ и стоять въ нихъ, помышляя о своихъ прегрѣщеніяхъ и не занимаясь говоромъ. Въ послании игуменамъ, священникамъ и діаконамъ и всѣмъ христіанамъ нижегородскимъ и городецкимъ св. Алексій говорить игуменамъ и священникамъ объ ихъ обязанности учить мірянъ и увѣщевать ихъ къ сему; въ частности наставляетъ учить страху Божію, исповѣданію грѣховъ и милостынѣ по силѣ, — чтобы сильные не обижали меньшихъ, чтобы всѣ имѣли между собой миръ, любовь и правду, чтобы были причастниками тѣлу и крови Христовыхъ и чтобы отсѣкли отъ себя «корень злобы, мяте же всякому беззаконію»—пьянство. За симъ опять учищается игуменовъ и священниковъ наводить мірянъ на путь заповѣдей и «на всю истину», представляя имъ, что великое они должны имѣть понеченіе о словесномъ Христовомъ стадѣ. Въ заключеніе увѣщеваетъ мірянъ имѣть честь, покореніе и послушаніе къ отцамъ своимъ духовнымъ, поболику эти послѣдніе заповѣдаются имъ душеполезное и спасеніе. Въ грамотѣ на Червленый Яръ, жители области которого, представляя собою украинский сбродъ, по всей вѣроятности, были очень

¹⁾ Грамота напечатана въ I т. Актовъ Историческіхъ, № 3, и перепечатана въ Памятникахъ Павлова, № 19.

плохими христіанами, содергатся увѣщанія: исполнять заповѣди Христовы, имѣя миръ другъ къ другу, правду, цѣломудріе, милостыню, исповѣданіе грѣховъ своихъ, и бѣгать дѣлъ темныхъ: всякой злобы и горести (вражды), яости и гибѣва, блуда и прелюбодѣйства, обиды и зависти, убийства и пьянства; покаяться и обратиться къ Богу, поминная смерть и воскресеніе и страшный судъ; любить священниковъ и монаховъ и просить ихъ молитвы; миловать и призирать вдовицъ, сиротъ, полонянниковъ и странниковъ; посѣщать находящихся въ темницахъ.

Отъ весьма краткихъ рѣчей о церковно-правительственной дѣятельности св. Алексія надлежитъ намъ возвратиться къ рѣчамъ о тѣхъ церковно-правительственныхъ его непріятностяхъ, которая по поводу отдѣльной митрополіи литовской начались съ самой минуты его поставления въ митрополиты.

Разсужданные въ Константиноополь Алексій и Романъ прибыли на Русь. Но въ высшей степени былъ недоволенъ митрополитъ литовскій, что ему не удалось овладѣть Киевомъ подъ митрополитомъ московскимъ; не менѣе, а еще гораздо болѣе митрополита долженъ быть оставаться недоволенъ этимъ и самъ Ольгердъ, который, какъ необходимо думать, соединилъ съ мыслию объ отнятіи у митрополита московской церковной власти надъ Киевомъ чрезвычайно важные политическіе планы. И на другой же годъ послѣ возвращенія изъ Константиноополя, въ 1356-мъ году, Романъ снова отправился туда, чтобы снова искать себѣ у патріарха Киева ¹⁾). По его прибытіи въ Константинополь былъ вызванъ туда и Алексій ²⁾), и между двуми митрополитами онѣ происходили передъ патріархомъ и его соборомъ, какъ сообщается наша лѣтопись, «споръ великий» ³⁾). Но и на еї разъ Алексій одержалъ верхъ надъ Романомъ: патріархъ съ соборомъ подтвердили свой прежній приговоръ, чтобы Киеву оставаться за митрополитомъ всея Россіи, каковъ былъ митрополитъ владимирско-московский ⁴⁾). Только, если мы правильно понимаемъ не совсѣмъ обстоятельства рѣчи передающаго свѣдѣнія соборного дѣянія ⁵⁾), Роману подчинены были епархіи Малой

¹⁾ Мы находимъ его въ Константиноополь въ Іюлѣ якъ въ 1356-го года.—Acta Patriarchat. Constantiop. Mikloušica, t. I. p. 362 бп..

²⁾ Никон. лѣт. III, 206, соборное опредѣленіе 1361-го года въ Начатии. col. 73. Отправился осенью 1356-го года.—Воскресенск. лѣт., въ Собр. лѣтт. VIII, 10.

³⁾ Никон. лѣт. ibid..

⁴⁾ Возвратился Алексій зимой 1356-го года.—Воскресенск. лѣт. ibid..

⁵⁾ Начатии. col. 73.

Россії, подъ которою должно разумѣть часть Малой Россіи, зависѣвшую тогда отъ Польши, а также покоренную Поляками Галицію (и которая, въ случаѣ правильнаго пониманія нами рѣчей собора, до тѣхъ поръ, значить, находилась въ завѣдываніи Алексія).

Вторичная неудача Романа не только не прекратила нещастій Алексія, а напротивъ еще болѣе увеличила ихъ. До постѣдней степени раздосадований на патріарха, Романа, не простясь съ нимъ, ушелъ изъ Константиноополя¹⁾ и, возвратившись домой, по соглашенію съ Ольгердомъ, рѣшился силою изять то, чѣмъ не могъ добиться получить законнымъ образомъ. Утверждая, что не митрополитъ московскій Алексій, а онъ—митрополитъ литовскій есть действительный митрополитъ всѣя Россіи и на самомъ дѣлѣ усвоилъ себѣ этого титула, онъ началъ приходить въ Кіевъ совершать въ немъ служеніе и производить рукоположенія. Проводя вмѣстѣ съ Ольгердомъ тотъ принципъ, что все принадлежащее Литвѣ въ гражданскомъ отношеніи должно и въ церковномъ отношеніи принадлежать ему—митрополиту литовскому, онъ сдѣлалъ новыя хищенія у Алексія: въ 1356-мъ году Ольгердъ овладѣлъ Брянскомъ и областью черниговской, и онъ—Романъ поспѣшилъ изъять свои притязанія на епископію брянскую (бывшую или перемѣщеннюю черниговскую²⁾). Стараясь всевозможнымъ образомъ, метить Алексію, онъ возбудилъ Ольгерда, питавшаго вирочемъ къ митрополиту московскому совершение такія же чувства, какія и онъ, чтобы князь литовскій сдѣлалъ нападеніе на принадлежавшій московской кафедрѣ въ качествѣ вотчиной собственности городъ Алексинъ и предалъ его разграбленію³⁾). Все это побудило св. Алексія въ 1357-мъ году отправить въ Константинополь своихъ пословъ съ жалобами на Романа патріарху⁴⁾. Долго въ Константинополѣ было разби-

¹⁾ Соборное опредѣленіе 1361-го года.

²⁾ См. тоже соборное опредѣленіе 1361-го года.

³⁾ Патріаршай грамота Роману 1361-го года въ Памятни. col. 86 (что Алексій принадлежалъ московской кафедрѣ, были куплены у кого-то св. Петромъ, см. грамоту вел. кн. Ивана Васильевича въ Описаніи государственного архива старыхъ дѣлъ И. Иванова, стр. 212, и лѣтопись—Никоновскую подъ 1347-мъ годомъ [III, 190], другія подъ 1348-мъ годомъ).

⁴⁾ См. соборное дѣяніе 1361-го года и грамоту патріарха къ Роману того же года въ Памятни.. Въ январѣ 1358-го года Алексій отправился въ Кіевъ для его посѣщенія (Никоновск. и Воскресенск. лѣтописи) и во время своей бытности тамъ былъ схваченъ Ольгердомъ и посаженъ въ заключеніе, пзъ котораго спасся бѣгствомъ. Такъ какъ на этотъ поступокъ Ольгерда Алексій не приносилъ жалобы патріарху,

раемо дѣло чрезъ выслушаніе уполномоченныхъ обоихъ митрополитовъ, при чмъ послы митрополита литовскаго предупредили прибытіемъ туда пословъ митрополита московскаго ¹⁾; наконецъ, патріархомъ рѣшено было отправить апокрисіаревъ въ Россію для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ. Но ка тинулось все это, Алексію пришлось до дна испить чашу золь. Нарядивъ своихъ пословъ въ Константинополь съ жалобами на Романа, онъ самъ въ Январѣ мѣсяцѣ 1358-го года предпринялъ путешествіе въ Кіевъ для посѣщенія отнимаемой у него митрополитомъ литовскимъ перво-столицы его митрополіи; но здѣсь, по разсказу одного позднѣшаго константинопольскаго соборнаго дѣянія, съ нимъ случилось то, что пытавшій къ нему величайшую ненависть Ольгердъ «изымалъ его обманомъ, заключилъ подъ стражу, отнялъ у него многоцѣнную утварь, и можетъ быть—убилъ бы его, если бы онъ, при содѣстіи пѣкоторыхъ, не уѣхжалъ тайно и такимъ образомъ не избавился отъ опасности» ²⁾). Для разбірателѣства митрополитовъ на мѣстѣ патріархъ отправилъ своихъ апокрисіаревъ въ Россію лѣтомъ или осенью 1361-го года ³⁾). Не знаемъ, было ли начинаемо апокрисіарями это разбірателѣство, но во всякомъ случаѣ оно не было окончено; это по той причинѣ, что вскорѣ послѣ прибытія апокрисіаревъ въ Россію, въ исходѣ 1361-го года, Романа постигла смерть ⁴⁾.

Послѣ смерти Романа Ольгерду не удалось достигнуть того, чтобы на его мѣсто поставленъ быть новый особый литовско-галицкій митрополитъ; напротивъ, Алексію удалось достигнуть того, чтобы митрополія

то и должно думать, что пословъ съ жалобами на Романа онъ отправилъ въ Константинополь ранѣе своего путешествія въ Кіевъ.

¹⁾ Соборное опредѣленіе 1361-го года.

²⁾ По разсказу соборнаго дѣянія 1381-го года,—Памятн. col. 167 (Наша лѣтопись, говоря о путешествії св. Алексія въ Кіевъ, ничего не говорить о случившемся съ нимъ тамъ. Но нашимъ лѣтописямъ, отправившимъ въ Кіевъ въ Январѣ 1358-го года, св. Алексій возвратился въ Москву въ 1360-мъ году,—Никон. и Воскрес., неизвѣстно когда до Іюля мѣсяца.—первая лѣтопись, III, 214 и 215).

³⁾ Въ соборномъ дѣяніи и патріаршій грамотѣ къ Роману отъ Іюля 1361-го года говорится, что рѣшено отправить пословъ: но могло быть нѣсколько замедлено ихъ отправлениемъ.

⁴⁾ Никоновск. лѣт. IV, 2, сfr патріаршее соборное дѣяніе 1364-го года въ Памятн., col. 95. За годъ до смерти, въ 1360-мъ году Романъ приходилъ въ Тверь (Ник. лѣт. III, 214); но по всейѣѣроятности, не за тѣмъ, чтобы попытаться подчинить своей власти епископа тверскаго, который, во всякомъ случаѣ, не оказалъ ему никакой чести и не хотѣлъ даже видѣться съ нимъ, а за тѣмъ, чтобы мирить ссорившихся тверскихъ князей, сfr Солов. Ист. т. IV, изд. 4-го стр. 274.

литовско-галицкяя возсоединена была съ его митрополіей всея Россіи. Это единство митрополії не оставалось до конца правленія св. Алексія, но продолжалось довольно долго. Къ новому ея раздѣленію мы возвратимся ниже.

Не имѣя совершенно никакихъ свѣдѣній о св. Алексіѣ какъ церковномъ правителѣ, мы имѣемъ иѣкоторыя свѣдѣнія о немъ, какъ о государственномъ дѣятелѣ.

Св. Алексій избранъ былъ въ преемники митр. Феогносту въ самой Россіи, какъ говорили мы, съ тою цѣлію, чтобы онъ могъ быть для князей московскихъ тѣмъ же, чѣмъ были для нихъ самъ Феогностъ и предшественникъ его св. Петръ. Св. Алексій и не обманулъ возложившихся на него надеждь; но обстоятельства времени потребовали, чтобы онъ сталъ по отношенію къ Москвѣ государственнymъ человѣкомъ въ болѣе тѣсномъ и болѣе собственномъ смыслѣ этого слова, нежели въ какомъ были два его предшествника. Св. Петръ и Феогностъ имѣли пребываніе въ Москвѣ вмѣсто Владимира, сдѣлавъ ее своимъ фактическимъ столицымъ городомъ, и оказывали князьямъ московскимъ свое содѣйствіе въ ихъ государственныхъ дѣлахъ, насколько это могли и насколько князья этого отъ нихъ искали; но они не были призваными участниками государственного управления и стояли виѣ его. Св. Алексія обстоятельства времени поставили во главѣ государственного управления, такъ что онъ былъ митрополитомъ и въ то же время первымъ государственнымъ человѣкомъ, главою боярской думы своихъ князей. Ему выпало занимать митрополичью каѳедру въ то время, какъ князьями московскими были люди, требовавшіе опеки надъ собою. Въ одинъ годъ съ митрополитомъ Феогностомъ, спустя 47 дней послѣ него, умеръ князь Суменъ Ивановичъ и оставилъ своимъ преемникомъ брата своего Ивана Ивановича; этотъ Иванъ Ивановичъ былъ, какъ говорятъ лѣтописи, государь «тихій и броткій», т. е. государь слабый. Иванъ Ивановичъ умеръ въ 1359-мъ году и оставилъ своимъ преемникомъ сына своего Димитрія Ивановича 9-лѣтнимъ мальчикомъ. Оба князя, одинъ по слабости, другой по малолѣтству, имѣли нужду въ руководителѣ себѣ и опекунѣ надъ собою: и руководителемъ—опекуномъ обоихъ былъ онъ—св. Алексій. Мы не знаемъ положительно, былъ ли онъ настоящимъ или официальнымъ главой государственного управления при Иванѣ Ивановичѣ; Суменъ Ивановичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, написанномъ передъ смертью, приказываетъ своимъ братьямъ—Ивану Ивановичу и Андрею Ивановичу (умершему вскорѣ послѣ него самого): «слушали бы есте отца нашего владыки Олексія,

такоже старыхъ бояръ, хто хотѣть отцю нашему добра и намъ» ¹⁾), и этимъ какъ будто формально ставить его—св. Алексій во главѣ боярской думы. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ положительныя и ясныя свидѣтельства, что Иванъ Ивановичъ передъ своей смертью оставилъ его формальнымъ и настоящимъ регентомъ государства при своемъ малолѣтнемъ сынѣ Димитрии ²⁾). Такимъ образомъ, св. Алексій быть и митрополитомъ и имѣстъ главою государственного управления,—отчасти, можетъ быть, не формальнымъ образомъ, отчасти же и совершение формальнымъ образомъ. Чтобы митрополитъ или вообще предстоятель церкви формально быть регентомъ и правителемъ государства, это въ нашей русской исторіи—единственный случай.

Мы не можемъ дать полной характеристики всей государственной дѣятельности св. Алексія, потому что для этого не достаетъ у насъ свѣдѣній; но мы положительнымъ образомъ знаемъ, что онъ былъ ревностнѣйшимъ охранителемъ владѣній и власти московскихъ князей противъ вѣшнинъ враговъ: современныя свидѣтельства, принадлежащія друзьямъ и врагамъ св. Алексія, согласно говорять намъ, что онъ, получивъ отъ умирающаго Ивана Ивановича опеку надъ его малолѣтнимъ сыномъ Димитриемъ, «прилагать всѣ старанія, чтобы сохранить дитя и удержать за нимъ страну и власть», что онъ «весь предавался» возложенному на него дѣлу попеченія о «государѣ—дитяти» ³⁾). Димитрий Ивановичъ Донской первый изъ великихъ князей московскихъ ясно и опредѣленно заявилъ стремлѣнія къ государственному единодержавію, но онъ заявилъ ихъ въ такіе еще юные годы, что необходимо долженъ быть предполагаемъ при семъ св. Алексій. До какой степени за его время Москва возрасла въ своей силѣ и сознала эту постѣднюю, видно изъ того, что знаменитая битва Куликовская была на третій годъ постѣ его кончины...

Свои старанія объ охраненіи власти князя московскаго св. Алексій, какъ должно думать, началь тотчасъ же постѣ смерти Симеона Ивановича, который, умирая, поручилъ своихъ братьевъ будущему митропо-

¹⁾ Въ Собр. госуд. грамм. и догов. I. № 24, стр. 38, col. 2 fin..

²⁾ Въ актахъ греческихъ, см. соборное дѣяніе 1380 г. въ Намм. col. 165, и таковое же дѣяніе 1389-го года ibid. col. 197: вел. кн. Иванъ Ивановичъ «передъ своей смертью не только предать на попеченіе митрополиту (Алексію) своего сына, но и вручить ему опекунское завѣщаніе всюю властью (τὴν τῆς ἀρχῆς ἀπάστη; ἐπιτροπείᾳ καὶ φυλακῇ), не довѣряя никому другому (въ виду множества вѣшнинъ и внутреннихъ враговъ)».

³⁾ Греческіе акты, въ Намм. coll. 165 и 197.

политу. У слабаго преемника Сумеонова Ивана Ивановича искаль въ Ордѣ отнять великокняжескій престоль суз达尔скій князь Константииъ Васильевичъ, — человѣкъ, по свидѣтельству лѣтописей, энергическій, княжившій «честно и грозно», который притомъ нашелъ поддержку себѣ у новгородцевъ, ибо эти послѣдніе, весьма успѣхъ испытать возрастающую силу Москвы ¹⁾ и желая подорвать ее, явились въ Орду хлопотать за него съ своимъ серебромъ. Если Ивану Ивановичу удалось отстранить соперника и получить отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, то съ весьма большою вѣроятностію нужно подозрѣвать тутъ старанія св. Алексія. Мы говорили выше, что митр. Феогностъ въ свое путешествіе въ Орду 1343-го года успѣхъ купить благоволеніе ханиши Тайдулы, жены хана Чанибека. Жѣны золотоординскихъ хановъ, никакъ не будучи гаремными затворницами, и вообще имѣли при нихъ не менѣе значеніе, чѣмъ жены европейскихъ государей при своихъ мужьяхъ ²⁾, но Тайдула,—женщина выдающаяся изъ обыкновеннаго ряда, имѣла исключительно большое влияніе на дѣла государственныхъ и была настоящей соправительницей хана—своего мужа ³⁾. Митр. Феогностъ, понимая всю важность покровительства ханни, конечно, рекомендовалъ ей передъ своею смертю своего будущаго преемника (чрезъ нарочныхъ пословъ или чрезъ епископа сарайскаго ⁴⁾) и содѣйствіемъ Тайдулы Алексій и могъ воспользоваться, чтобы отстранить явившагося Ивану Ивановичу соперника. Онъ отправился въ Константинополь на поставленіе въ митрополиты ранѣе, чѣмъ князя пошли въ Орду за ярлыками, но онъ могъ держать свой путь черезъ ту же Орду, черезъ которую былъ тогда если не единственный, то наиболѣе обычный путь въ Константинополь, такъ что къ приходу въ Орду Ивана Ивановича онъ уже могъ устроить дѣло въ его пользу. Изъ свидѣтельства, относящагося къ 1357-му году, о которомъ сейчасъ ниже, мы знаемъ, что св. Алексій въ свои двѣ поѣздки передъ этимъ годомъ въ Константинополь стать лично известнымъ Тайдулѣ и пріобрѣть ея величайшее уваженіе. То и другое могло имѣть мѣсто во второй поѣзdkѣ: но такъ какъ въ первую поѣзdkу онъ имѣлъ на-

¹⁾ См. 1-ю Новгородск. лѣтопись подъ 1332, 1333, 1337, 1339 и 1340 гг.

²⁾ Слѣд. у Григорьевъ въ диссертациіи «О достовѣрности ханскихъ ярлыковъ». стр. 65 sqq.

³⁾ Нана, обращаясь къ хану, считалъ нужнымъ писать Тайдулѣ особое отъ хана посланіе.

⁴⁾ Мы имѣемъ прямыхъ указанія относительно нарочитой преданности св. Алексію тогдашняго епископа сарайскаго (Афанасія)—въ греческихъ актахъ, Памм. col. 53.

рочитую надобность быть у хана и ханши, то и представляется въро-
тибайшимъ думать, что это имѣло мѣсто именно еще въ первую
поездку ¹⁾).

Въ 1357-мъ году св. Алексій имѣлъ возможность оказать важную
услугу Тайдулѣ, и это послужило на пользу Москвѣ. Жена хана за-
болѣла какою-то болѣзнию. Такъ какъ Монголы считали врачами слу-
жителей вѣрь, о чёмъ мы говорили выше ²⁾), то естественно, что и Тайдула у нихъ должна была искать себѣ помощи. Не знаемъ, обра-
щалась ли она къ духовнымъ разныхъ вѣрь, находившимся въ Ордѣ,
и ни отъ кого не получила помощи, или прямо вспомнила о св. Алексіѣ,
съ которымъ познакомилась въ его Константинопольскія путешествія,
какъ о добродѣтельномъ и святомъ по жизни представителѣ русского
духовенства; только въ 1357-мъ году, въ Августѣ мѣсяцѣ, она при-
слала къ нему посольство съ просьбою, чтобы онъ пришелъ посѣтить
ея. Св. Алексій отправился въ Орду, и по его молитвамъ ханша
получила чудесное исцѣленіе. Вотъ разсказъ о семъ, читаемый въ
Воскресенской лѣтописи: «Тое же (1357-го года) осени прииде посолъ
отъ царицы Тайдулы изъ Орды къ митрополиту Алексію, зовущи его
въ Орду, да пришедъ посѣтить нездравіе ея; она же нача яко на путь
потребнаа готовити, и се тогда загорѣся свѣща сама собою у гроба
чудотворца Петра, августа 18-го; митрополитъ же, пѣвъ молебень со
всѣмъ крилосомъ, и свѣщу ту раздроби и раздасть народу на благо-
словеніе, и того же дни поиде въ Орду, и пришедъ тамо болящую
царицу исцѣли, и паки вскорѣ отпущенъ бысть съ великою честю» ³⁾).

¹⁾ Сохранился до настоящаго времени ярлыкъ, данный Тайдулой св. Алексію
на случай его путешествій въ Константинополь (проѣздный листъ); но, къ сожалѣнію, не можетъ быть решено, въ какомъ году онъ данъ, см. у Григорьева въ
помянутой диссертациі, стр. 89.

²⁾ Въ главѣ: „Наробощеніе Руси Монголами и отношенія хановъ монгольскихъ
къ русской церкви или къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству“, — выше-
стр. 22.

³⁾ Въ житії св. Алексія Нитиримовомъ пѣтъ обѣ исцѣленія имъ ханши; о
немъ говорятъ лѣтописи: Воскресенская, разсказъ которой мы привели.—въ Собр.
лѣтт. VIII, 10. и Никоновская.—III, 208. Позднѣйшія житія св. Алексія беруть
разсказъ изъ лѣтописей и болѣе или менѣе передѣлываютъ его: по нимъ—болѣзнь
ханши была глазная; болѣла она три года; хань съ ханшей будто бы знали дотолѣ
о митрополитѣ только по слуху.—Лѣтописи Воскресенская и Никоновская говорятъ,
что св. Алексій отпущенъ былъ изъ Орды съ великою честю. Но другія двѣ лѣто-
писи: Новгородская 4-я,—въ Собр. лѣтт. IV, 63, и Софійская 1-я,—ibid. V, 228,

Еще во время пребывания св. Алексія въ Ордѣ началось тамъ великое замятіе: Чанибекъ бытъ убить своимъ сыномъ Бердібекомъ. Но таъ какъ Тайдула успѣла сохранить все свое вліяніе и при своемъ свирѣпомъ сыиѣ, каковъ бытъ Бердібекъ; то Москва и увидѣла ея благодарность за оказанное ей благодѣяніе: отправившійся въ Орду послѣ возвращенія изъ ней митрополита вел. кн. Иванъ Ивановичъ безъ труда получила тамъ подтверждительный ярлыкъ на великое княженіе, не встрѣтивъ себѣ соперника ни въ комъ изъ другихъ русскихъ князей (при чмъ даже и князья дружественные Москвѣ получили отъ хана управу противъ своихъ враговъ ¹⁾).

Мы упоминали выше, что св. Алексій, подобно св. Петру, держалъ въ Ордѣ преніе съ мугаммеданскими богословами (стр. 131). Преніе имѣло мѣсто въ поѣздку его въ Орду для исцѣленія ханши. Вѣроятно, что мугаммеданскіе духовные, посрамленные русскимъ митрополитомъ относительно врачебнаго искусства, желали въ свою очередь одержать надъ нимъ верхъ въ ученоп-богословскомъ диспутѣ. Какъ бы то ни было, но наши свѣдѣнія о преніи, къ сожалѣнію, ограничиваются единственіемъ знацемъ имени лица, съ которымъ долженъ быть вести его св. Алексій: это Мунзи богатырь, сынъ Моллагавзадина слѣ-

говорять, что онъ принялъ въ Ордѣ отъ Татаръ „многу истому“. Дѣло, по всейѣтности, нужно понимать такъ, что св. Алексій, видѣвшій великую честь отъ хана и его матери (Тайдулы), принялъ истому во время начавшагося тогда въ Ордѣ замятія отъ ханскихъ чиновниковъ.—Въ московской Синодальной ризницѣ хранится мѣдный перстень, который выдается за перстень подаренный Тайдулою св. Алексію. Мѣдный перстень, стояющій нѣсколько грошей, конечно, очень сомнительно было бы принимать за даръ царицы. Но оказывается, что онъ есть только такъ сказать замѣститель настоящаго перстия, который исчезъ въ прошедшемъ или нынѣшнемъ столѣтіи. Существуетъ указъ св. Синода отъ 28-го Января 1722-го года, въ которомъ говорится, что Петръ Великій, бывъ помянутаго 28-го Января за литургіей въ Чудовомъ монастырѣ, усмотрѣлъ „у выноснаго того чудотворца Алексія образа, который выносится въ большія крестохожденія, въ привѣтѣ на патѣ перстень золотой, которой называется собственнымъ того чудотворца Алексія“, и указать взять его въ синодальную ризницу, и которымъ (указомъ) предписывается исполнить повелѣніе государя (Полного собранія постановлений и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія т. II, № 386, стр. 42).

¹⁾ Житіе св. Алексія, помѣщенное въ Степенной книгѣ, поправляя впадающаго въ несообразность Наомія (сѣр. у Ключевск. въ Житіяхъ стр. 139), говорить о двухъ путешествіяхъ его въ Орду, имѣвшихъ мѣсто одно въ слѣдъ за другимъ: первомъ—для исцѣленія ханши и второмъ—по просьбѣ вел. кн. Ивана Ивановича для умилостивленія въ пользу князя свирѣпаго Бердібека,—I, 456.

шаго, жена у которого была сестра хана Барака (Берке? ¹).—О томъ, что отъ вновь вступившаго на престолъ хана Бердебека бытъ полу-чить св. Алексіемъ сохранившійся до настоящаго времени ярлыкъ, мы уже говорили прежде (стр. 34).

Въ Ноібрѣ мѣсяцѣ 1358-го года скончался великий князь Иванъ Ивановичъ, оставилъ малолѣтнаго сына Димитрія; между тѣмъ въ Ордѣ Бердебекъ бытъ убить Кульюю, а Кульяи черезъ пять или шесть мѣсяцевъ бытъ убить Наврусомъ. Среди этихъ убийствъ Тайдула осталась цѣла (она была убита вскорѣ потомъ); но уже потеряла свое прежнєе значеніе. Передъ Наврусомъ явился соперникъ малолѣт-нему князю московскому на великое княженіе суздальскій князь Димитрій Константиновичъ, сынъ того Константина Васильевича, о которомъ мы упоминали, и Наврусъ, можетъ бытъ—враждебный дому Чашебека, который покровительствовалъ семейству князей московскихъ, отдалъ великое княженіе этому Димитрію суздальскому. Но несчастіе, постигшее Москву, продолжалось весьма недолго. Дмитрій Константиновичъ сѣлъ на великое княженіе въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1360-го года, а черезъ два года съ небольшимъ ²), въ 1362-мъ году, св. Алексій и московскіе бояре уже успѣли добыть въ Ордѣ, въ которой продолжались величайшія замѣтія и которая раздѣлилась на двѣ половины, ярлыкъ на великое княженіе снова своему московскому князю. Съ 1362-го года Дмитрій Ивановичъ оставался великимъ княземъ русскимъ во все правленіе св. Алексія безъ всякаго перерыва: этотъ 1362-й годъ есть такой годъ, съ котораго началось наслѣдственное и никѣмъ не оснариваемое сидѣніе московскихъ князей на великокняжескомъ престолѣ и въ которомъ вмѣстѣ съ тѣмъ престолъ великокняжескій окончательно перенесенъ бытъ изъ Владимира въ Москву.

Между князьями русскими въ правленіе св. Алексія нѣсколько опасными соперниками Москвы оставались тѣ князья тверскіе, которые въ предиествующее время имѣли было на тежду взять надъ нею верхъ. Въ минуту вступленія Алексія на митрополичью каѳедру князья тверскіе раздѣлились на двѣ половины: одну половину представлять изъ

¹) Позднѣшная запись о преніи, сдѣланная на основаніи устнаго преданія, читается въ одной Румянцевской рукописи,—по Опнс. *Восток*. № 214. стр. 273. Она есть: «Моллагавзадинъ сѣнъ бытъ, а жена у него была царница, Барака царя сестра, а сынъ бытъ у него Мунзи багатырь: тотъ прелся съ митрополитомъ св. Алексіемъ въ Ордѣ предъ царемъ, коли царницу сѣнну просвѣтилъ Зенебекову въ Ордѣ».

²) Никон. лѣт. III, 215 в 220, Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII. 11 в 12.

себя Василій Михайловичъ, сынъ того Михаила Ярославича, который быть врагомъ св. Петра и съ которымъ веть ожесточенну борьбу Юрій Даниловичъ московскій,—съ своими сыновьями; другую половину представляли внуки Михаила Ярославича,—дѣти его сына Александра (но долго занимавшаго столь велиокняжескій посадъ Иваномъ Даниловичемъ Калитой и умершаго въ 1339-мъ году), съ старшимъ братомъ Всеволодомъ Александровичемъ во главѣ. При Симеонѣ Ивановичѣ обѣ стороны породнились было съ Москвой, именно — самъ Симеонъ Ивановичъ женился въ 1347-мъ году на сестрѣ Александровичей (третьемъ бракомъ), а Василій Михайловичъ женился въ 1349-мъ году своего сына на дочери Симеона Ивановича. Но дядя съ илемянниками не могли ужиться въ мирѣ между собой, и Москва воспользовалась ихъ враждой, чтобы преступить свою цѣль уничтоженія соперниковъ: Москва взяла подъ свое покровительство сторону, которую считала опасною для себя,—Василія Михайловича съ сыновьями, и выступила противъ стороны, которую находила опасною для себя,—противъ Александровичей. Въ 1357-мъ году Всеволодъ Александровичъ обратился было къ митрополиту съ жалобой на дядю, т. е. на Василія Михайловича, что онъ обижаетъ его съ братьями, вопреки договора о владѣніи удѣломъ; но митрополитъ рѣшилънымъ образомъ принялъ сторону Василія Михайловича и по «его слову» послѣдній прислали въ Москву своихъ пословъ, чтобы сътворить миръ и любовь велю съ московскимъ княземъ¹⁾). Въ томъ же 1357-мъ году послѣ смерти хана Чанибека Василій и Всеволодъ пошли въ Орду къ новому хану Бердібеку, чтобы жаловаться другъ на друга; но второй былъ перехваченъ на дорогѣ намѣстниками московскими, а когда потомъ всетаки явился въ Орду, то царемъ и царицею, т. е. Бердібекомъ и его матерью Тайдулою, безъ суда быть выданъ своему дядѣ, отъ которого и было ему, равно какъ и его боярамъ и слугамъ, «томленіе веліе, и иродажа и грабленіе веліе», а чернымъ людямъ его части удѣла—«данная (въ данихъ) продажа велія»²⁾.

Въ 1365-мъ году умеръ Всеволодъ Александровичъ, а въ слѣдъ за нимъ два его брата, отъ свирѣпствовавшаго тогда мора, и представителемъ стороны, которую Москва считала опасною для себя, остался одинъ братъ—Михаило Александровичъ. Вскорѣ послѣ смерти Всеволода у Михаила началась скора съ дядей Василіемъ изъ-за вымороочнаго удѣла (принадлежавшаго Семену Константиновичу, илемяннику

¹⁾ Никон. лѣт. III, 208.

²⁾ Ibid. 211.

Васильеву и двоюродному брату Михайлову, который умеръ бездѣтнымъ въ томъ же 1365-мъ году). Скорившихся по приказанию митрополита судить епископъ тверской Василій и нашель правымъ Михаила Александровича (которому, дѣйствительно, умирающій Семенъ Константиновичъ приказалъ свою княгиню). Но на судъ епископа Василій Михайловичъ съ сыновьями принесъ жалобу митрополиту: епископъ былъ позванъ въ Москву и за то, что онъ взялъ сторону того изъ тягавшихся, кого московскіе государственные люди считали опаснымъ для своего князя, ему «сотоворися на Москвиѣ про тотъ судъ проторъ великихъ»¹⁾; Василью же Михайловичу дано было всномогательное московское войско, чтобы онъ шелъ отнимать у Михаила Тверь, чего однако онъ не успѣлъ сдѣлать, опустошивъ только принадлежавшія послѣднему волости и села. Судъ имѣть место въ 1366-мъ году. Слѣдующій 1367-й годъ есть знаменитый и составляющій эпоху въ исторіи Москвы годъ, въ которомъ вел. кн. Дмитрій Ивановичъ, руководимый боярами и во главѣ ихъ св. Алексіемъ, ибо самъ еще былъ только 17-лѣтнимъ юношей, открыто и рѣшительно заявилъ свои стремленія къ единодержавію: весной этого года онъ началъ строить каменный городъ Москву, т. е. каменный кремль въ Москвѣ²⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ говорить лѣтописецъ, «всѣхъ князей русскихъ началь приводить подъ свою волю, а которые не повиновались его волѣ, на тѣхъ началъ посягать»³⁾. Требование повиновенія было предъявлено и тверскому князю Василію Александровичу: но Василіо Александровичъ отвѣчалъ на него тѣмъ, что ушелъ въ Литву къ своему зятю Ольгерду⁴⁾. Когда вскорѣ послѣ этого онъ возвратился отъ Ольгерда съ литовскимъ войскомъ, номогавшимъ ему опустошить удѣлъ дяди Василія Михайловича, московскій великий князь Дмитрій Ивановичъ заключилъ съ нимъ миръ; но спустя немного времени (въ 1368-мъ году), на Москвѣ рѣшились прибѣгнуть противъ него къ необычайному средству. «Князь великий Дмитрій Ивановичъ,—разсказываетъ лѣтописецъ,—со отцемъ своимъ преосвящен-

¹⁾ Икон. лѣт. IV, 15. Слѣд. Краткую церковную россійскую исторію митр. Шлатона, I, 190 лін..

²⁾ Въ однѣмъ лѣтописномъ отрывкѣ, по письму принадлежащемъ къ XVII вѣку, прямо говорится, что Дмитрій Ивановичъ заложилъ градъ Москву каменной по совету великаго отца своего Алексѣя чудотворца,—Бычкова Описаніе сборянковъ Нубляш. Библіот., I, 154.

³⁾ Иик. лѣт. IV, 15.

⁴⁾ Ольгердъ, какъ мы сказали выше, былъ женатъ на сестрѣ Михаила Александровича.

инымъ Алексѣемъ митрополитомъ зазвана любовю къ себѣ на Москву князя Михаила Александровича тверскаго, и потомъ составиша съ нимъ рѣчи, также потомъ бысть имъ судь на третей ¹⁾ на миру въ правдѣ: да (хотомъ) его изымали, а что были бояре около него, тѣхъ всѣхъ понимали и разно розвели ²⁾... Какая была цѣль необычайного предства, ясно не видно; но счастливая случайность освободила Михаила Александровича изъ его винзанаго плѣна: въ Москвѣ стало извѣстно, что идуть на нее три поела изъ Орды; князь и его совѣтники пришли въ смущеніе отъ своего поступка,— «усумнѣвшася», какъ говорить лѣтопись, и выпустили плѣника, обязавъ его въ покорности крестнымъ цѣлованіемъ.

Должны мы сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы сказать объ отношеній св. Алексія къ учиненному въ Москвѣ съ тверскимъ княземъ.

Какую долю участія въ поступкѣ съ княземъ, т. е. въ захватѣ его, усвоить св. Алексію, остается нерѣшеннымъ. Митр. Платонъ, основываясь на томъ, чтѣ, по свидѣтельству лѣтописи, думаль и говорилъ самъ потерпѣвший ³⁾, понимаетъ дѣло такъ, что случившееся съ княземъ случилось по прямому изволенію св. Алексія и въ оправданіе святителя говорить въ своей Краткой церковной россійской исторіи: «О сей поступкѣ митрополита Алексія не иначе судить можно, какъ, что она происходила отъ истинной любви къ отечеству. Видѣть онъ, до какого несчастія доведена Россія чрезъ многія удѣльныя княженія, и чрезъ неупрестанныя между ними браны и разоренія, и чрезъ то подвергла себя Татарскому игу: и подъ симъ мучительнымъ и безчестіемъ игомъ состоя, отъ междоусобій не преставала. Видѣть также святый и просвященный старецъ, что сему несчастію и игу конца не будетъ, ежели удѣльныя княженія будутъ продолжаться, и самодержавіе не будетъ возстановлено. Почему митрополитъ Алексій не только таковому великаго князя предпріятію, чтобы удѣльныхъ князей себѣ покорить, во всемъ соиспѣществовалъ; но едва ли не онъ, яко старый и опытный и по сану уважаемый мужъ, младому князю, таковый совѣтъ вну-

¹⁾ Въ одной лѣтописи (Воскресенск.) : «на третій день».

²⁾ Никон. лѣт. IV, 19.

³⁾ Быть освобожденъ, Михаило Александровичъ, по словамъ Никоновской лѣтописи, «размѣрие про то нача имѣти къ великому князю Дмитрею Ивановичу, гнѣвашеся и жаловавшися наꙗщаче на митрополита, глаголя: колику любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему, въ оғъ толико мя посрами и поруга»,—IV, 19 sub fin., см. также Воскресенскую лѣтопись.

шиль, и его подкрепилъ»¹⁾). Другие историки, какъ напримѣрь Карамзинъ, считаютъ вѣроятнѣмъ предполагать, что св. Алексій невольно вовлечены были въ дѣло противное совѣсти, т. е. что онъ не въ состояніи былъ наложить своего veto на удуманное помимо него боярами и увидѣлъ себя вынужденнымъ уступить ихъ твердому решенію²⁾). Третыи историки, какъ преосв. Филаретъ³⁾ и Макарій⁴⁾ и С. М. Соловьевъ⁵⁾, не затрагиваютъ нарочитымъ образомъ вопроса, обходя его неизмѣреннымъ или измѣреннымъ молчаниемъ. Мы съ своей стороны не решаемся высказываться по вопросу положительнымъ образомъ, по общія наши представленія о нравственному характерѣ св. Алексія заставляютъ насъ думать объ его отношеніи къ несчастному захвату такъ, чтобы, не отрицая вовсе проявленной имъ при себѣ человѣческой слабости⁶⁾, питать увѣренность, что эта, проявленная имъ слабость, имѣла для себя возможно достаточную, хорошо неизвѣстную намъ, изиненія и оправданія.

По всей вѣроятности, Михаило Александровичъ не считалъ обязательнымъ для себя вынужденного крестнаго цѣлованія, и великий князь Дмитрій Ивановичъ вскорѣ послѣ сего послать противъ него большое войско. Тогда тверской князь бѣжалъ въ Литву къ Ольгерду и началъ слезно молить его о защите отъ князя московскаго, Ольгерда,

¹⁾ Ч. I, стр. 191 fin..

²⁾ Т. V, col. 8. Какъ будто это же предполагаетъ, выражаясь не совсѣмъ ясно, А. В. Горскій въ своей статьѣ: „Св. Алексій митр. кіевскій и всяя Россія“, напечатанной въ VI томѣ „Прибавлений къ твореніямъ свв. отцевъ“, стр. 116—117.

³⁾ Исторіи Р. Ц. періодъ 2-й. § 29.

⁴⁾ Исторіи Р. Ц. томъ IV, стр. 51 fin.

⁵⁾ Исторіи Россіи т. III, 3 изд. стр. 324.—Преосв. Филаретъ совѣмъ проходитъ молчаниемъ фактъ захвата въ Москвѣ тверскаго князя; преосв. Макарій говоритьъ, что князь, дѣйствительно обманомъ заключенный въ Москвѣ подъ стражу, обвинялся въ этомъ боярствѣ не только князя московскаго, но и митрополита; С. М. Соловьевъ говоритъ, что „въ 1368-мъ году великий князь Дмитрій и митрополитъ Алексій засудили ласкою къ себѣ въ Москву князя Михаила на третейскій судъ“, а потомъ глухо,—что „послѣ этого суда тверского князя схватили вмѣстѣ со всѣми боярами и посадили въ заключеніе“.

⁶⁾ А кто хочетъ утверждать, что святые совѣмы безгрѣшны, того правила канонической подвергаютъ строгому осужденію,—Кароагенск. соб. прр. 128—130. (А кто хотѣлъ бы воспретить исторіи всякия рѣчи о небезгрѣшномъ, допущенномъ святыми въ вѣкѣ дѣяніяхъ, тотъ имѣть противъ себя саму евангельскую исторію, которая не молчитъ о троекратномъ отречении Петровомъ отъ Спасителя и о другихъ бывшихъ случаяхъ проявленій апостолами ихъ человѣческой грѣховности.)

внимая мольбамъ Михаила Александровича и усиленнымъ мольбамъ своей жены—его сестры и въ то же время питая личную величайшую ненависть къ московскому князю и къ митр. Алексію за ихъ стремление къ водворенію на Руси того сильнаго единодержавія, которое уже было водворено имъ въ Литвѣ, а къ послѣднему еще за его побѣду надъ нимъ—Ольгердомъ по вопросу объ отдѣльной литовско-галицкой митрополіи, рѣшился сдѣлать попытку нанести Москвѣ такое пораженіе, которое бы ее покрушило. Онъ собралъ огромное, какое только могъ, войско и—какъ всегда дѣлали во всѣхъ своихъ войнахъ—нагрянуль на врага совершенно неожиданно. Великій князь московской, захваченный врасплохъ, не успѣлъ собрать войскъ изъ дальнихъ мѣстъ и могъ вылетѣть навстрѣчу Ольгерду, для прегражденія ему пути къ Москвѣ, только ничтожные отряды. Безъ труда разбивъ эти отряды, великий князь литовской быстро приблизился къ стѣнамъ самой Москвы (21-го Декабря 1368-го года), при чемъ страшимъ образомъ опустошилъ область московскую, лежавшую ему на пути. Однако, его надежды нанести московскому князю совершение пораженіе не сбылись: онъ не въ состояніи былъ взять только что построеннаго московскаго каменного кремля, въ которомъ заперлись великий князь и митрополитъ, и, простоявъ подъ нимъ три дня, долженъ былъ возвратиться назадъ и удовольствоваться тѣмъ, что поплынилъ безчисленное множество людей и что у gnalъ съ собой всю (захваченную подъ городомъ?) скотину.

Митрополитъ, располагавший двумя мечами, обращаясь отъ вещественнаго оружія къ духовному, подвергъ Михаила Александровича за наведеніе Ольгерда на Москву церковному отлученію; а вмѣстѣ съ нимъ подвергъ тому же отлученію и русскаго союзника Ольгердова въ его походѣ на Москву—смоленскаго князя Святослава Ивановича. Употребивъ противъ князей свою собственную духовную власть, митрополитъ обратился съ жалобою на нихъ и къ патріарху, при чемъ, какъ можно думать, препроводилъ въ Константинополь болѣе или менѣе щедрое приношеніе въ пользу бѣдствовавшей великой церкви. Въ ответѣ на жалобу патріархъ Филоѳей, вторично занявший каѳедру, послѣ смерти Каллиста I-го, 8-го Октября 1364-го года, прислать на Русь свои грамоты, въ которыхъ, послѣ заявленія своего величайшаго расположения къ митрополиту, доходящаго до того, что послѣдний называется великимъ человѣкомъ — μέγας ἀνθρώπος, увѣщеваетъ всѣхъ князей оказывать ему—митрополиту должную покорность и въ которыхъ подтверждаетъ съ своей стороны отлученіе, наложенное имъ на князей тверскаго и смоленскаго, обѣщаю князьямъ разубѣшить ихъ отъ него только въ томъ случаѣ, если они приносутъ ему—митрополиту

расказаниe и испросить у него прощанie и если этот напишет о нихъ къ нему—патрiарху ¹⁾). Въ виду употребленiя митрополитомъ духовнаго оружiя, Михайло Александровичъ съ своей стороны обратился къ патрiарху съ жалобою на него и требовалъ у патрiарха суда съ нимъ. Сначала патрiархъ решить было дать судъ князю съ митрополитомъ и пригласить ихъ обоихъ явиться въ Константинополь въ годичный срокъ или лично или чрезъ уполномоченныхъ ²⁾); но потомъ, вѣроятно—узнавъ о захватѣ на Москвѣ Михайла Александровича и увидѣвъ, что митрополитъ не будетъ въ состоянiи совершиенно оправдаться по этому печальному дѣлу, написать къ обоимъ по посланiю ³⁾), въ которыхъ убѣждаетъ ихъ примириться другъ съ другомъ. Митрополиту патрiархъ пишетъ: «подражая миротворцу Христу, отвѣщаю и наказываю тебѣ: не вижу я ничего хорошаго въ томъ, что ты имѣешь соблазнительные раздоры съ тверскимъ княземъ Михайломъ, изъ-за которыхъ вамъ нужно бѣхать на судъ; но какъ отецъ и учитель постараися примириться съ нимъ и если онъ въ чемъ либо погрешилъ, прости и прими его, какъ своего сына, и имѣй съ нимъ миръ, какъ и съ прочими князьями; а онъ, о чемъ я пишу къ нему, долженъ принести расказаниe и просить прощенiя; вотъ что кажется мнѣ добрымъ и полезнымъ: пусть такъ и будетъ безъ всякаго прекословiя; если же вы не хотите этого, а ищете суда, то я не препятствую суду, но смотрите, чтобы онъ не показался для васъ тяжкимъ» ⁴⁾). Въ послѣднiхъ словахъ патрiархъ, очевидно, намекаетъ митрополиту на дѣло о захватѣ Михайла Александровича въ Москвѣ.

Послѣ наведенiя Ольгерда на Москву въ концѣ 1368-го года Михайло Александровичъ боролся съ московскимъ княземъ еще въ продолженiе семи лѣтъ: еще три раза нападали на него Ольгерда, два раза вынуждали себѣ въ Ордѣ ярымъ на великое книженiе, но наконецъ въ 1375-мъ году долженъ былъ смириться передъ нимъ, отдавшись во всю его волю и признать себѣ его подручникомъ ⁵⁾.

¹⁾ Шесть грамотъ патрiарха на Русь отъ Юна 1370-го года въ Намятин., col. 97 sqq (великимъ человѣкомъ митрополитъ называется въ грамотѣ къ вел. кн. Дмитрю Ивановичу, col. 101; вообще о заявлениi патрiархомъ пытаемаго имъ расположения къ митрополиту см. грамоту къ сему послѣднему, col. 105).

²⁾ Грамоты патрiарха къ митрополиту въ князю отъ Сентября 1371-го года,—въ Намятин. col. 150 sqq.

³⁾ Ibid. col. 155 sqq.

⁴⁾ Col. 158.

⁵⁾ Никон. лѣт. IV, 44.

Одновременно съ грамотами къ князьямъ, въ которыхъ эти послѣдніе увѣщиваются оказывать повиновеніе митрополиту, патріархъ прислать свою грамоту новгородскому архіепископу Алексію ¹⁾. Въ весьма суровой по тону грамотѣ патріархъ укоряетъ архіепископа—во-первыхъ за то, что онъ употребляетъ крестатую фелонь, тогда какъ предшественникъ его (Мосей) получилъ отъ божественнаго собора право употреблять ее только самъ лично, безъ передачи права своимъ преемникамъ; во-вторыхъ, за то, что онъ—архіепископъ не оказываетъ надлежащаго повиновенія и благопокоренія митрополиту и великому князю, но противится и противорѣчить имъ. Приказывая архіепископу безпрекословно и безъ всякихъ отговорокъ сложить кресты съ своей фелони, патріархъ предписываетъ ему имѣть надлежащее почтеніе, повиновеніе и благопокорность къ великому князю и митрополиту; въ противномъ же случаѣ угрожаетъ ему изложениемъ и лишенiemъ архіерейства. Чѣмъ была вызвана эта суровая грамота, которая, къ сожалѣнію, извѣстна намъ съ пропускомъ въ одномъ мѣстѣ, происшедшемъ отъ поврежденія рукописи, пока не можемъ сказать положительнымъ образомъ; къ гадательнымъ рѣчамъ объ этомъ возвратимся нѣсколько ниже.

Въ борьбѣ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ св. Алексій прибѣгъ къ духовному оружію. Намъ извѣстенъ другой примѣръ употребленія имъ этого оружія въ дѣлахъ государственныхъ. Въ 1365-мъ году поссорились между собою князья суздальскіе—братья Димитрій и Борисъ Константиновичи изъ-за того, что младшій братъ Борисъ захватилъ бывшій главный тогда въ удѣлѣ столъ нижегородскій, ставшій празднѣмъ послѣ смерти третьяго, старѣйшаго, брата Андрея. Димитрій обратился къ застуничеству великаго князя, которому непосредственно передъ тѣмъ онъ отказался отъ всяаго соперничества на великооконежскій престолъ и за котораго, можетъ быть, уже сковорена была его дочь, въ стѣдующемъ 1366-мъ году выданная за него замужъ (брацъ этотъ, устроенный руководителями великаго князя, долженъ быть считаемъ въ болѣшай или меныней степени за брацъ по разсчетамъ политическимъ). Къ Борису Константиновичу, который въ свою очередь былъ зятемъ Ольгерда, отправлены были поэлы, чтобы онъ помирился съ братомъ и подѣлился съ нимъ вотчиною; но Борисъ не послушалъ пословъ. Тогда св. Алексій «отияль» (выраженіе лѣтописи) у епископа суздальскаго Алексія и присоединилъ къ

¹⁾ 9ъ Іюня 1370-го года,—въ Памятни. сол. 115.

своей митрополичьей епархии Нижний-Новгородъ и Городецъ, вѣроатно—за то, что онъ держалъ сторону младшаго князя, и послать въ первый съ своими духовными полномочиями ирен. Сергія Радонежскаго. Пришедъ въ Нижний, ирен. Сергій звалъ Бориса въ Москву. Когда онъ не послушалъ и не пошелъ въ Москву, Сергій затворилъ въ Нижнемъ всѣ церкви, т. е. наложилъ на городъ церковное запрещеніе и отлученіе. Послѣ оружія духовнаго скору окончило оружіе мірское: великий князь прислали Дмитрю Константиновичу веномогательное войско и въ виду его Борисъ Константиновичъ и помирился съ братомъ, уступивъ ему Нижний.

Теперь намъ должно возвратиться съ рѣчами къ отдѣльной митрополіи литовско-галицкой, что приведетъ насъ къ рѣчамъ и о поставлении преемника св. Алексію.

Одновременно съ нимъ—Алексіемъ въ 1354-мъ году былъ поставленъ въ отдѣльные митрополиты литовско-галицкіе Романъ, который сидѣлъ на кафедрѣ до конца 1361-го года и который во все времена, будучи настоятельно вспомоществуемъ Ольгердомъ или точіїе говоря—общими силами съ послѣднимъ, вѣль упорную борьбу противъ него изъ-за Кіева. Въ концѣ 1361-го года Романъ умеръ и на его мѣсто Ольгерду не удалось получить новаго отдѣльного митрополита, напротивъ митрополіи литовско-галицкой возсоединена была съ митрополіей всея Россіи. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Ольгердъ употребилъ всѣ усилия, чтобы получить новаго митрополита,—что тогда, какъ и послѣ, онъ представлялъ и жаловался патріарху, что Алексій, состоящий руководителемъ государственныхъ дѣлъ Москвы, есть непримиримый врагъ его—Ольгерда и что онъ—Ольгердъ рѣшительно не желаетъ имѣть его своимъ митрополитомъ: и однако усилия не увенчались успѣхомъ. Мы имѣемъ соборное опредѣленіе о возсоединеніи литовско-галицкой митрополіи съ митрополіей всея Россіи, состоявшееся болѣе или менѣе вскорѣ послѣ Октября мѣсяца 1364-го года ¹⁾), которое представляетъ собою вторичное о семъ опредѣленіе и въ которомъ подтверждается не донесшее до насъ первоначальное опредѣленіе, имѣвшее мѣсто тотчасъ послѣ смерти Романа. Опредѣленіе это какъ будто даетъ знать, что Ольгердъ, послѣ первой неудачной попытки получить новаго отдѣльного митрополита на мѣсто Романа, вскорѣ потому снова возобновлялъ свои старанія о томъ же. Романъ умеръ и первое опредѣленіе о возсоединеніи митрополіи литовско-галицкой съ митрополіей всея Россіи состоялось въ патріаршество Каллиста;

¹⁾ Въ Памятни. col. 91.

подтвердительное же определение, состоявшееся вскорѣ послѣ Октября 1364-го года, относится ко второму патріаршеству Филоея: можно понимать дѣло такъ, что Ольгердъ, потерпѣвши неудачу съ своей просьбой о новомъ отдѣльномъ митрополитѣ передъ патріархомъ Каллистомъ, возобновилъ ее передъ заступившимъ мѣсто Каллиста патріархомъ Филоеемъ. Затѣмъ, самое соборное определение заставляетъ подозрѣвать, что и послѣ него Ольгердъ не прекращалъ своихъ стараний. Определение занесено въ кодексъ соборныхъ заповѣдей; но въ кодексѣ оно перечеркнуто и по поводу сего обстоятельства сдѣлано къ нему примѣчаніе, что патріархъ призналъ его отмѣненнымъ и недѣйствительнымъ, почему и нужно было перечеркнуть его. Изъ этого какъ будто слѣдуетъ, что патріархъ, составивъ свое определеніе, потомъ передумалъ и рѣшился было поставить нового отдѣльного литовско-галицкаго митрополита.

Какъ бы то ни было, но старанія Ольгерда послѣ смерти Романа получить себѣ нового отдѣльного митрополита не увѣнчались успѣхомъ. Мы вовсе не знаемъ исторіи побѣды, одержанной въ семъ случаѣ митр. Алексіемъ надъ литовскимъ великимъ княземъ, но мы имѣемъ рѣшительную наклонность думать, что побѣду эту должно считать чрезвычайно важной. Существующіе акты положительно говорятъ намъ, что Ольгердъ со всемъ настоиніемъ поддерживалъ Романа въ его борьбѣ съ Алексіемъ изъ-за обладанія Кіевомъ¹), и намъ весьма подозрѣвается, что у государя литовскаго,—человѣка съ великимъ государственнымъ умомъ, былъ тотъ глубоко политический замыселъ, чтобы доставивъ Кіевъ своему митрополиту литовскому, превратить его въ митрополита всея Россіи, такъ чтобы митрополитъ владимирско-московской, помѣнившись съ нимъ ролью, оказался при немъ только побочнымъ и прибавочнымъ митрополитомъ. Если бы это случилось, то могло бы сопровождаться необыкновенно важными послѣдствіями и въ церковномъ и въ политическомъ отношеніи... Добиваясь церковной власти надъ Кіевомъ, который принадлежалъ Литвѣ въ политическомъ отношеніи, Романъ и Ольгердъ собственно были правы: на наше счастье въ то самое время Греки находились въ такихъ отношеніяхъ къ Болгарамъ и Сербамъ, благодаря которымъ не могли имѣть ни малѣйшей охоты признавать этотъ принципъ, что—кому принадлежитъ политическая власть, тому должна принадлежать и власть церковная²). Какъ

¹) Соборное определеніе 1361-го года, въ Намѣти. col. 70.

²) См. нашъ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стрр. 106 и 473 (захватывая у имперіи ея области. Болгары

мы знаемъ изъ греческихъ актовъ, Ольгердъ пытать къ Алексю самую неизримимую ненависть¹⁾); онъ долженъ быть ненавидѣть Алексія за то, что этотъ былъ государственный человѣкъ исколькъ его не изъшій и соперникъ его совершило ему равный; но памъ думается, что онъ всего болѣе пытать ненависть къ Алексю имению за то, что митрополитъ побѣдить его въ церковной борбѣ, подъ которою скрывались у него необыкновенно важные политические замыслы.

Алексю удалось разбить замыслы Ольгерда (конечно, если только мы не ошибаемся, предполагая, что послѣдній имѣть ихъ); но онъ не могъ отвратить того, чтобы при немъ произошло новое отдѣленіе въ церковномъ отношеніи южной Руси отъ сѣверной. Спустя девять лѣтъ послѣ смерти Романа, въ 1370-мъ году король польскій Казимиръ, владѣвши Галиціей и частію Волиніи, обратился къ патріарху константинопольскому Філіою съ настоятельюю просьбою²⁾, чтобы Галиції даинъ быть отдѣльный митрополитъ, представляя патріарху—съ одной стороны, что «всі земли гибнуть безъ закона», т. е. разумѣя то, что митр. Алексій оставляетъ въ небреженіи и безъ попеченій галицкую часть своей митрополіи, а съ другой стороны—что Галиція давно начала имѣть отдѣльныхъ митрополитовъ³⁾), и угрожая, что, въ случаѣ отказа на просьбу, онъ креститъ Русскихъ Галиціи въ латинскую вѣру и поставитъ имъ латинскаго митрополита. Всѣдѣствіе настоятельно-рѣшительной просьбы короля въ Маѣ мѣсяцѣ 1371-го года патріархъ поставилъ въ галицкіе митрополиты присланнаго королемъ кандидата—епископа Антонія⁴⁾). Этаоть Антоній былъ поставленъ въ митрополиты не галицко-литовскіе, какъ бывало дотолѣ при поставленіи

и Сербы и въ церковномъ отношеніи подчиняли захваченные области вѣдѣнію своихъ патріарховъ: по патріархи константинопольскіе самыи рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ этого).

¹⁾ Въ сейчасъ помянутомъ соборномъ дѣяніи 1364-го года говорится, что Ольгердъ готовъ былъ потерпѣть и сдѣлать все, чтобы только не имѣть Алексія митрополитомъ и чтобы не видѣть своей власти и страны въ духовномъ его подчиненіи.—Памятникъ, col. 93.

²⁾ Грамота короля къ патріарху въ Памятни., col. 125.

³⁾ Король собственно утверждаетъ, будто «отъ вѣка вѣковъ Галичъ смиль митрополію во всѣхъ странахъ и былъ престоломъ митрополіи отъ вѣка вѣковъ».

⁴⁾ Соборное дѣяніе о поставленіи Антонія въ Памятни., col. 129. Прежде постановленія Антонія, подобно Алексю, долженъ былъ выжить въ Константинополь продолжительное время, чтобы быть подвергнутымъ тщательному испытанію (*ἀντίστησις ἀποκατάστασις καὶ δοκιμασία*).

нін отдельныхъ митрополитовъ для южной Руси, а только въ галицкіе, съ подчиненіемъ ему епископій, находившихся во власти короля, но безъ подчиненія ему епископій, находившихся подъ властью литовскаго великаго князя. Поставивъ Антонія въ митрополиты галицкіе, патр. Филофей написать посланіе къ митр. Алексію съ оправданіемъ своего поступка ¹⁾). Патріархъ говорить митрополиту, что онъ не нашелъ возможнымъ отказать королю въ его просьбѣ, потому что въ противномъ случаѣ король угрожалъ обратить Русскихъ, находящихся подъ его властью, въ латинскую вѣру и поставить имъ латинскаго епископа. Призываи самого Алексія въ суды, патріархъ спрашиваетъ его: наилѣпѣ ли бы онъ возможнымъ на его (патріарха) мѣстѣ поступить иначе? Выражая митрополиту свое сѣтованіе на то, что онъ, какъ доносятъ ему—патріарху, «заботится не о всѣхъ христіанахъ, обитающихъ въ разныхъ частяхъ Руси, но утверждая на одномъ мѣстѣ (т. е. въ Москвѣ), всѣ же прочія мѣста оставилъ безъ пастырскаго руководства, безъ ученія и духовнаго надзора», и что въ продолженіе столькихъ лѣтъ не посѣтилъ и не обозрѣвалъ Малой Россіи, находящейся подъ властью короля, патріархъ говоритъ митрополиту, что онъ долженъ жаловаться за случившееся на самого себя. Посланіе написано въ тогї искренняго доброжелательства къ Алексію. Что церковнія дѣла Галиції дѣйствительно находились въ очень печальномъ положеніи, видно изъ того, что тамъ кромѣ Антонія не было ни одного епископа, такъ что онъ, бывъ поставленъ въ митрополиты, вмѣстѣ съ тѣмъ, получивъ отъ патріарха во временное епископское завѣданіе, до постановленія епископовъ, всѣ епархіи своей митрополії ²⁾).

Тотчасъ вслѣдъ за польскимъ королемъ или, можетъ быть, одновременно съ нимъ обратился къ патріарху съ просьбою объ отдельномъ митрополитѣ и Ольгердъ ³⁾). Мы говорили выше, что постѣ внезапнаго и страшнаго опустошительнаго нашествія на Москву сего постѣднаго въ 1368-мъ году митр. Алексій жаловался патріарху на Михаила Але-

¹⁾ Отъ Августа 1371-го года, въ Намятни. col. 141.

²⁾ 'Оғайает ծէ լազեն էպիսկոպ; լօյփ չէ տ; հցատաւ էպիսկոպա;... Выраженіе էպիսկոպ; լօյփ значить не то, что епархіи подчиняются Антонію, какъ митрополиту, что само собой подразумѣвается, а то, что каждая изъ нихъ поручается ему во временное завѣданіе какъ епископу. Въ первомъ житіи св. Алексія читается списокъ епископовъ, поставленныхъ имъ во время (за все время) пребыванія на кафедрѣ митрополіи. Въ спискѣ этомъ, если только онъ полонъ, нѣтъ ни одного епископа, поставленнаго въ южную, галицко-волинскую, Русь.

³⁾ Его посланіе къ патріарху въ Намятни. col. 135.

кандровича тверского, который подвель его, и на Святослава Ивановича смоленского, который участвовал съ нимъ въ походѣ въ качес-
твѣ его союзника. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ жаловаться на князей рус-
скихъ, митрополитъ жаловался патріарху и на самого Ольгерда. Въ
слѣдствіе этой второй жалобы патріархъ по своей любви къ митропо-
литу.—какъ говорить въ своемъ къ нему посланіи ¹⁾), написалъ Оль-
герду увѣщательную грамоту. Великій князь литовскій начинаетъ свое
посланіе къ патріарху, въ которомъ просить у него особаго себѣ митропо-
литита, отвѣтомъ на жалобы и обвиненія Алексея. Оправдывая самаго
себя, Ольгердъ возводить тяжкія обвиненія на митрополита съ вели-
чимъ княземъ московскимъ: не я—говорить онъ—началъ нападать, а
они, и нападали на меня девять разъ; шурина моего Михаила (твер-
ского) вѣроломно захватили въ Москву, у зятя моего Бориса (ижев-
городскаго) отняли княжество, у другого зятя моего Ивана новосиль-
ского захватили мать и жену—мою dochь; отняли у меня множество
городовъ; съ моихъ слугъ, отъѣзжающихъ къ нимъ, снимаютъ крестное
ко миѳ цѣлованіе: и при отцахъ нашихъ,—заключаетъ свои обвине-
нія Ольгердъ,—не бывало такихъ митрополитовъ!» За симъ, представ-
ляя патріарху, что митрополитъ, благословляющій московскаго вели-
каго князя на пролитіе крови, не идеть ни въ Кіевъ ни къ нимъ въ
Литву, какъ они его ни зовутъ, Ольгердъ просить у патріарха особаго
митрополита. При этомъ онъ просить особаго митрополита не для одной
только русской Литвы, а для всей Руси, которая была враждебна
Москве и которая была въ дружествѣ съ нимъ—Ольгердомъ: «дай
намъ другого митрополита—требуетъ онъ у патріарха—на Кіевъ, Смо-
ленскъ, Тверь, Мадью Русь, Новосиль, Нижний Новгородъ».

Бывъ вынужденъ удовлетворить прошѣбъ короля, патріархъ по
своему расположению къ Алексею не желать удовлетворять прошѣбы
Ольгерда и от发илъ въ Россію своего апокриеіарія съ тѣмъ, чтобы
этотъ примирилъ князя съ митрополитомъ и устроилъ между ними
дѣло ²⁾). Что успѣлъ сдѣлать на Руси апокриеіарій патріаршій, по
имѣемъ сиѣдѣній: по литовскій великій князь не получилъ особыго
митрополита. Въ концѣ 1370-го года Ольгердъ учинилъ неудачный
 набѣгъ на Москву, такъ что самъ долженъ былъ просить мира; вслѣдъ
за симъ въ Москву рѣшились на попытку настоящаго съ нимъ при-

¹⁾ Отъ Августа 1371-го года, въ Начатии, сол. 145.

²⁾ Объ от发лении апокриеіарія въ посланіи къ Алексею отъ Августа 1371-го
года, въ Начатии, сол. 147.

миренія и вынрошили въ 1371-мъ году его дочь въ замужество за князя Владимира Андреевича, двоюродного брата вел. кн. Дмитрію Ивановичу. Все это и могло быть причиной, что Ольгердъ отказался передъ патріаршимъ апокрисіаріемъ отъ своего требования получить отдельного митрополита. Но спустя некоторое неизвестное время послѣ сего онъ опять обратился къ патріарху съ новой просьбой объ освобомъ митрополитъ. Въ отвѣтъ на новую просьбу патріархъ отправилъ въ Россію въ концѣ 1373-го или въ началѣ 1374-го года нового апокрисіарія¹⁾. Слѣдствіемъ путешествія на Русь этого нового апокрисіарія, которымъ былъ іеромонахъ Кириланъ, послѣдующій русскій митрополитъ, было не только то, что Ольгерду давъ быть отдельный митрополитъ, но и то, что на кафедру митрополіи всея Россіи поставленъ быть новый митрополитъ, имѣвшиі смѣнить живаго митр. Алексія. Этимъ новымъ митрополитомъ, поставленнымъ не только на кафедру литовскую, но и на кафедру всея Россіи, съ тѣмъ, чтобы на послѣдней смѣнить Алексія, быть имению самъ іеромонахъ Кириланъ, ходившій въ Россію патріаршимъ апокрисіаріемъ.

Въ записяхъ дѣяній константинопольскаго патріаршаго собора мы находимъ два раза ваза или два показанія о поставлении Кириана въ митрополиты русскіе. Но одному показанію, относящемуся къ позднѣйшему времени и имени—такому, когда патріархъ съ соборомъ, послѣ разныхъ колебаний въ отношении къ поставленному въ митрополиты Кириану, находился на его сторонѣ, вся вина за его постановленіе возлагается на митр. Алексія²⁾. Въ соборномъ дѣяніи, содержащемъ показаніе, говорится, что митр. Алексій до послѣдней степени вооружилъ противъ себя Ольгерда—съ одной стороны тѣмъ, что какъ митрополитъ совершилъ бросить на произволъ судьбы и бѣть всякаго пощечинъ литовскую часть своей митрополіи и вовсе не посещалъ ее, съ другой стороны—тѣмъ, что какъ регентъ государства вдался въ войны, распри и раздоры съ государемъ литовскимъ и союзными послѣднему русскими князьями,—что Ольгердъ съ сейчасъ указанными князьями, вслѣдствіе увиданій къ нимъ патріарха, обращенныхъ въ 1370-мъ году посредствомъ грамотъ, изъявилъ было желаніе примириться съ митрополитомъ, но что тотъ совершилъ отказаться отъ примиренія,—что и старанія посланного патріархомъ спустя некоторое время послѣ грамотъ (въ 1373—1374-мъ году) для того же примиренія

¹⁾ Апокрисіарій является при митр. Алексіѣ въ февралѣ и маїи 1374-го года,—Никон. атл. IV, 40.

²⁾ Показаніе въ соборномъ определеніи 1389-го года,—въ Намятев. сол. 193.

митрополита съ государемъ литовскимъ и союзными ему русскими князьями его нарочитаго апокрисіарія киръ Кипріана, по причинѣ упорного и рѣшительнаго отказа оть мира со стороны митрополита, оказались совершиенно напрасными,—что не имѣло никакого успѣха и посланіе патріарха къ митрополиту, отправленное, какъ постѣднія попытка, въ слѣдь за тѣмъ, какъ возвратился изъ своего неудавшагося посольства Кипріанъ. Но всѣ этого, оскорбленные до постѣдней степени упорной враждой митрополита, государь литовскій и русскіе князья съ нимъ союзные пригласили къ патріарху великое посольство, черезъ которое просили и молили дать имъ новаго митрополита, говоря, что обращаются съ просьбой въ постѣдній разъ и что въ случаѣ отказа готовы перейти (подразумѣвается—князья русскіе) къ другой церкви. Патріархъ,—говорить соборное дѣяніе,—съ одной стороны не находить возможнымъ отказать просьбѣ Ольгерда и князей, а съ другой—не хотѣть и раздѣлять русской митрополіи на двѣ половины: поэтому онъ, рѣшивъ идти въ дѣлѣ среднимъ путемъ, поставилъ для Литвы особаго митрополита, именно—самого, ходившаго посломъ въ Россію, Кипріана, по съ тѣмъ, чтобы постѣдъ смерти Алексія онъ перешолъ на каѳедру митрополіи всей Россіи и снова соединилъ обѣ части въ одно цѣлое.

Такимъ образомъ, по сей часъ переданному пами соборному показанию, Кипріанъ бытъ поставленъ при жизни Алексія въ митрополиты не всей Руси, а только Литвы. Но это неправда; несомнѣнно, что онъ бытъ поставленъ въ митрополиты всей Руси: посвященный въ митрополита и прибывъ въ Россію онъ тотчасъ же, при жизни Алексія, предъявляя свои права на каѳедру, которую занималъ сей постѣдній. Въ другомъ соборномъ показаніи, относящемся къ болѣе раннему времени и именно—такому, когда патріархъ съ соборомъ бытъ противъ Кипріана ¹⁾, вся вина за его постановленіе въ митрополиты возлагается на него самого. Здѣсь говорится, что патр. Филоѳей послалъ его въ Россію для той цѣли, чтобы онъ постарался примирить митр. Алексія съ Ольгердомъ, но что онъ, забывъ наказъ пославшаго, весь предался мысли, какъ бы самому овладѣть тою церковью,—что онъ успѣхъ войти въ самое тѣсное дружество съ княземъ литовскимъ и достичъ того, чтобы постѣдній вручилъ ему для представленія патріарху грамоту,—имъ самимъ (т. е. Кипріаномъ) и составленную,—въ которой требовалъ отъ постѣднаго непремѣннаго поставленія въ митрополита его—Кипріана, а въ противномъ случаѣ угрожать взять митрополита отъ латинской церкви,—что въ то же время, увѣрившисъ Алексія, что будѣтъ

¹⁾ Показаніе собора 1380-го года.—въ Намятин. col. 166.

действовать въ Константинополѣ въ его пользу и что береть на себя всю о немъ заботу, онъ (Кириллъ) вмѣсто друга, обязаннаго благодарностю за все полученное отъ митрополита добро, явилъ себя злѣйшимъ его врагомъ, «принесъ (въ Константинополь) лживыи донесенія на него, наполненныи многими обвиненіями (Ψευδεῖς λžεῖλλους κατιστάς, πολλῶν ἐγκλημάτων μεστούς) и употребилъ всѣ старанія низложить его. Въ этомъ второмъ показаніи дается знать, что Кириллъ поставленъ быть въ митрополиты всей Россіи, съ тѣмъ чтобы занять мѣсто Алексія еще при его жизни и тотчасъ, хотя дѣло и не представляется съ совершенной ясностью. Здѣсь говорится, что Кириллъ, рукоположенный въ митрополиты литовскіе, получилъ, сверхъ того, «такое соборное дѣяніе, чтобы не упустить ему и другой части», что «онъ домогался даже совершенного низложения престарѣлого того митрополита (т. е. Алексія), но что замыселъ его не удался», а именно—что съ нимъ посланы были въ Россію церковные сановники произвести дознаніе о жизни Алексія и выслушать показанія противъ него обвинителей и свидѣтелей и что все донесеніе на него оказалось пустымъ и несостоятельнымъ словомъ. Эти не совсѣмъ ясныя рѣчи необходимо понимать такимъ образомъ, что Кириллъ, взвѣдний тяжкія обвиненія на Алексія передъ патріархомъ и его соборомъ, былъ поставленъ въ митрополиты всей Россіи условнымъ образомъ, именно—что если по изслѣдованіи дѣла обвиненія окажутся справедливыми, онъ займетъ мѣсто Алексіево, если же иѣть, то онъ останется митрополитомъ только литовскимъ¹⁾.

Когда читаемъ два показанія одного и того же патріаршаго собора объ одномъ и томъ же предметѣ, но діаметрально между собою противоположныя, то невольно предаешься весьма грустнымъ мыслямъ объ этомъ соборѣ... Во всякомъ случаѣ истинна относительно того, какъ было дѣло, для насть несомнѣнна. Мы знаемъ изъ нашихъ лѣтописей, что Кириллъ тотчасъ по прибытии на Русь пытался было занять кафедру митрополіи всей Россіи подъ живымъ Алексіемъ Слѣдовательно—несомнѣнно, что дѣло было такъ, какъ представляеть его второе показаніе, т. е. что онъ взвѣль тяжкія обвиненія на Алексія и

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ соборнаго дѣянія говорится и почти совершенно яснымъ образомъ, что Кириллъ поставленъ быть въ митрополиты всей Россіи на мѣсто живого Алексія именно говорится, что онъ—Кириллъ долженъ бы быть изгнанъ изъ предѣловъ Руси, поелику получиль русскую церковь обманомъ и поставленъ не канонически, еще при жизни законнаго митрополита Алексія, который заочно и безъ суда лишенъ былъ своей церкви.—въ Памя. сол. 179.

что условиями образом,—при условій, если изведенія на Алексій обвиненій окажутся справедливыми, онъ быль поставленъ подъ нимъ—жизнью въ митрополиты всея Россіи. Патріархъ, поставившій Кирилана условиями образомъ въ митрополиты всея Россіи, быль філофей, который показывалъ прежде такое великое расположение къ Алексію; изъ этого необходимо стѣдуетъ, что Кирилъ извелъ на Алексія слишкомъ тяжкій обвиненій. Въ чемъ состояли послѣдній, мы не можемъ сказать; само по себѣ вѣроятно было бы думать, что онъ представилъ патріарху Алексію такимъ членомъ, который рѣшительно не терпимъ всѣми русскими князьями, за исключениемъ князя московскаго; но то обстоятельство, что анонкисіаріи, посланные патріархомъ для изслѣдованія обвиненій, изведеніяхъ на Алексія, приѣзжали въ Москву какъ будто даютъ знать, что на него изведены были какія-то обвиненія, во вѣра которыхъ требовалась въ самой Москвѣ.

Кирилъ быль поставленъ въ митрополиты литовскіе и условиями образомъ въ митрополиты всея Россіи 2-го Декабря 1375-го года¹⁾), что будетъ за два года и за два съ десятию дніями мѣсяца до смерти Алексіевой. Наші лѣтописи говорятъ, что тотчасъ по прибытіи въ Литву онъ отправилъ пословъ въ Новгородъ и Москву для предъявленія своихъ правъ на митрополію всея Россіи,—что въ Новгородѣ отвѣчали ему: «посытай къ великому князю въ Москву, и если онъ приметъ тебя митрополитомъ на Русь, то и намъ будешь митрополитомъ», и что великий князь отвѣчалъ ему: «есть у насъ митрополитъ Алексій, а ты зачѣмъ поставился на живого митрополита?»²⁾). Но греческіе извѣстія, патріаршіе анонкисіаріи, посланные для разслѣдованія касательно обвиненій, изведеніяхъ на Алексія, приѣзжавшіе въ Москву³⁾), нашли, что всѣ обвиненія составляютъ клевету,—и Кирилъ остался въ Литвѣ. Въ извѣстіяхъ этихъ передается, какъ встрѣчено было на

¹⁾ См. его духовную грамоту.

²⁾ Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 25, въ Никон. лѣт. IV, 48. Несколько лѣтописей говорятъ такъ, что какъ будто Кирилъ самъ лично приходилъ въ Москву; но это весьма вѣроятно и въ другомъ жесть она ясно говорить, что не самъ приходилъ, а присыпалъ пословъ, ibid. стр. 92. А читаемое въ первой лѣтописи по напечатаннымъ спискамъ, что, услышавъ приведенный отвѣтъ Новгородцевъ, Кирилъ «и не послалъ къ великому князю на Москву», вѣроятно, нужно поправлять, какъ то на самомъ дѣлѣ было, въ утвердительное «въ посла».

³⁾ О прибытіи въ Москву анонкисіаріевъ (двухъ иѣзиковъ протодіаконовъ, изъ которыхъ одному имя Георгій, а другому Иванъ) говорить въ наша Никоновская лѣтопись, — IV, 47, но безъ всякаго указанія причинъ прибытія.

Москвѣ то неожиданное и невѣроятное, что на мѣсто живого св. Алексія былъ поставленъ новый митрополитъ. Именію въ нихъ читается: «(съ Кипріаномъ, поставленнымъ въ митрополиты) посылаются (въ Россію) церковные сановники, уполномоченные произвести дознаніе о жизни Алексія, выслушать, чтѣ будуть говорить противъ него обвинители и свидѣтели и донести священному собору письменио обо всемъ, чтѣ откроется: все оказалось пустымъ и несостоительнымъ словомъ—не напалось ни обвинителей, ни знающаго за нимъ что-либо противузаконное, напротивъ всѣ считали его отцомъ и называли спасителемъ народа, всѣ стояли за него своею головой, а на митрополита Кипріана, такъ безчестно поступившаго противъ святого мужа, произнесли страшнѣйшія проклятия (*κατηρῶντο τὰ σπικάσσεται*); сильное негодованіе и немалое волненіе и смятеніе народное, возбужденное (этимъ дѣломъ) во всей русской землѣ, утищено было (только) непрестанными винувшими и совѣтами митрополита Алексія, обращенными и ко всѣмъ вообще и къ каждому порознь: отправлены были грамоты и къ нашей святѣйшей великой церкви Божіей съ жалобою на облако иначали, покрывшее ихъ очи великіе поставленія митрополита Кипріана и съ просьбою къ божественному собору о сочувствіи, состраданіи и справедливой помощи противъ постигшаго ихъ незаслуженного оскорблѣнія»¹⁾... Совершенно невѣроятный случай постановленія нового митрополита на мѣсто живаго св. Алексія дѣйствительно долженъ быть произвести во всей русской—московской землѣ самое сильное, какое только можно представить себѣ, волненіе. Алексійользовался въ своей московской Руси необыкновеннымъ уваженіемъ и какъ настырь святой жизни и какъ государственный мужъ, оказавший отечеству величайшія услуги,—и вдругъ, когда отъ долживалъ свои постѣдніе дни, украшая собою страну и составляя ея гордость и славу, является на Русь иѣкій Болгаринъ (каковъ былъ Кипріанъ), какъ-то добывшиі себѣ сань митрополита въ Константинополѣ, чтобы съ безчестіемъ свести Алексія съ его мѣста!..

Само собою понятно, что на Москвѣ не могли имѣть совершение никакого желанія, чтобы мѣсто св. Алексія послѣ его смерти заняль Кипріанъ, позволившій себѣ по отношенію къ нему и къ самой московской Руси такие необычайные поступки. Однако, митрополитъ и великий князь не сдѣлали и того, чтобы обратиться въ Константинополь съ просьбою объ устраненіи Кипріана отъ каѳедры митрополіи всея Россіи и о постановленіи патріархомъ въ митрополиты, въ случаѣ упразд-

¹⁾ Намятн. col. 172 sub fin..

ненія каѳедры, новаго кандидата. Они рѣшили избрать будущаго митрополита сами и въ самой Россіи. Не невозможно предполагать, что у нихъ была при этомъ общая мысль начать новый порядокъ постояннаго избрания нашихъ митрополитовъ изъ самихъ Русскихъ, ибо оба они должны были сознавать Россію своего времени имѣющею право на это притязаніе и оба они были люди, у которыхъ сознаніе себя не было ниже ихъ положеній. Но во всякомъ случаѣ они не могли не быть увѣренными въ совершиенной достоинности того, чтобы въ данный разъ быть поставленъ въ Константинополь кандидатъ, ими самими избранный. Рѣшили избрать будущаго митрополита въ самой Россіи, св. Алексій и вел. кн. Дмитрій Ивановичъ первоначально не сошлись было въ выборѣ кандидата: св. Алексій желалъ было видѣть своимъ преемникомъ преп. Сергія Радонежскаго, а у великаго князя быть предъизбранъ въ преемники ему архимандритъ придворного Спасскаго монастыря Михаилъ или, какъ еще его звали, Митай. Но такъ какъ кандидатъ самого св. Алексія рѣшительно отказался отъ сдѣланныго ему послѣднимъ предложения¹⁾; то и остался одинъ кандидатъ великаго князя.

Рѣчи о Михаилѣ—Митай мы поведемъ ниже, какъ особья рѣчи, а теперь доскажемъ о св. Алексѣѣ.

Митр. Феогностъ украсилъ Москву каменными церквами: св. Алексій умножилъ въ ней число монастырей, съ чѣмъ вмѣстѣ увеличить количество и этихъ ея церквей. До него было въ Москвѣ, сколько известно, четыре монастыря: Даниловъ, Спасскій придворный, Богородицескій и Петровскій; онъ построилъ три монастыря самъ и благословилъ построить четвертый монастырь другого здателя. Три монастыря, построенные самимъ св. Алексіемъ, суть: Чудовъ, Спасскій Андрониковъ и Алексѣевскій.

Чудовъ или Чудовскій монастырь, посвященный архангелу Михаилу,—празднованію чуда его въ Хонѣхъ (6-го Сентября, откуда и название Чудовъ, Чудовскій), бывъ предназначенъ св. Алексіемъ служить усыпальницей для него и вмѣстѣ составлять каѳедральный или

¹⁾ Когда св. Алексій призвалъ къ себѣ преп. Сергія и открылъ ему свое желаніе видѣть его своимъ преемникомъ, послѣдний отвѣчалъ: «прости мя, владыко, яко выше моїя мѣры, еже глаголеши, и сія во мнѣ (согласія исполнить желаніе) не обрѣщеш никогдаже: кто есмъ азъ грѣшный и худѣйший наче всѣхъ человѣкъ?» На уснѣнія настоянія Алексія Сергій отвѣчалъ: «владыко святый, аще не хочеш отгнati мою нищету отъ слышанія святыни твоей, проче не пре(и)ложи о семъ глаголати къ моей худости и ни иному никому же попусти...» См. Епифаніево житіе преп. Сергія.—по литографич. изд. л. 253 sqd.

домовий митрополічий монастиръ¹⁾), построенъ имъ въ 1365-мъ году: каменная церковь монастыря, въ семь году заложенная, въ семь же году была и окончена. По преданию, монастырь поставленъ на месте, на которомъ стояла ханская конюшня, и которое было подарено св. Алексію исклениною отъ него ханшею Тайдулою²⁾). Штириимъ говорить въ его житії, что онъ не только построилъ въ монастырѣ каменную церковь, которую украсилъ иконами и сосудами священными и просто речи—всакими церковными узорочьями, но что и поставилъ въ немъ грапезу большую каменную и погреба каменные, т. е. даетъ знать, что онъ устроилъ монастырь со всею заботливостію. Объ его заботливости и щедрости, съ которою онъ обезпечилъ монастырь содержаніемъ, свидѣтельствуетъ сохранившаяся до настоящаго времени въ подлинномъ видѣ его «грамота душевная» необозначенаго года, которую онъ прилагаетъ монастырю до десяти сель съ деревнями³⁾.

Спасскій Андрониковъ монастырь, по разсказу монастырской лѣтописи и житія преп. Сергія, бытъ построенъ св. Алексіемъ въ слѣдствіе особаго побужденія. Возвращаясь въ 1355-мъ году изъ своего первого путешествія въ Константинополь къ патріарху, онъ застagnуть бытъ бурею на Черномъ морѣ и даль обѣть построить монастырь въ честь святаго или праздника того дня, въ который благосолучно достигнетъ берега. Онъ достигъ берега 16-го Августа, въ которое празднуется перенесеніе Нерукотвореннаго образа изъ Едессы въ Царыградъ, и въ честь сего праздника и построилъ близъ Москвы, на берегу рѣки Яузы, обѣтный монастырь. Для завѣдыванія дѣломъ строенія и устроенія монастыря св. Алексій ипросилъ у преп. Сергія Радонежскаго ученика его Андроника, отъ котораго монастырь и получилъ название Андроникова.

Алексіевскій монастырь во имя преп. Алексія человѣка Божія,—первый женскій монастырь въ Москвѣ, какъ говорить монастырское преданіе, бытъ построенъ св. Алексіемъ для двухъ его сестеръ. Онъ

¹⁾ Иакон. лѣт. IV. 198.

²⁾ См. Памятники Московской древности *Снегирева*, стр. 131.

³⁾ Грамота, сохранившаяся до насъ, къ сожалѣнію, въ значительно поврежденномъ видѣ, издава фототипически, съ точнымъ ея воспроизведеніемъ, въ 1892-мъ году въ приложениі къ евангелію св. Алексія, о которомъ ниже. Ея чтеніе съ предположительнымъ возстановленіемъ поврежденного текста — при изданіи подлинника, въ Памятникахъ Московской древности *Снегирева*, стр. 142 ип., и въ Членіяхъ Общ. Ист. и Древн. 1886-го года кн. I, въ статьѣ: Радонежская десятина, стр. 30.

поставленъ бытъ на Остоженкѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Зачатіевскій монастырь (Послѣ 1514-го года, въ которомъ былъ истребленъ пожаромъ, монастырь перенесенъ былъ на урочище Черторье или Чертолье, гдѣ въ настоящее время стоитъ храмъ Спасителя. Въ 1837-мъ году, когда решено было построить на его мѣстѣ сейчасъ называемый храмъ, онъ перенесенъ былъ въ Красную слободу, на свое нынѣшнее мѣсто).

Четвертый монастырь въ Москвѣ, устроить который св. Алексій благословилъ другого здателя, есть Симоновъ монастырь, построенный именемъ преп. Сергія и монахомъ его монастыря Феодоромъ.

Кромѣ трехъ монастырей, построенныхъ въ самой Москвѣ, св. Алексій былъ здателемъ такого же числа монастырей вѣнѣ ея, при чёмъ одинъ изъ этихъ вѣнѣмосковныхъ монастырей также былъ построенъ новыи, а два другіе возобновлены изъ развалинъ. Новый монастырь, построеныи св. Алексіемъ,—по преданию, въ стѣдствіе особаго видѣнія, былъ Серпуховскій Владычій (получившій имя отъ своего строителя—владыки или отъ Владычицы Богородицы, которой посвящена была его церковь?); монастыри, возобновленные имъ, были—Цареконстантиновскій близъ Владимира и Благовѣщенскій въ Нижнемъ Новгородѣ. Два послѣдніе монастыри св. Алексій сдѣлать домовыми митрополичьими монастырями.

Количество шести монастырей, построенныхъ и возобновленныхъ св. Алексіемъ, ясно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ исключительнымъ ревнителемъ умноженія у насъ числа монастырей. Но въ исторіи нашего монашества онъ извѣстенъ и не однѣмъ только этимъ. Вмѣстѣ съ преп. Сергіемъ Радонежскимъ онъ былъ преобразователемъ у насъ жизни монашеской. О сей второй, и можетъ быть—болѣе важной, чѣмъ первая, заслугѣ его по отношенію къ нашему монашеству скажемъ посѣль, когда будемъ обозрѣвать исторію монашества за разматриваемое нами время.

Въ ризинцѣ Чудова монастыря сохраняется рукописное славянское евангеліе, письмо и самій текстъ котораго усвоются преданіемъ св. Алексію. Рукопись евангелія—пергаменнаѧ, въ 8-ю долю листа, инициальная въ два столбца весьма мелкимъ, очень хорошимъ, полууставомъ; содержитъ въ себѣ: четвероевангеліе въ порядкѣ и полномъ видѣ евангелистовъ (тетрь), дѣянія и посланія апостольскія, апокалипсіе и краткій мѣсяцесловъ; кромѣ того—на листѣ впереди евангелія, который представляетъ собою неизвѣстно который листъ послѣ писохранившагося начала—на передней страницѣ отрывокъ правоучительного содержанія, а на оборотѣ—десять заповѣдей, и потомъ между

евангеліемъ и дѣяніями 41-е слово изъ Пандектъ Никона Черногорца о поставленіи властелей; всѣхъ листовъ въ рукописи 170¹⁾). Но излѣдованію спеціалистовъ, текстъ Нового Завѣта, содержащагося въ рукописи, не представляетъ собою тождества съ текстомъ другихъ извѣстныхъ древнихъ списковъ, такъ чтобы могъ быть принятъ за простое воспроизведеніе или за простую переписку одной изъ прежде существовавшихъ редакцій перевода, но отличается многими особыми чтеніями (варіантами) и многими особенностями или разностями перевода, которые даютъ видѣть въ немъ (по мнѣнію спеціалистовъ) новый переводъ или новую редакцію этого послѣдняго. Преданіе усвоѧеть св. Алексію и написаніе рукописи и совершеніе содержащагося въ ней $\checkmark$ почаго перевода.

Что св. Алексій могъ сдѣлать переводъ или произвести сличеніе одной изъ существовавшихъ редакцій перевода съ греческимъ подлинникомъ, это совершилъ вѣроятно. Онъ прожилъ при митр. Феогностѣ въ качествѣ его намѣстника 12 лѣтъ. Въ продолженіе такого значительного времени, находясь постоянно въ обществѣ Грековъ, составлявшихъ свиту или дворъ Феогноста, онъ могъ выучиться разговорному греческому языку незамѣтнымъ для себя образомъ, не упоминая о нарочитыхъ побужденіяхъ, которыхъ онъ могъ къ тому имѣть. Правда, что разговорный новогреческий языкъ далеко не то, что письменный старогреческій. Но выучившись одному, легко было выучиться другому, и ничего неѣть невѣроятнаго предполагать, что св. Алексій, пріобрѣтши знаніе разговорнаго греческаго языка, возымѣль желаніе употребить

¹⁾ Въ 1892-мъ году, къ празднованію пятисотлѣтія кончины прп. Сергія Радонежскаго, съ которымъ св. Алексій находился въ союзѣ тѣснаго дружества, евангеліе издано фототипическіи или съ точнымъ воспроизведеніемъ подлинника покойнымъ высокопреосвященнымъ Леонтиемъ. Объ евангеліи см. въ диссертациіи Г. А. Воскресенской: Древній славянскій переводъ апостола въ его судьбы до XV в., стр. 187 sqq. *ето же* статьи: «Новый Завѣтъ Господа нашего Иисуса Христа. Трудъ святителя Алексія, митрополита Московскаго и всея Руси. Фототипическое изданіе Леонтия, митрополита Московскаго», и «Алексіевскій списокъ Нового Завѣта и четвероевангеліе прп. Никона, Радонежскаго чудотворца», помѣщенные въ январской и юльской книжкахъ «Богословскаго Вѣстника» за 1893-й годъ, и *ето же* позднѣйший трудъ: «Характеристическая черты четырехъ редакцій славянскаго перевода евангелія отъ Марка», Москва. 1896. стр. 258 sqq; также актовую рѣчь М. Д. Муретова подъ заглавиемъ: «Церковно-практическое и научно-богословское значение славянскаго перевода Нового Завѣта въ труде святителя Алексія митрополита Киево-Московскаго въ Всероссійскаго», напечатанную въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Богословскаго Вѣстника» за 1897-й годъ.

еще небольшія старанія, чтобы достигнуть возможности читать Священное Писание Нового Завѣта въ греческомъ подлиннику¹). Мысль сдѣлать новый славянскій переводъ этого Свяще. Писания могла прийти ему очень простымъ образомъ: читая греческій подлинникъ, онъ замѣчалъ пѣкоторыя неточности въ славянскомъ переводе и если читаніе по той редакціи, съ которой сдѣланъ былъ находившійся у него славянскій переводъ, то долженъ быть замѣчать разности въ чтеніяхъ (варіанты), а одно и другое и могло возбудить въ немъ мысль о новомъ переводе. Записанное въ позднѣйшее время преданіе утверждается, что переводъ совершилъ былъ св. Алексіемъ въ 1355-мъ году²); иѣсколько поправляя запись, нужно думать, что переводъ совершилъ имъ въ 1354—1355-мъ году, во время его продолжительного проживанія въ Константионополѣ для получения сана митрополита и для тяжбы съ митр. Романомъ, о чёмъ мы говорили выше. Дѣло перевода, совершеніюего св. Алексіемъ, не должно представлять такимъ образомъ, чтобы онъ сличалъ одинъ съ другимъ многіе греческіе списки и чрезъ сличеніе списковъ доходилъ до чтеній, казавшихся ему наиболѣе удовлетворительными,—подобныхъ ученихъ требованій, конечно, онъ не предъявлялъ себѣ: необходимо представлять дѣло такимъ образомъ, чтобы взять списокъ той редакціи греческаго оригинала, которая въ его время признавалась въ Константионополѣ наиболѣе удовлетворительною, и по этому списку и сдѣлать переводъ, т. е. собственно произвать исправленіе одной изъ существовавшихъ редакцій перевода. Если его переводъ или его исправленіе одной изъ редакцій существовавшаго перевода отличается отъ другихъ редакцій послѣдняго многими особыми чтеніями (варіантами³), то нужно понимать это не такъ, что св. Алексій имѣлъ подъ руками много греческихъ рукописей, а такъ, что единственная греческая рукопись, съ которой онъ переводилъ или по которой исправлялъ одну изъ редакцій существовавшаго перевода, заключала въ себѣ редакцію, отличную отъ тѣхъ редакцій, съ которыхъ сдѣланы были другіе славянскіе переводы. Относительно своего характера и качества переводъ св. Алексія отличается, какъ находить-

¹) Что св. Алексій во всякомъ случаѣ зналъ греческій языкъ настолько, чтобы дѣлать по гречески свою подпись, см. обѣ его грамоты на Червленый Яръ въ Описаніи синод. ркнп. Горск. и Невостр. № 338, л. 34 об., и въ Памятнике Павлова col. 167.

²) См. записку обѣ исправленія Баблія при Алексѣѣ Михайловичѣ, напечатанную въ Словарѣ историческ. митр. Евгения, I, 182 б... .

³) Воскресенск. въ указанной диссертациѣ. стр. 186..

люди, спеціально его изучивши, буквальною близостю къ греческому подлиннику¹). Должно думать, что святитель совершил свой перевод съ цѣллю частною и келейною, для самого себя, а не съ тѣмъ, чтобы передавать или вводить его въ общественное употребление: по крайней мѣрѣ неизвѣстно ни одного списка, который бы былъ списанъ съ его рукописи²). Относительно иныи принятаго славянского текста Нового Завѣта переводъ св. Алексія имѣть очень важное значеніе. Исправители Библіи временъ царя Алексія Михайловича, отъ которыхъ идетъ инициативный текстъ Нового Завѣта, какъ говорить они сами или современные имъ свидѣтели, первою славянскою книгою для своего новаго перевода (исправленія) имѣли книгу «переводу и рукопи-санія святаго Алексія митрополита, всея Россіи чудотворца»³): въ мѣстахъ, представлявшихъ по рукописямъ разныя чтенія (варіанты), исправители, иѣтъ сомнѣнія, имѣя въ виду авторитетъ св. Алексія, во многихъ случаяхъ взяли чтенія его перевода⁴.

¹⁾ Воскресенск. ibid..

²⁾ Хотя находятся списки, которые могутъ быть приваты за правленные съ его рукописи.—Воскресенск. въ послѣдней указанной выше статьѣ.

³⁾ См. помянутую записку, стр. 182 fin..

⁴⁾ Воскресенск. въ диссертациі, стран. 186.—Письмо евангелія есть мелкій и очень хороший, совсѣмъ каллиграфіческий, полууставъ. Конечно, вовсе нельзя объявлять за невозможное того, чтобы св. Алексій способенъ былъ писать каллиграфическими: но такъ какъ полууставная каллиграфія требуетъ много времени (очень мѣшкотна), а св. Алексій, сберегая свое время, имѣлъ полную возможность замѣнить себя настоящимъ или профессиональнымъ каллиграфомъ: то и является основаніе сомнѣваться въ той части преданія, которая усугубляетъ написаніе рукописи самому св. Алексію (хотя, съ другой стороны, не невозможно предположеніе, что святитель нарочно хотѣлъ потрудиться въ изготошеніи хорошаго списка евангелія). Сличеніе евангелія съ собственноручной (какъ прививается) душевной грамотой св. Алексія Чудову монастырю, о которой сказали мы выше, не даетъ мѣста положительному отиѣту ни въ утвердительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ (какъ будто одна и та же рука, а какъ будто и не одна и та же рука...).—Чтеніе всей рукописи евангелія въ ея фототипическомъ изданіи, такъ какъ мелкое письмо ея выцвѣло или слиняло, вообще очень затруднительно, а для насъ съ нашими плохими глазами совсѣмъ таки невозможно. Но мы прочли евангеліе отъ Марка, напечатанное Г. А. Воскресенскимъ въ его изданіи: «Евангеліе отъ Марка по основнымъ спискамъ четырехъ редакцій рукописнаго славянскаго евангельскаго текста» (Сергіевъ Посадъ, 1894), и можемъ сказать теперь (стѣдущее): 1) Списокъ Нового Завѣта, усвоемый преданіемъ св. митр. Алексію, заключаетъ въ себѣ или представляетъ собой несомнѣнную особую редакцію славянскаго перевода Нового Завѣта; 2) Эта

Обстоятельства времени поставили св. Алексій въ исключительное положеніе,—онъ былъ митрополитомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ большую половину своего правлѣнія регентомъ государства, отчасти, можетъ быть, неофиціальномъ, отчасти же сопрѣшенно офиціальнымъ и па-

---

особая редакція перевода изготовлена Русскимъ, а не какимъ либо другимъ славяниномъ (тѣо употребляются русскія слова: *погости*, которымъ переродится греческое слово *χωριτι*,—I, 38 в VI, 6,36 [и в первомъ случаѣ: *χωροπόλεις*—*погости града*]. *жонина*, которымъ переводится греческое слово *πήρα*—VI, 8); 3) Особая редакція перевода изготовлена не чрезъ выборъ изъ существовавшихъ редакцій его казавшихся лучшими чтеній, а чрезъ сличеніе его (перевода) съ греческимъ подлинникомъ; 4) Иная цѣль, съ которой изготовлена редакція, состояла въ возможной точности перевода, собственно—въ возможной буквальности его, которая доводится въ редакціи до *plus ultra*. Примыхъ данныхъ для отвѣта на вопросы: принадлежать ли св. Алексію редакція перевода и написаніе списка евангеліе не представляеть, ибо и не могло бы ихъ представлять, но непримыя иѣкоторыя данины какъ будто склоняютъ болѣе къ отвѣту отрицательному. Не говоря о немногихъ погрѣшиностяхъ, бывшихъ, конечно, возможными и для св. Алексія, въ перевѣдѣ находимъ странную, такъ сказать, своеобразность (и въ другомъ случаѣ мы назвали бы ее причудничаніемъ, оригинальничаніемъ), которую едва ли бы позволилъ себѣ св. Алексій и которая состоитъ, во-первыхъ, въ томъ, что вѣкоторыя греческія слова безъ всякаго основанія оставлены не переведенными (*гласимія*, что значитъ *хула*.—II, 7, *гласимисастъ*—*хуляти*: III, 29, *зерно синапио*—*зерно горушко*: IV, 31, *олокавтоматъ*—*весосожженій*: XII, 33, *катапетазма*—по древнему опона, по теперешнему заѣба: XV, 38, *кентигріон*—*сотники*: XV, 39, *параскени*—*пятокъ*: XV, 42); во-вторыхъ—въ томъ, что иѣкоторыя собственныя имена оставлены въ ихъ греческой формѣ (*Варфоломаос*,—X, 46, *галілеос*,—XIV, 70). Что касается до написанія списка, то находимъ въ письмѣ евангелія иѣкоторыя какъ бы сказать вольности (иѣкоторыя какъ бы сказать *юсуба*) со стороны писавшаго, которая также едва ли позволяла бы себѣ св. Алексій и которая состоитъ въ томъ, что собственныя имена пишутся иногда на половину по русски и на половину погрѣски *Варфоломаїа*,—III, 18, *баристої*,—III, 6, *саддоѣкаїої*,—XII, 18). Не усояя св. Алексію изготошеніе редакцій перевода и написаніе списка, можно будетъ представлять дѣло такъ, что во время пребыванія въ Константино-полѣ овъ поручилъ изготоить желаемую имъ редакцію перевода и написать списокъ одному изъ тѣхъ Русскихъ, которые, по свидѣтельству его современника Стефана Новгородца, жили въ Константино-полѣ, въ Студійскомъ монастырѣ, и занимались списываніемъ славянскихъ книгъ Священнаго Писания и богослужебныхъ для освяща въ на Русь. Иѣкоторыми своими особенностями, каковы—употребленіе словъ малознѣстныхъ вмѣсто общезнѣстныхъ (напр. I, 7, *вѣстуща* вмѣсто *ремень*, V, 15, *слѹбба* вмѣсто *берегъ*, собственно: *крутизна*, *стремнина*), употребленіе словъ своеобразныхъ (II, 49, *мечень*, VII, 22 *несмыслиство*, IX, 3, *прамахъ*, IX, 18,

стоящимъ. Какъ регентъ государства св. Алексій исполнялъ свои обязанности усерднѣйшимъ и ревностнѣйшимъ образомъ и, бывъ государственнымъ мужемъ съ блестищими талантами, вельможа государственныхъ дѣла такъ, что оказать Москвѣ величайшія услуги ¹⁾). Вообще, въ числѣ государственныхъ людей первоначальной Москвы и въ числѣ созиателей русского государства ему принадлежитъ одно изъ наипочетнѣйшихъ мѣстъ. Правда, изъ предшествующаго нашего изложенія можно видѣть и на основаніи его нужно признать, что званіе регента государства было не совершенно благопріятно для церковно-правительственной деятельности св. Алексія и что оно находилось до иѣкоторой степени въ антагонизмѣ съ его званіемъ митрополита. Но по самому существу дѣла, а во всякомъ случаѣ—при данныхъ обстоятельствахъ, невозможно было такое совмѣщеніе двухъ званій, чтобы осталось совсѣмъ безразличнымъ для одного и для другого изъ нихъ. Если же это было невозможно, а между тѣмъ св. Алексію суждено было совмѣщеніе званій; то, примиряясь съ составлявшимъ неизбѣжное, мы можемъ только и еще сказать, что, призванный стать государственнымъ человѣкомъ, св. Алексій занимаетъ, какъ таковой, одно изъ наиболѣе высокихъ мѣстъ въ ряду созиателей русского государства и что онъ прі-

---

скрепитати, IX, 50, *мирствовати*). смѣлое обращеніе съ языкомъ для достиженія совершенной буквальности (*κακεῖνον λιθοβολήσαντες ἐκευράλαίωσαν—и того камни-съ мешавше оглавиша:* XII, 4, *συνέδριον—ссыдалише:* XIII, 9, XIV, 55, XV, 1, *ἔποππον αὐτοῦ τὴν κεφαλὴν—біаху сю главу:* XV, 19) переводъ евангелія напоминаетъ намъ объ ученикѣ пр. Сергія Радонежскаго и его біографѣ Епифаніи премудромъ, о которомъ см. въ нашей книгѣ: „Пренободный Сергій Радонежскій и созданиемъ имъ Троицкой Лавры“, ч. I, прим. 1 и 66, такъ что является у насъ подозрѣніе, не онъ ли, по порученію св. Алексія, а вмѣстѣ и прп. Сергія, изгото-вилъ редакцію перевода и написалъ списокъ. Подозрѣніе неожиданно подкрѣпляется до иѣкоторой степени тѣмъ, что въ ризинѣ Троицкой Лавры хранится спис-окъ евангелія, усвоемый преданіемъ прп. Никону, объ отношеніи котораго къ составляющему предметъ рѣчей Чудовскому или Алексіевскому списку должно думать, что редакторъ одного котораго либо изъ нихъ имѣлъ у себя подъ руками другой, см. статью Г. А. Воскресенской: «Алексіевскій списокъ Нового Завѣта и четырехъ евангеліе прп. Никона», напечатанную въ юльской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника» за 1893-й годъ. Впрочемъ, высказывая наше подозрѣніе, мы вовсе не думаемъ настаивать на немъ и предоставляемъ будущему времени, если то окажется воз-можнымъ, подтвердить или опровергнуть его.

¹⁾) Бывъ воспитателемъ вел. кн. Дмитрія Ивановича, св. Алексій сдѣлалъ его искренно и усердно благочестивымъ человѣкомъ; но странно, что князь, по свидѣтельству повѣсти объ его житіи и преставленіи, книгамъ не былъ учень добрѣ.

обрѣть величайшее право на благодарность тѣхъ, для кого государство это создано ¹⁾.

Изъ относящагося къ исторіи св. Алексія, какъ митрополита, нами здесь не сказано: во-первыхъ, о появленіи при немъ въ новгородской области секты Стригольниковъ; во-вторыхъ, о томъ, что съ его времени начали поступать на службу къ митрополитамъ настоящіе бояре, каковое обстоятельство имѣло важное влияніе на характеръ церковнаго управлѣнія, и втретихъ—о канонизаціи имъ пострадавшихъ при Ольгердѣ литовскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія. О Стригольникахъ мы скажемъ подъ правлѣніемъ митр. Фотія, къ которому относится принятие противъ нихъ рѣшительныхъ мѣръ и исчезновеніе ихъ секты. О поступленіи на службу къ митрополитамъ настоящихъ бояръ и о канонизаціи литовскихъ мучениковъ мы скажемъ въ особыхъ главахъ обѣ управлѣній и богослуженій за данное время.

Св. Алексей имѣть долгоденственную жизнь и окончить дни свои въ глубокой старости: онъ скончался не менѣе какъ на 80-мъ, а можетъ быть—на 85-мъ году жизни, 12-го Февраля 1378-го года ²⁾). Онъ погребенъ былъ, какъ уже мы давали знать выше, не въ Успенскомъ

¹⁾ Въ XVII вѣкѣ, позволяя себѣ не особенно похвальнымъ образомъ чернить память св. Алексія, хотѣли покрывать его авторитетомъ унизвѣтельныи отношенія къ крымскимъ Татарамъ. Чтобы избавляться отъ набѣговъ этихъ Татаръ на украиній области государства, должны были платить имъ ежегодные очень большиє «поминки», чѣмъ, конечно, не служило къ нашей славѣ, въ воть, въ оправданіе этого безславія, придумали утверждать, будто «уложилъ тѣ поминки давать Алексѣй митрополитъ московскій, послѣ того времени, какъ онъ былъ въ Крыму въ полону», см. *Конюшкія О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича*, гл. IV, § 37.

²⁾ Всѣ лѣтописи (Новгородская 1-я и 4-я, Софійская 1-я, Академическая, Ивановская и Воскресенская), а также Епифаній въ житіи преп. Сергія (литографіч. изд. л. 256) относятъ кончину св. Алексія къ 6885-му году отъ С. М. или къ 1377-му году отъ Р. Х. Но онъ скончался 12-го Февраля въ пятокъ (лѣтописи Никопольск. и Воскресенск.), а 12-е Февраля было въ пятокъ не въ 1377-мъ, а въ 1378-мъ году отъ Р. Х., къ которому на сейчасъ указаніемъ основанія въ относитъ его кончину большая часть новыхъ историковъ. Объясненіе загадки относительно лѣтописей и Епифанія состоитъ въ томъ, что тогда было счищеліе марта вское и что по этому марта вскому счищелію Январь и Февраль 1378-го года приходились послѣдними мѣсяцами 1377-го года (При переводѣ сентябрьскаго счищелія на теперешнее январьское, въ случаѣ мѣсяцевъ Сентября—Декабря, нужно вычитать изъ годовъ отъ С. М. не 5508, а 5509, наоборотъ при переводѣ марта вскаго счищелія на январьское, въ случаѣ мѣсяцевъ Января и Февраля, нужно вычитать изъ годовъ отъ сотворенія мира не 5508, а 5507).

соборѣ вмѣстѣ съ своими двумя предшественниками по жительству въ Мoseвѣ, а въ своей етиоріи—Чудовомъ монастырѣ. Въ 1431-мъ году при митр. Фотіи, по случаю перестройки церкви, были обрѣтены его мощи ¹⁾, а въ концѣ 1448—началѣ 1449-го года при митр. св. Іоанѣ было установлено торжественное празднованіе его памяти ²⁾.

¹⁾ Икон. лѣт. IV, 65 fin. (сfr Ключенск. стр. 133): «Въ лѣто 6939 (1431) во княженіе великаго князя Василья Васильевича, при святѣйшемъ Фотѣ митрополитѣ кievскомъ и всеа Русіи, обвалися верхъ церковны во время священныя литоргія и священнику еще не изшедшу изъ олтаря, но невредимъ бысть: и тако тоя церкви мѣсто очистивше и начаша копати, хотяще основати новую церковь каменну; и сице копающе обрѣтоша свещенное тѣло Алексія митрополита кievскаго и всеа Русіи, сице же и ризы его цѣлы, мѣсяца Маія въ 20 день».—Моши святителя Алексія поставлены были въ придѣлѣ новопостроеной церкви. Во второй половинѣ XV вѣка архимандритъ чудовской, послѣдующий архиепископъ новгородской. Геннадій построилъ въ монастырѣ церковь во имя самого святителя, въ которую и были перенесены моши. На мѣсто обетованной Геннадіевой церкви была построена для мошей новая, доселѣ остающаяся, церковь (съ престолами во имя Благовѣщенія Богородицы и св. Алексія) во второй половинѣ XVII вѣка (о поруганіи, которму въ 1812-мъ году подвергались моши отъ французовъ, бывъ выброшены изъ раки, см. у Н. Розинова въ Исторіи московскаго епархіального управленія, части третьей кн. II, стр. 25).

²⁾ У Ключенск. ibid. (Опис. Сунодд. ркн. Горск. и Невостр. № 410, л. 410 об., стр. 443 нач.).—При ракѣ св. Алексія хранятся его облаченія: саккосъ, епитрахиль и подrizникъ, и его посохъ, поновленный вирочемъ иатр. Іоакимъ,—Синигрева Памятники московской древности, стр. 137, col. 2 sub tн..

ДВЪНАДЦАТИЛѢТНІЯ ЗАМѢШАТЕЛЬСТВА НА КАФЕДРѢ МИТРОПОЛІІ ПОСЛѢ КОНЧИНЫ СВ. АЛЕКСІЯ.

(*Михаилъ-Митай, Кипріанъ, Пимічъ.*)

Кандидатомъ въ митрополиты на мѣсто св. Алексія у вел. кн. Димитрія Ивановича, какъ мы сказали, былъ архимандритъ его придворнаго Спасскаго монастыря Михаилъ, называвшійся Митаемъ ¹⁾.

Этотъ Михаилъ-Митай, только мелькнувшій въ ряду нашихъ церковно-историческихъ дѣятелей, ибо кафедру митрополії ему не суждено было занять, представлялъ собою, по увѣренію лѣтописей, человѣка необыкновенно и феноменально замѣчательнаго. Въ виду подобной замѣчательности Михаила лѣтописи дѣлаютъ даже то, что, позволяя себѣ совершение единственное въ отнosiеніи къ церковно-историческимъ лицамъ исключеніе, предлагаютъ нарочитый о немъ повѣстъ ²⁾. Онь былъ родомъ изъ коломенскаго, лежавшаго на Окѣ, села Тѣшилова, сынъ священника ³⁾, и до знакомства съ великимъ княземъ былъ

¹⁾ «Михаилъ, наріцаемий Митай», — повѣсть о Михаилѣ (Митайѣ) въ лѣтописи.. Митай есть уменьшительное отъ Димитрія (Мітія, Митай; Тверская лѣтопись называетъ Митая именно Митай). Вероятно, что Митай не было прозваніе Михаила, а его мірское имя въ уменьшительной формѣ (какъ понимаетъ это Степенная книга, — I, 466 нач.). Рѣчи лѣтописей о Михаилѣ вовсе не даютъ основанія предполагать, чтобы онъ вмѣсто Димитрія уменьшительно называлъ былъ Митаемъ въ укоризну и брань; поэтому нужно думать, что онъ назывался такъ или иначе особую ласку и какъ бы въ отличие отъ другихъ или же просто случайнымъ образомъ и безъ всякой причины, потому что такъ повелось употреблять его имя.

²⁾ Две повѣсти о Михаилѣ въ Ииконовской лѣтописи подъ 1378 г., — IV, 66 seqq (Вторая повѣсть начинается: «Подобаетъ вѣдати, кто есть сей»..., стр. 68 нач.). Въ Воскресенской лѣтописи (Собр. лѣтт. VIII, 28) и такъ называемой Типографской (изд. въ Москвѣ въ 1784 г., стр. 137) повѣсти соединены въ одну и въ некоторыхъ мѣстахъ представляютъ свою редакцію.

³⁾ «Сынъ Тѣшиловскаго попа Ивана, иже на рѣцѣ Окѣ». Въ настоящее время около Коломны на Окѣ и не на Окѣ села Тѣшилова нѣть. Было (и не знаемъ — есть ли) на Окѣ село Тѣшилово значительно вверхъ отъ Коломны, на той или

священникомъ въ самой Коломнѣ. Вотъ какъ описываетъ его лѣтописецъ по его наружнымъ и внутреннимъ качествамъ: «Сей убо царь Митай бысть возрастомъ (ростомъ) великиъ зѣло и широкъ, высокъ и напругъ (сила, мускульстъ), плечи (имѣя) великіи и толсты, брада (у него бысть) плоска и долга, и лицемъ (бысть) красенъ (красивъ),— рожаемъ и сапомъ (наружной представительности и наружной красотой) превыше всѣхъ человѣкъ; рѣчь легка и чиста и громогласна, гласть же его красенъ зѣло; грамотъ добрѣ гораздъ: теченіе велие имѣя по книгамъ, и силу книжную толкуя и чтеніе сладко и премудро, и книгами глаголати премудрѣ зѣло, и иштоке обѣташеся таковъ; и иѣти парочить; и въ дѣлѣхъ и въ судѣхъ и въ разсужденіяхъ изященъ и премудръ, и слово и рѣчь чисту и незаконѣвающю имѣя и память велию; и древними новѣтствами и книгами и притчами духовными и житейскими иштоке обѣташеся глаголати⁴⁾».

Какъ видимъ, лѣтописецъ едва находитъ слова иль своеимъ языкѣ для восхваленія Михаила и хочетъ сказать, что онъ представлялъ собою феноменальное совершенство во всѣхъ отношеніяхъ; во всемъ, по увѣренію лѣтописца, онъ превосходилъ всѣхъ людей: при необыкновенной наружной саповитости и красотѣ, при такомъ голосѣ, который дѣлалъ его прекраснымъ иѣздомъ и единственнымъ чтецомъ, онъ быть человѣкъ необыкновенно умный и необыкновенно въ тогдашнемъ смыслѣ образованный, т. е. до возможной степени начитаний въ книгахъ: одинаково исключительнымъ образомъ назидательный какъ въ духовной бесѣдѣ, такъ и въ свѣтской или мірской, онъ быть незамѣннымъ дѣльцомъ во всякихъ серьёзныхъ дѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самимъ занимателынмъ собесѣдникомъ иль легкомъ разговорѣ, такъ что въ одинаковой мѣрѣ обладать какъ тѣми качествами, которыми заставляютъ уважать людей, такъ и тѣми, которыми привлекаютъ къ нимъ общую любовь (дѣлаютъ ихъ любимцами общества). Очень можетъ быть что лѣтописецъ черезъ чурь осѣпленіе совершенствами Михаила и изображаетъ намъ его портретъ иѣсколько преувеличеными чертами: но во всякомъ случаѣ это осѣпленіе исколько не есть осѣпленіе пристрастнаго сторонника, за которого вовсе не можетъ быть принимаемъ лѣтописецъ по отношенію къ Михаилу, и слѣдовательно—несомнѣнное заключеніе изъ словъ лѣтописца есть то, что Михаилъ двин-

на тульской сторонѣ рѣки; но оно стало московскимъ только уже при царѣ кн. Василии Васильевичѣ (Собр. госуд. грамм. и договр. I. 281 бп., 285).

⁴⁾ Никон. лѣт. IV, 68.

ствительно представлять изъ себя рѣдкимъ образомъ замѣчательнаго человѣка.

Исключительная и совершиенно выдававшаяся личность Михаила привлекла къ нему вниманіе великаго князя: переведши его изъ Котломы въ Москву, великий князь сдѣлалъ его, съ одной стороны, своимъ духовнымъ отцомъ, а съ другой стороны—весьма важнымъ и однѣмъ изъ самыхъ довѣренныхъ при себѣ чиновниковъ,—своимъ печатникомъ, и вообще приблизилъ его къ себѣ въ качествѣ своего любимца и фаворита. Какъ къ своему любимцу Дмитрій Ивановичъ имѣлъ къ Михаилу необыкновенную привязанность,—совершенно такую, какую имѣлъ царь Алексѣй Михайловичъ къ Никону, если только даже не болѣшую: «зѣло любаше»,—говорить лѣтописецъ—«и чествование его яко отца паче всѣхъ»¹). Вѣдѣствие этого Михаилъ, будучи священникомъ, занять такое необыкновенно высокое положеніе при государѣ, что стала какъ бы вторымъ по немъ лицомъ: «никто же,—говорить туть же лѣтописецъ—въ такой чести и славѣ бысть, якоже опъ—Митай; славу и честь имѣяше паче всѣхъ; бысть во чти и славѣ отъ великаго князя и отъ всѣхъ и вси чествоваху его, якоже иѣкоего царя»... Пользуясь необыкновенною привязанностью великаго князя, Михаилъ,—чего никакъ нельзя сказать о Никонѣ,—пользовался и всеобщею любовью: «любляху ево вси», говорить лѣтописецъ; а что касается въ частности до вельможъ и бояръ, то они не только не питали къ необыкновенному во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ фавориту зависти и ненависти, но, любя его столько же, какъ и великій князь, подобно сему постѣднему имѣли его своимъ духовнымъ отцомъ (великій князь любление его зѣло, также и бояре его..., прихожаху къ нему на душъ бояре и вельможи..., бысть отецъ духовный всѣмъ бояръ старѣшимъ»²). Былъ ли зараженъ Михаилъ суетной наклонностью къ нынѣшности и щегольству или это требовалось отъ него его положеніемъ и нарочито, какъ отъ любимца, было требовано великимъ княземъ, только подобно вельможамъ и епископамъ онъ окружилъ себя многими слугами и отроками («многи слуги и отроки имѣяше»), а въ роскоши одежды превосходилъ всѣхъ вельмож и епископовъ: «по 1-ся дни—говорить лѣтописецъ — ризами драгими измѣняшесь, и сияне въ ево

¹) Никон. лѣт. IV, 72 бп. Великій князь привлекъ къ себѣ Михаила около 1370-го года, когда ему было 20 лѣтъ (родился въ 1350 году); выраженіе «яко отца» даетъ знать, что Михаилъ по отношенію къ великому князю находился въ возрастѣ отца.

²) Исследнее по редакціи Воскресенской и Типографской лѣтописей.

одѣяніяхъ драгихъ яко жъ нѣкое удивленіе, и никтоже бо такова одѣянія иошаще и никтоже тако измѣняшесь по вся дни ризами драгими и свѣтлыми, якоже онъ—иопъ Митяй».

«Въ таковомъ чину и устроеніи», какъ выражается лѣтописецъ, Михаилъ провелъ много лѣть. За два года до смерти св. Алексія освободилось мѣсто архимандрита въ придворномъ Спасскомъ монастырѣ великаго князя, и тогда Дмитрій Ивановичъ началъ убѣждать и просить Михаила, чтобы онъ согласился принять монашеское постриженіе, съ тѣмъ, чтобы изъ архимандритовъ Спасскихъ быть ему поставленнымъ въ митрополиты на мѣсто св. Алексія. Сперва Михаилъ рѣшительно отказался было и ойтди въ монахи; но потомъ, отчасти преклоненіемъ настоятеляг҃бѣжими убѣжденіями и проосьбами великаго князя, отчасти же принужденіемъ новиноваться и прямой силѣ¹⁾, онъ былъ постриженъ въ монахи и въ самый день постриженія поставленъ въ архимандриты на упразднившееся мѣсто.

Составляло для изслѣдователей вопросъ, какъ отнесся св. Алексій къ назначению великимъ княземъ Михаила въ будущіе ему преемники. Въ лѣтописяхъ мы имѣемъ не одно сказание о Михаилѣ, а два: изъ этихъ двухъ сказаний одно написано не сторонникомъ его, но и не врагомъ,—изъ сказаний заимствовано нами все сообщенное о немъ выше и оно составляетъ исторический источникъ свѣдѣній о немъ; другое сказание написано явнымъ его врагомъ и по своему содержанию представляетъ не что иное, какъ обвинительную противъ него записку²⁾. Въ первомъ сказаніи, невраждебномъ Михаилу, пѣть совершениюничего о томъ, какъ отнесся св. Алексій къ его назначению великимъ княземъ въ будущіе ему—Алексію преемники: вовсе молча объ этомъ, сказание говоритъ, что Михаилъ, постриженный въ монахи, быть поставленъ въ архимандриты Спасскіе съ мыслю быть ему преемникомъ св. Алексію и что по представлениіи постѣднаго онъ введенъ быть великимъ княземъ на дворъ митрополичій съ тѣмъ, чтобы быть поставленнымъ въ митрополита. Сказание враждебное Михаилу утвержаетъ, что св. Алексій отнесся весьма неблагосклонно къ его избранию вели-

¹⁾ «Не все волю, но яко нужею приведенъ бысть (для постриженія) въ монастырь святаго Спаса». Выраженіе «яко», какъ видно изъ контекста рѣчи, не должно быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что Михаилъ только приговаривался нехотящимъ, а должно быть принимаемо за особый образъ выраженія—или неудачный или желавшій дать мыслъ особый оттенокъ.

²⁾ Сказание о Михаилѣ враждебное ему занимаетъ въ Никоновской лѣтописи первое мѣсто.

кимъ княземъ въ будущіе митрополиты, и именно—по двумъ редакціямъ сказаній дѣло представляется въ двухъ несколько различныхъ видахъ. По одной редакції ¹⁾, св. Алексій, несмотря на всѣ настоятельныи просьбы великаго князя, отказался благословить Михаила въ свое мѣсто, мотивируя свой отказъ будто бы тѣмъ, что апостоль требуетъ отъ епископа, чтобы онъ быть не новонаукъ *въ христіанствѣ* (не изъ новообращенныхъ,—1 Тим. 3, 6), а Михаилъ новонаукъ *въ иночествѣ*, и говорилъ государю въ свой послѣдний отвѣтъ: «азъ не воленъ есмь благословити его, по ему же дастъ Господь Богъ и пречистая Богородица и пресвященный патріархъ и вселенскій соборъ, того и азъ благословляю». По другой редакції ²⁾, св. Алексій, бывъ молимъ и принуждаемъ великимъ княземъ, не нашель возможніемъ отказать въ своемъ согласіи положительно и решительно, по дать его въ такой формѣ, что прикровенно выразить желаніе и вмѣстъ изрѣкъ пророчество о несбытіи хотѣнія великаго князя: «Алексій же митрополитъ,—говорить сказаніе по нашей редакції,—умоленъ бывъ и принужденъ (великимъ княземъ), и ни тако посули быти прощанію его, по извѣстуя святительски и старчески, иначе же пророчески, рече: «азъ неволенъ (*вар.* недоволенъ) благословити его (Михаила), но оже дастъ ему Богъ и святая Богородица и пресвященный патріархъ и вселенскій соборъ». Можно было до некоторой степени подозрѣвать, что сказаніе враждебное Михаилу, бывъ написано митр. Кипріаномъ, которому Михаилъ съ своей кандидатурой падѣлалъ единикомъ много непріятностей, говорить неправду. Но въ настоящее время мы въ состояніи сказать это послѣднее уже положительнымъ образомъ. Найдено въ рукописахъ посланіе митр. Кипріана къ преи. Сергію Радонежскому съ его племянникомъ игуменомъ Оеодоромъ, написанное всѣдѣ за тѣмъ, какъ онъ—Кипріанъ посѣть смерти св. Алексія неудачнымъ образомъ прѣѣхать въ Москву для занятія кафедры митрополіи всія Россіи ³⁾. Изъ этого посланія и открывается, что св. Алексій безъ всякихъ двусмыслинностей, а съ совершеннымъ выраженіемъ своихъ воли и желанія, насколько это отъ него зависѣло, утвердилъ и благословилъ быть

¹⁾ Какъ читается сказаніе въ Никоновской лѣтописи.

²⁾ Какъ читается сказаніе въ Воскресенской и Типографской лѣтописяхъ.

³⁾ Посланіе вмѣстѣ съ другими двумя посланіями къ тѣмъ же Сергію и Оеодору и съ четвертымъ посланіемъ къ неизвѣстному игумену напечатано въ Правосл. Собесѣди. 1860-го года, ч. 2, стр. 85; перепечатано въ Памятникахъ *Павлова*, vol. 173.

Михаилу его преемникомъ. Во-первыхъ, Кипріанъ, какъ самъ онъ говорить въ посланіи, отлично знаяшій, что дѣжалось на Москвѣ передъ смертью и въ минуту смерти Алексея, ни единымъ словомъ не намекаетъ на то, чтобы послѣдній не хотѣть благословить Михаила въ свое мѣсто; а обѣ этомъ онъ нарочито и настоятельно говорилъ бы, если бы это дѣйствительно было такъ, потому что говорить обѣ этомъ требовали бы его интересы и это было бы для него очень важно. Во-вторыхъ, онъ простираю и усиленно доказываетъ въ своемъ посланіи правилами каноническими, что не подобаетъ святителю оставлять свой престолъ въ настѣдіе кому ипбудь и поставить на святительское достояніе, его же хочеть: какъ совершило ясно, это направлено противъ того, что св. Алексій оставилъ своимъ наследникомъ Михаила. Втретыхъ, Кипріанъ прямо говоритъ о св. Алексіѣ: «не умѣти было ему, т. е. не имѣть онъ права, наследника оставляти по своей смерти». Наконецъ, вчетвертыхъ, мы читаемъ у него: «видѣхъ грамоту, (юже) записалъ митрополитъ умирая, и та грамота будетъ съ нами на великому соборѣ». Это значитъ: я видѣлъ грамоту, которою Алексій умирая записалъ митрополиту архимандриту Михаилу, и эта грамота будетъ представлена мною патріаршему собору, какъ доказательство незаконнаго поведенія умершаго митрополита. Извѣстны въ настоящее время греческіе акты даютъ знать, что позадолго до смерти св. Алексія было послано изъ Москвы посольство къ патріарху съ пропеніемъ, чтобы отъ этого послѣдняго признать быть преемникомъ его—Алексія избранный великимъ княземъ кандидатъ (см. о семъ нѣсколько ниже). Изъ актовъ прямо не видно, чтобы посольство было послано не однѣмъ только великимъ княземъ, а вмѣстѣ и самимъ св. Алексіемъ. На основаніи сейчасъ сказанаго, это представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ. Мы знаемъ, что св. Алексій сначала пытался было назначить своимъ преемникомъ преп. Сергія Радонежскаго. Изъ этого слѣдуетъ, что Михаилъ не быть для него кандидатомъ, на которомъ онъ прямо и съ первого раза остановился вмѣстѣ съ великимъ княземъ и что онъ что-то такое имѣть противъ него. Что имѣнио могъ имѣть св. Алексій противъ Михаила, не можемъ сказать положительно; не невозможно, во-первыхъ, допускать, что онъ, бывшій регентъ и правитель государства въ малолѣтство государя, увидѣвъ при великому князѣ на своемъ мѣстѣ его повара любимца, пытаясь къ послѣднему человѣческое чувство ревности; во-вторыхъ—вѣроятно предполагать, что въ Михаилѣ, весьма не охотно пошедшемъ въ монахи, онъ не находилъ достаточно монашескаго скромнаго духа,—что кандидатъ въ митрополитъ

литы представлялся ему человѣкомъ болѣе должностнаго мірскимъ и свѣтскимъ¹⁾.

Въ то время, какъ на Москвѣ избирали преемника св. Алексію, въ Кіевѣ сидѣть, ожидая его смерти, уже готовый ему преемникъ. Это—Кипріанъ.

Кипріанъ зналъ, что въ Москвѣ шатаются къ нему величайшую вражду за его поступки съ св. Алексіемъ; онъ зналъ, что тамъ выбранъ въ преемники послѣднему любимецъ великаго князя, къ которому государь имѣть необыкновенную привязанность. Несмотря на все это, онъ рѣшился послѣ смерти Алексіяѣхать въ Москву, чтобы добывать себѣ каѳедру митрополіи всѧї Россіи. Великій князь, узнавъ объ его намѣреніи прѣѣхать въ Москву, разставилъ на дорогѣ кордоны, чтобы не пропускать его. Но и это его не остановило: онъ явился въ Москву, пробравшись окольными путями. Въ Москвѣ съ нимъ случилось то, чего и слѣдовало ожидать по его совершенню экстраординарному поведенію: онъ бытъ схваченъ и посаженъ въ заключеніе (арестованъ), а потомъ со всевозможнымъ безчестіемъ выпревоженъ воинъ.

Совсѣмъ исключительный поступокъ Кипріана даетъ знать, что онъ принадлежалъ къ числу людей, способныхъ действовать напроломъ и падѣланныхъ тою храбростью, которая беретъ города. Но, не представляя его себѣ человѣкомъ изъ рукъ воинъ взбалмошнмъ, трудно допустить, чтобы онъ не имѣть никакихъ оснований питать хотя бы слабыя надежды. И действительно имѣются данины предполагать, что у него были иѣкоторые основанія питать иѣкоторые надежды. Михаилъ бытъ такимъ любимцемъ великаго князя, въ которомъ государь не слышать своей души; вмѣстѣ съ великимъ княземъ его чрезвычайно любили и весьма желали видѣть митрополитомъ всѣ бояре. Между тѣмъ мы читаемъ въ сказаніяхъ, что совершило иначе относилось къ нему все духовенство, начиная отъ высшаго и до низшаго, и какъ черное, такъ и бѣлое,—что духовенство чрезвычайно не любило его и крайне не желало видѣть его митрополитомъ. Что могло быть причиной этихъ нелюбви и нежеланія, скажемъ иѣсколько ниже; но весьма вѣроятно

¹⁾ Св. Алексій, послѣ того, что испыталъ онъ отъ Кипріана, конечно, не имѣть никакого желания видѣть его своимъ преемникомъ: но такъ какъ избранный было имъ самимъ кандидатъ—преп. Сергій Радонежскій рѣшительно отказался отъ едѣланаго ему предложенія: то и во всякомъ случаѣ онъ долженъ бытъ соглашаться на кандидатуру Михаила. А грамоту на имя Михаила онъ далъ, очевидно, для того, чтобы, въ виду притязаній Кипріана, безспорнымъ образомъ была вѣдома всѣмъ его воля.

думать, что на нихъ-то Кирилъ и основывалъ свои иѣкоторыя надежды. Вмѣстѣ съ помянутымъ выше письмомъ его къ преп. Сергію, писаниемъ послѣ изгнанія изъ Москвы, сохранилось письмо его къ тому же Сергію, писанное съ дороги въ Москву ¹⁾). Письмо очень кратко и не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго: митрополитъ извѣщаетъ преп. Сергій, что идеть на Москву, и выражаетъ желаніе видѣться съ нимъ. Очень возможно подозрѣвать, что за невиннымъ письмомъ скрывалось иѣчто другое и что одновременно съ нимъ Кирилъ обращался къ Сергію съ весьма важными, исканіями, о которыхъ неудобно было говорить въ письмѣ и которые имѣли быть переданы устно его доставителями, именно—съ тѣми исканіями, чтобы преп. Сергій вмѣстѣ съ другими вліятельными у великаго князя лицами изъ духовенства агитировалъ передъ постѣднимъ въ пользу его—Кирилана. На эту-то агитацию, съ убѣжденіями къ которой Кирилъ могъ обращаться и не къ одному преп. Сергію, а и къ другимъ, имѣвшимъ авторитетъ у великаго князя лицамъ изъ среды духовенства ²⁾, и могъ возлагать отъ иѣкоторыми, оказавшися совершенно тщетными, надежды.

О прѣбѣдѣ Кирилана въ Москву и о томъ, что случилось съ нимъ здѣсь, мы узнаемъ изъ его посланій къ преп. Сергію, писанного послѣ его изгнанія отсюда. Это посланіе, въ которомъ онъ, съ одной стороны, сообщаетъ о случившемся съ нимъ, а съ другой и главное—изливаетъ свои жалобы на великаго князя, производить истинно удручающее нравственое впечатленіе. Кирилъ успѣхъ достигнуть того, чтобы патріархъ условнымъ образомъ поставилъ его въ митрополиты всея Россіи, посредствомъ представлія послѣднему лживыхъ доносовъ на св. Алексія, наполненныхъ множествомъ лживыхъ клеветъ на него, и употребивъ всѣ средства, чтобы низвергнуть его съ кафедры ³⁾, и вотъ, когда устраиваютъ его отъ этой кафедры, онъ воинѣтъ къ небу и землѣ и ко всемъ христіанамъ обѣ ученической ему величайшей несправедливости, которой не слыхано во всемъ свѣтѣ... «Тіи на куны надѣются»,—

¹⁾ Въ Правосл. Собесѣдн. ibid., стр. 84.

²⁾ Вмѣстѣ съ тремя посланіями къ преп. Сергію сохранилось посланіе Кирилана къ неизвѣстному игумену.—въ Правосл. Собесѣдн. ibid. стр. 105. Если спрашивали предположеніе, что подъ игуменомъ должно разумѣть преп. Афанасія, игумена Серпуховскаго Высокаго монастыря, то можно думать, что и къ Афанасію Кирилъ обращался съ тѣми же исканіями, чѣмъ и къ преп. Сергію. Афанасій могъ действовать на великаго князя чрезъ своего удѣльнаго князя Владимира Андреевича, съ которымъ Дмитрій Ивановичъ жилъ въ искреннейшей любви и дружбы.

³⁾ Свидѣтельство соборнаго дѣянія 1380 года, въ Иамятни. col. 171.

говорить онъ о великомъ князѣ съ его кандидатомъ,—«азъ же—находитъ онъ возможнымъ утверждать о себѣ—на свою правду»... Какъ ни какъ, но онъ поставленъ въ митрополиты всея Россіи, и предавая совершенію забвенія средства, которыми онъ этого достигъ, и сознавая единственно свои права, онъ говорить: «аще братъ мой (т. е. оклеветаний имъ Алексій) преставился, азъ есмь святитель на его мѣстѣ, моя есть митрополія». Послѣднія слова: «моя есть митрополія» звучать такъ странно, что являлась бы охота комментировать ихъ съ рѣзкостію, на которую у насъ не хватаетъ духа¹)... Кипріанъ предаетъ въ своемъ посланіи отлученію и проклятию тѣхъ, кто былъ виновникомъ случившагося съ нимъ на Москвѣ позора, но при этомъ, благоразумно и на всякий случай щадя единственнаго собственнаго виновника—великаго князя, онъ суeto караетъ божественнымъ гибелью только несчастныхъ чиновниковъ послѣдняго, которые по своему долгу поиновенія государю были простыми исполнителями его воли²).

Кипріанъ прибѣжалъ въ Москву, какъ это видно изъ его письма къ преп. Сергію, между 3-мъ и 23-мъ Іюня 1378-го года,³), т. е. спустя .

¹) Пытавшись сейчасъ указанными средствами низвергнуть съ престола св. Алексія, Кипріанъ находить возможнымъ восклицать: «Которая есть моя вина передъ княземъ передъ великимъ? Надѣюсь на Бога, не найдеть во мнѣ вины ни единой»...

²) Относительно того, что случилось съ Кипріаномъ въ Москвѣ по его прибытии въ нее, въ посланіи читаемъ: «пнимъ путемъ проїдохъ (въ Москву, между разставленныхъ кордоновъ)... онъ же (великій князь) пристави надъ мною мучителя, проклятаго Никифора, и которое зло оставилъ, еже не сдѣля надъ мною? хулы и наруганія и насмѣханія, грабленія, голодъ! мене въ ночи заточилъ, нагаго и голоднаго, и отъ той ночи студени и нынѣча стражу; слуги же мои, надъ многими злымъ, что надъ ними здѣли, отиускали ихъ на клячахъ ливінъхъ (тощихъ), безъ сѣдель, въ обратъ личныхъ, изъ города вывели ограбленыхъ и до сорочки и до ножевъ и до ногавицъ, и сапоговъ и киверевъ (шапокъ) не оставили на нихъ!... Безъ вины мене обещестилъ (великій князь), пограбиль, запрѣкъ держаль голодна и нага, а черныци мои на другомъ мѣстѣ, слугъ моихъ опрочь; мене заточилъ у ночи, а слугъ моихъ нагихъ отослати велѣль съ бещестными словесами: и кто можетъ изреци хулы, иже на мя изрекли?... Во мнѣ же которую вину изнайдоша, запрѣвиши мене въ единой клѣти за сторожками и ниже до церкви имѣль есмь выхода? потому же, смеръкнувшись другому дневи, пришедше изведоша мене, не вѣдащу мнѣ, камо ведуть ме на убиеніе ли или на потопленіе; а еще бещестнѣше: мене ведущен сторожеве въ проклятый Никифоръ воевода, одежами моихъ слугъ облечени и на ихъ коняхъ и сѣдахъ Фхающе»... Въ своемъ отлученіи Кипріанъ говоритъ: «елпица прачастни суть моему иманію и запаранію и бещестію и хуленію»...

³) Письмо къ преп. Сергію съ дороги въ Москву (изъ города Любутеска, который въ настоящее время есть село Любутекое, въ калужской губерніи, въ 48 вер-

около четырехъ мѣсяцевъ послѣ смерти св. Алексія. Совершенно ничего не говорять объ этомъ пріѣздѣ его въ Москву наши лѣтоиси. Причиной молчанія необходимо считать то, что, явившись въ Москвѣ, онъ былъ арестованъ въ ней такъ быстро и такъ секретно,—о чёмъ даетъ знать и самъ онъ въ своемъ посланіи къ преп. Сергію,—что въ обществѣ не рас пространялось молви объ его пріѣздѣ и что послѣднее осталось въ совершенномъ невѣдѣніи относительно казуснаго событія.

Совершивъ неудачное путешествіе въ Москву, Кипріанъ «устремилъся», какъ онъ самъ выражается ¹⁾, для отысканія своихъ правъ на кафедру митрополіи всея Россіи въ Константинополь, къ патріарху. Но и здѣсь онъ «нашоль, какъ выражаются греческіе аеты, время не соотвѣтствующимъ своей цѣли...» ²⁾.

Въ одномъ изъ дѣяній Константинопольскаго патріаршаго собора, сообщающихъ относящіяся до наасъ свѣдѣнія, читается, что патріархъ константинопольскій,—преемникъ Филосея, который поставилъ Кипріана въ митрополиты, Макарій ³⁾ тотчасъ послѣ того, какъ узналъ о смерти св. Алексія, прислалъ въ Великую Россію, т. е. въ Москву, къ вел. кн. Дмитрію Ивановичу, свои грамоты, въ которыхъ, съ одной стороны, заявлялись, что ни коимъ образомъ не принимаетъ Кипріана, и которыми, съ другой стороны, вручать ону, т. е. Великой Россіи, церковь архимандриту Михаилу ⁴⁾. Невозможно и совѣтъ не будеть

стахъ отъ Калуги, при впаденіи рѣки Любучи въ Оку) отъ 3 Іюня; письмо по изгнаніи изъ Москвы (неназвѣнно откуда) отъ 23-го Іюня.

¹⁾ Въ житії св. Петра,—Степ. кн. I. 422 sub lіb.. Варочемъ, устремился не тотчасъ послѣ возвращенія изъ Москвы; еще 18-го Октября 1378-го года онъ находился въ Кіевѣ и отъ этого числа писалъ письмо преп. Сергію (Правосл. Собесѣди. ibid. стр. 103). Въ письмѣ къ неизвѣстному игумену, не имѣющемъ даты, Кипріанъ говоритъ, что собирается бѣхать въ Константинополь черезъ валашскую землю (ibid. стр. 105); во всей вѣроятности, это должно понимать такъ, что онъ отправился зимой 1378—79-го года, когда неудобно было плыть по Черному морю.

²⁾ Дѣяніе константинопольскаго патріаршаго собора 1380-го года. въ Памятн. col. 173.

³⁾ Филофей изведенъ былъ съ кафедры, какъ даетъ знать Кипріанъ въ житії св. Петра,—Степ. кн. I. 423, Андronикомъ, сыномъ импер. Іоанна Палеолога, который отнялъ было престолъ у отца. А это послѣднее случилось 12-го Августа 1376-го года.

⁴⁾ Относящіяся до наасъ свѣдѣнія сообщаютъ два дѣянія патріаршаго собора,—дѣяніе 1380-го года о поставлении въ митрополиты московскіе Никона въ дѣяніе 1389-го года объ утвержденіи на кафедрѣ митрополіи всея Россіи Кипріана,—прѣ-

смысла допустить, чтобы патріархъ прислалъ эти грамоты въ Москву по своей собственной инициативѣ, не бывшъ прошень изъ сей послѣдней: по своей собственной инициативѣ онъ еще могъ отстранить отъ московской кафедры Кирилла, но съ какой стати по своей инициативѣ онъ назначить бы на нее Михаила (про которого безъ сообщеній изъ Москвы ничего не могъ бы и знать)? Слѣдовательно, изъ сего очевидно, что не задолго до смерти св. Алексія изъ Москвы присылана была къ патріарху просьба объ устраниеніи отъ кафедры тамошней митрополії Кирилла и о постановленіи на нее Михаила. Изъ дѣянія соборнаго не видно, кѣмъ была присылана просьба,—однимъ ли великимъ княземъ или имѣстѣ и митрополитомъ, т. е. св. Алексіемъ; но, какъ уже говорили мы, на основаніи другихъ свѣдѣній болѣе чѣмъ вѣроятно предполагать послѣднєе. Очень можетъ быть, что въ дѣяніи соборному, съ устраниеніемъ всякихъ сомнѣній, и прямо говорилось, кѣмъ была присылана просьба, но, къ великому сожалѣнію, въ данному мѣстѣ въ немъ болѣшій или менѣшій пропускъ, произошедший отъ поврежденія рукописи. Какъ бы то ни было, по Кириллъ явился въ Константинополь, когда патріархъ былъ совершиенно настроенъ въ пользу московскихъ просьбъ и когда онъ дѣлъ уже въ Москву свой, приведенный нами, отвѣтъ. Естественно поэтому, что съ своимъ искашеніемъ кафедры митрополії всей Россіи онъ нашелъ въ Константиночестѣ времи не соотвѣтствующимъ своей цѣли. Судя по тому, что говорить самъ Кириллъ въ житіи св. Петра о пріемѣ, который онъ встрѣтилъ у патр. Макарія, и о самомъ Макаріи¹), должно думать, что пріемъ этотъ быть до крайней степени неблагосклонный.

Тотчасъ послѣ смерти св. Алексія архимандритъ Михаилъ воззвѣдь быть великимъ княземъ, съ совѣта и одобренія бояръ, на дворъ митрополичій, съ тѣмъ, чтобы до постановленія въ дѣйствительные митрополиты управлять митрополіей изъ качествъ митрополита парченіаго. Кириллъ въ поезданіи къ преп. Сергию и за нимъ враждебное Михаилу сказаніе о послѣднемъ, находящемся въ лѣтоиси, уверяютъ, что парченіаго митрополитъ, бывшъ введенъ во дворъ митрополичій, «незнаемо здѣя странно иѣкако и необычно»,—что онъ облекся во весь санъ митрополичій: возложилъ на себя бѣлый митрополичій клобукъ, митрополичью мантію, митрополичій крестъ съ парамандою²),

имущественно второе. Сейчасъ указанное сообщаетъ дѣяніе 1389-го года, въ Накатин. col. 205.

¹) Стен. кн. I. 422 fin..

²) Въ старое время у митрополитовъ и у епископовъ нашихъ, кроме паранды, носимаго монахами по рубашкѣ, бывъ еще другой паранды парядный,

употреблялъ митрополичій посохъ,—что онъ становился въ церкви на митрополичемъ мѣстѣ и даже садился въ святомъ олтарѣ на митрополичемъ престолѣ. По поводу этого обвиненія на Михаила со стороны Кипріана и сказаній мы не можемъ высказатьсь совершенно положительнымъ образомъ. Повидимому, Кипріану безцѣльно было клеветать на Михаила передъ преп. Сергіемъ, потому что послѣдний очень хорошо могъ знать истину; следовательно,—надлежало бы думать, что онъ говорить правду. Но, съ другой стороны, о томъ, въ чёмъ обвиняетъ Кипріанъ Михаила, ни единимъ словомъ не упоминаетъ сказаніе лѣтописи о Михаилѣ невраждебное послѣднему¹⁾. Если мы допустимъ, что Кипріанъ и враждебное Михаилу сказаніе говорять правду, то оно останется для насъ вопросомъ: въ какой мѣрѣ сдѣланное Михаиломъ было «страннымъ и необычно». При небывалости у насъ дотолѣ случаевъ, чтобы управляемъ митрополію пареченный митрополитъ, у насъ имѣли дотолѣ мѣсто случаи, что управляли епископами пареченные епископы: если бы мы обладали положительными свѣдѣніями, какъ обычай существовать у насъ относительно пареченныхъ епископовъ, тогда мы въ состояніи были бы въ томъ или другомъ смыслѣ высказатьсь о поведеніи Михаила; но, къ сожалѣнію, этихъ свѣдѣній намъ не достаетъ. Въ посланіи Кипріана къ преп. Сергию какъ будто мы находимъ указанія, что Михаилъ не сдѣлать ничего страннаго и необычнаго, а сдѣлать только то, что у насъ дѣжалось, и при томъ сдѣ-

который при небогослужебномъ одѣяніи носимъ бывъ поверхъ подрясника (древнє ряса), а въ богослуженіи надѣваемъ бывъ на подрясникъ, и къ которому принадлежалъ надѣвавшійся на шею поверхъ него на гайтанѣ золотой или золоченый крестъ; парамандъ этотъ, въ отличие отъ внутрен资料ного параманда, называемъ бывъ служебнымъ, см. о немъ Епифаніево житіе преп. Сергія Радонежскаго по литографическому изданію л. 253 об., чинъ постановленій къ епископамъ изъ Акт. Экспед. т. I. №№ 184 и 375, стрр. 159 сол. 2 и 473 сол. 1, заинску, какъ служилъ патріархъ Єрусалимскій Оеофанъ въ Описании рукописей Московской Д. Академіи, принадлежащемъ архим. Леоніду, вып. I, стр. 166 ти.. опись Патріаршій ризницы XVII вѣка, напечатанную въ Вѣстникѣ Общества древнерусского искусства при Московскому Нубличному Музѣю на 1874—1876 годы. № 6—10, стр. 13, Ирошкинъ-Питарій Суханова,—Сунодальн. рки. № 574 л. 313 об., по Казанск. изд. стр. 230 прим.. Изображеніе параманда—въ синихъ, приложенныхъ къ указателю Патріаршій ризницы трубою. Савва, № 51.

¹⁾ Кипріана и сказаніе подтверждаетъ Епифаній въ житіи преп. Сергія, который говоритъ: «Взыде же на престолѣ архіерейскій икто архимандрить, Михаилъ именемъ, и держнувъ обличиця въ одежду святительскую и волоки на ся 6ѣмъ клюбукъ...» литографич. изд. л. 256 об..

латъ съ благословенія св. Алексія. Кипріанъ пишеть: «не умѣти было ему (Алексію) наслѣдника оставляти по своей смерти; коли слышалося прежде поставленія возлагати на кого святительскія одежи, ихже пельзъ иному никому же посити, но токмо святителемъ единимъ». Въ этихъ словахъ Кипріанъ какъ будто хочетъ сказать, что на Михаила возложить иѣкоторыя святительскія одежды, благословляя его въ митрополиты, самъ св. Алексій. Даѣще Кипріанъ пишеть: «клевпуть митрополита, брата нашего (т. е. Алексія), что онъ благословилъ его (Михаила) на вся та дѣла», именно—на употребленіе митрополичьихъ, указанныхъ выше, одеждъ и на возсѣданіе на митрополичье мѣсто: но при снесеніи этихъ послѣднихъ словъ Кипріана съ его словами, приведенными выше, есть вѣроятность думать, что выдаваемое имъ за клевету не было клеветой на самомъ дѣлѣ. Въ частности, что св. Алексій при нарѣченіи Михаила своимъ преемникомъ могъ возложить на него митрополичій крестъ съ парамандомъ, относительно сего мы имѣемъ рѣшительное свидѣтельство или удостовѣреніе въ Еніфаніевомъ житіи преп. Сергія Радонежекаго. Еніфаній говорить, что св. Алексій, сначала желавшій было оставить своимъ преемникомъ преп. Сергія, возложилъ было на него своими руками, яко иѣкое обрученіе святительству, златой крестъ съ парамандомъ¹⁾). Разсуждая a priori весьма трудно допустить, чтобы Михаилъ дозволилъ себѣ въ своемъ поведеніи что нибудь странное и необычное: будучи человѣкомъ столько умнымъ и благоразумнымъ, какимъ онъ памъ представляется, съ какой стати онъ хотѣлъ бы вести себя ионакимъ выскочкой? Что въ его поведеніи дѣйствительно не было ничего укоризненнаго, «страниаго и необычнаго», на это можетъ быть приведено и положительное доказательство, хотя вирочемъ только a silentia. Находясь на каѳедрѣ митрополіи въ качествѣ нареченаго митрополита, онъ сильно поссорился съ епископомъ сузdalскимъ Діонисіемъ: епископъ не укориетъ его, какъ нареченаго митрополита, въ неподобномъ поведеніи, между тѣмъ какъ въ противномъ случаѣ этой укоризны весьма слѣдовало бы ожидать отъ епископа. Сказаніе лѣтописи о Михаилѣ незрѣдѣбное ему говорить о завѣщаніи имъ митрополіей въ качествѣ нареченаго митрополита: «и сѣдине на великомъ и превысокомъ томъ столѣ (митрополичьемъ) со всякою областію и необиженіемъ ко всѣмъ, елико подобаетъ митрополиту владѣти; и не всей митрополи съ церквей дань збирание, зборные, погровеніе и рождественскіе доходы и уроки, и об-

¹⁾ Литографич. изд. л. 253 об.—254.

роки митрополичыи вѣдь взимаше, и живяше и властвоваше». Въ тонѣ сказанія какъ будто слышится пѣкоторый укоръ Михаилу за присвоеніе имъ себѣ слишкомъ широкой и сверхдолжной власти. Если это такъ, то укоръ несправедливъ: во-первыхъ, Михаилу по праву принадлежала вся та власть, которую онъ пользовался; во-вторыхъ, онъ имѣть грамоты отъ патріарха Константинопольскаго, которыми ему формальнымъ образомъ подтверждалась вся эта власть: въ грамотахъ патр. Макарія, которая онъ написалъ въ Москву тотчасъ послѣ того, какъ узналъ о смерти Алексія и въ которыхъ признавалъ преемникомъ послѣднаго (согласно прошенію изъ Москвы) Михаила, нареченному митрополиту вручалась вся власть (*πέσει αρχήν*) надъ московскою церковью за исключеніемъ, что само собою подразумѣвалось, хиротонии или права поставить въ церковныя степени¹).

Патріархъ константинопольскій въ своихъ грамотахъ, о которыхъ мы упомянули сейчастъ, изъявляя свое согласіе на поставленіе Михаила въ преемники св. Алексію, имѣстъ тѣмъ приглашать въ нихъ первого прибыть въ Константинополь для посвященія²). И Михаиль, спустя то или другое непродолжительное время послѣ нареченія въ митрополиты, стать было готовиться къ путешествию въ Константинополь. Но по томъ, говорить лѣтописецъ, онъ перемѣнилъ мысли и началъ говорить великому князю: «написано въ аносольскихъ и правилахъ, что два или три епископа да поставятъ епископа; тоже написано и въ отеческихъ правилахъ: пусть соберутся русскіе епископы въ числѣ 5-ти или 6-ти и пусть поставятъ меня въ епископы и въ митрополиты». Лѣтописецъ совершенно ничего не говоритъ въ объясненіе этого рѣшенія Михаила, какъ его понимать. Такъ какъ въ отношеніи къ самому себѣ Михаиль не имѣть совершенно никакихъ особыхъ побужденій желать, чтобы его поставленіе совершилось въ Москвѣ, а не въ Константинополѣ, ибо въ послѣдній онъ былъ призываляемъ и ожидаемъ патріархомъ: то не невѣроятно предполагать, что у него, какъ у человѣка иеридового, явилась смѣлая мысль ввести новый порядокъ избрания и поставленія русскихъ митрополитовъ, т.-е. избрания и постановленія не въ Константинополѣ, а въ самой Россіи. Зная дѣла и людей въ Константинополѣ, онъ могъ надѣяться, что успѣть получить тамъ согласіе на подобное, само собою понятно—очень важное, измѣненіе порядка замѣщенія каѳедры русской митрополіи: императоръ константинопольскій, находившійся тогда въ самомъ бѣдственномъ и жалкому положеніи, чрезвычайно

¹) Соборное дѣяніе 1389-го года, въ Памятн. col. 205.

²) Ibidd..

чайно нуждался въ деньгахъ¹⁾), а въ патріархії константинопольской, весьма низко стоявшей тогда въ нравственномъ отношенииъ, чрезвычайно были жадны до этихъ послѣднихъ. Великий князь и бояре изъявили свое согласіе на принятие Михаиломъ рѣшеніе, и въ Москву созвали епископы. Но однъ изъ епископовъ разрушилъ задуманные планы (если только тутъ действительно были общіе планы). Это былъ епископъ суздальскій Діонисій, который пытать затаенную вражду къ Михаилу, потому что самъ мечталъ было о кафедрѣ митрополіи²⁾. Явившись въ Москву, онъ такъ рѣшительно протестовалъ передъ великимъ княземъ противъ намѣренія поставить Михаила въ Москвѣ, какъ противъ неподобающаго претворенія законовъ, что великий князь смущился и увидѣлъ себя вынужденнымъ оставить поданную ему Михаиломъ мысль. Всѣдѣ за этимъ затаенная вражда между Михаиломъ и Діонисіемъ превратилась въ весьма сильную открытую ссору и дѣло измѣнилось въ своеемъ положеніи такъ, что первый, отказавшись отъ принятаго было имъ рѣшенія поставить въ Москвѣ, увидѣлъ себя вынужденнымъ исполнить иутешительное въ Константинополь. Діонисій, прибывъ въ Москву, не счелъ себя обязаннымъ явиться къ Михаилу для принесенія ему официального поклона, какъ требовалось отношеніями подчиненнаго къ начальнику. Это было принято Михаиломъ, котораго между тѣмъ какіе-то любители ссоры,—изъ свѣтской или духовной среды интриганы, старались всевозможнымъ образомъ вооружить противъ Діонисія, за крайнее себѣ оскорблениѣ. Когда Михаилъ послать къ Діонисію съ выговоромъ, почему онъ не пришелъ къ нему съ поклономъ, какъ къ своему начальнику, Діонисій явился къ нареченному митрополиту и отвѣчалъ: «ты присыпать скажать миѣ; что ты мой начальникъ, но ты миѣ никакъ не начальникъ, и не миѣ къ тебѣ, а тебѣ ко миѣ надлежало прийти съ поклономъ: я епископъ, а ты иошь, но кто больше—епископъ или иошь?» До послѣдней степени разгневанный, Михаилъ сказалъ на это Діонисію: «ты меня назвать иошомъ, но подожди немнога, вотъ я ириду изъ Константинополя отъ патріарха и тогда сдѣлаю изъ тебя меньше чѣмъ иоша»: послѣ этого,—говорить лѣтописецъ,—смога брань бысть и молва промежъ ихъ». Страшно поссорившись съ нареченіемъ митрополита

¹⁾ Какъ известно, именно съ тогдашнимъ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ случился тотъ невѣроятный анекдотъ, что онъ былъ бѣль заарестованъ своимъ кредиторомъ (въ Венеціи, въ 1370-мъ году, на возвратномъ пути отъ папы).

²⁾ Діонисій, основатель изъжегородскаго Нечерскаго монастыря, былъ поставленъ въ епископа св. Алексіемъ въ 1374-мъ году.

политомъ, епископъ сузальський рѣшился ідти въ Константинополь, чтобы пытаться тамъ добыть себѣ митрополію подъ Михаиломъ. На чёмъ основывалъ свои надежды епископъ, для наась воине не ясно и воине не видно; но ихъ несколько не считалъ химерическими архимандритъ Михаилъ; не будучи въ состояніи дать дѣлу удовлетворительного объясненія, мы съ своей стороны можемъ только сдѣлать указаніе, что надежды дѣйствительно не были совсѣмъ химерическими: до наась сохранилась грамота Діонисію патріарха Нила, преемника Макаріева, которою епископъ возводится въ архіепископа; изъ этой грамоты оказывается, что Діонісій писать къ Макарію и что послѣдній приглашать его прибыть въ Константинополь¹⁾ (по господствовавшимъ тогда въ Константинополѣ нравамъ, не невозможно предполагать, что Макарій желать видѣть въ Константинополѣ двухъ претендентовъ на русскую митрополію для того, чтобы на аукціонномъ торгѣ продать ее за большую цѣну). Великій князь, чтобы отнять у Діонісія возможность ідти въ Константинополь, приказать схватить его и посадить въ заключеніе. Тогда епископъ, по деликатному выражению лѣтошиен, «прехуитриль» государи, а по неделикатному выражению простаго языка обманулъ его: онъ началъ проситься у великаго князя на свободу и увѣрялъ его, что не пойдетъ въ Константинополь безъ его дозволенія, а въ поручители по себѣ представиль преп. Сергія Радонежскаго²⁾. Великій князь, повѣривъ Діонісію и полагаясь на его поручителя, выпустилъ его на свободу и отпустилъ на его кафедру. Но епископъ, не долго побывъ въ Суздалѣ, перебрался изъ него въ Нижній-Новгородъ и оттуда, выдавъ своего поручителя, побѣжалъ Волгой въ Константинополь. Михаилъ, заподозривая преп. Сергія въ сообщничествѣ съ Діонісіемъ, воспользовалась противъ него страшнымъ гнѣвомъ и грозилъ уничтожить его монастырь³⁾; по въ то же время онъ и самъ нашелся вынужденіемъ поспѣшить путешествіемъ въ Константинополь.

¹⁾ Акт. Ист. т. I, № 251, стр. 431, col. 1 нач.

²⁾ Въ лѣтошии читаются загадочныя рѣчи обѣ отпоменій преп. Сергія къ Михаилу: «Митяю же не вѣрившесѧ Діонісіей епископъ Сузальский, сине же и преподобный шуменъ Сергій Радонежскій»,—Илк. лѣт. IV, 72.

³⁾ «Преподобный же игуменъ Сергій рече: молю Господа Бога сокрушенимъ сердцемъ, да не допуститъ Митяю хвалящусь разорити жесто сіе святое и изгнati наась безъ вины»,—ibid.—Если бы не постигла Михаила скора смерть, то, конечно, недоразумѣніе разъяснилось бы и онъ примирился съ преп. Сергіемъ, хотя и былъ значительно иного духа, чѣмъ сей послѣдній.

Св. Алексей скончался 12-го Февраля 1378-го года. Архимандритъ Михаилъ отправился въ Константинополь послѣ 20-го Июля 1379-го года. Слѣдовательно, онъ пробыть на каѳедрѣ митрополіи въ качествѣ нареченаго митрополита годъ и пять мѣсяціевъ.

Какъ уже мы говорили, великій князь Дмитрій Ивановичъ имѣлъ къ Михаилу необыкновенную дружескую привязанность, «зло любяше и чествоваше его яко отца наче всѣхъ». Всѣдѣствіе этого онъ спарядилъ его въ Константинополь совершенно исключительнымъ образомъ: во-первыхъ, на случай какихъ-либо тамъ нуждъ и на случай недостатка денегъ онъ вѣбралъ ему, такъ сказать, всю свою волю и снабдилъ его всѣмъ своимъ кредитомъ,—онъ далъ ему неписанныя хартіи или бланки, припечатанныя великокняжескою печатью, на которыхъ онъ могъ бы писать отъ лица великаго князя, какія находились нужными, грамоты, и на которыхъ онъ могъ бы писать на имя великаго князя заемныя письма или векселя въ такихъ суммахъ, въ какихъ бы оказалась (не превосходящая кредитъ великаго князя) надобность; во-вторыхъ, онъ отправилъ съ нимъ, для его сопровожденія, чрезвычайнымъ образомъ блестящую свиту. Свиту эту, до того многочисленную, что она представляла изъ себя цѣлый «полкъ велика зѣло», составляли: три архимандрита, митрополичьи владимирскіе клирикане, московскаго собора протоионъ и протодіаконъ, большое количество игуменовъ, священниковъ, діаконовъ и монаховъ, бояринъ великаго князя, имѣвшій представлять собою лицо послѣдняго, какъ его посолъ, и имѣстѣ тѣмъ получившій отъ него старѣйшинство или начальство надъ всѣмъ поддомъ¹), пятнадцать бояръ митрополичьихъ, два переводчика, лучшіе митрополичьи дворные люди и лучшіе митрополичьи слуги. Необыкновенные были устроены Михаилу и проводы изъ Москвы; его провожали далеко за городъ «съ великою честью и славой»: самъ великий князь съ своими дѣтьми и боярами, всѣ епископы, всѣ архимандриты и игумены, священники и монахи, купцы и житейские люди, и множество народа. 26-го Июля Михаилъ съ полкомъ своихъ спутниковъ переправился у Коломны черезъ Оку и держаль путь на Рязань. Изъ Рязани онъ поспѣль въ степь ордынскую или татарскую, чтобы пройти ею до моря кафискаго или Чернаго. Въ Ордѣ остановилъ было его Мамай; но, послѣ непродолжительной задержки, отпустилъ съ честью, приказавъ выдать ему ярлыкъ (сохранившися до настоящаго времени) и проводить до самаго моря²). Сѣвъ въ корабль, Михаилъ перенесъ

¹⁾ Юрій Васильевичъ Кочевинъ Олешицкій.

²⁾ Ник. лѣт. IV, 83.

Черное море и уже приближался Босфоромъ къ Константинополю, такъ что уже стала виденъ этотъ постѣдній: но тутъ... по волѣ Богородицѣ внезапно кончились его сибирь и исторія: онъ вдругъ заболѣлъ и скончался умеръ, такъ что привезенъ былъ въ Константинополь уже мертвый, съ тѣмъ, чтобы только быть въ немъ погребену¹⁾.

Прежде чѣмъ разстаться съ Михаиломъ, мы должны сказать о немъ нѣсколько дополнительныхъ словъ. Враждебное ему сказаніе о немъ лѣтописи утверждаютъ, что, вопреки великому князю и боярамъ, весьма не желали видѣть его въ митрополитахъ, на мѣстѣ Алексіевомъ, священники и монахи, и потому говорить, что когда онъ былъ возвѣденъ на дворъ митрополичій, то «нача вооружатись на священники и на иноніи и на игумены и на архимандриты и на епискупы, и осуждаше и продаяше многихъ и востаіи со властью, не обиинуяся никогоже»..., что «епискупи и архимандриты и игумены и иноніи и священницы воздыхаху отъ него, многихъ бо и въ вериги желѣзныя сажаше и наказываше и смиряше и наказываше ихъ со властью». Если всего этого сказаніе не сочиняетъ, съ цѣлью представить Михаила неправдистичнымъ тираномъ и мучителемъ, то оно даетъ намъ знать, что Михаилъ собирался было быть митрополитомъ исключительнымъ. Предполагать, чтобы онъ поднялъ жестокое гоненіе на духовенство, начиная съ епископовъ, ни съ того ни съ сего и безъ всякаго повода, конечно, было бы вовсе неосновательно и несостоительно. Если онъ поднялъ это гоненіе, то необходимо предполагать, что онъ обрушился съ нимъ на людей недостойныхъ. Слѣдовательно, необходимо предполагать, что онъ хотѣлъ было поставить задачей своего правленія реформу правовъ духовенства отъ верху до низу. Сказаніе даетъ знать, что Михаилъ въ избыткѣ надѣленъ былъ мужествомъ и энергией, которая требовалась для предположенной было имъ весьма трудной миссіи, и слѣдовательно—даетъ право предполагать, что миссія не окончилась бы тѣмъ печальнымъ совершиеннымъ фiasco, какимъ черезъ 80 лѣтъ послѣ него она окончилась у одного изъ его преемниковъ (митр. Феодосія)...

Нельзя искренно не пожалѣть, что такова была судьба человека, несомнѣннѣйшимъ образомъ чрезвычайно замѣчательнаго²⁾.

¹⁾ Онъ погребенъ былъ при какой-то церкви въ Галатѣ.

²⁾ Въ одной рукописи XVII—XVIII вѣка, находящейся въ бблѣотекѣ св. Спиридона (носившей название Цвѣтъ духовный) сохранились выписки изъ такъ называемой Ичелы (о ней — Гл. I полов., стр. 752), которая принадлежать Михаилу и которая онъ сдѣлалъ, по зачѣданію одного изъ нихъ переписчиковъ, «укоризны наво-

Но самую грустную сторону внезапной смерти Михаила составлять то, что именно она послужила вовсе нечаяннымъ поводомъ для прискорбѣйшихъ замышлательствъ на кафедрѣ митрополіи, такъ что вся его недолгая исторія обратилась какъ бы только въ приказку къ напечатанійшему сказкѣ.

Спутникамъ Михаила послѣ его смерти надлежало возвратиться въ Москву и съ чѣмъ и съ неожиданною вѣстью объ его смерти. Но они этого не сдѣлали: они рѣшились поставить митрополита изъ среды самихъ себя. Мы сказали, что Михаилу сопутствовали три архимандрита; архимандриты эти были: Иоаннъ московскаго Петровскаго монастыря, Иллій переславскаго Геориевскаго монастыря и Мартинианъ неизвѣстнаго коломенскаго монастыря. Того или другого изъ двухъ первыхъ архимандритовъ и рѣшила посольская рада поставить въ митрополиты. Между сторонниками обоихъ кандидатовъ вышли продолжительные и горячіе споры; но иаконецъ взяла верхъ сторона Иллія¹⁾. На одной изъ неписанныхъ хартий или на одномъ изъ бланковъ, которыми снабдилъ великий князь Михаила, написали отъ лица первого прошеніе къ патріарху о томъ, чтобы Иллій быть поставленъ въ митрополиты. Патріархъ Илья, преемникъ Макарія, который звалъ Михаила въ Константинополь, исполнія минимое прошеніе великаго князя, и поставилъ Иллія въ митрополиты.

Представляется до крайней степени недоумѣніемъ и испонятіемъ, съ какой стати послы могли рѣшиться на такое воинюще дѣло, какъ этотъ ихъ самовольный приговоръ искать постановленія въ митрополиты одного изъ бывшихъ между ними архимандритовъ: чтобы захотѣть распорядиться кафедрой митрополіи самимъ собой, помимо великаго князя, для этого имъ надлежало быть людьми безумными или людьми, что называется, о двухъ головахъ. Какъ же объяснять себѣ совершение невѣроятнаго ихъ поступокъ? Единственно возможное и един-

даче на Донце (суздальскаго), еже о поощрѣ властолюбїи», см. *Срезневскую* Древніе памятники русскаго письма и языка, стр. 110, сол. 1 fin.. Возможно, что выписки имѣютъ значеніе для характеристики Михаила, а поэтому желательно, чтобы кто-нибудь нарочно и осмотрѣть ихъ.—Одна изъ слободъ, призывающихъ къ городу Коломѣ, называется Митяевской (словарь Семенова подъ сл. Коломна); весьма вѣроятно думать, что слобода была подарена вел. кн. Дмитріемъ Ивановичемъ Михаилу и что она носитъ имя своего бывшаго знаменитаго владѣльца.

¹⁾ Иоаннъ искажко не прочь быть стать митрополитомъ; но когда взяла сторона пе его, онъ, какъ водится, громко завопіялъ, что послы творять неправду предъ Богомъ и предъ великимъ княземъ.

ствению вѣроятное объясненіе есть то, что они были увлечены и подбиты къ нему Греками. Въ нашихъ лѣтописяхъ и въ греческихъ актахъ утверждается, будто патріархъ, ставя въ митрополиты Иллінина, дался въ обманъ пословъ¹); но это—не только совершенная неправда, но и несообразившая ложь, чтобы не выразиться по отношенію къ тѣмъ, кто намѣренію говорить ее, гораздо болѣе жесткимъ образомъ²). Предшественнику Илову Макарію былописано изъ Москвы, что къ нему будетъ присланъ для поставленія въ митрополиты Михаилъ, и онъ самъ писалъ Михаилу, призывая его для посвященія въ Константинополь; митр. Кипріанъ послѣ своей неудачной поѣздки въ Москву отиравился въ Константинополь, чтобы оснаривать себѣ каѳедру митрополіи всея Россіи у Михаила и, когда прибыли послы въ Константинополь, онъ находился тамъ³); находился тамъ и епископъ суздальскій Донній, иѣсколько упредивший пословъ; наконецъ, совершенно невозможно было, чтобы сами послы, при великомъ ихъ множествѣ и съ одной стороны—при отсутствіи единомышленія между ними, а съ другой стороны—при способности Грековъ выѣзжать тайны, могли сохранить свою тайну въ секретѣ. Можетъ показаться недоумѣніемъ, что наши собственныя лѣтописи, покрывая Грековъ, утверждаютъ, будто постѣдніе сдѣлались жертвою обмана; но это недоумѣніе для насъ объясняется, если мы предположимъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ въ данномъ мѣстѣ говорить ни кто другой, какъ желавшій покрывать Грековъ Кипріанъ, на что имѣются тутъ и положительныя доказательства⁴). Такимъ образомъ, не можетъ подлежать ии малѣйшему сомнѣнію, что въ Константинополь очень хорошо и совершенно достовѣрно было известно, что посланъ быть для поставленія въ митрополиты архимандритъ Михаилъ, а не кто-либо другой. Но если въ Константинополѣ, несмотря на отличное и совершенно достовѣрное знаніе дѣла, поста-

¹) Илліон. лѣт. IV, 76 (за Иконовскою лѣтописью Воскресенская и Типографская лѣтописи); дѣяніе собора 1389 г., въ Намятин. сол. 208.

²) А если историки наши вѣрять этой лжи, не находя ничего недоумѣніаго для себя въ томъ, что спутники архим. Михаила по собственной инициативѣ рѣшили замѣнить его кандидатомъ въ митрополиты подложнимъ, то поистинѣ велико вульностодушіе...

³) Соборное дѣяніе 1380 г., въ Намятин. сол. 176. Онъ пытался было тягаться съ Илліономъ и «бѣжалъ» изъ Константиноцоля, когда увидѣль, что ему не одолѣть самозванаго противника. См. иѣсколько ниже.

⁴) Въ данномъ мѣстѣ лѣтописи утверждается, будто Михаила не желали видѣть въ митрополитахъ не только всѣ духовные, но и всѣ бояре.

вили Иминна вмѣсто Михаила, то представляется совершение необходимымъ предполагать, что и самая мысль о замѣнѣ дѣйствительного кандидата фальшивымъ была подана посламъ тамъ же. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ представить себѣ пословъ людьми безумными и двухголовыми; а если такъ, то какія же побужденія они могли имѣть къ невѣроятному поступку, который ничего не могъ доставить имъ, кроме того, чтобы привлечь на нихъ страшный гибель великаго князя? Но другое дѣло—Греки. Послы привезли съ собою оставшуюся послѣ Михаила казну митрополичью¹),—какъ должно думать по отношеніямъ послѣдняго къ великому князю, огромную; они привезли съ собою неописанныя хартии великаго князя, посредствомъ которыхъ могло быть занято денегъ, сколько угодно. Если бы послы воротились домой, только похоронивъ Михаила въ Константинопольѣ; то все это было быувезено ими назадъ въ Москву. Между тѣмъ все это могло остаться въ Константинопольѣ, будь только они подбиты къ тому, чтобы вмѣсто дѣйствительного умершаго кандидата искать мѣсто митрополита другому—поставленому. Послы, конечно, должны были опасаться поднѣстъ за свой, изъ границъ вонъ дерзкій, поступокъ тяжкому гиблу великаго князя; но Греки могли ихъ обнадеживать, что они успѣютъ извинить и оправдать ихъ передъ государемъ. И намъ дѣйствительно известно, что патріархъ и послѣ того, какъ не могъ уже притворяться незнающими, что поставилъ Иминна, какъ кандидата незаконнаго, весьма усиленію хлопотать за него вредь великимъ княземъ²). Но, считая за болѣе чѣмъ вѣроятное, что инициатива невѣроятнаго дѣла принадлежала Грекамъ, нельзя, конечно, представлять себѣ совершенными дураками и нашихъ пословъ, и слѣдовательно—нельзя думать, что они согласились выставить фальшиваго кандидата вмѣсто дѣйствительного за тѣмъ только, чтобы доставить деньги Грекамъ и чтобы самимъ себѣ не доставить ничего, кроме опасности тяжкаго гибъва великаго князя; если они согласились на это, то необходимо думать, что согласились сколько за тѣмъ, чтобы доставить деньги Грекамъ, столько же и за тѣмъ, чтобы доставить ихъ самимъ себѣ, т. е. чтобы известную сумму денегъ заплатить Грекамъ и известную сумму подъ видомъ платы Грекамъ раздѣлить между самими собой. Такимъ образомъ, это поставленіе Иминна въ митрополиты должно быть представляемо какъ

¹) Иик. лѣт. IV. 74 ват..

²) Дѣяніе Константинопольскаго собора 1389 г., въ Начатин. сол. 209 fin.. См. пѣсколько ниже.

обоюдостороннее граблениe величаго князя—и чужими и своими. Никоновская лѣтошнъ увѣряетъ, что граблениe это было чисто и выше всякой мѣры баснословное и чудовищное, а именно—что не только была истрачена, т.-е. раздана Грекамъ и раздѣлена послами между собой, вся наличная привезенная казна, которая, какъ мы сказали, должна быть представляема огромною, но что еще занято было у константинопольскихъ банкировъ на имя великаго князя, подъ его векселя, написанные на поминутыхъ выше хартияхъ или бланкахъ, больше 20 тысячъ рублей серебра¹⁾), чтоб на наши теперешнія деньги будуть болѣе двухъ миллионовъ рублей кредитныхъ²⁾).

Послы прибыли въ Константинополь съ тѣломъ Михаила не позднѣе конца Августа—начала Сентября 1379-го года. Пиминъ былъ поставленъ въ митрополиты въ Іюнѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1380-го года послѣ 9 или 10-мѣсячнаго пребыванія въ Константинополѣ³⁾). Эта медленность объясняется тѣмъ, что послы приѣхали въ Константинополь въ то время, какъ кафедра патріаршая, послѣ изверженія съ нея Макарія⁴⁾ и до возведенія на нее новаго патріарха Нила, оставалась

¹⁾ IV, 76 нач. (Такъ называемая Тверская лѣтопись, — Собр. лѣт. XV, 440, говоритъ не совсѣмъ понятное, что «взято болѣе 70 и 6 долгъ»).

²⁾ Принимая съ В. О. Ключевскимъ, что рубль начало XVI вѣка, а слѣдовательно—и болѣе раннаго времени, равнялся не менѣе, какъ 100 кредитнымъ рублямъ нынѣшніемъ, см. его статью: «Русский рубль XVI—XVIII в. въ его отношеніи къ нынѣшнему», напечатанную въ 1-й книгѣ Чтен. общ. Ист. и Древн. за 1884-й годъ (Карамзинъ полагаетъ, что въ 10-ти тысячахъ рублей первой половины XV вѣка было не менѣе 55-ти пудовъ серебра).—V, 145. Слѣдовательно, въ 20-ти тысячахъ рублей будетъ не менѣе 110-ти пудовъ серебра. Въ 110-ти пудахъ серебра 100 слишкомъ тысячъ нынѣшніхъ рублей. Допускай что цѣнность тогдашняго рубля относилась къ цѣнности нынѣшняго рубля какъ 1-я къ 20-ти, получимъ тѣ же два миллиона нынѣшніхъ рублей. А какое вообще отношеніе между рублями второй половины XIV вѣка и нынѣшними, можно видѣть изъ того, что въ 1437-мъ году Исковицъ поднесли имп. Исидору, Флавишу чрезъ ихъ городъ на флорентийскій соборъ и некоторыми при семъ своимъ дѣйствіями пріобрѣтшему ихъ усердную благодарность, дары великие, состоявшіе и всего изъ 120-ти рублей, см. ниже въ разсказѣ о матр. Исидорѣ).

³⁾ Соборное дѣяніе о постановленіи Никина въ митрополиты въ Памятни. col. 165.

⁴⁾ Макарій изверженъ былъ съ кафедры послѣ того, какъ былъ низведенъ съ императорскаго престола поставившій его Андronикъ. А это послѣднее случилось около половины 1379-го года. (О изверженіи Макарія см. у Киприана въ житіи св. Петра,—Степ. кн. I, 423).

праздною¹), т.-е. при этомъ должно быть подразумѣваемо, что сановники и чиновники патріархіи, умысливъ великолѣпный гешефтъ (полагаемъ, что вполнѣ дозволительно употребить въ нашемъ случаѣ неличное слово) поставлениѧ въ митрополиты московскіе фальшиваго кандидата, удержали пословъ въ Константиноopolѣ дожидаться избрания новаго патріарха. Въ семь послѣдніемъ находились два человѣка, которые должны были громко свидѣтельствовать и протестовать противъ самозванства Ииминова, это—митр. Кипріанъ и епископъ сузdal'ской Діонисій. Но здѣсь нашли возможнымъ не остановиться дѣломъ и предъ лицомъ двухъ свидѣтелей. Что касается до Кипріана, то соборное дѣяніе о поставлении Иимина даетъ знать, что онъ долженъ быть отказанъ отъ своихъ протестовъ противъ фальшивости кандидатуры Ииминовой и отъ своихъ требованій каѳедры митрополіи всея Россіи самому себѣ въ виду угрозы, что онъ, какъ поставленный въ митрополиты при жизни Алексія незаконнымъ образомъ, будетъ лишенъ и каѳедры литовской. Махнувъ рукой, Кипріанъ бѣжалъ изъ Константиноополя, не дождавшись посвященія Ииминова²). Что касается до Діонисія, то онъ получилъ въ Константиноopolѣ титулъ архиепископа, и съ весьма немалою вѣроятностю можно подозрѣвать, что титулъ былъ данъ ему за то, чтобы онъ согласился не выступать свидѣтелемъ формально протестующимъ. Поставленный въ митрополиты въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1380-го года, Ииминъ въ томъ же мѣсяцѣ присутствовалъ на одномъ соборномъ засѣданіи и подписался подъ дѣяніемъ сего послѣдняго. Изъ этой подписи оказывается, что онъ получилъ титулъ кіевскаго, хотя Кіевъ и находился въ фактическомъ обладаніи Кипріана, но не получилъ титула: «всея Россіи». Онъ подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ: «Смѣреныи митрополитъ Понтий Кіевъс(ки) и Великое Русь»³).

Остается неизвѣстнымъ, какъ вел. кн. Дмитрій Ивановичъ въ продолженіе цѣлыхъ 9—10 мѣсяцевъ не узнать о смерти Михаила и о замышленіяхъ и предпріятіяхъ своихъ пословъ въ Константиноopolѣ и какъ онъ не послать туда наложить свое *veto* на ихъ махинаціи. Вѣроятно, что надлежитъ объяснить это тогдашними исключительными

¹) Что въ Сентябрѣ 1379-го г. каѳедра патріаршая была праздною, см. Аета Patriarchat. Constantinop. II, 6 sub fin.. Когда послѣ Сентября 1379-го г. и до Іюня 1380-го г. возведенъ былъ на жѣсто Макарій Ниль остается неизвѣстнымъ.

²) Въ Памятн. col. 175.

³) Аета Patriarchat. Constantinop. II, 8.

обстоятельствами. Мамай собирался и готовился сдѣлать то страшное нашествіе на великаго князя, которое окончилось знаменитой Куликовской битвой 8-го Сентября 1380-го года: можетъ быть, совершило бытъ престъбены Татарами сообщенія между Москвою и Константинопольемъ; можетъ быть, великий князь, поглощенный заботами о сбираніи и снаряженіи требовавшейся не бывало великой рати противъ Мамая, совершило бы имѣть времени, чтобы думать о находившихся въ Константинопольѣ своихъ послахъ.

И поставленный въ митрополиты, Ниминъ не спѣшилъ возвратиться въ Россію. Необходимо думать, что теперь дѣло шло о томъ, чтобы патріархъ постарался предварительно расположить въ его пользу великаго князя и убѣдить послѣдняго принять его какъ законнаго митрополита. Однако, если это было такъ, старанія не удались патріарху. Узнавъ, что надѣлали послы въ Константинопольѣ послѣ случившейся смерти Михаила, великий князь принцель въ страшный гневъ и рѣшилъ не принимать Нимина. Не знаемъ, успѣхъ ли между тѣмъ Кириллъ черезъ своихъ доброжелателей расположить государи въ свою пользу или этотъ, не видя другого выхода, принудилъ себѣ подавить свои чувства къ нему, только Дмитрий Ивановичъ, не желая принимать Нимина, рѣшился послать за Кирилломъ. Въ Мартѣ 1381-го года онъ отправилъ въ Киевъ звать Кирилла на кафедру къ себѣ своего духовнаго отца Симоновскаго игумена Феодора¹⁾, вслѣдствіе какового зова Кириллъ и прибылъ въ Москву въ Вознесеньевъ день, 23-го Мая, того же 1381-го года²⁾. Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ прибытія Кирилла въ Москву, слѣдовательно—въ Декабрѣ того же 1381-го года, явился въ предѣлы Россіи и Ниминъ, возвращавшися изъ Константиноцполи. Когда онъ пришелъ въ непримічный городъ великаго княжества Коломну, великий князь послать схватить его и отвести для ссылки мимо Москвы (не запозя въ нее) въ костромскую Чухлому, а его дружину, думцевъ и сонетниковъ, т.-е. всѣхъ членовъ посольства, которые были

¹⁾ Ник. лѣт. IV, 92 fin.

²⁾ Повѣсть о Куликовской битвѣ, помѣщенная въ Никоновской лѣтописи,—IV, 86 sqq, утверждается, будто Кириллъ прибылъ въ Москву ранѣе этой битвы, 23-го Мая въ 1381-го г., а 1380-го, но она говоритъ иначе (подобно тому, какъ говорить иначе, заставляя Дмитрия Ивановича молиться въ Москвѣ предъ отправлениемъ на битву Владимирской иконѣ Божіей Матери, перевезенной въ Москву позднѣе).

виновниками его поставлениѧ, развести по разнымъ мѣстамъ и посадить въ жертву¹).

Повидимому, тутъ бы конецъ печальной исторіи: такъ или иначе Кипріанъ добылъ кафедру митрополіи при жизни св. Алексія, но великий князь примирился съ нимъ или по крайней мѣрѣ съ необходимостию терпѣть его и призвать его въ Москву. Однако, огромныя деньги, которыя заплатилъ Ишимъ за кафедру митрополіи въ Константинопольѣ, сдѣлали то, что исторія этимъ не кончилась. Патріархъ Илья, узнавъ, что это старанія за Ишимиа оказались напрасными и что вместо кафедры онъ пошатъ въ заточеніе, обратился къ новымъ настоітельгѣйшимъ за него стараніямъ: патріархъ началъ осаждать великаго князя своими грамотами, въ которыхъ, съ одной стороны, обвинялъ Кипріана, а съ другой—ходатайствовалъ за Ишимиа. Слѣдствіемъ этихъ новыхъ грамотъ было то, что великий князь, можетъ быть—лично не измѣнивши и не побѣдивши своихъ враждебныхъ чувствъ къ Кипріану, отослать послѣдняго изъ Москвы и призвать на кафедру заточеннаго Ишимиа²). Въ Августѣ мѣсяцѣ 1382-го года имѣло мѣсто нашествіе на Москву хана Тохтамыша, который послѣ Куликовской битвы занять мѣсто изверженаго имъ Мамая. Великий князь хотѣлъ было биться съ новымъ ханомъ, какъ билъ съ прежнимъ, но встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе своему намѣренію въ князьяхъ и своихъ боярахъ, потому что послѣ страшнаго Куликовскаго побоища былъ совершенній недостатокъ ратныхъ людей, и въ слѣдствіе сего съ небольшою дружиною отступилъ отъ Москвы къ Переяславлю, изъ которого удалился потомъ въ Кострому. Когда Татары явились подъ стѣнами оставленной великимъ княземъ столицы и когда между жителями постѣдией началось страшное волненіе изъ-за того—биться или не биться съ Татарами: то и митрополитъ не нашелъ возможнымъ оставаться въ Москвѣ и бѣжать изъ нея въ Тверь. Это бѣгство Кипріана изъ осажденной столицы и послужило для великаго князя предлогомъ, чтобы обнаружить свой гибель противъ него и выслать его

¹) Въ греческихъ актахъ говорится о наказаніяхъ, которымъ подвергъ великий князь членовъ посольства, виновныхъ въ поставлениѣ Ишимиа: «у однихъ конфискованъ имѣніе, другихъ сосланъ въ ссылку, иныхъ посадилъ въ тюрьму и подвергъ тѣлесному наказанію, а иѣкоторыхъ предаль и смертной казнъ»,—соборное дѣяніе 1389-го г., въ Памятни. col. 290.

²) Соборное дѣяніе 1389-го года, въ Памятни. 209 fin.: πολλῶν μέν γραμμάτων κατὰ τοῦ καρδι Κυπριανοῦ πευκομένων, πλειόνων δέ ὑπὲρ Ποιμένος, οὗτος μηδὲ παραλαμβάνει τὴν ἐκκλησίαν ἐκεῖνην.

изъ Москвы, а на его мѣсто позвать Нимина, который переведенъ быль передъ тѣмъ изъ Чухломы въ ту же Тверь¹⁾.

Кипріанъ быль высланъ изъ Москвы осенью 1382-го года, послѣ 7-го Октября, и пробывъ въ ней на каѳедрѣ митрополіи 16-ть мѣсяціевъ.

Какъ бываетъ въ театральныхъ комедіяхъ, что все было улеглось и вдругъ все снова поднимается вверхъ дномъ, такъ и въ нашей пріекорбнѣйшей комедіи изъ дѣйствительной жизни явились на сцену новыя лица, чтобы продолжить ее дѣяе.

Епископъ сузальскій Діонисій, отиравшійся въ Константинополь лѣтомъ въ 1379-мъ году, не задолго до путешесвія въ него Михаилова, прожилъ тамъ до 1383-го года (оставлять свою епископію на произволъ судьбы въ продолженіе трехъ лѣтъ съ половиной!). Въ началь этого года (въ Январѣ) онъ возвратился въ Россію въ санѣ архіепископа, который быль данъ ему патріархомъ Илліомъ²⁾. Не знаемъ, насколько сильно протестовалъ онъ противъ поставленія Нимина въ митрополиты, которое совершилось на его глазахъ; можно, какъ говорили мы, предполагать, что—не особенно сильно, и весьма можно подозревать, что онъ получилъ сань архіепископа именно за то, чтобы

¹⁾ Наши лѣтописи, не знающія о стараніяхъ за Нимина передъ великимъ княземъ со стороны патріарха, считаютъ гибель великаго князя на Кипріана за его бѣгство изъ Москвы, дѣйствительной причиной его удаленія великимъ княземъ (Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣт. VIII, 48). Но мы вовсе не видимъ побужденій, по которымъ бы великий князь дѣйствительно могъ гибнуть на Кипріана за его бѣгство (нетъ никакихъ основаній полагать, будто великий князь могъ надѣяться, что въ случаѣ пребыванія въ Москвѣ Кипріанова ее не постигло бы то бѣгство, которое постигло,—ужаснѣйшее разграбленіе Татарами), а поэтому мы и находимъ вѣроожибіемъ считать дѣйствительную причиной удаленія Кипріанова, согласно съ указаниемъ греческихъ актовъ, старанія за Нимина со стороны патріарха. Очень можетъ быть даже, что между бѣгствомъ Кипріана изъ Москвы отъ Тохтамыша и его удаленіемъ съ каѳедры великимъ княземъ и есть связь и что онѣ поставляются въ связь только нашими лѣтописями: нашестье Тохтамыша имѣло мѣсто въ концѣ Августа, а Кипріанъ высланъ изъ Москвы въ Октябрѣ. Въ Никоновской лѣтописи.—IV, 139, говорить обѣ удаленіи Кипріана съ каѳедры ни кто другой, какъ самъ Кипріанъ: но о причинѣ онъ выражается глухо: «не восхотѣ великий князь... Кипріана... и имѧше къ нему нелюбіе» (Тохтамышъ взялъ Москву 26-го Августа, а Кипріанъ оставался въ Твери до 3-го Октября, когда былъ позванъ въ Москву великимъ княземъ).

²⁾ Грамота патріарха о возведеніи имъ Діонисія въ сань архіепископа на русскомъ языкѣ въ Акт. Ист., т. I, № 251, стр. 471.

согласился оставаться свидѣтелемъ безмолвствующимъ и не выступать свидѣтелемъ формально протестующимъ: но, возвратившись въ Россію, онъ задумалъ достать себѣ подъ Иминомъ престоль митрополичій, о которомъ давно мечталъ. Вѣроятно, онъ разскажалъ великому князю исторію поставленія Имина въ митрополиты во всей ея безобразной истинности; вѣроятно, онъ впервые сообщилъ великому князю о той громадной суммѣ денегъ, которая была занята Иминомъ и послами на имя послѣдняго. Какъ бы то ни было, но онъ успѣлъ вооружить великаго князя противъ Имина, и этотъ въ Іюнѣ 1384-го года послать его—Діонисія въ Константинополь имѣстѣ съ Симоновскимъ архимандритомъ Феодоромъ «управленія ради митрополіи русской», какъ говорятъ неопредѣленно наши лѣтописи, именно—для того, какъ говорять опредѣленіе греческіе акты, чтобы требовать низложения Имина и искать поставленія на его мѣсто его самого—Діонисія¹⁾). Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что патріархъ очень хорошо зналъ о незаконности и подложности кандидатуры Имина и въ то время, какъ ставилъ его въ митрополиты; но теперь ему были привнесены и представлены формальныя заявленія относительно этого отъ лица великаго князя, и ему ничего не оставалось дѣлать, какъ притвориться введеннымъ въ обманъ и отказаться отъ Имина, т. е. ножертвовать симъ послѣднимъ. Это патріархъ и сдѣлать: онъ приговорилъ съ соборомъ, что Иминъ, если справедливо то, что на него доносится, долженъ быть низвергнутъ съ кафедры, и послать въ Россію двухъ митрополитовъ со свитою сановниковъ²⁾ для того, чтобы они, по выслушаніи

¹⁾ Соборное дѣяніе 1389-го г., въ Намѣтиш. col. 211. Дѣяніе говоритъ о двухъ, одна за другой, поѣздкахъ Діонисія въ Константинополь: спачала для предварительныхъ переговоровъ съ патріархомъ о низложеніи Имина и безъ Феодора, потомъ для формального требования сего въ сопровожденіи послѣдняго. Но наши лѣтописи говорятъ объ одной поѣздкѣ.—По возвращеніи изъ Константинооля въ 1383-й году Діонисійѣздилъ въ Новгородъ съ патріаршой грамотой къ архиепископу относительно здѣшнихъ Стригольниковъ, а изъ Новгорода, по приглашенію архиепископа,ѣздилъ во Исконъ. Въ послѣднемъ городѣ онъ вель себя какъ настоящій посолъ или экзархъ патріаршій, изъ какового поведенія его можно заключать, что онъ выдавалъ себя великому князю за такого чоловѣка, котораго патріархъ очень пріятно было бы видѣть на митрополичьей кафедрѣ.

²⁾ Икон. лѣт. IV, 145 fin.: «То же осени (1384 г.) придоша изъ Цариграда два митрополита Гречина, единому имя Матѳей, другому Никандру, и архиђакона и сановницы». Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 49: «То же зимы (1384—85 г.) придоста изъ Цариграда иѣкаа два митрополита Гречина, единому имя..., а съ ними архиђакона и прочіи сановницы». Но греческимъ актамъ, посланы были

обвинений на Пимена отъ великаго князя, низложили его и поставили на его мѣсто Діонисія ¹⁾). Не поставилъ Діонисія въ митрополиты самъ патріархъ, какъ должно думать, потому, что, съ одной стороны, онъ желалъ попытаться примирить великаго князя съ Пименомъ и въ семъ смыслѣ дать порученіе митрополитамъ, а съ другой стороны—потому, что онъ не довѣрилъ Діонисію и подозрѣвалъ въ немъ обманщика, который ищетъ кафедры митрополіи на основаніи подложныхъ грамотъ, составленныхъ отъ лица великаго князя ²⁾). Такимъ образомъ, предстояло было иебывалое у насъ событіе—поставленіе русскаго митрополита въ самой Россіи руками греческихъ митрополитовъ. Но событія этого не случилось. Явились въ Москву патріаршіе митрополиты,—осенью 1384-го или зимой 1384—85-го года ³⁾), и не явился въ нее нареченный патріархомъ въ митрополиты русскіе Діонисій. Не знаемъ, шелъ ли онъ вмѣстѣ съ греческими митрополитами или отдельно отъ нихъ, но почему-то онъ держалъ свой обратный путь не черезъ Орду, а черезъ Кіевъ. Въ Кіевѣ же сидѣть Кипріанъ: будучи одаренъ наложеніемъ и способностію прибѣгать для достиженій своихъ цѣлей къ рѣшительнымъ средствамъ, этотъ не задумался прибѣгнуть къ тому средству, чтобы захватить новаго явившагося ему соперника, чтѣ онъ и успѣхъ сдѣлать руками кіевскаго князя Владимира Ольгердовича ⁴⁾). Въ заключеніи, не успѣхъ вырваться отъ него, Діонисій и скончался спустя около года (15-го Октября 1385-го года ⁵⁾). Феодоръ Симоновскій благополучно

два митрополита и два сановника,—одинъ церковный, другой царскій.—соборное дѣяніе 1389-го года въ Намятинѣ. 211 би..

¹⁾ Соборное дѣяніе 1389-го г. въ Намятинѣ. стр. 211 би. (Наши лѣтописи говорятъ, что митрополиты присланы были звать Пимена къ патріарху, подразумѣвается—на судь.—Иак. лѣт. IV, 145, fin.).

²⁾ Соборное дѣяніе 1389 г., ibid..

³⁾ См. третіе примѣчаніе выше.

⁴⁾ Со всемъ вѣроятностію слѣдуетъ думать, что Діонисій шелъ черезъ Кіевъ вмѣстѣ съ митрополитами патріаршими и что тогда какъ эти были пропущены свободно, онъ былъ захваченъ. Такъ какъ они шли осенью или зимой, то должно думать, что избрали сухопутную дорогу на Кіевъ (черезъ Болгарію и Молдавію) по причинѣ опасности или невозможности плаванія по Черному морю. Діонисій, обходя Кіевъ, могъ своротить въ степь татарскую (если только осенью и зимой возможно было путешествіе по ней); но онъ могъ не подозрѣвать, что случится съ нимъ въ Кіевѣ то, чтѣ случилось, или подозрѣвая думать считать себя безопаснѣмъ подъ охраной патріаршихъ митрополитовъ.

⁵⁾ Наши лѣтописи по невѣдѣнію утверждаютъ, будто Діонисій былъ поставленъ патріархомъ въ митрополиты.

возвратился въ Москву и вынесъ отъ патріарха—себѣ самому сань архимандрита, а своему монастырю право ставроигії ¹⁾). Какъ видно, въ Константинополь гостодствовали тогда такие иправы, что если бы отправились туда за покуиками всѣ русскіе епископы и игумены, то никто не возвратился бы съ пустыми руками).

Великій князь Дмитрій Ивановичъ и послѣ захвата въ Кіевѣ Діонисіева не хотѣлъ примириться съ Німіномъ. Такъ какъ не могъ онъ желать и Кирилла въ виду только что совершиеннаго послѣдній дѣянія—этого захвата Діонисіева, то необходимо думать, что онъ требовалъ поставленія себѣ новаго митрополита. Но новый митрополитъ не быть ему поставленъ и вместо него ему предложало то печальниѣшее и оскорбителыиѣшее, что при существованіи двухъ митрополитовъ онъ не будетъ имѣть у себя ни одного. Оставляя патріаршихъ митрополитовъ въ Москвѣ пользоваться гостепріимствомъ великаго князя,—а нужно думать, что они желали и старались воспользоваться имъ какъ можно дольше,—Німінъ въ Маѣ 1385-го года отправился въ Константинополь, чтобы хлонотать тамъ о возстановленіи или обѣ укрѣпленіи себя на кафедрѣ митрополіи ²⁾). Съ своей стороны патріархъ, когда явился къ нему Німінъ, вынесъ къ себѣ своей грамотой Кирилла, который и прибылъ въ Константинополь вмѣстѣ съ патріархими митрополитами, ходившими въ Москвѣ и возвратившимися спустя иѣкоторое время послѣ Німіна ³⁾). Не ставя великому князю нового митрополита, патріархъ предположилъ дать судъ двумъ существовавшимъ митрополитамъ, чтобы решить, который изъ нихъ долженъ быть признанъ имѣющимъ законное право на кафедру московскую. Совершенно иеночтно, почему и по какимъ побужденіямъ патріархъ, столько передъ великимъ княземъ виновный дѣломъ поставленія Німіна, хотѣлъ навязать ему того или другого изъ не желаемыхъ

¹⁾ По Никоновск. лѣтоп., IV, 145, онъ возвратился лѣтомъ 1384-го г., по Воскресенск. лѣтоп., въ Собр. лѣт. VIII, 49, осенью этого года.

²⁾ Но уѣзднію соборнаго дѣянія 1389-го г., онъ бѣжалъ изъ Россіи, сложивъ съ себя монашескія одежды и надѣвъ жірскія, и прибылъ въ Константинополь послѣ многихъ скитаній съ мѣста на мѣсто,—въ Намятиц. col. 213 fin.; а по нашей лѣтописи, предъ отправленіемъ въ Константинополь онъ ходилъ было въ Новгородъ за пополненіемъ своего такъ называемаго жѣсачнаго суда, о которомъ см. ниже, въ рѣчахъ о митр. Кириллѣ,—Собр. лѣт. V, 239 («Німінъ митрополитъ поспѣ ко Царюграду на Новгородъ, и Новгородцы митрополиту не дали мѣсяца судить въ Новгородѣ»).

³⁾ Соборное дѣяніе 1389-го г. въ Намятиц. col. 215.

имъ митрополитовъ. Но не только непонятно, но и совершенно не можетъ быть извинено поведеніе патріарха, который, предполагая дать великому князю того или другого изъ не желаемыхъ послѣднимъ митрополитовъ, не хотѣлъ дать ему ни одного: митрополиты въ ожиданіи суда прожили въ Константинополѣ, а великий князь пробылъ въ неизвѣстности,—кто будетъ у него митрополитомъ и безъ всякаго митрополита, около трехъ лѣтъ—до конца 1387-го—начала 1388-го года. Медлить ли патріархъ такъ долго судомъ потому, что вообще не находилъ нужнымъ торопиться съ дѣлами русской церкви, или же онъ имѣлъ къ этому какій нибудь особенный побужденія: но когда видишь, что на цѣлую церковь люди смотрѣли какъ на свою игрушку, то невольно овладѣваетъ тобою страшная грусть... Конецъ невѣроятно долгаго медленія былъ тотъ, что Кицрайтъ одолѣлъ Нимина, при чемъ дѣло сопровождалось со стороны послѣднаго неожиданными, а со стороны другого, находившагося въ Константинополѣ, представителя Москвы невѣроятными поступками. Вскорѣ послѣ того, какъ возвратились въ Константинополь ходившіе въ Россію митрополиты, великий князь снова прислать къ патріарху Симоновскаго архимандрита Феодора съ подтверждительными требованиями позложенія Нимина и съ новымъ представлениемъ доказательствъ его виновности¹⁾). Сначала Феодоръ и дѣйствительно вѣръ себѣ, какъ ревностный обвинитель Нимина. Но потомъ, передъ тѣмъ какъ начаться соборному суду надъ митрополитами, онъ съ Ниминомъ, по свидѣтельству соборного дѣянія 1389-го года о позложеніи Нимина, «едѣлались единомышленниками и, вступивъ въ заговоръ между собой и давъ другъ другу клятвы и сдѣлавъ иѣкоторыя взаимныя обязательства и вступивъ въ иѣкоторыя неподобныя связи», бѣжали изъ Константинополя въ Азиатскую Анатолію (Малую Азію) къ Туркамъ и нашедъ у послѣднихъ поддержку изливали оттуда многія хулы (ругательства) и на царство и на церковь, т. е. и на императора и на патріарха²⁾). Въ этомъ неожиданномъ можетъ быть понято поведеніе Нимина. Извѣстно, что въ то время Турки овладѣли почти всею византійскою имперіей и что императоры константинопольскіе съ тѣмъ весьма немногими, чтѣ оставалось въ ихъ власти, были совершенными рабами султановъ турецкихъ³⁾. На основаніи сейчасъ сказанаго по-

¹⁾ По нашимъ лѣтописямъ, Феодоръ во второй разъ былъ посланъ великимъ княземъ въ Константинополь «о управлениі митрополіи» въ 1386-мъ году.

²⁾ Въ Намятин., col. 215.

³⁾ Срѣ относительно сего посланіе патр. Нила къ папѣ Урбану VI отъ 1384-го года въ Acta Patriarchat. Constantinopol., II, 87.

зедение Нимина должно объясняться такимъ образомъ, что онъ послѣ того какъ увидѣлъ, что въ Константинополь шансы побѣды склоняются на сторону Киприана, бѣжалъ къ Туркамъ, чтобы при содѣйствіи послѣднихъ одержать верхъ надъ своимъ противникомъ. Можетъ казаться неопытнымъ, какимъ образомъ пришло Нимину на мысль обратиться къ Туркамъ и какъ онъ могъ найти себѣ у нихъ поддержку. Но относительно этого мы имѣемъ указаний. Въ актахъ греческихъ говорится, что Ниминъ и Феодоръ «вступили въ иѣкотория иенодобныя связи». Въ то время была въ Константинополѣ довольно многочисленная турецкая колонія¹⁾; при своемъ поставлѣніи въ митрополиты Ниминъ занималъ деньги между прочимъ именемъ у константинопольскихъ турецкихъ банкировъ²⁾; такъ, подъ иенодобными связями, очевидно, нужно разумѣть связи съ этими банкирами и понимать дѣло такъ, что они—то банкиры и устроили Нимину, чтобы онъ нашелъ помощь у Турокъ. Но всей вѣроятности, подъ Турками должно разумѣть не самого сultана, который впрочемъ имѣлъ тогда свою столицу уже не въ Азіи, а въ Европѣ,—въ Адріаполѣ, а какого нибудь ближайшаго къ Константинополю пашу; подъ Анатоліей вовсе не должно разумѣть глубь Малой Азіи, а, какъ дается знать въ самыхъ актахъ, мѣста очень близкія къ Константинополю, можетъ быть—просто азіатскій берегъ Босфора. Такимъ образомъ, можетъ быть понято неожиданное поведеніе Нимина; но представляется совершенію неопытнымъ поведеніе Феодора. Греческіе акты говорятъ, что Ниминъ поставилъ его въ епископы ростовскіе (при участіи, какъ должно подразумѣвать, какихъ-то греческихъ архіереевъ) и что онъ съ попущенія митрополита самовольно присвоилъ себѣ титулъ архіепископа³⁾; но этого нельзя признать достаточнымъ побужденіемъ къ тому, чтобы онъ изорвалъ образомъ измѣнить великому князю и стать сообщникомъ Нимина; и то и другое онъ могъ бы такъ сказать законнымъ образомъ купить у патріарха. Какъ бы то ни было, но при помощи Турокъ Нимину не удалось выиграть дѣла. Императоръ и патріархъ иѣсколько разъ и усиленію приглашали его возвратиться въ Константинополь и

¹⁾ Объ этой колоніи см. у Гаммера въ *Geschichte d. Osmanischen Reiches*, I, 247 fin..

²⁾ «Позаимовалъ серебро въ долгъ на имя князя великаго у Фрязи (у генуезскихъ банкировъ, жившихъ въ Галатѣ) и у Бессерянъ»,—Никон. лѣт. IV. 76.

³⁾ Соборное дѣяніе 1389-го года, въ Памм. col. 217.

лично явиться на соборъ¹⁾; онъ почему-то не хотѣлъ этого сдѣлать: и патріархъ съ соборомъ заочно низложили его съ престола, а законными митрополитомъ и сея Россіи провозгласили Кипріана²⁾.

Этотъ приговоръ патріарш-соборный состоялся въ концѣ 1387-го—въ началѣ 1388-го года³⁾.

Провозглашенный законнымъ митрополитомъ всея Россіи, Кипріанъ не спѣшилъѣхать въ Москву. Онъ имѣлъ за собою такую вину передъ великимъ княземъ, какъ захватъ Діонисія, и, должно думать, находить нужнымъ вести съ государемъ предварительные переговоры, чтобы достичнуть примиренія. Но провозглашенный низложеннымъ Иминъ явился въ Москву въ Іюль мѣсяцѣ (6-го числа) 1388-го года. Въ нашихъ лѣтописяхъ объ этомъ приходѣ Имина сказано: «Пріиде Иминъ митрополитъ на Русь изъ Цариграда, не на Кіевъ же убо, но на Москву токмо, и пріиде безъ исправы, поиже на Кіевъ бѣ Кипреянъ митрополитъ, а на Москву Иминъ митрополитъ»⁴⁾. Сейчасъ указанное или что-нибудь другое говорить Иминъ о результатахъ, съ которыми прѣѣхалъ изъ Константиноополя (послѣ своего болѣе чѣмъ трехгодичнаго отсутствія!), но онъ быть принять великимъ княземъ; слѣдовательно, нужно думать, что онъ утаилъ отъ государя о своемъ низложении и предсталъ передъ него въ качествѣ законнаго митрополита. Если справедливо то, что говорять греческіе акты объ отношеніяхъ къ нему Феодора ростовскаго (бывшаго симоновскаго),—то необходимо думать, что сей послѣдній съ своей стороны содѣйствовалъ ему въ обманѣ великаго князя⁵⁾. Возможно впрочемъ предполагать, что Иминъ

¹⁾ Императоръ для удостовѣренія Имина въ томъ, что въ Константиноополѣ онъ будетъ совершенно безопасенъ, послалъ къ нему свои священные енкоопії,—въ Намм. col. 217: относительно сего см. 2-ю полов. I т., стр. 412.

²⁾ Соборное дѣяніе 1389-го года, въ Намятин. col. 217.

³⁾ Прежде соборнаго суда, 29-го Мая 1387 года, Кипріанъ отпущенъ былъ патріархомъ изъ Константиноополя въ Литву по какому-то императорскому дѣлу, съ тѣмъ, чтобы возвратился въ годичный срокъ,—грамота въ Намятин. col. 189. Мы не знаемъ, когда возвратился Кипріанъ въ Константинополь, во годичный срокъ, котораго онъ просилъ, показываетъ, что онъ предполагалъ возвратиться не скоро. Иминъ послѣ соборнаго, заочнаго по отношенію къ нему, опредѣленія, приѣжалъ въ Россію въ Іюль мѣсяцѣ 1388 г.

⁴⁾ Икон. лѣт. IV. 156.

⁵⁾ Внослѣдствіи Феодоръ опять является въ Константиноополѣ при Кипріанѣ, но что онъ возвращался въ Россію съ Иминомъ, см. Икон. лѣт. IV, 160 пач. (онъ въ числѣ провожающихъ Имина въ его третье путешествіе въ Константинополь).

и Феодоръ не обманули государя, а инымъ путемъ склонили его къ тому, чтобы онъ принялъ первого изъ нихъ, какъ истиннаго митрополита, именно—они могли представить государю, что судъ произведенъ былъ незаконнымъ образомъ, безъ приглашения Пимена на соборъ, и что вслѣдствіе этого приговоръ собора не можетъ быть признанъ дѣйствительнымъ. И такъ какъ великому князю предстояла алтернатива—принять Пимена или Кирилла, то онъ, скрѣпя сердце, и могъ найти сейчасъ указанный доводъ убѣдительнымъ для себя.

Проживъ въ Россїи съ Іюля 1388-го года до весны слѣдующаго 1389-го года, Пименъ снова отправился въ Константинополь (13-го Апрѣля¹⁾). Если онъ обманулъ великаго князя, то онъ долженъ быть опасаться, что обманъ скоро или не скоро откроется (и въ этомъ случаѣ весьма страннымъ и непонятнымъ будетъ то, что въ продолженіе почти цѣлаго года великому князю не дано было знать изъ Константинооля отъ патріарха или отъ Кирилла о состоявшемся соборномъ рѣшеніи), и слѣдовательно—послѣ своего совсѣмъ мерзкаго поступка долженъ быть съ набранимъ новымъ запасомъ денегъ бѣжать, чтобы сдѣлать новую во что бы ни стало попытку своего оправданія или по крайней мѣрѣ сдѣлать то, чтобы скрыться съ глазъ великаго князя, предоставивъ себя судьбѣ. Если же онъ не обманулъ великаго князя, то въ виду новаго собраннаго запаса денегъ онъ могъ имѣть желаніе одержать законную побѣду надъ Кирилломъ и достигнуть формальной отмѣны состоявшагося соборнаго рѣшенія. Но поводу этого путешествія Пиминова непосредственно современный писатель говорить: «князь великий Дмитрій Ивановичъ понегодование на митрополита о семъ, яко бѣзъ его совѣта поиде, бѣ бо и распра иѣкая межъ ихъ»²⁾). Если государь быть обманутъ Пименомъ и считать его законнымъ митрополитомъ, то онъ могъ не соглашаться и негодовать на его путешествіе потому, что находить послѣднее ненужнымъ. Если же князь не быть обманутъ Пименомъ, то причина негодованія остается для насъ неясною. Не смотря на то, что Пименъ отправился въ путешествіе противъ воли великаго князя, онъ могъ взять съ собою довольно многочисленную свиту, которая состояла: изъ одного епископа (Михаила смоленскаго), архимандрита (московскаго Спасскаго монастыря Сергія

¹⁾) Это третье путешествіе Пимена въ Константинополь подробно описанъ жопахъ сопутствовавшаго митрополиту епископа смоленскаго Михаила Игнатій. Описание въ Никоновской летописи,—IV, 158 fin. sqq, а въ отдельномъ видѣ напечатано у Сагирова въ Сказанияхъ русского народа, кн. VIII.

²⁾) Сейчасъ поминутый Игнатій.

Азакова ¹), протопоповъ, священиковъ, діаконовъ (между которыми были протодіаконъ и архідіаконъ), монаховъ и слугъ. Пять епископовъ русскихъ ²) съ архимандритами, игуменами и монахами провожали митрополита отъ Москвы даже до Переяславля рязанского (нынѣшней Рязани) и чуть ли не далѣе (очень можетъ быть, что движимые не столько желаніемъ выразить митрополиту свое уваженіе, сколько желаніемъ совершить увеселительное путешествіе и воспользоваться гостепріимствомъ рязанского великаго князя, на столицу которого держанъ быть путь и у которого епископамъ дѣйствительно были шированыя многія и великия ³).

Въ то время, какъ Ниминъ находился въ Россіи, въ Константинополь на кафедрѣ патріаршій произошла перемѣна: патріархъ Ниль скончался и его мѣсто въ Январѣ 1389-го года ⁴) занялъ новый патріархъ—Антоній. Новый патріархъ въ самомъ непродолжительномъ времени по своемъ вступленіи на престолъ, въ слѣдующемъ Февралѣ мѣсяцѣ, составилъ новый соборъ по дѣлу Нимина и Кипріана (изъ которыхъ послѣдній между тѣмъ все оставался въ Константинопольѣ) и на этомъ соборѣ подтвердилъ приговоры собора Нилова, т. е. Нимина признать низложеннымъ, а Кипріана—законнымъ митрополитомъ всея Россіи ⁵). Зналъ ли Ниминъ, когда ходилъ въ Константинополь, что онъ есть уже дважды низложенный, изъ лѣтописей нашихъ этого не видно.

Что ожидало Нимина въ Константинопольѣ: успѣть ли бы онъ при помоціи новыхъ денегъ добиться своего возстановленія или же въ тре-

¹) Сергій Азаковъ, бывъ іеромонахомъ или вгуменомъ неизвѣстнаго монастыря, находился въ числѣ спутниковъ архимандрита Михаила въ его путешествіяхъ въ Константинополь и слѣдовательно былъ въ числѣ виновниковъ поставленія Нимина въ митрополиты. Но если онъ былъ потому поставленъ въ архимандриты предворного монастыря великаго князя, то, какъ видно, онъ не только уснѣлъ отвратить отъ себя гибель послѣдняго, но и спасти его благоволеніе (послѣ онъ былъ епископомъ рязанскіемъ).

²) Во главѣ ихъ архіепископъ ростовской Феодоръ.

³) Но если собственная цѣль слишкомъ долгихъ проводовъ было увеселеніе, то оно началось во вторникъ на страшной недѣлѣ (И во всякомъ случаѣ цѣль пѣти епископовъ не находили ничего неудобнаго въ томъ, чтобы провести время страшной недѣли и св. Пасхи въ путешесвіи, если и неувеселительномъ, то вовсе неужижножъ!).

⁴) Acta Patriarchat. Constantinop. II. 112.

⁵) Весьма обширное дѣяніе этого собора, сообщающее исторію нашихъ замѣшательствъ, въ Памятн. сол. 193.

тій разъ было бы произнесено ему изложение и чтѣ бы онъ придумаль сдѣлать въ семь послѣднемъ случаѣ,—вопросы эти остались нерѣшонными. Настоящее его путешествіе было концемъ его походженій. Онъ доѣхалъ до Константинополя и, не отваживаясь прямо явиться въ него, сначала остановился въ одномъ турецкомъ городѣ на Босфорѣ, чтобы вступить въ спошнія съ Константинопольемъ черезъ другихъ, а потомъ перебрался въ Халкідонъ, чтѣ отъ Константинополя на противоположной сторонѣ устья Босфора. Здѣсь—въ Халкідонѣ онъ и отдалъ Богу свою грѣшную душу 11-го Сентября 1389-го года ¹⁾).

Очень можетъ быть, что вел. кн. Дмитрій Ивановичъ не согласился бы принять Кирилла. Но онъ скончался черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ отправленія изъ Москвы Пиміона — 19-го Мая 1389-го года. Наслѣдовавшій ему сынъ его Василій Дмитріевичъ согласился принять Кирилла, съ чѣмъ наконецъ и насталъ конецъ нашимъ замѣщательствамъ.

Въ исторіи западной церкви, какъ извѣстно, есть страницы, которыя людьми, принадлежащими къ этой церкви, съ болынимъ удовольствіемъ были бы вырваны. Не кичясь черезъ мѣру передъ Западомъ, мы должны знать, что и въ исторіи нашей церкви есть страницы до чрезвычайности нехоронія.

Исключительныя обстоятельства нашего времени, въ соединеніи съ тою счастливою случайностью, что сохранились и открыты греческіе акты этого времени, иѣсколько приподнимаютъ для насъ густую завѣсу, за которую въ обыкновенной нашей исторіи, но волѣ нашихъ лѣто-

¹⁾ Корабль, на которомъ Игній перѣѣзжалъ Черное море, пришло бурею къ Синопу. Отъ Синопа по южному берегу Чернаго моря онъ доѣхалъ до города Астрабаї (Astrabites, нынѣ Istrawtos), находящагося недалеко отъ входа въ Босфоръ, и отсюда черезъ своихъ спутниковъ началъ спошнія съ Константинопольемъ. Для похребенія Игнія привезенъ былъ въ этотъ послѣдній и здѣсь положенъ былъ въ церкви Предтеча, находившейся впѣхъ городской стѣнѣ, на краю моря противъ Галаты. Не говорить Игнатій, можетъ быть — по личнымъ причинамъ, но говорить наши лѣтописи, что имѣніе, оставшееся послѣ Игнія, «разіаша ииі» (Воскресенск. лѣт. подъ 1389 г. Когда въ Азовѣ Игній садился на корабль, то его заарестовано было его кредиторы, которыхъ ему удалось потому умолить или можетъ быть утолить уплатою процентовъ. Не видно, были ли это кредиторы константинопольскіе, случайно оказавшіеся тогда въ Азовѣ, или мѣстные. Если послѣдніе, то это будетъ свидѣть, что Игній занималъ не только въ Константинопольѣ, но и въ Азовѣ). — Какой - то писецъ богослужебныхъ книгъ XVI в., присвоившій себѣ право быть редакторомъ святцевъ, внесъ Игнія въ число святыхъ! (Барсукова Источники агиографіи, col. 459).

писцевъ, скрываются отъ насть наше высшее духовенство съ своей нравственной физіономіей и качественностю. Немного открываемая намъ часть картины никакъ не можетъ быть названа привлекательною. Великій князь Дмитрій Ивановичъ составилъ свиту архимандрита Михаила для путешествія въ Константинополь, иѣть сомиїнія, изъ людей, которыхъ считать особенно хорошими, и однако эти особенно хорошие люди позволили себѣ такое до крайней степени нехорошее дѣло, какъ постановленіе Пимона; Діонисій сузdalский, Феодоръ ростовскій примираются за людей очень почтенныхъ, и однако они являются передъ нами ни коимъ образомъ не въ блестательномъ свѣтѣ.

Греческія власти, съ отважною безцеремонією дозволявшія себѣ по отношенію къ русской митрополіи тѣ вспомінки дѣянія, на которыхъ они были тогда способны,увѣренno воображали, что стоять имъ шесть пространно и краснорѣчиво лгущія оправдательныя записки и Русскіе безъ возражений будуть признавать виновными исключительно самихъ себя. Но они совершили ошибались. Русскіе заявили свой протестъ противъ нравственной распущенности Грековъ рѣшительнымъ, хотя и неожиданно—свообразнымъ образомъ: они составили себѣ убѣжденіе, что у нравственно-надніхъ людей погибло истинное благочестіевѣры, и перестали признавать ихъ авторитетъ иль семъ отношеній. Къ ✓ весьма важнымъ рѣчамъ объ этомъ возвратимся иѣсколько ниже.

Лѣтописи наши увѣряютъ, что вел. кн. Дмитрій Ивановичъ Донской былъ человѣкъ искренно и глубоко благочестивый (хотя божественнымъ писаниямъ, какъ уже мы упоминали, и не до конца навыкній). Нужно поэтому думать, что прискорбнѣйшая замѣнительства въ митрополіи, начавшаяся съ неожиданной смерти его любимца архимандрита Михаила и продолжавшаяся до самаго конца его жизни, причинили ему чрезвычайно силную и глубокую скорбь.

По известію Никоновской лѣтописи, въ 1388-мъ году приходили въ Москву послы отъ папы римскаго ¹⁾). Въ то время папъ римскихъ было одновременно двое,—въ самомъ Римѣ Урбанъ VI и въ Авиньонѣ Климентъ VII. Нужно думать, что посольство прислали Урбанъ, ибо мы знаемъ, что въ 1384-мъ году онъ послалъ посольство къ Грекамъ ²⁾). Но всей нѣроятности, дѣло объ этомъ посольствѣ должно понимать таѣть, что папа узналъ о крайнихъ замѣнительствахъ, происходящихъ

¹⁾ IV, 158: «Того же лѣта прїдоша на Москву послы отъ папы римскаго».

²⁾ См. въ Лета Patriarchat. Constantinop. II, 56 (послание патр. Илл. къ папѣ Урбану).

въ русской митрополії и что онъ счелъ минуту удобною для того, чтобы обратиться съ приглашениемъ къ великому князю, котораго должно было возмущать поведение Грековъ, приступить къ союзу съ римскою церковю (На панскомъ престолѣ, одновременно измѣнивши двухъ папъ, какъ разъ было то, чтѣ на кафедрѣ русской митрополії; но папы по свойственней имъ особенней логикѣ могли находить, что необычное и непривычное для другихъ обычно и извинительно для нихъ...).

Св. Стефанъ, епископъ Пермскій.

Въ промежутокъ времени нашихъ замышательствъ на кафедрѣ митрополії имѣло мѣсто, какъ бы въ возмѣщеніе за нихъ, весьма важное и весьма радостное событие обращеніе въ христіанство однѣмъ явившимся доблестнымъ миссионеромъ значительного количества остававшихся дотолѣ въ язычествѣ подвластныхъ Руси инородцевъ. Это именно—событие обращенія въ христіанство св. Стефана Пермскаго части народа Перми или Пермяковъ, известныхъ подъ особеннымъ именемъ Зырянъ.

Рѣчи о св. Стефанѣ должны быть начаты жалобой на то, что могли бы мы имѣть очень хорошее житіе его и что на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ его житіе, которое, въ смыслѣ біографіи или въ смыслѣ исторического повѣстований, далеко не можетъ быть признано за очень хорошее. Жизнеописателемъ св. Стефана былъ младшій его современникъ, личный его собесѣдникъ и другъ, монахъ Троицкаго Сергіева монастыря Епифаній. Этотъ Епифаній также есть человѣкъ въ своемъ родѣ знаменитый, представляющій собою между нашими писателями житій святыхъ писателя до того выдающагося, что удивлявшіеся ему современники дали ему громкій титулъ премудраго («Епифаній премудрый»). Онъ вполнѣ обладалъ способностью писать житія; но если вообще у нашихъ писателей житій, всегда за ихъ предшественниками греческими, поставлялось главное достоинство ихъ твореній не въ подробной и обстоятельной передачѣ свѣдѣній о святыхъ, а въ реторической благоукрашенности рѣчи, въ реторическомъ, такъ или иначе достигаемомъ, многословіи и затѣйномъ краснословесіи: то Епифаній выдавался между нашими писателями житій святыхъ въ этомъ отношении болѣе, чѣмъ въ какомъ либѹ другомъ, и былъ любителемъ реторической благоукрашенности и затѣйного много-краснословесія, за что имѣние и получить отъ своихъ современниковъ титулъ премудраго, до нес plus ultra или до самыхъ крайнихъ предѣловъ возможнаго. Благо-

даря этому-то человѣкъ, который могъ бы написать очень хорошее житіе св. Стефана въ смыслѣ биографіи, и подарила нась преукашеніемъ, по выражению Степенной книги ¹⁾), житіемъ его, которое въ семъ смыслѣ далеко не можетъ быть названо очень хорошимъ. Епифаній написалъ два житія,—наше св. Стефана и преп. Сергія Радонежскаго. Въ житіи Сергіевомъ, потому ли что онъ подчинился чьему-нибудь добруму стороннему вліянію или же, можетъ быть, потому, что онъ не хотѣлъ быть въ обоихъ житіяхъ совершенно однообразнымъ, реторика находится у него въ большемъ или меньшемъ равновѣсіи съ фактическимъ содержаніемъ и онъ совсѣмъ увлекается первою только изрѣдка. Но въ житіи Стефановомъ фактическое содержаніе рѣшительно прінесено въ жертву необузданной, можно сказать, реторикѣ, ислѣдствіе чего житіе это, будучи подобно житію Сергіеву весьма обширно по объему, очень бѣдно фактическимъ содержаніемъ и очень неудовлетворительно въ отношеніи къ саму постѣднemu: къ фактической сторонѣ своего появленія Епифаній относится какъ будто съ намѣреніемъ небрежностью, а что касается до постѣдовательности разсказа, то не только не заботится о ней, но какъ будто нарочно хочетъ спутать ее. А такимъ образомъ, къ сожалѣнію, и случилось, что, имѣя очень обширное житіе св. Стефана, мы не имѣмъ полныхъ и обстоятельныйхъ свѣдѣній объ его жизни и дѣятельности и что съ этимъ обширнымъ житіемъ въ рукахъ мы не мало должны говорить на основаніи догадокъ и предположеній ²⁾). И тѣмъ болѣе, разумѣется, достойно это сожалѣнія, что дѣятельность св. Стефана не какая-нибудь рядовая или заурядная, а выдающаяся и исключительная.

Св. Стефанъ родился въ городѣ Устюгѣ, который находится при слияніи рекъ Сухоны и Юга, образующихъ Сѣверную Двину, и который въ настоящее время есть уѣздный городъ вологодской губерніи. Принеходя изъ духовнаго званія, хотя вирочемъ въ древнее время еще не было этого званія въ подлинномъ смыслѣ слова, онъ былъ сынъ

¹⁾ I, 525.

²⁾ Житіе напечатано два раза: въ 1862-мъ году въ IV выпускѣ Памятника старинной русской литературы *Кушикова-Безбородко*, стрр. 119—171, и въ 1897-мъ году Археографической Комиссіей въ отдельномъ видѣ; второе изданіе сдѣланное по списку болѣе старому и болѣе исправному, чѣмъ первое, удовлетворительнѣе первого (не безусловно, впрочемъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ частныхъ слу-
чаяхъ, очевидно, должно быть признано лучшимъ чтеніе первого издания). Мы будемъ указывать оба изданія, при чемъ первое изданіе будемъ означать буквой И., второе—буквой К..

одного изъ клириковъ или причетниковъ устюжскаго собора¹⁾). Годъ рожденія его точнымъ образомъ неизвѣстенъ, но приблизительно есть 1345-й, чѣдь будетъ временемъ правленія въ Москвѣ вел. кн. Семена Ивановича Гордаго и управлениія русскою церковью митр. Феогноста. Мірское имя его также остается неизвѣстнымъ. Надѣленій отъ природы блестящими умственными способностями, Стефанъ заявилъ свою исключительную остроту, когда отданъ быль отцомъ учиться грамотѣ: онъ хорошо выучилъ читать, такъ чтобы быть донущеннымъ къ конпарханію и чтенію въ соборѣ, менѣе чѣмъ въ продолженіе года, чѣдь при древнемъ методѣ у насть ученія составляло быстроту чрезвычайную. Начавъ дѣячество въ соборѣ еще во время ученія, Стефанъ, какъ должно думать, остался дѣланъ въ немъ и по окончаніи ученія, при чѣмъ могъ быть сдѣланъ дѣланъ настоящимъ, если была вакансія, или служить сверхъ штата, въ видѣ добровольнаго помощника отцу, если вакансіи не было. Но на мѣстѣ и въ должности дѣланка Стефана представляли изъ себя иѣчто не совсѣмъ обыкновенное. Мы сказали, что онъ надѣленъ быть блестящими способностями; вмѣстѣ съ блестящими способностями онъ быть надѣленъ страстиамъ, неудержимымъ стремлениемъ къ образованію, къ знаніямъ, и для пріобрѣтенія возможнаго у насть тогда самообразованія онъ со всею ревностію принялъ за чтеніе книгъ. Нельзя думать, чтобы Устюгъ XIV вѣка слышкомъ богатъ быть четими книгами; но возможно и то, что онъ быть не совершиению ими бѣденъ, ибо кромѣ собора въ немъ были два монастыря (существующіе до настоящаго времени—Архангельскій и Гледенскій Троицкій). Увѣреніе жизнеописателя, что въ Устюгѣ Стефанъ научился «всей грамматичнай хитрости и книжнѣй силѣ» страдаетъ, нужно полагать, не малымъ преувеличеніемъ, да оно противорѣчить и его собственнымъ дальнѣйшимъ рѣчамъ о недовольствѣ Стефана своею устюжскою ученоствѣ и о стремлениі его къ большему; но что онъ имѣть возможность пріобрѣти и пріобрѣсть въ Устюгѣ довольно значительную начитанность, это допустимо и не невѣроятно. А такимъ образомъ, юнаго устюжскаго дѣланка нужно представлять себѣ человѣка

¹⁾ Литописи усвояютъ Стефана прозваніе или фамилію Храпъ. Но по Епифанію, это было не прозваніемъ или фамиліей Стефана, а наимѣшавшымъ прозвищемъ, которое, съ чего-то и почему-то, давалъ ему пѣкоторые изъ москвичей,—П. стр. 161, col. 1, К. стр. 59 («Знаемъ бо мы и тѣхъ,—между москвичами,—иже и прозвища ти кидаху, отнюду же иѣпіи яко и храпомъ ти зваху, не разумѣюще силы и благодати Божіи, бываемыя въ тебѣ и съ тобою»).—Сообщаемыя Епифаніемъ имени отца и матери Стефана были: Симеонъ и Марія.

кому́мъ болѣе или менѣе ученымъ въ тогдашнемъ нашемъ смыслѣ этого слова и одинымъ изъ ученѣйшихъ людей во всемъ своемъ городѣ, если только не буквально самымъ первымъ въ немъ ученымъ. Юный дьякъ, обладающій бѣльшею или менѣе ученостью и одинъ изъ ученѣйшихъ людей въ своемъ городѣ, если только не самый первый въ немъ ученый: это не то, что всѣ наши старые дьяки и тенерешніе дьячки, а необыкновенный у насъ примѣръ тѣхъ дьяковъ, которые бывали въ древней греческой церкви и къ которымъ принадлежали такие знаменитые отцы церкви, какъ Василій Великій и Іоаннъ Златоустый, начавшие служеніе въ клире или причтѣ именно въ должностіи чтецовъ или—что тоже—дьяковъ.

Послѣ 10—12-ти лѣтъ дьячества въ Устюжскомъ соборѣ и послѣ приобрѣтенія въ Устюгѣ всей учености, какую возможно было приобрѣсти въ немъ, Стефанъ, приведенный приобрѣтенію ученостію къ убѣждѣнію въ суетѣ мірской жизни, вознамѣрился принять монашество, при чемъ постричься въ монахи рѣшилъ не въ Устюгѣ, а въ другомъ мѣстѣ, которое бы давало ему средства къ приобрѣтенію бѣльшеї учености. Ненадѣйно точимъ образомъ, когда именно пришелъ ему помыслъ стать просвѣтителемъ живаго по сосѣдству съ его родиной языческаго народа. Съ наибольшою вѣроятностію нужно думать, что еще въ Устюгѣ до постриженія въ монахи, когда онъ собственными глазами видѣлъ этихъ язычниковъ, въ немаломъ, вѣроятно, количествѣ жившихъ не только по сосѣдству съ городомъ, но и въ самомъ городѣ. Что дѣйствительно еще въ Устюгѣ и до постриженія въ монахи принято было имъ намѣреніе стать просвѣтителемъ сосѣднаго съ его родиной языческаго народа, косвенно подтверждаетъ это и жизнеописатель, говоря объ его промежуточной жизни между Устюгомъ и отиравленіемъ на ироновѣдь къ язычникамъ, что «издвина то у него сдумано бѧше». Но если предполагать, что намѣреніе стать просвѣтителемъ языческаго народа принято было Стефаномъ еще въ Устюгѣ, до постриженія въ монахи, то не невозможно представить дѣла и такъ, что рѣшеніе пойти въ монахи главнымъ образомъ было вызвано въ немъ сознаніемъ необходимости этого для осуществленія его намѣренія. Предполагая сейчасъ указанное, очевидно вѣроятно будетъ думать, что Стефанъ выучился или, по крайней мѣрѣ, началь учиться языку народа, стать просвѣтителемъ которого принялъ намѣреніе, еще до отбытія изъ Устюга къ избранному имъ мѣсту постриженія.

Для постриженія въ монахи Стефанъ избралъ одинъ изъ монастырей своего епархіального города Ростова, именно—монастырь св. Григорія Богослова, находившійся подъ епіскопіи и называвшійся

Затворомъ. Название монастыря, можетъ быть, отъ того, что въ древнее, какъ въ позднѣйшее, время онъ пригороженъ бытъ глухой стѣной къ стѣнѣ архіерейскаго монастыря, такъ что не было собственныхъ воротъ изъ него, по нужно было входить въ него и выходить изъ него чрезъ архіерейскій монастырь, и что, можетъ быть, относительно выхода изъ него немногихъ его монаховъ, ибо онъ бытъ маленький, существовали особая строгія правила, иначе сказать—что онъ представлялъ собою монастырекъ особенно строгихъ затворниковъ, устроенный для монаховъ, желавшихъ подобнаго затворничества, кѣмъ-либо изъ ростовскихъ архіереевъ¹). Причину, по которой Стефанъ избрать для своего постриженія монастырь Григорія Богослова составило то, что въ монастырѣ этомъ была хорошая библіотека, которою онъ желалъ воспользоваться для довершенія своего самообразованія: «пострижеся,—говорить о Стефанѣ житиеописатель, во градѣ Ростовѣ у святаго Григорія Богослова въ монастыри, иарицаемъ Затворѣ, близъ епископыи, ико книги многи баху ту, довольны суща ему на потребу почитанія ради». Если вѣрно сдѣланное нами объясненіе названія монастыря Затворомъ, то могло влечь въ него Стефана и особенное удобство предаваться въ немъ чтенію книгъ, а равно и монашескимъ подвигамъ. Въ монастырѣ Стефанъ со всѣмъ рвениемъ занялся довершеніемъ своего самообразованія, предавшись денноощному чтенію книгъ, какъ о томъ настоятельно говорить житиеописатель. Указывая на стремленіе Стефана къ приобрѣтенію самообразованія не поверхностиаго, а основательнаго, Елифай говоритъ, что онъ заботился не только о томъ, чтобы какъ можно болѣе прочесть книги, но и о томъ, чтобы какъ можно лучше усвоять читаемое, такъ чтобы не оставалось непонятнаго для него въ прочтении ии одного стиха или ии одного предложения (ии одной фразы). Для лучшаго уразумѣнія всего читаемаго усердно искалъ онъ собесѣдований съ книжными и разумными людьми, старшими его по возрасту. Какъ будто монастырекъ Григорія Богослова по преимуществу населенъ бытъ книжными монахами и какъ будто собесѣдованія, которымъ, ища лучшаго во всемъ уразумѣніи, усердно предавался Стефанъ, проходили именно въ стѣнахъ самаго монастыря.

¹) Можетъ быть, что подъ узкимъ иѣкономъ и невходнымъ мястомъ, въ которомъ на писанья себя вдаль авторъ записъ объ епископѣ ростовскомъ Кириллѣ, читаемой въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1231-мъ годомъ, должно разумѣть именно нашъ монастырь Григорія Богослова.

Но Стефанъ не кончилъ своего самообразованія на томъ, чтобы съ наибольшою основательностью прочесть возможно большее количество славянскихъ книгъ. Онъ еще выучился греческому языку, чтобы имѣть возможность читать греческія книги, которая не были переведены на славянскій языкъ. Это известіе, что Стефанъ выучился греческому языку такъ неожиданно, что не вѣрь расположены вѣрить ему. Однако, жизнеописатель Стефана монахъ Елифаній, при всей своей наклонности къ реторикѣ, былъ человѣкъ очень почтенный,—подъ старость онъ былъ избранъ братствомъ Троицкаго монастыря въ свои духовники, и чтобы его слова, что Стефанъ хорошо выучился греческому языку и постоянно читалъ греческія книги,—что онъ умѣлъ говорить по-гречески и что онъ дѣлать переводы съ греческаго¹⁾), представляли собою не что иное, какъ выдумку и наглую ложь, и при томъ выдумку и ложь, говоренныя современникамъ Стефана, таъ какъ житіе написано вскорѣ послѣ его смерти, допустить этого нравственнымъ образомъ совершенію невозможно, иначе пришлось бы отказаться отъ вѣры во чтобы то ни было и на всю исторію пришлось бы махнуть рукой. Вопросъ въ томъ, съ какого повода Стефанъ могъ возымѣть охоту выучиться греческому языку и какъ онъ могъ выучиться ему въ Ростовѣ. По известію жизнеописатели, Стефанъ постригся въ монахи въ Григорьевскомъ монастырѣ при епископѣ ростовскомъ Пароенії; объ этомъ Паюеніѣ есть вѣроятность думать, что онъ былъ родомъ грекъ; а если мы предположимъ это послѣднєе, то для насъ и объяснится все дѣло. Пароеній занять каѳедру ростовскую въ бытность митрополитомъ московскимъ св. Алексіемъ; мы имѣемъ полный списокъ епископовъ, поставленныхъ св. Алексіемъ, и въ этомъ спискѣ неѣть Пароенія: въ объясненіе такой загадки представляется вѣроятнѣмъ думать, что Пароеній былъ родомъ грекъ, что онъ пришелъ въ Россію уже готовымъ епископомъ или уже имѣя сань епископа и что св. Алексій только назначилъ его на мѣсто, но не посвящалъ его. При епископѣ Грекѣ могли быть чиновники Греки, ибо онъ могъ прийти съ тѣмъ или другимъ количествомъ спутниковъ (съ цѣлою пѣкоторою свитою); у чиновниковъ Грековъ могли оказаться греческія книги, которая не были переведены на славянскій языкъ или же о переводѣ которыхъ на славянскій языкъ не было известію Стефану,—а въ этомъ

¹⁾ «Алѣя же большаго разума, яко образомъ любомудрія изучася и греческой грамотѣ и книги греческія извѣчно добре, и почиташе я и присно вѣняше я у себѣ, и бяше умѣя глаголати треми языками, тако же и грамоты три умѣяше, яже есть: русскіи, греческіи, пермскіи»,—И. стр. 122 col. 2, К. стр. 8.

и будетъ разгадка всего дѣла: увидѣвъ у Грековъ греческія книги, кото-
рыми не были переведены на славянскій языкъ или о переводѣ кото-
рыхъ на славянскій языкъ не было ему известно, онъ возгорѣлся
желаніемъ читать ихъ и для сей цѣли и рѣшился выучиться у Грековъ
греческому языку¹). Господствующія у насъ представлія о греческомъ
языкѣ таковы, что онъ есть языкъ необыкновенно трудный,—что ему
нужно учиться многіе годы и что ни у кого не хватить терпѣнія до-
учиться ему до конца. Греческій языкъ дѣйствительно есть языкъ не
особенно легкій; но тѣмъ не менѣе весьма возможно выучиться ему,
а при усердіи и рѣшительной настойчивости и въ не особенно про-
должительное время. Всѣмъ и каждому известно, что нашъ знаменитый
баснописецъ И. А. Крыловъ, будучи почти 60-лѣтнимъ старикомъ,
вздумалъ какъ-то выучиться греческому языку и выучился ему въ очень
непродолжительное время. Но если Крыловъ, будучи почти 60-лѣтнимъ
старикомъ и принявши за изученіе языка не по какому-нибудь серьѣз-
ному побужденію, а просто по капризу, выучился ему очень скоро:
то молодой человѣкъ, каковымъ былъ Стефанъ, обладавший хорошею
способностью къ изученію языковъ и рѣшившійся изучить греческий

¹) Въ объясненіе того, какъ Стефанъ могъ выучиться въ Ростовѣ по-гречески, ссылаются на извѣстіе житія царевича ростовскаго Петра, что въ ростовскомъ соборѣ при современномъ царевичу епископѣ ростовскому Кириллѣ (1230—1262) на лѣвомъ крылоѣ пѣли по-гречески. Ссылка до крайней степени смѣшная. Неужели думаютъ, что въ попомарѣ ростовскаго собора были ставимы люди, знающіе греческій языкъ и что въ рукахъ у нихъ былъ кругъ греческихъ богослужебныхъ книгъ? Самъ епископъ Кириллъ или кто-нибудь изъ его предшественниковъ завелъ, чтобы въ ростовскомъ соборѣ въ дни архіерейскихъ служений или вообще въ дни праздничные, для большей торжественности, пѣты были на лѣвомъ крылоѣ: *Господи, помилуй и Подай. Господи*, или же только одно первое, не по-славянски, а по-гречески: вотъ то единственное, чтѣ можетъ быть предполагаемо (не выходя изъ границъ здраваго разума) о знаменитомъ греческомъ пѣніи въ ростовскомъ соборѣ. Но едва ли, упрощая дѣло, не должно еще понимать свидѣтельство житій иначе, нежели какъ оно обыкновенно понимается, именно—разумѣть его не обѣ языкѣ, а о напѣвѣ, ибо говорится, что въ ростовской церкви св. Богородицы были тогда «пѣнія добrogласная, якоже ангельская: бѣ бо тогда въ церкви лѣвый крылоѣ греческими пояху, а правымъ русскыи» (Объ епископѣ ростовскомъ Кириллѣ, который прославляется за свою необыкновенную учительность и за то, что всѣмъ украсилъ соборную ростовскую церковь, какъ никто изъ его предшественниковъ, и которому поэтомъ весьма вѣроятно усвоять и заведевше греческаго пѣнія въ томъ или другомъ смыслѣ. см. въ Лаврентьевской лѣтописи, пъ помянутой выше запись, читаемой подъ 1231-мъ годомъ).

языкъ по побуждению весьма серьёзному, могъ выучиться ему еще гораздо скорѣе¹⁾). Рѣшаясь изучить греческий языкъ, Стефанъ могъ одушевляться и бывшимъ передъ нимъ живымъ примѣромъ св. митр. Алексія, который, какъ извѣстно и про чтѣ, нужно думать, знала вся тогдашняя Россія, состоять намѣстникомъ митрополіи при митрополитѣ—грекѣ Феогностѣ, научился отъ домашнихъ послѣдняго греческому языку. Такъ, Стефанъ выучился греческому языку и, по словамъ его жизнеописателя, усердно читалъ греческія книги. Дѣлая общий отзывъ о немъ, какъ обѣ ученоемъ человѣкѣ, Епифаній говоритъ, что онъ былъ чудный дидаскаль, исполненный мудрости и разума, и что онъ былъ наученъ всей вѣнчаной философіи, книжной мудрости и грамотной хитрости. Слова Епифанія нужно понимать такъ, что Стефанъ начитанъ былъ не только въ книгахъ отеческихъ и вообще церковныхъ, но и въ книгахъ научно-серѣзного содержанія свѣтскихъ, и если онъ не позволяетъ себѣ въ семъ случаѣ присоединенія, то начитаніемъ въ свѣтскихъ научного содержанія книгахъ Стефанъ могъ быть обязанъ только книгамъ греческимъ, ибо на славянскомъ подобными книгами было весьма скучно.

Основываясь на свидѣтельствѣ Епифанія, мы должны представить себѣ Стефана человѣкомъ съ блестящими умственными способностями и вмѣстѣ съ тѣмъ ученымъ въ тогдашнемъ смыслѣ слова или книжнымъ пачетникомъ не только однимъ изъ лучшихъ въ Россіи, но при его знаніи греческаго языка и совсѣмъ исключительнымъ. Мы не имѣмъ возможности въ полной мѣрѣ повѣрить справедливости Епифаніевыхъ рѣчей о Стефанѣ, потому что не осталось отъ послѣдняго такихъ сочинений, на основаніи которыхъ можно было бы произвести подобную повѣрку. Но все-таки мы имѣмъ возможность до нѣкоторой степени повѣрить справедливость Епифаніевыхъ рѣчей, ибо не оставилъ послѣ себя сочинений парочитыхъ и болѣе или менѣе значительныхъ по размѣрамъ, Стефанъ оставилъ послѣ себя одно небольшое и случайное сочиненіе. Исторія и внутреннія качества этого сочиненія не служатъ къ опроверженію Епифанія. Въ 1386-мъ году, уже будучи епископомъ, Стефанъ имѣлъ нужду поѣхать въ Новгородъ; не особенно задолго передъ тѣмъ въ Новгородѣ возникла секта Стри-

¹⁾ Съ точки зрѣнія семинариста, который учится греческому языку 10-ть лѣтъ и который въ концѣ концовъ все въ состояніи перевести двухъ—трехъ стиховъ изъ евангелія, нужно учиться этому ужасному языку целую жизнь, да и то не выучишься... На самомъ дѣлѣ при усердіи и небезталанности можно хорошо выучиться по-гречески приблизительно въ полгода и уже не болѣе какъ въ годъ.

гольниковъ, и архіепископъ Новгородскій Алексій просилъ Стефана во время его бытности въ Новгородѣ, чтобы онъ составилъ обличеніе на явившихся развратниковъ вѣры Христовой, каковую просыбу Стефанъ исполнить, написавъ небольшое обличеніе на Стригольниковъ, сохранившееся до настоящаго времени. То обстоятельство, что Алексій, обходя всѣхъ книжниковъ своей епархіи, обратился къ Стефану съ проосьбою о написаніи обличенія, свидѣтельствуетъ, что послѣдній дѣйствительно пользовался репутацией выдающагося книжного человѣка; а по внутреннимъ своимъ качествамъ обличеніе справедливо должно быть признано за очень хорошее: оно написано замѣчательнымъ образомъ литературно, замѣчательнымъ образомъ неспутанно въ изложеніи мыслей, чѣмъ особенно страдаютъ наши старые писатели, и съ весьма искусной постановкой полемики, такъ что болѣе доказательнаго обличенія на Стригольниковъ не могло быть и написано (не опровергая справедливости тѣго обвиненія на духовенство, изъ-за котораго Стригольники отѣлились отъ церкви, ибо положительного факта, какой представляло собой это обвиненіе, конечно, нельзя было опровергнуть ни при какомъ искусствѣ, Стефанъ убѣдительно доказываетъ несправедливость и незаконность отѣлений Стригольниковъ отъ церкви изъ-за этого обвиненія). А если предположить, что обличеніе было написано Стефаномъ во время самаго пребыванія въ Новгородѣ, то, принимая во вниманіе краткость времени, которое онъ могъ имѣть въ своемъ распоряженіи, нужно будетъ признать его небольшое полемическое сочиненіе совсѣмъ блестящимъ.

Говоря о Стефанѣ главнымъ образомъ какъ о человѣкѣ ученомъ или книжномъ, книгоиздатель его сообщаетъ намъ, и что такое оғь быть какъ иноокъ. Какъ инока Епифаній представляетъ его строгимъ подвижникомъ. «Облечеся, говорить онъ о Стефанѣ, во митрополійский чинъ и добре потружася въ иноческомъ житыи, подвизався на добродѣтель постомъ и молитвою, чистотою и смиреніемъ, воздержаньемъ и трезвѣніемъ, терпѣніемъ, беззлобіемъ, послушаніемъ же и любовію, паче же всѣхъ вниманіемъ божественныхъ писаний...; со тщаніемъ чернечество-ваще, со тщаніемъ всяку добродѣтель творяше...; сице ему иночѣствующу, добруму еже о Христѣ житю его дивляхуся мнози не точью иноци, но и простая чадъ...». Какъ человѣкъ нарочито книжный, Стефанъ несъ въ монастырь и соотвѣтственное послушаніе, а именно—писаль святыхъ книги, въ чемъ, по свидѣтельству Епифанія, имѣть и великое искусство, бывъ не только каллиграфомъ, но и тахиграфомъ, т. е. не только доброписцемъ, но и скороописцемъ. Спустя неизвѣстное намъ время послѣ поступленія въ монастырь,—послѣ того, нужно под-

разумѣвать, какъ достигъ канонического 25-ти лѣтняго возраста, онъ посвященъ быть въ діаконы, т. е. іеродіаконы.

Надѣленный отъ природы отличными умственными способностями, Стефанъ со всѣмъ стараниемъ образовывалъ изъ себя ученаго богослова и вообще ученаго человека въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова не столько для себя самого, сколько ради той виѣшней высокой цѣли, чтобы явиться достойнымъ проповѣдникомъ истиннаго Бога передъ языческимъ народомъ, апостольское дѣло обращенія котораго къ христіанству было имъ задумано. Языческій народъ, поселенія котораго прилегали къ родинѣ Стефана городу Устюгу и обратить который въ христіанство возжегся онъ желаніемъ, представляли собою принадлежащіе къ финскому семейству народовъ вычегодскіе Пермяне или Нермяки, получившіе потому у насть особое имя Зырянъ¹⁾ (отъ одного частиційшаго племени въ народѣ, которое въ XIV в., у Епифанія, называется Сырянами). Этотъ народъ—вычегодскіе Пермяне или Нермяки собственно составляли половину цѣлаго народа Нерми или Нермяковъ,—другую половину составляли Нермяки камскіе, остатки которыхъ сохраняютъ имя Нермяковъ до настоящаго времени и область которыхъ носила название Великой Нерми. Но двѣ половины народа обособились одна отъ другой такъ, что признаются за два особые родственные наарода (оба народа и доселѣ называются себѣ однимъ и тѣмъ же именемъ, но одинъ народъ очень плохо разумѣть или совсѣмъ не разумѣть языкъ другого народа). Поселенія Зырянъ,—какъ мы будемъ называть вычегодскихъ Нермяковъ, которыхъ обратилъ Стефанъ въ христіанство, находятся въ восточной половинѣ иныишией вологодской губерніи, по рѣкѣ Вычегдѣ, впадающей въ Сѣверную Двину на 70 верстъ ниже Устюга и по притокамъ Вычегды—съ сѣвера Выму и съ юга Сысолѣ, при чемъ на сѣверо-востокѣ довольно значительно вдаются и въ архангельскую губернію, по рѣкѣ Печорѣ съ впадающей въ нее Ижмой и по верхней Мезени. Въ настоящее время поселенія Зырянъ отдѣляются отъ Сѣверной Двины и отъ лежащаго на ней Устюга довольно широкой полосой чисто русскихъ поселеній. Но въ XIV вѣкѣ, во времена Стефана, они подходили къ самому Устюгу, иныишия же довольно широкая полоса чисто русскихъ поселеній явилась такимъ образомъ, что ближайшіе къ Устюгу и вообще къ Двинѣ Зыряне совершенно обрусили. Столынъ или главныи мѣстомъ зы-

¹⁾ По Географич.-статистич. словарю Семенова, первый известный разъ, какъ вычегодскіе Нермяки называются Зырянами, относится къ 1573-му году, — т. II, с. Зыряне.

риинской земли въ отношении гражданскомъ и религіозномъ или по крайней мѣрѣ—во второмъ было теперешнее село Усть-Вымь, находящееся при впаденіи Выма въ Вычегду, въ 83-хъ верстахъ къ востоку—съверовостоку отъ своего уѣздааго города Яренска, который въ свою очередь находится въ 260-ти верстахъ къ съверо-востоку отъ Устюга. Что касается до даничества Зырянъ Русскимъ, то съ давниго и до позднѣйшаго передъ Стефаномъ времени они были данниками Новгородцевъ, а въ неизвѣстное точнѣмъ образомъ ближайшее передъ Стефаномъ время ихъ взяли у Новгородцевъ сами великие князья ¹⁾.

Благой и святой помыслѣ стать просвѣтителемъ языческаго народа, какъ мы сказали, по всей вѣроятности принесъ Стефанию, когда онъ еще жилъ въ Устюгѣ и собственными глазами смотрѣлъ на язычниковъ. Тогда же, сказали мы, вѣроятно онъ выучился или по крайней мѣрѣ начать учиться и зырянскому языку. Но приступить къ осуществлѣнию своего помысла Стефанъ могъ не скоро. Чтобы получить благословеніе отъ начальства пдти на проповѣдь къ язычникамъ, ему над-

¹⁾ Епифаній, который не могъ не знать дѣла точнѣмъ и достовѣрнѣмъ образомъ, ясно представляетъ Зырянъ времени Стефанова данниками самихъ великихъ князей. Онъ влагаетъ въ уста волхвовъ зырянскихъ, старавшихся отвратить Зырянъ отъ вѣры московского проповѣдника, какового представлялъ собою Стефанъ: «отъ Москвы можетъ ли что добро быти намъ? не оттуду-ли намъ тяжести бывша и дани тяжкии и насильства и тавуни и доводици и приставници?» и потому говорить о Стефанѣ, что онъ своими ходатайствами передъ вел. княземъ многажды избавлялъ Зырянъ отъ работы и насилия и тѣунскія продажи и облегчалъ тяжесть даней. а о Новгородцахъ говорить какъ о людяхъ стороннихъ Зырянамъ, которые лишь терпѣли отъ грабительства новгородскихъ такъ называемыхъ ушкуйниковъ. Если въ договорной грамотѣ вел. князя съ Новгородцами, писанной въ 1471-мъ году. Пермь значится въ числѣ волостей, принадлежащихъ послѣднимъ (Собр. госуд. грамм. и догов., т. I, № 20, стр. 27, Акт. Эксед. т. I, № 91, стр. 67); то необходимо разумѣть тутъ Пермь камскую безъ Перми вычегодской. Что послѣдняя Пермь перешла подъ власть вел. князей до 1471-го года, на это мы имѣемъ ясное свидѣтельство въ посланіи митр. Юны къ Вятчанамъ, которое написано около 1452-го года и въ которомъ Вятчане упрекаются: «нынѣ воевали есте великаго князя вотчину: Сысолу и Вымъ и Вычегду».—Акт. Ист. т. I, № 261, стр. 490, Памятники канонич. права, изд. Павловъ, № 73, col. 592. И въ спискѣ Двиныхъ земель 1471-го года дается знать, что вычегодская Пермь давно принадлежала вел. князьямъ, ибо обѣ одной изъ областей этой Перми, Важкѣ, лежавшей по рѣкѣ того же имени, земляющей въ Мезень (съверозападный уголъ нынѣшняго яренскаго уѣзда, составляющей такъ называемыи Удоры или Удорскій край) говорится, что она «пеконое место великаго князя Вычегодское, Пермскіе»,—Акт. Эксед. т. I, № 94, стр. 75.

лежало стать изъ юноши мужемъ; для крещенія обращаемыхъ и для водворенія у нихъ богослуженія ему надлежало быть іеромонахомъ; но онъ могъ быть поставленъ въ іеромонахи не ранѣе какъ по достижениіи 30-ти лѣтняго возраста, ибо строгое каноническое предписаніе, чтобы не поставлять въ пресвитеты ранѣе 30-ти лѣтъ, нужно думать, соблюдалось у насъ въ древнее время по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ монахамъ. Предположивъ, что Стефанъ поступилъ въ монастырь 20-ти лѣтнимъ юношемъ и что онъ не приступалъ къ прямому осуществленію своего намѣренія до 30-го года своего возраста, получимъ, что онъ прожилъ въ монастырѣ, приготовляясь къ своей миссии отдаленнымъ образомъ, чрезъ довершеніе своего образованія, о чёмъ мы говорили выше, лѣтъ до десяти. Приступить къ прямому осуществленію намѣренія долженъ быть начаться съ доизученія зырянского языка. Если до постриженія въ монахи Стефанъ только началъ изученіе языка то само собою понятно, что онъ долженъ быть доизучить его; если же до постриженія въ монахи онъ и совсѣмъ изучилъ его, то при неимѣніи практики на немъ въ продолженіе десяти лѣтъ долженъ быть болѣе или менѣе забыть его и во всякомъ случаѣ утратить способность легко и свободно говорить на немъ, чтѣдь для него нужно было какъ для будущаго проповѣдника христіанства Зырянамъ. Ничего не говорить Елифаний, но необходимо думать, что для доизученія зырянского языка Стефанъ возвращался въ Устюгъ. Въ случаѣ, если бы онъ быть человѣкъ богатый, онъ могъ бы при посредствѣ своихъ устюжскихъ родныхъ вынискать къ себѣ зырянина въ Ростовѣ, но предполагать, чтобы онъ быть человѣкомъ богатымъ, неѣтъ совершенно никакого основанія; но даже и будучи человѣкомъ богатымъ, онъ долженъ быть бы предпочитать доизученіе зырянского языка въ Устюгѣ, при условіи обращенія въ средѣ многихъ Зырянъ и о боѣ съ самыми мѣстами ихъ обитанія, въ которыхъ можно было дѣлать экскурсіи, чѣмъ въ Ростовѣ при помощи одного Зырянина, который относительно многаго изъ быта, знаніе чего нужно было при изученіи языка, лишь разсказывать бы то, что въ Устюгѣ можно было видѣть собственными глазами. Вообще, наиболѣе вѣроятнымъ представляется думать, что для изученія зырянского языка Стефанъ возвращался въ Устюгъ. Въ Устюгѣ онъ могъ жить въ одномъ изъ двухъ его монастырей, а то и у своихъ родныхъ, ибо въ древнее время весьма допускалось пребываніе монаховъ въ миру даже и безъ причинъ особенно благословныхъ. Изъ монастыря, принадлежавшаго къ архіерейскому дому и находившагося въ непосредственномъ вѣдѣніи архіерея, каковъ быть монастырь Григорьевскій, Стефанъ не могъ уйти безъ дозволенія и благословенія по-

слѣдняго. А такимъ образомъ, нужно принимать, что уходя изъ монастыря въ Устюгъ доизучать зырянскій языкъ на тотъ конецъ, чтобы съ языкомъ этимъ стать проповѣдиномъ христіанства у Зырянъ, Стефанъ испросилъ благословеніе на сіе у епископа ростовскаго.

Доизучивъ зырянскій языкъ, на что, само собою разумѣется, потребовалось не какія нибудь недѣли двѣ-три, а можетъ быть—полгода, можетъ быть—годъ, а можетъ быть—и болѣе того, Стефанъ не попалъ непосредственно за тѣмъ на проповѣдь къ Зырянамъ. У него было послѣ сего еще другое приготовительное дѣло. Опѣрѣшиль по обращеніи Зырянъ въ христіанство дать имъ богослуженіе не на славянскомъ, а на ихъ собственномъ зырянскомъ языкѣ, для чего нужно было составить зырянскую азбуку, которой дотолѣ у Зырянъ не было, и перевести богослужебныя книги на зырянскій языкъ. Зыряне не представляли изъ себя полуобрублыхъ инородцевъ, среди которыхъ были болѣе или менѣе многочисленныя колоніи Русскихъ и территоріи которыхъ принимались бы за чисто русскія, такъ чтобы не могло приходить на мысль посредствомъ введеній у нихъ богослуженія на ихъ собственныхъ языкахъ искусственно обращать ихъ въ особые народы, которыми они переставали быть въ дѣйствительности,—Зыряне представляли собою особый отъ Русскихъ и жившій отдельно отъ нихъ народъ, имѣвій только то отношеніе къnimъ, что платить имъ дань: и Стефанъ, послѣдя примѣру Константина философа, первоучителя славянскаго, и признавая спрапедливость и основательность тѣхъ доводовъ, которыми этотъ послѣдній защищалъ свой переводъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ отъ нападений на него такъ называемыхъ тріязычниковъ, рѣшилъ сдѣлать для Зырянъ то же самое, что Константинъ сдѣлать для Славянъ. Богослуженіе у Зырянъ на ихъ родномъ зырянскомъ языкѣ не могло быть введено Стефаномъ собственною властію, а только подъ условіемъ полученнаго имъ разрешенія на сіе отъ главы русской церкви митрополита. Когда же, спрашивается, Стефанъ испросилъ требуемое разрешеніе: тогда ли уже, когда сдѣлать все дѣло и пришелъ просить разрешенія пойти на проповѣдь къ Зырянамъ, или передъ тѣмъ, какъ приступить къ дѣлу,—разумѣемъ составленіе азбуки и переводъ книгъ? Ешифаний ничего не отвѣтываетъ на этотъ вопросъ, какъ и на многіе другіе вопросы, но само по себѣ представляется гораздо вѣроятнѣйшимъ думать, что до приступа къ дѣлу, а не послѣ его совершенія. Составить азбуку зырянскаго языка не составило большого труда, но переводъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ, по совершенной неприготовленности его къ выражению понятій христіанскаго вѣроученія и всякихъ.

отвлеченныхъ понятій, представлялъ собою трудъ весьма большой, и если бы Стефанъ рѣшился на него безъ испрошенія предварительно разрѣшенія, то онъ рѣшился бы на весьма большой трудъ съ очень большимъ рискомъ, что совершить его напрасно, ибо напередъ онъ никакъ не могъ быть увѣренъ, что разрѣшеніе будетъ ему дано. При этомъ онъ справедливо могъ опасаться, что если изобрѣтѣть азбуку и сдѣлать переводъ книгъ безъ предварительного разрѣшенія, то подвергнется за сіе гибель, который испортитъ ему все дѣло таѣ, чтобы даже не получить дозволенія идти и на проповѣдь. На проповѣдь къ Зырянамъ Стефанъ отправился послѣ смерти св. митрополита Алексія въ 1378-мъ или 1379-мъ году. Но если онъ предварительно испрашивалъ разрѣшенія на изобрѣтеніе зырянской азбуки и на зырянский переводъ богослужебныхъ книгъ, что думать представляется вѣроятнѣйшимъ, то онъ испрашивалъ его у св. Алексія. А такимъ образомъ, есть очень большая вѣроятность думать, что богослуженіе у Зыряна на ихъ собственномъ зырянскомъ языѣ было введено съ разрѣшеніемъ и благословеніемъ сего великаго святителя. Надлежить думать, что и составленіемъ азбуки и переводомъ книгъ Стефанъ занимался не въ Ростовѣ, возвратившись въ него изъ Устюга, а все въ томъ же Устюгѣ, ибо при этомъ ему необходимо было для всякаго рода лингвистическихъ или языческихъ справокъ и для разрѣшенія всякаго рода языческихъ недоумѣній находиться среди Зырянъ или по близости ихъ.

При изобрѣтѣніи или составленіи своей зырянской азбуки Стефанъ не послѣдовалъ примѣру Константина философа, не приспособилъ къ зырянскому языку славянской азбуки, какъ тотъ приспособилъ къ славянскому языку азбуку греческую, а составилъ свою особую азбуку, не имѣющуя ничего общаго съ азбукой славянской и которая по общему виду своихъ болѣе квадратныхъ, чѣмъ круглыхъ, буквъ, напоминаетъ азбуку еврейскую или же славянскую азбуку не кирилловскую, а глаголическую¹⁾). Если справедливо предположеніе ученыхъ,

¹⁾ Зырянскую азбуку съ названіемъ и начертаніемъ ея буквы см. у Карамз. т. V, прим. 125, и особенно въ статьѣ г. Лыткова: «Пятьсотѣтіе Зырянского края», напечатанной въ декабрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1883-й годъ; безъ начертанія буквы въ статьѣ П. Д. Шестакова: «Св. Стефанъ, первоевангелизатор Нермскій», напечатанной въ I выпускѣ Извѣстій въ Ученыѣ Записокъ Казанскаго Университета за 1868-й годъ, стр. 75 sqq. Образцы Зырянского письма: въ此刻ь указанной статьѣ г. Лыткова, въ статьѣ г. Шестакова: «Чтение древнѣйшей Зырянской падини», напечатанной въ январской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1871-й годъ, и въ бро-

что въ знаки для буквъ своей азбуки Стефанъ взялъ черты и рѣзы или руны, которые употреблялись Зырянами прежде, то нужно будетъ думать, что онъ поступилъ такъ изъ желанія сдѣлать свою азбуку какъ можно болѣе простою для Зырянъ и такою, чтобы самымъ виѣшиимъ своимъ видомъ, бывъ составлена изъ знаковъ давно знакомыхъ, она влекла ихъ къ себѣ, а не отталкивала отъ себя. Если же онъ самъ въ точномъ смыслѣ слова изобрѣль знаки для буквъ, то трудно будетъ сказать что-нибудь о побужденіяхъ къ сему и едва ли можно будетъ слишкомъ похвалить изобрѣтеніе¹⁾...

Составивъ зырянскую азбуку и совершивъ переводъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ въ томъ или другомъ объемѣ необходимаго, при чемъ переводить, если имѣть подъ руками греческія богослужебныя книги, могъ не только съ славянскаго перевода, но и съ греческаго оригинала²⁾, Стефанъ отправился въ Москву, чтобы испросить себѣ дозволеніе и благословеніе пойти на проповѣдь евангелія къ Зырянамъ у избраннаго въ преемники св. Алексію и завѣдавшаго митрополіей послѣ его кончины архимандрита Михаила—Митія³⁾. Архимандритъ Михаилъ, обыкновенныя представленія о которомъ, какъ о нехорошемъ временщикѣ вел. кн. Дмитрія Ивановича, совершиенно несправедливы, о чёмъ мы говорили выше, принялъ св. Стефана съ величайшою благосклонностью, именно такъ, какъ и надлежало принять

шюроѣ Н. С. Некрасова: «Пермскія письмена въ рукописяхъ XV вѣка», Одесса, 1890.

¹⁾ Извѣстный польскій историкъ Литвы Нарбуттъ, представляющей собою вирочемъ не столько историка, сколько лѣтописца (съ отличавшими польскіхъ лѣтописцевъ непохвальными особенностями), идя далѣе другихъ ученихъ, хочетъ видѣть въ зырянской азбукѣ св. Стефана нисколько не изобрѣтенну имъ, а взятую совсѣмъ готовою, древнюю бѣармскую азбуку (унотрѣблявшуюся и въ Литвѣ!), см. его *Dzieje starożytne narodu Litewskiego*, т. I, стр. 448, Dodatek V, О Abecadle Biarmiskiem.

²⁾ Можно было бы предполагать, что желаніе переводить богослужебныя книги съ греческаго оригинала было однимъ изъ побужденій и выучиться греческому языку. Но мы не указываемъ на это побужденіе, не будучи уполномочиваемы къ сему жизнеописателемъ Стефана.

³⁾ На задаваемый niektóryми вопросъ: почему за дозволеніемъ и благословеніемъ пойти на проповѣдь евангелія къ Зырянамъ Стефанъ обратился не къ своему епископу ростовскому, а къ самому завѣдавшему митрополіей, отвѣтъ есть тотъ, что, не говоря о всемъ другомъ, дозволеніе пойти на проповѣдь евангелія къ Зырянамъ съ богослужебными книгами, переведенными на зырянскій языкъ, могъ дать только послѣдний и никакъ не первый.

человѣка, пришедшаго просить о дозволеніи предпринять апостольскій подвигъ. Великій князь Дмитрій Ивановичъ, съ своей стороны, отпеся къ просьбѣ Стефана съ такою же величайшею благосклонностью, какъ и нареченный митрополитъ. Государь бытъ человѣкъ искренно и усердно благочестивый и не могъ онъ отъ всего сердца не сочувствовать мысли о просвѣщениіи свѣтомъ христіанства язычниковъ; а при этомъ не могъ онъ не находить осуществленія мысли весьма важнымъ и желательнымъ и въ видахъ государственныхъ (Епифаній мало и сухо говорить о Михаилѣ и совершенно несправедливо вмѣсто него выдвигаетъ на сцену епископа коломенского, который былъ только исполнителемъ чужихъ приказаний, по причинамъ, понятнымъ для насъ: во-первыхъ, у пареченнаго митрополита,—какъ упоминали мы, выходило очень большое недоразумѣніе съ прец. Сергіемъ Радонежскимъ, ученикомъ котораго былъ Епифаній; во-вторыхъ, вообще у монаховъ онъ оставилъ самую дурную по себѣ память, ибо намѣревался принять крутые мѣры къ ихъ исправленію). Если справедливо наше предположеніе, что Стефанъ предварительно испрашивалъ у св. митр. Алексія дозволенія ввести у Зырянъ богослуженіе на ихъ родномъ языке, то Михаилъ подтвердилъ данное Алексіемъ разрѣшеніе; а если предположеніе несправедливо, то онъ даль это разрѣшеніе. Дотолѣ Стефанъ имѣлъ степень діакона; по для крещенія имѣвшихъ принимать христіанство и для введенія у нихъ богослуженій ему нужно было имѣть степень пресвитера, и по приказанію Михаила онъ поставленъ былъ въ іеромонахи (нominatumъ епископомъ коломенскимъ). Затѣмъ, нареченный митрополитъ снабдилъ Стефана всѣмъ нужнымъ для поставленія церковной и для введенія богослуженій у будущихъ христіанъ,—антиминсами съ святыми мощами, св. муромъ, масломъ деревяннымъ и всѣмъ потребнымъ, т.-е., какъ должно думать, иконами, богослужебными сосудами и одеждами и всякою церковною утварью. Такъ какъ Михаилъ не только былъ любимцемъ вел. князя, но пользовался чрезвычайною любовью и всѣхъ государевыхъ бояръ, то весьма вѣроятно думать, что бояре, бывъ приглашены имъ къ всномоществованію снарядить человѣка на святое предпріятіе, усердно содѣствовали ему, по возможности щедро снабдить Стефана всѣмъ нужнымъ для будущихъ зырянскихъ храмовъ,—увидимъ ниже, что не забыты были и самые деньги. Дмитрій Ростовскій говорить о Стефанѣ въ Четь-Минеѣ, что «вѣже преподобный и грамоты изъ Москвы»; Дмитрія повторяютъ почти все позднѣйшіе. Однако Епифаній не говоритъ о грамотахъ и мы не доумѣваемъ, какія бы они могли быть: содержали предписаніе, чтобы Зыране не убивали Стефана? но это само собою разумѣлось; содерж-

жали предписание, чтобы Зыряне приняли христіанскую вѣру? но если бы находили возможнымъ сдѣлать такое предписание, то давно бы его сдѣлали чрезъ полицейскихъ чиновниковъ.

Получивъ изъ Москви разрешеніе и усердное благословеніе пойти на проповѣдь къ Зырянамъ и снабженный всѣмъ для этого необходимымъ, Стефанъ отправился въ свой Устюгъ, чтобы изъ него понести слова благовѣстія Христова язычникамъ. Поздѣйшее преданіе гласить, что Стефанъ спустился отъ Устюга внизъ по Двинѣ до впаденія въ посѣдью Вычегды,—до первого отъ Устюга, находившагося при впаденіи Вычегды въ Двину, зырянского селенія,—въ настоящее время это извѣстное село Котласъ, къ которому проведена желѣзная дорога изъ Двіну отъ Вятки, и что съ этого первого зырянского селенія и началъ свое благовѣщованіе. Заставляя Стефана послѣ непрородолжительной проповѣди крестить жителей селенія, преданіе далѣе говоритъ, что отъ Котласа онъ предпринялъ по Вычегду путь къ стольному мѣсту Зырянь Усть-Выму, по что, совершая путь, онъ останавливается для проповѣди въ лежавшихъ по рѣкѣ селеніяхъ,—что довольно многія, или по крайней мѣрѣ иѣкоторыя изъ нихъ крестилъ, и что въ тѣхъ селеніяхъ, которымъ крестилъ, ставилъ часовни ¹⁾). Но это поздѣйшее преданіе о проповѣди Стефана по дорогѣ изъ Усть-Вымы не можетъ быть признано за достовѣрное. Не говоря уже о томъ, что во времена Стефана поселенія Зырянь начинались не у впаденія Вычегды въ Двину, а у самаго Устюга, должны быть сдѣланы противъ преданія два рѣшительныхъ возраженія. Во первыхъ, крестивъ жителей Котласа и селеній, лежавшихъ по Вычегду до Усть-Выма, Стефанъ не могъ бы дать имъ священниковъ и ввести у нихъ богослуженія, а крестивъ оставилъ бы ихъ съ тѣмъ, съ чѣмъ они прежде были: для чего же бы было тратить время на ихъ обращеніе и какая была бы цѣль крестить ихъ и что бы могли сдѣлать креющіе съ этими часовнями, кромѣ развѣ того, чтобы, возвратившись къ язычеству, поставить въ нихъ своихъ идоловъ? Во вторыхъ, благоразуміе требовало, чтобы Стефанъ началъ свою проповѣдь имению въ стольномъ мѣстѣ Зырянь—Усть-Вымѣ. Изъ нашей русской исторіи мы знаемъ, что въ гражданскихъ дѣлахъ отношеніе подчиненныхъ городовъ и селеній къ ихъ старшимъ и стольнымъ городамъ выражалось положеніемъ: «на

¹⁾ См. въ Энциклопед. лексиконѣ *Илюшара* статью покойнаго И. И. Надежина о рѣкѣ Вычегдѣ,—Лексикона т. XII, стр. 240, также Сказаніе о жизни и трудахъ святого Стефана, епископа Нерѣскаго, А. М. (архимандрита, умершаго архиепископомъ Макарія). Спб., 1856, стр. 11.

что старѣйшии сдумаютъ, на томъ же пригороды стануть»; а изъ исторіи другихъ народовъ мы знаемъ, что тѣмъ же положеніемъ выражались отношенія младшихъ городовъ и селеній къ старшимъ и стольнымъ городамъ и въ флахъ религіозныхъ. Когда извѣстный креститель балтійскихъ Славянъ Оттонъ Бамбергскій (1124—1139) пришелъ съ проповѣдью христіанства въ подручный городъ ранѣе старшаго города, то жители перваго сказали ему: «оди ты въ напѣ старшій городъ, если тамъ тебѣ послушаютъ, то и мы послушаемъ¹⁾». Такъ, начин Стефанъ проповѣдь у Зырянъ не съ столицаго Усть-Выма, а съ указанныхъ селеній, ему несомнѣнно говорили бы сейчасъ приведенное, т. е. что пойди ты въ Усть-Вымъ, если тамъ тебѣ послушаютъ, то и мы послушаемъ.

Такимъ образомъ, необходимо думать, что для проповѣди христіанства у Зырянъ Стефанъ прямо отиравился изъ Устюга въ стольное ихъ мѣсто Усть-Вымъ. Подробностей о прибытии Стефана въ Усть-Вымъ Епифаній не сообщаетъ никакихъ и даже совсѣмъ обходить его молчаніемъ. Позволимъ себѣ остановиться на одной подробности, которая не имѣть болыпой важности, но рѣчи о которой не линии и прямо требуются дальнѣйшимъ повѣствованіемъ. Но прибытии въ Усть-Вымъ Стефанъ долженъ быть какъ-нибудь устроиться относительно житія въ немъ: какъ же онъ устроился? Предполагать, чтобы онъ поселился на квартире у какого-нибудь Зырянина—язычника, весьма невѣроятно; что же думать? Представляется необходимымъ думать, что онъ поставилъ себѣ въ Усть-Вымѣ свой собственный домикъ и что въ этомъ собственномъ домикѣ онъ и поселился. Относительно того, какъ онъ поступилъ съ изготавленіемъ себѣ дома, можно полагать надвое, именно—или что онъ срубилъ его по прибытии на мѣсто съ помощію одного-двухъ прислужниковъ, которыхъ привезъ съ собой, и съ помощію тѣхъ лодочниковъ, которые доставили его въ Усть-Вымъ, или же что онъ привезъ его съ собой готовымъ въ разобранномъ или собранномъ видѣ. Послѣднее гораздо болѣе вѣроятно, чѣмъ первое, ибо изготавленіе дома на мѣстѣ было бы сопряжено съ большими хлопотами, а что касается до дома готоваго, то, по свидѣтельству иностранцевъ, въ старое время у насть весьма распространень были обычай строить небольшіе дома въ однихъ мѣстахъ съ тѣмъ, чтобы перенести ихъ по рѣкамъ разобранными или совсѣмъ собранными въ другія мѣста, и

¹⁾ Vita S. Ottonis въ Acta SS. Болланѣстовъ, Іюля т. I, р. 400, см. также Исторію Балтійскихъ Славянъ Гильферінга, въ Полн. собр. сочин. т. I, стр. 12.

следовательно—Стефану стоило только купить подобный домъ въ Устюгѣ и привезти его съ собой на плотѣ въ Усть-Вымь. Запасъ принадлежностей для будущихъ храмовъ, которыми онъ надѣленъ былъ въ Москвѣ, долженъ быть составлять значительную кладь. Могъ онъ привести эту кладь съ собой же, взявъ въ семъ случаѣ для путешествія въ Усть-Вымь изъ Устюга значительныхъ размѣровъ судно, а могъ на время оставить и въ Устюгѣ.

Прибытіе Стефана въ Усть-Вымь, конечно, было такимъ событиемъ для его жителей, которое совсѣмъ опшеломило ихъ, ибо что могло быть болѣе неожиданнымъ, чѣмъ прїѣздъ человѣка для проповѣди повой вѣры? Опомнившись отъ страшной неожиданности, могли бы они этого человѣка, прїѣхавшаго къ нимъ проповѣдывать новую вѣру, честно и нечестно обратить вспять, не давая ему и высадиться на берегъ. Но человѣкъ этотъ былъ изъ Москвы и, вольные слушать его или не слушать, они не могли воспрепятствовать ему поселиться между ними...

Поселившись въ Усть-Вымь, Стефанъ усердно помолился Господу Богу о исполненіи Имъ своего благословенія на предпринимаемое дѣло и началь евангельскую проповѣдь къ Вырянамъ. Его ожидалъ успѣхъ полныи и сравнительно скорый, но не совершенію быстрый. На первыхъ порахъ вияли его проповѣди очень немногіе, а что касается до большинства, то оно оставалось глухо къ ней и старалось о томъ, какъ бы выпроводить отъ себя проповѣдника. Если бы Выряне были народомъ болѣе храбрымъ, то очень могло бы случиться, что, желая избавиться отъ настоятельной проповѣди Стефана, они наложили бы на него свои руки; но Выряне народъ очень не храбрый, они суть люди прямо трусливые: не отваживаясь наложить на Стефана своихъ руки изъ боязни, что жестоко отомстить за него страшная для нихъ Москва, они старались выжить его отъ себя фальшивыми, такъ сказать, страхованиеми: подъ предводительствомъ своихъ волхвовъ и кудесниковъ они собирались вокругъ его жилища, вооруженные кольями, и грозили убить его, они обкладывали его домикъ хворостомъ и соломой, грозясь скочь его живымъ (не отваживаясь наложить на Стефана своихъ руки Выряне сами сознавали свою трусость и курьёзно оправдывались въ ней передъ собою: «хитрый человѣкъ этотъ Стефанъ,— говорили они, никакъ первый не начнетъ боя, вотъ если бы начать, тогда бы мы показали ему себя», какъ будто можно было ожидать отъ Стефана, чтобы онъ зачѣмъ-то началь бой). Готовый потерпѣть за Христа и самую смерть, если бы то суждено было, Стефанъ несколько не смущался страхованиеми и отвѣчалъ на нихъ усideniemъ проповѣди.

Въ это первое время упорства Зырянъ оиъ имѣть досугъ, чтобы заниматься продолженіемъ своего перевода богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ.

Имѣвъ на первыхъ порахъ малый успѣхъ, но одушевляясь твердою надеждою на послѣдующіе болѣшіе успѣхи, Стефанъ построилъ въ Усть-Вымѣ, для немногихъ крещеныхъ имъ и съ цѣллю производить впечатлѣніе на некрещеныхъ, великолѣпную деревянную церковь во имя Благовѣщенія Богородицы, «яко сій ираѣникъ есть зачатоѣ вѣмъ праздникомъ великимъ Господнимъ и яко се есть начатокъ спасенію нашему»¹⁾. Матеріала для великолѣпной деревянной церкви было изобилие вокругъ Усть-Выма; по строили ее, конечно, не Зыряне, а плотники, выписанные изъ Россіи, изъ Устюга: великолѣпная церковь должна была обойтись болѣе или менѣе дорого, а это и даетъ знать, что Стефанъ щедро былъ надѣленъ въ Москвѣ между прочими и деньгами. Церковь была поставлена на холмѣ, и полагаютъ, что этотъ холмъ есть искусственный, насыпной: если такъ, то и насыпка холма могла стоять недешево. Въ Усть-Вымѣ быть другой холмъ, на которомъ стояла главная зырянская кумирня,—и на искусственномъ или на естественномъ холмѣ Стефанъ поставилъ церковь за тѣмъ, чтобы она такъ сказать явилась параллелью кумирнѣ,—чтобы, смотря на великолѣпную церковь и на кумирню, представлявшую собой зданіе вовсе не великолѣпное,—иѣчто, какъ должно думать, въ родѣ простаго, довольно большаго сараа, Зыряне предполагались этимъ смотрѣніемъ и этимъ сравненіемъ въ пользу христіанства. Выражаясь не совсѣмъ опредѣленно, Ешифаний какъ будто хочетъ сказать, что церковь освящена была торжественнымъ образомъ; если такъ, то нужно будетъ думать, что для освященія церкви былъ вызываемо духовенство изъ Устюга. Священникомъ построенной церкви Стефанъ сталъ самъ, чтецами и пѣвицами ея могли быть иѣкотория изъ крещеныхъ имъ и безъ дьяческаго посвященій; а что касается до діакона, то или посыпать оиъ для поставленія во діаконы одного изъ крещеныхъ имъ въ Москву, къ митрополиту, или же находить возможніемъ обходиться пока и безъ него.

Великолѣпная церковь, построенная Стефаномъ, производила на Зырянъ очень большое впечатлѣніе; самъ оиъ своею кротостію и сво-

¹⁾ Ешифаний: «Потщася заложити святую церковь Божію, юже украси всякимъ украшеньемъ, яко нєвѣту добру преукрашениу, юже сътвори высоку въ хорошу, юже устрон красну и добру, юже изнаряди чюдну вправду и дивну»... И. стр. 130. К. стр. 22.

имъ ласковымъ обращенiemъ съ ними успѣть пріобрѣсти ихъ полное расположение, и тѣмъ не менѣе они колебались послѣдовать его неустанныму приглашенію оставить свою ложную вѣру и принять истинную вѣру, которую проповѣдывалъ имъ онъ. Возвѣщаая язычникамъ обѣтъ единомъ истинномъ и живомъ Богѣ, сотворившемъ небо и землю, христіанскій проповѣдникъ доказывалъ имъ, что ихъ идолы суть простые и мертвые обрубки дерева и чурбани, въ которыхъ вовсе не обитаетъ никакихъ благотворящихъ или вредящихъ имъ боговъ, какъ это они изображали. Но умы неразвитыхъ людей убѣждаются только осознательными доказательствами: нужно было нагляднымъ образомъ показать имъ это, нужно было доказать имъ, что тщетна ихъ надежда, будто мнимые боги ихъ обладаютъ достаточнымъ могуществомъ, чтобы защитить себя отъ дерзкаго на нихъ посягателя, каковъ былъ онъ—христіанскій проповѣдникъ. Св. Стефанъ, подвергая опасности свою жизнь, рѣшился сдѣлать это чрезъ преданіе огню главной кумиринцы Усть-Вымской, которая была главной кумирницей и всей зырянскай земли. Улучшивъ время, когда въ кумирнице никого не было и когда она никѣмъ не была охранята, Стефанъ поджегъ ее. Прибѣжало разъяренные полхвы и кудесники бросились на него съ кольями и топорами, но отъ идоловъ и мнимыхъ боговъ остался одинъ пепель... Это минутное обращеніе всего множества боговъ въ ничто, при чемъ боги не тронули ни единаго волоса на головѣ дерзновеннаго, поднявшаго на нихъ руку, произвело на народъ потрясающее впечатлѣніе. На ипеницаѣ своей кумирни и какъ бы на ипеницаѣ самаго своего язычества жители Усть-Выма собрались на болыной сходь для рѣшенія вопроса: что имъ дѣлать. Горячая и настойчивая проповѣдь св. Стефана къ этому сходу убѣдила язычниковъ, что ихъ погибнувшіе боги дѣйствительно суть ничто и привела ихъ къ рѣшенію: принять единаго великаго и истиннаго Бога, который имъ проповѣдался. Такимъ образомъ началось крещеніе Зырянъ, какъ цѣлаго народа... Припоминается подобное дѣяніе, имѣвшее мѣсто за много времени до Стефана и сопровождавшееся такими же благими послѣдствіями. Креститель Нѣмцевъ архиепископъ Бонифаций (715—755) пашелъ въ странѣ Гессенцевъ посвященный Тору или богу грома и пользовавшійся величайшимъ общепароднымъ почитаніемъ старый дубъ. Чтобы показать язычникамъ ничтожность мнимаго бога, будто бы обитавшаго въ деревѣ, онъ срубилъ послѣднее собственнымъ руками, и когда народъ, съ уверенностью ожидавший жестокой казни ему отъ бога за его дерзновеніе, увидѣлъ, что онъ остался цѣль и невредимъ, то былъ такъ пораженъ

этимъ, что въ большинствѣ своемъ рѣшилъ креститься ¹⁾... Стефанъ крестилъ жителей Усть-Выма не такимъ образомъ, чтобы тотчасъ, какъ изъявили они желаніе креститься, вести ихъ къ рѣкѣ. Онъ по возможности приготовилъ ихъ къ принятію христіанства, заповѣдавъ имъ въ продолженіе извѣстнаго времени ходить къ церкви Божіей въ качествѣ оглашенныхъ и усердно учивъ ихъ въ это время истинамъ христіанской вѣры.

Крещеннымъ нужно было дать духовенство и устроить у нихъ надлежащимъ образомъ богослуженіе. Это и было непосредственнымъ дальнѣйшимъ дѣломъ Стефана. Изъ среды крещенныхъ онъ набралъ мужей, юношь и девятокъ, которые бы могли быть поставлены во священники и на прочія церковныя должности и началь учить ихъ чтенію по своей новоизобрѣтенной зырянскій азбукѣ и совершенію службъ по своимъ новопреведеннымъ зырянскимъ книгамъ. Тѣ изъ набранныхъ кандидатовъ, которые по своему возрасту тотчасъ же послѣ обученія могли быть поставлены во священники и на прочія церковныя должности, были посланы имъ въ Москву для посвященія. Въ тоже время онъ поставилъ въ Усть-Вымѣ еще двѣ церкви. Церкви эти, поставленныя именно на томъ холмѣ, на которомъ стояла сожженная кумирня, были во имя Николая чудотворца и архангела Михаила. Построеніе послѣдней церкви, но сохранившемуся преданію, соединено было со стороны Стефана съ однимъ дѣяніемъ, сходнымъ по смыслу и по цѣли съ сожженiemъ кумирни и представлявшимъ собою повтореніе дѣянія Бонифаціева. На холмѣ, близко или не близко отъ бывшей кумирни, стояла огромная береза или огромная ель, къ которой народъ имѣлъ великое благоговѣніе, какъ къ своего рода божеству (можетъ быть, принимая ее за обиталище какого-нибудь бога или многихъ боговъ). Священное дерево, къ которому никто не смѣлъ приступиться, Стефанъ срубилъ своими собственными руками и поставилъ церковь таѣ, чтобы пень дерева служилъ основаниемъ для ея престола ²⁾.

¹⁾ По увѣренію Бандтке въ Исторіи государства Польскаго, къ принятію христіанства Литовцамъ при Игайлѣ «паничесе содѣйствовало замѣчаніе (народа), что боги отшюдь не мстили тѣмъ, ков. по повелѣнію короля, угасили безпрестанно пылавшій въ Вильнѣ священный огонь, истребили божественныхъ змѣй и вырубили священныя рощи и дубы»,—русс. перев. т. II. стр. 3 нач..

²⁾ См. въ Ист. Iер. VI. 573. Преданіе, принимающее дерево за березу, говорить, что береза называлась прокудливой: «прокудливая береза»,—у архим. *Макарія* стр. 14. Прокудливый, отъ прокудить, значить: творящій бѣды, пагубный, зловредный (*λοιπεῖν, ретиціосус*). см. Словарь *Востокова* подъ сл. прокудливъ.

Народъ зырянскій въ лицѣ Усть-Вымінъ склонился къ рѣшенню принять христіанство имѣсто язычества, но были противъ этого рѣшеннія зырянскіе волхвы и кудесники. Эти послѣдніе употребляли всѣ свои усилия, чтобы отпрашивать народъ отъ Стефана и отъ его новой московской вѣры. Знаеменитѣйшимъ между кудесниками зырянскими, ихъ старѣйшиною и главою, былъ въ то время кудесникъ по имени Намъ¹⁾. Находясь въ возрастѣ дряхлой старости и имѣя жительство не въ Усть-Вымѣ, а довольно далеко отъ него²⁾, онъ, какъ кажется, сначала не принималъ участія въ борбѣ противъ Стефана, предоставивъ ее товарищамъ болѣе молодымъ. Но когда дѣло пришло такою серьѣзныю оборотъ, что отеческому язычеству начало грозить неминуемое падение, волхвы подняли выступить противъ Стефана и этого своего старѣйшину, представлявшаго послѣднюю ихъ надежду. Намъ прѣѣхалъ въ Усть-Вымъ и обратился, съ одной стороны, съ своими увѣщаніями къ крещеннымъ Зырянамъ, убѣждая ихъ позиратиться къ отеческой вѣрѣ, съ другой стороны—началь держать пренія съ Стефаномъ. Между крещенными оказалось было некоторое количество слабыхъ, которые вняли было увѣщаніямъ волхва, но здѣсь тотчасъ же поправилъ дѣло св. Стефанъ, противопоставивъ увѣщаніямъ Нама свои увѣщанія; что же касается до большинства, то оно, оставаясь твердымъ въ христіанствѣ, отвѣчало волхву, что Стефанъ доказалъничожество и бес силіе языческихъ боговъ³⁾. Въ преніяхъ съ Стефаномъ Намъ не сдался на до-

¹⁾ Намъ называется сотникомъ: «Намъ сотникъ». Это значитъ, что онъ былъ не только кудесникомъ, но и чиновникомъ (въ то время, о которомъ говорятъ, можетъ быть, уже заштатніемъ). Государственную власть у Зырянъ и Пермяковъ, равно какъ у восточныхъ соседей тѣхъ и другихъ Богуличей, составляли князья или кнізьки (князь въ старославянскомъ смыслѣ этого слова), подъ которыми были чиновники, называемые порусски сотниками, см. у Карамз., т. VI, 33 и прим. 461.

²⁾ По преданию, Намъ имѣлъ жительство въ селеніи Княжь-Погость, находящемся на рѣкѣ Вымѣ верстахъ въ 40 отъ Усть-Выма (бывшемъ, какъ полагаютъ, главнымъ жѣтомъ зырянского племени Вымичей). — у Надеждина въ Лексиконѣ Плюшара, XII, 230.

³⁾ На похвалѣ Нама, будто онъ напустилъ на Стефана своихъ многіхъ боговъ и будто боги устранили, прогоняли и сокрушали его, крещеніе Зыряне между прочимъ отвѣчали волхву: «безумный старый человѣкъ, что напрасно хвалишися на поганаго раба Божія! Этотъ Стефанъ уничтожилъ вашихъ боговъ и они не могли ему вредить: снявъ идолы съ главныхъ кумиrowъ, онъ отдалъ ихъ для поруганія идоловъ, своему слугѣ Матвѣйку и этотъ сѣжалъ изъ нихъ подставники и получи и нагавици и износилъ безъ всякаго вреда, а былъ нашего же рода—Пермани». — Епифаній въ II. стр. 139, col. 1, въ К. стр. 41.

воды и увѣщанія перваго, но само собою разумѣется, что и самъ въ свою очередь не одолѣть его. Для посрамлениія передъ народомъ христіанскаго проповѣдника и для дискредитированія такимъ образомъ его проповѣди, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для показанія превосходства своего и своей вѣры, престарѣлый волхвъ надумалъ хитрѣмъ образомъ прибѣгнуть къ такому же наглядному средству, съ помошью какого Стефанъ показалъничтожество языческихъ боговъ. Представляя себѣ Стефана такимъ же колдуноемъ, какимъ бытъ, т. е. минѣлъ себя самъ, Намъ спросилъ его: умѣеть ли онъ заговаривать огонь и воду, и получивъ въ отвѣтѣ, что не умѣеть и не учился этой хитрости, онъ сдѣлать Стефану публичный вызовъ: доказать, чья вѣра лучше и чьи боги сильнѣе, посредствомъ испытанія огнемъ и водой, именно—что пусть оба они пройдутъ сквозь пылающій огонь и пусть оба пройдутъ извѣстное пространство въ рѣкѣ подо льдомъ (отъ проруби до проруби). Разсчетъ у Намы былъ тотъ, что Стефанъ, не умѣя заговаривать огонь и воду и воображая умѣющими дѣлать это его—волхва, откажется отъ вызова и такимъ образомъ осрамитъ передъ народомъ себя и свою вѣру. Но онъ совершиенно обманулся въ разсчетѣ и хитро умыслившое имъ средство послужило только къ тому, чтобы его собственными руками нанесенъ бытъ окончательный ударъ язычеству. Въ твердомъ упованіи на чудодѣйственную и всесильную помощницу Божію св. Стефанъ не колеблясь принялъ вызовъ. Напали въ городѣ отдѣльно стояцій домъ (горѣніе котораго не причинило бы пожара), подожгли его, отворивъ предварительно его двери, и когда онъ разгорѣлся, Стефанъ взялъ за руку волхва, приглашая его войти внутрь, въ отворенія двери: но Намъ отказался. Привели къ рѣкѣ, сдѣлали во льду на извѣстномъ разстояніи двѣ проруби, съ тѣмъ, чтобы одною войти подъ ледъ, другою выйти, Стефанъ оиять настойчиво приглашать волхва ити въ Намъ рѣшительно опять отказался. Этотъ великий позоръ, которымъ покрылъ себя старѣйшина кудесниковъ, долженъ бытъ заградить уста и сихъ постѣдніихъ, такъ чтобы умолкли или стали безсильными всякия рѣчи противъ христіанства.

Когда была уничтожена въ Усть-Вымѣ главная языческо-зырянская кумирица, когда жители этого главнаго мѣста всей земли изъявили желаніе креститься; когда явились здѣсь три христіанскія церкви, такъ что столицю земли превратилось изъ языческаго въ христіанское: совершенная побѣда христіанства надъ язычествомъ въ зырянской землѣ была дѣломъ рѣшеннѣемъ и достигнутымъ. Усть-Вымѣ была для Вырицы головой, которой принадлежали думы за всю землю; какъ вездѣ и всегда было и какъ это и должно быть, что сдумала

сдѣлать голова, то необходимо и неизбѣжно должны были сдѣлать и все, кто признавалъ себя принадлежащимъ къ составу ея тѣла, ибо рѣшеніе головы было рѣшеніемъ за всѣхъ и имѣло быть обязательнымъ для всѣхъ. Послѣ крещенія Усть-Выма зирянской землѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ стремиться стать христіанкою въполномъ своемъ составѣ. Дѣйствительно такъ это и было: со всѣхъ горцовъ земли началъ стекаться къ Стефану въ Усть-Вымь народъ, ища отъ него научиться новой московской вѣрѣ, которую онъ водворилъ въ столичномъ ихъ мѣстѣ и требуя отъ него крещеній. Такимъ образомъ, послѣ водворенія Стефаномъ христіанства въ Усть-Вымѣ дѣло стало въ такое положеніе, что не столько онъ долженъ быть стараться, чтобы обратить народъ въ христіанство, сколько самъ народъ искалъ отъ него, чтобы онъ сдѣлать его христіанскимъ. Требовались однако личные путешествія Стефана по погостамъ и селеніямъ. Онъ долженъ быть ходить по однімъ и другимъ отчасти для того, чтобы крестить въ нихъ всѣхъ жителей (послѣ приходившихъ къ нему въ Усть-Вымь крестить и всѣхъ не приходившихъ), главинымъ же образомъ за тѣмъ, чтобы уничтожать въ нихъ мѣстныя кумирицы. Мы сказали, что св. Стефанъ, уничтоживъ въ Усть-Вымѣ главную кумирицу Зирянъ, нагляднымъ образомъ убѣдить ихъ въ томъ, что ихъ языческіе боги суть ничто; но это «ничто» не совсѣмъ точно. Оно должно быть понимаемо въ своемъ собственномъ смыслѣ (отсутствія существованія) только по отношенію къ немногимъ изъ народа, но отношенію же къ большинству послѣдняго оно должно быть понимаемо въ смыслѣ ничтожности (какъ качественнаго предиката къ существующему). Невозможно, чтобы языческій народъ, обращаемый въ христіанство, въ самомъ большинствѣ своемъ сразу призналъ своихъ языческихъ боговъ за дѣйствительное ничто; види, какъ проповѣдники христіанскіе съ совершеніемъ безнаказанностію истребляютъ боговъ, большинство народа, не переставая вѣрить въ нихъ существованіе, приходить къ убѣждению въ ихъ ничтожности въ сравненіи съ Богомъ христіанскимъ, силою котораго дѣйствуютъ проповѣдники, такъ что собственно принимаетъ послѣдняго не какъ Бога единаго, а какъ Бога высшаго, чѣмъ его боги. Не переставая вѣрить въ существованіе боговъ, большинство народа не перестаетъ вѣрить и въ то, что боги все таки суть боги,—что, хотя они ничтожны предъ могуществомъ Бога христіанскаго, но обладаютъ достаточнью силою, чтобы защищать себя отъ людей и мстить этимъ послѣднимъ въ случаѣ оскорблений. На этомъ основаніи большинство всякаго языческаго народа, обращеннаго въ христіанство, и послѣ обращенія не перестаетъ питать страхъ къ

своимъ прежнимъ богамъ и не дерзаетъ поднимать на нихъ свои собственныя руки, опасаясь ихъ мщения. Какъ бываетъ вообще съ язычниками, принимающими христианство, такъ это было и съ Зырянами. Жители ногостовъ и селений приходили къ Стефану въ Усть-Вымъ и просили у него крещенія; но, возвращаясь домой, они не дерзали поднимать своихъ рукъ на мѣстныя кумири своиихъ прежнихъ боговъ. Такимъ образомъ, св. Стефанъ долженъ былъ предпринимать путешествія по ногостамъ и селеніямъ, чтобы собственными руками уничтожать находившіяся въ нихъ мѣстныя кумири. Зыряне—язычники имѣли обыкновеніе дѣлать приносы богамъ изъ своихъ промысловыхъ добычъ и поэтому ихъ кумирицы были увѣнианы шкурами соболей, куницъ и лисицъ, и всякихъ другихъ нѣнныхъ звѣрей, которая, давая кумирицамъ видъ какъ бы мѣховыхъ магазиновъ, въ общемъ каждого мѣста составляли значительная цѣнности и которая во всякомъ случаѣ представляли собою обильный матеріалъ для лучшей мѣховой одежи. Продавая отнюдь кумирицы, св. Стефанъ истреблять въ этомъ огнѣ и все то, что въ нихъ находилось, и подобнымъ своимъ безкорыстіемъ возбуждалъ удивленіе въ народѣ.

Уничтожая кумири, св. Стефанъ приказывалъ рубить по ногостамъ и селеніямъ церкви и поставлять, т. е. собственно опредѣлять, къ нимъ священниковъ, насколько у него могло доставать приготовленаго запаса этихъ послѣднихъ.

Апостольская дѣятельность св. Стефана среди Зырянъ была чрезвычайно благоуспѣшина. Онъ отправился на проповѣдь къ нимъ въ 1378-мъ или 1379-мъ году, а къ 1383-му году, т. е. въ продолженіе четырехъ или пяти лѣтъ, онъ настолько успѣлъ утвердить и распространить между ними христианство, что въ семъ году у него явилась мысль отправиться въ Москву, чтобы просить новокрещенныхъ своего особаго епископа. Побужденіемъ для Стефана желать, чтобы новокрещенныхъ дань быть свой особый епископъ, по словамъ его жизнеописателя, было то, что до Москвы очень далеко отъ земли зырянской¹⁾ и что для послѣдней было бы очень затруднительно обращаться въ нее со всякими дѣлами и нуждами церковными. Должно предполагать, что у него были при этомъ и другія, не менѣе важныя, побужденія. Крещеніе Зырянъ, св. Стефанъ крестилъ не всю Пермь, а только часть ея; постѣ крещеній части оставалась еще собственная или такъ называемая Великая Пермь (нынѣшняя Пермская губернія); если бы не

¹⁾ Отъ Москвы до Яренска 1163 версты; а отъ Яренска до Усть-Вымъ стоятъ 85 верстъ.

дать странѣ своего особаго епископа, то распространеніе христіанства въ ней, не имѣя руководителя въ лицѣ этого епископа, могло бы остановиться на половинѣ, только на томъ, что сдѣлалъ самъ Стефанъ. Затѣмъ, если бы предоставить страну настырскому населенію только священниковъ и управлению архіерейскихъ чиновниковъ, не давъ ей собственнаго епископа, то один и другіе, не имѣя надъ собою непосредственнаго и близкаго надзора, могли бы вести дѣло такъ, что крещеніе опять возвратились бы къ своему старому изычеству. Въ Москвѣ просьба св. Стефана о дарованіи Зырянамъ своего особаго епископа была принята великимъ княземъ и митрополитомъ, которымъ былъ тогда Ниминъ, безъ всякихъ возраженій съ подиою благосклонностію, и въ епископы эти поставили самого св. Стефана. Жизнеописатель увѣряетъ, что не нашли никого болѣе достойнаго занять каѳедру епископскую, чѣмъ онъ; но съ совершеніемъ вѣроятностію слѣдуетъ думать, что вовсе не было и охотниковъ занять исключительную каѳедру, на которой ожидало человѣка какъ разъ противоположное тому, что на обыкновенныхъ каѳедрахъ,—не сладость сидѣнія съ возможностью устраниенія всякихъ горечей труда, а напротивъ одна горечь послѣдняго, безъ всякихъ сладостей первого¹⁾). Св. Стефанъ посвященъ былъ въ епископы зырянскіе или,—какъ онъ и преемники его назывались, пермскіе²⁾), митрополитомъ Ниминомъ въ началѣ 1383-го года (въ зимніе мѣсяцы Январь—Мартъ).

Возвратившись изъ Усть-Вымъ, имѣвши стать каѳедральнымъ городомъ новыхъ епископовъ, св. Стефанъ сдѣлалъ въ немъ своимъ каѳедральнымъ архіерейскимъ соборомъ первоостроенную въ ней церковь Благовѣщенія Богородицы, а для своего обитанія устроить больной монастырь при церкви архангела Михаила³⁾). Совершенію ничего не говорить жизнеописатель, какъ было обезпечено великимъ княземъ содержаніе новаго епископа или было ли оно какъ-нибудь имъ обезпечено. Слѣд-

¹⁾ Жизнеописатель Стефана, указывая на темную сторону нравовъ своего преемника, говорить о поставлении Стефана въ епископы: «не добивался владычества, ни вертѣлся, ни тщался, ни наскачивалъ, ни пакупался, ни насуливался посулы: не далъ бо никому же ничто же и не взялъ у него отъ поставленія никто же ничто же, ви дара, ни посуга, ни мзды». — И. стр. 148, col. 2. К. стр. 62 (подобное сему говорить Епифаній въ житіи преп. Сергія по поводу поставления его въ игумены,—литографич. изд. л. 105 бн.).

²⁾ Преемники Стефана послѣ того, какъ приступлено было къ крещенію въ собственной или Великой Перми, стали называться великонермскими.

³⁾ Ист. лер. VI. 572—573.

дѣнія, не знаемъ откуда заимствованныя, утверждаютъ, что великий князь отдалъ въ отчину новыхъ архіереевъ всю Усть-Вымскую волость съ ея богатыми пашнями и лугами, и что, кроме того, онъ предоставилъ имъ дань (?) съ прѣѣжавшихъ въ Пермь купцовъ и промышленниковъ, которая дотолѣ собиралась въ казну великокняжескую¹⁾. Изъ тѣхъ или другихъ источниковъ получалъ св. Стефанъ содержаніе свое изъ качествъ епископа, но жизнеописатель даетъ знать, что источники, хотя бы ихъ составляло и одно добровольное усердіе паствы, были не скучные. Похвальная иницелюбіе, страннолюбіе и гостелюбіе Стефана, онъ говорить: «коль краты многажды лодьями жита привозя отъ Вологды въ Пермь и сія вся истрошаше не на ино что еже на свой промыселъ, но точію на потребу странникамъ и приходящимъ и ищочимъ всѣмъ требующимъ»²⁾. Сиѣдѣнія говорятъ, что великий князь предоставилъ св. Стефану особенныхъ преимуществъ передъ прочими владѣлками и по управлѣнію епархіей и въ дѣлахъ судныхъ³⁾; но, къ сожалѣнію, не сообщаются, изъ чѣмъ именно состояли преимущества.

Въ санѣ епископа св. Стефана провелъ 14 лѣтъ жизни, съ 1383-го по 1396-й годъ. Во все это время онъ доканичивалъ дѣло обращенія Зырянъ въ христіанство и дѣло устроенія у нихъ христіанскої церкви: крестилъ остававшихся некрещенными, разыскивая такихъ по всей странѣ зырянской и во всѣхъ ея предѣлахъ⁴⁾, воздвигать по ногостямъ и селеніямъ храмы и приготавлять для нихъ священника и причетника въ качествѣ учителя (смотрителя надъ учительями) въ заведенному имъ при его каѳедрѣ съ сею цѣлью ученицѣ, устроить монастыри и собираясь въ нихъ монаховъ, доканичивать переводъ богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ⁵⁾. Такъ какъ мо-

¹⁾ *Архим. Макарій* въ Сказаніи, стр. 25 ін., со ссылкой на Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1850 года, № 6; относительно волости говорить тоже и авторъ Исторіи іерархіи,—VI, 572 нач..

²⁾ И. стр. 155, col. 1 нач., К. стр. 76.

³⁾ У *Макарія* ibid..

⁴⁾ Осталась некрещеною св. Стефаномъ та или другая часть Зырянъ, обитавшихъ въ Нечорской украинѣ. Эти некрещенные крещены были вскорѣ послѣ него монахами Троицкой Нечорской пустыни (Ист. Іер. V, 550), находившейся при впаденіи въ Нечору рѣки Мылвы (въ Вологодской губерніи, въ 380 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ города Усть-Сысольска).

⁵⁾ Зырянскія богослужебныя книги св. Стефана давно уже вышли у Зырянъ изъ употребленія, бывъ замѣнены славянскими. Непрѣдѣльно, случилось ли это по доброй волѣ Зырянъ, по мѣрѣ того, какъ распространялось между ними знаніе рус-

настыри представили собою важное средство поддержания и утверждения въ народѣ христіанства, то весьма вероятно думать, что св. Стефанъ старался обѣ устроеніи возможно большаго ихъ количества. Жизнеописатель подтверждаетъ это, когда говоритъ, что Стефанъ между прочимъ: «и монастыри наряжение и въ черныци постригаше и игумены имъ устроинше» и что «монастыри и богоомолья (при немъ въ зырянскій землѣ) чиняхуся»¹⁾. Постѣ каѳедральнаго монастыря при церкви архангела Михаила, о которомъ прямо говорить жизнеописатель²⁾, позднѣйшее преданіе называетъ какъ построенные св. Стефаномъ еще два монастыря: Ульяновскую Спасскую пустыню, находившуюся на рекѣ Вычегдѣ въ 165 верстахъ вверхъ отъ Усть-Сысольска (верстахъ въ 250-

скаго языка, или же путемъ принужденія; но такъ какъ теперь вовсе не существуетъ книгъ Стефановыхъ, то по самимъ книгамъ и нельзя решить, въ какомъ объемѣ сдѣланъ былъ Стефаномъ переводъ. Епифаній уверяетъ, что имъ переведены были богослужебныя книги на зырянскій языкъ въ полномъ ихъ объемѣ. О приготовленіи Стефаномъ первой серіи священниковъ изъ Зырянъ въ началѣ проповѣди онъ говоритъ: «и заповѣда учити грамоту: Часословецъ явѣ въ Осмогласникъ и Пѣснивца Давидова, но и вся прочая книги», — II. стр. 135 sub fin., К. стр. 34. О совершенніи службы у Зырянъ во время епископства Стефана Епифаній говоритъ: «и попове его пермскимъ языкомъ служаху обѣдню, заутреню же и вечерню, пермскою рѣчию пойху, и канонархи его по пермскимъ книгамъ канонархаша, и чтены чтиху пермскою бесѣдою, пѣвици же всяко пѣшие пермски возглашаху», — II. стр. 149 col. 1 нач., К. стр. 63. Въ прошломъ столѣтіи академикомъ Лепехинимъ найдены отрывки зырянской литургіи Иоанна Златоустаго, написанный славянскими буквами; они напечатаны Лепехинимъ въ его Дневныхъ запискахъ нутешествія по различнымъ провинціямъ россійского государства, — III, 242 (см. еще въ указанной выше статьѣ И. Д. Шестакова: «Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій», отдѣлъ 6-й, озаглавленный: «О дошедшіхъ до насъ древнихъ переводахъ богослужебныхъ книгъ на зырянскомъ и пермскомъ языкахъ», стр. 90 seqq.). Говоря о трудахъ Стефана еще до постановленія въ епископа, Епифаній пишетъ, что между прочимъ «дѣло ему бѣ: книги писаше, со русскихъ переводя на пермскія, но и съ греческихъ многажды на пермскія», — II. стр. 146 col. 2 fin.. К. стр. 58 sub fin.. Некая и загадочная рѣчь эта какъ будто даетъ знать, что Стефанъ переводилъ на пермскій языкъ не только богослужебныя книги, но и ученільныя, см. ниже.

¹⁾ II. стр. 149 col. 1. К. стр. 63.

²⁾ Жизнеописатель говоритъ глухо, что въ Усть-Вымѣ «создана бысть обитель южнаа, еже потому и епископъ его наречена бысть», не называя церкви, при которой создана была обитель. — II. стр. 130 col. 2, К. стр. 23 нач.. Что она создава была при церкви именемъ архангела Михаила, это известно помимо него, — Iст. бер. VI, 570 fin..

отъ Усть-Выми, упраздненную неизвестно когда до штатовъ 1764 г.¹⁾, и Стефановскую пустыню, находившуюся на рѣчкѣ Вотчинкѣ или Ожниѣ, впадающей справа въ Сысолу, въ 60 верстахъ отъ Усть-Сысольска, упраздненную около половины прошедшаго столѣтія; во второй пустынѣ, какъ увѣряютъ, до самаго конца ея существованія церковная служба была отчасти совершаема на зырянскомъ языке²⁾.

Обращая какой-нибудь народъ изъ язычества въ христіанство, невозможно достигнуть того, чтобы весь онъ тотчасъ же стать чисто и истинно христіанскимъ; напротивъ, всегда бываетъ такъ, что первое болѣе или менѣе продолжительное время послѣ обращенія большинство народа хромаетъ на десно и на лѣво, т. е. двоевѣрствуетъ, почитая новаго Бога, котораго принялъ, но продолжая почитать и старыхъ боговъ, которыхъ долженъ быть покинуть: это большинство обыкновенно не можетъ себѣ представить, чтобы одинъ только Богъ въ состояніи былъ управлять всѣмъ міромъ и чтобы одинъ только Онъ въ состояніи былъ заботиться о всѣхъ разнообразныхъ нуждахъ людей. Такъ это было и съ Зырянами. Св. Стефанъ зналъ эту болѣзнь своей настыни и подъ конецъ своей жизни сдѣлалъ попытку очистить или уврачевать ее отъ неї. Онъ созвать къ себѣ представителей народа и сказалъ имъ: «до сихъ поръ я обращался съ вами какъ съ младенцами въ вѣрѣ, теперь хочу испытать, пришли ли вы въ возрастъ мужей; покажите мнѣ отъ дѣль вашу вѣру, действительно ли вы крѣнко вѣрюете: кто хочетъ показать себя болѣе всѣхъ другихъ истиннымъ христіаниномъ и болѣе всѣхъ другихъ любящимъ меня, тотъ пусть найдетъ тайные (скрываемые) кумиры—у себя ли въ дому или у своего соѣда и гдѣ бы то ни было, пусть принесетъ ихъ въ народное собраніе и уничтожитъ своими руками,—кто сдѣлаетъ это, того я предъ всѣми объявлю моимъ другомъ, возблагодарю и одарю»³⁾. Это пѣкоторое «ухищреніе» св. Стефана, имѣвшее въ виду благо людей, сопровождалось, по увѣренію его жизнеописателя, самыми желаемыми послѣдовательными. Онъ пишетъ объ этомъ: «они же (Зыряне) то (заповѣдь епископа) слышавше, каждо ихъ тщащеся другъ предъ другомъ, дабы гдѣ увѣдати и изобрѣсти тающеся (тайный) кумиръ, дабы кто, варишь первѣ, показать свое тицаніе, и бяше видѣти тогда дивно промежу ими: аще бы кто и хотѣль, лицемѣруя о вѣрѣ, свой кумиръ постянти, но не можаше, сами бо къ себѣ съзирахуся, каждо бо блудя-

¹⁾ Ист. Еп. VI, 467.

²⁾ Ibid. VI, 328.

³⁾ Епифаній въ II. стр. 154 col. 2 нач., въ К. стр. 75 нач..

шеся, прежде даже подругъ его не обличить, но и клеветари (обличители) добры сами промежи собою быаху, быху бо свѣдуще другъ друга тайная, соѣди суще межи собою: и тацѣми випами наносѣдохъ истребиша домове ихъ и до конца очистиша отъ кумиръ, и быша свершени въ вѣрѣ и съ жениами и съ дѣтьми¹⁾.

Принимать, чтобы св. Стефанъ успѣхъ совершение очистить отъ кумироў весь крещеній народъ, иѣтъ сомнѣнія, было бы преувеличению, потому что это не бываетъ такъ скоро. Если мы дадимъ вѣру словамъ жизнеописателя, то ихъ нужно будетъ разумѣть о части народа, къ которой постоянно могло быть обращено учительное слово епископа и которая имѣетъ съ тѣмъ находилась подъ его постояннымъ ближайшимъ надзоромъ,—къ жителямъ самаго Усть-Выма и окрестныхъ погостовъ и селений. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ апостольское дѣло св. Стефана, состоявшее въ крещеніи цѣлаго народа, представляеть собою истинно замѣчательное дѣло.

Это дѣло его отличается весьма важною характеристическою чертой, которая придаетъ ему совсѣмъ особое значеніе и достоинство. Почти всѣ другіе древніго и стараго времени наши миссіонеры, трудившіеся надъ обращеніемъ въ христіанство инородцевъ, дѣйствовали при большемъ или меньшемъ покровительствѣ и при большей или меньшей помощи гражданской власти, такъ что дѣйствовали не только подъ охраною этой власти, но и при ея настоящемъ участіи. Св. Стефанъ выступилъ на свою проповѣдь Евангелія и совершаѣть ее безъ всякаго покровительства и безъ всякой помощи гражданской власти. Онъ отправился къ Зырянамъ обращать ихъ въ христіанство, надѣясь единственно на помощь Божію; онъ достигъ того, что заставилъ ихъ отказаться отъ язычества и принять христіанство, единственно силою убѣжденія, безъ всякихъ и безъ матѣйшаго участія принужденія. Вообще, какъ проповѣдникъ христіанства между язычниками, св. Стефанъ является передъ нами истиннымъ новымъ апостоломъ.

Быть крестителемъ Зырянъ и быть поставленъ въ ихъ епископы, св. Стефанъ изъ этомъ послѣднемъ званіи хотѣлъ быть не только духовными настыремъ своего народа, но, какъ выражается жизнеописатель, и его ходатаемъ, печальникомъ и промышленникомъ и въ житейскихъ его нуждахъ и дѣлахъ²⁾). Онъ ходатайствовалъ за него предъ великимъ бииземъ, ища устраненія злоупотреблений и притѣсненій во-

¹⁾ Ibidd..

²⁾ И. стр. 160 col. 1, К. стр. 87 нач..

взиманий съ него даней. Онъ старался отвратить грабительскіе на него набѣги новгородскихъ такъ называемыхъ ушкуйниковъ или флибустьеровъ, обращаясь къ симъ послѣднимъ съ своими увѣщаніями. При нападеніи на него другого инородческаго народа—Вогуличей онъ воодушевлялъ къ мужеству его воинскія рати и предводительствовалъ послѣдними съ оружіемъ креста въ рукахъ. Когда случался въ зырянской землѣ голодъ, онъ старался быть интателемъ народа, доставая хлѣбъ изъ пограничной Россіи¹⁾.

Кромѣ собственной и прямой дѣятельности, состоявшей въ просвѣщеніи Зырянъ христіанствомъ, есть основанія еще усвоять св. Стефану дѣятельность побочную, именно—поставлять его въ ряду нашихъ писателей и нашихъ переводчиковъ съ греческаго языка.

Сохранилось до настоящаго времени обличительное поученіе противъ Стригольниковъ, надъ которымъ читается надписаніе: «сіе списаніе отъ правила святыхъ апостоль и святыхъ отецъ дасть владыцѣ На(о)угородцкому Алексію Стефану владыка Перемышльскому на Стригольники»²⁾. Съ совершенною вѣроюностью предполагаютъ, что вместо Перемышльского должно читать Перемышльскій³⁾, т. е. Пермскій, и что подъ авторомъ списанія нужно разумѣть именно нашего св. Стефана. Въ 1386-мъ году онъѣздилъ въ Новгородъ, какъ нужно думать, за тѣмъ, чтобы искать обороны своей паствѣ отъ именитыхъ пами ушкуйниковъ: въ это время по просьбѣ архиепископа Новгородскаго онъѣздилъ и могъ напи-

¹⁾ Послѣднее жизнеописатель не прямо говоритъ, а только даетъ знать и при томъ не совсѣмъ ясно,—въ И. стр. 155 col. 1, въ К. стр. 76. Въ одномъ мѣстѣ житія Еніфаній даетъ знать, что были люди, которые находили въ Стефанѣ недостатки. Представляли пермскихъ людей плачущими по умершемъ своемъ крестителю—епископу и сѣтующими па то, что онъѣкопчался и погребенъ въ Москвѣ, жизнеописатель влагаетъ имъ въ уста уже приведенными нами выше слова: «не тако тебе москвичи почтуть, якоже мы, ни тако ублажать: знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвиша ти кидаху, отнюдоже итци и храниомъ тя зваху, не разумѣюще силы и благодати Божія, бываемы въ тѣбѣ и тобою», — въ И. стр. 161, col. 1, въ К. стр. 89. Къ чему относить это «хранъ», означающее человѣка, способного къ насилию, къ насильственнымъ захватамъ («нахрапомъ»), и насколько оно справедливо, остается неизвѣстнымъ.

²⁾ Въ иѣкоторой передѣлкѣ и съ усвоеніемъ патріарху константинопольскому Антонію напечатано въ Актахъ Историческихъ, т. I, № 6; въ подлинномъ видѣ съ сейчасъ приведенномъ вадисаніемъ въ Памятникахъ Павлова, № 25, col. 211.

³⁾ Отъ Перемъ—Пермъ: въ Новгородской 4-й лѣтописи подъ 1386-мъ годомъ имено: «Стефанъ владыка Перемышльскій».

сать свое поучение. О достоинствахъ поучения мы сказали выше. Мы возвратимся къ нему пѣсколько ниже, когда будемъ говорить о Стригольникахъ.

Что касается до дѣятельности Стефана, какъ переводчика съ греческаго языка, то имѣются иѣкоторыя основанія усвоять ему переводъ большого юридического (юридическо-правоучительнаго) сборника, известнаго подъ именемъ «Мѣрила праведнаго». Предисловіе къ Мѣрилу, имѣющее форму поученія къ великому князю (какъ должно думать, вмѣстѣ съ самимъ сборникомъ переведенное съ греческаго и только обращенное съ лица императора на лицо великаго князя) встрѣчается въ нашихъ рукописяхъ въ отдѣльномъ видѣ съ надписаниемъ, что оно есть посланіе Стефана къ великому князю Дмитрію Ивановичу¹⁾. Могло случиться, что предисловіе, бывъ написано изъ Мѣрила какъ отдѣльное поученіе, усвоено св. Стефану ошибочнымъ и несправедливымъ образомъ; но возможно и то, что оно написано съ тѣмъ самимъ надписаниемъ, какое имѣло въ пѣизвѣстныхъ намъ въ настоящее время спискахъ Мѣрила, и слѣдовательно—что согласно стоявшему въ иѣкоторыхъ спискахъ надписанию есть вѣроятность усвоить переводъ сборника св. Стефапу. Наше надписanie, заставляющее усвоить Стефану переводъ сборника, даетъ знать, что послѣдній совершилъ быть имъ не въ періодъ жизни, предшествовавшій отправлению на проповѣдь къ Зырянамъ, а въ періодъ проповѣдническій (постѣ Кулаковской побѣды надъ Мамаемъ великаго князя). Относительно представляющейся невѣроятности, чтобы въ этотъ второй періодъ своей жизни св. Стефанъ имѣть время заниматься переводами съ греческаго на славянскій, можетъ быть замѣчено, что онъ пребывалъ на каѳедрѣ епископской 14 лѣтъ, и что въ эти 14 лѣтъ дѣло просвѣщенія Зырянъ не находилось состояніе въ такомъ положеніи, чтобы онъ ни на минуту не могъ отъ него отрываться или чтобы во все время никакъ не могъ совмѣщать его съ другими дѣлами. Впрочемъ, само собою понятно, что此刻ъ сказанное только отстраняетъ возраженія противъ вѣроятности, вѣсколько не увеличивая ея самой (Пмѣемъ мы указанія на

¹⁾ Въ отдѣльномъ видѣ съ сего указаннымъ надписаниемъ предисловіе найдено Погодинскимъ въ одной рукописи XVI вѣка и въ русскомъ переводе напечатано имъ въ Москвитинѣ 1847-го года, ч. I. Материаловъ стр. 121. Не приведенное Погодинскимъ въ подлинномъ видѣ, надписаніе читается у него въ русскомъ переводе: «Стефана епископа Нермскаго отъ божественнаго Иисаія поучительное посланіе къ православному царю и великому князю Дмитрію Ивановичу всея Русіи, самодержцу и побѣдителю (потому что побѣдилъ онъ безбожнаго бесерменскаго царя ордынскаго»).

существование какого-то зырянского судебника¹), а съ другой стороны—имѣемъ свидѣтельство жизнеописателя св. Стефана, что онъ что-то такое переводилъ на зырянский языкъ съ греческаго²). Является на основаніи сего иѣкоторое побужденіе подозрѣвать: не было ли такъ, что св. Стефанъ одновременно переводилъ Мѣрило праведное на славянскій и на зырянскій языки. Иправда, что подозрѣніе весьма ослабляется вопросомъ: а на что Стефанъ считалъ бы нужнымъ для Зырань Мѣрило праведное? Но, будучи весьма ослабляемо, не отстращается однако совершеннымъ образомъ, ибо возможенъ и такой отвѣтъ, что считать нужнымъ почему-то намъ неизвѣстному и для насъ непонятному.—Что касается до показаний предисловія къ Мѣрилу праведному, читаемаго какъ предисловіе, то иль изѣбѣстныхъ въ настоящее время спискахъ Мѣрила имени переводчика не обозначено, а князь, къ которому адресовано предисловіе, въ однихъ спискахъ называется Дмитриемъ³), подъ которымъ должно разумѣть или Дмитрия Ивановича Донского или Дмитрия Александровича сына Невскаго (занимавшаго великокняжеский престолъ въ продолженіе 1276-1277-го и 1283-1292-го годовъ), въ другихъ—Михаиломъ⁴), подъ которымъ вѣроятно будетъ разумѣть или Михаила Ярославича или Михаила Александровича Тверскихъ (одъ которыхъ первый † 1318-го года, второй—1400-го года), въ третьихъ не называется по имени⁵).

Послѣ 14-лѣтияго пребыванія на каѳедрѣ епископской св. Стефанъ скончался 26-го Августа 1396-го года во время своего пребыванія въ Москвѣ, куда онъ прибылъ къ митр. Кириллу по нуждамъ церковнымъ. Въ Москвѣ онъ погребенъ въ придворномъ Спасскомъ монастырѣ (Спасъ на Бору⁶). Такъ какъ монастырь этотъ былъ усыпанъ

¹) У архим. Макарія въ Сказаніи, стр. 46, примѣч. 22, со ссылкой на Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1850-го года, № 22.

²) И. стр. 146 col. 2 бін., К. стр. 58: «со русскими (книгами) переводя на пермскую, но и съ греческими многажды на пермскій».

³) См. Роленкампфа Обсервіе Корячей, 1-го изд. стр. 265 первого счета. въ Калачева О значеніи Корячей.—въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. годъ 3, № 3, стр. 128.

⁴) У Калачева ibid..

⁵) Напр. въ ркн. фундамент. библіотеки Моск. Дух. Акад. № 187. Въ новгородскомъ Хутынскомъ монастырѣ въ XVII вѣкѣ хранился какой-то сборникъ Стефана Пермскаго, по сборникъ, имя составленный или переведенный, или же только имъ написанный,—остается неизвѣстнымъ (*Уніоно-Благовѣщенскіе* Описи книгъ степенныхъ монастырей, № 1886).

⁶) «Положиша его въ пресловущемъ градѣ Москвѣ, въ монастырѣ святаго Спаса, въ церкви каменной, входящемъ въ перковъ на лѣвой странѣ»,—Епифан..

ищею для московскихъ княгинь и для умиравшихъ въ Москвѣ князей, за исключениемъ самихъ великихъ князей, которые погребались въ церкви архангела Михаила, а умиравшиie въ Москвѣ архiereи обыкновенно погребались въ Чудовѣ монастыре св. Алексія; то на погребеніе св. Стефана въ придворной усыпальницѣ несомнѣнно должно смотрѣть какъ на знакъ особеннаго уваженія, которое хотѣть выразить знаменитому крестителю языческаго народа великий князь (Василій Дмитріевичъ, сынъ Донскаго¹). Торжественно и формально нашъ новый апостоль былъ причисленъ къ лицу святыхъ Макаріевскимъ соборомъ 1549-го года²).

Св. Стефанъ крестилъ одну половину народа пермскаго. Надъ крещенiemъ другой половины,—собственныхъ Пермяковъ, обитавшихъ въ нынѣшней губернii пермской, трудились его преемники на каѳедрѣ епископской, что и удалось имъ достигнуть въ продолженіе 65-ти лѣтъ послѣ него (окончательно крещена собственная Пермь четвертымъ преемникомъ св. Стефана Іоанномъ въ 1462-мъ году).

¹) Который, по словамъ Епифанія, во время болѣзни Стефана «въ самъ приложаше на постѣщеніе его».

²) Мощи св. Стефана почиваютъ въ Спасскомъ соборѣ подъ спудомъ.

МИТРОПОЛИТ КИПРИАНЪ.

Никоновская лѣтопись и Степенная книга, не совсѣмъ понятныиъ для насъ образомъ допускаю ошибку, называютъ митр. Киприана Сербиною¹). На самомъ дѣлѣ онъ былъ не Сербъ, а Болгаринъ. Его родиной былъ столпный городъ Болгаріи Териовъ; семейство, въ которомъ онъ родился, было знатное боярское семейство Цамблаковъ. Онъ былъ родной дядя по отцу извѣстнаго литовскаго митрополита Григорія Цамблака и, какъ принимаютъ, безъ достаточнаго вирочемъ основанія, родственникъ послѣднаго болгарскаго (териовскаго) патріарха Евсеемія²).

---

¹) Никоп. лѣт. V, 2, Степени. кн. I, 465 sub fin.. Можно было бы подумать, что лѣтопись и книга употребляютъ название Сербіи не въ собственномъ и точномъ смыслѣ Серба, а въ общемъ и неточномъ смыслѣ Славянинъ Балканскаго полуострова, такъ какъ во времена Киприановы Сербы во всѣхъ отношеніяхъ превосходили надъ Болгарами. Но Григорія Цамблака обѣ онъ называютъ не Сербіномъ, а Болгариномъ.

²) Что Киприанъ былъ дядя по отцу Григорія Цамблака, а слѣдовательно и самъ — Цамблакъ, и что онъ родился въ Териовѣ, см. познаніальноѣ (надгробное) слово Григорія Киприану (напечатано *прхим. Леополідомъ* въ I книгѣ Членій Общ. Ист. и Древн. 1872 го года; выдержки изъ него, что есть въ немъ историческаго, — въ статьѣ *A. В. Горскаго о мирѣ Фотіи*, напеч. въ Прибавл. къ творр. свѣ. отц.. ч. XI, стр. 28 прим., въ Описаніи сънод. ркнн. № 235, л. 236, стр. 139—140, и въ 15-й лекціи Шевырева по истории русской словесности. «Его же убо.—говорить Григорій о Киприанѣ, наше отечество извесе... братъ бѣаше нашему отцю»). О знатности семейства Цамблаковъ свидѣтельствуетъ сохранившійся до настоящаго времени болгарскій синодикъ недѣли православія, написанный въ XIV вѣкѣ, и извѣстный по первому государю, владѣшему его въ Болгаріи, подъ именемъ синодика царя Бориса, въ которомъ записанъ Цамблакъ, саномъ великий прихнікіръ, чтѣ по нашему естьoberъ-перемонимѣстерь двора и вмѣстѣ начальникъ государевой квартиры на войнѣ (синодикъ напечатанъ въ XXI книгѣ Временика Общ. Ист. и Древн. и не давно болѣе исправнѣмъ образомъ во II томѣ Извѣстій Русскаго Археологическаго Общества въ Константинополѣ). Имя не названнаго по имени Цамблакъ долженъ быть причисляемъ къ исключительно знаменитымъ людямъ, потому что по этой

Изъ времени жизни Киприана до его поступлія въ клиръ патріарха Константинопольскаго, въ качествѣ чиновника послѣдніго, како-вымъ онъ является въ нашей исторіи, намъ извѣстно, что онъ долгое или недолгое время монашествовалъ на Афонѣ¹⁾.

Не совсѣмъ понятно или лучше сказать—с совсѣмъ не понятно, какимъ образомъ Киприанъ, будучи родомъ не Грекъ, а Болгаринъ, могъ попасть въ чиновные клирики («клирошае») патріарха константинопольскаго. Такъ какъ патр. Филофей, при которомъ онъ является клирикомъ, былъ съ Афономъ (изъ настоятелей лавры св. Афанасія), то можно было бы предполагать, что онъ пріобрѣлъ расположение сего патріарха въ свое пребываніе на Афонѣ; но трудно допускать это по соображеніямъ времени²⁾. Другое, чтѣ можно указывать въ объясненіе

только причинѣ онъ могъ быть внесенъ въ синодикъ недѣли православія вмѣстѣ съ другими немногими боярами. Вѣроятно, онъ убыть былъ, пострадавъ такимъ образомъ за вѣру и отечество, въ однокъ изъ сраженій съ Турками). Свидѣтельство о родствѣ митр. Киприана съ патр. Евѳиміемъ думаютъ находить въ томъ же похвальномъ словѣ Григорія Цамблака митр. Киприану. Но принадлежащія за свидѣтельство словѣ Григорія весьма не ясны; разсказывая о посѣщеніи Киприаномъ Тернова во время его путешествія изъ Россіи въ Константинополь въ 1379-мъ году, Григорій говоритъ, что Киприанъ видѣлъ «своє отечество тако правимо, яко многымъ похвалилось достописно бише, *свою же* и великаго Евѳимія таковая кормленія держаша», и требуемое свидѣтельство хотѣтъ видѣть въ подчеркнутомъ иами словѣ: «своего же», которое понимаютъ въ томъ смыслѣ, что Григорій называетъ Евѳимія своимъ Киприаномъ. Между тѣмъ первый въ своемъ похвальномъ словѣ Евѳимію (напечатано въ Гласниѣ. XXXI, 258) не дѣлаетъ никакого намека на то, чтобы онъ самъ, а слѣдовательно—и его дада Киприанъ, былъ родственникомъ Евѳимія. Извѣстно посланіе Евѳимія къ Киприану, написанное въ то время, какъ послѣдній былъ монахомъ Афонскому (напечатано въ Христіанс. Чтен. 1882-го года за мѣсяцъ Іюль, стр. въ Опис. синод. ркни. № 208, л. 284 об., также въ статьѣ а. Л—да «Киприанъ до воз- шествія на московскую кафедру», помещенню во II книжѣ Чтеній Общ. Ист. въ Древи. за 1869-й годѣ); тонъ, какимъ преподаются въ посланіи наставленія Киприану, дасть видѣть въ Евѳиміи или его отца по монашеству или старшаго родственника по иаготи, но въ виду сейчасъ сказавшаго вѣроятнѣ разумѣть первое, чѣмъ второе.

¹⁾ Помянутое въ предыдущемъ примѣчаніи посланіе Евѳимія къ Киприану надписьывается: «Къ Киприану минуху, живущу въ святѣй горѣ Афонѣстей». Самъ Киприанъ въ посланіи къ игумену Афанасію говоритъ, что онъ былъ на Афонѣ, при чёмъ выражается такъ, что заставляетъ предполагать пребываніе недолговременное; дѣлая по одному поводу ссылку на монаховъ Святой горы, онъ прибавляетъ: «юже и самъ азъ видѣхъ», — Акт. Истор. т. I, № 253, стр. 480 col. 1 нач., и въ Памятни. Павлова col. 263.

²⁾ Филофей оставилъ Афонъ, чтобы занять кафедру митрополита Ираклійскаго (откуда онъ поставленъ былъ въ патріархи) не позднѣе 1350-го года, см. Аста

непонятного случая, есть то, что Киприанъ имѣлъ въ Константинопольѣ родственныхя влиятельныя связи. Между константинопольскими знатными боярами, такъ же какъ между терновскими, были Цамблаки ¹⁾). Можно думать, что тѣ и другіе Цамблаки представляли одну фамилію, раздѣлившуюся такимъ образомъ, что одна ея половина, которая нибудь, «отѣхала» на службу къ чужому двору, и что константинопольскіе Цамблаки, бывъ родственниками Киприана, и устроили его служебную карьеру, доставивъ ему мѣсто патріаршаго клирика или—что тоже—поставивъ его на дорогу къ архіерейству ²⁾).

Исторію Киприана отъ его прибытія въ Москву въ качествѣ патріаршаго апокрисіарія или посла при жизни св. Алексія и до его утверждения въ санѣ митрополита всея Россіи мы передали выше. Къ исторіи его побѣды надъ Ниминомъ можетъ быть прибавлено то, что есть вѣроятность подозрѣвать здѣсь тѣ же придворныя вліянія, о которыхъ мы сказали сейчасъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1387-го года Киприанъ, прожившій въ Константинопольѣ въ ожиданіи суда съ Ниминомъ, посланъ былъ императоромъ въ Литву по какому-то его государственному

Patriarchat. Constantinop. Miklošicha, I, 300. Но Киприану, который умеръ въ 1406-мъ году, не могло быть тогда болѣе 20 лѣтъ. Если онъ и могъ уже прийти тогда на Афонъ, то трудно допустить, чтобы менѣе чѣмъ 20-лѣтнимъ юношей онъ заставилъ Филофея составить о себѣ мнѣніе, какъ о человѣкѣ, способномъ и достойномъ занимать вышестоящія церковныя должности.

¹⁾ Io. Контаузинъ упоминаетъ подъ 1330 — 1352-мъ годами обѣ Арсенія Цамблакѣ (о Τσαμπλάκων), который занималъ придворную довѣренную должность, называвшуюся μέγας πατέρας и состоявшую въ охраненіи императорскаго дворца въ качествѣ его коменданта (μέγας πατέρας имѣлъ у себя ключа отъ воротъ города или ограды императорскаго дворца, отиравъ въ занираль изъ), — Lib. II, с. 22 и 27, Lib. III, с. 11 и 42, Lib. IV, с. 32. Въ греческомъ сатирическомъ сочиненіи началѣ XV вѣка: «Нутешествіе въ адъ Мазарі» (Ἐπειδηπα Μαζάρι ἐν ᾧδοι) упоминается извѣстный въ свое время кавалеръ Цамблакъ: Τσαμπλάκων ἔχενος ὁ καζζιλάριος, — у Боссонида въ Anecdota Graeca. III, 121. — Что касается до патріарха терновскаго Евѳимія, то не знаемъ, имѣлъ ли бы онъ охоту устраивать судьбу Киприана, но во всякомъ случаѣ должно думать, что самъ онъ поставленъ былъ въ патріархи не ранѣе или только весьма не много ранѣе того, какъ Киприанъ поставленъ былъ въ митрополата, см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, стр. 87.

²⁾ Въ качествѣ какого чиновника состоялъ Киприанъ при патр. Филофеѣ, остается памъ неизвѣстнымъ. Соборное дѣяніе 1389-го года говоритъ, что онъ посланъ былъ изъ Россіи патріархомъ какъ σίστης αὐτοῦ καθέδρυς, — въ Намятин-Павлова, № 33, col. 199.

дѣлу¹⁾). Можно думать, что Кирилла рекомендовали императору и устроили такъ, чтобы онъ оказалъ или попытался оказать послѣднему государственнюю услугу, его родственники, находившіеся при императорскомъ дворѣ.

Патр. Нилъ своимъ собориамъ опредѣлѣемъ, имѣвшимъ мѣсто въ концѣ 1387-го—въ началѣ 1388-го года провозгласить Иоимиа изложеннымъ съ каѳедры и объявить Кирилла законнымъ митрополитомъ всея Россіи. Но Кириллу нужно было достигнуть примиренія съ великимъ княземъ Дмитриемъ Ивановичемъ, и онъ послѣ этого опредѣленія не поспѣшилъ въ Москву, а оставался жить въ Константинопольѣ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1389-го года мѣсто умершаго Нила занять новыи патрархъ—Антоній. Этотъ послѣдній въ самомъ непроложительномъ времени послѣ вступленія на престоль, въ Февралѣ мѣсяцѣ того же 1389-го года, подтвердилъ соборное опредѣленіе Нила, объявлявшее изложеннымъ съ каѳедры Иоимиа и признавшее законнымъ митрополитомъ всея Россіи Кирилла. Мы не знаемъ, какого успѣха достичь Кирилль въ продолженіе года съ своею попыткой примириться съ великимъ княземъ. Но вскорѣ послѣ подтверждительнаго соборнаго опредѣленія патр. Антонія, 19-го Мая 1389-го года, скончался Дмитрий Ивановичъ Донской. Застигнувшись его мѣсто сынъ его Василій Дмитревичъ, подчиняясь собориамъ приговорамъ, изъявилъ желаніе принять Кирилла, и послѣдній прибылъ въ Москву, чтобы занять каѳедру митрополіи всея Россіи.

При отправлении Кирилла изъ Константинооля на Русь мы видимъ при немъ ростовскаго архіепископа (бывшаго симоновскаго игумена-архимандрита) Феодора. Это необходимо понимать такъ, что вел. кн. Василій Дмитревичъ по своемъ вступленіи на великокняжескій престоль послать въ Константинополь Феодора звать въ Москву Кирилла. Сохранился до настоящаго времени на славянскомъ языке замѣнныи вексель, который 8-го Сентября 1389-го года Кирилль и Феодоръ дали въ Константинополь ближнему человѣку императора, Николаю Нотарѣ діермипенту, въ тысячу новгородскихъ рублей²⁾. Эти

¹⁾ Соборная грамота о сень въ Намѣнникахъ *Навлова*, № 32, col. 189.

²⁾ Напечатанъ въ Акт. Ист., т. I, № 252, стр. 473. Въ самомъ текстѣ вексель или по нашему по старому кабала называется «тавуларьскою грамотою». Это значитъ: потаральныи актъ.—актъ, написанный у потаріуса (*Tabularium*—контра потаріуса). О Николаѣ Нотарѣ, который при имп. Юаніиѣ Налеологѣ (1341—1390) былъ діермипентомъ или переводчикомъ (dragomanомъ, см. *Duc. Gloss. Graec.* с. подъ сл. *διερμηπεντος*), а преемникомъ Іоанна Мациуломъ возведенъ въ великие діермипенты, см. у *Дуки* и у *Франтиши*.

тысяча рублей, какъ должно думать, были израсходованы на прощальныя подарки императору съ его саповниками и патріарху съ его чиновниками. А такъ какъ нельзя полагать, чтобы Феодоръ прибыть отъ великаго князя безъ денегъ, то на эту тысячу рублей нужно собственно смотрѣть какъ только на дополненіе къ нехватившимъ наличнымъ деньгамъ¹⁾. 1-го Октября 1389-го года Киприанъ отправился изъ Константиноополя въ Россію²⁾. Въ минуту отправлениіи, кроме Феодора ростовскаго, находились при немъ въ Константиноополѣ и потомъ возвратились вмѣстѣ съ нимъ еще два русскихъ епископа: Михаилъ смоленскій и Іона волынскій³⁾; Михаилъ сопровождать Иминина въ его постѣдніе путешествіе въ Константинополь и отъ митрополита, объявленному законнымъ; какъ и зачѣмъ иональ въ Константинополь епископъ волынскій, не видно, но вѣроятно, что онъ пришелъ Киприану деньги съ его литовской митрополіи⁴⁾. Патріархъ послалъ съ Киприаномъ въ качествѣ своихъ анонсіарievъ, имѣвшихъ водворить его на кафедрѣ, двухъ своихъ митрополитовъ (тѣхъ самыхъ—адріанопольского и ганскаго, которые приходили въ 1384—85-мъ году). По переплытіи Чернаго моря высадившись въ Бѣлгородѣ или инымишиемъ Аккерманѣ, куда прибыть былъ бурею⁵⁾, Киприанъ держалъ свой путь на Кіевъ. Изъ Кіева онъ отиравился въ Москву передъ величіемъ заговѣшіемъ 1390-го года (которое было 14-го Февраля) и прибылъ ипъ пеє сопровожденіи двухъ

¹⁾ О Феодорѣ лѣтонасіи говорять, что патр. Антоній далъ ему архіепископію.—Никон. лѣт. IV, 197, Воскр. въ Собр. лѣтт. VIII, 60. Это должно понимать такъ, что патріархъ подтвердилъ Феодору титулъ архіепископа, который прежде былъ данъ ему Имининомъ.

²⁾ Никон. лѣт. IV, 171.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Въ юлѣ мѣсяцѣ 1389-го года былъ поставленъ въ Константиноополѣ патріархомъ архіепископъ сузdalскій Евфросинъ (въ Намятни. № 34, col. 229), посланный изъ Россіи въ 1386-мъ году (Никон. лѣт. IV, 151 нач., Воскрес. лѣт. въ Собр. VIII, 50, а подъ Апрѣлемъ мѣсяцемъ 1389-го года онъ упоминается у Игнатія смоленскаго,—иъ Никон. лѣт. ibid. стр. 160 нач., какъ находящійся въ Россіи и какъ уже посвященный въ епископы, должно думать, по ошибочной интерполяціи Игнатія одинъ изъ его переничиковъ). Этотъ третій епископъ, поелику имѣлъ тяжбу съ митрополитомъ (изъ-за Ижіяяго Понгорода и Городца,—въ Намятни. ibid., см. ниже), вѣроятно, отправился отдельно отъ него и ранѣе его. При вѣздѣ митрополита въ Москву мы видимъ его въ числѣ епископовъ, встрѣчающихъ послѣдняго.

⁵⁾ Никон. лѣт. IV, 171 fin..

греческихъ митрополитовъ и шести русскихъ епископовъ (изъ которыхъ четыре, кромѣ Феодора ростовскаго и Михаила смоленскаго, или прибыли къ нему въ Кіевъ или выѣхали на дорогу), на середокрестной недѣлѣ великаго поста ¹⁾), бывъ торжественно встрѣченъ великимъ княземъ ²⁾.

Каѳедру митрополіи всея Россіи Кипріанъ занимать въ продолженіе 17-ти лѣтъ, съ 1390-го года по 1406-й годъ.

По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, тотчасъ послѣ его прибытія въ Москву явились къ нему всѣ епископы русскіе, чтобы формальнымъ образомъ выразить ему, что признаютъ его своимъ законнымъ митрополитомъ. Этотъ пріѣздъ всѣхъ епископовъ, добровольно ли явившихся или нарочно вызванныхъ митрополитомъ, долженъ быть имѣть смыслъ замирочнія постѣ предшествующихъ безпорядковъ и замѣнительствъ ³⁾.

Первымъ правительственнымъ дѣломъ Кипріана по занятіи имъ каѳедры было судь надъ тверскимъ епископомъ по требованію тверскаго великаго князя. Между тверскимъ великимъ княземъ Михайломъ Александровичемъ и тамоинимъ епископомъ Евоніемъ Висленѣмъ, поставленнымъ отъ св. Алексія въ 1374-мъ году, ⁴⁾ было нелюбіе, дотошедшее въ 1387-мъ году до такой степени, что князь не хотѣлъ терпѣть епископа на каѳедрѣ и этотъ принужденъ быть удалиться въ монастырь ⁵⁾. Въ самомъ непродолжительномъ временіи послѣ прибытія въ Москву, въ концѣ Іюня мѣсяца того же 1390-го года, митрополитъ,

¹⁾ Ibid. стр. 193.

²⁾ Великій князь вышелъ встрѣчать митрополита съ своимъ семействомъ, съ боярами и со всѣми жителями Москвы за 9-ть верстъ отъ города, къ селу Котлы (находящемуся на югъ отъ Москвы, на тульскомъ или серпуховскомъ шоссе). Никола Старый, у котораго Кипріанъ облекся въ святителевскій санъ или въ богослужебныи одѣжды, находился гдѣ-то за городомъ или на концѣ города въ сейчасть указаніемъ направлениій (и вовсе не есть пылѣній Никольскій монастырь, чтѣ на Никольской улицѣ, хотя въ этотъ назывался Николой Старымъ, а также по всей вѣроятности не есть въ пылѣній Никола въ Хліновѣ, какъ думаетъ авторъ Исторіи іерархіи,— VI, 323).

³⁾ Никон. лѣт. IV, 193 бі.: «тогда же вси епискуны рустіи пріїдоша къ Кипріану митрополиту на Москву, главлюще сице: се уже Кипріанъ митрополитъ всея Russie бысть».

⁴⁾ Это поставленіе замѣчательно тѣмъ, что на немъ присутствовалъ Кипріанъ въ качествѣ послы патріаршаго,— Никон. лѣт. IV, 40.

⁵⁾ Никон. лѣт. IV, 152.

по настоящему Михаила Александровича, предпринял путешествие въ Тверь, чтобы судить епископа, отъ которого князь имѣть рѣшительное желаніе избавиться. Митрополита сопровождали въ его путешествіи пришедши съ нимъ изъ Константиноополя митрополиты греческіе и двое епископовъ русскихъ (Михаилъ смоленскій и Стефанъ пермскій). Не совсѣмъ понятно, что митрополитъ самъ предпринялъ путешествие въ Тверь, а не вызвать наоборотъ епископа тверскаго въ Москву;ѣроятно думать, что поступилъ онъ такъ съ одной стороны—изъ желанія воспользоваться съ митрополитами греческими гостепріимствомъ и щедростью тверского князя, а съ другой стороны—по тому побужденію, что противъ епископа имѣли быть представлены обвиненія отъ многихъ лицъ изъ духовенства, бояръ и простыхъ мірянъ, такъ что многочисленныхъ свидѣтелей неудобно было вызывать въ Москву. Князь устроилъ митрополиту съ сопровождавшими послѣдняго греческими митрополитами и русскими епископами самую торжественную встречу: за 30-ть верстъ отъ Твери привѣтствовалъ его внукъ Михаилъ Александровича, за 20-ть верстъ—его старшій сынъ, а за 5-ть верстъ отъ города вышелъ навстрѣчу онъ самъ. Въ продолженіе трехъ дней были митрополиту съ его спутниками со стороны государя цирии великие и дары многіе. На четвертый день имѣть мѣсто судъ надъ епископомъ: во дворцѣ великаго князя состоялся церковно-мірской соборъ изъ духовныхъ судей подъ предѣдательствомъ митрополита и изъ мірскихъ судей, состоявшихъ изъ созванныхъ княземъ его бояръ, которыхъ онъ совокупилъ съ духовными судьями во едино мѣсто. Епископъ обвиняемъ быть въ матежѣ и раздорѣ церковномъ и на него представлены были чрезвычайно многія и чрезвычайно тяжкія обвиненія отъ архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ и монаховъ, отъ бояръ, вельможъ и отъ простыхъ людей. Епископъ не могъ оправдаться во изведеніяхъ на него обвиненіяхъ, и митрополитъ съ соборомъ духовныхъ, нащѣдъ послѣднія справедливыми и сдѣлавъ совершенно неудавшуюся попытку окончить судъ миромъ, приговорилъ извергнуть его изъ сана. На мѣсто Евонія, по просьбѣ князя, митрополитъ поставилъ въ епископы тверскіе своего протодіакона (архідіакона) Арсения. Къ сожалѣнію, остается для насъ вовсе неизвѣстнымъ, въ чёмъ именно былъ обвиняемъ и найденъ виновнымъ Евоній и чѣмъ онъ вооружилъ противъ себя князя и свою паству, ибо повѣствованія о судѣ надъ нимъ совершеннѣе не говорять ничего опредѣленнаго. Дается намъ только знать, что дѣло было какое-то совсѣмъ исключительное. Евоній быть обвиняемъ передъ митрополитомъ рѣшительно всѣми; обвиненія взводимы были на него до послѣдней степени тяж-

ея; вражда къ нему была самая крайняя и рѣшительно непримиримая: изъ этого слѣдуетъ, что мы должны представлять себѣ епископа человѣкомъ изъ ряда воинъ недостойныхъ. Но за симъ какъ будто скрывалось и еще что-то такое, причиною и виною чего былъ не епископъ: митрополичій протодіаконъ Арсеній, котораго великий князь изъявилъ желаніе видѣть на мѣстѣ Евонімія, согласился принять и занять каѳедру съ величайшою неохотой, такъ что едва поставили его, «видѣ бо—говорится въ повѣствованіяхъ о судѣ—тамо (въ Твери) брань и вражду многу и смутися и ужасесь..., боянебося вражды и многихъ браней»... Имѣя предъ собою случай исключительный, но остающійся для насъ совершение темы, мы можемъ только въ тысячный разъ выразить сѣтованіе на нашихъ историческихъ повѣствователей, что они или ничего не говорятъ о дѣлахъ церковныхъ или говорятъ такъ, что отъ рѣчей ихъ намъ немноже пользы, чѣмъ отъ молчанія.

(О судѣ Кипріана надъ епископомъ Евоніемъ мы имѣмъ два повѣствованія: одно читается въ Никоновской лѣтописи,—IV, 195 fin. sqq, другое въ отдѣльномъ видѣ,—найдено на вклеенномъ листѣ въ одну рукопись синодальной библіотеки и напечатано Карамзінимъ въ 232 прим. къ V т. и въ Описаніи синод. ркн. отд. III, ч. 1, стр. 312 (№ 387, между листами 277 и 278). Оба повѣствованія, повидимому, современны: часть ихъ рѣчей дословно сходна; судъ надъ епископомъ, въ одномъ повѣствованіи излагаемый иѣсколько короче, въ другомъ иѣсколько простирающіе, въ обоихъ представляется совершение одинаково: но онѣ разногласятъ между собою относительно хронологической и зиѣщне-фактической стороны дѣла. Повѣствование, читаемое въ отдѣльномъ видѣ, которому, какъ признаваемому за болѣе авторитетное, мы послѣдовали въ семъ отношеніи въ нашей передачѣ дѣла, говорить, что Кипріанъ отправился въ Тверь въ 1390-мъ году «съ Петрова дни»,—что на соборѣ, бывшемъ на четвертый день по прѣѣздѣ, онъ осудилъ Евонімія и что 24-го Іюля онъ поставилъ на его мѣсто Арсенія. Повѣствование, читаемое въ Никоновской лѣтописи, говорить о двухъ побѣздахъ Кипріана въ Тверь,—первой «съ великаго дни» 1391-го года, когда онъ низложилъ Евонімія, но не поставилъ Арсенія, и второй въ томъ же году, когда онъ поставилъ Арсенія 15-го Августа; о первой побѣздаѣ повѣствование говорить почти тѣми же словами, что повѣствование, читаемое отдѣльно, объ единственной и называетъ тѣхъ же спутниками митрополита, чтѣ послѣднее; спутниками митрополита во вторую побѣзду оно называетъ всѣхъ предшествующихъ, но къ нимъ прибавляетъ еще двухъ епископовъ (Даниила звенигородскаго и Еремію рязанскаго). Какъ объяснить и какъ при-

упрять разногласіе двухъ повѣствованій, остается для насъ недоумѣніемъ. Читаемое въ отдельномъ видѣ сказание говорить о судѣ надъ епископомъ: «И бысть на четвертый день (по пріѣздѣ Киприана въ Тверь) собрашася старцы и архимандриты и игумены и попове и дьяконы и весь священническій чинъ ко князю къ великому; они же созва свои бояре и съвокупи обои въ единомѣсто и посла къ митрополиту; они же начаша жаловатися о мяtekhi церковиѣмъ на Еуфимія епископа божія Твери града (нужно читать: епископа Твери, божія града), митрополит же совокупи съборъ и нача судити, и не обрѣтеся у Еуфимія правда въ устѣхъ его, якоже рече Давидъ: мужъ кривъ не преполовитъ дній своихъ; архимандриты и игумены и попове и бояре истягаша его во многихъ судѣхъ, митрополит же суди (его) по правиломъ святыхъ отецъ съборомъ и извергша его». Сказание, читаемое въ Пиконовской лѣтописи, о томъ же судѣ надъ епископомъ говорить: «На четвертый день собрашася архимандриты и игумены и презвитеры, діаконы и весь священническій и иноческій чинъ къ великому князю; они же созва бояре свои и совокупи обои въ единомѣсто и священнический соборъ и мірскихъ соборъ и посла къ Киприану митрополиту всея Русіи; они же начаша жаловатися на своего владыку Вислена тверскаго о мяtekhi и раздорѣ церковиѣмъ; Киприанъ же митрополит всея Русіи съ епископами, со всѣмъ священническимъ соборомъ и съ гостями съ митрополитами греческими, сяде на судище и нача судити по божественнымъ и священнымъ правиломъ святыхъ апостоль и святыхъ отецъ, и быша клеветы (т. е. обвиенія¹) многи на Еуфимія владыку тверскаго,—всі восташа пань, клевещуще (обвиенія), архимандриты и игумены и священница и бояре и вельможи и простії; Киприанъ же митрополит со всѣмъ священническимъ соборомъ суди по правиломъ святыхъ апостоль и святыхъ отецъ и повелѣ епископу пребывать просто кромѣ священническихъ, дондеже еще истязавъ размѣслигъ; князь же великий нача просити ишаго, Киприанъ же митрополит со всѣмъ священническимъ соборомъ отставшиа отъ епискупства Еуфимія владыку Вислена». Назначивъ въ епископы тверскіе, по просьбѣ Александра Михайловича, своего протодіакона Арсения, митрополитъ пытался было примирить князя съ прежнимъ епископомъ, но совершиенно не успѣлъ: «много же смиряше и въ любовь вводише великого

¹) Слово клевета въ древнее время употреблялось въ двухъ смыслахъ: въ смыслѣ обиды, какъ и ишагъ, и еще въ смыслѣ доноса обвиенія, срѣ Словарь Востокова. Изъ контекста ясно, что въ нашемъ мѣстѣ оно употребляется въ послѣднемъ смыслѣ.

князя со владыкою его Евениміемъ, и не бысть мира и любви, по начини вражда и брань велия воздвигашеся, также потомъ и ины многи клеветы (обвиненія) сотвориша на Евенимія владыку Виселія тяжки зѣло и неудобоносимы, и бысть вражда и брань лута зѣло, и о семъ много смутися Кипріанъ митрополитъ и не возможе вражды утолити и любви сотворити». Когда Кипріанъ пошель назадъ въ Москву, взявъ съ собою Евенимія, съ тѣмъ, чтобы помѣстить его на жительство въ свое мѣсто Чудовъ монастырь, то не остался въ Твери и Арсений, избраній былъ, но не посвященный въ епископы тверскіе, «боится владычества пріяти въ Твери, видя бо тамо брань и вражду многу и смутися и ужасесь». Во второй прѣздѣ свой въ Тверь, о которомъ говорится кратко, митрополитъ поставилъ Арсения въ епископы тверскіе, при чёмъ «едва умопиша (его) быти епископомъ, бояншя бо вражды и многихъ браней, и едва поегавши его епископомъ»).

Отъ своего предшественника Нимина Кипріанъ настѣдоватъ есorumъ съ Новгородцами, къ которой онъ и обратился тотчасъ послѣ тверскаго дѣла.

Въ великомъ постѣ 1385-го года, какъ сообщаютъ лѣтописи, Новгородцы собрали вѣче и на немъ учинили общее заклятіе, скрѣпленное крестнымъ цѣлованіемъ, въ томъ, что на будущее время не зваться имъ въ Москву на судъ къ митрополиту, но что судиться имъ у своего архіепископа, при чёмъ постановили, чтобы на судѣ у послѣдняго съ обѣихъ судящихся или тяжущихся сторонъ присутствовало по два боярина и по два житійныхъ мужа¹). Въ этомъ заклятіи Новгородцевъ дѣло шло о томъ, чтобы на будущее время не обращаться имъ отъ суда своего архіепископа съ апелляціонными жалобами къ суду митрополита. Въ древнее и старое время область юрисдикції нашихъ епископовъ, какъ мы говорили прежде²), была несравненно обширнѣе, нежели въ настоящее время, и именно—ихъ суду подлежали не только духовные въ качествѣ гражданъ по всемъ дѣламъ гражданскимъ и преступле-

¹⁾ Икон. лѣт. IV, 146, Новгор. 4-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 91, такъ называемая Ростовская лѣт. у Гарамз. V, прим. 106, стр. 36 бп.. Время точнымъ образомъ (второе воскресеніе великаго поста) означено въ Ростовской лѣтописи. Въ Никоповской и Новгородской лѣтописяхъ не совсѣмъ ясно, на чьемъ судѣ постановлено было присутствовать боярамъ и житійнымъ мужамъ—архіепископа ли или посадника и тысяцкаго, о которомъ также говорится тутъ. Но въ Ростовской лѣтописи ясно говорится, что—на судѣ архіепископа. Какъ это нужно понимать въ основаніи соображеній.

²⁾ I т. I-я полов., стр. 339 sqq.

піамъ уголовиимъ, за исключениемъ преступлений самыхъ тяжкихъ, но и міряне довольно по значительному количеству тѣхъ и другихъ дѣлъ и преступлений. Такъ, не обращаться съ апелляционными жалобами къ митрополиту на судь своего архиепископа по тѣмъ дѣламъ и тяжбамъ, по которымъ подлежали суду архиепископа, и учинили Новгородцы на яѣтѣ свой взаимный клятвенный договоръ¹⁾). Постановили они, чтобы на будущее время присутствовали на судѣ у архиепископа по два боярина и по два житіе мужа съ обѣихъ судищихся и тяжущихся сторонъ, какъ это очевидно, съ тою цѣлью, чтобы судь архиепископа, долженствовавшій быть на будущее время безапелляционнымъ, имѣть большую твердость и надежность и пользовался большимъ довѣріемъ. Истоціи не говорить, было ли договоръ или приговоръ дѣломъ однихъ мірянъ или вмѣстѣ и духовныхъ, но изъ дальнѣйшаго видно, что—какъ однихъ, такъ и другихъ. Относящіеся къ нашему дѣлу греческіе акты, о которыхъ скажемъ далѣе, дополняя наши лѣтописи, сообщаютъ намъ, что Новгородцы съ своимъ приговоромъ имѣли въ виду не только то, чтобы освободить себя отъ апелляционнаго суда митрополита, но и то, чтобы доставить своему архиепископу болѣе или менѣе значительную независимость отъ послѣдняго, чтобы пріобрѣсти своей церкви какъ бы своего рода или по крайней мѣрѣ до иѣкоторой степени самостоятельность: послы новгородскіе, ходивши по нашему дѣлу къ патріарху константинопольскому, говорили ему, какъ передаетъ онъ самъ въ одномъ изъ посланий къ нему (Новгородцамъ): *σύδεν θέλομεν, ιαχ χρινώμεθα εἰς τὸν μητροπολίτου, ἀμή δταν μηνύσῃ τὸν ἐπίσκοπόν μας, οὐδὲ ὑπάγῃ* (не хотимъ судиться у митрополита, ни того, чтобы когда онъ позоветъ къ себѣ нашего епископа, епископъ ходилъ къ нему²⁾); отъ себя патріархъ укоряетъ Новгородцевъ, что они не хотятъ судиться у митрополита и не хотятъ оказывать ему повиновенія по старому обычаю (*ὑποταγῇ ράπονέμεν κατὰ τοὺς ἀρχιεράτους συνῆ θεῖαν*³⁾).

¹⁾ Для иѣкоторыхъ ученыхъ составляетъ вопросъ: о какомъ судѣ вдетъ тутъ рѣчь. Но какому иному суду митрополита могли подлежать Новгородцы, кроме суда апелляционнаго? Относящіеся къ дѣлу греческіе акты ясно даютъ знать, что разумѣется судъ апелляціонный, ибо они употребляютъ о семъ судѣ выраженія *ἀναζητεῖσθαι*—пересужденіе, «пересудъ», *ἐκκαλέσθαι*—апеллировать.—въ Намятин. *Извѣстія* coll. 237, 241 нач. и 255 fin.. Митр. Фотій называетъ судъ судомъ посыпымъ,—ibid. col. 421 fin., что, очевидно, есть переводъ греческаго *ἄπονεμος*; *δίκη* (апелляціонный судъ).

²⁾ Въ Намятин. *Извѣстія* col. 255 sub fin..

³⁾ ibid. col. 237, также 241 нач.

По свидѣтельству греческихъ актовъ, Новгородцы постановили свой приговоръ велѣдствіе какихъ-то поводовъ, данныхъ имъ митр. Ниминомъ. Но можно думать, что дѣло было не въ однихъ неизвѣстныхъ поводахъ со стороны Нимина и что дѣйствительная исторія нашего случая начинается нѣсколько раньше. Въ 1346-мъ году митр. Феогностъ показаловалъ архіепископу новгородскому Василію крестаты ризы. Иѣточніи не говорять, сѣдалъ ли онъ это по собственной инициативѣ, но изъяненіе своего благоволенія къ архіепископу, или же по нарочитой просьбѣ и нарочитому исканію послѣдняго и Новгородцевъ; но гораздо вѣроятнѣе, что второе, и слѣдуетъ полагать, что чрезъ доставленіе своему владыкѣ нового отличія сверхъ титла архіепископа Новгородцы имѣли въ виду еще болѣе выдвинуть его изъ ряда прочихъ епископовъ и еще болѣе поставить его въ особое положеніе. Московскіе великие князья тотчасъ постѣ того, какъ въ лицѣ Ивана Даниловича Калиты сознали себя великими князьями—собирателями земли, заявили недвусмысленное желаніе подчинить своей власти Новгородъ¹⁾; естественно, что въ свою очередь и Новгородцы начали заботиться о томъ, чтобы отстоять себя отъ московскихъ великихъ князей. Успѣхъ сдѣлать митрополитовъ своими московскими, князья получили возможность дѣйствовать на Новгородѣ черезъ посредство власти митрополитовъ надъ его архіепископами; а поэтому и у Новгородцевъ естественно было явиться стремлѣнію позаботиться о томъ, чтобы поставить своихъ архіепископовъ въ возможно болѣшую независимость отъ митрополитовъ. И весьма вѣроятно думать, что они испросили у митр. Феогноста крестаты ризы архіепископу Василію съ тою цѣлью, чтобы на основаніи этого отличія усвоить своимъ архіепископамъ особыя права, признанія которыхъ можно было бы требовать отъ послѣдующихъ митрополитовъ (блѣлый клубокъ, составлявший отличіе новгородскихъ владыкъ и которому Новгородцы усвоили великое значеніе, быть производимъ ими также отъ архіепископа Василія; хотя это и неправда, какъ скажемъ ниже, но это показываетъ, что архіепископу Василію, получившему отъ митр. Феогноста крестаты ризы, усоялось имъ приобрѣтеніе особыхъ правъ²⁾). Преемникъ архіепископа Василія

¹⁾ См. 1-ю Новгородскую лѣтопись подъ 1332, 1333, 1337, 1339 и 1340 годами.

²⁾ Въ вѣкъ Феодора Вальсамона полиставріи были употребляемы только нѣкоторыми избранныйшиими изъ митрополитовъ (I т. 2-я полов., стр. 225), а въ вѣкъ Симеона Соловѣцкаго—всѣми архіерями (у Миня т. 155 р. 716); можетъ быть, въ вѣкъ митр. Феогноста и архіепископа Василія, занимающей середину, онъ составляли

Мосей, какъ мы говорили выше, посыпалъ въ 1353-мъ году къ императору и патріарху просить у нихъ «благословенія и исправленія о непотребныхъ вещахъ, приходящихъ съ насплѣмъ отъ митрополита». Вопреки показанію Никоновской лѣтоисц., очень вѣроятно думать, что тутъ дѣло не о проторяхъ на постановленіяхъ и не о церковныхъ пошлинахъ святительскихъ, а именно о крестатыхъ ризахъ. На пожалованіе этихъ ризъ митр. Феогностомъ архіепископу Василію Новгородцы смотрѣли какъ на ихъ пожалованіе всѣмъ послѣдующимъ новгородскимъ архіепископамъ однажды навсегда; между тѣмъ Феогностъ, даянъ ризы Василію, не хотѣлъ давать ихъ Мосею. Можетъ быть, митрополитъ не хотѣлъ дать послѣднему нашихъ ризъ потому, что этотъ не желалъ заплатить за нихъ требуемой имъ суммы; но возможно и то, что уже Василій съ крестатыми ризами измѣнилъ свое поведеніе по отношенію къ нему—митрополиту и что это было имъ замѣчено. Архіепископъ Мосей успѣлъ получить крестатые ризы отъ самого патріарха ¹⁾, и какъ онъ вѣль себя изъ нихъ по отношенію къ митрополиту, остается неизвѣстнымъ. Но его преемникъ съ 1359-го года Алексій, присвоивъ себѣ употребленіе этихъ ризъ самовольно, ибо патріархомъ онъ дани былъ Мосею также только личнымъ образомъ, вѣль себя въ нихъ по отношенію къ митр. Алексію тѣль, что этотъ въ 1369-70-хъ годахъ жаловался патріарху на его непочтение, неповиновеніе и неблагонопореніе (см. выше стр. 205). Такимъ образомъ, можетъ быть принимаемо за очень вѣроятное, что со временеми архіепископа Василія Новгородцы и ихъ владыки задались мыслию—первые поставить вторыхъ въ возможно болѣшую независимость отъ митрополиговъ, а вторые—стать въ таковую независимость, и что приговоръ 1385-го года не быть чѣмъ иибудь винзаниемъ, а именно окончательнымъ выражениемъ ихъ стремлений. Приговоривъ не обращаться къ

принадлежность епископовъ автокефальныхъ (архіепископовъ въ греческомъ смыслѣ слова) и, можетъ быть, Новгородцы и мечтали съ помощью крестатыхъ ризъ присвоить своимъ архіепископамъ автокефалию. Однако, крестатые ризы, данные Феогностомъ Василію, представляли собою не настоящий полиставрій или ризы сплошь украшенныя крестами, какъ можно было бы подумать само собой, вопреки тому, что ризы эти могъ дать лишь патріархъ, но, какъ ясно говорится въ греческихъ актахъ, ризы, украшенныя только четырьмя крестами (въ Нам. *Палл.* col. 55). А такимъ образомъ, если усвоить Новгородцамъ замышленіе присвоить своимъ архіепископамъ съ помощью ихъ крестатыхъ ризъ автокефалию, то должно думать, что они надѣялись замѣнить одинъ ризы другими.

¹⁾ Не полиставрій, а тѣже четырехкрестныя.—въ Намитин. *Палл.* col. 116.

аппелляционному суду митрополитовъ отъ суда своихъ архіепископовъ и предположивъ добиться отъ патріарха, чтобы митрополиты не имѣли права вызывать къ себѣ архіепископовъ, они хотѣли поставить послѣднихъ въ такое отношеніе къ первымъ, чтобы одни только получали посвященіе отъ другихъ и затѣмъ не звали ихъ.

Но до какой бы степени не простирались и какое бы значеніе не имѣли замыслы Новгородцевъ, во всякомъ случаѣ ихъ приговоръ не обращаться отъ суда своихъ архіепископовъ къ аппелляционному суду митрополитовъ долженствовалъ быть для постѣдніхъ до крайней степени неизрѣтимъ, ибо они весьма чувствительныи образомъ затрагивать ихъ денежные интересы. Судъ по дѣламъ гражданскимъ, подлежавшимъ юрисдикціи духовной власти, какъ это по дѣламъ, подлежавшимъ и самой власти гражданской, соединенъ былъ у насъ съ извѣстными денежными пошлиными; слѣдовательно—Новгородцы, постановивъ свой приговоръ, имѣть съ тѣмъ приговорили отнять у митрополитовъ судебная пошлина, которая они получали за свой судъ, а такъ какъ съ аппелляционного суда, вѣроятно, взимались двойная пошлина противъ суда обыкновеннаго, то несомнѣнно, что это было очень чувствительно. Но главное было и не въ этомъ. Ноэльмонгольскіе митрополиты наши производили свой судъ по аппелляціоннымъ жалобамъ къ нимъ если не изъ всѣхъ епархій,—вопросъ о чёмъ будемъ решать ниже, въ нарочитыхъ рѣчахъ о судѣ, то изъ епархіи новгородской особеннымъ образомъ. Для этой цѣли они не называли тяжущихся къ себѣ въ Москву, а сами отправлялись въ Новгородъ или, чтѣ большиню частью, посыпали въ него своихъ уполномоченныхъ, имѣвшихъ замѣнить ихъ въ качествѣ судей. Они приѣзжали въ Новгородъ, а главнымъ образомъ присыпали въ него своихъ уполномоченныхъ въ извѣстные опредѣленные сроки, именно—черезъ три года на четвертый, и такъ какъ сами или чрезъ уполномоченныхъ должны были судить въ продолженіе мѣсяца (судебная сессія), то ихъ аппелляціонный судъ извѣстенъ быть подъ именемъ суда мѣсячнаго¹⁾. Приѣзжая въ

¹⁾ При совершенномъ молчаніи нашихъ лѣтописей и нашихъ актовъ о томъ, чтобы для своего аппелляціонного суда митрополиты сами приѣзжали въ Новгородъ или присыпали своихъ уполномоченныхъ, обѣ этомъ необходимо было бы заключать—во-первыхъ, по аналогіи нашего суда митрополитовъ относительно Ногорода съ такимъ же судомъ новгородскихъ архіепископовъ относительно Некова (Нековскаго намѣстничества ихъ епархіи), который также назывался мѣсячнымъ и о которомъ мы имѣемъ извѣстій въ лѣтописяхъ и въ актахъ; во-вторыхъ, изъ того, что съ этимъ судомъ кромѣ пошлины собственно судебнаго соединенія были еще другія пошлины

Новгородъ для суда, митрополиты въ то же время какъ бы, а отчасти и на самомъ дѣлѣ, пріѣзжали для обозрѣнія епархіи: а за пріѣздъ въ этомъ послѣднемъ его смыслѣ они взимали поголовную дань со всего духовенства епархіи, называвшуюся подъѣздомъ. Хотя митрополиты наибольшою частью не сами пріѣзжали въ Новгородъ, а присыпали уполномоченныхъ, но дань все равно взималась и изъ этихъ послѣднихъ случаихъ или иначе сказать регулировалась взималась черезъ три года на четвертый¹). Къ сожалѣнію, мы вовсе не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, какіе размѣры имѣла подъѣздная дань митрополитамъ въ Новгородѣ и можемъ опредѣлить это только приблизительнымъ образомъ. Какъ митрополиты пріѣзжали для своего аппелляціонного мѣсячнаго суда въ Новгородѣ, такъ въ свою очередь архіепископы новгородскіе для того же суда по жалобамъ или аппелляціямъ къ нимъ на судъ ихъ псковскаго намѣстника (можетъ быть, и всѣ епископы по жалобамъ на судъ ихъ намѣстниковъ, жившихъ на намѣстничествахъ²), о чёмъ также ниже), пріѣзжали во Псковъ и подобно митрополитамъ взимали съ его духовенства свой подъѣздъ. Мы имѣемъ свѣдѣнія, какъ велика была подъѣздная пошлина или дань, взимавшаяся новгородскими архіепископами съ духовенства ихъ псковскаго намѣстничества спустя столѣтіе поѣтъ нашей скоры Новгородцевъ съ митрополитами, въ концѣ XIV—началѣ XV вѣка. Именно—въ концѣ XIV—началѣ XV вѣка, при архіепископѣ Гениадѣ (1484—1504), взималось на архіепископа поѣзда съ духовенства псковскаго намѣстничества въ

(Никон. аѣт. IV, 200), подъ которыми необходимо разумѣть тоже, что «подъѣздъ» новгородскихъ архіепископовъ во Псковѣ, состоявший въ поголовной дави со всего духовенства намѣстничества, а эти пошлины могли быть взимаемы только за пріѣздъ. Но въ греческихъ актахъ прямо и ясно говорится, что митрополиты или самиѣздили въ Новгородъ для суда или посыпали своихъ уполномоченныхъ,—въ Памятн. *Павлова* сол. 255 суб бп.—Что митрополитыѣздили или посыпали въ Новгородъ своихъ уполномоченныхъ черезъ три года на четвертый, объ этомъ заключаемъ отъ срока поѣзокъ для того же аппелляціонного суда архіепископовъ новгородскихъ во Псковъ.—Обстоятельно будемъ говорить о нашемъ судѣ во второй половинѣ тома: въ главѣ обѣ управлений.

¹⁾ Можно думать, что дань взималась—съ одной стороны за обозрѣніе (инвентаризаціе) епархіи, а съ другой стороны—за трудъ пріѣзда. Въ 1478-мъ году Новгородцы предлагали вел. кн. Ивану Васильевичу пріѣзжать къ нимъ для управы въ большихъ судныхъ дѣлахъ черезъ три года на четвертый и за это вымывались платить ему по тысяче рублей.—Софійск. Времени. *Строева*, II, 182.

²⁾ Ср. I т. I-ю полов.. стр. 329 сqq.

его пріѣзы во Исковѣ честь три года на четвертый для мѣсячнаго суда «со всякаго игумена и съ попа и съ діакона, съ городскихъ и сельскихъ, съ мѣстныхъ и немѣстныхъ (занимавшихъ мѣста и не занимавшихъ) съ пѣти (съ человѣка) по полтинѣ да по пятнадцати денегъ иль московское число (московскимъ счетомъ, московской монетой¹). Болѣе чѣмъ вѣроятно, что подъѣздная пошлина митрополитовъ въ Новгородѣ была выше, чѣмъ подъѣздная пошлина архіепископовъ повгородскихъ во Исковѣ; но если мы предположимъ, что она была не ниже, то предположимъ иѣчто такое, что должно быть принято за несомнѣнное. Въ дреіпое и старое время, какъ мы говорили прежде, у насъ было очень большое количество священниковъ,—несравненно болѣе, нежели въ настоящее время. Въ повгородской епархіи въ правлѣніе митрр. Нимина и Киприана священниковъ мѣстныхъ и не-мѣстныхъ было никакъ не менѣе, если только не гораздо болѣе, двухъ тысячъ. Если мы положимъ, что ихъ было двѣ тысячи и что на митрополитовъ было взимаемо тогда подъѣзда по полтинѣ съ человѣка, то получимъ тысячу рублей. А такимъ образомъ, мы получимъ тысячу рублей—то ли другое неизвѣстное, но во всякомъ случаѣ значительное, количество судебнаго пощлинъ. Но это было не все. Во времія мѣсячнаго пребыванія или проживанія митрополитовъ въ Новгородѣ для апелляціоннаго суда духовенство повгородской епархіи обязано было доставлять имъ съ ихъ свитами кормъ или содержаніе. Заключая отъ корма тѣхъ же епископовъ новгородскихъ во Исковѣ, должно думать, что они разечтантъ быть такимъ образомъ, что какъ будто у митрополитовъ должны были происходить ежедневный широкій пиръ, и что они находили за выгоднѣйшее, какъ это дѣлали архіепископы новгородскіе, поступать такимъ образомъ, чтобы, содержась обыкновеннымъ образомъ на собственій счетъ или также на даровой счетъ монастырей, братъ съ духовенствомъ вмѣсто корма натурою кормовая денъги²). Архіепископъ Геннадій братъ со исковскаго духовенства кормовыхъ денегъ 488 рублей московскихъ³). Если мы положимъ, что митрополиты брали этихъ денегъ съ повгородского духовенства пятьсотъ рублей,—а положить это, имѣя въ виду изѣбѣтіе повгородскаго лѣтописца, что въ 1341-мъ году отъ пріѣзда митр. Феогноста тѣжко

¹) См. грамоту царя Ивана Васильевича новгородскому архіепископу Никону отъ 1551-го года въ Исторіи княжества Исковскаго митр. Евгентія, ч. II, стр. 91.

²) Нѣсколько разъ встрѣчали мы указаніе, что обычай братъ вмѣсто корма натурою кормовия, во много разъ большія, деньги, есть обычай татарскій.

³) Въ той же грамотѣ Ивана Васильевича архіепископу Никону, ibid. стр. 92.

было кормомъ владыкъ и монастырямъ, имѣемъ право,—то получимъ полторы тысячи рублей+неизвѣстное количество судебныхъ пошлинъ. Кормовая пошлина, повидимому, могла быть взимаема только тогда, когда митрополиты сами приѣзжали въ Новгородъ; но какъ подѣздная дань была взимаема не только тогда, когда митрополиты приѣзжали сами, по и когда присыпали уполномоченныхъ, таѣтъ со всею вѣроятностью тоже самое слѣдуетъ думать и о нашей пошлины. Но и сейчасть указаніе пами еще не все. Приѣзжая въ Новгородъ, митрополиты, съ одной стороны, преподавали его гражданамъ свое высшее архиаистырское благословеніе и за это получали отъ гражданъ «поминки»; съ другой стороны—являли себя подчиненному духовенству, и духовенство, по существовавшему обычаю, должно было подносить имъ за сіе тѣ же поминки или дары; относительно же взиманія поминковъ и даровъ весьма вѣроятно думать то же самое, чтѣ относительно подѣздной дани и кормовыхъ пошлинъ, т.-е. что, бывъ превращены въ регулярную и опредѣленную подать, они взимаемы были не только когда приѣзжали митрополиты сами, но и когда присыпали уполномоченныхъ. Въ концѣ концовъ должно быть принято, что митрополиты получали съ Новгорода черезъ три года на четвертый своего такъ называемаго мѣсячнаго суда не менѣе двухъ тысячъ рублей. Для тогдашнія тысячи рублей на наши девяги—болѣе двухсотъ тысячъ рублей ассигнаціями. А это была такая сумма черезъ три года на четвертый, за которую митрополиты имѣли всѣ побужденія скорѣться съ Новгородцами, независимо отъ церковно—государственныхъ цѣлей, какія могли имѣть постѣдніе, постановляя свой приговоръ не обращаться къ ихъ апелляціонному суду.

О поводахъ, которые дали митр. Ниминъ Новгородцамъ постановить ихъ приговоръ, греческіе акты говорятъ весьма неопределенно, именно—оны говорятъ, что постѣдніе чѣмъ-то были облазнены и обижены отъ Нимина,—что оны постановили приговоръ изъ-за повода пустаго и неважнаго¹⁾.

Какъ мы сказали, Новгородцы постановили свой приговоръ въ великомъ постѣ 1385-го года. По извѣстію иѣкоторыхъ лѣтописей,

¹⁾ Διὸ ἐπεκανδάλισθαι, говорить патріархъ Новгородцамъ въ посланіи къ нимъ, εἰς τὸν κατέρον τῆς ἐπισκοπῆς τοῦ Πομφένος; ἐκεῖνος, и еще: εἴ τι γῶν καὶ ὄμοις παρὰ τοῦ Πομφένος ἡδυκείσθε; своему экзарху, посылаемому въ Россію, онъ поручаетъ передать Новгородцамъ объ его скорбѣ, что они отдалились отъ митрополита διὰ πεῖσμα ἔσχημον καὶ κακόν,—въ Памятн. Палладова col. 235 fin., 249 sub fin. и 285 sub fin..

митр. Илларионъ, собираясь идти въ Константинополь и следовательно—имѣя нужду въ деньгахъ, или непосредственно передъ постановлениемъ Новгородцами ихъ приговора или непосредственно вслѣдъ за симъ приходило было къ немъ въ Новгородъ, чтобы получить пошлины своего мѣсячного суда, и долженъ быть уѣхтиши съ чѣмъ¹⁾). Въ свое послѣдующее недолговременное пребываніе на кафедрѣ онъ не имѣлъ возможности вести съ Новгородцами борьбы изъ-за учрежденія послѣдними посвящательства на его митрополичьи права и пошлины. Въ Маѣ того же 1385-го года онъ отирайился въ Константинополь и оставался въ Греціи до Іюля 1388-го года; съ Іюля мѣсяца 1388-го года по Апрѣль 1389-го года онъ прожилъ въ Россіи, но въ это время его собственное положеніе было такъ нехорошо или говори точнѣе—совсѣмъ отчаянно, что ему вовсе было не до борьбы съ Новгородцами. Но провозглашеній постъ низложенія Иллариона митрополитомъ всея Россіи Киприанъ обратился съ своими заботами къ приговору Новгородцевъ, до такой степени посвящавшему на его митрополичьи денежнѣе интересы, тотчасъ послѣ того, какъ могъ признать себя действительнымъ митрополитомъ всея Россіи. Еще находясь въ Константинополѣ, передъ тѣмъ какъ отирайиться въ Россію, онъ писалъ у патр. Антонію, чтобы этотъ написать Новгородцамъ свою убѣдительную грамоту²⁾, которую тотчасъ по прибытіи въ Москву и отирайились въ Новгородъ³⁾). Освободившись отъ дѣла тверскаго, которымъ, по при-

¹⁾ Софійск. 1-я лѣт. подъ 1385-мъ годомъ, въ Собр. лѣтт. V, 239: «И Илларионъ митрополитъ пойде ко Царюграду на Новгородъ, и Новгородцы митрополиту не дади мѣсяца судити: того же лѣта пойде Илларионъ митрополитъ въ Царюградъ»; такъ называемая Архангелогородская лѣтопись, изданная въ Москвѣ, въ 1781-мъ году, подъ тѣмъ же годомъ, стр. 91: «Того же лѣта митрополитъ Илларионъ пойде въ Новгородъ великий о мѣсячномъ суду, и не даша ему Новгородцы» (далѣе говорится, что Илларионъ пришолъ на Русь изъ Царюграда, т. е. нужно, что онъ пошолъ изъ Руси изъ Царюграда). Новгородцы постановили свой приговоръ въ второе воскресенье великаго поста, которое въ 1385-мъ году было 19-го Февраля; Илларионъ отправился въ Константинополь 9-го Мая того же 1385-го года.

²⁾ Грамота эта, не дошедшая до насъ, по свидѣтельству напись лѣтописей, между прочими была подписана митрополитами адріанопольскимъ и ганскимъ (Ник. лѣт. IV, 195 fin., Воскрес. въ Собр. лѣтт. VIII, 61 нач., Соф. 1-я ibid. V, 244); а митрополиты адріанопольский и ганский прибыли съ Киприаномъ въ Россію въ качествѣ патріаршихъ экзарховъ, изъ чего видно, что грамота писана до отбытія Киприана изъ Константинополя; сѣя посланіе патріарха въ Новгородъ отъ 1393-го года въ Намятни. Павлова col. 235.

³⁾ Лѣтопись, указанная въ предыдущемъ примѣчаніи.

глашению тверского великаго князя, онъ долженъ бытъ заняться не-посредственно послѣ прибытія въ Москву, онъ тотчасъ же обратился къ дѣлу новгородскому. Такъ какъ грамота патріаршая не произвела на Новгородцевъ никакого дѣйствія, то съ цѣллю убѣдить ихъ, отказатьсь отъ постановленіаго ими приговора, въ Февралѣ 1392-го года Кипріанъ самъ предпринялъ путешествіе въ Новгородъ¹⁾). Новгородцы встрѣтили его съ подобающею почестю торжественностю и дали ему съ его свитой подворье; ²⁾ въ продолженіе полуторыхъ недѣль онъ совершилъ двѣ торжественные литургіи, а архіепископъ новгородской Иоаннъ и граждане сотворили ему ины миѳе и честили его дарами многими. Но когда въ недѣлю православія, приходившуюся въ 1392-мъ году 25-го Февраля, онъ совершилъ въ Софійскомъ соборѣ третью литургію и иослѣ литургіи началь просить у Новгородцевъ «суда своего мѣсяца», чтобы они дали ему судь и пошлины, какъ было при иныхъ митрополитахъ: но встрѣтилъ рѣшительный отказъ. Посадникъ и тысяцкій новгородскіе и всѣ граждане единогласно отвѣчали: «господине! о суду есмѧ крестъ цѣловали и грамоту синисали промежи себѣ крестную, что къ митрополиту не зватися»... («цѣловали есмѧ крестъ вси за единъ не зватися намъ къ митрополиту на судъ и митрополиту насть не судити, и грамоты есмѧ пописали и попечатали и душу запечатали»... ³⁾). Не достигнувъ ии малѣйшаго успѣха, митрополитъ въ страшномъ гнѣвѣ на Новгородцевъ уѣхалъ отъ нихъ на третій день иослѣ сего (пробывъ у нихъ двѣ недѣли съ половиною) и предать ихъ, со включеніемъ ихъ духовенства и ихъ архіепископа, церковному отлученію⁴⁾). Возвратившись въ Москву, Кипріанъ отправилъ пословъ въ Константинополь, ⁵⁾ жаловаться на Новгородцевъ патріарху. Въ свою очередь Новгородцы отправили собственныхъ пословъ въ Константи-

¹⁾ Время точнымъ образомъ (день прибытія въ Новгородъ—11-го Февраля) указывается въ Новгородской 4-й лѣтописи.—въ Собр. лѣтт. IV, 98. Въ Новгородской 1-й лѣтописи сказано: «зимой». Но Никоновск. лѣт., IV, 199 sub fin., Кипріанъ прошолъ въ Новгородъ изъ Твери.

²⁾ У Иоанна Предтечи на Чудищевой улицѣ.

³⁾ По увѣренію греческихъ актовъ, Новгородцы даже приговорили убивать или предавать смертной казни тѣхъ, которые бы захотѣли обращаться къ аппеляціонному суду митрополита,—въ Иамм. Павлова col. 241.

⁴⁾ Подробности въ Новгородской 4-й лѣтописи.—въ Собр. лѣтт. IV, 98 sub fin., и въ Никоновской лѣтописи, IV, 199 fin..

⁵⁾ Дмитрий, ассианина родомъ или Ассией прозвавіемъ (δ'Αθηνᾶς,—посланіе патріарха въ Новгородъ у Павлова col. 253, который въ нашихъ лѣтописяхъ

иополь¹), добиваться от патріарха признанія законности ихъ приговора вмѣстѣ съ предъяленіемъ нового требованія, чтобы митрополитъ не вызывать ихъ архіепискона къ себѣ въ Москву и вѣроятно хлопотать о томъ, чтобы они сняли съ нихъ отлученіе, наложенное митрополитомъ. Патріархъ написалъ два посланія въ Новгородь,—одно по выслушаніи посла митрополичьяго, другое по выслушаніи пословъ новгородскихъ, прибывшихъ вскорѣ послѣ перваго, и оба вмѣстѣ въ концѣ 1393-го года отправилъ въ Россію съ своимъ апокрисіаремъ, архіепискономъ виолеемскимъ Михаиломъ²). Патріархъ настоятельно убѣждалъ Новгородцевъ въ своихъ грамотахъ примириться съ митрополитомъ, и что касается до отлученія, то не только не снимаетъ его съ нихъ, но и пространно доказываетъ имъ всю его силу и дѣйствительность³). Очень можетъ быть, что грамоты патріарха не произвели бы на Новгородцевъ особаго дѣйствія; но прежде чѣмъ они были написаны, вмѣшался въ ссору митрополита съ ними великий князь Василий Дмитревичъ. Великий князь потребовалъ отъ нихъ, чтобы они при-

назывались бояриномъ Кипріана Дмитрікомъ,—Новгор. 4-я лѣт. подъ 1394-мъ годомъ, а въ актахъ—его боярпомъ Дмитріемъ Лопиневичемъ,—Акт. Пет. т. I. № 215 (послѣ онъ—бояринъ великаго князя,—Собр. госуд. грамм. и договв. I, № 39).

¹) Кюра Созонова и Василья Іщекина,—Новгор. 4-я лѣт. подъ 1392-мъ годомъ. Въ патріаршихъ грамотахъ первый посолъ называется Кирилломъ и Кирикомъ,—въ Намятин. *Павлова* coll. 255 и 257.

²) Обѣ грамоты и паказъ апокрисіарю въ Намятин. *Павлова* coll. 235, 253 и 253. Первая грамота отъ Сентября 1393-го года, вторая безъ даты, но она написана ранѣе 29-го Октября того же года, которымъ помѣченъ паказъ апокрисіарю и въ которомъ она уже упоминается. Первая грамота еще не была послана въ Россію, когда прибыли въ Константинополь послы новгородскіе, а потому обѣ грамоты и отправлены были вмѣстѣ. Апокрисіаревъ было послано собственно двое—архіеписконъ Михаиль и царскій чиновникъ Алексѣй Ларонъ. Въ паказѣ апокрисіарямъ замѣчательно то, что имъ настоятельнѣйшимъ образомъ предписывается отъ патріарха соблюдать между собою миръ и любовь, ничего не говорить и не дѣлать одному безъ другаго и ни подъ какимъ предлогомъ не вѣдѣться порознь съ великимъ княземъ и митрополитомъ. Это даетъ знать, что константинопольскіе послы имѣли обычай вести себя въ Россіи далеко не безъкоризненно и что, ставя на первомъ мѣстѣ свои личныя выгеды, они имѣли обычай править посольства такъ, какъ требовали эти послѣднія.

³) Въ нашихъ архивахъ записано, что патріархъ откачалъ посламъ новгородскимъ: «попинуйтесь митрополиту русскому,—Новгор. 4-я лѣт. подъ 1392-мъ годомъ».

слали ему крестоцѣловальную грамоту, въ которой записали не зваться на судъ къ митрополиту, обѣщаю, что митрополитъ сниметъ съ нихъ грѣхъ крестоцѣлованія; когда они отказали въ этомъ государю, въ великомъ постѣ 1393-го года¹⁾ онъ выслалъ противъ нихъ свое войско. У Новгородцевъ были захвачены пригороды Торжокъ, Волокъ, Ламскій и Вологда съ волостями и повоеваны многія волости; въ свою очередь они завладѣли у великаго князя пригородами: Кличеномъ (въ Ржевскомъ тогдашнемъ уѣздѣ²⁾), Устюжной и Великимъ Устюгомъ и многими волостями: съ обѣихъ сторонъ было много кровопролитія. Но потомъ Новгородцы, не желая, по словамъ новгородскихъ лѣтописей, видѣть большаго кровопролитія въ христіанахъ, т. е. какъ должно подразумѣвать—видя свое безсплѣ бороться съ великимъ княземъ, послали къ нему съ челобитьемъ о старинѣ и доставили ему свою крестоцѣловальную грамоту противъ митрополита. Великий князь заключилъ съ Новгородцами миръ, а митрополитъ разрешилъ ихъ отъ крестоцѣлованія, снявъ съ нихъ и церковное отлученіе, которое наложилъ было на нихъ³⁾; за это послѣднее Новгородцы поклонились князю и митрополиту царемъ въ полчетверта ста рублей⁴⁾.

Такимъ образомъ, при помощи оружія великаго князя митрополиту, новидимому, удалось одержать побѣду надъ Новгородцами; однако оказалось, что побѣда эта была только минима: желая заставить великаго князя прекратить войну и вмѣстѣ желая заставить митрополита снять наложенное имъ отлученіе, Новгородцы обманули ихъ притворнымъ смиреніемъ. Въ 1394-мъ году прибылъ въ Россію апокрисіарій

¹⁾ Точно время указано въ Новгор. 4-й лѣт..

²⁾ Карамзинъ и Неволинъ полагаютъ Кличенъ близъ Устюжны, но см. о немъ въ Собраниі государ. грамм. по Index'у (Семеновъ въ Словарѣ полагаетъ Кличенъ на островѣ озера Селигера Клячай).

³⁾ Грамота Кипріана Новгородцамъ, снимающая съ нихъ отлученіе, въ Собр. госуд. грамм.. II, № 13, стр. 14.

⁴⁾ Новгородскія лѣтописи 1-я и 4-я. По Никоновской лѣтописи IV, 253 sqq., Новгородцы послали митрополиту шестьсотъ рублей, а полчетверта ста рублей дали его боярину, который привезъ имъ отъ него прощеніе и благословеніе. Но относительно невѣроятно большаго подарка боярину за привоз радостныхъ всестѣ лѣтописи впадаетъ въ ошибку. Этотъ бояринъ былъ тотъ самый Дмитрій аѳанасіянинъ, который ходилъ отъ митрополита посломъ къ патріарху, и полчетверта ста рублей, которые дали ему Новгородцы (сверхъ такового же, по Новгородскимъ лѣтописямъ, количества рублей князю и митрополиту) были уплатой займа, сдѣланнаго у него въ Константинополѣ послами новгородскими: Новгор. 4-я лѣт. подъ 1394-мъ годомъ.

патріарха съ его грамотами и въ слѣдующемъ 1395-мъ году, въ великомъ постѣ, Кипріанъ отправился съ нимъ въ Новгородъ¹⁾; Новгородцы привили митрополита, какъ и въ первый разъ, съ великою честию, но въ мѣсячномъ судѣ и въ соединенныхъ съ нимъ пошлинахъ снова отказали. На этотъ разъ обстоятельства благопріятствовали твердой стойкости Новгородцевъ. За новый и какъ бы вѣроломный отказъ митрополитъ воспользовалъ противъ нихъ, что и естественно, еще болѣешимъ гиѣвомъ, чѣмъ прежде, и если бы былъ предоставленъ самому себѣ, то, нѣть сомнѣнія, тотчасъ же бы снова наложилъ на нихъ то отлученіе, которое только что снялъ; но какій-то неизвѣстныи намъ политическія причины, бывшія у великаго князя (приближеніе ли грознаго врага въ лицѣ Тамерлана или что другое) связали теперь въ этомъ отношеніи руки митрополиту. Не имѣя возможности дѣйствовать грозою гиѣва, онъ хотѣлъ достигнуть цѣли путеми мира: въ надеждѣ привлечь къ себѣ Новгородцевъ и примирить ихъ съ собою онъ остался въ Новгородѣ на долговременное житіе²⁾). Но и средства мирная оказались напрасными: посль долговременного житія въ Новгородѣ, митрополитъ долженъ былъ уѣхать ии съ чѣмъ, не успѣвъ добиться того, чтобы Новгородцы согласились возвратить ему мѣсячный судъ и соединенный съ посѣднимъ пошлины³⁾.

Сейчасъ изложеніемъ кончаются извѣстія о тиժбѣ Кипріана съ Новгородцами изъ-за мѣсячного суда, и лѣтописи оставляютъ насъ въ неизвѣстности касательно того, чѣмъ кончилось дѣло. Но изъ свидѣтельствъ, относящихся ко временіи преемника Кипріанова Фотія, мы знаемъ, что оно кончилось совершенней безусыпношью стараній митрополита. Постѣ 1395-го года Кипріанъ три раза вызывалъ къ себѣ въ Москву новгородскаго архіепископа Іоанна, именно—въ 1396-мъ, 1397-мъ и 1401-мъ году. О причинѣ первого вызова ничего не говорится; о причинѣ второго и третьаго вызова въ Новгородской 1-я лѣтопись глухо говорить, что они были «съ святительскихъ дѣлѣхъ»: со всею вѣрою можно стѣдѣть думать, что во всѣ три раза архіепископъ вызываемъ былъ митрополитомъ по поводу нашего мѣсячного суда. Вызванный въ посѣдний разъ, Іоаннъ былъ подвергнутъ соборному

¹⁾ Прибылъ въ Новгородъ за недѣлю до Вербницы.— Исковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 194.

²⁾ Митрополитъ приѣхалъ въ Новгородъ за недѣлю до Вербницы, а уѣхалъ изъ него въ Троицкую субботу: Исковск. 1-я лѣт..

³⁾ Новгородск. 1-я и Исковск. 1-я лѣтт. подъ 1395-мъ годомъ (Никон. лѣт., IV, 257, говорить неправду, будто Новгородцы дали митрополиту судъ по старинѣ).

суду семи епископовъ и, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, которая говоритъ о соборѣ ¹⁾), заставлена быть отписанье или отказаться отъ епископіи ²⁾). Однако, просидѣвъ въ Москвѣ 3 года и 4 мѣсяца, онъ снова возвращенъ былъ на каѳедру ³⁾.

Одновременно съ тѣмъ, какъ тягаться съ Новгородцами изъ-за мѣсячнаго суда, митр. Киприанъ имѣлъ тяжбу съ архіепископомъ сузdalскимъ за предѣлы епархіи, которая, можетъ быть, также была наследована имъ отъ предшественника, а можетъ быть—была поднята уже имъ самимъ и о которой, при совершенномъ молчаніи нашихъ лѣтописей, мы знаемъ единственно изъ актовъ греческихъ.

Мы сказали выше, что въ 1365-мъ году св. Алексій отиѣзжалъ у епископа сузdalскаго Алексія Нижній Новгородъ и Городецъ. Преемнику Алексіеву Діонисію, поставленному въ 1374-мъ году, онъ снова возвратилъ ихъ. Но занявший каѳедру митрополіи послѣ его смерти архимандритъ Михаилъ-Митяй, вѣроятно—вслѣдствіе своей ссоры съ Діонисіемъ, изъявилъ притязанія на наши города, и послѣдній въ бытность свою въ Константино-полѣ испросилъ на нихъ утвердительную грамоту у патріарха, юакъ на города, принадлежащіе къ сузdalскому уѣзду и къ его—сузdalской епархіи ⁴⁾). Въ 1386-мъ году, по слухамъ небытиности въ Москвѣ митр. Иимила, находившагося въ Константино-полѣ, посланъ былъ въ послѣдний разъ патріарху или, можетъ быть, къ самому митрополиту, для постановленія въ архіепископы сузdalскіе на мѣсто умершаго Діонисія, архимандритъ нижегородскаго Нечерскаго монастыря Евфросинъ. Этотъ Евфросинъ, поставленный въ архіепископы патріархомъ Антоніемъ въ Іюлѣ 1389-го года, въ виду ли того, что

¹⁾ IV, 301.

²⁾ О причинахъ осужденія Иоанна и вмѣстѣ съ нимъ епископа Луцкаго Саввы, также заставленного отказаться отъ епископіи и оставленного въ Москвѣ, лѣтопись глухо говоритъ: «бѣ бо на нихъ брань возложилъ Киприанъ митрополитъ за пѣкія венци святителѣскія, да не точю сами полезное и спасеное обрящутъ, но и инѣмъ полезное и спасеное будеть, иначто же бо тако сѣти демонскія разрушаетъ. яко же покореніе и смиреніе». Позднѣйшая такъ называемая Архангелогородская лѣтопись прямо говоритъ, что въ 1401-мъ году Иоаннъ былъ посаженъ въ Москвѣ въ заключеніе за мѣсячный судъ: «Киприанъ митрополитъ, по великаго князя слову, взадыку поималъ, да посадиъ за сторожи въ Чудовѣ монастырѣ за мѣсячный судъ, что не дали,—стр. 102 Ін..»

³⁾ Новгор. 1-я лѣт. подъ 1404-мъ годомъ.

⁴⁾ Съ записью о выдаче патріархомъ таковой же грамоты преемнику Діонисіеву Евфросину въ Наиятии. *Павлова*, № 34, col 229.

послѣ Михаила-Митрія изъявлялъ притязаніе на города и Німинъ или же вообще для крѣости и на всякий случай, испросилъ у патріарха такую же грамоту, какъ и его предшественникъ¹⁾. Какъ бы то ни было, по митр. Кипріану, отправившему въ 1392-мъ году къ патріарху своего послы съ жалобою на Новгородцевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ предъявилъ ему свой исѣкъ и относительно нашихъ городовъ противъ архиепископа сузdalского. Какъ доказывалъ митрополитъ патріарху свою претензію, это сообщается намъ въ посланіи патріарха къ архиепископу сузdalскому, отправленномъ съ апокрифаріями, посланными въ Россію въ концѣ 1393-го года (архиепископомъ виолеемскимъ Михаиломъ и царскимъ бояриномъ Алексіемъ Ларономъ). Сказавъ въ посланіи о грамотахъ, данныхъ Діонисію и ему самому—Евфросину, патріархъ продолжаетъ далѣе: «По теперь преосвященный митрополитъ кіевской и всея Россіи, пречестный (бѣртіос), во Святомъ Духѣ возлюбленный братъ нашей мѣрности и сослужитель, вмѣстѣ съ благородѣйшимъ и славѣйшимъ великимъ княземъ московскимъ и всея Россіи, во Святомъ Духѣ вождѣзгѣйшимъ сыномъ нашей мѣрности, кирѣ Василіемъ, написали и послали (намъ) съ возлюбленіемъ во Святомъ Духѣ сыномъ нашей мѣрности кирѣ Дмитріемъ аопианиномъ (грамоты) объ оныхъ городахъ и утверждаютъ, что несправедливо было начальное донесеніе твоего старца (предшественника Евфросина) Діонисія²⁾, будто (города) принадлежать сузdalской епархіи, но что они принадлежали митрополіи русской и издавна и изстари были владѣеми и завѣдуеми ею,—что старецъ твой (Діонисій) просилъ ихъ у митрополита всея Россіи, онаго кирѣ Алексія, чтобы владѣть ими екзаршески и дѣйствительно владѣть ими до самой смерти кирѣ Алексія,—что когда, умеръ кирѣ Алексій, а поставленіе другаго въ митрополиты по причинѣ пронесшихъ смутъ,—какъ знаешь и ты,—замедлилось, старецъ твой удержать оные города и найти благопріятными для себя обстоятельства здѣсь (въ Константиноопольѣ), такъ какъ не было общаго митрополита Россіи, по то быть одинъ, то другой, сдѣлать донесеніе (патріарху), сказавъ, что (города) принадлежать его епархіи, и получить (ихъ отъ патріарха)³⁾. Удовлетворилъ иску митрополита и вели-

¹⁾ См. указанную сейчасъ запись.

²⁾ О Діонисіи по отношенію къ Евфросину употребляется выраженіе *о хлѣбѣ-чубѣсъ зор.* *Хлѣбѣчубѣсъ* значить тутъ не монахъ, что не имѣло бы смысла, а старецъ, наставникъ, т. е. по монашеству, каковымъ былъ Діонисій въ отношеніи къ Евфросину.

³⁾ Въ Памятни. *Павловъ*, № 41, col. 277.

каго князя, патріархъ поручилъ своимъ апокрисіаріямъ произвести по-
вое дознаніе по дѣлу. Въ наказѣ, который данъ быть патріархомъ
апокрисіаріямъ, предписывается имъ относительно этого слѣдующее: они
должны потребовать отъ архієпископа данина ему и его предшествен-
нику царскія и патріаршія грамоты и смотрѣть въ грамотахъ; на ка-
кочь основаній города отданы имъ,—потому ли, что они претъявили
на нихъ свое право, называя ихъ своими изстаринными городами, или
потому, что они просили ихъ себѣ отъ митрополіи въ даръ; если
если первое, то архієпископъ долженъ доказать свое право изстарин-
ными актами, живыми свидѣтелями и вообще какимъ ни было обра-
зомъ, и если докажеть, то города пусть останутся за нимъ, а если не
докажеть, то должны быть возвращены митрополиту; если второе, то
города пусть пока остаются за архієпископомъ, а митрополиту предо-
ставляется право просить у императора и патріарха грамотъ, которыми
бы была уничтожена сила дарственныхъ грамотъ архієпископамъ¹⁾. Что
нашли апокрисіаріи и какъ рѣшено было ими дѣло, остается намъ не-
извѣстнымъ, потому что дальнѣйшихъ свѣдѣній не имѣмъ. Но со-
гласно ихъ рѣшенію или вопреки ему и тогда же или иѣсколько по-
слѣ города были присоединены къ кафедрѣ митрополіи²⁾. Такъ какъ
право на нихъ архієпископовъ сузdalскихъ было неоспоримо, а что
доносили относительно ихъ митрополитъ и великий князь было вовсе
несправедливо (такъ что Кирилль выступилъ передъ патріархомъ съ
доказательствомъ своей претензіи завѣдомо лживымъ³⁾): то очевидно,
что ихъ присоединеніе къ кафедрѣ митрополіи было актомъ простаго
грубаго насилия (что же касается до св. Алексія, то, какъ показывается
его поведеніе, онъ не хотѣлъ совсѣмъ отнять города у епископіи
сузdalской, а только отнять ихъ у епископа Алексія).

Судя другихъ северинихъ, вода собственныя тяжбы какъ митро-
политъ, Кирилль имѣть еще личную собственную брань. Ученикъ
Діонисія, архієпископа сузdalского, Евоній, основавший въ Суздалѣ
Спасекій монастырь (или—Спасо-Евоніевъ) не вѣръ звать, т. е.
не хотѣть признавать, его митрополитомъ, вѣроятно, за то, что онъ
захватилъ его—Евоніева учители въ Кіевѣ. Намъ, къ сожалѣнію не-
извѣстны подробности этой браны; но ирен. Іосифъ Волоколамскій,

¹⁾ Въ Намъ. *Инв.* № 42, col. 287; см. также посланіе патріарха къ Ев-
фросиніи.

²⁾ См. Акт. Ист. 1. I, № 37, стр. 70 (посланіе митр. Іоны отъ 11-го Марта
1433-го года въ нижегородскій Нечерскій монастырь).

но неизуи свои ссоры съ архіепископомъ новгородскимъ Серапіономъ, не одинъ разъ говоритьъ о ней, имѣя цѣлую сослаться на то, что Кирилль видѣть себя вынужденнымъ сю бить на Евномій челомъ вел. ки. Василию Дмитревичу¹⁾.

О церковно-правительственной дѣятельности Кирилла мы такъ же мало знаемъ и таъ же мало можемъ сказать, какъ и о дѣятельности почти всѣхъ его предшественниковъ. Кирилль принадлежалъ къ числу митрополитовъ исключительно долгоденствовавшихъ, ибо всего, считая съ посвященія, пребывалъ на кафедрѣ митрополіи цѣлыхъ 30-ть лѣтъ, но принадлежать ли онъ къ числу митрополитовъ исключительно или не исключительно право правившихъ, этого мы вовсе не знаемъ.

Въ своемъ посланіи къ преп. Сергію Радонежскому, писаниемъ по поводу неудачной поѣздки въ Москву послѣ смерти св. Алексія, на третій годъ пребыванія на кафедрѣ литовской, Кирилль похваляется, что онъ весьма заботливо приводить въ порядокъ разстроеннымъ дѣла митрополіи, т. е. литовской, и что не только онъ своимъ потруженіемъ церковное дѣло тамъ оправилъ и христіанство утвердилъ, но что и многихъ отъ язычниковъ Литовцевъ привелъ къ познанію истиннаго Бога и къ православной вѣрѣ святамъ крещеніемъ²⁾. Очень можетъ быть, что похвалившись Кирилль не хвастается; но во всякомъ случаѣ хвалебная рѣчи членыка самому себѣ не могутъ быть приняты за настоящее историческое свидѣтельство.

Существуетъ позднѣйшее свидѣтельство, что митр. Кирилль совершилъ новаи славянскій переводъ книги законовъ церковныхъ или Кормчей. Въ 1627-мъ году московскій Богоявленскій игуменъ Илія и книжный сиравицкій Григорій, ведше по приказанію патр. Филарета препіе съ Лаврентіемъ Визаніемъ обѣ его Катихизисъ, защищая авторитетъ Кормчей, употреблившися тогда на Москвѣ, говорили Лаврентію: «Кирилль, митрополитъ кіевскій и вся Русій, егда прииде изъ Константинограда на русскую митрополію, и тогда съ собою привезь правильныя книги христіанскаго закона, греческаго языка правила, и перевѣль на славянскій, и Божію милостью пребывають и до иныѣ безъ всякихъ смутовъ и прикладовъ (и) новыхъ вводовъ»³⁾. По спра-

¹⁾ Была брань Кириллу митрополиту съ игуменомъ Евноміемъ Спасскаго монастыря, чтѣ въ Суздалѣ, не вѣдѣль было звати Евномій Кирилла митрополитомъ».

²⁾ Въ Правосл. Собесѣди. 1860 г., ч. II, стр. 97, и въ Памяти. *Павлова*, № 20, col. 182.

³⁾ Иреніе въ Пѣтописяхъ русской литературы и древи. *Тихонравова*, т. 2, отд. 2, стр. 99.

ведливо думаютъ¹), что Илія и Григорій ошибались и что они принимали за Кипріановъ переводъ Кормчей только написанный Кипріаномъ списокъ послѣдней. Можетъ быть, этотъ списокъ еще сохранился въ ихъ время, а можетъ быть они основывались на свидѣтельствѣ Степенной книги, которая говоритъ, что въ великий московскій пожаръ 1547-го года митр. Макарій сохранилъ отъ огня между прочими книгу Божественныхъ правилъ, юже Кипріанъ митрополитъ изъ Цариграда пришель²). Кромѣ того, что не найдено никакихъ настоящихъ слѣдовъ Кипріанова перевода Кормчей, само по себѣ вовсе невѣроятно предполагать, чтобы онъ предпринялъ новый переводъ при существовавшихъ переводахъ, потому что онъ не могъ имѣть къ этому никакихъ побужденій. Если бы въ его время вошла у Грековъ въ употребленіе новая редакція Кормчей, отличная отъ тѣхъ (двухъ), которые были дотолѣ въ славянскомъ перевѣдѣ, тогда его новый переводъ былъ бы извѣстенъ; но этого не было, а потому и новый переводъ того, чтѣ уже давнѣо было переведено, не имѣть бы смысла. Что Кипріанъ собственноручно написалъ списокъ Кормчей и именно написалъ, находясь въ Константиноپольѣ, это вѣсЬма вѣроятно: мы имѣемъ свидѣтельства, что онъ любилъ заниматься писаниемъ книгъ³ и положительно знаемъ, что онъ занимался этимъ во время своего долговременнаго пребыванія въ Константиноپольѣ⁴). О недошедшемъ до насъ спискѣ Кипріана должно думать, что изъ двухъ редакцій Кормчей, существовавшихъ на славянскомъ языкѣ, онъ представлялъ ту редакцію, которая для Россіи была пріобрѣтена митр. Кирилломъ изъ Болгаріи въ 1262-мъ году и которая теперь извѣстна у насъ подъ именемъ редакціи Рязанской или Іоанновской, ибо эта редакція была тогда въ общемъ употребленіи у Болгаръ и Сербовъ, у которыхъ могъ братъ Кипріанъ оригиналъ для списыванія во время своего пребыванія въ Константиноپольѣ. Переводъ этой редакціи было дѣломъ св. Саввы сербскаго, и должно думать, что Кипріанъ позаботился пріобрѣсти отъ кого либо изъ сербскихъ епископовъ списокъ для списыванія по возможности исправный.

Мы сказали выше, что въ 1401-мъ году архиепископъ новгородскої Іоанпъ былъ осужденъ въ Москвѣ соборнымъ судомъ семи епископовъ. Вмѣстѣ съ Іоаникомъ былъ судимъ и осужденъ епископъ луц-

¹) А. В. Горскій въ статьѣ о Кипріанѣ и прособ. Макарій въ Исторіи.

²) II, 248.

³) Никон. лѣт. V, 2 ліп., и Степ. кни. I, 558.

⁴) Въ 1386—87-мъ году онъ написалъ въ Константиноپольѣ Лѣствицу Іоанна Лѣствиичника, находящуюся теперь въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи.

кій Савва, который также долженъ быть отписанъ отъ епископіи и также быть задержанъ въ Москвѣ. За что осужденъ былъ Савва, остается неизвѣстнымъ. Абтоніе Никоновская, въ которой читается о соборѣ, предсталяетъ дѣло такъ, что какъ будто оба епископа были обвиняемы въ одномъ и томъ же. О причинѣ осужденія Саввы вмѣеть съ Иоаникомъ абтоніе говорить глухо: «бѣ бо на нихъ брань возложилъ Кипріанъ митрополитъ за иѣхъ вещи святительскія, да не точю сами полезное и спасеное обрящутъ, но и иѣхъ полезное и спасеное будетъ, ничто же бо тако сѣти демонскія разрушаетъ, якоже покореніе и смиреніе¹»).

Сохранились до настоящаго времени двѣ грамоты вел. кн. Василия Дмитріевича, данныхя имъ митр. Кипріану, изъ которыхъ подлинность одной вирочить не безспорна и изъ которыхъ великий князь—съ одной стороны подтверждаетъ митрополиту его церковно-судебныя и вотчинно-владѣльческія права, а съ другой стороны подтверждаетъ или, можетъ быть, и вновь постановляетъ ограниченія его церковно-правительственныхъ правъ и его вотчинныхъ обязательства по отношенію къ государству.

Одною изъ грамотъ великій князь подтверждаетъ митрополиту такъ называемые уставы Владимира и Ярослава. Вотъ эта необширная по объему грамота изъ полномъ видѣ и слово въ слово: «Се язъ князь великий Василій Дмитріевичъ всея Руси, сѣдь съ своимъ отцомъ съ Кипріаномъ митрополитомъ кіевскимъ и всея Руси, управлять есмь по старинѣ о судѣхъ о церковныхъ, изиашедъ (вар. «въземиенъ» т.-е. памъ) старый номокаонъ, какъ управлять прадѣдъ мой, святый князь великий Володимерь, и сынъ его, князь великий Ярославъ всея Руси; какъ управляли они, сѣдь съ митрополиты, о судѣхъ церковныхъ и списали номокаонъ по греческому номокаону, что суды церковныя и вся оправданія церковная, какъ пошло издавна: по тому же и мы именѣча управляли, оже бы то неподвижно было, никогда напередъ вирокъ (въ прочее, въ будущее время) ни умножити бы, ни умалити, но тако бы то и стояло неподвижно, какъ тѣ великии святіи князи вписали и укрѣпили²). Карамзинъ, впервые нашедший списокъ грамоты, сомнѣ-

¹) IV, 301.

²) Карамзинъ нашелъ списокъ грамоты въ новомъ, неизвѣстнаго времени, аѣтоницѣ, доставленномъ ему какимъ-то Горюшкинымъ и напечаталъ его въ 233-мъ примѣрѣ, въ V тому; изъ Карамзина перепечаталъ списокъ митр. Евгений въ Описиї Кіево-Софійскаго собора, прибавл., стр. 39. Теперь известны еще два списка,— находящіеся въ Румянцевской Керченской начала XVI в.—у Восток. № 232, стр. 296,

вался въ ея подлинности¹⁾). Но если сомнѣнія, имъ высказанныя, не могутъ быть признаны основательными²⁾, то вмѣсто его поводовъ къ сомнѣніямъ могутъ быть указаны новые. Въ извѣстныхъ въ настоящее время спискахъ грамоты³⁾ пытается принести, что она списана изъ великаго и стараго помоека на Москвѣ въ лѣто 6911, индикта 11, Ноября въ 19-ii день, т. е. 19-го Ноября 1402-го года. Защитники подлинности грамоты⁴⁾ понимаютъ принести такимъ образомъ, что одинъ изъ позднѣйшихъ ищесовъ выписалъ ее изъ помоекона, написанного на Москвѣ въ 1402-мъ году; но прямой смыслъ принести тѣть, что ищесъ 1402-го года выписалъ ее изъ великаго и стараго помоекона. Если принимать этотъ послѣдній смыслъ, то принести будеть очевидно поддельною, ибо для ищеса 1402-го года помоеконъ времени Кирилана не могъ быть старымъ помоекономъ. Соглашаясь принимать грамоту за подлинную, не должно понимать дѣла такимъ образомъ, чтобы великий князь въ собственномъ смыслѣ подтвердилъ митрополиту уставы Владимира и Ярослава. Уставы эти никогда не сходились вполнѣ съ существующею дѣйствительностью; по послѣ того какъ они явились, начало быть принимаемо, что вообще дѣйствительность всякаго даннаго времени основывается на нихъ. Поэтому, подтвержденіе вел. кн. Василемъ Димитріевичемъ митр. Кирилану уставами Владимира и Ярослава, если только оно дѣйствительно имѣло мѣсто, должно быть понимаемо такъ, что оно подтвердило митрополиту ту область и то пространство церковнаго суда, какая послѣдній имѣль въ его время, или иначе сказать, что великий князь подтвердилъ митрополиту на будущее время *statu quo* въ семъ отношеній.

Другой грамотой великаго князя митрополиту подтверждаются вотчинно-владѣльческія права и вмѣсть обязательства послѣднаго, по-

сок. 2, и въ Троицкой рукописи XVI вѣка, № 730 л. 462; послѣдней съ именемъ митрополита не Кириланомъ, а Фотіевымъ. Баронъ Розенкампфъ въ Обзорѣй Корчей книги упоминаетъ о двухъ спискахъ, видѣнныихъ имъ въ старообрядческихъ рукописяхъ, изъ которыхъ въ однѹмъ вмѣсто имени митр. Кирилана также стояло имя митр. Фотія,— изд. 1829-го года 1-го счета стр. 209 ти.. Прежде Карамзина грамота извѣстна была Кульчицкому и напечатана имъ въ латинскомъ переводе въ его *Specimen Ecclesiae Ruthenae*, вышедшемъ впервые въ 1733-мъ году,—новое изданіе Мартынова Paris, 1859, р. 195.

¹⁾ V, 131.

²⁾ См. *Неволинъ* О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго, въ Полюсѣ собраний сочиненій т. VI, стр. 313.

³⁾ Карамзинскому и Румянцевскому.

⁴⁾ Неволинъ.

становятся ограничения его церковно-правительственныхъ правъ и подтверждаются, а отчасти, можетъ быть, и вновь постановляются правила относительно суда смѣсанаго. Подъ грамотою, по извѣстнамъ въ настоящее время ея спискамъ, выставлена неправильная дата, на основаніи которой она должна быть относима или къ 1392-му или къ 1404-му году¹). Вѣроятнѣйшъ представляется принимать первый годъ и понимать дѣло такъ, что великій князь и митрополитъ учинили договоръ въ началѣ правленія втораго. Вступленіе къ грамотѣ читается: «Се язъ князь великий, съдъ съ своимъ отцемъ митрополитомъ киевскимъ и всея Руси, управляли се мъ (есмъ) о домѣхъ о церковныхъ и о волостѣхъ и о земляхъ и о водахъ и о всѣхъ пошлинахъ церковныхъ». Затѣмъ, содержаніе грамоты есть слѣдующее: вотчины, принадлежащи митрополичьей кафедрѣ со временемъ предшествующихъ митр. Алексію и съ его времени, остаются за нею, какъ было при митр. Алексіѣ²). Домовые митрополичьи монастыри принадлежать митрополиту со всѣми ихъ вотчинами³). Боярамъ и слугамъ великаго князя и митрополичимъ не покупать митрополичьихъ вотчинъ, а кто купилъ, тотъ долженъ возвратить купленное и получить назадъ свои деньги⁴). Это постановленіе, по всей вѣроятности, должно понимать такъ, что или митр. Илліинъ, пуждаясь для своихъ константинопольскихъ побѣ

¹) Грамота напечатана въ Акт. Экс., т. I № 9, стр. 4. Подъ неї выставлена дата: «искана грамота на Москвиѣ мѣсяца июня въ 28, индикта въ 12, въ лѣто 6900». Годъ есть 1392-й, а индиктъ—1404-го года. Въ грамотѣ по извѣстнамъ ея спискамъ не выставлено имени ни великаго князя, ни митрополита и она усвояется Василию Дмитревичу и Кипріану на основаніи даты. Ея содержаніе дѣйствительно показываетъ, что она должна быть усвояема митр. Кипріану, а слѣдовательно и Василию Дмитревичу, при которомъ однозначно былъ Кипріанъ митрополитъ: митрополитъ, которому дана грамота, представляется непосредственно преемникомъ Алексія, а таковъ былъ Кипріанъ (не считая Илліина, какъ незаконнаго митрополита).

²) Говорится вообще о вотчинахъ митрополичьихъ и въ частности о Лухѣ (нынѣ находящемся въ костромской губерніи, на смеѢжъ съ владимирской) и о Сенегѣ (находящемся во владимирской губерніи, въ покровскомъ уѣздѣ). О двухъ вотчинахъ въ частности, можетъ быть, потому, что они начали принадлежать кафедрѣ только со временемъ си. Алексія и что относительно нихъ еще не установилось твердой «пошлины» и старины.

³) Называются два монастыря: Константиновскій (находившійся близъ Владимира) и Борисоглѣбскій (въ Переяславлѣ).

⁴) Это имѣнно говорится о митрополичьихъ земляхъ луховскихъ.

докъ въ деньгахъ, продать иѣкоторыя изъ вотчинъ, принадлежавшихъ каѳедрѣ митрополичьей, или что, пользуясь долговременными отсутствіями Пимена, продали ихъ и самимъ себѣ присвоили бояре митрополичьи, и что Кирилъ посредствомъ его—постановлій имѣть въ виду возвратить вотчины назадъ. Крестьянъ, живущихъ въ митрополичьихъ вотчинахъ¹⁾, судить самъ митрополитъ съ волостелемъ или съ дводчикомъ, а судѣ великаго князя не быть; крестьянъ, живущихъ въ вотчинахъ домовыхъ митрополичьихъ монастырей²⁾, судить игумены послѣднихъ. Съ крестьянъ митрополичьихъ великому князю братъ въ выходъ татарскій по своей по оброчнай грамотѣ, а больше того оброка съ нихъ не братъ, и бѣлки и рѣзанки братъ съ нихъ не великому князю, а митрополиту; когда дать дань Татарамъ, тогда и оброки взять великому князю съ церковныхъ людей, а когда не дать дани Татарамъ, тогда и оброку не братъ; даницику и бѣльщику великаго князя не быть въ селахъ митрополичьихъ. Что иѣкоторые изъ крестьянъ митрополичьихъ³⁾ ставили хоромы на великаго князя во Владимирѣ, то отложить, потому что то учинилось вновь, не по пошлини⁴⁾. Ямъ (ямская, почтовая повинность) великому князю съ крестьянъ митрополичьихъ по старинѣ шестой день (гоныбы),—когда дадутъ села великаго князя (т.-е. когда по приказу великаго князя выставить лошадей его села), тогда дадутъ и митрополичьи. Если митрополичьи церковные люди будутъ продавать свое домашнее, то тамги не даютъ, а кто будетъ прикупомъ (купленнымъ) торговать, тотъ даетъ тамгу. А что люди митрополичьи живутъ въ городѣ, а тинуть ко дворцу, тѣхъ описать и положить на нихъ оброкъ, какъ и на великаго князя дворчанъ. Если человѣкъ великаго князя будетъ искать суда на игуменѣ или на попѣ или на черницѣ, то судъ общий. Когда не случится митрополита въ великому книжениї,—отѣдѣтъ куданибудь, а будетъ кто искать суда на митрополичьемъ человѣкѣ у великаго князя: то если будетъ судъ смѣслий, судить великому князю и судебнія пошлини по поламъ, а если будетъ судъ митрополичій, то судить митрополичій намѣстникъ. Если кто будетъ искать суда у великаго князя на митрополичьемъ на-

¹⁾ Именно—той же луховской.

²⁾ Номянутыѣ выше.

³⁾ Именно—луховцы.

⁴⁾ Принимая сказанное выше, что Лухъ началь принадлежать каѳедрѣ митрополичьей только со временемъ св. Алексія, нужно будетъ понимать: то учинилось вновь (какъ иѣчто новое) противъ другихъ митрополичьихъ вотчинъ, не по пошлини, существующей относительно этихъ послѣднихъ.

мѣстникѣ или десятиникѣ или волостелѣ, то великому князю судить самому. А относительно войны установляемъ: когда я—великий князь сяду на коня, тогда (идти) и митрополиинъ боярамъ и слугамъ, подъ митрополичьимъ воеводою, а подъ моимъ—великаго князя стигомъ; а кто изъ бояръ и слугъ не служилъ митрополиту Алексею, а поступить на службу вновь, тѣ пойдутъ подъ моимъ великаго князя воеводою,—гдѣ который живеть, подъ тѣмъ воеводою и есть. А своей дани («сборнаго») братъ митрополиту съ каждой церкви по шести алтынъ на годъ, а подъѣзда («заѣзда») по три деньги, а болѣе того не братъ ничего; а десятиннику братъ своихъ всекихъ ионинъ (въѣзднаго, Рождественскаго и Петровскаго) по шести алтынъ (на годъ) съ церкви, а болѣе того не братъ ничего,—митрополичною данью взимать о Рождествоѣ Христовѣ, а десятинничимъ ионинамъ о Истрѣ дни. Которыя соборныя церкви по городамъ не давали дани при Оеогностѣ и при Алексѣѣ митрополитахъ, тѣмъ не давать и теперь. Моихъ слугъ великаго князя и моихъ данихъ людей въ ионы въ діаконы митрополиту не ставить; а который ионовичъ хотя будеть иисанъ въ мою службу, а захотеть поставиться въ ионы или въ діаконы, то вольно ему стать; а ионовичъ, который живеть у отца и хлѣбъ ѡеть отцовъ, тотъ—митрополичий, а который ионовичъ отѣблена и живеть не вмѣсть съ отцомъ и хлѣбъ ѡеть свой, тотъ—мой великаго князя». Мы сказали выше, что ханъ Менгу-Темиръ въ своею ярлыкѣ митр. Кириллу предоставилъ послѣднему власть посвящать въ церковныя степени изъ всѣхъ безъ пытія мірянъ: на постановление великаго князя, чтобы митрополиту не ставить въ ионы и діаконы его—князи слугъ и данихъ людей должно смотрѣть какъ на отмѣну или какъ на ограничение постановления ханскаго (а читаемое въ грамотѣ великаго князя далѣе есть буквальное повтореніе читаемаго въ ярлыкѣ хана).

Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ лѣтописяхъ никакого извѣстія относительно происхожденія второй изъ нашихъ грамотъ. Во всякомъ случаѣ ея содержаніе показываетъ, что она написана великимъ княземъ не только по проосьбѣ митрополита, но и по собственному побужденію, съ цѣлью не только подтвердить права митрополита, но и положить имъ ограничений или подтвердить эти послѣднія. Къ грамотѣ мы снова возвратимся ниже,—во второй половинѣ тома, въ главѣ объ управлѣніи.

Сохранились до насъ двѣ грамоты митр. Кирилана, въ которыхъ онъ является охранителемъ церковно-правительственныхъ и имуществоственныхъ правъ подчиненныхъ ему епископовъ и послѣднихъ правъ вообще духовенства. Въ свое вторичное пребываніе въ Новгородѣ

въ 1395-мъ году онъ написалъ грамоту Исковицамъ, въ которой убѣждаетъ ихъ и вмѣстѣ предписываетъ имъ: 1) чтобы они — міряне не отнимали у своего архієпископа и не присвоили себѣ права судить и казнить священниковъ, хотя бы эти послѣдніе даже и завѣдомо и явно были люди недостойные (одобравши и безъ сложенія съ себѣ священства женившися во второй разъ); 2) чтобы они не вступались въ земли и села церковныхъ, купленныхъ церквами или полученныхъ въ даръ по душамъ¹⁾). Сиуста то или другое время послѣ этого Киприанъ далъ свою утвердительную или какъ бы охранительную грамоту новгородскому архієпископу Іоанну, въ которой предписывается: 1) чтобы никто изъ мірянъ не дерзаль вступаться въ права архієпископа надъ духовенствомъ, — надъ игуменами и черицами, понами и діаконами, и чтобы въ свою очередь никто изъ духовенства, подъ страхомъ изверженій и отлученій, не дерзаль отыматъся отъ архієпископа при помощи мірскихъ властей; 2) чтобы никто изъ мірянъ не дерзаль вступаться въ недвижимая имѣнія архієпископской кафедры, въ ея погости и села и земли и воды со всѣми поиницами²⁾.

Митр. Киприанъ занимаетъ особое мѣсто въ исторіи нашего богослуженія: онъ ввелъ у насъ новую редакцію служебника и новый богослужебный уставъ.

Въ первенствующее время христіанства, какъ мы говорили въ I томѣ³⁾, каждая частная церковь имѣла свою особую литургію. Это

¹⁾ Грамота напечатана въ Акт. Ист. т. I, № 9, стр. 18; перепечатана въ Памятни. *Павлова*, № 27, col. 231.

²⁾ Грамота напечатана ibid. № 7, стр. 16, перепечатана ibid. № 26, col. 229.—Кромѣ этихъ двухъ грамотъ Киприана сохранились еще три правительственные его грамоты: 1) уставная грамота Константиновскому домовому монастырю относительно повинностей крестьянъ монастыря, — въ Акт. Эксп. т. I, № 11, стр. 6; 2) вдовѣ Оеодосіи Филипповой на усыновление пріемыша, — въ Акт. Ист. т. I, № 255, стр. 484 и въ Памятни *Павлова*, № 31, col. 242; 3) Исковицамъ обѣ отмѣнѣ уставной грамоты, данной имъ архієпископомъ суздальскимъ Діонисіемъ, — въ Акт. Ист. т. I, № 10, стр. 18 бп. и въ *Павлова*, № 28, col. 234. Архієпископъ Діонісій, возвратившись изъ Константинона въ 1383-мъ году, былъ въ Исковѣ, чтобы передать Исковицамъ грамоту патр. Иила о Стригольникахъ (о чёмъ ниже, въ рѣчахъ о Фотії); при этомъ онъ, непрѣдѣтно — съ какого повода и по какому побужденію, написалъ Исковицамъ грамоту: «но чemu (имъ) ходити, какъ ли судити или кого какъ казнити, да винисаль и проклятье, кто иметь не по тому ходити». Приспособъ свою грамоту къ грамотѣ Александра Ярославича Невскаго. Въ отмѣну этой «недѣльной» грамоты Діонісія въ написалъ Киприанъ свою грамоту во Исковѣ.

³⁾ 2-й полов. стр. 297 зір.

разнообразіе постепенно исчезло такимъ образомъ, что нынѣсмѣсто были приняты литургіи знаменитѣйшихъ отцовъ, каковы Василій Великій и Іоаннъ Златоустый. Но и литургіи Василія Великаго и Іоанна Златоустаго съ присоединеніемъ къ нимъ литургію ирждеосвященныхъ даровъ, по причинамъ, которая объяснены нами тамъ же²⁾), очень долгое время представляли большое помѣстное разнообразіе. Во второй половинѣ XIV вѣка современникъ Кипріановъ константинопольскій патріархъ Филооей, занимавшій впервые каѳедру въ 1354-мъ году и скончавшійся постѣ 1376-го года, съ цѣлью положить конецъ разнообразію, приготовилъ нарочитую редакцію служебника и какъ опредѣленную редакцію ввелъ ее въ употребленіе въ своей патріаршій церкви. Этого редакцію служебника Филооеву и перевѣтъ на славянскій языкъ и ввелъ въ употребленіе у насъ митр. Кипріанъ.

Что касается до устава прочаго богослуженія, то съ принятіемъ христіанства мы заимствовали отъ Грековъ иѣсколько такихъ уставовъ: уставъ константинопольской великой церкви или константинопольской патріархіи для епископій, неизвѣстное количество монастырскихъ уставовъ для монастырей и приходскихъ церквей (для первыхъ въ полномъ видѣ, для вторыхъ въ сокращеніомъ). Съ теченіемъ времени у насъ вошло въ общее употребленіе во всѣхъ церквяхъ монастырскій уставъ константинопольскаго Студійскаго монастыря въ редакціи константинопольскаго патр. Алексія³⁾. Но въ Греціи—въ патріархатѣ константинопольскомъ, отъ которого мы заимствовали уставы, въ течение первой половины XIII вѣка (по свидѣтельству Сумеона Солунскаго), случилась та перемѣна, что оставлены были всѣ собственные, дотоль существовавши уставы, и принять было въ общее употребленіе монастырскій іерусалимскій уставъ Саввы Освященнаго. Этотъ-то іерусалимскій уставъ св. Саввы и ввелъ у насъ въ употребленіе Кипріанъ или въ собственномъ переводѣ съ греческаго или, чтѣ гораздо вѣроатнѣе, въ переводѣ, за 50-ть лѣтъ до него сдѣланномъ въ Сербіи.

Къ обстоятельнымъ рѣчамъ о служебнике и уставѣ, введенныхъ у насъ митрополитомъ Кипріаномъ, и вообще обѣ его трудахъ, относящихся до богослуженія, мы возвратимся послѣ, когда будемъ нарочито говорить о состояніи у насъ богослуженія за нашъ періодъ времени. А здѣсь замѣтимъ, что въ отношеніи къ богослуженію Кипріанъ показалъ великую ревностъ: кромѣ того, что онъ доставилъ намъ но-

¹⁾ Ibid.

²⁾ См. ibid., стр. 299 sqq., 317 sqq.

вую редакцію служебника и новый уставъ, онъ перевелъ съ греческаго на славянскій немалое количество частныхъ службъ и молебныхъ послѣдований и, какъ кажется, отчасти составлялъ чхъ и самъ.

Сохранились двѣ грамоты митр. Киприана, касающіяся богослуженій. Одна грамота написана въ Новгородѣ, во время пребыванія его тамъ въ 1395-мъ году, и содержитъ отвѣты на разные частные вопросы, относящіеся до богослуженій, предложенные ему новгородскимъ духовенствомъ¹⁾). Другая грамота написана во Исковѣ по случаю препровожденія тамошнему духовенству исправленія служебнико-требника, нежели какой у послѣдняго быть дотолѣ²⁾). Къ содержанію этихъ грамотъ мы также возвратимся ниже.

Въ правленіе митр. Киприана, въ 1395-мъ году, перепесена была изъ Владимира въ Москву, изъ тамошняго Успенскаго собора въ здѣшній Успенскій соборъ, чудотворная икона Владимирской Божіей Матери. Поводомъ къ перенесенію послужило нашестьвіе на Россію грознаго завоевателя Тамерлана³⁾). Этотъ второй по силѣ оружія и обширности завоеваній монгольскій Чингизъ-ханъ, явившійся въ монгольской ордѣ Джагатайской, составившей наслѣдіе второго сына Чингизова Джагатая или Чагатая и обнимавшей земли, составляющія Бухару съ Хивой и наизъ Туркестанъ (древнюю Транзоксанію, называемую въ нашихъ лѣтописяхъ Синею Ордой), предпринималъ несолько походъ на нашу кинчакскую или золотую монгольскую Орду. Въ послѣдній походъ, предпринятый въ 1395-мъ году, Тамерланъ разбить и прогнать съ престола хана сарайскаго Тохтамыша и не остановливаясь въ Ордѣ двинулся далѣе къ западу на Россію. Когда онъ явился

¹⁾ Грамота напечатана въ Акт. Ист. т. I, № 11, стр. 19; перепечатана въ Шамятникахъ *Павлова*, № 29, col. 235.

²⁾ Напечатана *ibid.*, № 8, стр. 17, перепечатана *ibid.*, № 30, col. 239. (Написана эта грамота послѣ 1398-го года, когда архіепископъ Іоаннъ былъ во Исковѣ, о чёмъ говорится въ ней и, какъ должно думать, во время пребыванія архіепископа въ Москвѣ въ заключеніи (1401—1404). потому что этимъ только можно объяснить, что священники исковскіе пріѣзжали для посвященія въ Москву). О посланіи къ игумену Афанасію, составляющемъ правительственный (официальную) грамоту, а частное писаніе, см. ниже.

³⁾ Собственное имя Тамерлана было Тимуръ. Такъ какъ онъ былъ хромой, то Персы называли его Тимуръ-ленгъ, т. е. Тимуръ хромой, и отсюда его европейское имя Тамерланъ. Татары называли его Тимуръ-аксакъ, что значитъ тоже, чтъ Тимуръ-ленгъ, т. е. Тимуръ хромой, и отсюда онъ называется въ нашихъ лѣтописяхъ Тимиръ-аксакомъ.

на берегахъ Дона, иъ землѣ раззанской, гдѣ взялъ и разграбилъ городъ Елецъ¹), великий князь Василий Дмитриевичъ, оставилъ въ Москвѣ для осадыаго и ней сидѣнія дядю своего Владимира Андреевича Донскаго, пошель съ войскомъ для сторожи непріятеля къ Коломенѣ, на берега Оки. Находясь здѣсь, великий князь получилъ вѣсть, что Тамерланъ готовится идти на Москву и намѣревается пѣшить и предать мечу всю землю русскую. Не надѣясь на собственныхъ силы, онъ рѣшился обратиться къ заступленію Божіей Матери и, по совѣту съ митрополитомъ и боярами, заповѣдавъ всѣмъ иость и покаяніе и усиленное моленіе, приказать принести изъ Владимира въ Москву тамошнюю чудотворную икону Божіей Матери. Быть подната во Владимирѣ 15-го Августа, въ праздникъ Успенія Богородицы, икона принесена была въ Москву 26-го Августа; и въ тотъ самый день, какъ она внесена была въ Москву, Тамерланъ поворотилъ съ своимъ войскомъ назадъ изъ Россіи. Сказаніе о перенесеніи иконы въ Москву говоритъ, что въ ночь на тотъ день, какъ бытъ икона принесеній въ Москву, Тамерланъ видѣть «сонъ страшнѣй зѣло, яко гору высоку вельми и съ горы идиху къ нему святители, имущи жезлы златы въ рукахъ и претище ему зѣло и надъ святителями на воздухѣ жену въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воинства, претище ему лютъ», — что отъ видѣнія сна Тамерланъ пришелъ въ великий трепетъ и тотчасъ же отдалъ приказъ поворотить всему своему безчисленному воинству назадъ. Принесенная въ Москву икона, осталась въ иней навсегда²). Въ память чудеснаго избавленія Москвы заступленіемъ Божіей Матери отъ належавшей страшной опасности великий князь съ митрополитомъ умыслили поставить въ Москвѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ была встрѣчена икона, монастырь во имя Срѣтенія Богородицы («бѣ же мѣсто то тогда на Кучковѣ полѣ, близъ города Москвы, на самой на велицѣ дорогѣ воло-димирской»³).

¹) Елецъ находится на рекѣ Сосни, впадающей въ Донъ, верстахъ 25-ти отъ постѣднаго.

²) Находится въ Успенскомъ соборѣ, въ главномъ поясѣ иконостаса, первою отъ нарсихъ вратъ по лѣвую сторону.

³) Сказаніе о перенесеніи иконы — въ Никоновск. лѣт. IV, 258, въ Типографск. лѣт. стр. 195 и въ Софійск. 2 и лѣт. — Собр. лѣтт. VI, 124, также въ Софійск. 1-ї лѣт., —ibid. V, 248. — Гаммеръ въ своей *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak*, S. 361, дѣло о нашествіи Тамерлана на Россію представляетъ также образочъ, что отъ Волги онъ двинулся къ Днѣпру, а отъ Днѣпра повергъ въ Дону, и что опустошить Малую Русь и Московскую область онъ отражилъ сво-

Послѣ занятія кафедры митрополіи всея Россіи въ Москвѣ Кипріанъ два раза путешествовалъ въ литовскую Русь для ея посѣщен-

ия полководцевъ.—По общепринятому мнѣнію, икона Владимирской Божіей Матери, привнесенная въ Москву въ 1395-мъ году, осталась въ Москвѣ навсегда. Повторяя общепринятое мнѣніе, это и мы говоримъ выше. Однако существуютъ большія основанія полагать, что послѣ 1395-го года икона опять была возвращаема во Владимиръ и что окончательно или навсегда она привнесена въ Москву въ 1480-мъ году. Историкъ, разсказывая о набѣгѣ въ 1410-мъ году на Владимиръ татарского царевича Талича, говоритъ, что татары «выскакивъ (заперты) двери святых Богородицы (Владимирскаго Успенскаго собора) и вшедши въ ю, икону чудную святых Богородицы одрата, такоже и проча иконы». Надѣль иконой чудной святых Богородицы со всемъ вѣроютию должно разумѣть именно икону Владимирской Божіей Матери (ибо другой иконы, которую бы разумѣть, не можетъ быть по указанію). Въ мѣсяцесловѣ одной Слѣдовавшій псалтири XVI в., находящейся въ библіотекѣ Троицкой Цергіевской Лавры, говорится подъ 23-мъ Іюня: «пріиде чудотворная икона пречистыя Богоматеря изъ Володимира въ градъ Москву 6988» (1480),—N 321, см. печати. Описанія ч. II, стр. 99. Извѣшняя риза на Владимирской иконѣ Божіей Матери сдѣлана митр. Фотіемъ, о чёмъ см. статью иконойнаго К. И. Невоструева: «Монографія всероссійскаго митрополита Фотія на окладѣ Владимирской чудотворной иконы Пресвятых Богородицы въ Московскому Успенскому соборѣ», напечатанную въ Сборнику Общества древне-русскаго искусства при Московскому Публичномъ Музѣѣ на 1866-й годъ. Естественно предполагать, что Фотій сдѣлалъ новую ризу по причинѣ утраты старой ризы: но въ правлѣніе Фотія старая риза могла утратиться именно только быть одрапа съ иконы Татарами при набѣгѣ ихъ на Владимиръ (въ 1408-мъ году приходилъ подъ Москву Едигей, но Москва не была имъ взята). Наконецъ, установленное въ 1480-мъ году празднованіе Владимирской иконѣ Божіей Матери въ 23-й день Іюня заставляетъ предполагать привнесеніе иконы изъ Владимира: этотъ 23-й день Іюня, въ который установлено празднованіе, очевидно, былъ днемъ знаменательнымъ по отношенію къ иконѣ: но такъ какъ Ахматъ бѣжалъ съ Угры не 23-го Іюня, а 7-го Ноября, то другой знаменательности, кроме того что 23-го Іюня икона привнесена изъ Владимира въ Москву, не можетъ быть предполагаемо.—Въ 1401-мъ году привнесена была въ Москву изъ Суздalia другая святыни—такъ называемая Страсти Господни (кровь Спасителя и частицы вещей, относящихся къ Его страданію—терноваго вѣнца, трости, копія, губы и пр.), которая въ 1382-мъ году привнеса изъ Константинополя суздальскій архиепископъ Діонісій, «премногою цѣною искушивъ», которая почему-то скрыты были, бывъ заданы или закладены въ каменной стѣнѣ церкви, въ которая въ 1401-мъ году были обрѣтены.—Икон. лѣт. IV, 131 и 299 (въ настоящее время ковчегъ съ этими Страстями Господними находится въ ризницахъ московскаго Благоинѣцкаго собора, см. Памятники московской древности Синоптева, стр. 92, и Полное собраніе историческихъ сиѣдѣній о всѣхъ бывшихъ въ древности и нынѣ существующихъ монастыряхъ въ примѣтительныхъ церквяхъ въ Россіи А. Рамнита, стр. 316: у обоихъ подробнѣе перечисленіе вещей, числомъ 16-ти).

нія,—въ первый разъ въ 1396-мъ году, во второй разъ въ 1404-мъ году.

Еще въ то время, какъ оиъ быть митрополитомъ кіевско-литовскимъ и проживалъ въ Константиноополь, добиваясь каѳедры митрополіи всея Россіи, въ Литвѣ случилось государственное событие, имѣвшее чрезвычайно важное значеніе для судьбы въ ней православія,—неожиданно рѣшившее вопросъ объ этой судьбѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Одновременно съ тѣмъ, какъ во второй четверти XIII вѣка Литовцы образовали изъ мелкихъ владѣній одно государство, они быстро начали покорять себѣ сопредѣльную имъ юго-западную Русь. Но вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ они столько же быстро начали стремиться къ тому, чтобы превратить свое государство изъ литовско-русского на оборотъ въ русско-литовское. Русскіе XIII—XIV вѣка въ отношеніи къ духовной культурѣ (въ отношеніи къ духовно-правственному развитію) были несравненно выше Литовцевъ, и побѣдители тотчасъ же стали на рѣшительный путь къ тому, чтобы усвоить национальность побѣжденныхъ. Дворы князей литовскихъ,—великаго и удѣльныхъ, наполнились русскими боярами изъ покоренныхъ русскихъ областей и быстро начали русить ихъ; сами князья, добровольно стремясь къ возможно большему обрусенію, усиленно искали браковъ съ русскими княжнами, дабы изъ ихъ дѣтей воспитывались болѣе Русскіе, чѣмъ Литовцы, и въ весьма непродолжительномъ времени обрусеніе достигло такой степени, что русский языкъ, получивъ рѣшительный перевесъ надъ литовскимъ при дворахъ князей и между боярствомъ, сдѣланъ былъ исключительнымъ официальнымъ языкомъ администраціи и суда во всемъ княжествѣ¹⁾). Великие князья литовскіе до Ольгерда включительно ($\dagger$ 1377) оставались язычниками²⁾, но дѣти Гедимина и Оль-

¹⁾ Русскій языкъ остался въ Литвѣ официальнымъ языкомъ администраціи и суда и въ позднѣйшее время,—и по соединенію Литвы съ Польшею, о которомъ сейчасъ. На русскомъ языкѣ написаны статуты литовскіе или собравія литовскіхъ законовъ и въ послѣдніяхъ по времени изъ статутовъ, изданныхъ въ 1588-мъ году, который оставался въ силѣ до此刻шаго времени, есть парочитое предисловіе о томъ, чтобы административно-судебнымъ языкомъ былъ русскій, а не какой другой: «писарь земскій долженъ писать всѣ бумаги, выписи и позывы по-русски, словомъ и буквами русскими, и не на иночъ какомъ либо языкѣ и не иными словами». См. изслѣдованіе Боричевскаго Православіе и русская народность въ Литвѣ. Спб. 1851, стр. 68.

²⁾ Ольгердъ, бывъ при отцѣ удѣльнымъ княземъ и женившись на русской книжнѣ подобно другимъ сыновьямъ Гедимина, принялъ благо православіе христіан-

герда все крещены были въ христіанскую православную вѣру: безпрепятственно распространяемое въ странѣ русское православное христіанство сдѣлало изъ ней очень значительные успѣхи¹), и оставалось уже весьма немногое, чтобы оно стало общему и исключительною вѣрой народа... Но въ 1386-мъ году случилось событие, которое сразу повернуло литовскую исторію въ другую сторону. Польскій король Людовикъ († 1382²) оставилъ послѣ себя наследницей престола 13-ти лѣтнюю dochь Ядвигу (Гедвигу) и Полякамъ нужно было найти своей королевѣ мужа: литовскаго великаго князя Ягайла, сына и преемника Ольгердова, и литовскихъ бояръ крайне прельстила открывавшаяся возможность соединить Литву съ Польшей и они употребили все усилия, чтобы этого достичнуть, вслѣдствіе чего 15-го Февраля сейчасъ указанного года и состоялся бракъ Ягайла съ Ядвигой. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что этотъ неожиданный поворотъ исторіи Литвы въ другую сторону былъ обстоятельствомъ счастливымъ для Москвы, которая въ Литвѣ, превратившейся изъ литовско-русскаго въ русско-литовское государство, могла бы встрѣтить очень опасную себѣ соперницу въ сопираніи Руси. Но для русской церкви въ Литвѣ, а съ нею и для литовской митрополіи, наше событие было обстоятельствомъ въ высшей степени прискорбнымъ. Ягайлѣ, добиваясь получить руку Ядвиги, не только самъ изъявилъ готовность перекреститься въ католицтво изъ православія, къ которому дотолѣ принадлежалъ³), но и обѣщалъ Полякамъ обратить въ католицтво весь свой народъ. Въ отношеніи къ литовско-языческой части населенія княжества Ягайлѣ со всемъ ревностію принялъ за выполненіе обѣщаній тотчасъ послѣ занятія польскаго престола, въ честь, употребленія отчасти мѣры кротости, отчасти мѣры строгости, и имѣль скорый успѣхъ (разумѣется, обративъ массу Литовцевъ-язычниковъ изъ язычества въ христіанство на первый разъ.

ство; но, занять велиокняжескій престолъ, онъ опять возвращался къ язычеству; умеръ вирочемъ снова христіаниномъ и даже монахомъ-храминомъ (дважды крестившимся!);—у *Боричевскою*, стр. 15.

¹) См. сейчасъ указанную книгу *Боричевскую*.

²) Людовикъ былъ собственно венгерскій король и наследовалъ польскій престолъ отъ дяди своего Казимира Великаго.

³) Въ православіи онъ назывался Іаковомъ, въ католицтвѣ названъ былъ Владиславомъ и известенъ въ Польской исторіи подъ именемъ Владислава II-го. Онъ былъ перекрещенъ (*Документы*, т. X, вѣд. 1711-го года р. 104 sub fin.), такъ какъ католики въ то время принимали православныхъ черезъ перекрещивание, какъ наборотъ и православные—католиковъ.

только совершенно виѣшнимъ образомъ). Что касается до православныхъ,—природныхъ ли Русскихъ или обращенныхъ Литовцевъ, то Ягайло не отваживался сдѣлать попытки—такъ же быстро превратить ихъ въ католиковъ, какъ быстро превратить язычниковъ; но тѣмъ не менѣе по отношенію къ нимъ усердѣйшимъ желаніемъ какъ его самого, такъ и его преемниковъ, стало отсѣль то, чтобы подъ властью римскаго первосвященника они составили одно церковное стадо съ прочими подданными польско-литовской короны. Такимъ образомъ, съ 1386-го года, со времени брака Ягайла съ Ядвигою, положеніе православія въ Литвѣ совершило измѣніе. Дотолѣ оно было въ ней вѣрою если не господствующею, то терпимою совершило столько же, сколько господствующая; оно быстро и свободно распространялось въ литовскомъ народѣ и имѣло всѣ надежды стать вѣрою господствующею; самъ великий князь былъ уже православнымъ христіаниномъ, ибо таковымъ былъ постъ Ольгерда Ягайло. Отсѣль, съ возвращеніемъ въ Литвѣ господства католичества, православіе стало въ ней вѣрою схизматическою, ненавистною для правительства, которое поставило своею цѣлью по отношенію къ ней то, чтобы угнетать и подавлять ее и стремиться къ ея искорененію.

Вирочемъ, лично для Кипріана, какъ митрополита литовско-русскаго, чрезвычайно важное событие, случиншееся въ Литвѣ, не имѣло особеннаго значенія: онъ былъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Ягайломъ и съ посаженнымъ отъ послѣдняго на великому княжествѣ литовскомъ его двоюроднымъ братомъ, вмѣстѣ съ нимъ перекрестившимся изъ православія въ католичество, Витовтомъ¹⁾ и лично не испытать никакого ущерба отъ того, что совершило измѣніе въ Литвѣ положеніе православія.

Для первого посыденія Кипріанъ отиравился изъ Москвы въ Литву въ великому постѣ 1396-го года, за двѣ недѣли до Пасхи, которая была въ семъ году 2-го Апрѣля. Онъ пошелъ съ Москвы вмѣстѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Дмитревичемъ, который хотѣлъ видѣться съ тестемъ своимъ Витовтомъ²⁾, такъ какъ этотъ послѣдній наход-

¹⁾ Литва соединена была съ Польшею черезъ бракъ Ягайла съ Ядвигою такимъ образомъ, чтобы имѣть подъ королемъ своего особаго князя. Витовтъ, сынъ Кейстутія, брата Ольгердова, постъ продолжительной ссоры съ Ягайломъ, былъ посаженъ послѣднимъ на литовскій великокняжескій престолъ въ 1392-мъ году.

²⁾ Василій Дмитріевичъ женился на дочери Витовта Софѣѣ въ началѣ 1391-го года (Любопытное замѣченіе о правахъ этой Софѣї, какъ-то совсѣмъ неожиданно встрѣчаемое у благонравныхъ папиныхъ лѣтописцевъ, см. въ Тверской лѣтописи подъ 1390-мъ годомъ,—Собр. лѣтт. XV, 445, col. 1 fin.).

дился не далеко оть Москвы, въ только-что передъ тѣмъ взятомъ имъ Смоленскъ. Пробывъ съ великимъ княземъ у Витовта праздникъ Пасхи, Кирилль отправился въ Киевъ и прожилъ въ немъ и вообще въ Литвѣ полтора года¹⁾.

Не задолго до его прибытія въ Литву случилось въ Киевѣ пріицестіе, которое, какъ нужно думать, пріинесло ему болѣйшии или менѣшии непріятности. Въ Январѣ же сего 1396-го года умеръ въ Киевѣ подозрительнойю скороностижною смертью тамошній князь Скиригайло Ольгердовичъ, и молва обвинила въ его смерти кіевскаго митрополичьяго намѣстника чернца Оому Изуфова святогорца, утверждая, что онъ поднесъ князю зеіе отравное на устроеніемъ для него ширу²⁾. Вѣроятно, молва считала Оому орудіемъ кого нибудь изъ враговъ Скиригайловыхъ въ многочисленномъ семействѣ князей літовскихъ³⁾. Такъ какъ передъ своей смертью Скиригайло находился въ мирѣ съ королемъ и съ великимъ княземъ⁴⁾), то едѣствуя думать, что Ягайлло и Витовтъ преелѣдовали Оому своимъ гибнемъ или по крайней мѣрѣ требовали отъ митрополита, чтобы этотъ емѣстѣль его съ намѣстничества.

Что дѣлали Кирилль во время своего полуторагодичнаго пребыванія въ Литвѣ по отношенію къ церковному управлению, остается памъ неизвѣстнымъ. Но мы имѣемъ неожиданный свѣдѣній объ его дѣлахъ тамъ, не относящихъ къ церковному управлению. Ягайлло, какъ оказывается, или самъ по себѣ или, чтобъ гораздо вѣроятнѣе, вдохнов-

¹⁾ Возвратился въ Москву 7-го Октября 1397-го года.

²⁾ См. літовскую лѣтопись неизвѣстнаго, написанную въ первой половинѣ XV-го вѣка, по ученому, открывшему ее, называемую Дашиловичевою, въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. I, отд. 3, стр. 40; также Густинскую лѣтопись подъ 1396-мъ годомъ.

³⁾ Гедиминъ оставилъ 7 сыновей, Ольгердъ 12, Константій 6.

⁴⁾ Въ 1392-мъ году Ягайлло помиръилъ послорвавшихъ передъ тѣмъ Витовта и Скиригайла и Витовтъ, выгнавъ изъ Киева Владимира Ольгердовича, отдалъ его Скиригайлу. Вѣроятно, что Оома считаемъ былъ за орудіе этого Владимира Ольгердовича. Если послѣднее правда, то можетъ быть, что былъ принятъ къ дѣлу и самъ Кирилль, такъ какъ Владимиръ былъ человѣкъ къ нему благорасположенный (захватить въ іїевѣ Донеція, см. выше) и оставался вѣрнымъ православію (вмѣстѣ съ Ягайлой въ 1386-мъ году перекрестились въ латинство Витовтъ, Скиригайло и Свиригайло, а относительно прочихъ князей Длугошъ говорить: reliqui Lithuaniae duces, fratres ducis Jagellonis. cum dudum ante Graecorum ritu baptismus sortiti fuerint. ad iterandum. vel. ut significatori verbo utar, ad supplendum baptismus non poterant induci.—lib. X, изд. 1711-го года р. 104 fin.).

заемый латинским духовенствомъ, мечтать о томъ, чтобы православное население Литвы соединить съ католическимъ населениемъ Польши и Литвы въ одинъ церковный союзъ посредствомъ уніи его съ папой. При этомъ онъ хотѣть сдѣлать дѣло не такъ, чтобы устроить унію непосредственно между папою и своими православными подданными,— до чего онъ еще не додумался, а такъ, чтобы устроить унію между папой и Греками. Но чтѣ неожиданно, такъ это есть то, что Кипріанъ, какъ узнаемъ, вполнѣ сочувствовалъ мысли Ягайла объ уніи. Но если вмѣстѣ съ своимъ латинскимъ духовенствомъ, конечно, мечтать о такой уніи, при которой Греки подчинились бы папѣ; но такъ какъ невозможно и вовсе неѣть оснований думать того же о Кипріанѣ, то должно полагать, что митрополитъ находить возможнымъ мечтать объ уніи настоящей, при которой Греки не подчинились бы папѣ, а двѣстичетыри разъединились съ нимъ. Вероятно, что легковѣрия мечта, отъ которой впрочемъ весьма несвободны были и сами Греки, имѣла своимъ источникомъ честолюбивый помыслъ стать великими благодѣтелями Гречїи, именно—что по воссоединеній Грековъ съ папою западные государи подали бы послѣднимъ помощь въ борьбѣ ихъ съ Турками и что такимъ образомъ онъ—митрополитъ, положивший этому начало, сталъ бы главнымъ виновникомъ такого знаменитаго дѣла, какъ спасеніе византійской имперіи отъ варваровъ. Какъ бы то ни было, только Ягайло и Кипріанъ, во время пребыванія митрополита въ Литвѣ, рѣшили написать къ патріарху константинопольскому о созваніи собора для устроенія соединенія церквей, при чемъ местомъ собора назначали Россію, т.-е. вѣроятно—именно Литву. До насъ сохранились отвѣтныи посланія патріарха королю и митрополиту, датированные Январемъ 1397-го года, въ которыхъ патріархъ высказывается противъ благовременности созванія собора по причинѣ несчастныхъ государственныхъ обстоятельствъ византійской имперіи. «Ты нинѣ,—отвѣчаетъ патріархъ королю,—о соединеніи церквей: и мы усердно желаемъ этого, только се не есть дѣло настоящаго времени, ибо идетъ (у насъ) брань съ нечестивыми (т.-е. съ Турками), пути (нашь) занерты, дѣла наши находятся въ стѣненіи положеній: при такихъ обстоятельствахъ возможно ли, чтобы пошелъ кто-нибудь отъ насъ на составленіе тамъ (т.-е. у васъ въ Россіи) собора? если Богъ исполнитъ миръ и пути станутъ свободными, мы готовы къ этому и по собственному побужденію; а чтобы это случилось, усердно просимъ твое благородіе, соединиться весной съ благородѣйшимъ королемъ венгерскимъ и выступить съ твоимъ войскомъ на сокрушеніе нечестивыхъ; тогда, по освобожденіи путей, удобно можетъ состояться и соединеніе церквей, какъ желасть

этого твое благородие и какъ желаемъ этого и мы; благородѣйший король венгерскій, если Богъ дастъ, двинется (противъ Турокъ) съ Марта мѣсяца,—съ такими словами и намѣреніями онъ ушелъ отъ насъ и ты въ этомъ не сомнѣваешься¹). Несчастныя обстоятельства, какъ видно, дѣлали Грековъ до послѣдней степени легковѣрными. Венгерскій король, о которомъ говорить патріархъ, былъ шуринъ Ягайловъ, мужъ старшей сестры Ядвиги Маріи, Сигизмунда. 28-го Сентября 1396-го года въ битвѣ при Никонополѣ на Дунаѣ онъ потерпѣлъ такое совершиное и страшное пораженіе отъ Турокъ (султана Баязида), что не смѣть сразу показаться на глаза своему народу (для которого быть чуждый пришелецъ, ибо былъ Иѣмѣцъ) и съ поля битвы бѣжалъ на время въ Константинополь, подъ предлогомъ заключенія союза съ императоромъ²). И на слова и обѣщанія человека, находившагося въ такомъ положеніи, возлагали упованіе Греки! Въ своеемъ отвѣтномъ посланіи митрополиту патріархъ тоже самое пишетъ о неблаговременности созванія собора, чтѣ и королю, прибавляя, что дѣло требуетъ не помѣстнаго какого-нибудь собора, а вселенскаго. За симъ, онъ настоятельно просить митрополита употребить всѣ старанія о томъ, чтобы избuditъ короля подать помощъ Грекамъ противъ Турокъ въ соединеніи съ королемъ венгерскимъ, «ибо—говорить патріархъ,—какъ самъ ты пишешь, король—велицѣ тебѣ другъ». Относительно назначенія королемъ и митрополитомъ мѣста собора въ Россіи, патріархъ говоритъ, что она, по своей отдаленности отъ Греціи, не представляется удобнымъ мѣстомъ не только при теперешнихъ обстоятельствахъ, но и въ мирное время³).

Во второй разъ Кирилъѣ вѣзъ въ литовскую Русь, какъ мы сказали, въ 1404-мъ году. Онъ отправился изъ Москвы въ Іоніѣ или въ Іоганнъ мѣсяцѣ⁴) и держалъ путь изъ Вильны къ Витовту. Пробывъ некоторое время у Витовта, при чёмъ, по словамъ Никоновской летописи (которая, очень можетъ, принадлежать самому Кирилану), видѣвъ честь великую отъ самого великаго князя и отъ всѣхъ князей и отъ папы и отъ всѣй земли⁵), отправился въ Кіевъ. Всего пробывъ онъ въ литовской Руси почти столько же, сколько въ первый прѣздѣ,—

¹) Въ Намѣтикахъ *Наклона*, № 44, col. 299.

²) *Geschichte von Ungarn Fesslers*, въ обработкѣ *Клейна*, II, 274.

³) Въ Намѣтикахъ *Наклона*, № 45, col. 305.

⁴) По Никоновской летописи, IV, 312, по 8-му по лѣточислу у *Бардамата* (вероятно — Троицкой), т. V, прѣмѣр. 254, col. 103, Іюня 22-го, въ недѣлю.

⁵) Ibid.

годъ и пять мѣсяцевъ, и возвратился въ Москву 1-го Января 1406-го года¹). Первымъ дѣломъ его по пріѣздѣ въ Кіевъ было то, чтобы поймать, т.-е. арестовать, и отослать въ Москву своего тамошняго намѣстника архимандрита Тимофея и всѣхъ бывшихъ при намѣстникеъ своихъ слугъ, которымъ приказано было въ Кіевѣ всякия дѣла и вещи хранить и управлять, и поставить нового намѣстника (архимандрита Спасскаго Феодосія) и новыхъ слугъ²). Чѣмъ вызвана была эта рѣшительная и жестокая мѣра митрополита по отношенію къ его чиновникамъ³), лѣтопись не говоритъ; но, какъ само собою необходимо предполагать,— тѣмъ, что они исполнили свои обязанности воинюще неудовлетворительнымъ образомъ. Одновременные аресты и отставки всѣхъ даютъ знать, что эти кіевские чиновники митрополита, съ намѣстникомъ во главѣ, представляли изъ себя одну шайку грабителей, расхищавшихъ доходы митрополичьи или обиравшихъ подвѣдомое духовенство, а что гораздоѣдно — и первое и второе имѣстѣ. Изъ другихъ дѣлъ Киприана въ Литвѣ въ эту его поѣзду въ нее мы знаемъ еще объ одной подобной же отставкѣ, только имѣвшей мѣсто не по собственной инициативѣ митрополита, а по стороннему требованію. Во время пребыванія Киприана въ Кіевѣ и вообще въ Литвѣ передъ великимъ княземъ Витовтомъ было чрезвычайно сильно оклеветанъ епископъ Туровскій Антоній, обвинявшийся между прочимъ въ томъ, будто онъ послалъ грамоты къ ордынскому хану Шадибеку (занившему престолъ имѣсто умершаго Темирь-Кутлуга въ 1401-мъ году) и призывалярхана на Кіевъ и на Волынь и прочие литовско-руssкіе области и города, такъ что Витовтъ настоятельно требовалъ отъ митрополита изложений епископа⁴). Татищевъ, неизвѣстно—откуда заимствую извѣстіе, утверждаетъ, что Антоній былъ оклеветанъ передъ Витовтомъ латинцами, которымъ онъ былъ начинистенъ тѣмъ, что обличалъ твердоересъ ихъ и всю Литву и Волынь укрѣплять ученыемъ и падшихъ возводясть, а колеблющихся въ сознаніи истини утверждалъ, и что его не могли удержать ни дарами, ни угрозами⁵). Если бы дать вѣру

¹) Лѣтоп. у *Карамзина*, V, прим. 254, col. 104; въ Иконовской лѣтописи, IV, 316, сказано: годъ 11 мѣсяцевъ, очевидно, ошибочнымъ образомъ.

²) Икон. лѣт. II лѣт. у *Карамзина*.

³) Подъ слугами митрополичьими и вообще архіерейскими, какъ мы уже говорилъ прежде, не должно разумѣть служителей или лакеевъ, а нужно разумѣть чиновниковъ.

⁴) Икон. лѣт. IV, 315.

⁵) Ист. IV, 419.

вамъ Татищева, то можно было бы до некоторой степени подозревать, что и клевета на епископа передъ Витовтомъ не была клеветой или по крайней мѣрѣ имѣла поводы: епископъ, ревностно боровшійся съ латинянами за православіе, если и не доходилъ до того, чтобы ветувать въ споменія съ ханомъ, могъ открыто высказывать, что власть Татаръ, отличающихся полюю ибротерийностью, для Русскихъ предпочтительнѣе власти великихъ князей литовскихъ, которые въ лицѣ Витовта стали гонителями ихъ вѣры¹). Какъ бы то ни было, только исполняв требование Витовта, Кипріанъ снялъ епископскій санъ съ Антонія и послать его въ Москву, въ Симоновъ монастырь. При этомъ одна лѣтоинсъ, какъ будто давая знать, что митрополитъ не считалъ епископа виновнымъ и снять съ него санъ, только не находи возможнѣмъ отказать Витовту въ его требованіи, говорить, что Кипріанъ, пославъ Антонія въ Москву и повелѣвъ ему жить въ Симоновомъ монастырѣ, «прибаза его поконти вѣямъ и никакожъ ни въ чёмъ не оскорбляти, точю иль монастыря не исходити»²). Во время пребыванія Кипріана въ Литвѣ въ 1405-мъ году имѣть мѣсто съѣздъ Ягайла и Витовта въ городѣ Милолюбѣ или Милолюбѣ (находившемся неизвестно намъ гдѣ³). На съѣздѣ государей явился и митрополитъ и, по словамъ нашихъ лѣтоинсей, прожилъ у нихъ въ великой чести двѣ недѣли, «и дарина его и бояръ его и слугъ его». Какъ видно, Кипріанъ дѣйствительно былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Ягайлой и Витовтомъ, но искать ли онъ этихъ очень хорошихъ отношеній для пользы православія въ Литвѣ или наоборотъ потому имѣть ихъ, что не слишкомъ заботили о православіи, решить это трудно и мудрено...

¹) Борицевскій въ своей указанійной книгѣ, стр. 39, ссылаясь на Парбутта,—т. VI, стр. 87, говорить, что Антоній обращалъ и крестилъ въ Литвѣ народъ въ православную вѣру съ дозвolenіемъ Витовта. Парбутъ ссылается въ семъ случаѣ на сочиненіе А. Коцебу: Сиртагайло, великій князь Литовскій. С. 31 (немецкаго оригинала, 58 прим. бп., русскаго перевода). Но Коцебу, говоря, что въ 1405-мъ году Антоній преповѣдавъ въ Литвѣ греческую вѣру, ссылается на наше мѣсто Татищева.

²) Никоновская лѣтоинсъ, IV, 315. Но лѣтоинсъ Троицкая передаетъ дѣло такъ, что какъ будто Кипріанъ считалъ Антонія виновнымъ: она говорить подъ 1404-мъ годомъ: «того же лѣта Кипріанъ митрополитъ Антонія, епискова туровскаго, сведе со владычества его по повелѣнью Витовтову и отъ него санъ епископскій и ризину его въ клобукъ его бѣлый, а источники и скрижали его спороти повелѣ, и приведе отъ Турова на Москву и посади его въ келья въ монастырѣ. /же на Симоновѣ, у Каракама. т. V. прим. 232, col. 92.

³) Милолюбѣ—по Никоновск. лѣт., IV, 315 ват., Милолюбѣ—по Троицкой лѣтоинсъ,—у Каракама. V, прим. 254, col. 103 бп..

Мы говорили выше, что до 1371-го года, если быть поставляемъ особый отъ Москвы митрополитъ для юго-западной Руси, то поставляемъ бытъ вмѣстѣ для литовской Руси и для Галиціи, такъ что литовская Русь и Галиція составляли одно церковное цѣлое, и что въ 1371-мъ году бытъ поставленъ для Галиціи отдѣльный митрополитъ отъ Литвы, которая осталась за митрополитомъ московскимъ (св. Алексѣемъ) и которая вскорѣ потому получила своего отдѣльного митрополита, т. е. отдѣльного отъ Москвы и Галиціи, въ лицѣ Кипріана. Когда Кипріанъ въ 1390-мъ году занять кафедру митрополіи всея Россіи, то онъ соединилъ поть собою кафедры Москвы и литовской Руси, но кафедра Галиціи осталась виѣ этого соединенія особой митрополіей. Поставленный въ 1371-мъ году въ митрополиты галицкіе епископъ Антоній жилъ дѣлѣ 1390-го года, когда Кипріанъ занять въ Москве кафедру митрополіи всея Россіи, т. е. собственно Москвы и Литвы, и умеръ или въ концѣ 1391-го или въ началѣ 1392-го года ¹⁾. Но слѣдъ смерти Антонія Галиція не была присоединена къ митрополіи всея Россіи или московско-литовской, а по прежнему осталась отдѣльною митрополіей. Немедленно по смерти Антонія, съ соизволенія короля польскаго, т. е. Ягайла, вступилъ въ завѣданіе митрополіей луцкій епископъ Іоаннъ, съ тѣмъ, чтобы стать потомъ действительнымъ митрополитомъ. Но слѣдъ около полуторогодичнаго завѣданія митрополіей, во второй половинѣ 1393-го года, онъ отирианился изъ Константино-польскаго искать постановленія въ действительные митрополиты. Но не задолго до его прибытія въ Константинополь принесъ къ патріарху посохъ Кипріана съ грамотою послѣдняго, въ которой онъ—Іоаннъ былъ обвиненъ въ какихъ-то очень важныхъ винахъ по отношенію къ епископу владимиро-волынскому. Патріархъ предположить было вызвать въ Константинополь епископа владимирскаго, чтобы между нимъ и обвиняемымъ произвести судъ. Тогда Іоаннъ, несмотря на всѣ убѣжденія патріарха дождаться прибытія епископа владимирскаго, бѣжать назадъ въ Галицію, съ намѣреніемъ выдавать себя тамъ за митрополита, поставленнаго патріархомъ ²⁾. За такой невѣроятно наглый поступокъ

¹⁾ Въ Августѣ 1391-го года онъ былъ еще живъ; въ Октябрѣ 1393-го года говорится о немъ, что онъ умеръ около двухъ лѣтъ тому назадъ, см. въ Намятин-кау *Павлова*, сол. 231 нач. и 263.

²⁾ Патріархъ пишетъ Кипріану, что когда собирающагося бѣжать Іоанна призывали на соборъ его—патріаршіе посы, этотъ говорилъ: «Галичъ данъ мнѣ королевъ, который есть юбѣтніи государь и властитель; мнѣ не доставало только благословенія патріарха, но я получилъ его и больше ни въ чёмъ не нуждаюсь: что

патріархъ подвергъ Іоанна отлученю и писалъ о немъ Кирилану, чтобы этотъ—съ однай стороны писать о немъ королю,—какъ, говорить патріархъ, и я самъ пишать ему,—дабы онъ (король) изгнать его и изъ епископіи луцкой и послать ехъ нему—Кирилану, а съ другой стороны—канонически извергъ его и поставилъ въ епископы луцкіе, на его мѣсто, другого¹⁾). Однако Іоанъ пользовался покровительствомъ Ягайла и не только не былъ низложенъ Кириланомъ съ епископіи луцкой, но и попрежнему остался завѣдующимъ митрополіей галицкой. Въ 1397-мъ году, одновременно съ тѣмъ, какъ послать королю отвѣтъ на его предложеніе о соединеніи церквей, патріархъ отправилъ въ Галицію, для временнаго завѣдыванія єю, своего екзарха, архіепископа виленскаго Михаила, и писалъ королю объ Іоаніѣ: «епископъ луцкій, если хочетъ быть прощеннымъ и спасти отъ насть любовь и честь, пусть какъ только увидитъ архіепископа виленскаго, оставить Галицію, которую твое благородіе со всѣми ся правами пусть отдать архіепископу, а онъ—епископъ пусть идеть къ своему митрополиту и принадѣть передъ нимъ и если тотъ благословить его и разрѣшить, то и мы едѣляемъ для него желательное твоему благородію». Въ послѣднихъ словахъ патріархъ разумѣеть то, что постановить Іоанна въ митрополиты галицкіе; на тотъ случай, если митрополитъ не разрѣшить епископа, патріархъ предлагаетъ Ягайлу избрать другого достойнаго кандидата для замѣщеній кафедры митрополії, а въ случаѣ нечимѣнія государемъ такового, вынуждается найти его самъ между своими²⁾). Одновремено съ Ягайлой патріархъ писалъ объ епископѣ Іоаніѣ и о митрополіи галицкой и Кирилану. Относительно епископа патріархъ пишетъ митрополиту, что о немъ не сдѣлино и не будетъ сдѣлано ничего болѣе, кроме того, что ему—митрополиту известно, пока епископъ не очистится отъ взвѣденій на него обвиненій пока онъ—митрополитъ не напишетъ о немъ ему—патріарху, при чемъ поручаетъ митрополиту произвести объ епископѣ, въ присутствіи епископа владимирскаго, болѣе строгое разслѣдованіе, чѣмъ прежде. Относительно митрополіи галицкой дѣластъ легкій выговоръ Кири-

---

мѣ дѣлать на соборѣ? пойду въ Галичъ, въ свою церковь». Но, по словамъ патріарха, благословеніемъ въ смыслѣ назначенія и перемѣщенія онъ называлъ то благословеніе, которое въ первый приходъ свой къ неку (патріарху) получиль какъ христіанинъ изравивъ съ сопровождающими его подручниками, — въ Памятникуъ Навкова. № 39, col. 263.

¹⁾ У Навкова. № 39.

²⁾ Ibid. № 44, col. 299.

ріану за то, что онъ по отношению къ ней посягнуль на его—патріаршія права, поставилъ, какъ самъ извѣщаетъ, на одну изъ ея кафедръ епископа. Патріархъ говоритьъ, что при поставлениі Антонія въ 1371-мъ году рѣшило, чтобы церковь галицкая составила особую митрополію и что такимъ образомъ попеченія о ней принадлежать ему—патріарху¹⁾. Что сдѣлать архієпископъ виолеемскій по отношению къ митрополіи галицкой, остается неизвѣстнымъ²⁾). Отъ Февраля 1398-го года сохранилось запись епископа луцкаго Іоанна королю Владиславу, т. е. Ягайлу, въ томъ, что если король поможетъ ему—епископу поставиться на митрополію галицкую, то онъ—епископъ обязуется дать королю двѣсти гривень русскихъ и тридцать коней³⁾). Удалось или не удалось Іоанну стать митрополитомъ галицкимъ, остается также неизвѣстнымъ; такъ какъ подъ 1401-мъ годомъ упоминается епископомъ луцкимъ другой, а не онъ⁴⁾, то въ семь году или уже не было его въ живыхъ или же быть онъ митрополитомъ галицкимъ (если вырочить не было такъ, что онъ былъ удаленъ Кипріаномъ съ кафедры и не быть поставленъ въ митрополиты).

Въ 1371-мъ году быть поставленъ отдельный галицкій митрополитъ, по просьбѣ короля польскаго, съ тѣмъ, чтобы Русь, подвластная Польшѣ, имѣла своего особаго митрополита. А такъ какъ въ 1371-мъ году была подвластна Польшѣ не только Галиція, но и часть Волини, то и митрополія галицкая, тогда открытая, обнимала не только Галицію, но и часть Волини, именно—изъ этой послѣдней къ ней принадлежали тогда епископіи владимирскія и холмскія. Но слѣдъ 1371-го года, съ гражданскимъ переходомъ этихъ епархій подъ власть Литвы, и въ церковномъ отношении онъ перешелъ подъ власть митрополита московско-литовскаго: епископъ владимирскій были подвѣдомны Кипріану въ 1393-мъ году⁵⁾; епископъ холмскій быть подвѣдомъ ему по крайней мѣрѣ въ 1405-мъ году⁶⁾).

¹⁾ Въ Памятникахъ *Наваха* № 45, col. 307.

²⁾ Долго ли быть въ Галиціи епископъ виолеемскій, неизвѣстно; но въ 1400-мъ году патріархъ уже посыпалъ его въ Москву, см. у *Наваха* № 46.

³⁾ Акты Западной Россіи, т. I, № 12, стр. 27.

⁴⁾ Савва, см. выше.

⁵⁾ Какъ видно изъ донесенія Кипріанова отъ сего года патріарху на виновность епископа луцкаго по отношению къ епископу владимирскому.

⁶⁾ Въ семъ году Кипріанъ посвятилъ въ Луцкѣ въ епископы владимирскіе иена Гоголя при сослуженіи ему епископовъ луцкаго и холмскаго,—Троцк. лѣт. у *Карамз.* V, прям. 254, col. 103 fin..

Изъ наказа, даншаго патріархомъ архієпископу виолеемскому при его отправлении екзархомъ въ Галицію въ 1397-мъ году, видно, что церковная дѣла этой постѣдней, всѣдѣствіе долговременной незамѣщенности ся митрополичьемъ каѳедры, находились въ крайне печальному состояніи. Съ одной стороны—католики вели дѣятельную и усиленную пропаганду; съ другой стороны—въ православію духовенствѣ дошло до того, что явились священики-самозванцы. Давай знать, что дѣла находились не только въ крайне печальному, но и нестерпимо худомъ положеній, патріархъ говоритъ, что ему писали о нихъ многіе изъ Галиції¹⁾.

Мы говорили выше, что Греки напрасно воображали и надѣлялись, будто такое вонючее дѣло, какъ поставленіе въ митрополиты Нимина, пройдетъ имъ даромъ; и будто все отлично уладится ихъ красорѣчиво-ложивыми посланіями,—что напротивъ Русскіе, и дотолѣ не особенно ихъ уважавши, со временемъ поставлений Ниминова и прискорбнѣйшихъ замѣшательствъ, къ которымъ оно подало поводъ, рѣшительно начали смотрѣть на нихъ какъ на людей нравственнѣо несостоительныхъ и глубоко падшихъ и что этотъ взглядъ на нихъ отдался и сказался въ явившемся у Русскихъ странно-невиданномъ миѳіи, будто они—позднѣйшіе Греки измѣнили чистотѣ православія своихъ древнихъ отцовъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что Дмитрій Ивановичъ Донской, которому пришлоось стать такою жалкою игрушкою и такою печальною жертвою въ рукахъ Грековъ, имѣлъ къ нимъ и выражалъ самыя нехорошія чувства. Но обѣ этомъ мы ничего не знаемъ²⁾. Объ его сыне Василіи Дмитріевичѣ мы положительно знаемъ, что онъ открыто и не стесняясь выражалъ свое пренебреженіе къ патріарху константинопольскому и что онъ ни во чѣо не ставилъ императора и требовалъ отъ митрополита, чтобы имя императора не было поминаемо въ диштиахъ на богослуженій. Въ 1392-мъ году, какъ сказано выше, митрополитъ посыпалъ въ Константинополь съ жалобою на Иевгородцевъ своего послана—боярина своего Дмитрія асиянина, прозваніе котораго показываетъ, что онъ былъ родомъ Грекъ. Можетъ быть, самъ

¹⁾ У Навлова № 43.

²⁾ Задумъ впрочемъ, что Дмитрій Ивановичъ, вообще съ московскими Русскими или съ своими приверженными, крайне поносилъ (ругалъ) Грековъ по поводу поставлениія Киприана на мѣсто живаго св. Алексія. Въ посланіи къ преп. Сергію отъ 23-го Іюня 1378-го года Киприанъ пишетъ, что по сему поводу на Москвѣ «хуляху на патріарха и на царя и на сборъ великій: патріарха латиномъ называю, царя также, и всесчастный сборъ вселенскій».—въ Памятн. Насл. col. 185.

митрополитъ донесъ патріарху чрезъ своего посла, что думаютъ и говорять въ Россіи о немъ и объ императорѣ, во всякомъ же случаѣ довѣль это до его свѣдѣнія посольѣ митрополичій, какъ Грекъ, и мы узнаѣмъ о чувствахъ къ патріарху и императору Василію Дмитріевича и обѣ его рѣчахъ до нихъ изъ посланія патріарха къ великому князю отъ 1393-го года. Обличая великаго князя за его греконенавидѣніе, патріархъ пишетъ ему: «за что пренебрегаешь ты (*περισσεύεις*) меня — патріарха и вовсе не воздаешь (μηδὲ) чести, которую воздавали предыдущіи, великие князья,—презираешь и меня и людей, которыхъ я посыпаю къ вамъ, таѣь что они совсѣмъ не имѣютъ (у васъ) чести и мышта, которая всегда имѣли люди патріархіе?.. Со скорбью слышу еще, что и о державѣ бывшемъ и святымъ моемъ самодѣлкѣ позволяешь себѣ пѣкоторыя (предосудительныя) рубчи: доносять мѣдѣ, что препятствуетъ митрополиту,—что есть дѣло совершенно невозможное,—номинать имя царя въ диптихахъ и что говоришь: «церковь-де имѣемъ, а царя не имѣемъ и искаклько (о немъ) не номиналяемъ»... Патріархъ получаетъ государя въ посланіи, что великий грѣхъ презирать его—патріарха, который представляетъ себю Христа, и что императоръ греческій имѣть великое право на уваженіе по своему исключительному положенію въ церкви и по своимъ исключительнымъ заслугамъ для неї¹⁾.

Не смотря на свои крайне нехорошія чувства къ Грекамъ, Русские имѣли великодушіе, чтобы оказывать имъ въ ихъ бѣдственному положенію свою денежную помощь. Вирочемъ, со всею вѣроятностію должно думать, что Греки обязаны были въ семъ случаѣ не столько великодушію Русскихъ (каковую оговорку въ особенности должно разумѣть о Москвѣ и великому князѣ), сколько усердию, на ихъ счастье, филороменію (греколюбію) митр. Кирилла. Въ то время уже весь Балканскій полуостровъ былъ завоеванъ Турками и имперія византійская почти что ограничивалась стѣнами одного Константино-полі²⁾. Завоевывая имперію, Турки долгое время не рѣшились подступить къ самому Константино-полю, въ виду неприступности его стѣнъ для тогдашней артиллеріи и для тогдашняго осадного искусства. Но, наконецъ, дочила очередь и до него. Султанъ Баязидъ, разграбивший тѣмъ, что въ минуту смерти императора Іоанна Палеолога въ 1390-мъ

¹⁾ Въ Намятинѣ *Павловъ*, X 40, соп. 269 п 271.

²⁾ Именно—она состояла тогда: въ Константино-полѣ, въ двухъ городовъ на Чёрномъ морѣ (Алхіадѣ и Месембріѣ), изъ городовъ трехъ-четырехъ на Мраморномъ морѣ, изъ Годуна, въ иѣгольскихъ крѣпостей на рѣкѣ Струмонѣ, изъ небольшихъ владѣній въ Иделоніесѣ и изъ иѣгольскихъ острововъ.

году успѣть убѣжать отъ него находившійся у него въ заложникахъ синь Иоанновъ Мануилъ, дабы занять мѣсто отца ¹), послалъ войско для блокады Константиноополя, которое и стояло подъ его стѣнами въ продолженіе семи лѣтъ. Во время этой-то блокады, въ 1395—96-мъ году, императоръ съ патріархомъ и ириелали въ Россію просить денежнай помощи. Митр. Киприанъ, къ которому была адресована иросьба и которымъ она была получена во время пребыванія въ Литвѣ, послать просить о милостынѣ «въ такой нужнѣй и бѣдѣ сущимъ» къ великому князю Василию Дмитревичу, къ великимъ князьямъ тверскому и рязанскому, къ другимъ князьямъ русскимъ, также къ боярамъ и купцамъ, обратился къ Витовту, у которого находился, а кромѣ всего этого приказалъ произвести по всей митрополіи сборъ съ церквей и монастырей, и такимъ образомъ успѣть собрать милостыню многую: по словамъ иѣкоторыхъ лѣтописей всего собрано было 20-ть тысячъ рублей. Собранныя деньги отправлены были въ Константинополь въ 1398-мъ году ²). Въ 1400-мъ году, во время иторичной блокады Константиноополя Баязидомъ, патріархъ обращался къ митрополиту Киприану съ новой настоятельнѣйшей прошльбой о помоці ³). Послана ли была на этотъ разъ помощь, остается неизвѣстнымъ, ибо наши лѣтописи ничего не говорятъ обѣ этомъ.

Митр. Киприанъ принадлежитъ къ числу нашихъ писателей. Но составляетъ не совсѣмъ рѣшенній вопросъ то, что именно было имъ написано. Мы положительно знаемъ, что онъ написалъ житіе св. митрополита Петра: если причислять къ литературнымъ произведеніямъ его

¹) Коронацію Мануила, происходившую 11-го февраля 1394-го года, описалъ діаконъ Михаилъ, епископъ смоленскаго. Игнатій,— Никонъ лѣт. IV, 132, и у Сахарова.

²) Никонъ лѣт. IV, 271 бол., Троицкая лѣтопись и другія у Каракоз. V, прим. 230 бол.: Типографск. лѣт. стр. 209 бол.; въ частности о милостынѣ отъ тверскаго вел. кн. Михаила Александровича въ извѣстіи о семъ князѣ—Никонъ лѣт. IV, 288 (изъ Москвы посланъ былъ съ милостыней Троицкій иночъ Ослябя—Продіонъ, тотъ чѣмъ вмѣстѣ съ Переевѣтоль—Александровъ дань былъ преи. Сергіемъ Дмитрію Ивановичу для Донской битвы съ Мамаемъ). Греки отблагодарили Русскихъ присыпкой имя святыхъ: московскому великому князю присланы были икона чудотворицъ (Троицк. лѣт.; въ Никон. лѣт.: присланы «икону чуду блогородицъ»; въ Типографск.: «икону Спаса въ бѣфорацѣхъ»); тверскому великому князю — икона страшнаго суда.

³) Послание патріарха къ Киприану въ Памятни. *Памятникъ*, № 46, col. 311.

общирное послание къ игумену Леонасию, то въ сѣмъ посланіи мы будемъ имѣть второй литературный его трудъ; есть данины полагать, что или имъ самимъ или подъ его смотрѣніемъ другими была ведена лѣтопись его времени. Но свидѣтельство о литературной дѣятельности Кипріана, читаемое у Татищева, усвояетъ ему еще написаніе многихъ житій русскихъ святыхъ, сочиненіе Степениной книги и относительно лѣтописи утверждается, что была составлена имъ таковой отъ начала русской земли. Въ подлинномъ видѣ это свидѣтельство читается: «(митр. Кипріанъ) книги своею рукою писание, яко въ наставлѣніе душевное прописа соборы бывшия на Руси, много (—и) житія святыхъ русскихъ и степени великихъ князей русскихъ, иных же въ наставлѣніе плотское, яко правды и суды и лѣтонасы русскую отъ начала земли рускія вся по ряду, и многи книги къ тому собравъ повелѣть архимандриту Игнатію Спаскому докончati, яже и соблюдохъ»¹⁾). Въ этомъ, не совсѣмъ толково изложеномъ, свидѣтельствѣ слова «писаніе» и «прописа» употребляются не въ одномъ только смыслѣ настоящаго сочиненія, но и въ смыслѣ простого списыванія и можетъ быть еще — перевода, ибо соборы бывшия въ Руси, т.-е. дѣянія соборовъ, Кипріанъ, конечно, не сочинялъ, но только списывалъ, а правды и суды, если разумѣть тутъ русское, — списывалъ, если же греческое, — переводилъ; такимъ образомъ, собственными сочиненіями Кипріанъ въ свидѣтельствѣ остаются: многія житія русскихъ святыхъ, степени великихъ князей русскихъ и лѣтонасы русская отъ начала земли рускія. Слова свидѣтельства: «повелѣть архимандриту Игнатію Спаскому докончati, яже и соблюдохъ», можно понимать двояко: или такъ, что при словѣ «повелѣть» прошущено «мнѣ» и что тутъ говорить самъ Игнатій, или такъ, что Игнатій, передавъ дѣло, возложеннное Кипріаномъ на него, неизвѣстному третьяму и что говорить отъ третьей. Такъ или иначе понимать, по во всякомъ случаѣ намъ представляется говорящимъ тутъ непосредственный современникъ Кипріана. Очень можетъ быть, что этотъ непосредственный современникъ не выдумывается Татищевымъ или его источникомъ²⁾, по чтобы въ свидѣтельствѣ приводились его

¹⁾ IV, 424 fin..

²⁾ Извѣстенъ епископъ смоленскому Михаилъ, сопровождавшемъ Ильяна въ его третье путешествіе въ Константинополь (1389-го года) находился монахъ Игнатій, который составилъ описание путешествія (см. выше). Можно предполагать, что онъ былъ изъ московского Симонова монастыря, изъ іеромонаховъ котораго былъ поставленъ Михаилъ въ епископы смоленскіе, и онъ-то и могъ быть потомъ архимандритомъ Спаскимъ (постѣ Феодосія, который въ 1404-мъ году былъ сдѣланъ Кипріаномъ изъ

(современника) подлинныя рѣчи, это до крайности сомнительно. Говорится въ свидѣтельствѣ, что Киприанъ «преписа соборы, бывшіе на Руси», что онъ «преписа правды и суды». Такъ какъ Киприанъ вообще любилъ заниматься и много занимался списываніемъ книгъ, то очевидно, что особое указаніе на преписаніе имъ соборовъ и правъ и судовъ должно понимать такъ, что онъ не только списалъ ихъ (ибо онъ списывалъ и многое другое), но сдѣлалъ какъ бы свои ихъ изданія, съ тѣмъ, чтобы придать имъ значеніе изданій или редакцій авторизованныхъ церковною властію. Но русскихъ соборовъ, оставившихъ свои письменныя дѣянія, до Киприана и всего было одинъ, это—владимирскій соборъ 1274-го года: если были дѣянія одного собора, то Киприанъ не могъ преписать дѣяній соборовъ, а затѣмъ, чтобы онъ напечь нужнымъ сдѣлать изданіе, т.-е. какъ необходимо подразумѣвать въ данномъ случаѣ—изданіе въ отдельномъ видѣ, одного существовавшаго собора, это совершение неправдоподобно: дѣяніе собора, представляя изъ себя по своему объему не цѣлую книгу, а небольшую статью, никогда не писалось въ отдельномъ видѣ (особой маленькой тетрадкѣ), а всегда помѣщалось въ Кормчихъ. Что касается до правъ и судовъ, то, не подразумѣвая подъ ними Кормчей, мы не придумаемъ, что бы такое разумѣть¹⁾, а подразумѣвая Кормчую мы не объяснимъ, съ какой стати вмѣсто собственнаго названія употреблено это название списательное. Между сочиненіями усвоется Киприану написаніе многихъ житій русскихъ святыхъ. Но это совершившая неправда: послѣ житія св. митр. Петра не только неѣтъ и неизвѣстно многихъ житій, которыхъ могли бы быть съ какою нибудь вѣроточностью усвоены Киприану, но и совсѣмъ ни одного²⁾. Такимъ образомъ, до крайности

архимандритомъ Сиасскимъ митрополичьимъ кіевскимъ намѣстникомъ).—Источникъ, изъ которого береть Татищевъ свои рѣчи о Киприанѣ, содержащія приведенное свидѣтельство, есть Степенная книга. Но въ общезвѣстной напечатанной Степенной книгѣ приводимаго Татищевымъ не читается, и дѣло нужно помнить или такъ, что онъ передѣливаетъ по своему свидѣтельство Степенной книги о литературной дѣятельности Киприана (1, 558).—или такъ, что онъ имѣлъ у себя Степенную книгу особой, остающейся неизвѣстною, редакціи. Чѣдѣльно говорить о литературной дѣятельности Киприана Степенная книга, сейчасъ ниже.

¹⁾ Понимая «преписа» въ смыслѣ изданія, нельзя разумѣть свѣтской Правды Ярославовой, ибо изданіе свѣтского законодательного акта Киприанъ вовсе не могъ взять на себя.

²⁾ По поводу Татищевскаго извѣстія о многихъ житіяхъ русскихъ святыхъ, написанныхъ Киприаномъ, покойный А. В. Горскій говоритъ: «изъ житій русскихъ

сомнительно, чтобы читаемое у Татищева свидѣтельство о литературныхъ трудахъ Кипріана принадлежало современному послѣдниго. Слѣдовательно, въ Татищевскомъ свидѣтельствѣ мы имѣемъ позднѣйшее свидѣтельство о двухъ литературныхъ трудахъ Кипріана—Степениной книгѣ и русской лѣтописи отъ начала русской земли. Что касается до настѣль лично, то мы несмѣмъ сомнѣваемся въ достовѣрности свидѣтельства по отношенію какъ къ одному, такъ и къ другому труду. Чтобы человѣкъ имѣть охоту заниматься русской исторіей, нужно было, чтобы онъ любилъ самую Россію; но Кипріанъ былъ чуждый привилѣецъ. Иправда, онъ былъ Славянинъ, а не Грекъ, но представлять его славянофиломъ, какъ обыкновенно представляютъ, нѣтъ никакого основанія: принятый Греками въ число своихъ и какъ таковой достигший каѳедры митрополии русской, онъ былъ и старался показывать себя филоромеемъ, поставляя въ этомъ свою честь и славу, но чтобы его одушевляла особенная любовь къ Россіи, этого ни откуда не видно и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ почти что положительная доказательства противнаго, какъ укажемъ нѣсколько ниже. Если онъ писать лѣтопись своего времени, если онъ написалъ житіе св. Петра; то въ первомъ случаѣ онъ заботился не о Россіи, а о самомъ себѣ, а что касается до второго случая, то и здѣсь могло бы быть предполагаемо тоже личное побужденіе—связать свое имя съ именемъ св. Петра, но, какъ со всесо избраниемъ слѣдуетъ думать, онъ былъ здѣсь только исполнителемъ просьбы Русскихъ, желавшихъ имѣть болѣе удовлетворительное житіе св. Петра, нежели какое они имѣли. Степенія книга послѣ погодніхъ лѣтописей представляетъ собою онѣть систематической исторіи Россіи; русская лѣтопись отъ начала русской земли, условная Кипріану, должна бы быть представлена какъ сводная лѣтопись изъ всѣхъ или многихъ существовавшихъ дотолѣ лѣтописей (какъ это и представляется у Татищева¹⁾), ибо писать свою лѣтопись отъ начала русской

свѧтинахъ, составленныхъ Кипріаномъ, пачь извѣстно только житіе св. Петра митрополита всероссійскаго; но къ нему могли быть приложены и другія, исправленныя Кипріаномъ въ слогѣ (статья о Кипріанѣ въ Прибавл. къ творр. свв. отц.. ч. VI, стр. 354). Но если бы достопочтеннаго ученаго спросить: какія житія онъ прямо написалъ бы возможнымъ указать въ послѣднемъ случаѣ, то, конечно, онъ весьма затруднился бы отвѣтить (Не мѣшаетъ замѣтить, что въ святыняхъ при Слѣдовавшей псалтири Кипріана, находящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, № 142, русскихъ святыхъ только одинъ—св. Петръ, и нѣтъ даже Бориса и Глѣба и преп. Феодосія Нечерскаго).

¹⁾ «Лѣтопись русскую отъ начала земли рускія вся по ряду, и мнози книги на томъ съобрази...»

земли Кипріанъ, очевидно, не могъ). Но, чтобы предиринять эти новые противъ прежнихъ исторические труды, нужно было не только отличаться особеннюю любовью къ Россіи, по и имѣть особенные взгляды на нее, какъ побужденіе къ трудамъ. Во времена митр. Макарія, которому сполна должна быть усвоенема Степенная книга (т.-е. собственно мысли которого, исполненной другими) и къ правленію котораго должно быть отнесено появление сводныхъ лѣтописей, такие особые взгляды существовали (Россія стала великою землей, третьимъ римскимъ царствомъ, заступившимъ второе римское царство—Византію); но во времена митр. Кипріана ихъ еще не было. А думать, чтобы Кипріанъ, возвышаясь надъ самими Русскими и опережая ходъ событий, составилъ себѣ особые взгляды на Россію, совершенно неподобающе и невозможнно (невозможно между другимъ потому, что онъ долженъ бы быть считать, какъ дѣло рѣшеннюе, что имперія византійская будетъ взята Турками). Противъ усвѣдѣній Кипріану сводной лѣтописи мы не можемъ сказать ничего положительнаго, потому что не указывается такой сводной лѣтописи, которая могла бы быть принимаема за Кипріанову¹⁾). Что касается до того, чтобы усвоить Кипріану Степенную книгу, т.-е. ея первую часть, обнимавшую время до Кипріана, то—во-первыхъ, въ началѣ житія Владимира, составляю-

¹⁾ Покойный А. В. Горекій находилъ вѣроятнѣмъ принимать за лѣтопись Кипріанову не дошедшую до насъ Троицкую лѣтопись Карамзина (лѣтопись, взятую Карамзинымъ изъ библіотеки Троицкой Лавры, послѣ, къ сожалѣнію, отданную пож. въ Общество Исторіи и Древностей Российскихъ и погибшую въ 1812-мъ году); но основываясь единственно на томъ случайномъ обстоятельствѣ, что лѣтопись эта кончалась около смерти Кипріана 1408-мъ годомъ (тоже преосв. Филаретъ въ Обзорѣ,—§ 82). А что касается до того, чтобы можно было принимать ее за сводную лѣтопись, то «лѣтописецъ великий русскій», на который она ссылается, есть не она сама, а другая лѣтопись и названія «великій» неѣ непремѣнного основанія понимать въ смыслѣ сводный.—Архимандриѣ Спаскій Игнатій, которому, по Татищевскому свидѣтельству, Кипріанъ поручилъ докопчать лѣтопись, можетъ быть принимаемъ, какъ мы сказали, и принимается за того Игнатія, который вмѣстѣ съ епископомъ смоленскимъ Михаиломъ сопровождалъ Нимиша въ его третье путешествіе въ Константинополь и который описалъ это путешествіе. Но свидѣтельству митр. Евгенія въ Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина (I, 194) «въ библіотекѣ Академіи Наукъ между рукописями въ листѣ есть симъ Игнатіемъ висанный полууставный сокращенный лѣтописецъ съ 1254 по 1423-й годъ». Желательно было бы знать, не представляетъ ли этотъ лѣтописецъ какихъ-нибудь данныхъ по отношенію къ нашему вопросу (преосв. Филаретъ въ Обзорѣ усвояетъ лѣтописецъ спачала Игнатію, а потомъ Нимишу, епископу смоленскому,—§§ 82 и 101).

щаго первую степень, говорится, что оно собрано по благословению и повелению митрополита Макария (I, 76), а если первая степень книги составлена при Макарии, то и всю книгу нужно отнести къ его времени; во-вторыхъ—Макарьевские составители, говоря о литературныхъ трудахъ Киприана, ничего не говорятъ о томъ, чтобы они писать Степенную книгу и чтобы они—составители были его продолжателями, тогда какъ у нихъ не было въ обычай привозить себѣ чужихъ трудовъ; втретыхъ—изложение дѣятельности Киприана въ Степенной книгѣ вовсе не предстаетъ ничего такого, чтобы давало знать, что они-составители дѣятельности были онъ самъ¹⁾). Но если Татищевскаго свидѣтельства о литературной дѣятельности Киприана мы имѣемъ еще свидѣтельство о ней Степенной книги. Это послѣднее читается: «(митр. Киприанъ) книги свою рукою писание, и многія святые книги съ греческаго языка на русскій языкъ преложи и довольно (а)²⁾ писаний къ пользѣ намъ остави, и великаго чудотворца Петра, митрополита всея Руси, житіе написа и похвалами украси»³⁾. Подъ переводами съ греческаго Степенная книга, какъ должно думать, разумѣеться переводы Киприана, относящіеся къ богослуженію; если подъ доволинами писаний къ пользѣ она не разумѣеть тѣхъ же переводовъ, то или нужно предполагать писанія, оставающіяся намъ неизвѣстными, или понимать подъ ними грамоты и посланія Киприана или же наконецъ принимать слова за простую хвалебную ему фразу, въ которой возможное отъ него, какъ отъ мужа великии книжнаго, каковыи онъ былъ по отзыву лѣтописей⁴⁾, повторяемому Степенною книгой, выдается за дѣйствительное.

Итакъ, относительно Татищевскаго свидѣтельства, усвоющаго Киприану написаніе житій многихъ русскихъ святыхъ и составленіе Степенной книги и лѣтописи русской отъ начала русскія земли, должно быть сказано, что въ первомъ случаѣ,—о написаніи многихъ житій, его показаніе несомнѣнно ложно, что во второмъ и третьемъ случаѣ оно крайне сомнѣтельно. Затѣмъ, извѣстными намъ сочиненіями Киприана остаются: 1) житіе св. Петра, 2) посланіе къ игумену Афанасию,

¹⁾ Почти общепринятое мнѣніе, что первая часть Степенной книги принадлежитъ Киприану (главное исключеніе—Карамзинъ) основывается единственно на мнѣніи Татищева (I, 59 и 63) и на читаемомъ у него свидѣтельствѣ, которое приведено выше.

²⁾ Подобнымъ образомъ у Татищева: «много» вместо многи.

³⁾ I, 558.

⁴⁾ Никон. лѣт. V, 2.

если только ставить его въ рядъ литературныхъ произведеній, и 3) лѣтоиспания записи о своемъ времени, можетъ быть, писанныя и не имъ самимъ, а только подъ его надзоромъ. Житіе св. Петра, какъ мы говорили выше, представляетъ собою не что иное, какъ ораторскую или литературную обработку существовавшаго прежде житія, написанаго неизвѣстнымъ, съ иѣкоторыми, немногими дополненіями этого первого житія въ отношеніи фактическомъ. Историческая достоинства житія, какъ мы тоже говорили, болѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя; впрочемъ, въ семь случаѣ вина не на Киприанѣ, а на авторѣ первого житія, котораго онъ воспроизводить. Что касается до литературныхъ достоинствъ житія, то въ этомъ отношеніи оно не можетъ быть признано за работу щадительную и серѣзную, которую бы человѣкъ совершилъ со всѣмъ возможнымъ усердiemъ и насколько его хватало, а напротивъ должно быть считаемо за работу легкую и поспѣшную, на которую потрачено очень не много труда. Въ предисловіи къ житію Киприанъ хочетъ дать знать, будто онъ предшествияль свой трудъ по собственной инициативѣ; но гораздо вѣроятнѣе, что онъ совершилъ его по просьбѣ и совершилъ никакъ не съ особеннымъ стараніемъ. Современные Киприану писатели сербскіе, къ школѣ которыхъ онъ принадлежалъ, отличались необыкновеннымъ ораторскимъ многословiemъ и успѣвали составлять весьма пространная житія и при отсутствіи фактическаго матеріала. Этого сербскаго многословія, которое не заключаетъ въ себѣ ничего хорошаго, но которое принималось за нечто очень хорошее, въ житіи Киприановомъ вовсе неѣть, хотя и могъ бы найтись для него матеріаль. Если бы видна была большая щадительность работы, то можно было бы подумать, что Киприанъ возвышался въ семь отношеній надъ современными ему писателями сербскими; но находя въ его трудѣ того, чтд принималось этими постѣдними за достоинство, мы не находимъ и немъ и того, чтд могло бы быть принято за достоинство дѣйствительное. Вообще, житіе св. Петра Киприаново представляетъ собою только легкую обработку житія, принадлежащаго неизвѣстному. — Игумень Афанасій, къ которому Киприанъ написалъ свое посланіе, бывъ ученикъ ирен. Сергія Радонежскаго и настоятель серпуховскаго Высокого монастыря, построенаго имъ по просьбѣ тамошняго князя Владимира Андреевича. Онъ обратился къ Киприану съ посланіемъ, въ которомъ, во-первыхъ, просилъ митрополита написать ему наставленіе, какъ ему подвизаться и управлять братіей, во-вторыхъ— предложить рядъ вопросовъ, съ цѣллю получить отвѣты, о разныхъ предметахъ церковно-богослужебной и церковно-бытовой, общей и частной монашеской практики. Отлагая исполненіе первого прошенія до

другого времени, Кирилль написалъ Афанасію обширное отвѣтное посланіе, въ которомъ разрѣшаются предложенные послѣднимъ вопросы и которое оканчивается небольшимъ нравственнымъ наставлениемъ ¹⁾). Величайшая готовность, съ которойю Кирилль написалъ Афанасію отвѣты на его вопросы и съ которою онъ вызывается отвѣтчать ему и впередъ (см. выше) и то не особенное стараніе, съ которымъ онъ обработалъ житіе св. Петра, невольно располагаютъ насъ думать, что, писавъ отвѣты Афанасію въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Россіи ²⁾, онъ хотѣлъ зарекомендовать себя ими со стороны архимандритской ревности, и что, писавъ житіе св. Петра, когда уже твердо сѣлъ на кафедрѣ митрополіи всея Россіи ³⁾, онъ не заботился о томъ, чтобы зарекомендовывать себя съ какой нибудь стороны.—Что касается до лѣтописныхъ записей Кирилла о своемъ времени, писанныхъ имъ ли самимъ или по его порученію и подъ его надзоромъ другими, то мы не имеемъ ихъ въ отдѣльномъ видѣ, но въ разказѣ Никоновской лѣтописи о времени Кирилловомъ иное несомнѣнно взято изъ этихъ записей, другое должно быть принимаемо за взятое изъ нихъ со всею вѣроятностію ⁴⁾.

О Кирилловыхъ переводахъ съ греческаго, которые относятся къ богослуженію, скажемъ ниже, въ общемъ обозрѣйни богослуженія.

По извѣстію Никоновской лѣтописи и Степениной книги, Кирилль между прочимъ любилъ заниматься собственноручнымъ списываніемъ книгъ ⁵⁾), каковое извѣстіе подтверждается и другими свидѣтельствами и сохранившимися до настоящаго времени его автографами ⁶⁾. Это за-

¹⁾ Посланіе напечатано въ Акт. Ист., т. I, № 233, стр. 474, и перепечатано (въ болѣе полномъ видѣ) въ Памятникахъ Павлова, № 32, col. 244.

²⁾ Отвѣты Афанасію писаны Кирилломъ во время первой его бытности митрополитомъ кіевско-литовскимъ до первого занятія кафедры митрополіи всея Россіи въ Москвѣ при Дмитріи Ивановичѣ (Афанасій ушелъ съ Кирилломъ въ Грецію, когда этотъ былъ отосланъ изъ Москвы въ 1382-мъ году; что отвѣты были писаны, когда Кирилль былъ еще въ Литвѣ, а не въ Москвѣ, видно изъ его словъ Афанасію: «далече отъ насъ отстоши и пемощю усты ко устомъ въпрошти»).

³⁾ Житіе св. Петра написано Кирилломъ послѣ 1390-го года.

⁴⁾ Въ выпискахъ изъ лѣтописей у Карамзина читается выписка, не знаемъ—изъ какой лѣтописи: «Генв. въ 1 день 1406-го года въ пятокъ Кирилль митр. приѣхалъ изъ Кіева въ Москву, а потому со днѣмъ недѣли минуло—преставился архимандритъ Дороѳей печатникъ, добрый нашъ старецъ» (къ т. V, прил. 254, col. 104); это, очевидно, говоритъ лѣтописецъ, живущий во дворѣ митрополита.

⁵⁾ Никон. лѣт. V, 2 біо.; свидѣтельство Степениной книги приведено выше.

⁶⁾ Иже же свидѣтельство о службеніи, собственноручно написанномъ Кирилломъ, см. Опис. Сундд. ркнн. Гарек. и Новостр. № 344; въ библіотекѣ Москов-

иятие, на наше взглѣдъ странное для митрополита, тогда имѣло весь свой смыслъ. Въ то время не было для книгъ печатанія, а было рукописаніе. Чтобы рукописи не переполнились ошибками писцовъ, нужно было, чтобы существовали списки книгъ по возможности исправные, по которымъ могли бы быть повѣрюемы другіе списки, а для такой важной роли и имѣли служить списки, написанные Киприаномъ. Любовь къ списыванію книгъ предполагаетъ хороший почеркъ, безъ которого она была бы странна: Киприанъ дѣйствительно писать очень хорошимъ полууставомъ тогдашней сербской формы.

Избѣгая городского шума Москвы, Киприанъ любилъ жить виѣся,—или въ своемъ подмосковномъ селѣ Голенищевѣ или въ своемъ владимирскомъ имѣніи на Святомъ озерѣ¹⁾). Въ Голенищевѣ онъ и скончался 16-го Сентября 1406-го года, послѣ 30-ти лѣтняго безъ полутораихъ мѣсяцевъ пребыванія въ самѣ митрополита. За четыре дня до своей смерти онъ написалъ прощальную грамоту, въ которой вѣѣмъ преподавалъ прощеніе и благословеніе и отъ всѣхъ взамину просить того же и которую приказалъ прочитать надъ своимъ гробомъ при отпѣваніи тѣла²⁾).

ской Духовной Академіи три автографа Киприановы: Слѣдований Исаакіаръ,—№ 142, Творенія Діонісія Ареопагита,—№ 144, въ Пѣтица Ioanna Пѣтичника,—№ 152.

¹⁾ Никон. лѣт. V, 2 и 37, Стен. кн. I, 558. Село Голенищево (въ настоящее время Троицкое-Голенищево) находится въ 3-хъ отъ Москвы, за Воробьевыми горами, по дорогомиловской или смоленской дорогѣ, на рѣчкѣ Сѣтуни, впадающей въ Москву. Степенная книга говоритъ: «Любяще же (Киприанъ) и безъ мяtekino жити и времѧ безмолвія улучити, и того ради часто пребываю въ своемъ селѣ митрополетемъ на Голенищевѣ, иже бише място безизищно и безъ мяtekino. безъ молви же и нокойно отъ всикаго смущенія, между двою рѣкъ Сѣтуни и Раменки (Никон. лѣт.: «на стрѣльищѣ и надъ прудомъ»). Идѣже тогда бысть обаны лѣсь многъ, идѣже есть церкви во имя троихъ святителей. Василія Великаго, Григорія Богослова, Ioanna Златоустаго» (нынѣ во имя св. Троицы. См. еще о Голенищевѣ у Строева въ Спискахъ іерарховъ, сол. 262). Святое озеро находится въ двухъ стахъ на постокъ отъ Москвы, въ рязанской губерніи, въ егорьевскомъ уѣздѣ, на смыжки рязанской губерніи съ владимирскою. Киприанъ поставилъ здѣсь церковь во имя Преображенія Господня.

²⁾ Грамота въ Никон. лѣт. V, 3, Воскресенск. лѣт.,—Собр. лѣтт. VIII, 79. Стен. кн. I, 559, также въ Актахъ, относящ. до юридич. быта древн. Россіи Казачова. т. I (1857), стр. 544.—Никоновская лѣтопись и Степенная книга говорять, что и посѣдѣющіе за Киприаномъ до ихъ времени или до XVI-го вѣка митрополиты приказывали переписывать его грамоту, съ тѣмъ, чтобы читать ее при ихъ отпѣваніи и потому полагать въ нихъ гробы (это должно разумѣть о посѣдѣющихъ ми-

Никоновская летопись, повторяемая Степениной книгой, дѣлаеть общий отзывъ о митр. Кипріанѣ: «Сей Кипріанъ митрополитъ всякаго любомудрія и разума божественнаго исполнъ (бяше), и вельми книжень и духовенъ зѣло, добродѣтельныи житіемъ подвизася, и ученіемъ и наказаніемъ наслаждаше всѣхъ, много бо тиція ему и подвигъ бише учити исѣхъ слову Божію, иежъ праздная вѣщати и суетна глаголати и смѣхливыхъ человѣкъ уши наполнити» ¹⁾). Сколько въ этомъ общемъ отзывѣ дѣйствительной правды и сколько той простой некрологической реторики, съ которой мы такъ знакомы въ настоящее время, сказать не можемъ ²⁾).

трополитахъ за исключеніемъ преемника Кипріанова Фотія, который написалъ свою прощальную грамоту.— О философской прописи Кипріана къ грамотѣ сг҃р Опас. Синод. ркнп. № 131, л. 364, и № 204 л. 293).

¹⁾ Никон. лѣт. V, 2, Степени. кн. I, 558.

²⁾ Племянникъ Кипріановъ Григорій Цамблакъ, вызванный было имъ въ Россию, получивъ вѣсть объ его смерти, когда па дорогѣ къ нему находился около Вильны, не поѣхалъ въ Москву, а остался въ Литвѣ. Очень вѣроятно понимать это такъ, что онъ не надѣялся встрѣтить въ Москвѣ хорошаго пріема: а если такъ, то будеть слѣдовательно, что Кипріанъ не оставилъ и въ Москвѣ, по крайней мѣрѣ — въ высшемъ ея кругу, особенна почитаемой памяти.

МИТРОПОЛИТЬ ФОТИЙ.

Надлежало ожидать, что вел. кн. Василій Дмитріевичъ, послѣдня бывшимъ примѣрамъ, избереть кандидата въ митрополиты на мѣсто Кипріана у себя въ Москвѣ изъ природныхъ Русскихъ. Если въ предшествующее послѣ нашествія Монголовъ время Греки не отказывались поставлять кандидатовъ, избранныхъ въ самой Россіи, то тѣмъ менѣе можно было ожидать этого отказа теперь. Политическая обстоятельства Грековъ, давно уже весьма несчастныя, ко времени смерти Кипріана достигли, если позволительно такъ выразиться, крайней степени несчастности: они до чрезвычайности нуждались въ денежныхъ поминикахъ, которые могли получить отъ великаго князя за поставленіе кандидата изъ природныхъ Русскихъ. Но Василій Дмитріевичъ, не смотря на свои враждебныя чувства къ Грекамъ, не поступилъ такъ, какъ бы надлежало ожидать; послѣ смерти Кипріана онъ послалъ въ Константинополь къ патріарху съ его соборомъ и къ императору своихъ пословъ, черезъ которыхъ просилъ, чтобы патріархъ и императоръ избрали и прислали въ Москву митрополита «по старой пошлини», т. е. прислали митрополита, избравъ его по старому обычю изъ Грековъ¹). Съ немалою вѣроятностію можно думать, что не благословилъ великаго князя поступить по новому обычю, вопреки старой пошлини, митр. Кипріантъ, который хотя былъ родомъ Славянинъ, но по своимъ чувствамъ быть не славянофиль, а грекофиль: чрезвычайно благодарный Грекамъ за то, что они приняли его въ свою среду и какъ такого натурализованаго Грека поставили въ митрополиты русскіе, онъ

¹) Въ окружномъ посланіи къ литовскимъ епископамъ, написанномъ послѣ постановленія въ литовскіе митрополиты Григорія Цамблака, Фотій пишетъ: «посла (Василій Дмитріевичъ послѣ смерти Кипріана) къ святому патріарху и къ священномъ собору и къ святому царю, яко да его же по Божію хотѣнію изберутъ и пришаютъ. той есть насть и святый (читай: той и есть насть святый) святитель кіевскій и всея Руси по старой пошлини»,—Акт. Ист. т. I, № 19, стр. 32 col. 2, и въ Намятц. Павлова col. 329 бн..

усерднейше преданъ быль патріарху константинопольскому и долженъ быть заботиться объ его правахъ и поимпахъ¹⁾.

Въ годъ смерти митр. Константина открылась вражда, приведшая къ войнѣ, между литовскимъ величимъ княземъ Витовтомъ и между его зятемъ великимъ княземъ московскимъ. Находясь въ ссорѣ съ Москвой, Витовтъ не хотѣлъ имѣть одного съ нею митрополита. Поэтому, одновременно съ послѣствиемъ въ Константинополь Василия Дмитріевича онъ отправилъ туда свое послѣство съ прошеніемъ, чтобы ему поставили особыго митрополита; вмѣстѣ съ симъ онъ послалъ къ патріарху и кандидата, котораго желать видѣть литовскимъ митрополитомъ, именно—епископа или архіепископа полоцкаго Оеодосія, родомъ Грека²⁾. Но въ Константинополь по тѣмъ или другимъ побужденіямъ, между которыми главнымъ съѣроятностію пужено считать нежеланіе оскорбить Москву, дружбой съ которой тогда очень дорожили и на которую, можетъ быть, уже въ то время имѣлись весьма важные виды (брачный союзъ, о чёмъ ниже), отказали Витовту въ его просьбѣ и поставили одного митрополита на кафедры московскую и литовскую или на кафедру митрополии всея Россіи. Этотъ новый митрополитъ всея Россіи, поставленный не изъ Русскихъ, а изъ Грековъ, быль Фотій.

Фотій быль родомъ педопонесецъ или мореецъ, изъ города Моневасіи или Мальвазіи³⁾. Какъ самъ онъ сообщаетъ о себѣ, онъ по-

¹⁾ Возможно еще, что великий князь не избралъ и не послалъ въ Константинополь своего кандидата въ виду того, что Витовтъ, о чёмъ сейчасъ ниже, просилъ себѣ отдѣльного митрополита. Если бы въ митрополиты всея Россіи поставленъ быль природный Русский, то императору и патріарху труднѣе было бы отказать Витовту въ его просьбѣ.

²⁾ См. указанное посланіе Фотія, въ Акт. стр. 32 col. 2 нач., у *Нава*, col. 329, и окружную грамоту Витовта о постановлѣніи Цамблака,—въ Актахъ Западн. Росс. т. I, № 24, стр. 36 col. 1. Утверждаютъ, что титулъ архіепископа, съ которымъ Оеодосій является позднѣе, подъ 1415-мъ годомъ (Акт. Западн. Росс. т. I, № 24, стр. 33 и у *Нава*, col. 309), данъ быль ему Витовтомъ предъ отправлениемъ въ Константинополь для постановленія въ митрополиты (см. Вѣстникъ Западной и Юго-Западной Россіи *Губернатор*, 1862-го года Сентябрь, кн. 3, стр. 143, прим. 7); но насколько справедливо, не знаемъ. Грекомъ называется его литовская лѣтопись Дашиловича, напечатанная въ Гки. Ученыхъ Записокъ И Отд. Акад. Наукъ, стр. 43, въ IV кн. Член. общ. Ист. и Древн. за 1898-й годъ, стр. 65.

³⁾ Въ нашихъ лѣтописяхъ его родина называется Амфорейскою землей, т.-е. нашъ лѣтописецъ принимаютъ Морею за одно и тоже съ фригійскимъ Амореемъ или Амфоремъ (Амфоріемъ), въ которомъ пострадали 42 жученника, празднуемые 6-го

ступиль въ монастырь въ самые ранніе отроческіе годы и имѣть своимъ руководителемъ въ монашествѣ или своимъ «старцемъ» знаменитаго, по его словамъ, подвижника своего времени Акакія, который поставленъ былъ потомъ въ митрополиты монемвасийскіе. Живя при Акакіи, уже поставленномъ въ митрополиты ¹⁾, вѣроятно—въ качествѣ какого-нибудь епархиальнаго чиновника, Фотій однажды былъ посанъ своимъ старцемъ въ Константинополь къ императору и патріарху. Онъ пришелъ въ столицу въ то время, какъ тамъ находились послы русскаго великаго князя, прибывши просить себѣ нового митрополита, и императоръ съ патріархомъ поставили въ митрополиты русскіе его—Фотія. Онъ посвященъ былъ патріархомъ въ митрополиты 1-го Сентября 1408-го года (по тогдашнему—въ новій годѣ ²⁾). Неожиданное

Марта. Монемвасія, въ позднѣйшее время и теперь—Мальвазія (въ просторѣчіи—Наполи ди-Мальвазія) есть приморскій городъ въ южномъ Илліопонессѣ, извѣстный своимъ виномъ, которое называется мальвазіей. Сохранилась выписка изъ синодика педѣли иравославія монемвасійской кафедрально-митрополичьей церкви; здѣсь читается возглашеніе вѣчной памяти Фотію, какъ благодѣтелю церкви, и здѣсь онъ называется монемвасіотомъ: Φωτίον, τοῦ ἐν μαλβαρίᾳ τῷ λύκῃ γενουμένου ἀγιωτάτου καὶ ἀστέριος ἀρχιεπισκόπου Ῥωσίας, τοῦ τὴν ιαχὸν ἡμῖν ταῦτην ἑκκλησίαν καὶ πόνον εἰσεῖσθαι αὐξήσαντος καὶ πολλοὺς ἴεροὺς ἀναθέματα πεποιηκότος, τοῦ Μονεμβασιώτου, σίωνίας ἡ μηδία. Выписка изъ синодика читается въ одной изъ рукописей Туринской королевской библіотеки, см. *Jos. Pasini Codices manuscriti Bibliothecae regiae Taurinensis*, т. I, р. 422.

¹⁾ Акакій поставленъ былъ въ митрополиты монемвасійскіе въ Июнѣ въ сѣѧнїи 1397-го года, см. *Acta Patriarchat. Constantinop. Miklošiča*, II, 273, № DIX.

²⁾ Біографическія свѣдѣнія о себѣ Фотій сообщаетъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, которое читается: въ Софійскомъ Временникѣ *Строева*, ч. II, стр. 3, въ Софійской 2-й лѣтописи,—Собр. лѣтт. VI, 144, въ Иконовской лѣтописи, V, 10, и въ Собрании госуд. грамм. и договор. II, 18 (въ двухъ редакціяхъ, между которыми первоначально должна быть считаема кратчайшая, находящаяся во Временнике и въ Софійской лѣтописи). Сохранилась на славянскомъ языкѣ настольная грамота, данная Фотію патріархомъ,—въ Акт. Ист. т. I, № 254, стр. 482; во странномъ образомъ патріархъ, ставившій Фотія, называется въ ней Антоніемъ, тогда какъ онъ былъ второй по Антонію Матоемъ. въ дата въ ней вмѣсто 1-го Сентября 1408-го года—11-го марта 1393-го года. Какъ объяснять происхожденіе этихъ неправильныхъ показаній грамоты (или самой грамоты съ этими неправильными показаніями), не совсѣмъ ясно; по несомнѣнно то, что онѣ суть показанія вовсе неправильныя или ложныя. Что Фотій былъ поставленъ патр. Матоемъ (занявшимъ престолъ послѣ Каллиста II. Ксанфонула, позднѣе Ноября 1397-го года

избрание Фотия, случайнымъ образомъ прибывшаго въ столицу,—если только дѣло было дѣйствительно такъ, какъ оно представляется имъ,—даетъ знать, что онъ избрать былъ не по какимъ либо стороннимъ побужденіямъ и соображеніямъ, а по тому прямому побужденію, что былъ признаваемъ за кандидата, достойнаго мѣста. Имѣемъ и еще свидѣтельство объ его достоинствѣ—въ томъ, что онъ находился въ дружбѣ съ людьми, высоко стоявшими въ тогдашнемъ греческомъ церковномъ мірѣ: сохранилось до насъ посланіе къ нему монаха Іосифа Вріенія, который пользовался въ свое время великою славою за свою ученость и строгую жизнь и который называется его въ посланіи своимъ другомъ истиннѣйшимъ (*φίλος γνωστάτος*¹).

и до декабря 1398-го года, см. у *Миклоша*, въ Акта Patriarchat. Constantinop. II, 581, XII—XIII) и именно 1-го Сентября 1408-го года, это онъ самъ говорить въ своемъ духовномъ завѣщаніи, и такъ какъ завѣщаніе мы имеемъ въ нѣсколькихъ спискахъ (и изданіяхъ) и во всѣхъ спискахъ его наши показанія читаются одинаково, то иѣть совершение никакого основанія подозревать, чтобы въ извѣстныхъ намъ спискахъ завѣщанія мы имѣли показанія въ поврежденіи видѣ (Фотий говорить, что онъ пришелъ въ Константинополь передъ своимъ посвященіемъ въ русскіе митрополиты, когда Акакій былъ уже святителемъ, по послѣдній посвященъ въ митрополита Монемвасійскіе въ Иниварѣ 1397-го года, см. предыдущ. примѣт.. Кипріанъ послѣ утвержденія своего на кафедрѣ митрополіи всея Россіи въ 1389-мъ году до самаго конца своей жизни находился съ патріархомъ въ наиболѣшыхъ отношеніяхъ, которая совершенно исключаютъ всякую возможность предположенія, чтобы преемникъ ему былъ поставленъ при его жизни, не только въ 1393-мъ году, что почти тотчасъ послѣ его отправленія изъ Константинона въ Россію въ санѣ митрополита всей ея, но и когда бы то ни было послѣ).

¹) Посланіе, написанное вскорѣ послѣ отбытия Фотіева изъ Константинона въ Россію для занятія кафедры митрополіи, чигается въ 3-мъ томѣ сочиненій Вріенія, изданиемъ *Өтомою Мандакаю* въ Лейпцигѣ въ 1784-мъ году подъ наименіемъ *Ἴωσῆρος μοναχοῦ τοῦ Βριεννίου Τὰ παραξεπόμενα* (къ двумъ первымъ томамъ, изданнымъ *Εὐγενίεμ Κυριαρισομ* тамъ же въ 1768-мъ году, подъ заглавіемъ: *Ἴωσῆρος μοναχοῦ τοῦ Βριεννίου Τὰ εὑρεθέντα*), стр. 168. Наполненное греческими комментариями Фотію, посланіе замѣчательно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ тогда смотрѣли въ Греціи на митрополита русскаго. Каі ἀλλοι μὲν—пишетъ Вріеній—*εἰσ τὴς ἀξίας μεγάλειότητι καὶ τῇ τοῦ πλούτου βριθωσόντι, τῷ τε τῆς παρρησίας χώρᾳ καὶ τῷ μεγάθει τοῦ ἔιδυνος, οὐ τὴν ἐπιστασίαν ἐπιστεύθης, συνήδοναι...* Διὸ ος καὶ εὐδαίμονα ἡγεμεῖθα οὐκ ἐπειδὴ πλούτῳ κομᾶς ἀμυθήτῳ, ἀλλ' ἐπειδὴ διχέλεστέραν ἑλαζες ὅλην εἰς (τὸ) τὴν φιλάνθρωπόν εου γνῶμην καὶ τὴν φιλοφρούην ἐνδεξασθαι.. Тὸν δὲ βιον καὶ παπαρρησιακόν μητροπολίτην *Ῥωσίας φιλοδικεῖσες* (и другое,—подразумѣвается: изъ нашихъ, изъ Грековъ, радуются величию твоего сана и изобилию богатства и широтѣ власти и многочи-

Ровно черезъ годъ постѣ посвященія, 1-го Сентября 1409-го года, Фотій прибылъ изъ Константиноополя въ Кіевъ, сопровождаемый послами императора и патріарха¹⁾). Такъ какъ Витовтъ посыпалъ становиться въ особые митрополиты литовскіе своего кандидата, то неѣть сомнѣнія, что онъ встрѣтилъ прибывшаго къ нему не ожиданнаго и не прошенаго митрополита вселы Россіи не съ особеннымъ радушіемъ. Однако, Фотію какъ-никакъ удалось примирить его съ собою: князь призналъ его за своего митрополита и онъ прожилъ въ Литвѣ съ сопровождающими его послами около шести мѣсяцевъ. Впослѣдствіи времени, поссорившись съ Фотіемъ, Витовтъ утверждалъ, будто митрополитъ, пришедъ изъ Константиноополя, обѣщался ему—князю имѣть пребываніе у него въ Литвѣ и будто только на этомъ условіи онъ—князь и согласился принять его—митрополита²⁾). Но чтобы Фотій обѣщать

спокойствіе народа, предстоятельство надъ которыми тебѣ вѣрено... Не потому считаемъ тебя блаженнымъ, что располагаешь исказаннымъ богатствомъ, но потому, что получилъ изобильное средство показать твою человѣколюбивую настроенность и благоволительность... Привѣтствуемъ блаженнаго и властителѣйшаго митрополита Россіи священѣйшаго Фотія...). Объ Іосифѣ Вріениѣ см. въ статьѣ о немъ *архим. Арсенія*, помѣщенной въ Иправослави. Обозрѣніи 1879-го года, т. II стрр. 85 и 403.—о другомъ греческомъ посланіи къ митр. Фотію,—іеромонаха Ісидора, послѣдующаго русскаго митрополита, см. ниже.

¹⁾ Что Фотій прибылъ въ Россію въ сопровожденіи пословъ императора и патріарха, объ этомъ говорить онъ самъ въ грамотѣ къ епископу тверскому Иллѣ,—изъ Памятни. *Начала* № 50, col. 422. См. осемь еще ниже.—Слышкомъ не скоро послѣ посвященія прибылъ Фотій въ Россію или по той общей причинѣ, что вообще митрополиты—Греки, кажется, не спѣшили прибывать въ Россію (можетъ быть, требовалъ, чтобы слѣдовавшіе имъ съ минуты посвященія доходы присылаемы были въ Константинополь, и можетъ быть—черезъ это медленіе накапливъ денегъ на подъемъ и на отѣздные поминки, кому слѣдуетъ: обѣ этой общей причинѣ поведемъ иѣкоторыя рѣчи во второй половинѣ тома), или же по какой инбудь особой причинѣ. Если послѣднее, то не вожемъ сдѣлать никакого предположенія относительно причинѣ. (Предполагать, чтобы вели переговоры съ Витовтомъ, которому отказано было въ особомъ митрополитѣ, не предлагается основательнѣмъ, потому что Фотію легче было примирить его съ собой при личномъ свиданіи и личныхъ переговорахъ, такъ что въ этомъ случаѣ онъ наоборотъ долженъ былъ бы сдѣлать прибытіемъ въ Россію).—Послѣ войны съ своимъ зятемъ Василиемъ Імпіріевичемъ Витовтъ заключилъ съ нимъ миръ въ Сентябрѣ ѿсѧнѣ 1408-го года.

²⁾ Окружная грамота о поставленіи Цайблака: «и мы не хотѣли были того принять Фотія митрополита, и онъ нался наскѣ здѣ у насъ быти, первовъ строити, и приняли было есьмо его на митрополию кіевскую,—Акт. Зап. Росс. т. I. № 25, стр. 36 col. 1.

Витовту возвратить каюдру митрополии всея Россіи изъ Москвы въ Киевъ, это вовсе невѣроятно. Должно думать, что если онъ действительно давать Витовту какое-нибудь обѣщаніе, то обѣщаніе было—посыщать Литву не изрѣда только, а по возможности чаще.

Въ Москву изъ литовской Руси, въ сопровождении тѣхъ же пословъ императорскаго и патріаршаго, Фотій прибылъ 22-го Марта 1410-го года, пакануїхъ свѣтлого Христова Воскресенія¹).

Въ своеемъ духовномъ завѣщаніи онъ говоритъ, что время его 20-лѣтнаго управления русской митрополіей было для него временемъ непрерывныхъ скорбей, слезъ и рыданій. И слова эти едва ли содержать преувеличеніе. Оять приполъ въ Москву почти тотчасъ послѣ того, какъ ея область была страшно опустошена Татарами; первая половина его правленія была наполнена для него скорбями личными; во вторую половину его правленія почти непрерывно свирѣпствовали въ Россіи страшные моры, къ которымъ присоединялись столько же страшные голода.

Прибывъ въ Москву, Фотій наполъ въ печалийшемъ состояніи свое церковное митрополичье хозяйство и свои митрополичьи вотчины: въ московскомъ дому митрополичьемъ и въ митрополичьихъ селахъ или усадьбахъ все было расхищено, такъ что одинъ и другій оигъ наполъ пустыми; митрополичими вотчинами завладѣли князья, бояре и иные лихоницы²). Въ концѣ 1408-го года сдѣлать своей страшный набѣгъ на Москву Едигей; опустошивъ область московскую, онъ не взялъ самой Москвы и только держалъ ее некоторое время въ осадѣ; но когда оставленную великомъ княземъ столицу обложили Татары и когда начало въ ней смятение, такъ что люди начали бѣгать, «не брегуще о имѣніи ни о шомъ ни о чёмъ же», то явились въ ней, разбойники и

¹) Въ Никоновской летописи сказано, что Фотій прибылъ на Москву «въ сѧцѧ Апрѣля на самъ великий день Воскресенія Христова»; въ Воскресенской и Типографской летописяхъ и приводимой Карамзинымъ (V, прим. 254, col. 106) сказано, что онъ прибылъ «въ Апрѣля 22-го на Великий день». Такъ какъ въ 1410-жъ году Пасха была 23-го Марта, то мы думаемъ, что въ летописяхъ ошибка въ языке (которая действительно въ исправлена въ позднейшей Тверской летописи.—Собр. летт. XV, 485).

²) Фотій въ духовномъ завѣщаніи: «какъ есмь пришелъ на Москву на митрополию иосаѳа своего брата святого Киприана, митрополита кievскаго (и) всея Руси, не обѣтохъ въ дому церковномъ ничтоже...; а что какъ есмь пришелъ на свою митрополию, и домъ церковный и села наша есмь пуста». О вотчинахъ—Никон. летт. V, 33.

тати и хищники, которые наполнили руки свои богатствомъ и граблениемъ¹⁾). Весьма вѣроятно, что бояре и слуги митрополичьи, пользуясь сейчасъ указаннымъ обстоятельствомъ, т. е. видя возможность свалить разграбленіе дома митрополичьяго на этихъ разбойниковъ и татей, и поспѣшили расхитить его имущество. Что касается до сель митрополичихъ, то въ нихъ могли поступить точно также съ ихъ хозяйственными заведеніемъ и съ ихъ хозяйственными запасами ихъ управители и волостели. Въ чемъ могли найти для себя поводъ и предлогъ князя и бояре, чтобы расхищать и осваивать митрополичьи недвижимыя имѣнія, не видно; можетъ быть въ томъ, что «рука руку моетъ», именно—что митрополичьи бояре, расхищая движимое, ионускали и содѣйствовали князьямъ и боярамъ расхищать недвижимое, затѣмъ, чтобы потомъ стать подъ защиту этихъ большихъ хищниковъ. Митр. Фотій, пашедъ по прибытии въ Москву московскій домъ своей и села пустыми, а вотчина расхищенними, принялъ твердое намѣреніе не давать себѣ въ посмѣхъ безцеремоннымъ грабителямъ и достигнуть того, чтобы изыскать и возвратить себѣ все погибшее²⁾). Наклонный къ слезамъ и рыданію, о которыхъ онъ почти непрестанно говорить въ своихъ писаніяхъ, онъ не былъ однако характера слабаго, какъ бы можно было предполагать, а напротивъ былъ характера сильнаго и небоязнишаго, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись³⁾; при этомъ, чтѣ не противио слезамъ и рыданію и какъ показываетъ его есora съ Витовтомъ и литовскимъ духовенствомъ изъ-за поставления Цамблакова, онъ былъ человѣкъ очень горячій: и онъ повсѧ розыски расхищенаго и борьбу съ хищниками—по отношенію къ однѣмъ, каковы князья и бояре княжеские, съ непреклонною настойчивостю, по отношенію къ другимъ, каковы его собственные бояре и слуги, съ безпощадною суворостю. Мы не знаемъ вполнѣ исторіи этой борьбы и имѣемъ относительно ея только отрывочныя извѣстія. Подъ 1414-мъ годомъ читается въ Никоновской лѣтописи, что въ семъ году пришла вѣсть митрополиту Фотію изъ Киева на Москву, «еже клеветы многи сотвориша на него дукавии челяднцы, иже бѣжаша отъ него съ Москвы, свои его суще, къ черниговскому владыци, а оттуду въ Литву къ Витовту» и что «тако (ко-)есориша его съ Витовтомъ и брань велию воздвигоша и святѣй Божіей церкви смущеніе и мягечъ велий бысть»⁴⁾. Бѣгство отъ Фотія его

¹⁾ Никон. лѣт. V. 23 йн..

²⁾ Никон. лѣт. V. 33.

³⁾ «Вѣ же Фотій митрополитъ смыслень зѣло въ добродѣтельъ и мужественъ»,—Никон. лѣт. V. 34 нач..

⁴⁾ V. 53.

людей, т. е. его боярь и слугъ, и крайняя степень ихъ вражды къ нему ясно даютъ знать, что онъ взыскивать съ нихъ расхищенню ими съ неумолимою и безнощадною строгостю. Объ его настойчивости, съ которою онъ старался возвратить свои вотчины отъ князей и бояръ государевыхъ, даёт знать также Никоновская летопись, когда подъ предиществующимъ 1413-мъ годомъ говорить, что осенью сего года «восташа неблагіи человѣцы на Фотѣя митрополита кіевскаго и всей Руси и сотвориша на него клеветы къ слыну его великому князю Василю Дмитревичу, много же клеветъ напесона и Фотѣю митрополиту на великаго князя и (со)сестрина (ихъ) и сотвориша (между ними) гелобіе¹⁾. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что клеветали великому князю на митрополита и поссорили его съ послѣднимъ тѣ князья и бояре, которые были виновны въ хищеніи вотчинъ церковныхъ и отъ которыхъ митрополитъ старался возвратить собственность своей кафедры. Сохранилось до настоящаго времени посланіе Фотія къ Василю Дмитревичу, которое относится къ настоящему дѣлу и въ которомъ митрополитъ проситъ государя, чтобы все, что отдано церкви Божій его прародителями и утверждено за ней, и онъ съ своей стороны утвердилъ посредствомъ своего благочестиваго списанія, т. е. просить государя о выдачѣ ему утвержденныхъ или утвержденныхъ грамотъ на принадлежащія митрополичьей кафедрѣ вотчины²⁾. Не знаемъ, когда митрополитъ обращался съ своюю просьбою къ великому князю,— передъ тѣмъ ли, какъ приступилъ къ стараніямъ о вознагражденіи митрополіи разхищенныхъ у нея имѣній, или послѣ того, какъ старанія увенчались болыніемъ или меныніемъ успѣхомъ³⁾. Если первое, то нужно понимать дѣло такъ, что митрополитъ желалъ получить грамоты не только на тѣ имѣнія, которая въ данную минуту фактически принадлежали митрополіи, но и на всѣ, которые были освоены или присвоены у нея князьями и боярами, дабы съ грамотою великаго князя въ ру-

¹⁾ V, 51.

²⁾ Посланіе напечатано въ Намятникахъ Павлова, № 35, I, col. 295 fin.. Подлинныя его слова: «да вся, елика суть церкви Божій отдана отъ твоихъ прародителей и утверждена и наречена. и ты также да сотвориши, якоже они..; также и ты, спаси мой, благочестивымъ списаніемъ церкви Божій нареченнага да утвердиши, да устроими вся посплни»...

³⁾ Посланіе, не имѣющее даты, какъ видно изъ его конца. гдѣ выражается митрополитомъ желаніе государю, чтобы Господь подальше ему отъ чресль его въ роды родовъ наслѣдіе, писано до рожденія Василя Васильевича, а послѣдній родился 1-го Марта 1415-го года.

кахъ скорѣе возвратить себѣ свою собственность. Если послѣднее, то нужно понимать дѣло такъ, что, возвращая митрополіи похищеннаго у него вотчину, митрополитъ хотѣлъ посредствомъ грамоты великаго князя прочио утвердить ихъ за нею па будущее время. Что касается до успѣха, который имѣть Фотий въ своихъ стараніяхъ возвратить каѳедрѣ митрополіи ея расхищеннаго имѣнія, то относительно недвижимыхъ имѣній Никоновская лѣтопись даетъ знать, что онъ имѣть успѣхъ болѣе или менѣе полны; при этомъ лѣтопись даетъ знать, что посланіе митрополита къ великому князю должно понимать въ послѣднемъ изъ указанныхъ смысловъ; въ пей читается: «стажанья митрополы своея церковная и доходы Фотій митрополитъ нача обновляти, и что гдѣ изгублено начать изыскывати, или отъ князей и бояръ изобужено или отъ иныхъ иѣзкихъ лихомицевъ что восхищено, села и власти и доходы и пошлины Христова дому и пречистыя Богородицы и святыя великихъ чудотворцевъ Петра и Алексея; онъ же вся сія отъ нихъ взимаше и утверждася крѣнко въ дому Христовѣ и пречистыя Богородицы»⁴⁾. Движимыя имѣнія, которыми могутъ быть укрываемы и выдаваемы за собственность, не такъ легко возвращать, какъ недвижимыя, и вѣроятно, что здѣсь успѣхъ митрополита былъ далеко не полны,—что онъ успѣть возвратить только то, что могъ захватить на рукахъ хищникъ какъ бы съ наличными.

Мы сказали, Фотий прибыть въ Москву почти тотчасъ послѣ того, какъ ея область была опустошена Татарами. На другой годъ послѣ прибытія ему самому довелось бѣгать отъ Татаръ. Вътомъ 1411-го года онъ пришолъ во Владимиръ, чтобы посѣтить свой старій каѳедральный городъ; въ это время одинъ изъ нижегородскихъ князей, которыхъ Василий Дмитревичъ въ началѣ своего княженія согналъ съ нихъ удѣла, наслать на послѣдний «изгономъ», т. е. скрыто и внезапно, пятисотенный отрядъ, состоявший изъ половину изъ Русскихъ и изъ половину изъ Татаръ (подъ предводительствомъ царевича Талыча). Татары разсчитывали захватить митрополита во Владимирѣ, чтобы оградить его и весьма вѣроятно—чтобы взять его въ пленъ, съ цѣлью получения за него съ великаго князя и съ церкви или духовенства возможно хорошаго выкуна; однако это имъ не удалось; ничего не зналъ и не подозрѣвавъ опасности, Фотий ушелъ изъ города въ свое имѣніе на Святымъ озерѣ наканунѣ того, какъ изгонникамъ сѣдѣлать на него нападеніе. Тогда Татары бросились было за митрополитомъ въ погоню; по послѣдний, во время изгнанія изъ Владимира обѣ угрожавшей

⁴⁾ V, 33.

бѣдѣ, укрылся отъ нихъ въ своемъ сосѣднемъ имѣніи—на озерахъ Сенежскихъ, гдѣ были лѣса и мѣста крѣпкія, т. е. болота ¹). Въ благодарность Богу за избавленіе отъ опасности Фотій поставилъ на берегу озера Сеньги церковь Рождества Богородицы,—если не обѣденную, то во всякомъ случаѣ срубленную дни въ два—въ три, и прожить при церкви, плачась о томъ, что оставилъ любезное молчаніе и тишину пустыннаго монастыря и съ принятіемъ сана митрополичьяго въ таковую пучину страстей устремилсѧ, четыре с лишкомъ недѣли ²).

Въ это время клеветники еще не успѣли поссорить великаго князя съ митрополитомъ и первый вызвалъ Фотія изъ его Сенежской пустыни въ Москву, чтобы соштovаться съ нимъ о своемъ весьма важномъ семействѣ дѣлѣ, именно—о бракѣ своей дочери съ старшимъ сыномъ константинопольскаго императора Мануила Ioаниомъ. У Грековъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не вошло въ обычай брать замужъ нашихъ княжонъ; въ періодъ домонгольскій это еще бывало изрѣдка ³), но съ нашествіемъ Монголовъ до нашего случая неизвѣстно ни одного подобнаго примѣра. Импер. Мануиль, какъ необходимо думать, рѣшилъ женить своего старшаго сына на наследника на дочери московскаго ве-

¹) О Святомъ озерѣ и о Сенежскомъ имѣніи митрополичьей каѳедры см. выше въ разсказѣ о Киприанѣ (волость Сенежская находится или въ непосредственной или весьма близкѣй сосѣдствѣ съ Святымъ озеромъ, на ѿверо-западѣ отъ него между рѣками Сеньгой и Ушмой, впадающими въ Клязьму, изъ коихъ на устьи первой стоитъ село Сеньга, а вторая вытекаетъ изъ Святаго озера).

²) Никон. лѣт. V, 37 сцц. Татары, не настигнувъ Фотія, возвратились во Владимиръ и страшнѣмъ образомъ его ограбили. При этомъ озабоченовалъ себя вселчайшею доблестью ключарь Успенскаго каѳедральнаго собора священникъ Натрий, родомъ Грекъ, пришедший въ Россію съ Фотіемъ, который для спасенія сокровищъ соборной ризницы рѣшился принять отъ Татаръ страшную мученическую смерть. Укрыть сосуды церковные и утварь, сколько успѣлъ, на сводахъ собора подъ кровлей (но не въ самомъ соборѣ на полатахъ или хорахъ, ибо лѣстницы приставлены и отброшены, тогда какъ на полати были постоянные, а не приставные «входы», да и прямо говорится: «вознесе на церковь»), онъ не указалъ Татарамъ, куда дѣвали сокровища, несмотря ни на какія яученія: его ставили на сковородѣ отгнѣнной, обивали ему щечи за ногти, одразили съ него кожу, прорѣзали ему ноги вздѣли въ прорѣзы деревки и привязали къ хвосту коня, съ тѣмъ, чтобы послѣдній заволочить его до смерти,—ibid. стр. 38.

³) Извѣстно за это время пять случаевъ выхода нашихъ княжонъ за греческихъ царевичей: дочери и внуки Владимира Мономаха, дочери Всеслава полоцкаго и Володаря галицкаго, внуки Всеволода Чернигаго черниговскаго. см. Родословная роспись *Карамзина*.

ликаго князя потому, что находилъ этотъ бракъ весьма желательнымъ для себя при своихъ обстоятельствахъ. Московскій великий князь вовсе не могъ оказать императору военной помощи противъ Турокъ¹⁾, но онъ могъ оказывать ему денежную помощь, а это послѣднее было не менѣе важно, чѣмъ первое, ибо деньги нужны были не только для борьбы съ Турками, но и для простого существованія. Весьма вѣроятно, что Фотію, когда онъ отправлялся въ Россію, поручено было отъ императора разузнать, можетъ ли состояться бракъ и обѣщаетъ ли онъ желаемыхъ отъ него выгодъ, и что митрополитъ послалъ въ Константинополь утвердительный отвѣтъ. Какъ бы то ни было, но въ 1411-мъ году, съ совета и благословенія митрополита, Василій Дмитріевичъ рѣшился выдать дочь за греческаго царевича и послать ее въ Константинополь. Мы видѣли выше, какого невысокаго симѣнія былъ Василій Дмитріевичъ объ императорахъ константинопольскихъ; иѣть симѣнія, онъ очень хорошо зналъ и то, что тронъ ихъ находился наканунѣ споего надежій: но имѣть своимъ зятемъ наслѣдника императорскаго, удалось ли бы видѣть его дѣйствительнымъ императоромъ или же наоборотъ постѣ утраты имъ престола пришлось взять его вмѣстѣ съ дочерью на свои хлѣбы, была такая честь, которая не могла не льстить московскому великому князю. Дочери Василія Дмитріевича, по имени Аниї, въ минуту ея отправленія въ Константинополь было и всего 10-ть лѣтъ: это показываетъ, какъ торопился императоръ вступить въ родство съ московскимъ великимъ княземъ, чтобы извлечь изъ родства съ нимъ желаемыи выгоды. Впрочемъ, ему недолго пришлось быть сватомъ Василія Дмитріевича: Анина жила греческой царенией и всего три года, бывъ похищена моровыми повѣтремъ, свирѣпѣвшими въ Константинополь²⁾.

¹⁾ Правда, что дочь Василія Дмитріевича была не только дочерью московскаго великаго князя, но и внукой великаго князя литовскаго Витовта. Но по отношенію къ надеждамъ на военную помощь это не имѣло никакого значенія.

²⁾ Наша Никоновская лѣтопись съ другими нашими лѣтописями съ одной стороны и греческіе лѣтописцы Франца и Дука съ другой стороны разнорѣчатъ относительно года, въ которомъ Анина была выдана замужъ за Иоана: по Никоновской лѣтописи и другимъ нашимъ лѣтописямъ—въ 1411-мъ году, по Франциѣ и Дуке (собственно—по второму, споспѣшному съ первымъ)—въ 1414-мъ году. Между свидѣтелями, одинаково современными, мы отдаемъ предпочтеніе нашей лѣтописи потому, что говорящій въ ней какъ будто писалъ тогчасъ и непосредственно послѣ событія (читай разсказъ о нападеніи Татаръ на Владимиръ, въ связи съ которымъ известіе о замужествѣ Анины). Въ Никоновской лѣтописи подъ 1411-мъ годомъ:

Кромъ посланія митр. Фотія къ Василію Дмитріевичу, о которомъ сказали мы выше, сохранилось еще другое посланіе его къ великому князю, изъ которого оказывается, что и къ самому государю онъ имѣть и предъявлять претензіи относительно посягательства на доходы его кафедры. Въ этомъ второмъ посланіи митрополитъ настоятельно убѣждаетъ великаго князя возвратить церкви какія-то отнятыя или присвоенные имъ у пая пошлины. «Свѣдомо же ти буди, сыну мой,— пишетъ митрополитъ государю,— и се, яко церковь Божію уничтожилъ еси, пасильствуя, взимая неизобащающая ти, и собѣ не пособилъ еси; провѣцай, сыну мой, къ церкви Христовѣй и ко мнѣ, отцу своему: «согрѣшихъ, прости ми, и имаши, о отче, во всемъ благоисловиша и

«стогожъ аѣта князь великий Василей Дмитріевичъ отдаде дщерь свою княжну Аину въ Царыградъ за царевича Ивана Мануиловича,—V, 41 (тутъ же о соѣтствованіи съ митр. Фотіемъ). Франца въ *Chronicon majus*, lib. I, § 35 fin., послѣ 6914-го года (отъ С. М.): «той же весной и лѣтомъ (не указанного года) была въ Константинопольѣ новальнаѧ болѣзнь и скончалась отъ новальной болѣзни императрица (ибо Іоаннъ былъ младший императоръ) госпожа Аина, родомъ изъ Россіи, и погребена въ монастырѣ Ливовомъ (тобѣ *Λιβός*); въ *Chronicon minus* подъ 1417-ъ годомъ би.: «весной и лѣтомъ была въ Константинопольѣ (новальная) болѣзнь и въ Августѣ жестяѣ скончалась императрица»... и пр. Дука, гл. XX: «императоръ Мануилъ, не будучи связанъ обстоятельствами и не имѣя препятствий, надумалъ устроить бракъ сына своего Іоанна и, пославъ къ великому князю русскому, привезъ неистру—его дочь и, устроивъ бракъ и по перечѣнѣ именъ назвавъ ее Аиной (по княжна называлась Аиной и въ Россії), не хотѣлъ вѣнчать ее императорския вѣнцомъ, потому что она была дитя, имѣвшее 11-й годъ; но прошествіе трехъ лѣтъ, когда свербѣствовала въ Константинопольѣ новальная болѣзнь и умирало великое множество народа отъ очути (δια τοῦ ζημιβόνος) скончалась и царица Аина, оставивъ крайнее сожалѣніе въ гражданахъ». Вероятнѣйшее средство примиренія нашей лѣтописи съ Францею и Дукой, какъ наятъ думается, состоять въ томъ, чтобы предполагать, что послѣдній ошибается въ числѣ лѣтъ жизни Аины въ Константинопольѣ, т.-е. что она жила тамъ не три года, а шесть лѣтъ. Женскій монастырь Богородицы Ливовъ, въ которомъ погребена была Аина, получившій название отъ строителя (б. *Λύβη*; въ просторѣй монастырь назывался *ἡ Λευψή, τοῦ Λύψη*.—*Βιζαντ.* К. *Κωνσταντινοπόλ.* I, 376, отъ того у нашего наложника Зосими—Липеси) въ бывшій мѣстомъ погребеній для иѣкоторыхъ изъ Наледоговъ, существуетъ до настоящаго времени; теперь онъ есть турецкая мечеть Зерекъ—джаміе, находящаяся недалеко отъ мечети Магомета, стоящей на мѣстѣ храма апостоловъ (и весьма близко отъ бывшаго монастыря Пантократора, иныхъ мечети Килисе—джаміи). О монастырѣ см. *Диганжи Constantinop. Christ.* lib. IV, p. 92. Поминутый выше Іоанній Вріенній говорилъ по случаю смерти Аины утѣшительное слово императору.

покорена мене; елика въ законѣ и въ церкви Христовѣй пошлины злѣ
растѣнии бывшаа испытую и исправлю, воображеніа и даная и утвер-
женіа исперва отъ прародителей моихъ и яже по многихъ лѣтѣхъ
отставленаа, яже и растѣниа бывша»¹⁾... Къ сожалѣнію, Фотій вовсе
не говоритъ прямо и не даетъ знать, какія онъ разумѣеть пошлины;
какъ будто намекаетъ онъ только, что—какія-то пошлины, собиравшіяся
въ самой Москвѣ, потому что дѣлаетъ укоризну: «и сице (творитея,—
отнимаются пошлины) въ таковѣмъ градѣ велищѣмъ, въ великомъ кня-
жениї»²⁾. А когда онъ говоритъ: «по многихъ лѣтѣхъ», то какъ будто
даетъ знать, что пошлины отняты были у церкви великимъ княземъ
еще при Кипріанѣ и что онъ не были внесены въ тотъ договоръ, ко-
торый заключилъ Василій Дмитріевичъ съ послѣднимъ и о которомъ
мы говорили выше. Какой успѣхъ имѣть митрополитъ съ своими ста-
раніями о возвращеніи себѣ пошлинь, отнятыхъ у церкви великимъ
княземъ, остается неизѣбѣстнымъ. Можно думать, что—никакого, и не
безъ изброятности можно предполагать, что эти старанія и были глав-
ной причиной вражды къ нему великаго князя, которую успѣли раз-
жечь его (митрополита) клеветники. Не могъ остататься доволенъ великій
князь уже и самою формою просьбы, адресованной къ нему митропо-
литомъ: посланіе написано въ выраженіяхъ совершенно приличныхъ,
но тонъ его настойтельный и звучацій властительно, такъ что митро-
политъ не столько просить, сколько требуетъ³⁾.

Своими настойчивызы стараніями о возвращеніи расхищенныхъ
движимыхъ и недвижимыхъ имѣній кафедры митрополіи Фотій создать
себѣ враговъ между своими боярами и слугами и между боярами ве-
ликаго князя. Послѣдніе, пользуясь или не пользуясь поводами, поста-
рались и успѣли поссорить его съ Василіемъ Дмитріевичемъ. Но первые,
въ соединеніи съ послѣдними, постарались и успѣли устроить ему еще
иное, весьма жестокое, отмщеніе. Бояре и слуги Фотіева, бѣжавшіе
отъ него въ Литву, задались мыслью, какъ можно сплынѣе поссорить
его съ Витовтомъ и всевозможнымъ образомъ клеветали на него великому
князю литовскому; бояре государевы, т. е. бояре государевы мос-
ковскіе, черезъ своихъ агентовъ, усердно помогали имъ въ этомъ:⁴⁾

¹⁾ Въ Намятин. *Навігава*, № 35, II. col. 303 бп..

²⁾ Ibid. стр. 302.

³⁾ Тонъ посланія невольно напоминаетъ ту τῆς παρόντες χώραν, о которой
говорить Вріеній въ своемъ посланіи къ Фотію.

⁴⁾ Что старались возбудить неприязнь Витовта противъ Фотія не только бояре
и слуги митрополита, бѣжавшіе въ Литву, но и бояре великокняжескіе, т.-е. мос-

и совокупная усилия однихъ и другихъ привели къ тому, что Витовтъ воспользовалъ ненавистью къ Фотію и рѣшилъ отнять у него митрополію литовскую, съ тѣмъ, чтобы поставить на подвѣдомую ему кафедру другаго митрополита. По Никоновской лѣтописи, враги Фотія представляли Витовту: «отъ начала митрополиты всеа Руси столь имѣаху Киевъ, иныи же Киевъ ии во чюже положиша и вся изъ него преносятъ въ Москву, и се иныи Фотій митрополитъ все узорочie церковное и со- суды препоспѣти на Москву и весь Киевъ и всю землю пусто сотвори тяжкими попытками и даньми великими и неудобы носимыми»¹⁾). Самъ Витовтъ въ своей извѣстительной грамотѣ, написанной постѣ постановленія отдѣльного митрополита литовскаго, говорить о побужденіяхъ, которыя заставили его сдѣлать это: «(насъ побудило къ сему) то, что мы давно видѣли, какъ церковь митрополіи кіевской не поддерживается надлежащимъ образомъ («не строится,—польск. stroic''), по оскудѣваетъ; сколько ии было митрополитовъ на нашей памяти, о церкви не забо- тились, какъ было въ давнине время, но, собирая церковные доходы, вѣсъ ихъ уносили для тратъ въ другія мѣста; сокровища церковния и святыни,—деки великихъ страстей Христовыхъ, скінетръ Богородицы и хламиду и сандаліи Ея²⁾), честныи иконы, окованыи золотомъ и другія многія дорогія и висю честь церковную кіевской митрополіи переносили въ другое мѣсто; кто можетъ исчислить все то, чтѣ древ- ние князья устроили для своей чести и на память по себѣ, кроме зо- лота и серебра и церковныхъ украшений, и чтѣ все митрополиты не- реинесли въ другое мѣсто?.. Видя это,—говорить Витовтъ,—я было посыпалъ въ Константинополь по смерти Кипріана для посвященія въ митрополиты литовскіе владыку полоцкаго Оеодосія, но тамъ не исполнили нашей просьбы и приелали на Москву и Литву Фотія; я не хотѣлъ было принимать Фотія, по онъ обѣщался у насъ пребывать и о церкви какъ слѣдуетъ заботиться; однако онъ здѣсь въ Киевѣ не сталъ жить и еще болѣе опустошилъ его; поэтому мы, не будучи въ состоя- ніи терпѣть сего и не желая видѣть оскудѣнія церкви митрополіи кіев-

ковскіе,—Никон. лѣт. V, 51. Въ лѣтописи, *ibid.*, стр. 54, можетъ быть указы- вается одинъ изъ агентовъ великоминайскіхъ бояръ.

¹⁾ V, 51.

²⁾ Въ напечатанномъ подлиннике изъ данногъ мѣстѣ чтеніе повреждено: «ве- ликія страсти Христовы, скатѣть святѣй Богородицы у ступенки»... Въ латинскомъ переводе у Кульчицкаго, вzd. *Мартынова* р. 211: *tabulas passionis Christi seeptrumque Deirarae, chlamydem ac sandalia ejusdem* («скатѣть» изъ скі- нетръ? «ступенки»—сандаліи, а «у» вмѣсто п?).

ской, и поставили особаго митрополита¹⁾). Необходимо думать, что враги Фотия клеветали Витовту не то, что указывается, а другое, и что Витовтъ съ своей стороны вдругъ захотѣть и возымѣть рѣшительное намѣреніе отнять у Фотия митрополію не по тѣмъ побужденіямъ, которыхъ выставляетъ, какъ легальный, а по инымъ, которая не имѣли этого характера легальности. Правда или неправда, что митрополиты пустошили Кіевъ²⁾), но Витовтъ терпѣль Кипріана, принялъ Фотия и весьма скоро послѣ того, какъ отнято было у постѣднаго митрополію литовскую, сповѣ согласіи возвратить ее ему; хотя, бывъ католикомъ весьма неусерднымъ, Витовтъ и не былъ гонителемъ православной церкви, но чтобы опѣ заботился обѣ ея благѣ, это болѣе чѣмъ сомнительно³⁾. Даниами и пошлиями, которая собирали митрополиты

¹⁾ Акты Западн. Росс. т. I, № 25, стр. 35.

²⁾ Съ большою вѣроятностію должно думать, что неправда. Все, что приложили драгоцѣннаго въ кіевскій Софійскій соборъ князья доменгольского периода, было разграблено Татарами при взятіи Кіева; а послѣ сего Кіевъ (до временъ автоговскихъ) не имѣлъ своихъ князей, которые бы сповѣ могли надѣлать драгоцѣнныхъ вкладовъ въ соборъ. Если бы митрополиты перенесли изъ Кіева въ Москву святыни, то московскія лѣтописи непремѣнно бы записывали это, искажълько не стѣснинъ литовскими взглядомъ (если бы таковъ онъ былъ), что со стороны митрополитовъ это было хищеніемъ. Изъ церковныхъ вещей, находящихся въ настоящее время въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, могутъ быть приписываемы за кіевскій (съ иѣхоторою вѣроятностію и искажълько не съ совершенію увѣренностью) только такъ называемые Корсунскіе (греческой формы и работы) запрестольные или выносные кресты (см. о нихъ и рисунокъ ихъ у Степанова въ Намятникахъ московской древности, стр. 18 col. 2). Отъ самого Витовта въ 1399-мъ года его дочь Софья привнесла въ Москву иконы, обложенія златомъ и серебромъ, чудны зѣло, и часть страстей Спасоныхъ (Никон. лѣт. IV, 278); и очень можетъ быть, что это была святыни, взятая изъ церквей (Вел. кн. Василій Дмитревичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи благословляющъ своего старшаго сына, будущаго вел. князя Василія между прочимъ «страстями большими»).—Собр. госуд. грамм. и договор. I, 81 бп., и у Карамз. V, прим. 227. Подъ этими страстями большими со всею вѣроятностью должно разумѣть тѣ «великія страсти Христовы», о которыхъ говорилъ Витовтъ въ своей грамотѣ. Но такъ какъ онъ находились не въ московскомъ Успенскомъ соборѣ и не въ казнѣ митрополичьей, а въ казнѣ великокняжеской: то вѣроятно думать, что онъ не привезены были митрополитами изъ Кіева, а откуда-то пріобрѣтены или получены были великими князьями).

³⁾ Витовтъ, какъ необходимо думать, былъ человѣкъ крайне равнодушный къ вѣрѣ и совершенный интеffерентистъ по отношенію къ ней. Онъ четыре раза крестился: до 1386-го года онъ былъ православнымъ; въ этомъ году вмѣстѣ съ Ягайломъ онъ крестился въ католичество; поссорившись вскорѣ за симъ съ Ягайломъ онъ

въ Литви, такъ какъ онъ были (т.-е. считались) законными, Витовтъ вовсе не могъ возмущаться; а чтобы митр. Фотій съ своей стороны могъ вывести его изъ територіи своими поборами въ тѣ три съ половиною года, которые прошли отъ прибытія митрополита въ Россію до его (Витовтова) рѣшенія поставить для Литвы особаго митрополита, это совсѣмъ невѣроятно. Совершеннайа неправда и то, будто Фотій не хотѣлъ надлежащимъ образомъ заботиться о литовской части своей митрополіи; мы уже говорили выше, что нельзѧ вѣрить Витовту, будто Фотій обѣщался ему перенестъ или возвратить кафедру митрополіи изъ Москвы въ Кіевъ, и что онъ могъ обѣщать ему, только чанце прежніяго посѣщать Литву; но что касается до этого послѣдняго обѣщанія, то митрополитъ показалъ намѣреніе на самомъ дѣлѣ его исполнить: черезъ два года по прибытіи на Русь онъ ходилъ изъ Москвы въ Литву и прожилъ тамъ около цѣлаго года, если не болѣе¹⁾). Вообще, необходимо думать, что враги Фотія старались и успѣли возбудить въ Витовтѣ личную сильную ненависть къ митрополиту и что изъ личнаго мщенія князь и рѣшилъ отнять у послѣдняго свою литовскую часть митрополіи. Что именно клеветали Витовту на Фотія его враги, мы не знаемъ; но должно полагать, что представляли ему митрополита его инососителемъ, оскорбителемъ, его врагомъ и ненавистникомъ и пр. Что дѣло было дѣйствительно такъ, это показывается и самая исторія отнятія у Фотія литовской части его митрополіи.

Нобуждаемый личной враждой и личнымъ миценіемъ, Витовтъ хотѣлъ однако дѣйствовать съ легальною или законною видимостію. Вовсе нельзѧ думать, чтобы еписконы литовскіе слишкомъ желали видѣть у себя отдельнаго митрополита: въ этомъ случаѣ поборы съ нихъ въ пользу митрополита были бы никакъ не мелкими, а развѣ только большими, между тѣмъ надзоръ быть бы сильнѣе и для нихъ гораздо тягостнѣе. На семъ основаніи виолигъ застуживается вѣры свидѣтельство Никоновской лѣтописи, что Витовтъ силою принудилъ ихъ дѣйствовать сообразно своему желанію. Онъ началь съ того, что заставилъ епископовъ подать себѣ грамоту, въ которой послѣдніе заявляютъ,

изъ политическихъ видовъ снова крестился въ православіе; покрившись съ Яганомъ и посаженный на великое княжество литовское онъ опять перекрестился въ католиство!

¹⁾ См. помянутую выше литовскую лѣтопись Даниловича,—въ Ученыхъ Запискахъ стр. 43 ип., въ Членіяхъ Общ. Ист. и Древн. стр. 63; 8-го Сентября 1411-го года Фотій поставилъ въ Луцѣ епископа туровскаго Евонія, 1-го Августа 1412-года онъ отправился изъ Галича въ Москву.

будто видять велику церковь кіевскую отнюдь запустѣваему и презираему отъ Фотія митрополита московскаго и стадо Христово небретомо и гиблемо,—будто митрополит не хочетъ видѣти великія соборныя церкви митропольскія кіевскія, т. е. будто онъ не хочетъ посещать литовской части своей митрополіи,—будто митрополит не хочетъ правити люди Божія, акоjkъ достонъ и якоjkъ подобаетъ митрополиту, но наче точно приходы и прибытки церковныя собираеть и всякое узорочіе—старое устроеніе и венцы драгія и всю честь великія кіевскія церкви на ино мѣсто препосыпть, идѣжъ живетъ, еже есть во глаголемый тамо градъ Москву, и въ которой они—еписконы, побуждаемые, какъ говорить, скорбю и великою печалію о соборной церкви кіевской и о людяхъ Божіихъ, молить государя пощадиться Господа ради подать имъ руку помоющи¹⁾). Получивъ отъ еписконоў эту грамоту, болѣе чѣмъ вѣроятно—имъ же самимъ и продиктованную, Витовтъ прогналъ изъ Кіева намѣстника и чиновниковъ Фотіевыхъ, предварительно ограбивъ ихъ, приказалъ описать кіевскую митрополичью кафедральную церковь со всѣмъ ея движимымъ имуществою, также описать принадлежавшия кафедрѣ города и волости съ селами или недвижимымъ имѣніемъ и раздать послѣдній (очевидно, управляемый въ своей дѣятельности никаколько не заботами о митрополичьей кафедрѣ) во владѣніе своимъ начамъ²⁾). Фотій, узнавъ, до какой степени его враги успѣли вооружить противъ него Витовта³⁾ и чтѣ удуматъ послѣдній въ своемъ гибѣ на него, тотчасъ же рѣшилъ отправиться въ Литву, чтобы сдѣлать попытку примиренія съ государемъ, предъ которымъ его оклеветали, а въ случаѣ неуспѣха попытки пройти въ Константинополь и стараться у патріарха о возраженіи Витовту ставить особаго митрополита. Но когда онъ явился въ Литвѣ, то по приказанію Витовта быть схваченъ, ограбленъ и не пронущенный въ Константинополь возвращенъ въ Москву⁴⁾. Два ограбленія или грабежа—сначала чиновниковъ митрополита, потомъ его самого, даютъ знать, что Витовтъ дѣйствовалъ водимый личнымъ гибѣвомъ противъ Фотія (чтѣ было плодомъ усилий клеветниковъ послѣднаго), а не тѣми побужденіями, которыя выставляютъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ грабежи, хотя и имѣвшіе мѣсто въ XV вѣкѣ, были бы позорными дѣяніями вовсе необъяснимыми.

¹⁾ Никон. лѣт. V, 52.

²⁾ Никон. лѣт. V, 53.

³⁾ Навомимъ, что это прямо говорить Никоновская лѣтопись,—Ibid.,

⁴⁾ Ibid.

Приступая къ избранию своего особаго митрополита, Витовтъ заставилъ епископовъ написать отреченнную грамоту отъ Фотія, которою этотъ бытъ предаваемъ крайнему позору и которая должна была оскорбить его до такой степени, до какой только степени можетъ оскорбиться человекъ, совѣтъ не лишиенный способности скорбляться. Эта грамота есть слѣдующая: «Бывшему до сихъ поръ митрополиту киевскому и всея Россіи Фотію мы епископы киевской митрополіи пишемъ по благодати Св. Духа: съ тѣхъ поръ, какъ ты пришелъ (въ Россію), видѣли мы, что многое дѣлаешь ты не по правиламъ апостольскимъ и отеческимъ, и мы, по правиламъ, терпѣли (тебя), какъ своего митрополита и ждали отъ тебя исправленія; но мы уединили относительно тебя и истинно уѣбрались о иѣкоторой вещи, которая не только не по правиламъ, но и подвергаетъ тебя изверженію и проклятию,—ты и самъ сознаешься въ этомъ, испытавъ свою совѣсть, а мы не пишемъ о ней, не желая срамить тебя; итакъ, объявляемъ тебѣ, что по правиламъ не признаемъ тебя за епископа,—и это есть наше коначное къ тебѣ слово:¹⁾). Фотій торжественно, предъ лицомъ всей своей церкви и всѣхъ людей, обвиняется литовскими епископами въ срамнѣйшемъ порокѣ или грѣхѣ, за который онъ подлежитъ изверженію изъ сана и проклятию, за который епископы не признаютъ его истиннымъ епископомъ и разрываютъ съ нимъ церковный союзъ! Къ такой невѣроятной и невѣроятно возмутительной выходкѣ епископы могли быть принуждены только личной, незнавшей границъ, злобой Витовта противъ Фотія. Такъ какъ и со стороны Витовта она не совѣтъ понятна, то должно думать, что Фотій, ограбленный въ Литвѣ и насильно возвращенный въ Москву, дала всю волю своему рѣзкому языку, который бытъ выражалъ крайне горячаго права.

Кандидатомъ, котораго хотѣть поставить Витовтъ въ особые митрополиты литовскіе, былъ игуменъ Григорій Цамблакъ.

Цамблакъ, какъ мы говорили выше, былъ Болгаринъ, изъ города Тернова, изъ тамошней боярской фамиліи Цамблаковъ, родной племянникъ митрополита Константина. Объ его жизни до прибытія въ Россію знаемъ—не совершило достовѣріемъ образомъ, что, перенеядъ изъ Тернова въ Константинополь постриженіемъ въ монахи или чтобы быть пострижену въ монахи, онъ состоялъ иѣкоторое время въ клуѣ патріарха константинопольскаго,—и совершило достовѣріемъ образомъ, что онъ бытъ преимущественно, только неизвѣстно—въ какомъ по-

¹⁾ Акты Зав. Росс. т. I. № 23, стр. 33. Мы передали грамоту въ переводѣ съ славяно-белорусского языка на русскій языкъ.

рядкѣ, игуменомъ Дечанскаго монастыря въ Сербіи и пресвитеромъ великия церкви молдовлахійскія или чиновникомъ (клирошаниномъ) при молдавскомъ митрополитѣ, и иаконецъ—что быль игуменомъ греческаго монастыря Илиненскаго, находившагося или въ самомъ Константино-полѣ или гдѣ-то въ его окрестности¹⁾). Онь прибылъ въ Россію, по

¹⁾ Въ приступѣ къ слову о божественныхъ тайнахъ и о блаженномъ Филогонії, архієпископѣ антиохійскому, Цамблакъ, похвальная певзівѣстнаго юста слушателей своихъ за ихъ теплое усердіе къ церкви, говоритъ: «яко и вѣстинци блази будемъ посыавшиemu насъ отцу и учителю вселенскому вашей добродѣтели» (слово въ декабрьской домакарьевской Четь-Минеѣ Моск. Дух. Акад., № 90, л. 349 бп.). Сопоставляя эти слова Цамблака съ читаемымъ въ грамотѣ константинопольскаго патріарха Матея отъ 26-го Іюля 1401-го года, что онъ—патріархъ посыаетъ въ Молдавію для разслѣдованія о тамошнихъ церковныхъ дѣлахъ честнѣшаго въ іеромонахахъ и отца духовнаго и старца своего Григорія (въ Acta Patriarchat. Constantinop. II, 529; о церковныхъ дѣлахъ молдавскихъ см. нашъ Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской, стр. 372 ицц), съ вѣроятностью можно предполагать, что певзівѣстнаго юста слушателівъ, къ которымъ говорилъ свое слово Цамблакъ (за пять дней до Рождества Христова певзівѣстнаго года) были именно Румыны Молдавіи и что именно онъ есть іеромонахъ Григорій патріаршой грамоты. Въ объясненіе того, какъ онъ могъ быть принятъ въ клиръ константинопольскаго патріарха, во-первыхъ, должно быть сказано то, что выше мы сказали о принятіи въ этотъ клиръ его дяди Кипріана (стр. 299); во-вторыхъ, могло имѣть великую силу ходатайство за него передъ патріархомъ и самого Кипріана, такъ какъ этотъ послѣдній быль, можно сказать, благодѣтелемъ императора и патріарха (выше стр. 330). Что потомъ Цамблакъ былъ игуменомъ Дечанскаго монастыря въ Сербіи, пресвитеромъ великой церкви молдовлахійской или чиновникомъ при молдавскомъ митрополитѣ и игуменомъ монастыря Илиненскаго, это извѣстно изъ надписанія надъ принадлежащимъ ему житіемъ Стефана Дечанскаго (напечатано въ Гласникѣ, XI, 43) и изъ надписаний надъ его словами (Дечанскій монастырь называется въ надписаніяхъ надъ словами обителю не Дечанскою, а Царикраторовою, какъ онъ еще, въ смыслѣ почетномъ, назывался по своему храму Преображенія Господня). Монастырь Илиненскій, игуменомъ которого называетъ себя Цамблакъ въ надписаніи похвального слова Кипріану, сказанного уже въ Россіи, и который долженъ быть считаемъ послѣднимъ юстомъ его служеній передъ Россіей, какъ показываетъ его название, былъ монастырь греческій. Очень вѣроятно считать его за одинъ и тотъ же съ монастыремъ Илиненскимъ, который упоминается въ актахъ патріархіи константинопольской и относительно котораго дается знать, что онъ былъ или въ самомъ Константинополѣ или по близости сего послѣднаго (Acta Patriarchat. Constantinop., I, 194 и 423). Ссылаясь на похвальное слово Григорія Кипріану, утверждаютъ, что Цамблакъ воспитывался подъ руководствомъ патріарха терновскаго Евгентія (который имѣлъ учениковъ иѣскоѣко на подобіе константинопольскаго патріарху Фотія и о которомъ см. въ нашемъ упомянутомъ Краткомъ

иисьму Киприана, изъ самий годъ смерти посльдниго и уже не засталь его ить живыхъ¹⁾). Конечно, онъ шелъ къ Киприану въ Москву; но

очеркѣ стрр. 84 и 172): по читаемое у Цамблака въ нашемъ словѣ, что хотять понимать какъ свидѣтельство бѣь указаніемъ, крайне невразумительно («и яко ужо близъ [Тернова] бысть [мягр. Киприанъ, шедшій изъ Россіи въ Константинополь и по пути посѣтившій свой родной городъ] къ памъ гряды, тогда церкви, яже насы воспитавши и наказавши, съ рожденіемъ насъ отцемъ и учителемъ зѣлнимъ срѣте, воспирѣющи многою свѣтлостью блаженіаго, цѣловающи, объемлюющи...»), а между тѣмъ въ похвальному словѣ Евонію Цамблакъ не дѣлаетъ никакого намека на то, чтобы Евоній былъ его учителемъ и чтобы онъ былъ ученикомъ патріарха. Точно также и родство Киприана съ Евоніемъ, а слѣдовательно—родство съ послѣднимъ и Цамблака, какъ мы говорили выше, предполагаютъ безъ достаточнаго основанія (а предполагаемое иѣкоториями на основаніи синодика цара Бориса, что онъ былъ великимъ примикиріемъ при патр. Евоніи, есть просто цѣлѣность: въ синодикѣ заинсанъ не нашъ Григорій, а совсѣмъ другой Цамблакъ, бывшій великимъ примикиріемъ при царѣ, а не при патріархѣ, у котораго не было чиновниковъ, называвшихся примикиріями,—можетъ быть, близкій родственникъ Григорія, можетъ быть даже, какъ и принимаютъ иные, его отецъ). Полагаютъ, что Цамблакъ жилъ иѣкоторое время на Афонѣ; но если на основаніи словъ его въ словѣ похвальному отцемъ преподобнымъ въ недѣлю сырную: «азъ вѣжъ горы афонскія»: то онъ говорить вовсе не въ томъ смыслѣ, что жилъ на Афонѣ, а въ томъ лишь и именно смыслѣ, что знаєтъ про него. Подъ обителью Напократоровою, игуменомъ которой называется Цамблакъ въ надписаніяхъ словъ, иѣкоторые разумѣютъ не только сербскій монастырь Дечанскій, но еще молдавскій монастырь Иамецкій (главный храмъ котораго въ честь Вознесенія Господня): по Иамецкій монастырь, только въ 1392-мъ году начавшійся поселеніемъ въ пустынѣ трехъ отшельниковъ, едва ли уже до прѣѣзда Цамблакова въ Россію представляеть изъ себя обитель, иѣсто вгумена въ которой могло быть привлекательнымъ для человѣка сторонняго. Если Цамблакъ дѣйствительно состоялъ иѣкоторое время въ клире патріарха константинопольскаго, то онъ пришелъ въ Константинополь послѣ Сентибра 1390-го года (какъ это слѣдуетъ изъ похвального слова его Киприану, въ которомъ онъ говорить, что послѣ 1379-го не видалъ болѣе Киприана), между тѣмъ какъ онъ и еще видѣлъ бы его въ Константинополѣ, если бы пришелъ въ послѣдний до Октября 1390-го года,— выше стр. 300: наиболѣеѣ вѣроятно, что Цамблакъ перешелъ изъ Тернова въ Константинополь послѣ взятія первого Турками въ 1394-мъ году. Въ 1379-мъ году онъ имѣлъ возрастъ огроческій (какъ говорить въ томъ же похвальномъ словѣ Киприану), т.-е. былъ лѣтъ около 15-ти; слѣдовательно, рожденіе его должно быть относно приблизительно къ году 1365-му. Наречтая статья о Цамблакѣ, озаглавленная: «Кіевскій митрополитъ Григорій Цамблакъ (Очеркъ его жизни и дѣятельности)» и подписанная буквой S., напечатана въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1895-го года, въ юльской и августовской книжкахъ.

¹⁾ Получивъ вѣсть о смерти Киприана на рѣкѣ Иманѣ, когда приближался къ Визлиѣ, какъ говорить въ похвальномъ словѣ Киприану.

какъ вѣсть о смерти дяди встрѣтила его въ Литвѣ, то онъ и остался здѣсь, не дошедъ до Москвы (въ которой послѣ смерти дяди, вѣроятно, не ожидалъ особенно благосклоннаго пріема). Не невозможно, что Киприанъ имѣлъ въ виду оставить его своимъ преемникомъ на кафедрѣ митрополии всея Россіи, надѣясь склонить къ этому великаго князя и исходатайствовать согласіе на это у патріарха. Чѣмъ былъ Цамблакъ въ Литвѣ до избрания въ митрополита, остается неизвѣстнымъ. Въ минуту рѣшенія Витовтова избрать особаго для Литвы митрополита, о которомъ говоримъ, былъ еще живъ епископъ полоцкій Феодосій (называемый въ актахъ нашего времени архиепископомъ), котораго прежде князь хотѣлъ поставить въ тѣ же особые митрополиты; поэтому нужно понимать дѣло такимъ образомъ, что или Цамблакъ успѣлъ приобрѣсти болѣе расположение Витовта, нежели какимъ пользовался Феодосій, или—что на сей разъ послѣдній самъ отказался отъ желанія занять кафедру митрополичью.

Во второй половинѣ 1414-го года Витовтъ послать Григорія въ Константинополь посвящаться въ митрополиты, при чемъ, становясь за епископовъ и желая придать дѣлу такой видъ, будто тутъ шло не объ удовлетвореніи его личнаго миценія, а о нуждахъ и пользахъ церкви и объ удовлетвореніи требованія ея представителей, заставилъ епископовъ написать къ патріарху грамоты, въ которыхъ они излагали вины Фотія и просили о поставлении себѣ въ особые митрополиты Григорія¹⁾. Но если Витовтъ не пропустилъ въ Константинополь самого Фотія, то удалось пробраться туда его посланъ, и черезъ этихъ послѣднихъ митрополитъ успѣлъ достигнуть у патріарха того, чтобы Григорій не только не былъ поставленъ, но за великое смущеніе, которое производилъ въ церкви, и быть еще извергнутъ въ священническаго сана и преданъ отлученію²⁾). Когда Григорій возвратился изъ Константинополя съ отказомъ, то Витовтъ, какъ онъ самъ разсказываетъ, со-

¹⁾ Когда отиравшися Григорій въ Константинополь, точныя образомъ неизвестно. Никоновская лѣтопись даётъ знать, что послѣ Іюля 1414-го года,—V, 54. Остальное въ ней же ibid..

²⁾ Окружное посланіе Фотія въ Акт. Ист. т. I, № 19, стрр. 29 col. 2 fin., 30 col. 1 и 32 col. 2: «Ионеже яже о немъ (Григоріѣ) явлены быша въ сборѣ (въ Константинополѣ, когда Григорій прибылъ туда для посвященія и гдѣ онъ нашелъ пословъ Фотія, которыхъ, иѣтъ сожнінія, и должно разумѣть подъ явившимъ), елико смущеніе створи на Христову церкву, отъ святѣйшаго вселенскаго патріарха Евѳимія и отъ божественнаго и священнаго собора изверженъ бысть сану и проклять... и едва уѣзжа казни».

бралъ епископовъ и приговорилъ съ ними, чтобы они поставили Григорія въ митрополиты сами, вопреки патріарху¹⁾). Не знаемъ, Григорій ли скрылъ отъ Витовта обѣ его изверженій патріархомъ изъ сана священническаго и отлученій, или скрылъ это отъ епископовъ Витовтъ, или же никто ничего не скрывалъ, и епископы принуждены были дѣлать, чего хотѣть князь, несмотря на то что. Но слѣдъ постановленія приговора Витовтъ, какъ нужно думать, исполняя настоятельное прошеніе епископовъ, въ Мартѣ 1415-го года еще послалъ въ Константинополь съ просьбою къ патріарху, чтобы Литви дать быть особымъ митрополитомъ, при чёмъ назначать срокомъ для отвѣта Ильинъ день и крайнимъ—Успеніе Богородицы. Когда прошелъ послѣдній срокъ, а отвѣта изъ Константинополя не было получено, Витовтъ намѣревался привести постановленій приговоръ въ исполненіе; но въ это время проходили черезъ Литву возвращавшіеся изъ Москвы въ Константинополь послы императорскій и патріаршій: они уговорили Витовта отложить срокъ до апостола Филиппа или до 14-го Ноября, обѣщаючи говорить о дѣлѣ императору и патріарху²⁾). Когда не было получено отвѣта отъ патріарха и 14-го Ноября, на другой день, 15-го Ноября,—стѣдовательно у Витовта, сгоравшаго нетерпѣніемъ миція, уже все давно было готово,—епископы посвятили Григорія въ митрополиты литовскіе (въ Новомъ градѣ литовскомъ или въ Новогродѣ³⁾).

Поставивъ Григорія въ митрополиты, епископы отъ того же 15-го Ноября обнародовали окружную грамоту, въ которой объясняютъ и оправдываютъ свой поступокъ. Они говорятъ, что скорбѣли и были въ печали, видя презираемою отъ митрополита Фотія церковь кіевскую и стадо Христово небретомъ и готовымъ къ погибели, поелику для стада митрополитъ быть настыремъ только по имени, по не на дѣлѣ, только собираясь съ него доходы, живи въ другомъ мѣстѣ, и поелику въ отпоешіи къ церкви онъ дѣлать только то, что все ея старое устройство и всю ея святыни переносить въ то другое мѣсто, где жить⁴⁾),—что при этой скорби ихъ о церкви и о людяхъ Божіихъ милостивый Богъ подвигъ сердце государя литовскаго изгнать Фотія и поставить для Литвы особаго митрополита,—что Витовтъ послалъ было

¹⁾ Акты Зап. Росс. т. I, № 25, стр. 30 col. 2 нач..

²⁾ Ibid..

³⁾ Грамота епископовъ Ibid., № 24, стр. 33.

⁴⁾ Эти рѣчи епископовъ почти дословно тѣ, которыя читаются въ предварительной ихъ грамотѣ Витовту, какъ послѣдняя читается въ Никоповской летописи, см. выше.

съ просьбою о семъ въ Константинополь, по что императоръ Мануилъ отказалъ ему въ его прошении праведномъ ради своихъ неправедныхъ прибытокъ, и что они, собравшиесь на соборъ, съ совѣтомъ и волею представителей отъ всего православнаго христіанства литовскаго, по данной имъ благодати Св. Духа и поставили Григорія въ митрополиты. Оправдывая самовольное постановление Григорія, вопреки патріарху, епископы ссылаются на правило апостольское, которое будто бы говоритъ, что два или три епископа рукополагаютъ митрополита, т. е. которое двумъ или тремъ епископамъ предоставляетъ поставлять епископа,—на примѣръ, бывший въ Россіи при Изяславѣ, на примѣръ Болгаръ и Сербовъ и начонецъ и болѣе всего на то, что благодать Св. Духа равно действуетъ во всѣхъ православныхъ епископахъ. Отстраняя отъ себя ту возможную со стороны иѣкоторыхъ неразумныхъ укоризну, что они—де епископы, поставляя сами митрополита, отрицаются отъ вѣры, епископы объявляютъ, что сего да не будетъ,—что преданное церкви отъ апостоловъ и святыхъ отецъ они держать и благочестиво исповѣдуютъ,—что всякую ересь симонитскую, предающую благодать Св. Духа на златѣ и сребрѣ, ироклиаютъ и анаемѣ отсылаютъ,—что святѣйшихъ всѣхъ патріарховъ и ихъ митрополитовъ и епископовъ имѣютъ за отцовъ и братій и согласно съ ними держать исповѣданіе вѣры, по что отвращаются и не хотятъ терпѣть насилія на церковь Божію со стороны царя; святый иселенскій патріархъ и божественный соборъ Константинограда,—говорятъ епископы,—не могутъ ставить митрополита по правиламъ, по кого царь повелить, и отсѣлѣ покупается и продается даръ Св. Духа: «сего ради—привозглашаютъ они, заключая свою грамоту,—смотряхомъ и разсудихомъ, яко неправедно есть пріимати намъ таковыя митрополиты, иже куплею поставлены бывають отъ царя, мірянини будуща человѣка, а не по воли патріарховъ и (не) по преданію сущаго собора апостольскаго»⁴⁾). Представляя императора единственнымъ виновникомъ того, что Витовту отказано было въ освобождѣ митрополитѣ, епископы конечно, хорошо сознавали, что лгутъ; но если бы они стали обвинять и патріарха, то имъ нечѣмъ было бы оправдывать самихъ себя. Когда епископы привозглашаютъ, что находятся неправедными принимать митрополитовъ, поставляемыхъ въ Константинополѣ, по причинѣ ихъ постановленія на мѣтѣ, между тѣмъ какъ добивались было получить оттуда митрополита, при чёмъ и времени постѣ несбывшихся ожиданій прошло не болѣе, какъ только одинъ день: то подобная рѣчь, конечно, смѣшила; но, не отваживаясь и не

⁴⁾ Въ Актахъ Зап. Росс. указанный № 24.

желая говорить смиренного, епископы не имели возможности заключить своей грамоты такъ, какъ они ее заключаютъ.

Съ своей стороны Витовтъ также обнародовалъ окружную грамоту (не имѣющую числовой даты), въ которой, высказывая противъ митрополитовъ и въ частности противъ Фотія свои обвиненія, приведенные нами выше, старается представить дѣло о поставлении особаго митрополита для Литвы въ такомъ видѣ, что будто бы побудили его къ этому заботы о православной церкви своего государства и желаніе отвратить отъ себя укоризну, что онъ, какъ государь неправославный, не хочетъ имѣть о пей попеченій¹⁾.

Совершенно понятно то, какъ отнесся Фотій къ этому поставлению Григорія, которое было плодомъ устроенной противъ него злостной интриги и при чёмъ онъ не только былъ всенозможнымъ образомъ оскорблѣнъ, но и возмутительнейше озоренъ. Всякій на его мѣстѣ долженъ бы былъ выходить изъ себя отъ гнѣва и озлобленія, и онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ выходить изъ себя отъ этихъ чувствъ, что быть по натурѣ своей человѣкъ очень впечатлительный (чувствительный) и весьма горячий. Немедленно онъ отправилъ посланство въ Константинополь съ просьбою къ патріарху, чтобы этотъ провозгласилъ Григорія незаконнымъ митрополитомъ и произнесъ на него отлученіе и проклятие, и въ тоже время, предавъ его изверженію, отлученію и проклятию на своеимъ собственномъ соборѣ²⁾, онъ обнародовалъ противъ совершишаго въ Литвѣ дѣла, каково это поставление Григоріево, обширное окружное посланіе, адресованное къ епископамъ и ко всякому священническому и иноческому чину и къ благочестивымъ князьямъ и властелямъ и ко всемъ христоименитымъ Господнимъ людямъ, въ которомъ, ставя свою задачею показать крайнюю беззаконность поступка литовскихъ епископовъ, дать всю полную волю своимъ чувствамъ³⁾. Если бы постановление Григорія совершиено было действительно

¹⁾ Грамота въ Акт. Зап. Росс. т. I, № 25.

²⁾ Объ этомъ соборѣ говорить Новгородская 4-я лѣтопись въ воспроизведеніи нижеиздѣйшаго окружного посланія Фотія,—Собр. лѣтт. IV, 116 («митрополиты» нужно читать митрополиты).

³⁾ Первое отлученіе и проклятие на Григорія уже поставленаго въ митрополиты произнесъ тотъ же патріарх Евпраксій, который отказалъ ему въ поставлении въ митрополиты (см. посланіе къ Фотію преемника Евпраксіева Іосифа въ Никитин. Наслова № 40, col. 359). Фотій въ своемъ посланіи не говоритъ объ этомъ отлученіи (онъ говоритъ объ отлученіи, произнесенномъ на Григорія до постановленія); следовательно, какъ необходимо думать, еще не знаетъ о немъ. Но Евпраксій скон-

по благословиимъ причинамъ, велѣствие истинныхъ заботъ о благѣ церкви, то нельзя было бы не находить посланія Фотіева весьма и чрезмѣрно рѣзкимъ и должно было бы со всею справедливостю подвергать его строгому осужденію. Литовская Русь имѣла неоспоримое законное право на своего особаго митрополита; если бы не было дано ей законнымъ образомъ того, на что имѣла она законное право, и она взяла это сама незаконнымъ образомъ: то въ случаѣ благословности и уважительности побуждений мы должны были бы скорѣе винить тѣхъ, кто незаконно отказывалъ въ законномъ, пожелѣ тѣхъ, кто незаконно приобрѣталь законное, ибо незаконность была бы одинаково на обѣихъ сторонахъ и тогда какъ сторона произвольно берущая имѣла бы для себя всѣ оправданія, сторона произвольно отказывающая не имѣла бы за себя никакихъ оправданій. Но въ данномъ случаѣ благо церкви было простымъ прикрытиемъ совѣтъ другихъ, чисто личныхъ, побуждений, и эта эти побуждения, по которымъ незаконнымъ образомъ было посягнуто на права митрополита, т. е. зная, что въ нихъ не было ничего извиняющаго, мы не можемъ не находить его правымъ въ томъ случаѣ, когда онъ трактуется беззаконіе литовскихъ епископовъ, на которыхъ обрушивается въ своеемъ посланіи, какъ таковое не только по формѣ, но и по существу. Онъ представляетъ это беззаконіе епископовъ, какъ самое воинюще и говорить имъ, что «никакоже пигдѣже обрѣтеся кто таковое сотворити беззаконіе, якоже вы сотвористе»; ихъ самихъ онъ называетъ гнусными, скверными, смрадными, окаймленными, несияценимыми, ломрачениками, волками, а не настырями, богохенавистными, безбожными, предтечами антихриста; ихъ насомыхъ настоятельно убѣждаетъ, не только не сходиться съ ними и въ какомъ церковномъ дѣйствіи, такъ какъ вмѣняетъ ихъ изришеванными, но и не имѣть съ ними никакого житейскаго общиенія до самаго общиенія въ иниции и патії. Вообщѣ, посланіе отличается самымъ рѣзкимъ тономъ, какой только можно себѣ представить. Но если мы припомнимъ невѣроятный поступокъ епископовъ, позволившихъ себѣ публично обвинить Фотія въ срамнѣи и грѣхѣ, за который онъ будто бы подлежитъ изверженію изъ сана и проклятию,—если мы припомнимъ, что они представляютъ его и называютъ грабителемъ: то не найдемъ возможнамъ строго обвинять митрополита за такую бы то ни было рѣзкость и только должны будемъ искренно покалѣть, что онъ доведенъ былъ до того, чтобы явиться въ такой крайнейшей степени рѣзкимъ. На увѣреніе

чался 31 Марта 1416-го года (см. указаніе времени его смерти у Дюканжа въ Gloss. Graecit. подъ сл. ποιεῖν).

епископовъ, что въ Константинополѣ митрополиты поставляются на мѣдѣ императоромъ, Фотій отвѣчаетъ указаніемъ на примѣры ихъ собственныя: «ци ми ти—обращается онъ къ архіепископу полоцкому—прельщеній не-епископе полочески Феодосіе: по преставленії святаго почившаго митрополита Кипріана не ты ли бытъ, погубелище, шель на митрополію? и ты самъ, оканіне, вѣси, елика сси порекъ (обѣщать) сребра и злата о томъ ставленій; аще бы еже по мѣдѣ дѣмое было се, и тебе же бы не отослали бездѣльна, по съ уничиненіемъ великимъ и студомъ отосланія, глаголюще ти сице: злато твое и сребро твое съ тобою въ пагубу да будеть!.. «Да и еще поискать также митрополію—говорить онъ, указавши на примѣръ Цамблака,—прельщеній Григоры и порицая многа имѣнія, и не послуша его, но и еще изъ сану священничества изверже его вселенески патріархъ и прокля, и едва убѣжка казни»...

Наибольшая часть писаній митр. Фотія, особенно ранніхъ, отличается однимъ очень важнымъ недостаткомъ: пока не освоился онъ съ русскимъ языкомъ, чтобъ случилось весьма не скоро, онъ писалъ погречески и заставлять перевodить; но переводы дѣлались почему то весьма пыскучно и неудовлетворительно, отъ чего въ писаніяхъ—темнота, затрудняющая ихъ чтеніе и, если онъ съ характеромъ ораторскимъ, уничтожающая въ нихъ ораторскую силу и выразительность. Для нашего посланія Фотій какъ будто нашелъ особаго переводчика, который почти совсѣмъ избѣжалъ указаннаго недостатка и вслѣдстіе этого оно читается легко, производи все то сильное впечатлѣніе, на которое было разсчитано¹⁾. Обрушаясь своимъ гиѣвомъ единственно на епископовъ, Фотій ведетъ себя далеко не совсѣмъ право, ибо собственнымъ виновникомъ дѣла бытъ Витовтъ, а епископы были только орудіемъ въ рукахъ князя. Это значитъ, что и въ крайнемъ раздраженіи гиѣва митрополитъ не терялъ благоразумія: онъ надѣялся примириться съ Витовтомъ, а поэтому и оставляетъ его совершенно въ сторонѣ, вымѣщающая себя изъ епископахъ, которые хотѣли быть епиникомъ послушными служами князя и черезъ угодническое посредство которыхъ онъ бытъ несѣднимъ столько оскорблѣмъ и до такой степени опозоренъ.

¹⁾ Посланіе напечатано въ Акт. Ист. т. I, № 19, стр. 27, въ Намѣтикахъ *Павлова* № 39, col. 315. Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ первой части доказывается беззаконность поступка литовскихъ епископовъ отъ Священнаго Писания Ветхаго и Новаго Завѣта; во второй части (начинается—въ Акт. стр. 36, col. 1 sub fin., у *Павл.* col. 340 fin.)—отъ правиль апостольскихъ, соборныхъ и отеческихъ. Вторая часть посланія предстаиваетъ выписку изъ Коричей весьма длиннаго ряда правиль церковныхъ или каноновъ.

Въ своемъ посланіи Фотій выражаетъ увѣренность, что браинъ, воздвигнутая въ церкви поставленіемъ Григорія, скоро прекратится: «надѣюсь на человѣколюбіе Божіе, еже быти тому вскорѣ». Это должно понимать такъ, что Фотій былъ увѣренъ въ помощи себѣ со стороны патріарха и что съ сего помоющію онъ и надѣялся низвергнуть Григорія. Увѣренность въ помощи патріарха не обманула Фотія: патр. Евонімій, къ которому онъ обратился тотчасъ послѣ постановленія Григорія, предалъ незаконно постановленаго митрополита изверженію и произнесъ на него отлученіе и проклятіе; когда въ Мартѣ 1416-го года скончался Евонімій и его мѣсто заступить Іосифъ, Фотій тотчасъ же обратился и къ сему второму, и этотъ съ своей стороны сдѣлалъ тоже чтѣ и Евонімій ¹⁾). Однако помоющіе патріарха, т. е. патріарховъ одного за другимъ, оказывалась недѣйствительнаю и Цамблакъ продолжалъ оставаться на своемъ престолѣ. Но надежда Фотія на человѣколюбіе Божіе относительно скораго прекращенія браинъ въ церкви исполнилась инымъ образомъ. Послѣ четырехлѣтняго пребыванія на каѳедрѣ Цамблакъ умеръ неизвѣстно точнымъ образомъ когда въ зимній промежутокъ времени между концомъ 1419-го—началомъ 1420-го года ²⁾). Фотій или черезъ посредство московскаго великаго князя или самъ непосредственно успѣлъ примириться съ Витовтомъ, и послѣдній вовсе забыть думать объ особомъ митрополитѣ для Литвы, которая такимъ образомъ и соединилась снова въ церковномъ отношеніи съ Москвой ³⁾).

¹⁾ См. посланіе Іосифа къ Фотію, въ которомъ и обѣ Евоніміи, у *Навахова* № 40, col. 359—60.

²⁾ См. лѣтопись—Новгородскую 1-ю (писанную современниками) и 4-ю въ Собр. лѣтт. III, 109 нач., и IV, 119. Воскресенскую,—*ibid.* VIII. 90. Никоновскую,—V, 73, и Типографскую, стр. 246 нач.. Новгородская 1-я лѣтопись говоритъ о смерти Цамблака передъ событиемъ, имѣвшимъ мѣсто 25-го Февраля 1420-го года. На одномъ славянскомъ евангеліи афонскаго Наваховскаго монастыря читается, какъ можно думать—современная, запись, относящая смерть Цамблака къ 1420-му году: «Лѣта 6928, индикта 13, престависе митрополитъ россійской Григоріе Цамблакъ» (см. статью *архим. Леонида*: «Кипріанъ до восшествія на московскую митрополію», помѣщенну въ Чг. Общ. Ист. и Древн., 1867 г. кн. 2, стр. 14 бп.). Митр. Евгений въ Описаніи Кіево-Софійскаго собора, стр. 104, не знаетъ—на чёмъ именно основываясь, говорить, что Цамблакъ скончался въ Вильнѣ, въ которой онъ основалъ свою каѳедру при Богородицкой церкви).

³⁾ Въ I томѣ Актовъ Историческихъ, № 18, напечатана настольная грамота митр. Фотія епископу владимирскому Герасиму отъ 1414-го года, которая представляетъ собой нечто очень недоумѣнное. Но въ подлиннике грамоты, съ которой она напечатана, нетъ имени Герасима и оно внесено въ ея текстъ издателями по

Григорій Цамблакъ занимаетъ очень почетное мѣсто въ исторіи нашей русской и вообще восточно-славянской церковной литературы въ качествѣ знаменитаго проповѣдника. Какъ о таковомъ проповѣднику мы скажемъ о немъ послѣ. Что касается до его нравственнаго характера, который, какъ известно, несколько не соответствуетъ у проповѣдниковъ непремѣннымъ образомъ ихъ талантамъ, то мы не знаемъ положительныхъ о немъ отзывовъ въ семъ отношеніи, но тѣ фактическія данины, которыхъ имѣемъ, не располагаютъ думать о немъ сколько нибудь высоко. Посланный Витовтомъ въ Константинополь для посвященія въ отдѣльные митрополиты литовскіе, онъ подвергся отъ патріарха изверженію изъ священническаго сана и отлученію, и несмотря на то нашелъ возможнімъ не отказаться отъ своей кандидатуры. Поставленный въ митрополиты, онъ два раза провозглашаемъ быть отъ патріарховъ незаконнымъ митрополитомъ, съ подтвержденіемъ изверженія изъ священническаго сана и отлученія, и не смотря на то оставался на кафедрѣ. Конечно, онъ могъ оправдываться, что патріархи поступаютъ въ отношеніи къ нему незаконно: но поскольку эти оправданія могутъ быть признаны основательными, когда мы знаемъ мотивы, вызвавшіе его поставленіе въ митрополиты? Въ виду нашихъ фактівъ является весьма подозрительнымъ и то, что до прибытія въ Россію онъ перемѣнилъ искажено мѣсть. Вообще, какъ будто есть достаточный основанія подозрѣвать, что онъ былъ то, что на свѣтскомъ языкѣ называется карьеристомъ и авантюристомъ¹⁾.

совершенно неосновательной догадкѣ (см. туже грамоту въ Иамятникахъ *Павлова*, № 49). А что касается до 1414-го года, то онъ несомнѣнно выставленъ подъ пей (въ самомъ подлинникѣ) неправильнымъ образомъ. Вѣроятнѣе, что грамота принадлежитъ именно Фотю (имени которого въ ней также неѣть и которому она усвоивается въ основаніи выставленного подъ пей года), а не Кипріану, ибо послѣдній въ настоящей грамотѣ епископу владимирскому, равно какъ и всякому другому епископу южной Руси, которому владѣть онъ дотолѣ, не имѣлъ побужденій говорить о воссоединеніи митрополіи. Если грамота дѣйствительно принадлежитъ Фотю, то она дана неизвѣстному по имени преемнику Герасима и послѣ смерти Григорія Цамблака.

¹⁾ Въ однѣхъ спискахъ съ рукописи, написанной Цамблакомъ въ бытность его митрополитомъ, воспроизводится подпись сдѣланная имъ на рукописи. Если подпись воспроизводится точно, то онъ величаетъ себя въ пей: «смиренный Григорій Цамблака, митрополитъ Киевскій, Галицкій и всея Россіи». см. статью *П. А. Сирку*: «Новый взглядъ на жизнь и дѣятельность Григорія Цамблака», напечатанную въ полтавской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1884-й годъ, Критики и библиографіи стр. 122. Въ другой извѣстной его подписи онъ назы-

Эпизодъ отдельного существования митрополії, литовской подъ управлениемъ Григорія Цамблака означеновался иѣкоторой попыткой или—чтоб вѣроятнѣе—видомъ попытки со стороны Витовта соединить православныхъ литовской Руси съ католиками.

Никоновская лѣтопись разсказываетъ, что Цамблакъ спрашивалъ Витовта: почему онъ держится латинской вѣры, а не греческой,—что Витовтъ отвѣчалъ Цамблаку: если хочешь видѣть въ греческомъ законѣ не только меня, но и всѣхъ людей моей земли, то иди въ Римъ и пре-ширайся съ папой и его мудрецами,—если переспоришь ихъ, мы всѣ примемъ греческую вѣру, а если не переспоришь, всѣхъ людей моей земли, держащихся греческой вѣры, заставлю принять вѣру латинскую, и что князь послалъ митрополита съ своими папами въ Римъ ежъ папѣ¹⁾. Рассказъ этотъ представляетъ легендарное воспроизведеніе дѣйствительнаго факта. Не пославъ Григорія въ Римъ, Витовтъ дѣйствительно посыпалъ его на константскій соборъ, который продолжался съ 5-го Ноября 1414-го года по 22-е Апрѣля 1418-го года. На соборъ Григорій прибылъ, когда онъ уже оканчивался, 19-го Февраля 1418-го года; вмѣстѣ съ послами константинопольскаго императора, съ которыми пришлось онъ одновременно, онъ былъ принятъ папою (Мартиномъ V) торжественнымъ образомъ; въ недолгое время его пребыванія въ Констанцѣ ему, такъ же какъ и посламъ греческимъ, не было оказываемо стѣсненія въ вѣрѣ и было предоставлено совершать богослуженіе по своему обряду; онъ заявилъ папѣ черезъ присутствовавшихъ на соборѣ польскихъ епископовъ, что рѣшительно не желаетъ приступить къ соединенію съ римскою церковью,—и тѣмъ дѣло и кончилось²⁾. Какими побужденіями руководился Витовтъ, пославъ Григорія на со-

---

васть себя болѣе скромнымъ образомъ митрополитомъ «Кіеву и всеа дрѣжавы литовскыя», см. въ Опис. сундук. рукп. Горск. и Невостр. № 235, л. 236, стр. 139 нач. (подпись подъ словомъ, которое написано Григоріемъ до поставленія въ митрополиты, сдѣлаша имъ, когда онъ былъ митрополитомъ: «бывшій митрополитъ» не значить: прежде бывшій митрополитъ, а значить состоящій митрополитомъ).

¹⁾ V, 70.

²⁾ См. современныхъ инсателей: Рейхенталь у *Wessenberg'a* въ Die grossen Kirchenversammlungen des 15-ten und 16-ten Jahrhund., II. 225, и Линдеманнта у *митр. Евгения* въ Описії Кіевософійск. собора, стр. 103 fin.—Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1318-мъ годомъ (V, 71 fin.), что Григорій возвратился въ Литву, бывъ въ Римѣ въ Константиноградѣ: подъ Константиноградомъ должно разумѣть Констанцъ или Констанцію (по Архангелогородской лѣтописи, стр. 110 fin., Григорій въ преставился въ Римѣ).

борь, остается неизвестнымъ. Но гораздо вѣроятнѣе думать, что онъ не помышлялъ сердѣнно объ унии или иномъ соединеніи своихъ православныхъ подданныхъ съ латинянами, а что приказалъ своему православному митрополиту отправиться на соборъ для того только, чтобы сдѣлать угодное папѣ (можетъ быть вынужденный при семъ подражать Ягайлу, который быть ревностнымъ католикомъ). Несколько ни будучи подобно Ягайлу этимъ ревностнымъ католикомъ, Витовтъ, конечно, не могъ не находить желательнымъ соединеній или объединенія своихъ подданныхъ въ вѣрѣ изъ видовъ политическихъ; но если бы онъ памѣренъ и наклоненъ быть осуществлять это желаніе, то ничто не мѣшало бы ему действовать болѣе рѣшительно, а между тѣмъ такихъ болѣе рѣшительныхъ действий съ его стороны мы вовсе не видимъ¹⁾.

¹⁾ Не имѣя никакихъ свидѣтельствъ, чтобы Григорій склонялся къ унии съ папой и имѣя положительное свидѣтельство, что онъ рѣшительно отказался отъ нея, мы не сомнѣваемся въ его твердой преданности православію. Но то обстоятельство, что въ однѣмъ изъ своихъ слогъ онъ сильно возстаетъ противъ латинянъ за употребленіе опрѣсноковъ и что каталогъ или списокъ латинскихъ заблужденій, усвояемый надписаніемъ митрополиту Григорію, по всей вѣроятности, принадлежитъ ему (А. И. Полова Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 316 sqq), само по себѣ не служило бы доказательствомъ, что онъ пребылъ твердымъ въ православіи до конца. Сегодня оно могъ писать противъ латинянъ, а завтра предаться имъ: это явленіе нисколько не невозможно.—Новый взглядъ на Григорія Цамблака, принадлежащій румынскому церковному писателю, епископу романскому въ Молдавіи Мелхиседеку, по которому онъ, представляя собою родившагося въ Болгаріи задунайскаго Румына (!), не умеръ «на Кіевѣ» въ 1419—1420-мъ году, а ушелъ въ Молдавію, чтобы занять место митрополита молдавскаго и чтобы озnamеновать себя на кафедрѣ молдавской не маю дѣятельностью, и о которомъ см. въ указанной выше статьѣ 1. *Сырку*, напечатанной въ Журналѣ Министерства Народного Просвѣщенія, мы признаемъ вовсе несостоительнымъ: между Григоріемъ Цамблакомъ и Григоріемъ, загадочнымъ митрополитомъ молдавскимъ (о которомъ см. въ нашемъ Краткомъ очеркѣ, стр. 377), общаго только одно имя (новый взглядъ преосв. Мелхиседека есть собственно старый, неудачно возобновляемый, взглядъ молдавскаго лѣтописца конца XVI—начала XVII вѣка Мирона Коستина). О загадочномъ митрополите молдавскомъ Григорія едва ли не слѣдуетъ думать, что это былъ очень ловкій самозванецъ, въ родѣ Грека Иавла Тагариса, который жѣть за 40 до него быть принять молдавскими Румынами за патріарха константинопольскаго (о которомъ въ нашемъ Краткомъ очеркѣ стр. 373),—что онъ обманулъ сначала молдавскихъ Румынъ, выдавъ имъ себя за Григорія Цамблака, приславшаго къ нимъ на митрополичью каѳедру патріархомъ константинопольскимъ, а потому обманулъ даже папу Евгенія IV, и что у Румыновъ молдавскихъ потомъ составились о немъ легенды, усвояющія ему такія

Митр. Фотій, получивъ обратно въ свою власть митрополію літovskу, которой лишился было по интригамъ враговъ, поспѣшилъ по-
сѣтить Литву, при чёмъ привѣтствовалъ снова возвращенную ему паству обширнымъ учительнымъ посланіемъ ¹⁾: онъ єздилъ въ Литву съ по-
слами патріарха и імператора, у которыхъ, какъ должно думать, онъ²⁾
просилъ помощи въ примиреніи съ Витовтомъ, въ 1420-мъ году, т. е.
или въ самий годъ смерти Григорія или на другой годъ ³⁾. Съ сего

дѣла, которыхъ онъ вовсе не дѣлалъ (см. сочиненіе *Нагаузова*: Румунська госпо-
дарства Валахія и Молдавія, стрр. 67—69). Но если бы признаваемое нами за
совершенно несостоительное оказалось на самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ (по край-
ней мѣрѣ въ лѣтахъ возраста Цамблакова, который, какъ мы сказали, родился
около 1365-го года, иѣть препятствія къ сему): то знаменитый племянникъ митр.
Кипріана, который кончилъ тѣмъ, что принялъ католичество (або что загадочный
митрополитъ молдавскій Григорій принялъ въ 1434—1435-мъ году католичество,
это составляетъ несомнѣнныи фактъ, о которомъ свидѣтельствуютъ,—съ совершен-
ною и такъ сказать съ намѣренною ясностью, дѣлѣ грамоты папы, указываемыи въ
Краткомъ очеркѣ, стр. 377 Іп.), представлялъ бы изъ себя истинное и истинно
возмутительное безобразіе.—Въ одномъ изъ сборникахъ виленской Цубличной бібліотеки есть «Григорія архиєпископа Київського и всяї Руси слово похвалное иже у
Флорентіи и у Костентіи собору Галатомъ, Шталомъ и Римляномъ и вѣмъ Гала-
томъ», см. Описanie рукописей бібліотеки, составленіе Ф. Добрянскаго, № 105,
л. 364, стр. 226. Къ сожалѣнію, описатель не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о
словѣ, ограничиваясь только тѣмъ, что приводить сдѣланную на полѣ противъ него
старую замѣтку: «Мнится, сіе слово есть Ісидора митрополита Київскаго, бо бѣ на
семь съборѣ во Флорентії». Не принадлежитъ ли слово вмѣсто Григорія кіевскаго
загадочному Григорію молдавскому? Ігнатій Кульчицький въ сибѣ сочиненія *Spre-
cimen Ecclesiae Ruthenicae* можетъ быть, разумѣеть наше «слово похвалное»,
когда говоритъ, что *extat Gregorii, cognomento Cenivlaci, epistola ad concilium Constantiense, in qua petit Patres congregatos, ut Graecos unire Latini studeant*,—новаго изданія, сдѣланаго Мартиновимъ, р. 121.

¹⁾ Оно въ Доноли. къ Акт. Ист. т. I, № 183, стр. 338.

²⁾ Объ этой поїздкѣ Фотія въ Литву такъ же не говорять ваши лѣтописи, какъ и о поїздкѣ 1411—1412-го года. О ней читается въ літovской лѣтописи Давидовича и именно слѣдующее: «Въ 1420-мъ году поїхалъ митрополитъ Фотій въ Литву Юния 1-го, а съ нимъ владыка Амвросій (посоль патріаршій). и нашель великаго князя Витовта въ Новогродкѣ,—тогда былъ (у Витовта) посолъ імператоровъ Філантропенъ Грекъ (отправившійся въ Литву, можетъ быть, напередъ Фотія); того же лѣта нашель митрополитъ въ Кіевъ и въ Слуцкѣ крестиль князя Семена Александровича (сына князя Александра или Олеъка Владимиrowича, котораго митр. Іона называетъ кумомъ Фотія,—Акт. Ист. т. I, № 47, стр. 94 col. 1 Іп.) и чзъ Мозыри позвалъ назадъ митрополита великий князь (Витовтъ); того же

времени онъ сохранялъ дружбу Витовта, не беспокоимый болѣе въ своихъ правахъ на митрополію литовскую, до самой смерти послѣднаго въ концѣ 1430-го года.

Мы говорили выше, что Галиція, которой въ 1371-мъ году при св. Алексіѣ данъ былъ особый митрополитъ, продолжала оставаться отдѣльною митрополіею и при Кипріанѣ. При Фотії она является восприсоединеною къ митрополіи всея Россіи: въ 1412-мъ году, въ свою поѣзду въ Литву, о которой не говорять наши лѣтоисци, но о которой говорить лѣтоисци литовская, онъ былъ въ Галичѣ¹⁾; въ 1413-мъ году завѣдывалъ галицкой епархіей митрополичій намѣстникъ²⁾; подъ 1414-мъ и 1415-мъ годами находимъ въ Галичѣ епископа³⁾; въ поѣзду 1420-го года Фотій былъ въ Галичѣ и Львовѣ⁴⁾. Должно думать, что патріархъ восприсоединилъ митрополію галицкую къ митрополіи всея Россіи при поставлении Фотія въ митрополиты. Что могло побудить его къ этому, тогда какъ прежде онъ желалъ сохранить ея отдѣльность, ясно не видно; представляется вѣроятнѣемъ догадываться, что Ягайло (которому, какъ королю польскому, подвѣдома была Галиція) не дозволялъ ставить въ Галицію особыхъ митрополитовъ въ видѣахъ латинской пропаганды и что патріархъ напечь иаконецъ невозможнѣемъ и неполезнѣемъ завѣдывать ею черезъ своихъ екзарховъ. При

акта былъ митрополитъ въ Галичѣ; въ 1421-мъ году (былъ митрополигъ) въ Львовѣ и во Владимирѣ, (изъ которыхъ въ послѣдній) прѣѣхалъ во вторникъ наканунѣ Рождества Христова, а въ Вильнѣ былъ о Крещеніи, и оттуда поѣхалъ къ Друтску и Тетерину, и былъ въ Мстиславлѣ у князя Семена Лыгвенія, и въ Смоленскѣ соборовалъ (въ недѣлю православія) при князѣ Семенѣ Ивановичѣ, и прѣѣхалъ въ Москву въ великомъ постѣ,—въ Ученыхъ Занискахъ стр. 56, въ Член. Общ. Ист. и Древн. стр. 67. Если помянутую выше настольную грамоту неизѣбѣстному епископу владимирскому признавать за Фотіеву, то въ ней говорится, что патріархъ съ своимъ соборомъ и императоръ прислали,—должно будетъ подразумѣвать: съ пашими послами, соборную грамоту, которою «оправдали» митрополиту его митрополію—всю русійскую землю.

¹⁾ См. выше.

²⁾ См. указаиѣ акта отъ Іюля 1413-го года въ статьѣ А. С. Нетрушиевича: «О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ», помѣщенной въ Галицкомъ Историческомъ Сборнику, вып. III (Львовъ. 1860) примѣч. 48 fin., стр. 117.

³⁾ Иакон. лѣт. V, 51 бп. и 58.

⁴⁾ См. четвертое примѣчаніе выше.

отнятій Витовтомъ у Фотія Литви отходила отъ него вмѣстѣ съ по-
слѣднею и Галиція¹).

Митр. Фотій управлялъ русскою церковію, считая со дnia его
прибытія въ Россію, 21 годъ и 10 мѣсяцевъ: прибывъ въ Россію 1-го
Сентября 1409-го года, ровно черезъ годъ послѣ постановленія, онъ
скончался 1-го или 2-го Іуля 1431-го года.

Въ ряду митрополитовъ нашихъ онъ занимаетъ выдающееся по-
ложение, какъ настырь усердно учительный. Очень можетъ быть, что
митрополиты наши изъ природныхъ Русскихъ, каковые начались съ
Кирилла III, имѣли бы желаніе быть усердно учительными; но они не
имѣли къ тому полной и надлежащей возможности. Не обладая насто-
ящимъ образованіемъ (а будучи только людьми болѣе или менѣе книжно-
начитанными), они не въ состояніи были слагать церковныхъ словъ
или поученій и должны были ограничивать свою ревность въ семъ
отношениі, какъ это видимъ на примѣрѣ свв. Петра и Алексія, немно-
гими настырскими посланіями къ своимъ пасомымъ. Мы не знаемъ,
многое ли изъ митрополитовъ Грековъ способны были слагать церков-
ные слова, но знаемъ, что весьма немногое изъ нихъ проявляли свою
ревность посредствомъ этого рода учительства, а именно—такихъ ми-
трополитовъ положительно известенъ и всего одинъ — Никифоръ I
(1104—1121) и съ вѣроятностію могутъ быть за такихъ принимаемы
двое: Ioannъ II († 1089) и Кириллъ II (1224—1233), такъ какъ
льтоини говорять о нихъ, что они были учительны зѣло. Митр.
Фотій усердно подвизался на поприщѣ учительства посредствомъ цер-
ковнаго проповѣданія. Правда, до насъ сохранилось очень немногого
его церковныхъ словъ, всего—восемь. Но должно съ вѣроятностію ду-
мать, что это есть малая часть изъ многаго²). Въ словахъ своихъ онъ

¹) Въ предварительныхъ соображеніяхъ и приговорахъ о постановленіи въ Литву
особаго митрополита участвовалъ вмѣстѣ съ другими епископами Ioannъ галицкій,—
Никонъ лѣт. V, 51 fin. и 58; на постановленіи въ митрополиты Григорія Цамблака
не присутствовалъ этотъ Ioannъ, но вмѣсто него присутствовалъ другой епископъ
Галиціи—Геласій иеремышльскій,—Акты Зап. Росс., т. I, № 24.

²) Въ настоящее время известны церковные слова Фотія: 1) на освященіе
походной церкви въ честь Воззвіженія креста, устроенной Витовтомъ для право-
славныхъ его солдатъ, сказанное въ день Благовѣщенія,—въ Дополи. къ Акт. Ист.
т. I, № 182, стр. 331 fin., 2) на Срѣтеніе Господне,—въ Правосл. Собесѣди.
1860-го года ч. II, стр. 457, 3—5) въ недѣли—о блудномъ сыне, мясопустную и
праноелавія, ibid. 1860-го года ч. III, стрр. 97, 222 и 481, 6—8) три слова о
казняхъ Божіихъ по случаю современныхъ физическихъ бѣдствій,—два напечатаны

не одинъ разъ говорить, что часто и многократно обращается къ способу учения путемъ проповѣди¹⁾). Извѣстъ усерднымъ учителемъ на поприщѣ церковнаго проповѣданія, Фотій является столько же усерднымъ учителемъ и черезъ посредство пастырскихъ учительныхъ посланий. При своемъ вступлении на каѳедру онъ адресовалъ учительное настырское посланіе ко всему священническому и иноческому чину, въ которомъ говорить о высотѣ священства и о важности соединенныхъ съ нимъ обязанностей²⁾; при вторичномъ вступлении въ завѣданіе литовскою митрополіею послѣ смерти Цамблака онъ обратился съ учительнымъ посланіемъ ко всему населенію этой митрополіи—къ благороднымъ и благовѣрнымъ князьямъ и вельможамъ, къ священническому всему и иноческому чину и ко всѣмъ христоименитымъ людямъ³⁾; по указаніямъ въ библиографическихъ каталогахъ можно думать, что существуютъ и еще два общія учительныя его посланія⁴⁾; затѣмъ, известны его учительныя посланія въ частныхъ мѣста и къ частнымъ лицамъ: два посланія священникамъ, монахамъ и всѣмъ мірянамъ не-

въ Правосл. Собесѣдн. 1861-го года, ч. II стрр. 181 и 303, третіе въ томъ же Собесѣдникѣ 1875-го года, ч. III стр. 70. У Строева въ Библіологическомъ Словарѣ указывается какъ будто еще церковное поученіе, судя по приводимому началу—о молитвѣ въ храмѣ,—подъ сл. Фотій, № II. Затѣмъ, есть еще съ вѣроятностю усвоенное Фотію сочиненіе «Объ исхожденіи Святаго Духа»,—Дополин. къ Акт. Ист. т. I, примѣч. стр. 13 (л. 63 обор.); по остается неизвѣстнымъ,—что оно такое, церковное обличительное слово или не церковный полемический трактатъ.

¹⁾ Въ словѣ по случаю освященія Витовтовой церкви (Дополин. къ Акт. Ист. т. I стр. 335 нач.) и въ словѣ на недѣлю о блудномъ сыне (Правосл. Собесѣдн. 1860-го года, ч. III стр. 499 кон.) онъ говорить, что часто слово возводить и часто глаголеть любви своихъ пасомыхъ. Третье поученіе о казняхъ Божіихъ въ некоторыхъ спискахъ его надписаноется: «Поученіе о еже много кратъ реченніе и глаголанное и иныѣ паче ко всѣмъ рѣданное о еже находящихъ на ны всяческихъ праведныхъ Владычніхъ прещеній» (см. Дополин. къ Акт. Ист. т. I. примм. стр. 14, л. 198 об.), т.-е. надписаніе поученія хочеть сказать, что матерія, о которой ведется рѣчь въ немъ, много кратъ была предметомъ собесѣданія.

²⁾ Въ Дополин. къ Акт. Ист. т. I, № 181, стр. 325, и въ Намятникахъ Навкова, № 60, col. 501. Посланіе не имѣть даты и изъ него самого не видно, когда оно написано; но со всему вѣроятностью должно считать его вступительнымъ посланіемъ: послѣ оно могло быть написано только по какому нибудь особому случаю и по какому нибудь особому поводу: но ни на какой особый случай и ни на какой особый поводъ въ немъ не указывается.

³⁾ Дополин. къ Акт. Ист. т. I, № 183, стр. 338.

⁴⁾ У Строева въ Словарѣ, №№ XVI и XXI.

известныхъ какихъ-то мѣстностей¹); три посланія во Псковъ также къ священникамъ, монахамъ и всѣмъ мірянамъ²); три посланія въ киевской Печерской монастырь³); посланіе въ псковской Свѣтогорской монастырь⁴); посланіе къ преп. Павлу Обнорскому⁵). Послѣднее посланіе представляетъ собою нарочитое доказательство того, что Фотій имѣть усердную готовность къ учительству: преп. Павелъ приходилъ къ митрополиту для испрошеннія благословенія составить монастырь; когда, получивъ благословеніе, онъ построилъ церковь въ новооснованномъ монастырѣ и послалъ къ митрополиту просить архиманіса, Фотій, несмотря на то, что много поучалъ преподобнаго относительно игуменскихъ обязанностей устно при личномъ свиданіи, написалъ ему при второмъ случаѣ еще и посланіе о томъ же, именно—наше.

Находить, что церковныя слова и учительныя посланія митр. Фотія имѣютъ весьма мало ораторского достоинства. Если бы это было и совершиенной правдой, то нисколько не говорило бы противъ его усердія къ учительству или, лучше сказать, именно говорило бы въ пользу этого его усердія, потому что тогда онъ представлялъ бы изъ себя человѣка, который, не смотря на то, что не имѣть дара учительства, заботясь объ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей, усердно старался быть учителемъ. Но оцѣнивая ораторское достоинство церковныхъ словъ и учительныхъ посланій Фотія не по нашей нынѣшней мѣркѣ, а по мѣркѣ ему современной и къ нему приложимой, никакъ нельзя отказывать имъ въ этомъ достоинствѣ. Находить, что слова и посланія елинокомъ растянуты и многорѣчивы и не отличаются послѣ-

¹⁾ Отрывокъ одного въ Синодальн. ркп. по Опис. Горск. и Извѣстір. № 330, л. 347, указае другого у Строева *ibid.*, № I (въ приводимомъ началѣ втораго посланія говорится: «врежде ѿбо многажды писахъ вашеа ради позы душевныя». Если оно не во Псковѣ, то нужно будетъ предполагать еще другую мѣстность, куда Фотій многократно писалъ учительныя посланія).

²⁾ Въ Псковѣ Фотій писалъ не три посланія, а гораздо болѣе: но мы разумѣемъ здѣсь собственно посланія учительныя. Онѣ суть: 1) отъ 23-го Сентября 1416-го года,—въ Акт. Ист., т. I, № 21, стр. 42, въ Намятин. Павлова № 42, col. 365, 2) отъ 2-го Февраля 1426-го года по случаю моровой язвы,—въ Акт. Ист. *ibid.*, № 30, стр. 58, въ Намятин. Павлова № 53, col. 465, 3) отъ 4-го Января неназванного года,—въ Акт. Ист. *ibid.*, № 35, стр. 67, у Павлова № 58, col. 492.

³⁾ Два посланія напечатаны въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 180, стрр. 315 и 322, о третьемъ, не напечатаннемъ, см. *ibid.*, примм. стр. 15 (л. 221).

⁴⁾ Въ Акт. Ист. т. I, № 26, стр. 52, у Павлова № 46, col. 392.

⁵⁾ Въ Акт. Ист. *ibid.*, № 257, стр. 485, у Павл. № 57, стр. 485.

довательностю въ изложениі мыслей. Но этотъ недостатокъ на нашъ взглядъ есть свойство всѣхъ ораторовъ греческихъ не только позднѣйшаго худшаго времени, но и древнѣйшаго лучшаго; на нашъ теперешній взглядъ и вкусы растянутъ и многорѣчивъ и не отличается строгой послѣдовательностю въ изложениіи мыслей и самъ Златоустый,—страдаютъ этими недостатками и Исократъ съ Демосоепомъ. Находить, что слова и посланія Фотія лишины силы и жизни, вялы и скучны. Но съ этимъ никакъ пользы соглашаться. Онь дѣйствительно производятъ такое въ общемъ впечатлѣніе; но это не по винѣ Фотія. Какъ мы говорили выше, онъ долгое время не могъ освоиться съ русскимъ языкомъ¹⁾, писалъ по гречески и заставлялъ переводить съ греческаго на русскій. Но па его несчастіе переводы дѣлались весьма неудовлетворительно, съ буквальнымъ воспроизведеніемъ подлинника, вслѣдствіе чего должны были являться въ нихъ темнота и неудобопонятность и при томъ темнота и неудобопонятность тѣмъ большія, чѣмъ болѣе ораторскимъ былъ подлинникъ, ибо чѣмъ искусственнѣе языкъ, каковъ ораторскій, тѣмъ темнѣе и неудобопонятнѣе долженъ выходить переводъ при буквальномъ воспроизведеніи подлинника; къ этому переводчики, которымъ, какъ не безъ вѣроятности догадываются, быть приведшій вмѣсть съ нимъ въ Россію болгаринъ Пахомій²⁾, вообще вѣдали очень плохо русскимъ языкомъ, такъ что языкъ его переводовъ какой-то неудачно дѣланій и искусственій, какой-то полурусскій, а не настоящій русскій. Естественно, что при такихъ недостаткахъ перевода словъ и посланія Фотія производятъ указанное общее впечатлѣніе, ибо темнота и непонятность и вообще монструозность языка уничтожаютъ силу и жизнь содержанія и нагоняютъ на читающаго скучу. Но изъ-подъ этой весьма неудовлетворительной оболочки перевода вездѣ сквозитъ, а по мѣстамъ и совершение ясно выступаетъ, ораторская сила и живость оригинала, и что касается до дѣйствительнаго Фотія, какъ оратора, то несомнѣнно, что не только не страдалъ онъ отсутствіемъ силы и живости, какъ недостаткомъ, а напротивъ отличался ими, какъ достоинствомъ (По поводу Фотія невольно припоминается Максимъ Грекъ: Максимъ былъ писатель остроумнѣйшій и въ своихъ обличеніяхъ).

¹⁾ Въ посланіи въ Печерскій монастырь, писанномъ во время пребыванія въ Литвѣ въ 1420—1421-мъ году, Фотій говоритъ: «не зазрите убо смиренію моему, яко неискусну же сущу писанію вашему и языку»,—Донолин. къ Акт. Ист. т. I, стр. 323 col. 1.

²⁾ См. о немъ Никол. лѣт. V, 39 fin. (его вовсе не слѣдуетъ смѣшивать съ Пахоміемъ Сербіномъ).

жъ ядовитѣйшій, и однако соль его остроумія и ядовитостъ обличеній не рѣдко въ значительной степени уничтожаются неудовлетворительнымъ russkимъ языкомъ его переводчика или его самого). Въ замѣнѣ всего, сейчасъ сказанаго о церковныхъ словахъ и учительныхъ посланіяхъ Фотія, должно быть сказано о нихъ другое, а именно—что едва ли онъ много отличаются самостоятельностию и едва ли не представляютъ собою болѣе простыя компиляціи, выбранныя изъ отцовъ, чѣмъ его настоящія собственныя ораторскія произведенія. Какъ въ произведеніямъ литературиымъ, мы парочито возвратимся къ словамъ и посланіямъ викѣ, во второй половинѣ тома.

О церковно-правительственной дѣятельности Фотія, какъ дѣятельности, мы имѣемъ свѣдѣнія очень немногія.

Изъ одного посланія его во Псковъ узнаемъ объ его распоряженіяхъ относительно вдовыхъ священиковъ, именно—что по прибытіи на каѳедру онъ подтвердилъ узаконеніе св. Петра, чтобы священики эти стриглись въ монахи и не оставались служить въ мірскихъ церквяхъ,—что потомъ во время мора «нужи ради», т. е. по причинѣ недостатка священиковъ невдовыхъ, онъ разрешилъ на иѣкоторое время служить имъ въ міру и что по минованіи нужды снова настаивалъ на соблюденіи узаконенія¹⁾). О своемъ воспрещеніи вдовымъ священикамъ оставаться въ міру Фотій говоритъ, что возложилъ его на нихъ «по божественныхъ отецъ преданію»: но чтобъ онъ разумѣть подъ этимъ божественныхъ отецъ преданіемъ, котораго, думаемъ, не сочиняеть, пока остается воине неизвѣстнымъ для насъ и возбуждающимъ наше недоумѣніе. Мы уже говорили выше, что въ Греціи не было (и не могло быть) нашего узаконенія относительно вдовыхъ священиковъ; но не бывъ (и не могли быть) общимъ узаконеніемъ всей греческой церкви, не было ли оно тамъ частнымъ узаконеніемъ пѣкоторыхъ отдельныхъ мѣсть, которая и имѣть митрополитъ въ виду, когда ссылался на преданіе божественныхъ отецъ? Ссылаясь на это преданіе, Фотій приводить и теоретическое оправданіе узаконенія: «священикомъ мірскимъ,—говорить онъ, докогда Богу благоволившю во временій ихъ жизни съ ихъ подружіи быти, и тогда и священство ихъ бысть; а егда Богу вземшу ихъ подружія и поль ихъ тѣлесь то (во, въ?) мертвыхъ суть и земля своего тѣла естественаго въ растилѣніе червемъ пріять: (то) и должны суть таковіи, благодаря Божьи судьбы и Его повелѣніе, въ манастиры отходить и во иноческую одѣянія отъ

¹⁾ У Павлова col. 434—435.

настоятеля духовнаго игумена остыици собе» и пр... Эта теорія, что со смертю жены, которая составляеть съ мужемъ одпо тѣло, вдовы священникъ представляеть изъ себя полумертвѣца, которому не должно оставаться въ міру, если она принадлежить самому Фотію, свидѣтельствуетъ объ его способности къ изобрѣтенію благовидныхъ, хотя и несостоятельныхъ, теорій... Впрочемъ, такъ или иначе оправдывалъ Фотій подтверждение имъ узаконеніе св. Петра о вдовыхъ священникахъ, но если отъ считать нужнымъ подтвердить его и настаиватъ на его соблюдениі: то очевидно, что онъ, подобно св. Петру, признавалъ его необходимымъ для отвращенія соблазна, который причинили своимъ поведеніемъ вдовы священники.

Мы говорили выше, что митр. Кипріану не удалось достигнуть того, чтобы новгородцы возвратили ему право такъ называемаго мѣсячнаго апелляціоннаго суда и соединенія съ симъ судомъ пошлины. О томъ же старался послѣ Кипріана и Фотій, и его старанія остались также безуспѣшными. Сохранилась до настоящаго времени грамота Фотія къ тверскому епископу Иліи, которая писана послѣ смерти новгородскаго архіепископа Евонія Брадатаго или 1-го, имѣвшей мѣсто 1-го Ноября 1429-го года, и которою митрополитъ, по случаю незамѣнности новгородской каѳедры, дозволяетъ епископу поставлять діаконовъ и священниковъ въ области новгородской епархіи, сосѣднія съ его епархіей (Бѣжецкій Верхъ и въ Волокъ Ламскій¹). Въ этой грамотѣ митрополитъ и сообщаетъ о своихъ неудачныхъ стараніяхъ возвратить отъ новгородцевъ свой мѣсячный апелляціонный судъ. Онъ пишетъ въ грамотѣ слѣдующее: «когда я пришолъ (изъ Константино-поля) на митрополію русскую, то меня сопровождали послы святаго царя и святаго патріарха и всего вселенскаго (т. е. патріаршаго) собора, и они принесли патріаршія грамоты (новгородцамъ) о церковной старинѣ и были у нихъ (въ Новгородѣ) съ предъявленіемъ требованій, чтобы они—новгородцы старины церковныя, суда позывнаго, отступились церкви Божіей и миѳ—святителю по старинѣ, и они старину не отступились; потому приѣзжалъ ко миѳ владыка Иванъ (зимой 1412-го года²) и обѣщался миѳ старину церковную оправить, и не оправилъ;

¹) Грамота въ Памятни. *Навікова*, № 50, col. 421. Дата подъ ней: 8-го Августа 1422-го; должно быть 8-го Августа (если правильно показаніе мѣсяца) 1430-го года. Або послѣ 1-го Ноября 1429-го года, когда умеръ Евоній, и до 1-го или 2-го Іюля 1431-го года, когда умеръ самъ Фотій, имѣется 8-го Августа только одного этого года.

²) Никон. лѣт. V, 47.

а потомъ присылали ко мнѣ новгородцы ставить въ архіепископы Суменона (поставл. 22-го Марта 1416-го года), а послѣ него Евѳимія (поставл. въ Сентибрѣ 1424-го года), и я обоихъ посвятилъ въ архіепископы, и эти архіепископы также обѣщались мнѣ старину церковную оправить ¹), а равно и всѣ послы новгородскіе (приходившіе съ архіепископами) давали твердое слово, чтобы старину имъ отступиться церкви Божіей и мнѣ, и какъ владыки не оправили (мнѣ) старину церковную, такъ и новгородцы не отступились отъ этой старини и до настоящаго времени». Наши лѣтописи совершенно ничего не говорятъ о ссорѣ и тяжбѣ Фотія съ новгородцами изъ-за мѣсячнаго суда; и самъ митрополитъ даетъ знать въ нашей грамотѣ, что онъ вѣль тяжбу такъ сказать совершенно пассивнымъ образомъ,—предъявляя требованій и не принимая никакихъ мѣръ къ тому, чтобы побудить и принудить новгородцевъ къ ихъ исполненію. Такъ какъ Фотій несомнѣнно обладалъ правомъ очень горячимъ, то его поведеніе въ нашемъ случаѣ представляется не совсѣмъ ожиданнымъ и понятнымъ. Эту неожиданность и непонятность нужно объяснять однимъ изъ двухъ,—или тѣмъ, что, вовлеченный въ ссору съ Витовтомъ, митрополитъ не хотѣть имѣть другой ссоры, дабы не казаться человѣкомъ скорливымъ, или же тѣмъ, что за свои пошлины онъ не находилъ дѣломъ благословнымъ и хорошимъ подвергать новгородцевъ церковному отлученію, которымъ однимъ можно было бы на нихъ подействовать. Представляется вѣроятнѣйшимъ послѣднее, потому что если бы онъ намѣревался вести борьбу крутыми мѣрами, то онъ прибѣгъ бы къ пимъ прежде, чѣмъ поссоренъ былъ съ Витовтомъ. Какъ бы то ни было,—одно или другое, во всякомъ случаѣ поведеніе Фотія по отношенію къ новгородцамъ весьма говорить въ пользу его пастырскихъ качествъ и нравовъ. Грамотой епископу Илліи дается знать, что послѣ смерти архіепископа Евѳимія Фотій не намѣревался поставить новгородцамъ новаго архіепископа, пока они не возвратятъ ему старину—мѣсячнаго суда ²). Вопросъ, чѣмъ бы кончилось на сей разъ дѣло, остался не решеннымъ по причинѣ собственной скорой смерти митрополита.

¹) Архіепископъ Евѳимій въ своемъ исповѣданіи вѣры, данномъ имъ митрополиту предъ посвященіемъ, пишетъ: «Къ симъ же исповѣдью, яже иматъ пошлины митрополическій престоль въ всемъ предѣлѣ моемъ съблюдати непредложно»,—Акт. Експ. т. I № 370, стр. 463.

²) Свое дозвolenіе епископу ставить священниковъ и діаконовъ въ новгородскую епархію Фотій даетъ спустя 8 съ половиной мѣсяцевъ послѣ того, какъ избранъ былъ новгородцами преемникъ Евѳимію (Евѳимій 2-й, избр. 13-го Ноября

Въ правлениі Фотія и при его участіи и содѣйствіи прекратила свое существованіе во Псковѣ явившаяся тамъ секта Стригольниковъ, о которой мы теперь и скажемъ.

Стригольники, представлявшіе изъ себя раскольническое общество, отѣлились отъ церкви вслѣдствіе того, что не хотѣли признавать истиными пастырями современныхъ имъ епископовъ и священниковъ, какъ поставляющихъ и поставляемыхъ на мѣдѣ и какъ ведущихъ жизнь недостойную пастырей. Наши историческія свѣдѣнія о возникновеніи секты и ея существованіи крайне скучны. Подъ 1375-мъ годомъ, чтоб относится къ правлѣнію св. Алексія и составляетъ четвертый годъ до его смерти, лѣтописи сообщаютъ, что въ Новгородѣ предали казни трехъ развратниковъ христіанскія вѣры: Никиту діакона, Карпа—по одному лѣтописямъ—простца, по другому лѣтописямъ и по сказаніямъ—также діакона, и третьяго—неназвѣстнаго по имени и простца¹⁾. Это были основатели секты, главными между которыми представляется Карпъ²⁾; будучи простцомъ или діакономъ, онъ имѣлъ ремесло стригольника, т. е. цырульника, отъ чего и получила свое название секта³⁾.

1429-го года): ясно, что онъ не торопился ставить этого преемника (котораго и не поставилъ до своей смерти, случившейся 1-го или 2-го июля 1431-го года).

¹⁾ Событие относить къ 1375-му году есть лѣтописи, за исключеніемъ Новгородской 3-й, которая относить его къ 1376-му году. Карпа называютъ простцомъ лѣтописи Новгородская 3-я, Софійская 1-я и Воскресенская, діакономъ—Новгородская 4-я лѣтописи и списаніе на Стригольниковъ св. Стефана Нермскаго, о которомъ ниже. По Никоновской лѣтописи, казнь состояла въ томъ, что еретики брошены были въ воду (съ моста въ Волховъ, чѣмъ у новгородцевъ соотвѣтствовало римскому сбрасыванію съ Тарпейской скалы).

²⁾ Въ списаніи Стефана Нермскаго.

³⁾ Въ старое время не брали у нась бородъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ людей, служившихъ разврату недорастіи, т. е. собственно андрорастіи, мужеложства), но цырульники нужны были для подстригания волосъ на головѣ и для подброванія затылковъ (какъ у щеголей въ простомъ народѣ это дѣлается и до настоящаго времени). Въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ былъ въ торговыхъ рядахъ особый стригольничий (стригачій) рядъ,—Забытна Домашній бытъ русскихъ царей, I, 434 въ 496. Въ концѣ XVI вѣка упоминается придворный стригальникъ,—Документ. къ Акт. Ист. т. I № 131, стр. 195 col. 1 (Въ Азбуковникѣ, помѣщенному у Калайдовича въ Io. Экзаріѣ, стр. 193: живое слово «брѣтва» по руски значить «стригольники»).—Название Вшивыхъ горохъ, существующихъ у нась по городамъ, какъ даетъ знать Олеарій, происходитъ отъ того, что лѣтомъ цырульники занимались на нихъ своимъ ремесломъ и что онѣ устилались толстымъ слоемъ волосъ, въ которыхъ скрывалась давшія название горкамъ наскоками,—Член. Общ. Ист. и

Извѣстія, читаемыя въ обличительныхъ сочиненіяхъ на Стригольниковъ, даютъ знать, что помянутые три основателя секты прежде чѣмъ подвергнутся гражданской казни, были преданы церковному отлученію ¹⁾, слѣдовательно,—что они казнены были не тотчасъ, какъ явились, а послѣ болѣе или менѣе продолжительной проповѣди ²⁾). Позднѣйшій свидѣтель, преп. Іосифъ Волоколамскій, называетъ Карпа жителемъ Искова ³⁾; такъ какъ при митр. Фотіи мы находимъ секту въ томъ же Исковѣ, то новые изслѣдователи обыкновенно принимаютъ, что она возникла именно во Исковѣ. Но лѣтописи не говорятъ, откуда быть Карпъ съ товарищами и где возникла секта; очень можетъ быть, что первоначально она возникла въ Новгородѣ и что только послѣ, истребленная въ семъ послѣднемъ, сосредоточилась во Исковѣ, где мы видимъ ее при Фотіи. Какъ бы то ни было, но казнь, постигшая основателей секты, не положила конца существовавшю самой секты. Возвратившійся въ 1383-мъ году изъ Константинона архіепископъ сузальскій Діовисій, вѣроятно, исполнилъ просьбу архіепископа новгородскаго (Алексѣя), принесъ новгородцамъ и исковичамъ отъ патр. Иллія обличительную грамоту на Стригольниковъ ⁴⁾; и въ 1386-мъ году быть

(древн. 1868-го года кн. З, стр. 111). Какъ мы сказали, Карпъ могъ заниматься ремесломъ стригольничества, и будучи діакономъ, ибо въ то время взглядъ на занятія приличная и неприличная для явицъ духовныхъ бывъ иной, чѣмъ теперь и далеко не столько строгой; а могло быть и такъ, что онъ поставленъ бывъ въ діаконы изъ стригольниковъ и что послѣ того онъ удержалъ название стригольника, какъ прозваніе (а наконецъ, могло быть, какъ это принимается иными за вѣроѧтийшее, что онъ былъ стригольникомъ или цирульникомъ только духовныхъ, для выстрижки у лицъ духовныхъ темени, о чёмъ см. I т. I-ю полов., стр. 476).

¹⁾ Въ списаніи Стефана Чермскаго.

²⁾ Если бы дать вѣру позднѣйшему житію архіепископа новгородскаго Мовсея (о которомъ у Ключевскаю въ Житіяхъ стр. 149), то слѣдовало бы, что Стригольники явились не менѣе, какъ лѣтъ за 16—17-ть до 1375-го года, ибо въ житіи говорится, что Мовсей во время своего вторичнаго пребыванія на каѳедрѣ архіепископской въ продолженіе 1352—59-го годовъ подвизался противъ нихъ—Стригольниковъ.—въ Намятникахъ старинной русской литературы Кушелева-Безбородко, IV, 11 (и также 14).

³⁾ Въ Просвѣтителѣ.—Казанск. изд. стр. 596.

⁴⁾ Греческій сохранившійся оригиналъ грамоты адресуется новгородцамъ,—въ Актѣ Patriarchat. Constantinop., II, 31, славянскій сохранившійся переводъ—исковичамъ,—въ Актѣ Ист. т. I № 4, стр. 5 и въ Намятни. Павлова № 22, стр. 191: это нужно понимать такъ, что грамота, въ двумъ спискахъ, была одновременно адресована и новгородцамъ и исковичамъ.

въ Новгородъ, по нуждамъ своей каѳедры, св. Стефанъ Пермскій и по просьбѣ того же архіепископа новгородскаго составилъ обличительное на нихъ списание¹⁾). Послѣ этого мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о нихъ до времени митр. Фотія.

Стригольники представляли изъ себя, какъ мы сказали, собственно не еретиковъ, а раскольниковъ. Они отиали отъ церкви и образовали свое особое общество не потому, чтобы отвергали тѣ или другіе пункты содержимаго церковио вѣроученія, а потому, что не хотѣли быть въ общеніи съ современными имъ русскими епископами и священниками. Утверждалъ, что всѣ епископы и всѣ священники поставляются на мѣдѣ или святокупствомъ, т. е. чрезъ симонію, что одни и другіе мздоимствуютъ и ведутъ жизнь недостойную, Стригольники утверждали за симъ, что всѣ русскіе епископы и священники не суть истинные епископы и священники,—что первые не преподаютъ послѣднимъ истинной благодати священства и что отъ послѣднихъ напрасно принимать христіанамъ таинства, потому что все преподаваемое ими не есть дѣйствительное. Не по причинѣ, а по свойству своего отдѣленія отъ церкви Стригольники представляютъ весьма близкое сходство съ иныицими раскольниками—безпоновцами. Обстоятельного изложенія ученій Стригольниковъ мы не имѣемъ. По словамъ св. Стефана Пермскаго, главный въ числѣ основателей секты діаконъ Карпъ «списалъ писаніе книжное на помошь ереси своей»; но это писаніе не дошло до насть. Источникомъ спѣдѣній объ ученіи Стригольниковъ для насть служатъ грамота противъ нихъ патр. Иила и писаніе св. Степана, въ которыхъ въ обоихъ (преимущественно въ послѣднемъ) оно излагается весьма кратко и отрывочно. Стригольники клеветали на весь вселенскій соборъ,—на патріархонъ, митрополитовъ и епископовъ,

¹⁾ Въ единственномъ, известномъ въ настоящее время, спискѣ списанія, въ которомъ оно сохранилось въ своемъ подлинномъ видѣ (сунодали. по Опис. Горск. и Невостр. № 268, л. 280) авторъ его владыка Стефанъ называется Перемыскимъ, но, какъ уже мы говорили выше, со всею вѣроятностью долженъ быть разумѣмъ Пермскій; въ подлинномъ видѣ списаніе напечатано въ Намятни. *Навѣзовъ* № 25, col. 211. Впослѣдствіи времени, вѣроятно—для приданія большого авторитета, списаніе было передѣлано въ грамоту архіепископу Новгородскому съ Новгородцами и Исковичами отъ патріарха Константинопольскаго Антонія (который дѣйствительно послалъ въ Новгородъ свои грамоты «о прорѣкѣ и исторѣхъ, иже на поставленіяхъ священникахъ», какъ говорятъ лѣтописи,—Иик. IV, 255, только не по поводу Стригольниковъ, см. выше въ главѣ о митр. Кипріанѣ); въ этомъ передѣланномъ видѣ оно напечатано въ Акт. Ист. т. I № 6, стр. 9.

на игуменовъ и поповъ и на весь священныи чинъ, говоря, что не по достоиню поставляются, поелику патріархи, митрополиты и епископы духопродавчествуютъ, взимая мзду отъ поставленія¹⁾). Считая святителей и священниковъ и всѣхъ клириковъ, какъ поставляющихъ и поставляемыхъ на мѣдѣ, за еретиковъ, они и отѣлились отъ церкви подъ предлогомъ благочестія и миясь хранить божественныи писанія и строгость каноновъ, дабы чрезъ общеніе съ епископами и священниками еретиками и самимъ не стать таковыми же²⁾). Вмѣстѣ съ этимъ Стригольники указывали на поведеніе и жизнь епископовъ и священниковъ и находя, что пастыри ведутъ себя и живуть не по пастырски, они объявляли ихъ за неистинныхъ пастырей, службы которыхъ не действительны и отъ которыхъ напрасно и не должно взимать таинства. Уловлив христіанъ словами Спасителя, сказанными апостоламъ: «не имѣйте влагалищъ, ни мѣди при поясеихъ вашихъ» и, какъ должно подразумѣвать, указывая на то, чѣмъ должны быть епископы по ап. Павлу, Стригольники говорили о современныхъ имъ епископахъ и священникахъ: «недостойны ихъ службы, яко не пе стяжаша (потому что они не суть нестижатели), по имѣнія взимаютъ у хрестьянъ, подаваемое имъ приношеніе за живыя и за мертвыи»... «многа собираютъ имѣнія»... «сіи учители пьяницы суть, ядять и пьютъ съ пьяницами и взимаютъ отъ нихъ злато и сребро и порты, отъ живыхъ и отъ мертвыхъ»...³⁾). Отѣлившись въ особое общество отъ епископовъ и отъ священниковъ, какъ отъ еретиковъ, Стригольники поставляли въ свои учители и въ свои молитвосовершители людей простыхъ, не посвященныхъ, ссылаясь на ап. Павла, который повелѣть учить и простому чловѣку⁴⁾, и, иѣтъ сомнѣнія, подобно раскольникамъ безпоповцамъ оправдывая себя своимъ исключительнымъ положеніемъ. Что касается до совершенія таинствъ, то относительно причащенія св. Стефанъ говорить только, что они не принимали его отъ священниковъ, и не говорить,—замѣняли ли чѣмъ нибудь. Исповѣдь къ священнику Стригольники, по его словамъ, замѣняли покаяніемъ къ землѣ, при чемъ, можетъ быть, они руководствовались тѣмъ указаніемъ, что въ старое время при чтеніи молитвъ на Троицкой вечернѣ не стояли только на колѣняхъ, но преклонялись головами къ полу и что во время сего «лежанія» читали молитву, въ которой между прочимъ содержится воз-

¹⁾ Стефанъ въ списаніи.

²⁾ Патр. Нилъ въ грамотѣ.

³⁾ Стефанъ въ списаніи.

⁴⁾ Стефанъ въ списаніи.

звание отъ лица читающаго: «и тебѣ, земля мати, согрѣшилъ есми душою и тѣломъ». Относительно того, какъ поступали Стригольники съ прочими таинствами, св. Стефанъ ничего не говоритъ, т. е. его молчаніе со всемъ вѣроатностію должно понимать такъ, что въ отношеніи къ прочимъ таинствамъ онъ не имѣлъ поводовъ укорять Стригольниковъ. За симъ, онъ увѣряетъ, что Стригольники отвергали пѣніе надъ умершими и ихъ поминовеніе посредствомъ молитвъ и приношений: «не достоинъ де—говорили, по его словамъ, Стригольники—надъ мертвыми пѣти ни поминати (ихъ), ни службы творити, ни приноса за умершаго приносити къ церкви, ни пироръ творити, ни милостыни давать за душу умершаго». Намъ думается, что св. Стефанъ въ пашемъ случаѣ представляетъ ученіе Стригольниковъ не совсѣмъ правильно,—что они не отвергали вообще молитвъ за души умершихъ, а только признавали недѣйствительными молитвы современныхъ имъ священниковъ, и что не отвергая пользы милостыни, они, можетъ быть, только отвергали пользу пироръ,—этой своеобразной милостыни, при чемъ благотворящій и благотворимые (нищіе) напивались за душу умершаго, почему возставалъ противъ заупокойныхъ пироръ еще преп. Феодосій Печерскій. Но, съ другой стороны, не невозможно и то, что Стригольники, увлекаясь суровою человѣческою справедливостію, которая ограничиваетъ милосердіе Божіе, и опираясь на законъ и требованіяхъ ограниченной человѣческой правды, вдавались въ семъ случаѣ въ ересь и учили, что для человѣка, который жилъ грѣшило, не можетъ быть полезнымъ то, чтобъ сдѣлались для его души послѣ его смерти другіе,—что милосердіе Божіе не покупается,—что надежда посмертнаго искупленія грѣховъ отнимаетъ побужденія къ жизни праведной и пр..

Какимъ образомъ могъ возникнуть у насъ расколъ Стригольниковъ, мы уже говорили прежде. Въ греческой церкви съ весьма древняго времени явился обычай, скоро ставшій всеобщимъ, чтобы поставляющіе во всякия священныя степени взимали плату съ поставляемыхъ. Противъ обычая были сдѣланы самыя строгія и рѣшительныя предписанія канонической правды, и не смотря на то онъ остался во всей своей силѣ, приобрѣти значеніе настоящеаго закона, каковымъ и дѣйствительно былъ признанъ со стороны императоровъ византійскихъ. У насъ въ Россіи въ началѣ XIII вѣка начались ревнители чистоты уставовъ церкви и строгости каноновъ церковныхъ, которые возстали противъ обычая, какъ противъ беззаконія. Расколъ Стригольниковъ и былъ ии чѣмъ инымъ, какъ крайнимъ выраженіемъ проповѣди этихъ ревнителей, какъ протестомъ, смѣло доведеннымъ до его послѣдняго конца. Мы видѣли выше, что говорить о платѣ за поставленія и объ

епископахъ, ее взимающихъ, тверской монахъ Акиндинъ, современникъ св. Петра. Онъ пишеть въ посланіи къ своему тверскому князю: «молчанія ради осужденія боюся, видя ересь растущу и множащуюся и неизвестными усты износиму, начешущуюся обычаемъ богоизавистнымъ отъ старѣйшихъ святитель нашихъ и до меньшихъ, непроданную благодать Духа Святаго въ куплю вводити и взимати отъ поставленія..., апостольскому и богоносныхъ отецъ соборному преданию поставленаго на мздѣ и съ поставлѣшимъ его измѣщущу и отнюдь ктому непричастнома быти своего степени (повелѣвающу) и въ проклятие вводящу»... «Но слѣдствующихъ (Симону волхву) святыхъ отецъ собори вселенстѣнъ съ ииѣми помѣстными вездѣ прокляша и отвергоща..., ставя бо и взимая ставленое, то уже изверженъ, а (поставляющійся) отъ изверженаго никакже не имать пользы отъ поставленія и пріобщація пречистыхъ Тайнъ отъ него (поставленаго), вѣдал, съ иими осудится... Но великому Аѳанасію, всякъ человѣкъ, пріимъ отъ Бога разумъ рассужжати, послѣдовавъ и невѣжи настуху, муку пріиметь, по речевому: слѣпъ слѣпна ведя, оба въ яму впадетася, рекше въ бездину... Възметь хотя и мало что отъ поставленія, то уже епископъ не епископъ и пріобщающійся отъ него съ иими осудится»... Акиндинъ говорить, что епископы, взимающіе плату за поставленіе не суть епископы,—что они суть еретики, послѣдователи Симона волхва, проклятые и отверженные всѣми вселенскими и помѣстными соборами,—что должно разорвать съ иими общеніе, ибо находящіеся съ иими въ общеніи съ иими осудятся и съ иими муку пріимутъ. Чтѣ провозглашаетъ Акиндинъ какъ должное, то и сдѣлали Стригольники на самомъ дѣлѣ.

Отдѣлившись отъ епископовъ и отъ священниковъ, какъ отъ поставляющихъ и поставляемыхъ на мздѣ и вслѣдствіе того неистинныхъ, Стригольники указывали и на то, что епископы и священники суть стяжатели и мздомицы, что первые собираютъ имѣнія, а вторые вымогаютъ (извѣстное простонародное «деруть») съ живыхъ и мертвыхъ,—что тѣ и другіе ведутъ жизнь недостойную истинныхъ настырей. Это показываетъ, что протестъ противъ епископовъ и священниковъ, начавшийся съплаты за поставленіе, иошелъ потомъ и далѣ,—что пробудился въ умахъ людей идеалъ сиящегоства, представляемый примѣромъ временъ апостольскихъ и вообще отдаленной древности и что Стригольники протестовали противъ современныхъ себѣ епископовъ и священниковъ не только по частной причинѣ,—изъ-за поставленія на мздѣ, но вообще съ точки зрѣнія этого идеала, который носился предъ ихъ умами,—что вообще находили они священство упавшимъ и желали

видѣть его обновленнымъ¹). Если справедливо то, что Стригольники отрицали дѣйствительность и пользу молитвъ и приношений за умершихъ, то ихъ нравственный идеалъ составляла неумолимая строгость (суровый пуританизмъ), и естественно, что они прилагали этотъ идеалъ какъ мѣрку прежде всего къ тѣмъ, которые должныствуютъ быть на его стражѣ, каковы настыры, т. е. епископы и священники. Мы не знаемъ, насколько собственная жизнь Стригольниковъ соотвѣтствовала ихъ учению и ихъ идеаламъ; но св. Стефанъ даетъ знать, что рѣчь идетъ о людяхъ искреннихъ, которые на дѣлѣ стремились къ тому, въ чёмъ полагали свои нравственные требования. Не укоряя Стригольниковъ въ фальшивости или въ томъ, чтобы они были нравственно-требовательными только на словахъ, онъ лишь хочетъ обезщѣнить ихъ дѣла, когда говоритъ: «таковы же бѣша еретици,—постницы, молебници, книжницы, лицемѣриици, предъ людьми чисти творящеся: аще бо бы не чисто житѣе ихъ видѣли люди, то кто бы вѣровалъ ереси ихъ?»

Противъ Стригольниковъ написаны были два обличительныхъ сочиненія,—грамота патр. Иила и списание св. Стефана²). Ни то ни другое не могло имѣть на нихъ ни малѣйшаго вліянія, потому что ни то ни другое не могло представлять для нихъ ни малѣйшей убѣдительности. Фактъ взиманія платы за поставленія не подлежалъ никакому сомнѣнію; а коль скоро онъ существовалъ, то не было дѣйствительныхъ доводовъ, которыми бы можно было ихъ опровергать, а доводы только кажущеся были по отношенію къnimъ безсильны, потому что они вовсе не были изъ числа людей темныхъ, а напротивъ изъ числа людей сравнительно образованныхъ, изучившихъ словеса книжная³).

¹) И въ оправданіе своей рѣшиности отѣлиться отъ недостойныхъ епископовъ и священниковъ, можетъ быть, ссылались на читаемое у Никона Черногорца (въ 7-мъ словѣ Наидектѣ) изъ Аѳанаѳія Великаго: «Аще епископъ или пресвитеръ, сущен очи церковниѧ, неподобно живутъ и соблазняютъ люди, подобаетъ изврещи ихъ: уче есть имъ безъ нихъ собиратися во храмъ молитvennyй, неже съ ними возвращающи, яко съ Аппою и Каїафою, въ геенну отгнениую» (место приведено нами съ легкимъ отступлениемъ отъ печатаніаго Никона,—л. 48, какъ читается у преп. Іосифа Волоколамскаго въ Просвѣтителѣ,—Казанск. изд. стр. 522 fin.).

²) Что касается до существованія дѣйствительной грамоты патр. Антонія, то оно сомнительно (преп. Іосифъ Волоколамскій въ Просвѣтителѣ,—стр. 596 fin., подъ грамотой Антошевою, очевидно, разумѣетъ Нилову, а Зиновій Отенскій въ Истории показаніи,—стр. 968 fin., какъ можно думать, просто повторяетъ Іосифа).

³) «Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяномъ»,—св. Стефанъ въ списаніи.

Патріархъ пишеть въ своей грамотѣ: «соборная и апостольская Христова церковь, простирающаяся отъ конецъ и до конецъ (земли), благодатю и силою самого Христа какъ въ догматахъ стонть несокрушимою, твердою и непоколебимою, такъ и въ точиомъ соблюдениіи священныихъ каноновъ, и (посему) рукополагающихъ за деньги, какъ про дающихъ непродаеваемую благодать всесвятаго Духа, мы полагаемъ въ одинъ рядъ съ Симономъ и Македонiemъ и прочими духоборцами...; но если рукополагаемые сами отъ себя, никакъ не будучи принуждаемы, часто дѣлаютъ благословные расходы на свѣчи, на вино (церковное), на обѣды и на подобныя издержки, то сіи траты не могутъ быть поставляемы ии въ какую укоризну, потому что рукоположеніе бываетъ даромъ..., ибо иное есть взять за рукоположеніе и иное суть издержки на необходимыя потребности». На это Стригольники могли отвѣтить патріарху: во первыхъ, что онъ говорить совершиенную неправду, будто рукополагаемые производили расходы только часто, а не всегда, и будто они произнодили ихъ сами отъ себя, не будучи никакъ нудимы; во вторыхъ, относительно благословности расходовъ, что—это, по Василію Великому, тѣмъ хуже, ибо кто дѣлаетъ зло подъ прикрытиемъ добра, тотъ достоинъ двойнаго наказанія—и за то, что творить недобро, и за то, что употребляетъ добре такъ сказать спасибѣшникомъ себѣ въ совершеніи грѣха (пр. 90), и что Геннадій константинопольскій въ своемъ посланіи, безусловно запрещая плату за хиротонію, какъ иѣчто гнусное и симою, не допускаетъ въ семъ случаѣ никакого измышленія и перетолкованія, никакого предлога и никакого софизма. Св. Стефанъ не отрицаєтъ факта всеобщаго взиманія платы за поставленіе, и можетъ сказать въ опроверженіе Стригольниковъ только иѣчто совершение неубѣдительное для нихъ и совершение несостоятельное. Если плата за поставленіе, спрашивается онъ Стригольниковъ, есть по вашему мѣда, запрещенная канонами, а вѣсъ священники поставляются за плату, то значить по вашему, что на всей землѣ иѣть ии одного истиннаго священника? Но отвѣтъ на этотъ вопросъ составляло самое существование секты Стригольниковъ,—они потому и отѣлились отъ церкви, что вѣсъ священники поставляются на мѣда и елѣдовательно—что вѣсъ священники, по ихъ мнѣнію, не суть истинные священники. Всеобщее существование платы выставляется Стефаномъ, какъ признакъ того, что она не есть мѣда, запрещенная канонами, какъ будто всеобщее существование въ людяхъ грѣха составляетъ признакъ того, что онъ не есть грѣхъ. Если вѣсъ священники, поставляемые за плату, суть священники поставляемые на мѣда, то гдѣ, спрашивается онъ Стригольниковъ, взять истинныхъ свя-

щениковъ,—не придетъ Христосъ во второй разъ во плоти на землю, не сойдетъ ангелъ посвятить вамъ священника? Т. е. спрашивая объ этомъ невозможномъ (не имѣющемъ послѣдователей) отъ Бога, онъ наивно забываетъ о томъ весьма возможномъ для самихъ людей, чтобы отмѣнено и уничтожено было взиманіе платы, иначе сказать—указывая на невозможность поправленія дѣла чрезъ непосредственное вмѣшательство Божіе, онъ забываетъ о совершилой возможности его поправленія собственными силами людей... Наконецъ, онъ утверждаетъ, будто доходы отъ поставленій составляютъ для епископовъ тѣ уроки церковные, про которые сказано апостоломъ, что «церковники церковью питаются и алтаринцы со алтаремъ раздѣляются»...

Должно думать, что секта Стригольниковъ, несмотря на то, что она представила собою протестъ противъ дѣйствительного злоупотребленія, существовавшаго въ церкви, и что невозможно было доказывать неправоту ихъ обвинений, не была многочисленна и вовсе не имѣла широкой распространенности. Всякаго рода взиманіе до такой степени было въ духѣ времени и до такой степени составляло его законъ и норму и его основу и «устои», что могли находиться только отдельные люди,—такъ сказать, чрезмѣрно строгіе и чрезмѣрно чувствительные и щекотливые законники, которые бы видѣли въ платѣ за поставленія незаконную мзду и симонію, но что большинство и массы и вообще все «людство», употребляя выраженіе митр. Фотія, вовсе не обладали такою нравственнюю чувствительностю, чтобы протестъ противъ злоупотребленія могъ находить въ нихъ сколько нибудь сильный откликъ и могъ быть ими сколько нибудь горячо принимаемъ. Вообще, представляется вѣроятнымъ думать, что секта Стригольниковъ въ отношеніи къ своей численности была не столько настоящею сектою, которая бы считала своихъ послѣдователей сотнями и тысячами, сколько маленьkimъ кружкомъ исключительно строгихъ людей, который считалъ своихъ адептовъ единицами и десятками. Если въ первое время послѣ появленія секты архіепископъ новгородскій послѣшилъ донести о ней патріарху и просить у послѣдняго обличительной грамоты противъ раскольниковъ; если онъ воспользовался прѣѣздомъ въ Новгородъ св. Стефана Пермскаго, чтобы получить отъ него обличительное списаніе на послѣднихъ: то эти тревоги и заботы архіепископа могутъ означать не то, чтобы расколъ при своемъ появлении нашелъ многочисленныхъ послѣдователей, а то, что архіепископъ опасался сего въ будущемъ и что онъ боялся за свои доходы—ставленическія пошлины. Наконецъ, и посланія митр. Фотія во Исковъ даютъ знать, что дѣло

здеть не о многочисленном обществѣ сектантовъ, а о «нѣкоторыхъ» помраченныхъ и отпадшихъ отъ христіанства ¹⁾).

Фотій узналъ о существованіи во Псковѣ секты Стригольниковъ не въ самое первое время своего пребыванія на каѳедрѣ, а спустя лѣтъ пять-шесть по прибытии на каѳедру, изъ донесенія псковскаго духовенства. Отъ 23-го Сентября 1416-го года онъ написалъ во Псковъ посланіе къ тамошнимъ властямъ, священникамъ и всѣмъ христіанамъ, въ которомъ, обличивъ злымъсліе Стригольниковъ ²⁾, убѣждаетъ псковичей увѣрять ихъ и наказывать на истинный путь, а въ случаѣ ихъ нераскалиности и упорства повелѣваетъ отженуть ихъ отъ своей православной вѣры, да не будуть они посреди ихъ—православныхъ какъ въ пшеницѣ плевель ³⁾). Что значить слово «отженуть», это въ посланіи не совсѣмъ ясно, но слѣдующія посланія Фотія даютъ знать, что онъ разумѣеть не то, чтобы выгнать Стригольниковъ изъ Пскова и изъ псковской области, а то, чтобы извергнуть и совершенно отлучить ихъ отъ общества православной церкви. Такъ какъ это наказаніе не могло подѣйствовать на Стригольниковъ, потому что они и сами отлучали себя отъ общества церкви, то или настоящее посланіе Фотія не имѣло никакихъ слѣдствій для раскольниковъ или Псковичи, получивъ его, приняли противъ нихъ какія либо мѣры гражданской строгости. Должно думать, что послѣднее, при чемъ Псковичи могли руководствоваться каноническими правилами, которыя приводитъ Фотій и изъ которыхъ одно,—Антіохійского собора 5-е, повелѣваетъ предавать возмутителей мира церкви мірскимъ властелимъ, чтобы, подразумѣвается, смириять ихъ гражданскими казнями, а другое—двукратнаго собора 13-е,

¹⁾ Во времена Фотія нѣкоторые монахи нѣкоторыхъ псковскихъ монастырей не ходили на исповѣдь и не приступали къ таинству причащенія: во вовсе не дается основаній предполагать, чтобы они были Стригольники или полустригольники,—у *Павлова* coll. 389 и 399.

²⁾ Митрополитъ 1) приводить правила канонической, опредѣляющей наказанія пресвитерамъ и мірянамъ, самовольно отдѣляющимся отъ своихъ православныхъ и не осужденныхъ законами судомъ епископовъ, 2) указываетъ на то, что взиманіе платы за поставление утверждено повеллой имп. Исаака Комнина и соборными приговорами патріарховъ Михаила и Николая (I т. I-я полов., стр. 430), 3) утверждаетъ, будто доходы отъ поставленій составляютъ одно изъ законныхъ средствъ содержанія епископовъ.

³⁾ Посланіе въ Акт. Ист. т. I, № 21, стр. 42, въ *Павлова* № 42, col. 365.

какъ оно читается въ посланіи митрополита ¹), повелѣваетъ отиудь (непремѣнно) заточать ихъ. И должно именно думать, что была употреблена казнь, указываемая двукратнымъ соборомъ, и что при этомъ одна часть Стригольниковъ была схвачена и посажена въ заключеніе, а другая часть успѣла скрыться и разбрѣжаться. Черезъ 11-ть лѣтъ послѣ первого посланія, отъ 22-го Іюля 1427-го года, Фотій писалъ во Псковъ второе посланіе противъ Стригольниковъ ²). Здѣсь онъ изыскаетъ ихъ нововозмущенными отъ прошинаемыхъ (разставляемыхъ) діавольскихъ сѣтей, и это со всею иѣроятностю нужно понимать такъ, что при употреблении Псковичами мѣръ противъ нихъ послѣ его первого посланія, часть ихъ, какъ мы сказали, успѣла избѣжать заключенія и скрыться и что потому они вновь явились. Мѣры, которыми предвидѣвается Фотій противъ Стригольниковъ въ нашемъ второмъ посланіи, суть тѣ же самыя, что и въ первомъ. Но Псковичи, какъ и въ первый разъ, употребили противъ нихъ свои мѣры, а именно—гражданскія казни, иѣроятно—тѣлесное наказаніе и заключеніе. Когда послѣ этого Псковичи извѣстили митрополита, что не успѣвшіе скрыться и захваченные еретики обнаруживаются упорство и нераскаянность и что они «на небѣ взирающе тамо Отца себѣ нарицаютъ», отвергалъ, подразумѣвается, духовныхъ отцовъ земныхъ, каковы еписконы и священники, то посланіемъ отъ 23-го Сентября того же 1427-го года ³) Фотій подтверждаетъ свои прежнія духовныя мѣры противъ упорныхъ и вмѣстѣ дозволяетъ употребление противъ нихъ и гражданскихъ наказаній, но только не смертной казни, а «виѣшнихъ» казней и заточеній. Наконецъ, посланіемъ отъ 24-го Сентября 1429-го года, какъ должно думать—изъ виду крайняго упорства раскольниковъ, митрополитъ подтверждаетъ свое дозволеніе употреблять гражданскія казни, при чёмъ, снова запрещая смертную казнь, относительно другихъ казней выражается смыслище, чѣмъ въ предшествующемъ посланіи: «по инаяко (послѣ смертной казни) всяко и заточеными приводите ихъ въ низаніе» ⁴).

¹) Въ подлинниакѣ: ὅποιεῖσθαι καθαρέσται κελεύομεν; въ посланіи Фотія: «отиудь заточити повелѣваемъ».

²) Въ Акт. Ист. ib. № 33, стр. 63, у Павлова. № 55, col. 475.

³) Въ Акт. Ист. ib. № 34, стр. 65, у Павлова № 56, col. 482.

⁴) У Павлова № 51, стр. 427. Издатель относитъ посланіе, подъ которымъ выставленъ мѣсяцъ, но не выставлено года, къ 1422-му или 1425-му годамъ; но изъ его сличенія съ посланіемъ отъ 23-го Сентября 1427-го года несомнѣнно сдѣ-

Изъ сказанного нами видно, что отношения Фотія къ Стригольникамъ представляютъ иѣчто не совершенно обыкновенное: онъ два раза предписываетъ Псковичамъ употребленіе противъ нихъ мѣръ исключительно духовныхъ и церковныхъ, и только уже послѣ сего, когда Псковичи помимо его разрешенія дважды обращались къ мѣрамъ гражданскимъ, дозволяетъ имъ и эти послѣднія, съ оговоркой, что во всякомъ случаѣ не должна быть употребляема смертная казнь, которой преданы были основатели секты и передать которой, вѣроятно, изъявляли Псковичи наиловинность и ея упорныхъ постѣдователей. Не знаемъ, удалось ли Псковичамъ переловить вѣхъ Стригольниковъ¹), но во всякомъ случаѣ нужно думать, что вслѣдствіе ирестѣданія, воздвигнутаго на нихъ въ 1427-мъ году, ихъ маленькое противуцерковное общество разсѣялось такъ, что болѣе уже не собиралось и не возстановлялось; но крайней мѣрѣ послѣ 1427-го года вовсе не встрѣчается упоминаній о Стригольникахъ, какъ объ особомъ обществѣ или кружкѣ.

Въ житіи преп. Павла Обнорскаго находимъ извѣстіе о митр. Фотіи, которое даетъ черту къ характеристику его, какъ пастыря. Преп. Навель послѣ долговременнаго уединеннаго подвижничества вознамѣрился основать монастырь; когда онъ пришелъ къ митрополиту просить его благословенія на сіе, то Фотій не только не далъ ему благословенія, «но и жестока иѣкся глагола ему», пока не былъ вразумленъ о пренодобномъ чудеснымъ откровеніемъ²). Необходимо думать, что митрополитъ принялъ было преп. Павла за одного изъ тѣхъ основателей монастырей, которые стремились быть основателями вовсе не поскрепнему усердію къ монашеству, а по разнымъ стороннимъ побужде-

дустъ, что оно написано позднѣе послѣдняго (между прочими частности: въ посланіи 1427-го года Фотій пишетъ: «тіи Стригольници, отидающіи отъ Бога и на небо взирающіи, тамо Отца себѣ нарицаютъ», въ нашемъ посланіи: «егда держаще себе будуть въ преданіяхъ евангельскихъ и апостольскихъ и отеческихъ, и тогда могутъ Бога и Отца себѣ нарицати»). Мы относимъ посланіе къ 1429-му году потому, что изъ остальныхъ послѣ 1427-го года трехъ лѣтъ жизни Фотія, въ которыхъ былъ Сентябрь, въ 1428-мъ и 1430-мъ годахъ онъ отсутствовалъ въ Сентябрѣ изъ Москвы,ѣздивъ въ Литву.

¹) Преп. Іосифъ Волоколамскій въ Ипросвѣтителѣ утверждаетъ, что удалось и что этимъ путемъ Псковичи успѣли вполнѣ искоренить и упразднить прелестную ересь Стригольниковъ. Но его свидѣтельство, какъ сторонника гражданскихъ казней противъ еретиковъ и какъ дѣлаемое именно въ доказательство пользы казней, не представляется совершенно надежнымъ.

²) Ркн. Моск. Дух. Акад. изъ Волоколамск. № 659, л. 186.

піамъ, и которыхъ въ то время было чрезвычайно много. Такимъ образомъ, извѣстіе даетъ знать, что митр. Фотій былъ врагъ и преслѣдователь ханжества и пустосвятства. Перемѣнивъ свое мнѣніе о Павлѣ вслѣдствіе чудеснаго о немъ видѣнія (и, можетъ быть, естественнымъ путемъ полученныхъ точнѣйшихъ свѣдѣній), Фотій показалъ себя съ другой стороны,—со стороны своей ревности къ пастырскому учительству: онъ не только устроилъ преподать истинному ревнителю монашества пространное наставление о монашескихъ обязанностяхъ, по потомъ еще послать ему и нарочитое о семъ писаніе¹⁾.

Мы сказали выше, что сохранились три учительныя посланія митр. Фотія во Псковъ. Кроме этихъ трехъ учительныхъ посланий и кроме сейчасъ указанныхъ посланий о Стригольникахъ, мы имѣемъ еще длинный рядъ его посланий въ тотъ же Псковъ, восходящій до числа 7-ми, содержаніе которыхъ составляютъ наставленія и правила относительно богослуженій и относительно церковной дисциплины и жизни. Исковицъ находились въ особыхъ отношеніяхъ къ митр. Фотію: черезъ своихъ посадниковъ, ъездившихъ въ Москву къ великому князю и черезъ своихъ священниковъ, которыхъ нарочно посыпали къ митрополиту, они обращались къ послѣднему съ вопросами относительно недоумѣній для нихъ предметовъ въ области богослуженія и дисциплины и извѣщали его о недостаткахъ своей церковной жизни. Въ отвѣтъ на вопросы и доисченія Исковицей митрополитъ и писалъ свои сейчасъ указанныя посланія во Псковъ²⁾. Къ содержанію этой категоріи посланий мы возвратимся позѣ, когда будемъ обозрѣвать наше богослуженіе и нашу церковную жизнь за данное время. Посланія свидѣтельствуютъ,

¹⁾ Преп. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ, что митр. Фотій, будучи врагомъ ханжества и пустосвятства въ монахахъ, глубоко чтилъ истинныхъ подвижниковъ; въ своемъ Отвѣщаніи любозорнымъ онъ сообщаетъ о тверскомъ подвижнике Варсонофіи. «яко и самому архіерею Фотію, митрополиту всеа Русіи, къ тому присыпали, яко да иже отъ божественныхъ писаний недовѣдомыя глаголы разрѣшить, о какихъ любопріеніе ему бываше съ пѣклинъ». Извѣстна рукопись, написанная по благословенію Фотія, для какого-то священничка Саввы (Описаніе рукописей гр. Толстого, отд. II, № 4, стр. 212): можетъ быть, дѣло нужно понимать такъ, что митрополитъ благословилъ рукописью уважаемаго имъ инона.

²⁾ Изъ-за жгучаго суда, какъ должно думать, Фотій находился не въ особено хорошихъ отношеніяхъ съ архіепископами новгородскими: возможно, что въ такихъ же не особенно хорошихъ отношеніяхъ съ архіепископами находились въ Исковицѣ: а это могло быть отчасти причиной ихъ взаимной особенной симпатіи (если можно такъ выразиться).

что Фотій съ величайшею готовностію отвѣчалъ на вопросы Псевовичей и что онъ съ такою же заботливостію относился къ ихъ донесеніямъ.

Послѣ нашествія Монголовъ у предковъ нашихъ явилась и постепенно болѣе и болѣе укрѣплялась мысль о томъ, чтобы ставить имъ своихъ митрополитовъ не изъ Грековъ, а изъ ихъ собственной среды—природныхъ Русскихъ, на каковую мысль, какъ мы говорили выше, первоначально навели предковъ нашихъ сами же Греки. Нѣкоторые акты времени митр. Фотія даютъ знать, что въ слѣдъ за одною мыслію возникла у предковъ нашихъ и другая, по отношению къ ней—далѣйшіяя, мысль, именно—чтобы не только избирать митрополитовъ изъ природныхъ Русскихъ, но чтобы и ставить ихъ въ самой Россіи. Въ двухъ спискахъ чина поставленія въ еписконы, относящихся къ 1423-му и 1424-му годамъ, находимъ, что новопоставляемый епископъ въ своемъ исповѣданіи вѣры между прочимъ даетъ обѣщаніе: «еще же и на томъ обѣщаюся: не хотѣти ми пріимати иного митрополита, развѣ кого поставить изъ Царяграда, какъ есмы то изначала пріяли»¹⁾. Въ обѣщаніи подъ инымъ митрополитомъ нельзѧ разумѣть митрополита, присланшаго отъ папы, ибо во время Фотія и прежде него не было ни малѣйшаго основанія опасаться, чтобы Русскіе приняли митрополита отъ папы, и необходимо разумѣть митрополита, поставленнаго въ самой Россіи, т. е. необходимо понимать дѣло такъ, что обѣщаніе внесено въ исповѣданіе вѣры новопоставляемыхъ епископовъ въ виду опасенія, что Русскіе примутъ рѣшеніе ставить своихъ митрополитовъ у себя дома. Можетъ быть, опасеніе возникло при самомъ Фотіи, ко второй половинѣ правлѣнія котораго относятся списки чина поставленія, а можетъ быть—что еще при его предшественнике Кипріанѣ. Въ лѣтописяхъ, въ офиціальныхъ актахъ и вообще въ письменныхъ памятникахъ времени Кипріана и Фотія пѣтъ прямыхъ указаний на то, чтобы помянутая мысль при одномъ или при другомъ изъ нихъ явилась у Русскихъ. Но такъ какъ нельзѧ предполагать, чтобы папе обѣщаніе первымъ или вторымъ внесено было въ исповѣданіе вѣры новопоставляемыхъ епископовъ безъ всякаго основанія: то слѣдуетъ думать, что помянутая мысль, не бывъ заявлена Руcскими письменно, при томъ или другомъ изъ митрополитовъ начала ходить между папами уетно. Очень вѣроятно, что сами по себѣ Русскіе болѣе или менѣе долго питали бы мысль, не рѣшаясь на ея осуществленіе; но случившіяся довольно скоро послѣ

¹⁾ Одинъ списокъ въ Памятни. Павлова N 52, col. 454, другой списокъ въ Акт. Экспед., т. I, N 370, стр. 463, col. 2.

Фотія особыя обстоятельства поставили ихъ въ необходимость и вынудили ихъ рѣшиться на то, чтобы привести мысль въ исполненіе...

Въ 1425-мъ году, по смерти вел. кн. Василія Дмитріевича (скончавшагося 27-го Февраля сего года), потребовалась государственная служба отъ митр. Фотія, и онъ явился усерднымъ слугой сына умершаго великаго князя—Василія Васильевича (оставшаго послѣ отца десятилѣтнимъ мальчикомъ). По существовавшему праву престолонастѣдія, послѣ Василія Дмитріевича долженъ быть занять столь великоважескій старшій изъ троихъ, состоявшихъ на лицо, его братьевъ—князь звенигородскій и галичскій Юрий Дмитріевичъ¹⁾). Но Василій Дмитріевичъ, видя новый порядокъ престолонастѣдія, оставилъ преемникомъ по себѣ своего сына. Однако Юрий Дмитріевичъ не хотѣлъ уступить своего праана племяннику, и вслѣдствіе этого между двумя соперниками тотчасъ же начались нраждебныя дѣйствія. Въ самую ночь смерти Василія Дмитріевича Фотій послать въ Звенигородъ своего боярина звать Юрия въ Москву; но этотъ отказалсяѣхать въ Москву, удалился изъ Звенигорода въ Галичъ и отсюда прислать къ Василію послѣдство, черезъ которое высказать ему свои угрозы и взять съ нимъ кратковременное перемирие. Перемириемъ Юрий воспользовался, чтобы собрать противъ племянника войско; то же сдѣлалъ и Василій съ своими боярами и предупреждая нападеніе самъ первый выступилъ противъ дяди. Увидѣвъ рѣшимость Василіеву и сознавая свое безсиліе бороться съ нимъ, Юрий началъ бѣгать отъ его войскъ и требовать, чтобы племянникъ заключилъ съ нимъ перемирие на годъ. Тогда въ Москвѣ рѣшено было от发ить къ Юрию въ Галичъ митрополита, сътѣмъ, чтобы онъ убѣдилъ князя къ заключенію мира. Фотій съ готовностію приплѣтъ на себя порученіе и успѣхъ достигнуть цѣли, при чмъ, по словамъ лѣтоисей, онъ обязанъ былъ успѣхомъ сверхъестественной помощіи. Сначала Юрий рѣшительно отказался было отъ мира и соглашался только на перемирие; но когда митрополитъ, иѣ гнѣвъ на его упорство, оставилъ Галичъ, не преподавъ благословенія ему и городу, то въ послѣднемъ открылся великій моръ, и князь носиѣшиль съ дороги воротить митрополита, прося его молитвъ и соглашаясь исполнить его требование. Но молитвамъ возвратившагося Фотія моръ прекратился, а князь съ свою очередь сдержалъ слово и прислать въ Москву пословъ для заключенія мира²⁾.

¹⁾ Срѣ Соловѣева Чет. т. IV. 4-го изд. стр. 51.

²⁾ Никон. лѣт. V, 82 sqq. Митрополитъ, посланный изъ Москвы, такъ торопился предти въ Галичъ, что, прибывъ въ Ярославль наканунѣ праздника Ро-

Помирившись съ Витовтомъ послѣ смерти Григорія Цамблака, Фотій посѣтилъ литовскую часть своей митрополіи тотчасъ послѣ сего,— въ 1420-мъ году. Въ концѣ 1422-го года онъ опять Ѳаздилъ къ Витовту ¹⁾). Нѣкоторыя, не знаемъ—насколько достовѣрныя, свидѣтельства говорятъ, что онъ былъ потомъ въ Литвѣ и въ Галиціи въ 1428-мъ году ²⁾). Въ послѣдній разъ Фотій Ѳаздилъ въ Литву во второй половинѣ 1430-го года. Въ концѣ этого года предполагалось коронование Витовта королевскимъ вѣнцомъ, который жаловалъ ему императоръ нѣмецкій Сигизмундъ; къ предстоявшему торжеству Витовтъ собралъ многочисленныхъ гостей изъ коронованныхъ особъ; въ числѣ гостей былъ и его внукъ Василій Васильевичъ московскій, а съ великимъ княземъ, по всей вѣроатности—также въ качествѣ приглашенаго гостя, и митр. Фотій. Если вѣрить нашимъ лѣтописямъ, то на сей разъ,—наканунѣ смерти своей и такъ сказать на канунѣ кануна смерти митрополита, Витовтъ показалъ къ послѣднему необыкновенное дружество. Когда торжество коронаціи не состоялось, такъ какъ Поляки не пропустили въ Литву пешихъ корону императорскихъ пословъ, и когда гости разѣхались, то Витовтъ, по словамъ нашихъ лѣтописей, остав-

жества Предтечи (24-го Іюня), не остался тамъ слушать на другой день обѣдню, какъ просили его ярославскіе князья.—Къ прїезду митрополита въ Галич Юрій Дмитріевичъ собралъ въ городѣ со всего галицкаго княжества многое множество народа, чтобы показать митрополиту многочисленность своихъ подданныхъ и саѣдовательно—свои великия средства для борьбы. Но митрополитъ, посмотрѣвъ на собраній народъ, одѣтый въ серяги, со смѣхомъ сказалъ князю: «Сыне князь Юрій! не видахъ столько народа во овчихъ шерстяхъ», т.-е что не видалъ я столько народа, способнаго пахать землю и негоднаго на то, чтобы воевать.—Выше мы упомянули о посланіи къ Фотію іеромонаха Исидора, послѣдующаго русскаго митрополита. Въ посланіи этомъ, которое открыто въ *Prelati* въ одной Ватиканской рукописи и напечатано имъ въ *Analecta Byzantino-russica*, Petropoli, 1891, р. 69, послѣ общаго комплимента Фотію, что онъ, нѣть сомнѣнія, окажетъ великія услуги государству русскому, прославляется одинъ частный случай, въ которомъ Фотій будто бы явилъ себя самоутверженнымъ слугою государства. По молва, совершившая длинній путь отъ Россіи до Греціи, при участіі греческой великой наклонности къ лѣстивому сочинительству, создала Фотію славное государственное дѣяніе изъ его бѣгства отъ Татаръ въ 1411-мъ году, о которомъ говорила мы выше (стр. 365).

¹⁾ Никон. лѣт. V, 80 fin..

²⁾ Шараневичъ въ своей Исторіи Галицко-Волинійской Руси, стр. 336 бп., не указывая источника, говоритъ, что въ 1428-мъ году на Рождество Богородицы Фотій прїѣхалъ въ Судомиръ (Сеномиръ), где видѣлся съ Ягайломъ.

виль при себѣ Фотія и держалъ его у себя въ великой части еще въ продолженіе 11-ти дней¹⁾). Горько обманутый въ своихъ честолюбивыхъ мечтахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жестоко опозоренный Поляками, Витовтъ, можетъ быть, искалъ себѣ утѣшенія въ бесѣдахъ съ митрополитомъ. Фотій оставилъ его за три дня до его смерти, которая наступила 24-го Октября²⁾.

Пришедъ въ Москву на каѳедру, Фотій нашелъ свой московскій митрополичій домъ и свои митрополичы села или усадьбы ограбленными и изутиыми. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ говорить, что домъ и села, колику Богъ далъ силу, строилъ и исполнилъ всѣмъ. Вотчина митрополичы умножились при немъ, какъ свидѣтельствуетъ онъ въ томъ же завѣщаніи, не только въ московской Руси,—въ великомъ княжениіи и въ удѣльныхъ, но и въ Литвѣ: иное онъ прикупилъ самъ, иное получилъ какъ душевный или задушный вкладъ отъ благородныхъ и благорѣніи князей и отъ всѣхъ православныхъ христіанъ. Объ одному изъ вкладовъ, имѣвшемъ мѣсто тотчасъ по прибытии Фотіевомъ въ Россію и очень значительномъ, записано въ Никоновской лѣтописи. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1410-го года скончался знаменитый князь Владимиръ Андреевичъ, по прозванию Храбрый или Донской, двоюродный братъ Дмитрія Ивановича Донского (внукъ Калиты). При своей смерти онъ отказалъ по себѣ и по своему роду въ домъ Богородицы и чудотворцевъ Петра и Алексея свое подмосковное село Кудрино съ 13-ю деревнями и съ селищами и со всякими угодьями, что принадлежало къ селу изъ старини³⁾.

Ничего не говорятъ наши лѣтописи о благотвореніяхъ Фотія бывшевавшимъ императору и патріарху константинопольскимъ. Но необходимо думать, что онъ—природный Грекъ благотворить имъ еще больше усердно, чѣмъ Кипріанъ, и вообще—въ такой мѣрѣ, въ какой только могъ⁴⁾.

¹⁾ Никон. лѣт. V, 97.

²⁾ Если Фотій не воротился на погребеніе Витовта, то нужно припомнить, что послѣдній былъ не православный, а католикъ.

³⁾ Никон. лѣт. V, 34 (о части Кудринской земли спорилъ было почему-то съ митрополитомъ архіепископъ ростовскій, но потомъ отступилъ, — *ibid.* стр. 45 нач.).

⁴⁾ Свидѣтельство свидѣка недѣли православія, принадлежавшаго монемвасійской митрополичьей церкви, о томъ, что онъ своими трудами увеличилъ (разширилъ) эту церковь и украсилъ ее многими священными приношеніями (прикладами), мы привели выше. Помянутое посланіе Игнатія къ Фотію даетъ знать, что не было

Мы сказали выше, что митр. Киприанъ или самъ непосредственно или черезъ другихъ вель лѣтопись своего времени. Съ вѣроятностю тоже должно думать и о митр. Фотіи: въ повѣствованіи Никоновской лѣтописи за его время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ясно даютъ видѣТЬ себя люди современные ему и близкіе къ нему.

Фотій скончался 1-го или 2-го Іюля 1431-го года ¹⁾). Передъ своей смертью онъ написалъ, подобно Киприану, духовное завѣщаніе, въ которомъ сообщаетъ біографическая свѣдѣнія о себѣ до поставленія въ митрополиты и въ которомъ увѣряетъ, что время пребыванія на каѳедрѣ митрополіи было для него временемъ пепрерывныхъ скорбей, слезъ и рыданій ¹⁾.

забываемы отъ него хорошими дарами и всѣ его знакомые изъ земляковъ монемвасіотовъ.

¹⁾ Чудесно предъизвѣщеній о своей смерти 20-го Апрѣля 1430-го года, за семь семидесатидневныхъ седмицъ,—Никон. лѣт. V, 98 ти. sqq (Относительно дня смерти Фотія лѣтописи разногласітъ, какъ нужно думать, потому, что при вычислениі этихъ седмицъ онѣ расходились между собою на день).

¹⁾ Въ Московской синодальной ризницѣ сохраняются до настоящаго времени два великолѣпнѣйшия саккоса митр. Фотія (вновѣтъ соотвѣтствующіе той тѣс. аѣхъ цеѧдлєібѹти и ясно свидѣтельствующіе о той тѣсѣ плѣбѹто вр҃їѡшѹу, о которыхъ говорить Вр҃їеній,—выше стр. 360 прим.), сплошь укращенные изображеніями праздниковъ и святыхъ, которые вышиты на нихъ шелками и золотомъ «съ самыми высокими искусствомъ греческой работы» (на обоихъ саккосахъ, кроме того, вышитъ по полямъ символъ вѣры). Описаніе обоихъ саккосовъ и изображеніе одного изъ нихъ, называемаго большимъ, съ обѣихъ сторонъ, см. въ Указатѣ для обозрѣнія Московской патріаршой (нынѣ синодальной) ризницы *просос.* *Сивы* по 4-му изданію (къ которому въ первый разъ приложены фотографическіе снимки) и по слѣдующимъ изданіямъ, а описание одного большого саккоса, съ изображеніемъ одной передней его стороны, см. въ статьѣ Г. Д. Филимонова «Иконы и портреты русскихъ царей», напечатанной въ Вѣстникѣ Общества древне-руссского искусства при Московскомъ Публичномъ Музѣѣ на 1875-й годъ, № 6—10, изслѣдований стр. 45. Очень важнымъ наслѣдіемъ послѣ Фотія для науки канонического права была бы его греческая Коричная, болѣе или менѣе долгое время хранившаяся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, но въ настоящее время ея въ соборѣ нѣтъ и она или погибла, что вѣроятнѣе (и что могло случиться еще въ великій пожарѣ 1547-го года), или скрывается гдѣ нибудь въ неизвѣстности.

МИТРОПОЛИТЪ ИСИДОРЪ.

Вел. кн. Василій Дмитріевичъ послѣ смерти митр. Кирилана не хотѣть, послѣдня бывшими прежде него премърамъ, ставить митрополита изъ природныхъ Русскихъ и взять его отъ патріарха, по старой ношилиѣ, изъ Грековъ. Напротивъ, сынъ его Василій Васильевичъ послѣ смерти митр. Фотія или, чтобъ вѣроатнѣе, совѣтники его сына, такъ какъ самому послѣднему въ минуту смерти Фотія было только 16-ть лѣтъ, оять хотѣли возвратиться къ новому начавшемуся обычая и поставить митрополита изъ природныхъ Русскихъ. Одно довольно современное сказаніе увѣряетъ, что было при этомъ поступлено совершенно такъ, какъ при избраниі св. Алексія, именно—что еще при жизни Фотія и слѣдовательно, какъ должно подразумѣвать, съ его согласія и при его содѣйствіи, испрошено было будущему его преемнику изъ природныхъ Русскихъ благословеніе патріаршее¹⁾). Но очень сомнительно, чтобы увѣреніе сказанія было справедливо, ибо въ случаѣ его спранедливости надлежало бы ожидать, что Василій Васильевичъ и избранный было имъ въ преемники Фотію св. Іона будутъ впослѣдствії говоритьъ объ этомъ; а между тѣмъ они ничего не говорятъ.

Должно думать, что принятое рѣшеніе избрать митрополита изъ природныхъ Русскихъ было бы приведено въ исполненіе тотчасъ послѣ смерти Фотія. Но этому воспрепятствовали случившіяся обстоятельства великаго князя. Мы сказали выше, что братъ Василія Дмитріевича Юрій Дмитріевичъ звенигородско-галичскій заключилъ въ 1425-мъ году миръ съ Василіемъ Васильевичемъ, признавъ его великимъ княземъ и

¹⁾ Сказаніе есть «вспоминаніе» о житіи новгородского архіепископа Іоны, написанное въ 1472-мъ году (см. Ключевск. Житія, стр. 185 бн.), напеч. въ Намятникахъ Кушелева-Безбородко, IV, 27 (Іонѣ епископу рязанскому, пареченому въ преемники Фотія, «и благословеніе патріаршее прежде привнесено (бысть) о семъ, еще живу сущу митрополитскому архіепископу», т.-е. Фотію,—стр. 29 col. 2).

отказавшись отъ своихъ правъ на велиокняжескій престоль, которыя было предъявлялъ. Въ 1431-мъ году Юрій Дмитріевичъ возвратилъ племяннику свои крестоцѣловальныя грамоты къ нему, принявъ намѣреніе ѿхать въ Орду, чтобы добиваться подъ нимъ у хана великаго княженія. Съ совершенною вѣроятностію предполагаютъ, что Юрій Дмитріевичъ рѣшился возобновить свои исканія въ виду смерти дѣда и сильнаго защитника Василія-Васильевича Витовта, которая имѣла мѣсто въ концѣ 1430-го года¹⁾). Съ неменьшею вѣроятностію нужно предполагать, что имѣла вліяніе на рѣшимость Юрія смерть и другаго защитника Василіева—митр. Фотія, который въ 1425-мъ году приводилъ его къ миру грозою церковнаго отлученія и который могъ пребыгнуть къ послѣднему и во всякое другое время. Какъ бы то ни было, по спустя полтора мѣсяца послѣ смерти Фотія, въ Успеньевъ день 1431-го года, Василій Васильевичъ долженъ былъ отправиться въ Орду и возвратился отъ хана въ Москву побѣдителемъ дяди не ранѣе Петрова дня слѣдующаго 1432-го года. Только послѣ этого возвращенія и могло быть приступлено къ избранію кандидата въ митрополиты.

Когда именно совершено было избраніе, остается неизвѣстнымъ. Но вообще его нужно относить къ пространству времени второй половины нашего 1432-го года. Избраніе было, какъ мы отчасти дали зпать выше, епископомъ рязанскій и муромскій св. Іона²⁾). Въ одномъ изъ позднѣйшихъ посланий въ Константинополь Василій Васильевичъ увѣряетъ относительно избранія Іоны, что онъ совершилъ его, сгадавши съ своею братью съ русскими великими князьями и съ помѣстными князьями и съ литовской земли господаремъ—великимъ княземъ и съ святителями своей земли и со всѣми священниками и духовными людьми и общежителями (ииноками) и пустынными отшельниками—съ святыми старцами и съ своими боярами и со всею своею землей—со всѣмъ православнымъ христіанствомъ³⁾). Если великий князь говорить правду, то эту необыкновенную и торжественнѣйшую всеобщность избранія

¹⁾) *Соловьевъ. IV*, 4 изд. стр. 54.

²⁾) Извѣстна одна грамота Іоны «нареченаго въ святѣйшу митрополью русскую» отъ 11-го Марта 1433-го года,—Акт. Ист. т. I № 37, стр. 70, и въ Памятн. *Павлова* № 61, col. 521. Но такъ какъ 8-го Февраля того же года была свадьба великаго князя, то нельзя думать, чтобы избраніе имѣло мѣсто тотчасъ послѣ свадьбы или непосредственно передъ нею (въ первомъ случаѣ—веселье, во второмъ—приготовленія); следовательно, нужно полагать его не позднѣе конца 1432-го года.

³⁾) Въ Акт. Ист. т. I, № 41, стр. 48 col. 1, у *Павл.* № 71, col. 578.

Юны нужно будетъ понимать двояко—или такъ, что въ Москвѣ опасались отказа со стороны патріарха поставить въ митрополиты природнаго Русскаго и торжественною всеобщностию приговора хотѣли на него подействовать; или такъ, что приняли намѣреніе избирать на будущее время митрополитовъ непремѣнно изъ природныхъ Русскихъ (только съ поставленіемъ ихъ отъ патріарха) и что поэтому хотѣли сдѣлать изъ нашего избрания какъ бы эпоху въ семъ отношеніи¹⁾.

Такъ или иначе, но епископу Юнѣ, избранному въ митрополиты спустя непродолжительное время послѣ смерти Фотія, удалось занять каѳедру митрополіи весьма не скоро и только послѣ того, какъ ее занимали другіе.

Въ томъ же 1432-мъ году, какъ на Москвѣ избрали быть Юна, великий князь литовскій Свидригайло, преемникъ Витовтова (братья Ягайлы), послать въ Константинополь ставиться въ митрополиты епископа смоленскаго Герасима, который и былъ поставленъ патріархомъ²⁾. Въ какіе митрополиты быть поставленъ Герасимъ—всехъ ли Россіи или только литовскіе, остается достовѣрно неизвѣстнымъ. Само по себѣ представлялось бы вѣроятнѣйшимъ послѣднее; но есть свидѣтельства, которыми выдаютъ его за митрополита всехъ Россій, и знаемъ его дѣла, которыхъ онъ не вправѣ былъ совершать, будучи митрополитомъ литовскимъ. Несколько 2-я лѣтопись, которая говоритъ о путешествіи Герасима въ Константинополь для поставленія въ митрополиты, утверждаетъ, что онъ возвратился отъ патріарха, будучи поставленъ «митрополитомъ на русскую землю», и что если онъ не поѣхалъ въ Москву, а остановился въ своемъ Смоленскѣ, то потому только, что въ Москвѣ происходили тогда замѣшательства въ князьяхъ³⁾; Новгородская 3-я

¹⁾ Но могъ впрочемъ великій князь говорить и не совсѣмъ правду, имѣя для этого свои побужденія въ то время, какъ говорилъ (и что касается до великаго князя литовскаго, съ которымъ тоже будто бы сгадаль, то—сейчасъ ниже).

²⁾ Наша Несколько 2-я лѣтопись относитъ путешествіе Герасима въ Константинополь къ 1433-му году (Собр. лѣтт. V, 27). Но должно быть признано заслуживающимъ большей вѣры свидѣтельство Литовской лѣтописи, по которой Свидригайло послалъ Герасима въ Константинополь въ 1432-мъ году и которая къ 1433-му году относить возвращеніе послѣдняго изъ Константинополя.—въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. I, стрр. 50 и 56 прим., и въ Член. Общ. Ист. и Древн. 1898-го года кн. IV, отд. I, стр. 75 (По Несколько лѣтописи, Герасимъ возвратился изъ Константинополя осенью 1344-го года; но весной этого года онъ поставилъ архіепископа новгородскаго Евонія,—Новгор. I-я и 3-я лѣтт. и Никон. лѣт.).

³⁾ Подъ 1434-мъ годомъ. въ Собр. лѣтт. V, 27.

лѣтонись, говоря о посвященіи Герасимомъ новгородскаго архіепископа Евѳимія, называетъ его два раза митрополитомъ московскимъ и одинъ разъ митрополитомъ всея Россіи¹⁾; житіе Евѳимія, посвященнаго Герасимомъ, говоритъ, что онъ—Евѳимій «отходить (для посвященія) въ традь Смоленскъ, митрополиту тамо тогда сущу, и тамо съвершенній санъ архіепископства пріемлетъ рукою преосвященнаго Герасима, митрополита кіевскаго и всея Россіи»²⁾). Затѣмъ, это посвященіе Герасимомъ архіепископа Евѳимія, которое совершиено было имъ весной 1434-го года, было дѣломъ митрополита не литовскаго, а московскаго или веяя Россіи, таѣ какъ архіепископія новгородская принадлежала къ кафедрѣ второй, а не первой митрополіи. Не смотря однако на все сейчасъ указанное, должно быть припимаемо за гораздо и самыи рѣшительныи образомъ болѣе вѣроятно, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты только литовскіе, а не всея Россіи. Уже и то чрезвычайно трудно объяснить, что императоръ и патріархъ константинопольскіе при тогдашнемъ значеніи для нихъ московскаго великаго князя, т. е. при тогдашней нуждѣ своей, которую имѣли въ немъ, поставили отдалънаго митрополита для Литви; но чтобы они рѣшились поставить въ митрополиты всея Россіи кандидата, присланнаго литовскими великими княземъ, это совсѣмъ невѣроятно (и случаи, которые имѣли мѣсто много времени тому назадъ,—поставленіе Кирилла III-го и св. Петра, по причинѣ произшедшаго измѣненія обстоятельствъ, искаклько не служили бы къ объясненію нашего случая). Между тѣмъ это недоумѣніе, что Евѳимій новгородскій искалъ себѣ посвященія у митрополита литовскаго и что лѣтониси Новгородская и Псковская и житіе Евѳиміева имѣютъ желаніе выдавать сего митрополита за митрополита всея Россіи, легко можетъ быть объяснено. Мы говорили выше, что митр. Фотій, напрасно старавшійся постѣ Київрана добиться отъ Новгородцевъ, чтобы они возвратили ему «мѣсячиій судъ» и соединенія съ постѣднимъ поилини, поставить имъ двухъ архіепископовъ—Сумеона и Евѳимія 1-го (Брадатаго) и отказался поставить треть яго—нашего Евѳимія 2-го (Вижницкаго), который, бывъ избранъ 13-го Ноября 1428-го или 1429-го года за два съ половинои или полтора года до смерти Фотія, такъ и остался непосвященнымъ при немъ. Естественно было онасаться Евѳимію и Новгородцамъ, что и преемникъ Фотіевъ поставить посвященіе первого изъ нихъ въ зависимость отъ того, чтобы отказались отъ своего упорства въ отношеніи къ мѣсяч-

¹⁾ Въ Собр. лѣтт. III, 238.

²⁾ Въ Намятникахъ Кушелева-Безбородко, IV, 18 fin..

ному суду вторые; а поэому, естественно было одному и другимъ воспользоваться небытіемъ митрополита на Москвѣ и бытіемъ особаго митрополита въ Литвѣ, чтобы получить отъ послѣдняго—одному посвященіе въ архіепископы, другимъ—посвященіаго архіепискона. Но коль скоро Евоній и Новгородцы позволили себѣ достичнуть своихъ желаній незаконнымъ образомъ,—каково посвященіе первого митрополита літовскимъ, то совершение естественно было, чтобы літоинцы новгородскіе и исковекіе и авторъ житія Евоніева, желая представить незаконное законнымъ, выдавали Герасима за митрополита всея Россіи. Имѣемъ и положительное, впрочемъ позднѣйшее и исколько недостовѣрное, свидѣтельство, что Евоній принялъ посвященія отъ Герасима привлечь на себя гибель московскаго великаго князя ¹⁾).

Такимъ образомъ, со всею іѣроятностію слѣдуетъ думать, что Герасимъ былъ поставленъ въ митрополиты не всея Руси, а только літовскіе, и что его поставленіе не служило препятствіемъ къ тому, чтобы Юона шолъ въ Константинополь искать себѣ посвященія въ митрополиты всея Россіи или московскіе ²⁾). Но если сейчасъ указанного нельзя считать причиной, по которой Юона могъ бы замедлить своимъ путешествіемъ въ Константинополь для посвященія, то тѣмъ не менѣе

¹⁾ Свидѣтельство, читаемое въ житіи Михаила Клопскаго, которое составлено московскимъ литераторомъ полевине XVI вѣка и, очевидно, представляющее его собственную догадку.—въ Намітникахъ Кушелева-Безбородко, IV, 43, сол. 2, сіг. новгородскія редакціи житія въ изслѣдованії И. Некрасова: «Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси», часть I, Одесса, 1870, приложж. стрр. 7 бп. и 34 бп..

²⁾ Герасимъ, занявъ кафедру митрополіи літовской въ 1433-мъ году (когда возвратился изъ Константинополя), сидѣлъ на ней весьма недолго: 26-го Іюля 1435-го года онъ сожженъ былъ Свидригайлой по подозрѣнію въ политической изменѣ (въ сообщничествѣ съ его—Свидригайловымъ соперникомъ, братомъ Витовтъвъ Сигизмундомъ, который въ Сентябрѣ 1432-го года согналъ его съ великаго княженія изъ Вильны, послѣ чего онъ, добиваясь возвратить себѣ Вильну, сталъ великимъ княземъ русской Литвы, именно—изъкоторой части изъ принадлежавшей Литвѣ Руси.—Ліговск. 2-я літоин.; дата сожженія во второй). Существуютъ два посланія папы Евгенія IV—одно къ Свидригайлу, другое къ Герасиму, оба отъ 13-го Ноября 1434-го года, изъ которыхъ оказывается, что первый имѣлъ или по крайней мѣрѣ выражалъ желаніе подчинить своихъ православныхъ подданыхъ папѣ и что будто бы послѣдній для сей цѣли изъявлялъ готовность предпринять путешествіе въ Римъ. Посланія напечатаны въ приложеніяхъ къ сочиненію А. Коцебу: Свидригайлъ, великий князъ Літовский. Спб., 1835. Мы возвратимся къ немъ послѣ.

это замедление имѣло мѣсто и его дѣйствительною причиной должно считать государственный неблагопріятный обстоятельства самой Москвы. Къ Петрову дню 1432-го года Василій Васильевичъ возвратился изъ Орды, принеся отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, и въ продолженіе второй половины года Юна избранъ былъ на кафедру митрополіи; по или онъ задержанъ былъ въ Москвѣ свадьбой великаго князя, которая имѣла мѣсто 8-го Февраля 1433-го года, илиничѣмъ не задерживаемый занимался сборами въ Константинополь, которые не могли быть слишкомъ скорыми, поелику нужно было приготовить возможно достаточное количество денегъ, какъ на престолъ великокняжескому пошли замятія. Спустя весьма непродолжительное время постѣ свадьбы Василія Васильевича поднялся на него Юрій Дмитріевичъ и въ продолженіе двухъ годовъ,—1433-го и 1434-го, дважды саживалъ его съ великокняжескаго престола, чтобы занимать послѣдній самому¹⁾). При такихъ обстоятельствахъ Юна, очевидно, не могъ рѣшиться пойти въ Константинополь: отиравившись въ Грецію отъ одного великаго князя, онъ могъ прийти назадъ при другомъ и этимъ другимъ могъ быть не принять. Возможность думать о путешествії настала со второй половины 1434-го года. Юрій Дмитріевичъ, занявъ во второй разъ престолъ великокняжескій 31-го Марта этого года, умеръ на немъ спустя два съ небольшимъ мѣсяца,—6-го Іюня²⁾); изъ трехъ оставшихся послѣ него сыновей двое младшихъ (Дмитрій Шемяка и Дмитрій Красный) хотѣли видѣть великимъ княземъ лучше Василія Васильевича, чѣмъ своего старшаго брата (Василія Косаго), отъ котораго отказались. Всѣдствіе всего этого Василій Васильевичъ не только возвратился на престолъ великокняжескій, но чѣль на немъ твердо³⁾.

Ноель половины 1434-го года и были, иаконецъ Юна посланъ Василіемъ Васильевичемъ въ Константинополь ставиться въ митрополиты. Когда именно отправился онъ изъ Москвы въ Константинополь, остается неизвѣстнымъ; приблизительно должно полагать, что не позд-

¹⁾ Въ первый разъ Юрій Дмитріевичъ занялъ великокняжескій престолъ послѣ того, какъ 25-го Апрѣля 1433-го года разбилъ Василія Васильевича и успѣлъ захватить его въ пленъ; во второй разъ онъ взялъ Москву и сѣлъ въ неї 31-го Марта 1434-го года.

²⁾ Мѣсяцъ и число въ Архангелогородск. лѣтоп., стр. 119 бп., ср. *Карамз.* V. прим. 276 бп..

³⁾ А Василій Косой, пытавшійся бывао бороться съ Василіемъ Васильевичемъ одинъ, безъ братьевъ, въ 1436-мъ году былъ взятъ послѣднимъ въ пленъ и освѣщленъ.

иже конца 1435-го, начала 1436-го года¹). Однако долго откладыванное и наконец состоявшее было путешествие оказалось напраснымъ: не за много времени до прибытія Іоны въ Константинополь тамъ поставленъ бытъ митрополитъ русскій изъ мѣстныхъ греческихъ кандидатовъ, въ качествѣ простаго спутника которому онъ—Іона и долженъ быть возвратиться въ Россію. Не совсѣмъ понятно то, что сколько Русскіе медлили отправлениемъ въ Константинополь для посвященія своего кандидата, столько же Греки съ своей стороны медлили замѣщениемъ кафедры русской митрополіи независимо отъ самихъ Русскихъ. Можетъ быть, занятые своими тогдашними переговорами съ Западомъ по дѣлу о соединеніи церкви, они не находили времени позаботиться о замѣщении кафедры русской митрополіи; можетъ быть, они медлили назначать митрополита въ Россію въ виду смуты, происходившихъ на московскомъ великокняжескомъ престолѣ; можетъ быть, наконецъ, причиной медленія было и единственно то, что они вообще не очень торопились съ постановлениемъ русскихъ митрополитовъ. Въ концѣ концовъ, причина медленія Грековъ остается для насъ вовсе неясною и неизвѣстною²). Но той или другой причинѣ слишкомъ долго они медлили, но затѣмъ собственными ихъ обстоятельства потребовали, чтобы

¹) Наши лѣтописи вовсе не говорятъ ни объ избраниіи Іоны въ митрополиты, ни объ его путешествіи въ Константинополь, и о послѣднемъ мы узнаемъ изъ посланій великаго князя къ императору и патріарху константинопольскимъ,—Акт. Ист. т. I, № 39 и 41, стрр. 73 и 84. у *Павл.* coll. 529 и 579. Исидоръ былъ поставленъ въ митрополиты русскіе до прибытія Іоны въ Константинополь и именемъ,—какъ говорить самъ Іона, не задолго до прибытія,—Акт. Ист. ib. № 47, стр. 95, col. 2 и у *Павл.* col. 561. Когда поставленъ былъ Исидоръ, остается неизвѣстнымъ; но такъ какъ онъ прибылъ въ Москву 2-го Аврѣля 1437-го года, то его постановлѣніе должно быть относимо не къ болѣе позднему времени, какъ середина 1436-го года.—Іону сопровождалъ въ Константинополь посолъ великаго князя, бояринъ Василій,—Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 73, у *Павлова* col. 529 (который есть тотъ Иоакимъ Море, чѣмъ поздѣе былъ посланъ въ Константинополь.—Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 162 нач.).

²) Если бы принимать, что передъ смертію Фотія дѣйствительно было посыпано къ немъ съ просьбою о постановлѣніи кандидата, имѣющаго быть посланнымъ изъ самой Россіи, то можно было бы полагать, что они все ждали прибытія кандидата; но принимать это, какъ мы сказали, весьма сомнительно. Если бы принимать, что Герасимъ въ 1432—33-мъ году былъ поставленъ въ митрополиты не литовскіе только, а всѣя Россіи, то совсѣмъ не являлось бы вопроса о причинѣ медленія Грековъ. Но, какъ опять мы сказали, намъ представляется совершенно неѣроятнымъ допускать, чтобы Герасимъ поставленъ былъ въ митрополиты всѣя Россіи.

кафедра русской митрополии была ими замѣщена. Мы сейчасъ упомянули, что они вели тогда переговоры съ Западомъ относительно соединенія церквей. Къ концу 1435-го года эти переговоры дошли до того, что решено было созвать для устроенія дѣла соединенія церквей нарочитый соборъ, мѣстомъ которого была и потомъ назначена Ферара въ Италии и относительно которого въ этомъ концѣ 1435-го года они начали дѣлать приготовленія ¹⁾). Такъ какъ Греки непремѣнно желали, чтобы на соборѣ присутствовалъ между прочимъ и митрополитъ русскій, то и нужно было позаботиться о замѣщеніи кафедры русской митрополии, остававшейся дотолѣ праздною. Не задолго до прибытія въ Константинополь Іоанна ²⁾), около половины 1436-го года, тамъ поставленъ быть въ митрополиты русскіе пріобрѣтшій печальную извѣстность въ исторіи нашей церкви своей постыдной ввести у насъ Флорентийскую унию Грекъ Исидоръ.

Исидоръ, по свидѣтельствамъ современныхъ—природный Грекъ, по свидѣтельствамъ позднѣйшихъ и неизвѣстно откуда взятыхъ—огречившійся Болгаринъ и, какъ необходимо принимать, имѣнію Грекъ, а не Болгаринъ ³⁾), въ отношеніи къ своимъ достоинствамъ—человѣкъ,

¹⁾ О приготовленіяхъ Грековъ къ Ферраро-Флорентійскому собору и о самомъ этомъ соборѣ см. напечатанную въ Москвѣ, въ 1847-мъ году, «Исторію Флорентійского собора», которая обыкновенно усвояется А. В. Гогскому и которая на самомъ дѣлѣ представляетъ собоюмагистерскую диссертацию студента 15-го курса Московск. Дух. Академіи Ивана Остроумова (Исторія Академіи С. К. Смирнова, стр. 241), только написанную подъ руководствомъ А. В.—ча (о приготовленіяхъ стр. 31). Со времени возвращенія Константинополя отъ крестоносцевъ импер. Михаиломъ Палеологомъ въ 1261-мъ году и до его завоеванія Турками Греки по своимъ политическимъ обстоятельствамъ почти непрестанно вели переговоры съ папами о соединеніи церквей.

²⁾ Что именно до прибытія, относительно чего намъ приходилось встрѣтить сомнѣнія, объ этомъ кромѣ указанного выше свидѣтельства самого Іоанна см. еще свидѣтельство великаго князя,—Акт. Ист. №№ 41 и 262, стрр. 84 и 493, у Павлова col. 579.

³⁾ Исидора называютъ Грекомъ: современные греческіе лѣтописцы Дука,—сар. XXXVI, ed. Paris, p. 142 (*Ρωμαῖος τὸ γένος*), и Халкондил,—lib. VI, въ Натрол. Миня т. 159 col. 292 (*φιλοπατρίς* въ отношеніи къ Греціи), почти современный польскій лѣтописецъ Даугощ,—lib. XII, Лейпцигск. изд. 1711-го года стр. 727 (*natione Graecus*), наше современное Слово и сказаніе о составленіи осьмаго собора латинскаго,—у А. Н. Попова въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскіхъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 362 изч., наши Новгородская 1-я и Ипаконовская лѣтописи,—подъ 1437-мъ годомъ, и наконецъ

выдававшійся изъ рада другихъ блестящими талантами и отличнымъ

современный, лично и близко знаяший Исидора, писатель западный—Эней Сильвий Никколомини, съ 1458-го по 1464-й годъ бывший подъ именемъ Ия II (въ Занискахъ) о своей жизни, который выдалъ подъ именемъ своего домашняго секретаря Иоанна Гобеллина—Рii II Pontificis Maximi Comimentarii regim⁹ memoriagib⁹, quia temporibus ejus contigerunt libri XII a Ioanne Gobellino. Если бы Эней Сильвий называлъ Исидора просто Грекомъ, тогда его свидѣтельство было бы не совершенно надежно: и бывъ огреченымъ Болгариномъ. Исидоръ выдавалъ бы себя въ Италии за Грека, а Сильвий, конечно, не доказывался доказательно, что онъ такое—настоящій Грекъ или огреченный Славянинъ; но Сильвий указываетъ национальность Исидора съ указаниемъ его родины, именно—говорить, что онъ былъ Грекъ изъ Нелопоннеса,—suisse Graecum ex Pelorоннесо. Если же Нелопоннес, то, конечно, настоящій Грекъ, а не огреченный Болгаринъ, хотя, можетъ быть, и огреченный Славянинъ въ томъ отдаленномъ смыслѣ, въ которомъ большая часть пынѣвшихъ Пруссаковъ представляютъ собой огнѣчениныхъ Славянъ, о чёмъ, т.-е. о какомъ возможномъ отдаленномъ славянствѣ Исидора. см. въ настѣмъ Краткомъ очеркѣ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской стрр. 1 и 214. Не цитуемъ обстоятельно Комментаріевъ Энея Сильвія потому, что we могли ихъ найти и что свидѣтельство ихъ беремъ изъ вторыхъ, собственно—изъ третьихъ рукъ,—изъ *Neoselthicus filologicae Samы*, стр. 36 прим., который береть изъ книги Годія (Godii) *De Graecis illustribus*, также и по той же причинѣ не видѣнной нами). Болгариномъ называютъ Исидора: панна Густинская лѣтоини.—въ Собр. лѣтт. II, 354 fin., Игнатій Кульчинскій въ своемъ *Spectimen Ecclesiae Ruthenicae*,—изд. Мартынова, Paris, 1859, p. 122, Михаиль Le Quien въ *Oriens Christianus*.—I, 1269 нач. (Густинская лѣтоини называется Исидора Болгариномъ или на основаніи юльскихъ историковъ Бѣльского и Кромера, которые выставлени въ ней въ данномъ мѣстѣ на подѣ въ которыхъ мы не имѣемъ подъ руками, или можетъ быть, основываясь на томъ, что его протодіаконъ, позднѣйшій литовскій митрополитъ, Григорій былъ Болгаринъ; Кульчинскій и Лекенъ называютъ Исидора Болгариномъ или на основаніи тѣхъ же юльскихъ историковъ или—первый на основаніи Густинской лѣтоини, второй—на основаніи первого). Преосв. Филаретъ въ Обзорѣ, § 90, говоритъ еще: «виолѣвѣ вѣроятно то древнее извѣстіе, которое называется Исидора Словакомъ: онъ хорошо зналъ славянскій языкъ»: но какое онъ разумѣеть древнее извѣстіе, а также откуда знать, что Исидоръ хорошо зналъ славянскій языкъ, остается неизвѣстнымъ.—Что касается до отечества Исидорова, то одни называютъ его византійцемъ, т.-е. константино-польцемъ, другіе болунцемъ, третыи нелопонцемъ; на основаніи свидѣтельства Энея Сильвія, действительной его родиной долженъ быть считаемъ Нелопоннесъ (а на основаніи его письма къ митр. Фотію, о которому упоминали мы выше, очень вѣроятно считать его землякомъ Фотія, т.-е. моневасіотомъ или малвазійцемъ).—Если бы и не имѣли мы положительныхъ свидѣтельствъ, что Исидоръ былъ природный Грекъ, а не огреченный Болгаринъ, то рѣшительнымъ образомъ доказывали

образованіемъ¹⁾, до поставленія въ митрополиты русскіе бытъ игуменомъ константинопольскаго монастыря св. Димитрія²⁾). Въ санѣ игумена монастыря онъ посланъ бытъ въ 1433-мъ году императоромъ Юаниомъ Палеологомъ въ числѣ другихъ пословъ на соборъ Базельской для переговоровъ о соединеніи церквей, приведшихъ къ устроенію

бы намъ эту его греческую природность—во-первыхъ, тогъ авторитетъ, которымъ онъ пользовался между Греками и о которомъ ниже, во-вторыхъ—его греческій патріотизъ, который известенъ и о которомъ отчасти также ниже.

¹⁾ Наша Никоновская лѣтопись говоритъ о немъ, что онъ бытъ «многимъ языккомъ сказатель и книжникъ»,—V, 123; нашъ Симеонъ суздалецъ, тѣдившій съ нимъ на Флорентійскій соборъ и написавшій повѣсть о послѣднемъ, говоритъ о немъ, что «боѣтъ всѣхъ Грековъ мнѣли его великимъ философомъ», см. у А. С. Павлова въ Критическихъ опытахъ по истории древнѣйшей греко-русской полемики противъ латинянъ, стр. 200; Халкондилъ называетъ его человѣкомъ ученымъ (ἐλλόγιος),—lib. VI, въ Натрол. Миня t. 159 col. 292, а Дука говоритъ, что изъ приведенныхъ на соборѣ греческихъ архіереевъ Виссаріонъ никейскій въ Исидоръ русскій были образованѣйши (λογιστέροι),—т. XXXI, ed. Paris, p. 119; наша Евгений IV въ своей грамотѣ, которую возводить Исидора въ званіе апостолическаго легата, говоритъ, что Dei benignitas plurimi exornauit (его) magnitudine consilii, rerum agendarum experientia, prudentia quoque et sacrarum litterarum doctrina,—въ Historica Russiae Monimenta Turcicena, I, 120, также въ Monumenta Poloniae Tectae, II, 41. О дипломатическихъ способностяхъ Исидора свидѣтельствуетъ то, что онъ посланъ былъ императоромъ въ числѣ пословъ на Базельскій соборъ, о чёмъ сейчасъ ниже. Иѣкоторыя изъ позднѣйшихъ предполагаютъ, что онъ получивъ образование имѣтъ съ Виссаріономъ у знаменитаго въ свое время философа (и полигистора) Гемиста Плестона (Годій,—у Сана ibid.). Такъ какъ Плестонъ училъ въ Нелонописѣ, а Исидоръ бытъ родомъ изъ Нелонописа, и такъ какъ по язътамъ возраста второй, кажется, могъ бытъ ученикомъ первого: то нельзѧ не признать предположенія довольно вѣроятнымъ: но затѣмъ однако въ подкрѣпленіе его не можетъ бытъ указано совершенно ничего положительнаго.

²⁾ Въ Константинополѣ были два святые Димитрія—одинъ, находившійся на мысу Акрополя, чтѣши Сарай-Бурну, другой—сзади дворца императорскаго къ Мраморному морю, недалеко отъ церкви свв. Сергія и Вакха, чтѣши Кучукъ-айя—Софія, и близъ Йидонскихъ воротъ городской стѣны, которые въ настоящее время называются Кумъ-кануси. Такъ какъ первый не бытъ, кажется, монастыремъ, а приходскою церковью, а второй бытъ именно монастыремъ, то, вѣроятно, втораго и должно разумѣть. Монастырь бытъ построенъ Палеологами, почему, какъ ихъ киторія, и назывался ихъ именемъ—μονὴ τῶν Παλαιολόγων (киторскій уставъ ему его возобновители импер. Михаила Палеолога—въ Христ. Чр. 1885-го года, Ноібрь—Декабрь, стр. 529; у нашего Стефана Новгородца: «монастырь царевъ»). О первомъ

собора Ферраро-Флорентийского¹⁾). Выборъ Исидора въ русскіе митрополиты обыкновенно представляется такъ, что императоръ и патріархъ Константинопольскіе, собираясь отиравитъся на Ферраро-Флорентийскій соборъ, желали видѣть на каѳедрѣ русской митрополіи человѣка, который бы быть преданъ дѣлу соединенія церквей и что онъ—Исидоръ вполнѣ отвѣчалъ этому требованію, при чемъ подъ преданностію дѣлу соединенія церквей разумѣютъ готовность пожертвовать православіемъ латинству, каковую Исидоръ показалъ на самомъ соборѣ. Но подобное представление дѣла совершило несправедливо въ отпашеніи къ императору и патріарху. Отправившись на Ферраро-Флорентийскій соборъ, императоръ и патріархъ вовсе не имѣли въ виду того, чтобы купить союзъ съ наюю цѣною пожертвованія православіемъ латинству, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ; имѣеть со всѣми Греками они считали твердую, хотя и странно легкомысленную, увѣренность, что истинѣ православія удается восторжествовать надъ упорствомъ латинянъ, и поэтому они отправлялись на соборъ вовсе не съ предрѣшониимъ намѣреніемъ уступить, а напротивъ съ полной надеждою достигнуть того, чтобы сдѣлала это противная сторона²⁾). А такимъ образомъ, завѣдо-

св. Димитрія см. Никифора Григору, ІІІ. XVII, сар. 6, ed. Bonn. p. 860, и у *Гицера* въ Quellen d. Byzant. Kunstgeschichte, I. 219; о второмъ—Константина Порфирия иль Де сереми, ІІ. I, сар. 21. Acta Patriarchat. Constantiop. *Маклошича*, I. 42, II. 325 нач., и нашего Стефана Новгородца въ Сказаніяхъ русскаго народа Сахарова, кн. VIII. стр. 43 col. 1 бп. (точно указывается място).

¹⁾ Соборъ Базельскій начался 14-го Декабря 1431-го года и продолжался до 16-го Мая 1444-го года. О склоненіяхъ съ нимъ императора константинопольскаго см. въ Исторіи Флорентийскаго собора *Осцироумова (Горскаю)*. Грамоту императора къ собору отъ 11-го Ноября 1433-го года см. въ Монумента, spectantia ac unionem ecclesiasticam Graecas et Romanas. *Тейнера* и *Маклошича*. p. 44. Въ грамотѣ духовный посолъ при двухъ скѣтскихъ безыменно называется καθηγούμενος τῆς ἵερᾶς μονῆς τοῦ ἀγίου Δημητρίου, по у *Сиропула* въ его Исторіи флорентийскаго собора (Historia vera unionis non uerae); ὁ τότε τιμιώτατος ἐν ἱερομονάχοις καὶ καθηγούμενος τῆς οἰεζαρχίας μονῆς τοῦ ἀγίου Δημητρίου κύριος Ἱσιδωρος, ὁ μετὰ ταῦτα Ρωσίας γεγανές,—μητρ. 2. кн. 21.

²⁾ Ср. Исторію Флорентийск. собора, стр. 176 (Иосифъ Вріений, о которомъ мы упоминали выше, чѣмъ разскѣтъ о митрополитѣ Фотіи, немногіо не дожившій до Ферраро-Флорентийскаго собора, увѣрять, что онъ знаетъ иѣкое слово, которое будто бы, быть сказано, несомнѣнно иѣло произвести соединеніе,—Православи. Обозр. 1879-го года т. II. стр. 445. Никакого подобнаго слова Вріений, конечно, не знать: по его примѣрѣ показываетъ фанатическую увѣренность въ себѣ греческихъ богословіи. Въ одной изъ нашитъ похвостей о семъмъ, т.-е. Флорентийскомъ, соборѣ

мая готовиость Исаида пожертвовать православіемъ латинству не только не спасала бы ему особеннаго благоволенія императора и патріарха, но напротивъ была бы для нихъ очень плою его рекомендацией. Что касается до самого Исаида, то мы не можемъ сказать, когда онъ сталъ тайнымъ сторонникомъ латинства; но несомнѣнно, что онъ сталъ явнымъ его сторонникомъ не ранѣе какъ уже на самомъ соборѣ Ферраро-Флорентийскомъ. И въ нашихъ русскихъ сказаніяхъ и актахъ есть свидѣтельства, что Греки ожидали видѣть въ немъ на соборѣ не измѣника православію, а одного изъ самыхъ твердыхъ и надежныхъ его защитниковъ, и что когда онъ пришелъ въ Россію и пока оставался въ ней до путешествія на соборъ, никто не зналъ и не подозрѣвалъ въ немъ того латинника, которыемъ онъ явился. Одніи изъ спутниковъ Исаида на соборъ,—сузdal'скій іеромонахъ Симеонъ (находившійся при сопровождавшемъ митрополита сузdal'скому епископу Аврамію) составилъ описание собора и здѣсь говорить, что когда русскій митрополитъ замедлилъ своимъ прибытіемъ въ Феррару, то Греки отлагали пренія, ожидая (будто бы) его прибытія, «болѣ (бо) всѣхъ,—ясняетъ Симеонъ,—Грекове мнѣли Исаида великимъ философомъ, да того ради и ждали его»¹⁾. Вел. кн. Василий Васильевичъ въ одномъ изъ своихъ посланий въ Константинополь говорить, что онъ принялъ Исаида «якоже преднихъ святѣйшихъ митрополитовъ, милице, яко да и ей единъ отъ нихъ есть, не вѣдуще, еже напреди хощеть отъ него кое дѣло быти»²⁾. Митр. Юна въ своемъ послании къ одному русскому епископу говорить, что пока былъ Исаидъ до собора въ Россіи, «никто еще тогда того не вѣдалъ», чтобы онъ намѣревался подать все великое наше православіе въ римскія законоположенія и ученія³⁾. Такимъ образомъ, относительно поставленія Исаида на ка-

говорится, что Греки ходили въ Италію къ папѣ Евгению, «еже обратити латинъ въ православную вѣру»,—*Восток. Опис. Румянц. Муз. стр. 778 col. нач.*).

¹⁾ У *Павлова* въ Критичч. смытахъ, стр. 200.

²⁾ Акт. Ист. т. I № 39, стр. 73, въ Иамятин. *Павлова* col. 531 нач..

³⁾ Послание къ Мицанду, епископу смоленскому,—въ Акт. Ист. т. I № 62, стр. 110 col. 2, у *Павлова* col. 660. Въ нашихъ сказаніяхъ объ Исаидѣ читается разсказъ о немъ, который хощеть дать знать, что, прибывъ въ Россію и бывъ въ ней до отправленія на соборъ тайнымъ латинникомъ, онъ сталъ явнымъ тотчасъ же, какъ, отправившись на соборъ, переступилъ предѣлы Россіи, именно—что когда въ Юрьевѣ ливонскомъ или въ бывшемъ Дерптѣ вышли встрѣтить его съ крестами священники латинскіе и тамошніе священники православные, то кресту или кръжу латинскому онъ отдалъ всю подобающую честь, а къ крестамъ

оедру русской митрополии представляется необходимымъ думать не то, чтобы онъ былъ возведенъ на нее по причинѣ своей известной преданности латинству, а то, что онъ былъ признаваемъ достойнымъ ея занятия по своимъ качествамъ и что, ставя его на высокое мѣсто, съ цѣллю придать ему болѣйшій авторитетъ (подобно тому, какъ Виссарионъ никейскій и Маркъ ефесскій были поставлены изъ юромонаховъ на митрополиты передъ самимъ отправленіемъ на соборъ), ожидали видѣть въ немъ на соборѣ одного изъ надежнѣйшихъ борцовъ за православіе^{1).}

православнымъ показать явное пренебреженіе (самый разсказъ см. ниже); но должно быть принимаемо болѣе чѣмъ за вѣроятное, что разсказъ этотъ есть позднѣйшее сочиненіе обѣ Исидорѣ. Разсказъ читается въ описаніи его путешествія на Ферраро-Флорентійскій соборъ, которое составлено чѣмъ-то незвестнымъ изъ числа его спутниковъ (но не Симеономъ сузdalскимъ, которому обыкновенно усвоется, ср. *Павловъ Критич. опыты*, стр. 92 sqq.). Описаніе известно въ двухъ редакціяхъ, изъ которыхъ одна напечатана въ Вивіюонѣ *Новиковъ*, VI, 27, другая въ Скандинавіи русского народа *Сахарова*, т. II, кн. 8. Разсказъ читается въ редакціи Сахаровской, несомнѣнно позднѣйшей (ср. *Павл.* ив. 95), и не читается въ редакціи Новиковской. Митр. Іона, говоря въ одномъ изъ своихъ посланий о пашеньи постукиѣ Исидора съ крестами, вмѣсто Юрьева ливонскаго называетъ Ригу (Акт. Ист. т. I № 66, стр. 118 col. 2), чѣмъ даетъ знать, что дѣло съ исторіей было не твердо...

1) И Сиропуль, какъ мы видѣли, говори обѣ Исидорѣ до поставленія въ русскіе митрополиты, употреблять о немъ выраженіе: *εἰ τότε τιμώτατος ἐν ιερομονάχοις*.—Читаются позднѣйшіе разсказы, не знаемъ и не можемъ въ настоящее время указать—изъ какого первоначального источника заимствованные, въ которыхъ утверждается, будто Исидоръ былъ присланъ въ Константинополь папою и будто онъ получиль каедру русской митрополии посредствомъ коварства. Степениа книга говорить: «Въ лѣта же она иѣко Исидоръ пріиде отъ Рима въ Царствующій градъ и усмотрѣвъ си время и увѣда, яко на Руси Фотій митрополитъ къ Богу отъиде и тако иѣкоюъ богоопротивнымъ коварствомъ увѣща царя и патріарха и поставленъ бысть въ митрополитъ», II, 8 бп., также 71 бп.. Татищевъ, не знаемъ—распространяя ли только вольнымъ образомъ и на свой татищевскій манеръ Степениа книгу или же пользуясь еще какимъ другимъ источникомъ, говорить, что Исадоръ былъ родомъ земли Далматинскія благочестивыхъ, т.-е. православныхъ, родителей, по тайно держалася ереси латинскія,—что онъ поставленъ былъ папою епископомъ во Илліївіи,—что, когда решено было быть освящому собору о соединеніи церквей, папа послалъ его въ Константинополь съ дарами многими доставать себѣ митрополию русскую, для того, чтобы потомъ явиться на соборъ и помочь ему—папѣ,—IV, 518 (Татищевъ повторяетъ митр. Евгений въ Словарѣ духовныхъ писателей,—I, 213, а утвержденію, что Исадоръ домогался власти надъ россійскою церковью по согласію съ

Хотя Юна илько опоздать прибыть въ Константинополь, но тамъ могли бы, если бы хотѣли, уладить дѣло, а именно—Исидоръ, чтобы очистить каѳедру русской митрополіи для кандидата, присланнаго изъ самой Россіи, могъ быть переведенъ на одну изъ мѣстныхъ,—дѣйствительныхъ или титулярныхъ, каѳедръ. Но въ Константинополь въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ не могли желать этого сдѣлать и напротивъ, какъ необходимо думать, были очень довольны, что оказалось возможнымъ поставить митрополита русскаго не изъ природныхъ Русскихъ, а изъ Грековъ. Но весьма важнымъ причинамъ Греки должны были желать, чтобы митрополитъ русскій не премѣнился присутствовать на соборѣ о соединеніи церквей, а между тѣмъ на митрополита этого изъ природныхъ Русскихъ никакъ нельзя было положиться, чтобы онъ захотѣлъ прибыть на соборъ. Помышляя серьезнымъ образомъ о соединеніи и мечтая устроить его прочнымъ образомъ, Греки хотѣли, чтобы соборъ, на которомъ оно совершился, былъ настоящій вселенскій и чтобы со стороны православной присутствовали не одни только они сами, но представители и всѣхъ другихъ частныхъ церквей, а въ числѣ другихъ частныхъ церквей русская церковь занимала первое мѣсто¹⁾. Во-вторыхъ, и если не главное, то житейски чрезвычайно важное, для Грековъ необходимы были деньги русского митрополита. Дошедши до убогой нищеты, они имѣли отирались на соборъ и быть содержимыми во время пребыванія на немъ на счетъ папы. Но, помышляя о неизвѣстномъ будущемъ, не

паной, даетъ вѣру въ Гарамзинъ,—V, 161 фн.). Досюдѣ іерусалимскій въ Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ говоритъ, что въ Россіи по смерти Фотія избрали было архіепископа (т.-е. епископа) рязанскаго Юну, но что «между тѣмъ пѣкто Исидоръ злочестій человѣкъ, употребивъ коварства, поставленъ въ митрополиты русскіе, прежде чѣмъ Юна успѣхъ прийти въ Константинополь» и что «патріархъ константинопольскій сказалъ Исидору: «Исидоре! поездуку получишь ты рукоположеніе при помощи козней, то не будешь благоуспѣшень»»,—ки. 10, гл. 6, стр. 909 фн. (Сага въ Несѣллѣнѣ Філолоғѣ, стр. 36, не указывая источника, говорить, что Исидоръ, приведъ около 1435-го года въ Римъ, былъ благосклонно принятъ папою Евгениемъ IV и что, рекомендованный папою императору Юавну Иалеологу и патріарху Константинопольскому Іосифу, рукоположенъ въ архіепископы кіевскіе и въ митрополита русской церкви. Позднѣйшая сказанія объ Исидорѣ какъ будто находятся въ связи съ темной исторіей митрополита молдовахаійскаго Григорія, о которомъ см. въ нашей книжѣ «Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской», стр. 377, и о которомъ мы говорили выше).

¹⁾ Греки приглашали на соборъ Иверовъ, Сербовъ, Молдовалаховъ, и отъ первыхъ и отъ послѣдніхъ дѣйствительно были на немъ представители.

могли они совершение отрицать возможности того, что соборъ вмѣсто соединенія окончится болѣшимъ раздѣленіемъ: въ этомъ случаѣ, съ прекращеніемъ напѣскаго жалованья, единственнымъ средствомъ спасенія для нихъ въ ихъ отчаянномъ положеніи могли быть только деньги русскаго митрополита ¹⁾.

Сопровождаемый Іоною, епископомъ рязанскимъ и посломъ великаго князя, ходившимъ съ Іоною въ Константинополь, также своимъ посломъ императорскимъ, Исидоръ прибыть въ Москву во вторникъ на святой недѣлѣ 1437-го года (2-го Апрѣля ²⁾.

Чрезвычайно сильно долженъ быть оскорбиться вел. кн. Василій Васильевичъ на то, что въ Константинополѣ не поставили ему въ митрополиты Іоны и что вмѣсто Іоны прислали ему оттуда митрополита Грека. Уже нѣсколько разъ избираемы были кандидаты въ митрополиты въ самой Россіи и до тѣхъ порь не было отказа въ ихъ поставленіи со стороны императора и патріарха: насколько онъ—Василій Васильевичъ долженъ быть сознавать болѣимъ свой авторитетъ, какъ государя, противъ своихъ предшественниковъ, ибо этотъ авторитетъ и его сознаніе съ каждымъ правлѣніемъ все возрастили, настолько менѣе онъ долженъ быть ожидать отказа и настолько болѣе неожиданный отказать долженъ быть показаться ему оскорбительнымъ. Вносятѣствіи великий князь увѣрилъ, что сначала онъ рѣшительно не хотѣть было принимать неожиданно присланнаго ему Исидора и чтонаконецъ согласился принять его, только не желая скорѣться съ Греками и 'только умоленимъ посломъ императорскимъ и имъ самимъ—митрополитомъ. Въ посланіи, писанномъ въ Константинополь постѣ собора Феррано-Флорентійскаго, великий князь говорить о приходѣ къ нему и о приемѣ имъ Исидора: «и о комъ не посылахомъ, ни каки кого просихомъ, ни требовахомъ, того къ намъ послаша, а реку—сего Исидора: и Богу вѣдомо, аще не быхомъ того нашего изначалнаго православнаго христіанства сблюдали и страха Божія аще не быхомъ въ сердци имѣли,

¹⁾ Что деньги русскаго митрополита не были въ какомъ инбѣудѣ забвеніи, на это мы имѣмъ прямая указанія. Когда Греки склонялись было къ мысли устроить соборъ въ Константинополѣ и когда заходила при этомъ рѣчь о необходимыхъ деньгахъ, патріархъ константинопольскій говорилъ: «если бы потребовалось и до ста тысячъ аспровъ, можно собрать съ епископовъ: митрополитъ русскій однѣй привезетъ такую сумму».—Исторія Флорентійскаго собора, стр. 23 бп..

²⁾ Странно, что Исидоръ не посыпалъ въ Москву къ самому Свѣтлому Воскресенію; но вѣроятно, что онъ задержанъ былъ на пути нашими невозможными въ Апрѣль яїсанѣ дорогами.

то никакоже не хотѣхомъ его (Исидора) пріяти отъинудь; но за царскаго посла моленіе и за святѣйшаго патріарха благословеніе и за онаго (Исидора) сокрушеніе и многое покореніе и челобитіе едва-едва пріяхомъ его». Согласивши наконецъ принять Исидора, великий князь принялъ его, какъ самъ говоритъ въ томъ же посланіи, со всею подобающею честію и со всѣмъ подобающимъ усердіемъ: «егда же понуди насъ покореніе его (Исидора) многое и челобитіе, и пріахомъ его яко отца и учителя со мніою честію и благимъ усердіемъ, по прежнему, якоже и онѣхъ преднихъ митрополитовъ нашихъ русскихъ, мишаще, яко да и сей единъ отъ нихъ есть, не вѣдуще, еже напреди хощеть отъ него кое дѣло быти»¹). Никоновская лѣтопись, ничего не говоря о первоначальномъ нежотѣніи великаго князя принять Исидора, говоритъ только о томъ, что прибывшій митрополитъ бытъ принять государемъ со всѣмъ возможнымъ почетомъ и со всею возможною благосклонностію: «стоякъ (1437-го года) весны во вторникъ свѣтлый недѣли по Велицѣ дни пріиде на Москву изъ Цариграда отъ патріарха Іосифа на митрополию Исидоръ митрополитъ Гречинъ, многимъ языкомъ сказатель и книжникъ, и пріять его великій князь Василей Васильевичъ честию и молебныя пѣвше въ святѣй и соборной церкви пречистыя Богородицы и сотвори пань (для него) пирование велие князь великій Василей Васильевичъ и дары свѣтлыми и многими одари его»²). Соображая показаніе самого великаго князя съ показаніемъ Никоновской лѣтописи, весьма иѣроятно представлять дѣло такъ, что сначала Василій Васильевичъ рѣшительно не хотѣль было принимать Исидора, а потомъ, перемѣнивъ гнѣвъ на милость, принялъ его чрезвычайно любезно. Исидоръ бытъ человѣкъ очень умный и надѣленный отличными способностями дипломата, слѣдовательно—между прочимъ исключительно способностію обходиться съ людьми и пріобрѣтать ихъ расположеніе; очень можетъ быть, что, будучи «многимъ языкомъ сказатель», онъ зналъ славянскій языкъ и что такимъ образомъ для бесѣды съ нимъ устраивалась нужда въ переводчикахъ, каковое обстоятельство дѣлало для государей особенно неудобными митрополитовъ—Грековъ: могло поэтому быть такъ, что великій князь сначала рѣшительно не хотѣль было принять Иси-

¹) Посланіе къ патр. Митрофану въ Акт. Ист., т. I, № 39, стр. 73, въ Илліатин. *Павлоградъ* col. 530.—Первоначальное рѣшительное нежеланіе Василія Васильевича принять Исидора иѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что великій князь подозреваъ въ приеланіемъ митрополитѣ латинника; но для такого объясненія дѣла нѣтъ ни малѣйшаго основанія ни аргумента, ни въ положительныхъ свидѣтельствахъ.

²) V, 123.

дора, а потомъ присланный митрополитъ весьма ему понравился. Когда Василій Васильевичъ говоритьъ о сокрушениі и многомъ покореніи и челобитїи Исидора, то весьма вѣроятно понимать его слова не только въ прямомъ ихъ смыслѣ, но и въ болѣе обширномъ смыслѣ усиленіиныхъ стараний митрополита приобрѣсти его—государя расположение.

Исидоръ поспѣть въ Россію изъ Константиноополя, когда тамъ дѣло о соборѣ было уже окончательно решено и когда императоръ и патріархъ уже начали приготавляться къ предстоявшему путешествію въ Италию. Вѣдѣтвіе этого и онъ съ своей стороны немедленно по прибытіи въ Москву начать тѣ же приготовленія къ путешествію на соборъ. Наши сказанія увѣряютъ, что вел. кн. Василій Васильевичъ заявилъ было решительный протестъ противъ того, чтобы идти Исидору на этотъ соборъ о соединеніи церквей и что онъ далъ наконецъ свое согласіе только весьма неохотно или что собственно онъ не далъ своего согласія, а только не воспринялъ митрополиту идти, когда этотъ хотѣлъ идти, не слушая его—государя ¹⁾). Великий князь, по нашимъ сказаніямъ, будто бы говорилъ Исидору, что святые отцы, запечатлѣвъ святую вѣру православія на семи вселенскихъ соборахъ, «о осмомъ соборѣ составляющихъ (вар. составляющихся) проклятию преданія и анасема ихъ нарекони и съ еретики ихъ отлучина, единогласно Богу сопротивная дѣлающихъ» ²⁾), и еще: «при нашихъ прародителяхъ и родителяхъ соединеніе закона не бывало съ Римлянами, и азъ не хочу, ионеже не пріяхомъ мы отъ Грекъ въ соединеніи закона быти съ ними» ³⁾). Съ совершеніемъ вѣроятностію слѣдуетъ думать, что читаемое въ нашихъ сказаніяхъ написано (и сочинено) уже послѣ того, какъ имѣль мѣсто Ферраро-флорентійскій соборъ и послѣ того, какъ Греки и въ частности Исидоръ предали на немъ свое древнепатриотическое православіе. Не могъ предвидѣть великий князь, чтобы соборъ окончился тѣмъ, чѣмъ онъ окончился; равнымъ образомъ не могъ предвидѣть великий князь, какъ самъ говорить, и того, чтобы Исидоръ явился на немъ измѣнникомъ православію. Греки отправлялись на соборъ въ полной увѣренности, что они успѣютъ восторжествовать надъ

¹⁾ Никон. лѣт. V, 125 нач.

²⁾ Повѣсть Симеона суздальскаго о осмомъ соборѣ по редакціи, читаемой въ Воскресенской лѣтописи,—Собр. лѣтг. VIII, 100. въ Софийской 2-й лѣтописи.—ibid. VI, 152, и въ изданіи Новикова въ Вивліоописѣ VI, 48, и Слово въ сказаніе о составленіи осмаго собора.—у А. Н. Попова въ Историко-литературномъ обзорѣ, стр. 362 fin..

³⁾ Никон. лѣт. V, 124 fin..

латинянами и что соединеніе состоится на условіи отречения послѣднихъ отъ ихъ новыхъ учений и обычаевъ; предполагать, чтобы великий князь зналъ латинянъ гораздо лучше Грековъ и чтобы онъ считалъ надежды послѣднихъ смиренными иллюзіями, было бы безъ всякаго основанія. Но съ какой стати великій князь захотѣлъ бы противиться путешествію своего митрополита на соборъ, результатомъ отъ котораго ожидалось воссоединеніе латинянъ съ православною церковью на условіи ихъ отречения отъ своихъ новшествъ? Вѣдь это именно есть то, о чёмъ православная церковь непрестанно молится и чего она постоянно ожидаетъ и надѣется! Влагаемыя сказапіями въ уста великаго князя слова: «азъ не хочу соединенія съ Римлянами, попаже не пріяхомъ мы отъ Грекъ въ соединеніи закона съ пими быти», имѣютъ весь свой смыслъ по отношенію къ тому соединенію, которое дѣйствительно состоялось, и представляютъ изъ себя совершиенную безсмыслицу по отношенію къ тому соединенію, которое ожидалось. Равнымъ образомъ, и это учение, будто святые отцы «о осмомъ соборѣ составляющихъ проклятию предадаша» могло явиться у насъ только послѣ того, какъ осмой соборъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто и такъ печально окончился для православія ¹⁾). Положительныя дания, которыхъ мы имѣемъ, никакъ не подтверждаютъ того, чтобы Исидоръ отправился на соборъ противъ воли великаго князя и къ его неудовольствію, и напротивъ говорять совсѣмъ другое; они заставляютъ предполагать, что не только митрополитъ отправился на соборъ съ вполнаго согласія государя, но что послѣдний съ своей стороны весьма позаботился о томъ, чтобы русская церковь и русское государство были представлены митрополитомъ на соборѣ по возможности достойнымъ образомъ. Если бы митрополитъ пошелъ на соборъ противъ воли великаго князя, то, конечно, государь устроилъ бы такъ, чтобы онъ предпринялъ свое путешествіе самъмъ скромнымъ образомъ. Между тѣмъ Исидоръ отправился въ путь въ сопровожденіи такой исключительно блестящей свиты, что она состояла не менѣе какъ изъ ста человѣкъ. Состояла ли эта свита только изъ собственныхъ людей митрополита или и изъ людей великаго князя, во всякомъ случаѣ безъ нарочитой воли государя она не могла быть такою многочисленною. Суменои сузальскій иѣївой повѣсти о Флорентійскомъ соборѣ, говоря обѣ этой свите, ясно даетъ знать, что ея многочисленность требовалась и условливалась достоинствомъ русской

¹⁾ Находимъ его въ одномъ изъ поздѣйшихъ посланий и самого Іоны. именно—въ посланіи къ латовскимъ епископамъ отъ 1460-го года.—въ Намятин. *Начала* col. 650.

земли, а о семъ достоинствѣ, конечно, позабылся великий князь: «а людей,—пишетъ Симеонъ,—много было, 100 (человѣкъ), съ митрополитомъ Иендоромъ, болѣе всѣхъ (другихъ архиереевъ), занеже славна бѣ земля та и Фризове зовутъ ее Великая Русь»¹⁾. Съ Иендоромъ между прочимъ отиравился на соборъ одинъ изъ епископовъ русскихъ; но чтобы епископъ пошелъ съ митрополитомъ противъ воли вел. князя, этого совершение невозможно предполагать и одно это сопутствіе епископа митрополиту служить достаточнымъ и рѣшительнымъ доказательствомъ того, что первымъ предиринято было путешествіе на соборъ иисколько не вонпрѣ волѣ государя. Затѣмъ, Иендоръ повезъ съ собою такое огромное количество товаровъ или «рухляди», которую по мѣрѣ нужды имѣть превращать въ деньги, какъ это дѣлали всѣ наши старые путешественники, отправлявшіеся въ западную Европу, что обозъ или поѣздъ его состоять изъ двухъ сотъ коней²⁾. Невозможно думать, чтобы тутъ были только собственныя средства митрополита, и необходимо напротивъ предполагать, что тутъ была чрезвычайно значительная помощь со стороны великаго князя: вонпервыхъ, Иендоръ, отиравшийся на соборъ спустя пять мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Москву, не имѣть времени накопить денегъ; во вторыхъ, полагать, чтобы онъ имѣть деньги накопленными и готовыми и митрополіи совсѣмъ невѣроятно: онъ прииѣхъ на каюдру спустя шесть лѣтъ по смерти его предшественника Фотія и не можетъ быть сомнительнымъ, что за это время бояре и чиновники митрополіи успѣли расхитѣть все, что было накоплено постѣдніемъ, какъ они расхитили все иостѣ смерти Киприана. Даѣже, мы знаемъ о такихъ дѣйствіяхъ Иендора, употребленныхъ имъ для пополненія своихъ денежныхъ средствъ, которыхъ онъ никакъ не могъ дозволить себѣ безъ согласія великаго князя (причлененіе къ митрополіи Искова, о чёмъ сейчасъ ниже). Наконецъ, если бы Иендоръ пошелъ на соборъ противъ воли великаго князя, то и вся Россія провожала бы его въ путь не съ особеною любезностю; а между тѣмъ мы видимъ совершение противное: онъ провожаемъ быть

¹⁾ У Павлова въ Критическихъ опытахъ, стр. 199 fin..

²⁾ Густинская лѣтоинь подъ 1438-мъ годомъ (заимствующая свѣдѣніе, какъ нужно думать, изъ какого нибудьпольского историка, сѣгъ митр. Іову въ посланіи къ литовскимъ епископамъ,—въ Намѣтии. *Павл.* col. 649 fin., который представляетъ дѣло такъ, будто Иендоръ добыть безчисленное множество золата, татьсивомъ пограбивъ святую церковь Пречистыя Богородицы).

какъ бы съ тріумфомъ и съ явнымъ выраженіемъ сочувствія со стороны Русскихъ къ предпринятому имъ путешествію ¹⁾).

Исидоръ отправился изъ Москвы въ путешествіе на соборъ въ Рождество Богородицы (8-го Сентября) 1437-го года ²⁾), пробывъ въ Россіи послѣ приѣзда изъ Константиноополя пять мѣсяцей ³⁾). Объ его многочисленной свитѣ и обѣ его огромномъ товарищемъ обозѣ мы сказали выше. Составъ свиты остается въ подробности неизвѣстнымъ; знаемъ только, что изъ духовныхъ къ ней принадлежали епископъ суздальскій Аврамій (которому соответствовать священникъ Симеонъ, составившій повѣсть о Флорентійскомъ соборѣ) и архимандритъ неизвѣстнаго монастыря Вассіанъ, а изъ свѣтскихъ, кроме собственныхъ бояръ митрополита, княжескій посолъ, по имени Оома, который въ описаніи путешествія Исаидорова на соборъ называется посломъ тверскімъ, а въ повѣсти о соборѣ Симеона суздальскаго посломъ великаго князя, и который, какъ нужно думать, былъ именно посолъ великаго князя, но взятый изъ бояръ тверскихъ. Въ Константиноополь было поручено Исаидору, чтобы онъ привезъ съ собою на соборъ епископовъ

¹⁾ Въ виду сейчасъ сказанаго мы вовсе не находимъ возможнымъ дать вѣры позднѣйшему увѣренію и самого Василія Васильевича, будто онъ много возбраѧлъ Исаидору ходить на соборъ (въ посланіи къ константинопольскому патріарху отъ 1441-го года,—въ Акт. Ист. т. № 39, стр. 73, у *Павлова* col. 531). Въ описаніи путешествія Исаидорова на соборъ, принадлежащемъ неизвѣстному, княжескому посолью Оома, сопровождавшій митрополита, называется посломъ тверскімъ. Но если бы было и несомнѣнно, что Оома былъ посломъ тверской, а не московской, то въ виду сказанаго нельзя было бы понимать этого такъ, что великий князь, желая выразить Исаидору неудовольствіе на его путешествіе, не далъ ему своего посла, а должно было бы объяснять это другими, неизвѣстными намъ причинами. Между тѣмъ Симеонъ суздальскій въ своей повѣсти о соборѣ называетъ Оому посломъ московскаго великаго князя Василія Васильевича,—у *Павлова* въ Критич. оныхахъ, стр. 199 fin. (но всей вѣроятности, дѣло нужно понимать такъ, что великий князь, желая оказать любезность тверскому князю и сдѣлать его соучастникомъ въ представительствѣ передъ нашою, распорядился, чтобы его—великаго князя посолъ назначенъ былъ изъ бояръ тверскихъ и чтобы такимъ образомъ онъ былъ одновременно посломъ и его—великаго князя и князя тверского).

²⁾ Описаніе путешествія, составленное неизвѣстнымъ. Въ Никоновской лѣтописи, V, 125, говорится, что 15-го Сентября Исаидоръ хоронилъ княгиню Евпраксію (вѣроятно въ міре Елену Ольгердовну, вдову Владимира Андреевича Донскаго). Но должно думать, что въ мѣсяцѣ и числѣ ошибка; по Софийской 2-й лѣтописи,—Собр. лѣтт. VI, 152, княгиня похоронена митрополитомъ 15-го Августа.

³⁾ Степенная книга,—II, 72, почему-то считаетъ четыре мѣсяца.

руссихъ¹⁾); если Исидоръ взялъ съ собою одного только епископа, то, по всей вѣроятности, это нужно понимать такъ, что между епископами русскими не нашлось болѣе охотниковъ предпринять путешествіе въ Италію. Бывъ честно провоженъ изъ Москвы собравшимися епископами²⁾, Исидоръ держалъ путь на Тверь, Новгородъ, Исковъ и оттуда на Ригу. Изъ Москвы въ Ригу черезъ Новгородъ и Исковъ—не совсѣмъ прямая дорога; но митрополиту нужно было быть въ этихъ двухъ городахъ, чтобы пополнить свои денежныя средства. Въ Тверь Исидоръ прибылъ въ Воздвиженевъ день (14-го Сентября). О встрѣчѣ, которая была учинена ему здѣсь, неизвѣстный описатель его путешествія на соборѣ, говоритъ: «и встрѣтилъ его князь Борисъ тверскій со своими боярами съ великою честью, а владыка Илья со кресты со всѣми священниками и весь народъ града того». Проживъ въ Твери девять дней, Исидоръ прибылъ въ Новгородъ 7-го Октября³⁾. Встрѣченный на далекомъ разстояніи отъ города съ великою честью архіепископомъ и посадниками новгородскими, митрополитъ имѣлъ послѣдний почлегъ передъ городомъ въ Юрьевомъ монастырѣ, который находится въ 3-хъ верстахъ отъ него⁴⁾. На другой день опь торжественно вошелъ въ городъ, бывъ встрѣченъ владыкою со крестами, съ священниками и діаконами и всѣмъ народомъ «въ тѣснотѣ велицѣ». Въ церкви, находившейся надъ воротами Кремля, митрополитъ облачился въ ризы и свящацѣ воду, которую бросили народъ; затѣмъ опь попелъ къ святой Софії и въ ней разоблачился; послѣ встрѣчи опь широкатъ у архіепископа новгородского, и «далъ ему (послѣдній) честь велию». Но увѣренію Никоновской лѣтописи, посѣщеніе Исидоромъ Новгорода имѣло для него тотъ результатъ, что Новгородцы «даша ему судъ по старинѣ и всѣ пошлины его дана ему по старинѣ»⁵⁾. Если мы примемъ извѣстіе лѣтописи за достовѣрное,—а отказать ему въ вѣрѣ не видится особеннаго побужденія (ибо рѣчь, какъ не забываетъ чита-

¹⁾ Ист. Флорент. соб. стр. 32 нач..

²⁾ Никон. лѣт. V, 127.

³⁾ До Вышняго Волочка Исидоръѣхалъ на лошадяхъ, а въ Волочекѣ сѣлъ въ лодки, чтобы плыть далѣе въ Новгородъ водою. 7-го Октября Исидоръ прибылъ въ Новгородъ по описанію путешествія; по Новгородской 1-й лѣтописи—9-го Октября.

⁴⁾ И который лежитъ на водяномъ пути въ Новгородъ (Цна, на которой Вышній Волочекъ, Мстино озеро, Мста, озеро Ильмень,—несъма небольшой его край, и Волховъ, на берегу котораго монастырь).

⁵⁾ V, 127.

тель, объ Исидорѣ¹), то результатъ этотъ будетъ представлять иѣчто вѣсма замѣчательное: мы знаемъ, что судъ и пошлины, которые съ такою легкостію дали Новгородцы Исидору, напрасно добивались получить отъ нихъ митрр. Кирилль и Фотій. Во время пребыванія въ Москвѣ Исидоръ вызывалъ къ себѣ новгородскаго архіепископа Евонія, который отиравился къ нему 7-го Іюля²): и который прожилъ при немъ до самаго его выѣзда изъ Москви³: вѣроятно, онъ и успѣлъ расположить архіепископа въ свою пользу. Но недостаточно было расположить архіепископа, а нужно было получить согласіе и всѣхъ гражданъ; притомъ же и архіепископа нужно было расположить чѣмъ нибудь,—Кирилль и Фотій не могли этого сдѣлать по отношенію къ тремъ предшествующимъ архіепископамъ (Іоанну, Симеону и Евонію 1-му). Единственно вѣроятнымъ представляется намъ думать, что архіепископъ Евоній и новгородскіе граждане были подвигнуты къ неожиданной уступчивости тѣмъ обстоятельствомъ, что митрополиту нужны были деньги для столь важной цѣли, какъ путешествіе на соборъ и вспоможеніе на соборѣ греческимъ архіереямъ, т. е. что вполнѣ сочувствуя, какъ дѣлу чрезвычайно важному, этому собору, отъ которого ожидали вовсе не того, что онъ даль на самомъ дѣлѣ, Новгородцы не хотѣли стоять за деньгами и по отношенію къ благому общечерковному начинанію желали показать себя дѣятельными помощниками. Если бы великий князь былъ противъ путешествія митрополита на соборъ, то и архіепископъ новгородскій не могъ бы имѣть охоты явиться дѣятельнымъ его—митрополита помощникомъ въ семъ случаѣ: а это даетъ знать и служить свидѣтельствомъ, что дѣло должно быть представляемо не такъ. Пробывъ въ Новгородѣ недѣлю, Исидоръ прѣѣхалъ во Псковъ въ Николинъ день (6-го Декабря). Встрѣченій Исковицами на рубежѣ ихъ области и вѣхавъ въ ихъ городѣ съ такою же торжественностью, какъ въ Тверь и Новгородъ, митрополитъ прожилъ у нихъ очень долгое время—семь недѣль. Его пребываніе во Псковѣ ознамен-

¹) Новгородская 1-я лѣтопись, согласно съ Никоновскою, говоритъ, что по-чили митрополита владыка и посадники и бояре и купцы и весь Великій Новгородъ, и не говорить, чтобы дали митрополиту судъ и пошлины. Но молчаніе въ семъ случаѣ новгородскаго лѣтописца можетъ быть объяснено именно тѣмъ, что онъ былъ Новгородецъ, который могъ находить умолчаніе полезнымъ на всякой случай.

²) Новгор. 1-я лѣт. (по Никон. лѣт. V, 124,—7-го Іюня).

³) Выѣхавъ вмѣстѣ съ нимъ,—Никон. лѣт. V, 127, и потому опередивъ его на пути для встречи въ Новгородѣ.

новалось чрезвычайно важнымъ дѣяніемъ съ его собственной стороны. Онь изъялъ Исковъ съ его областю изъ-подъ вѣдѣнія архіепископа новгородского и подчинилъ его своей собственной власти, поставивъ въ немъ своего намѣстника, и, если вѣрить исковской лѣтописи, то даже взять за себя и всѣ вотчины архіепископа, которыя находились въ исковской области ¹⁾). Невозможно допустить, чтобы митрополитъ сдѣлалъ это безъ согласія архіепископа новгородского, ибо, впервыхъ, его поведеніе по отношенію къ архіепископу было бы крайне вѣроломно, а во вторыхъ и главное—архіепископъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ бы, тогда какъ ни о какомъ протестѣ послѣдняго совершеніи ничего не говорять лѣтописи, въ томъ числѣ и новгородская; невозможно равнымъ образомъ допустить и того, чтобы митрополитъ сдѣлалъ сейчасъ указаніе безъ великаго князя, ибо это было такое дѣяніе, которое воине не принадлежало къ единственной компетенціи митрополита. Такъ какъ Исковъ въ политическомъ отношеніи началъ рѣшительно тянуть тогда вмѣсто Новгорода къ Москвѣ ²⁾) и Исковичи находились въ то самое время въ немири съ Новгородцами ³⁾), то данное митрополиту великимъ княземъ дозволеніе перечислить Исковъ съ его областю изъ епархіи Новгородской въ его собственную епархію можетъ быть понимаемо такъ, что великий князь удовлетворялъ при семъ желанію Исковичей, которое виолѣтъ совпадало съ его собственными политическими видами. Но если это и такъ, то дозволеніе, данное имени Пендору, не можетъ служить свидѣтельствомъ того, чтобы великий князь былъ противъ его пугачествія на соборѣ. Что касается до архіепископа, то единственноѣ вѣроятнѣе представляется намъ думать, что митрополитъ испросилъ у него Исковъ со всѣми отъ послѣдняго доходами, въ томъ числѣ и отъ архіепископскихъ вотчинъ, находившихся въ его области, во временное пользованіе, чтобы такимъ обра-

¹⁾ Исковская 2-я лѣтопись въ Собр. лѣтт. V, 29: «отъя (у архіепископа новгородского) судъ и печать, и воды и землю и вся пошлины владычия и на тѣхъ оброцѣхъ посады намѣстника своего Геласія архимандрита». О перечисленіи Пендоромъ Искова съ его областю изъ епархіи новгородской въ свою епархію митрополичью—Новгор. 1-я лѣто, подъ 1437-мъ годомъ бп. и Никон. лѣт. V, 127 (въ послѣдней: «и даша ему судъ по старинѣ» нужно понимать: и дали ему судъ, какой сдѣлывалъ по старинѣ архіепископу новгородскому).

²⁾ См. Соловьевъ Ист. IV, 4 изд. стр. 97 sqq, и Быляева Разсказы изъ Русской истории, III, 291 sqq.

³⁾ См. Исковскую 2-ю лѣтопись, въ Собр. лѣтт. т. V, подъ 1432-мъ, 1434-мъ и 1436-мъ годами.

зомъ усилить свои денежныя средства. Въ концѣ концовъ, какъ бы мы не понимали это перечисленіе Пскова митрополитомъ изъ епархіи архиепископа въ свою епархію, оно остается такимъ дѣяніемъ, которое со стороны митрополита, не пользовавшагося расположениемъ великаго князя и находившагося подъ его гибвомъ, будеть необъяснимымъ. Такъ какъ освобожденіе изъ-подъ власти архиепископа новгородскаго (навсегда-ли, чтб, можетъ быть, предполагалось, или на время) совпадало, по сказанному сейчасъ, съ собственными желаніями Псковичей: то они принимали митрополита со всѣмъ усердіемъ и пополнили его денежныя средства, сколько могли; описатель путешествія Исидорова говоритъ, что «ту (во Псковѣ) быша (ему) пироре миози и дары велици»¹⁾), а Никоновская летопись увѣряетъ, что Псковичи дали ему пошлины мѣсячнаго архиепископскаго суда²⁾). Изъ Пскова въ Ригу Исидоръ опять шелъ почему-то не совсѣмъ прямымъ путемъ,—на Костеръ (Вербекъ на рѣкѣ Эмбахѣ, между Чудскимъ озеромъ и Деритомъ³⁾), и Юрьевъ Ливонский (Деритъ⁴⁾), и прибыть 4-го Февраля 1438-го года. Имеюъ

¹⁾ Эти великие дары, показывающіе до какой степени съ той поры подешевѣли деньги, но тому же описателю путешествія, состояли въ 120 рубляхъ, изъ которыхъ 20-ть Псковичи дали митрополиту послѣ его служенія въ ихъ главномъ соборѣ, а 100 при его отѣздѣ отъ нихъ.

²⁾ V, 127.

³⁾ Т.-е. нужно думать, что Исидоръ плылъ водой,—Псково-Чудскимъ озеромъ и потомъ Эмбахомъ.

⁴⁾ Въ описаніи путешествія Исидорова, по его позднейшей редакціи, какъ мы говорили выше, разсказывается, будто въ Юрьевѣ Ливонскомъ Исидоръ оказалъ пренебреженіе къ крестамъ православнымъ. Вотъ этотъ разсказъ: «И прїехаъ вѣдѧка (Исидоръ) къ Юрьеву, и срѣтома его посадники и ратманы далече и священики со кресты и живущіе въ немъ людіе православніи (въ Деритѣ, какъ говорится далѣе, были тогда двѣ православныя церкви—св. Николая и св. Юрія), латыни же и Нѣмцы крижъ изнесоша противу его почети ради: опъ же, преступивъ тяжкую клятву свою, ю же клятся о благочестівѣ великому князю Василию Васильевичу вселїи Русіи, по реченному пророкомъ: яко забы Бога, спасающаго й, прежъ бо возврѣ въ поклониis и притече и любезно цѣлова и знаменася на крижъ латинскій, а по сихъ прїиде ко святымъ крестамъ православнымъ, послѣдоваше же и провожаше и чтише крижъ латинскій и иде съ нимъ до костела, сирѣчь до церкви ихъ, а о святыхъ крестѣхъ православія не брежаше и провожаше; видѣвъ же сія боголюбивый А враамій, вѣдѧка суздальскій, и вси на томъ пути бывши съ нимъ православные христіане, еже таковая нечестія отъ него святымъ крестамъ бываема. въ томъ часѣ ужасомъ одержима быша. зане бо, не дошедъ Рима, таковая богоотступничая дѣяша». Въ первоначальной редакціи читается: «И прїехаъ вѣдѧ-

почему-то очень продолжительную, восьми-недельную, остановку въ Ригѣ¹), онъ отправился изъ нея 5-го Мая моремъ на Любекъ, въ которомъ и высадился 19-го Мая. Изъ Любека онъѣхалъ въ Феррару черезъ всю Германію на города: Люнебургъ, Брауншвейгъ, Лейпцигъ, Бамбергъ, Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Ницебрукъ и Надую, и прибыть на мѣсто собора 18-го Августа 1438-го года, проведши въ дорогѣ годъ безъ двадцати дней.

Путешествіе Исидора на Ферраро-флорентійскій соборъ, какъ мы неоднократно упоминали выше, описано однимъ изъ его спутниковъ, остающимся неизвѣстнымъ по имени (но не Симеономъ сузальскимъ, которому описание несправедливо усвояется). По своему плану описание представляеть дневникъ пути отъ Москвы до Флоренціи и обратно отъ Флоренціи до Офена или Цешта въ Венгріи²); въ дневникѣ поименовываются главныиіе города, черезъ которые шелъ Исидоръ, съ указаніемъ разстояній между ними, и кратко описываются они сами, съ обозначеніемъ ихъ особенностей противъ нашихъ городовъ и съ описаниемъ ихъ достопримѣчательностей; доехавъ до Феррары и изъ нея переходя во Флоренцію, авторъ сообщаетъ краткую исторію Ферраро-флорентійскаго собора. Описание замѣчательно въ томъ отношеніи, что

дипъ (т.-е. митрополитъ) къ Юрьеву и срѣтомъ его посадники тутъ и ратмавы да-
лече въ священницы со кресты и множество народа града того и даша ему честь
велію», т. въ первоначальной редакціи говорится, что его встрѣчали со крестами
только православные священники (пискупъ юрьевскій католическій встрѣтилъ Иси-
дора по своему пѣменному праву, со всѣми строи пѣменскими, съ трубами и со сви-
рѣльми, въ Костерѣ).

¹) Извѣстно письмо къ Исидору великаго магистра пѣменскаго ордена, пѣзъ
котораго какъ будто слѣдуетъ, что митрополитъ намѣревалсяѣхать изъ Риги съ-
зимъ путемъ и добивался получить отъ великаго князя литовскаго охрану для
пробѣза черезъ Самогитію (часть Литвы—нынѣшнюю нашу ковенскую губернію),
чѣмъ могла бы быть объясняема остановка (письмо напечатано у Карамзина—V,
прим. 296). Но если отдавать предпочтеніе напечатанному списку первоначальной
редакціи описания путешествія Исидорова передъ напечатаннымъ спискомъ редакціи
позднѣйшей, то обозъ свой Исидоръ отправилъ въ Любекъ берегомъ моря за шесть
недѣль до своего выѣзда изъ Риги (въ напечатанномъ спискѣ позднѣйшей редакціи
вместо сего говорится, что изъ Любека онъѣхалъ свою спутницу за шесть недѣль
до собственнаго выѣзда).

²) Но есть списки, въ которыхъ дневникъ доводится до Суздаля, причемъ
записи въ этой лишней его части отличаются сравнительно краткостью и изъ чего
видно, что онъ введенъ былъ также одинъ изъ спутниковъ епископа Авраамія. см.
Павловъ Критические опыты, стр. 91 ін..

представляетъ собою первыя по времени записки русскаго человѣка о западной Европѣ. Какъ къ памятнику литературному мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о нашей литературѣ за данное время¹⁾.

Исидоръ прибылъ въ Феррару спустя 5-ть съ половиною мѣсяціевъ постѣ Грековъ (которые пріѣхали туда 4-го Марта 1438-го года). Однако, онъ засталъ соборъ не только не конченымъ, но почти что и не начинавшимся. Сумеонъ суздальскій въ своей повѣсти о соборѣ говоритъ, будто замедленіе произошло отъ того, что Греки ждали именно Исидора, котораго «мыѣли болѣ всѣхъ великихъ философомъ»; но дѣйствительною причиной этого было другое. Императоръ константинопольскій разсчитывалъ чрезъ соединеніе церквей получить отъ государей западныхъ военную помощь противъ Турокъ; для сей цѣли ему нужно было, чтобы присутствовали на соборѣ или сами государи, или ихъ уполномоченные; между тѣмъ на соборъ вовсе не явились ни одинъ ни другіе. Одновременно съ тѣмъ, какъ папа устроилъ папъ соборъ, происходилъ въ католической церкви антиапостольский соборъ Базельскій (1431—1443), служившій продолженіемъ собора Константіеваго (1414—1418), который, поставивъ соборную власть выше папской, предположилъ было преобразовать церковь въ главѣ и членахъ; всѣ государи западные находились на сторонѣ сего послѣдняго собора и поэтому, присутствуя или не присутствуя на немъ, не хотѣли являться на соборъ папскій. Прибывъ въ Феррару и вовсе не найдя въ ней ни государей ни ихъ уполномоченныхъ, императоръ константинопольскій потребовалъ отъ папы, чтобы онъ вызвалъ на соборъ однихъ или другихъ, а до того времени рѣшительно отказывался приступить къ соборованію; тогда папа, обѣщавъ императору послать легатовъ за государями, положилъ, чтобы, открывъ соборъ немедленно,—что и сдѣлано было 9-го Апрѣля 1438-го года, отсрочить торжественныя соборныя дѣянія до прибытія государей или уполномоченныхъ, а пока, въ ожиданіи ихъ, заняться частными разсужденіями о предметахъ споровъ между

¹⁾ Какъ говорили мы выше, Описаніе извѣстно въ настоящее время въ двухъ редакціяхъ—въ первоначальной, напечатанной въ Вигліоцкѣ, VI. 27, и въ позднѣйшей, напечатанной въ Сказаніяхъ русскаго народа Сахарова, т. II, кн. 8, стр. 79. Вторая редакція, передѣланная на имя суздальскаго ипока Сумеона, отчасти сокращаетъ первую, а главнымъ образомъ, распространяетъ ее иставками изъ повѣсти Сумеона о Ферраро-флорентійскомъ соборѣ по одной изъ позднѣйшихъ редакцій сей послѣдней (именно—той редакціи, въ которой повѣсть читается въ Словѣ и сказаний о составленіи осмаго собора, какъ первая часть послѣдняго).

общими церквами¹). Такъ какъ вовсе не явились въ Феррару ни государи ни ихъ уполномоченные до самаго времени прибытія Иендорова, то это и было причиной, что до самаго времени его прибытія еще не было назначено торжественныхъ соборныхъ преній. Напрасно весьма долгое время ждали государей или уполномоченныхъ, рѣшили наконецъ начать торжественное соборованіе безъ тѣхъ и другихъ, чтò и сдѣлано было 8-го Октября 1438-го года, черезъ мѣсяцъ и 22 дніи послѣ прибытія Иендорова. До начала 1439-го года торжественные пренія происходили въ Феррарѣ, затѣмъ въ Январѣ этого года соборъ перенесенъ былъ папой во Флорентію (папская булла, объявлявшая перенесеніе, прочитана была 10-го числа) и здѣсь они продолжались до 24-го Марта 1439-го года. Пренія не привели совершенію ни къ чему: относительно спорныхъ пунктовъ вѣроученія и практики (*Filioque*, чистилище, опрѣсеніки) Греки остались при своемъ, а латинянѣ рѣшительны при своемъ. Послѣ такого результата преній Грекамъ было объявлено, что они должны или изъянуть согласіе на ученіе римской церкви, или же возвратиться въ отечество²). Возвратиться въ отечество ни съ чѣмъ, т.-е. безъ всякой надежды на помощь западныхъ народовъ противъ Турокъ, для Грековъ было ужасно, и вотъ они задались мудреною задачею: нельзя ли достигнуть соглашенія и устроить соединеніе помимо богословскихъ преній. Разумѣется, это оказалось возможнымъ только такимъ образомъ, чтобы Греки совершили уступки латинянамъ, чтò въ концѣ концовъ и случилось. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, Августа—Сентября, Греки явили тщетную твердость, надѣясь побудить папу къ уступчивости, и затѣмъ должны были подписать актъ соединенія на всей его волѣ: этотъ актъ флорентійского соединенія или флорентійской унії былъ подписанъ 5-го Июля 1439-го года, а 6-го Июля быть торжественно провозглашены въ флорентинскомъ каѳедральномъ соборѣ.

Пока происходили торжественные богословскія пренія, нашъ митрополитъ русскій не принимать въ дѣяніяхъ соборныхъ совершение никакого участія, предоставивъ себѣ латинянамъ Марку Ефескому и краснорѣчию-неудержимому болтуну Виссаріону Никейскому³).

¹) См. Исторію Флорентійскаго собора, стрр. 49 и 68.

²) Ист. Флорент. соб. стр. 133.

³) Когда все уже находили относительно какогонибудь предмета спора, что онъ совершило исчерпанъ, Виссаріонъ все-таки настаивалъ на продолженіи преній, утверждая, что еще можетъ быть сказано πολλά καὶ περισσότερα.

Но когда препія были закончены и поднялся вопросъ о томъ, какъ бы устроить соглашеніе помимо ихъ, Исидоръ выступилъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ объявилъ себя рѣшительнымъ защитникомъ соединенія съ папою на условіи требуемыхъ послѣднимъ уступокъ, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что онъ именно былъ главнымъ творцомъ и виновникомъ этой флорентійской унії (а краснорѣчивый Виссаріонъ, успѣвшій полюбить Западъ, какъ болѣе привлекательную арену для его краснорѣчія, чѣмъ Востокъ, только охотно постѣдоватъ за нимъ¹⁾: онъ успѣлъ подѣйствовать на постояннаго колебавшагося императора, рѣшительно объявивъ ему, что если онъ не хочетъ соединенія, то дѣло можетъ быть устроено и безъ него²⁾); своимъ несомнѣнно очень большимъ авторитетомъ между епископами онъ успѣлъ побѣдить упорство и страшливаго сомнѣнія послѣднихъ³⁾.

Что заставило Исидора стать горячимъ сторонникомъ унії съ папой, т.-е. этой предательской унії, при которой союзъ съ папою покупался измѣною православію, мы не можемъ сказать, потому что онъ не сдѣлалъ относительно этого никакой исповѣди и не оставилъ никакого объясненія. Можно съ увѣренностью только утверждать, что причиною были не папскія деньги, потому что въ деньгахъ онъ вовсе не нуждался и потому что не особенно богатый тогда папа вовсе не въ состояніи былъ бы подкупить человѣка, получавшаго доходы рус-

¹⁾ Симеонъ, суздальскій, давая знать, какую роль игралъ Исидоръ, говорить о немъ, что «ни единаго возлюби папа митрополита, якоже Исидора», — у *Павлова* въ Критич. опытахъ стр. 204 нач.; Слово и сказаніе о составленіи осмаго собора обращается къ нему съ укоризнами: «царай обольстиль еси, патріарха смутиль еси и Царствующій градъ погибеля исполнилъ еси», — у *Попова* стр. 384 (сfr. митр. Іону въ посланіи къ литовскимъ епископамъ 1460-го года, у *Павлова* col. 648 sub fin.); самъ папа въ своей грамотѣ Исподору, которую возводить его въ званіе легата, говоритъ ему: *te, cuius virtus et diligentia in hac sancta unione admolum cognovimus profuisse*, — у *Тейнера* въ *Monumenta Poloniae*, II. 41 (см. еще ниже грамоту папы объ Исидорѣ къ великому князю). — Что именно Исидоръ заговорилъ первый о необходимости унії на предложенныхъ папою условіяхъ, обѣ этомъ свидѣтельствуетъ присутствовавшій на соборѣ Йосифъ, епископъ Месопотамійский, въ апологіи противъ Марка Ефесскаго, — Патрологія *Миня* t. 159, col. 1072.

²⁾ Ист. Флорент. соб. стр. 150 fin..

³⁾ Что Исидоръ пользовался очень большимъ авторитетомъ между епископами, видно изъ того, что когда умеръ на соборѣ патр. Йосифъ (не задолго до его окончанія 10-го июня 1439-го года), то между епископами кандидатомъ въ патріарха считался Исидоръ, — Ист. Флорент. соб. стр. 178.

скаго митрополита¹). Намъ извѣстны слова, говоренныя Исидоромъ на соборѣ, которыя съ весьма болышию вѣроятностю могутъ быть принимаемы за отвѣтъ на нашъ вопросъ. Когда препія не привели совершение ии къ чему и когда папа дать Грекамъ срокъ или изыскать способы къ соединенію, или отвѣтчать ему положительнымъ отказомъ, то на первомъ совѣщаніи по сему случаю Грековъ Исидоръ, подавая первымъ свой голосъ, сказать: «лучше душою и сердцемъ соединиться съ латинянами, нежели не кончивъ дѣла возвратиться; возвратиться, конечно, можно, но какъ возвратиться, куда, когда?»²) Т.-е. слова эти значатъ: возвратиться назадъ, не устроивъ соединенія съ папою, конечно, можно, но тогда не будетъ совершено никакой надежды на спасеніе отечества. Со всею вѣроятностю нужно думать, что желаніе и надежда счасти отечество при помощи папы и западныхъ государей и составляли причину, побудившую Исидора къ тому, чтобы онъ рѣшился измѣнить отеческой вѣрѣ. Не невозможно, что къ этому присоединилось и личное честолюбіе,—желаніе занять то блестящее и высокое положеніе въ римской іерархіи или въ латинскомъ духовномъ царствѣ, которое онъ потому дѣйствительно занялъ; однако, справедливость и безпристрастіе обязываютъ насъ сказать, что мы не знаемъ никакихъ положительныхъ указаний въ этомъ отношеніи³). Исидоръ

¹) Если папа могъ дѣйствовать посредствомъ подкупа на другихъ епископовъ, то потому, что другие епископы были совсѣмъ папи. Сумеонъ суздальскій въ своей Повѣsti о соборѣ увѣряетъ, что передъ отправлениемъ Исидора въ обратный путь папа дать ему «много золота» (у *Павл.* стр. 207). Если это правда, то тутъ необходимо разумѣть не взятку, данную папою Исидору, а заемъ денегъ у банкировъ, заключенный Исидоромъ при посредствѣ и при содѣйствіи папы.

²) Ист. Флорент. соб. стр. 137 fin..

³) Г. Регель, напечатавшій въ своихъ *Analecta Byzantino-Russica* (Petropoli, 1891) шесть писемъ Исидора и въ числѣ ихъ два письма къ извѣстному итальянскому гуманисту XV вѣка Гуарини Гуарини, на томъ основаніи, что онъ (Исидоръ) коротко знакомъ былъ съ себѣчась называемымъ гуманистомъ, заключаетъ, что и самъ онъ былъ гуманистъ. т.-е. иначе сказать—человѣкъ по образу своихъ мыслей если не совершенный язычникъ, то во всякомъ случаѣ такой христіанинъ, для которого не существовало различія между частными христіанскими исповѣданіями, между православіемъ и латинствомъ,—Prooem. p. XLIV fin. sqq. Но Исидоръ могъ быть коротко знакомъ съ Гуарини, вовсе и не будучи самъ гуманистомъ, а будучи только человѣкомъ образованіемъ, между тѣмъ въ письмахъ его къ Гуарини неѣть совершенно никакихъ указаний на его образъ мыслей: не неѣроントное предположеніе можетъ оказаться справедливымъ, чтобы содѣйствовать разрѣшенію вопроса о поведеніи Исидора, но пока оно—лишь простое предположеніе.

былъ главнѣйшимъ устроителемъ ціи; онъ приступилъ къ неї, какъ предлагалъ другимъ, душою и сердцемъ: и онъ постарался выразить это въ самой своей подписи подъ актомъ ціи, которая отличается отъ всѣхъ другихъ подписей своею выразительностью и которая гласитъ: *στέργων καὶ συνανῶν ὑπέγραψα*, т.-е. съ любовью соглашаясь и соодѣбляя подписую¹⁾). Вмѣстѣ съ собою Исидоръ заставилъ подписаться подъ актомъ и епископа сузdalскаго Авраамія, подпись котораго читается: «Сміреный епископъ Аврааміо (вѣроятно ошибка въ напечатаніомъ вмѣсто: Аврааміе) сужdalскій подписую²⁾».

Епископы греческіе начали уѣзжать изъ Флоренціи послѣ подписанія соборнаго акта; императоръ отбылъ изъ нея 26-го Августа³⁾. Пріобрѣтшій величайшую благосклонность папы своими стараніями объ устроеніи ціи нашъ русскій митрополитъ оставался при немъ всѣхъ дольѣ и отправился въ обратный путь 6-го Сентября. Еще прежде папа возвелъ его въ санъ кардинала пресвитера⁴⁾; при его отѣздѣ папа облечъ его званіемъ своего апостолическаго полномочного легата *de latere* на провинціи Литвы, Ливоніи и всей Россіи и на города, діоцезы, земли и мѣста Лехіи, т.-е. Польши (вѣроятно, должно подразумѣвать русскую Польшу или составлявшую русскую часть Польши Галицію⁵⁾).

¹⁾ Первый изъ подписавшихся митрополитъ враклійскій подписался: *ἐρίσας ὑπέγραψα*, —утверждая подписуюсь; изъ остальныхъ архіереевъ половина и въ томъ числѣ Виссаріонъ никейскій подписались: *στοιχήσας ὑπέγραψα*, —соглашаюсь подписую, другая просто: *ὑπέγραψα*.—Оригиналъ соборнаго акта хранится во флорентинской публичной (Медицейской, Лаврентіанской) библіотекѣ; съ оригинала онъ напечатанъ въ изданіи *Тейнера и Миклошича Монумента, spectantia ad unionem Ecclesiarum Graecarum et Romanarum, Vindob. 1872*, p. 46.

²⁾ Симеонъ сузdalскій утверждаетъ, что Авраамій не хотѣлъ было подписываться, но что Исидоръ принудилъ его силой: «ему же не хотящу (подписываться), митрополитъ же Исидоръ ѹ его и всади въ темницу и сѣдѣ недѣлю полну,—и (тако) тому подписавшися не хотѣніемъ, но пужею».

³⁾ Епископы сождались другъ друга и императора, чтобы фхать домой всѣмъ вмѣстѣ, въ Венеціи.

⁴⁾ По *Vita et gesta summorum Pontificum Alfonso Чіаконія, Romaе, 1601*, p. 894, папа возвелъ Исидора съ Виссаріономъ въ кардиналы—пресвитеры будто бы еще въ публичной консисторіи 15-го Января 1439-го года.

⁵⁾ По грамотѣ о семъ папы Исидору вмѣстѣ съ подорожникомъ ему листомъ (*salvus conductus*) подписана 16-го Сентября (одна первая у *Тургенева* въ *Historica Russiae Monumenta*, I, 120, первая со второймъ у *Тейнера* въ *Monumenta*

Въ обратный путь Исидоръ отправился не тою дорогой, которой прѣѣхать. Изъ Флоренціи онъ пошелъ въ Венецию, въ которой пробылъ съ находившимися здѣсь императоромъ и прочими Греками слишкомъ три мѣсяца (съ 15-го Сентября по 22-е Декабря) и изъ которой бѣжалъ отъ него или, можетъ быть, просто напередъ ушелъ послы великаго князя боярина Оома¹⁾). Въ Венеции онъ сѣлъ въ корабль и плыть Адріатическимъ моремъ мимо Иполы (въ Истріи) на Сѣнь (Zengg, Segna) въ Кроаціи или Хорватіи. Изъ Сѣни, высадившись въ ней на берегъ 7-го Января 1440-го года, онъ шелъ на Загребъ или Аграмъ въ той же Кроаціи, на Будимъ или Офенъ-Пенитъ въ Венгрии, на Краковъ въ Польшѣ и далѣе въ Россію.

Изъ Будима въ Венгрии, куда прибыть 5-го Марта 1440-го года, Исидоръ отправить во всю область своего легатства,—въ Польшу, Литву, Ливонию и Россію, паstryрское посланіе, въ которомъ извѣщать свою паству о великому совершившемся событии—соединеніи церквей.

«Возрадуйтесь—пишетъ Исидоръ въ посланіи—и возвеселитесь вси пынѣ сущіи о Господѣ, ико церковь восточная съ римскою церковью коликое время раздѣлена быша и едина къ единѣй враждебни быша, а нынѣ истиннымъ соединеніемъ соединишиася въ первоначальное соединеніе и въ миръ и въ тишину и въ любовь и въ единонаучальство древнєе (т.-е. папино) безъ всякаго раздѣленія... Пріимите сіе святое и пресвятое соединеніе и единонаучальство съ великою духовною радостью и честію; молю васъ всѣхъ въ (имени,—о имени) Господа нашего Іисуса Христа, съ нами милость сотвориша, чтобы никакова раздѣленія съ латыною у васъ не было, поне вси раби есте

menta Poloniae, II, 41): это нужно понимать такъ, что грамота была выслана Исидору, когда уже онъ былъ въ дорогѣ (въ Венеции: Сумеонъ сузdal'скій говорить, что находясь въ Венеции Исидоръ посыпался къ папѣ).

¹⁾ Сумеонъ сузdal'скій, бѣжавший отъ Исидора изъ Венеции въ слѣдствіе скоры своей съ нимъ, въ которой, какъ есть всѣ основанія подозрѣвать, и самъ былъ далеко не правъ, утверждаетъ, что и Оома также бѣжалъ отъ митрополита (у Павлова въ Критич. опытахъ стр. 206 fin.); но утверждается, можетъ быть, только изъ желанія оправдать нѣсколько самого себя. Впрочемъ, такъ какъ извѣстенъ охранимый ящикъ или паспортъ, выданный папою Оомѣ во Флоренціи въ Мартѣ мѣсяца 1439-го года (Карамз. V, прил. 296, Опис ркпн. Толстова, отд. II № 341, стр. 486), изъ чего видно, что онъ еще тогда хотѣлъ возвратиться въ Россію: то есть основанія подозрѣвать, что у него было съ митрополитомъ не совсѣмъ ладно.

Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и во имя его крещения единъ Богъ, едина вѣра и едино крещеніе, ино бы (поэтому бы) въ васъ было едино согласіе и тишина и миръ о Христѣ Иисусѣ. Вы же, латиниціи роди, тѣхъ всѣхъ, иже въ греческѣй вѣрѣ суть, истинно вѣруйте, безъ всякаго размышенія, суть бо вси крещени и крещеніе ихъ свято есть и испытио (признаю) отъ римскія церкви». Да же Исидоръ убѣждаетъ Грековъ и латинянъ, чтобы первые безъ всякаго сомнѣнія ходили въ церкви латинскія, а вторые—въ греческія, и чтобы первые принимали Тѣло Христово, совершаенное на прѣсномъ хлѣбѣ, а вторые—на кисломъ хлѣбѣ. Свое посланіе Исидоръ заключаетъ: «Тако бо вселенскій великий соборъ кончаль есть въ явленномъ поснѣденіи (въ торжественномъ засѣданіи,—*ἐκκλησίᾳ συνελεύσι, in sessione publica*), по многомъ совопрошаніи и испытаніи божественныхъ писаний, въ честигѣй и въ большої церкви служивше во градѣ Флореністіи (*sic*) подъ лѣты воплощенія Господня 1439-го лѣта, мѣсяца Іуля въ 6-й день»¹⁾.

Изъ Будима въ Венгрии, послѣ 10-ти дневнаго въ немъ пребыванія ²⁾, Исидоръ направился въ Краковъ, столицу короля польскаго. Въ первомъ на дорогѣ польскомъ городѣ Сандечѣ, находящемся въ Карпатахъ, на рѣкѣ Дунайцѣ (видающей въ Вислу) онъ встрѣченъ былъ (25-го Марта, въ великую пятницу) епископомъ краковскимъ Збигнѣвомъ Олесницкимъ, которымъ былъ принятъ гостепріимно и предупредительно ³⁾. Въ Краковѣ къ королю Исидоръ, неѣ сомнѣнія, шелъ за тѣмъ, чтобы обрадовать его вѣстю о такомъ важномъ и такомъ вожделѣніи для него событии, какъ соединеніе въ одно его

¹⁾ Никон. лѣт. V, 148. Въ лѣтописи не 6-го Іуля, когда провозглашенъ актъ унії, а 6-го Іюня. 6-е Іюня вмѣсто 6-го Іуля и во всѣхъ нашихъ сказаніяхъ. Дѣло нужно понимать такъ, что ошибка была допущена въ которомъ инѣ будь одномъ изъ нихъ и изъ одного перешла во всѣ.

²⁾ Выѣхалъ изъ Будима 14-го Марта,—ненапечатанная часть описанія путешествія, о которой сказали мы выше, на стр. 438. по рукописи, которую указываетъ Навловъ, именно—Румянцевск. № 939.

³⁾ Даугошъ, lib. XII, ed Lipsiae 1711 p. 727: Intravit (въ Польшу) Isidorus cardinalis et legatus primus in Sandecz. feria sexta Parasceve, ubi per Sbigneum episcopum Cracoviensem fuit hospicio exceptus et omnibus in curia episcopali procuratus et ornatus expensis ei ad celebrandum divina in ecclesia parochiali S. Mariae admissus. Въ Сандечѣ, по описанію путешествія (которое называетъ его Сувечомъ и Судочомъ), Исидоръ провелъ день св. Пасхи, бывшій въ 1440-мъ году 27-го Марта.

поданныхъ по отношению къ вѣрѣ, и чтобы испросить у него соотвѣтствующихъ государственныхъ распоряжений относительно Русскихъ и вообще православныхъ его государства, ставшихъ теперь однимъ духовицмъ стадомъ съ католиками. Но, какъ должно думать, первое свиданіе Исидора съ королемъ вовсе не было въ отношеній къ изліяніямъ взаимной радости такимъ, какимъ онъ его ожидалъ. Польскій король Владиславъ III (сынъ и преемникъ Ягайловъ) передъ самимъ прибытіемъ Исидора въ Польшу, 6-го Марта 1440 года, былъ избранъ въ короли венгерскіе и присланные къ нему венгерскіе депутаты настоятельнѣйшимъ образомъ побуждали его наторопиться путешествіемъ въ Венгрию¹⁾). Сообразя вѣроятное время приѣзда Исидорова въ Краковъ и время отѣзда изъ него короля, получимъ, что митронолить успѣль захватить въ немъ Владислава не болѣе, какъ дней за 5-ть до отѣзда²⁾ и вообще когда онъ ни о чёмъ другомъ не могъ думать, кроме предстоявшей побѣзки. Что касается до отношеній къ Исидору католического духовенства въ Краковѣ, то Длугонѣ говорить, что онъ, какъ возсоединеніиный съ римскою церковью и вѣрпый, допущенъ былъ къ служенію по своему греческому обычая въ кафедральномъ краковскомъ соборѣ³⁾.

Изъ Кракова Исидоръ попытъ явить себя въ своеемъ новомъ званіи папскаго кардинала и легата de latere и возвѣстить о принесенной имъ упії своей русской паствѣ. Однако онъ не поспѣшилъ въ Москву, но весьма на долгое время остался въ Литвѣ. Изъ Кракова онъ направился въ Неремышль, при чемъ на пути въ него въ городѣ Тарновѣ (находицемся почти прямо на востокѣ отъ Кракова, на рекѣ Дунайцѣ⁴⁾) освятилъ католической костѣль совмѣстно съ однимъполь-

¹⁾ Geschichte von Ungarn Фесслеръ, въ обработкѣ Клейна, II, 454 ін., sqq.

²⁾ Исидоръ, какъ мы сказали, прибылъ въ Сандечъ 25-го Марта и пробылъ въ немъ 27-го Марта; король имѣль отправиться въ Венгрию 10-го Апрѣля,—Длугонѣ, lib. XII, p. 727, и бѣль на пути въ послѣднюю въ томъ же Сандечѣ 22-го Апрѣля,—Фесслеръ—Клейнъ ib. S. 456. Въ описаніи путешествія не сказано, когда Исидоръ прибылъ въ Краковъ и насколько захватилъ въ немъ короля, а сказано только, что «ту (въ Краковѣ) видѣхомъ короля Владислава и брата его Казимира».

³⁾ Cracoviae in ecclesia Cathedrali more suo Graeco, tamquam Ecclesiae Romanae reunitus et fidelis, ad celebrandum divina fuit admissus,—Lib. XII, p. 727.

⁴⁾ Во времена Исидора Тарновъ, можетъ быть, находился не на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, ибо въ описаніи путешествія сказано: «а отъ Дунайца до града Тарнова миля».

скимъ епископомъ¹⁾). Какимъ порядкомъ и съ какою церемонией провозгласилъ онъ унию въ этомъ первомъ мѣстѣ русскомъ,—каковымъ былъ Перемышль, свѣдѣній не имѣмъ; равно не имѣмъ свѣдѣній и о томъ, какъ принялъ его и принесенную имъ унию здѣшніе первые Русскіе. Изъ Перемышля Исидоръ пошелъ въ столицій городъ Галиції Львовъ (Лембергъ), въ который прибылъ не позднѣе 15-го Мая и въ которомъ съ посѣщеніемъ Галича оставался до 10-го Іюля²⁾). Изъ Львова Исидоръ отправился въ столицу великаго княжества литовскаго Вильну, въ которую, державъ путь на Бельзъ, Грубешовъ, Холмъ, Владаву, Брѣстъ-Литовскій, Волковайскъ и Троки, прибылъ 13-го или 14-го Августа³⁾). Послѣ 14-го Августа 1440-го года Исидоръ оставался въ юго-западной, польско-литовской, Руси, еще въ продолженіе шести мѣсяцевъ: гдѣ именно въ продолженіи этого времени онъ имѣлъ пребываніе или какія совершилъ путешествія, не имѣмъ положительныхъ свѣдѣній. Исковская 2-я лѣтопись говоритъ, что на Покровъ Богородицы (1-го Октября) 1440-го года онъ прѣѣхалъ въ Литву⁴⁾:

¹⁾ См. въ 3-мъ выпускѣ Галицкаго Историческаго сборника (Львовъ, 1860) статью *Петруничича*: «О соборной Богородичной церкви и святителяхъ въ Галичѣ», прим. 52, стр. 126.

²⁾ Въ описаніи путешествія не обозначено дня прѣѣзда во Львовъ, а затѣмъ говорится: «а отъ Львова до Галича 14 миль и прідохомъ въ Галичъ мѣсяца Мая въ 21-й день; а оттѣлъ опять прідохомъ во Лвовъ по Петровѣ дни назавтре, и побѣхали есмы изъ Лвова Іюля въ 10-й день».

³⁾ Въ описаніи путешествія не сказано, когда прибыли въ Вильну, но сказано, что изъ Трокъ, отъ которыхъ до Вильны 26 верстъ, отправились 13-го Августа. Наше описание путешествія, какъ мы сказали, по иѣкоторымъ спискамъ его (собственно пока одному известному) доводится до Москвы и до Суздаля. Но авторъ описания не оставался при Исидорѣ до прибытія этого послѣдняго въ Москву, а отѣлывшись отъ него, съ большей или меньшей частью его свиты, гдѣ-то въ Литвѣ, воротился домой, въ Москву—Сузdalъ, значительно ранѣе его (въ Москву 19-го Сентября, въ Суздалъ 29-го). Гдѣ онъ отѣлился отъ Исидора, и слѣдовательно—откуда въ описаніи говорить о пути только своеемъ собственномъ, къ сожалѣнію, онъ у себя вовсе не отмѣчаетъ; но мы полагаемъ, что отѣлился не ранѣе, какъ именно въ Вильнѣ, потому что—если бы ранѣе, то онъ не имѣлъ бы нужды доходить до Вильны и долженъ бы былъ повернуть на востокъ къ Москвѣ гдѣ нибудь прежде. А что во всякомъ случаѣ отѣлился не ранѣе Холма, это мы знаемъ положительнымъ образомъ: существуетъ грамота Исидора (см. о ней ниже), изъ которой видно, что онъ—митрополит и описатель путешествія были въ Холмѣ въ одинъ и тотъ же день, слѣдовательно—вмѣстѣ.

⁴⁾ Въ Собр. лѣтт. V, 29 (изъ лѣтописи въ Описаніи путешествія по изданію Сахарова).

изъ этого показанія лѣтописи, если оно справедливо, будеть слѣдоватъ что послѣ 14-го Августа онъ Ѵздила или опять въ Галицію или же въ киевскую Русь. Отъ 5-го Февраля 1441-го года есть грамота Исидору киевскаго князя Александра Владимировича, въ которой дается знать, что во время ея написанія митрополитъ находился въ Кіевѣ¹⁾; а безъ обозначеній времени говоритьъ объ его пребываніи въ Кіевѣ и Сумеонъ сузdalский и Густинская лѣтописи²⁾. Затѣмъ, Сумеонъ сузdalский, также безъ обозначеній времени говоритьъ объ его пребываніи въ Смоленскѣ (который присоединенъ былъ къ Литвѣ Витовтомъ въ 1395-мъ году³⁾). Въ Москву изъ Литвы Исидоръ приѣхалъ въ воскресенье 3-й недѣли великаго поста 1441-го года, которое было въ семь году 19-го Марта; слѣдовательно, если считать его пребываніе въ галицко-литовской Руси съ половины Апрѣля 1440-го года, всего онъ пробыть въ ней годъ безъ мѣсяца.

Церковная унія съ нацою православныхъ жителей Галиціи и литовской Руси была для короля польского и для великаго князя литовскаго, въ видахъ политическихъ, дѣломъ въ высшей степени желаемъ. И однако, эта унія, бывъ устроена на соборѣ Флорентійскомъ и бывъ принесена Исидоромъ въ Польшу и Литву, вовсе не была введена и вводима здѣсь между Русскими, такъ что передъ нами весьма странное явленіе: съ одной стороны, люди весьма усердно желали уніи, а съ другой стороны—когда эта унія, дѣйствительно устроенная, была принесена къ нимъ, они какъ будто не обратили на нее никакого вниманія. Такимъ, на первый взглядъ загадочнымъ фіаско, постигшемъ флорентійскую унію въ Польшѣ и Литвѣ, здѣшніе Русскіе обязаны были весьма счастливымъ для нихъ обстоятельствамъ.

Предварительно должно быть вирочемъ замѣчено, что если бы унія и была вводима и введена, то, какъ со всею изброятностію нужно думать, она вовсе не была бы тѣмъ кровавымъ дѣломъ, какимъ явилаась въ концѣ XVI—въ началѣ XVII вѣка. Въ первой половинѣ XV вѣка польские короли, польское католическое духовенство и вообще всѣ Поляки еще вовсе не были такими крайними фанатиками, какими они стали къ концу XVI вѣка, ибо они еще не прошли воспитательной

¹⁾) Грамота дана митрополиту въ Кіевѣ и въ ней говорится: «а коли отецъ нашъ... митрополитъ оныльдетъ дасть въ свою митрополію. управляема церкви Божија... Грамота въ Акт. Ист. т. I. № 259, стр. 488.

²⁾) Первый—у Павлова въ Критич. описаніи, стрр. 207 и 208. вторая—въ Собр. лѣтт. II. 355.

³⁾) У Павлова ibid..

школы іезуитовъ и не стояли еще подъ руководствомъ людей, подобныхъ симъ послѣднимъ. Что касается до счастливыхъ для Русскихъ Польши и Литвы обстоятельствъ, которыхъ устранили даже попытку введенія уніи, принесенной Исидоромъ, то онѣ состояли въ томъ, что ни король польскій ни великий князь литовскій не могли взять дѣла введенія уніи на себя и должны были предоставить ее собственной ея судьбѣ. Прежде всего, въ минуту прибытія Исидорова съ уніею Поляки находились въ такомъ церковномъ положеніи, что не признавали папы, отъ котораго она была принесена. Въ то время были два папы: Евгений IV, устроившій унію на Флорентійскомъ соборѣ, и Феликсъ V, избранный соборомъ Базельскимъ, и Поляки, не находя удобнымъ признавать котораго нибудь одного папу, не признавали ни того ни другого¹). А такимъ образомъ, унія, хотя и представлявшая собою нечто весьма желаемое, бывъ принесена отъ непризнаваемаго папы, являлась такимъ желаемымъ, которымъ неудобно было воспользоваться. Затѣмъ, король польскій Владиславъ III, какъ мы сказали, передъ самимъ прибытіемъ Исидора въ Польшу, 6-го Марта 1440-го года, былъ избранъ въ короли венгерскіе. Отправившись въ Венгрію въ слѣдующемъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, онъ не возвращался болѣе въ Польшу, которая была поручена управлению намѣстниковъ, и 10-го Ноября 1444-го года погибъ въ битвѣ съ Турками при Варнѣ (отъ чего называется Варискимъ). Отсутствія изъ Польши и занятый отчасти дѣлами венгерскими (борьбою съ Елизаветой, вдовой своего предшественника на венгерскомъ престолѣ Альбрехта), отчасти войною съ Турками, которую началь тутъчашъ послѣ того, какъ былъ избранъ въ венгерскіе короли, Владиславъ не имѣть возможности заняться въ своихъ польскихъ земляхъ принесенной отъ папы уніей. Правда, находясь въ Венгріи, онъ издалъ въ Мартѣ 1444-го года, послѣ того какъ призналъ Евгения и—какъ должно думать— побуждаемый бывшимъ у него легатомъ послѣднаго (кардиналомъ Юліаномъ, погибшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ варнской битвѣ) свою грамоту, въ которой, послѣ выраженія своей великой радости о давнио желанной и наконецъ состоявшейся уніи, совершенно сравниваетъ и православное духовенство во всѣхъ правахъ и привилегіяхъ съ духовенствомъ католическимъ²). Но одною этою грамотой, которая при томъ дана была уже послѣ бѣгства изъ Москвы Исидорова, немногое можно было сдѣлать, а между тѣмъ вся дѣятельность короля по отношенію къ уніи и ограничилась только ею одной.

¹) Длугошъ. Кн. XII, р. 768.

²) Грамота въ Актахъ Западн. Россіи, т. I № 42. стр. 56.

Въ Литвѣ находился на лицо великий князь, но онъ былъ въ такомъ положеніи, что не могъ отважиться па попытки введенія унії, хотя бы и имѣть къ тому желаніе. За пять дней до вѣзда Исаидорова изъ Венгрии въ Польшу, 20-го марта 1440-го года, былъ убить великий князь литовскій Сигизмундъ Кейстутьевичъ, согнавшій съ престола Святогайла, и на его мѣсто избранъ былъ въ князья братъ Владиславъ Казимиръ. Но этотъ новый великий князь, и по своему личному характеру и по своимъ личнымъ качествамъ далеко не бывшій ни ревнителемъ вѣры ни человѣкомъ государственнымъ, въ виду опаснаго соперника себѣ въ лицѣ сына Сигизмундова Михаила и въ виду ссоръ въ Литвѣ между боярскими партіями, чувствовалъ себя на престолѣ великокняжескому сподвижнику не твердо, чтобы рѣшился на такое дѣло, какъ попытка введенія унії. Такимъ образомъ, унія въ Польшѣ и Литвѣ была предоставлена самой себѣ и тѣмъ духовнымъ мѣрамъ, которыми могъ употребить къ ея введенію самъ Исаидоръ. Но православные вовсе не хотѣли принимать унії¹⁾ и духовными мѣрами Исаидора оказались совершенно беспомощными.

Однако, православные князья литовскіе вовсе и не прогоняли отъ себя Исаидора, а признавали его за своего митрополита: на это мы имѣемъ положительный доказательства. Выше мы упоминали о грамотѣ кіевскаго удѣльного князя Александра Владимировича²⁾, данной Исаидору 5-го февраля 1441-го года. Этой грамотой князь подтверждаетъ «отцу своему Сидору, митрополиту кіевскому и всея Руси» обладаніе митрополичными вотчинами въ области кіевской, его митрополичны доходы и судъ и всѣ его духовно—или—церковно-правительственные митрополичны права. Затѣмъ, знаемъ и другое положительное доказательство: смоленскій князь Юрій Семеновичъ-Лугвеньевичъ³⁾ выдалъ Исаидору враждебнаго ему спутника его на Флорентійскій соборъ—

¹⁾ Длугопѣ lib. XII, p. 727: *Unio illa brevisculo duravit tempore, Graecis et Ruthenis, qui circa illam praesentes non erant, irridentibus et contemnentibus.*

²⁾ Александръ или Олелько былъ внукъ Ольгерда; отецъ его Владимиръ не перекрестился въ латинство вмѣстѣ съ Ягайломъ и Витовтомъ. Онъ (Александръ) былъ своимъ московскому Василію Васильевичу, имѣвъ въ замужествѣ его сестру Авастасію.

³⁾ Лугвень, по христіанскому православному имени Симеонъ, братъ Владимира (т.-е. также сынъ Ольгердовъ), не переходилъ подобно ему изъ православія въ латинство.

Сумеона сузальского¹). Грамота Александра Владимиорича даетъ знать, что православные князья литовскіе, не признавая въ Исидорѣ папскаго кардинала и легата, хотѣли видѣть въ немъ только то, чѣмъ онъ былъ и до Флорентійскаго собора,—православнаго митрополита. Что касается до того, какъ принималъ Исидора въ Галиціи и Литвѣ простой православній народъ, то относительно этого мы имѣемъ свѣдѣнія только весьма ненадѣжныя. Существуетъ свидѣтельство, что во Львовѣ народъ не хотѣль ходить за службы, которыя онъ совершалъ; но свидѣтельство это принадлежитъ писателю уже XVII вѣка²). Густинская лѣтопись увѣряетъ, что изъ Киева народъ прогналъ его³); но судя по грамотѣ ему Александра Владимиорича весьма трудно допустить, чтобы князь позволилъ сѣѣтать это народу. Существуетъ грамота Исидора, данная имъ въ Холмѣ 27-го Іюля 1440-го года и обращенная къ холмскимъ старостамъ, воеводамъ, заказникамъ и всѣмъ православнымъ, съ увещаніемъ, не отнимать у одного подгороднаго священника (у попа св. Сиаса отъ Столпа⁴) церковнаго сада⁵). Такъ какъ на концѣ грамоты читается: «намъ сущимъ православнымъ християномъ Ляхомъ и Руси»..., се бо нынѣ дать Богъ—одна братия християнне латинники и Русь»: то предполагаютъ, что граждане холмскіе отнимали у священника церковную землю за то, что онъ признавалъ Исидора и упію; но, очевидно, что предположеніе далеко не твердое, ибо если бы дѣло было бы въ этомъ, то гражданамъ естественно было бы совсѣмъ прогнать священника отъ церкви⁶).

¹) Сумеонъ сузальскій уѣжалъ отъ Исидора вмѣстѣ съ княжескимъ посломъ Омомъ изъ Венеціи 9-го Декабря 1439-го года и въ Россіи прибѣжалъ къ новгородскому архіепископу Евонію (можетъ быть, потому, что бѣжалъ съ купеческимъ караваномъ, идущимъ въ Новгородъ, а можетъ быть—и потому, что не находилъ удобнымъ являться въ Москву). Когда Исидоръ привѣтъ въ Литву, Юрій Лугвеньевичъ зазвалъ Сумеона къ себѣ въ Смоленскъ и здѣсь выдалъ его чернцамъ митрополичиимъ, которые и посадили его въ желѣза (Повѣсть Сумеонова у Павлова въ Критич. онтахъ, стр. 206 ип.).

²) Илько му Зиморовичу, см. у А. С. Петрушевича въ статьѣ: «О соборной Богочестной церкви и святителяхъ въ Галицѣ», помѣщенной въ 3-мъ выпускѣ Галицкаго Историческаго сборника, прим. 52, стр. 126.

³) Собр. лѣтт. II. 355.

⁴) Селеніе Столпъ, получившее название отъ находящагося въ немъ древнаго столпа или башни,—въ 9 верстахъ отъ Холма.

⁵) Грамота папеч. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1846-го года № 1.

⁶) Какъ узнаемъ изъ описания путешествія или дневника, принадлежащаго неизвѣстному, Исидоръ былъ въ Холмѣ и всего одинъ день, именно—наше 27-е Іюля.

Послѣ почти годичнаго пребыванія въ Литвѣ Исидоръ пришелъ въ Москву, какъ мы сказали, въ третіе воскресеніе великаго поста, 19-го Марта 1441 года. Здѣсь ожидало его иное, чѣмъ въ Литвѣ: тамъ не приняли уніи, принесенной имъ отъ папы, но приняли его самого, находя какимъ-то образомъ возможнымъ не признавать его за папскаго кардинала и легата и въ тоже время признавать за «господина и отца своего митрополита кіевскаго и всея Руси»; здѣсь не подвергли его подобному разоблаченію отъ новаго, имъ принесеннаго, но затѣмъ, чтобы подвергнуть его осужденію за это принесенное.

Московскій лѣтописецъ сѣдѣющімъ образомъ представляетъ приходъ Исидора въ Москву и случившееся послѣ прихода. Какъ папскій кардиналъ и легатъ, митрополитъ вошелъ въ городъ въ предисеніи латинскаго креста ¹⁾ и трехъ палицъ или же зеловъ ²⁾). Пришедъ въ Кремль, онъ прошоль прямо въ Успенскій соборъ и здѣсь сначала пѣть молебень за великаго князя и за все православное христіанство, а потомъ совершалъ литургію, на которой велѣть поминать «вонер-

Слѣдовательно, предъ самимъ митрополитомъ священикъ во всякомъ случаѣ не имѣть времени заявить своей преданности уніи.

¹⁾ Латинскій крестъ отличается отъ православнаго тѣмъ, что на немъ ноги Спасителя, положенные одна на другую, прибиты однимъ гвоздемъ, а не двумя, и что руки Спасителя не протянуты прямо, но Онъ виситъ на нихъ, нѣсколько или значительно опустившись книзу. О крестѣ, который носили предъ Исидоромъ, великій князь Василій Васильевичъ говорить, что онъ былъ «высоко въдруженъ латинскимъ именованіемъ», т.-е. что онъ, по общача латинскому, былъ водруженъ на длинномъ древѣ (см. Лѣтописи занятій Археогр. Комм. вып. 3, приложж. стр. 35; а относительно формы креста: «новелѣваше распятіе, латински извааніо, носити,—обѣ возвѣ единими гвоздемъ притвоздѣи», у Павл. въ Намм. col. 533). Православные укоризненно называли латинскій крестъ крижомъ, чтѣ естьпольское название креста—krzyzъ, отъ латинскаго etихъ.

²⁾ Никоновская лѣтопись, которую разумѣемъ въ данномъ случаѣ,—V, 154, Воскресенская лѣтопись,—изъ Собр. лѣтт. VIII, 109, Софійская 2-я лѣтопись ibid. VI, 161, и Слово и сказаніе о составленіи осмаго собора—у Попова въ Историко-литерат. обзорѣ стр. 376, говорятъ, что Исидоръ повелѣвалъ носить передъ собою «крижъ латинскій да три палицы сребряныи про честь фріажскаго права». Но Симеонъ сузdalский въ своей повѣсти говорить, что онъ носилъ крижъ во креста мѣсто и палицу сребряну,—у Попова въ Критичч. опытахъ стр. 207 и у Попова ibid. стр. 355 fin.. Относительно палицы Симеонъ дѣлаетъ поясненіе: «палицу носи—гордость и буйство латинское (являя); аще кто не прикликинетъ (прикликануть—польское przyklekać: стать на колѣна) ко крижу, то палицею ударивши

выхъ»¹⁾ вмѣсто имени патріарха константинопольскаго имя папы римскаго Евгенія²⁾; по окончаніи литургіи онъ велѣлъ выйти своему протодіакону въ стихарѣ съ орапемъ на амвонъ и велегласно прочесть грамоту осьмаго собора или актъ соединенія, подписанный 5-го Іюля 1439-го года; по окончаніи всего онъ представилъ великому князю грамоту къ послѣднему отъ папы³⁾, въ которой этотъ, извѣщаю государя о состоявшемся единеніи церквей, настоятельно просить его, да будетъ онъ помощникъ Исаидору усердно всею своею мышцею въ дѣлѣ введенія упії въ Россії⁴⁾. Поведеніе Исаидорово, смѣло провозгласившаго унію и поминовеніемъ имени папы вмѣсто имени патріарха какъ бы самымъ дѣломъ введшаго ее, привело въ крайнее смущеніе и замѣшательство великаго князя, всѣхъ епископовъ, собравшихся въ Москву встрѣтить митрополита, и всѣхъ бояре великаго князя; епископы и бояре до такой степени растерялись, что совершили отказывались по давать государю какіе нибудь совѣты относительно того, чѣмъ дѣлать: «всі князи умолчаша и бояре и ини мнози, еще же паче и епискуны рускія всі умолчаша и воздремаша и уснуша». Великій князь, такъ сказать—оставленный всѣми, началъ думать одинъ самъ съ собой и, думавъ три дни, на четвертый день отдалъ приказъ взять Исаидора подъ стражу, обѣявивъ его еретикомъ, подлежащимъ суду соборному. Тогда «всі епискуны рустіи возбудишаася, князи и бояре и вельможи и множество христіанъ тогда воспоминуша и разумѣша законы греческія прежнія и начаша глаголати святыми писаніи и звати Исаидора еретикомъ»⁵⁾...

Эта рисуемая лѣтоисцемъ картина всеобщаго крайняго смущенія въ Москвѣ, произведенаго прибытіемъ Исаидора, и скоро послѣдовавшаго затѣмъ, благодаря твердости духа великаго князя, всеобщаго рѣшительного воспрянутія и пробужденія, есть ни что иное, какъ картина, сочиненная въ позднѣйшее время. Прежде чѣмъ явиться въ Моз-

¹⁾ «Во-первыхъ помяни Господи»...

²⁾ По Тверской лѣтоисп. Собр. лѣтт. XV, 491 col. I. будто бы еще—на передъ имени великаго князя имя императора западнаго («cesаря»).

³⁾ По Длугому,—lib. XII, p. 727—и отъ императора константинопольскаго.

⁴⁾ И въ которой говорить о роли Исаидора на соборѣ въ дѣлѣ устроенія унії: «къ сему единицству и согласію многое поможеніе и поспѣщеніе честнѣшаго брата нашего Исаидора, митрополита твоего кіевскаго и всея Русіи и отъ апостольскаго престола послана (легата), ижъ за свое благое потрудился о соединеніи, крѣпчайший (вар. крѣпшайшее) имѣль».

⁵⁾ Никон. лѣт. V, 153 pp. sqq.

скву, Исидоръ прожилъ въ Литвѣ, по возвращеніи съ Флорентійскаго собора, почти цѣлый годъ; слѣдовательно—весьма ясно, что ии о какой неожиданности, которая бы должна была произвести великое смущеніе, вовсе не могло быть рѣчи.

Необходимо думать, что рѣшеніе поступить съ Исидоромъ такъ, какъ поступлено, было принято еще до его прибытія въ Москву. Необходимо думать, что это принятное рѣшеніе или принятіе этого рѣшенія имѣть свою исторію; но, къ сожалѣнію, послѣдня останется намъ неизвѣстною.

Когда дошли до Москвы первые слухи о томъ, чѣмъ кончился Флорентійскій соборъ, т. е. неожиданные слухи, что Греки не только не возвратили на пемъ латинянъ къ своему древнему православію, какъ надѣялись и были увѣрены, а напротивъ сами предали латинянамъ это православіе и признали ихъ ереси,—какъ тогда у насъ безъ всякихъ оговорокъ, а совершиенно положительно, смотрѣли на отступленія латинъ: то, нѣть сомнѣнія, слухи повергли всѣхъ въ величайшее смущеніе и въ болѣзньное недоумѣніе относительно того, какъ быть и что дѣлать въ виду этого неожиданнаго поступка Грековъ. О величайшемъ смущеніи, которое господствовало иѣкоторое первое время въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ самъ великий князь Василій Васильевичъ въ своемъ посланіи къ афонскимъ монахамъ¹⁾). Но затѣмъ мракъ недоумѣнія долженъ быть для московскихъ Русскихъ постепенно разсѣяться и ихъ смущеніе должно было смыннуться горячей и твердой рѣшимостью выступить защитниками и охранителями православія. Какъ со всею вѣроятностію слѣдуетъ думать, Исидоръ, возвратившись съ собора, весьма не спѣшилъ въ Москву по тому нарочитому побужденію, чтобы дать здѣшнимъ Русскимъ время приныкнуть къ мысли встрѣтить его папскимъ кардиналомъ и легатомъ; совершиено вѣроятно, что время, проведенное въ Литвѣ, онъ употребилъ на то, чтобы постараться приготовить и расположить здѣшнихъ Русскихъ къ принятію присесенной имъ унії: но на самомъ дѣлѣ онъ далъ время московскимъ людямъ совершенно прийти въ себя и твердымъ образомъ принять относительно

¹⁾ Это посланіе великаго князя вѣбѣтъ съ посланіемъ афонскихъ монаховъ «къ княземъ и властелемъ, святителемъ и священникомъ и прочимъ Господинымъ людемъ христоименитымъ» не названной страны, подъ которой должно разумѣть Россію, напечатано въ сборнике новгородской Софійской библіотеки XVI вѣка въ Лѣтописи занятій Археографич. Коммиссіи, выпускъ 3, прилѣжж. стр. 28 sqq (мѣсто, на которое ссылается, стр. 33 бн.). Извлеченіе изъ второго посланія еще— въ Описаніи Синод. рукоп., № 339 л. 343 (стр. 827).

него рѣшеніе, котораго онъ вовсе не желать. Посоль великаго князя боярина Фома, прибѣжавшій (пришедший) отъ него изъ Венеціи, епископъ Аврамій и та или другая часть его спутниковъ, пришедшіе отъ него въ Москву, когда онъ остался въ Литвѣ¹⁾), должны были разскажать въ Москвѣ, какъ состоялась эта неожиданная унія, т. е. разскажать, что искренно пристунили къ ней только весьма немногіе изъ архіереевъ греческихъ,—что большинство согласилось на нее или купленное золотомъ или принужденное нравственнымъ гнетомъ и что иѣ-которые, каковъ Маркъ ефесскій, не только не привѣли ея, но и рѣшительнымъ образомъ и изо всѣхъ силъ протестовали противъ нея. Не имѣемъ прямыхъ указаний, но со всею вѣроятностію нужно предполагать, что великій князь, получивъ принесенный извѣстія о Флорентійскомъ соборѣ, посыпалъ навести въ Константинополѣ справки, какъ тамъ принята унія. А если онъ сдѣлалъ это, то долженъ быть узнатъ, что рѣшительное большинство какъ архіереевъ, такъ и мірянъ, встрѣтило унію съ величайшимъ негодованіемъ и вовсе не хотѣло ее знать,—что поспѣшили раскаяться въ своей измѣнѣ православію и большая часть архіереевъ, Ѵзывишихъ на соборъ,—что одни и другіе архіереи протестовали противъ уніи предъ императоромъ формальнымъ образомъ посредствомъ соборного опредѣленія²⁾ и что держится уніи только императоръ съ весьма немногими. Мы находились въ то время въ живыхъ спошенихъ съ Афономъ, такъ что великій князь не могъ тотчасъ же не узнатъ того, какъ приняли унію монахи афонскіе, пользовавшіеся исключительно—великимъ уваженіемъ въ православномъ мірѣ: и онъ долженъ быть узнатъ, что монахи эти не только отвергли унію съ такимъ же негодованіемъ, какъ большинство прочихъ Грековъ, но и выступили противъ нея народитыми противницами между греческимъ народомъ³⁾. Такимъ образомъ, прежде прибытія въ Москву Иси-

¹⁾ Епископъ Авраамій съ частью спутниковъ Исаиада, оставилъ митрополита въ Литвѣ, прибылъ въ Москву, какъ мы сказали выше, 19-го Сентября 1440-го года.

²⁾ См. Исторію Флорентійского собора, стр. 183 сqq. Архим. Димитраконулъ въ своей 'Ορθόδοξος Ἐλλάς, стр. 107, ссылаясь на 'Αντίρρητον патр. іерусал. Нектарія и на Τόμος καταλλαγῆς патр. іерусал. Доскоея, которыхъ мы не имѣемъ подъ руками, говорить о константинопольскомъ соборѣ 1440-го года, протестовавшемъ противъ уніи.

³⁾ Писланіе афонскихъ монаховъ въ Россію противъ уніи, о которомъ въ третьемъ примѣчаніи выше, писано уже послѣ изгнанія изъ Москвы Исаиада (стр. 29 нач.) и изъ него не видно, чтобы монахи писали въ Россію еще до изгнанія послѣдняго (и до его прихода въ Москву изъ Литвы). Недѣль актомъ уніи подписались

дорова великий князь долженъ бытъ узнатъ, что эта унія, устроенная всячими неправдами, встрѣчена Греками съ величайшимъ негодованіемъ,—что она отвергнута у нихъ рѣшительнымъ большинствомъ духовенства и мірянъ и что ея держится въ Константинополѣ только императоръ съ нѣкоторыми немногими, бывшими вынужденнымиъ своими несчастными обстоятельствами. Въ виду сейчасъ указанныхъ свѣдѣній великий князь не могъ смущаться вопросомъ: какъ ему быть съ этой принесенной Исидоромъ уніей. Если Греки, которымъ унія столько нужна бы била въ ихъ ужасномъ государственномъ положеніи, съ негодованіемъ отвергли ее; то что другое могъ сдѣлать онъ, которому не было нужды покупать чего нибудь цѣлою измѣнѣю православію? Очень можетъ быть, что мысль о провозглашеніи Исидора незаконнымъ митрополитомъ и измѣнникомъ православію приходила и нѣкоторымъ православнымъ князьямъ литовскимъ и что только они не могли осуществить ее при своихъ государственныхъ обстоятельствахъ: великий князь московскій бытъ въ полной возможности отвергнуть не только унію, но и принесшаго ее отступника—митрополита, противъ которого онъ долженъ бытъ исполниться тѣмъ большаго негодования, что имѣнно ни кто другой, какъ онъ—митрополитъ бытъ главнымъ виновникомъ и устроителемъ уніи.

Черезъ три дня на четвертый послѣ прибытія въ Москву, въ середу на крестопоклонной недѣлѣ, Исидоръ взятъ подъ стражу, именно—помѣщень на житѣе за сторожами (подъ домовый арестъ) въ Чудовомъ митрополичьемъ монастырѣ¹⁾. Послѣ того великий князь созвалъ соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего

присутствовавши на соборѣ представители трехъ или четырехъ афонскихъ монастырей: Лавры, Ватопеда, св. Навла и Пандократора—неизвѣстно афонского или константинопольского, но что тотчасъ по возвращеніи съ собора представителей монахи выступили парочитыми противниками отвергнутой ими уніи, это они даютъ знать въ посланіи (*ibid.* Протъ Афонскій Нахомій, которому адресуетъ великий князь посланіе, можетъ быть, есть тотъ Нахомій, который подписался подъ актомъ уніи, какъ игуменъ св. Навла).

¹⁾ По словамъ Дугаша: *in carcere inclusus et omnibus therauris, quos iam notabiles conquisiverat, spoliatur* (вероятно, разумѣются сокровища, которая успѣль собрать Исидоръ во время пребыванія въ Литвѣ, при чемъ могъ получать доходы въ съ московской половинѣ митрополіи, хотя, быть можетъ, и не со всей),—lib. XII p. 728 нач..

священства ¹⁾ и поручилъ собору, обличивъ ересь Исидора истиннымъ судомъ правды, стараться о томъ, чтобы онъ—митрополитъ усердился и отложилъ латинскія ереснныя соединенія и согласія и повинился и покаялся, дабы такимъ образомъ могъ получить милость. Когда Исидоръ остался непреклонно твердымъ въ своей вѣриности чинъ и имало не восхотѣть повинутися священному собору, его по прежнему оставили за сторожами въ Чудовомъ монастырѣ, рѣшившись и еще ждать отъ него обращенія и покаянія ²⁾; при этомъ, какъ даютъ знать наши акты, лѣтописи и сказанія, на него старались подействовать путемъ угрозъ, а именно—что въ случаѣ его нераскаянности на него будетъ созванъ новый великий соборъ ³⁾ и что онъ можетъ быть приговоренъ къ смертной казни черезъ сожженіе или черезъ засыпаніе живымъ въ землю ⁴⁾. Какъ бы въ концѣ концовъ поступить великій князь съ Исидоромъ, остается неизвѣстнымъ. Просидѣвъ въ Чудовомъ монастырѣ за сторожами весну и лѣто, ночью 15-го Сентября 1441-го года онъ бѣжалъ изъ Москвы ⁵⁾. Великій князь, бывъ, неѣть сомѣнія, чрезвычайно доволенъ, что этимъ бѣгствомъ Исидоръ самъ разрѣшилъ и покончилъ трудный вопросъ: какъ съ нимъ быть, строго запретить доносить его и предоставить ему полную свободу исчезать изъ Россіи, куда онъ знаеть ⁶⁾. Изъ Москвы Исидоръ побѣжалъ въ Тверь. Здѣшній князь Борисъ Александровичъ снова посадилъ было его за приставовъ; но великій князь, давъ ему и здесь посидѣть вѣкоторое время, въ великомъ постѣ 1442-го года приказалъ выпустить его, и онъ бѣ-

¹⁾ См. посланіе великаго князя въ Константинополь въ Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 74 col. 2, въ Намятин. *Павлова* col. 534, въ посланіе митр. Юны къ епископу смоленскому Мисаилу—въ Акт. № 62, стр. 111 col. 1, *Павлова* col. 661.

²⁾ Никон. лѣт. V, 156—7.

³⁾ Степ. кн. II, 75 sub fin..

⁴⁾ Посланіе митр. Юны къ литовскимъ епископамъ 1460-го года—въ Намятин. *Павлова* № 87, col. 654 fin.; Софійская 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, стр. 161 col. 1 fin. въ стр. 163 col. 2 нач., Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 109, Слово и сказаніе о составленіи осьмого собора у *Нопова* стр. 379 нач.

⁵⁾ Описаніе путешествія Исидорова на соборъ по изд. Сахарова,—конецъ, Суменоово сказаніе о соборѣ по изд. въ Вивлію.—VI. 70.

⁶⁾ «*Никакоже* посла по немъ возвратити его», см. цитаты во второмъ примѣчаніи выше (очень можетъ быть, что и грозили ему смертью за тѣмъ, чтобы заставить его бѣжать, при чёмъ, конечно, ослабили и вадзоръ такъ, чтобы дать полную возможность бѣжать).

жалъ въ Новогродскъ къ литовскому великому князю Казимиру¹⁾). Не знаемъ, было ли такъ, что послѣ осужденія и пыложения московскаго не хотѣли признавать его своимъ митрополитомъ и православные князя литовскіе, или такъ, что послѣ сего они вообще чувствовали себя среди православныхъ весьма неловко и фальшиво: только, недолго побывавъ у Казимира въ Новогродскѣ, онъ побѣжалъ въ Римъ къ папѣ²⁾.

Этимъ кончилось пребываніе Исидора на каѳедрѣ русской митрополіи и таковъ былъ исходъ его попытки ввести флорентійскую унию въ московской Руси... Должно думать, что онъ прибѣжалъ къ папѣ до чрезвычайности смущенный и пристыженій. Но словамъ Симеона суздальскаго, отираясь съ собора Флорентійскаго въ Россію, онъ обнадеживалъ папу увѣреніями, что ему непремѣнно удастся ввести унию въ Москву,—что великий князь московскій молодъ³⁾ и не посмѣть воспротивиться его волѣ,—что епископы московскіе некнижны и не сумѣютъ говорить что нибудь вопреки ему по поводу унії⁴⁾: и вдругъ, послѣ такихъ увѣреній, немедленный арестъ, какъ только явился въ Москву, увѣщанія отъ некнижныхъ епископовъ—отложивъ латинскія ереси, принести покаяніе, и позорное бѣгство!...

Мы кончили наши рѣчи о митр. Исидорѣ, насколько онъ подлежитъ нашему повѣствованію⁵⁾, но не кончили рѣчей о флорентійской унії, которой онъ былъ главиѣйшимъ виновникомъ. Въ человѣческой исторіи, какъ известно, очень не мало совершенію неожиданнаго. Флорентійская унія имѣть весьма неожиданное и въ тоже время весьма важное значеніе въ исторіи русской церкви: отъ нея ведетъ свое начало новое мѣнѣніе Русскихъ о православіи Грековъ,—мѣнѣніе столько же съ первого взгляда невѣроятное, сколько невѣроятно то, что именно отъ нея ведетъ начало. Греческіе архіереи, присутствовавши на Флорентійскомъ соборѣ, имѣли слабость предать православіе латинянамъ, но наибѣльшая часть ихъ тотчасъ же послѣ возвращенія съ собора

¹⁾ Цитаты третьаго примѣчанія выше и Иakovск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣт. V, 30. Не говорится, чтобы Борисъ Александровичъ выпустилъ Исидора по приказанію великаго князя, но это необходимо подразумѣвать: какъ скоро онъ схватилъ его, то не рѣшился бы выпустить безъ дозволенія великаго князя.

²⁾ См. цитаты, указанныя въ предыдущемъ примѣчаніи.

³⁾ Василий Васильевичъ родился 10-го марта 1415-го года.

⁴⁾ У Наслова въ Критич. опытахъ, стр. 208.

⁵⁾ Дальнѣйшую исторію Исидора до его смерти, послѣдовавшей 27-го Апрѣля 1463-го года, см. въ сочиненіи *Histoire de la Russie et le Saint-Siège*, t. I, Paris, 1896, pp. 60—107.

искреннимъ образомъ въ этомъ раскаялась, и во всякомъ случаѣ греческое духовенство и греческий народъ, не присутствовавшіе на соборѣ, встрѣтили уиню съ величайшимъ негодованіемъ, рѣшительно отвергли ее и вовсе не хотѣли о ней слышать. Правда, что импер. Іоаннъ Цалеологъ, устроившій соборъ и рѣшившійся принести на немъ православіе въ жертву своимъ политическимъ нуждамъ, оставался вѣренъ уини, побуждаемый тѣми же нуждами, до самой своей смерти, послѣдовавшей 31-го Октября 1448-го года; правда, что преемникъ Іоанновъ Константина, сначала показавший было себя ревнителемъ православія и врагомъ уини, потомъ, въ виду рѣшительныхъ приготовленій Турокъ къ овладѣнію Константинополемъ, прибѣгая къ этой уини, какъ къ единственному средству спасенія, которое могъ находить, снова признать ее въ концѣ 1452-го года¹⁾; но все это никакъ не касалось духовенства и народа и наоборотъ все это возбуждало въ духовенствѣ и народа только величайшее негодованіе²⁾. 29-го Мая 1453-го года Константинополь былъ взятъ Турками, имперія византійская прекратила свое существованіе и у Грековъ совершило не осталось никакого иnomina обѣ уини, а осталась одна крайняя вражда къ латинянамъ, усиленная уиней еще болѣе прежниго. Никому, кто хоть сколько нибудь знаетъ, какъ принята была уиня Греками, не придется въ голову подумать, чтобы она повредила у Грековъ чистоту православія (ибо изъ дѣйствительности, вовсе не бывъ ими принимаема, она напротивъ рѣшительнымъ образомъ укрѣпила ихъ въ преданности православію), и однако у насъ вскорѣ послѣ Флорентійскаго собора было провозглашено, будто уиня повредила у Грековъ чистоту православія, такъ что будто бы оттолѣ истинное чистое православіе осталось у насъ однихъ—Русскихъ, каковой взглядъ на поврежденность православія у Грековъ, впервые высказанный вскорѣ послѣ Флорен-

¹⁾ Провозглашена въ Софійскомъ соборѣ присланіемъ отъ папы нашимъ Исподомъ 12-го Декабря 1452-го года.

²⁾ О тойъ, съ какою величайшею ненавистью встрѣчено было духовенствомъ и народомъ греческимъ (который представляли тогда собою жители Константинополя) возстановленіе уини Константина, см. въ статьѣ М. М. Стасюлевича: Осада и взятие Византіи Турками, помѣщенной въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. I, разд. 2, стр. 99 sqq (императоры видѣли въ уини единственное средство спасенія, а народъ напротивъ смотрѣлъ на нее, какъ на вѣрное средство привлечь на себя окончательный гибель Божій). Также см. въ нашей статьѣ: «Ктитарий полемикъ съ старообрядцами», напечатанной въ I кн. Член. Общ. Ист. и Древн. за 1896-й годъ.

тийского собора, быть сохраняемъ нашими предками вилоть до патр. Никона, и именно оиъ бытъ причиной, произведеній при немъ у наасъ расколъ старообрядчества¹⁾). Совершенно непонятна съ первого взгляда загадка объясняется тѣмъ, что новый взглядъ Русскихъ на Грековъ только ведеть свое начало отъ уніи Флорентийской и не ее имѣть своей истинной причиной,—что эта унія случайнымъ образомъ явилась для Русскихъ такимъ событиемъ, на которое они могли указывать и ссылаться, какъ на причину.

Истинную причину нашего новаго взгляда на Грековъ, представляющагося столько неожиданныхъ и непонятныхъ, составляло то, что мы—Русские, бывъ народомъ безъ дѣйствительного просвѣщенія, образовали себѣ своеобразные взгляды на чистоту истиннаго православія, которые, во-первыхъ, привели наасъ къ такой комилигациі, что мы должны были обвинить въ отступлениѣ отъ чистоты православія или Грековъ или самихъ себя, и которые, во-вторыхъ, давали намъ право видѣть отступниковъ отъ чистоты православія именно въ Грекахъ. Дѣло тутъ въ образованіихъ у наасъ взглядахъ на церковные обряды и вообще на церковно обрядовую вѣщность.

Мы приняли отъ Грековъ христіанство въ то время, когда у нихъ далеко еще не прекратилось разнообразіе церковно-богослужебныхъ обрядовъ (съ котораго началось богослуженіе и о которомъ см. во 2-й половинѣ I тома Исторіи стр. 297 sqq). Это разнообразіе отъ Грековъ перешло и къ намъ. При отсутствії у наасъ дѣйствительного просвѣщенія мы должны были вдаться въ ту крайность, чтобы усвоить обрядамъ преувеличеннное значеніе, приравнивъ ихъ къ догматамъ вѣры. Но такъ какъ, во-первыхъ, крайніе взгляды не являются вдругъ, а развиваются постепенно,—такъ какъ, во-вторыхъ, въ періодъ кіевскій мы находились подъ влияніемъ Грековъ, а отчасти и другими влияніями, препятствовавшими быстрому развитію крайнихъ взглядовъ (cfr. ibid. стр. 765 sqq): то въ этотъ періодъ мы еще не доходили до

¹⁾ До времени Никона Русские были не согласны съ Греками въ некоторыхъ церковныхъ обрядахъ и попимали это несогласіе такъ, что Греки, отступивъ отъ чистоты древнаго православія, привнесли въ свою обрядность чуждый новшества Никонъ, отказавшійся отъ прежнаго взгляда на Грековъ, какъ будто бы на утратившихъ чистоту православія (но не отказанійся при этомъ отъ московскую взгляда на важность обрядовъ) рѣшилъ согласовать русскую церковь съ греческою въ помянутыхъ обрядахъ (въ чёмъ собственно и существенно состояло его такъ называемое исправленіе книгъ); но нашлись люди, которые, не послѣдуя за патріархомъ, остались при старомъ взгляде на Грековъ.—и отсюда расколъ.

той крайности, чтобы смотрѣть на обряды, какъ на догматы и чтобы съ этой точки зрѣнія смотрѣть на разнообразіе ихъ формъ. Всѣдѣствіе сего въ этотъ періодъ и перешедшее къ намъ отъ Грековъ разнообразіе обрядовъ существовало у насъ, никого иисколько не смущая. Послѣ нашествія Монголовъ, когда ослабѣло вліяніе Грековъ и всякия другія вліянія, когда на московскомъ ѿвѣрѣ мы стали народомъ какъ бы удалившимся за горы и за стѣну отъ всѣхъ другихъ народовъ и настолько обособились сами иѣ себѣ, что стали представлять изъ себя какъ бы европейскій Китай, развитіе крайнихъ взглядовъ должно было пойти незадержанно и быстро и дойти до своего конца. Но когда обряды были приравнены нами къ догматамъ иѣры, то естественно, что мы начали находить существованіе одного и того же обряда въ иѣсколькихъ формахъ столько же невозможнымъ, сколько это невозможно по отношенію къ догматамъ, и всѣдѣствіе сего должны были употребить нарочитыя старанія о томъ, чтобы привести обряды къ единобразію, а во всякомъ случаѣ сдѣлать то, чтобы между иѣсколькими формами обрядовъ, существовавшихъ не въ одной формѣ, одну форму признать за правильную и православную, другія за неправильныя и неправославныя. Но при этомъ случайнѣмъ образомъ случилось такъ, что относительно иѣкоторыхъ многоформенныхъ или многообразныхъ обрядовъ у насъ признаны были за правильныя и православныя не тѣ формы, которыя вошли въ господствующее употребленіе у Грековъ (у которыхъ также вводилось съ теченіемъ времени единобразіе, хотя и не по тѣмъ побужденіямъ, чтобы на обряды смотрѣли какъ на догматы): мы приняли отъ Грековъ сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія двоеперстное и троеперстное¹⁾, и тогда какъ у Грековъ въ позднѣйшее время стало господствующимъ троеперстіе, у насъ напротивъ признано было правильнымъ и православнымъ двоеперстіе; мы приняли отъ Грековъ обычай возглашать пѣснь аллилуйя сугубо и трегубо²⁾, и тогда какъ у Грековъ въ позднѣйшее время стала господствующимъ обычай трегубленія, у насъ быть признанъ правильнымъ и православнымъ обычай сугубленія. Если бы предки наши знали иѣсколько археологію, то они знали бы, что въ обоихъ случаяхъ оба обычая по своему происхожденію одинаково православны; если бы они

¹⁾ См. обстоятельная о семъ рѣчи въ одной изъ нашихъ статей, носящихъ общее заглавіе: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцамъ». напечатанныхъ въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» 1892-го года.

²⁾ Сугубленіе оставалось у Грековъ вмѣстѣ съ трегубленіемъ даже до временъ Арсенія Суханова, какъ онъ свидѣтельствуетъ въ Ирошкинтаріи. См. тамъ же.

имѣли иѣкоторое прощеніе, то они не могли бы находить ту или другую форму неправославною: но если бы это было, то не образовались бы и ихъ своеобразные взгляды на обряды. Замѣчая между Греками и собою различіе и въ обрядахъ, которымъ усвоили значеніе догматовъ, Русскіе естественно должны были задавать вопросъ: кто же при этомъ отступнилъ отъ чистоты православія (ибо одна изъ двухъ въ обоихъ случаяхъ форма признавалась за православную, другая за неправославную)? Чтобы Русскіе признали самихъ себя и своихъ отцоў отступниками, это, конечно, было бы совершение неожиданное; при томъ же они видѣли дѣйствительное основаніе считать отступниками не себя, а Грековъ: они относились къ обрядамъ и ко всей церковно-обрядовой вѣшности несравненно съ большимъ уваженіемъ, нежели какое замѣчали въ Грекахъ. И вотъ, такимъ образомъ Греки и стали въ глазахъ нашихъ предковъ отступниками отъ чистоты истинно-древняго православія. Но они должны были задавать себѣ вопросъ: когда и какимъ образомъ могли отступнить Греки отъ чистоты истинного православія? Впервые пришло имъ задать себѣ этотъ вопросъ тотчасъ послѣ Флорентійского собора, и они отвѣчали, что повредить чистоту православія у Грековъ начинъ соборъ. Но что соборъ не составляетъ дѣйствительной причины, которая заставила предковъ нашихъ думать, будто у Грековъ повредилась чистота православія, видно изъ того, что они скоро оставили его въ икоѳ и начали объяснять дѣло разными другими причинами, именно—будто повредили у Грековъ ихъ богослужебныя книги поработившиѣ ихъ Турки, будто повредили у нихъ эти книги латинище—или тогда какъ они бросились съ рукописями на Западъ послѣ иаденія Константиноополя или когда начали печатать книги въ латинскихъ земляхъ. Обстоятельства скажемъ объ этомъ ниже.

Такимъ образомъ, Флорентійский соборъ явился первымъ случаемъ, на которой Русскимъ оказалось возможнымъ сослаться, чтобы провозгласить, будто у Грековъ повреждена чистота истинного православія. Первое представляетъ собою самое главное, ибо мнѣніе, разъ иущенное на достаточномъ повидимому основаній, послѣ можетъ уже и не нуждаться въ особенномъ достаточныхъ основаніяхъ. И случилось такъ, что первая ссылка на Флорентійский соборъ являлась какъ будто на самомъ дѣлѣ основательною. Ссылка сдѣлана была не тогда, когда уже ввелось у насъ единообразіе обрядовъ и когда мы должны были защищать принятая у насъ формы противъ формъ, ставшихъ господствующими въ Греціи, а когда еще вводилось единообразіе и когда еще однѣ формы боролись за право на правильность и православіе съ другими. Въ первой половинѣ XV вѣка въ одной изъ русскихъ областей,

именно—псковской, господствующимъ обычаемъ относительно пѣсни аллилуїя было троеніе; но были защитники и двоенія. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ передъ самимъ соборомъ Флорентійскимъ, желая узнати истину, отправился въ Грецію и здѣсь, какъ утверждалъ возвратившись во Псковъ, будто бы слышалъ отъ патр. Іосифа и на Аeonѣ, что нужно двоить, а не троить пѣснь аллилуїя¹⁾. Но большинство, стоявшее за троеніе, отвѣчало защитнику двоенія, что патр. Іосифъ съ русскимъ митрополитомъ Исидоромъ и съ папою римскимъ учинили 8-й соборъ во градѣ Флоренцѣ фрижскомъ, ему же вправду не достояше быти, почему патріархъ праведнымъ судомъ Божімъ вскорѣ отмщеніе пріять,—не дойде стола своего, и что по сему соборѣ начало пагубы бысть греческѣй земли..., что на соборѣ этомъ (который быль «на сихъ лѣтѣхъ») Греки къ своей погибели отвергнулися отъ истины..., что напрасно онъ—защитникъ приводитъ слова Іисаія: яко отъ Сиона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима, ибо это относится къ апостоламъ и ихъ преемникамъ—святымъ патріархамъ, а нынѣ нужно ожидать изъ Іерусалима только антихриста съ его пагубными учениемъ..., что по всему сему не подобаетъ намъ принимать отъ Гревковъ новаго ученія и разворачатъся отъ греческой земли²⁾... Говорившіе сейчасъ приведенное, конечно, затруднились бы отвѣтить, какимъ образомъ патр. Іосифъ могъ заразиться новымъ латинскимъ ученіемъ прежде нутешествія на Флорентійский соборъ; но у нихъ были доказательства, что это непонятное какимъ-то образомъ имѣло мѣсто. Въ первый разъ споры о пѣсни аллилуїя начались во Псковѣ въ правление митр. Фотія; псковское духовенство обращалось по сему поводу съ вопросомъ къ митрополиту и въ отвѣтъ получило отъ него наставление троить пѣснь³⁾. Стоя на такой точкѣ зренія, которая уже вовсе

¹⁾ Патріархъ не могъ отвѣтить этого, но онъ долженъ быль отвѣтить, что одинаково благочестиво и пріемлемо какъ троить, такъ и двоить. Въ св. Софії константинопольской въ то время, какъ показываетъ примѣръ нашихъ митрополитовъ Кипріана и Фотія, одинаково употреблялось и троеніе въ двоеніе: Фотій въ своемъ посланіи во Псковъ предписываетъ троить пѣснь аллилуїя, но его предшественникъ Кипріанъ, псковиѣнно—рѣвностный подражатель пріемѣра св. Софії, въ своей Сафдованной Псалтирѣ употребляетъ двоеніе (рки. Моск. Дух. Акад. № 142, см. лл. 146 об., 155 и об., 156, 393 об.).

²⁾ Въ Макарьевск. Минѣ за мѣсяцъ Іюнь, Синод. ркн. № 995 л. 998 sqq (см. той же Минев Августъ, № 183, л. 804 об., указъ о трехгубой аллилуїи къ Аспасію).

³⁾ Митрополитъ пишетъ: «А еже о аллилуїи на Славахъ сице глаголи (—те): Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, пынѣ и присно въ вѣки вѣкомъ, аминь.

не допускала двухъ одинаково правильныхъ формъ или обычаевъ и совершило не имѣя, чѣмъ объяснить отступлѣніе отъ правильности со стороны митр. Фотія, и въ тоже время имѣя этотъ Флорентійскій соборъ, чтобы объяснить отступлѣніе со стороны патр. Іосифа, защитники троенія иѣзуи и рѣшили, что причиною въ послѣднемъ случаѣ былъ именно соборъ (хотя и непонятно—какимъ образомъ прежде чѣмъ состоялся). Поэтому они и пишутъ защитнику двоичія, ссылавшему на патріарха и на Алоіть: «подобающе ти, отче, паче патріарха и Алоіиа (подразумѣвается—уже отступившихъ отъ истины православія) послушати аки самаго Христа курь митрополита кіевскаго и всея Русіи Фотія, иже и винса намъ въ домъ святыхъ Троицы во Исковѣ».

Всѣдѣ за Флорентійскимъ соборомъ у насъ провозглашено было не только то, что соборъ этотъ повредилъ у Грековъ чистоту православія, но и то, что вообще у насъ—въ Россіи большее православіе и высшее христіанство, чѣмъ въ Греціи, или что мы—Русскіе лучший и болѣе благочестивый православіи народъ, чѣмъ Греки. Но строгой логической послѣдовательности этому заявлѣнію, можетъ быть, надлежало бы быть сдѣлану прежде, чѣмъ первому; но въ исторіи не все всегда идетъ въ строгой послѣдовательности. Заявлѣніе, такъ же какъ и первое, было вызвано особыми слукаемъ, а случай имѣть мѣсто послѣ Флорентійского собора. Но здѣсь, такъ же какъ и тамъ, случай былъ только поводомъ, вызвавшимъ заявлѣніе, а не причиною, которая произвела заявлѣніе мнѣніе, заявленіе взгляды. Усвоить преувеличенніе значеніе обрядамъ и приравнять ихъ къ догматамъ, наши предки въ тоже самое время и по той же самой причинѣ въ дѣлѣ христіанскаго благочестія придали преувеличенное значеніе наружной пажожности или наружному богонощенію и увлеклись въ крайность того минимаго благочестія, представителями котораго у юдеевъ были фарисеи и которое осуждено Спасителемъ въ лицѣ сихъ послѣднихъ. Наше направлѣніе выражалось великимъ усердіемъ нашимъ къ вѣнчаней молитвѣ и къ мѣстамъ вѣнчаній общественной молитвы—храмамъ или церквамъ, такъ что въ семъ отношеніи мы стали выше Грековъ и въ этомъ смыслѣ начали безспорно представлять изъ себя людей болѣе благочестивыхъ, чѣмъ они¹⁾). Но мы, конечно, не понимали нашего

аллугія, аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже, аллугія, аллугія, аллугія, слава Тобѣ, Боже, аллугія, аллугія, аллугія, слава Тобѣ. Боже»,— посланіе во Исковѣ, отъ 12-го Августа 1419-го года, у Павлова въ Намѣтникахъ № 48, col. 408.

¹⁾ Такъ что въ семъ отношеніи уступаютъ намъ первенство и сами Греки, называя нашу Москву «благочестивою» Москвой.

благочестія таємъ, чтобы видѣть въ немъ, самомъ по себѣ, то простое нищто, о которомъ говорить пророкъ Исаія (гл. 1 и 58), не дающее намъ никакого права минуть о себѣ что либудь, а видѣли въ немъ дѣйствительное благочестіе и, послѣдняго евангельскому фарисею, который думать о себѣ, «яко и єсмъ якоже прочіи человѣци», начали воображать о себѣ, будто мы—православный народъ, превосходящій своимъ благочестіемъ Грековъ. Особеніемъ поводомъ, вызвавшимъ со стороны предковъ нашихъ это заявленіе, послужило взятіе Турками Константиноополя и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное паденіе византійской имперіи. На основаніи извѣстнаго видѣнія пророка Даниила о четырехъ царствахъ (гл. 7-я), въ христіанскомъ мірѣ существовало мнѣніе, что римское царство будетъ существовать до скончанія міра, имѣя своимъ назначениемъ стражбу и охрану христіанства и православія¹⁾). Но дѣйствительность показала, что этому вѣчному православно-римскому царству не назначено было постоянно пребывать въ собственномъ или дѣйствительномъ Римѣ, но переходить съ места на место: ветхий или собственный Римъ черезъ семь вѣковъ отъ Рождества Христова впалъ въ Аполлоніаріеву ересь (чрезъ усвоеніе опрѣснокъ, которые будто бы ввелъ Аполлоніарій, потому что не признавалъ человѣческой плоти во Христѣ), бывъ прельщенъ Каруломъ царемъ, т. е. Карломъ Великимъ²⁾), и его место въ качествѣ православнаго

¹⁾ Въ славянскихъ хронографахъ переведеніе съ греческаго: «Ассирійское царство разорилъ Вавилоніи; Вавилонійское царство разорилъ Персіи; Перськое царство разорилъ Македоніи; Македонійское царство разорилъ Римляни; Римское царство разорится антихристомъ» (Хронографъ ббліотеки Вѣданск. Дух. Семинарії № 2215, л. 12 об.). «Ромейское царство перазрушило, яко Господь въ римскую власть написася», т.-е. потому что Господь по своему плотскому рождешю запишашъ въ ревніихъ сказкахъ римской имперіи (и что слѣдовательно въ этихъ ея сказкахъ должна числиться и христіанская церковь: иноокъ Филофей въ посланіи къ дыку Мицюро-Мунехину).

²⁾ На Западѣ напротивъ возложеніе папою императорскаго вѣна на Карла Великаго понималось какъ перенесеніе императорскаго сана съ государей константиноопольскихъ, оказавшихся недостойными его, на государей франкскихъ, см. Гельмільда Chronic. Slavor. lib. I c. 3. Но этой, вѣроятно, причинѣ въ греческихъ сказаніяхъ объ отпаденіи латинянъ Карлъ Великій и фигурируетъ, какъ его инивикъ (императоры константиноопольскіе не хотѣли признавать титула царей или императоровъ за императорскими западными, называя ихъ королями—*reges*: подобнымъ образомъ папы со временемъ Карла В. не хотѣли признавать того же титула за императорами константиноопольскими и также называли изъ только королями—*reges*).

Рима застушилъ Константионополь; но затѣмъ и Константионополь взять былъ Турками, такъ что долженъ быть явиться третій православный Римъ. Но еслико во времени взятія Константионополя Турками «вся христіанская (православная) царства пріонша въ конецъ и спишаася во едино царство нашего (русскаго) государя»: то Русскіе пришли къ убѣждѣнію, что третімъ православнымъ Римомъ предназначено быть нашей Москвой, каковое притязаніе они и заявили почти тотчасъ послѣ взятія Константионополя Турками. При семъ случаѣ Русскіе, доказавшія свои права на великую роль, которая была имъ суждена, и то, что они ся достойны, и заявили, что они суть лучшіе христіане, нежели Греки. Въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ взятія Константионополя Турками, въ 1461—1462 году, по поводу посвященія въ митрополита Феодосія на мѣсто св. Юпіт, у насъ было издано посвященіе Флорентійскому собору поюществовательное собраніе подъ заглавіемъ: «Слово избрано отъ святыхъ Иисаій, еже на латыни, и сказание о съставлениі осмаго собора латынскаго и о изнерженіи Сидора прелестнаго и о поставлениі въ рустей земли митрополитовъ, по сихъ же похвалѣ благовѣрному великому князю Василію Васильевичу всея Руси»¹⁾), которое содержитъ въ себѣ: 1) Сумеонову поѣвѣсть о Флорентійскомъ соборѣ (въ новой обработкѣ той ея вторичной редакціи, которая читается въ лѣтонаряхъ и у Новикова) съ дополненіемъ о поставлениі Василіемъ Васильевичемъ на мѣсто Исидора св. Юпіт и о поставлениі на ю по прослѣбѣ Исидора лжемитрополита Григорія; 2) разсказъ объ отпаденіи латинянъ отъ православія съ указаніемъ ихъ ересей²⁾; 3) похвалу великому князю Василію Васильевичу, какъ твердому поборнику и охранителю православія, съ извищеніемъ о поставлениі на мѣсто Юпіт въ митрополиты избраннаго при его жизни Феодосія³⁾. Наше поюществовательное собраніе, происходженія болѣе чѣмъ вѣроятно—официального или официознаго, написано съ цѣллю оправдать поставленіе изъ самой Россіи митрополитовъ Юпіт и Феодосія и вообще показать, что съ перваго изъ нихъ русская церковь

¹⁾ Напечатано у Попова въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскіхъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 360. Выдано послѣ поставлениія въ митрополита Феодосія, которое имѣло мѣсто въ первой половинѣ Мая 1461-го года, и до смерти Василія Васильевича, которая случилась 17-го Марта 1462-го года.

²⁾ Начинается у Попова на стр. 385: «Вѣсте ли иакъ сіа, зломысленіи, како преждѣбывши вашн учители...»

³⁾ Начинается у Попова на стр. 392 нач.: «И шиѣ же егда бысть въ лѣта и во дни богоубѣдочнаго Василія царя всея Руси»...

заковно и по уважительнымъ причинамъ вступила на путь самостоятельности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ собраніи высказывается, хотя еще и не съ совершеною ясностью, что русскій государь призванъ заступить мѣсто императора константинопольскаго и что русскіе люди, призванные занять первенствующее мѣсто среди православныхъ народовъ вмѣсто Грековъ, суть лучшіе христіане, чѣмъ ей постыднѣе. Въ первомъ отношеніи еще не говорится, что Москва заступила мѣсто Константинополя и стала третьимъ Римомъ, по великій князь Василій Васильевичъ постоянно называется царемъ¹⁾ (благопріянъ и богоизбѣжны) и какъ таковому ему усвоются эпитеты, указывающіе на присвоеную ему роль защитника православія: «спасительникъ благочестію истиннаго православія, высоцайший исходатай благовѣрія»²⁾. Во второмъ отношеніи говорится о прославлении въ русской землѣ благочестія и что ей—русской землѣ подобаетъ во вселенії и подъ солнечнымъ сияніемъ радоваться, ибо она одѣялась свѣтомъ благочестія, имѣть покровъ Божій на себѣ многосвѣтлую благодать Господню и исполнилась цвѣтомъ благообразій цвѣтующихъ—Божіихъ храмовъ, якоже звѣздъ сияющихъ святыхъ церквей, якоже солнечныхъ лучъ блестящихъ, благолѣпіемъ украшаемыхъ и сборомъ святаго пѣнія величаемыхъ³⁾, и наконецъ что въ Россіи—«большее православіе и высшее христіанство», хотя и не добавляется прямо: нежели въ Греціи⁴⁾.

Мы провозгласили Грековъ отступниками отъ чистоты истиннаго православія совершениею безъ всякой съ ихъ стороны вины (между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ они ни малѣйше не отступили отъ чистоты

¹⁾ Какъ иногда называетъ его и митр. Іона,—у *Нач. № 90.* col. 673.

²⁾ У *Новова* стр. 395.—Въ объясненіе того, почему Василій Васильевичъ, зная мѣсто царя, не назывался его именемъ, составитель собранія, дѣляя иѣко-торую антицикацію, заставляетъ императора константинопольскаго говорить о немъ напрѣмъ на соборѣ Флорентійскомъ: «государь великий, братъ мой Василій Васильевичъ, ему же восточные царіе (татарскіе) прислахваются (повинуются) и велиціи князи съ землями служатъ ему, смиренія ради благочестія и величествомъ разума благовѣрія, не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ своихъ земель православія,—*ibid.* стр. 364 *fin.*

³⁾ *Ibid.* стрр. 381, 384 и 394 *fin.*

⁴⁾ Составитель собранія заставляетъ императора константинопольскаго извѣщать папу, что есть восточная земля русскія и что «большее (есть) православіе и вышешие христіанство Бѣлые Руси»,—*ib.* 364 *fin.*—Кто былъ составителемъ собранія, остается неизвестнымъ; но должно думать, что имъ не былъ извѣстный Пахомій Сербінъ, которому усвоется собраніе иѣкоторыми съ. во второй половинѣ тема. въ главѣ о просвѣщеніи.

истинного православія). Но съ большему вѣроятностю должно думать, что они жестоко поколились въ семъ случаѣ за свою другую вину передъ нами. Мы дошли въ своихъ воззрѣніяхъ до того, что смѣнили обряды съ догматами, приравнивъ первые къ послѣднимъ; случайнымъ образомъ произошло такъ, что мы разрознились въ обрядахъ съ Греками, и для насъ возникъ вопросъ: кто изъ насъ двоихъ—мы или они уклонились съ пути истины? Если бы они сохранили все свое нравственное влияніе на насъ и весь свой нравственный авторитетъ въ нашихъ глазахъ; то могло бы дѣло кончиться не такъ, какъ оно кончилось: будучи учениками, а не учителями Грековъ, мы могли бы, при нашемъ превратномъ пониманіи своего разногласія съ ними въ обрядахъ, не обвинять ихъ въ отступлѣніи отъ чистоты истинного православія, а самихъ себя признать допустившими погрѣшнія. Но какъ разъ именно въ то самое время, когда наши своеобразныя воззрѣнія на обряды встутили въ фазисъ (достигли предѣла) своего окончательнаго образованія, Греки дозволили себѣ по отношенію къ намъ такія дѣла, которые до основанія потрясли ихъ нравственное на насъ влияніе: разумѣемъ поставленіе въ митрополиты Киприана при жизни св. Алексія и особенно это воинющее дѣяніе—поставленіе въ митрополита самозваннаго кандидата Нимина. Мы приводили выше свидѣтельства самихъ Грековъ, до какой крайней степени эти два подъ рядъ дѣла возбудили и вооружили противъ нихъ Русскихъ и какъ они привлекли на нихъ со стороны послѣднихъ брань, пенавиѣ и презрѣніе. Въ періодъ времени совершенія этихъ дѣйствій Греки вовсе не стали хуже, чѣмъ были прежде; но Русскимъ, которые дотолѣ не знали ихъ хорошо съ худой стороны, легко могло показаться, что они вдругъ нравственno упали. Эта мысль о внезапномъ нравственномъ паденіи Грековъ, поводъ къ которой подали они сами, бывъ перенесена изъ области нравственной въ сферу вѣроученія, давала Русскимъ простой способъ объяснить то, какимъ образомъ могло случиться, чтобы Греки отступили отъ чистоты истинного православія: объясненіе заключалось въ томъ, что Греки внезапно пали. И вотъ, предки наши, легко объясняясь себѣ дѣло, и начали учить, что были древніе Греки, которые твердо держались чистоты истинного православія, и что потомъ застутили мѣсто ихъ новые Греки, которые пали и измѣнили чистотѣ истиннаго православія...

МИТРОПОЛИТЫ МОСКОВСКИЕ И ВСЕЯ РОССИИ.

МИТРОПОЛИТЪ СВ. ИОНА.

Митр. Исидоръ, пытавшійся ввести на Москвѣ флорентійскую унію, былъ осужденъ соборомъ московскихъ русскихъ епископовъ и низложенъ ими съ митрополичьей каѳедры. Но что оставалось дѣлать московскимъ Русскимъ съ этою каѳедрой, послѣ того какъ былъ низверженъ съ нея отступникъ отъ православія? Мы говорили выше, что унія съ папою, принятая греческими епископами, присутствовавшими на флорентійскомъ соборѣ, была решительно отвергнута большинствомъ греческаго духовенства и греческаго народа тотчасъ послѣ того, какъ возвратившіеся съ собора епископы сообщили духовенству и народу, на какихъ условіяхъ она состоялась. Однако, если это было такъ съ большинствомъ духовенства и народа, при чёмъ въ первомъ случаѣ должно разумѣть большинство и самихъ епископовъ, бывшихъ на соборѣ: то императоръ Іоаннъ Палеологъ, видѣвшій въ союзѣ съ папою единственное средство спасенія для своего государства въ его бѣдственномъ положеніи, оставался твердо вѣренъ обязательствамъ, которыя онъ далъ папѣ на соборѣ, и для занятія каѳедры патріаршой, ставшей праздною послѣ смерти во Флоренції Іосифа, ему удалось найти между епископами человѣка, который изъявилъ готовность быть такимъ же поборникомъ уніи, какъ и онъ самъ,—это былъ Митрофанъ, поставленный въ патріархи изъ митрополитовъ хизическихъ 4-го Мая 1440-го года. Такимъ образомъ, въ Константинополѣ въ минуту низложения въ Москвѣ Исидорова, не смотря на большинство духовенства и народа, императоръ и патріархъ были уніатами. Какимъ же образомъ московскіе Русскіе послѣ низложения Исидора могли поступить далѣе въ виду этого обстоятельства, что верховныій глава русской митрополичьей каѳедры—патріархъ и верховныій мірской ея распорядитель—императоръ были такими же уніатами, какъ и низложенный ими Исидоръ?

Если русские провозгласили отступникомъ отъ православія и изложили Иендора, то ясно, что они должны были провозгласить отступникомъ отъ православія и патріарха, съ тѣмъ, чтобы разорвать церковный союзъ съ нимъ и объявить свою церковь независимою отъ него: находя митрополита-уніата подлежащимъ осужденію и изложению, они, очевидно, въ отношеніи къ власти надъ ними патріарх-уніата должепствовали находить, что она подлежала сверженію. Но этого послѣдняго Русскіе вовсе не сдѣлали и даже о томъ, чтобы сдѣлать это, вовсе не поднимали никакихъ рѣчей. Разрывъ церковнаго союза съ патріархомъ константинопольскимъ, хотя бы то и уніатомъ, казался имъ дѣломъ такимъ неудобопонимаемъ, что у нихъ совершенно не было на это мужества и рѣшимости. Какимъ же образомъ Русскіе могли достигнуть того, чтобы, не свергая съ себя власти патріарха-уніата, получить себѣ православнаго митрополита, и чтобы, не разрывая церковнаго союза съ этимъ патріархомъ, самимъ остаться православными? Они нашли исходъ для себя въ томъ, чтобы самимъ поставить себѣ своего митрополита и чтобы, не разрывая формальными образомъ церковнаго союза съ патріархомъ-уніатомъ, находиться въ фактическомъ съ нимъ разъединеніи или необщеніи. Митрополитъ, поставленный ими самими, а не патріархомъ, былъ бы православнымъ во всему,—не только по своемъ мысламъ, но и по своему посвященію; признавая надъ собою власть патріарха-отступника, онъ собственно пріобщался бы его отступничеству, но такъ какъ онъ фактически не сообѣдался бы съ нимъ, то Русскіе и находили это достаточнымъ, чтобы считать его—митрополита совершило православнымъ. Нѣть сомнѣй, что, желая такимъ образомъ устроить дѣло, они хорошо понимали, что желаютъ устроить его не совсѣмъ чисто. Но нехотѣніе открытаго разрыва съ Греками заставляло ихъ соглашаться на то, чтобы допускать nominalную и фиктивную власть надъ собою патріарха-уніата. Взглядъ тогданихъ Русскихъ на духовное быть уже взглядъ, такъ сказать, овеществленный: они не могли допустить, чтобы православный митрополитъ быть посвященъ для нихъ руками патріарха-уніата, потому что чрезъ это онъ заразился бы отъ него его неправославіемъ; но ихъ православный митрополитъ, хотя и признавши власть патріарха-уніата, только не приходившій изъ непосредственное соприкосновеніе съ послѣднимъ, могъ, по ихъ мнѣнію, оставаться совершиенно православнымъ, тѣмъ болѣе, что признаніе власти патріарха было бы со стороны митрополита лишь притворнымъ и неискреннимъ.

Но не решалась на то, чтобы формальнымъ образомъ свергнуть съ себя власть патріарха-уніата, и желая только находиться въ факти-

ческотъ съ нимъ необщеній, Русскіе, чтобы достигнуть этого послѣдняго, у того же патріарха должны были испросить себѣ дозволеніе поставить своего митрополита самимъ. Какъ же было имъ обращаться къ патріарху-уніату съ просьбою о томъ, чтобы онъ дозволилъ имъ вмѣсто изверженаго ими митрополита-уніата самимъ поставить митрополита православнаго? Этотъ вопросъ они разрѣшаютъ простымъ образомъ: они обращаются къ патріарху, какъ будто бы онъ былъ православный, и донося ему объ Исидорѣ,—о дѣяніяхъ этого послѣдняго и объ его осужденіи русскими епископами, они мотивируютъ свою просьбу не тѣмъ, что они не хотятъ отъ него—патріарха получить митрополита, а другими побужденіями¹⁾.

Обращаясь къ патріарху-уніату съ странною просьбою о дозволеніи самимъ поставить митрополита православнаго, Русскіе, конечно, должны были расчитывать на что нибудь. Какъ необходимо думать, они разсчитывали на то, что къ исполненію странной просьбы принудить патріарха желаніе сохранить свою власть надъ русскою церковью,—что патріархъ лучше согласиться видѣть на каѳедрѣ русской митрополии православнаго митрополита, чѣмъ потерять свою церковную власть надъ шими—Русскими.

Великий князь Василий Васильевичъ рѣшился обратиться къ патріарху съ просьбой о томъ, чтобы ему дозволено было избрать и поставить преемника Исидору своими русскими епископами, или въ самомъ неизрѣдѣтельномъ времени поспѣшь бѣгства Исидорова изъ Москвы, которое имѣло мѣсто въ ночь съ 14-го на 15-е Сентября 1441-го году, или, чтѣмъ будто болѣе вѣроятно, даже еще въ то время, какъ Исидоръ оставался въ Москвѣ и низложенный съ престола жилъ подъ арестомъ въ Чудовомъ монастырѣ. Посланіе великаго князя патріарху, въ которомъ онъ адресуется къ послѣднему съ своей просьбой, въ извѣстныхъ въ настоящее время епискахъ его не имѣть даты;

¹⁾ Дѣлать предположеніе, будто Русскіе на самомъ дѣлѣ принимали патр. Митрофана, къ которому они адресовались съ своей просьбой, за православнаго и будто они не знали объ его уніатствѣ, совершенно невозможно. Не говоримъ о томъ, что къ патріарху православному они не имѣли бы побужденій обращаться съ просьбою о дозволеніи поставить митрополита самимъ, но—если не они сами тотчасъ же поспѣшь заняты патріархомъ каѳедры постарались обстоятельно узнать—православный онъ или уніатъ, чтѣмъ они *необходимо* должны были сдѣлать, то во всякомъ случаѣ Исидоръ, когда его судили на Москвѣ, конечно, представлялъ своимъ судьямъ, что патріархъ такой же уніатъ, какъ и онъ.

но въ его текстѣ дается знать, что оно писано въ 1441-мъ году¹⁾). Слѣдовательно, оно писано въ самыи годь бѣгства Исидорова изъ Москви. Но въ немъ какъ будто дается знать, что оно писано, когда Исидоръ оставался еще въ Москвѣ. Во-первыхъ, ничего не говорится въ немъ о бѣгствѣ измѣнившаго православію и осужденнаго соборомъ русскихъ епископовъ митрополита и употребляются о немъ такія выраженія, что какъ будто онъ находился еще на лицо: «сей Исидоръ»—два раза, «предпречениій сей Исидоръ»... Во-вторыхъ, великий князь, выражаясь не совсѣмъ опредѣленно и точно, какъ будто говорить въ немъ, что онъ рѣшилъ обратиться къ императору и патріарху тотчасъ послѣ того, какъ «все дѣло и приложеніе Исидорово» явилось собору русскихъ епископовъ и всему русскому православному христіанству чужимъ и страннымъ отъ божественныхъ и священныхъ правиль, т. е. тотчасъ послѣ того, какъ Исидоръ осужденъ быть соборомъ епископовъ. Наконецъ, кромѣ самаго посланія есть и сторонній указанія, что какъ будто оно было писано еще прежде бѣгства Исидорова изъ Москви. Поставленный на мѣсто Исидора митр. Юна въ своихъ позднѣйшихъ грамотахъ въ Литву по случаю появленія тамъ митрополитиата Григорія говорить, что Исидору, послѣ его осужденія епископами, повѣтно было побыти въ монастырѣ святаго архангела Михаила, «доколѣ господній и синь мой князь великий обощался съ великимъ соборомъ Цариграда»²⁾). Подъ этою обсыпкою какъ будто должно разумѣть ту обсыпку, которую великий князь сѣдалъ или памѣревался сѣдѣать чрезъ наше посланіе, ибо о другой, болѣе раннѣй, обсыпкѣничего неизвѣстно и нѣть основаній и вѣроятности предполагать ее.

Мы сказали, что великий князь адресуется въ своеемъ посланіи къ патріарху-уніату какъ бы онъ—патріархъ быть православнаго. Воображаемаго представителя православія великий князь съ самою нарочи-

¹⁾ Посланіе съ обращеніемъ его къ лицу патріарха и съ указаниемъ въ его текстѣ 1441-го года (объ этомъ же посланіи, съ обращеніемъ къ лицу императора и съ указаниемъ въ текстѣ позднѣйшаго года, см. ниже) сохранилось или извѣстно въ двухъ спискахъ: но одному изъ нихъ оно напечатано въ Акт. Ист. т. I № 39 и нерепечатано въ Намятникахъ *Павлова* № 62; о другомъ спискѣ см. Собр. лѣтт. т. VI, стр. 162, примѣт. Въ посланіи говорится, что отъ крещенія Россіи Влади- миромъ «имѣеть нынѣ четыреста и пятьдесятъ лѣтъ и три лѣта»; а сей часъ указанное событие случилось, по лѣточисл., въ 988-мъ году.

²⁾ Одна грамота въ Акт. Ист., т. I, стр. 119 col. 1, и у *Павлова* въ Намятн., col. 635 нач., другая грамота у *прососа. Макарія* въ Ист.. VI, 367 нач. и у *Павлова* ів., col. 654.

тою настойчивостію старается увѣрить въ своей твердой и непоколебимой привязанности къ православію. Обращенія къ патріарху-уніату унѣренія смотрять какъ бы памѣрепой злой пасмѣркой; но должно думать, что великий князь имѣлъ при этомъ особенную цѣль, именно—ту, чтобы отнять у патріарха всякую надежду привлечь Русскихъ къ уніи и чтобы такимъ образомъ склонить его къ мысли, что при желаніи сохранить власть надъ русскою церковью ему ничего не остается болѣе дѣлать, какъ согласиться на просьбу Русскихъ о дозволеніи имъ поставить себѣ митрополита православнаго. Но своему объему посланіе довольно обширно и принадлежа перву неизвѣстнаго, сравнительно искуснаго, грамотника, представляетъ изъ себя литературное произведеніе очень нехудое. Великій князь говоритъ въ посланіи, что православная христіанская вѣра первоначально возсѣла и возрасла въ земль греческой, которой Богъ воздвигъ для сего святаго царя Константина,—что изъ Греціи она перенесена была въ Россію святымъ Владимиромъ равноапостольнымъ, который рѣшился принять ее послѣ тщательнаго испытанія всѣхъ вѣръ,—что отъ св. Владимира и до смерти митр. Фотія Русскіе твердо и неизмѣнно содержали заимствованную ими отъ Грековъ православную вѣру и что по смерти Фотія быть посланъ въ Россію не ироніенный и не жданий митрополитъ Исидоръ, который, оказавшись измѣнникомъ православію, выталасъ было поддать отступнику-шапѣ и русскую церковь; обращаясь къ Исидору, великий князь говоритъ, какъ онъ первоначально не хотѣлъ было принять его, какъ онъ (будто бы) узыщевалъ его не ходить на флорентійскій соборъ, какъ, не успѣвъ въ этомъ, онъ заклиналъ его не приносить съ собою ничего чуждаго православію и какъ митрополитъ, возвратившійся съ собора легатомъ иапы, быть подвергнутъ соборному суду русскихъ епископовъ и какъ всѣмъ русскимъ епископамъ и архимандритамъ и игуменамъ и прочимъ священномъ и всему русскому православному христіанству явилось, что «Исидорово все дѣло и прихоженіе чюже есть и странно отъ божественныхъ и священныхъ правиль». Поэтому, говорить великій князь, мы посыпаемъ нашихъ пословъ къ святому царю и къ святѣйшему твоему владычество и ко всему божественному и священному собору и обращаемся къ вамъ съ просьбою,—и за симъ излагаетъ свою просьбу. Эта просьба буквально читается такъ: «И просимъ святѣйшее ти владычество, да съ святымъ царемъ и со всѣмъ божественнымъ и освященнымъ соборомъ, возврѣвшемъ въ святаа вами и божественнаа правила греческаа и разсудивше и за нужу далечнаго и непроходимаго путьюшествїа и за нахожденіе на наше христіанство безбожныхъ агарянъ и за неустроеніе и мятежи, еже въ

окрестныхъ насть страха и господарей умноженія, свободно памъ сътворите въ нашей земли постановлѣніе митрополита, еще же и за сю нужу, яко и духовнаа дѣла вся каждому православному христіанину и наша скровенаа, а господскаа потребнаа, словеса и дѣла пужпо памъ дѣлать съ митрополитомъ толкованіо младыни человѣки, отъ нихже лѣпо есть что танті и тіи прежде инѣхъ увѣдаются (т. е. и наши тайны, а между тѣмъ государственныя и важныя, рѣчи и дѣла нужно вести съ митрополитомъ—Грекомъ, пѣ знающимъ русскаго языка, при посредствѣ переводчиковъ—изначительныхъ людей, отъ которыхъ нужно бы иное танті, тогда какъ они узнаютъ первые); и того ради просимъ святое ти владычество, послѣтъ къ памъ честнѣйшее ваше писаніе, яко да именію Божію и благодатію Святаго Духа и иосиѣщеніемъ святаго цари и съ благословеніемъ святаго ти владычества и божественнаго и священнаго сбора, по святымъ правиломъ, събравши въ отечествѣніи нашемъ, въ рустѣй земли, боголюбивыя епископы отечества нашего и по благодати Святаго Духа избравши кого человѣка добра, мужа духовнаа, вѣрою православнаа, да поставить памъ митрополитомъ на Русь: понеже и прежде сего за нужу постановлѣніе въ Руси митрополита бывало».

Великій князь доносить патріарху, что митр. Исаидоръ оказался измѣнникомъ православію. Надлежало бы ожидать, что опять будетъ просить патріарха—вмѣсто измѣнника православію прислать другого митрополита, твердаго въ православіи, и однако его просьба совсѣмъ иная. Истинной причиной просьбы было то, что патріархъ быть уніатъ и что Русскіе, не прерывая съ нимъ церковнаго союза формальнымъ образомъ, хотѣли обѣсобиться отъ него и разобщиться съ нимъ фактическимъ образомъ: по великій князь выставлять совсѣмъ другія побужденія къ своей просьбѣ. Одно вмѣсто другого и одно вмѣсто другого: великій князь, конечно, очень хорошо понималъ, что его просьба представлять изъ себя иначе очень странное. Но просьба не могла быть менѣе странною, какъ скоро онъ, не прерывая церковнаго союза съ патріархомъ-уніатомъ, хотѣлъ испросить себѣ у посѣдняго дозволеніе поставить митрополита православнаго. Кромѣ того, что патріархъ быть уніатъ, не было въ данное время никакихъ побужденій просить о дозволеніи поставить митрополита въ самой Россіи, и великому князю дѣйствительно не удастся придумать этихъ времененныхъ побужденій. Онъ ссылается на далекость и крайнюю трудность путешествій въ Константинополь, на незнаніе митрополитами-Греками русскаго языка,—это было совершенно основательно; но это не были затрудненія, явившіяся только въ данное время, а существовавшій съ того

самого времени, какъ начала существовать русская митрополія. Когда затѣмъ великий князь выставляетъ нашествія на Россію агарянъ, неустроенія и мятежи въ окрестныхъ страахъ и господарей умноженія, то, нѣть сомній, и самъ онъ понимаетъ, что на вопросъ: какъ все это составляло побужденіе къ его просьбѣ или даже просто: чтѣ это значило, каково—«господарей умноженія», онъ былъ бы не въ состояніи что нибудь отвѣтить.

Великій князь просить у патріарха дозволенія поставить своими русскими епископами преемника изверженому Исидору. Но когда онъ пишать патріарху свою просьбу, онъ не могъ предвидѣть того, что случилось, именно—что на каѳедрѣ патріаршой не долго останутся патріархи-уніаты и что снова возвратятся на нее патріархи православные. Не предвидя этого и имѣя своимъ желаніемъ и намѣреніемъ—фактически разъединить своихъ православныхъ митрополитовъ съ патріархами-уніатами, онъ, очевидно, долженъ быть имѣть въ виду не только то, чтобы одного преемника Исидору поставить своими епископами, но чтобы вообще начать ставить русскихъ митрополитовъ своими епископами. Это ограниченіе великимъ княземъ своей просьбы необходимо понимать такъ, что онъ не созидалъ права и не видѣть возможности обращаться къ патріарху съ общую просьбою о дозволеніи начать поставленіе русскихъ митрополитовъ въ самой Россіи. Приводя указанный выше мнімый временнія обстоятельства, великий князь могъ ссылаться въ своей просьбѣ о дозволеніи поставить въ самой Россіи преемника Исидору на то, что едипичные примѣры поставленія митрополитовъ въ самой Россіи бывали и прежде, какъ это онъ и дѣлаетъ¹⁾), но на какой прецедентъ или вообще на что бы уважительное—не въ субъективномъ смыслѣ по отношению къ нему самому, а въ объективномъ по отношению къ патріарху, онъ могъ сослаться съ своей общей просьбой? Видя себя вынужденнымъ ограничиться просьбою о поставленіи въ Россіи только преемника Исидору, великий князь, какъ нужно думать, имѣть въ виду для будущаго времени то, чтобы иѣсколько послѣдующихъ поставленій совершилось на основаніи тѣхъ же частныхъ дозволеній и чтобы на рядѣ частныхъ случаевъ и было потомъ основаніе общее требованіе.

Истиннѣмъ побужденіемъ для великаго князя просить у патріарха дозволенія поставить преемника Исидору своими русскими епископами

¹⁾ Ссѣ посланіе св. Іоны къ кіевскому князю Александру Владимировичу, въ которомъ онъ оправдываетъ свое поставленіе бывшими прежде примѣрами,—Акт. Ист. т. I, стр. 95 col. 2 нач., Намятин. Навіона col. 560.

было то, чтобы, не разрывая формальнымъ образомъ церковнаго союза съ этимъ патріархомъ-уніатомъ, фактически отде́литься отъ него и стать виѣ общенія съ нимъ. Но, желая достигнуть своей цѣли, великий князь видѣть себя принужденнымъ дѣйствовать согласно съ правиломъ: цѣль оправдывается средствомъ, и къ своей просьбѣ, которую мы передали выше, присоединяетъ увѣреи патріарху: «а мы о семъ хотемъ Божію благодатию, но изначальству нашего православнаго христіанства, посланіе и сопрошаніе и любовь имѣти съ святымъ царемъ и святѣйшаго ти благословенія и молитвы требовать и желати хотемъ, донелѣже Богъ благоизволить и земля наша доколѣ имѣть стояти, и никакоже разлучно отъ васъ имать быти наше православное христіанство до вѣка».

Русскіе, непоколебимо преданные и вѣрные православію, не хотѣли имѣть общенія съ константинопольскимъ патріархомъ-уніатомъ. Но у нихъ не хватало мужества открыто и формально разорвать церковный союзъ съ патріархомъ, чтобъ они должны были сдѣлать, и они рѣшились достигнуть своей цѣли инымъ путемъ. Достигая цѣли инымъ путемъ, они должны были прибегать къ небезъкорыстнѣи средствамъ. И такимъ образомъ вышло, что похвальной цѣли они старались достигнуть не вполнѣ похвальными средствами...

Сохранилось до настоящаго времени посланіе вел. кн. Василья Васильевича, написанное имъ константинопольскому патріарху въ 1441-мъ году и содержащее въ себѣ просьбу къ патріарху съ императоромъ о дозвolenіи поставить преемника изверженому Исаидору въ самой Россіи. Но какая была судьба этого посланія, остается намъ совершенно неизвѣстнымъ, потому что въ лѣтописяхъ нашихъ подъ 1441-мъ годомъ идѣтъ о посланіи великаго князя къ патріарху и единаго слова. Изъ послѣдующаго мы знаемъ, что великий князь не получилъ отъ патріарха дозвolenія поставить преемника Исаидору своими русскими епископами. Слѣдовательно, нужно предполагать одно изъ двухъ—или что посланіе было написано, но не было отправлено, или что оно было написано и отправлено, но въ Константинопольѣ было получено отказъ. Позднѣйшія показанія великаго князя и поставленнаго на Исаидорово място митр. Юона заставляютъ предполагать первый случай; однако, эти показанія, какъ видуція отъ людей, занятыхъ наихъ въ дѣлѣ, не могутъ быть принимаемы за совершение достовѣрнаго¹⁾. Если мы предположимъ первый случай, то со всею вѣроятно-

¹⁾ Великий князь въ посланіи къ импер. Константину съ извѣщеніемъ о поставленіи Юона (Лкѣ. Ист. т. I, стр. 84 col. 1 бп., и въ Памятни. Навлова col.

стю дѣло нужно будетъ понимать такъ, что прежде чѣмъ великий князь отправилъ свое посланіе, онъ получилъ изъ Константиноополя такія свѣдѣнія о патріархѣ и императорѣ, па основаніи которыхъ убѣдился, что ему напрасно бы было обращаться къnimъ съ своей просьбой. Если мы предположимъ второй случай, то отказъ, полученный великимъ княземъ въ Константиноополѣ, будетъ для насъ совершенно понятнымъ. Императору и патріарху уніатамъ доносятъ, что свергнуть съ престола митрополитъ-уніатъ, и просить у нихъ дозволенія на мѣсто уніата поставить митрополита православнаго: ясно, что удовлетвореніе просьбы было бы со стороны императора и патріарха дѣйствіемъ такого самоотрицанія и такой наемѣши наѣ самими собой, какихъ, при иѣкоторомъ чувствѣ самихъ себя, невозможно было имъ допустить. И если никакъ не могли они удовлетворить просьбы сами по себѣ, то еще болѣе и во всякомъ случаѣ не могли удовлетворить ея по своимъ отношеніямъ къ папѣ: что сказать бы этотъ постѣдний, если бы они—съ одной стороны выдавали себя за поборниковъ уніи, а съ другой стороны вели себя какъ ея враги? Предполагая второй случай, нужно только предполагать, что отказъ данъ былъ патріархомъ не совершенно въ рѣшительной, а въ какой нибудь уклончивой форыѣ, потому что въ первомъ случаѣ патріархъ долженъ бы быть опасаться за свою церковную власть надъ Русскими.

Посланіе великаго князя въ Константинополь съ просьбою о дозволеніи поставить преемника Исидору въ самой Россіи и своимъ русскимъ епископамъ дошло до насъ въ двухъ редакціяхъ: по одной редакціи оно адресуется патріарху и въ текстѣ его дается знать, что онописано въ 1441-мъ году; по другой редакціи оно адресуется императору и въ текстѣ его дается знать, что онописано въ 1443-мъ году¹⁾). Эту двойственность редакціи необходимо понимать такъ, что

582), и Юна въ посланіи къ кievскому князю Александру Владимировичу—съ извѣщеніемъ о своемъ поставленіи (Акт. Ист. ів. стр. 95 col. 1 и Памм. col. 559) говорить, что до этого послѣднаго события не было посыпокъ въ Константинополь относительно замѣщенія митрополичьей кафедры по причинѣ униатства императора и патріарха. Но великий князь и митрополит могли имѣть желаніе умалчивать о посыпкахъ неудачныхъ (и предъ импер. Константиномъ можно было это дѣлать, потому что въ правленіе брата онъ жилъ не въ Константиноополѣ, а на своемъ уѣздѣ).

¹⁾ Во второй редакціи посланіе читается во 2-й Софійской рукописи.—Собр. лѣтт. VI, 162, напечатано у профес. Платона въ Исторіи, I, 302, п известно начь еще по одной рукописи ббліотеки Моск. Дух. Академіи,—№ 235.

послѣ попытки 1441-го года, приведенной ли въ исполненіе и окончившейся неудачею или оставшейся только въ намѣреніи, въ 1443-мъ году имѣла мѣсто новая попытка, при чемъ употреблено было прежнее посланіе.

Исходомъ этой второй попытки была та же неудача, что и первой. Одна изъ Софийскихъ лѣтописей, приведши посланіе въ его второй редакціи, далѣе сообщаетъ, что великий князь отправилъ было своихъ пословъ въ Константинополь, но что къ нему пришла вѣсть, будто императоръ ушолъ въ Римъ на царство и стать въ латинскую вѣру, и что поэтому великий князь приказалъ съ дороги воротить пословъ назадъ¹⁾. Чтобы до великаго князя могла дойти неѣпнай вѣсть, будто императоръ ушелъ въ Римъ на царство и стать въ латинскую вѣру, это совсѣмъ невѣроятно, и лѣтопись, какъ нужно думать, воспроизвѣдѣтъ тутъ одинъ изъ ходившихъ въ народѣ толковъ. Могла дойти до великаго князя ошибочная вѣсть, будто императоръ отправился на Западъ искать помощи у западныхъ государей противъ Туровъ. Но трудно допустить, будто дѣло было такъ, что великій князь, получивъ вѣсть, воротилъ пословъ назадъ и на томъ кончили попытку: ему ничего не мѣшило удостовѣриться въ справедливости вѣсти и по полученіи извѣстій обѣ ея ложности снова отправить пословъ въ Константинополь. Вѣроятно думать, что послы доходили до Константинооля,—что они получили тамъ отказъ и что тѣми сказками, которая передаетъ Софийская лѣтопись, объяснялась только неудача посольства. Во второй редакціи посланія адресуется не патріарху, а императору, можетъ быть, потому, что оно было послано или его предполагали послать послѣ смерти патріарха Митрофана, который скончался 1-го Августа 1443-го года. Если бы это было такъ, то слѣдовало бы думать, что Русскіе имѣли болѣшія надежды на уступчивость одного императора-уніата и что послѣ смерти патріарха, находя возможнымъ удовольствоваться разрѣшеніемъ и одного первого, они поспѣшили было попытать удачи.

Итакъ, московскіе Русскіе не желали формальнымъ образомъ разрывать церковнаго союза съ константинопольскимъ патріархомъ-уніатомъ и въ то же время они не получили отъ него дозволенія поставить себѣ православнаго митрополита самимъ, чтобы такимъ образомъ фактически обѣособить себя отъ него. Имъ ничего не оставалось далѣе дѣлать, какъ—или рѣшиться наконецъ на то, чтобы формально разорвать союзъ съ патріархомъ, или чтобы самимъ поставить себѣ

¹⁾ Указанная 2-я Софийская,—Собр. лѣтт. VI, 167.

православного митрополита самовольно, помимо дозволенія патріарха. На первое у нихъ и теперь не хватило мужества, и они рѣшились на второе. Рѣшились однако весьма не скоро. Правда, что съ самимъ великимъ княземъ Василемъ Васильевичемъ повстрѣчались несчастія, которыя должны были замедлить его рѣшеніе: въ Іюль 1445-го года онъ захваченъ былъ въ плѣнъ Татарами, у которыхъ пробылъ около 3-хъ мѣсяцевъ; въ Февралѣ 1446-го года онъ былъ захваченъ и лишился великаго ближайшаго своимъ двоюроднымъ братомъ Дмитріемъ Юрьевичемъ Шемякой, у котораго успѣхъ спасти великокняжескій престолъ только спустя 10-ть мѣсяцевъ. Но и возвратившись въ Москву онъ принялъ свое рѣшеніе далеко не вдругъ: онъ возвратился въ Москву (взятую у Дмитрія его приверженцами въ Рождество Христово 1446-го года) 17-го Февраля 1447-го года, а рѣшеніе поставить митрополита самимъ, безъ дозволенія императора и патріарха, было приведено въ исполненіе только въ Декабрѣ слѣдующаго 1448-го года.

Съ весьма большою вѣроятностію слѣдуетъ полагать, что великий князь послѣ долгихъ колебаній былъ наконецъ подвигнутъ къ своей рѣшимости явившееся опасностію, что Испдоръ спасть явится въ Россію. Обыкновенно пришто думать, что Испдоръ послѣ своего бѣгства изъ Москвы не дѣлать болѣе попытокъ возвратиться въ Россію. Но это оказывается неправдой. Сохранилось до настоящаго времени посланіе константинопольскаго патріарха Григорія Маммы къ кіевскому князю Александру Владимировичу, которое известно было давно, по которое въ подлинномъ и полномъ видѣ напечатано только недавно¹⁾. Посланіе составляетъ отвѣтъ патріарха на обращеній къ нему чрезъ посла вопросъ князя: на какихъ условіяхъ у нихъ—Грековъ состоялось соединеніе съ латинянами. Изъ этого-то посланія и оказывается, что Испдоръ имѣть намѣреніе возвратиться въ Россію; кратко извѣщающая князя объ условіяхъ, на которыхъ состоялось соединеніе, патріархъ пишетъ: «а коли приидеть къ намъ преосвященный митрополитъ кіевскій и всяя Русія и всечестный кардиналъ кирилъ Испдоръ, о Святѣмъ Дусѣ возлюбленный братъ и сослужитель нашего смиренія,

¹⁾ О посланіи сообщается съѣдѣніе въ Акт. Ист. т. I, примѣт. къ № 63 (а у Сахарова въ предшловіи къ Путешествію Симеона сузальскаго къ Италію дѣлается указаніе). Въ полномъ видѣ оно напечатано покойнымъ А. Н. Поповымъ въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 332 (оно известно было по рукописи Московской Дух. Академіи № 81 изъ фундамент.).

научить и накажетъ васъ о всемъ словомъ и дѣломъ». Подъ посланіемъ въ сохранившихъ его спискахъ пѣть годовой даты ¹⁾, такъ что неизвѣстно положительнымъ образомъ, къ какому времени оно относится. Но, во-первыхъ, по соображеніямъ со всею вѣроятностю должно отнести его ко времени до смерти императора Иоанна Палеолога, который умеръ 31-го Октября 1448-го года; во-вторыхъ, и въ немъ самъ отрицательно дается знать, что оно написано до поставлениія св. Ионы въ митрополиты. Принимается, что Исидоръ послѣ своего бѣгства изъ Москвы былъ въ Константинополѣ только одинъ разъ, это—когда въ концѣ 1452-го года былъ посланъ туда папою для возстановленія упії (первоначально отвергнутой было преемникомъ Иоанна Палеолога его братомъ Константиномъ). Но изъ исторіи поставлениія Исидоромъ въ Константинополь епископа владимирскаго и берестейскаго Даниила ²⁾ оказывается, что онъ былъ въ Константинополѣ прежде того. Это первое постиженіе Исидоромъ Константинооля необходимо отнести ко времени, предшествующему поставлению Ионы въ митрополиты, ибо Даниилъ могъ отправиться для посвященія въ Константинополь только прежде сего поставлениія, а между тѣмъ весьма вѣроятно, что посланіе къ Александру Владимировичу написано патріархомъ Григоріемъ, когда Исидоръ находился въ Константинополѣ. Что касается до отрицательного свидѣтельства самого посланія, то въ немъ говорится о митрополатахъ и епископахъ греческихъ, враждебныхъ упії, которые приходили въ Литву, чтобы смущать тамошнихъ Русскихъ, но не говорится, чтобы во главѣ смущающихъ быть митрополитъ, поставленный въ Москвѣ. Само собою разумѣется, что Исидоръ имѣть намѣреніе возвратиться въ Русь только литовскую, потому что никакъ не могъ имѣть охоты снова показаться въ Москвѣ (въ которую во всякомъ случаѣ и не быть бы пущенъ). Но для кафедры митрополіи всей Россіи, находившейся въ Москвѣ, была та опасность, что отъ нея могла быть такимъ образомъ отторгнута ея половина литовская. И опасность тутъ была далеко не совсѣмъ воображаемая. Въ Литвѣ на упію и на Исидора смотрѣли значительно иными глазами, нежели на Москвѣ: когда Исидоръ возвратился съ собора упіатомъ и напекши кардиналомъ и легатомъ, его принялъ тамъ за такого же своего дѣйствительнаго митрополита, какимъ онъ былъ и до собора; послѣ осуж-

¹⁾ Есть только мѣсячная дата: «написано въ Цариградѣ мѣсяца Июня въ 26-й день».

²⁾ См. рукописаніе Даниила съ отреченіемъ отъ Исидора, данное патр. Іонѣ, у просов. Макарія въ Нет., VI, 369. и въ Памятни. Изд. 1962, № 72.

дения и низложения его на Москву, можетъ быть, несколько начали тамъ сомнѣваться въ немъ, но вовсе не усвоили твердаго московскаго на него взгляда какъ на отступника и еретика. Доказательствомъ этого служатъ указаніе выше обращеніе въ Константинополь съ спросомъ объ упіи князя Александра Владимировича и указаний выше случай поставленія Исаидоромъ епископа владимирскаго и берестейскаго Даниила. Александръ Владимировичъ, обращающійся въ Константинополь къ патріарху-упіату съ спросомъ объ упіи, очевидно, еще не смотрѣть на нее глазами Москвы¹⁾. Если епископъ Даниилъ рѣшился искать себѣ посвященія у Исаидора, то слѣдуетъ, что это было сдѣлано имъ или съ положительного согласія собора литовскихъ епископовъ, или по крайней мѣрѣ не въ совершишое вопреки ихъ мнѣнию о митрополитѣ-упіатѣ, потому что иначе онъ не былъ бы призванъ ими за дѣйствительного епископа.

Продолжительное медленіе великаго князя въ принятіи рѣшенія поставить митрополита своими епископами безъ дозволенія патріарха, очевидно, указываетъ на то, что онъ долго думалъ и колебался надъ вопросомъ: имѣть ли онъ право при неправославіи патріарха поставить себѣ православнаго митрополита своими собственными епископами. Что это было дѣйствительно такъ, о семъ и положительно свидѣтельствуетъ св. Юна изъ одногъ изъ своихъ посланий, говоря, что великий князь «доволиъ и въ многія времена» совѣтовался о вопросѣ съ своимъ духовенствомъ²⁾. Въ каноническихъ правилахъ церкви Русскіе не могли найти на свой вопросъ никакого отвѣта, потому что дѣло было поставлено ими такимъ образомъ, что каноны не только не предвидѣли подобнаго случая, но вовсе и не допускаютъ его. Константинопольскаго патріарха, державшагося упіи съ напои, Русскіе признавали за еретика; несмотря на это, они не отрицали его власти надъ собою, а только не хотѣли имѣть фактическаго общенія съ нимъ и получить себѣ митрополита изъ его нечистыхъ рукъ. Но по канонамъ церкви

¹⁾ Въ одной изъ рукописей Синодальной библіотеки читается форма возложенія именъ всѣхъ патріарховъ на літургію, совершаемую нашимъ митрополитомъ.—Они. Годж. и Невостр. № 331, л. 237 об., стр. 771. Эта форма, не дѣйствительно употреблявшаяся, а составляющая частное произведеніе южно-русскаго писца, даетъ знать, что некоторые въ южной Руси признавали патріарха Григорія Мамчу за своего дѣйствительнаго патріарха.

²⁾ Въ посланіи къ кievскому князю Александру Владимировичу, въ которомъ излагается князь о своемъ поставленіи.—Акт. Ист. т. I, стр. 95 col. 1 fin., Иам. Павлова col. 560.

православные вовсе не могут и не должны признавать надъ собою власти еретиковъ, потому что между православными и еретиками не должно быть совершенно никакого общенія,—потому что послѣдніе должны быть просто отсѣчены отъ всякаго союза съ православною церковию. И должно думать, что Русскіе рѣшились наконецъ поступить такъ, какъ они поступили, не потому, чтобы они напали каноны, которые показались имъ оправдывающими ихъ поступокъ, а потому просто, что ихъ принудила къ тому необходимость, такъ какъ *necessitas non habet legem*. Отъ патріарха-еретика они не хотѣли братъ себѣ митрополита; по патріарху не давать имъ дозвolenія поставить митрополита самимъ: имъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ поставить митрополита самимъ своею собственою властію. Однако, послѣ совершеннія дѣянія Русскіе хотѣли оправдывать себя канонами. Великій князь Василій Васильевичъ въ своямъ посланіи къ императору Константину, въ которомъ изыѣщаетъ послѣдніго о совершенніи въ Россіи поставленій митрополита безъ дозволенія Грековъ, пишетъ: «възъѣвше въ божественнаа и священнаа правила святыхъ апостоль и святыхъ богоносныхъ отецъ, нужди ради обрѣтохомъ не брошающихъ, по повелѣвающихъ епископы поставить большаго святителя митрополита». Самъ митрополитъ, поставленный безъ дозволенія Грековъ, св. Іона въ одномъ изъ своихъ посланий утверждаетъ, что онъ поставленъ на основаніи 1-го правила свв. апостоловъ, которое онъ приводить въ такомъ видѣ: «трѣ епископы должны суть безо всякаго изиѣта поставляти большаго святителя», и потомъ ссылается на 4-е правило 1-го вселенскаго собора, которое повелѣваетъ поставлять епископа всѣмъ епископамъ области, а въ случаѣ нужды по крайней мѣрѣ троимъ, и глухо ссылается и на «инныя многія правильныя главизны»¹⁾. Помимо каноновъ великий князь и митрополитъ приводили еще одинъ аргументъ въ оправданіе самовольнаго поступка: они утверждали, что будто когда второй изъ нихъ послѣ смерти Фотія прибылъ въ Константинополь въ начальъ тамъ уже посвященнымъ въ митрополиты русскіе Непидора, то императоръ и патріархъ назначили и утвердили его быть преемникомъ послѣднаго; но ихъ увиренію, императоръ и патріархъ будто бы говорили Іоанну, не успѣвшему прийти прежде поставленія Непидорова: «что теперь дѣлать намъ? ты не успѣшь прийти къ намъ и мы другаго поставили на ту святѣшную митрополію и уже не мо-

¹⁾ Въ окружномъ посланіи ливовскимъ епископамъ во случаю появленія въ Литвѣ митрополита-уніата Григорія,—Акт. Ист., т. I, стр. 113 col. 2, Накътин. *Павловъ* col. 622.

жеть перемѣнить сдѣланныаго,—Исидоръ уже долженъ быть митрополитомъ русскимъ; (но пусть будетъ вотъ что): иди ты Юна наять на свой столь, на рязанскую епископию, а что устроить воля Божія объ Исидорѣ—умреть ли смертю или иное что случится съ нимъ, и ты—Юна да будешь постѣ него митрополитомъ русскимъ¹⁾). Сейчасъ приведенный аргументъ, какъ нужно думать, предназначался удовлетворять двумъ цѣлямъ: съ одной стороны, служить оправданіемъ самовольнаго посвященія митрополита, а съ другой стороны—доказывать, что этотъ митрополитъ, хотя и оставался въ поминальной зависимости съ патріарха-уніата, былъ совершиенно православный, ибо получилъ благословеніе па митрополію отъ патріарха еще православнаго.

Поставленіе митрополита своими епископами безъ дозволенія патріарха было дѣломъ совершенію исключительнымъ и крайне щекотливымъ. А поэтому ничего неѣть несомнѣннаго въ томъ, что у великаго князя не хватало мужества и рѣбности принять вею отъ бѣственность за него на одного самого себя. Но свидѣтельству св. Юны, онъ рѣшился па поставленіе только постѣ продолжительныхъ совѣтований со всѣми своими епископами и съ архимандритами и игуменами и со многими духовными мужами разсудимыи и со всѣмъ священствомъ и постѣ обсылокъ съ православными князьями литовскими¹⁾.

¹⁾ Сейчасъ приведенное читается въ посланіи великаго князя къ импер. Константишу, содержащемъ извѣщеніе о поставлениі Юны въ митрополиты,—Акт. Ист. т. I, стр. 84 col. 2, Намм. *Павлова* col. 579. Самъ Юна утверждаетъ это въ пѣсоколькихъ своихъ посланіяхъ въ Литву, ся. у *Павлова* ів. col. 539 fin., 561, 646. Никоновская лѣтопись. V, 215, увѣряетъ даже, что патріархъ не только благословилъ Юну быть преемникомъ Исидора, но и «грамоту ему далъ». Чтобы дѣло было дѣствительно такъ, какъ утверждаютъ князь и митрополитъ, это очень сомнительно. Во-первыхъ, само по себѣ невѣроятно, чтобы патріархъ съ императоромъ назначили Юна быть преемникомъ Исидора: подобное назначеніе представляло бы изъ себя неѣчто совсѣмъ необычное и они—патріархъ съ императоромъ вовсе не могли и не желали предвидѣть, чтобы Исидоръ такъ скоро оставилъ Россію, какъ это на самомъ дѣлѣ случилось. Во-вторыхъ, и на основаніи подозрительныхъ данныхъ дѣло представляется весьма сомнителльнымъ: императора Юана, при которомъ приходилъ Юна въ Константинополь, великий князь просить о поставлениі въ митрополиты не Юны, а кого набудь; императору Константишу, который могъ не знать дѣла, онъ говорить, что Юна назначенъ бѣль въ преемники Исидора, однако говорить вовсе не утверждая, какъ неѣчто достовѣрное, а страннымъ и подозрительнымъ по отношенію къ нему—князю образомъ ссылаясь на слухи: «и слышахомъ о семъ отъ многихъ».

¹⁾ Въ посланіи къ кіевскому князю Александру Владимировичу,—Акт. Ист. т. I, стр. 95, у *Павл.* въ Намятин. col. 560.

По приказанию великаго князя, безъ дозволенія патріарха константинопольскаго, быль поставленъ въ митрополиты русскіе своими русскими епископами, какъ мы иѣсколько разъ давали знать выше, св. Іона, епископъ рязанскій, тотъ самыи, который быль было посланъ въ Константинополь для постановленія въ митрополиты послѣ смерти Фотія. Какъ предварительно великий князь долгія времена соѣтствовался о постановленіи со всѣмъ духовенствомъ, такъ, по свидѣтельству св. Іоны, и самое постановленіе было приговорено великимъ соборомъ изъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и изъ всего священства¹⁾). Поставленіе быль си. Іона 15-го Декабря 1448-го года²⁾). Относительно самаго постановленія 2-я Софийская лѣтопись говоритъ: «совершается приношеніе божественныя службы и возлагается на илenco его честный амфоръ и посохъ великой митрополичь дается въ руцъ его, и тако съ благобоязнствомъ сверинаеть святую службу (и) благословляеть народы»³⁾.

Послѣ долгаго медленія Русскіе рѣшились иаконецъ на то, чтобы поставить себѣ православнаго митрополита своими епископами, безъ дозволенія патріарха-униата. Но послѣ того, какъ они сдѣлали дѣло, для нихъ явился вопросъ: какъ же имъ быть съ этимъ патріархомъ, на права котораго они увидѣли себя вынужденными посагнуть? Что именно они думали и придумали относительно этого труднаго и весьма щекотливаго вопроса, который долженъ быль занимать ихъ, прежде всего, положительнымъ образомъ мы не знаемъ; но ихъ поведеніе показываетъ, что они остановились на томъ, чтобы не извѣщать самимъ патріарха о совершенніи ими нарушеніи его правъ, а ждать отъ него запроса, дабы такимъ образомъ, избѣгая непріятной обязанности

¹⁾ Акт. Ист. т. I, стр. 86 col. 2; и у *пресоса. Макарія* въ Ист. VI, 362 fin., *Иам. Навл.* coll. 539 и 647 sub fin..

²⁾ Никон. лѣт. V, 215, Степ. кн. II, 78 (годъ въ послѣдней—1447-й не-правильно). У *пресоса. Макарія*.—VI 15: 5-го Декабря; если это не опечатка или не оправка, то не знаемъ—на какомъ основаніи сдѣлана.

³⁾ Собр. лѣтт. VI, 167. Самъ Іона въ своихъ посланіяхъ въ Литву говоритъ, что онъ быль поставленъ всѣми московскими русскими епископами,—Акт. Ист. т. I, стр. 113 col. 2 и у *пресоса. Макарія* VI, 362, у *Навл.* въ Иам. col. 623 нач. и 647. Но должно понимать его не въ совершенніи точномъ смыслѣ. По свидѣтельству Воскресенской и Типографской лѣтописей (первая—въ Собр. лѣтт. VIII, 122 нач., вторая—стр. 256) онъ быль поставленъ четырьмя епископами: ростовскими, суздальскими, болоноенскими и пермскими, а два епископа—новгородской и тверской прислали повольную грамоту.

быть доносителями на самихъ себя, просто оправдываться, когда потребуетъ этого запросъ патріарха. Нѣть сомній, что дѣло лежало самымъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ у Русскихъ и причинило имъ крайній беспокойства... Въ дѣйствительности ихъ ожидало то, что— все обойдется благополучно и что фактическую независимость своей церкви они получать несравненно скорѣе и легче, нежели какъ они ожидали. Св. Юна поставленъ на Москву въ митрополиты спустя полтора мѣсяца послѣ смерти въ Константинополь императора Иоанна Палеолога (31-го Октября 1448-го года), когда престолъ императорскій былъ предметомъ спора между его тремя братьями. Остается неизвѣстнымъ, не имѣло ли это обстоятельство вліянія на рѣшиимость Русскихъ; по всей вѣроятности, нѣть, ибо они едва ли могли предвидѣть, что перемѣна государя будетъ для нихъ благоприятною. Но это оказалось на самомъ дѣлѣ такъ. Занявшій престолъ императорскій въ началѣ 1449-го года старій братъ Иоанновъ Константина¹⁾ тотчасъ по вступленіи на него объявилъ себя, вопреки брату, сторонникомъ православія и противникомъ унії. Правда, что формальнымъ образомъ онъ возстановилъ православіе очень не скоро и терпѣль на престолѣ патріаршемъ патріарха-уніата, оставшагося ему отъ брата, около двухъ лѣтъ или даже пѣсколько болѣе (патріарха Григорія Мамму, который почти черезъ трехлѣтній промежутокъ послѣ смерти Митрофана, скончавшагося 1-го Августа 1443-го года, былъ поставленъ 7-го Іюля 1446-го года; онъ бѣжалъ изъ Константинополя въ Римъ въ Августѣ 1451-го года²⁾), но за сколько до этого онъ былъ низведенъ съ каѳедры, остается неизвѣстнымъ). Но будучи противникомъ унії у себѣ дома, императоръ, очевидно, не могъ требовать отвѣта у Русскихъ: какъ смыли они поставить себѣ православнаго митрополита безъ спроса у патріарха-уніата. Когда императоръ наконецъ формальнымъ образомъ возстановилъ въ Константинополь православіе и изложилъ патріарха-уніата, Русскіе не только не боялись болѣе запроса, по сами рѣшились извѣстить императора о совершенному ими самовольномъ постановленіи митрополита и просить у него извиненія въ своемъ дѣяній.

Посланіе вел. кн. Василія Васильевича, написанное имъ съ сей-часъ указаніемъ цѣлію къ императору Константину въ Ноябрь мѣсяцѣ

¹⁾ На Константина былъ возложенъ императорскій вѣнецъ въ Невониесѣ. гдѣ онъ былъ деспотомъ 6-го Января 1449-го года; онъ прибылъ въ Константинополь 12-го Марта. *Франтика*, лѣв. III, сар. 1 ная..

²⁾ *Франтика*, лѣв. III, сар. 1 лн..

1452-го года, сохранилось до настоящего времени¹⁾). Поздравивъ императора съ вознесениемъ на прародительский престолъ и выразивъ свою радость по тому поводу, что онъ воспирялъ скрипетъ «въ утверждение всему православному христіанству греческихъ державъ и владельцевъ русскія земли», великий князь говорить: «восинуемъ же паки свитому ти царьству и о нашей земли положеній». За симъ онъ разсказываетъ, какъ постѣ смерти митр. Фотія былъ быдо посланъ въ Константинополь для поставлениія въ митрополиты русскіе епископы рязанскій Юона и какъ вмѣсто него былъ призванъ Исидоръ²⁾,—какъ этотъ Исидоръ оказался отступникомъ отъ православія и какъ онъ—великий князь, будучи наставляемъ Богомъ, отвергъ и его самого и его злочестіе; послѣ этого,—говорить великий князь императору,—мы многолѣтно и постоянно желали послать своихъ пословъ въ Константинополь о поставлениіи митрополита³⁾, но не могли этого сдѣлать—отчасти потому, что, «якоже слышахомъ, въ вашихъ благочестивыхъ державахъ въ церкви Божіей разгласеъ бывъ», отчасти по причинѣ крайней трудности пути въ Константинополь отъ разбойниковъ и грабителей, отчасти по причинѣ нашествій на насть агарянъ и междуусобицъ у насть ратей и брапей (Шемяка); по всему сему,—заключаетъ князь свое донесеніе,—возрѣвъ въ святыя и божественные правила святыхъ апостоловъ и святыхъ богоносныхъ отцевъ, которая и нужды ради не возбраинуть, но повелѣваютъ епископамъ поставить бѣльшаго святителя—митрополита, ради великой нашей нужды мы поставили прежде помянутаго епископа Юону, въ митрополиты своими русскими епископами. За этимъ слѣдуютъ составляющія цѣль посланія—просьба объ извиненій за самовольный вынужденный поступокъ и увѣреніе въ своемъ неизмѣнномъ признаніи власти патріарха; это, составляющее

¹⁾ Посланіе напечатано въ т. I Акт. Ист. два раза, №№ 41 и 262, и въ *Павл.* въ Памм. № 71. Въ извѣстныхъ спискахъ посланія вѣтъ подъ ними даты года, а только дата якобы, и такъ какъ въ текстѣ его говорится, что течеть 21-е лѣто отъ смерти Фотія, который скончался 1-го или 2-го Іюля 1431-го года, то его нужно относить или къ 1451-му или къ 1452-му году. Но въ немъ дается знать, что оно написано послѣ изложенія Григоріева, во время пебытности въ Константинополѣ патріарха, следовательно—въ 1452-мъ году.

²⁾ Тутъ говорить, будто импер. Юанъ Палеологъ и патр. Іоаннъ назначили быть Юонѣ преемникомъ Исидора.

³⁾ «Како бы послати намъ къ Царскому граду пословъ своихъ о извѣщеніи съединенія святѣйшая Божія вселенская церкве и о православіи и о поставлениіи митрополита».

цѣль посланія, читается: «и просимъ святое ти царьство, да не помолвиши о томъ на насъ, яко дерзостиѣ сіе сътворихомъ, еже сътворихомъ, не обославъ великого вашего господства, но сіе за великую нужду сътворихомъ, а не киченiemъ, ии дерзостю; а сами есмы въ всемъ благочесты по древнему намъ преданному православию, и въ томъ есмы, якоже прежде быхомъ, тако и будемъ до каждого насъ временнаго жинота и до скончанія вѣку; и церковь наша руская—святѣйшая митрополія руская отъ святія Божія вселенскаго съборнаго и апостольская церкви Премудрости Божія святаго Софія цариградская благословеніе требуетъ и ищеть, въ всемъ по древнему благочестью повинутися ей, и тотъ нашъ отець, кіевский и всея Руси митрополитъ кирилъ Иона, по тому же всячески требуетъ оттолѣ и благословенія и съединенія развіе измѣнившихъ новоявленыхъ разгласій». Настоящій отдѣль посланія великій князь заключаетъ: «молимъ святое ти царьство, да будеши о всемъ къ тому нашему отцу Ионѣ митрополиту добрыя воли и то памъ отъ васъ велими любо, а мы есмо, якоже и ишлемъ, о всемъ съ вами съединени по изначальству любовію и всякою пріязнію». Въ заключеніе посланія великій князь говоритъ, что хотѣль было писать къ патріарху, по не знаетъ, есть ли въ Константинополѣ патріархъ, такъ какъ ни отъ кого о немъ не слыхать, и если есть, то не знаетъ, какъ его зовутъ.

Сейчасъ приведенное нами посланіе великаго князя, какъ открывается изъ помѣты, стѣбланной на одномъ изъ сохранившихся его списковъ, бывъ написано, не было отправлено въ Константинополь¹⁾). Что было причиной, что въ Москвѣ написали посланіе и потомъ раздумали отправлять его, положительнымъ образомъ не знаемъ; по необходимо думать, что причиной сего были измѣнившіяся въ Константинополѣ церковнаго обстоятельства. Императоръ Константинъ Палеологъ, послѣдний изъ византійскихъ императоромъ, въ большую часть своего недолговременнаго правленія бывшій противникомъ уїїи съ напої, подъ конецъ увидѣть себя вынужденнымъ обратиться къ той же уїїи. Турки, уже давно владѣвшіе почти всей греческой частию Балканскаго полуострова и оставливши Грекамъ почти одинъ Константинополь, хѣлали уже неоднократныя попытки овладѣть и симъ послѣднимъ. Въ началѣ 1451-го года у нихъ на престолѣ султанскомъ произошла перемѣна —

¹⁾ Въ одномъ изъ списковъ въ заглавіи посланія отмѣчено: «посыпаная (грамота) великаго князя Василья Васильевича къ царградскому царю Константишу о Ионѣ митрополите да не пошла», см. Акт. Ист. т. I, № 263, приложение на концѣ.

умеръ Мурадъ II и его мѣсто занялъ сынъ его Магометъ II. Этотъ посѣдѣй почти тотчасъ же по своемъ вознестѣніи на престолъ началь готовиться къ осадѣ Константиноополя; и тогда-то императоръ Константиносъ, ни отъ кого не надѣясь получить помощи, кроме паны, рѣшился возобновить съ нимъ переговоры обѣ упій, которые и начаты были изъ началя 1452-го года¹⁾. Необходимо думать, что дошедшая до Москвы вѣсть обѣ измѣнѣ императора православію и была причиной, почему Русскіе, написавъ ему посланіе, не отиравили посланія по назначению. Но на этотъ разъ они могли быть спокойными и имѣли вѣсъ основаній не опасаться, чтобы изъ Константиноополя сдѣлалъ быть имъ запросъ относительно ихъ самовольного поступка, ибо императоръ, самъ первоначально объявившій было себѣ противъ упій, какъ могъ спранивать съ нихъ за то, что они были ея противниками, чтѣ вынудило ихъ къ самовольному поступку? Векорѣ за этимъ должны были прекратиться и всякия опасенія Русскихъ въ семъ отношеніи: 29-го Мая 1453-го года Константинополь былъ взятъ Турками и въ немъ навсегда исчезла флорентійская упій, оставивъ только одну самую крайнюю ненависть къ своей памяти. Это обстоятельство—взятіе Константиноополя Турками дало Русскимъ поводы сдѣлать своихъ митрополитовъ фактически независимыми отъ патріарховъ и несмотря на то, что посѣдѣи снова начали быть православными. Къ рѣчамъ обѣ этомъ мы возвратимся ниже.

Прежде чѣмъ говорить о св. Іонѣ, какъ митрополитѣ, сбобщимъ предварительныя біографическія свѣдѣнія о немъ, какія имѣемъ²⁾.

Онъ родился въ древней галицкой области, близъ города Солигалича наименій костромской губерніи, отъ мѣстнаго большаго или малаго вотчинника Оеодора Одноуши, стѣдовательно—быть по своему происхожденію изъ людей болѣе или менѣе благородныхъ³⁾. Будучи

¹⁾ См. статью *Спасюлевича*: «Осада и взятіе Византіи Турками» въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Акад. Наукъ, кн. I, стрр. 99 прим. и 121 бп..

²⁾ Такъ какъ Іона причисленъ къ ліку святыхъ, то написано было его житіе. Но оно написано очень много спустя времени послѣ его смерти.—при мирѣ Макарії, и не отличается обиліемъ свѣдѣній, см. о немъ у *Ключевской* въ Древнерусскихъ житіяхъ, стр. 240. Одна изъ трехъ его редакцій читается въ Степенной книгѣ,—II, 69 (о написаніи изъ 1547-хъ году см. Опис. синод. рукп. № 261 л. 237, стр. 259).

³⁾ Но житію. Оеодоръ Одноушъ отдалъ погость Одноушево, изъ которому здѣль жительство, въ домъ Пречистой Богородицы московской или въ митрополію; но по актамъ, пустошь Одноушево пожаловалъ вел. кн. Василій Ивановичъ митр.

12-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ поступилъ, съ цѣлію принять монашество, въ одинъ неизвѣстный монастырь галичской области, изъ кото-
рого потомъ перешелъ въ московскій Симоновъ монастырь. Въ послѣд-
немъ монастырѣ, по увѣренію преп. Иосифа Волоколамскаго, св. Юна,
еще бывъ молодымъ монахомъ, вмѣстѣ съ пѣкоторыми старшими его
ревнителями строгой монашеской жизни изъ братій, когда увидѣлъ,
что старые обычай монастыря измѣняются и благочиніе въ немъ отме-
тается, не молчалъ и не полагалъ сего въ небреженіе, но возбранялъ,
не ироницая безчинію и мятежу бывать, за что вмѣстѣ съ другими
ревнителями принялъ многую скорбь и печаль отъ тогда бывшихъ въ
монастырѣ архимандритовъ ¹⁾). По свидѣтельству житія, нарочитое за-
нятіе св. Юны въ монастырѣ составляло божественныхъ книгъ писа-
ніе ²⁾). Затѣмъ, житіе передаетъ слѣдующее пророчество о немъ митр.
Фотія: «Пріиде пѣкогда пресвященный Фотій митрополитъ всеа Русіи
во обитель Пречистыя Бѣгороцица на Симоново, якоже обычай имѧше,
помолитися и сущаго архимандрита и братію благословити и духовиѣ
использовати себе же и инѣхъ, и въ церкви молитвование и поиде ви-
дѣти и благословити тружающихся братію во святыхъ службахъ страны
монастырскія; пріиде же въ некольицу, иже есть хлѣбия, и видѣ сего
блаженнаго Юну уснувша отъ великаго воздержанія и отъ прилежнаго
труда и молитвы непрестаннаго и десную руку на главѣ своей держа-
ше собену, яко благословленіе ею; святитель же со удивленіемъ
зрише на нее и не повелъ никому разбудити его и пророчествуя о немъ
глаголаше: «разумѣйте, о чада, яко инохъ сей Юна будеть великий
святитель во странахъ рускія земли и многи отъ певѣрныхъ обратить
къ Богу и просвѣтить святымъ крещеніемъ и въ разумъ истинній
приведеть, напиache же и сему царствующему граду Москву и про-
чимъ градомъ многимъ и всѣмъ (весѣмъ?) истинній пастырь и учитель
будеть». Такъ какъ св. Юна поставленъ въ епископы имѣнио
Фотіемъ и слѣдовательно—этотъ второй представляется пророчествую-
щимъ о самомъ себѣ (о томъ, что самъ намѣревался сдѣлать), то

Данилу въ 1527-мъ году, см. у Гориакова О земельныхъ владѣніяхъ, приложж.-
стр. 27 бп. (въ настоящее время мѣстомъ рожденія св. Юны считается деревня
Одноушево, находящаяся отъ Солигалича въ 9-ти верстахъ и отъ своего села, ко-
торое называется также Одноушевымъ и еще Верниками, въ одной верстѣ).

¹⁾ Въ «Отъѣщиціи любозазорнымъ», составляющемъ 10-ю главу духовной гра-
моты или монастырскаго устава.

²⁾ Если только мы правильно понимаемъ житіе, въ которомъ сказано: «внѣ-
маше же божественныхъ книгъ писанію».

можно и несколько сомневаться въ достовѣрности пророчества ¹); равнымъ образомъ, можно сомневаться въ его достовѣрности и потому, что вмѣсто простаго предреченія св. Іоаннѣ митрополіи Фотій прямо могъ благословить его къ свои преемники. Тенденція сомнительного пророчества есть та, будто Іона, не получившій себѣ благословеній на митрополію отъ современнаго патріарха, имѣть и несколько предварительныхъ благословеній (патр. Іосифа и наше—Фотіево). Когда оны поставлены были митр. Фотіемъ въ епископы рязанскіе, остается неизвѣстнымъ; некоторые утверждаютъ, что въ 1430-мъ году, но не указывая оснований ²). Во времена бытности епископомъ рязанскимъ, какъ свидѣтельствуетъ житіе, оны обратилъ въ христіанство и крестиль многихъ изъ инородцевъ, находившихся въ епархіи.

Поставленіе св. Іоанна въ митрополиты своими русскими епископами, безъ дозволенія патріарха-уніата, несомнѣнно было такимъ дѣломъ, которому виной сочувствовало рѣшительное большинство русскаго духовенства и вообще всего русскаго общества. Однако, находились въ духовенствѣ и среди мѣрянъ отдѣльные лица, которыхъ протестовали противъ этого посягательства на права патріарха. Преп. Іосифъ Волоколамскій сообщаетъ о своемъ учитель преп. Нафнутии Боровскому, что у него была брань съ Іоною митрополитомъ: сказали Іоаннѣ, что оны — Нафнутий не велѣтъ звать его митрополитомъ, и что по жалобѣ Іоанна великому князю «досыпѣли тому дѣлу на Москву по свидѣтельству священникъ нравить» ³). Въ чудесахъ св. Іоанна разсказывается, что иѣлъ бояринъ, именемъ Василий, зовомъ Кутузъ, пѣвѣрѣ имѣть къ нему—митрополиту и не приходить къ нему и благословенія отъ него пріимать не требовать ⁴). Наконецъ, и сказанія о благословеніи св. Іоанна на митрополію патр. Іосифомъ и о пророчествѣ ему Фотіевомъ, можетъ быть, направлены отчасти противъ тѣхъ, которые не хотѣли признавать его митрополитомъ. Къ сожалѣнію, наши положительныя извѣстія о непризнаніи

¹) Авторъ житія, въ виду сейчасъ пами сказаннаго, дѣйствительно утверждается, будто Іона поставленъ въ епископы посѣг смерти Фотія.

²) *Архим. Макарій* въ Сборникѣ церковно-историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о рязанской епархіи. М. 1863, стр. 104 ип..

³) Въ помянутомъ сейчасъ выше Отвѣщаніи любозорнымъ и въ посланіи къ Ивану Ивановичу Третьякову (содержаніе которого см. въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-й года, № 8, Смѣси стр. 7).

⁴) Степени. кн. II, 82. О бояринѣ Васильѣ Федоровичѣ Кутузовѣ см. въ Никоновск. лѣт.—V, 213, въ Софійскомъ Временникѣ Строева — II, 59.

его митрополитомъ весьма кратки и состоять только въ сейчасъ нами приведенномъ; между тѣмъ, очень любопытно было бы знать, какъ не признававшіе, являя собою своеобразныхъ консерваторовъ или наоборотъ—своебразныхъ либераловъ, доказывали обязанность Русскихъ не посягать на права патріарха-уніата или вообще чтд они имѣли и заявляли противъ призыва¹⁾.

Первою заботою св. Юна послѣ занятія имъ кафедры митрополіи было то, чтобы распространить свою власть на епископіи митрополіи, находившіяся во владѣніяхъ короля польскаго и вмѣстѣ великаго князя литовскаго Казимира²⁾. Въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ посланій литовскимъ епископамъ Юнъ говорить, что великий князь Василий Васильевичъ, собираясь ставить его въ митрополиты, обсыпался съ Казимиромъ и что получиль отъ послѣдняго грамоты съ изъявленіемъ его согласія³⁾. Такъ какъ въ 1448-мъ году, когда поставлеиъ Юна, король польскій и великий князь московскій находились въ размѣриѣ, то слова митрополита съ первого взгляда возбуждаютъ сомнѣніе. Но, съ другой стороны, трудно допустить, чтобы онъ рѣшился говорить неправду епископамъ литовскимъ, которые точнымъ образомъ должны были знать дѣло, хотя посланіе писано и довольно много спустя времени послѣ событія (въ 1459—60 году). По извѣстію Никоновской лѣтописи, весной

¹⁾ Позднѣйшее похвальное слово св. Іоанѣ, написанное при митр. Макарії, говорить о причинѣ его гибѣ на Нафнутія иначе, а именно—что одинъ разъ онъ сдѣлалъ съ епископами какое-то церковное распоряженіе и что Нафнутій поступилъ въ свое монастырѣ вопреки распоряженію. Но разсказу слова, когда Нафнутій, вызванный въ Москву митрополитомъ для объясненій, отвѣчалъ ему «негладостне и неподобательне, якоже подобаетъ гладостно и подобательно великовластіи глаголати», то митрополитъ «би его жезломъ своимъ»,—прѣбралъ его своимъ посохомъ, и приказалъ посадить въ темницу, изъ которой Нафнутій былъ освобожденъ, когда принесъ раскаяніе и испросилъ прощеніе,—рки. Моск. Дух. Акад. изъ Волокол. № 632, л. 180, см. также Опис. Синод. ркпн. Горск. и Невостр. № 261 л. 237, стр. 260 (печатн. кромѣ Розенкампфа, который указалъ въ Описаніи, еще у Калачова въ статьѣ «0 значеніи Кормчей», приложж. стр. 4, п. 8).

²⁾ При Ягеллѣ, который былъ выбранъ изъ великихъ князей литовскихъ въ короли польскіе въ 1386-мъ году, и при его преемнике Владиславѣ Варнскемъ великие князья литовскіе были отдельные отъ королей (Сигизмундъ, Витовтъ, Сигизмундъ, Сигизмундъ и пашъ Казимиръ); но Казимиръ, преемникъ Владислава, выбранный изъ великихъ князей литовскихъ, ставъ королемъ, остался вмѣстѣ и великихъ князьмъ.

³⁾ У преосн. Макарія VI, 362, у Навл. въ Памм. col. 647.

1448-го года быть въ Москвѣ послѣ Казимира¹⁾), приходившій, какъ нужно думать, для переговоровъ о мирѣ. А это обстоятельство указываетъ на возможность того, чтобы Казимиръ дѣйствительно изъявилъ свое согласіе на поставление Іоны въ митрополиты. Какъ бы то ни было, по епархіи русскія, находившіяся во владѣніяхъ Казимира, не были отданы въ завѣдываніе Іоны тотчасъ же, какъ онъ быть поставленъ, и онъ долженъ быть хлопотать объ этомъ и усилѣть достигнуть этого не совсѣмъ споюла. Спустя 8-мъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ его поставленія въ митрополиты, 31-го Августа 1449-го года, между королемъ польскимъ и великимъ княземъ московскимъ состоялся мирный договоръ, при чёмъ онъ съ своей стороны, какъ кажется, принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе²⁾). Вскорѣ послѣ заключенія договора король присыпалъ въ Москву своего послана, иѣроятно, по поводу исполненія договорныхъ статей и обращался съ просьбою къ нему—митрополиту, чтобы онъ содѣствовалъ укрѣпленію прочной дружбы между нимъ—королемъ и великимъ княземъ³⁾). Пользуясь своимъ влияніемъ на государственные дѣла, митрополитъ и старался вести себя такъ, чтобы заслужить благоволеніе Казимира⁴⁾ (подразумѣвается: насколько это было возможно безъ вреда интересамъ московскаго великаго князя). Въ тоже время онъ писалъ посланія къ православнымъ, находящимся во владѣніяхъ Казимира, въ которыхъ убѣждать ихъ содѣствовать позеединенію всей русской митрополіи подъ властью одного главы—его митрополита; такъ, изъѣстны его посланія: 1) ко всѣмъ князьямъ и начальникамъ и боярамъ и намѣстникамъ и воеводамъ и всему купно литовско-галицкому христоимениному людству, дошедшему до пашь въ отрынкѣ⁵⁾), и 2) къ киевскому князю Александру Владимировичу, который, какъ мы говорили, быть женатъ на сестрѣ вел. кн. Василия Васильевича и быть между литовскими православными князьями челов-

¹⁾ V, 215.

²⁾ Договорная грамота въ Актахъ Западн. Россіи, т. I, № 50. Въ ней между прочимъ постановляется, чтобы въ случаѣ споровъ между подручниками короля и великаго князя митрополигъ быть третейскимъ судьей.—стр. 64, col. 1.

³⁾ См. посланіе Іоны къ Казимиру въ Акт. Экспед., т. I, № 49.

⁴⁾ См. ibid.

⁵⁾ Въ Акт. Ист., т. I № 43, и у Назл., въ Намм. № 64 (Разъединеніе двухъ слитыхъ въ одно мѣсто посланій—у послѣднаго. Бояринъ, съ которыми было отправлено посланіе, иѣроятно, есть тотъ митрополичій дьякъ Василій Карло, который посланъ быть къ королю).

вѣкъ весьма вліятельный¹⁾). Въ непродолжительномъ времени св. Юна, вѣроятно—благодаря главнымъ образомъ содѣйствію сейчасъ названаго князя Александра Владимировича, успѣль достигнуть своихъ стараній, однако, какъ мы сказали, не совершению сполна. Грамотой отъ 31-го Иуваря 1451-го года, данной въ Вильнѣ, Казимиръ вручаетъ Юнѣ «столецъ митрополичъ кіевскій и всея Руы, какъ первіе было по установленію и обычаю рускаго христіанства», но разумѣя подъ столицомъ кіевскимъ и всея Руы часть митрополіи литовскую безъ части галицкой²⁾). Власть короля польскаго въ Литвѣ и Галиції была совершенно различная: Литва была особое отъ Польши государство съ своими особыми правами, только династическое соединеніе съ нею въ лицѣ государа; напротивъ Галиція была собственная и настоящая часть Польши, поселику была завоевана Поляками. Нужно думать, что какъ великий князь литовскій Казимиръ не имѣтель возможнѣмъ противиться желанію православнаго населенія княжества быть подъ однимъ церковнымъ главою съ Москвой и отдать княжество Юнѣ; но въ Галиції для него ничего не могло значить желаніе населенія послѣдней и нужно думать, что онъ не отдалъ ея Юнѣ по настоящимъ своего латинскаго духовенства, которое хотѣло оставить ее за Испидоромъ, какъ поминальную каѳедру послѣднаго, и во вскомъ случаѣ свободною отъ церковной власти Москвы. Получивъ отъ короля въ свою власть Литву, Юна старался получить отъ него и Галицію; но въ этомъ случаѣ его старанія оказались напрасными³⁾.

Получивъ въ свою власть литовско-русскія епархіи, св. Юна увидѣть себѣ обязаннѣемъ произвести здѣсь некоторое очищеніе отъ за-

¹⁾ Посланіе въ Акт. Ист., т. I № 47, и у *Павлова* № 66. Митрополить сообщаетъ князю, что король писалъ до него свой листъ съ великимъ своимъ жалованіемъ и что хочетъ Божіей церкви церковная оправданія вся учинивъ по старинѣ. Но вѣроятно, что обѣщаніе короля, сопровождавшее его просьбу къ митрополиту, было не особенно рѣшительно; иначе онъ—митрополитъ не имѣль бы нужды писать своихъ сейчасъ указанныхъ посланій.

²⁾ Грамота въ Акт. Ист., т. I № 42, и у *Павлова* № 67. Князь Александръ Владимировичъ присутствовалъ при написаніи грамоты и упоминается въ числѣ свидѣтелей (вторымъ послѣ Свидригайла, который, вѣроятно, также стоялъ за подчиненіе православной Литвы въ церковномъ отношеніи Москвы).

³⁾ Просьба Юны къ Казимиру о Галиціи въ Акт. Ист. т. I, № 260, и у *Павлова* № 68. Что она не была отдана ему, видно изъ того, что—когда съ 1459-го года явился въ Польшѣ митрополитъ—уніатъ Грегорій, то изъ Москвы обращаемы были убѣжденія хранить вѣрность ему—Юнѣ только къ епископамъ литовскимъ безъ галицкихъ.—Акт. Ист., т. I № 272, и у *Павлова* № 84.

разы исидоризма и вообще унитизма. Мы говорили выше, что во время небытиости на Москвѣ митрополита одинъ изъ литовскихъ епископовъ, именемъ—Даниилъ владимирскій и берестейскій, ходилъ для посвященія въ Константинополь къ патріарху-уніату Григорію Маммѣ и что въ Константинополѣ онъ посвященъ былъ находившимся въ то время тамъ Исидоромъ. Этого-то епископа, который при своемъ посвященіи далъ Исидору исповѣданіе по его волѣ, и заставилъ св. Іона, вскорѣ послѣ того, какъ сталъ его начальникомъ, совершить передъ собою формальное отреченіе отъ своего посвятителя, отъ исповѣданія даннаго ему при посвященіи, отъ самаго посвященія и вообще отъ собора Флорентійскаго и отъ уніи. Для сей цѣли Даниилъ былъ вызванъ въ Москву и здѣсь, совершивъ передъ митрополитомъ отреченіе и утвердивъ его своимъ поданіемъ рукописають¹⁾, получилъ отъ него прощеніе и благословеніе (Митрополитъ дозволяетъ Даніилу сказать въ рукописи въ свое оправданіе, будто онъ не разумѣлъ, «что тотъ Исидоръ митрополитъ сходатай и спостѣнникъ былъ оному латинскому, еже во Флоренціи бышиему, осмому собору»). За трудъ пріѣзда въ Москву св. Іона предоставляетъ епископу, по его просбѣ, посвященіе ставленниковъ изъ своихъ памѣтничествъ кіевскаго и новогродскаго или литовскаго, чѣмъ составляло тогда одну изъ статей архіерейскихъ доходовъ).

Св. Іона занимать кафедру митрополіи въ продолженіе 12-ти лѣтъ и 3-хъ съ половиной мѣсяцевъ²⁾.

Первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ памъ, церковно-правительственнымъ его дѣломъ было торжественное причтение къ лицу святыхъ или торжественная канонизация митр. Алексія. Въ началѣ 1431-го года, составлявшаго послѣдній годъ правленія митр. Фотія, въ Чудовомъ монастырѣ обвалился верхъ церкви, которая была построена митр. Алексіемъ и въ которой было погребено его тѣло. Когда по разборкѣ старой церкви начали копать ровъ для фундамента новой, обрѣли нетѣннымъ тѣло святителя, почему и изнесли его на поверхность земли³⁾. Торжественное празднованіе памяти вновь прославленнаго Богомъ Его угодника и поспѣшили установить митр.

¹⁾ Рукописаніе Даніила отъ 28-го Октября 1451-го года и прощальная ему грамота Іона у просв. Макарія VI, 369, въ Акт. Ист. т. I № 52, въ Иам. Павлова № 72.

²⁾ Въ Степенной книгѣ, II, 87 fin., ошибочно—пять съ половиной мѣсяцевъ.

³⁾ Иакон. акт. IV, 65 fin.

Юпа, чтобы имѣть его нарочитыя молитвы за себя и за русскую церковь при не совсѣмъ обыновенныхъ обстоятельствахъ какъ своихъ собственныхъ, такъ и вообще церковныхъ. Епископу пермскому Цитириму, который до епископства былъ архимандритомъ чудовскимъ и который присутствовалъ въ Москвѣ на соборѣ, избиравшемъ и ставившемъ Юпу въ митрополиты, поручено было написать житіе св. Алексія и службу ему и постѣ соборнаго одобренія постѣдней было установлено ему двукратное въ году празднованіе—12-го Февраля, въ день преставленія, и 20-го Мая, въ день обрѣтенія мощей ¹).

Памятниками церковно-правительственныхъ заботъ св. Юпы служатъ сохранившіяся до настоящаго времени его учительныя грамоты, которыхъ известно въ печати: дѣлъ на Вятку, дѣлъ въ Новгородъ и одна во Псковъ.

Вятка, повгородская колонія въ землѣ Вотяковъ, основанная во второй половинѣ XII вѣка, до тридцатыхъ годовъ XV вѣка представляла изъ себя маленькую республиканскую общину, которая была совершина ни отъ кого не зависима, въ томъ числѣ и отъ своей митрополіи—Новгорода. Передъ 1434-мъ годомъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, Вятчане признали надъ собой болѣе или менѣе сюзеренитетъ галическаго князя Юрья Дмитріевича, которому они помогали въ его борьбѣ съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Васильевичемъ ²). Въ 1458—59 году послать на нихъ свои войска этотъ постѣдний и они признали себя до некоторой степени данниками Москвы ³). Въ отношеніи церковномъ Вятка представляетъ изъ себя то чрезвычайно любопытное явленіе, что въ смыслѣ административномъ она находилась таѣь сказать вѣрѣ русской церкви: вольная община имѣла у себя священниковъ, которыхъ получала и доставала изъ соѣдинѣй Руси, но не состояла подъ властію никакого русскаго епископа. Такое исключительное церковное положеніе имѣло своимъ следствіемъ то, что Вятчане были христіанами болѣе по имени, чѣмъ по дѣлѣ. Въ

¹) См. у Ключевского въ Древне-русскихъ житіяхъ, стр. 134, также въ Опис. синод. ркни. Горск. и Невостр. № 410 л. 410 об., стр. 442 fin..

²) Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Юрій Дмитріевичъ († 19-го Августа 1434-го года) оставляетъ Вятку съ городами и съ волостями въ общее владѣніе своихъ сыновей,—Собр. грамм. въ договорѣ I. 106 col. 1.

³) Софійск. 2-я зѣтоц. въ Собр. дѣлл. VI, 181. Говорится, что Вятчане добили челомъ великому князю на всей его воли, какъ ему надобѣ. Можетъ быть, на словахъ Вятчане и дѣйствительно отдались во всю волю великаго князя, но этого вовсе не было на дѣлѣ.

то время священники въ своемъ огромномъ большинствѣ были очень плохими настырями даже и тамъ, где они находились подъ надзоромъ епископовъ, тѣмъ болѣе они должны были быть крайне плохими настырями на Вяткѣ, где не было надъ ними никакого надзора и где они были совершенно сами о себѣ. И это тѣмъ болѣе, что самыи составъ священства, какъ необходимо думать, былъ здѣсь крайне недоброкачественный,—что вмѣстѣ со священниками законными приходили сюда изъ Россіи священники запрещенные и даже священники-самозванцы¹⁾. Крайне плохая христіанская жизнь Вятчанъ и была поводомъ, по которому Іона писать свои грамоты на Вятку, сохранившися до настоящаго времени. Вирочемъ, одна изъ двухъ сохранившихся грамотъ написана не столько по поводу прямо церковному, сколько государственному. Прежде чѣмъ признать себя даниками великаго князя, Вятчане, несмотря на многократныя къ нему крестныя цѣлованія о мирѣ, дѣлали неистощимые набѣги на ближайшія къ себѣ его владѣнія съ цѣллю грабежей; въ неизвѣстномъ году они сдѣлали набѣгъ на Сысоль, Вымь и Вычегду, при чемъ множество жителей са-мыи варварскимъ образомъ избили, а до полуторыхъ тысячъ увели въ плѣнъ: этотъ случай и былъ поводомъ къ написанію грамоты. На Вятку, тогда еще не состоявшую ни подъ чьей церковно-административной властью, митрополитъ отиравилъ грамоту къ тамошнимъ воеводамъ земскимъ, ватаманамъ и всѣмъ жителямъ съ своимъ игуменомъ и въ грамотѣ убѣждаль ихъ перестать отъ ихъ грабительскихъ набѣговъ и возвратить пленныхъ и церковныя цензы, захваченныеихъ и награбленные ими въ послѣдній набѣгъ, трогая имъ въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ милости Божіей и своего благословенія въ сей вѣкъ и будущій. Вмѣстѣ съ грамотой ко всѣмъ жителямъ, митрополитъ послать частную грамоту къ священникамъ, въ которой убѣждаетъ послѣднихъ отвращать гражданъ отъ клятвопреступлений и отъ помянутыхъ набѣговъ, а также и вообще укоряетъ и обличаетъ ихъ за крайнеплохое настырство. «Не знаю,—говорить св. Іона священникамъ,—какъ называть васъ священниками, (ибо не известно) отъ кого вы имѣете постриженіе и рукоположеніе...; евангельскихъ и апостольскихъ поучений сами не требуете и живя небрежливо сами идете въ погибель..., и душа христіанская иренуещаетъ въ иѣчную муку, не наказуя ихъ и не

¹⁾ Кажется, не только на первое, но и на второе намекаетъ Іона, когда говорить: «а иныхъ слышаюъ, что недостойни суще великаго Божія священства, да обожающеся въ безстудіе священствуютъ, и таковы суть горши еретиковъ»,—Акт. Ист. т. I. стр. 495 col. 2, у Назлова col. 606.

уимая отъ злого житія»... Помимо того, что послужило собственнымъ новодомъ къ написанию грамоты, митрополит прямо укоряетъ вятскому духовенству за одинъ недостатокъ христіанской жизни Вятчанъ, это: «тамошніе ваши духовные дѣти живутъ незаконно, женясь по пяти разъ, по шести и по семи, а вы ихъ благословляете и приношения отъ нихъ принимаете, что есть Богу мерзко...¹⁾». Другая сохранившаяся грамота на Вятку писана св. Ионою, когда Вятчане признали надъ собою власть великаго князя, когда въ церковно-административномъ отношеніи они стали подчинены ему—митрополиту и когда онъ для завѣдыванія ими послалъ къ нимъ своего десятинника. Быть адресована къ боярамъ, воеводамъ, ватаманамъ и всѣмъ христіанамъ вятскимъ, грамота раздѣляется на двѣ половины, изъ которыхъ первая обращена къ мѣрянамъ, вторая—къ духовенству. Въ первой половинѣ митрополитъ укоряетъ Вятчанъ за ихъ плохую христіанскую жизнь, при чемъ въ частности указывается на брачный сожитія безъ церковного вѣнчанія, на вступленіе въ бракъ въ четвертый, пятый разъ и до десятаго, и на то, что иные чернцы разстригаются и вступаютъ въ браки,—увѣщаваешь исправиться отъ ихъ пороковъ и не препятствовать, но содѣйствовать посланному десятиннику въ искорененіи этихъ послѣднихъ; дѣлан обиѣй отзывъ о христіанской жизни Вятчанъ митрополитъ говорить: «се слышаніе мое, сынове, что деи тамъ въ потчиї сына моего великаго князя у васъ на Вяткѣ чинится Богу сопротивныхъ и неизвестныхъ дѣль велики много къ крестьянской погибели»... Во второй половинѣ грамоты митрополитъ обращается къ вятскимъ священникамъ съ своимъ увѣщаніемъ и моленіемъ, чтобы они смотрѣши великое имѣли прежде о себѣ, также и о Христовѣ наставѣ, т. е. чтобы они были пастырями скольконибудь достойными своего званія²⁾.

Двѣ сохранившіяся грамоты изъ Новгородъ, писанныя одновременно, адресованы: одна архіепископу Евонію, другая всѣмъ тамошнимъ христіанамъ или гражданамъ. Предметъ обѣихъ грамотъ—чрезмѣрия страсть Новгородцевъ къ кулачнымъ или точище—наложеннымъ боями, имѣвшая своимъ сгѣдствіемъ вражду между гражданами и приводившая къ кровопролитіямъ и убийствамъ, о чемъ мы говорили выше, излагая дѣянія владимирского собора 1274-го года. Архіепископа, учительно и довольно пространно напоминая ему объ обязанности пастырей ищущихъ о пасомыхъ, митрополитъ убѣждаетъ—и самому лично и

¹⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 261, и въ Нач. Извл. № 73.

²⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 267, и въ Нач. Извл. № 77.

черезъ священниковъ стараться о совершенномъ «истреблениі» между его духовными дѣтьми ихъ пагубной страсти; самихъ Новгородцевъ митрополитъ непосредственно увѣщеваетъ къ тому же, простирая къ нимъ учительную рѣчъ о яности, блаженномъ покаяніи, послушаніи и преслушаніи. Такъ какъ архиепископъ новгородской и новгородские граждане представляли изъ себя людей исключительныхъ въ русскомъ христіанскомъ обществѣ, людей особенно и щекотливо гонориныхъ, то въ обѣихъ грамотахъ митрополитъ старается говорить съ нарочитою мягкотою, явно заботясь о томъ, чтобы уча людей не произвести въ нихъ раздраженія. Но своему складу грамоты должны быть признаны очень хорошо составленными; только во второй изъ нихъ поученіе объ яности и пр. не совсѣмъ ясно связывается съ главнымъ предметомъ рѣчи¹⁾.

Сохранившаяся грамота св. Іона во Исковъ главнымъ образомъ касается дѣлъ земскихъ и только отчасти есть писаніе въ собственномъ смыслѣ настырски-учительное. Исковичи присыпали своихъ пословъ къ великому князю и просили митрополита быть за нихъ ходатаемъ предъ послѣднимъ. Митрополитъ, изг҃щаю Исковичей, что онъ по своему святительскому долгу говорить за нихъ государю «какико мощи», и изъясняли имъ свою готовность дѣлать тоже и впередъ, убѣждаетъ ихъ твердо стоять на всемъ томъ, въ чемъ они уреклись съ великимъ княземъ. За симъ онъ простираетъ къ нимъ и рѣчи собственно церковныя: убѣждаетъ ихъ, чтобы у нихъ никакоже не было разногласія въ церквиахъ Божіихъ и въ православной христіанской вѣрѣ и дѣлаетъ общее воспоминаніе священникамъ, дабы о своемъ священствѣ, какико мощи, и о своей частиѣ всегдашииое поученіе имѣли²⁾. Что разумѣть

¹⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 44, въ Намѣ. *Павл.* № 65.

²⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 60, и въ Намѣ. *Павл.* № 90. Г. Навловъ относить грамоту къ 1461-му году; но на томъ же самомъ основаніи, которое у него, ее можно относить ко времени до 1453-го года. см. Акт. Ист. т. I, № 53. Къ нашему разряду грамотъ могутъ быть отнесены еще двѣ известныя грамоты Іона: 1) въ нижегородской Печерской монастырь о соблюдении иноческихъ обѣтовъ и съ изѣстіемъ о поставлении іеромонаха Иавла въ архимандрита монастыря, отъ 11-го Марта 1433-го года, когда Іона былъ нареченіемъ на митрополію.—Акт. Ист. т. I, № 37, у *Павл.* № 61; 2) въ Боголюбовъ монастырь о послушаніи братіи игумену и о соблюдении иноческихъ обѣтовъ,—Акт. Ист. т. I, № 265, у *Павлова* 75; а также отчасти и еще три грамоты: 1) дѣтиямъ не повинующимся своей матери (какими-то князья),—Доноз. къ Акт. Ист. т. I, № 11, 2) князю Юрію Семеновичу—Лугвеневичу по случаю смерти его сына,—Акт. Ист. т. I, № 46, и 3) прихожанамъ какой-то церкви о повиновеніи духовному отцу, —у *Павл.* № 130.

подъ разногласіемъ въ церквахъ Божіихъ и въ православной вѣрѣ, прекратить которое убѣждаетъ митрополитъ Пековицей, остается положительно неизвѣстнымъ; но, по всей вѣроятности,—споры о пѣсни аллилуїя, которые происходили тогда во Пековѣ и о которыхъ мы скажемъ ниже.

(Въ рукописяхъ бывшихъ Царскаго читается остающееся неизвестеннымъ и, можетъ быть, сюда относящееся краткое посланіе «ко княземъ, коли пойдутъ на иоганыхъ за святыхъ Божіихъ церкви и за все православное христіанство»¹⁾.

Объ отношеніяхъ св. Юны къ лиговской части его митрополіи мы знаемъ только то, что онъ несолько разъ посыпалъ ее. Въ первый разъ онъ былъ въ Литвѣ въ началѣ 1451-го года, чтобы принять отъ короля польского власть надъ здѣшними епископіями²⁾; о времени послѣдующихъ его путешествій ничего неизвѣстно. Въ своемъ посланіи къ литовско-русскимъ епископамъ по случаю появленія у нихъ митрополита-ушата Григорія онъ говоритъ о своихъ посыпленіяхъ Литвы: «и быватъ иаки есмъ (послѣ 1451-го года) не одиова тамо, управлія ради святыхъ церкви, а не богатства дѣля злата, ни сребра, ни возмездія ради почети, якоже онъ прежде бывший Сидоръ, грабитель и врагъ церковный»³⁾...

Въ правленіе св. Юны имѣть мѣсто одинъ случай нарушенія однімъ епископомъ принятаго у нась тогда устава о постѣ, который показываетъ, какую необыкновенную важность придавали у нась тогда соблюденію уставныхъ правилъ о постѣ. Въ 1455-мъ году навечеріе Богоявленія Господня случилось въ воскресеніе, и архіепископъ ростовскій Феодосій распорядился, чтобы по отпѣтіи літургії и вечерни монахи фли сырь, молоко и рыбу, а міряне—мясо, между тѣмъ какъ принятой тогда у нась уставъ о постахъ гласилъ: «аще прилучится навечеріе Рождества Христова или Богоявленія Господня въ субботу или въ недѣлю, то не повелѣшио вамъ инокомъ разрѣшити на сырь и

¹⁾ № 412, л. 25—26, Опис. стр. 500.

²⁾ Въ посланіи къ князю Александру Владимировичу, которое указано выше, св. Юна даетъ знать, что это первое путешествіе онъ предиринялъ во желанію короля. 9-го Февраля 1451-го года имъ дана одна грамота изъ Новогродкѣ литовской.—Акт. Ист. т. I, № 48, у *Нава*. № 69. Изъ словъ самого Юны знаемъ, что онъ былъ этотъ разъ въ Кіевѣ и здѣсь въ свою очередь епархию Софійскую зряѣ совершилъ торжественное «соборованіе».—см. посланіе, цитуемое въ слѣдующемъ примѣніи.

³⁾ У *препосв. Макарія VI*, 364, у *Нава*, col. 649.

рыбу, а мірськимъ на мясо, но повелѣнио по отищенніи літургія вѣчто мало причаститися скудно отъ пища, по вечериѣмъ же отищенніи ясти сопершенно, по постное яденіе, а не сырь, ни рыбу, ни мірській чоловѣці—мясо¹). Нарушеніе принятаго устава, допущенное архіепископомъ, который руководился тѣмъ, что въ день недѣльный не полагается поста (апост. пр. 64 и Гавграк. соб. пр. 18), ² митрополитъ нашелъ столько важнымъ, что хотѣть было снять съ него сань, и не дѣлать этого только уступая иначалованію за него великой княгини ³). На архіепископа быть созванъ митрополитомъ соборъ, на которомъ присутствовать и великий князь съ своимъ сподвижникомъ, и на соборъ Феодосій пришелъ смиренійніе и елѣзиное покаяніе въ своемъ зломъ грѣхѣ и своемъ преступленіи, проклиная сотворенное имъ новоначальство и давъ обѣщаніе твердо содержать преданныя церкви правила и узаконоположенія инсакія ⁴).

Сохранилась одна грамота св. Іоны, касающаяся обереженія имъ своихъ преимуществъ, какъ митрополита. Полоцкій епископъ Симеонъ прислали ему свой листъ о чёмъ-то и называли его въ послѣднемъ во отцомъ своимъ, какъ надлежало, а своимъ братомъ. Св. Іона не пропустили этого даромъ и безъ вниманія, но написалъ епископу нашу грамоту, въ которой дѣлаетъ ему достаточно строгій выговоръ за нарушеніе долга подчиненности ⁵). Иамъ, впрочемъ, не думается, чтобы на основанії этого случая должно было дѣлать какія нибудь заключенія о личномъ характерѣ св. Іоны. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и всякой другой митрополитъ поступилъ бы также, какъ поступилъ онъ.

¹) Въ покаянной грамотѣ Феодосія, которую указываемъ сейчасъ (сѣр въ Собр. лѣтт. VI, 234, дѣло архим. Геннаадія).

²) Очень можетъ быть, что Феодосій руководился еще посланіемъ митр. Фотія во Исковъ отъ 12-го Августа 1419-го года, въ которомъ пишется: «аще случится на вечеріе Рождества Христова или Богоявленія въ субботу или въ недѣлю, посты не бываетъ» (съ Иамм. *Павл.* col. 414), по что обѣ его ссылаѣ на это руководство, призывающееся Іоною неуважительныя, пажбренныя образомъ умолчено. Къ рѣчамъ о тѣхъ выводахъ, которые могутъ быть дѣлаемы изъ этого предположенія, возвратимся посль.

³) Которая, по весьма неожиданному и весьма любопытному сообщенію 2-й Софійской лѣтописи, взяла на себя представительство воине не даромъ: «митрополитъ хотѣ снять съ него, княгини же великая отищаловала его у митрополита, а взя у него село Петровское отъ иначалованія»,—Собр. лѣтт. VI, 181.

⁴) Покаянная грамота Феодосія въ Акт. Нес. т. I, № 57, и у *Павл.* въ Иамм. № 74.

⁵) Грамота въ Акт. Нес. т. I, № 268, и у *Павл.* въ Иамм. № 78.

Участіе св. Юны въ дѣлахъ государственныхъ началось еще прежде занятія имъ кафедры митрополіи съ того времени, какъ на престолъ великоокніжескій сѣлъ Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, отнявъ его у Василія Васильевича. 13-го Февраля 1446-го года Шемяка съ своимъ союзникомъ Иваномъ Можайскимъ захватилъ Василія въ плѣнъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ и ослѣпивъ послалъ въ заточеніе въ Угличъ; но при этомъ сыновья Василіевыхъ были спасены преданными ему боярами и увезены въ Муромъ. Желая получить въ свои руки спасшихся княжичей, Шемяка призвалъ изъ Рязани въ Москву св. Юну и обѣщаю ему митрополію началь прощенье его, чтобы онъ шелъ въ свою епископію—въ Муромъ и взяты бы тамъ у бояръ сыновей Василіевыхъ на свою епитрахиль, при чемъ увѣрилъ, что онъ радъ ихъ жаловать,—что и отца ихъ выпустить на волю и всѣмъ имъ дастъ вотчину доволыную. Когда св. Юна дѣйствительно привезъ въ Москву изъ Мурома сыновей Василіевыхъ, отданныхъ ему боярами въ соборной церкви изъ пелевы Божіей Матери на епитрахиль, Шемяка измѣнилъ своему слову и съ самимъ же посредникомъ отправилъ княжичей въ заточеніе къ отцу въ Угличъ. Тогда св. Юна, сильно и непрестанно укоряя Шемяку, что онъ учинилъ неправду и его—епископа ввелъ въ грѣхъ, убѣждать его выпустить Василія съ дѣтьми на свободу, а чтобы обезопасить себя отъ него, предлагать укрѣпить его брестомъ честнымъ и владыками¹). Сейчасъ представленное нами поведеніе св. Юны можетъ показаться небезъкорыстнѣннымъ. Но, какъ совершение справедливо замѣчаетъ преосв. Илліополь въ своей Исторіи русской церкви²), лучшимъ оправданіемъ для него служить то, что самъ Василій Васильевичъ, компетентнѣйший судья въ дѣлѣ, не питалъ на него ни малѣйшаго гнѣва, не ваходи въ его поведеніи по отношенію къ себѣ ничего предосудительнаго. Чтобы несколько не удивляться этому, мы должны припомнить себѣ, что Шемяка, отнявшій великоокніжескій престолъ у Василія, вовсе не былъ членомъ, не имѣвшій на престолѣ никакого права,—что тутъ между двумя соперниками шла тяжба о правахъ спорныхъ³), которую могли разрешить только сила и перевѣсь симпатій жителей великаго княженія (собственно московскихъ бояръ и людей служилыхъ). Поставленный Василіемъ Васильевичемъ въ митрополиты, св. Юна, сколько знаемъ, принималъ дѣятель-

¹) Илліоп. лѣт. V, 207 sqq.

²) Т. I, стр. 313—314.

³) Ср. Соловьевъ Ист. т. IV, изд. 4 стр. 51 (т. III того же изд. стр. 371).

ное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и быть такимъ же совѣтникомъ великаго князя, какъ и его предшественники на каѳедрѣ митрополіи. Такъ, король польскій, присланъ въ Москву своихъ пословъ для докончанія мирнаго договора, просить митрополита, чтобы онъ своимъ участіемъ содѣйствовалъ успѣху посольства¹⁾; Псковичи, присылавши екъ великому князю пословъ, били челомъ митрополиту, чтобы онъ быть ходатаемъ за нихъ предъ государемъ²⁾. Что государственное значеніе и государственный авторитетъ митрополита еще сохраняли при Іонѣ всю свою силу, видно изъ того, что Шемяка и Иванъ Можайскій въ своемъ договорѣ съ Василіемъ Васильевичемъ 1447-го года просять его, чтобы онъ не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ въ ней митрополита, который однѣ могъ дать имъ ручательство въ безопасности³⁾, и что въ юговорахъ Василія Васильевича съ королемъ польскимъ и съ великимъ княземъ рязанскимъ пѣкотория спорныхъ дѣлъ предстаиваютъ третейскому суду митрополита⁴⁾. Постѣ того, какъ Василій Васильевичъ согналъ Шемяку съ захваченнаго было имъ великоинжескаго престола, св. Іона принималъ самое дѣятельное участіе въ его дальнѣйшей семилѣтней борьбѣ съ послѣднимъ⁵⁾. Когда еще онъ былъ нареченіемъ митрополитомъ, въ Декабрѣ 1447-го года была написана къ Шемякѣ увѣщательная грамота отъ лица всѣхъ епископовъ и всего духовенства, чтобы онъ исправился во всемъ къ великому князю по своимъ договорнымъ съ нимъ грамотамъ и чтобы, переставъ караулить противъ него, искреню къ нему покаялся, съ угрозою—быть подвергнутымъ въ противномъ случаѣ церковному отлученію⁶⁾. Когда сталъ митрополитомъ, св. Іона писалъ увѣщательную грамоту къ какимъ-то неизвѣстнымъ доброжелателямъ Шемяки, можетъ быть—къ Новгородцамъ, которые были съ Шемякой въ союзѣ и давали ему у себя убѣжище, а можетъ быть—къ Вятчанамъ или Устюжанамъ, грози имъ, въ случаѣ ихъ нераскаянности къ великому князю, тѣмъ же церковнымъ отлученіемъ и затвореніемъ въ ихъ землѣ всѣхъ

¹⁾ Акт. Западн. Росс. т. I, № 49.

²⁾ См. выше.

³⁾ Соловьевъ Ист. т. IV, 4-го изд. стр. 76 sub fin. (Новгородские послы просили опасинать грамоты у великаго князя и у митрополита).—Акт. Ист. т. I, № 53).

⁴⁾ Акты Западн. Росс. т. I, стр. 64 col. 1, Собр. грамм. и договр. I, 144.

⁵⁾ Москва отнята была у Шемяки въ Рождество Христово 1446-го года; учерь онъ въ Новгородѣ въ Іюлѣ 1453-го года.

⁶⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 40.

храмовъ¹⁾). За симъ, въ однѣй сохранившейся грамотѣ къ новгородскому архієпископу Евѳимию о Шемякѣ онъ свидѣтельствуетъ, что имѣть съ Новгородцами по дѣлу послѣдняго многократнѣйшія сношенія²⁾). Писалъ онъ грамоты и противъ союзника Шемяки князя Ивана Можайского³⁾.

Въ продолженіе десяти лѣтъ св. Юна управлялъ русской митрополіей въ составѣ епархій московскихъ и литовскихъ. Но въ половинѣ 1458-го года была отторгнута отъ его власти литовская половина митрополіи, каковое отторженіе не было на сей разъ кратковременнымъ, а повело къ тому, что московская и кіевская половины Руси весьма на долгія времена раздѣлились между собою въ церковно-административномъ отношеній.

Пепдоръ былъ осужденъ и изложенъ въ Москвѣ и бѣжалъ въ Римъ къ папѣ. Но понятно, что въ Римѣ не признавали московскаго приговора и что для папы онъ—Пепдоръ былъ незаконно лишенный своей каѳедры митрополитъ русскій. Не могъ папа помышлять о томъ, чтобы восстановить его на московской части его митрополіи, но очень могъ помышлять о томъ, чтобы восстановить на литовско-галицкой части, находившейся подъ властью короля польскаго. Однако и здѣсь обстоятельства довольно долгое время не благоприятствовали папамъ. Въ правление короля Казимира Поляки и Литовцы были въ постоянній сильной враждѣ между собою, такъ что до мысли прервать династическую связь между обоями государствами, и Казимиръ съ своей стороны тянуль болѣе къ Литвѣ (изъ великихъ князей которой онъ выбранъ былъ въ короли), чѣмъ къ Польшѣ⁴⁾. Вслѣдствіе этого католическое польское влияніе было въ Литвѣ очень слабо. Мы видѣли выше, что передъ поставленіемъ Юна въ митрополиты Пепдоръ имѣть было намѣреніе возвратиться въ литовскую Русь; но московскимъ стараніямъ въ Литвѣ удалось достигнуть не только того, чтобы онъ отложилъ свое намѣреніе, а чтобы и поставленный въ Москвѣ Юна быть признанъ литовскими Русскими за своего митрополита. Папы по своему обычая все

¹⁾) Грамота сохранилась безъ начала, бывъ слита съ другою грамотою.—Акт. Ист. т. I, № 43 (начинается на стр. 87, col. 1 нач.: «Вѣдаете, сынове, что какъ ся стало...»), и у Навоза № 64 (гдѣ начинается—отмѣчено).

²⁾) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 53. (Еще другая, не напечатанная, грамота къ Евѳимию о Шемякѣ.—Царск. № 366, л. 198. Опис. стр. 366).

³⁾) Грамота обѣ Иванѣ Можайскомъ къ смоленскому епископу Миаславу въ Акт. Ист. т. I, № 56.

⁴⁾) Исторія государства Польскаго Банника въ русск. перев., II. 42 sqq.

таки не умывали и успѣли наконецъ добиться своего. Третьему послѣ Евгенія IV папѣ Каллисту III удалось въ 1458-мъ году достигнуть, чтобы Казимиръ согласился отнять у Юоны литовской русскія епіскопіи и принять на нихъ митрополита-уніата. Такъ какъ Исидоръ въ 1458-мъ году находился, вѣроятно, уже въ преклонной старости (умеръ 27-го Августа 1463-го года), то онъ на этотъ разъ не захотѣлъ бхать въ Литву и отказался папѣ отъ своихъ на нее права. Въ своей воображаемой власти надъ русской митрополіей папа раздѣлилъ ее на двѣ половины—московскую и литовско-галицкую и, оставивъ первую, занимаемую будто бы узураторомъ Юоной, въ поминальной власти Исидора, 21-го Іюля 1458-го года поставилъ въ митрополиты на вторую ученика и бывшаго протодіакона Исидорова Григорія, числившагося тогда игуменомъ константинопольскаго монастыря св. Димитрія, посвященіе котораго совершило было жившимъ въ Римѣ константинопольскимъ патріархомъ-уніатомъ Григоріемъ Маммою¹⁾.

Въ Москвѣ, сдва только было узнано о поставленіи въ Римѣ Григорія, прияты были самыя рѣшительныя старанія, чтобы не дать ему сѣсть на митрополіи литовской. Вел. кн. Василій Васильевичъ, лишь только услышавъ, что идетъ отъ папы на Литву этотъ Григорій, отправилъ къ королю польскому посольство, чрезъ которое настоятельно убѣждать послѣдняго не принимать митрополита-уніата²⁾. Съ своей

¹⁾ Каллистъ III, поставивъ Григорія 21-го Іюля 1458-го года, умеръ вскорѣ за сми 6-го Августа того же года, такъ что не успѣлъ папицать Григорію ставленной грамоты. Эта грамота послѣднему, данная преемникомъ Каллиста Піемъ II (Чичеемъ Сильвіемъ Никколоини) 11-го Сентября того же 1458-го года,—въ прибавл. къ VI т. Собр. лѣтт., стр. 319; посланіе Пія о Григоріи къ Казимиру польскому въ славянскомъ переводе—во 2-й Софійской лѣтописи,—Собр. лѣтт. т. id., стр. 167.—Не совсѣмъ понятное нѣчто представляется собою титуларный игуменъ монастыря; но папа Пій въ грамотѣ къ Казимиру именно говорить, что до поставленія въ митрополиты Григорій быть «онатомъ монастыря святаго Димитрея константинопольскаго» (монастырь, конечно, разумѣется тотъ, въ которомъ былъ игуменомъ самъ Исидоръ,—виж стр. 423).

²⁾ Великій князь говорилъ черезъ посла королю: «чтобы еси, брате, того Григорія отъ Рима къ себѣ не пріималъ на нашего отца на юну митрополита, а вовини бы еси не чинилъ, а наше бы еси старину не рушилъ, запекъ, брате, старина наша отъ нашего прародителя великаго князя Владимира, крестившаго землю русскую,—выбраніе и онѣ (?) изысканіе митропольское нашихъ прародителей великихъ князей русихъ и наше и до сихъ жестъ, а не великихъ князей литовскихъ: кто будетъ намъ любъ, тогъ будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не быть. яко не надобенъ»,—Лкт. Іксп. т. I, стр. 58 col. 2.

сторони Юна отправилъ въ Литву двухъ своихъ игуменовъ (троицкаго Вассиана и кирилловскаго Кассиана), съ порученiemъ, убѣждать здѣшнихъ русскихъ князей, бояръ и пановъ и всѣхъ православныхъ христіаинъ, чтобы они, обсылаясь другъ съ другомъ, твердо стояли за православную Христову вѣру¹); а вслѣдъ за симъ писалъ посланіе ко всему русскому населенію литовскаго княжества, убѣждая всѣхъ стоять даже и до смерти противъ имѣющаго прийти Исидорова ученика²). Когда Григорій прибылъ въ Литву и былъ принятъ королемъ, Юна и отъ собственнаго лица и отъ собора московскихъ русскихъ епископовъ писалъ противъ него посланія литовско-русскимъ епископамъ, и всѣмъ имѣестъ окружныя и каждому или по крайней мѣрѣ иѣкоторымъ изъ нихъ отдельныя. Но всѣ его старанія остались напрасными: Григорій не только былъ посаженъ королемъ на литовскую клоедру, но послѣдній черезъ нарочное посольство въ Москву предлагалъ было и самому Василью Васильевичу принять его вмѣсто Юны, ссылаясь на то, что этотъ находился уже въ глубокой старости. Съ очень большею вѣроатностію слѣдуетъ думать, что причиною неуспѣха стараній Юны было не столько желаніе короля исполнить волю папы, сколько явившееся у самихъ литовско-русскихъ епископовъ желаніе состоять подъ своимъ особымъ митрополитомъ отъ Москвы (которая, вѣроятно, уже начала по своему духу становиться для нихъ не особенно сочувственною), — къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся послѣ³).

¹) Вручительное или рекомендательное посланіе съ игуменами,—въ Акт. Ист. т. I, № 45, и у *Павл.* № 80. Что оно писано до прибытія въ Литву Григоріева, видно изъ того, что послѣдній еще не называется въ немъ по имени и что Юна, какъ онъ говоритъ, самъ было хотѣть ходатайствовать къ здѣшнимъ православнымъ, но быть удержанъ болѣзнью. О Вассианѣ троицкомъ изъ другихъ посланій Юны въ Литву знаемъ, что онъ посланъ былъ въ частности къ вдовѣ князя Александра Владимировича († 1455) Настасьѣ съ ея сыновьями Семеномъ и Михаиломъ и къ князю Юрю Семеновичу Гольшанскому,—Акт. Ист. т. I, №№ 62 и 273, у *Павл.* № 88.

²) Посланіе въ Акт. Ист. т. I, № 66, и у *Павл.* 85. Изъ его содержанія видно, что оно писано до прибытія въ Литву Григоріева и что находится въ близкой временной связи съ послѣдствиемъ туда игуменовъ Вассиана и Кассиана (рѣча о болѣзни и обѣщаніе прѣѣхать). Слова о Григоріи: «которой-то иныѣхъ, какъ слышніи, на митрополію вышелъ», должно понимать или такъ, что онъ отправлялся изъ Рима или что онъ прибылъ въ Галицію. Посланіе писано, какъ нужно думать, 20-го Декабря не 1459-го, а 1458-го года.

³) Два окружныя посланія Юны къ литовскимъ епископамъ—Акт. Ист. т. I, № 63, у *пресеч.* *Макарія VI*, 361, у *Павл.* №№ 81 и 87 (первое по времени есть то, которое у Павлова на второмъ мѣстѣ); посланіе собора московскихъ епи-

Не опасень быть Григорій для самой Москвы; однако и здесь св. Іона напечь благоразумиамъ, на всякий случай и для полной несомнѣнности, принять противъ него свои мѣры. Въ концѣ 1459-го года онъ позвалъ епископовъ московскаго великаго княжения къ себѣ на соборъ и на соборѣ заставилъ ихъ дать себѣ общее рукописательное или письменное обѣщаніе въ томъ, что они останутся неизмѣнно верными ему и его преемникамъ и что не будуть не имѣть никакого сообщенія и никакихъ сношеній съ митрополитомъ-уніатомъ¹⁾). На соборѣ не присутствовали новгородскій архіепископъ Іона и тверской епископъ Максимъ. Къ первому, который не приѣзжалъ, можетъ быть, потому, что не задолго передъ тѣмъ далъ свои обѣщанія на свое поставленіе (въ Февралѣ 1459-го года), митрополитъ счелъ за нужное написать особое напоминательное посланіе²⁾. Въ 1456-мъ году Василій Васильевичъ ходилъ войной на Новгородъ въ отмщеніе за Шемяку и, одержавъ надъ Новгородцами рѣшительный верхъ, заключилъ съ ними такой миръ, въ условіяхъ котораго были сдѣланы первые ясные шаги къ тому совершившему ихъ покоренію, которое ждало ихъ въ неособенно далекомъ будущемъ³⁾. Съ этого же времени и Новгородцы, почувствовавъ не-примиримую ненависть къ Москвѣ, принялись изъ всѣхъ силъ отставлять себя отъ нея. Можетъ быть, на Москвѣ было уже предвидѣно то, что потомъ на самомъ дѣлѣ случилось, именно—что Новгородцы отдадутся подъ покровительство польского короля. А такъ какъ вмѣстѣ съ симъ являлась бы и та опасность, что, измѣнивъ православію, они отпадутъ къ Литви въ церковномъ отношеніи; то, предусмотрительно заботясь объ отвращеніи возможной въ будущемъ опасности, митропо-

скоповъ къ епископамъ литовскимъ—Акт. Ист. т. I, № 61, и у *Навл.* № 83; посланіе Іона къ епископу смоленскому Мисаилу—Акт. Ист. т. I, № 62, и у *Навл.* № 85; Еп. посланіе Іона къ епископу черниговскому Евонію—Акт. Ист. т. I, № 273, и у *Навл.* № 88, II.—Что Казимиръ черезъ нарочное посольство предлагалъ Василію Васильевичу принять Григорія вместо Іоны, обѣ этомъ говорить самъ Іона въ окружной грамотѣ къ епископамъ, которая напечатана у преосв. Макарія въ котораго у *Навл.* № 87, и въ грамотахъ къ Мисаилу и Евонію, см. также Соловьев. 2-ю лѣт. въ Собр. лѣтг. VI, 169.

¹⁾ Рукописаніе въ Акт. Ист. т. I, № 65, и у *Навл.* № 86. Подъ пимъ неѣть даты; но епископы московскіе, отправившіе съ нашего собора посланіе епископамъ литовскимъ, писали послѣднее 13-го Декабря 1459-го года,—въ Акт. Ист. т. I, № 272, и у *Навл.* № 84.

²⁾ Оно въ Акт. Ист. № 65 и у *Навл.* № 86.

³⁾ Соловьев. Ист. т. IV, изд. 4-го стр. 95 fin. sqq.

лить и приглашает архиепископа наставлять и учреждать въ православии своихъ дѣтей, православное христианство, по своему святительскому долгу, съ великою крѣпостію. Неприбытие на соборъ тверскаго епископа Мовсея составляетъ вопросъ: онъ не явился на него, несмотря на троекратное приглашеніе митрополита, при чёмъ въ послѣдний разъ быть приглашаемъ самымъ строго-настойчивымъ образомъ¹⁾). Но намъ думается, что въ отвѣтъ на вопросъ должно быть предполагаемо то, что есть наиболѣе простое. Воне не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы епископъ тверской быть за митрополита-уніата: а поэтому—самое вѣроятное, что онъ не прибыль на соборъ по болѣзни (такъ какъ Мовсей умеръ ненавѣстно когда вскорѣ песлѣ конца 1459-го года, то можетъ быть, что послѣднее приглашеніе митрополита застало его уже на смертномъ одрѣ).

Принятіе литовскими русскими митр. Григорія не имѣло своимъ слѣдствіемъ того, чтобы между ними водворилась флорентійская унія, но оно имѣло своимъ слѣдствіемъ другое, а именно—что русская церковь весьма на долгія времена раздѣлилась въ церковно-административномъ отношеніи на двѣ особы половины московскую и кіевскую, ибо съ этого митрополита-уніата начался въ литовской Руси непрерывный рядъ отдѣльныхъ православныхъ митрополитовъ. Ниже мы будемъ вести о нихъ особья рѣчи.

Св. Юна быть поставленъ въ митрополиты въ самой Москвѣ, своими русскими епископами и безъ дозвolenія патріарха, по той причинѣ, что патріархи константинопольскіе со времени собора Флорентійскаго были уніатами. Но вскорѣ послѣ его постановленія въ митрополиты на кафедру патріаршую снова и навсегда возвращались патріархи православные, и однако его преемники начали быть ставимы, какъ поставленъ быть онъ,—въ самой Москвѣ, своими русскими епископами и безъ дозвolenія патріарховъ, такъ что съ его постановленія начинается новый періодъ въ исторіи отношеній нашихъ митрополитовъ къ патріархамъ,—періодъ полной фактической независимости первыхъ отъ послѣднихъ.

Бывъ вынужденъ поставить св. Юну у себя дома по причинѣ уніатства патріарха, Русскіе, конечно, имѣли въ виду, чтобы въ случаѣ продолженія такого порядка дѣлъ въ Константинополь подобнымъ же

¹⁾ Послѣднее приглашеніе—въ Акт. Ист. т. I, № 271, въ у *Павл.* № 82 (Новолѣтняя грамота, напечатанная безъ имени епископа въ I т. Дошли. къ Акт. Ист., № 12, принадлежитъ не сему Мовсесю, какъ предполагалъ преосв. Макарій.—VI, 41, а его преемнику Геннадію, см. у *Павлова* № 92).

образомъ ставить и преемниковъ Іоны, къ какимъ бы результатамъ не привело это своеоліе въ ихъ отношенихъ къ патріархамъ; но у нихъ при поставлении Іоны вовсе не было предрѣшено, чтобы такимъ же образомъ ставить его преемника и въ томъ случаѣ, если бы на каѳедрѣ патріаршій вмѣсто патріарховъ-уніатовъ снова явились патріархи православные. Это решеніе было принято ими уже послѣ постановленія св. Іоны и было вызвано новыми случившимся обстоятельствами, именно—взятіемъ Константионаоля Турками. Смѣшивая мотивы, по которому въ самой Россіи поставленъ быть св. Іона и по которому начали быть въ ней же ставимъ его преемники, и видя, съ какою настойчивостію Русскіе хотѣли, чтобы Іона былъ поставленъ въ самой Россіи, изслѣдователи наши полагаютъ, что тогда виолиѣ созрѣли у Русскихъ мысль и желаніе доставить своимъ митрополитамъ фактическую независимость отъ патріарховъ. Но св. Іону Русскіе непремѣнно хотѣли поставить въ самой Россіи потому, что патріархи были уніаты, а дѣйствительно ли созрѣли у нихъ указанная мысль и желаніе, это остается вовсе неизвѣстнымъ, хотя и несомнѣнно то, что созрѣло другое желаніе, это—чтобы патріархи ставили митрополитовъ русскихъ изъ природныхъ Русскихъ, уступивъ выборъ кандидатовъ въ митрополиты самому русскому великому князю съ епископами. Если бы Константионополь не былъ взятъ Турками и если бы въ тоже время на мѣсто патріарховъ-уніатовъ снова явились въ немъ патріархи православные, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что прежній порядокъ постановленія нашихъ митрополитовъ снова возстановился бы на неопределенный времена. Но спустя четыре года и пять съ половиною мѣсяцевъ послѣ постановленія св. Іоны (29-го Мая 1453-го года) Константионополь былъ взятъ Турками,—и какъ послѣ собора Флорентійскаго Русскіе хотѣли доставить фактическую независимость своему митрополиту отъ патріарха-уніата, такъ теперь, послѣ этого взятія, они приняли решеніе поставить его въ фактическую независимость и отъ патріарха православнаго.

Въ Константионополѣ послѣ его взятія Турками мѣсто православнаго императора греческаго занять мусульманскій или бусурманскій султанъ турецкій. Какъ императоръ быть мѣркимъ главою патріарха константионопольскаго, утверждать его изъ его званій и возлагать на него отличія (инсигніи) этого постѣднаго, такъ тѣмъ же стала по отношению къ нему и тоже начать дѣлать и султанъ¹⁾, вслѣдствіе чего

¹⁾ Магометъ II нарочно спрашивалъ, какъ поступали императоры при утвержденіи патріарховъ, дабы самому поступать совершенно такимъ же образомъ, см. у Круція въ Турагреціе Патріарховъ історіахъ, стр. 108.

патріархъ превратился теперь въ раба христоненавистнаго бусурмана. Но у Русскихъ не могло быть желанія, чтобы ихъ митрополитъ получалъ посвященіе отъ этого раба бусурмана, — чтобы бусурманская скверна, которую султанъ сообщать своими руками патріарху, переходила и на митрополита и чтобы черезъ рабство патріарха султану и они до иѣкоторой степени становились рабами этого непавицтника креста Христова. И дѣло шло тутъ не объ одиныхъ только отвлеченныхъ понятіяхъ и мнѣніяхъ, но и объ осозаемой дѣйствительности, ибо митрополитъ русскій, имѣвшій отправляться—предполагая, что онъ бытъ бы избираемъ дома—для посвященія въ Константинополь, обладаемый Турками, долженъ бытъ бы имѣть непосредственнія сношенія съ чиновниками турецкими, въ вѣдѣніи которыхъ находился патріархъ съ церковію,—могъ бытъ требуемъ для непосредственныхъ представлений самому султану, который могъ видимымъ образомъ поставить дѣло такъ, чтобы онъ—митрополитъ казался бы такимъ же рабомъ его, какъ и самъ патріархъ, черезъ что могли бытъ изъявляемы султаномъ иѣкоторая притязанія на верховенство и надъ самимъ великимъ княземъ. Такимъ образомъ, Русскіе должны были гнушаться мыслью, чтобы ихъ митрополитъ ходить для посвященія въ Константинополь, послѣ того какъ послѣдній достался въ невѣрия и скверния руки мусульманъ—Турокъ, и должны были находить это невозможнымъ по весьма важнымъ соображеніямъ и осозаемо практическимъ. Но было для Русскихъ и другое и противоположнаго свойства побужденіе желать, чтобы послѣ взятія Константионаоля Турками митрополиты наши стали фактически независимыми отъ патріарховъ константинопольскихъ. Мы говорили выше, какъ, по тогдашнимъ представлѣніямъ, римское царство, должноствавшее охранять Христову церковь, имѣло существовать неразрушимо до скончанія вѣка и какъ Русскіе послѣ паденія Константионаоля начали думать, что мѣсто этого втораго Рима занять третій Римъ—наша Москва. Но если послѣ паденія Константионаоля перенесла съ него на Москву такая высокая роль, то ея митрополиты могли ли оставаться при этомъ зависимыми отиѣ и получать себѣ посвященіе имено тамъ, где ведворился врагъ креста Христова? При сейчасъ указанномъ мнѣніи Русскихъ о новой высокой роли ихъ государства они должны были бы желать совершиеніи независимости своей церкви съ учрежденіемъ въ ней самостоятельного патріаршества. Но это желаніе было еще совершение виѣ помысловъ тогдашнихъ Русскихъ и вовсе не приходило имъ на умъ. Единственная свобода ихъ церкви, о которой они находили возможнымъ тогда мечтать, это — свобода фактическая: и вотъ послѣ взятія Константионаоля Турками,

но указаннымъ сейчасъ побуждениемъ, они и рѣшили доставить своимъ митрополитамъ фактическую независимость и отъ патріарховъ православныхъ, какъ во времена господства въ Константиноополь унії флорентийской рѣшили доставить эту независимость своимъ митрополитамъ отъ патріарховъ-уніатовъ.

Сейчасъ указанныя побуждения, заставлявшіи Русскихъ постѣ взятія Константиноополя Турками, желать, чтобы ихъ митрополиты были фактически независимыми отъ патріарховъ константинопольскихъ, хотя эти послѣдніе и отвергли унію, имѣли для нихъ всю свою обязательную силу. Но эти побуждения отчасти были, отчасти казались имъ, еслинкомъ субъективными и они не находили возможнымъ прямо и именно ссылаться на нихъ. Побужденіе, на которое они ссылались, было то, что будто бы порабощеніе Константиноополя Турками повредило у Грековъ чистоту истиннаго православія и что намъ истинно-православными—подразумѣвалось даѣтъ—не должно имѣть общенія съ ними, которые перестали быть истинно-православными. Трудно рѣшить, было ли это просто придумано Русскими съ цѣллю оправдать себя, т. е. свое желаніе поставить своего митрополита въ фактическую независимость отъ патріарха, подиавшаго власти Турець, или тутъ примѣнивалось искреннее мѣніе. Мы говорили выше, что у Русскихъ еще до собора флорентийского начало слагаться убѣждение о Грекахъ, будто у нихъ повредилась чистота православія. Убѣждение имѣло своимъ источниковъ своеобразный взглядъ Русскихъ на церковные обряды и на церковную вѣрность. Но, разумѣется, они искали объясненія принимаемаго ими факта не въ своихъ взглядахъ, а во вѣрѣніи принципахъ, которыми бы они могъ быть объяснены; пришелся ко времени флорентийской соборъ,—и они посѣдили провозгласить, что этотъ именно соборъ повредилъ чистоту православія у Грековъ. Очень можетъ быть поэтому, что правительство, пользуясь сообразно своимъ видамъ уже начавшимъ слагаться убѣждениемъ о поврежденности православія у Грековъ, намѣренно объявило его причиной вмѣсто собора флорентийскаго порабощеніе Грековъ Турками. Но не невозможно и то, что Русские на самомъ дѣлѣ до некоторой степени принимали, будто порабощеніе турецкое повредило чистоту православія у Грековъ. Эту чистоту православія они понимали тогда весьма своеобразно, считая непремѣннымъ ея условіемъ возможно бѣльше вѣнчаніе благолѣпіе храмовъ и богослуженія, а взятіе Константиноополя Турками дѣйствительно имѣло своимъ существіемъ совершение исчезновеніе въ послѣднемъ вѣнчанія церковнаго благолѣпія. Когда великий князь Иванъ Васильевичъ говорить въ одной изъ своихъ грамотъ, о которой бу-

деть у насъ рѣчь ниже, что «большіе церкви Божиы соборные (въ Константиноополь) турецкій царь въ мизгити (мечети) починилъ (обратилъ), а которые церкви оставилъ патреарху, на тѣхъ крестовъ несть, ии звону несть—ноютъ безъ звону», и когда оны дѣлаются отсюда выводъ: «православіе Грековъ уже изрушилося»¹⁾; то можетъ быть, что до иѣкоторой степени они говорить искренно.

Итакъ, въ правлениѣ св. Іоны, послѣ взятія Константиноополя Турками и по случаю этого взятія, у насъ принято было рѣшеніе, чтобы на будущее время ставить митрополитовъ нашихъ въ самой Москвѣ и своими русскими епископами, такъ чтобы митрополиты могли быть на будущее время фактически независимыми отъ патріарховъ.

Когда рѣшено было поставить въ самой Москвѣ самого св. Іоны по причинѣ уніатства патріарха, то сначала пытались было испросить у патріарха дозволеніе на это. Какъ состоялось дѣло въ сей второй разъ,—обращались ли къ патріарху съ проосьбой о дозволеніи и получили его или неѣть, это остается нерѣшеною вопросомъ. Позднѣйшія наши сказанія увѣряютъ, что получено было дозволеніе отъ всѣхъ четырехъ согласившихся между собою патріарховъ, которые почтили при этомъ русскаго митрополита честію первенства между всѣми митрополитами²⁾. Но противъ этихъ сказаний, подозрительныхъ и само по себѣ³⁾, мы знаемъ очень рѣшительныя возраженія. Седьмой послѣ взятія Константиноополя патріархъ, Діонісій I, говоритъ въ 1469-мъ году, что цареградская церковь не признавала и не признаетъ московскихъ митрополитовъ, какъ ставимыхъ безъ ея благословенія (см. ниже въ рѣчахъ о митр. Филиппѣ). Преп. Максимъ Грекъ

¹⁾ Въ Намѣтии. *Навігаціа* col. 711 нач. (Послѣднія слова: «православіе изрушилося» Иванъ Васильевичъ влагаетъ въ уста константинопольскаго патріарха). Что касается до времени митр. Іоны, то—соборъ московскихъ епископовъ въ своемъ посланіи къ собору литовскихъ епископовъ отъ 13-го Декабря 1459-го года говоритъ: «по грѣхомъ нашимъ и попущенію Божію, шиї царяградская церковь поклонилась, отъ нашего православія отступила въ обладаема языки»... *ibid.* col. 633 fin.; самъ митр. Іона въ своемъ посланіи къ тѣмъ же епископамъ отъ того же года говоритъ о своемъ путешествіи въ Константинополь послѣ смерти Фотія: «и достигохъ Царствующаго града, ивѣтущаго въ *прежнемъ* благочестіи греческаго православія»... *ibid.* col. 646.

²⁾ Извѣстіе о началѣ патріаршества въ Россіи.—Дополн. къ Акт. Ист. т. 2. № 76, стр. 189 col. 2, о уѣзденіи и о крещеніи Русіи въ Никон. Корич., л. 10.

³⁾ Кто касалось одного константинопольскаго патріарха, а не всѣхъ четырехъ.

укорялья Русскихъ за то, что у нихъ вопреки правиль митрополить поставляется своими епископами на Москвѣ, а не въ Царѣградѣ отъ патріарха: если бы патріархами дано было дозволеніе, то у Русскихъ была бы грамота; а если бы была грамота, то ею бы были бы заграждены уста Максима и онъ не сталъ бы дѣлать своихъ укоризнъ. Сохранился до настоящаго времени отрывокъ посланія неизвѣстнаго митрополита къ неизвѣстному патріарху, который съ вѣроятностю принимается за отрывокъ посланія митр. Іоны къ патріарху Геннадію, первому послѣ взятія Константионополя Турками¹⁾. Митрополить пишетъ патріарху, что великий князь посыпаетъ къ нему своего послы по его къ нему—князю и митрополиту приказу и писанію²⁾,—что онъ—митрополить посыпаетъ ему съ посломъ денежные поминки, какіе въ состояніи послать, и затѣмъ обращается къ патріарху съ просьбою: «да пожалуй, господине, еще покажи къ намъ свершеннюю свою духовную любовь: обожни сына моего, великаго князя посломъ, честнымъ твоимъ писаніемъ о всемъ и укрѣплениіи и въ душевную пользу великому нашему православію и за Божію церковь и за святительскую памъ честь»... Приказъ и писаніе патріарха къ великому князю и митрополиту о присылкѣ послы должно понимать такъ, что патріархъ желаетъ переговорить съ княземъ и митрополитомъ о церковныхъ дѣлахъ, по о какихъ дѣлахъ—нашихъ ли русскихъ или своихъ греческихъ, изъ сохранившагося отрывка посланія никакого этого не видно. Просьба митрополита къ патріарху обослать великаго князя писаніемъ о всемъ и (объ) укрѣплениіи съ полною вѣроятностю должна быть разумѣема о дѣлѣ поставленія нашихъ митрополитовъ, по о признаніи ли законности поставленія самого Іоны, если посланіе его, или о дозволеній ставить въ Москвѣ его преемниковъ, изъ посланія этого также не видно. Наисій Ярославовъ въ своемъ сказаніи о Спасо-каменскомъ монастырѣ говорить, что постриженника этого монастыря, игумена Кирилло-блозерскаго монастыря, Кассіана, вел. кн. Василій Васильевичъ и митр. Іона два раза посыпали въ Константионополь къ патріарху «за пѣкую потребу, о церковномъ исправленіи»³⁾. Если Наисій не смѣшиваетъ тутъ и не разумѣеть посольствъ Кассіана въ Литву, то памъ остается

¹⁾ Акт. Ист. т. I, № 263.

²⁾ Лѣтомъ 1454-го года былъ въ Россіи за имѣостью цареградскій митрополит Игнатій, сж. Нековскія 1-я и 2-я лѣтописи подъ сию годомъ. Можеъть быть, съ нимъ патріархъ и прислать приказъ и писаніе.

³⁾ См. въ Правоел. Собесѣди. 1861-го года. кн. I, стр. 210.

только пожалѣть, что онъ не сообщаетъ ничего опредѣленнаго о цѣли посольствъ и объ ихъ результатахъ¹⁾.

Какъ бы то ни было, дали или не дали патріархи свое формальное дозволеніе Русскимъ на то, чтобы ставить имъ своихъ митрополитовъ въ самой Москвѣ, но во всякомъ случаѣ положительно извѣстно, что они не протестовали открытымъ образомъ противъ самаго ставленія. Слѣдовательно, если они и не давали на него формальнаго дозволенія, то съ охотой или неохотой допустили и признавали его какъ фактъ.

Такимъ образомъ, со временемъ св. Ионы началось избрание русскихъ или точнѣе говоря—московско-русскихъ митрополитовъ непремѣнно въ самой Россіи и исключительно изъ природныхъ Русскихъ,—ихъ поставленіе въ самой Москвѣ и своими русскими епископами; вообще, со временемъ св. Ионы московско-русскіе митрополиты стали фактически независимыми отъ константинопольскихъ патріарховъ. Мы уже говорили, что должно различать побужденія, по которымъ поставленъ былъ въ самой Россіи самъ св. Иона и по которымъ решено было ставить въ Россіи его преемниковъ: самъ св. Иона былъ поставленъ въ Россіи потому, что константинопольскіе патріархи были униатами; его преемниковъ решено было ставить въ Россіи потому, что Константинополь взять былъ Турками.

Что касается до юридической стороны дѣла, то въ первомъ случаѣ, при постановлѣніи св. Ионы, Русскіе сдѣлали менѣе, нежели что должны были сдѣлать, ибо съ патріархомъ-униатомъ они должны были прервать церковный союзъ; во второмъ случаѣ они сдѣлали менѣе, нежели что могли сдѣлать, ибо они имѣли право объявить свою церковь независимою, каковое право принадлежало имъ съ самаго начала у нихъ христианства. Несознаніе Русскими своихъ обязанностей и правъ и отсутствіе у нихъ мужества дѣйствовать такъ, какъ предписывали одинъ и дозволяли другія, имѣло своимъ страннымъ слѣдствіемъ то, что ихъ поведеніе является далеко не совсѣмъ безукоризненнымъ тамъ, где бы оно могло быть совершеншено безукоризненнымъ... О значеніи

¹⁾ Нѣсколько подозрительно въ показаніяхъ Пансія то, что, по его словамъ, пришедшіи во второй разъ изъ Константиноцоля, Кассіанъ былъ отпущенъ великимъ княземъ въ свое построженіе на Камениной, между тѣмъ какъ онъ возвратился въ Каменскій монастырь изъ Кириллова въ 1468—69-мъ году, что было уже послѣ смерти Васпія Васильевича.

новаго порядка ставлениј нашихъ митрополитовъ для нашей церкви мы скажемъ ниже.

Въ лицѣ св. Ионы, поставленнаго въ самой Россіи, митрополиты наши заняли высшее положеніе, нежели какое имѣли они прежде,— стали (фактически) митрополитами автокефальными, въ соотвѣтствіе автокефальныемъ архіепископамъ греческимъ. Какъ первый таковой митрополитъ, св. Иона позаботился о виѣннѣй своей представительности. На своемъ дворѣ онъ поставилъ палату каменнную съ домовою или крестовою въ ией церковю Ризположенія Пречистыя Богородицы¹⁾; свой кафедральный Успенскій соборъ онъ украсилъ иконами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ съ драгоценными каменями, дорогими паникадилами, амвономъ и позолоченными входными вратами (корсунскими), а богослуженіе въ немъ сдѣлалъ болѣе торжественнымъ чрезъ умноженіе хора его иѣвцовъ (иѣвчихъ) и числа чтецовъ²⁾.

Послѣ 12-лѣтнаго съ мѣсяцами управлениј митрополіей св. Ионы скончался 31-го Марта 1461-го года³⁾ въ глубокой старости, ибо всего въ санѣ епископскомъ пребывалъ болѣе 30-ти лѣтъ. Въ 1-й Софійской лѣтописи читаемъ здѣсь обѣ его преставленій: «въ лѣто 6969, мѣсяца Марта въ 31, преставившися пресвященный Иона митрополитъ кіевскій и вся Руси; бѣ же тогда зрѣти лице его не яко же бѣ обычай мертвымъ, но яко сияющу показуяся за великое и преславное его житіе, якоже слышають о немъ, еже отъ юности якоже древніи святіи отці»⁴⁾. Въ самий годъ смерти св. Ионы архіепископъ новгородскій Иона возревновалъ прославить его память канономъ, который и написалъ по его порученію живій тогда въ Новгородѣ извѣстный творецъ каноновъ и житій Нахомій Сербінъ, «вѣдіище бо,—говорится въ житіи его—Ионы новгородскаго,—его добродѣтели, сего ради и память его каноны почте равно со святыми»⁵⁾. Въ 1472-мъ году, по случаю перестройки московскаго Успенскаго собора, были обрѣтены нетлѣнны-

¹⁾ Никон. лѣт. V, 217, Софійск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. V, 270.

²⁾ «Слово избрано отъ святыхъ писаній, еже на латыню», у Попова въ Историко-литературномъ обзорѣ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ, стр. 382.

³⁾ У Ташницева, IV, 593, ошибочно или неправильно—17-го Марта.

⁴⁾ Собр. лѣтт. V, 273 нач..

⁵⁾ Въ Памятникахъ Кушелева-Безбородко. IV, 33 сол. 2 (сfr у Ключевск. въ Житіяхъ стр. 121).

ными мощи св. Ионы, и вел. кн. Иванъ Васильевичъ съ митр. Филиппомъ поручили тому же Пахомію Сербину написать канонъ на это обрѣтеніе его мощей¹⁾ и установили мѣстное ему празднованіе въ соборѣ. Торжественное общекерковное празднованіе его памяти было установлено при митр. Макарії въ 1547-мъ году.

---

¹⁾ Собр. лѣтт. VI, 196. Говорится не совсѣмъ ясно, что изъ двухъ — канонъ или похвальное слово: ср. Восток. Румянц. Муз. № 397 л. 161, стр. 595.

МИТРОПОЛИТъ ФЕОДОСІЙ.

На мѣсто св. Іоны поставленъ быть въ митрополиты архіепископъ ростовскій Феодосій,—тотъ самыи, который въ 1455-мъ году былъ судимъ за нарушение устава о постѣ¹⁾).

Необычнымъ образомъ совершено было избрание этого втораго митрополита, имѣвшаго быть поставленнымъ въ самой Россіи: его избрать самъ св. Іона еще при своей жизни. Когда великий князь Василій Васильевичъ позналъ немощь Іоны, т. е. увидѣлъ, что приближается его смертный часъ, то позвалъ въ Москву нѣкоторыхъ епископовъ, и умиравшій митрополитъ, разсудивъ и обговоривъ съ ними—великимъ княземъ и призванными епископами, избрать и благословить своего будущаго преемника—нашего Феодосія; онъ написалъ на его имя свою благословенную грамоту, которую, утвердивъ своею подписью и печатью, положилъ на престолъ въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ²⁾.

Въ объясненіе этого необычнаго избрания предполагаютъ, что всего вѣроятнѣе было поступлено такимъ образомъ съ цѣллю предотвратить между русскими (московскими) епископами всякия колебанія въ выборѣ преемника Іонѣ и чрезъ то лишить польского короля Казимира единственнаго благовиднаго случая вновь ходатайствовать о принятіи лжемитрополита Григорія на каѳедру московской митрополіи. Но такихъ колебаній между епископами, которые бы дали Казимиру предложить вмѣшаться въ дѣло, вовсе не могли ожидать и опасаться; подъ

¹⁾ Феодосій, по фамиліи Бывалыцевъ (1-я Соф. лѣт. подъ 1454-мъ и 1466-мъ годами), былъ поставленъ въ архіепископы ростовскіе изъ архимандритовъ московскаго Чудова монастыря въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1454-го года (Типogr. лѣт. стр. 258); въ Чудовомъ монастырѣ онъ былъ архимандритомъ въ продолженіе 10-ти лѣтъ (его собственное сказаніе о чудесахъ при гробѣ св. Алексія.—Собр. лѣтт. VI, 326 бп.).

²⁾ См. грамоту епископовъ, бывшихъ въ Москвѣ при избрании Іоною Феодосія, къ тверскому епископу Геннадію, въ Акт. Ист. т. I, № 69, и у Нава, въ Пам. № 93.

какими бы предлогами онъ не попытался спасти предложить Григорія, въ Москвѣ вовсе не нуждались для отказа ему въ томъ предлогъ, что уже имѣютъ митрополита, ибо безъ всякихъ предлоговъ ему былъ отказъ тотъ, что не хотять и слышать о митрополитѣ-униатѣ, присланномъ папою¹⁾). Съ болѣшюю вѣроятностю можно было бы предполагать, что опасались патріарха константинопольскаго, какъ бы онъ не попытался съ поспѣшистю навязать имъ своего кандидата. Но при всѣхъ близайшемъ вниманіи къ дѣлу и это не оказывается состоятельнымъ: весьма не скоро патріархъ могъ узнать о смерти въ Москвѣ митрополита, а между тѣмъ здѣсь имѣли возможность избрать преемника ему тотчасъ же послѣ его смерти. Обращаясь къ предшествующей нашей исторіи, мы находимъ тамъ объясненіе необычнаго избрания Феодосія въ митрополиты. Въ предшествующее послѣмонгольское время было такъ, что если кандидата въ митрополиты избрали въ самой Россіи, то онъ избираемъ и благословляемъ быть самимъ прежнимъ митрополитомъ заживо или при своей жизни: св. Петръ избрать было и благословить въ свое мѣсто пѣкоего архимандрита Феодора; Феогностъ избрать и благословить св. Алексія; св. Алексій (хотя, можетъ быть, и не съ особенной охотой) — архимандрита Михаила (Митія). Въ первые два раза это было едва ли по нуждѣ: великому князю Ивану Даниловичу Калитѣ, въ видахъ государственныхъ, весьма желательно было, чтобы преемникомъ св. Петра быть человѣкъ столько же ему преданный, какъ и этотъ послѣдний, — и онъ рѣшилъ избрать преемника въ самой Россіи; но такъ какъ онъ въ свое время вовсе не могъ надѣяться, чтобы епископы русскіе избрали имѣнию человѣка ему угоднаго, то Петру вмѣстѣ съ нимъ и назначилъ своего преемника самъ при своей жизни; руководясь подобными же побужденіями, Феогностъ избрать своимъ преемникомъ св. Алексія. Въ третій разъ, при назначеніи преемника св. Алексію, не было особенной нужды, чтобы благословить его самъ Алексій, и однако Дмитрій Ивановичъ Донской, какъ увѣряютъ свидѣтельства, настоятельно добивался отъ Алексія этого благословенія: ясно, что послѣ двухъ предшествующихъ примѣровъ Дмитрій Ивановичъ считалъ для себя уже обязательнымъ поступить такъ, а не иначе, — что эти два примѣра онъ считать

¹⁾ Въ непосредственно современномъ сказаніи: «Слово избрано отъ святыхъ писаний еже на латиню» говорится, — у Попова въ Историко-литературномъ обзорѣ стр. 393, не то, чтобы Феодосія избрали при жизни Юона ради Григорія, а то, что ради послѣдняго поспѣшили съ его — Феодосія поставленіемъ.

уже за правило для себя. А такимъ образомъ, сейчасъ указаниемъ и дается намъ объясненіе того, почему Феодосій избранъ быль необычнымъ образомъ. И его преемникъ, о чёмъ скажемъ ниже, быль избранъ такъ же, какъ и онъ. Могло бы казаться исключительною особенностью то, что св. Іона написать свою благословенную грамоту на его имя; но на самомъ дѣлѣ и это не составляло исключительной особенности: мы знаемъ, что св. Алексій далъ свою грамоту на имя архимандрита Михаила (см. выше стр. 231); стѣдовательно, есть основанія предполагать, что и въ остальныхъ предшествующихъ случаяхъ было такъ же ¹⁾.

Избранный самимъ св. Іоною при своей жизни, Феодосій быль облечень сапомъ митрополита, чтобы запить его мѣсто, въ весьма непродолжительномъ времени постѣ его кончины,—или иль самый 40-ї день по немъ (сорочини) или еще пѣсколько ранѣе, 9-го или 3-го Мая 1461-го года ²⁾.

Особенность поставленія Феодосіева, зависѣвшую отъ обстоятельствъ времени, составляло то, что епископы митрополій, каковою она осталась по отпаденіи или по отторженіи отъ Москвы літовской Руси, должны были повторить при семъ новому митрополиту даннаго ими св. Іонѣ обязательства не приступать къ явившемуся въ Літвѣ митрополиту-уніату Григорію и не вступать съ нимъ иль въ какія спошнія. Какъ уже мы говорили выше, не было основаній оцаститься Григорія ии за одного изъ епископовъ митрополій, за исключеніемъ новгородскаго (и въ послѣднемъ случаѣ не за самого епископа, а за его пастырь); но въ Москвѣ любили возможную осторожность и осмотрительность и поэтому вовсе не сочли излишнею формальность повторенія со стороны епископовъ ихъ обязательствъ. Епископы, лично присутствовавши при посвященіи Феодосія, повторили обязательства, можетъ быть, устно, а гораздо вѣроятнѣе—въ парочитой, не дошедшей до насъ, грамотѣ; епископы, не присутствовавши при посвященіи и изъявивши свое согласіе на поставленіе посредствомъ повольныхъ грамотъ, повторили его или дважды—въ этихъ повольныхъ грамотахъ

¹⁾ Пожалуйте «Слово избрано» ради эффекта представляеть дѣло съ грамотой Іоны на имя Феодосія не совсѣмъ такъ, какъ оно было, а именно—утверждаетъ, будто грамота была написана Іоной тайно и будто она была обрѣтена послѣ его смерти.—у *Попова* стр. 393.

²⁾ 9-го Мая по Типографск. лѣт., 3-го Мая по Софійск. 1-й и 2-й лѣт.; представляется болѣе вѣроятнымъ первое число потому, что 9-е Мая было 40-мъ днемъ по Іонѣ.

и потомъ въ нарочитыхъ присяжныхъ грамотахъ, данныхъ самому новому митрополиту, или же по крайней мѣрѣ однажды—въ первыхъ грамотахъ¹⁾.

Говоря выше о поставлении въ митрополиты въ самой Россіи св. Іоны и за нимъ Феодосія, мы говорили, что по однимъ причинамъ поставленіе было первый и по другимъ—второй. Св. Іона поставленіе было въ самой Россіи потому, что въ Константинополь патріархи были упнati. Если бы возвратились на каоедру патріархи православные и въ тоже время Константинополь не былъ взятъ Турками, то перестали бы существовать и причины, по которымъ они былъ поставленіе. Но въ его нравленіе Константинополь быть взять Турками, и Русскіе рѣшили, чтобы ихъ митрополиты были поставлены дома и стали фактически независимыми отъ патріарховъ и несмотря на то, что послѣдніе снова стали православными: съ одной стороны они не хотѣли, чтобы ихъ митрополиты были поставлены патріархами, которые сдѣлались рабами турецкихъ султановъ, а съ другой стороны—новая высокая роль въ христіанскомъ православномъ мірѣ, которую, по ихъ представлениіямъ, наслѣдовали ихъ великие князья отъ исчезнувшихъ императоровъ греческихъ, требовала, по ихъ мнѣнію, на будущее время самостоятельности и ихъ митрополитовъ. Такимъ образомъ, новый періодъ отношений русскихъ митрополитовъ къ константинопольскимъ патріархамъ,—періодъ фактической независимости ихъ отъ послѣднихъ и фактической автокефалии начинается собственно съ Феодосіемъ. А такимъ образомъ, поставленіе Феодосія въ митрополиты было весьма важнымъ событиемъ русской церковной исторіи, начинавшимъ въ отношеніи къ положенію митрополитовъ новый ея періодъ. Но оно было вмѣстѣ весьма важнымъ событиемъ и исторіи гражданской: Феодосій былъ первый митрополитъ, котораго великий князь утвердилъ (инвестировать и инсталлировать) самъ непосредственно и единственно въ своемъ качествѣ преемника императоровъ греческихъ. Правительство чувствовало потребность обратиться по поводу важнаго события съ своими рѣчами къ обществу, чтобы направить его пониманіе извѣст-

¹⁾ Не присутствовали при посвященіи и язвявили свое согласіе на поставленіе посредствомъ новольнѣй грамотъ Іона новгородской и Геннадій тверской,—Никон. лѣт. V, 288. Новольная и присяжная грамоты втораго, съ прописаніемъ нашего обязательства, у *Павл.* въ Намм. №№ 92 и 94 (первая безъ конца и въ лѣт. Ист. т. I, № 274). О новольной грамотѣ первого, съ тѣмъ же прописаніемъ обязательства, въ посланіи къ нему митрополита отъ 8-го Июля 1461-го года,—лѣт. Ист. т. I, № 275, и у *Павл.* № 95.

нымъ образомъ, и оно сдѣлало это посредствомъ издавія своего рода политической брошюры: «Слово избрано отъ святыхъ писаний еже на латыни», о которомъ мы говорили выше (стр. 475). Въ словѣ по отношению къ событию, въ его изъясненіе и оправданіе, проводятся, хотя далеко и не съ полной ясностью и открытостію, двѣ мысли: во-первыхъ, что великий князь есть преемникъ императоровъ греческихъ; во-вторыхъ, что у насъ въ Россіи благочестіе выше, нежели въ порабощенной Турками Греціи.

Имя митр. Феодосія вовсе не принадлежитъ къ числу особенно известныхъ именъ нашей русской церковной исторіи. Взглядъ современниковъ и ближайшихъ потомковъ отнесъ его къ категоріи обыкновенныхъ, рядовыхъ, нашихъ митрополитовъ. А таѣль какъ онъ занималъ каѳедру митрополіи несъмъ недолгое время, таѣль сказать—только мелькнуть на ней, то по сей причинѣ и въ ряду обыкновенныхъ нашихъ митрополитовъ ему нужно было бы давать мѣсто самое невысокое. На самомъ дѣлѣ митр. Феодосій принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся изъ обыкновенного ряда и наиболѣе замѣчательныхъ нашихъ митрополитовъ, таѣль что ему безспорно должно быть усвоено въ ихъ средѣ одно изъ наиболѣе высокихъ и одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ. Во все время нашей старой Руси приходское духовенство наше было очень недоброкачество: но много ли было у насъ митрополитовъ, которые бы помышляли объ улучшении этого духовенства со всею серѣзностію,—которые бы хотѣли ставить подобное улучшеніе одною изъ своихъ парочитыхъ задачъ? А митр. Феодосій принадлежалъ именно къ небольшому числу этихъ нашихъ митрополитовъ.

Въ «Актахъ историческихъ» напечатана грамота безымянного ростовскаго архіепископа, которая усвоена издателями нашему Феодосію и которою архіепископъ призываетъ духовенство Бѣлозерской области на мѣстный соборъ въ городъ Бѣлозерскъ¹⁾). Грамота усвоена издателями Феодосію безъ всякаго основанія²⁾; но есть дѣйствительныя изъ-которыхъ основанія усвоить ее ему: въ ней даётъ видѣть себѣ такой же ревностный пастырь, какимъ показалъ себя Феодосій на каѳедрѣ митрополита.

¹⁾ Т. I, № 64. Съ возстановленіемъ безымянности подлинника перепечатана въ Памятни. Павлова, № 125. col. 873.

²⁾ Поступая до послѣдней степени неподумально, издатели внесли въ грамоту имя Феодосія безъ всякихъ оговорокъ, чѣмъ вводили изслѣдователей въ грубое заблужденіе (и къ великому ирискорѣю, поступаютъ такъ вовсе не одинъ разъ).

полічкої¹⁾). Въ древнее и старое время епархія ростовская состояла изъ двухъ частей: изъ области собственно ростовской и изъ обшириаго Бѣлозерья или области бѣлозерской (см. I т. 1-ю полов., стр. 559). Иѣть сомнійшія, что было далеко не весьма доброкачественно духовенство и собственной ростовской области; но уже прямо было таковыи духовенство глухаго Бѣлозерья: будучи удалено отъ архіерейскаго надзора, духовенство это по своимъ качествамъ приближалось къ духовенству вѣтскому, о которомъ мы говорили не много выше. Въ древней и старой Руси средство для архіереевъ дѣлать поученія и преподавать наставленія приходскимъ священникамъ представляли ежегодные епархиальные соборы, составлявшіеся при архіерейскихъ каѳедральныхъ церквяхъ въ такъ называемое отъ нихъ сборное воскресенье (ибо въ древнемъ языкѣ соборъ—съборъ, *ibid.* стр. 399). На этихъ соборахъ неизвѣстный архіепископъ и хотѣть обличать и учить бѣлозерскихъ священниковъ, желая искоренить между ними хотя такое злоупотребление, какъ вѣнчаніе четвертихъ браковъ; но священники бѣлозерскіе не хотѣли пріѣзжать на соборы. Четыре года пробылъ архіепископъ на ростовской каѳедрѣ и не могъ добиться того, чтобы заставить являться къ себѣ этихъ священниковъ. Тогда онъ самъ рѣшился побѣхать въ Бѣлозерскъ, чтобы тамъ составить нарочитый соборъ изъ мѣстного духовенства. Нашею сохранившуюся грамотою онъ и приглашаетъ бѣлозерское духовенство на соборъ въ Бѣлозерскъ, угрожая осуждениемъ изверженіемъ съ сиященіаго сала и всею строгостю церковныхъ казней.

Принадлежитъ или не принадлежитъ грамота Феодосію и слѣдовательно—имѣемъ или не имѣмъ мы доказательство, что онъ показать себя ревностнымъ настыремъ, будучи архіепископомъ ростовскимъ: но во всякомъ случаѣ, ставъ митрополитомъ, онъ рѣшилъ настоятельнымъ и энергическимъ образомъ приступить къ исправленію духовенства своей митрополичкої епархіи, въ томъ, какъ нужно думать, намѣреніи, чтобы поточь простереть свои заботы въ семъ отишениіи и на всю митрополію. Тогдашнее духовенство наше было очень неудовлетворительно и требовало исправлений; Феодосій быль чловѣкъ пе-рядовой, созиавший нужду и исполненный желанія предпринять это

¹⁾ На основаніи выраженія архіепископа въ грамотѣ: «поставленъ есмъ въ Руси архіепископомъ». Навсіть предполагаетъ, что онъ быль пришлецъ на Русь. слѣдовательно—бывшій ростовскимъ архіепископомъ съ 1418-го по 1425-й годъ Грекъ Діоній. Но подобнымъ образомъ могъ выразиться и природный Русскій.

исправлениe: воть собственная и простая причина принятаго имъ рѣшениe. Но со всею вѣроятностю слѣдуетъ думать, что па его волю и энергію имѣла немалое вліяніе и сознававшаяся имъ особенность его положенія. Съ его поставленія въ митрополиты начался новый, такъ сказать—вышшій, періодъ исторіи русской церкви. Совершенно естественно было, чтобы онъ, будучи человѣкомъ нерядовымъ, сознавать лежавшую на немъ обязанность позаботиться объ улучшениe русской церкви въ лицѣ ея духовенства, такъ чтобы церковь стала по возможності достойною своего новаго вышшаго положенія. Внослѣдствіи времени мы видимъ, что подобное сознаніе особенности положенія имѣло чрезвычайно сильное вліяніе на дѣятельность другого митрополита, принадлежавшаго къ числу людей нерядовыхъ, это—митр. Маркари, при которомъ Россія заняла вышшее государственное положеніе, формально сдѣлавшись изъ великаго княжества царствомъ.

Подъ исправлениемъ духовенства, которое задумалъ митр. Феодосій, вовсе не должно разумѣть исправленія въ какомъ нибудь слишкомъ обширномъ смыслѣ. Феодосій вовсе не могъ помышлять о томъ, чтобы заставить нашихъ священниковъ стать сколько нибудь настоящими пастырями-учителями народа, ибо отъ людей едва грамотныхъ, полуграмотныхъ и совсѣмъ безграмотныхъ, какъ можно было требовать, чтобы они были учителями? Единственное исправление духовенства, о которомъ могъ помышлять митр. Феодосій, это—чтобы оно не слишкомъ худо было по своей жизни,—чтобы священники, вовсе не помышляя о какомъ нибудь учительствѣ и оставаясь простыми механическими совершилителями для народа церковныхъ службъ, таинствъ и требъ, не слишкомъ соблазнили народъ своюю плохую жизнью; однимъ словомъ—исправление духовенства, предпринятое митр. Феодосіемъ, имѣло состоять единственно въ исправлениe собственной порочной жизни духовенства.

Митрополитъ повелъ дѣло такимъ образомъ, что началь каждое воскресенье призывать и вызывать къ себѣ по известному количеству священниковъ, т. е. особению худыхъ между ними, и начать ихъ учить по святымъ правиламъ, т. е. началь бранить ихъ и убѣщевать, угрожая имъ строгостью наказаній (выражаясь иѣсколько вульгарнымъ языкомъ—началь чинить священникамъ гонки и переборы). Въ отношеніи къ священникамъ и діаконамъ вдовымъ, которые производили тогда своюю жизнь истиинный и великий соблазнъ, онъ употребилъ рѣшительныя мѣры: тѣмъ изъ нихъ, которые не имѣли открытыхъ наложницъ, онъ, согласно узаконенію св. Петра, подтвержденому Фотіемъ, приказать стричься въ монахи, а тѣхъ, которые имѣли этихъ откры-

тыхъ наложницъ, онъ нещадно наказывать и штрафовать и потомъ лишать священства.

Но увы! эта попытка митр. Феодосія исправить духовенство своеї митрополичьей епархії, им'вшиа, какъ должно думать, простереться потомъ и на всю митрополію, была весьма неуспешна и окончилась полной неудачей, доказавъ ту печальную истину, что человѣкъ, выступающій на борьбу съ какимъ нибудь общественнымъ зломъ одноко и вопреки обществу, или падаетъ въ борьбѣ или долженъ бынаетъ отказаться отъ нея и положить оружіе. Въ то время, по принципу совершиенной безпрепятственности открывать приходы и по принципу крайней легкости доставать священниковъ, о чёмъ мы говорили прежде (I т. 1-я полов., стр. 410) и о чёмъ будемъ говорить послѣ, у насъ было приходовъ великое множество. Когда митрополитъ начальствомъ строгой переборъ священниковъ и многихъ изъ нихъ запретилъ и лишилъ священства, то многіе приходы оказались безъ священниковъ. Совершенно довольный своими плохими священниками и не- сколько не сочувствуя цѣли, съ которой митрополитъ поднялъ на нихъ свое гоненіе, темный народъ видѣлъ только результатъ, къ которому приводило для него гоненіе, и за этотъ результатъ, т. е. за то, что многія церкви остались безъ священниковъ и безъ піснія, народъ началъ проклинать митрополита. Тогда митрополитъ съ своей стороны, увидѣвъ, что его благая ревность вместо благословеній народныхъ привлекла на него безумія проклятий, поспѣшилъ оставить каѳедру, пробывъ на ней и всего три года и четыре мѣсяца (13-го Сентября 1464-го года). Вотъ разскaзъ лѣтописи о неудавшемся попыткѣ Феодосія, заставившей его оставить каѳедру: «(ставъ митрополитомъ) восхотѣ поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь: нача ихъ на всяку недѣлю ссыпать и учiti по святымъ правиломъ, и вдовцомъ діакономъ и попомъ повелѣ стричиця, а иже у кого наложницы будуть, тѣхъ мучити безъ милости и священство стымаи съ нихъ и продаваше ихъ; а церквей много наставлено, а кто толико не хотише ¹⁾ дѣлati рукодѣлія—всѧкой въ попы, тѣмъ ся и кормишу и постѣдоваху и потѣскымъ и похотѣмъ, зане бо не Богу служити изволиша, по лготу (искаку) тѣлу своему; и востужиша людіе, многи бо церкви безъ поповъ, и начаша его (митрополита) проклинати» ²⁾...

¹⁾ Тутъ мы исправляемъ напечатанное чтеніе лѣтописи, въ которой: «а хотише».

²⁾ Софійск. 2-я лѣт. подъ 1465-мъ годомъ,—Собр. лѣт. VI, 186.

Неожиданныя проклятия народные такъ поразили митрополита, что онъ впалъ въ болѣзнь. Выздоровѣвъ и отказавшись отъ каѳедры, онъ удалился въ Чудовъ монастырь, въ которомъ былъ архимандритомъ до поставленія въ архиепископы ростовскіе, и здѣсь, можетъ быть—желая загладить невольную вину причиненнаго народу облазна, взять въ свою келью разслабленнаго старца, съ тѣмъ, чтобы служить ему и омывать его струпы^{1).}

Сообщимъ замѣчательное недолговременное правленіе Феодосіева.

Митрополитъ два раза посредствомъ своихъ грамотъ напоминалъ архієпископу новгородскому Іонѣ обѣтъ не признавать Григорія литовскаго и не имѣть съ нимъ никакого общепія,—въ первый разъ въ самомъ началѣ своего правленія, во второй разъ—подъ конецъ его, когда привѣтъ намѣреніе оставилъ каѳедру^{2).} Въ правленіе Феодосія, такъ же какъ и св. Іоны, у Новгородцевъ, кажется, еще не заходило рѣчей о томъ, чтобы отдаваться подъ покровительство короля польскаго; но въ Москвѣ, какъ говорили мы выше, имѣли нѣкоторыя основанія предвидѣть эту опасность. Затѣмъ, какъ нужно думать, здѣсь опасались стараній со стороны самого Григорія, т. е. чтобы онъ собственными своимъ предложеніями, подкрепляемыми указаніемъ политическихъ выгодъ, не увлекъ Новгородцевъ. Наконецъ, здѣсь, какъ мы тоже говорили, вообще были весьма осторожны и были ревностными послѣдователями того правила, что лучшее предотвращать опасности,

¹⁾ Митр. Феодосію принадлежатъ два церковныхъ слова: на Рождество Богородицы, известное только по указаніямъ, см. Прибавл. къ творр. свв. отц. ч. 16, стр. 213, и похвальное апостоламъ Петру и Павлу, извлеченія изъ котораго напечатаны въ Изѣбѣтіяхъ Акад. И., т. II, стрр. 325—328. Но если неизѣстное его слово столько же мало есть его собственное произведение, какъ и изѣстное: то его права быть полагаему въ числѣ нашихъ церковныхъ ораторовъ очень не великы. Это изѣстное его слово, поскольку оно изѣстно по напечатанному, представляетъ буквальное заимствованіе изъ Григорія Цамблака (за включеніемъ начала: «Хощу—помыслъ»). Еще принадлежатъ митр. Феодосію письменныя произведенія: сказаніе о чудѣ, бывшемъ при гробѣ св. Алексія,—Собр. лѣтт. VI, 325 би., и кондаки въ иконы на Успеніе Богородицы, см. у Ключевской изъ Житіяхъ, стр. 169 прим. 1. И еще сохранился отрывокъ его учительного посланія въ Иченійскій монастырь,—Акт. Ист. т. I, № 276, и изъ Иаковіи. Павлова № 96 (при чёмъ одна половина сохранившагося какъ будто представляетъ что-то анонтическое, а другая есть буквальное заимствованіе изъ посланія св. Іоны въ Боголюбовъ монастырь).

²⁾ Первая грамота въ Акт. Ист. т. I, № 275, и у Павл., въ Иак. № 95; о второй—въ отвѣтной грамотѣ Іоны Феодосію,—у Павл. № 99.

чѣмъ отвращать ихъ. Первая грамота Феодосія Іонѣ съ указаннымъ напоминаніемъ—оть 8-го Іуля 1461-го года, т. е. написана и всего спустя два мѣсяца постѣ его постановленія въ митрополиты. Какъ кажется, къ ея написанію былъ особенный поводъ. Іона вѣдѣтъ съ другимъ епископомъ—Геннадіемъ тверскимъ не присутствовать лично при его поставлениі и прислать относительно сего свою повольную грамоту. Но тогда какъ епископъ тверской повторилъ свой обѣтъ не признавать Григорія и не сообщаться съ нимъ не только въ повольной грамотѣ на него—Феодосія избрание, но и въ присяжной грамотѣ ему самому, Іона не присыпалъ ему послѣдней грамоты¹⁾), вѣроатно—находя ее излишнею. Поэтому, на нашу грамоту митрополита къ архіепископу съ вѣроятностію можно смотрѣть какъ на косвенный и деликатный укоръ послѣднему за несоблюденіе имъ должной, не знаемъ—нарочито требованій или не требований отъ него, формальности. Во второй разъ митрополитъ напоминалъ архіепископу сбъ его обѣтъ въ своей грамотѣ къ нему, въ которой извѣщалъ его о своемъ рѣшеніи оставить каѳедру, и можетъ быть, что напоминаніе не составляло главной цѣли грамоты, а сдѣлано было только кстати. Отвѣтъ архіепископа митрополиту какъ будто звучить такъ, что онъ наконецъ обидился на слишкомъ частыя напоминанія; Іона отвѣчаетъ Феодосію: «а еже пишешъ къ намъ, господинъ и отецъ нашъ, о Григоріи, Непорову ученику и ревнителю, еже не примѣшатися, якоже тогда, тако и нынѣ къ нему: илю, господине и отче, не обычѣ домъ Премудрости Божії святыя Софія волка вмѣсто паstryя пріимати, ии горкаго вмѣсто сладкихъ, ииже каменію причащатися, хлѣбу предлежащу, но дръжатися истиннаго паstryя, иже днерми въ ограду овцю приходящаго и душю за овця полагающа, а не отъ Рима прелазящаго».

Въ Новгородѣ, такъ же какъ и въ пригородѣ его Псковѣ, міряне принимали очень большое участіе въ церковныхъ дѣлахъ, такъ что имѣли съ ихъ стороны мнѣсто—и посагательство на завѣданіе епархіальной властью низшимъ бѣльмъ и чернымъ духовенствомъ и вмѣшательство въ пользованіе духовенствомъ недвижимыми церковными имѣніями: обстоятельно будемъ говорить объ этомъ во второй половинѣ тома, въ главѣ обѣ управлений. Послѣ грамоты о семъ, т. е. собственно—противъ него, митр. Кипріана, адресованной къ Новгородцамъ по проосьбѣ архіепископа Іоанна, существуетъ грамота къ нимъ нашего митр. Феодосія, написанна, вѣроатно, по проосьбѣ архіепископа

¹⁾ Чго Іона не присыпалъ присяжной грамоты самому Феодосію, это видно изъ нашей грамоты къ нему послѣдняго.

Юны. Въ грамотѣ, отъ 26-го Января 1463-го года, митрополитъ увѣщаваєтъ новгородскія мѣрскія власти—во-первыхъ, не посягать на права архіепископа надъ духовенствомъ, во-вторыхъ—не посягать на недвижимыя церковныя имѣнія¹⁾.

Въ концѣ 1463-го года Нековици обращались къ вел. кн. Ивану Васильевичу (ембниншему своего отца Василія Васильевича 27-го марта предшествующаго 1462-го года), съ просьбою о томъ, чтобы онъ приказалъ митрополиту поставить для нихъ особаго отъ Новгорода епископа, родомъ своего Нековитина. Это была вторая попытка Нековицей приобрѣсти себѣ особаго епископа постѣ попытки, сдѣланной въ 1331-мъ году при великомъ князѣ Иванѣ Даниловичѣ и митр. Феогностѣ. Въ тотъ разъ они льстились надеждой начать независимое отъ Новгорода политическое существование. На этотъ разъ побужденіемъ къ просьбѣ было другое, а именно—что ихъ ссоры съ Новгородцами, при которыхъ архіепископъ новгородскій, само собой разумѣется, становился на сторону послѣднихъ, производили вражду между ними и ихъ настыремъ, каковое обстоятельство было для нихъ въ высшей степени неудобно и въ отношеніи церквино-духовномъ и въ отношеніи политическому. Въ 1463-мъ году у Нековицей была война съ Иемдами, при чёмъ Новгородцы вовсе не хотѣли пособить имъ. Покоривши по этому поводу съ Новгородцами и съ владыкой и по всей вѣроятности—разсчитывая на то, что у великаго князя начались большие нелады съ первыми съ самаго вступленія на престолъ, они и обратились къ государю съ своей просьбой. Но и на этотъ разъ они потерпѣли неудачу. Прежде вовсе не соотѣствовали видамъ Моецъ ихъ мечты о независимости отъ Новгорода; теперь причиной отказа были именно натянутыя отношенія великаго князя къ Новгороду: онъ не хотѣлъ первый подавать повода къ открытой ссорѣ. Единственнымъ утѣшениемъ для Нековицей было то, что отказъ былъ данъ имъ не въ рѣзкой формѣ, такъ какъ великий князь, избѣгая открытой ссоры съ Новгородцами, не хотѣлъ ссориться и съ ними. Сначала Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ Нековицамъ: «тѣ есть дѣло велико, хотимъ съ своимъ отцемъ (митрополитомъ) гораздо мыслити, и отецъ наши пошлетъ по наши богомольцы, а по свои дѣти—по архіепископы и по епископы, и будетъ ли подобно тому быти, и мы вамъ откажемъ (отвѣтимъ), какъ будетъ пригоже». Потомъ, черезъ мѣсяцъ съ 10-ю днями, онъ отвѣчалъ: «язь князь великой хощу о томъ слати своихъ пословъ въ Венецию».

¹⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 77, въ Памл. въ Намм. № 97.

ликои Новгородъ, также и къ вамъ во Исковѣ моей отчинѣ изъ Новагорода будуть мои послы, и все за ними вамъ будетъ явлено: язъ князь великой Иванъ Васильевичъ радъ печаловатися вами, своею отчиною, съ своимъ отцомъ Феодосиемъ всеа Руси митрополитомъ». Наконецъ, послѣ минимаго гораздаго мышленія съ митрополитомъ, великой князь положительно отказалъ Исковичамъ въ ихъ просьбѣ, сказавъ: «что не мочно быти во Исковѣ владыцѣ, занеже искони не быватъ, а не столь во Исковѣ», т. е. такъ какъ Исковъ не составляетъ особаго уѣзла¹). По поводу войны съ Нѣмцами и своего гиѣва на Новгородцевъ и архіепископа Исковичи въ продолженіе двухъ лѣтъ держали подъ сѣквестромъ недвижимая имѣнія постѣдияго, находившіяся въ псковской области, употребляя доходы съ нихъ на свои общественныя надобности²). На этотъ захватъ Исковичей архіепископъ жаловался митрополиту, а митрополитъ послалъ свою грамоту во Исковъ, настоятельно убѣждая Исковичей церкви Божіей не обидѣть и во всемъ исправиться къ архіепископу и предостерегая ихъ, да не будетъ имъ въ противномъ случаѣ иѣчто иначально по указанию святыхъ правилъ³.

Въ прашеніе митр. Феодосія русская церковь разширила свою духовную территорію среди инородцевъ, принадлежавшихъ къ государственной территоїи нашего отечества, именно—Іона, епіскопъ пермскій, докончилъ крещеніе Нерманъ или Нермаковъ, начатое св. Стефаномъ пермскимъ. Мы говорили выше, что народъ финнскаго племени Нермане или Нермаки раздѣлялся на двѣ половины—на половину сѣверную, обитавшую въ восточной половинѣ южнѣйшей вологодской губерніи и отчасти въ губерніи архангельской, которая посила у насъ название Зырянъ, и на половину южную, обитавшую изъ южнѣйшей пермской губерніи, которая посила собственное название Нерманъ или Нермаковъ. Первую половину Нерманъ или Зырянъ крестилъ св. Степанъ пермскій, скончавшійся въ 1396-мъ году; вторую половину Нерманъ, называвшихся именно этимъ постѣднимъ именемъ и страна которыхъ называлась у Русскихъ Великою Нермью, крестилъ четвертый

¹) Исковск. 1-я лѣт. подъ 1464-мъ годомъ.—Собр. лѣтт. IV, 227 и 228. Вероятно, чтобы уѣхать Исковичей, великой князь подарила имъ послу такую диковинную вещь, какъ верблюдъ!

²) Таже лѣт. подъ 1465-мъ годомъ.—въ Собр. лѣтт. стр. 229.

³) Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 277, и у Пасл. въ Нам. № 98.

преемникъ Стефана на кафедрѣ пермской, помянутый Иона¹⁾). Къ сожалѣнію, обѣ аностольскомъ дѣяніи Ионы мы не имѣемъ никакихъ подробнѣхъ свѣдѣній; одна изъ лѣтописей говоритъ кратко подъ 1462-мъ годомъ: «того же лѣта Иона епископъ пермскій крести Великую Пермь и князя ихъ и церкви поставилъ и игумены и поны»²⁾). Такъ какъ поставленіе Ионы въ епископы, неизвѣстно—когда имѣвшее мѣсто послѣ 1455-го года, со всѣю вѣроятностію должно относить къ 1459-му году³⁾ и такъ мы находимъ его въ Москвѣ съ самомъ концѣ сего года⁴⁾), то изъ этого слѣдуетъ, что онъ употребилъ на труда обраченія Пермяковъ, которыхъ крестить въ 1462-мъ году, несмыма непродолжительное время. А это приводить къ заключенію, что обраченіе язычниковъ въ христіанство было подготовлено его предшественниками и

¹⁾ Первымъ преемникомъ св. Стефана былъ Исаакій, поставленный—по одной лѣтописи 8-го Сентября 1397-го года (Соф. Временн. I, 418, или чѣмъ то же 2-я Софійск. лѣтоп.—въ Собр. лѣтт. VI, 138), по другой лѣтописи—20-го Января 1398-го года (у Карамз. къ т. V прим. 254, col. 101), упоминаемый въ числѣ участниковъ при постановлѣніи новгородскаго архіепископа Симеона (Самисона) 22-го Марта 1416-го года и потому, какъ полагаютъ, вѣроятно, на основаніи мѣстныхъ преданій, оставившій кафедру (*святыи, Io. Верюжескало* Историческія сказания о жизни святыхъ, подвизающихся въ Вологодской епархіи, стр. 328); вторымъ преемникомъ былъ Герасимъ, неизвѣстно когда поставленный, упоминаемый подъ 1441-мъ годомъ (Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 74 col. 2, Соф. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 161 col. 1) и въ неизвѣстномъ году до 1447-го года скончавшійся насильственной смертью,—по одному мѣстному преданию удушенный за иѣчто отъ своихъ домочадцевъ, по другому—удавленный омофоромъ отъ своего слуги Богулича (*Верюжск.* ibid. стр. 331 бп.); третьимъ преемникомъ былъ Иннокримъ, поставленный изъ архимандритовъ московскаго Чудова или неизвѣстнаго монастыря, упоминаемый съ конца 1447-го года (Акт. Ист. т. I, № 40), убитый Богуличами 19-го Августа 1456-го года; четвертымъ преемникомъ былъ нашъ Иона, поставленный, вѣроятно, въ 1459-мъ году и скончавшійся въ 1571-мъ году.

²⁾ Типографск. лѣт. стр. 260; у Карамзина подъ 1463-мъ годомъ (къ т. VI прим. 629, col. 88) приводится она же.

³⁾ Въ 1459-мъ году Иона былъ въ Москвѣ,—въ Акт. Ист. т. I, №№ 61 и 272, у Павл. въ Намм. №№ 83 и 84. А такъ какъ послѣ 19-го Августа 1456-го года, когда убить Иннокримъ, онъ не могъ быть посвященъ ранѣе 1457-го года, то неѣроятно предполагать, чтобы онъ только что былъ отправленъ въ Пермь и потому опять вызванъ въ Москву, а следовательно представляется вѣроятнымъ предполагать, что 1459-й годъ, въ которомъ онъ былъ въ Москвѣ, былъ годомъ его посвященія.

⁴⁾ Въ Акт. Ист. и у Павл. второй актъ.

что ему удалось только увѣнчать концомъ усилия послѣднихъ. Дѣйствительно, о непосредственномъ, по крайней мѣрѣ, предшественнике Іоны св. Питиримѣ есть основанія предполагать, что онъ проповѣдывалъ христіанство въ Великой Перми ¹⁾). Относительно средствъ, употребленныхъ Іоной для утвержденія христіанства въ Великой Перми, наѣмъ извѣстно только то, что имъ основанъ былъ монастырь въ городѣ Чердыни, который былъ столицей или главинмъ городомъ земли ²⁾.

Въ правлѣніе митр. Феодосія имѣло мѣсто очень ненажное само по себѣ, но очень важное для Русскихъ относительными образомъ событіе посвященія нашимъ митрополитомъ одного изъ митрополитовъ греческихъ. Въ Іерусалимѣ въ правлѣніе патр. Іоакима, какъ было разсказываемо Русскимъ, случилось большое землетрясеніе, отъ кото-раго падъ куполь храма Воскресенія Христова. Когда узналь обѣ этомъ султанъ египетскій, владѣвши тогда Иудеей, то рѣшилъ уничтожить христіанскую церковь до основаній и на ея мѣстѣ надѣгробомъ Господнимъ поставить свою магометанскую мечеть. Будучи молитвъ патріархомъ обѣ отмѣнѣть рѣшенія, султанъ потребовалъ 10-ть тысячъ венеціанскихъ золотыхъ и окончательно сталъ на 5-ти съ половиною тысячаахъ золотыхъ. Для сбора денегъ на возобновленіе купола и на внесеніе окупа султану, нужно было отиравитъся въ христіанскаю православныя земли; но всѣ эти земли за исключениемъ Россіи находились во власти невѣрныхъ, и патріархъ вознамѣрился идти въ сю постѣдию. Доѣхавъ до Кафы онъ заботливо скончался. Передъ смертью онъ рѣшилъ отправить въ Россію вмѣсто себя своего протосиника и вмѣстѣ племянника Іосифа, который поищеть съ нимъ изъ Иудеи, бывшъ нареченіемъ митрополитомъ Кесаріи Филипповой или кото-раго онъ самъ передъ смертью нарекъ въ эти митрополиты и относительно кото-раго просилъ нашего митрополита своимъ грамотами, чтобы постѣдній совершилъ посвященіе согласно наречію ³⁾). Этого-то Іосифа, на основаніи пророкии патріарховой, и по-

¹⁾ По мѣстамъ преданіямъ (у Верюжск. ібід. стр. 335) и по некоторымъ лѣтописямъ (напр. Архангелогородской, стр. 136), св. Питиримъ убитъ Богулчами въ своемъ каѳедральномъ городѣ Усть-Вымѣ; но лѣтописи 1-я и 2-я Софійская говорятъ (подъ 1455-мъ годомъ): «боеваша окаяніе Гогулчи Великую Перму (и) тогда убили епископа пермскаго Питирима». Невѣстная наѣмъ лѣтопись, на которую ссылается пркоса. *Макарій* (безъ цитаты.—VI, 320) говоритъ, что Іона «допавше крести» Великую Перму.

²⁾ См. Акт. Пет. т. I, № 207 (о Чердыни—Вивіо. XVIII, 220).

³⁾ См. разсказъ о причинахъ прихода въ Россію Іосифова въ просителной

святыль Феодосий въ митрополиты 4-го Апрѣля 1464-го года ¹⁾). Все ли было такъ, какъ разсказывалъ Иосифъ, и зачѣмъ ему нужно было посвятиться въ митрополиты въ Россіи, а не дома, объ этомъ Русскіе не справлялись ²⁾; они чрезвычайно рады были, что патріархъ греческій просить нашего митрополита о посвященіи одного изъ его митрополитовъ: это значило, что патріархъ формальнымъ образомъ признаетъ законность нашего митрополита, поставленнаго въ самой Россіи. Весьма доволыный Иосифомъ, что онъ послужилъ такъ сказать орудіемъ къ такому важному акту, Феодосій употребилъ свои усердныя старанія, чтобы онъ могъ собрать въ Россіи возможно обильную милостыню ³⁾.

грамотъ за него митр. Феодосія къ Новгородцамъ и Нековичамъ.—Акт. Ист. т. I. № 78, также извлечениe изъ посланія патр. Иоакима къ вел. кн. Василию Васильевичу, читаемаго въ одной изъ новгородскихъ Софійскихъ рукописей.—въ Лѣтоисп завятій Археогр. Комм., выпускъ III, отд. 3 стр. 40. Но словамъ патріарха въ посланіи, «церкви Воскресенія разѣдеся отъ верху до долу и тако разѣдеся, яко видѣти солнце и зиѣзды сквозѣ я».

¹⁾ Настольная ему грамота Феодосія въ Начатин. *Навл.* № 135 (Лѣтоисп Никоновская. Софійская 2-я, Архангелогородская и Типографская ошибочно относятъ посвященіе къ 4-му Марта 1464-го года, а Софійская 1-я ошибочно—къ 4-му Апрѣля 1462-го года).

²⁾ Наводя справки въ Исторіи Іерусалима *Григорія Назаріи* (*Ієροσολυμіѧ ἡτοι ἐπίτομος ἱστορίᾳ τῆς ἀγίας πόλεως Ιερουσαλήμ, ἐν Ιεροσολύμαις*, 1862) мы находимъ, что Иоакимъ занималъ каѳедру патріаршую съ 1442-го года только по 1453-й годъ, когда онъ смѣнилъ другимъ, и что ни о какомъ землетрясеніи въ Іерусалимѣ во время его бытности на каѳедрѣ ничего не говорится,—стр. 469. Быть ли Иосифъ нареченнымъ митрополитомъ предъ отправленіемъ въ Россію или его нарекъ самъ Иоакимъ, изъ грамоты митр. Феодосія и изъ посланія патріарха ясно не видно (есть грамота іерусалимского патріарха Иоакима къ нашему митр. Героятю отъ июля мѣсяца 1480-го года.—Акт. Ист. т. I, № 89; а такъ какъ другаго Иоакима въ дашнее время неизвѣстно, то этотъ Иоакимъ не одинъ ли и толькъ же съ нашимъ Иоакимомъ и смерть послѣдняго въ Каффѣ не составляетъ ли явоз?).

³⁾ Онь написалъ настоятельную просительную о немъ грамоту къ Новгородцамъ и Нековичамъ (цитата въ третьемъ приложении выше) и, какъ со всемъ вѣроятностю должно думать, написалъ таковыи же грамоты и къ епископамъ митрополіи (о посвященіи Иосифомъ Новгорода—въ Акт. Эксн. т. I № 80, стр. 59 col. 1, и у *Навл.* въ Начн. col. 710).—Что митрополитъ собралъ въ Россіи многую милостынью,—Никон. Акт. VI. 2.—Онь продавалъ въ Россіи разрѣшительныя грамоты, представляющія своего рода индульгенціи, какія и до сихъ поръ продаются въ Іерусалимѣ поклонникамъ (см. посланіе патр. Иоакима къ великому князю въ Лѣтоисп завятій Археогр. Комм., а таковая разрѣшительная его грамота самому великому

Послѣ удаленія съ каѳедры митр. Феодосій жилъ 11-ть лѣтъ и скончался въ исходѣ 1475-го года, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, въ который онъ переселился изъ Чудова или въ которомъ, можетъ быть, застигнутъ былъ смертю во время бытиости на богослужбѣ. Въ Троицкомъ монастырѣ онъ и былъ погребенъ¹⁾.

князю — въ Акт. Ист. т. I, № 72).—По словамъ Никоновской летописи, VI, 2, съ собранной въ Россіи милостыней онъ не дошелъ до своей земли, т.-е. вѣроятно — нашель неудобнымъ являться въ Іерусалимъ и предпочелъ остаться съ деньгами въ Константинополѣ. Живя въ этомъ послѣднемъ, онъ служилъ нашему правительству сообщеніемъ вѣстей, о чёмъ ниже.—Митр. Феодосій въ своей грамотѣ Новгородцамъ и Исковичамъ высказываетъ сложившіеся тогда на Москвѣ взгляды на себя: «онъ же патріархъ Іерусалимъский — пишетъ митрополитъ — найде въ землю нашу, слышавъ испинную нашу святую вѣру испорченную, юже отъ богопросвѣщенаго Владимира въ русскихъ земляхъ отъ многихъ лѣтъ провозисявшю и въ Божіей воли исполнену и благочестіемъ цвѣтующю, яко же и свѣтъ солнечный...; послахомъ сю свою грамоту къ вамъ — говорить митрополитъ Новгородцамъ и Исковичамъ — прославляя и възвеличя имѧ Господне, иже въ русскихъ нашихъ земляхъ провозглашаю благочестіа»...

¹⁾ У Карамз. къ т. VI, прим. 629, годъ 1475-й, въ Типogr. лѣт. стр. 286 нач. (такъ какъ Феодосій скончался между 1-мъ и 4-мъ Октября, то, можетъ быть, онъ пріѣхалъ къ Троице на богослужбѣ къ 25-му Сентября, — празднику преставленія преп. Сергія).

МИТРОПОЛИТ ФИЛИППЪ I.

Пресемникомъ Феодосія на кафедрѣ митрополії бывъ Филиппъ I, поставленный изъ епископовъ суздальскихъ¹⁾.

Какъ Феодосія избралъ самъ св. Іона еще при своей жизни, такъ въ свою очередь Филиппа избралъ самъ Феодосій прежде своего удаления съ кафедры. Объ этомъ избраниі Филиппа самимъ Феодосіемъ читаемъ въ посланіи къ послѣднему архієпискона новгородскаго Іоны, составляющимъ отвѣтъ на извѣстительное посланіе митрополита объ удаленіи съ кафедры: «Нашень къ намъ, наиль господинъ, что еси, по-говоривши съ своимъ сыномъ, а съ панимъ господиномъ, съ великимъ княземъ, и съ его матерью великою княгинею и съ нашою братіею—архієпискономъ и епископы, и събориѣ благословилъ еси въ свое мѣсто на митрополію господина нашего епискона Филиппа ради тяжкаго своего недуга»²⁾. Избранный самимъ Феодосіемъ, Филиппъ бывъ возведенъ на кафедру митрополії спустя два мѣсяца послѣ его отречения—11-го Ноября 1464-го года.

О дѣлахъ митр. Филиппа за время его 10-лѣтніяго управлениія русской митрополіей намъ извѣстно слѣдующее: вонпервыхъ, онъ употреблялъ старанія вѣбѣтъ съ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ отвратить Новгородцевъ отъ литовскаго митрополита Григорія; во вторыхъ, онъ предпринялъ постройку нового Успенскаго собора въ Москвѣ на мѣсто старого; втретыхъ, онъ показалъ стойко-ревностную заботливость объ охраненіи уваженія къ православію по поводу пріѣзда въ Москву изъ Рима второй супруги Ивана Васильевича греческой царевны Софіи.

Митрр. св. Іона и Феодосій напоминали архієпископу новгородскому Іонѣ объ его обѣтѣ, данномъ при поставленіи, не признавать

¹⁾ Когда и откуда поставленъ былъ въ епископы суздальские, остается неизвѣстнымъ; упоминается какъ таковой подъ 1455-мъ годомъ,—Акт. Ист. т. I. № 57, и у *Навл.* № 74.

²⁾ У *Навл.* col. 705 fin..

Григорія и отвращать отъ него свою паству, какъ вѣроятно думать, еще безъ дѣйствительныхъ оснований, изъ одной предусмотрительной заботливости о будущемъ. Но скоро въ отношеніи къ паству явились и дѣйствительныя основанія. Вел. кн. Василій Васильевичъ въ своемъ мирию договорѣ съ Новгородцами 1456-го года навязалъ имъ такія условія, которыми сильно урѣзывалась ихъ свобода и которыми очевиднымъ образомъ начиналось ихъ совершенное порабощеніе Москвѣ. Пользуясь молодостью преемника Василіева, Новгородцы рѣшились было возвратить себѣ прежнее положеніе по отношенію къ великимъ князьямъ; но оказалось, что этотъ преемникъ, несмотря на свою молодость, имѣть твердое намѣреніе защищать свои пріобрѣтенные права. Тогда-то въ виду московскаго порабощенія, какъ писомиціей дѣйствительности, предстоявшей въ близкомъ будущемъ, Новгородцы задались вопросомъ: не лучше ли имъ признать покровительство короля польскаго. Но при возникшей у нихъ мысли отдаться подъ покровительство короля польскаго, совершенно естественно было опасаться отъ нихъ и того, чтобы они рѣшились поддаться церковной власти Григорія. При этомъ, къ тому самому времени, какъ явилась наша опасность, и Григорій самъ по себѣ сталъ несравненно опаснѣе прежняго. Въ продолженіе 12-ти лѣтъ своего пребыванія на кафедрѣ митрополичьей онъ оставался уніатомъ, но въ 1470-мъ году онъ рѣшился возвратиться къ православію и отправилъ своего посла въ Константинополь къ патріарху съ изложеніемъ своего желанія и съ прошбою, чтобы патріархъ призналъ и утвердилъ его въ санѣ митрополита русскаго. Патріархъ Симеонъ гранозунтскій, къ которому быть отправленъ посолъ, или отказать въ прошбоѣ или, можетъ быть, не успѣть исполнить ея, таѣ какъ занималъ кафедру патріаршую весьма недолгое время¹⁾). Но преемникъ Су-

¹⁾ Когда именно отправлено было Григоріемъ посланство въ Константинополь, положительнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ и время его должно быть опредѣляемо тѣмъ, что оно было отправлено къ патріарху Симеону (посланіе въ Новгородъ Ивана Васильевича, который называетъ Симеона Симономъ.—Акт. Эксп. т. I, № 80, у *Насл.* въ Иам. № 100). Симеонъ занималъ кафедру патріаршую въ первый разъ, при жизни Григорія, весьма недолгое время, менѣе года; но этотъ годъ, который долженъ быть 1468—69—70, точнымъ образомъ не можетъ быть опредѣленъ. Мы останавливаемся на 1470-мъ годѣ, какъ на наиболѣе вѣроятномъ (замѣтимъ здѣсь кстати и на всякий случай, что посломъ отъ митрополита къ патріарху ходилъ иѣкій Мануилъ.—указанное посланіе Ивана Васильевича, и что есть посыльная грамота отъ Грека Мануила къ патр. Іоанту: Царск. № 366, л. 225 об., Опис. стр. 367).

мена Діонисій, склонений, какъ увѣряютъ наши извѣстія, великими дарами Григорія ¹⁾, воссоединилъ его къ православію, утвердилъ въ санѣ митрополита не только литовскаго, но и всея Руси, и отправилъ за него своего посла не только въ Литву, но и въ Москву и въ Новгородъ, повелѣвая и въ этихъ двухъ послѣднихъ мѣстахъ, чтобы его признали своимъ митрополитомъ, а чтобы митрополита, поставленнаго въ самой Москвѣ, отстранили, какъ незаконнаго и не признаваемаго константинопольской церковью ²⁾.

Когда было узнано въ Москвѣ о дѣяніи патр. Діонисія и о томъ, что его посолъ вмѣстѣ съ посломъ Григоріевымъ идетъ въ нашу московскую Русь ³⁾, то великий князь Иванъ Васильевичъ и послѣдний предупредить опасность, грозившую въ отношеніи къ Новгороду, а именно—онъ послѣдний написать посланіе къ архіепискому новгородскому Іонѣ ⁴⁾. Великій князь говорить Іонѣ въ своемъ посланіи, какъ Казимиръ польскій приемлять съ просьбами о принятіи этого незаконно поставленнаго уніата Григорія къ его—великаго князя отцу Василю Васильевичу и послѣ смерти отца не одинъ разъ къ нему самому, и какъ Казимиру постоянно даваемъ быть рѣшительный отказъ и самъ онъ наоборотъ быть убѣждаемъ признать митрополита московскаго,—напоминаетъ Іонѣ, какъ онъ далъ обѣтъ не приступить къ Григорію при своемъ поставлѣніи св. Іонѣ и какъ онъ подтвердилъ его потомъ своимъ писаніемъ митр. Феодосію и именемъ митр. Филиппу. Но такъ какъ послѣ признанія и утвержденія Григорія патріархомъ константинопольскимъ нужны были новые противъ него доказательства, то великий князь и представляетъ эти доказательства. Мы говорили выше, что у насъ послѣ взятія Константинополя Турками было пущено въ народъ или образовалось у народа мнѣніе, будто порожденіе турецкое повредило у Грековъ чистоту православія. Великий князь увѣряетъ архіепископа, будто этотъ фактъ поврежденія у Грековъ

¹⁾ Указанное посланіе въ Новгородъ Ивана Васильевича.

²⁾ У *пресл. Макарія* въ Ист., IX, 37 sqq, на основаніи источниковъ, которыхъ мы не имѣмъ подъ руками.

³⁾ Испѣтіе сообщають изъ Константинополя тотъ Іосифъ, митрополигъ Кесаріи Филипповой, который посвященъ былъ въ митрополита Феодосіемъ,—указ. посланіе Ивана Васильевича.

⁴⁾ То, на которое мы ссылаемся выше. Нужно читать его у Навлова, а не въ Актахъ Экспедиціи, ибо въ послѣднихъ оно напечатано съ пропускомъ (едланіемъ) Богъ знаетъ для чего, ибо опущенное читается уже у Карамзина, — къ т. VI прим. 35).

ковъ Турками чистоты православія признается самими патріархами константинопольскими. Онъ разсказываетъ ему, что когда Григорій послалъ въ Константинополь своего посла искать у патріарха благословенія и подтвержденія себѣ, то патріархъ Сумеонъ, при которомъ пришелъ посолъ въ Константинополь и котораго великий князь называетъ Симономъ, несмотря на обѣщаніе великихъ даровъ, отказать въ проосьбѣ, сославшись на то, что онъ не можетъ дать благословенія, такъ какъ у нихъ—Грековъ православіе уже изрушилось. «Посыпалъ онъ (Григорій),—пишетъ великий князь, передавая, какъ онъувѣряетъ извѣстіе, сообщенное ему изъ Константинополя,—до Царягорода послалъ своего Мануила, ищаучи себѣ благословенія и подтвержденія отъ царяградскаго патріарха, да отъ того дей много порекъ злата и порть патреярху, да подавать великое же поминки; и въ то дей время патреярхъ бытъ, Симономъ звали, надъ иѣкоторымъ монастыремъ надъ убогимъ, а большіе церкви Божи соборные турецкій царь въ мизгиты починилъ, а которые церкви оставилъ патреярху, на тѣхъ крестовъ пѣтъ, ии звону у нихъ пѣтъ, поють безъ звону; и тотъ дей патреярхъ Симонъ, человѣкъ дей разсудителенъ¹), да у того Мануила у Григорьевъ посла, поминковъ и обѣщанаго злата ии порть не принялъ и благословенія не дать, а отрекъ дей ему такъ: «азъ самъ живу въ убожествѣ, въ бесерменскихъ рукахъ, въ чюжой неволѣ, а наше ся уже православіе изрушило». Преемникъ Сумеоновъ Діонисій, не смотря на то, что по сейчасъ указаній причинѣ не могъ дать Григорію своего благословенія и подтвержденія, будучи соблазненъ великими дарами, дать ему ихъ²). Но,—сообщаетъ великий князь архіепискону далѣе,—противъ этого незаконнаго дѣйствія патріарха произнесъ свой протестъ собраний мною въ Мокевѣ соборъ всѣхъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ и всего священства, приготовившій имѣть патріарховъ константинопольскихъ чуждыми и отречеными (отъ нашего истиннаго православія). «И мы ишти умчали себѣ,—пишетъ великий князь архіепискону,—съ своимъ отцомъ съ митрополитомъ и съ своею матерью съ великою княгинею и съ своею братьею и съ своими богомолцами—со архіепискупомъ и съ епископы и со владыками и со архимандриты и съ честными игумены и со всѣмъ священствомъ, да того ми послалъ патреарша ии Григорьевъ и въ свою

¹) Этотъ минимо-разсудительный человѣкъ имѣть ту позорную славу, что былъ виновникомъ наложенія султанами дани на патріарховъ.

²) Въ поеланіи великаго княза тутъ пропускъ, сѣтъ просод. Макарія въ указанномъ выше мѣстѣ.

землю впущать не велѣть: нетребую его, ни его благословенія, ни его не-благословенія, имѣемъ его отъ себя, самаго того патріарха, чюжа и отречена»...

Такимъ образомъ, противъ благословенія и подтвержденія, полученнаго Григоріемъ въ Константиноополь, великий князь представляетъ архіепископу: во-первыхъ, что патріархъ, какъ переставшій быть испытанію православіемъ, не имѣть права этого сдѣлать; во-вторыхъ, что на Москвѣ соборомъ всего священства произнесено противъ него или отъ него—патріарха отреченіе.

Весьма вѣроятно, что одновременно съ великимъ княземъ писалъ архіепископу свою грамоту и митр. Филиппъ. Но его грамоты не сохранились до настоящаго времени. До насъ дошли двѣ его грамоты въ Новгородъ, написанныя уже послѣ смерти архіепископа Іоны, случившейся 5-го Ноября 1470-го года. Мысль о томъ, чтобы противъ поборотельныхъ стремлений Москвы отиться подъ покровительство короля польскаго пріобрѣла себѣ между вышими новгородскими гражданами партію приверженцевъ еще при жизни Іоны; эта партія въ видѣ демонстраціи противъ Москвы и въ видѣ угрозы ей вынуждала себѣ на кормленіе у короля польскаго одного изъ его литовскихъ князей (Михаила Александровича или Олельковича кіевскаго), который прибылъ въ Новгородъ на третій день послѣ смерти Іоны. Въ преемники Іоны на 10-й день послѣ его смерти былъ выбранъ по жеребью изъ трехъ предложенныхъ кандидатовъ его бывшій протодіаконъ и ризничій Феофилъ. Такъ какъ въ это время еще не состоялось окончательнымъ образомъ решения отиться подъ покровительство короля, то по настоянію самаго Феофила, принадлежавшаго къ числу приверженцевъ Москвы, тотчасъ же отправлено было посланство къ великому князю и митрополиту съ прошбою о высылкѣ избранному кандидату опасныхъ грамотъ на пріѣздъ его въ Москву для поставленія¹⁾). Но партіи короля удалось одержать решительный верхъ въ то самое время, какъ посланствоѣ Фѣдило въ Москву, и она остановила дѣло о поѣздкѣ Феофила къ митрополиту на поставление. Тогда митрополитъ послалъ Новгородцамъ свою грамоту, въ которой убѣждаетъ ихъ не измѣнять своей доброй старинѣ, не отступать отъ своего изначальнаго дѣдича и отича, отъ христіанскаго господаря—великаго князя московскаго, и не приступать къ чужому, къ латинскому господарю—королю²⁾). Эта первая грамота, ничего не говорящая о Григоріи, написана митрополитомъ съ тою одною государственною цѣллю, чтобы отвратить Новго-

¹⁾ Одна изъ грамотъ митрополита въ Акт. Ист. т. I, № 279.

²⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 280.

родцевъ отъ рѣшенія предаться королю. Но скоро онъ нашелъ необходимымъ отправить въ Новгородъ другую грамоту, чтобы писать имевшо уже противъ литовскаго митрополита. Новгородцы, рѣшивъ предаться королю, не намѣрены были вмѣстѣ съ этимъ измѣнить своему православію и отдаваться подъ власть Григорія. Но были между ними отдѣльные люди, которые по своимъ личнымъ побужденіямъ проповѣдывали эту послѣднюю мысль. Въ числѣ трехъ кандидатовъ, избранныхъ для жеребьеванія въ архиепископы, былъ ключникъ покойнаго архиепископа Иоанна. Когда жеребій вынулся не ему, онъ, мечтая получить каѳедру путемъ открытаго избранія, чтобы привлечь на свою сторону партію короля, заявилъ, что готовъ пойти на посвященіе, куда бы его ни послали, хотя бы въ Литву къ тамошнему митрополиту. Правда, слѣдствиемъ этого заявленія было то, что отчасти по приговору вѣча, отчасти, кажется, по свободной расправѣ народа онъ подвергся страшно жестокой карѣ¹⁾. Но его мысль о подчиненіи Григорію, бывшъ проповѣдуема послѣ сего имъ ли самимъ, или другими, дѣйствительно пріобрѣла изъкоторыхъ приверженцевъ въ радикальнѣйшей таинъ сказать части королевской партіи. Это обстоятельство, что въ Новгородѣ образовался кружокъ людей, которые стали за подчиненіе Григорію, и побудило митрополита написать его вторую грамоту въ Новгородъ, которая уже направлена собственно противъ литовскаго митрополита²⁾. Извѣщая Новгородцевъ, какъ доходитъ до него слухъ, что у нихъ многіе молодые несмысленные люди, которые не навыкли доброй старинѣ, чтобы стоять и поборать по благочестію, собираются на сходбица и поостряются на многія стремленія и на великое земли неустройшеніе, хотя ввести мятеожъ и великий расколъ въ сиятой Божіей церкви,—оставя православіе и великую старину, приступить къ латиниамъ, митрополитъ обращается къ Новгородцамъ съ своимъ увѣщаціемъ престать отъ ихъ злого начинанія. Онъ убѣждаетъ старыхъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ и купцовъ и всѣхъ старыхъ людей, твердыхъ въ православіи, чтобы они старались вразумить молодыхъ людей и обуздать лихомыслиющихъ; онъ убѣждаетъ нареченаго архиепископа,

¹⁾ «Великой Новградъ ключника владычия Иоанна великимъ, сильнымъ избезчествовать безчестіемъ, на крѣпости издержавъ, самого памучивъ и казну всю у него разграбили и кончѣ самого на 1000 рублей продали»,—Исковск. 1-я лѣт. подъ 1471-мъ годомъ, въ Собр. лѣтт. IV, 236 нач..

²⁾ Грамота, написанная 22-го Марта 1471-го года, въ Акт. т. I, № 181, я у Навл. въ Нак. № 102.

архимандритовъ, игуменовъ и священниковъ, чтобы они всѣхъ своихъ духовныхъ дѣтей отъ велика и до мала наказывали духовнымъ учевіемъ, укрѣпляя ихъ въ вѣрѣ православія и оберегая ихъ единородныя и бессмертныя души отъ сѣтей ловца,—многоглаваго змія діавола. Отпаденіе отъ сиѣта православія ко тьмъ латинской прелести и латинскихъ ересей митрополитъ старается представить Новгородцамъ такимъ богоотметнымъ и богоотступнымъ дѣломъ, за которое ихъ ожидаетъ тяжкій гибель Божій и въ сей вѣкъ и въ будущій.

Новгородцы остались вѣрными православію и не отложились къ тьмъ латинской прелести въ лицѣ литовскаго митрополита Григорія. Но, оставаясь вѣрными православію, они скоро формальнымъ образомъ отдались въ покровительство короля, заключивъ съ нимъ договоръ¹⁾). Слѣдствіемъ сего было то, что въ Маѣ 1471-го года великій князь Иванъ Васильевичъ рѣшилъ предпринять походъ на Новгородъ,—что въ Юнѣ онъ выступилъ въ походъ и что въ Августѣ (послѣ Шелонской битвы 14-го Іюля²⁾) Новгородъ сталь уже изъ вольного подиевольнаго, хотя на изѣсколько лѣтъ еще и не совсѣмъ окончательно.

Первый московскій Успенскій соборъ, составлявшій кафедральнуу церковь митрополитовъ, былъ заложенъ 4-го Августа 1326-го года не задолго до смерти св. Петра, о чёмъ мы говорили выше. Такъ какъ въ то время Москва еще только робкимъ и неувѣреннымъ образомъ помышляла о своемъ возвышеніи, такъ какъ она вовсе не предвидѣла тогда своего будущаго величія, котораго достигла въ дѣйствительности, и таikъ какъ и съ своими какими бы то ни было мечтами тогда она должна была еще тантъся: то этотъ первый соборъ, хотя и пред-

¹⁾ Въ договорной грамотѣ Новгородцевъ съ королемъ находимъ: во-первыхъ, что они прежде всего обязуютъ короля: «а держати тобѣ, честному королю, наѧстника на Городищѣ (въ Новгородѣ) отъ нашей вѣры отъ греческой, отъ православнаго християнства»; во-вторыхъ, что они дѣлаютъ нарочитое постановленіе: «а у насъ тебѣ, честны король, вѣры греческіе православные нашей не отымати, а гдѣ будеть намъ Великому Новгороду любо въ своюемъ православномъ християнствѣ, ту мы владыку поставимъ по своей воли; а римскихъ церквей тебѣ, честны король, въ Великомъ Новгородѣ не ставити, ни по пригородомъ новгородицкимъ, ни по всей земли новгородцкої»,—Акт. Экс. т. I, № 87.

²⁾ Во время похода великаго князя на Новгородъ митрополигъ писалъ ему грамоту за Новгородцевъ, прося, чтобы онъ помиловалъ ихъ, если они принесутъ поклонную (Акт. Ист. т. I, № 282). Но, какъ кажется, эта грамота есть только формальное исполненіе святительского долга представительствовать, нежели что либо другое.

назначавшійся быть фактическою кафедрою митрополитовъ, быть построенъ въ очень скромнымъ размѣрахъ, таѣ что представляль изъ себя церковь по своей величинѣ или совсѣмъ заурядную или развѣ только не много болѣшую заурядной. Отъ того ли, чтостройка собора производилась съ поспѣшистію, бывъ начата въ необычное время—осенью, или отъ того, что онъ былъ строенъ плохими мастерами; только спустя неполныя полтораста лѣтъ отъ построенія, ко времени митр. Филиппа, онъ пришелъ въ такую ветхость, что двинувшіеся своды его были подщерты толстыми бревнами. Обоими ли сейчасъ указанными обстоятельствами или только однимъ послѣднимъ, но митр. Филиппъ былъ подвигнутъ къ рѣшности построить новый соборъ, и по своимъ размѣрамъ такой, который бы уже отвѣчалъ своему достоинству кафедры митрополичьей ¹⁾). Представляется недоумѣніемъ то, что предпринялъ постройку нового собора не великий князь, а самъ митрополитъ на свои собственныя средства. Въ объясненіе этого недоумѣнія мы не можемъ сказать ничего удовлетворительнаго. Въ періодъ домонгольскій архіерейскіе кафедральные соборы строены были князьями ²⁾). Изъ времени послѣ-монгольского мы знаемъ два примѣра построенія этихъ соборовъ: коломенскаго въ 1382-мъ году и ростовскаго послѣ 1408-го года. Первый былъ построенъ великимъ княземъ, къ области котораго принадлежала Коломна ³⁾), второй былъ построенъ (собственно возобновленъ) епископомъ ⁴⁾), но тутъ дѣло можетъ быть изъясняемо исключительными обстоятельствами Ростова: собственный

¹⁾ За годъ и 8 мѣсяцевъ до приступа къ постройкѣ нового собора былъ въ московскомъ Кремлѣ пожаръ, отъ которого одинъ изъ придѣловъ стараго собора изгорѣлъ такъ, что разсыпался,—Софійск. 2-я лѣтоп. подъ 1470-мъ годомъ fin., въ Собр. лѣтт. VI, 190 fin.. Но сказанія о построеніи нового собора не указываютъ на это обстоятельство, какъ на одну изъ причинъ, по которымъ митрополитъ рѣшилъ построить новый соборъ. Эти сказанія о построеніи собора читаются: въ Никоновской лѣтописи,—VI, 37 sqq и 56 sqq, и въ Софійской 2-й лѣтописи подъ 1472-мъ и 1474-мъ годами,—въ Собр. лѣтт. VI, 194 и 198. Въ первой лѣтописи помѣщено сказаніе офиціальное, во второй—частное (историку представляется тутъ рѣдкій случай слѣдить офиціальное съ частнымъ...).

²⁾ За исключеніемъ, можетъ быть, одного случая, именно—что въ Ростовѣ въ 1160-мъ году построенъ былъ каменный соборъ на мѣсто сгорѣвшаго деревяннаго именемъ Андреемъ Боголюбскімъ, къ столу котораго принадлежалъ городъ, а самими гражданами послѣдняго.

³⁾ У Карамз. къ т. V прим. 254, col. 98.

⁴⁾ См. ур. Толстое Древнія святыни Ростова—Великаго, изд. 2 стр. 28.

князья его были тогда полными даниниками Москвы и поэтому могли не имѣть охоты строить соборъ, а великий князь въ свою очередь могъ не имѣть этой охоты потому, что въ Ростовѣ все-таки были собственныя князя. Знаемъ одно указаніе изъ послѣ-монгольского времени и именно изъ правленія Ивана Васильевича, что епископу вмѣнено было въ обязанность построить уѣздный соборъ¹⁾; но если и принять, что это было правиломъ, то во всякомъ случаѣ это правило относилось бы къ городамъ, въ которыхъ не было князей. Можетъ быть, дѣло нужно объяснять такъ, что великий князь желалъ поберечи свои деньги на свои многочисленныя церковныя и гражданскія постройки (о первыхъ между ними скажемъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о богослуженій), а митрополитъ съ своей стороны вызвался избавить великаго князя отъ издержекъ, надѣясь управиться съ постройкой самъ собою. Какъ бы то ни было, митрополитъ предпринялъ постройку на свой собственный счетъ: вѣроятно, онъ имѣлъ весьма немалый запасъ прежде скопленія (ибо при непосредственной смѣнѣ трехъ сряду митрополитовъ чиновники митрополичьи не имѣли возможности разворовывать митрополичьи казны); должно думать, что значительный ресурсъ представляли его ежегодные доходы²⁾; недостающее оно собралъ такимъ образомъ, что, во-первыхъ, наложилъ на приходскія церкви и на монастыри своей митрополичьей епархіи весьма высокій принудительный сборъ, который, по словамъ лѣтописца, былъ крайне тягостенъ для духовенства³⁾, и что, во-вторыхъ, обратился къ добровольной благотворительности бояръ и купцовъ. Новый соборъ митрополитъ рѣшилъ построить по образцу владимирскаго Успенскаго собора Богоявленскаго, но съ прибавкой противъ послѣдняго полуторахъ сажень въ длину, ширину и въ высину. Москва не славилась мастерами каменного дѣла, которое было въ ней до тѣхъ поръ весьма неизначительно, а митрополитъ, несмотря на то, что предполагалось построить церковь исключительную по размѣрамъ, почему-то (можетъ быть, изъ побужденій москофильства) не искать мастеровъ въ друг-

¹⁾ Епископу Ростовскому соборъ въ Устюгѣ, см. I т. 2 полов., стр. 113.

²⁾ А что митр. Филиппъ былъ хороший хозяинъ, см. его грамоту своему слугѣ, посланному торговатъ добромъ Пречистыя Богородицы.—въ Акт. Исп. т. I, № 79 (въ словахъ: «ци бы что прибыло церкви Божіей въ подможеніе», можетъ быть, разумѣется именно стройка новаго собора).

³⁾ «Сотвори же митрополитъ тягну велику, со всѣхъ ипоповъ и монастырей сбирати сребро на церковное созданіе сплю, и собра много сребра»,—Софійск. 2-я лт. подъ 1472-мъ годомъ.

гихъ мѣстахъ, и нашелъ въ Москвѣ двухъ подрядчиковъ, которые взялись ему построить соборъ, но которые, какъ показали послѣдствія, были плохими знатоками своего дѣла, единственно надѣявшися на русскія знаменитыя: «авось и не бойсь». Для заготовленій и подвозки матеріала и вообще для всѣхъ побочныхъ работъ при строїтѣльствѣ (а можетъ быть — отчасти и непобочныхъ) митрополитъ накупилъ холоповъ, такъ чтобы работа въ значительной степени производилась своими собственными людьми¹). Новый соборъ предположено было поставить на мѣстѣ старого, и такъ какъ онъ имѣлъ быть значительно болѣе послѣднаго, поставить такимъ образомъ, чтобы онъ раеномѣрно со всѣхъ сторонъ облегчать его. Къ постройкѣ собора приступлено весной 1472-го года. Кругомъ старого собора выкопали рвы для фундамента новому собору и, когда фундаментъ былъ сдѣланъ, разобрали олтарь старого собора и меньшіе притворы къ нему, но оставили до времени нетронутыми его стѣны, такъ какъ подѣль вихъ находились раки погребенныхъ въ немъ митрополитовъ, которыхъ должны были оставаться на своихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока не приготовятъ для нихъ мѣсть у стѣнъ новаго собора; надѣ ракой съ мощами св. Петра, находившейся у сѣверной олтарной стѣны, по ея разборкѣ, поставили временную деревянную церковь. После этого 30-го числа Апрѣля мѣсяца совершиена была торжественная закладка новаго собора. Когда его стѣны выведены были въ высоту человѣка, старый соборъ разобрали весь до основаній и раки митрополитовъ перенесли на новыя, приготовленныя для нихъ у новыхъ стѣнъ, мѣста (по Никоновской лѣтописи — 23 го Мая, по Софійской — 29-го Мая). Рака съ мощами св. Петра имѣла оставаться въ новомъ соборѣ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она находилась въ старомъ. Но такъ какъ полъ новаго собора былъ сдѣланъ выше противъ пола старого собора на ростъ человѣка, а рака съ мощами должна была находиться въ немъ на полу, какъ находилась въ старомъ соборѣ: то на новомъ полу сдѣлали новую раку, въ которую и переложили мощи по уничтоженіи прежней раки²). Это по-

¹) Передъ своей смертю онъ завѣщалъ дать волю этимъ, накупленнымъ для строїтѣя собора, холопамъ, — Никоп. лѣт. VI, 53. Слѣдовательно, онъ накупилъ было ихъ въ собственность не каѳедрѣ, а лѣчио самому себѣ.

²) Пока на мѣстѣ старой раки была дѣлаема новая рака, мощи сохранялись во временной ракѣ, бывъ выложены въ самомъ строившемся соборѣ для поклоненія. — Софійская лѣтопись относить перенесеніе ракъ митрополитовъ ко второму лѣту строїтѣя собора. Но въ такомъ случаѣ его закладку нужно было бы относить къ 1471-му году, ибо въ 1473-мъ году митр. Филиппъ, совершившій перенесеніе,

ложеіе мощей въ новую раку или это ихъ перенесеніе совершено было торжественнымъ образомъ и день перенесенія (1-го Іюля ¹⁾) установлено было праздновать на будущее время какъ праздникъ.

Дальнѣйшая исторія стройки собора относится къ правленію преемника Филиппова Геронтия, гдѣ мы ее и доскажемъ.

Въ концѣ 1472-го года вел. кн. Иванъ Васильевичъ вступилъ во второй бракъ съ греческой царевной Софіей Налеологъ, дочерью бывшаго морейскаго деспота Оомы, брата двухъ послѣднихъ константино-польскихъ императоровъ Ioanna и Константина. Принужденный въ 1460-мъ году бѣжать изъ своихъ владѣній отъ султана Магомета, Оома нашелъ себѣ убѣжище у папы въ Римѣ, гдѣ и умеръ въ 1465-мъ году, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей и дочь—нашу Софью ²⁾). Въ 1469-мъ году папа (Павелъ II) предложилъ ее въ замужество Ивану Васильевичу черезъ извѣстнаго кардинала Виссаріона, и великий князь, какъ многозначительно выражается наша лѣтопись, взявъ предложеніе папы въ мысль себѣ, послѣ совѣта съ митрополитомъ, съ матерью и боярами, не замедлилъ принять его ²⁾). Едва ли можно думать, чтобы папа и Виссаріонъ серьѣзнымъ образомъ мечтали при устроеніи этого

умеръ ранѣе, нежели оно имѣло мѣсто (5-го Апрѣля). И сама же лѣтопись говоритъ, что соборъ упалъ въ 1474-мъ году па третіе лѣто стройки (а Пахомій Сербінъ въ словѣ на перенесеніе мощей св. митрополита Петра говоритьъ, что онъ упалъ во второе лѣто по преставленіи митрополита Филиппа).

¹⁾ Которой собственное имя было Зоя и которая получила имя Софии (переименована) уже у насъ въ Россіи (2-я Софійская лѣтопись.—Собр. лѣтт. VI, 196, называетъ ее Зинаидой). Другая дочь Оомы Елена была прежде выдана замужъ за послѣдняго сербскаго деспота Лазаря Бранковича.

²⁾ Иакон. лѣт. VI, 8.—Ницлингъ въ своемъ сочиненіи *La Russie et le Saint-Siège*.—I, 133 sqq. утверждаетъ, что инициатива переговоровъ о бракѣ шла не изъ Рима, а изъ самой Москвы, именно—что Грекъ Юрій, который, по нашимъ лѣтописямъ, 11-го Февраля 1469-го года пришелъ изъ Рима отъ кардинала Виссаріона съ предложеніемъ руки Софии, не былъ посланъ въ Москву Виссаріономъ, а бывъ посланъ изъ Москвы въ Римъ, принесъ отъ Виссаріона отвѣтъ на предложеніе. Хотя это и не совсѣмъ ожиданно, не можетъ быть однако рѣшительнымъ образомъ отрицаемо (и если слова Исковской 1-й лѣтописи объ Юріи Грекѣ понимать такъ, что онъ былъ бояринъ не Софии, а великаго князя,—Собр. лѣтт. IV, 244: то онъ будуть служить къ подкрепленію утверждаемаго Ницлингомъ). Въ этомъ случаѣ о побужденіяхъ, заставившихъ вел. кн. Ивана Васильевича сдѣлать предложеніе, должно думать то же, чѣмъ о побужденіяхъ, заставившихъ его безъ замедленія принять его, какъ представляютъ дѣло наши лѣтописи (а тщательное исследованіе вопроса объ инициатинѣ принадлежитъ гражданской исторіи).

браца о новомъ привлечениі московской Руы къ флорентийской унії, ибо єудительный прімѣръ Иендора быль еще въ слишкомъ живой памяти ¹⁾). Но они самыи дѣятельныи образомъ занимались устроенiemъ крестоваго похода противъ Туровъ, и иѣть сомнѣпія, что въ семъ отношеніи они и возлагали большія надежды на браѧ царевыи съ великимъ княземъ. Что касается до этого послѣдняго, то онъ чрезъ бракъ съ царевной пріобрѣталь формальниѧ и положительно юридическая права на то, чтобы считаться преемникомъ императоровъ византійскихъ, и должно думать, что именно это главнымъ образомъ они вияль въ мысль себѣ. Для препровождепія Софы въ Москву папа (преемникъ Павловъ Сикстъ IV) послать съ ней легатомъ своего кардинала, по имени Антонія ²⁾). Этотъ кардиналъ вель себя въ предѣлахъ Россіи до самой Москвы такъ же, какъ и въ земляхъ католическихъ: совершилъ путь въ предисеніи водруженнаго на высокое древко крыжа или креста ³⁾). Когда поѣздъ съ царевной приближался къ Москвѣ и когда донесли великому князю, что кардиналъ идетъ въ предисеніи крыжа, то опь началь совѣтоваться съ своей матерью, своими братьями и боярами: какъ быть съ папскимъ посломъ,—дозволить ему или иѣть вступить въ Москву въ предисеніи крыжа. На совѣтѣ голоса раздвоились: одни говорили, что не должно возвращать ему этого,

¹⁾ И легать папы, приходившій съ Софьей, сколько видно изъ нашихъ лѣтописей, не заводилъ въ Москвѣ рѣчей о вѣрѣ. Вирочемъ, такъ какъ Софья была воспитана въ приверженности къ католичеству, то могли питать иѣкоторую надежду, что она успѣеть расположить своего мужа въ пользу соединенія съ Римомъ, или что по крайней мѣрѣ въ дѣтяхъ своихъ приготовить людей склонныхъ къ этому соединенію. Возвратимся къ иѣкоторымъ рѣчамъ о семъ ниже, въ главѣ о митр. Макаріи, когда будемъ говорить о попыткахъ папы привлечь насъ къ союзу съ римскою церковью. имѣвшихъ мѣсто послѣ женитьбы вел. кн. Ивана Васильевича на Софѣ до названного митрополита включительно.

²⁾ Посоль папы Антоній Bonaventure, епископъ города d'Assia, по Иирлингъ, вовсе не былъ кардиналомъ.—ibid. p. 155 sub fin..

³⁾ О' предисеніи послу креста Иирлингъ говорить, что on la portait devant lui сошле en triomphe, en vertu d'un privilège accordé au légat par le Pape (если его передъ нимъ какъ бы въ тріумфѣ, въ силу привилегіи, данной легату папою),—ibid. p. 170. Описывая пребываніе Софы съ легатомъ во Исковѣ 1-я Исковская лѣтопись говорить: «бѣ свой владыка съ нею, не по чину нашему оболненъ бѣ весь червлениемъ платьемъ, имѣя на собѣ куколь червлень же (это одѣяніе кардинальское?)... да также и кресть предъ нимъ и распятіе осязаему (?), якоже всѣмъ человѣкомъ видѣти, вылитое носять предъ нимъ, на высокое древо, вѣтвято горѣ»,—Собр. лѣтт. IV, 245.

другие говорили: не бывало въ нашей землѣ того, чтобы чинить почесть латинской вѣрѣ; сдѣлать это одинъ Исидоръ, который и погибъ. Тогда великий князь послать донести о дѣлѣ митрополиту, отъ которого и былъ полученъ отвѣтъ: «невозможно допустить не только того, чтобы кардиналъ въ преднесеніи крыжа вошелъ въ городъ, но чтобы онъ такимъ образомъ и приблизился къ нему; если дозволить ему это, желая его почтить, то—онъ въ ворота города, а я—отецъ твой другими воротами выйти изъ города; недостойно намъ не только видѣть этого, но и слышать, потому что—кто окажеть почтение чужой вѣрѣ, тотъ поругался своей»¹). Вѣдѣстіе такого отвѣта митрополита великій князь выслать къ кардиналу за 15-ть верстъ отъ Москвы своего боярина, который и заставилъ его распорядиться, чтобы крыжъ быть спрятанъ.

Кардиналъ былъ присланъ въ Москву не для того, чтобы сдѣлать попытку вторичнаго привлечения адѣниихъ Русскихъ къ флорентийской унії. Но митр. Филиппъ почему-то весьма желалъ имѣть съ нимъ богословское преніе. Въ ожиданіи его прибытія онъ старательно изучать книги и призывать себѣ на помощъ какого-то, должно быть—знаменитаго въ то время на Москѣ, книжника Никиту поповича. Когда кардиналъ явился въ Москву, митрополитъ устроилъ было съ нимъ сходку, на которой, испомоществуемый Никитою поповичемъ, засыпалъ было его вопросами; но кардиналъ изъ благоразумной осторожности (которая, конечно, поната была Русскими, какъ его сознаніе въ своей слабости) совершение уклонился отъ преній, выставивъ предлогомъ то, что неѣть съ нимъ книгъ².

Кромѣ грамотъ митр. Филиппа, упомянутыхъ выше, сохранились отъ него до настоящаго времени двѣ церковно-правительственная грамоты въ собственномъ смыслѣ этого слова, написанныя—одна въ Новгородъ, другая—во Нковъ. Въ грамотѣ въ Новгородѣ отъ 8-го Апрѣля 1467-го года, адресованной къ архіепископу Іоанну и всѣмъ гражданамъ,

¹) Никон. лѣт. VI, 50.

²) «Тогда же убоѧлся легатосъ, много было митрополитъ Филиппъ изучать, отъ книгъ словеса емлючи и книжинка Никиту поповича призыва, ово самъ емля у него рѣчи глаголаше легатосу, иное же попелъ самому съ нимъ глаголати; онъ же ни единому слову отвѣта не дастъ, но рѣче: неѣть книгъ со мною».—Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣт. VI, 197.—Никита поповичъ, можетъ быть, есть тотъ священникъ Никита Сѣмешковъ, сынъ протоиона московского Архангельского собора, который въ 1474-мъ г. поставленъ былъ въ еписконы коломенскіе,—Никон. лѣт. VI, 55 нач.

митрополитъ, подобно своему предшественнику Феодосію, увѣщаваеть гражданъ новгородскихъ не посягать на церковныя недвижимыя имѣнія, сопровождая свои увѣщанія пространнымъ поученіемъ о неприкословенности этихъ имѣній. Со всею вѣроятностію нужно думать, что грамота была послана, такъ же какъ и митр. Феодосіемъ, по просьбѣ архієпископа Іоны; но она написана таѣтъ, что какъ будто слухъ о безчиніяхъ, творящихся въ Новгородѣ, дошелъ до митрополита вовсе не отъ архієпископа, а отъ другихъ¹⁾). Грамотой во Псковъ отъ 22-го Сентября 1471-го года митрополитъ дозволяеть Псковичамъ учредить у себя шестой соборъ для новоединенаго служенія²⁾,—объ этихъ соборахъ мы будемъ говорить во второй половинѣ тома. Митрополитъ вмѣшивается своей грамотой въ дѣла архієпископа новгородского, отчасти, вѣроятно, потому, что тогда быть въ Новгородѣ владыка только нареченный, но не посвященный, отчасти же, можетъ быть, потому, что у Псковичей, находившихся въ иенормальныхъ отношеніяхъ къ архієпископамъ по ихъ гражданской зависимости отъ Новгорода, вообще было въ обычай обращаться къ митрополитамъ помимо архієпископовъ. Къ двумъ сохранившимся грамотамъ можетъ быть присоединено посланіе Филиппа къ игумену Троицкаго Сергіева монастыря Спиридону съ просьбою о прощеніи одного старца монастыря, виновнаго передъ братіей въ какуюто укоризну и великую нужу своего грѣха и за это лишиеннаго монастырскими властями его имѣнія. Посланіе, рекомендующее игумену кротость вместо жестокости, какъ кажется, есть собственно частное письмо за человѣка близкаго митрополиту, ибо онъ просить простить согрѣшившаго и возвратить ему его рухлядку и лошадокъ «мене дѣля»³⁾.

(Объ еврейскомъ молитвенникѣ, выдающемъ себя за исалтыра Давидову, переведенную съ еврейскаго языка по приказанію будто бы митрополита Филиппа, см. ниже въ исторіи ереси Йидовствующихъ).

Въ правлениe митр. Филиппа имѣть мѣсто замѣчательный инцидентъ въ нашей церковной жизни, состоявший въ томъ, что псковское духовенство, отстравия власть своего архієпископа, рѣшилось было присвоить себѣ самосудъ. Невдовы псковскіе священники находили, что поведеніе ихъ вдовъ собратьевъ совершиенно невозможно и совершиенно нетерпимо, т. е. что послѣдніе или открыто жили съ наложницами или предавались открытому разврату. Неизвѣстно, какъ объ-

¹⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 82, въ *Павл.* въ *Памм.* № 101.

²⁾ Грамота въ Акт. Ист. т. I, № 283, въ *Павл.* № 103.

³⁾ Посланіе въ Акт. Ист. т. I, № 278, въ *Павл.* № 104.

яснять себѣ эту чувствительность невдовыхъ псковскихъ священниковъ, —тѣмъ ли, что здѣсь сравнительно живо было въ духовенствѣ нравственное чувство, или тѣмъ, что здѣсь вдовы священники вели себя до невозможности зазорнымъ образомъ. Если первое, то, можетъ быть, должно объяснить явленіе болѣею свободой, которою пользовалось здѣшнее духовенство противъ другихъ мѣстъ и которая нравственно воспитываетъ людей (посредствомъ самоотвѣтственности, которую на нихъ возлагаетъ). Если второе, то, можетъ быть, нужно объяснить дѣло близкимъ соображеніемъ безжизнаго католического духовенства. Известный, примѣръ распущенности котораго, какъ и всего католического духовенства, вліялъ на псковскихъ вдовыхъ священниковъ. Какъ бы то ни было, осенью 1468-го года невдовы псковскіе священники приняли намѣреніе положить конецъ соблазну, который причинили собой священники вдовы, и рѣшились сдѣлать это посредствомъ самосуда. Относительно вдовыхъ священниковъ было постановлено у насть св. Петромъ узаконеніе, чтобы они, если хотѣть сохранить священство, стриглись въ монахи, а если хотѣть оставаться въ міру, слагали съ себя саны. Но это узаконеніе св. Петра, подтвержденное потомъ митр. Фотиемъ, не соблюдалось у насть строго. Въ частности оно не соблюдалось въ правлѣніе митр. Филиппа, при чёмъ специальной причиной послабленія вдовымъ священникамъ, можетъ быть, было то, что крутые мѣры противъ нихъ предшественника Филиппова Феодосія навлекли на постѣднаго проклятія народныя¹⁾). Невдовы псковскіе священники хотѣли употребить противъ вдовыхъ узаконеніе св. Петра, подтвержденное Фотиемъ, и такъ какъ они не надѣялись, чтобы архіепископъ новгородскій Юна согласился на примѣненіе этого, въ то время бездѣствовавшаго, узаконенія, то, обходя архіепископа, они и рѣшили пріѣхать къ самосуду. Митр. Фотій подтвердилъ узаконеніе св. Петра именно въ своемъ посланіи во Псковъ; посланіе внесено было у Исковичей въ ихъ синеки Кормчей книги, и на этомъ основаніи они придавали ему такое значеніе, что какъ будто бы оно было однимъ изъ каноническихъ узаконеній этой постѣдней. Думая сдѣлать примѣненіе этого канона, псковскіе священники полагали, что они могутъ сдѣлать

¹⁾ Что въ правлѣніе митр. Филиппа вдовы священники оставались въ міру священниками, это видно изъ разсказа лѣтописи о вѣнчаніи Ивана Васильевича съ Софіей Семенічной: «вѣнча (великаго князя) протопопъ коломенскій Феофій, занеже здѣшніемъ (московскимъ) протопопомъ и духовникомъ своему не повелѣ, занеже вдовы», — Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. VI, 197.

лать это и вопреки архієпископу, и что послѣдній долженъ будеть преклониться предъ совершившимъ фактъмъ, послѣ того какъ имъ будеть сдѣлано дѣло. Священники собрали городъ на вѣче и съ согласія и одобренія вѣча своимъ единогласнымъ приговоромъ написали крѣпостную грамоту, выписанѣе ее изъ Номоканона, т. е. изъ посланія Фотіева, читавшагося въ исковскихъ помѣшаніяхъ, которою отлучили вдовыхъ священниковъ и діаконовъ отъ службы во всей исковской области¹⁾). Грамота была написана священниками съ согласія вѣча, во-первыхъ, потому, что въ Исковѣ мѣрѣ принимали большое участіе въ дѣлахъ церковныхъ и ничто важное церковное не могло быть сдѣлано безъ ихъ согласія,— во-вторыхъ, потому, что безъ согласія мѣрии сдѣланное священниками постановленіе могло оставаться безъ дѣйствія, такъ какъ мѣрие, не смотря на постановленіе, могли бы держать у себя на приходахъ вдовыхъ священниковъ. Ожидавшіе исковскихъ священниковъ, чтобы архієпископъ Іона подчинился имъ самовольному приговору, поставленному будто бы на основаніи Номоканона, не оправдались. Послѣ напрасной собственной попытки заставить священниковъ поддать или уничтожить ихъ крѣпостную грамоту, архієпископъ обратился съ жалобой на нихъ къ великому князю и митрополиту, и вмѣшательство въ дѣло сихъ послѣднихъ имѣло своимъ стѣдствіемъ то, что священники, продержавшись за свою грамоту годъ и два съ половиною мѣсяца, наконецъ принуждены были подать ее, уступивъ дѣло о вдовыхъ священникахъ и діаконахъ въ руки архієпископа. Но увѣренію исковскаго лѣтописца, архієпископъ показалъ себя въ семъ случаѣ далеко не особенно достойнымъ образомъ. Лѣтописецъ говоритъ, что, убѣждая исковскихъ священниковъ поддать ихъ грамоту, онъ обѣщалъ имъ, что если то святительское дѣло о вдовыхъ священникахъ и діаконахъ они положатъ на немъ, то онъ покажетъ къ недостойнымъ между этими священниками и діаконами большую строгость, нежели какую хотѣли показать они, но что на самомъ дѣлѣ онъ показалъ совсѣмъ иное. Когда священники подали свою грамоту и когда вдовымъ священникамъ и діаконамъ приказано было отъ архієпископа явиться къ нему на управление, то дальнѣйшее, по увѣренію лѣтописца, было: «и начаша къ нему священицы и діакони вдовіи ѻздити,

¹⁾ Исковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 232. Исковск. 2-я лѣт. ibid. V. 35. Въ первой какъ будто неяснымъ образомъ дается знать, что рѣчь шла не объ однихъ вдовыхъ священникахъ: но тутъ только некоторое широковѣщеніе лѣтописца.

а онъ у нихъ нача имати мзду — у коего по рублю, у коего полтора, а ихъ всѣхъ посподу (подъ рядъ) безъ востягновенія (испытанія) нача благословляти пѣти и грамоты другія изъ той мзды за печатями давати¹⁾.

Митрополитъ Филиппъ скончался 5-го Апрѣля 1473-го года²⁾.

¹⁾ Исковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 234 (затѣмъ автописецъ и прокровенно и пряко обличаетъ Іоану въ страсти сребролюбія).

²⁾ Онъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ и его гробъ есть тотъ гробъ, который въ настоящее время ошибочнымъ образомъ выдается за гробъ митр. Аѳанасія, погребенного въ Новоспасскомъ монастырѣ, см. *Снегирева* Памятники московской древности, стр. 24. col. 1. § 3 fin..

МИТРОПОЛИТЬ ГЕРОНТИЙ.

На място Филиппа I былъ поставленъ въ митрополиты Геронтий, епископъ коломенскій ¹⁾.

Весьма вѣроятно, что новый митрополитъ бытъ бы избранъ такъ же, какъ избранъ бытъ самъ Филиппъ и какъ избранъ бытъ его предшественникъ Феодосій, т. е. что великий князь предоставилъ бы избрать нового митрополита самому старому; по Филиппъ бытъ постигнути смертію неожиданнѣмъ образомъ: 4-го Апрѣля 1473-го года онъ внезапно заболѣлъ, а на другой день, 5-го Апрѣля, скончался ²⁾). Для избрания нового митрополита великий князь приказалъ бытъ у себя на Москвѣ своимъ братьямъ и всемъ епископамъ въ срокъ черезъ 18-ть дній послѣ смерти стараго, тѣ 23-му Апрѣля или тѣ Георгіеву дню. Избранный соборомъ епископовъ, при участії, какъ должно подразумѣвать, хотѣнія великаго князя, Геронтий возведенъ бытъ па митрополичій дворъ 4-го Іюня 1473-го года, а «поставленъ» въ митрополиты 29-го того же Іюня, въ Петровъ день ³⁾).

Онъ занимать кафедру митрополіи въ продолженіе 16-ти лѣтъ и скончался 28-го Мая 1489-го года.

Важнейшимъ событиемъ его правленія, въ смыслѣ важности вирочемъ отрицательнаго свойства, а не положительнаго, было открытие въ Новгородѣ ереси Жидовствующихъ. Рѣчи объ ереси Жидовствующихъ, представляющій въ своемъ родѣ важнѣйшее, мы отнесемъ па конецъ, а спачала скажемъ обо всемъ менѣе важномъ.

¹⁾ Въ епископы коломенскіе Геронтий былъ поставленъ изъ архимандритовъ симоновскихъ неизвѣстно когда до 1455-го года, подъ которымъ упоминается какъ таковой (Акт. Ист. т. I, № 57 и Намятин. *Павл.* № 74); архимандритомъ симоновскимъ онъ упоминается въ концѣ 1447-го года (Акт. Ист. т. I, № 40).

²⁾ 4-го Апрѣля бытъ въ московскомъ Кремль пожаръ, при чемъ сгорѣлъ митрополичій дворъ. Иотрясеніе, причиненное митрополиту пожаромъ, кажется, въ было причиной его внезапной болѣзни (которую какъ будто бытъ ударъ),—Иванов. *Акт.* VI, 52 sqq.

³⁾ *Ibidd.* стр. 54.

На другой или на третий годъ постѣ поставлениія Геронтия въ митрополиты, въ 1474-мъ или 1475-году, султанъ турецкій и патріархъ константинопольскій сдѣлали такое дѣло, которое возбудило опасеніе московскихъ Русскихъ и заставило ихъ принять свои мѣры. Въ Константинополь явился самозванный кандидатомъ на каѳедру митрополии литовской, ставшей ираздо въ концѣ 1472-го года за смртію Григорія Болгарина¹), тверской монахъ, по имени Спиридонъ, прозванный, какъ говорятъ извѣстія, за свою рѣзвость Сатаной, и успѣть достичнуть того, что султанъ (Магометъ II, завоеватель Константина), несмотря на отсутствіе просьбы о немъ со стороны литовского гражданскаго правительства или со стороны тамошнаго православнаго духовенства, приказалъ патріарху Рафаилу посвятить его на искомое имъ мѣсто. Это самовольное поставленіе султаномъ и патріархомъ митрополита литовскаго возбудило въ московскихъ Русскихъ опасеніе, вѣроятно впрочемъ—только иѣкоторое и не особенно большое, чтобы не сдѣлали султанъ съ патріархомъ того же самого и въ приложеніи къ Москвѣ, и они приняли противъ сего ту мѣру, что въ обѣщательніи грамоты, которая была даваема митрополиту новопоставленными епископами, внесли обязательство не принимать митрополитовъ, посвященныхъ въ Константинополь. Спиридонъ прибылъ въ Литву, облеченный отъ патріарха саномъ ея митрополита, въ 1476-мъ году, а въ грамотѣ митр. Геронтию тверского епископа Вассіана, поставленнаго 6-го Декабря 1477-го года, читается: «а къ митрополиту Спиридону, нареченому Сатанѣ, изыскавшаго (читай: изыскавшему) въ Цареградѣ поставленія во области безбожныхъ Турокъ отъ ногааго царя, или кто будетъ иной митрополитъ поставленъ отъ латини или отъ турскаго области, не приступати мнѣ къ нему»²).

¹⁾ Григорій умеръ въ Сентябрѣ—началѣ Декабря 1472-го года.—Несовѣк. I-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. IV, 246.

²⁾ Макарьевскихъ Четь-Миней мѣсяцъ Августъ, синодальн. № 183, л. 765. Собственное показаніе Спиридона, что онъ поставленъ въ митрополиты патр. Рафаиломъ въ Сентябрѣ 1474-го или 1475-го года—въ его «Изложениіе о православной вѣрѣ», о которомъ см. у профес. Макарія IX, 64 sqq (именно показаніе—стр. 66 прим.). Патріаршество Рафаила, знаменитаго своей безграмотностью, а также извѣстнаго своею преданностью вину и своей крайней жалкой судьбою, вѣдькоторая греческія лѣтописи относятъ ко времени, уже слѣдующему за прибытіемъ Спиридона въ Литву,—къ 1477-му—1480-му годамъ или къ 1481-му году; но то неправильно). О приходѣ Спиридона въ Литву Типографская лѣтопись подъ 1476-мъ годомъ (стр. 286): «тогожъ лѣта прииде изъ Царяграда въ литовскую

Геронтию осталась постъ Филиппа стройка Московского Успенского собора, который къ 5-му Аврѣля 1473-го года, когда умеръ постѣдній, былъ складенъ приблизительно до половины своихъ стѣнъ¹⁾). Въ продолженіе лѣта 1473-го года и начала весны слѣдующаго 1474-го года складены были стѣны собора и сведены были его своды. Но когда

землю митрополитъ, именемъ же Спиридонъ, а родомъ тверитинъ, поставленъ по мѣдѣ патріархомъ, а повелѣніемъ турскаго царя» (у Карамз. къ т. VI прим. 629, col. 93.—то же самое). Посаженный въ Литву въ заключеніе, Спиридонъ въ 1482-мъ году присыпалъ посланіе къ Московскому великому князю, о чёмъ въ Софийской 2-й лѣтописи подъ наимѣн. годомъ (Собр. лѣтт. VI, 233) читается: «того же лѣта прѣѣздилъ наинъ въ Литву отъ митрополита, иже здѣ чернецъ бываль, его же Сотою зовутъ за рѣвность его, и шедъ въ Царьградъ ста въ митрополиты на Русь и прѣѣха въ Литву, король же ять его и посади въ заточеніи, и сказа отъ него (пана) князю великому: «како много, рече, ющай отъ патріарха везозъ къ тебѣ, король же все то понялъ къ себѣ». князь же велики держа долго пана того (можетъ быть, поставивъ получить мощи отъ короля) и отпусти, рекъ: «не подымати рати, ии воевати съ королемъ про се». Освобожденный въ Литвѣ изъ заключенія или бѣжалъ изъ него, Спиридонъ послѣ явился въ такомъ же заключеніи на Москвѣ,—въ Орапонтовомъ монастырѣ, въ которомъ умеръ послѣ 1503-го года. Въ своемъ упомянутомъ выше Изложении о православной вѣрѣ, написанномъ тотчасъ по прибытии въ Литву, онъ называетъ себя митрополитомъ (архиепископомъ) «Кіевскимъ (и) всяя Руси», изъ чего какъ будто слѣдовало бы, что онъ былъ поставленъ въ митрополиты не литовскіе, а московскіе. Но невозможно предполагать, чтобы онъ поставилъ въ Константинополѣ на мѣсто живаго Геронтия или чтобы вообще онъ могъ имѣть надежду, поставившись въ Константинополѣ, быть принятъ въ Москвѣ; а поэтому относительно нашего титула, употребляемаго имъ въ качествѣ митрополита литовскаго, должно думать, что онъ пользовался имъ какъ наследиемъ отъ Григорія Болгарина, т.-е. что его признали себѣ этого послѣдній (и на Москвѣ подъ конецъ жизни Спиридонъ величалъ себя митрополитомъ всяя Руси,—послѣдовавъ къ житію Соловецкихъ чудотворцевъ, которое написано, собственно—редактировано, имъ въ 1503-мъ году, напеч. въ Библіографич. разысканіяхъ *Університета*, стр. 58). Современники съ великими презрѣніями отзываются объ его учености (въ тогдашнемъ смыслѣ) и объ его писательскомъ таланѣ въ даже называютъ его столпомъ церковнымъ своего времени (Доспѣй соловецкій у *Кіево-Печерськаго монастыря*, стр. 59 въ Геншадѣ архіепископа новгородскаго у *Кіево-Печерськаго монастыря*, стр. 200 прим.). Какъ о писателѣ, каковыи онъ былъ, мы скажемъ о немъ во второмъ половинѣ тома.

¹⁾ Никоновская лѣтопись, выражаясь не совсѣмъ понятнымъ для насъ въ настоящее время образомъ говорить: «тогда бо (въ минуту смерти Филипповой) бяше еще воздѣлано ея (церкви) до большого пояса до половины, идѣже кипоти святыхъ дѣлати начаты на всѣхъ трехъ стѣнахъ».—VI, 53.

приступили къ кладкѣ большаго верха или главнаго купола, 20-го Мая 1474-го года соборъ обрушился. Неискусные мастера, выводившіе стѣны собора гладко, но непрочно¹⁾, сдѣлали иѣкоторую часть его съверной стѣны полою, проведши въ стѣнѣ лѣстницу на полати или хоры, прикладенные къ западной стѣнѣ. На иѣкоторую часть полая стѣна, бывъ дурно складена, не изъ состояній была выдерживать тяжести сводовъ и вся рухнула; съ нею упала половина западной стѣны и полати, которая находились у постѣдней, также столбы и всѣ своды. Послѣ этого дѣло строенія собора взялъ на себя уже самъ великий князь. Не падясь болѣе на своихъ московскихъ мастеровъ, онъ поручилъ своему послу, отиравленному въ томъ же 1474-мъ году въ Венецію, найти и панять тамъ хорошаго архитектора, а за простыми каменищиками послать во Псковъ, такъ какъ здѣшніе каменищики, бывъ учениками Иѣмцевъ, славились своимъ искусствомъ²⁾. 25-го Марта слѣдующаго 1475-го года прибыль изъ Венеции знаменитый архитекторъ Аристотель Фіоравенти, которому великий князь и поручилъ строеніе собора³⁾. Аристотель не нашелъ возможнымъ возстановлять полуразрушившееся зданіе московскихъ мастеровъ, но рѣшилъ, по совершенному его разобраніи, вѣсть совсѣмъ новое. 16-го Апрѣля 1475-го года перенесены были изъ полуразвалившагося собора въ церковь св. Иоанна Лѣстничника, чтѣ подъ колоколами, рака съ мощами св. Петра и раки съ тѣлами прочихъ митрополитовъ, а на слѣдующій день, 17-го Апрѣля, начали разрушеніе уцѣлѣвшихъ отъ паденій стѣнъ собора, послѣ чего съ Юния мѣсяца были копани рвы для фундамента новаго собора и

¹⁾ Софійская лѣтопись говоритъ о мастерахъ: «не разумѣша силы въ томъ (каменнострогательномъ) дѣлѣ, извѣстъ жидко растворяяху съ пескомъ, ино не kleе-вило, а внутрь (между облицовкой внутренней и наружной) того же малаго каменія сбираху, да внутрь стѣны смылающе да извѣстію поливаху, якоже растворомъ тѣстевымъ, потому же не крѣко дѣло: якоже тягина того каменія погнететъ зъ мѣсто и правило стѣны извихляется», Собр. лѣтт. VI, 195 нач.. По словамъ той же лѣтописи, псковскіе каменищики, вызванные великимъ княземъ послѣ паденія собора, осматривая неудачную работу московскихъ мастеровъ, «дѣла ихъ похвалиша, что гладко дѣлали, да похулиша дѣло извѣстія, занеже жидко растворяяху, ино не kleе-вило»,—ibid. стр. 198 fin..

²⁾ Никон. лѣт. VI, 58 нач..

³⁾ Объ Аристотелѣ (фамилія или прозваніе котораго правильнѣе Фіоравенти, какъ у насъ принято его звать, а Фіоравенти) подробнѣ въ Софійск. 2-й лѣтописи,—Собр. лѣтт. VI, 199; иѣкоторые дополненія въ Типogr. лѣт. стр. 292. Ср. у *Ниричта* въ *La Russie et le Saint-Siège*, I, 200.

быть дѣлаемъ самый фундаментъ. Собственную кладку собора поверхъ фундамента Аристотель началъ въ слѣдующемъ 1476-мъ году,—22-го Аврѣля было приступлено къ работамъ, а 12-го Мая совершено было митрополитомъ молитвословіе основанія храма. Второй новый соборъ былъ строенъ, считая отъ начала работъ поверхъ земли, въ продолженіе четырехъ лѣтъ и оконченъ къ Августу 1479-го года. Этотъ второй новый соборъ, существующій до настоящаго времени, торжественно освященъ былъ митрополитомъ съ тремя епископами и со всѣмъ московскимъ духовенствомъ (всѣхъ семи соборовъ) за три дня до его храмового праздника—12-го Августа 1479-го года¹⁾). День перенесенія въ соборъ изъ церкви Иоанна Бѣstичника мощей св. Петра,—24-го Августа, было установлено праздновать на будущее время подобно тому, какъ и день первого перенесенія или переложенія²⁾). Объ архитектурѣ собора и его значеніи въ исторіи нашей церковной архитектуры мы скажемъ послѣ (во второй половинѣ тома).

Освященіе московского Успенскаго собора подало поводъ къ горячимъ спорамъ между великимъ княземъ и митрополитомъ о томъ, какъ ходить съ крестнымъ ходомъ при освященіи церкви—противъ солица или по солицу. Послѣ освященія собора какіе-то прелестники наклеветали великому князю на митрополита, что послѣдній неправильно поступилъ, ходивъ около церкви со крестами не по солнечному входу. Великій князь, убѣжденныйъ неизвѣстными прелестниками въ томъ, что митрополитъ дѣйствительно поступилъ неправильно, разгневался на него, говоря, что того ради, т. е. такихъ погрѣшиостей, гиѣвъ Божій приходитъ. Для разрѣшенія возникшаго вопроса обратились къ розыскамъ въ книгахъ и, много искали въ нихъ, ничего въ нихъ не нашли—какъ ходить при освященіи церквей, по солицу или не по солицу; но рѣчей и споровъ было много. Выступили архимандриты и игумены, которые хотѣли защищать митрополита; одинъ изъ этихъ послѣднихъ говорилъ: во Святой горѣ я видѣлъ освященіе церкви, и тамъ также ходили со крестами противъ солица. Великій князь призвалъ для спора съ митрополитомъ ростовскаго архіепископа Вассіана и чудовскаго архимандрита Гениадія, которые держались одного съ нимъ мнѣнія и изъ которыхъ первый былъ въ то же время и личнымъ врагомъ митрополита. Вассіану и Гениадію митрополитъ приводилъ свидѣтельство, что когда діаконъ кадитъ въ олтарѣ, то ходить съ кадиломъ вокругъ

¹⁾ Подробности въ Типографск. лѣт. стр. 293 sqq.

²⁾ А гдѣ прочитъ митрополитовъ перенесены были въ соборъ 27-го Августа.

престола противъ солица; а они съ своей стороны, не приводя никакого свидѣтельства, говорили: «солице праведное Христосъ на ада настуши и смерть связа и души свободи, и того ради, рече, исходять на Пасху, тоже прообразуютъ на утрени». Много споривъ, ни къ чему не пришли. Однако великий князь остался твердо при своемъ мнѣніи и, надѣясь побороть митрополита, не приказалъ освящать церквей, которыхъ въ то время было въ Москвѣ много готовыхъ къ освященію. Всѣдѣствіе нашествія Ахмата, имѣвшаго мѣсто во второй половинѣ 1480-го года, на годъ или болѣе произошла остановка; а затѣмъ во второй половинѣ 1481-го года великий князь снова возобновилъ споръ¹⁾). Вѣроятно, на этотъ разъ споръ былъ соборный и открытый; какъ бы то ни было, но теперь на сторонѣ митрополита были всѣ священники и книжные начетчики («книжники»), монахи и мѣряне, а на сторонѣ великаго князя по прежнему были только двое—новый ростовскій архіепископъ Іоасафъ, заступившій мѣсто Вассіана 22-го Іюля 1481-го года, и тотъ же чудовскій Геннадій. Въ виду крайняго упорства великаго князя митрополитъ рѣшился иаконецъ на то, чтобы, оставивъ митрополію, сѣѣхать въ Симоновъ монастырь и чтобы объявить, что онъ и совсѣмъ сложить съ себя сань митрополичій, если великій князь не добьетъ ему челомъ и не перестанетъ настаивать на своемъ требованіи ходить послонинъ. Имѣя противъ себя всѣхъ, а на своей сторонѣ только двоихъ, великий князь увидѣлъ себя вынужденнымъ смириться передъ митрополитомъ: онъ послалъ къ нему своего сына съ просьбою возвратиться на оставленный престолъ; когда митрополитъ не послушалъ просьбы, обращенной къ нему черезъ послана, великий князь поѣхалъ къ нему самъ и, объявляя во всемъ виноватымъ самого себя, обѣщалъ слушать его—митрополита во всемъ, а относительно хожденія со крестами отдаваль въ его волю, какъ онъ прикажеть и какъ было въ старину. Митрополитъ возвратился на свой престолъ, и этимъ окончился споръ. Покончивъ споръ, формальнаго устава для будущаго времени относительно спорнаго вопроса не положили.

¹⁾ Успенскій соборъ освященъ былъ 12-го Августа 1479-го года, а 26-го Октября того же года великий князь отправился въ Новгородъ, изъ котораго возвратился 13-го Февраля слѣдующаго 1480-го года.—Икон. лѣт. VI, 109. Лѣтопись, передающая исторію спора, даетъ знать, что прелестники наговорили великому князю на митрополита до его поѣздки въ Новгородъ, а что первый споръ происходилъ послѣ его возвращенія изъ послѣдняго.—Первые войска противъ Ахмата были высланы изъ Москвы 8-го Іюня 1480-го года: бѣжалъ онъ 11-го Ноября того же года.

Мы передали разсказъ о спорѣ, какъ онъ читается въ лѣтопи-
си¹⁾). Не совсѣмъ понятнымъ остается поведеніе великаго князя. Дается
знать въ разсказѣ, что хожденіе противъ солнца составляло въ Мо-
сквѣ старину и было въ ней всеобщимъ обычаемъ, и слѣдовательно—
что великому князю была внушена новина. Но когда онъ упорно стоялъ
за новину, то, нѣтъ сомнѣнія, имѣлъ какія нибудь побужденія,
которыя представлялись ему основательными. Эти-то побужденія ни
прямо ни намеками вовсе и не указываются у лѣтописца. Когда по-
слѣдній говорить въ заключеніе своего разсказа, что «устава же не
учинилъ», то это необходимо понимать такъ, что хотя великий князь
и увидѣлъ себя вынужденнымъ смириться передъ митрополитомъ, но
что отъ своего мнѣнія не отказался, а поэтому и воепрепятствовалъ
положить для будущаго времени формальный уставъ. Для рѣшенія спора
естественно было бы обратиться съ вопросомъ къ Грекамъ, какъ у
нихъ имѣть себя обычай; но великій князь, пропустивъ мимо ушей
ссылку какого-то архимандрита или игумена на примѣръ Аѳона, вовсе
этого не сдѣлалъ: какъ мы говорили выше, Русскіе уже перестали счи-
тать тогда Грековъ хранителями чистоты истиннаго православія и въ
вопросахъ церковной обрядности уже вовсе не признавали болѣе ихъ
авторитета²⁾.

Мы сказали выше, что архіепископъ ростовскій Вассіанъ былъ
личиной врагъ митр. Геронтия. Въ 1478-мъ году у нихъ была бравь,
доходившая до соборнаго суда, изъ-за Кириллова Бѣлозерскаго мона-
стыря. Монахи кирилло-бѣлозерскіе, превозносясь, какъ говорить лѣ-

¹⁾ Софійской 2-й.—Собр. лѣтт. VI, стрр. 221 и 233.

²⁾ Недавно стало извѣстнымъ посланіе къ митр. Геронтию о нашемъ спорѣ епископа Романова Торга, чтѣ въ Молдавіи, Василія, написанное 2-го Февраля 1484-го года и принесенное въ Москву какимъ-то Михаиломъ Яковлевичемъ, см. Описаніе рукописныхъ сборниковъ Чубічной Библіотеки Ільчкова, I, 507, sub fin.. Дѣло, по всейѣ вѣроятности, должно понимать такъ, что епископу сообщили о ведшемся въ Москвѣ спорѣ русскіе послы, приходившіе къ свату нашего великаго князя (съ 1482-го года) молдавскому воеводѣ Стефану, и что онъ—епископъ написалъ по-
сланіе, не будучи прошенъ митрополигомъ, но возьмѣвъ собственное усердіе под-
твердить (засвидѣтельствовать) послѣднему, что дѣйствительно надлежитъ ходить
противъ солнца. Онъ пишетъ въ посланіи: «въ греческѣмъ законѣ ищожно (иначто)
дѣйствуетъ (не дѣйствуется) въ святой церкви по солнцу, али, господи, усе (все)
по камелу (т.-е. какъ діаконъ ходить, совершая кажденіе); а кто имѣть дѣйство-
вати по солнцу у греческомъ закона, а тотъ есть проклятъ (—ть) отъ первого со-
бора 318 богоносныхъ отецъ, иже въ Иаковѣ; у насъ латини тако творять»...

тописецъ, своимъ высокоуміемъ и богатствомъ, умыслили создать себѣ исключительное юридическое положеніе, а именно—чтобы, не состоя въ зависимости отъ епархиального архіерея, каковымъ былъ архіепископъ ростовскій, находиться только въ подчиненіи у своего удѣльного князя. Они подговорили своего удѣльного князя Михаила Андреевича верейско-блѣзорскаго¹), чтобы онъ выпросилъ себѣ у митрополита грамоту, которою монастырь отдавался бы въ завѣдываніе его—князя и изымался бы изъ-подъ власти ростовскаго архіепископа. Митрополитъ, слушая князя и вѣроятно—руководясь и какими нибудь личными побужденіями, далъ ему просимую грамоту. Архіепископъ ростовскій Вассіанъ, при такомъ посигательствѣ на его права, спачала былъ членъ митрополиту, чтобы онъ не вступался въ его предѣлъ вопреки правиламъ. Когда митрополитъ не уважилъ его членобитья, онъ обратился съ жалобою къ великому князю и началъ просить себѣ у государя суда съ митрополитомъ по правиламъ. Великий князь спачала частнымъ образомъ обратился къ митрополиту; а когда этотъ не послушалъ его, послать взять его грамоту у Михаила Андреевича и повелѣть быть на Москвѣ собору всѣхъ епископовъ и архимандритовъ, чтобы дать на него судъ архіепископу. Послѣ многоаго взысканія, бывшаго на соборѣ, митрополитъ убоился соборнаго суда и обратился съ мольбой къ великому князю, чтобы онъ помирить его съ архіепископомъ и прекратить разбирательство. Великий князь это и сдѣлалъ, изодравъ грамоту митрополичью и указавъ съ соборомъ по прежнему находиться Кириллову монастырю въ полной власти архіепископа. Сказаніе о браніи Геронтия съ Вассіаномъ, читаемое въ лѣтописяхъ²), увѣряетъ, что все это зло было отъ тогда бывшаго Кирилловскаго игумена новоначального (въ немъ или прилаго) Иоанфона (постъ епископа суздальскаго) и отъ новоначальныхъ монаховъ и отъ прихожихъ смутовъ и что старые старцы монастыря (и тутопшные) постриженники молились со слезами Богу, чтобы Онъ укротилъ бранъ, а имъ бы жить въ повиновеніи у своего святителя—ростовскаго архіепископа, какъ жить ихъ преподобный старецъ Кириллъ.

Съ другимъ защитникомъ хожденія посолонъ, архимандритомъ чудовскимъ Гениадіемъ, митрополиту наоборотъ удалось разсчитаться самому. Въ 1482-мъ году навечеріе Богоявленія случилось въ воскрес-

¹) Михаилъ Андреевичъ былъ двоюродный дядя Ивана Васильевича, внукъ Дмитрія Ивановича Донского.

²) Иакон. лѣт. VI, 106, и Типogr. лѣт. стр. 290; также Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 33 бп..

сенье, и Геннадій, вѣроятно—руководствуясь уставомъ, въ которомъ ничего прямо не говорилось о томъ, когда пить воду, но въ которомъ предписывалось: «литургію отпѣвъ вѣсити по укруху хлѣба во церкви и по чаши вина, и вечерину начинати и воду свящати», приказалъ своей братіи пить богоявленскую воду послѣ ъды. Митрополитъ объявилъ это за тяжкое преступление и послалъ силой изымать архимандрита и привести къ себѣ. Геннадій убѣжалъ было къ великому князю; но митрополитъ самъ пошелъ къ послѣднему и говорилъ противъ него, требуя его выдачи: «самовластно первіе учинилъ, что мене не спросился; другое, что такую священную воду обезчестилъ, юже святіи отци оглашенымъ (покаяльникамъ или находящимся подъ епитиміей) въ причастія мѣсто повелѣша единую въ году на Пасху испивать, а непокаяльникомъ тогда на Богоявление (въ самое Богоявление) пить прежде доры, а онъ и ъдши велѣть пить». Великий князь выдалъ Геннадія митрополиту, а послѣдній приказалъ сковать его и посадить подъ палатою въ леднику. Наконецъ, государь съ своими боярами отпечаталовалъ его у митрополита, ссылаясь на то, что митр. Феодосій, бывъ ростовскимъ архієпископомъ, допустилъ подобное же преступление, но что Юна митрополитъ, теперь чудотворецъ, потязалъ его, но послѣ принесенного имъ покаянія преподалъ ему прощеніе¹⁾.

Въ 1478-мъ году послѣ окончательного покоренія Новгорода вел. кн. Иванъ Васильевичъ взялъ или отобрать на себя въ послѣднемъ довольно значительную часть недвижимыхъ церковныхъ имѣній,—девять волостей у самого владыки новгородского и по половинѣ волостей у шести наиболѣе богатыхъ имѣніями монастырей. Эта частная секуляризация недвижимыхъ церковныхъ имѣній считается прологомъ къ той общей секуляризациі, рѣчи о которой были подняты при самомъ же Иванѣ Васильевичѣ. Мы возвратимся къ нашему слuchaю послѣ, когда будемъ говорить о поднятіи сейчасъ указанныхъ рѣчей.

Въ концѣ 1483-го года митр. Геронтий, бывъ боленъ, сѣхъ на Симоновъ монастырь, въ намѣреніи оставить митрополію; но потомъ оздравѣлъ и снова захотѣлъ возвратиться на свой столъ. Тогда великий князь, слишкомъ непріятно и унизительно для себя окончившій споръ съ митрополитомъ о хожденіи со крестами вокругъ церквей, употребилъ было сильныя старанія, чтобы не дать ему исполнить своего намѣренія и чтобы получить такимъ образомъ возможность замѣнить его другимъ. Вотъ любопытный разсказъ объ этомъ лѣтописи:

¹⁾ Софійск. 2-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. VI, 234 (въ которой и о томъ, что предписывалось въ тогдашнемъ Уставѣ относительно нашего случая).

«того же лѣта (въ Ноябрѣ 1483-го года) Геронтей митрополитъ хотѣлъ оставить митрополію и сѣѧхъ въ монастырь на Симоново и съ собою ризницу и посохъ взя, понеже боленъ; и оздравѣ и хотѣ опять на митрополію; князь же великий не восхотѣ его, (но митрополитъ) и неволею не оставилъ митрополіи; и послалъ къ нему (князь) Пасею (старца Пасея Ярославова, о которомъ будемъ говорить ниже), и не може ввести его въ то (т. е. чтобы согласился оставить митрополію): множды убѣгалъ изъ монастыря и имаша его, и тужи много по митрополіи; князь же великий поча думати съ Пасеою: пригоже ли его опять на митрополію, хотяще бо его самого (Пасея) на митрополію, онъ же (Пасей) не хотяше»¹⁾... Дѣло кончилось тѣмъ, что ровно черезъ годъ по удаленіи Геронтия въ монастырь «въ тотъ же день по Кузмѣ-Демьянинѣ дни по осеніемъ вознедѣ князь великий того же митрополита Геронтия на столь»²⁾.

Сохранились до настоящаго времени двѣ грамоты митр. Геронтия на Вятку, искаанныя — одна къ тамошнему духовенству, другая ко всемъ тамошнимъ мірянамъ³⁾. Грамоты эти, содержаліе которыхъ — обличенія священникамъ за плохую христіансскую жизнь ихъ собственную и ихъ пасомыхъ въ укоризну мірянамъ за ихъ непокореніе великому князю и грабленія, показываютъ, что митр. Геронтий ни самъ не обладалъ способностію писать грамоты и не имѣлъ у себя хорошаго дьяка, который бы дѣлалъ это за него. Наши грамоты представляютъ собою не что иное, какъ буквальное въ цѣломъ воспроизведеніе грамотъ на Вятку св. Ионы⁴⁾ съ весьма незначительными и не особенно искусно сдѣлаными частными измѣненіями. Одно изъ этихъ измѣнений можетъ быть признано за существенное и состоитъ въ томъ, что мірянамъ въ случаѣ ихъ нераскаяности св. Иона грозить своимъ неблагословеніемъ тѣ общихъ выраженіяхъ, а Геронтий грозить имъ прямо, что вышлетъ изъ ихъ земли священниковъ и затворить у нихъ церкви.

Во второй половинѣ 1480-го года имѣло мѣсто напастіе на Москву хана Ахмата, которымъ окончилось владычество Татаръ надъ панимъ отечествомъ. Великий князь Иванъ Васильевичъ, какъ известно, велья себя при этомъ случаѣ далеко не блестательнымъ образомъ и настоя-

¹⁾ Софійск. 2-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. VI, 236; тоже въ Типogr. лѣтоп. стр. 307.

²⁾ Соф. лѣтт. ibid..

³⁾ Акт. Ист. т. I. №№ 97 и 98.

⁴⁾ Тѣхъ грамотъ, которыя въ Акт. Ист. т. I, № 261, и у Павл. № 73.

тельнѣйше нуждался въ томъ, чтобы истинные сыны отечества употребили къ его воодушевленію всѣ свои усилия въ старація.¹⁾ Наше высшее духовенство показало себя въ эти, истинно рѣшительныя для отечества, минуты самимъ достойнымъ образомъ, но не въ лицѣ нелюбимаго великимъ князеу и какъ разъ въ то время находившагося въ ссорѣ съ нимъ митрополита, а въ лицѣ его—государева духовника,—архіепископа ростовскаго Вассіана. Митрополитъ писалъ великому князю соборное посланіе въ лагерь на Угру, возбуждая его къ мужественному стоянію противъ христоненавистнаго врага²⁾. Но въ этомъ посланіи, краткому и официальному-блѣдномъ, нѣть ничего похожаго на ту смѣлость и прямоту, съ которыми увѣщаиваетъ великаго князя Вассіанъ въ своемъ къ нему посланіи³⁾.

Лѣтомъ 1481-го года были поставлены митр. Геронтиемъ одинъ за другимъ три епископа: Іоасафъ ростовскій, Герасимъ коломенскій и Симеонъ рязанскій, и одна изъ лѣтописей сопровождаетъ извѣстіе объ этихъ поставленияхъ неожиданнымъ и загадочнымъ плачемъ Іереміинымъ: «увы, увы,—восклицаетъ она,—погибъ благовѣрный отъ земли грѣхъ ради нашихъ, по Давиду: спаси мя, Господи, яко оскудъ прѣподобный, яко умалиша истины отъ сыновъ человѣческихъ, суетная глагола коико ко искрепнему своему»⁴⁾. Эта загадочный плач можетъ быть понимаемъ двояко: или что въ епископы были поставлены люди недостойные, или что они достигли епископства путами недостойными. То или другое, но дается намъ знать, что правленіе митр. Геронтия не было однимъ изъ лучшихъ правлений...

Обращаемся къ ереси Икодовствующихъ⁵⁾.

¹⁾ Трусость Ивана Васильевича Карамзинъ старается превратить въ мудрую осмотрительность: но далеко не особенно удачно.

²⁾ Въ Акт. Ист. т. I. № 90.

³⁾ О посланії Вассіана см. во второй половинѣ тома, въ главѣ о проповѣденіяхъ.

⁴⁾ Типографск. лѣт. стр. 304 fin.—4-го Апрѣля 1473-го въ московскомъ Кремль былъ большой пожаръ, при чёмъ сгорѣлъ митрополичій дворъ.—Иикон. лѣт. VI. 52. Вместо сгорѣвшаго двора митр. Геронтий поставилъ новый дворъ, изъ построекъ котораго упоминаются: кирпичные у него—двора ворота, складенные въ томъ же 1473-мъ году; галата каменная, заложенная въ 1473-мъ году и оконченная къ осени 1474-го года; домовая церковь Ризположенія, заложенная въ 1484-мъ году и освященная 21-го Августа 1486-го года.—Иикон. лѣт. VI, стрр. 55, 59, 119 и 121.

⁵⁾ Главный петочникъ свѣдѣній объ ересь составляетъ такъ называемый Проповѣтитель преп. Іоанфа Волоколамскаго, непосредственно современное историческо-

Ересь Жидовствующихъ, представлявшая въ своемъ подлинномъ видѣ чисто жидовство, съ совершеннымъ отрицаніемъ христіанства, такъ что одно принимаемо было вмѣсто другаго, а въ своемъ неподлинномъ видѣ — большее или меньшее христіанско вольномысліе, о чёмъ скажемъ ниже, возникла въ Новгородѣ, въ 1470—71-мъ году, въ правлениѣ матр. Филиппа. Мы говорили выше, что въ 1470-мъ году Новгородцы выпросили себѣ у короля польскаго на кормленіе кіевскаго князя Михаила Александровича или Олельковича, который прибыль къ намъ 8-го Ноября нашего года. Князя сопровождала большая свита. Въ свите этой между другими находился жидъ, по имени Схарія, который, бывъ знакомъ князю, присоединился къ числу его спутниковъ или для торговли или, можетъ быть, только подъ видомъ торговли. Этотъ-то жидъ Схарія и былъ основателемъ въ Новгородѣ секты Жидовствующихъ. Болѣе или менѣе въ непрерывнѣйшемъ временіи послѣ своего прибытія въ Новгородъ онъ совратилъ въ жидовство одного изъ здѣшнихъ священниковъ, по имени Діонисія (Дениса); священникъ Діонисій привелъ къ нему другаго священника — Алексія¹), который также сталъ его прозелитомъ: два священника и были первоначальными парами секты. Послѣ ихъ обращенія въ жидовство пришло изъ Литвы на помощь Схаріи несколько другихъ жидовъ²), и они — совращенные, будучи исполнены величайшей ревности къ своей новой вѣрѣ, для изученія этой послѣдней, непрестанно пребывали въ обществѣ своихъ новыхъ единовѣрцевъ; послѣ самихъ себя они совратили въ жидовство своихъ женъ и дѣтей. Оба священника хотѣли было и обрѣзаться, но до этого не допустили ихъ жиры, говоря, что въ случаѣ подозрѣній на нихъ они могутъ быть чрезъ это обличены и что жидовства они должны держаться тайно, а явно должны оставаться христіанами. Священнику Алексію, который преимуществоvalъ предъ Діонисіемъ, съ его женой жиры перемѣнили имена, его самого называвъ Абраамомъ, а жену его — Саррой³).

полемическое сочиненіе, о которомъ будемъ говорить ниже. Цитовать его мы будемъ по Казанскому изданію 1855-го года.

¹) Съ Михайловской улицы (что на Софійской сторонѣ, вѣроятно — отъ церкви архангела Михаила): Просвѣтл. стр. 44.

²) Преп. Іосифъ въ Просвѣтл. стр. 44: «пріїдоша пзъ Литвы впії жидове, имже имена: Осипъ Шмойло Скарявей Мосей Ханушъ». Что тутъ имена, чтѣ прозванія, решить трудно. Пришло не болѣе пяти человѣкъ, но менѣе ли, и если менѣе, то сколько именно, остается неизвѣстнымъ.

³) Просвѣтл. стр. 43 sqq.

Послѣ сейчасть сказаннаго нами жидъ Схарія и другіе пришедшіе было на помощь ему жиды совершенно исчезаютъ изъ исторіи секты Жидовствующихъ, такъ что болѣе о нихъ вовсе не упоминается, а дальнѣйшими распространителями ереси и настоящими основателями секты являются наши священники Алексѣй и Діонисій. Что сталось съ жидами, остается непрѣдѣльнымъ. Но во всякомъ случаѣ, было ли такъ, что они удалились изъ Новгорода вскорѣ послѣ того, какъ достаточно научили жидовству нашихъ двухъ священниковъ, или оставались въ немъ и послѣ сего,—на это обстоятельство, что по совращеніи двоихъ они не вели дальнѣйшей пропаганды сами, а предоставили ее этимъ двоимъ, едва ли должно смотрѣть какъ на обстоятельство случайное. Пропаганда самихъ жидовъ, бывь поведена въ цѣломъ обществѣ, могла бы скоро обратить на себя вниманіе и быть открытою; а поэтому они, въ видахъ лучшаго сохраненія тайны, и могли поставить дѣло такъ, чтобы въ двухъ совращенныхъ ими священникахъ приготовить пропагандистовъ изъ самихъ Русскихъ и чтобы потомъ дальнѣйшую проповѣдь повести черезъ нихъ¹⁾.

Какъ бы то ни было, по послѣ небольшаго начала, положеннаго самими жидами въ сопранченіи двухъ священниковъ, дальнѣйшими распространителями ереси и настоящими основателями секты были эти два священника—Алексѣй и Діонисій. Пропаганда новой вѣры, бывь поведена ими ревностно, увѣличалась успѣхомъ: имъ удалось сократить въ нее многихъ изъ священниковъ, діаконовъ и дьяковъ и многихъ изъ простыхъ людей; между священниками было совращенъ даже самъ иеромонахъ Софійскаго собора Гавріилъ²⁾. Ересь существовала въ Нов-

¹⁾ Князь Михаилъ Александровичъ пробывъ въ Новгородѣ весьма недолго, и всего 4 мѣсяца и 8 дней, оставилъ его 15-го Марта 1471-го года. Но чтобы жиды удалились изъ Новгорода вмѣстѣ съ нимъ, это не представляется вѣроятнымъ, потому что въ семь случаѣ они не успѣли бы достаточно научить жидовству священниковъ Алексѣя и Діонисія. По этой же причинѣ не представляется слишкомъ вѣроятнымъ думать и того, чтобы они удалялись передъ нашествіемъ на Новгородъ великаго князя Ивана Васильевича, которое имѣло мѣсто въ юнѣ—юлѣ 1471-го года (а извѣстіе Татищева, будто Схарія вмѣстѣ съ ними казненъ былъ Иваномъ Васильевичемъ въ Новгородѣ,—Член. Общ. Ист. и Древн. 1847, IV, 109, есть настяющій и притомъ безсмыслицій апокрифъ: невозможно, чтобы ужолчали объ этомъ Геннадій и преп. Іосифъ, и тогда первыи не открывалъ бы ересь случайнымъ образомъ только въ 1487-мъ году).

²⁾ Преп. Іосифомъ называются по именамъ, кромѣ протопопа Гавріила: Ивашка Максимовъ, зять священника Алексѣя, отецъ его ионъ Максимъ. Грида Ключъ, Грекъ

городѣ, оставаясь неназываемою правительству и не бывъ открыта имъ, въ теченіе 17-ти лѣтъ: въ это продолжительное время, бывъ пропагандируема кнѧзь самими ся первоначальниками, такъ и многими другими изъ числа сопротивленій, она не умножала числа своихъ послѣдователей въ одиныхъ только ст҃бнахъ самого города, но успѣла распространиться и по селамъ области новгородской. Какъ специальное средство къ распространенію своего ученія еретики употребляли священство. Они нарочно искали поставленія во священники, чтобы потомъ совращать своихъ духовныхъ дѣтей¹⁾.

Послѣ десятилѣтняго существованія въ Новгородѣ жицество перешло изъ него въ Москву. Въ концѣ 1479-го года вел. кн. Иванъ Васильевичъ ходилъ въ Новгородъ; ему очень понравились наши священники Алексѣй и Діонисій, тайные главные прозелиты и пропагандисты или какъ бы патріархи жицества, и онъ перевель ихъ изъ Новгорода въ Москву, съ тѣмъ, чтобы первого изъ нихъ сдѣлать пропоюкомъ Успенского собора, а втораго священникомъ Архангельского собора. И въ Москвѣ та же, какъ въ Новгородѣ, Алексѣй и Діонисій успѣли совратить въ жицество многихъ, въ числѣ которыхъ главными были: архимандритъ Симоновскаго монастыря Зосима и думный (посольский) дьякъ великаго кнѧзя Федоръ (Васильевичъ) Курицынъ. Въ Курицынѣ и изъкоторыхъ другихъ сопротивленій (крестовыхъ дѣякахъ или дѣячкахъ великаго кнѧзя Истомѣ и Сверчкѣ и въ купицѣ

горій Тучинъ, «его же отецъ бывше въ Новгородѣ велику власть имѣя» (если по имени Григорій же, то бывъ посадникъ), поинъ Григорій, сынъ его Самсонка. Грида дѣякъ Егорисоглѣбскій, Лаврешъ, Мишукъ Собака, Васюкъ Сухой, зять священника Діонисія, попы Феодоръ и Василій Покровскіе, попъ Яковъ Апостольскій (отъ церкви апостоловъ), Юрка Семеповъ сынъ Долгаго, Авдей да Степанъ крилошане, попъ Иванъ Воскресенскій, Авдокимка Люшишъ, діаконъ Макарь, дѣякъ Самуха, попъ Наумъ, стр. 44 fin..

¹⁾ Геннадій, архіепископъ новгородскій, въ посланіи къ Іоасафу, бывшему архіепископу ростовскому отъ Февраля 1489-го года (Чтвѣтъ Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 8): «Та прелестъ здѣся распостерлася не только во градѣ, но и по селомъ: а все отъ поповъ, которые еретики становили(ся) въ попы ..; да того ради и въ попы ся ставить.. чтобы кого, какъ можно, въ свою ересъ привести, заинекъ уже дѣти духовныя имуть держати». То же преп. Іосифъ Волоколамскій въ Просвѣтителѣ, стр. 600 нач.. См. также посланіе Геннадія къ Ниѳонту суздалскому у Хрущова въ Издѣлованії о сочиненіяхъ Іосифа Санича, источн. стр. XXIII, зараженные ересью попъ да дѣякъ съ Ояти.—опущенное о нихъ у Хрущова см. отчасти у Карамзина, къ т. VI прим. 324, col. 51).

Кленовѣ) Алексѣй съ Діонисіемъ нашли себѣ и ревностныхъ помощниковъ въ распространеніи ихъ новой вѣры ¹⁾).

Въ продолженіе 17-ти лѣтъ секта Жидовствующихъ существовала въ Новгородѣ и Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ, куда успѣла распространиться изъ Новгорода и Москвы, оставаясь, какъ сказали мы, совершенно неизвѣстно правительству. Наконецъ, во второй половинѣ 1487-го года она случайнымъ образомъ открыта была въ Новгородѣ ²⁾). Ильиніе еретики, затѣявъссору между собой, начали урекаться и своимъ уреканіями выдали тайну существованія секты, о чёмъ доведено было до свѣдѣнія архіепископа ³⁾. Новгородскому архіепископомъ былъ тогда Геннадій, о которомъ мы говорили выше, какъ объ архимандритѣ Чудовскомъ, и который былъ поставленъ въ архимандритовъ въ архіепископы 12-го Декабря 1484-го года ⁴⁾). Геннадій и возбудилъ правительственное преслѣдованіе секты.

Получивъ неожиданныя свѣдѣнія о существованіи въ Новгородѣ какого-то противоцерковнаго общества,—ибо сначала было уздано только это, Геннадій тотчасъ же донесъ о своемъ открытии великому князю и митрополиту. Отъ великаго князя полученъ былъ отвѣтъ: «того беречи, чтобъ то лихо въ земли не распостерлося». Тогда Геннадій приступилъ къ формальному обыску еретиковъ ⁵⁾). Послѣ общихъ неопредѣленыхъ свѣдѣній, вѣроятно, не скоро узнатъ бы онъ что инѣбудь положительное о сектѣ, такъ какъ самое упорное запирательство и употребленіе при этомъ всевозможныхъ клятвъ составляло одинъ изъ сектантскихъ догматовъ ⁶⁾; но ему помогло то, что одинъ изъ совра-

¹⁾ Іосифъ въ Просвѣтит. стр. 50 sqq.

²⁾ Геннадій новгородскій въ посланіи къ митр. Зосимѣ, писанномъ въ Октябрѣ 1490-го года, говоритъ, что «три годы минуло, а ужъ четвертый насталъ» послѣ того, какъ сдѣлано первое открытие секты,—Акт. Эксп. т. I, № 380, стр. 482 col. 1 sub fin., въ Памятн. Павл. col. 776 sub fin..

³⁾ Геннадій *ibid.*, Акт. стр. 479 col. 1 нач., Памм col. 767 нач.: «отъ жи́довина распостерлась ересь въ Ноугородской землѣ, а держали ее тайно, да по томъ почали урекатись вольянѣ, и азъ посыпашъ то...»

⁴⁾ Оеофиль, о которомъ говорили мы выше, бывъ поставленъ въ архіепископы 15-го Декабря 1471-го года, изведенъ былъ съ каѳедры 24-го Января 1480-го года; ему наследовалъ Сергій,—первый не изъ Ноугородцевъ, занимавшій каѳедру весьма недолго,—съ 4-го Сентября 1483-го года по 27-е Іюня слѣдующаго 1484-го года; преемникомъ Сергія былъ Геннадій.

⁵⁾ Геннадій въ сейчасть выше указанномъ посланіи къ Зосимѣ.

⁶⁾ О запирательствѣ, какъ объ одномъ изъ сектантскихъ догматовъ, имѣвшемъ немаловажное значеніе въ исторіи сектантовъ, нарочито говорять Геннадій въ сво-

щениихъ священниковъ, по имени Наумъ, отрекся отъ жицвства и снова возвратился къ церкви: священникъ этотъ сообщилъ ему свѣдѣнія о существѣ и ученіи секты и доставилъ ему книги, по которымъ они совершали свои молитвы ¹). Обыскъ, вслѣдствіе рѣшительного запирательства сектантовъ, привелъ Геннадія къ немногому: онъ нашелъ четырехъ только человѣкъ, которые могли быть обвинены въ принадлежности къ сектѣ (двухъ священниковъ и двухъ дьяковъ ²) и которыхъ онъ поэтому арестовалъ и отдалъ на поруки. Обвиненные, выдавъ своихъ поручителей, уѣхали изъ Новгорода въ Москву ³), въ надеждѣ, какъ должно думать, найти тамъ защиту у протопопа Алексѣя и Федора Куринца, которые пользовались величайшимъ и исключительнымъ расположениемъ великаго князя ⁴). Геннадій послалъ къ великому князю и къ митрополиту свое обычное дѣло о бѣжавшихъ, съ присоединеніемъ показаній объ ереси отрекшагося отъ пая священника Наума, и тетради, по которой молились Жидовствующіе, ⁵) и продолжать свой обыскъ. Но такъ какъ въ Москвѣ иѣсколько замедлили

ихъ посланіяхъ (особенно къ Іоасафу ростовскому) и преп. Іосифъ въ Просвѣтителѣ (особенно стр. 600).

¹) Геннадій въ посланіи къ епископу сарскому Прохору (цитата сейчасъ ниже): «послалъ (есмѧ) грамоту, да и подлинникъ къ митрополиту, что попъ Наумъ скажасть, да и тетрадь, по чему они молились по-жицовски, и ты тамо узришь все, что ся какъ чинило и (какъ) превращены исалмы на ихъ обычай: и только бы попъ Наумъ не положилъ покаянія да и въ христіянство опять не захотѣлъ, ишо какъ бы можно увѣдѣти?» Онъ же въ посланіи къ Іоасафу, бывшему ростовскому (цитата выше): «(обо всемъ ученіи Жидовствующихъ) мы накрѣпко выскажаль вѣтъ товарищъ попъ Наумъ, да и исалмы ко мнѣ принесъ, по чему они себѣ правили по-жицовски».

²) Попа Григорія съ сыномъ Самсонкомъ, попа Ересима (Герасима?) и Григорію, дьяку Борисоглѣбскаго.

³) Геннадій въ указанномъ выше посланіи къ Зосимѣ, Акт. стр. 479 col. 1, Nam. col. 767, съгѣ грамоты великаго князя и митрополита къ Геннадію отъ 1488-го года, которая цитируются сейчасъ ниже.

⁴) Преп. Іосифъ въ Просвѣтителѣ, стр. 52: «Только же дерзновеніе тогда имѣло къ державному протопопу Алексѣю и Федору Куринцу, яко никто же ииъ».

⁵) Геннадій въ посланіи къ Зосимѣ ibid., и въ посланіи къ Прохору, что приведено выше. Къ Прохору онъ писалъ одновременно съ тѣмъ, какъ послалъ обыскъ къ великому князю и митрополиту. О содержаніи посланія, съ выдержками взъ него,—у Хрущова ibid., источни. стр. XVI fin. (а о времени написанія—въ посланіи его—Геннадія къ Нифонту Сузdalскому,—ibid. стр. XXII).

произнесениемъ приговора о четверыхъ бѣжавшихъ сюда, чтѣ вѣроятно было понято сектантами въ томъ смыслѣ, что вліяніе Алексія и Курицына оказываетъ свое дѣйствіе: то общество, какъ выражается самъ Геннадій, чинился не крѣпко ¹), т. е. какъ нужно понимать, въ виду наглаго и рѣшительного запирательства сектантовъ не приводить ни въ чому. Великій князь съ митрополитомъ, съ епископами и со всѣми соборомъ судилъ бѣжавшихъ въ Москву изъ Новгорода въ Январѣ—началѣ Февраля 1488-го года; обвиненные во всемъ заперлись; по относительно троихъ изъ числа четверыхъ (двухъ священниковъ и одного изъ двухъ дьяковъ ²), поелику на нихъ были свидѣтельства въ обычѣ Геннадіевомъ, признано было доказаннымъ по крайней мѣрѣ то, что они изъ пьяномъ видѣ поругались святымъ иконамъ. Государь приказалъ этихъ троихъ подвергнуть градской казни,—быть по торгу киутиемъ ³), а архіепископу Геннадію отъ 13-го Февраля 1488-го года написалъ грамоту, въ которой приказывалъ: во-первыхъ, на троихъ подвергнутыхъ въ Москвѣ градской казни собрать архіепископу соборъ у себя и если они и передъ нимъ не покаятся въ своей ереси, предать ихъ новгородскимъ великоокнѧжескимъ намѣстникамъ для новой таковой же казни; во-вторыхъ, продолжать разыски еретиковъ съ сейчасъ помазанными намѣстниками, и кто изъ обличенныхъ въ ней будетъ достоинъ церковной казни, тѣхъ казнить ему—архіепископу сего казнию по своему разсужденію, а кто будетъ достоинъ по правиламъ градской казни, тѣхъ посыпать ему къ намѣстникамъ для наказанія ихъ градскою казни по разсужденію послѣднихъ ⁴).

Получивъ грамоту великаго князя, Геннадій ревностно принялъ за разыскъ еретиковъ ⁵). Тѣхъ изъ нихъ, которые каялись и «свои

¹) Въ посланіи къ епископу Иофонту сузdalскому, которое указано сейчасъ выше и которое было отправлено въ Январѣ 1488-го года. Списокъ посланія къ Иофонту былъ отправленъ еще Геннадіемъ къ Филоею пермскому.—см. у Хрущ. ibid. XXIII fin..

²) Сына Григорьева Самсонки.

³) Софийская 2-я лѣтопись подъ 1488-мъ годомъ,—въ Собр. лѣтт. VI, 238: «тое же зимы биша поповъ Новгородскихъ по торгу киутиемъ, присла бо ихъ изъ Новагорода къ великому князю владыка Генадей, что пьяни поругалися святымъ иконамъ, и посла ихъ (великий князь) оиять ко владыѣ».

⁴) Грамота великаго князя къ Геннадію, вмѣстѣ съ повторяющею ее грамотою къ нему митрополита, въ Акт. Ист. т. I. № 585, п въ Намятин. *Павловъ* № 114.

⁵) Въ посланіи къ Іоасафу ростовскому онъ пишеть: «и молитвами Пречистыя

дѣйства писали на себя сами своими руками», онъ принималъ въ покаяніе или возсоединять съ церковю, приказывая имъ приходить къ храмамъ и не входя въ постыдніе молиться виѣ ихъ; а которые не покаялись и продолжали хвалить жидовскую вѣру, тѣхъ онъ предавалъ намѣстникамъ, чтобы эти постыдніе подвергали ихъ градской казни. Свои розыски обѣ еретикахъ не покаявшихся Геннадій послать къ великому князю и къ митрополиту, чтобы на Москвѣ они окончательно были осуждены посредствомъ соборнаго проклятія и чтобы окончательно были подвергнуты гражданскимъ казнямъ. Но на Москвѣ этого искашаго архіепископомъ конца еретикамъ не учинили ¹⁾). Митр. Геронтій, продолжавшій, какъ нужно думать, свою вражду къ Геннадію и въ то же время находившійся въ весьма плохихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, по словамъ современаго историка и обличителя ереси Жидовствующихъ, преп. Іосифа Волоколамскаго, не показалъ о дѣлѣ ни малаго попеченія ²⁾; съ своей стороны великий князь, вѣроятно— по вліянію протопопа Алексія и Федора Курицына, не далъ ему никакого движения: «положили, говорить Геннадій,—то дѣло (въ Москвѣ) ни за что, какъ бы Новгородъ съ Москвою—не едино православіе» ³⁾, т. е. какъ будто бы Москвѣ не было никакихъ заботъ до Новгорода. Совершеннное невниманіе государя и митрополита къ представлениямъ архіепископа имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что и тѣ новгородскіе еретики, которые покаялись было, спаса обратились къ жидовству. Услышавъ, что въ Москвѣ ихъ братья, вслѣдствіе вліянія Федора Курицына, живутъ въ ослабѣ, еретики эти сѣжали изъ Новгорода ⁴⁾.

Въ такомъ положеніи оставалось правительственное престолование ереси Жидовствующихъ до смерти митр. Геронтія, которая послѣдовала 28-го Мая 1489-го года.

Послѣ очень продолжительного медленія, которое, вѣроятно, было не безъ какого либо значенія, но въ объясненіе котораго мы ничего

Богородицы и его (великаго князя) государескою грозою съ его бояры (намѣстниками) того есьмѧ обыскали вакрѣко»...

¹⁾ Геннадій въ посланіи къ Зосимѣ отъ Октября 1490-го года,—Акт. Экс-т. I, № 380, стр. 479. и Памятн. Павл. col. 768.

²⁾ Въ Просвѣтит. стр. 53.

³⁾ Въ посланіи къ Іоасафу бывшему Ростовскому.

⁴⁾ «Ta бѣда стала, по словамъ Геннадія, съ тѣхъ мѣстъ, какъ Курицынъ изъ Угорскія земли пріѣхалъ»—въ указанномъ посланіи къ Зосимѣ стр. 480 col. 2 fin. (Посланій въ Венгрию въ 1482-мъ году,—Никон. аѣт. VI, 117, Курицынъ возвратился изъ нея неизвѣсно когда до 1488-го года,—Карамз. къ т. VI прим. 273. Ср. Сборникъ Моск. Гл. Архива Мин. Иностр. Дѣль, в. V. М. 1893 г., стр. 291 и 296).

не можемъ сказать, 26-го Сентября 1490-го года поставленъ бытъ въ митрополиты архимандритъ Симоновскій Зосима, тайный послѣдователь нашей ереси ¹⁾). Преп. Иосифъ Волоколамскій говоритьъ, что протопопъ Алексѣй передъ своею смертію, которая случилась спустя непродолжительное время послѣ смерти митр. Геронтия, «своимъ волхвованіемъ подойде державнаго, да поставитъ на престолъ святительскомъ сквернаго сосуда сатанина, его же онъ напои яда жидовскаго» ²⁾).

Но соборное осужденіе еретиковъ, котораго не было произнесено при православномъ Геронтии, было произнесено при тайномъ еретицѣ Зосимѣ тотчасъ послѣ его вступленія на митрополичью каѳедру. Геннаадію счастливо помогли въ этомъ случаѣ обстоятельства въ соединеніи съ его отважной смѣлостью. Ко времени постановленія Зосимы оставалась праздною епископская каѳедра коломенская ³⁾). Великій князь хотѣлъ, чтобы епископъ бытъ избранъ тѣмъ же соборомъ, который совершилъ избрание митрополита, и поэтому послѣдній обратился къ Геннаадію, который не былъ вызываемъ въ Москву для его избрания, а послалъ свою новольную грамоту, съ предложеніемъ прислать таковую же грамоту и для избрания епископа. Этимъ и воспользовался Геннаадій, чтобы выпутить у новаго митрополита и у государя произнесеніе соборнаго суда па еретиковъ. Обратившись къ митрополиту съ настоятельнѣйшимъ представленіемъ о необходимости этого суда, онъ не далъ своей новольной грамоты на томъ основаніи, что если избрание епископа будетъ совершено прежде осужденія еретиковъ, то можетъ быть избранъ или прямой еретикъ или человѣкъ, находившійся въ общеніи съ ними. Одновременно съ посланіемъ къ митрополиту Геннаадій адресовалъ свое посланіе къ собору епископовъ, присутствовавшихъ въ Москвѣ, въ которомъ обращается къ епископамъ съ тѣмъ же настоятельнѣйшимъ представленіемъ о необходимости соборнаго осужденія еретиковъ и въ которомъ извѣщаешь ихъ, что онъ не дать своей грамоты на избрание епископа коломенскаго ⁴⁾). Хотя Геннаадій,

¹⁾ Зосима былъ по прозванию Брадатый. Въ 1471-мъ году вел. кн. Иванъ Васильевичъ, отправляясь на Новгородъ, взялъ съ собой дьяка своей матери Стефана Бородатаго, умѣвшаго говорить по русскимъ лѣтописямъ, чтобы онъ могъ вычислить Новгородцамъ ихъ измѣны прежнимъ великимъ князьямъ. Ученый дьякъ можетъ быть, былъ братъ или вообще родственникъ Зосими.

²⁾ Въ Просвѣтит., стр. 54.

³⁾ Епископъ коломенскій Герасимъ Смердковъ умеръ за 12 днѣй до Геровтія 16-го Мая 1489-го года.

⁴⁾ Посланіе Геннаадія къ Зосимѣ въ Акт. Эксп. т. I, № 380 и у Павл. въ

отказавъ въ своей повольной грамотѣ, поступить не совершию за-
коно¹); но этотъ смѣлый его отказъ, вѣроятно—подкрѣпляемый об-
щимъ голосомъ епископовъ въ пользу его требованія²), имѣлъ своимъ
сѣдѣствіемъ то, что великий князь, прежде чѣмъ избирать епископа
коломенскаго, приказалъ собору произнести осужденіе на еретиковъ.
Однако, если Геннадій успѣлъ паконецъ добиться своего, то «своего»
только въ самомъ тѣскомъ смыслѣ этого слова. Не ограничиваясь од-
ними тѣми новгородскими еретиками, относительно которыхъ были про-
изведены имъ розыски, представленные имъ въ Москву и не получив-
шіе здѣсь дальнѣйшаго движенія, теперь въ пославіяхъ къ Зосимѣ и
епископамъ онъ требовалъ розысканія и осужденія всѣхъ вообще ере-
тиковъ, такъ чтобы совсѣмъ могла быть подавлена ересь. Но великий
князь, дѣйствуя, какъ необходимо думать, подъ вліяніемъ Зосимы и
Курицына, приказалъ именно только окончить дѣло о тѣхъ новгород-
скихъ еретикахъ, о которыхъ были представлены Геннадіемъ розыски.
Къ обвинявшимся розысками Новгородцамъ были присоединены въ ка-
чествѣ подсудимыхъ только два человѣка, это—остававшіяся въ живыхъ
одинъ изъ двухъ ересіарховъ, архангельскій священикъ Діонісій и

Памятн. № 115, I, посланіе къ собору епископовъ у Павл. № тотъ же. II. Онѣ
написаны послѣ поставлениія Зосимы въ митрополиты, что было 26-го Сентября
1490-го года, и до собора на еретиковъ, который имѣлъ мѣсто 17-го Октября
того же года.—Митрополитъ предлагалъ Геннадію прислатъ повольную грамоту не
на одно только поставленіе епископа коломенскаго, но вообще съ изъявленіемъ
своего согласія на всѣ дѣла, имѣющія быть совершаемыя имъ—митрополитомъ
соборно, такъ чтобы эта общая повольная грамота, бывъ дана однажды, устраяла
нужду въ частныхъ повольныхъ грамотахъ на каждый отдѣльный случай. Такая
грамота дана была Геннадіемъ митр. Геронтію и Зосимѣ предлагалъ архіепископу
только возобновить ее на его—митрополита собственное лицо. Въ посланіи къ епи-
скопамъ Геннадій утверждаетъ, что при Геронтіи онъ не самъ далъ эту общую гра-
моту, а что она была взята съ него: можетъ быть, онъ говорить и правду, но мы
знаемъ, что и другое тогдашніе епископы давали такія грамоты (не зная впрочемъ—
по собственному желанію или по требованію),—у Павл. №№ 106 и 109 (архіепи-
скопъ новгородскій, послѣ митрополитъ, Макарій далъ такую грамоту митр. Іоасафу
въ 1539-хъ году,—Акт. Эксп. т. I. № 184, IV, стр. 162).

¹) Если бы Геннадій не присутствовалъ въ Москвѣ по своей собственной волѣ,
то онъ поступилъ бы совсѣмъ незаконно; то онъ даетъ знать, что его присутствіе
занимало не отъ него, а отъ воли великаго князя.

²) Къ троимъ изъ шести епископовъ, присутствовавшимъ въ Москвѣ, Про-
хору сарскому, Инфонту сузальскому и Фалочею пермскому Геннадій писалъ объ
еретикахъ уже прежде.

иный чернецъ Захарія или, какъ онъ называется Геннадіемъ, Захаръ. Какимъ образомъ привлеченъ былъ къ суду первый, это не совсѣмъ понятно. Изъ еретиковъ московскихъ, каковымъ былъ по своему жительству Діонисій, Геннадій указываетъ въ своихъ посланіяхъ къ Зоемѣ и къ епископамъ не на одного его, и однако изъ этихъ еретиковъ былъ осужденъ соборомъ одинъ только онъ. Вѣроятно, нужно понимать дѣло такъ, что въ розыскахъ Геннадіевыхъ, по которымъ собственно рѣшено было произнести окончательный приговоръ, еще не оговаривался никто изъ другихъ московскихъ еретиковъ, и что напротивъ онъ — Діонисій оговаривался въ нихъ до такой степени, что, несмотря на все желаніе и всѣ старанія митрополита и Курицына, не могъ быть избавленъ отъ суда¹⁾). Что касается до черица Захаріи или Захара, то онъ осужденъ былъ вслѣдствіе нарочитаго требованія Геннадія, обращеннаго имъ къ митрополиту и епископамъ въ посланіяхъ къ одному и къ другимъ, и очень можетъ быть, что осужденъ былъ не какъ Жидовствующій, а только одновременно съ послѣдними. Геннадій обвинялъ Захара въ стригольничествѣ и требовалъ у митрополита и епископовъ суда на него въ томъ, что онъ его самого — аркієпископа позорилъ на всю Россію, всюду разсыпая противъ него грамоты и называя его въ грамотахъ еретикомъ²⁾).

¹⁾ Что Діонисій осужденъ былъ соборомъ вслѣдствіе того, что фигурировалъ какъ обвиняемый въ розыскахъ Геннадіевыхъ, это подтверждается одна аттавицкая запись. Въ записи говорится, что когда епископы, находившіеся въ Москвѣ, пришли разъ въ Архангельскій соборъ для совершенія поминовенной службы о погребеніи въ соборѣ князя и увидѣли Діонисія стоящаго въ алтарѣ одѣтымъ въ ризу, то сказали ему: «изыди, человѣче, изъ святаго алтаря, недостоинъ еси саборѣ служити со святыми епископами; пришли на васъ рѣчи неподобныя еще при Геронтии, митрополитѣ вся Русь, и не на однаго убо тобя, да и списки вашихъ дѣлъ и грамоты Геннадія, архієпископа новгородскаго на васъ пришли». См. запись у *Пачи*, въ *Памм.* col. 786 fin. (гдѣ она присоединена къ поученію Зосимы съ соборомъ).

²⁾ Захарія или Захарь былъ настоятелемъ одного изъ монастырей исковской области (Ильинова, находившагося въ холмскомъ уѣздѣ, — митр. Евгения Исторія княжества Исковскаго, III, 129). Не признавая дѣйствительности священства, онъ три года не причащался самъ и не давалъ причастія своимъ монахамъ. Когда Геннадій узналъ объ этомъ послѣднемъ, то послалъ его подъ начало въ другой монастырь. Освобожденный архієпископомъ изъ-подъ начала по грамотѣ къ послѣднему великаго князя, онъ вместо того, чтобы возвратиться въ свой монастырь, ушелъ въ Москву. Здесь онъ, можетъ быть, перешелъ изъ стригольничества въ жидовство (грамота за него великаго князя, какъ указывалъ на это обстоятельство и Геннадій).

Нарочитый соборъ для торжественнаго осуждения еретиковъ въ сейчасъ указаниемъ составѣ постѣдніхъ имѣть мѣсто спустя 21 день постѣ постановленія Зосимы въ митрополиты, 17-го Октября 1490-го года. Кромѣ епископовъ въ полномъ ихъ числѣ, за исключениемъ Гениадія, на немъ присутствовали московскіе архимандриты и игумены, игуменъ Троицкаго монастыря Афанасій, въкоторые уважаемые великии князь старцы (Иоаннъ Ярославовичъ и Илья Сорокій, о которыхъ будемъ говорить ниже), протоионы, священники и діаконы и весь—какъ говорить лѣтошній—священническій соборъ русской митрополії¹⁾. Бывъ изозваны на соборъ, еретики заперлись во всѣхъ своихъ ересихъ «и быша, по словамъ той же лѣтошніи, яко во изступлениіи ума»; не сдѣлавъ собственнаго признания, они осуждены были на основаніи Гениадіевыхъ розысковъ и на основаніи московскихъ свидѣтельствъ, т. е. свидѣтельствъ противъ нихъ за времена ихъ проживанія въ Москвѣ. Осужденіе соборное состояло въ томъ, что еретики были отлучены отъ церкви и преданы проклятію. Сколько имѣнио еретиковъ подверглось осуждению, остается неизвѣстнымъ: лѣтошній называетъ по именамъ девять человѣкъ, со включеніемъ черица Захарія или Захара, и потомъ прибавляетъ, что вмѣстѣ съ названными осуждены и ихъ единомышленники²⁾.

Послѣ церковнаго осуждения еретики долженствовали быть подвергнуты гражданской казни. Архіепископъ Гениадій, имѣя въ виду то, что большая часть ихъ возвращалась было отъ ереси къ церкви и вторично отдали въ нее, въ своемъ посланіи къ собору епископовъ требуетъ безинцидентной казни виновныхъ, имѣю—чтобы они были со-

дѣй, заставляетъ подозревать, что онъ состоялъ подъ чьимъ-то покровительствомъ въ родѣ покровительства дьяка Курицына, и преп. Іоаннъ Волоколамскій прямо говоритъ, что Жидовствующіе привлекоша его къ своей ереси,—Профітит., стр. 52); можетъ быть, только соединился съ Жидовствующими по одніаковой съ ними враждѣ къ церкви, а можетъ быть—и то, и другое. Изъ Москвы онъ разсыпалъ по всѣмъ городамъ множество грамотъ противъ Гениадія (почему противъ одного Гениадія, а не противъ всѣхъ епископовъ, не видно и не ясно) въ которыхъ называлъ его еретикомъ (посланія Гениадія къ Зосимѣ и къ собору епископовъ).

¹⁾ Новгородская 4-я, въ Собр. лѣтт. IV, 158 (также Іоаннъ Волоколамскій въ Профітит., стр. 55).

²⁾ Называетъ по именамъ: новгородского протоиёна Гавріила, Дениса иона Архангельскаго, Макарія иона Иванскаго, Василія иона Покровскаго, Макарія діакона Никольскаго, Григорія діакона Борисоглѣбскаго, Васюка зятя Денисеева, Самулю діакона (дьяка?) Никольскаго,—Новгор. 4-я, івд. (Іоаннъ въ Профітит., стр. 55).

жжены или перевѣшаны. Геннадій знакоmъ бытъ съ способами борьбы противъ еретиковъ со стороны католической инквизиціи и его не особѣнно мягкую душу прельщала мысль о той неумолимой суровости, съ которой дѣйствовала эта послѣдняя¹⁾). Но великий князь приговорилъ осужденныхъ соборомъ не къ смертной казни, а отчасти къ заточенію, отчасти къ другимъ наказаніямъ болѣе легкимъ и остающимся для насть точно неизвѣстными. У Татищева въ выпискахъ изъ лѣтописей читается извѣстіе, что когда на соборѣ зашла рѣчь о гражданской казни еретиковъ, то—«всі рѣши, яко вся сожженіи достоинъ, егда же дойде до Зосимы митрополита, той рече: достоинъ я проклятию предати и сослать въ Новгородъ на покаяніе подъ стражу, запеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осужати, но грѣшны обращати къ покаянію»²⁾). Что Зосима высказывался противъ осужденія еретиковъ на смерть, это совершение вѣроятно; но нужно полагать, что читаемое у Татищева есть не болѣе, какъ его собственное предположеніе, только передаваемое имъ въ видѣ положительного извѣстія, взятаго изъ лѣтописей, чтѣ у него очень не рѣдко, ибо необходимо думать, что не всѣ присутствовавшіе на соборѣ, за исключеніемъ Зосимы, т. е. не всѣ присутствовавшіе на немъ истинно православные, были за смертную казнь еретиковъ. Ничего мы не можемъ сказать ни о комъ изъ епископовъ; но на соборѣ присутствовали старцы Пантелей Ирославовъ и Ниль Сорскій, а обѣ этихъ старцахъ положительно извѣстно, что они были противниками смертной казни. Что касается до великаго князя, которому принадлежало послѣднєе рѣшающее слово, то, можетъ быть, что онъ и самъ по себѣ былъ противъ этой смертной казни еретиковъ, такъ какъ они были осуждены не всѣдѣствіе собственнаго сознанія, а только на основаніи стороннихъ свидѣтельствъ; если же иѣть, то должно будетъ думать, что на него подѣйствовали кромѣ митрополита сейчасъ помянутые старцы, которые пользовались отъ него глубокимъ уваженіемъ, и что во всякомъ случаѣ на него подѣйствовалъ всесильный надъ его умомъ и волею дѣякъ Федоръ Курицінъ.

¹⁾ Въ посланіи къ Зосимѣ 1490-го года овъ пишеть: «Лю Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держать! Сказываль же посолъ цесаревъ (Николай Поппель, прїезжавшій въ Москву, путемъ изъ Исковъ въ Новгородъ, въ 1486-мъ году,—Карамз. къ т. VI прим. 339, подробнѣе о немъ у Аделунга въ Обозрѣніи путешественниковъ) про шпанскаго короля, какъ онъ свою землю очищать. и азъ съ тѣхъ рѣчей и списокъ къ тебѣ посыпалъ».

²⁾ Въ Чтен. общ. Ист. въ Древн. 1847-го года № 4, стр. 110.

Тѣ еретики, которые приговорены были къ заточенію, были посланы въ заточеніе великимъ княземъ. Другіе же еретики, приговоренные къ наказаніямъ болѣе легкимъ, возвращены были въ Новгородъ¹). Этимъ послѣднимъ еретикамъ Геннадій учинилъ торжественное—позорную встречу. Когда они были въ 40 верстахъ (? «за четыридцать понриць») отъ Новгорода, онъ приказалъ посадить ихъ верхомъ на лошадей на ючныхъ (вьючныхъ) сѣдахъ, оборотивъ ихъ одежду передомъ назадъ и самихъ посадивъ задомъ къ конскимъ головамъ, «яко да зрять на западъ въ уготованный имъ огнь»; на головы имъ приказалъ надѣть берестяные острые шлемы, на подобіе бѣсовскихъ, съ мочальными греблями (съ «оловицами мочальными») и съ положенными на нихъ вѣнцами или ободами, свитыми изъ соломы съ сѣномъ, и привинтить къ шлемамъ ярлыки («миниции») съ надписью: «се есть сатанино воинство». Въ такомъ видѣ онъ приказалъ водить ихъ по городу и всеѣмъ плевать на нихъ съ приговоромъ: «се врази Божіи и христіанскіи хульницы»; въ заключеніе онъ велѣлъ сжечь бѣсовскіе шлемы²). Какимъ болѣе легкимъ наказаніямъ имѣли быть подвергнуты еретики, отосланные въ Новгородъ къ Геннадію, остается неизвѣстнымъ. Что касается до дѣйствительности, то одна Новгородская летопись говоритъ, что «Генадей владыка однихъ (еретиковъ) велѣлъ жечи на Духовскомъ полѣ, иныхъ торговой казни преда, а иныхъ въ заточеніе послалъ, а иные въ Литву сбѣжалъ, а иные въ Нѣмцы»³). Подъ «жечи на Духовскомъ полѣ» не должно разумѣть того, чтобы Геннадій

¹) Наше различеніе однихъ и другихъ еретиковъ основываемъ на преп. Іосифѣ Волоколамскомъ, который говорить, что *иные* посланы отъ державного въ Новгородъ къ Геннадію, а *иные* осуждаются имъ въ заточенія,—*Просвѣтит.* стрр. 55, 56 и 570.—Въ одной летописной записи сообщается, что чернецъ Захаръ посланъ въ заточеніе къ епископу суздальскому (помянутому выше Шифонту, который поставленъ въ епископы 9-го Декабря 1484-го года), а попъ Денисъ въ Галичъ (костромской губерніи), см. у *Навз.* въ Памм. col. 788, примѣч..

²) *Просвѣтит.*, стр. 55. Относительно того, какъ сожжены были шлемы, на самыхъ головахъ или снятые съ головъ. Іосифъ выражается неопределенно: «потомъ же повелѣ пожечи шлемы, ниже на главахъ ихъ». Мы считаемъ вѣроятнѣйшимъ предполагать послѣднее. Можно думать, что мысль обѣ этихъ шлемахъ подала Геннадію знакомая ему практика инквизиціи католической. У католиковъ надѣвались на еретиковъ особые цилиндрические колпаки, похожіе формою на наши монашескія камилавки, съ изображеніемъ на нихъ дьяволовъ, см. въ пѣменскомъ археологическомъ Словарѣ *Мюллера и Момесса* II, 579, Fig. 821.

³) Новгородская 2-я летоп., въ Собр. летт. III, 143 fin.

дій приказалъ сжечь нѣкоторыхъ еретиковъ: самъ собою онъ, конечно, не осмѣлился бы этого сдѣлать, а великий князь не предать казни сожжения и тѣхъ еретиковъ, которые были признаны отъ собора та-гчайшими; подъ жженiemъ, вѣроятно, должно разумѣть то, что шлемы нѣкоторыхъ еретиковъ, желая предать ихъ пыткѣ, онъ приказалъ сжечь на самыхъ ихъ головахъ. Что нѣкоторыхъ еретиковъ Генадій дѣй-ствительно послалъ въ заточеніе, это подтверждается и преп. Іосифъ Волоколамскій, когда говоритъ, что послѣ собора 1490-го года великий князь послалъ иныхъ еретиковъ въ Новгородь, «они же убоявшася казни и начаша каятися вси, архиепископъ же Генадій ять вѣру покаянію ихъ и дастъ имъ ослабу, и яко пріаша ослабу и абіе вси на бѣгство устремишаися, ини въ Литву и ини въ Пѣмцы и во иныя грады»¹⁾. Нужно думать, что, не довольствуясь торговою казнью, которая, вѣро-ятно, назначалась какъ высшая мѣра наказанія еретикамъ, прислан-нымъ въ Новгородь, Генадій входилъ относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ съ новыми представленіями къ великому князю, доказывая ихъ большую виновность, нежели каждую призналь за иными соборъ, и что онъ получидъ отъ великаго князя дозволеніе послать этихъ нѣкоторыхъ въ заточеніе.

Соборъ 1490-го года, какъ мы сказали, и не имѣть въ виду того общаго, чтобы розыскать и осудить всѣхъ еретиковъ; его ограничен-ная задача состояла только въ томъ, чтобы произнести судъ на нѣко-торыхъ повгородскихъ еретиковъ, розысканныхъ архиепископомъ Ген-надіемъ. Но если бы онъ имѣлъ своею цѣллю и первое, то очевидно, что онъ вовсе не могъ бы положить конца ереси при существовав-шихъ обстоятельствахъ, которыя состояли въ томъ, что въ лицѣ Зосимы былъ тайный еретикъ на престолѣ митрополичьемъ и что въ лицѣ Курицына былъ тайный еретикъ, имѣвшій величайшее вліяніе на ве-ликаго князя. Принужденные допустить, чтобы произнесено было осуж-дение на нѣкоторыхъ изъ еретиковъ, Зосима и Курицынъ, имѣя глав-ныхъ помощниковъ себѣ въ братѣ послѣдняго дьякѣ Иванѣ Вольѣ и въ зятѣ умершаго протопопа Алексея Иванѣ Максимовѣ, со всему рев-ностю предались пропагандѣ ереси. Но свидѣтельству преп. Іосифа Волоколамскаго, пропаганда имѣла такой же успѣхъ, какой имѣла она въ Новгородѣ въ первое время послѣ возникновенія секты, когда про-

¹⁾ Посланіе къ любопрерипательнымъ или о повиновеніи соборному опредѣ-ленію,—ркн. Моск. Дух. Акад. № 171 л. 252 об. (У Карамз. къ т. VI, прим. 565). То же въ Просвѣтит., стр. 571.

изводима была священниками Алексеем и Дионисием¹⁾). Въ числѣ сопровождаемыхъ изъ ересь, если вѣрить позднѣйшему показанию великаго князя Ивана Васильевича, была даже споха послѣднаго, вдова его старшаго сына Ивана Младшаго († 1490 года) Елена Стефановна Волошинска²⁾. Строгости къ еретикамъ Геннаадія новгородскаго, какъ мы видѣли, имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что иѣкоторые изъ нихъ бѣжали въ Литву и къ Иѣмцамъ. Но не всѣ бѣжали за границу; многіе разбѣжались по Россіи, чтобы проповѣдывать ересь по городамъ и селамъ³⁾). Впрочемъ, не было оставленъ ими безъ надлежащихъ наказаний и самій Новгородъ: иѣкоторые изъ нихъ укрылись и тайно проживали въ немъ самомъ, чтобы вести въ немъ ту же проповѣдь⁴⁾.

Особия обстоятельства времени дали Жидовствующимъ аргументъ противъ истинности христіанства, чтобы содѣйствовать успѣху ихъ пропаганды. Къ памъ перешло изъ Греціи и весьма сильно было укоренено у настъ вѣрованіе, что съ окончаніемъ семи тысячъ лѣтъ отъ сотворенія міра настанетъ его кончина. Этого вѣрованія держались и сами Жидовствующіе. Но тогда какъ по принятому ими еврейскому лѣтосчислѣнію было еще весьма далеко до этого времени⁵⁾, по нашему греко-русскому лѣтосчислѣнію семь тысячъ лѣтъ оканчивались въ 1492-мъ году (по употреблявшемуся тогда счислѣнію сентябрьскому Августомъ мѣсяцемъ этого года). Когда роковой годъ прошелъ, а кончины міра не послѣдовало, Жидовствующіе начали указывать православнымъ на ложность ихъ бывшаго вѣрованія, какъ на доказательство ложности всей ихъ вѣры.

Зосима успѣль продержаться на митрополичьей кафедрѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ (съ полною точностью—семи мѣсяцевъ и 21-го дня). Не тотчасъ было узнано его еретичество; когда

¹⁾ Просвѣтѣт., стр. 575.

²⁾ Въ 1505-мъ году вѣликій князь говорилъ преп. Іосифу Волоколамскому: «а Иванъ дес Максимовъ и сноу мою у мене въ жиціи свель» (Посланіе преп. Іосифа къ Андronиковскому архимандриту Митрофану въ Член. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 1; неправильное нечитаное чтеніе исправлено по оригиналу, съ котораго печатано,—ркп. Моск. Дух. Акад. № 171 л. 10 обор. нач.). Увѣреніе Зиновія Огненскаго въ его «Істини показанія», что ипюзи вѣльможи и отъ чиновныхъ великаго князя въ ересь поползшася, по всей вѣроятности, главинъ образомъ должно разумѣть именно о нашемъ времени,—Казанск. изд. стр. 964 fin.

³⁾ Просвѣтѣт., стр. 571.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Посланіе Геннаадія къ Іоасафу, бывшему архієпископу ростовскому.

оно было узнано и когда поборники православія начали борьбу противъ него, ему удавалось вести постыдную такъ, чтобы оставаться побѣдителемъ. По словамъ преп. Іосифа, когда открылось еретичество митрополита и когда поборники православія начали обличать его и начали всѣмъ проповѣдывать объ его отступничествѣ, онъ повелъ борьбу съ ними оружіемъ духовиымъ и мірскимъ: однихъ онъ отлучалъ отъ божественнаго причастія и, если то были священники, лишалъ священства; на другихъ онъ клеветать великому князю, достигая того, чтобы обличители подверглись гражданскимъ наказаніямъ (узамъ и темніцамъ и разграбленію имѣній), какъ клеветники на высокое лицо святителя. Проповѣдуя учение, что прохлятие святителя сохраняетъ свою силу и въ томъ случаѣ, если онъ будетъ еретикъ и что не смотря и на его еретичество божественный судъ постыдуетъ его суду, онъ успѣвалъ удерживать отъ донесений на него великому князю тѣхъ людей, свидѣтельства которыхъ могли бы быть приняты постыдными¹⁾. На счастіе православныхъ митрополитъ-еретикъ самъ помогъ имъ свергнуть себя съ каѳедры. Зосима былъ человѣкъ вовсе не святительской частной жизни: онъ преданъ былъ пьянству и содомитизму. И великий князь, котораго, можетъ быть, и не успѣли убѣдить въ его еретичествѣ²⁾, пашелся вынужденнымъ удалить его съ

¹⁾ Пресвѣтл., стр. 61 и все слово 12-е. Слѣдуетъ въ посланіи преп. Іосифа къ Нифонту сузdalскому отвѣтъ на вопросъ: «аще прокленеть еретикъ христіанна, то постыдуетъ ли ему божественный судъ», — въ Чтен. общ. Ист. и Древн. 1871-го года № 1, и въ Памятн. Павл. col. 827.

²⁾ Не задолго до изведенія Зосимы преп. Іосифъ Волоколамскій написалъ посланіе къ Нифонту сузdalскому (цитата въ предыдущ. примѣчаніе). усиленіемъ убѣждая его, вѣроятно — какъ наиболѣе авторитетнаго и сильнаго между епископами передъ великими княземъ, возстать противъ митрополита-еретика. Можетъ быть, что Нифонтъ и дѣйствительно содѣйствовалъ изведенію Зосимы, но едва ли тѣмъ путемъ, чтобы доказывать его еретичество, ибо доказать это было бы очень трудно, между тѣмъ какъ доказывать — очень опасно. — Недавно открытое краткое поученіе противъ Жидовствующихъ, выданное читр. Зосимою съ соборомъ 1490-го года (Павловъ, — въ его Памятн. № 116), и некоторые поздѣдователи на основаніи сего поученія съ рѣшительностью призываютъ, что Зосима обвиненъ былъ въ еретичествѣ несправедливымъ образомъ. Но если въ напеч. поученіи видѣть доказательство православія Зосимы, то давно всѣмъ извѣстно было еще болѣе сильное доказательство: это — самій соборъ 1490-го года. Если Зосима напшелся вынужденнымъ соборно осудить еретиковъ, то ничего нельзѧ удивительнаго, что онъ выталъ съ соборомъ и наше поученіе. Зосиму обвиняютъ въ жидовствѣ одни преп. Іосифъ Волоколамскій (въ посланіи къ Нифонту сузdalскому и въ Пресвѣтл. — стр. 54 тиц), но думать, чтобы Іосифъ обвинялъ его безъ достаточнаго основаній, хотѣвъ

кафедры за сей часъ указанные его пороки (по свидѣтельству лѣтописей, собственно—за первый изъ нихъ¹⁾).

вѣрить однимъ пустымъ и вздорнымъ слухамъ или сплетнямъ, представляется нравственно невозможнымъ: настойчивымъ и аподиктически-рѣшительнымъ образомъ (какъ это у Иосифа) взвѣдь на кого-нибудь, а тѣмъ болѣе на самого главу церкви, такое страшное обвиненіе, какъ принадлежность къ самой злой ереси, на основаніи однихъ только схваченныхъ въ воздухѣ слуховъ въ сплетеній, значитъ быть человѣкомъ истинно ужаснымъ (и правдиво безобразнымъ); а такимъ человѣкомъ мы совершили не можемъ призывать преп. Иосифа, какого бы мнѣнія мы ни были объ его недостаткахъ. Онъ ссылается вовсе не на одного только своего брата Вассiana, архиепископа ростовскаго (въ посл. къ Иифонту), о которомъ, можетъ быть, до иѣ-которой степени и справедливо отзывались недоброжелатели обонихъ братьевъ, что онъ былъ человѣкъ «легкій убо умомъ, легчайшій же въ разумомъ», а и на другихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, при чемъ, ссылаясь на этихъ послѣднихъ свидѣтелей Иифонту, называетъ и на него самого: «и то какъ и сами вы слышали», и при чемъ, прямо отстраняя предположеніе, будто основывался только на слухахъ и сплетняхъ, вызывается доказать этими свидѣтелями справедливость своего обвиненія на митрополита передъ тѣми изъ людей, обвиненныхъ стоять на стражѣ православія, которые, выгораживая себя, говорили: «мы у него (Зосимы) не слыхали ничего». Заподозривая преп. Иосифа, мы должны были бы предполагать, что онъ не только основывался на слухахъ и сплетняхъ, но и самъ отъ себѣ выдумывалъ факты, при чемъ не стѣснялся говорить о своихъ выдумкахъ не только въ частномъ письмѣ, каково—посланіе къ Иифонту, но и въ публичномъ сочиненіи, каковъ Иросвѣтитель: въ посланіи къ Иифонту онъ говорить, что дѣти умершаго протопопа Алексѣя и его зять не выходятъ отъ митрополита и спать у него, а въ Иросвѣтителѣ говорить о жестокомъ гоненіи митрополита на тѣхъ ревнителей православія, которые дерзали обличать его. Если бы Зосима былъ православный, то какія поводы могъ бы онъ имѣть, чтобы проповѣдывать ученіе, будто «аще прокленеть еретику христіанина, то послѣдуетъ ему божественный судъ»? А что онъ дѣйствительно проповѣдывалъ это ученіе, видно изъ того, что Иифонтъ спрашивалъ о немъ Иосифа (какъ свидѣтельствуетъ послѣдній въ посланіи къ первому). Послѣ преп. Иосифа рѣчей объ еретичествѣ Зосимы следовало бы ожидать отъ лѣтописцевъ. Но почему лѣтописцы не говорятъ о немъ, мы не можемъ сказать. Но во всякомъ случаѣ ихъ молчаніе не составляется такой загадки, въ объясненіе которой ничего не могло бы быть пригадано: еретичество Зосимы не было изъ числа тѣхъ тайнъ, которая извѣстны рѣшительно всѣмъ; лѣтописцы могли не знать о немъ, а поэтому ничего о немъ и не говорить. Но можетъ быть предполагаемо въ объясненіе ихъ молчанія и другое, а именно—что они не хотѣли заносить на страницы русской исторіи того грустнаго факта, что кафедру русской митрополіи (ставшую, по изъ представлѣніямъ, такою высокою послѣ взятия Константинополя Турками) занималъ и окончательно злой еретикъ.

¹⁾ Икон. лѣт. VI. 140: «Такъ венцы Маія 17-го митрополитъ Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но иеномѣршаго патія держашесь, и тако сиде-

Зосима удаленъ былъ съ кафедры 17-го Мая 1494 го года. На его мѣсто, послѣ такого же значительного промежутка времени, какъ между смертію Геронтия и избраніемъ его самого, 20-го Сентября 1495-го года былъ поставленъ въ митрополиты Симонъ, избранный изъ игуменовъ Троицкаго-Сергіева монастыря.

Курицыну не удалось замѣнить одного еретика другимъ и новый митрополитъ былъ православный и врагъ ереси. Однако съ восшествіемъ новаго митрополита на престолъ еще далеко не пробилъ послѣдній часъ жицтвства. Этотъ Курицынъ пользовался такимъ необыкновенно большими расположениемъ великаго князя, что новый митрополитъ вовсе не началъ своей дѣятельности съ того, чтобы прийти къ государю и потребовать розыска и осужденія еретиковъ. Напротивъ, при новомъ митрополите нисколько не остановилась и не сократилась даже и пропаганда ереси. Курицынъ находилъ, что въ Новгородѣ послѣ заточенія въ 1490-мъ году всѣхъ тамошнихъ главныхъ прозелитовъ ереси, послѣдняя не имѣла достойныхъ представителей и способныхъ пропагандистовъ, и онъ рѣшилъ послать туда такого представителя и пропагандиста изъ Москвы. Онъ упросилъ великаго князя, чтобы этотъ назначилъ въ архимандриты новгородскаго Юрьева монастыря иѣкоего Кассiana, который, бывъ совращенъ въ ересь имъ самимъ и его братомъ Иваномъ Волкомъ, быть признаваемъ имъ за

въ келію на Симоновъ, а оттолѣ къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь». То же въ Воскресенской лѣтописи,—Собр. лѣтт. VIII, 228, въ Новгородской 4-й.—ibid IV, 164, въ Типографской,—стр. 335 fin., и въ вѣкоторыхъ хронографахъ (въ Степенной книгѣ глухо говорится, что Зосима лишенъ престола русскія митрополіи «за иѣкое преткновеніе»,—I, 477 и II, 155.—Въ содомитизмѣ обвиняется его преп. Іоасифъ Волоколамскій).—Въ то время епископы наши, добровольно или поневолѣ оставлявшіе кафедры, исходили въ монашеское житіе, съ тѣмъ, чтобы не именоваться архіереями и ничего не дѣствовать архіерейскаго (см. о семъ ниже), и объ отреченіи самого Зосимы Геннадій новгородскій въ повольной грамотѣ на избраніе его преемника Симона говоритъ: «отецъ Зосима митрополитъ ради немощи оставилъ столь русскія митрополіи и пришедъ въ святую великую соборную церковь предъ всѣми омфоръ своей на престолѣ положилъ и свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему къ тому святительская дѣствование ни митрополитомъ парицѧтиль, и отайде въ монастырь въ смирено и поческое жителство» (у Пасл. въ Намѣтии, col. 834 fin.). Между тѣмъ въ лѣтописяхъ читаемъ подъ 1496-мъ годомъ: «тогда же бывшу митрополиту Зосимѣ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ причащался божественныхъ таинъ на орлѣцѣ въ всемъ святительскомъ чину». Относительно того, какъ понимать это восхищеніе на себя Зосимою чина святительскаго, ничего не можемъ сказать.

человѣка, какого онъ желалъ. Юрьевская келья Кассиана, который привелъ съ собой своего брата Иванку Чернаго, ревностѣйшаго прозелита ереси, одного изъ немногихъ даже обрѣзавшихся, сѣбѣгавшаго для изученія живовѣства, какъ кажется, въ самую Литву, и который, надѣясь на своего всесильнаго патрона, не боялся Геннадія, стала открытымъ сборищемъ для еретиковъ и изъ нея поведена была самая дѣятельная пропаганда ереси¹⁾).

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что митр. Симонъ зналъ о тайномъ существованіи ереси, ибо въ Москвѣ это было извѣстно многимъ и въ церковномъ и въ неперковомъ кругу²⁾). Если онъ не обращался къ великому князю съ своими представлениами о принятии мѣръ къ еи искорененію, то необходимо понимать это такимъ образомъ, что онъ не считалъ подобныхъ представлений возможными. Эту невозможность представлений въ свою очередь необходимо понимать такъ, что Курицынъ успѣвалъ держать великаго князя въ убѣжденіи, будто никакой ереси неѣть. Но какимъ образомъ удавалось это постѣднее Курицыну? Въ 1490-мъ году великий князь осудилъ повгородскихъ еретиковъ, обвиненныхъ Геннадіемъ; кроме тѣхъ лицъ, которые были въ розыскахъ Геннадіевыхъ, онъ не привлекъ никого болѣе къ суду, считая обвиненія на всѣхъ другихъ, всѣдѣстїе представлений Зосимы и Курицына, напрасною клеветой. Но теперь митрополитъ былъ не съ Курицынымъ, а противъ него: какимъ же образомъ великий князь могъ продолжать вѣрить Курицыну, будто никакой ереси неѣть? На этотъ вопросъ, за отсутствиемъ указаний, отвѣтить не легко и можно отвѣтить, разумѣется, только съ болѣшею или менѣею вѣрою: намъ представляется наиболѣе вѣрою: слѣдующее: живовѣство, какъ ересь, состояло изъ

¹⁾ Просвѣтит., стр. 571 sqq. Что Кассианъ поставленъ въ архимандриты Юрьева монастыря уже послѣ изведенія съ кафедры митрополичьей Зосимы, обѣ этомъ необходимо заключать изъ того, что ничего не говорится обѣ участіи митрополита въ дѣлѣ его постановленія. Что Иванко обрѣзался, обѣ этоѣ Іосифъ въ Просвѣтителѣ, стр. 51. Но свидѣтельству Іосифа,—ibid., и Геннадія въ посланіи къ Зосимѣ, онъ куда-то сѣбѣгаль (отѣгаль), и мы предполагаемъ, что —именно въ Литву. Какъ сообщаетъ второй въ томъ же посланіи, онъ былъ ремесломъ книжный писецъ и памъ дѣйствительно извѣстны дѣлѣ написанияя вѣкъ рукописи,— собранія Иаскарева по каталогу, составленному Викторомъ, № 162, хронографъ и Царскаго № 181. Лицница Иоанна Листвичника (первая ркн. написана въ 1485-мъ году въ Москвѣ, вторая—въ 1487-мъ году, неизвѣстно гдѣ).

²⁾ Какъ это видно изъ разсказа преп. Іосифа Волоколамскаго о борьбѣ православныхъ противъ Зосимы,—Просвѣтит., стр. 60 sqq.

двухъ элементовъ,—изъ собственной вѣры жидовской и изъ астрологического знанія, таѣтъ что люди, съ одной стороны, принимали вѣру жидовскую, а съ другой стороны—посвящались въ тайны астрологии, при чемъ послѣднее принималось у еретиковъ за возможное только подъ условiemъ первого (какъ скажемъ о семъ ниже); на основаніи такой двойственности жидовства Курицынъ могъ увѣрять великаго князя, что дѣйствительно были въ Новгородѣ немногія лица, которыхъ отъ приходившихъ туда изъ Литвы жидовъ заимствовали не только знаніе астрологии, а и саму жидовскую вѣру, но что все эти лица казнены соборомъ 1490-го года,—что болѣе такихъ людей вовсе неѣть, а есть только люди, занимающіеся исключительно астрологію, въ которой жидовскаго единственно лишь то, что она заимствована отъ жидовъ. Съ церковной точки зрењія была весьма предосудительна и астрология, и если бы великий князь, стоя на этой точкѣ зрењія, хотѣлъ разыскивать о ней, то онъ могъ добраться и до собственнаго за нею жидовства; но великий князь могъ стоять въ семъ случаѣ не на точкѣ зрењія церковной, а на точкѣ зрењія тѣхъ людей, которые, вѣрю въ астрологію и ея силу, имали къ ней величайшее уваженіе. Стоя на этой послѣдней точкѣ зрењія и принадлежа къ числу усердныхъ почитателей астрологии, онъ не только не могъ имѣть охоты разыскивать, не скрывается ли чего за астрологію, но, напротивъ, могъ имѣть весьма нарочитую охоту пренятствовать сему, чтобы вслѣдствіе разоблаченій не пришлось ему отказаться отъ самой астрологии. Что протопопъ Алексѣй и Оедоръ Курицынъ имѣли величайшее вліяніе на великаго князя потому именно, что они были астрологи, на это довольно ясно намекаетъ преп. Іосифъ Волоколамскій ¹⁾). Указывая государю на себя, Курицынъ могъ увѣрять его и держать въ увѣренности, что какъ въ немъ самомъ жидовскаго только то, что онъ занимается астрологію, дѣйствительно ведущею свое начало отъ приходившихъ въ Новгородѣ жидовъ, таѣтъ и во всѣхъ другихъ, принимаемыхъ за еретиковъ, жидовскаго—только это же самое.

Были люди, специально знакомые съ жидовствомъ, которые могли доказать великому князю, что въ жидовствѣ не одна только почитаемая имъ астрология. Но вліяніе Курицына на государя, какъ должно думать, превозмогало надъ этими людьми. Въ Новгородѣ послѣ 1490-го года ересь жидовствующихъ вовсе не прекратилась; неѣть сомнѣнія, что

¹⁾ «Толико же дерзновеніе имѣяту къ державному протопопу Алексѣю и Оедору Курицыну, якоже никто же ини: звѣздозанію бо привлежаю и многымъ баснотвореніемъ въ астрологии и чародѣйству и чернокнижію»—Просвѣтъ. стр. 52.

Геннадий знал это очень хорошо, и однако мы вовсе не видимъ, чтобы послѣ сего года онъ входилъ къ государю съ новыми представлениями обѣ еретикахъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно попытать это такимъ образомъ, что Курицыну удалось наложить печать молчанія на уста архіепископа,—что онъ успѣлъ вооружить противъ него государя до такой степени, чтобы онъ—архіепископъ видѣть свои представленія невозможными и бесполезными. Послѣ Геннадія явился въ средѣ православныхъ другой нарочитый борецъ противъ ереси Иеродовствующихъ—иепр. Іосифъ Волоколамскій. Но если Іосифъ былъ борецъ, на уста которого невозможно было наложить печати молчанія; то по своему общественному положенію и авторитету онъ не вдругъ могъ сдѣлаться борцомъ, опаснымъ для ереси практическимъ образомъ, по отношенію къ взглѣдамъ на нее великаго князя. Иепр. Іосифъ не былъ епископъ, среди наставъ котораго гнѣздилась бы ересь, производя въ ней совращенія; онъ былъ игуменъ монастыря, не имѣвши личныхъ отношеній къ ереси, которыми бы могли оправдываться его старанія противъ нея передъ великимъ княземъ. Онъ могъ бы сдѣлать это послѣднєе, если бы пользовался личнымъ авторитетомъ у государя. Но выступая на борьбу противъ ереси, онъ не имѣлъ этого авторитета и приобрѣть его только уже позднѣе¹⁾. Единственно возможный для него способъ борьбы противъ ереси былъ способъ литературный. Къ нему Іосифъ и обратился, предпринявъ писаніе обширнаго полемического сочиненія противъ Иеродовствующихъ (своего такъ называемаго Просвѣтителя).

Федоръ Курицынъ былъ живъ въ 1497-мъ году²⁾. Когда онъ умеръ послѣ сего до 1504-го года, въ которомъ его уже не было въ живыхъ, къ сожалѣнію, остается намъ неизвѣстнымъ. Необходимо думать, что его вожделѣнная для православныхъ смерть была рѣшающимъ событиемъ по отношенію къ судьбѣ ереси. Послѣ того какъ умеръ этотъ астрологъ, державшій судьбу великаго князя въ своихъ рукахъ, поборники православія, съ митрополитомъ во главѣ, получили доступъ къ государю, чтобы начать свои усиія раскрыть ему глаза на то, что онъ отчасти зналъ, но зачѣмъ не было подозрѣваемо имъ ереси. И

¹⁾ Безъименныій авторъ житія иепр. Іосифа Волоколамскаго утверждаетъ, будто онъ присутствовалъ на соборѣ 1490-го года (изд. Невостр. стр. 33). Но это утвержденіе должно быть считаемо несправедливымъ: 4-я Новгородская лѣтопись, подробно перечисляющая присутствовавшихъ на соборѣ и называющая старцевъ Наисія и Нила, не называетъ Іосифа,—Собр. лѣтт. IV. 158.

²⁾ Въ Іюлѣ 1497-го года онъ писалъ одну мѣновую грамоту великаго князя,—Собр. грамм. п. договр. I, 333.

усилія привели наконецъ къ тому, что государь, приблизившійся къ смерти и начинавшій ожидать того часа, когда долженъ будетъ дать отчетъ Богу въ своихъ заботахъ объ охраненіи церкви, рѣшился очистить церковь отъ ереси. Въ 1503-мъ году былъ въ Москвѣ соборъ о незвиманіи платы за поставление въ церковныя степени, о вдовыхъ священникахъ и о монахахъ съ монахинями, о чёмъ скажемъ ниже. На этотъ соборъ вмѣстѣ съ другими лучшими игуменами монастырей былъ вызываемъ и преи. Іосифъ Волоколамскій, уже пріобрѣтшій тогда особенное уваженіе великаго князя. Когда Іосифъ былъ въ Москвѣ, государь не одинъ разъ призывалъ его къ себѣ, чтобы говорить съ нимъ объ еретикахъ: онъ просилъ у Іосифа прощенія въ томъ, что такъ долго терпѣлъ ихъ,—говорилъ, что уже просилъ прощенія въ этомъ у владыкъ, и что владыки уже дали ему свое прощеніе¹⁾). Такимъ образомъ, вел. кн. Ивану Васильевичу было доказано, что за астрологію, которая была ему извѣстна, скрывается злая ересь, остававшаяся для него неизвѣстною, когда-то непосредственно передъ 1503-мъ годомъ.

Бывъ приведенъ къ убѣжденію въ существованіи ереси, великій князь рѣшился казнить еретиковъ. Но постѣ того, какъ онъ принялъ это рѣшеніе, для него составляло предметъ довольно продолжительныхъ колебаній то, какъ казнить²⁾). Митрополитъ съ епископами и вѣроятно—съ огромнымъ большинствомъ всего духовенства требовалъ смертныхъ казней³⁾; но были весьма уважаемые великие князья

¹⁾ Писланіе Іосифа къ Митрофану, архимандриту андрониковскому.—Член. Общ. Ист. в Древн. 1847-го года № 1 (а какъ понимать сдѣланное великимъ княземъ Іосифу признаніе, что онъ зналъ про еретиковъ, см. ниже).

²⁾ Объ этихъ колебаніяхъ—въ посланіи Іосифа къ Митрофану.

³⁾ Преи. Іосифъ Волоколамскій былъ рѣшительнымъ образомъ за смертную казнь еретиковъ. Но вовсе не слѣдуетъ представлять себѣ дѣла такъ, что онъ первый подалъ мысль объ этой казни и чтобы еретики были преданы ей исключительно по его настоянію. Когда въ 1503-мъ году великій князь въ первый разъ говорилъ съ вами объ еретикахъ, то уже рѣшалъ для себя вопросъ казнить или не казнить ихъ (смертию казнью, ибо противъ казни несмѣртной не было никакого вѣза православныхъ,—посланіе Іосифа къ Митрофану); слѣдовательно, впервые она предложена была вовсе не Іосифомъ, а—какъ нужно подразумѣвать—митрополитомъ съ епископами (архіепископъ, напримѣръ, Геннадій самымъ энергическимъ образомъ высказывался за смертную казнь еще въ 1490-мъ году,—посланія къ митр. Зосимѣ и къ собору епископовъ). Нансій и Илья, возстававшіе противъ смертной казни еретиковъ, были люди исключительные; о людяхъ же непреключительныхъ совершенно вѣроятно думать, что они всеѣ были за смертную казнь.

старцы (Иаисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій), которые были противъ смертной казни еретиковъ: между мнѣніями сторонъ и колебался пре-старѣлый государь, желавшій очистить церковь отъ еретиковъ, но и боявшійся впасть при семъ въ гробъ запрещенной жестокости. Наконецъ, мнѣніе большинства, доказанное примѣрами императоровъ византійскихъ и ихъ указами противъ еретиковъ, внесенными—какъ тогда понималось—въ Кормчую книгу снятыми отцами, одержало верхъ¹⁾), и великий князь рѣшился казнить еретиковъ со всему строгостю.

Государь приказалъ учинить обыскъ по всѣмъ городамъ²⁾ и свести ихъ въ Москву. Въ Ноябрь—Декабрь 1504-го года былъ составленъ на нихъ церковный соборъ, который, послѣ того какъ, по словамъ преп. Іосифа, стали на нихъ многіе истинные свидѣтели, обличившіе ихъ о ихъ жидовскихъ и скверныхъ дѣлахъ³⁾, предать ихъ проклятию. Постѣ церковного осужденія они были подвергнуты гражданскимъ казнямъ: многіе еретики, и во главѣ ихъ—брать умершаго Федора Курицына Иванъ Волкъ, зять протоиопа Алексія Иванъ Максимовъ и архимандритъ юрьевскій Кассіанъ были казнены смертью черезъ сожженіе; всѣ прочіе захваченные еретики разосланы были въ заточеніе и по монастырямъ⁴⁾.

¹⁾) Заслуга сего указанія должна быть усвоема главнымъ, если не исключительнымъ образомъ, Іосифу.

²⁾) Само собою должно быть предполагаемо сдѣланіемъ то, что великий князь обѣщался преп. Іосифу сдѣлать (послание Іосифа къ Митрофану).

³⁾) Просвѣтит., стр. 576 fin..

⁴⁾) Софійская 1-я и Воскресенская лѣтописи подъ 1505-мъ (сентябрьскимъ) годомъ,—Собр. лѣтт. VI, 49 и VIII, 244: «Тояже зимы князь великий Иванъ Васильевичъ и сынъ его князь великий Василей Ивановичъ всеа Руси со отцомъ своимъ съ Симономъ митрополитомъ и съ епископы и съ всѣмъ соборомъ обыскаша еретиковъ и велѣша лихихъ смертию казнити: и сожгоша въ клѣткѣ діака Волка Курицына да Митю Коноплева да Ивашка Максимова Декабря 27-го, а Непрасу Рукавову повелѣша языка урѣзати и въ Повѣгородѣ въ Великомъ сожгоша его; тое же зимы архимандрита Кассіана юрьевскаго сожгоша и брата его (Ивашу Чернаго) и иныхъ многихъ еретиковъ сожгоша; а иныхъ въ заточеніе послаша: а иныхъ по монастыремъ». Кратче въ лѣтописи. Никоновск., Пековск. 1-й и Софійск. 2-й. Когда имѣло быть соборъ, лѣтописи не сообщаютъ, но онѣ говорятъ о казняхъ еретиковъ вслѣдъ за извѣстіемъ отъ Ноября мѣсяца. По Іосифу Волоколамскому, некоторымъ, оставленнымъ въ живыхъ, были урѣзаны языки: «повелѣ державный рѣхъ огню предати, овѣжже языки урѣзати и инѣми казнами казнити»,—Просвѣт. 577 нач..

Казни 1504-го года положили конецъ существованію секты Індовѣствующихъ, какъ таковой. Большее или меньшее количество отдѣльныхъ еретиковъ успѣло спастись, и эти спасшіеся отъ смерти и отъ заточенія, глубоко затаившись, поодиночно или въ маленькихъ тѣсныхъ кружкахъ продолжали хранить ересь и находить преемниковъ себѣ въ ея храненіи; но секта, какъ секта, прекратила свое существованіе. Вмѣстѣ съ остатками самой ереси въ ея подлинномъ видѣ сохранились остатки и того христіанскаго вольномыслія, которое было ею произведено. Къ остаткамъ ереси, спустя нѣкоторое время отрывавшимся въ новой ерсси, и къ остаткамъ вольномыслія, спустя нѣкоторое время снова выступившимъ на свѣтъ, мы возвратимся нѣсколько ниже.

Сейчасть сказанное нами однако еще не совершенный конецъ рѣчи о виѣшней исторіи секты Індовѣствующихъ. Не исторія самой секты, а исторія тѣхъ еретиковъ, которые посланы были великимъ княземъ постѣ собора въ заточеніе и въ монастыри, имѣть еще свой эпилогъ. Въ вопросѣ о казняхъ, которыемъ долженствовали быть подвергнуты Індовѣствующіе, какъ мы сказали, представители нашего духовенства, раздѣлились на двѣ половины: большинство, имѣя ученикъмъ адвокатомъ своего мѣнія преп. Іосифа Волоколамскаго, требовало для тягчайшихъ между ними казни смертной, а старцы Пантелей Ярославовъ и Нилъ Сорскій съ своими учениками были противъ этой казни. Подобнымъ образомъ, обѣ стороны были несогласны между собой и относительно пріемлемости покаянія тѣхъ изъ нашихъ еретиковъ, которые, бывъ оставлены въ живыхъ и бывъ посланы въ заточеніе и по монастырямъ, изъявляли желаніе каяться. Большинство, съ тѣмъ же преп. Іосифомъ во главѣ, было противъ принятія ихъ покаянія и за оставленіе ихъ въ неисходномъ или пожизненномъ заключеніи, такъ какъ находило—съ одной стороны, что ихъ покаяніе притворно, а съ другой—что они собственно не еретики, а отступники, почему и неприложимы къ нимъ правила о принятіи еретиковъ кающіхся; старцы же Пантелей и Нилъ съ учениками были за то, чтобы принимать ихъ покаяніе, какъ и всѣхъ другихъ еретиковъ. Борьба двухъ сторонъ изъ-за нашего вопроса, стражавшаяся и на судѣ еретиковъ, и составляетъ эпилогъ исторіи послѣднихъ. Такъ какъ Пантелей и Нилъ съ учениками назывались отъ мѣстности, въ которой жили, Заволжскими старцами,—они жили въ Бѣлозерѣ, которое называлось тогда Заволжьемъ потому, что приходилось отъ Москвы за Волгой: то борьба извѣстна подъ именемъ борьбы Заволжцевъ съ Іосифлянами, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ несправедливо предполагается, будто противниками Пантелей и

Нила были только Иосифъ и его немногие ученики. Нѣкоторые изъ Жидовствующихъ, оставленныхъ въ живыхъ, начали бояться тотчасъ же, какъ посланы были въ заточеніе, а поэтому и борьба началась тотчасъ же. На первый разъ одолѣли Заволжцы. Дѣло было наканунѣ смерти вел. кн. Ивана Васильевича, который, можетъ быть, даже чувствовалъ ея приближеніе,—и государь, желая явить предсмертное милосердіе (на подобіе того, какъ передъ смертю отпускали на волю рабовъ), рѣшилъ, чтобы было признано покаяніе кающихся и чтобы они были освобождаемы изъ заключенія¹⁾). Но когда вел. кн. Иванъ Васильевичъ скончался 27-го Октября 1505-го года, то тотчасъ или вскорѣ по занятіи великокняжескаго престола его сыномъ Василиемъ Ивановичемъ одержали победу противники еретиковъ,—обратившись къ новому государю съ своими представленіями относительно искренности ихъ покаянія и относительно вреда, который они причиняютъ церкви, бывъ выпущены на свободу и послѣ сего обращаясь снова къ своей пропагандѣ, они—противники успѣли достигнуть, что Василий Ивановичъ «обмыкалъ и управлялъ» обѣ еретикахъ, т. е., какъ необходимо подразумѣвать,—тѣхъ изъ нихъ, которые были выпущены на свободу, спаса отправилъ въ заточеніе²⁾). Сиуста то или другое изъкоторое время по занятіи престола Василий Ивановичъ приблизилъ къ себѣ ученика Нила, старца Бессіана Патрикіева Косаго, о которомъ мы будемъ говорить ниже³⁾),—и Бессіану удалось было преклонить великаго князя къ рѣшению давать свободу кающимся еретикамъ⁴⁾). Но тогда противники послѣднихъ, все съ тѣмъ же преп. Иосифомъ во главѣ, обратились съ новыми настоятельными представ-

¹⁾ Преп. Иосифъ въ Ироевѣтит., стр. 597 sub fin. въ позднѣйшемъ посланіи къ вел. кн. Василию Ивановичу, выдержки изъ котораго у *прососв. Макарія*,—VI, 156 нач.. Посланіе Иосифа къ Заволжцамъ въ отвѣтъ на недошедшее до насъ посланіе ихъ къ нему, о повиновеніи соборному опредѣленію (ркн. Моск. Дух. Акад. № 171 л. 250, сfr. у *Хрущова* въ *Позѣданіи о сочиненіяхъ Иосифа* стр. 194), какъ видно изъ содержащагося въ немъ указаний, писано въ это время.

²⁾ Помянутое позднѣйшее посланіе преп. Иосифа къ Василию Ивановичу,—у *прососв. Макарія* ibid. стр. 155 sub fin.. Отрывокъ изъ посланія Иосифа къ Василию Ивановичу и отвѣтъ на это посланіе Заволжцевъ, напечатанные въ *Винклевскѣ Новикова* XVI, 423 и 424, относятся къ нашему времени.

³⁾ Приблизилъ къ себѣ, вѣроятно, послѣ смерти Нила, которая имѣла мѣсто 7-го Мая 1508-го года. А мнѣніе, будто Васеіанъ присутствовалъ на соборѣ 1503-го года и послѣ него оставленъ былъ въ Москвѣ, ни на чёмъ не основано.

⁴⁾ О ненадѣяніи Васеіана за еретиковъ великому князю см. Иисъмо о нелюбкѣ между Заволжцами и Иосифлянами въ Прибавл. къ творр. ср. отц., ч. 10

лениями къ государю ¹⁾), и окончательный конецъ былъ тотъ, что государь повелѣть всѣхъ освобожденныхъ было еретиковъ пометать въ темницу и быть имъ неисходимымъ въ ней и до кончины живота ихъ ²⁾.

Обращаемся къ рѣчамъ о существѣ ереси Жидовствующихъ.

Непосредственный современникъ нашихъ еретиковъ, преп. Іосифъ Волоколамскій, написавшій парочитое обличительное сочиненіе противъ нихъ, прямо и ясно говоритъ, что ересь, будучи собственно не ересью, а совершеннымъ отступленіемъ отъ христіанства, «отступничествомъ», представляла изъ себя жиудовство или іудейство,—іудейскую вѣру, принимавшуюся вмѣсто христіанства, которое было отвергаемо какъ ложь. По его словамъ, Жидовствующіе учили, что Иисусъ Христось былъ не Богъ, а простой человѣкъ, распятый Іудеями и истлѣвший во гробѣ,—что Онъ не былъ и Мессія или тотъ пророкъ, который предвозвѣщается въ Писаніяхъ подъ именемъ сына Божія, ибо этотъ еще не приходилъ, а только придетъ, и что посему должно держать забой Мовсеевъ ³⁾). Но когда было приступлено у насъ къ ученої обработкѣ исторіи нашихъ ересей, то было найдено, что вопреки прямымъ и яснымъ словамъ преп. Іосифа ересь Жидовствующихъ должна быть принимаема не за жиудовство или іудейство, а за иѣчто другое. Въ 1838-мъ году было напечатано «Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви со времени Владимира Великаго до Иоанна Грознаго», написанное студентомъ Московской Духовной Академіи Николаемъ Рудневымъ ⁴⁾, вслѣдствіе предложения графа Румянцева. Въ этомъ-то Разсужденіи, составляющемъ для своего времени изслѣдованіе о нашихъ ересяхъ замѣчательно хорошее, и доказывается,

стр. 506, и въ собственныхъ сочиненіяхъ Вассіана,—Правосл. Собесѣда, 1863, III, 198 sqq. Что печалованіе имѣло успѣхъ, видно изъ того, что освобожденные было еретики потому снова отправлены въ заключеніе.

¹⁾ Помянутое во второмъ и третьемъ примѣчаніи выше посланіе преп. Іосифа къ Василію Ивановичу, относящееся къ 1511-му—1512-му годамъ,—у *препосл. Макарія*.

²⁾ Житіе преп. Іосифа, принадлежащее епископу крутицкому Саввѣ по изд. *Невостр.* стр. 38 (сфт посланіе новгородскаго архіепископа, послѣ митрополита, Макарія къ вел. кн. Василію Ивановичу въ Дополи. къ Акт. Ист. т. I, № 25, сгр. 23 col. 1).

³⁾ Просвѣтит. стр. 46 и потомъ слова 1-е, 2-е и 3-е.

⁴⁾ Николаемъ Андреевичемъ, умершимъ въ санѣ протоіерея московской церкви св. Георгія въ Грузинахъ («любопытный ходъ дѣла» по изданію изслѣдованія см. въ Исторіи Московской Духовной Академіи С. К. Смирнова).

что ересь Жидовствующихъ была не жидовство, а иначе другое, именно — что она, не быть чистымъ жидовствомъ, представляла изъ себя смѣсь жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ. Миѳіе Руднева обѣ ереси Жидовствующихъ оставалось господствующимъ мнѣніемъ до недавняго времени. Преосв. Макарій въ своей Исторіи русской церкви (въ VI томѣ, напечатанномъ въ 1870-мъ году), отвергая мнѣніе Руднева, высказываетъ свое мнѣніе, состоящее въ томъ, что ересь Жидовствующихъ, согласно съ прямымъ и яснымъ свидѣтельствомъ преп. Іосифа Волоколамскаго, должна быть принимаема за чистое жидовство или іудейство. Такимъ образомъ, въ наукѣ русской церковной исторіи въ настоящее время существуютъ два мнѣнія обѣ ереси Жидовствующихъ — Руднева и преосв. Макарія (собственно — мнѣнія главныя, потому что есть еще еще главный, о которыхъ мы не считаемъ нужнымъ говорить). Мы съ своей стороны рѣшительнымъ образомъ при соединяемся къ мнѣнію преосв. Макарія, находя, что прежнее мнѣніе должно быть отвергнуто какъ неосновательное.

Г. Рудневъ не признаетъ возможнымъ видѣть въ ереси Жидовствующихъ чистаго жидовства на основаніи слѣдующаго: 1) по изложенію самого Іосифа Волоколамскаго ересь Жидовствующихъ не представляется ученіемъ чисто жидовскимъ и его обличительныя слова такъ составлены и направлени, что дается видѣть въ нихъ опроверженіе не одного іудейства; 2) по другимъ памятникамъ учение панихъ еретиковъ излагается не такъ, чтобы въ немъ ничего не видно было кроме жидовства, и 3) что историческая обстоятельства ереси не подтверждаютъ вполнѣ мнѣнія о ней, какъ о чистомъ жидовствѣ¹⁾.

Но, вонпервыхъ, если преп. Іосифъ, постоянно говорящій въ своей книгѣ отъ ея начала до ея конца, что ересь Жидовствующихъ была настоящимъ жидовствомъ и собственно не ересью христіанскою, а полнымъ отступлениемъ отъ христіанства, въ то же время ведеть себя въ своей полемикѣ такъ, что усвоять еретикамъ и опровергаетъ не только мнѣнія чисто жидовскія, но и мнѣнія вольномысленно-христіанскія, то это видимое его противорѣчіе самому себѣ имъ же самимъ вполнѣ памъ и объясняется. Преп. Іосифъ говоритъ, что ересь Жидовствующихъ проявила себя у насъ въ двухъ видахъ: въ видѣ чистаго жидовства и въ видѣ христіанского вольномыслия,—что одни вполнѣ принимали жидовство, совершиенно отвергая христіанство, и что другіе, не отвергая вполнѣ христіанства и не принимая жидовства,

¹⁾ Стр. 113 слл.

только заражались отъ еретиковъ болѣшимъ или меныши мъ вольномысліемъ¹⁾). Соединяя въ свое мѣсто изложеніе и въ свое мѣсто опроверженіе ученія еретиковъ ту и другую ихъ категорію въ одно мѣсто преп. Іосифъ и впадаетъ въ видимое себѣ противорѣчіе.

Вовторыхъ, что касается до изложенія ученія Іудовствующихъ по другимъ памятникамъ, то изъ трехъ другихъ памятниковъ, на которые указывается, въ двухъ²⁾ не дается знать ясно, чтобы жицтво было смѣсью іудейства съ христіанствомъ, а только недостаточно опредѣленно говорится, что оно было чистымъ іудействомъ, а въ третьемъ памятнике³⁾ говорится это послѣднее достаточно опредѣленно.

Втретыхъ, подъ историческими обстоятельствами, которыя будто бы препятствуютъ признать въ ереси Іудовствующихъ чистое жицтво, г. Рудневъ разумѣеть слѣдующее. Первое: «Въ жизни послѣдователей Схаріи мы не видимъ ничего особенно жицтваго,—не видимъ особенной привязанности къ іудейству; болѣе нежели двадцать лѣтъ мы не замѣчаемъ у жицтвующихъ ни синагоги ни особыхъ обрядовъ и праздниковъ по обычай іудейскому; поэтому и свидѣтельство Іосифа о томъ, что еретики и жертвы приносили и пасху по обычай іудейскому совершали и праздники іудейскіе творили, можетъ быть, составлено по однѣмъ дошедшемъ до него слухамъ, которые въ такихъ случаяхъ бываютъ часто очень пеѣбранны, преувеличены, иногда передаютъ то, чего совсѣмъ не было»⁴⁾. Но на какомъ основаніи авторъ утверждаетъ, что мы не видимъ у Іудовствующихъ особенной привязанности къ іудейству, болѣе двадцати лѣтъ не замѣчаемъ у нихъ ни особыхъ обрядовъ ни праздниковъ по обычай іудейскому? Единственный свидѣтель, благодаря показанию котораго мы можемъ тутъ что нибудь видѣть и замѣтить, есть преп. Іосифъ; а онъ именно говоритъ намъ, что Іудовствующіе, «всегда собирающіеся тайно на всѣхъ мѣстахъ, идѣже кто обрѣтавшеся, и жертвы жицтвія жряху и пасху жицтвскую и праздники жицтвія творяху»⁵⁾.

¹⁾ Просвѣтит. стр. 59.

²⁾ Эти памятники суть: во-первыхъ, одновременныя и тождественные посланія къ Геннадію великаго князя и митр. Геронтия (Акт. Ист. т. I. № 285, и у Павл. № 114), въ которыхъ говорится объ ереси со словъ самого Геннадія, и во-вторыхъ—посланіе Геннадія къ Зосимѣ (Акт. Эксп. т. I № 380 и у Павл. № 115).

³⁾ Новгородской 4-й летописи подъ 1491-мъ годомъ,—въ Собр. лѣтт. IV, 158.

⁴⁾ Стр. 122.

⁵⁾ Просвѣтит. 576.

Предполагать, чтобы Иосифъ говорилъ это на основаніи однихъ слуховъ, неѣ никакого и пималѣйшаго основанія. Онь былъ въ полной возможности знать о Жидовствующихъ точную истину: и какъ же бы онъ не позабылся узнать ее, предиринявъ писать противъ нихъ нарочитое полемическое сочиненіе? Преп. Иосифъ былъ ожесточеннѣйшимъ врагомъ Жидовствующихъ, и на этомъ основаніи ученыи наклонны подозрѣвать, что онъ вдается относительно ихъ въ преувеличнія: но не столько ли наоборотъ удовлетворительно эта ожесточенность можетъ быть объясняема именно тѣмъ, что они были совершилими отступниками отъ христианства? Преп. Иосифъ говорить, что хотя у Жидовствующихъ не было приято обрѣзываться, дабы не быть чрезъ это уличаемыми, но что иѣкоторые все таки обрѣзывались: и это извѣстіе Иосифа подтверждаетъ и Геніадій¹⁾). Что Жидовствующе совершили все жидовское тайно, что въ продолженіе болѣе чежели двадцати лѣтъ они не имѣли открытой синагоги, это совершенно понятно. Они должны были самыи старательнѣи образомъ таиться и существованіе секты возможно было только подъ условіемъ этой тайны²⁾.

Второе указаніе на историческія обстоятельства есть слѣдующее: «Общество жидовъ, старающиhsя распространить ученіе іудейской релігіи есть явленіе необычайное въ исторіи поздніхъ Евреевъ,—Евреи всюду о томъ только заботились, какъ бы защитить себя отъ гоненія христианъ, какъ бы самыи только безопасно пено вѣдывать свою вѣру; этого мало: было бы еще понятно, если бы настоящее жидовство было

¹⁾ Иосифъ въ Иросвѣтит. стр. 51, Геніадій въ посланіи къ Зосимѣ.—Акт. Экс. т. I стр. 480 col. 1 sub fin. и въ Намъ. *Павл.* col. 771 вач. (Ивашко Черный, братъ архимандрита Кассіана. и Игнатъ Зубовъ).—Если бы понимать Иосифа въ буквальномъ смыслѣ, что Жидовствуюше «жертвы жидовскія жряху», то онъ, конечно, говорилъ бы неправду, потому что Евреи не приносятъ жертвъ въ собственномъ смыслѣ съ тѣхъ поръ, какъ не имѣютъ храма. Но не будетъ никакой натяжки понимать его слова о жертвахъ въ несобственномъ смыслѣ,—о субботнемъ благословеніи хлѣба, вина и приностей (развѣнію) въ синагогѣ или жѣстѣ, замѣнающемъ ее, для всѣхъ молящихся и каждому хозяину дома для всѣхъ домочадцевъ) и о закаланіи иѣкоторыхъ животныхъ въ иѣкоторые праздники (агнца въ праздникѣ пасхи и иѣтуха съ курницей въ день очищенія).

²⁾ А когда, въ противоположность этой тайнѣ, Рудневъ указываетъ на то, что Жидовствующе не страшились явно ни Христа хульть, ни Божію Матерь, ни иконами ругаться (стр. 123 нач.); то онъ понимаетъ свидѣтельства о послѣднемъ невѣроятно: Жидовствующе Христа и Божію Матерь хулили и иконамъ ругались не публично, а между собой и въ своихъ собранияхъ, и только не успѣвали сократить относительно сего полной тайны.

распространено у насъ только въ простомъ грубомъ народѣ; но если Жидовствующіе еретики были точно вѣрные послѣдователи своей жидовской вѣры, то какъ они осмѣлились религію отверженную Богомъ, вѣдьмъ испавистнаго, всюду гонимаго народа предложить у насъ сначала не простому народу, но тѣмъ, которые болѣе другихъ свѣдущи были въ истинахъ христіанскихъ, болѣе другихъ могли и должны были поддерживать православіе—духовенству? Какъ осмѣлились предложить ее людямъ высокимъ, выставлять даже предъ самимъ великимъ княземъ,—такимъ княземъ, каковъ былъ Иоаннъ? Какъ могли духовнія и другія лица такъ скоро, такъ охотно предаться жидовству при томъ низкомъ понятіи о жидовствѣ, какое всегда имѣли у насъ обѣ немъ?¹⁾. Сейчасъ приведенное нами, несомнѣнно, составляетъ главное, почему г. Рудневъ не находитъ возможнымъ видѣть въ ереси Жидовствующихъ чистаго и настоящаго жидовства; въ заключеніе и прямо говорится: «здесь есть что - то непонятное, неудоборазѣбимое и останется такимъ, если въ этомъ жидовствѣ не предположить чего нибудь христіансаго». Начнемъ съ того, что въ указанномъ не все такъ непонятно, какъ представляется автору. Когда онъ говоритъ, что общество жидовъ, старающіхся распространить ученіе юдейской религіи есть явленіе необычайное въ исторіи позднихъ Евреевъ, то говоритъ совершиенную неправду. Евреямъ въ средніе вѣка, вообще говоря, жилось въ Европѣ чрезвычайно бѣдственно. Но временами и по мѣстамъ, вслѣдствіе своего денежнаго вліянія, которое тогда было еще несравненно сильнѣе, нежели теперь, имъ удавалось пріобрѣтать положеніе болѣе или менѣе удовлетворительное, и тогда они весьма помышляли о томъ, чтобы распространять свою вѣру между христіанами; мы имѣемъ свидѣтельства изъ второй половины XII и изъ второй половины XIII вѣка, когда говорятъ, что въ западной Европѣ очень многіе христіане (*quamplurimi*) принимали юдейство²⁾. Сравнительно хорошо жилось Евреямъ въ Польшѣ и Литвѣ, которые они называли своимъ раемъ въ Европѣ; и особенно хорошо жилось имъ здѣсь въ правление короля Казимира IV, который занималъ престолъ съ 1447-го года по 1492-й годъ и который далъ имъ большія привилегіи³⁾. Изъ начала XVI вѣка мы имѣемъ свидѣтельства, что въ обѣихъ этихъ странахъ

¹⁾ Стр. 119 fin. sqq.

²⁾ См. у *Hahn'a* въ *Geschichte der Ketzer im Mittelalter*, III, 25.

³⁾ См. *Graetz'a Geschichte der Juden von der altesten Zeiten bis auf die Gegenwart*, VIII, 205 и 444 нач..

весьма нерѣдки были обращенія изъ христіанства въ іудейство ¹⁾). Такимъ образомъ, прибытие въ Новгородъ въ 1470-мъ году жида изъ Литвы, который намѣренъ быть вести здѣсь свою іудейскую пропаганду не представляетъ соперничества ничего необычайного.

Вопросъ автора: какъ осмѣлились бы Жидовствующіе, если бы вѣра ихъ была настоющими Жидовствомъ, выставить ее даже нерѣдь самимъ великимъ княземъ и такимъ княземъ, каковъ былъ Иоаннъ, указываетъ на крайнее съ его стороны недоразумѣніе. Въ 1503-мъ году Иванъ Васильевичъ дѣйствительно каялся ирен. Іосифу Волоколамскому, что и онъ-де зналъ про ересь Жидовствующихъ ²⁾; но можно ли понимать это показаніе въ буквальномъ смыслѣ? Предположимъ, что ересь Жидовствующихъ была не чистымъ Жидовствомъ, а смысломъ Жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ: возможно ли допустить, чтобы великий князь зналъ ересь и терпѣть ее,—онъ—великий князь, твердая преданность котораго церкви не подлежитъ никакому сомнѣнію, который горячо препирался съ митр. Геронтіемъ изъ-за того, какъ ходить съ крестами вокругъ церкви, ибо «того ради гибель Божій приходитъ»? Очевидно, что показаніе великаго князя нужно понимать въ особенномъ смыслѣ. Какъ именно, объ этомъ мы говорили выше. Передъ государемъ обвинили Федора Курицына съ товарищами въ еретичествѣ; но Курицынъ, пользуясь имъ его величайшимъ расположениемъ, успѣвалъ увѣрять его, что у него самого и другихъ обвиняемыхъ ничего еретическаго нѣть и что они только занимаются особыми науками, которыми дѣйствительно научились отъ приходившихъ въ Новгородъ Жидовъ; и вотъ государь и каялся Іосифу, что имѣть вѣсъ основаній подозрѣвать еретиковъ въ еретичествѣ и не хотѣть произвести настоящаго дознанія или иначе—каялся въ томъ, что сдѣлать оплошку и дозволять еретикамъ проводить себя и обманывать. А собственно говоря, онъ каялся и не въ этомъ. Протопопъ Алексѣй и Федоръ Курицынъ занимались астрологіею и другими науками, состав-

¹⁾) *Graetz ibid. IX, 68 прим., 70 нач..*

²⁾) Ирен. Іосифъ къ Митрофану Андрониковскому: «Коли, господине, были есми въ Москвѣ (на соборѣ 1503-го года), ино, господине, государь нашъ князь великий Иванъ Васильевичъ всея Руси говорилъ со мною наедниѣ о церковныхъ дѣлахъ, да посѣтъ того почаль говорить о Новгородскихъ еретикахъ да моявилъ такъ: «и азъ денъ вѣдалъ Новгородскихъ еретиковъ и ты меня прости въ томъ». Въ другой разъ, по словамъ Іосифа, великий князь моявилъ ему: «и азъ денъ вѣдалъ ихъ ересь ишъ» (sic), да и сказалъ ему, которую держалъ Алексѣй протопопъ ересь и которую держалъ Федоръ Курицынъ.

ляющими чернокнижіє; великий князь, не подозрѣвая за этими запи-
тіями какой-нибудь ереси въ собственномъ смыслѣ этого слова, не
смотрѣть на эти самыя ихъ занятія какъ на ересь, а напротивъ отно-
сится къ нимъ такъ, чтобы самому извлекать изъ нихъ пользу, и вотъ
онъ и каялся въ томъ, что по слабости человѣческой онъ самъ былъ
причастенъ тому, на что долженъ быть смотрѣть, какъ на ересь¹⁾.

Такимъ образомъ, далеко не все то непонятно, что представляется
таковыми нашему автору. Но дѣйствительно есть въ исторіи секты
Жидовствующихъ и нечто весьма для насъ непонятное. Московскіе
Русскіе второй половины XV вѣка, какъ и всегда прежде и послѣ, до
крайности ненавидѣли и презирали жидовъ,—это составляетъ поло-
жительный фактъ; вдругъ приходитъ къ нимъ жидъ съ проповѣдью
своей вѣры; они слушаютъ его проповѣдь и принимаютъ его вѣру:
это на самомъ дѣлѣ чрезвычайно для насъ непонятно. Но непонятное
для насъ не всегда есть неизмѣнно невозможное, и то средство, при
помощи которого авторъ хочетъ непонятное сдѣлать понятнымъ, дости-
гаетъ ли сколько нибудь своей цѣли? Положимъ, что ересь Жидовствую-
щихъ была смыслью жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ; но
ее проповѣдывать жидъ, какового факта никакъ не думаетъ отри-
цать и авторъ: слѣдовательно, трудность постигнуть то, какъ Русскіе
хотѣли слушать проповѣдь жида остается во всей своей силѣ и при
его мѣрѣи объ ереси. Но положимъ, что этотъ жидъ выдавалъ себя
больше за христіанина, чѣмъ за жида: не является ли или не остается
ли тогда другая равносильная непонятность? Русскіе 1470—71-го года,
когда началиа быть проповѣдуема въ Новгородѣ ересь Жидовствующихъ,
дошли уже до совершенной крайности въ своей привязанности къ цер-
ковно-обрядовой вѣшности; къ нимъ является проповѣдникъ діаме-
трально противоположного сему раціонализма,—и они слушаютъ его и
принимаютъ его проповѣдь! Такимъ образомъ, это желаніе уяснить не-
понятное, изъ-за чего авторъ хочетъ видѣть въ ересь Жидовствующихъ
смысль жидовства съ христіанскимъ раціонализмомъ, никакъ не до-
стигаетъ своей цѣли и непонятное и при его способѣ представлениія
столько же остается непонятнымъ.

Произвольное пониманіе, вопреки Іосифу Волоколамскому, ереси
Жидовствующихъ ни къ чему не приводитъ и ничего не достигаетъ.

¹⁾ Когда великий князь сказалъ Іосифу, которую ересь держалъ протопопъ Алексѣй и которую Федоръ Курцины, то необходимо понимать это такимъ образомъ, что онъ сказалъ ему,—въ какихъ видахъ чернокнижія былъ особенно силенъ протопопъ Алексѣй и въ какихъ Курцины.

Между тѣмъ, есть другія обстоятельства, историческая и неисторическая, которая не только являются рѣшительными противъ него возраженіями, но и показываютъ его совершишую несостоятельность.

Если Схарія проповѣдывала въ Новгородѣ ересь, которая представляла собою смѣсь жидовства и христіанскаго раціонализма, то необходимо предполагать, что такая ересь существовала въ Литвѣ и что Схарія явилась въ Новгородѣ ея представителемъ, каковое предположеніе и дѣлаетъ Рудневъ. Но ни специальныи историкамъ Литвы, ни специальныи историкамъ Евреевъ въ Литвѣ вовсе неизвѣстно никакой подобной ереси¹⁾.

Рудневъ не отрицаєтъ того, что Жидовствующіе отвергали божество Иисуса Христа, принимая его за простаго человѣка, ибо это говорить не только Іосифъ Волоколамскій, но и лѣтопись въ своемъ изложеніи ученія еретиковъ²⁾. Но если Жидовствующіе отвергали божество Иисуса Христа, то чѣмъ же могло оставаться у нихъ отъ христіанства, чтобы остатокъ могъ быть соединенъ съ іудействомъ? Если еретики отвергали божество Иисуса Христа, то ересь могла быть или жидовскимъ или просто раціональнымъ деизмомъ безъ какой либо части и какого либо остатка въ немъ христіанства. А такъ какъ мы положительно знаемъ, что въ ерсии было жидовское (какъ это признаетъ и Рудневъ,—стр. 140), то отсюда слѣдуетъ, что должно быть принимаемо первое, а не второе.

Итакъ, необходимо принимать, что ересь Жидовствующихъ въ ея собственномъ видѣ,— ибо она была еще въ видѣ несобственномъ,— представляла собою не что иное, какъ полное и настоящее іудейство или жидовство съ совершеннымъ отрицаніемъ христіанства.

Какъ мы сказали сейчасъ выше, очень трудно понять, что между Русскими второй половины XV вѣка, которые крайне испытывали и презирали жидовъ, подворилось жидовство иль видѣ секты. Но если это должно быть признаваемо за фактъ, то остается только высказывать предположенія, которыми бы болѣе или менѣе могъ быть объясненъ трудно понимаемый фактъ.

¹⁾ См. *Naroduma Dzieje narodu Litewskiego*, VIII, 490. и *Graetz'a Geschichte der Juden*, IX, 464 (Гретцъ, имѣющій своимъ источникомъ для истории Евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ специального историка здѣшніхъ Евреевъ Чапкаго, знаетъ про нашу секту Жидовствующихъ и ничего не говоритъ о существованіи въ Польшѣ и Литвѣ какойнибудь секты, представляющей изъ себя смѣсь жидовства съ христіанствомъ).

²⁾ Новгородск. 4-я, въ Собр. лѣт. IV, 158.

Преп. Йосифъ Волоколамскій говорить о Схарії, проповѣдніи ѿ жидаовства въ Новгородѣ: «сей бяше діаволовъ сосудъ и изученъ всяко му злодѣйства изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологы»¹⁾). Если слова: «сей бяше діаволовъ сосудъ и изученъ всяко му злодѣйства изобрѣтенію» мы поймемъ такъ, что Схарія былъ человѣкъ очень умный и очень образованный,—что онъ надѣленъ былъ талантами пропагандиста, то мы и поймемъ до иѣкоторой степени неизбѣжное чудо, что ему удалось обратить въ жидачество двухъ новгородскихъ священниковъ. Жиды были до крайней степени непримѣрно тѣсно связаны съ Русскимъ; но Схарія могъ быть изъ числа такихъ выдающихся людей, чтобы побороть эту непримѣрность и чтобы антипатію превращать въ симпатію. Преп. Йосифъ Волоколамскій даетъ знать, что его доказательства противъ христіанства и въ пользу іудейства были: какъ возможно представить и допустить, чтобы самъ Богъ сошелъ на землю и воилотился? Въ Священномъ Иисаинѣ Ветхаго Завѣта Богъ говоритъ, что Онъ есть Богъ единъ: какъ же можно принимать Новый Завѣтъ, который говоритъ, что Онъ троиченъ? Апостолы искали, что Христосъ родился въ послѣдняя лѣта, а между тѣмъ втораго пришествія и до сихъ поръ иѣтъ: не ясно ли, что ихъ писавія ложны? Ефремъ Сиринъ говоритъ въ своихъ писаніяхъ: се уже Господь нашъ Иисусъ Христосъ грядетъ судити живымъ и мертвымъ и се конецъ присиѣ, а между тѣмъ послѣ его смерти прошло уже около тысячи лѣтъ: не ясно ли, что этотъ уважаемый христіанами ихъ писатель, отъ котораго можно заключать и къ другимъ ихъ писателямъ, опибался и говорилъ неправду? Представимъ себѣ, что все это было аргументировано и развиваемо съ искусною и убѣдительною діалектикою, и мы поймемъ до иѣкоторой степени, какъ два священника, которые не въ состояніи были отвѣтить пропагандисту на его доводы, по которымъ не хотѣли и бѣжать отъ него, затыкая уши, а желали его слушать, были наконѣцъ имъ покорены и убѣждены. Такимъ образомъ, повторяемъ, весьма непонятный фактъ принятія русскими людьми іудейства или жидаовства можетъ быть до иѣкоторой степени объясняемъ. Но мы решительнымъ образомъ думаемъ, что его объясненіе главицъ образомъ должно быть полагаемо въ тѣхъ словахъ преп. Йосифа о Схарії, что онъ былъ изученъ чародѣйству же и чернокнижію, звѣздозаконію же и астрологы. Въ тайныя науки чародѣйства и чернокнижія и звѣздозаконія или астрологіи вѣрили въ средніе

¹⁾ Просвѣтит.. стр. 43.

иѣка не только люди невѣжественные, но и самые просвѣщенные, а люди невѣжественные вѣрять имъ во всѣ времена. Но коль скоро люди вѣрять въ нихъ, то онѣ имѣютъ для нихъ величайшую привлекательность, ибо эти науки выдаютъ себѣ за науки творить чудеса и предузнавать будущее. Когда одній иностранецъ началъ распространять у насъ астрологію непосредственно вслѣдь за тѣмъ, какъ прекратила свое существованіе секта йидовствующихъ, то нашель себѣ въ высшей части нашего общества многочисленныхъ и горячихъ адептовъ (Николай Нѣмчинъ, о которомъ ниже въ исторіи Максима Грека). И мы съ увѣренностью думаемъ, что именно эти тайныя науки и должны быть принимаемы главнымъ образомъ за то средство, при помощи котораго удалось Схарій совершить столько трудно изъяснимое дѣло совраненія въ іудейство или юдовество двухъ новгородскихъ священниковъ. Схарій легко могъ возбудить въ священникахъ желаніе быть посвященными въ эти привлекательнѣйшія науки. Но предлагая имъ одновременно науки и юдовество, онѣ могъ представлять имъ, что одно отъ другаго неотдѣлимо и что посвященіе въ науки возможно только подъ условіемъ принятія юдовства. И въ этомъ случаѣ онѣ могъ поступать не какъ чистый обманщикъ, а, напротивъ, какъ человѣкъ убѣжденный. У Евреевъ есть такъ называемая каббала: каббала эта есть собственно фантастическое ученіе о Богѣ, о мірѣ духовномъ и о твореніи Богомъ міра вещественнаго, которое утверждается, что Богъ, какъ неограниченный и бесконечный, не могъ непосредственно сотворить міра вещественнаго и что для сей цѣли онъ извелъ изъ себя десять духовныхъ существъ (Зефиры); но въ то же время она есть и священная магія или священная тайная наука. Евреямъ, какъ избранныму народу, будто бы вѣрена Богомъ тайна чудотвореній и вообще тайна низведенія отъ Него благодѣлній на людей для споспѣществованія благоденствію міра, каковая тайна и содергится въ каббалѣ. Всю совокупность многочисленныхъ обрядовъ и обрядовыхъ дѣйствій іудейской вѣры Богъ будто бы поставилъ въ такое соотношеніе къ помянутымъ духовнымъ существамъ, которыемъ вѣрено отъ Него управлениe міромъ, что при известномъ употребленіи этихъ обрядовъ, чemu учить каббала и что составляетъ ея тайну, названную Его помощники вынуждаются (*sic*) творить людямъ чудеса или вообще низносылатъ на нихъ благодѣянія¹⁾. Въ кругъ своей каббалы Евреи включили и астрологію, сдѣлавъ ее также исключительно своимъ достояніемъ, т. е. утверждая,

¹⁾ О каббальѣ см. у *Gratz'a*, VII, 73 sqq; сейчасъ сказанное—S2.

что только именно они обладают тайною такъ повелѣвать свѣтилами небесными, чтобы эти послѣднія служили благополучию людей. На основании сейчасъ сказанаго Схарія и могъ представлять священникамъ тайныя науки и іудейство или жицество неотдѣлимими однѣ отъ другого, а такимъ образомъ, увлекая ихъ въ первыя, успѣть достигнуть того, чтобы увлечь и въ послѣднее.

Совративъ въ жицество двухъ священниковъ, Схарія, какъ мы сказали выше, не вѣль болѣе пропаганды самъ непосредственно, а предоставилъ ее этимъ совращеннымъ. Мы указали тамъ побужденіе, по которому онъ могъ это сдѣлать. Но можетъ быть указано еще и другое побужденіе, а именно—что проповѣдь его—жиза отталкивала бы отъ него Русскихъ, и что, бывъ поведена настоющими Русскими, она обѣщала бытъ болѣе надежною и успѣшною. Какъ бы то ни было, но въ лицѣ двухъ священниковъ Схарія, на счастье жицества, пріобрѣтъ такихъ пропагандистовъ своей вѣры, какихъ только могъ желать. Что оба священника выдавались своимъ качествами въ обыкновеннаго ряда людей, видно изъ того, что Иванъ Васильевичъ взялъ ихъ изъ Новгорода и перевезъ къ себѣ въ Москву; а что одинъ изъ нихъ—Алексѣй возышался надъ обыкновеннымъ рядомъ людей замѣчательнымъ образомъ, видно изъ того, что онъ успѣхъ пріобрѣсти величайшее расположение великаго князя. Послѣ талантовъ и способностей необходимое условіе для успѣха пропаганды есть возможно спѣшный и горячій энтузиазмъ къ тому, что пропагандируется. И преп. Іосифъ Волоколамскій изображаетъ намъ священниковъ Діонисія и Алексѣя неофитами жицества, исполненными къ нему самаго горячаго энтузиазма¹⁾. Два священника, виолѣ способные къ тому, чтобы съ успѣхомъ вести пропаганду, повели ее въ средѣ своихъ собратій—новгородскихъ священниковъ и создали секту. Для нихъ уже несравненно легче было вербовать новыхъ отступниковъ, нежели для Схарія совратить ихъ самихъ. Они выступили проповѣдинками ненавистнаго Русскимъ жицества; но они были не жиды, а свои, и слѣдовательно—отъ нихъ уже не отталкивалася слушателей предвзятая ненависть. Если они—священники передовые являлись проповѣдинками жицества, то такая величайшая неожиданность, таъ сказать—ошеломляя людей, невольно должна была располагать къ вопросу: уже на самомъ дѣлѣ не скрывается ли въ этомъ жицествѣ истинна, и такимъ образомъ должна была не только не отталкивать отъ нихъ слушателей, но,

¹⁾ Просвѣт., стр. 44.

крайне возбуждая любопытство, такъ сказать невольно влечь ихъ къ нимъ. Несомнѣнно, что священники приступили къ своей пропагандѣ во всеоружіи тѣхъ доводовъ противъ христіанства, которые имѣть противъ него тогдашнїй іудейскій и неіудейскій раціонализмъ и которыми снабдили ихъ Схарія: что же могли отвѣтить имъ тѣ изъ новгородскихъ, вовсе неготовыхъ и неспособныхъ къ отпору, священниковъ, которые хотѣли ихъ слушать? Но если относительно самихъ священниковъ Дюниея и Алексея весьма бѣроятно предполагать, что главнымъ образомъ увлекли ихъ въ жицество тайныя науки, представлявшіяся, какъ иѣчто неразрывно-соединенное съ ними, то еще гораздо болѣе нужно думать это о тѣхъ адентахъ ихъ новой вѣры, которыхъ вербовали они сами. Люди такъ страстно желаютъ обладать даромъ сводить себѣ съ неба исключительное счастье,—обладать даромъ чудотвореній и предвѣдѣній будущаго, что готовы покушать его цѣною отречения отъ всякой вѣры (черезъ продажу своихъ душъ дьяволу): какою же привлекательной и заманчивой должна была казаться имъ вѣра, которая и выдавала себя за истинную и обѣщала имъ обладаніе страстно ими желаемаго? Но люди тѣмъ болѣе вѣрять въ возможность этого обладанія, чѣмъ болѣе они невѣжественны; а должно быть принимаемо за несомнѣнное, что большинство адентовъ жицества посль самихъ Алексея и Дюниея было значительно ниже ихъ въ отношеніи ума и умственнаго развитія. Что тайныя науки, которая жицество выдавало какъ за иѣчто соединенное съ ними, дѣйствительно составляли то главное, чѣмъ люди увлекаемы были къ отиаденію въ него, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ преп. Іосифъ Волоколамскій; онъ говореть о протопопѣ Алексѣѣ и о Федорѣ Курицынѣ: «звѣздозаконію бо прилежаху и многимъ басновореніемъ и астрологи и чародѣйству и чернокнижію; *сю ради* мноzi къ нимъ уклониша и погрязоша въ глубинѣ отступлія»¹⁾.

На соборѣ 1490-го года бытъ осужденъ чернецъ Захарія или Захарь, который бытъ собственно Стригольникъ и о присоединеніи котораго отъ стригольничества къ жицеству неизвѣстно достовѣрнымъ образомъ²⁾). Во всякомъ случаѣ переходъ отъ перваго къ послѣднему бытъ гораздо болѣе легокъ, чѣмъ отиаденіе къ нему отъ православія.

¹⁾ Просвѣтит., стр. 52.

²⁾ Преп. Іосифъ Волоколамскій, какъ мы сказали выше, утверждаетъ это положительнымъ образомъ. Но Іосифъ не бытъ на соборѣ 1490-го года и могъ счи-
тать Захарію присоединившимся къ жицеству на основаніи одного того заключенія,
что онъ осужденъ бытъ вместе съ Жицествующими.

Привозглашай за догматъ, что въ церкви иѣть истиннаго священства, чтѣдѣлали Стригольники, не слишкомъ труdnо было соглашаться па то отсюда заключеніе, что самая церковь есть ложь. Такимъ образомъ, Стригольники представляли ли бы изъ себя контингентъ людей, которыхъ пропагандистамъ жидовства было бы гораздо легче вербовать къ себѣ, чѣмъ православныхъ. Но съ большею вѣроятностю нужно думать, что къ тому времени, какъ возникла секта Жидовствующихъ, остатки секты Стригольниковъ были очень незначительны и что она, исчезнувъ какъ общество, продолжала свое существование только въ отдѣльныхъ немногихъ людяхъ. Свидѣтельство преп. Іосифа Волоколамскаго, что Исковиціи при митр. Фотіи совершили искоренили прелестную ересь Стригольниковъ¹⁾, правда, тенденціозно, потому что Іосифъ хочетъ подтвердить этимъ свидѣтельствомъ дѣйствительность и полезность строгихъ меръ противъ еретиковъ. Но во всякомъ случаѣ оно сохраняетъ свое значеніе въ томъ смыслѣ, что секта перестала существовать какъ секта, ибо противное живой дѣйствительности Іосифъ, конечно, не рѣшился бы утверждать.

Мы уже говорили выше, что жидовство существовало у настѣ въ двухъ видахъ—собственномъ и несобственномъ. Священники Алексей и Діонисій были обращены Схаріею въ настоящее жидовство. Затѣмъ, эти священники и новые, пошедшіе отъ нихъ пропагандисты отступничества, однихъ успѣвали обращать въ то же жидовство, т. е. полное и настоящее, а съ другими не успѣвали этого дѣлать и достигали по отношению къ этимъ другимъ только того, чтобы возбуждать въ нихъ большія или меньшія сомнѣнія въ истинахъ и вѣрованіяхъ христіански-православныхъ. Преп. Іосифъ Волоколамскій говоритъ объ этомъ слѣдующее: «(противъ ереси) ихже видаху благоразумныхъ и писанія божественная иѣдящихъ, тѣхъ еще въ жидовство не смыюще приводiti, но иѣхъ главизны божественнаго писанія, ветхаго же за вѣта и новаго, пакриво еказующе и къ своей ереси прехышрающе, и баснословія иѣкаа и звѣздозаконія учаху и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто же суще и испотребно суще человѣкомъ, простѣйшихъ же на жидовство учаху: аще кто и не отступи въ жидовство, то миози научилася отъ нихъ писанія божественнаа укарятъ»²⁾. Необходимо понимать дѣло такимъ образомъ, что Жидовствующіе вообще

¹⁾ Просвѣтит., стр. 597.

²⁾ Просвѣтит., стр. 59.

начинали свою проповѣдь съ малыхъ сомнѣй по отношенію къ христіанству, чтобы вести ее къ сомнѣніямъ все къ болѣшимъ и болѣшимъ и наконецъ доводить до совершенного отрицанія его истинности, и что при такомъ поступаніи они и имѣли разный успѣхъ: однихъ доводили до жидовства, другихъ, не будучи въ состояніи довести до послѣдняго, оставляли христіанами болѣе или менѣе сомнѣвающимися. Сомнѣнія по отношенію къ христіанству, не доходящія до отрицанія его истинности, состоятъ въ томъ, чтобы представлять поздѣйшее христіанство, какъ иѣчто иное, чѣмъ христіанство древнѣйшее,— чтобы находить въ послѣднемъ многое привнесенное противъ перваго уже ипостаси Христа и апостоловъ. Въ этой-то области сомнѣній Жидовствующіе и успѣвали достигать того, чтобы дѣлать болѣе или менѣе сомнѣвающимися тѣхъ, кого не въ состояніи были доводить до настоящаго жидовства. Какъ мы говорили выше, есть основанія принимать, что Схарій былъ человѣкъ очень умный и очень образованный, нарочито способный и приготовленный къ пропагандѣ. Но если онъ былъ человѣкъ образованный и приготовленный къ пропагандѣ: то нужно думать, что и по отношенію къ нашей области сомнѣній въ истинности христіанства поздѣйшаго въ сравненіи съ древнѣйшимъ, какъ по отношенію къ области сомнѣній въ истинности христіанства древнѣйшаго въ сравненіи съ іудействомъ, онъ таѣ въ свою очередь приготовилъ пропагандистовъ жидовства въ лицѣ двухъ соправленныхъ имъ священниковъ, что эти послѣдніе находились въ обладаніи очень немалымъ запасомъ оружія¹). Во времена Схарія у Евреевъ уже существовали многочисленныя полемическая сочиненія противъ христіанъ; въ этихъ полемическихъ сочиненіяхъ уже собранъ былъ весь, какой можно было собрать, арсеналь оружія противъ христіанства въ примѣненіи какъ къ одной, такъ и другой области. Для собранія доказательствъ противъ истинности христіанства поздѣйшаго въ сравненіи съ древнѣйшимъ полемисты должны были изучить Священное Писание Нового Завѣта и Писанія отцовъ: и это дѣйствительно было сдѣлано ими со всевозможнымъ стараніемъ²). Проповѣдь Жидовствующихъ про-

¹) Геннадій новгородскій въ посланіи къ собору епископовъ 1490-го года настоятельно советуетъ, чтобы на соборѣ никакихъ рѣчей съ еретиками не вводили и въ объясненіе своего пасторія откровенно говорить, что отцы собора ножалуй не въ состояніи будутъ пренираться съ ними.— въ Иамм. *Иаол.* col. 784. А въ посланіи къ Ioасафу, бывшему архіепископу ростовскому, даетъ знать, что у еретиковъ были лучшія собранія христіанскихъ писателей, чѣмъ у православныхъ (въ чёмъ у него самого— Геннадія).

²) См. у *Graetz'a* VIII, 158 seqq.

тивъ истинности позднѣйшаго христіанства въ сравненіи съ древнѣйшимъ, составляя часть всей ихъ проповѣди, представляла изъ себя совершение то, что на Западѣ проносили Лютерова; тѣ слушатели пропагандистовъ жидовства, которыхъ не удавалось послѣднимъ совращать въ настоящее жидовство и которыхъ они успѣвали только приводить къ болѣшимъ или меньшимъ сомнѣніямъ относительно истинности христіанства въ его позднѣйшемъ видѣ, представляли изъ себя совершение то, что на Западѣ увлеченные Лютеромъ въ его протестантизмъ. Такимъ образомъ, судьбѣ угодно было, чтобы у насъ, гдѣ не было никакой приготовленной почвы для протестантизма, онъ явился ранѣе, нежели на Западѣ, гдѣ почва для него подготовлялась очень долгое время.

Собственное жидовство состояло въ совершенномъ отрицаніи христіанства, съ принятиемъ на его мѣсто іудейства въ томъ видѣ послѣдняго, какъ оно исповѣдуется Евреями со времени отвергнутаго ими Иисуса Христа. Ученіемъ этого собственного жидовства было: Иисусъ Христосъ есть не Богъ, а простой человѣкъ; будучи простымъ человѣкомъ, Онъ не есть и Мессія, обѣщанный Богомъ, который долженъ быть также простымъ человѣкомъ,—пророкомъ, подобнымъ Моисею, но который не приходилъ еще, а только придется: поэтому, христіанство есть ложь и должно быть отвергнуто, а вместо него должно быть содержимо іудейство или законъ Моисеевъ¹).

Что касается до жидовства несобственного или до христіанского вольномыслія, то относительно его преп. Іосифъ Волоколамскій не сообщаетъ ничего опредѣленнаго. Необходимо думать, что у однихъ это вольномысліе было больше, у другихъ менѣе, и что здѣсь каждый имѣлъ свою собственную мѣру. Пункты вольномыслія христіанского, которые обличаетъ и опровергаетъ преп. Іосифъ въ своемъ Просвѣтитѣ, суть: отрицаніе необходимости виѣннѣй, видимой, церкви²); отрицаніе иконопочитанія и поклоненія мощамъ; отрицаніе монашества.

¹) О митр. Зосимѣ преп. Іосифъ утверждаетъ, что онъ говорилъ: «а что то царство небесное, а что то второе пришествіе, а что то воскресеніе мертвыхъ, ничего того неѣсть: умеръ кто, ини то умеръ, по та мѣста и быль».—Просвѣтит. стр. 58 йн. (также посланіе къ Инѳонту суздалскому, у Павл. col. 821 нач.). Такъ какъ Евреи вѣрили и вѣрятъ въ воскресеніе мертвыхъ, послѣдний судъ и будущую жизнь: то мы не знаемъ, что думать объ этомъ материалистическомъ неѣріи Зосимы (не было ли такъ, что наше неѣріе нападало на него только въ пылкомъ видѣ и что приведенными словами очѣ утѣшалъ себя въ пылкомъ отчаяніи спасенія?)

²) Просвѣтит.. стр. 315 йн..

Мы сказали, что тайныя науки, которыя предлагались пропагандистами жицества вмѣстѣ съ вѣрою іудейскою и которыя выдавались ими за составную и существенную часть іудейства, должны быть признаваемы за ту особенность жицества, которою оно наиболѣе должно было привлекать къ себѣ людей. И жицество изображается намъ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ въ такомъ видѣ, что на половину оно является вѣрою, на половину занятіемъ тайными науками¹⁾). Эти тайныя науки, должноствовавшій составлять привлекательнѣйшую сторону жицества, сближаютъ его съ нашимъ язычествомъ, но только ставя его въ своеемъ родѣ несравненно выше постыднаго. У язычниковъ было особое сословіе людей, такъ называемые волхвы, которымъ усоялся даръ творить чудеса и предъизнавать будущее. Въ жицествѣ каждый адептъ его становился волхвомъ, получавшимъ въ обладаніе этотъ даръ, такъ что оно составляло какъ бы религію волхвовъ.

По свидѣтельству архіепископа Геннадія и преп. Іосифа Волоколамскаго, Жицествующіе возмутительнымъ образомъ наругались надъ христіанско-православной вѣшней святыней,—иконами и крестами, позволяя себѣ по отношенію къ нимъ дѣйствія всевозможнаго кощунственнаго оскорблѣнія. Можно предполагать и есть прямая основанія²⁾ думать, что причиной этого наругательства была не одна только прямая и простая иенависть къ христіанству, какъ къ вѣрѣ, но и тѣль языческій взглядъ, существовавшій у волхвовъ (и досель остающійся у колдуновъ), что—чѣмъ сильнѣе будуть оскорблѣнія христіанской святыни, тѣмъ дѣйственнѣе будутъ волхвованія.

О нравственномъ поведеніи Жицествующихъ преп. Іосифъ Волоколамскій отзывается укоризненнымъ образомъ, говоря, что они унивались и обѣдались и сквернились блудомъ³⁾). Но намъ съ большою увѣренностью думается, что эти укоризны преп. Іосифа нужно понимать особыннмъ образомъ. Когда онъ говоритъ, что еретики унивались и обѣдались, то, по всей вѣроятности, разумѣеться что въ дни

¹⁾ Просвѣтит., стрр. 52, 59 (яфста приведены выше). Неизвѣстный авторъ житія преп. Іосифа Волоколамскаго, писавшій передъ 1566-мъ годомъ, сообщая тѣ представленія о Жицествующихъ, которыя оставались о нихъ въ его время, говоритъ: «глаголють ихъ священнаго христіанскаго правила отвергшихся и безбожіемъ обносатся, лика божественныхъ кинны учашія вѣнчи и злобѣсныя обычаемъ водятся, звѣздозаконію волхвованію упражняющеся»,—изд. *Невостр.* стр. 32.

²⁾ См. у *Карамз.* къ т. VI прим. 324, col. 51, и у *Хрущова* въ Источни. стр. XXIII (попъ съ Олтп.).

³⁾ Просвѣтит., стр. 49 йп..

недѣли и времена года постные дни они упивались и обѣѣдались таکъ же, какъ въ дни и времена неостыни, т. е. что они не соблюдали христіанскихъ постовъ (а между собою они, конечно, не соблюдали постовъ и въ томъ смыслѣ, чтобы ъсть вмѣсто постнаго скромное), и что тѣ изъ нихъ, которые были священниками, ъли и пили до совершения літургіи: укоризна «обѣѣдались», бывъ понимаема въ общемъ смыслѣ, была бы очень странна, ибо что бы такое значило, что еретики ъли болѣе обыкновеннаго и какъ бы Іосифъ могъ знать и утверждать это? Когда онъ говорить, что Жидовствующіе сквернились блудомъ, то, вѣроятно, онъ разумѣеть тѣхъ между ними, которые были изъ монаховъ. А такъ какъ Жидовствующіе изъ монаховъ не считали себя за монаховъ и были таковыми только по наружности, то они могли жить съ своими тайными женами и такимъ образомъ и казаться православными предающими блуду. Вообще, думать о нравственности Жидовствующихъ, что нибудь нарочито худое мы не видимъ совершение никакихъ дѣйствительныхъ оснований: она должна была быть просто таковою, какова нравственность настоящихъ жидовъ. А если Зосима быть иреданъ еодомитизму и пьянству или одному послѣднему, то это зависѣло не отъ иѣры, а отъ лица,—таковыми онъ могъ быть и не отступая въ жицвство.

Какъ секта, жицвство существовало у насъ, считая съ 1471-го года по 1504-й годъ, въ продолженіе 33-хъ лѣтъ. До какой же степени успѣвало оно распространяться въ нашемъ обществѣ или до какой степени многочисленнію должна быть представляема секта? Преп. Іосифъ Волоколамскій, многократно отвѣчающій на этотъ вопросъ въ своемъ Просвѣтителѣ, наибольшею частію говорить, что пропагандисты жицвства успѣли сорвать въ него многихъ, но иѣсколько разъ онъ выражается и такимъ образомъ, что они толики души погубиша, ихже и исчести немощно (что они отведоша отъ церкви множеству несвѣдомо¹⁾). Разумѣя подъ сектантами не всѣхъ, кто заражался большими или меньшими вольномысліемъ, а только тѣхъ, которые принимали настоящее жицвство, необходимо думать, что послѣднее выраженіе преп. Іосифа есть чистая инербola, имѣющая своимъ источникомъ его горичее рвение противъ еретиковъ, и что подъ многими соображеніями разумѣются не многія тысячи ихъ, а только многія единицы, восходящія не болѣе, какъ до немногихъ сотенъ. Когда въ 1503-мъ году имѣнио преп. Іосифъ ходатайствовалъ передъ великимъ княземъ, чтобы онъ подвигся на Жидовствующихъ, то государь обѣщалъ ему,

¹⁾ Стpp. 533 fin., 576, 587 fin., 599.

что однозначно посплеть по всемъ городамъ да велить обыскать еретиковъ да искоренить ихъ¹⁾). Изъ словъ великаго князя Іосифу ясно, что онъ надѣлся искоренить еретиковъ за одинъ прѣмъ и одинъ разомъ; но если такъ, то очевидно, что дѣло шло о сотняхъ, а не о тысячахъ людей, ибо въ послѣднемъ случаѣ надѣяться искоренить ересь одинъ разомъ было бы невозможно. На соборѣ 1504-го года дѣйствительно сразу были преданы казнью всѣ еретики, за исключеніемъ немногихъ спасшихся единицъ; но если это возможно было сразу, то выводъ онять тотъ же, что сейчасъ выше. Здѣсь мы находимъ и другое подтвержденіе справедливости нашего мнѣнія. Послѣ преданій смертной казни главнѣйшихъ еретиковъ, прочие еретики, оставленные въ живыхъ, разошлись были—отчасти въ заточеніе, отчасти по монастырямъ; если бы еретиковъ были тысячи, то монастыри были бы наводнены ссылками; между тѣмъ мы знаемъ, что напримѣръ въ собственномъ Іосифовѣ монастырѣ присланъ былъ и всего одинъ еретикъ²⁾). Но самое рѣшительное свидѣтельство о томъ, что еретиковъ были не тысячи, а не болѣе, какъ сотни, мы находимъ изъ одномъ непрямомъ указаніи самого же преп. Іосифа. Въ посланіи къ духовнику великаго князя андрониковскому архимандриту Митрофану, убѣждая этого послѣдняго подвигнуть государя противъ жидовствующихъ, онъ говоритъ: «и только бы государь вохотѣть ихъ искоренити, ино бы вскорѣ искоренити,—поймать двухъ или трехъ еретиковъ, и онѣ всѣхъ скажуть». Если еретиковъ можно было вскорѣ искоренить, если каждый изъ нихъ зналъ всѣхъ другихъ по именамъ; то ясно, что еретиковъ были не тысячи, а не болѣе, какъ сотни. Существованіе секты жидовствующихъ возможно было только подъ условіемъ самой глубокой тайны. На этомъ основаніи нужно думать, что съ одной стороны—проповѣдники ереси вели свою пропаганду не такъ, чтобы обращаться къ цѣлымъ толпамъ людей, а такъ чтобы обращаться только къ отдельнымъ людямъ (дабы дѣло было съ глазу на газъ), каковое обстоятельство естественно должно было весьма замедлить успѣхи пропаганды, а съ другой стороны—что они сами не находили возможнымъ помышлять о широкомъ распространеніи своей ереси, потому что при этомъ широкомъ распространеніи невозможно было сохраненіе тайны и оно

¹⁾ Съ посланіе преп. Іосифа къ Митрофану андрониковскому. «А однозначно—общался великий князь Іосифу—поплю по всемъ городамъ, да велю обыскать еретиковъ да искоренити».

²⁾ Съ посланіе преп. Іосифа къ великому князю Ивану Васильевичу объ еретикѣ Кленовѣ, — у *Хроника* стр. 263.

послужило бы средствомъ къ открытию секты. Какъ бы то ни было, но надлежитъ думать, что секта Жидовствующихъ, какъ таковая въ собственномъ смыслѣ послѣдняго слова, далеко не была очень немногочисленна и что она представляла собою не столько настоящую секту, сколько небольшое тайное общество.

Для заключений о количествѣ людей, которые, не принимая самого жидаства, только заражены были отъ проповѣдниковъ послѣдняго болѣшимъ или меньшимъ вольномысліемъ; мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Но представляется намъ вѣроятнѣйшимъ думать, что и оно было не особенно велико, хотя, можетъ быть, и было значительно болѣе, чѣмъ количество самыхъ или настоящихъ еретиковъ. Когда преп. Іосифъ говорить: «аще кто и не отступи въ жидаство, то мнози научишася отъ нихъ (проповѣдниковъ ереси) писаліа божественнаа укарити, и на торжищѣхъ и въ домѣхъ о вѣрѣ любопрение творяху и съмѣшие имѣаху»¹⁾; то можно съ первого взгляда подумать, что огнь рисуетъ картину съ живой дѣйствительности. На самомъ же дѣлѣ очень можно подозревать, что онъ не списываетъ картину съ дѣйствительности, а выписываетъ ее изъ греческихъ книгъ: у Грековъ въ подобныхъ случаяхъ это дѣйствительно бывало такъ; по чтобы такъ это было и у насъ, представляется немало сомнительнымъ. Кромѣ сорваний въ самую ересь и кромѣ заразившихся вольномысліемъ, со всею вѣроятностію должна быть предполагаема еще третья категорія людей, на чистоту православія которыхъ посигнуло жидаство, это именно—тѣхъ, которые, не отпадая и въ ересь и не заражаясь вольномысліемъ, стали почитателями и адептами лишь предлагавшихся жидаствомъ чернокнижія и астрологіи.

Начавшись съ двухъ выдававшихся по уму и по образованію священниковъ, жидаство распространялось у насъ главнымъ образомъ въ образованѣйшей части общества (въ тогдашнемъ смыслѣ),—между тѣми же священниками съ прочими клириками (діаконами и дьяками) и между боярами²⁾. Въ той же средѣ общества распространялось главнымъ образомъ и вольномысліе, что уже само собою предполагается.

¹⁾ Просвѣтл., стр. 59 Іп.

²⁾ Что въ Новгородѣ и повгородской области жидаство распространялось главнымъ образомъ между священниками, это говорятъ архіепископъ Геннадій и преп. Іосифъ и это подтверждаютъ митр. Зосима и соборъ 1490-го года въ своемъ поученіи противъ Жидовствующихъ,—въ Памятн. *Пачи.* col. 785. Зиповій Отепскій, какъ мы указывали выше, въ своемъ «Істории показавія» говорить, что мнози

Въ нашихъ рукописяхъ сохранились до настоящаго времени иѣкоторые письменные памятники, которые со всею вѣроятностію должны быть принимаемы за памятники, оставленные послѣ себя Іиудовствующими. Эти памятники суть: переводъ пятокнижія Муссеева,правленный по еврейскому подлиннику, и сборникъ еврейскихъ молитвъ.

Пятокнижіе Муссеево, какъ и вѣсѣ книги Священнаго Писания Ветхаго Завѣта, написанныя на еврейскомъ языкѣ, были переведены у насъ на славянскій языкъ съ греческаго перевода семидесяти. Въ иѣкоторыхъ рукописяхъ нашихъ читается этотъ славянскій переводъ съ довольно значительнымъ количествомъ частныхъ поправокъ текста, стѣллажныхъ по еврейскому подлиннику. Кѣмъ и когда произведены были поправки, положительнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ. Но ихъ языкъ есть великорусскій языкъ позднѣйшаго времени, XV—XVI вѣка, съ иѣкоторой примѣсью бѣлорусскаго языка того же времени, а разумѣніе текста Священнаго Писания, которое въ нихъ обнаруживается, даетъ видѣть въ себѣ разумѣніе не христіанское, а еврейское. Изъ первого съ вѣроятностію можетъ быть заключаемо, что поправки стѣланы въ Великороссіи, по человѣкомъ пришедшемъ изъ Бѣлоруссіи или изъ литовской Руси; а изъ второго прямо слѣдуетъ, что поправщикъ быть по вѣрѣ не христіанинъ, а Евреи. Оба эти признака идутъ къ основателю секты Іиудовствующихъ Схарін, и со всею, а по крайней мѣрѣ—съ весьма болыно вѣроятностію слѣдуетъ думать, что поправки принадлежать именно ему¹⁾.

Сборнику еврейскихъ молитвъ въ славянскомъ переводе, читаемыхъ въ нашихъ рукописяхъ, дано название псалтири и виѣшия форма этой послѣдней, именно—молитвы называются псалмами и раздѣлены на каѳизмы и славы, только всѣдѣствие значительно меньшаго количества молитвъ, чѣмъ псалмовъ въ дѣйствительной псалтири (74 молитвы), неѣть соотвѣтствія съ дѣйствительной псалтирию въ каѳизмахъ и славахъ по количеству мнимыхъ псалмовъ. На концѣ сборника читается послѣ словіе, въ которомъ утверждается, будто минная псалтырь переведена съ еврейскаго языка на русскій «благословеніемъ и приказаніемъ святаго Филиппа митрополита всея Руси».

нельможи и отъ чиновныхъ великихъ князей (т.-е. Ивана Васильевича и сына его Василія Ивановича) поползшаща въ юдѣйскую ересь,—стр. 964 бн..

¹⁾ См. въ 19-й части Прибавленій къ изданію твореній святыхъ отцевъ статью: «О славянскомъ перевѣдѣ пятокнижія Муссеева, исправленномъ въ XV вѣкѣ по еврейскому тексту».

Этот обманъ въ приданиі сборнику молитвъ вида псалтыри и въ усвоеніи перевода благословенію и приказанію митр. Филиппа, при которомъ Схарія пришелъ въ Новгородъ, необходимо понимать такъ, что Жидовствующіе имѣли въ виду распространять его между православными или что по крайней мѣрѣ они хотѣли отводить отъ него глаза православныхъ¹⁾.

Борьба противъ Жидовствующихъ со стороны православной состояла не только въ принятіи противъ нихъ правительстvenныхъ мѣръ—церковныхъ и гражданскихъ, но и въ обличеніи ихъ ереси посредствомъ полемическихъ сочиненій. Въ этомъ случаѣ заслуга принадлежитъ отчасти архіепископу новгородскому Геннадію, главнымъ же образомъ преп. Іосифу Волоколамскому.

Архіепископъ Геннадій не чувствовалъ себя способнымъ къ тому, чтобы на самого себя взять письменную полемику съ Жидовствующими, и онъ приказалъ перевести на славянскій языкъ съ латинскаго два полемическихъ сочиненія противъ Іудеевъ, заимствованныя у католиковъ. Эти сочиненія суть: 1) «Магистра Николая Делира прекраснѣйши стязанія, іудейское безнѣріе и православій вѣрѣ похуляющі», переведенное въ 1501-мъ году посольскимъ толмачемъ или переводчикомъ Дмитремъ Герасимовыムъ, по прозванию Малымъ. Сочиненіе Делира или Де-Лира пользовалось на Западѣ весьма болѣюю славою, какъ одно изъ главныхъ полемическихъ сочиненій противъ іудейства²⁾.

¹⁾ См. о сборникѣ въ V кн. Ученыхъ Записокъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, въ статьѣ «*архим. Варлаама: Описаніе сборника XV столѣтія Кирillo-Бѣлозерскаго монастыря*», стр. 43 sqq.—Не безъ иѣкоторой вѣроятности можно думать, что первыя девять главъ книги Есопы, внесенной архіепископомъ Геннадіемъ въ его полную библію, читаемыя въ переводѣ съ еврейскаго подлинника, взяты Геннадіемъ изъ библіи Жидовствующихъ, къ чему содержаніе не представляло препятствія,—Опис. сунодд. ришип. *Горек.* въ *Нестор.*, № 1—3, стр. 53 («переводъ сдѣланъ.—говорить описатели,—близъ Польши или выходцемъ изъ тѣхъ странъ, какъ можно судить по иѣкоторымъ выраженіямъ и оборотамъ рѣчъ, приближающимся къ польскому языку»,—стр. 55). Въ поученіи противъ Жидовствующихъ митр. Зосимы и собора 1490-го года говорится, что они тайно носили какія-то писанія (конечно, апологетическо-полемическая или наоборотъ,—у *Пазл. col. 785*); но мудрео сжѣдать, чтобы эти писанія какъ нибудь сохранились и могли быть открыты.

²⁾ Николай Де-Лира, урожденецъ городка или мѣстечка Лира (*Luga, Lyre*) въ сѣверной Франціи (Николай Де Лира—т.-е. Николай изъ Лира), по своему происхождению, какъ полагаютъ, Еврей, а по своему званію—францисканскій монахъ, былъ профессоромъ парижскаго университета и прославился своими толкованіями Ветхаго Завѣта, изложенными въ видѣ бестѣдъ (*postillae.—Postillator*): † 1340.

2) «Учителя Самоила Евреина на богоотметные жи́дове обличительно пророческими рѣчми», переведенное въ 1504-мъ году однимъ иностраницемъ, жившимъ въ Россіи ⁴).

Преп. Іосифъ Волоколамскій написалъ противъ Жидовствующихъ и противъ посѣяннаго ими вольномыслія обширное полемическое сочиненіе, которое по своей видимой формѣ состоять изъ 16-ти словъ, предваряемыхъ историческимъ введеніемъ, и которому послѣ Іосифа дано название Просвѣтителя. Эта Просвѣтитель преп. Іосифа, представлена собою для конца XV—начала XVI вѣка произведение нашей письменности замѣчательнѣйшее, быть такимъ для своего времени блестательнымъ обличительнымъ сочиненіемъ противъ Жидовствующихъ и противъ порожденнаго ими вольномыслія, лучше которого требовать было бы невозможно. Надѣльший блестиціемъ умомъ и выдающимся литературнымъ талантомъ, преп. Іосифъ исключительнымъ образомъ былъ начитанъ въ Священномъ Писаніи и въ твореніяхъ отеческихъ, насколько послѣдня существовали тогда въ славянскомъ переводѣ, такъ что по этой начитанности имѣть полное право на титулъ ученикѣйшаго человѣка своего времени. При такомъ обладаніи всѣми потребными качествами онъ написалъ обличительное сочиненіе, которое отличается внутреннимъ достоинствомъ возможной ученой основательности и видимымъ достоинствомъ возможной удовлетворительности изложеній; въ послѣднемъ случаѣ на первомъ мѣстѣ—ясность, которая всего болѣе нужна была для нашихъ старыхъ книжныхъ людей. По отношенію къ Жидовствующимъ въ строгомъ смыслѣ этого слова Про-

Его полемическое сочиненіе противъ юдейства въ подлинниакѣ надписывается: *De Messia ejusque adventu praeterito tractatus, una cum responsione ad Iudaei argumenta XIV contra veritatem evangeliorum.* Напечатано было въ первый разъ въ Венеціи въ 1481-мъ году, и потому много разъ. Славянскій переводъ—въ рукописи Царскаго № 461 и въ одной рукописи Вологодской Духовной Семинаріи (*Страсна Библіологич. Словарь*, стр. 86).

⁴) Николаемъ Иѣмчиномъ, о которомъ скажемъ ниже, когда будемъ говорить о преп. Максимѣ Грекѣ. Самуилъ былъ мароккскій Еврей, обратившійся въ христианство въ 1085-мъ году; его сочиненіе, написанное на арабскомъ языке и съ арабскаго переведенное на латинскій въ 1339-мъ году, надписывается по латыни: *Rabbi Samuelis Marochiani de adventu Messiae, quem Iudaei temere expectant. liber scriptus post annos 1000 ab ultima eversione Hierosolymae sub Tito imp., id est post annum 1072 a Natali Domini.* Оно—въ Натрологіи Мана, т. 149 р. 337. Славянскій переводъ тамъ же. гдѣ переводъ Де-Лари.

свѣтитель преп. Іосифа не могъ имѣть слишкомъ большаго значенія, потому что онъ ратуетъ противъ нихъ (доказывая троичность лицъ Божества и то, что Иисусъ Христосъ есть пришедшій Мессія) Священныи Писаніемъ Ветхаго Завѣта по переводу семидесяти, а Жидовствующіе вмѣстѣ съ самими жидами, какъ необходимо предполагать, вовсе не признавали обязательнымъ для себя этого перевода. Но по отношенію къ вольномыслію и какъ средство предохраненія для православныхъ и отъ жидовства и отъ этого вольномыслія Просвѣтитель несомнѣнно имѣть все то значеніе, какое могло имѣть обличительное сочиненіе вполнѣ удовлетворительное. Мы возвратимся къ Просвѣтителю послѣ, когда будемъ говорить о нашей оригиналной письменности взятаго нами отдала времени.

Архієпископу Геннадію ересъ Жидовствующихъ подала поводъ къ весьма важному книжному предпріятію, именно — къ собранію всѣхъ книгъ Священнаго Писанія въ одинъ составъ, чего у насъ дотолѣ не было. Объ этомъ также мы скажемъ послѣ.

МИТРОПОЛИТЫ ЗОСИМА И СИМОНЪ.

Возвращаемся къ митр. Зосимѣ, чтобы доказать о немъ и о времени его недолгаго правлениія ¹⁾ то очень немногое, чѣмъ можетъ быть сказано помимо его житовства.

По увѣренію преп. Іосифа Волоколамскаго, какъ передавали мы выше, его поставилъ въ митрополиты вел. кн. Иванъ Васильевичъ, бывъ «подойденъ» протопопомъ Алексѣемъ. Если увѣреніе сираведливо, то нужно будетъ понимать дѣло такъ, что великий князь назначилъ его своею собственою властію или безъ соборнаго избрания епископовъ, или же,—чѣмъ вѣроятнѣе, при совершенніи ими избрания только формальнымъ образомъ. А если это такъ, то нашъ случай поставленія митрополита будетъ первымъ случаемъ, при которомъ вмѣсто избрания, хотя и не совсѣмъ независимаго, имѣло мѣсто уже настоящее (но существу) назначеніе. Мы обращали вниманіе на то, что опь—Зосима поставленъ бытъ на мѣсто Геронтия послѣ очень продолжительного медленія, вмѣстѣ съ чѣмъ замѣчали, что причины этого медленія остаются для насъ неясными. Можеть быть, великий князь съ поспѣшили избраниемъ Геронтия считать себя очень ошибившимся. Предполагая это, нужно будетъ только сказать, что на сей разъ медленіе оказалось хуже поспѣшности.

Какъ мы говорили выше, у насъ вслѣдъ за Гречією расстрѣлено было вѣрованіе, что съ окончаніемъ семи тысячъ лѣтъ настанетъ кончина міра. Но этой причинѣ богослужебная наехалія, состоящая въ указаніи мѣсяца и числа праздника Пасхи и подвижныхъ праздниковъ, зависящихъ отъ послѣдней, доведена была у насъ до семитысячнаго года и на немъ останавливалась. Когда семитысячный годъ прошелъ (опь окончился Августомъ мѣсяцемъ 1492-го года отъ Р. Х.), а кончина міра не настѣжало, нужно было продолжить роспись наехалій на дальнѣйшее время. Это и сдѣлалъ Зосима послѣ совѣтованія съ архіепископами, епископами, архимандритами и всемъ

¹⁾ Съ 26-го Сентября 1490-го года по 19-е Мая 1494-го года.

соборомъ митрополії. Разчиливъ Пасхалію на 20 слѣдующихъ лѣтъ, митрополитъ посыпалъ свое разчислєвіе для повѣренія къ архієпископу новгородскому Геннадію и къ епископу пермскому Филофею, а можетъ быть — и къ другимъ епископамъ, и затѣмъ пе позднѣе Декабря 7001-го года (1492-го года отъ Р. Х.) обнародовалъ его во всей митрополії¹⁾.

Въ 1492-мъ году, по приказанію великаго князя, митрополитъ и архієпископъ Геннадій отдали городъ Вологду, который находился до толѣ въ церковномъ завѣдываніи ихъ обоихъ, епископу пермскому²⁾.

Въ 1494-мъ году, не знаемъ — прежде или уже послѣ сведенія Зосимы съ кафедры митрополичьей, въ Нековѣ были отставлены отъ

¹⁾ Изъображеніе Зосимы о пасхаліи на осмьюю тысячу лѣтъ — въ Правосл. Собѣсѣдн. 1860-го года ч. II, стр. 334 и у *Назлова* въ Иамм. № 118. Что онъ разослалъ пасхалію по митрополії до Декабря 7001-го года, это видно изъ грамоты архієпископа Геннадія духовенству своей епархіи, при которой послѣдній разсыпалъ по епархіи пасхальное разчислєніе его — митрополитово и свое собственное, сдѣланное на 70 лѣтъ: грамота написана 21-го Декабря 7001-го года, а въ ней говорится, что митрополитъ разослалъ пасхалію по митрополії, — грамота у *прососа. Макарія* т. VI, стр. 380, и у *Назл.* ibid. № 119. Совѣтованіе о пасхаліи съ архієпископами, епископами и со всѣмъ соборомъ, о которомъ пишетъ Зосима въ своемъ изъображеніи, должно было имѣть мѣсто въ 7000-мъ (сентябрьскомъ) году. Въ иѣкоторыхъ лѣтописяхъ приводимыхъ Карамзинъ, дѣйствительно читается, что «въ лѣто 7000 спроѣчъ начало осмьюю тысячи, мѣсяца Сентября», митрополитъ собираль соборъ изъ архієписконоў и еписконоў, архімандритоў и игуменоў, на которомъ «начаша святый міротворный кругъ» (не міротворный кругъ, а пасхалію на осмьюю тысячу, вѣо міротворный 532-лѣтній кругъ начался съ 6917-го года отъ С. М. или въ 1409-мъ году отъ Р. Х., — къ т. VI прим. 618). О посыпленіи митрополитомъ сдѣланного имъ пасхального разчислєнія къ Геннадію новгородскому см. въ помянутой выше грамотѣ послѣдняго; о посыпленіи къ Филофею пермскому — у *Карамзина*. кѣ. т. VI прим. 620.

²⁾ Никон. лѣт. VI, 131, Новгор. 4-я лѣт. въ Собр. лѣт. IV, 160 fin., Типogr. лѣт. стр. 325. До Василья Васильевича Темнаго († 1462) Вологда принадлежала Новгородцамъ, а съ сего великаго князя стала принадлежать Москвѣ (собственно городъ, а что касается до волости, то не вся, а только большая или меньшая часть). — Собр. грамм. и договр. I. 204, сfr Акт. Эксп. т. I, № 57). Относительно совмѣстной церковной власти надъ нею митрополита и архієпископа дѣло, изроятию, нужно понимать такъ, что церкви, существовавшія въ городѣ до его перехода въ государственную власть Москвы, остались за архієпископомъ, а церкви послѣ него строившіяся были митрополичьи. — Въ 1493-мъ году, послѣ бывшаго въ Москвѣ пожара, въ который выгорѣлъ митрополичій дворъ, Зосима поставилъ на дворѣ три кельи каменные съ подклѣтками. — Никон. лѣт. VI, 137—138.

службы вдовы священники. Объ исторіи этого отставлениія, было ли оно съ согласія архіепископа или вопреки его воли, лѣтописецъ не сообщаетъ совершенно ничего, ограничиваясь только голямъ и краткимъ извѣстіемъ, что «того же лѣта отставшиа вдовыхъ поповъ отъ службы»¹⁾.

Обращаемся къ митр. Симону²⁾, медленность поставлениія котораго на мѣсто Зосимы столько же дляча неясна, какъ и медленность поставлениія этого послѣдняго на мѣсто Геронтия.

Говоря о предшествующихъ митрополитахъ, ставленныхъ въ самой Россіи, лѣтописи не сообщаютъ никакихъ подробностей чина, какой наблюдался при ихъ поставлениихъ. Относительно поставлениія Симонова лѣтописи сообщаютъ нѣкоторыя подробности этого чина. Когда онъ былъ избранъ епископами, какъ кажется,—только формальнымъ образомъ, бывъ прямо указанъ величимъ княземъ³⁾, то ходилъ

¹⁾ Исковск. 1-я лѣтоп. въ Собр. лѣтт. IV, 268 бп.—Мы упоминали выше, что митр. Зосима вмѣстѣ съ соборомъ епископовъ 1490-го года выдалъ краткое поученіе противъ Жидопечущихъ. Къ поученію онъ приложилъ указъ объ отреченныхъ книгахъ, т.-е. о такихъ книгахъ, которыхъ не должно читать православнымъ христіанамъ (отреченный—запрещенный), взятый пять, какъ замѣчается на концѣ资料 самого указа, изъ Молитвенника или Требника митр. Кирилла. Имѣя надпись: «Сказание Изосимы, митрополита русскаго, о отреченныхъ книгахъ», указъ напечатанъ въ Памятникахъ *Павлова*,—№ 117.—Извѣденій съ каѳедры митрополіи, Зосима, по словамъ лѣтописей, отошелъ на келью въ Симоновомъ монастырѣ, а позже Симонова монастыря въ Троицкій Сергіевъ монастырь,—Воскресенская и 4 я Новгородская лѣтописи въ Собр. лѣтт. IV, 164, и VI, 228. Типографская лѣт-стр. 335 бп.. Замѣчаніе лѣтописей объ одномъ его необычайномъ поступкѣ, изъ котораго видно, что въ 1496-мъ году онъ находился въ Троицкомъ монастырѣ, мы привели выше,—стр. 595. Описатель рукописей Троицкой Лавры, говоря о рукописи лаврской библіотеки, принадлежавшей митр. Зосимѣ (№ 122, Апокалипсисъ толковый Андрея Кесарійскаго) утверждаетъ на основаніи будто бы Исторіи іерархіи, что Зосима скончался въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Но ссылка на Исторію іерархіи («Ист. росс. іер., изд. 2-е, стр. 100 и 101») не указываемаго тома, подъ которымъ, очевидно, долженъ быть разумѣемъ I томъ) ошибочна, и авторъ Исторіи, перечисляя въ описаніи Кириллова монастыря погребенныхъ въ немъ замѣчательныхъ людей,—т. IV, стр. 402, не называетъ Зосими.

²⁾ Но нѣкоторымъ каталогамъ онъ имѣть прозваніе Чижъ, см. *Бычкова Описanie сборниковъ Чубинчи. Библіотеки*, I, 68 бп..

³⁾ Онъ былъ избранъ въ митрополиты 6-го Сентября 1495-го года, а гораздо ранѣе—въ Январѣ того же года онъ дѣйствуетъ въ Москвѣ, за небытностю митрополита, какъ старшій въ духовенствѣ, хотя не былъ старшимъ (благословленъ

во дворецъ, для представлениі государю. Изъ дворца великой князь вмѣстѣ съ епископами, бывъ сопровождаемъ своимъ наследникомъ (внукомъ Димитріемъ), своими дѣтьми и своими боярами и дьяками, провожалъ его до Успенскаго собора, въ которомъ онъ прикладывался къ иконѣ (Божіей Матери Владимирской) и кланялся гробамъ своихъ предшественниковъ, и потомъ до митрополичьяго двора. Въ дверихъ послѣдняго великой князь передалъ его епископамъ ¹⁾). Въ самый день посвященія, когда была окончена литургія и когда приспѣло время возвести новаго митрополита на митрополичье мѣсто, великой князь, вручая ему жезль пастырскій, привѣтствовалъ его краткой рѣчью, которая начиналась словами: «Всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая намъ всея Русіи государство, подаетъ тебѣ сіи святыи великии престолъ архіерейства»..., а митрополитъ отвѣчалъ великому князю своей краткой рѣчью ²⁾). Послѣ посвященія митрополитъ ѻздилъ верхомъ на осляти кругомъ города, при чёмъ осля водилъ подъ нимъ боярина великаго князя ³⁾.

На эти подробности, сообщаемыя лѣтописцами, съ весьма большою вѣроятностію должно смотрѣть, какъ на нововведеніе противъ предшествующаго времени, чего прежде не было. Съ минуты взятія Константинополя Турками отецъ Ивана Васильевича Василий Васильевичъ Темный началъ смотрѣть на себя какъ на преемника императоровъ византійскихъ или царей греческихъ. Но если его положеніе какъ государя еще далеко не соотвѣтствовало идеѣ царя и если онъ основывалъ свой взглядъ на себя только на томъ, что въ христіанскомъ православномъ мірѣ долженъ быть государь, который бы былъ оберегателемъ христіанской православной церкви: то Иванъ Васильевичъ, окончательно водворившій въ Россіи единодержавіе, свергнувшій иго Монголовъ и наконецъ вступившій въ бракъ съ греческою царевной, имѣлъ уже слишкомъ достаточныя положительныя права на то, чтобы считать

въ Успенскомъ соборѣ дочь великаго князя Елену, отправлявшуюся въ Литву замужъ за Александра,—Икон. лѣт. VI, 142, 4-я Новгородск. лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 165). Изъ этого слѣдуетъ заключать, что онъ уже предназначенъ былъ великимъ княземъ въ митрополиты.

¹⁾ Типogr. лѣт. стр. 337 (у Карамз. къ т. VI прим. 326—она же).

²⁾ Икон. лѣт. VI, 144, Софійская 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 39.

³⁾ Типogr. лѣт. стр. 338 (у Карамз. ibid. Не говорится прямо, что ѻздали кругомъ города, а говорится только и неопределенно, что «осля тогда водилъ подъ митрополитомъ Михаило Русалка»; но подъ этимъ «тогда», заключая отъ послѣдняго времени, нужно разумѣть ѻзу кругомъ города).

себя преемникомъ царей греческихъ. И опь дѣйствительно началь смотрѣть на себя, какъ на такового, уже совсѣмъ увѣренныи образомъ, хотя еще и не отважился на послѣдний шагъ—открыто и формально принять самый титулъ царя. Всѣдѣствіе этого одну изъ его заботъ составляло то, чтобы ввести въ нашу высшую общественную жизнь новые видѣнія формъ, отчасти прямо византійскія, отчасти вообще болѣе обрядныя и такъ сказать церемоніальныя, такъ чтобы въ жизни этой на мѣсто прежней простоты вдоворился тотъ «украшенній и благообразный царскій чинъ» (какъ выражается Константиносъ Порфирогенитъ), которымъ такъ крайне дорожили Греки и которымъ по томъ не менѣе ихъ дорожили и мы. Подробности поставлениія Симонаова въ митрополиты, сообщаемыя лѣтописцами, ясно указываютъ на то, что Иванъ Васильевичъ хотѣлъ придать чину поставлениія митрополитовъ тотъ видъ, какъ въ Константиноополь совершилось поставлениіе патріарховъ. А когда великий князь передать будущаго митрополита епископамъ и когда опь говорить посвященному митрополиту, что «всемогущая и животворящая святая Троица, дарующая намъ всея Руси государство, подаетъ тебѣ сіи святыни и великии престолъ»: то здѣсь уже и не одна обрядность царская, а весьма важная новость существенная—показаніе и заявленіе царскихъ правъ государя по отношенію къ митрополиту...

Кромѣ собора на Живовѣтующихъ 1504-го года, о которомъ мы говорили, правленіе митр. Симона ознаменовалось другимъ чрезвычайно важнымъ соборомъ, имѣвшимъ мѣсто за годъ до этого послѣдняго.

Соборъ 1503-го года, созванный не противъ враговъ церкви, а для благоустроенія ея самой, сдѣлать опредѣленія: о певзиманіи епископами платы за поставлениіе въ церковныя степени; о послуженіи въ міру вдовымъ священникамъ и діаконамъ; о несовершеннѣи священниками и діаконами невдовыми литургіи на другой день послѣ того, какъ напыются до пьяна, и о не житіи монахамъ и монахинямъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ. За симъ, на соборѣ былъ поднимаемъ еще вопросъ объ отображеніи у монастырей недвижимыхъ имѣній или вотчинъ.

Къ сожалѣнію, мы вовсе не имѣемъ историческихъ свѣдѣній о соборѣ, чтобы отвѣтить на вопросы: по чьей инициативѣ онъ былъ созванъ и какія были ближайшія поводы къ его созванію. Во всякомъ случаѣ должно быть принимаемо за несомнѣнное, что онъ принадлежать инициативѣ не одного только митрополита, но и великаго князя. Желавіе сдѣлать постановленія относительно священниковъ вдовыхъ и невдовыхъ и относительно монаховъ съ монахинями могъ имѣть и митрополитъ; но чтобы онъ имѣть желаніе сдѣлать постановленіе о по-

взиманіи платы епископами и чтобы такимъ образомъ онъ хотѣль поднять руки на самого себя, а главное—хотѣль возбудить противъ себя величайшую общую ненависть епископовъ и ихъ чиновниковъ, это вовсе невѣроятно; чтобы это было возможно, мы должны были бы представлять себѣ Симона человѣкомъ исключительныхъ нравственныхъ качествъ и исключительно твердаго характера, для каковыхъ представлений мы вовсе не имѣемъ оснований. Соборъ написалъ свои постановленія въ двухъ особыхъ приговорахъ: одинъ приговоръ о невзимавіи платы епископами, другой—о священникахъ вдовыхъ и невдовыхъ и о монахахъ съ монахинями. Судя по образу выраженія этихъ приговоровъ можно думать, что постановленіе, содержащееся въ первомъ изъ нихъ, принадлежало инициативѣ великаго князя и что постановленія, содержащіяся во второмъ, принадлежали инициативѣ митрополита. Оба приговора написаны отъ лица великаго князя съ соборомъ; но въ первомъ изъ нихъ пишется, что великий князь, поговоривъ съ митрополитомъ и съ епископами, уложилъ и укрѣпилъ быть тому-то; а во второмъ,—что митрополитъ и епископы, поговоривъ съ нимъ—великимъ княземъ уложили и укрѣпили быть тому-то. За этимъ, основываясь на времени написанія приговоровъ, именно—что первый изъ нихъ былъ написанъ ранѣе втораго (одинъ 6-го Августа, другой—1 Сентября), представляется не невѣроатнымъ думать, что соборъ собственно быть созданъ великимъ княземъ для постановленія приговора о невзимавіи платы епископами, но что потомъ, когда онъ уже проходилъ, было предложено митрополитомъ и епископами сдѣлать и остальныя постановленія.

Взиманіе платы епископами за поставленіе въ церковныя степени, перешедшее къ памъ изъ Греціи, было дѣломъ собственно противѣканолическимъ. Но если въ Греціи, гдѣ искались каноны, оно составляло общиі обычай, державшійся тверже всякихъ каноновъ, то тѣмъ болѣе твердо оно должно было держаться у насъ, гдѣ оправданіемъ служила простая ссылка на примѣръ церкви греческой. Въ началѣ XIV вѣка у насъ было поднять противъ этого взиманія платы, какъ противъ беззаконной мзды и симоніи, самый горячій протестъ, породившій потомъ секту Стригольниковъ, которые провозгласили за это взиманіе платы все наше священство неистиннымъ и недѣйствительнымъ священствомъ. Но обычай съ непоколебимою твердостію выдержалъ себя противъ протesta и православныхъ и Стригольниковъ. Какимъ же образомъ могло случиться, чтобы на этотъ обычай, имѣвшій слишкомъ большую давность или точнѣе—древность и такую, пережившую всѣ испытавія, твердость, вдругъ поднялъ свою руку Иванъ

Васильевич? Не представляется вѣроятнымъ думать, чтобы онъ сдѣлалъ это по своему собственному непосредственному намѣренію, и оказывается необходимымъ предполагать стороннія на него вліянія. Иванъ Васильевичъ, во-первыхъ, былъ такой человѣкъ, относительно которого очевь сомнительно думать, чтобы онъ могъ возмущаться поборами епископовъ съ низшаго духовенства: онъ самъ былъ надѣленъ епископомъ большою наклонностю братъ; во-вторыхъ и главное—это взиманіе платы было дѣло церковное и чтобы считать его дѣломъ незаконнымъ и беззаконнымъ нужно было твердоѣ знаніе каноновъ церковныхъ. Что касается до сторонніхъ вліяній, то можно до пѣкоторой степени предполагать укоризны нашимъ епископамъ отъ Жидовствующихъ и положительно извѣстно, объ укоризнахъ имъ отъ пѣкоторыхъ остававшихся представителей стригольничества, но главнымъ и собственнымъ образомъ, какъ намъ думается, должно предполагать внушенія и представлений великому князю, шедшія изъ среды самихъ православныхъ. Преп. Іосифъ Волоколамскій не говорить въ своемъ Проповѣти, чтобы Жидовствующіе укоряли нашихъ епископовъ за взиманіе платы или мѣды отъ поставленій; но это само по себѣ очень вѣроятно; изъ остававшихся представителей стригольничества мы знаемъ по крайней мѣрѣ одного, который открыто укорялъ епископовъ за взиманіе платы, это—чернецъ Захарія или Захаръ, который, принявъ или не принявъ жидаство, былъ осужденъ съ новгородскими Жидовствующими на соборѣ 1490-го года. Однако, представляется вовсе невѣроятнымъ думать, чтобы великий князь могъ склонить слухъ къ укоризнамъ враговъ церкви, если бы общимъ голосомъ самихъ представителей постыдней онѣ объявлялись за укоризны несправедливыя и неосновательныя¹⁾. Считая необходимымъ объяснять дѣло внушеніями, шедшими изъ среды самихъ православныхъ, мы думаемъ, что эти внушенія должны быть усвояемы знаменитымъ старцамъ того времени Ианисію Ярославову и Нилу Сорскому, которые пользовались великимъ уваженіемъ Ивана Васильевича и которые присутствовали какъ на соборѣ 1490-го года, такъ и на нашемъ соборѣ 1503-го года. Чтобы Ианисій Ярославовъ и Нилъ Сорскій были противъ взиманія платы

¹⁾ А представлять дѣло такъ, чтобы протоиопъ Алексѣй и Осдорпъ Куринцы, имѣвшіе чрезвычайно большое вліяніе на великаго князя, притворяясь ревнителями православія, побуждали его къ искорененію злоупотребленія, существовавшаго въ церкви, очевидно, невозможно: это было бы вовсе не въ ихъ интересѣ. Жидовствующіе могли укорять епископовъ за взиманіе платы, но никакъ не могли имѣть охоты объявлять этотъ обычай, къ извиненію церкви, за злоупотребленіе.

епископами за поставление, на это мы не имѣемъ положительныхъ свидѣтельствъ¹⁾). Но съ совершенною вѣроятностію можетъ быть это предполагаемо: представляя изъ себя людей особыхъ въ современномъ имъ обществѣ и именно—представляя изъ себя либераловъ въ томъ смыслѣ, чтобы быть горячими противниками всего незаконнаго и противукановического, они весьма могли быть противниками и нашего взиманія платы и возобновить противъ него протестъ, раздавшійся было у насъ въ XIV вѣкѣ. Для Насія и Нила не особенно трудно было доказать великому князю канонами, что взиманіе платы есть дѣло незаконное и что правила свв. апостоловъ и святыхъ отецъ—какъ это читается въ соборномъ приговорѣ,—предписываютъ не брать за ставленіе ничего: но составляетъ предметъ немалаго недоумѣнія, какъ великий князь могъ быть подвигнутъ къ своей рѣшимости уничтожить плату въ виду того, что она столь продолжительное время существовала въ русской церкви и что такимъ образомъ она имѣла за себя слишкомъ прочную давность. Въ объясненіе этого необходимо предполагать, что искусствомъ образомъ было затронуто честолюбіе государя, которому могло быть поставлено на видъ, что его предшественники не чувствовали въ себѣ достаточно силы, чтобы решиться на искорененіе великаго злоупотребленія,—что онъ имѣть эту силу и потому долженъ сдѣлать это,—что, сдѣлавъ это, онъ превзойдетъ царей греческихъ, которые терпѣли зло,—что, начавъ свое преемствованіе царемъ греческимъ такимъ знаменитымъ дѣяніемъ, онъ начнетъ его самимъ достойнымъ и славнымъ образомъ... Настоятельная заботливость, которую обнаруживаетъ великий князь въ приговорѣ, чтобы этотъ послѣдний остался нерушимымъ на будущее время, действительно даетъ знать, что государь смотрѣлъ на совершившую имъ отмѣну платы за постановленія какъ на одно изъ своихъ важныхъ дѣяній.

Соборный приговоръ былъ написанъ 6-го Августа 1503-го года. Между тѣмъ мы имѣемъ некоторые указанія, что какъ будто соборъ начался не позднѣе Насхи этого года, которая была 16-го Апрѣля, такъ что отъ начала собора и до написанія приговора должно бы быть полагаемо продолженіе времени большее трехъ съ половиной мѣ-

¹⁾ Издатели сочиненій Вассіана Косаго, ученика Нилова, утверждаютъ, что онъ былъ противъ взиманія епископами нашей платы,—Православный Собесѣдникъ 1863-го года, ч. 3, стр. 98. Но на какомъ основаніи утверждаютъ они это, остается памъ неизвѣстнымъ (если на основаніи словъ, которыя на стр. 110, то въ нихъ не обѣ обычной платѣ за постановленія, а о полученіи есть посредствомъ подкупа).

сацевъ¹⁾). Если бы принять указанія, то эту медленность не невѣроятно бы было объяснить тѣмъ, что не сразу и не скоро побѣждено было сопротивление епископовъ.

Въ соборномъ приговорѣ великий князь вмѣстѣ съ митрополитомъ и епископами улогаетъ и укрѣпляетъ на будущее время слѣдующее:

1) митрополиту ничего не брать ни въ видѣ прямой платы ни въ видѣ подарковъ отъ поставлениія архіепископовъ и епископовъ;

2) митрополиту и епископамъ ничего не брать отъ поставлениія архимандритовъ и игуменовъ, священниковъ и діаконовъ и отъ всего священническаго чина;

3) печатникамъ архіерейскимъ ничего не брать отъ поставлениія священническихъ грамотъ, а дьякамъ отъ ихъ подиши;

4) всѣмъ пошлиницикамъ архіерейскимъ или ихъ чиновникамъ, имѣющимъ право на доходы, не брать никакихъ пошлинь, т. е. введенныхъ обычаемъ подачъ;

5) архіереямъ не брать ничего у архимандритовъ и игуменовъ, у священниковъ и діаконовъ отъ священническихъ мѣсть и отъ церкви, но какъ поставлять, такъ и отищивать поставляемыхъ па ихъ мѣста безъ мѣды и безъ всякаго дара.

Въ заключеніе соборъ подтверждаетъ неоднократно прежде подтверждавшееся каноническое правило, чтобы «иши которыми дѣлы» (или подъ какимъ видомъ) въ священники не ставили моложе 30-ти лѣтъ, а въ діаконы—25-ти лѣтъ, и чтобы въ иподіаконы ставили не моложе 20 лѣтъ.

Нарушителамъ своего постановленія соборъ, будучи руководимъ великимъ княземъ, опредѣляетъ наказаніе—изверженіе изъ сана: «а который святитель изъ нась и посты нась—митрополитъ, архіепискунъ или епискунъ во всѣхъ русскихъ земляхъ, отъ сего дни впередъ иѣ-которымъ перадѣнiemъ дерзнетъ уложеніе и укрѣпленіе преступши да възметъ что отъ поставлениія или отъ мѣста священническаго, (то) да лишенъ будеть сана своего, ио правиломъ святыхъ апостоль и святыхъ отецъ,—да извергается самъ и поставленный отъ него безъ всякаго отвѣта .

¹⁾ Прп. Іосифъ Волоколамскій, призванный великимъ княземъ на соборъ 1503-го года, въ посланіи къ Митрофанию андрониковскому даетъ знать, что онъ находился въ Москвѣ въ Иасахъ этого года (хотя впрочемъ изъ письма прп. Іосифа ясно не видно, чтобы уже тогда начался соборъ, который могъ начаться значительно позднѣе).

Приговорная грамота собора, «на бóльшее утверждение его уложе́ния» и чтобы «то дѣло впередъ перушимо было», скрѣплена была печатями и подписями, именно—великий князь привѣсилъ къ ней свою печать, митрополитъ привѣсилъ печать и приложилъ руку, епископы приложили руки¹⁾.

Нашему соборному постановлению, въ которомъ Иванъ Васильевичъ показалъ свою рѣшительную власть надъ епископами, по всей справедливости приличествуетъ епитетъ знаменитаго, и оно было бы чрезвычайно благодѣтельно для низшаго духовенства (вплоть до нашихъ теперешнихъ временъ...), если бы сохранило свою силу. Но, увы! оно сохранило свою силу не дальше, какъ только до смерти Ивана Васильевича, а смерть эта случилась и всего черезъ два года и три мѣсяца послѣ собора—27-го Октября 1505-го года. Нашелся однако епископъ, который не хотѣлъ даже подождать и смерти престарѣлаго Ивана Васильевича и который и поплатился за свое чрезмѣрное поспѣшеніе. Этотъ епископъ былъ старѣйший изъ русскихъ епископовъ и знаменитый самъ по себѣ человѣкъ—Геннадій новгородскій. Возвратившиесь съ собора домой и поддаваясь, по словамъ лѣтописей, вліянію своего дѣяка, который былъ его любимцемъ²⁾, а можетъ быть—оправдывая себя и тѣмъ, что его каѳедра была обираема великимъ княземъ, о чёмъ ниже, онъ по прежнему началъ брать плату за поставлениія, какъ будто бы собора вовсе не было. Но Иванъ Васильевичъ, постановляя соборный приговоръ и грозя въ немъ его нарушителямъ извержениемъ изъ сана, вовсе не хотѣлъ шутить: по его приказанію произведено было дознаніе и когда дѣйствительно оказалось, что архіепископъ виновенъ въ нарушеніи приговора, въ Іюнѣ слѣдующаго 1504-го года онъ низведенъ былъ съ каѳедры³⁾.

¹⁾ Приговоръ собора въ Акт. Эксп. т. I, № 382.

²⁾ Михаила Иванова, сына Алексѣева, Гостинка.

) Софіїск. 1-я и 2-я лѣтт. въ Собр. лѣтт. VI, 49 и 244, Никон. лѣтт. VI, 170 (месяцъ въ двухъ первыхъ лѣтописяхъ: по Исковской 1-й лѣтописи, въ Собр. лѣтт. IV, 278, Геннадію присланъ былъ великимъ княземъ пріказъ Ѳхать въ Москву на Онуфріевъ день, т.-е. 12-го Іюня; а что 16-го Мая онъ былъ еще въ Новгородѣ, см. Акт. Юридиц. 1838-го года № 357.—Предполагать, чтобы обвиненіе на Геннадія было клеветой со стороны Жидовствующихъ, на которыхъ приготавлялся соборъ, нѣтъ никакого основанія, по отъ клеветы архіепископу не трудно было бы оправдаться. Но что имѣнно они донесли или постарались, чтобы было донесено, на него великому князю, это весьма возможно).

Второй соборный приговоръ, содержащій постановленія: о неслужбѣ въ міру вдовыемъ священникамъ и діаконамъ, о несовершенніи литургії священниками и діаконами невдовыми на другой день послѣ того, какъ пашются доинана, и о нежитіи монахамъ и монахинямъ въ однихъ и тѣхъ монастыряхъ, какъ мы сказали, можетъ быть усвояемъ ініціативѣ самого митрополита. Изъ постороннихъ вліяній въ семъ случаѣ на митрополита можетъ быть съ иѣкоторою вѣроятностію предполагаемо вліяніе ирен. Іосифа Волоколамскаго ¹⁾.

У нашихъ вдовыхъ священниковъ древнаго времени, какъ говорили мы выше, до такой степени вошло въ обычай жить открыто съ наложницами или не слагая священства вступать во второй бракъ, что св. Петъръ пашелся выпущеннымъ сдѣлать противуканоческое постановленіе, чтобы эти священники или слагали съ себя священство, если хотять оставаться въ міру, или пили въ монастыри. Постановленіе св. Петра подтвердилъ митр. Фотій и хотѣть прилагать къ дѣлу митр. Феодосій. Исковиціи отставали у себя вдовыхъ священниковъ отъ службы въ 1468-мъ и въ 1494 мъ годахъ. Соборъ 1503-го года съ своимъ постановленіемъ о вдовыхъ священникахъ сдѣлалъ то, что возстановилъ и подтвердилъ постановленіе о вихъ св. Петра. Пьянство нашихъ священниковъ и вдовыхъ и невдовыхъ было такимъ спильнымъ ихъ порокомъ во все древнее и старое время, что принятіе соборомъ хотя иѣкоторыхъ мѣръ противъ него, т. е. собственно—только противъ злоупотребленія имъ, представляеть иѣчто совершиенно понятное. Противъ такого безобразія монашеской жизни, какъ купижкіе монаховъ и монахини въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ у насъ, не было сдѣлано общихъ предписаний высшею церковною властію до нашего собора 1503-го года. Но во всякомъ случаѣ безобразіе было такъ крupo и такъ видно, т. е. такъ бросающеся въ глаза, что не требуетъ отвѣта вопросъ: какъ на него могло быть иаконецъ обращено вниманіе, ибо тутъ скорѣе другой недоумѣній вопросъ: какъ до тѣхъ поръ не было обращаемо на него вниманія ²⁾.

¹⁾ Вассіанъ Косой прямо усвояетъ Іосифу соборный приговоръ о вдовыхъ священникахъ (Правосл. Собесѣди. 1863-го года. ч. 3, стр. 207 нач.). Но очень можетъ быть, что Вассіанъ приписываетъ Іосифу приговоръ на томъ только основаніи, что послѣ Іосифа защищалъ его въ особомъ симвалѣ. Между тѣмъ, Іосифъ могъ защищать не потому, что приговоръ былъ его, а потому что онъ былъ человѣкъ способный защищать и что это было поручено ему.

²⁾ До нашего собора было сдѣлано предписание противъ купижкіе монаховъ и монахини митр. Фотіемъ, но предписание только частное, въ посланіяхъ въ

Второй соборный приговоръ былъ написанъ послѣ первого спустя 26-ть дній — 1-го Сентября 1503-го года¹⁾.

О вдовыхъ священникахъ и діаконахъ, основываясь будто бы на правилахъ святыхъ апостоль и святыхъ отецъ и на поученіи святаго и великаго чудотворца Петра митрополита и на писаніи Фотія митрополита всея Россіи, соборъ постановляетъ слѣдующее: всѣмъ вообще вдовымъ священникамъ и діаконамъ съ сего времени въ міру не служить; тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, на которыхъ будетъ доказано или которые сами про себя скажутъ, что держали наложницъ, слагать съ себя священство и быть міранами съ подчиненіемъ обязанности давать дань съ мірскими людьми; если такие священники, не отдавъ архіереямъ своихъ ставленныхъ грамотъ, сойдутъ куда нибудь въ дальняія мѣста и держа женочъ или наложницъ подъ видомъ законныхъ женъ, будутъ священствовать, то предавать ихъ градскимъ судьямъ; тѣмъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ, на которыхъ не будетъ слова о паденіи блудномъ и которые сами про себя скажутъ, что послѣ своихъ женъ живутъ чисто, стоять въ церкваль — на крылосахъ, т. е. исполнять обязанности дьячковъ, а причащаться имъ — священникамъ въ олтаряхъ въ епитрахилахъ (которыя дозволяется имъ держать и у себя на домахъ), а діаконамъ въ олтаряхъ же въ стихаряхъ съ оправемъ; новіе священники и діаконы, которые займутъ мѣста этихъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, не имѣютъ права отсылать ихъ отъ церквей, если они захотятъ стоять на клиросѣ, т. е. исполнять обязанности дьячковъ, но обязаны давать имъ — священники священникамъ, а діаконы діаконамъ, четвертую часть всѣхъ своихъ доходовъ; если вдовы священники второй категоріи, т. е. живущіе посреди смерти женъ житiemъ чистымъ, захотятъ постричься въ монахи, то, «обновивъ себя о всемъ чистымъ покаяніемъ къ своему духовному отцу и по достоинству, если достойны, съ благословеніемъ святительскимъ да священствуютъ въ монастыряхъ, а не въ мірскихъ (церквахъ)».

Новгородъ и Псковъ. Въ одновременныхъ и тождественныхъ пославшихъ въ оба города отъ 1410-года онъ приказывается: «а въ которомъ монастыре черница. тутъ бы черница не были. но черница бы жили себѣ одиы въ монастыре безъ черницы, а черници бы жили себѣ особно въ опришнемъ монастыре», — въ Намятин. *Пазл.* coll. 275 fin. и 284.

¹⁾ Онъ въ Акт. Эксп. т. I. № 383. Въ немъ самомъ выставленъ только жѣ-
сѧцъ, но нетъ числа; это послѣднее во 2-й Новгородск. ятт., — Собр. ятт. III, 144 нач..

Постановліе о священикахъ и діаконахъ невдовыхъ, ушівшихся до п'яни, читается: «а которой попъ и діаконъ которого дни упітіся до п'яна, и ему на завтре обѣди никакоже не служити».

Постановліе о нежитіи въ однихъ монастыряхъ монахамъ и монахинямъ читается: «а что въ монастыряхъ жили въ одномъ мѣстѣ чернцы и черницы, а служили у нихъ игумены, и (мы) уложили, что отъ сего дни впередь чернцомъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ не жити; а въ которомъ монастыри учнуть жити чернцы, ино ту служити игумену, а черницамъ въ томъ монастырѣ не жити; а въ кото-рохъ монастыри учнуть жити черницы, ино у нихъ служити попомъ бѣлцомъ, а чернцомъ въ томъ монастырѣ не жити».

Соборъ мотивируетъ свой приговоръ о вдовыхъ священикахъ единственно тѣмъ, что многие изъ этихъ священниковъ держали наложницъ, и ничего не говорить о такихъ между ними, которые бы сохранили священство вступали во второй бракъ: «въ нашей православной вѣрѣ христіанской греческаго закона — пишеть онъ — многие священники — попы и діаконы вдовы заблудили отъ истины и забывъ страхъ Божій дѣлали безчиніе, опосль своихъ женъ держали у себя наложницъ, а вся священическая дѣйствовали, егожъ недостоинъ имъ творити ихъ ради безчинія и скверныхъ дѣлъ». Но изъ другого источника мы знаемъ, что и въ это время, какъ во времена митрр. Кипріана и Фотія ¹⁾, были вдовы священники, которые, сохранивъ священство, вступали во второй бракъ. Этотъ второй источникъ, — житіе преп. Іоанниса Волоколамскаго, написанное неизвѣстнымъ, ничего даже не говорить о священикахъ, державшихъ наложницъ, а единственно только о священикахъ, вступавшихъ во второй бракъ. О соборѣ 1503-го года въ житіи читается: «и паки стече пѣсть епископомъ и иже о нихъ презвитерства: иѣкоимъ бо священнимъ мужемъ отъ препростія, повиегда умрети по закону женамъ ихъ, во второму симъ безъ сомнѣнія приходити браку, священства же и по второбрачіи не отричющимся, еже церкви неоправдано сіе и не удобрено иещевашеся» ²⁾). Эта исключительная рѣчь только о священикахъ второбрачныхъ наводитъ на мысль, что и соборъ разумѣеть подъ наложницами не только наложницъ въ собственномъ смыслѣ, но и вторыхъ закониахъ, т. е. беззаконно-закониахъ, женъ.

¹⁾ О временахъ сихъ митрополитовъ см. въ Памятни. *Навл. coll.* 231 fin., 430 и 433.

²⁾ Изд. *Невостр.* стр. 36 fin..

Противъ постановлениі собора о вдовыхъ священникахъ написалъ протестъ одинъ изъ этихъ постѣдникъ священниковъ, именемъ—ростовскій священникъ Георгій Скрипица. Церковная власть со временемъ св. Петра, вмѣстѣ съ самымъ обществомъ (Псковичи), не видѣла иного средства избавиться отъ соблазна, который причиняло своей жизнью большинство вдовыхъ священниковъ, кроме того, чтобы всѣмъ безъ изыятія симъ священникамъ запрещать служеніе въ міру. Но это противукаоническое средство, имѣвшее въ виду общее благо церкви, приносило въ жертву постѣднему отдельныхъ людей, ибо не всѣ безъ изыятія вдовы священники были порочны. Противъ несостоительности постановлениія соборнаго съ этой его стороны, противъ его несправедливости и жестокости къ невиннымъ вдовымъ священникамъ изъза виновныхъ, энергически и протестуетъ Георгій Скрипица. Запрещая всѣмъ вдовымъ священникамъ служеніе въ міру соборъ лишаетъ священства тѣхъ вдовыхъ священниковъ, которые живутъ чисто, за то только, что Господь постыдилъ ихъ несчастіемъ,—отнявъ у нихъ живъ: всю несообразность и несправедливость карать людей за одно это и старается представить Скрипица, не боязійся воскликнуть: «что сего немилосердѣ и жестокосердѣ!» Указывая епископамъ на то, что они учивили свое постановлениѣ вопреки канонамъ всѣхъ седми вселенскихъ соборовъ, Скрипица говоритъ имъ: «дерзнули есте сотворити дѣло велико, каково не бывало, какъ и стала православиа вѣра!» Подвергаетъ онъ своей критикѣ постановлениѣ собора и съ той его стороны, что вдовы священницы, оставаясь въ міру, лишаются священства, а если пострижется въ монахи, то сохраняетъ его и можетъ священствовать не только въ монастыряхъ, но—какъ допускатъ тогдашний обычай—и въ тѣхъ же приходскихъ церквяхъ. На оправданіе епископовъ, что постановлениѣ сдѣлано для блага церкви, Скрипица отвѣчаетъ имъ укоризною, что въ плохой жизни большинства вдовыхъ священниковъ виновны они сами съ своимъ нерадивымъ дозираніемъ подвѣдомаго имъ духовенства. «А что глаголете, господа мои,—говорить онъ епископамъ: мы то сотворили—тѣхъ отлучили благочестія дѣла, очищая церковь, что посы въ жонъ мѣсто валожницы держать, ино, господа мои, разсудите, отъ кого то зло стало въ нашей земли? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небреженія, что злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Господа—священническіи! Благословио (падлежащимъ образомъ) ии сами ии священники избранными не до-зираете священниковъ, а во грады и въ села не посылаете опытовати, како кто насеть церковь Божію: назираете священниковъ по царскому чину земнаго царя—боляры и дворецкими, недѣльщиками, тіуны и довод-

чики своихъ дѣля прибытковъ, а не по достоянію святительскому; апостолъ глаголеть: служацій олтарю со олтаремъ содѣляются ¹⁾), и вамъ бы, господиѣ нашей, достоинъ пасти церкви священники богоизбранными, а не мірскимъ воинствомъ». Скрипница оканчиваетъ свой протестъ моленіемъ къ священноначальникамъ, чтобы они сотворили любовь и смирились съ чистыми вдовыми священниками и діаконами, вражду которыхъ они возбудили противъ себя своимъ несправедливымъ постановлениемъ, и чтобы, изыскавъ ихъ и благословивъ служить, отлучали отъ священства Божімъ судомъ и запрещеніемъ нечестивъ и законопреступныхъ. Протестъ Скрипницы вообще очень смѣль и очень Ѣдокъ; по онъ быть бы еще несравненно болѣе Ѣдокъ, если бы протестующій въ такой же степени обладалъ способностію литературного изложенія, въ какой онъ обладаетъ талантомъ критики, хотя впрочемъ обѣ изложенія и нельзя сказать, чтобы оно было совершенно неудовлетворительно ²⁾.

Вмѣстѣ съ протестомъ Скрипницы противъ постановленія собора о вдовыхъ священникахъ имѣемъ мы и нарочитое списаніе или записку въ защиту нашего постановленія. Списаніе принадлежитъ прец. Іосифу Волоколамскому и, не будучи встрѣчаемо въ отдельномъ видѣ между его сочиненіями, читается внесеннымъ въ дѣянія собора 1551-го года или такъ называемый Стоглавникъ ³⁾. Что побудило Іосифа писать въ защиту постановленія собора, остается неизвѣстнымъ: можетъ быть именно онъ главнымъ образомъ подалъ мысль собору сдѣлать постановленіе, и поэтому считать нужнымъ оправдать себя; но можетъ быть было и такъ, что митрополитъ поручилъ ему составить защитительную записку, какъ человѣку, наиболѣе къ тому способному. Служить ли списаніе Іосифа именно отвѣтомъ Скрипциѣ, этого также не видно. Давая знать, что постановленіе собора возбудило ропотъ въ обществѣ,— а это ропотъ, припомнишь примѣръ митр. Феодосія, необходимо пред-

¹⁾ Сдѣляются—сдѣляются, дѣлятся, *συμφέρουται*: 1 Корино. 9, 13.

²⁾ Протестъ Скрипницы, имѣющій заглавіе: «Написаніе вдоваго иона Георгія Скрипницы изъ Ростова града о вѣдѣствующихъ поинѣхъ» напечатанъ въ Чг. общ. Ист. и Древн. 1848-го года № 6, Смѣсь. Обыкновенно принимается, что Скрипница подалъ свой протестъ самому собору: но этого ни откуда не видно и само по себѣ это вовсе невѣроятно: онъ представляется собою просто литературное произведеніе, написанное противъ опредѣленія собора (и въ немъ самомъ говорится обѣ опредѣленіе, какъ уже состоявшемся, хотя и не съ совершенной ясностью, что состоявшимъ иѣкоторое время тому назадъ).

³⁾ Гд. 79, Казанс. изд. стр. 349.

полагать,—онъ говорить, что отвѣчаетъ многимъ порицающимъ принятую противъ вдовыхъ священниковъ мѣру. Преп. Іосифъ илл тѣ, кто поручилъ ему составить записку, не особенно заботились защищаться противъ укоризны собору, что, запретивъ служение въ міру всѣмъ вдовымъ священникамъ, онъ поступилъ несправедливо и жестоко по отношению къ чистымъ между послѣдними; но они желали оправдаться отъ того обвиненія, что соборъ поступилъ вопреки каноновъ или правилъ церковныхъ. Оправданіе противъ этого послѣдняго обвиненія и составляетъ главную и собственную цѣль записи Иосифа. Такъ какъ соборъ дѣйствительно поступилъ вопреки каноновъ, то разумѣется, что и Иосифъ, несмотря на все свое искусство доказывать, не могъ доказать, чтобы дважды два было не четыре, а пять. Но его попытка оправдать соборъ представляетъ собою иѣчто очень замѣчательное въ своемъ особомъ родѣ. На укоризну послѣднему, что онъ поступилъ несправедливо и жестоко по отношению къ вдовымъ священникамъ чистымъ Иосифъ отвѣчаетъ кратко, что иначе «немощно злое то прелюбодѣйство искоренити». За тѣмъ, его отвѣтъ на обвиненіе собору, что этотъ поступилъ вопреки каноновъ церковныхъ, состоять въ слѣдующемъ: онъ высказываетъ положеніе, что «мнози святіи отцы изъ правилъ апостольскихъ и отеческихъ оставили, что есть на предѣ церкви и на соблажненіе христіанству»; подтвердивъ это свое положеніе указаніемъ многочисленныхъ примѣровъ того, что позднѣйшіе соборы отмѣнили нестаконовленія стѣлланія соборами, болѣе ранними, онъ выводить отсюда заключеніе, что священныхъ канонъ соблюдение состоится въ томъ, чтобы сохранять догматы вѣры. Такимъ образомъ, отвѣтъ преп. Иосифа, совершенно прямо имъ не высказываемый, состоится въ томъ, будто частная церкви имѣютъ право отмѣнять каноны соборовъ, относящіяся не къ догматамъ вѣры, а къ благоустройству жизни церковной. Нынѣ словами сказать: человѣкъ консервативнейший, каковъ Иосифъ, изъ желанія оправдать соборъ, впадаетъ въ самый крайний радикализмъ! Огношеніе соборовъ болѣе позднихъ къ соборамъ болѣе раннимъ и отношение частныхъ церквей къ канонамъ соборовъ, утвержденнымъ вселенскою церковью, суть двѣ вещи совершиенно разныя. Для своей цѣли Иосифъ не затрудняется отождествить эти двѣ совершенно разныя вещи, и вѣтъ—получается имъ то, что желательно ему получить. Очень многіе консерваторы поступаютъ такимъ образомъ, что для нихъ не существуетъ противорѣчій и что все то для нихъ хорошо, чтобъ въ данную минуту ихъ доказывается: въ нашемъ случаѣ преп. Иосифъ является принадлежащимъ именно къ числу этихъ консерваторовъ...

На соборѣ 1503-го года, какъ мы сказали, былъ поднимаемъ вопросъ объ отобраниіи у монастырей недвижимыхъ имѣній или вотчинъ.

Неожиданный для насъ вопросъ возбужденъ былъ на соборѣ не со стороны власти государственной и не въ интересахъ государства, а представителями монашества и именно въ интересахъ монашеской жизни. Его возбудили присутствовавшіе на соборѣ старцы Иоаннъ Ярославовъ и преп. Нилъ Сорскій, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали выше.

Иоаннъ Ярославовъ былъ постриженникъ пеизвѣстно какого монастыря изъ такъ называвшихся тогда монастырей заволжскихъ. Заволжемъ, о чмъ замѣчали мы выше, называлось тогда Бѣлозерье, какъ приходившее отъ Москвы за Волгой, а монастырями заволжскими назывались монастыри Кирилловъ Бѣлозерскій и Ферапонтовъ, основанные одновременно и неподалеку одинъ отъ другого въ концѣ XIV вѣка преподобными Кирилломъ и Ферапонтомъ, и съ этими двумя большими монастырями малые монастыри и пустыни, находившіеся въ ихъ окружности между озерами Бѣлымъ и Кубенскимъ¹⁾. Въ 1479-мъ году вел. кн. Иванъ Васильевичъ заставилъ было Иоаннѣю взять на себя игуменство, въ Троицкомъ Сергиевомъ монастырѣ; но онъ находился на игуменствѣ весьма не долго и въ 1482-мъ году увидѣть себя вынужденнымъ удалиться съ него, о чмъ лѣтошись сообщасть: «прииуди его (Иоаннѣю) князь великий у Троицы въ Сергиевѣ монастырѣ игуменомъ быти, и не може чернцовъ превратити на Божій путь—на молитву и на постъ и на воздержаніе, и хотѣша его убити, баху бо тамо бояре и князи постригшиенъ, не хотяху повинутися, и остави игуменство»²⁾. Въ 1484-мъ году, какъ мы говорили выше, великий князь хотѣль было поставить его въ митрополиты на мѣсто Героція. Преп. Нилъ Сорскій, ученикъ Иоаннѣя, получившій свое прозваніе отъ своего монастырка или скита, который онъ поставилъ на рѣкѣ Сорѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Кириллова монастыря, былъ постриженникъ этого послѣдняго. Опь путешествовалъ на Востокъ—въ страны

¹⁾ Статья «О сочетаніи второго брака великаго князя Василія Ивановича всея Русіи», усвоемая ея надписаніемъ Иоаннѣю, старцу Ферапонтова монастыря, если дѣйствительно принадлежить Иоаннѣю, то не нашему, а другому, позднѣшему.—Кирилловъ монастырь находится въ настоящее время въ уѣздномъ городѣ новгородской губерніи Кирилловѣ, получившемъ свое название отъ него—монастыри, а Ферапонтовъ монастырь, пынѣ не существующій, находился въ 14 верстахъ къ сѣверу отъ Кириллова.

²⁾ Софійск. 2-я лѣт. подъ 1484-мъ годомъ въ Собр. лѣтт. VI, 236.

цареградскія, на Аeonѣ возлюбилъ образъ монашеской жизни таѣтъ пазываемый скитскій и видъ монашескаго подвигничества, называвшійся умніемъ дѣланіемъ, и былъ у насъ въ Россіи пасадителемъ этого образа жизни и этого вида подвигничества, о чёмъ обстоятельно скажемъ ниже. Оба старца, учитель и ученикъ, пользовались глубокимъ уваженіемъ великаго князя Ивана Васильевича и были у него, какъ говорятъ современныя свидѣтельства, въ чести велицѣ¹⁾). Они-то двое и возводили на соборѣ вопросъ объ отобраниіи вотчинъ у монастырей.

Взгляды Панція и Нила на неприличie монахамъ владѣть вотчинами ведутъ свое начало отъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, который, основавъ свой монастырь въ 1397-мъ году, скончался въ 1427-мъ году. По истинной идеѣ монашества монахи должны кормить себя трудами рукъ своихъ (и даже стараться о томъ, чтобы, по мѣру своихъ силъ, благотворить отъ сихъ трудовъ мірянамъ). Эта истинная идея монашества никогда не умирала между монахами въ Греціи и, бывъ перенесена къ намъ въ Россію, никогда не умирала совершенно и у насъ. Мы говорили прежде, что преп. Феодосій Печерскій, хотя принималъ отъ усердствовавшихъ мірянъ приложеніе его монастырю недвижимыхъ имѣній, но былъ противъ такого обезспеченія монастыря въ своихъ мысляхъ, и что если онъ дѣлалъ въ семъ случаѣ не такъ, какъ думать и желать, то потому, что видѣть себя вынужденнымъ уступить маловѣрію и малодушію собрашаго имъ въ свой монастырь братства монаховъ²⁾). Преп. Кирилль Бѣлозерскій представлялъ изъ себя въ этомъ отношеніи второго Феодосія: онъ принималъ дѣлавшіеся монастырю вклады вотчинъ и куплею пріобрѣталь постѣднія, и также былъ въ мысляхъ своихъ противъ вотчиновладѣнія монастырей. Послѣ Кирилла продолжали смотрѣть на вотчиновладѣніе его глазами и нѣкоторые изъ его учениковъ, и этотъ его взглядъ на вотчиновладѣніе оставался и сохранялся въ его монастырѣ до времени Панція и Нила³⁾.

¹⁾ Писмо о причинахъ нелюбія между старцами Кирилловомъ и Іосифомъ монастырей, напечатанное въ Прибавл. къ творр. сев. отц. ч. 10, стр. 505. Въ 1479-мъ году Панцій вмѣстѣ съ ростовскимъ архіепископомъ Вассианомъ крестилъ въ Троицкомъ монастырѣ сына великаго князя и будущаго преемника Василія. А въ 1480-мъ году, подобно Вассиану, писалъ великому князю посланіе на Угру.

²⁾ I т. 2-я полов., стр. 596.

³⁾ Въ житіи преп. Кирилла Бѣлозерскаго, напечатанномъ Нахоміемъ Сербиномъ между 1462-мъ—1470-мъ годами, утверждается, будто Кирилль не только въ мысляхъ своихъ былъ противъ вотчиновладѣнія, но и на самомъ дѣлѣ не хотѣлъ допускать, чтобы его монастырь владѣть вотчинами. Такъ какъ это послѣднее—

И вотъ они двое, не знаемъ—учитель ли дѣйствующія въ семъ случаѣ на ученика или наоборотъ—ученикъ на учителя, и одушевились рѣшимостію на то, чтобы, не уступая малодушію людей, а ополчившись на него войною, попытаться осуществить на дѣлѣ то, что Кириллъ имѣлъ только въ своихъ мысляхъ, и именно—осуществить въ приложении ко всему русскому монашеству, иначе сказать—одушевились рѣшимостію на то, чтобы, предпринявъ попытку совершить великое преобразованіе нашего русского монашества, возвратить его къ первоначальной и настоящей идѣи монашества. Въ ихъ время всѣ печальныя послѣдствія вотчиновладѣнія монастырей по отношенію къ монашеству какъ къ таковому или какъ къ подвигу успѣли обнаружиться во всемъ своемъ ярко-прискорбномъ блескѣ: монахами обуяла страсть пріобрѣтенія сель и деревень и они только о томъ и помышляли, чтобы со всевозможнымъ ласкателствомъ выиращивать ихъ у богатыхъ людей; приравнившись къ обыкновеннымъ вотчинникамъ, заботившимся единственно объ извлеченіи изъ своихъ вотчинъ возможно большихъ доходовъ, они эксплоатировали крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ, нисколько не милосердѣе мірскихъ вотчиновладѣльцевъ; пріобрѣтии наклонность не уступать своего, а захватывать чужое, они только и знали таскаться по судамъ, чтобы таскаться и судиться съ сѣдѣями о межахъ и о границахъ. Этимъ-то крайне печальнѣмъ зрѣлищемъ, при чёмъ монашество, какъ совершенное отреченіе отъ міра и отъ всего, что въ мірѣ, обращалось въ такой величайший посмѣхъ, и возбуждены были исключительные люди, каковы были Паисій и Нилъ, къ ихъ рѣшимости возымѣть голосъ противъ вотчиновладѣнія. Первый изъ нихъ не оставилъ писаній, въ которыхъ бы выразилъ, до какой степени былъ онъ противъ вотчиновладѣнія монастырей; но второй былъ противъ него до самой глубины души и говорить о немъ, какъ объ ядѣ монашества смертоносномъ, утверждая, что монашеская жизнь, иѣкогда превождѣнная, благодаря вотчиновладѣнію стала жизнью мерзостною ¹⁾.

неправда, вбо докumentальнымъ образомъ известно, что Кириллъ принималъ вклады вотчинъ и покупкою пріобрѣгалъ ихъ: то и слѣдуетъ думать, что ученики Кирилловы, со словъ которыхъ писалъ Паисій, превращаются въ дѣйствительный фактъ то, что было только въ мысляхъ Кирилла. Что взглянуть Кирилла на вотчиновладѣніе оставался въ его монастырѣ между иѣкоторыми его учениками до времени Паисія и Нила, объ этомъ свидѣтельствуетъ именно житіе Кирилла Паисіево.

¹⁾ Иредаціе о жалѣтельствѣ скитскомъ и «о монахахъ, кружающихъ стяжаній ради» (выпѣска изъ послѣдняго у Павлова въ Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 64 прил.).

На соборѣ 1503-го года, когда кончены были рѣчи и было сдѣлано постановление о вдовыхъ священикахъ и діаконахъ, преп. Нилъ, поддерживаемый Пасиємъ и имъ на своей сторонѣ кромѣ него и другихъ, присутствовавшихъ тутъ же, бѣлозерскихъ пустынниковъ, и выступилъ съ своимъ предложеніемъ о преобразованіи нашего монашества. Указывая на то, чѣмъ монашество должно быть и чтѣ оно есть, онъ началъ говорить, чтобы у монастырей не было вотчинъ, населенныхъ крестьянами, чтобы монахи жили трудами рукъ своихъ, занимаясь или рукодѣліями или собственной обработкой земли, и чтобы въ случаѣ недостаточности этихъ способовъ содержанія, по какимъ либо винамъ благословнымъ, прибѣгали къ благотворительности усердствующихъ, взимая мало милостины отъ христолюбцевъ—нужная, а не излишняя¹⁾). Мы не знаемъ, до какой степени преп. Нилъ обладалъ ораторскимъ талантомъ; очень можетъ быть, что предложеніе было сдѣлано имъ съ величайшею убѣдительностью,—что онъ говорилъ о томъ, чѣмъ должно быть монашество и что оно есть, съ силою необыкновенною... Но мечта двухъ пустынниковъ радикально преобразовать наше монашество, возвративъ его къ первоначальному его идеалу, была черезъ чуръ отважною мечтой... Противъ предложенія Нилова рѣшительнымъ образомъ быть весь соборъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что—не будь невидимымъ слушателемъ рѣчей о предметѣ самъ великий князь, о чёмъ ниже,—не только не было бы дано надлежащаго отвѣта на предложеніе, но и оно само не было бы выслушано, а просто устранито. Но сейчасъ указанной необходимости дать отвѣть, специальнymъ отвѣтчикомъ Нилу былъ выставленъ соборомъ преп. Іосифъ Волоколамскій²⁾). Преп. Іосифъ, такъ же какъ Пасій и Нилъ, былъ горя-

¹⁾) Современій свидѣтель, сообщающій намъ о предложеніи преп. Нила собору,—авторъ указанного выше письма о причинахъ нелюбія, івід. стр. 505, говоритъ, что «егда совершился соборъ о вдовыхъ понѣхъ и діаконѣхъ, нача старецъ Нилъ глаголати, чтобы у монастырей сель не было, а жили бы чернины по пустыніямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ». Но преп. Нилъ былъ только противъ вотчиновладѣнія, а не за то, чтобы все монахи жили по скитски, какъ жилъ онъ самъ и въ каковомъ значеніи нужно понимать въ данномъ случаѣ слово «пустынія». Чѣдолженъ былъ предлагать Нилъ собору и чѣмъ онъ долженъ былъ мотивировать свое предложеніе, это мы указываемъ на основаніи читаемаго о монашеской жизни въ его Преданії о жительствѣ скитскомъ и вообще на основаніи того, что известно объ его мысляхъ касательно предмета.

²⁾) Безыменный авторъ житія преп. Іосифа увѣряетъ, что послѣдній удалился съ собора прежде чѣмъ сдѣлано было Ниломъ его предложеніе и что по сему

чимъ ревнителемъ истинаго монашества, по въ вопросѣ о монашеской нестяжательности онъ расходился съ ними и понималъ эту послѣднюю въ другой формѣ, низшей и такъ сказать вторичной противъ той, въ которой понимали ее они. Истинная монашеская нестяжательность состоять въ томъ, чтобы монахи, отрекшись отъ всего, что было у нихъ въ мірѣ и не пріемля отъ міра никакихъ стяженій послѣ отречения, содержали себя трудами руку своихъ. Но такъ какъ этотъ видъ собственной нестяжательности очень тяжесть, то изобрѣтенъ былъ другой видъ нестяжательности несобственной. Монастырь можетъ быть стяжателемъ и можетъ быть обезпечить въ средствахъ содержанія недвижимыми, дающими доходъ, имѣніями; но монахи монастыря должны быть нестяжателями: въ немъ должно быть строгое общежитіе, такъ чтобы никакой монахъ не имѣть совершино ничего своего и все получать изъ монастырской казны и чтобы при этомъ въ отношеніи къ получаемому всѣ монахи были совершино равны отъ первого и до послѣдняго. Этой нестяжательности общежительной, но въ монастыряхъ обезнеченныхъ относительно средствъ своего содержанія готовыми доходами, и быть Іосифъ горячимъ ревнителемъ. Относительно того, что отвѣчалъ Іосифъ на предложеніе Иила, мы имѣемъ два свидѣтельства. По словамъ сказателя современнаго, онъ, во-первыхъ, указалъ па примеръ Оеодосія Великаго, общаго житія начальника, Аѳанасія Аѳонскаго, Антонія и Оеодосія Печерскихъ и на другіе многіе примѣры, изъ которыхъ видно, что древніе святые отцы владѣли селами,—во-вторыхъ, сдѣлать такое представление: «аще у монастырей сель не будетъ, како честному и благородному человѣку пострчися? И аще не будетъ честныхъ старцевъ, отколѣ взяти на митрополию или архиепископа или епископа и па всякия честныя власти? А коли не будетъ честныхъ старцовъ и благородныхъ, ино вѣрѣ будетъ шоколебаніе¹⁾.» По словамъ сказателя позднѣйшаго, отвѣтъ Іосифа состоять въ слѣдующемъ: многіе русскіе монастыри основаны въ началѣ христіанства въ Россіи епископами и князьями съ тою цѣллю, чтобы въ храмахъ монастырей совершилась божественная служба по ихъ душахъ, а такъ какъ па поддержаніе храмовъ, па совершение службы и па содержаніе служащихъ потребны средства, то они и обезпечили мона-

---

случаю онъ слова быть вызванъ въ Москву, изд. *Невостр.* стр. 39. Можетъ быть, это было и дѣйствительно такъ; но датъ показанію совершенной вѣры мы не имѣемъ расположения (намѣренно выжидать удаленія Іосифова было напрасно, ибо возвратиться ему, по близости его монастыря отъ Москвы, ничего не стоило).

¹⁾ Письмо о прачиваніи велюбія. *ibid.* стр. 505.

стыри вкладами сель и прочихъ имѣній; кромѣ сего, ьтиторы монастырей, обогащая ихъ этими вкладами, имѣли въ виду и то, чтобы монахи, сами сообразно своимъ обѣтамъ терпя скудость и пріобрѣтая себѣ хлѣбъ собственными трудами, употребляли богатства монастырей на благотворенія мірянамъ, требующимъ сихъ послѣднихъ, а что если иѣкоторые монахи, поддавшись недугу лихомиства, не поступаютъ такъ, какъ должно, то изъ-за иѣкоторыхъ несправедливо отнимать недвижимыя имѣнія у всѣхъ¹⁾). Чтобы передаваемое вторымъ сказателемъ все сполна принадлежало Іосифу, въ этомъ можно сомнѣваться. Высокій отеческій взглядъ на богатства монастырей, какъ на средство благотворенія пуждающимся мірянамъ, могъ быть его собственнымъ взглядомъ; но чтобы опь совершиенно вопреки дѣйствительности рѣшился утверждать, будто такъ именно и поступаетъ большинство русскихъ монаховъ, это не совсѣмъ вѣроятно. Что касается до представленія Іосифа, что «аще у монастырей сель не будетъ, како благородному человѣку постричися» и пр., то онъ хочетъ сказать: въ митрополиты, епископы, архимандриты и игумены ставятся монахи, постригшіеся изъ благородныхъ людей, какъ обладающіе болѣшимъ или меньшимъ образованіемъ, а не изъ простолюдиновъ, которые низвѣжественны; но если у монастырей не будетъ имѣній, дающихъ доходы и монахи принуждены будутъ пріобрѣтать средства содержанія своими трудами, то какъ постричися благородному человѣку? Это оригинальное представленіе Іосифа, которое совершиенно напрасно называютъ «по тому времени въ высшей степени практическимъ», дѣйствительно было очень убѣдительно какъ доказательство ad hominem. Несомнѣнно, что стали бы стричься въ монахи благородные люди и въ томъ случаѣ, если бы монастыри перестали имѣть села, и люди лучшіе чѣмъ прежде, но для тѣхъ, кто обладалъ способностью видѣть только то, что было и не обладалъ способностью представлять себѣ того, что могло бы быть, дѣйствительно существовало казаться невѣроятнымъ, чтобы благородные люди стали стричься въ монахи для собственноручного труда.

Нилу и Пансию дано быть отвѣтъ, тотъ или другой. Но главную заботу собора долженъ быть составлять не этотъ отвѣтъ, а то, что за цустыниками-несяжателями, желавшими преобразовать наше монашество, стоять самъ великий князь съ своими собственными разсчетами и видами. Нилъ и Пансий желали, чтобы монахи перестали владѣть вотчинами, потому что при семъ вотчиновладѣніи являлось суетнымъ ихъ

¹⁾ Житіе препод. Іосифа, принадлежащее неизвѣстному, изд. *Невостр.* стр. 40 sqq.

отреченье отъ міра или что монашество переставало быть настоящимъ монашествомъ. Для великаго князя исполненіе желанія Нилова и Наисіева представляло необыкновенно большую важность съ точки зрѣнія интересовъ государственныхъ и съ точки зрѣнія интересовъ его личныхъ. Во-первыхъ, при Иванѣ Васильевичѣ III до такой степени развилась такъ называемая помѣстная служба, состоявшая въ томъ, чтобы служилые люди получали отъ государя во временное пользованіе земельные, населенные или не населенные крестьянами, участки, что при немъ оказалась очень большая нужда въ земляхъ, которая бы могли быть употребляемы съ сею цѣлію; во-вторыхъ, Иванъ Васильевичъ III былъ такой государь, у которого наклонность къ своему собственному, личному, обогащению составляла одну изъ господствующихъ страстей. Предложеніе Наисія и Нила, если бы оно осуществилось, доставило бы великому князю обильное количество земель, которыя онъ могъ раздавать въ помѣстья, а съ другой стороны—весьма содѣйствовало бы и его собственному обогащению, давъ ему возможность то или другое количество полученныхъ земель обратить въ села дворцовыя. Если бы случилось такъ, что монастыри отказались отъ владѣнія вотчинами, то едва ли бы все досталось государству и государю: боярскіе роды, прилагавши монастырямъ вотчины, конечно, изъявили бы притязаніе на то, чтобы въ нашемъ случаѣ получить свои вотчины обратно въ свою собственность; но и послѣ сего на долю государства и государя осталось бы весьма не малое. Но обѣимъ указаннымъ причинамъ Иванъ Васильевичъ и отнесся къ мысли Наисія и Нила о не-приличіи монастырямъ владѣть вотчинами съ своимъ величайшимъ сочувствіемъ. Нѣкоторые паніи изслѣдователи думаютъ, что одновременно съ тѣмъ, какъ у Наисія и Нила созрѣла ихъ мысль объ этомъ неувѣличіи монастырямъ владѣть вотчинами, у великаго князя въ свою очередь созрѣла мысль о секуляризаціи церковныхъ имѣній, именно—о секуляризаціи имѣній, принадлежавшихъ не только монастырямъ, но и епископскимъ кафедрамъ и вообще церкви и духовенству, и что онъ собственно не примкнулъ или не присталъ къ мысли Наисія и Нила, а воспользовался ими съ ихъ мыслью, чтобы заявить собору свою собственную мысль. Мы съ своей стороны не находимъ вѣроятнымъ думать такимъ образомъ. Исключительные люди въ средѣ нашего монашества могли во имя этого послѣдняго требовать въ началѣ XVI вѣка, чтобы монастыри отказались отъ владѣнія вотчинами: въ этомъ не было ничего слишкомъ необыкновенного, ибо мысль о противорѣчіи подобного владѣнія идеѣ монашества никогда совсѣмъ не умирала между монахами съ того времени, какъ оно началось. Но чтобы наша

государственная власть въ томъ же началѣ XVI вѣка, въ лицѣ Ивана Васильевича, сознала свое право во имя государственного блага произвести секуляризацию недвижимыхъ имѣний церкви, это не представляется намъ вѣроятнымъ. Сознаніе подобныхъ чрезвычайной важности правъ не возникаетъ сразу, а болѣе или менѣе медленно выростаетъ; между тѣмъ до Ивана Васильевича мы не видимъ никакихъ признавковъ пробужденія этого сознанія. Но отношенію къ своимъ предшественникамъ онъ запялъ высшее положеніе, твердо сознавъ себя *de facto* царемъ и преемникомъ царей греческихъ; но изъ этого ничего не слѣдовало по отношенію къ мысли о секуляризаціи церковныхъ имѣний или паоборотъ слѣдовало то, чтобы онъ сознавалъ себя нарочито обязанннымъ хранить законы царей греческихъ, которыми утверждалось за церковю право владѣть недвижимыми имѣніями. Думаютъ, что въ умѣ Ивана Васильевича созрѣла мысль о секуляризаціи недвижимыхъ имѣний церкви, т. е. имѣний принадлежавшихъ какъ монастырямъ, такъ и епископскимъ кафедрамъ, на томъ основаніи, что, во первыхъ, постѣ окончательного покоренія Новгорода въ 1478-мъ году онъ въ два приема,—при самомъ покореніи и потомъ въ 1500-мъ году, взять себѣ значительное количество вотчинъ у новгородской архиепископской кафедры и у новгородскихъ монастырей, и что, во вторыхъ, нашъ соборъ 1503-го года въ своемъ отвѣтѣ государю по поводу предложенія Пантелейона и Нилова, о которомъ сейчасъ ниже, говорить о вотчинахъ не однихъ только монастырскихъ, но и святительскихъ или архіерейскихъ. Но какъ одно, такъ и другое сейчасъ указанное можетъ быть объяснено и безъ нѣвѣроятнаго само по себѣ предположенія, чтобы Иванъ Васильевичъ имѣлъ собственную мысль о секуляризаціи церковныхъ имѣний. Въ Новгородѣ по причинѣ тѣсной связи, которая существовала здѣсь между церковю и государствомъ, первая давно считалась обязающою помогать нуждамъ послѣдняго какъ своимъ собственнымъ; Иванъ Васильевичъ, покоривъ Новгородъ, потребовалъ себѣ у Новгородцевъ земель, потому что, какъ онъ говорилъ—«шамъ великимъ княземъ государство свое держати на отчинѣ Великомъ Новгородѣ безъ того нельзя»¹⁾, т. е. что онъ нуждался въ земляхъ для раздачи ихъ въ помѣстья имѣющимъ служить въ Новгородѣ своимъ служилымъ людямъ; и Новгородцы, какъ прежде распорижались казной своихъ владыкъ, такъ теперь предложили великому князю земли вла-

¹⁾ Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 216 (сfr у Карамз. къ т. VI прим. 201).

дичин и монастырской. Съ своей стороны великий князь только не протестовать противъ того, что Новгородцы распоряжались землями церковными, какъ государственными; но этотъ взглядъ Новгородцевъ на отношеніе ихъ церкви къ ихъ государству соотвѣтствовалъ его интересамъ. Ставъ въ семь случаѣ на собственную точку зрѣнія Новгородцевъ, Иванъ Васильевичъ постарался обобрать ихъ архіепископскую каѳедру и ихъ монастыри, сколько могъ: въ 1478-мъ году онъ взялъ гораздо болѣе, нежели сколько ему предлагалось, и потому, въ 1500-мъ году произвелъ дополнительное обображеніе¹⁾; но уже такою была эта Иванъ Васильевичъ, чтобы извлечь свою выгоду, когда это оказалось возможнымъ, до самой послѣдней степени. Если соборъ въ своемъ отвѣтѣ великому князю говорить вмѣстѣ о вотчинахъ святительскихъ и монастырскихъ, соединяя ихъ въ одно нераздѣльное цѣлое, то онъ могъ сдѣлать это для того, чтобы вѣриѣ отстоять неприкосновенность вотчинъ монастырскихъ. Въ защиту неприкосновенности вотчинъ архіерейскихъ, соборъ могъ привести очень многое неоспоримое; но объединяя вотчины архіерейской и монастырской онъ распространять это многое и на послѣднія.

Итакъ, великий князь Иванъ Васильевичъ, побуждаемый интересами государственными и своими личными, отнесся съ величайшимъ сочувствіемъ къ намѣренію Нила и Паисія сдѣлать собору заявленіе о неприличіи монастырямъ владѣть недвижимыми имѣніями или вотчинаами. Очень можетъ быть, что, зная наперѣдъ ихъ мысли, онъ поощрилъ ихъ къ тому, чтобы они сдѣлали свое заявленіе, какъ паоборотъ весьма вѣроятно и то, что они съ своей стороны доказывали ему—государю, что онъ имѣть право взять у монастырей вотчины²⁾. Не

¹⁾ Въ 1478-мъ году великий князь взялъ десять волостей у архіепископа и по половицѣ волостей у шести наиболѣе богатыхъ вотчинахъ монастырей,—Софійск. 2-я лѣт. Ibid. Сколько взялъ въ 1500-мъ году, остается неизвѣстнымъ. Въ Никоновской лѣтописи подъ послѣднимъ годомъ,—VI, 157 fin., читается: «того же лѣта по благословенію Симона митрополита пощмаль князь великий Иванъ Васильевичъ въ Новѣгородѣ Великомъ церковные земли за себя владычии и монастырскie и раздасть дѣтимъ боярскимъ въ помѣстье». Въ Никоновской 1-й лѣтописи,—Собр. лѣтт. IV, 271 нач.: «Генваря (1500-го года) пощмаль князь великой въ Новѣгородѣ вотчина церковные и раздасть дѣтимъ боярскимъ въ помѣстье—монастыреки и церковные, по благословенію Симона митрополита».

²⁾ Свидѣтель несолько позднѣйшій, митр. Іоасафъ въ своихъ замѣчаніяхъ на постановленія Стоглаваго собора дасть знать, что великими князями были вызываемы на соборъ многие пустынники заволжские (Стогл. гл. 109), Казанск. изд.

смотри на всю пріятность мечты—послѣ отказа монастырей отъ вотчинъ получить въ свои руки такое большое количество послѣдніхъ, Иванъ Васильевичъ, конечно, очень хорошо понималъ, что мечта эта слишкомъ близка къ химерѣ. Но бываетъ, что неожиданнымъ образомъ осуществляются и самыя химерическія мечты: должно думать, что надежда, основанная на этомъ правилѣ житейской мудрости, и одушевляла Ивана Васильевича, какъ она одушевляетъ всѣхъ людей, надѣленныхъ подобно ему слишкомъ большою наклонностю пріобрѣтать и получать. Что Пансію и Нилу на ихъ заявление о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами соборъ отвѣтилъ рѣшительнымъ устраниеніемъ ихъ рѣчей, какъ несостоятельныхъ и неподобательныхъ, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. Но у великаго князя было еще средство попытаться подѣйствовать на соборъ въ желаемомъ для него смыслѣ: это—потребовать, чтобы соборъ далъ отвѣтъ на предложеніе Пансія и Нила ему самому—великому князю; средство это и попытался онъ испробовать. Кончилось тѣмъ, что надежда великаго князя и на это средство оказалась совершиенно напрасною: вопросъ шелъ о предметѣ такой величайшей важности, что у членовъ собора нашлось мужество, чтобы и ему самому съ рѣшительной твердостью отвѣтить тоже, чтѣ было отвѣчено Нилу и Пансію. Если, можетъ быть, великий князь ожидалъ и разсчитывалъ, что архіереи выдадутъ монаховъ, то онъ совершиенно ошибался. Архіереи были изъ тѣхъ же монаховъ и принимали въ сердцу интересы послѣдніхъ, какъ свои собственныe. Монахи имѣли за себя на соборѣ такого адвоката, какъ преп. Іосифъ Волоколамскій,—человѣкъ, въ высшей степени надѣленный способностью и искусствомъ убѣжденія; неѣтъ сомнѣнія, онъ успѣль доказать архіереямъ, что опасность тутъ общая и одинаковая для монаховъ и для нихъ—архіереевъ,—что по отобраниіи вотчинъ у монастырей тотчасъ же настанетъ очередь вотчинъ архіерейскихъ. И соборъ отвѣчалъ великому князю: «по божественныхъ веленіяхъ установленная святыми отцами и равноапостольными христолюбивыми царями и всеми святыми священными соборы въ греческихъ, также и въ нашихъ русскихъ, странахъ даютъ и донимѣ, святители и монастыри земли держали и держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть стяжанія, возложена и нареченна и данна Богу и не продаема ни отдаема ни емлема никимъ

стр. 429). Если это правда, то не невѣроятно думать, что—съ пѣлюю имѣть на соборѣ какъ можно болѣе голосовъ противъ вотчиновладѣнія.

никогда же въ вѣки вѣка и нерушима быти и соблюдатися, яко освященна Господеви и благопріятна и похвалина; и мы смиренніи сія ублажаемъ и похвалимъ и съдержимъ¹⁾). Замѣчательно, что великий князь не удовольствовался единократиемъ отвѣтомъ ему собора, но заставлялъ послѣдний давать себѣ этотъ отвѣтъ цѣлые три раза. Сначала былъ посланъ отъ собора къ великому князю митрополичій дьякъ Левашъ съ краткимъ отвѣтомъ, что право святителей и монастырей владѣть городами, волостями, селами и землями постолию признавалось въ христіанскомъ мірѣ отъ Константина Великаго и «до сихъ мѣсть» и что «на всѣхъ соборѣхъ святыхъ отецъ запрещено святителемъ и монастыремъ недвижимыхъ стижаній церковныхъ ни продати ни отдать и велиими клятвами о томъ утверждено»²⁾). Потомъ соборъ ходилъ къ великому князю въ полномъ своемъ составѣ и читалъ ему подробную выписку помоканническихъ и историческихъ свидѣтельствъ, которыми утверждалась неприкословенность правъ церкви на недвижимыя имѣнія³⁾). Наконецъ, въ другой разъ ходилъ отъ собора къ вели-

¹⁾ У Павлова «О секуляризациі». стр. 47.

²⁾ У Павл. ibid. 42.

³⁾ Соборъ приводить въ своей выписи слѣдующія свидѣтельства: *отъ книги Бытія*, гл. 47, где говорится, что жрецы египетскіе имѣли свои земли, неприкосновенныя для Фараона и что самъ Фараонъ платилъ имъ дань; *отъ книги Левитъ*, гл. 22 и 27, где говорится, что Евреи приносили въ даръ Богу, по заповѣди Моисея, дома и птицы, и что левиты еврейскіе имѣли города, волости и села, которые не могли быть продаваемы и отдаваемы и имѣли оставаться имъ одержаніемъ вѣчнымъ: отъ *житія равноапостольного Константина Великаго*, въ которомъ говорится, что мать Константина Елена и онъ самъ дали церквамъ содержанія ради города, села, винограды и озера и что государь крѣпко заповѣдалъ, чтобы церковныя имѣнія навсегда оставались совершенно неприкосновенными; *свидѣтельства изъ Коричней книги*: Кафлагенского собора правило 32 и 33, четвертаго собора правило 24, пятаго собора правило на обидящихъ святыхъ Божія церкви (подложное—напечатано въ Памятни. Павл., № 15), Сардинскаго собора правило 14, седьмого собора правила 12 и 18, Густиніановы правила 14, 15 и 30; *житія святыхъ*, въ которыхъ говорится о владѣніи селами: Спиридона Тримифунтскаго, Григорія Богослова, Иоанна Златоустаго, Саввы епископа и чудотворца, и *отеческія книги*: Беффедовника, Симеонъ новый богословъ; *свидѣтельства о святыхъ*, что владѣли селами: о Геласии чудотворцѣ, Анастасіи Афонской, Феодорѣ Студитѣ; *русскія свидѣтельства*: святые Антоній и Феодосій Нечерескіе. Варлаамъ Новгородскій, Діонісій и Димитрій Вологодскіе владѣли селами, также и святители—Петръ, Феогностъ и Алексій: при великихъ князьяхъ Владимира и Ярослава и при всѣхъ послѣдующихъ великихъ князьяхъ святители и монастыри держали города, волости,

кому князю дъѧль Левашъ, чтобы повторить передъ нимъ выпись свидѣтельствъ, представленную самимъ соборомъ, съ иѣкоторыми дополненіями. Какъ понимать это «тязаніе» собора великимъ княземъ, положительно сказать не можемъ. Чтобы онъ надѣялся сломить упорство членовъ собора и заставить ихъ иаконецъ отстуپиться отъ монастырскихъ вотчинъ, это — весьма невѣроятно; гораздо вѣроятнѣе, что онъ надѣялся что нибудь выторговать у собора, т. е. надѣялся, что соборъ придумасть избавиться отъ его притязаній такимъ образомъ, чтобы поклониться ему тою или другою частью монастырскихъ вотчинъ.

Привлекательная мечта Ивана Васильевича обогатить государство и самого себя на счетъ монастырей иисколько не исполнилась. Но такъ какъ и онъ самъ долженъ быть хорошо сознавать, что это была мечта слишкомъ химерическая; то онъ иисколько не обидился на тѣхъ, кто воспрепятствовалъ ея осуществлѣнію: въ отношеніи къ главѣ собора митр. Симону и въ отношеніи къ главному дѣйствовавшему на немъ лицу по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ — преп. Іосифу Волоколамскому мы видимъ его послѣ собора не только не враждующимъ, но и благоволящимъ, какъ бы совершиенно ничего непріятнаго между ними не случилось¹⁾.

сеза и земли и воды въ рыбныхъ ловляхъ. Выпись сполна напечатана у *Павлова «О секуляризациі», стр. 42 sqq.*

¹⁾ Въ Мартѣ 1504-го года великий князь далъ Симону двѣ несудимыя грамоты на его митрополичиы вотчины,—Акт. Эксп. т. I, № 139. Что касается до Іосифа, то послѣ собора 1503-го года онъ является дѣйствующимъ съ полнымъ вліяніемъ на соборѣ слѣдующаго 1504-го года.—О проклятии на обидящихъ церкви Божіи и монастыри. читаемомъ въ новгородскомъ синодикѣ (*Палл. ibid. стр. 51 нач.*), должно думать, что оно внесено не архіепископомъ Геннадіемъ послѣ 1500-го года, а ранее, бывъ направлено противъ наклонности Новгородцевъ обирать церкви и монастыри.—Въ одной синодальной рукописи читается пространное Слово (въ надписиціи названное краткимъ) «противъ тѣхъ, иже въ вещи священные, подвижные и недвижные, съборные церкви вступаются», написанное по порученію какого-то архіепископа какимъ-то жившимъ въ Россіи западнѣмъ ученымъ, въ Февралѣ мѣсяцѣ 1505-го года,—Опис. синод. ркпн. *Горск. и Невостр.* № 320. л. 196 об.. стр. 609 бп.. Считаемъ за совершенно вѣроятное принимать, что Слово написано для нашего архіепископа Геннадія тѣмъ доминиканцемъ Веніаминомъ, который перевелъ для его полной Библіи иѣкотория книги Священнаго Писания съ латинской Вульгаты (и о которомъ въ Опис. ркпн. I. 128 прим.. А касается до 1505-го года, то въ Февралѣ мѣсяцѣ сего года Геннадій былъ еще на кафедрѣ). Но очень можетъ быть, что оно написано не по поводу собора 1503-го года, а противъ тѣхъ же Новгородцевъ.

Не представляется намъ вѣроятнымъ думать, что вел. кн. Иванъ Васильевичъ совершило неожиданнымъ для него образомъ имѣть мысль о секуляризациіи недвижимыхъ имѣній церкви. Но къ его времени эти недвижимыя имѣнія церкви, представлявшія собою земли, вышедшиа изъ государствевой службы, такъ какъ они уходили въ церковь отъ вотчинниковъ, пешихъ съ нихъ государственную службу, были такъ многочисленны, что должны были наконецъ пробудиться опасенія за «убыточность» нашей службы,—и они предприняли первыя иѣкоторыя мѣры къ тому, чтобы остановить и ограничить переходъ недвижимыхъ имѣній отъ мѣрскихъ вотчинниковъ во владѣніе епископскихъ каѳедръ и монастырей. Съ сего цѣлію, не знаемъ—но слѣдѣтъ или еще собора 1503-го года, были изданы имѣ два узаконенія: 1) если вотчинники отдастъ въ монастырь землю по своей душиѣ съ тѣмъ условіемъ, что наследникамъ его предоставляется выкупить ее у монастыря по назначенній имѣ цѣнѣ, имѣющей быть прописанной въ духовной грамотѣ; то за наследниками признается право производить таковыя выкупы; 2) въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ—Твери, Микулинѣ, Торжкѣ, Оболенскѣ, Бѣлоозерѣ и Рязани, также князьямъ сузальскимъ, ярославскимъ и стародубскимъ, запрещается отдавать въ монастыри вотчины по душамъ и продавать ихъ имѣ безъ доклада государю¹⁾.

Въ правленіе митр. Симона имѣть место исключительный случай соборного изложениія съ каѳедры и отлученія одного епископа за неправое отлученіе послѣднимъ одного подвѣдомаго ему игумена и вмѣсть съ тѣмъ за возстаніе противъ приговора великаго князя; этотъ случай—изложениѣ и отлученіе архіепископа новгородского, преемника Геннадіева, Серапіона за отлученіе имѣ преп. Іосифа Волоколамскаго и за возстаніе противъ приговора вел. кн. Василія Ивановича (преемника Ивана Васильевича съ 27-го Октября 1505-го года), взявшаго Іосифовъ монастырь изъ-подъ власти удѣльного волоколамскаго князя въ свою собственную власть²⁾.

¹⁾ Оба узаконенія, неизвестныя въ подлинномъ видѣ, упоминаются въ соборномъ приговорѣ о вотчинахъ 1551-го года,—Акт. Эксп. т. I. № 227. въ Стоглавѣ по Казанск. изд. глава 101, стр. 430. При этомъ второе узаконеніе усвоется Ивану Васильевичу только иѣкоторыми синисками приговора.

²⁾ Въ нынѣшнѣющемъ изложениѣ, поскольку оно не снабжено цитатами, должны быть подразумѣваемы источниками: житіе преп. Іосифа, написанное Саввою, епископомъ крутицкимъ, изд. *Нестостр.* стр. 38 sqq, и посланіе преп. Іосифа къ Борису Васильевичу Кутузову и къ Ивану Ивановичу Третьякову,—первое въ Выѣданіи. XIV, 177, содержаніе второго въ Чтен. общ. Ист. Древн. 1847-го года, № 8. Смѣсь, въ *Хрущова* стр. 219.

Преп. Йосифъ основаъ свой монастырь, находящійся въ 18-ти верстахъ отъ Волоколамска, въ 1479-мъ году, при удѣльномъ волоколамскомъ князѣ Борисѣ Васильевичѣ, братѣ великаго князя Ивана Васильевича. Борисъ Васильевичъ бытъ усерднымъ покровителемъ и благотворителемъ монастыря. Но его сынъ Федоръ Борисовичъ принадлежать къ разряду тѣхъ князей, которые, вмѣсто того, чтобы благотворить монастырямъ, сами наоборотъ хотѣли бытъ, такъ сказать, благотворимыи отъ нихъ,—которые возлагали на монастыри своихъ областей обязанность бытъ гобзителями ихъ—князей. Онъ началь занимать у монастыря деньги, съ тѣмъ, чтобы не отдавать ихъ,—выпрашививать себѣ у монастыря цѣнныи венци, какія видѣть и про какія узнаватъ, началь требовать, чтобы для него устроены были въ монастырѣ хорошии пиры и чтобы бытъ подносиши ему отъ монастыря хорошии дары. Весьма немалочисленны были у насть въ старое время игумены, которые видѣли назначеніе богатствъ монастырскихъ въ томъ, чтобы они—игумены и роживали ихъ съ князьями и боярами, употребляя ихъ на пиры съ постѣдними и на щедреое подношеніе имъ даровъ. Но вовсе не принадлежать къ числу подобныхъ игуменовъ преп. Йосифъ Волоколамскій; не принадлежать онъ къ числу и тѣхъ людей, которые съ безмолвию покорностію судѣбѣ готовы стати предметомъ беззастѣнчівой эксплоатації другихъ: онъ самимъ энергическимъ образомъ протестовалъ противъ наклонности князя Федора Борисовича относиться къ его монастырю такъ, какъ относились къ своимъ монастырямъ иные князья и какъ онъ самъ относился къ другимъ монастырямъ своей области¹⁾. Это возбудило непримиримую непависть противъ Йосифа князя и его бояръ, такъ что для него нахоецъ стало совершенно нестерпимымъ житѣе въ своемъ монастырѣ. Тогда, сдѣлавъ неудавшіяся попытки уладиться съ княземъ, Йосифъ, на основаніи прежде бывшихъ примѣровъ, рѣшился на то, чтобы просить великаго князя Василія Ивановича—изъять его монастырь изъ-подъ власти князя волоколамскаго и принять въ свою собственную власть. Намѣреваясь сдѣлать это, онъ послать просить благословенія на сіе у своего епархиальнаго епископа, каковымъ бытъ архіепископъ новгородскій Серапіонъ²⁾; но

¹⁾ По словамъ Йосифа, Федоръ Борисовичъ, прежде чѣмъ пытаться обрать его монастырь, оббралъ уже три монастыря своей области,—посланіе къ Борису Васильевичу Кутузову.

²⁾ Серапіонъ поставленъ въ архіепископы новгородскіе въ игуменовъ Троицкихъ 15-го Ианваря 1506-го года. Но свидѣтельству житія преп. Йосифа, принадлежащаго неизвѣстному (собственю—нѣкоторыхъ спасковъ послѣдняго), на соборѣ

въ то время въ новгородской области свирѣствовала сильная моровая язва ¹), на дорогахъ въ пеे поставлены были кордоны, съ тѣмъ, чтобы никого не пропускать въ пеे, и посланный къ архіепискому монахъ долженъ быть изъ Торжка воротиться назадъ. Преп. Іосифъ послалъ въ Москву къ митрополиту бить челомъ, чтобы онъ ходатайствовалъ у великаго князя о принятіи монастыря подъ свою власть, а относительно архіепископа говорить, что будетъ просить у него прощенія въ самовольномъ вынуждениомъ поступкѣ, когда прекратится въ Новгородѣ болѣзнь. Великій князь, уважая ходатайство митрополита и—какъ должно подразумѣвать—будучи побуждаемъ своимъ величайшимъ расположевіемъ къ самому Іосифу, ибо Василій Ивановичъ питалъ къ Іосифу имінио таковое расположение, немедленно исполнилъ просьбу: въ 1507-мъ году,² по благословенію митрополита съ соборомъ и по приговору бояръ, взять монастырь подъ свою власть, а относительно архіепископа сказать посланнымъ Іосифа, что не просить ему прощеніе у первого береть на самого себя. Переиша изъ-подъ власти своего удѣльного князя подъ власть великаго князя, Іосифъ вмѣстѣ съ тѣмъ не перешелъ изъ-подъ власти архіепископа подъ власть митрополита и по прежнему остался за первымъ: его вина передъ архіепископомъ состояла въ томъ, что онъ безъ его благословенія перемѣнилъ мірскую надъ собою власть³). Но своеемъ переходѣ

1503-го года онъ былъ помощникомъ Іосифа въ веденіи защиты монастырскаго вотчиновладѣнія,—изд. *Невостр.* стр. 44 нач..

¹) Объ этой моровой язвѣ, начавшейся осенью 1505-го года и продолжавшійся три года, см. Новгопр. 3-ю и 4-ю лѣтт. въ Собр. лѣтт. III, 244, и IV, 136.

²) Годъ указывается во второй разрѣшительной грамотѣ Іосифу, о которой и цитату которой см. ниже. Но 2-й Софійской лѣтоисц., Іосифъ началь бить челомъ великому князю на Оедора Борисовича зимой 1507-го года,—Собр. лѣтт. VI, 249.

³) Что Іосифъ, перешедъ изъ-подъ власти волоколамскаго князя подъ власть великаго князя, не переходилъ изъ-подъ власти архіепископа подъ власть митрополита, это видно изъ слѣдующаго: 1) въ житіи преп. Іосифа, принадлежащемъ Савѣтѣ, епископу Крутицкому, читается, что великій князь сказалъ помянутымъ посланнымъ Іосифа относительно того, что переходъ совершился безъ благословенія архіепископа: «о семъ попеченія ни мало имѣте, игумену же Іосифу рѣте: изъ предѣла еси отъ новгородскія архіепископы не отшелъ, азъ взяхъ монастырь отъ василія удѣльного»,—изд. *Невостр.* стр. 43; 2) митр. Симонъ въ разрѣшительной (второй) грамотѣ Іосифу говорить объ его переходѣ изъ-подъ власти одного князя подъ власть другаго и ничего не говорить о переходѣ изъ подъ власти архіепископа подъ свою митрополичью власть,—цитата ниже; 3) Серапіонъ въ своей отлу-

изъ-подъ власти удѣльного волоколамского князя подъ власть великаго князя, Іосифъ, надѣясь на обѣщаніе послѣдняго испросить ему прощеніе у архіепископа и самъ будучи препятствуемъ сдѣлать это все продолжавшееся моровою язвою, замедлилъ испрошенніемъ прощенія. Медленіемъ Іосифа воспользовался князь Федоръ Борисовичъ, чтобы во-

чительной грамотѣ на Іосифа выставлять вину его то, что онъ отказался отъ своего государя въ великое государство, и вичего не говорить объ отказѣ отъ него—архіепископа, см. посланіе Іосифа къ митрополиту въ Памятникахъ старинн. русск. литерат. *Кутилева-Безбородко*, IV, 209; 4) Серапіонъ предалъ Іосифа отлученію какъ своего черпца уже черезъ два года послѣ его перехода изъ-подъ власти одного князя подъ власть другаго (совершенно ясно говорится, что въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ Іосифъ оставался подъ властью архіепископа: посланія Іосифа къ Кутузову и Третьякову); 5) въ посланіи Серапіона къ митр. Симону, которое читается въ житіи Серапіона и которое на самомъ дѣлѣ не принадлежитъ ему, а сочинено самимъ авторомъ житія, ясно представляется дѣло такимъ образомъ, что Іосифъ перешедъ въ гражданскомъ отношеніи изъ-подъ власти волоколамского князя, въ церковномъ отношеніи остался подъ властью новгородского архіепископа,—посланіе въ отдѣльномъ видѣ напечатано въ IV томѣ *Памятниковъ Кутилева-Безбородко*, см. стр. 211, col. 1 па.—2 нач.; наконецъ 6) извѣстно, что и послѣ Іосифа Волоколамскій монастырь находился подъ властью новгородскихъ архіепископовъ, см. напр. Опис. суподѣл. ркнн. *Горек*, въ *Невостр.* № 389, подпись на рукописи, написанной въ 1553-мъ году. Если князь Федоръ Борисовичъ, узнавъ о переходѣ Іосифа изъ-подъ его власти подъ власть великаго князя, доносилъ Серапіону, «яко безъ твоего вѣдома и благословенія Іосифъ монастырь отъ тебя отказалъ», какъ говорить епископъ Савва въ житіи Іосифа,—изд. *Невостр.* стр. 44: то князь или не зналъ еще дѣла точнымъ образомъ или, намѣренно увеличивая вину Іосифа въ глазахъ Серапіона, хотѣлъ возбудить болѣшій гневъ послѣдняго противъ первого. Когда лѣтописи новгородскія и псковскія говорятъ, что Іосифъ изъ архіепископіи изъ новгородской отказался съ монастыремъ въ митрополію.—Собр. лѣтт. III, 147, 184 и 247, IV, 136 и 282, VI, 24: то или по незнанію дѣла, или изъ намѣреннаго желанія увеличить вину Іосифа (при чемъ сказанное одной лѣтописью повторяется всѣми другими). или наконецъ, что представляется намъ наиболѣеѣ вѣроятнымъ, онъ такъ сказать, разумѣютъ архіепископію и митрополію съ гражданской ихъ стороны и хотятъ сказать, что Іосифъ ушелъ изъ княжества волоколамскаго, которое въ новгородской архіепископіи, и перешелъ въ великое княженіе, которое въ митрополіи (Типографская лѣтопись, разумѣя архіепископію именно съ гражданской стороны, выражается: «Іосифъ отказался изъ его,—Серапіона, архіепископы отъ князя Федора и съ монастыремъ къ великому князю бѣль его вѣдома».—стр. 352). Наконецъ, когда то же, чѣмъ лѣтописи, говорятъ авторъ житія Серапіонова, то противорѣча имъ самимъ сочиненному посланію Серапіона къ митр. Симону (см. выше), дѣлаетъ это изъ желанія увеличить вину Іосифа.

оружить противъ него Серапіона. Князь нашелъ себѣ союзника въ архимандритѣ волоколамскаго Возмицкаго монастыря Алексѣѣ Пиліевъ, который неизвѣстно намъ—за что враждовалъ противъ Иосифа ¹⁾, и вдвоемъ при посредствѣ и содѣйствіи подкупленныхъ новгородскихъ архіерейскихъ чиновниковъ ²⁾, они успѣли вооружить Серапіона противъ Иосифа, представивъ медленіе игумена, надѣявшагося на расположение къ себѣ великаго князя, презорствомъ власти его—архіепископа, до самой крайней степени. Когда кончилось въ Новгородѣ повѣтріе и сняты были кордоны съ дорогъ въ него, Иосифъ, уже знающій о гибѣ на него архіепископа, поспѣшилъ послать къ нему монаха для объясненій; но Серапіонъ не принялъ посланнаго и на глаза. Между тѣмъ великий князь, который взялся самъ извинить Иосифа у Серапіона, не сдѣлалъ этого. Впослѣдствіи государь говорилъ, что опѣ учили сіе въ забвеніе, т. е. забыть исполнить обѣщаніе; можетъ быть, это и дѣйствительно такъ, но едва ли не гораздо вѣроятнѣе, что онъ находилъ это неумѣстнымъ: въ дѣлѣ чисто земскому, которое сдѣлано было по его волѣ, испрашивая Иосифу прощеніе, онъ—великий князь оказался бы въ такомъ положеніи, что какъ бы испрашивалъ прощеніе и самому себѣ. До крайности возстановленный противъ Иосифа Серапіонъ черезъ два года постѣ его перехода изъ-подъ власти своего удѣльного князя подъ власть великаго князя выразилъ свой гнѣвъ на него тѣмъ, что произнесъ на него свое неблагословеніе и отлученіе, приславъ ему свою неблагословенную грамоту ³⁾. Монахи Иосифова монастыря, бывъ поражены столько тяжко, обрушившимся на него—Иосифа, карою, умоляли было его просить у архіепископа прощенія. Но Иосифъ былъ человѣкъ твердаго духа, не имѣвши наклонности уступать тѣмъ, гдѣ видѣлъ себя только жертвою властолюбія и интриги,

¹⁾ По житію неизвѣстнаго архіепископа Геннадія сдѣланъ Иосифъ своимъ вѣществикомъ надъ волоколамскими церквами.—стр. 47. Такъ какъ Иосифовъ монастырь былъ новый, а Возмицкій—старый или по крайней мѣрѣ старшій (Иосифъ нѣкоторое время жилъ въ немъ, будучи юношой), а во всякомъ случаѣ—архимандритія: то искала вѣроятно, что восхищеніе Иосифомъ властью, которую архимандритъ Возмицкій считалъ принадлежащею себѣ, и было причиной вражды его противъ первого.

²⁾ Главнымъ между ними Иосифъ называетъ нѣкого Кривоборскаго (великаго, какъ нужно думать, консисторекаго дѣльца).

³⁾ Въ великому постѣ 1509-го года, см. посланіе Иосифа къ митрополиту въ Намѣтникавъ Кушелева-Безбородко IV, 209. Что черезъ два года—посланія Иосифа къ Кутузову и Третьякову.

и человѣкъ хорошо знавшій каноны: его не смутило отлученіе архіепископа, а возмущило то, что этотъ произнесъ на него отлученіе, не изслѣдовавъ его винъ, которыхъ, по его сознанію, за нимъ вовсе не было. Отвѣчавъ монахамъ, что они говорить, не знаяющи божественныхъ правилъ, и что архіепископъ или епископъ аще отлучитъ не по правиломъ, самъ да отлученъ есть ¹⁾, Іосифъ подождать иѣсколько, не одумается ли архіепископъ и не сниметъ ли съ него отлученія, и послѣ напраснаго ожиданія послать съ жалобой на него къ митрополиту и великому князю ²⁾). Естественно, что великий князь долженъ былъ понять и принять поступокъ Серапіона съ Іосифомъ какъ личное тяжкое оскорблѣніе ему самому, ибо дѣло сдѣлать имению онъ. А такъ какъ Василий Ивановичъ смотрѣлъ на себя какъ уже на пастоящаго самодержца и былъ самодержцемъ до постѣдиной степени щекотливымъ къ личнымъ себѣ оскорблѣніямъ и такъ какъ еще при этомъ Серапіонъ и въ самой своей отлучительной грамотѣ Іосифу намѣренію или только неразумною крайнимъ образомъ оскорбилъ его ³⁾: то онъ—великий князь воспыпалъ противъ архіепископа самымъ страшнымъ гнѣвомъ. По его приказанію, немедленно былъ созванъ митрополитомъ соборъ и было послано за Серапіономъ въ Новгородъ, и по его же,—какъ необходимо подразумѣвать,—приказанію или равносильному съ нимъ постѣдиному настоянію—поспѣшио собравшимся соборомъ, вопреки каноновъ, снято было съ Іосифа наложеніе на него отлученіе еще до прибытія архіепископа (до выслушанія его объясненій ⁴⁾). При-

¹⁾ Это говорило 134 правило Карфагенского собора, какъ оно читалось въ Кортице Іосифова времени: еще это говоритъ 4 правило седьмаго вселенского собора.

²⁾ ПОСЛАНИЕ КЪ МИТРОПОЛИТУ СЪ НАШЕЙ ЖАЛОБОЙ ВЪ ИАМЯТИИ. *Кушелева-Безбородко*, IV, 208.

³⁾ Переходъ Іосифа изъ-подъ власти князя волоколамскаго подъ власть великаго князя Серапіонъ называется въ своей отлучительной грамотѣ, смиливавая ли свою власть съ властью князя или разумѣя то, что Іосифъ не поискавъ защиты у него—архіепископа, а обратился къ защитѣ великаго князя, отступлѣніемъ отъ небеснаго и приходомъ къ земному, и великий князь понялъ Серапіона такъ, что волоколамскаго князя онъ называлъ небеснымъ, а его—великаго князя—земнымъ (посланіе Іосифа къ Кутузову).

⁴⁾ Первая разрѣшительная грамота собора Іосифу, данная еще до прибытія Серапіона въ Москву, въ рка. Моск. Дух. Акад. изъ Волоколамск. № 535, л. 381 об.; см. о ней и выписку изъ нея у *Хрущова* стр. 214 fin.. Авторъ жатія Серапіонова въ сочиненіи имъ отъ лица архіепископа посланій къ митрополиту заставляетъ

бывъ въ Москву и явившись на соборъ, Серапионъ ничего не могъ отвѣтить о причинѣ наложеннаго имъ отлученія, кромѣ того, смѣло выражавшаго его взглядъ на архіерейскую власть, что—«азъ въ свое честіе воленъ визати и разрѣшати»; вмѣстѣ съ симъ и по отношенію къ великому князю онъ поступилъ не такъ, чтобы смиреніо просить прощенія, а чтобы отвѣтить съ стойкостью, доходившей до дерзости¹⁾,—и съ нимъ поступлено было безъ милосердія: за вину противъ Іосифа, а главнымъ образомъ за ту вину, что онъ дерзнула возстать противъ приговора великаго князя, извѣшаго монастырь послѣднаго въ свою власть, тогда какъ царское суженіе суду не подлежитъ и не пересуждается, митрополитъ съ соборомъ епископовъ произнесъ ему приговоръ: на основаніи 134-го правила Карагенскаго собора, которое говоритъ, что «необличеннаго о грѣхѣ общенія лишишь епископъ лишенъ и самъ таожде общенія къ другимъ»²⁾, извести его съ кафедры, лишить архіерейства и предать отлученію³⁾. Приго-

оворить первого: «и то, господи, вѣдомо тебѣ, что если къ тебѣ послы посылали и грамоты многія, быть есѧ человекъ, чтобы ты самъ жаловалъ, а государю великому князю началовался, чтобы велѣли на Москву быть мнѣ: въ то, господи, моего посла, зиму изволочивъ, отпустили ни съ чѣмъ»,—Памятник Кунцева-Безбородко, IV, 211. Что разумѣеть тутъ авторъ житія, не совсѣмъ ясно; но такъ какъ это словъ нельзя относить ко времени послѣ отлученія Серапиономъ Іосифа, ибо въ целикомъ постѣ 1509-го года Серапионъ отлучилъ Іосифа, а спустя три недѣли послѣ Пасхи въ томъ же году потребованъ былъ въ Москву на соборъ (Повородек. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 184; Тиногр. лѣт. стр. 352: «въ Москву изъцаѣ». а Пасха въ 1509-мъ году была 8-го Апрѣля); то, если онъ говорить правду, нужно понимать его такъ, что прежде, чѣмъ подвергать Іосифа отлученію, Серапионъ желалъ было лично привести на него жалобу митрополиту и великому князю, но что это было отстранено.

¹⁾ Онъ отвѣчалъ великому князю: «азъ тебѣ не бывъ человекъ, чтобы мя сѧ послаль въ Новгородъ архіепископъ» (Саввино житіе преп. Іосифа, стр. 48), и вообще «сварился» съ нимъ на соборѣ (посланіе Іосифа къ Кутузову).

²⁾ Такъ читается это правило въ Коричней Симонова времена по сокращенію каноновъ Аристионову (греческий подлинникъ: τὸν μὴ ἐλεγχόντα, κοινωνίας στερῆσαι ἐπίσκοπος, στερεῖται καὶ αὐτός τοῦ ἐπέρχου δρόμος,—у Раали п. II, III, 608). Въ ильинской Книгѣ прачиль по полному тексту послѣдніхъ, оно, сохранивъ тотъ же смыслъ, читается иѣсколько иначе (и есть не 134-е, а 147-е).

³⁾ Соборного приговора Серапиону мы не имѣемъ. Что касается до осужденія, то авторъ житія Серапионова въ сочиненіи имъ отъ лица архіепископа посланій къ митрополиту говоритъ: «мене грѣшнаго отъ церкви отлучили и санъ сняли»,—въ Памятнику Кунцева-Безбородко, IV, 211, бг., а Іоаннъ тѣ посланіи въ

воръ собора немедленно былъ приведенъ въ исполненіе: лишенный архіерейства и преданный отлученію Серапіонъ былъ посланъ на покаяніе въ Анидровиковъ монастырь. Что же касается до Іосифа, то соборъ вторично разрѣшилъ его отъ несправедливо наложеннаго на него отлученія¹⁾.

Наша есбора Серапіона съ Іосифомъ, окончившаяся такъ печально для архіепископа, произвела въ Москвѣ величайшее волненіе. Несомнѣнно, что Серапіонъ былъ далеко неправъ: при своихъ чрезвычайно преувеличеныхъ представленихъ объ архіерейской власти и при съемъ країне горячемъправѣ онъ допустилъ то, чтобы стать жалкой игрушкой въ рукахъ своихъ подкупленныхъ консерваторскихъ чиновниковъ²⁾; но общественное мнѣніе было решительнымъ образомъ на его

Кутузову говорить, что митрополитъ и епископы «не благословили (его) и отъ священства отлучили и изъ сана извергли», — Вивліо. XIV. 198. Что онъ осужденъ былъ на основаніи 134 правила Карабагенского собора въ главнымъ образомъ зашту противъ государя, это ясно дается знать во второй разрѣшительной грамотѣ собора Іосифа, — Акт. Ист. т. I. № 290 (съ довольно большими въ важномъ прощениемъ) и въ Вивліо. XIV, 198—201 (гдѣ она читается, какъ помѣщенная Іосифомъ въ посланіе къ Кутузову, — безъ пропуска), а первое прямо говорится въ Саввицкому житіи преп. Іосифа, — изд. Невостр. стр. 49 нач.—Въ посланіи, сочиненномъ отъ лица Серапіона митр. Симону авторомъ его житія, дается знать, что имѣтъ съ нимъ подверглись жестокій наказаніямъ отъ великаго иніяза и замѣшанные въ интригу его архіерейскіе чиновники: Памятник. Кушелева-Безбородко, IV, 211, col. 1 нач., срѣди ниже о поставлении въ архіепископы новгородскіе послѣдующаго митрополита Макарія.

¹⁾ Грамота отъ 8-го Іуля 1509-го года. см. въ Акт. Ист..

²⁾ Мы изложили дѣло главнымъ образомъ по оправдательнымъ посланіямъ самого преп. Іосифа: но чтобы Іосифъ рассказалъ фактическую сторону дѣла, этого нельзя допустить, ебо онъ писалъ къ людямъ, которые очень хорошо знали дѣло сами по себѣ. Несколько разъ ссылались мы на посланіе Серапіона къ митр. Симону, которое читается въ житіи первого и которое должно быть считаемо произведеніемъ самого автора житія. Это мнѣніе посланіе Серапіона решительнымъ образомъ служить къ тому, чтобы убѣждать въ его виновности, ибо авторъ житія, сочинившій посланіе съ цѣлью показать тяжкую виновность Іосифа предъ Серапіономъ, вовсе не доказываетъ послѣдней. «Что, гospодине, сказываете — пишетъ мнѣній Серапіонъ митрополиту, что азъ не назнаменовахъ вину прехвалальному ватшему Іосифу? Ибо ему се первая вина, что изъ моего предѣла сватыя церкви Божія Премудрости изскочилъ, яко второй Гуда изъ лика апостольска, сдался съ монастыремъ, а мнѣ того дѣла не сказалъ и своихъ обидъ ни малымъ писаніемъ къ намъ не возвѣствъ, нашего благословенія ни мала отъ насъ пріязь». Но это пер-

сторонѣ, видя въ немъ невиннаго небоязниеннаго страдальца. Кара, его постигшага, была очень жестока, и ее объясняли не его виновностью, а тѣмъ, что Іосифъ былъ любимецъ великаго князя и временный у него человѣкъ, «прехвалиный Іосифъ», какъ насыщенно выражается о немъ авторъ житія Серапіонова,—что и помимо великаго князя онъ имѣть сильныхъ покровителей ¹⁾,—что онъ былъ слишкомъ способенъ «доказывать», при чемъ совершило справедливое въ смыслѣ хорошемъ понималось въ смыслѣ дурномъ. Жестокая кара постигла Серапіона собственно и не за Іосифа, а за прогибълнаго имя государя, прогибълъя котораго по его характеру было страшно. Но этого или не знали или не хотѣли знать, обвиняя Іосифа, что онъ своею гордостію привлекъ гибель государя изъ архиепископа вмѣсто того, чтобы смиренію вымаливать у него прощенія ²⁾. Даже друзья Іосифа склоня-

---

вая вина есть и единственная, которую указываетъ Серапіонъ, а до какой степени она была тяжка, видно изъ того, что говорено памъ выше. Обвиняя Іосифа въ томъ, что онъ своимъ ложными словесы произвелъ ненависть между ними—архиепископомъ и митрополитомъ, минимъ Серапіонъ пишетъ: «самъ, господине, и вони разумно иже въ Карасатѣ святого собора правило 17 (нужно: 11): ««прозвитель, аще будеть епископомъ своимъ отлученъ отъ области той митрополиту (и) епископомъ принадати не возвращается: аще же къ тѣмъ не принадеть, не смирился, но расколъ творяй, гордяся, святыня Богови принесетъ, рѣши — паки начнетъ служити да будетъ про��ать»»: что убо онъ (Іосифъ) таковому правилу не повиненъ ли быстѣ? не расколъ ли сотвори? не гордяию ли вознес?» и пр. Между тѣмъ Іосифъ поступилъ именно такъ, какъ новеллаиваетъ правило собора (что посланіе не принадлежитъ самому Серапіону, а сочинено съ указаніемъ цѣлью авторомъ житія, ясно изъ того, что минимъ Серапіонъ говорить въ немъ то какъ находящейся еще на кафедрѣ, то какъ уже осужденной и заточенной). Чтѣ касается до автора житія, то описатель рукописей Троицкой Лавры съ весьма большоюѣ вѣроятностю предполагаетъ, что онъ есть митр. Іосаѳа, см. Описанія №№ 636 и 783). А выдача Серапіономъ фальшивой отлучительной грамоты на Алексея Нильевома для закрытія его участія въ интригѣ противъ Іосифа, чего послѣдний, конечно, не выдумываетъ (въ посланіи къ Кутузову), принадлежитъ къ разряду такихъ дѣлъ, относительно которыхъ не можетъ быть двухъ мнѣній.. Давай, хотя и не совсѣмъ полуночную вѣту тому, чтѣ говорить Іосифъ о Серапіонѣ, нужно будегъ представлять его себѣ по его горяче—плаждному характеру малыхъ размѣровъ Икономъ.

¹⁾ Какъ людей стоявшихъ за Іосифа въ дѣлѣ съ Серапіономъ, лѣтописи называютъ: его—Іосифова брата, архиепископа ростовскаго, Васіліана, епископовъ: суздалскаго, рязанскаго и пермскаго, и изъ бояръ Василья и Ивана Андреевичей Челядинныхъ.—Собр. лѣтт. III, 148 нач. и 184 бп..

²⁾ Въ однѣмъ сказаніи о соорѣ Серапіона съ Іосифомъ, которое имѣть своею измѣнью оправдать перваго, читается: «Серапіонъ архиепископъ послалъ на Іосифа не-

лись къ тому, чтобы осуждать его, такъ что онъ долженъ быть писать къ нимъ пространнныя оправдательныя посланія¹⁾.

Сеора Серапіона² съ Іосифомъ, съ одной стороны, пѣсколько иллюстрируетъ намъ наше тогданишнее епархіальное управление и доставляетъ намъ относительно него иѣкоторыя небезынтересныя и не певажныя сообщеній (въ посланіяхъ Іосифа къ Кутузову и Третьякову); съ другой стороны—настолько обнаруживаетъ намъ характеръ или правъ вел. кн. Василія Ивановича, что мы оказываемся въ возможности понимать дальнѣйшіе трагические случаи его правленія, относящіеся къ нашей области церковной²⁾.

Отъ митр. Симона сохранились два учительныя посланія въ Великую Пермь, одно—къ тамошнимъ игуменамъ, священникамъ и діаконамъ, другое—ко всѣмъ тамошнимъ христіанамъ, написанныя 22-го Августа 1501-го года. Въ мишту написанія посланій пермская епископская кафедра была нраzdною, ибо бывшій епископъ Филоѳей отошелъ на иной въ Аирѣтѣ мѣсяцѣ написанія 1501-го года, а новый епископъ еще не былъ поставленъ. Такимъ образомъ, Симонъ писалъ Пермичамъ, какъ остававшимся безъ пастыря; какія однако были особия по-

благословеніе и отлученіе, хотя Іосифа снятъ на исправленіе привести и устрашити; Іосифъ же наипаче на Серапіона, на своего архіепископа, начать негодовать въ поносити и гордостью восхитившися подходить убо братомъ своимъ, легка (*sic*) убо уюмъ легчайша же и разумомъ. Васъяновъ ростовскимъ архіепископомъ Симона митронолита, мужа кротка и тиха, и обходять его ласканія и лестни. и сводятъ архіепископа святаго преподобнаго Серапіона со престола и въ монастырѣ затворяютъ въ Оидрониковѣ,—*Бѣзакова* Описание сборниковъ Чубличн. Вибліот. I, 93 sub fin.. Знавши дѣло, обвиняя Іосифа, обвиняли и митронолита съ соборомъ епископовъ, что они, убивши великаго князя, сошли на слабость и неправо судили см. въ 10-й части Прѣбавленій къ творр. сув. отцевъ статью: «Отиженія иноковъ Карпилова Бѣлозерскаго и Іосифова Волоколамскаго монастырей, въ XVI в.», стр. 525.

¹⁾ Посланія къ Кутузову и Третьякову суть именно таковыя оправдательныя посланія. Ср. посланіе къ Іосифу Ивану Ивановичу Головину, напечатанное въ изслѣдованіи *А. С. Аргунцевскою*: «Ниль Сорекій и Вассіанъ Натрикѣевъ», I, приложж. стр. 18 fin..

²⁾ Изъ Андronикова монастыря Серапіонъ скоро переведенъ былъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, въ которомъ и скончался 16-го Марта 1516-го года. Объ его примиреніи съ митр. Симономъ см. сейчасъ ниже. Примирились ли между собою лично, а не заочно, онъ и Іосифъ, это составляетъ перѣщенный вопросъ: житія Іосифовы отвѣчаютъ на вопросъ утвердительно, а житіе Серапіоново—отрицательно, ср. у *Хрутовъ* стр. 237 fin..

буждения къ написанию посланий, когда эта безнастырность Пермичей была совершение обычная и имѣвшая продолжаться весьма не долго, такъ какъ новый епископъ поставленъ имъ 5-го Мая слѣдующаго 1502-го года, этого яспо не видю. Пермичи Великой Перми были христіане новокрещенные и вѣреято, что своими заботами о нихъ Симонъ хотѣть показать свою особую настырскую ревноть. Въ посланий къ игуменамъ и священникамъ митрополитъ укоряетъ послѣднихъ за то, что они о церковномъ исправлѣніи и о своемъ спасеніи не раздѣлья и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ не брегутъ, и обращается къ нимъ съ увѣщаніемъ о надлежащемъ исполненіи своихъ настырскихъ обязанностей. Но иѣсколько странно и не совсѣмъ понятно въ посланий то, что порокъ игуменовъ и священниковъ, который митрополитъ считаетъ за нужное обличать нарочитымъ образомъ есть Фѣда и питье въ неподобное время до обѣда, т. е. странно и не понятно, что, обходя другіе болѣе важные пороки, которые несомнѣнно имѣли пермскіе священники, или же обличая ихъ только какъ бы мимоходомъ (безмѣрное пьянство), митрополитъ нарочито обличаетъ именно этотъ порокъ. Увеличивая для насъ непонятность, онъ говоритъ, что бывшій ихъ епископъ Филофей не однѣ разъ послалъ къ нимъ грамоты о томъ, чтобы они воздерживались отъ ранояденія и отъ ранопитъя. Можетъ быть, дѣло нужно понимать такъ, что при своеобразномъ пониманіи новокрещенными Пермичами христіанства, этотъ порокъ ихъ священниковъ наиболѣе соблазнялъ ихъ¹). Въ посланий ко всѣмъ христіанамъ пермскимъ митрополитъ увѣщеваетъ этихъ новокрещенныхъ христіанъ, чтобы они держали принятую ими истинную христіанскую вѣру честно и твердо и неподвижно, съ неупустительнымъ усердіемъ исполненія всѣхъ христіанской обязанности, и чтобы они въ конецъ и совершило отстали отъ всего языческаго. Въ послѣднемъ случаѣ митрополитъ увѣщиваетъ Пермичей: кумирамъ не служить и требъ ихъ не пріимать, Воинелю болвану не молиться по древнему обычаю, браковъ

¹⁾ Обличеніе порока ранопитъя прежде Симона встрѣчаемъ мы въ посланияхъ митр. Фотія въ Новгородъ и Исковъ. Въ одновременныхъ посланияхъ въ оба города отъ 1410-го года митрополитъ пишетъ: «а на пиру, коли лuchится, которые имуть до обѣда пить, не давайте имъ Богородиціи хлѣба»,—въ Намятин. *Навл.* coll. 273 и 279; въ посланий ко Исковъ отъ неизвѣстнаго позднѣйшаго года пишетъ: «а что мы пишете, что суть иль вѣсть иѣкоторіи попове, до обѣда піютъ иль ираздники и въ иныи дни: ино который священникъ до обѣда піеть, и таковыи первое и второе и третie да пакажется, яко да престанеть; а по семъ того аще передати начать, ино поздержаніе отъ священства таковому 40 дній»,—ibid. col. 434.

по ветхому и по татарскому обычаю, такъ чтобы жена умершаго брата переходила постъ него ко второму брату, а послѣ втораго къ третьему, не совершать, мясного и скоромнаго въ посты и въ среды съ пятницами не есть, женщинамъ ихъ не ходить простоволосыми, съ непокрытыми головами ¹).

Послѣ 16-лѣтняго управлениія митрополіей Симонъ скончался 30-го Апрѣля 1511-го года ²).

¹) Писланія въ Акт. Ист. т. I, № 112.

²) Передъ смертью, по приказанію великаго князя, онъ призывалъ къ себѣ отъ Троицы Серапіона, чтобы взять съ нимъ прощеніе,—Никон. лѣт. VI. 190, Сафійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 252 нач. (въ описаніи царскаго архива второй половины XVI вѣка значится «запись прощальная Симона митрополита въ преставленіе его»,—Акт. Эксид. т. I, стр. 346, ящикъ 150.—Типографская лѣтопись, стрр. 354 нач. и 355, на какомъ-то основаніи утверждаетъ, что весной 1511-го года Симонъ оставилъ митрополію и сѣхалъ къ Троицѣ и что онъ скончался 28-го Июня 1512-го года. Но сей лѣтописец, стр. 355, и Серапіонъ отпущенъ великимъ княземъ къ Троицѣ въ послѣдніемъ году 15-го Мая. Показаніе Типографской лѣтописи принимаетъ Строгозъ въ Синскихъ іерарховъ и настоятелей монастырей).

МИТРОПОЛИТЪ ВАРЛААМЪ.

На мѣсто Симона поставленъ быть въ митрополиты Варлаамъ, архимандритъ московскаго Симонова монастыря ¹⁾.

Два случая избрания митрополитовъ, имѣвшіе мѣсто во вторую половину правленія Ивана Васильевича, когда онъ началъ созиавать себѣ самодержавнымъ царемъ, именно—митрополитовъ Зосимы и Симона, какъ мы говорили, по всей вѣроятности были избраниемъ болѣе только видимыми, чѣмъ дѣйствительными: епископы не избирали па самомъ дѣлѣ, а совершили простой обрядъ избрания кандидатовъ, которыхъ указывалъ имъ великий князь. Относительно Василія Ивановича, который созиавать себѣ царемъ въ болѣе сильной степени противъ своего отца, ибо сознаніе это быстро возрастало, и который лично надѣленъ быть властолюбіемъ нисколько ни въ менѣшней, если только не въ значительно болѣшней степени, чѣмъ послѣдній, мы имѣемъ положительное свидѣтельство, что при немъ митрополиты не избираемы были соборомъ епископовъ, а были назначаемы имъ самимъ. Свидѣтельство принадлежитъ извѣстному барону Герберштейну, который въ правленіе Василія Цвашовича два раза прѣѣзжалъ въ Россію и который написалъ знаменитые Комментаріи или извѣстія о панемъ отечествѣ ²⁾). Правда, свидѣтельство Герберштейна, что Василій Ивано-

¹⁾ Архимандритомъ симоновскимъ Варлаамъ былъ съ 1506-го года (см. Продолж. Вивлію. V. 100).

²⁾ Герберштейнъ прѣѣзжалъ въ Россію въ 1517-мъ и въ 1526-мъ годахъ; въ первый разъ пробылъ въ Москвѣ съ 14-го Августа по 21-е Ноября, во второй разъ—съ 26-го Августа по 11-е Ноября. Мы пользуемся его комментаріями по изданию *Старажескаго та Historiae Ruthenicae scriptores exteris sacculi XVI*, vol. I. Наше мѣсто читается у Герберштейна: «митрополиты и также архіепископы (и епископы) избирались иѣкогда соборомъ всѣхъ архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ монастырей: изыскивали по монастырямъ и пустынямъ мужа наиболѣе святой жизни и избирали: но обѣ этомъ (игуменіи) государѣ говорить, что они имѣетъ обычай призываѣть къ себѣ иѣкоторыхъ (немногихъ) и изъ числа ихъ назначаетъ одного по своему усмотрѣнію», р. 20, col. 1.

вичъ назначать кандидатовъ въ митрополиты и еписковъ исключительно собственнюю властью, должно быть признано за воспроизведеніе рѣчей тѣхъ Русскихъ, которые возбуждены были противъ слишкомъ царскаго властолюбія государя въ сферѣ государственной; но оно вполнѣ согласно со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ прямо и косвенно о Василии Ивановичѣ. При немъ были два случая избрания митрополитовъ—нашего Варлаама и преемника Варлаамова Даниила. Ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ лѣтописи не говорятъ, было ли совершено избрание кандидатовъ, назначенныхъ великимъ княземъ, хотя бы то формальное, а прямо и единственное говорить объ ихъ введеніи на каѳедру и о посвященіи. Какъ кажется, вѣроятнѣе предполагать то, что формальнымъ образомъ избраніе было совершено.

Варлаамъ былъ введенъ на митрополичій дворъ и нареченъ митрополитомъ всея Руси спустя три мѣсяца безъ четырехъ дней послѣ смерти Симона, 27-го Июля 1511-го года; посвященъ былъ спустя недѣлю послѣ введенія и нареченія, 3-го Августа ¹⁾.

О дѣятельности митр. Варлаама за время его 10-лѣтнаго пребыванія на каѳедрѣ мы не имѣемъ совершенно никакихъ свѣдѣній.

Можетъ быть, къ его времени должно быть относимо появленіе въ Россіи втораго Схарін,—жизи, по имени Исаака, который пытался имень проповѣдывать у нась жицество и относительно котораго мы имѣемъ совершенно неопределенный указанія въ сочиненіяхъ преп. Максима Грека. Между сочиненіями Максима есть одно, которое представляетъ собою неизвестно когда поданную записку собору русскихъ архиереевъ и которое надписьивается: «Иноха Максима Грека соѣсть къ собору православному на Исаака жиценина, волхва, чародѣя и прелестника» ²⁾. Давая знать, что Исаакъ пытался проповѣдывать у нась жицество ³⁾ и что имѣть по крайней мѣрѣ туть успѣхъ, чтобы проповѣсти смушеніе въ нашемъ православномъ обществѣ ⁴⁾, Максимъ убѣждаетъ соборъ архиереевъ показать свою возможно крѣпкую ревность и предать жиценина вигнаніи или гражданской власти въ казнь, «да и ины накажутся не приложити имъ смузати овицы Спасовы и приложити (приходити?) въ землю нашу православную». Максимъ при-

¹⁾ Никон. лѣт. VI, 190. Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 252.

²⁾ Казанск. изд. сочиненій Максима, I, 51, № III.

³⁾ Развратити словомъ же и дѣломъ тщася благовѣщеніе и питомия его въ свою прелесть преложити,—стр. 52 нач.

⁴⁾ «Смузившаго убо наству Спасову предадите...», стр. 54.

быть въ Россію при митр. Варлаамѣ въ 1518-мъ году и остался у настъ до самой своей смерти, постѣдовавшей въ 1556-мъ году, живъ ири четырехъ митрополитахъ: Варлаамѣ, Даниилѣ, Ioасафѣ и Макаріи. Такъ какъ подача Максимомъ зanиски собору съ одинаковою вѣроятностю можетъ быть относима къ правлению всѣхъ четырехъ митрополитовъ, съ тѣмъ только ограничимъ, что при Даниилѣ она могла быть подана не во все времена правления, а лишь въ очень небольшую его часть, какъ это видно будетъ далѣе изъ разсказа о жизни и судьбѣ унастъ Максима: то для памятно, постановленного въ началѣ, «можетъ быть» собственное и единственное основаніе пока есть то, что Варлаамъ былъ первый митрополитъ, при которомъ писалъ Максимъ¹⁾).

Не имѣя свѣдѣній о собственной дѣятельности митр. Варлаама, мы должны говорить о другихъ дѣятеляхъ, бывшихъ въ его времія.

Эти дѣятели суть: ученикъ ирен. Иила Сорского старецъ Вассианъ Патрикѣевъ Косой и ирен. Максимъ Грекъ.

Исаїй Ярославовичъ и ирен. Ииль Сорский, возрастившіе въ себѣ мысль ирен. Кирилла Бѣлозерскаго о непримѣнности и неподобаемости монастырямъ владѣть вотчинами, по собственной ли инициативѣ или бывъ възвуждаемы величимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, сдѣлали представление о семъ собору 1503-го года. Когда предложеніе рѣшительно отвергнуто было соборомъ, ни тотъ ни другой изъ нихъ не обращались къ литературной пропагандѣ своей мысли посредствомъ еписацій, ибо не имѣли къ этому наклонности, а также ни тотъ ни другой не пытались стараться и о томъ, чтобы привести свою мысль въ дѣло насильственнымъ способомъ при помощи великаго князя. Какъ вель себя по отношенію къ мысли, послѣ неудачи постигшей предложеніе о ней на соборѣ 1503-го года, Исаїй Ярославовичъ, совершенно ничего неизвѣстно; вѣроятно, что онъ дожилъ свой вѣкъ въ Кирилловомъ монастырѣ или скитѣ Ниловѣ въ исключительныхъ заботахъ о самомъ себѣ и о своей душѣ. Что касается до ирен. Иила, то, оставивъ безнадежное помышленіе о томъ, чтобы преобразовать все наше монашество и предоставивъ это монашество самому себѣ, онъ сосредо-

¹⁾ Ирест. Макаріи полагаетъ, что соборъ на Исаака, къ которому писалъ Максимъ, состоялся около 1520-го года.—Ист. VI, 156; но на какомъ основаніи, не видно. Приведенное въ нашей винскѣ выраженіе Максима: «въ землю нашу» спорѣ бы говорило за то, что онъ писалъ уже достаточно поживъ въ Россіи, когда юной или немолой принималъ ее за свое второе отечество; но и на этомъ выраженіи не представляется надеждой основываться по той причинѣ, что «нашу» легко могло быть поставлено «вашу» поздѣйшими перепиcниками.

точить свои заботы единственно на томъ, чтобы внѣдрять свои мысли въ своихъ немногочисленныхъ учениковъ, собравшихся къ нему въ его скитъ и желавшихъ подвизаться его собственнымъ (скитскимъ) образомъ подвижничества. Однако, исторія протеста противъ вотчиновладѣнія монастырей не ограничилась однимъ только представлениемъ Напсія и Иила, которое они сдѣлали собору 1503-го года. Между учениками Иила нашелся одинъ, который выступилъ послѣ него съ литературной пропагандой протеста и который выѣхѣть съ тѣмъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, употребляя старанія насильственнымъ образомъ произвести реформу монашества при содѣйствіи власти великаго князя. Этотъ ученикъ Ниловъ бытъ старецъ Вассіанъ, по мірскому имени—князь Василій Ивановичъ Натрикѣвъ—Косой.

Фамилія князей Натрикѣвыхъ, принадлежавшая къ числу исключительно знатныхъ боярскихъ фамилій и состоявшая въ близкомъ родствѣ съ великокняжескимъ домомъ, была выѣзжая изъ Литвы и имѣла своимъ родоначальникомъ Нариманта, одного изъ сыновей литовскаго великаго князя Гедимина. Сынъ Наримантовъ, князь звенигородскій (въ литовской Руси), Натрикій, отъ которого прозваніе, пріѣхалъ на службу въ Москву къ великому князю Василію Дмитріевичу въ 1408-мъ году, въ свитѣ согнанаго съ литовскаго великокняжескаго престола своего двоюроднаго брата Свидригайла Ольгердовича, и остался па Москвѣ послѣ удаленія изъ нея постѣдняго. Сынъ Натрикіевъ Юрій, женившійся па дочери великаго князя Василія Дмитріевича, бытъ самъ первымъ бояриномъ при его сыне, а при своемъ братѣ по женѣ, Василіѣ Васильевичѣ Темпомъ. Сынъ Юріевъ Иванъ Юрьевичъ, отецъ нашего Василія Ивановича, бытъ таковымъ же бояриномъ при своемъ двоюродномъ братѣ Иванѣ Васильевичѣ. Нашего Василія Ивановича, который бытъ старшимъ сыномъ Ивана Юрьевича и который имѣть частное прозваніе Косаго, вѣроятно,—отъ физического недостатка косоглазія, ожидало если не мѣсто дѣда и отца, то во всякомъ случаѣ одно изъ самыхъ ближайшихъ мѣсть къ великому князю. Но въ 1499-мъ году съ знаменитыми Натрикѣвыми случилася неожиданная катастрофа. Въ семейномъ спорѣ великаго князя Ивана Васильевича, кому бытъ послѣ него наследникомъ престола—внуку ли Дмитрію, сыну его старшаго сына Ивана Младшаго, рожденнаго отъ первой жены Мары Борисовны Тверянки и умершаго въ 1490-мъ году, или сыну Василію, рожденному отъ второй жены Софы юоминишины, Натрикѣвы бытъ сторонниками Дмитрія. 4-го Февраля 1498-го года этотъ несчастный юноша, умерший потомъ въ жестокой темницѣ

неизвестною смертию, торжественно коронованъ быль по приказавію дѣда великокняжескимъ вѣнцомъ, а мене чѣмъ черезъ годъ великий князь перемѣнился, рѣшилъ оставить своимъ преемникомъ сына Василия и странно оналился,—осталось не совсѣмъ яснымъ: за что,—на сторонниковъ вѣчука. Одинъ изъ этихъ сторонниковъ (князь Семенъ Ивановичъ Раноловскій) казненъ быль смертью, а Патрикѣевымъ, всѣдѣствіе ходатайства за нихъ митрополита и епископовъ, была пощажена жизнь, но двое старшіе изъ нихъ — Иванъ Юрьевичъ и его старший сынъ Василий Ивановичъ Косой были пострижены въ монахи — первый въ Троицкомъ Сергиевомъ монастырѣ, второй, съ именемъ Вассіана, въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ. Изъ Кириллова монастыря Вассіанъ, бывший Василий Ивановичъ, перенесъ къ преп. Нилу въ его скитъ, находившійся отъ монастыря въ 12-ти верстахъ, сдѣлялся приверженцемъ ученія Нила о непримічіи монастырямъ владѣть вотчинами и посты смерти Нила и при измѣнившихъ его личныхъ обстоятельствахъ и новель настойчивую борьбу словомъ и дѣломъ противъ этого вотчииновладѣнія монастырей.

Какъ думать о новомъ, случайно явившемся въ лицѣ Вассіана, проповѣдніи возвращенія монашества къ его первоначальному совершенству, остается перѣспомъ вопросомъ. Какъ будто вѣроятнѣйшее есть то, чтобы не видѣть въ немъ проповѣдника совсѣмъ истиинаго, подобнаго Нилу, у котораго слово было бы выраженіемъ глубоко искреннихъ помысловъ, — что онъ стать проповѣдникомъ не столько всѣдѣствіе прямаго, дѣйствительно охватившаго его душу, желанія этого совершенства, сколько всѣдѣствіе побочнаго честолюбиваго желанія быть проповѣдникомъ. Существующа свидѣтельства увѣрять, что Вассіанъ не имѣть наклонности вести собственную жизнь такъ, какъ проповѣдывать, и что онъ не имѣть наклонности дѣлать того, чтѣмъ вѣнять въ обязанность другимъ¹⁾). Свидѣтельства эти разполагаютъ

¹⁾ Едва ли есть основанія сомнѣваться въ справедливости извѣстного увѣренія Зицкой Отченія, что Вассіанъ, живъ, по волѣ великаго князя, въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ, не хотѣль питаться столомъ монастырскимъ, нарывшисьъ противъ монахами, но получалъ себѣ великокняжескій столъ съ кухни государя, — Истинъ показаніе, Казанск. изд. стр. 599 ти, вѣр. Посланіе Максіма Грека: «къ иѣкою другу его, сѣдащему въ тягницѣ», по всемъ вѣроятностямъ написано къ Вассіану, когда онъ находился въ заключеніи въ Іосифовомъ монастырѣ, по въ этомъ посланіи дается знать, что Вассіанъ не пріучилъ и не хотѣль привудить себя къ ручному труду, который вѣнять въ обязанность, какъ средство содержанія, другимъ монахамъ, — Казанск. изд. II, 250 («конати не логу»). Общий весьма похваль-

до некоторой степени подозревать относительно принятия имъ на себя роли проповѣдника, что вырванный изъ среды дѣятельности государственной и обреченный чрезъ постриженіе въ монахи на бездѣятельно-ничтожное существованіе онъ ухватился за проповѣдь о реформѣ монашества какъ за новый родъ дѣятельности и какъ за новый путь для себя къ славѣ. Не представляется Bassianъ человѣкомъ безукоризненно свѣтымъ и на основаніи другихъ данныхъ, которыя мы имѣемъ для сужденія объ его правственномъ характерѣ¹). Какъ бы то ни было, видѣть ли въ Bassianѣ подобного Иллу проповѣдника настоящаго, который проповѣдувалъ сколько для другихъ, столько же и для себя, или не совсѣмъ настоящаго, который проповѣдувалъ только для другихъ, но не для себя: во всякомъ случаѣ онъ выступилъ проповѣдникомъ весьма настойчивымъ. Онъ поставилъ проповѣдь цѣллю и призваніемъ своей монашеской жизни и велъ ее до тѣхъ поръ, пока не быть ослепленъ своими противниками.

Bassianъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ привлекъ на себя опалу великаго князя Ивана Васильевича Тѣмы, что быть на сторонѣ его внука Дмитрия противъ его сына Василия. Но этотъ его сынъ, изъ-за котораго пострадалиъ Bassianъ, занявъ его мѣсто, вызвать послѣдняго на жительство въ Москву и сдѣлать его приближенійшимъ къ себѣ человѣкомъ. Какъ объяснить это неожиданное благоволеніе Василия Ивановича къ Bassianу, въ современныхъ извѣстіяхъ не дѣлается никакихъ указаний. Предполагать, чтобы милостію къ Bassianу великий князь хотѣлъ искупить свою вину предъ нимъ въ томъ, что онъ—Bassianъ изъ-за него—великаго князя сталъ монахомъ, не представляется невѣроятнымъ, ибо Василий Ивановичъ вовсе не отличался такими рыцарскими качествами характера, которыя бы давали возможность предполагать это. Не невѣроятнымъ представляется думать, что, прибли-

ший отзывъ о Bassianѣ князя Курбскаго, что онъ «жестоко и свято житіе препровождалъ во мнишество, подобно великому и славному древнему Аланонію» (Сказанія Курбскаго, изд. 2 стр. 4 біо.), какъ принадлежащий весьма пристрастному человѣку партии не заслуживаетъ особенной вѣры.

¹) Когда Bassianъ жилъ въ Москве, въ Симоновомъ монастырѣ, великому князю было донесено, что у монаховъ его пустыни замѣчена ересь: онъ потребовалъ на пытку свидѣтеля и, чтобы свести обвиненіе съ монаховъ, не затруднился допустить, чтобы свидѣтель умеръ подъ пыткой,—см. письмо о пелюбіи старцевъ кипріловскіхъ юсифовскими въ Ирибазлѣ, къ твор. свв. отц. ч. 10 стр. 507. Какъ онъ отреагировалъ, когда находилъ нужнымъ для себя, отъ своего накренійшаго друга Максима Грека, это увидимъ ниже.

жая къ себѣ Вассіана, великий князь руководствовался важнымъ государственнымъ расчетомъ. Человѣкъ до крайности властолюбивый, онъ хотѣлъ всѣхъ крѣпко взять въ свои руки, а въ томъ числѣ и духовенство. Лучшимъ средствомъ въ семъ случаѣ по отношенію къ духовенству было то, чтобы держать его въ постоянномъ страхѣ за его вотчины, вопросъ о которыхъ былъ поднятъ на соборѣ 1503-го года; это и сдѣлалъ Василій Ивановичъ, приблизивъ къ себѣ Вассіана, пастойчиваго противника вотчиновладѣнія. Видя любимцемъ государевымъ этого противника вотчиновладѣнія (собственно—вотчиновладѣнія монастырскаго), духовенство ежеминутно должно было опасаться, что великий князь, поддаваясь его винушеніямъ, рѣшится наконецъ осуществить по отношенію къ церковнымъ вотчинамъ мечту своего отца, и такимъ образомъ должно было стараться отвращать отъ себя бѣду усиленной покорностью государю¹⁾). Такъ или иначе, но Вассіанъ былъ весьма приближеннымъ человѣкомъ у Василія Ивановича, хотя, по всей видимости, приближеніемъ и не до такой необыкновенной степени, какъ это казалось инымъ или какъ это хотѣли представлять иные. Пользуясь своимъ положеніемъ, Вассіанъ энергически добивался того, чтобы мысль Илл. о реформѣ нашихъ монастырей стала дѣломъ при участіи власти государственной: какъ говорять о немъ другіе и какъ самъ онъ признаетъ, онъ настоительѣйшимъ образомъ внушать великому князю и проповѣдывалъ въ средѣ бояръ, что у монастырей, для ихъ собственнаго блага и для возвращенія монашеской жизни въ ся

¹⁾ Когда переселенье былъ Вассіанъ изъ Нилова скита въ Москву, это остается неизвѣстнымъ. Миѳиѣ, что онъ присутствовалъ на соборѣ 1503-го года и съ тѣхъ поръ остался въ Москвѣ, вовсе не можетъ быть принято. Положимъ, что еще Иванъ Васильевичъ, при которомъ былъ соборъ 1503-го года, возвратилъ свое благословеніе Вассіану, но на соборы обыкновенно вызываемы были старцы, прославившіеся своею жизнью, а такимъ старцемъ во всякомъ случаѣ еще не могъ быть Вассіанъ въ 1503-мъ году. Ирен. Іоаннъ Волоколамскій даетъ знать, что Вассіанъ пришелъ въ Москву послѣ собора 1503-го года (см. Іоанна у самого Вассіана въ «Собраниѣ отъ святыхъ правиль и отъ многихъ книгъ»,—Ираносл. Собѣздн. 1863-го года ч. III, стрр. 206 и 207. §§ 11 и 12), а авторъ письма о причинѣ послѣдня междѣ старцами кирилловскими и юсифовскими довольно ясно даетъ знать, что онъ былъ вызванъ въ Москву уже Васильемъ Ивановичемъ и послѣ смерти Илл., которая случилась 7-го Мая 1508-го года (Прибавл. къ творр. еп. отц. X, 505 fin.). Можно думать, что Вассіанъ вызванъ былъ Васильемъ Ивановичемъ въ Москву только уже послѣ смерти Дмитрія Ивановича, за котораго онъ пострадалъ, а эта послѣдняя имѣла место 14-го Февраля 1509-го года.

первоначальное совершенство, должны быть отобраны недвижимые имѣния или вотчины¹⁾.

Одновременно съ тѣмъ, какъ вести противъ вотчиновладѣнія монастырей устную проповѣдь передъ великимъ княземъ и въ средѣ бояръ, Вассіанъ предпринялъ вести противъ него пропаганду письменную. Ученикъ и продолжатель Нила былъ человѣкъ, несомнѣнно, очень умный, надѣленъ былъ весьма важнымъ для публициста и пропагандиста талантомъ остроумія и юмора; но онъ не могъ вести своей письменной пропаганды слишкомъ блестательно потому, что у него не было выработано способности литературного изложения, которое страдаетъ у него отсутствиемъ ясности, отчетливости, складности и послѣдовательности въ изложении мыслей, и что какъ большой баринъ онъ не могъ иметь охоты къ усидчивости въ письменномъ трудахъ. Вассіанъ написалъ три небольшихъ трактата противъ вотчиновладѣнія монастырей²⁾. Общія мысли, которыми онъ излагаетъ въ своихъ трактатахъ суть слѣдующія: 1) иноческая жизнь есть та совершенная евангельская жизнь, о которой Спаситель сказалъ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продажь имѣніе твое и дажь нищимъ...* (Мат. 19, 21); она есть всецѣлое отреченіе отъ мира; слѣдовательно, притягиваніе монахами недвижимыхъ имѣній есть нарушеніе ими евангельской заповѣди о совершенной нестижательности, соблюдать которую они дали добро-

¹⁾ Су. въ сочиненіяхъ Вассіана по печатному ихъ изданію, которое указывается въ слѣдующемъ ниже при членіи, стрр. 188 нач., 197, 198, 207 fin..

²⁾ Эти трактаты суть: 1) «Слово отиѣти противъ кленуціихъ истину евангельскую и о иноческомъ житіи и о устроеніи церковнѣмъ», 2) «Собрание Вассіана, ученика Нила Сорского, на Іосифа Волоцкаго отъ правилъ святыхъ Никанскихъ отъ многихъ главъ», 3) «Собрание иѣкоего старца на вспоминаніе своего обѣщанія о отверженіи мира». Послѣдній трактатъ не имѣетъ самостоятельного происхожденія, написанъ Вассіаномъ по новоду его Коричей, о которой сейчасъ ниже, и помѣщенъ въ этой Коричей. Для первыхъ трактата, имѣющіе самостоятельное происхожденіе, Вассіанъ соединилъ въ одно мѣсто, съ тѣмъ чтобы сдѣлать такъ сказать полное изданіе своихъ сочиненій; онъ предисловилъ этому полному изданію предисловіе и присоединилъ къ нему послѣдовательное заключительное резюме. Своебразное полное изданіе сочиненій Вассіана напечатано въ Православномъ Собесѣдникѣ 1862-го года, ч. III, стрр. 102 и 180. Рассужденіе о неприличіи монастырямъ владѣть вотчинами, напечатанное въ Членіяхъ Общества Ист. и Древн. 1859-го года кн. 3, котораго собственное название: «Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ», вовсе не можетъ быть усвоено Вассіану, ибо онъ былъ не такой человѣкъ, чтобы прибѣгать къ подлогу и чтобы ссылаться на какій-то бесѣды Іосифа прекраснаго.

вольный обѣтъ: но «иже не хранитъ своего обѣщанія, симъ святое писаніе муками претить, и отню вѣчному (ихъ) предаетъ и отстушиши ихъ именуетъ и проклятию предаетъ»; 2) обладавіе недвижимыми имѣніями заражаетъ монаховъ страстью сребролюбія, а сребролюбіе, по апостолу (1 Тим. 6, 10), корень всѣмъ злымъ; доказывая, что на монахахъ дѣйствительно сбываются слово апостольское, Вассіанъ изображаетъ, что такое суть наши монахи стяжатели: давъ обѣтъ нестикальности, они безпрестанно обѣждаютъ города, чтобы со всевозможнымъ ласкателствомъ и работѣстствомъ выманивать у богатыхъ людей сель и деревень; въ лицѣ своихъ крестьянъ они обидать, грабить и бичомъ истязаютъ безъ милости христіанъ—своихъ братій; лихомѣстивя по язычески, они отдаютъ въ ростъ за огромные проценты свои деньги и потомъ безъ всякаго милосердія и пощады производятъ взымки съ должниковъ, оказывающиихся несостоятельными; они таскаются по судамъ, чтобы тягаться съ бѣдными людьми, которыхъ ссудили деньгами изъ ростовицескихъ побужденій, или чтобы судиться съ сосѣдями о границахъ своихъ сель и деревень; 3) древніе святые отцы какъ греческіе, такъ и русскіе сель у монастырей не держали, но жили по евангелію безъ имѣній: если кто давалъ имъ села, то не брали и учили своихъ учениковъ жить по евангелію и по иноческому обѣщанію. Въ своихъ трактатахъ Вассіанъ даетъ отвѣтъ защитникамъ вотчинновладѣнія на то ихъ оправданіе, что вотчины приложили монастырямъ благовѣрные князья о спасеніи своихъ душъ, а также отвѣтъ на то ихъ увѣреніе, что если бы власти послушали его—Вассіановыхъ словъ, то запустѣли бы церкви и монастыри. Въ первомъ случаѣ онъ отвѣчаетъ, что принятие монахами вотчинъ отъ князей было съ ихъ стороны нарушеніемъ законовѣдей, евангельскихъ, апостольскихъ и отеческихъ,—что благочестивою мыслью князей, проплагавшихъ монастырямъ вотчинамъ было то, чтобы монахи, бывъ обезпечены во всемъ потребномъ и имѣя возможность всецѣло предаваться молитвѣ и безмолвію, избытки доходовъ употребляли на благотворенія нуждающимся, но что монахи, совсѣмъ забывъ благочестивое намѣреніе князей и обративъ его на посмѣху, употребляютъ доходы съ вотчинъ единственно на тучное питаніе самихъ себя и не только не благотворятъ нуждающимся, но и всячески угнетаютъ крестьянъ, живущихъ въ ихъ вотчинахъ. Во второмъ случаѣ онъ отвѣчаетъ, что хотеть не запустѣнія монастырей, а ихъ возвращенія на первую духовную красоту,—что древніе святые отцы не имѣли вотчинъ, питаюсь трудами рукъ своихъ и живя единственно упованіемъ на Бога, и что монашество при нихъ процвѣтало, сияя всѣмъ своимъ блескомъ.

Всѣдѣствіе недостаточнаго раскрытия доказательствъ и неудовлетворительнаго литературиаго ихъ изложенія аргументація Вассіана не дѣйствуетъ па читателя неотразимо убѣдительнымъ образомъ. Но когда онъ изображаетъ монаховъ-вотчинниковъ, съ такимъ же усердіемъ предающихихся угнетенію и эксплоатациіи своихъ крестьянъ, какъ это дѣлали худшіе между мірянами, то, грѣша или не грѣша противъ дѣйствительности, онъ рисуетъ своими Ѣдкими красками картину, полную отталкивающей яркости.

Основная мысль полемики противъ вотчиновладѣнія монастырей преп. Нила Сорекаго, воспроизведимаго Вассіаномъ, была та, что монашество есть совершенное отреченіе отъ міра и что слѣдовательно притяженіе монахами вотчинъ есть нарушеніе съ ихъ стороны обѣта этого совершенного отреченія. Говоря отвлеченно и, такъ сказать, идеально, это было сираведливо. Но дѣйствительность представляла другое: вскорѣ постѣ исявленія монашества какъ совершенного отреченія отъ міра немощь природы человѣческой заставила допустить такой компромиссъ, чтобы обязательство совершенного отреченія, оставаясь во всей силѣ по отношенію къ отдѣльнымъ монахамъ, было отмѣнено въ отношеніи къ монастырямъ, какъ монашескимъ общинамъ. Монастыри дозволено было владѣть недвижимыми имѣніями, но съ тѣмъ, чтобы въ нихъ было строгое общежитіе и чтобы монахи не имѣли ничего собственнаго. Это случилось весьма рано, а поэтому и въ житіяхъ древніхъ святыхъ отцовъ говорится, что при нихъ монастыри владѣли вотчинами. Не входя въ полемику съ Ниломъ и Вассіаномъ насчетъ ихъ общаго положенія, что монашество есть совершенное отреченіе отъ міра, защитники вотчиновладѣнія ссылались, какъ на одно изъ положительныхъ доказательствъ въ пользу этого послѣдняго, на то, что древніе святые отцы, какъ свидѣтельствуютъ ихъ житія, владѣли вотчинами. Преп. Ниль, руководясь заключеніями а priori, нашоль возможнымъ отвергнуть это доказательство. Разсуждая, что монашество есть обѣтъ совершенного отреченія отъ міра и что невозможно допустить, чтобы древніе святые отцы дозволили себѣ нарушеніе этого обѣта, онъ пришелъ къ убѣждению, что читаемое въ житіяхъ древніхъ отцовъ, будто они владѣли вотчинами, несправедливо написано на нихъ позднѣйшими вотчинолюбцами; а такимъ образомъ и отвѣтъ его на наше доказательство былъ тотъ, что житія лгутъ на древніхъ святыхъ отцовъ. Употребляя это смѣлое опроверженіе, преп. Ниль говорилъ неправду; однако трудно было и доказать, чтобы онъ говорилъ неправду, ибо у защитниковъ вотчиновладѣнія не достало бы на это наукиихъ средствъ. Но если преп. Ниль, разрубая, такъ сказать, гор-

діевъ узель, находилъ возможнымъ дать отвѣтъ на одно положительное доказательство защитниковъ вотчиновладѣнія, то у этихъ послѣднихъ было другое положительное доказательство, на которое отвѣтъ было не такъ легко. Книга законовъ церковныхъ или Кормчая въ каноническихъ правилахъ соборовъ и въ помѣщенныхъ въ ней законахъ греческихъ императоровъ, относящихся къ церкви, ясно говорила, что владѣніе недвижимыми имѣніями есть дѣло дозволенное монахамъ: на эту Кормчую и ссылались защитники вотчиновладѣнія постѣ житій древнихъ святыхъ отцовъ. Изслѣдоватъ Кормчую книгу въ отпошепіи къ вопросу о вотчиновладѣніи монастырей и взялъ на себя Вассіанъ. Ему казалось, что пѣкоторыя правила канонической запрещаютъ монахамъ владѣть вотчинами¹⁾; на этомъ основаніи онъ долженъ былъ прийти къ заключенію, что другія канонические правила, которымъ дозволяютъ монахамъ владѣть селами, суть позднѣйшія и поддѣлъ. Предполагая это, Вассіанъ рѣшился составить свою редакцію Кормчей, или, такъ сказать, свое ся изданіе, въ которомъ бы правила канонической были очищены отъ позднѣйшихъ вставокъ и поддѣлокъ. Однако, предположеніе Вассіана, что правила канонической, дозволяющія монахамъ владѣть вотчинами, суть позднѣйшія и поддѣлъ, вовсе не оправдалось. Древнѣйшая славянская Кормчая, которую онъ могъ найти, была Кормчая новгородской св. Софіи, написанная въ концѣ XIII вѣка и находившаяся въ то время въ Москвѣ, въ казнѣ великаго князя²⁾. Принимая эту Кормчую еще за неповрежденную и неподдѣланную защитниками вотчиновладѣнія, Вассіанъ и взялъ ее, чтобы воспроизвести изъ неї правила канонической въ своей редакціи или въ своемъ изданіи Кормчей³⁾. Результатъ, который получился отъ воспроизведенія

¹⁾ Въ «Собраниіи пѣкоего старца», которое, какъ мы сказали выше, написано Вассіаномъ по поводу Кормчей и помѣщено имъ въ своемъ изданіи этой послѣдней, онъ утверждаетъ, что въ 3 и 4 правилахъ четвертаго вселенскаго собора, 11 и 17 правилахъ седьмаго вселенскаго собора и во 2 правилахъ Кирилла Александрийскаго не велено монахамъ вступать въ мірскія дѣла ни въ села ни во что подобное. см. у *Папкова* въ Историческомъ очеркѣ секуляризациіи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 17 fin..

²⁾ Она принесена была Иваномъ Васильевичемъ изъ Новгорода въ Москву при покореніи первого, см. *Липольскаго Описаніе славянскихъ рукописей патріаршій библіотеки* въ Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1867-го года, кн. 2, стр. 56 col. 2.

³⁾ Воспроизводя въ своей Кормчей правила канонической изъ софійской Кормчей, Вассіанъ говоритъ, что писаль первую съ Кормчей Симонова монастыря и еще съ другой Кормчей, принесенной съ Алона (принеска на концѣ Кормчей). см. у

быть тотъ, что въ древней Кормчей правила канонической читались въ томъ же самомъ видѣ, какъ и въ Кормчихъ позднѣйшихъ, и что въ ней, также какъ и въ этихъ послѣднихъ, находились и тѣ правила, которыми дозволяется монастырямъ владѣть вотчинами. Вассіану удалось въ семъ случаѣ сдѣлать только одно открытие, которое было не безъ значенія, но которое исключило не было достаточно для его цѣли. Въ позднѣйшихъ нашихъ Кормчихъ читалось «правило святыхъ отецъ 165-ти 5-го (вселенскаго) собора на обидающихъ церкви Божіи и священныи власти ихъ», въ которомъ угрожается строгими гражданскими наказаніями тѣмъ, кто дерзнулъ бы посягнуть на имущество церковнаго и на всякия права и преимущества церкви и духовенства¹⁾). На это правило ссылался между другими соборъ 1503-го года въ своей выписи, читашной великому князю Ивану Васильевичу. Такъ какъ этого правила не читалось въ софійской Кормчей, то и Вассіанъ не ищетъ его въ свою Кормчую, какъ подложное, каковымъ оно и на самомъ дѣлѣ было. Съ другою частью Кормчей книги,—законами греческихъ императоровъ, относящимися къ церкви, Вассіанъ поступилъ очень просто: онъ не признавалъ ихъ обязательнаго авторитета и, считая эту ихъ неавторитетность за вѣбто доказанное или не требующее доказательствъ, онъ безъ всякихъ оговорокъ не далъ имъ мѣста въ своей Кормчей. Такимъ образомъ, предпринятое Вассіаномъ изданіе собственной Кормчей, вопреки надеждамъ, которыхъ онъ считалъ, привело его только къ печальному убѣждѣнію, что права были защитники вотчиновладѣнія, когда ссылались на правила канонической²⁾.

пркос. Макарія, VIII, 150 прим.). Это нужно понимать такъ, что изъ двухъ называемыхъ имъ Кормчихъ онъ взять иланъ изложенія правилъ, которая приводятся у него не въ хронологическомъ порядкѣ соборовъ, какъ въ софійской Кормчей, а въ систематическомъ порядкѣ ихъ содержанія по титламъ и главамъ титль Фотіевымъ.

¹⁾ См. его у *Извл.* въ Намм. № 15.

²⁾ Кормчая, составленная Вассіаномъ, возбуждаетъ весьма недоумѣній вопросъ. Ему нужно было дознаться, читаются или не читаются въ древнихъ нашихъ Кормчихъ извѣстныя правила канонической, и вмѣсто того, чтобы сдѣлать простую справку въ Кормчихъ, онъ предпринимаетъ составленіе своей Кормчей: для чего это? На вопросъ пока мы не въ состояніи ничего отвѣтить, кромѣ того, что иные люди имѣютъ обычай дѣлать не такъ, какъ бы сдѣлали все другіе, и что вмѣсто того, чтобы пройти версту прямо, дѣлаютъ десять верстъ обходу (думать, чтобы, помимо преслѣдованія своей специальной цѣли, Вассіанъ считалъ желательно замѣнѣ хронологического изложенія правилъ соборныхъ систематическихъ вообще для удобства

Если бы Vassianъ долженъ быть оставаться при этомъ убѣждениіи, то ему оставалось бы ухитряться объяснять правила такъ, чтобы онъ не служили въ защиту нашего русского вотчиновладѣнія. Попытку онъ и сдѣлалъ было¹). Но случилось такъ, что онъ приведенъ былъ къ убѣждѣнію въ поврежденности и древнихъ пашниxъ, т.-е. существовавшихъ у нась въ славянскомъ переводе, правиль. Онъ окончить свой, напрасный по отношенію къ его цѣли, трудъ составленія своей новой Кормчей въ 1517-мъ году. Черезъ годъ прибыть въ Россію знаменитый Максимъ Грекъ, съ которымъ нашъ противникъ вотчиновладѣнія монастырей тотчасъ же завязать знакомство, скоро перешедшее въ тѣсное дружество. Къ многоученому Греку Vassianъ поспѣшилъ обратиться съ справкою о каноническихъ правилахъ, дозволяющихъ владѣть монастырями недвижимыми имѣніями, именно—о 24 правилахъ четвертаго вселенскаго собора и о 12 и 18 правилахъ седьмаго вселенскаго собора. Изъ справки оказалось, что существовавшій у нась славянскій переводъ правиль былъ невѣренъ: въ 12 правилахъ седьмаго вселенскаго собора принадлежащія епископамъ и монастырямъ недвижимыя имѣнія обозначаются по гречески словомъ ἀγρός, что значить поле, тогда какъ у нась оно переведено было словомъ: село, что въ

пользованія Кормчей, вовсе не представляется вѣроятнымъ, ибо нѣтъ никакихъ оснований усвоять ему общихъ заботъ объ удобствѣ пользованія Кормчей, а если взять чмъ новый планъ расположенія правиль, то, можно предполагать, потому, что онъ какимъ-то образомъ находилъ послѣдній предпочтительнымъ для его специальной цѣли).—Оглавление Vassianовой Кормчей, которой извѣстно въ настоящее время пять списковъ, не совершило между собою согласныхъ: по списку Румянцевскаго Музея—у *Восток*. въ Опис. Музея, № ССХХХVI, стр. 313; по списку Чубличной Библіотеки—у *пресос. Макарія* въ Ист.. т. VIII. стр. 150, прим. 185; по списку сузdalскаго Спасо-Евоиміева монастыря—въ Описании рукописей монастыря, составленномъ г. *Шляпкинымъ* и напечатанномъ въ IV-мъ выпускѣ Намѣтиковъ древней письменности (Спб. 1880), № 16, стр. 53 fin. (Остальные два списка находятся: въ московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и въ московскомъ Чубличномъ Музеѣ, въ собраніи Искакрева).

¹) Окончивъ въ своей Кормчей оглавление граней (титль)nomokanona Fotieva, Vassianъ сдѣлалъ замѣчаніе относительно 11-ї грани (титла), въ которой о монастыряхъ и монахахъ: «но сей грави 11-ї аще именуются села монастырскіе въ правилахъ, но не иноюмъ повелѣваютъ имъ владѣти, по даница имъ села отъ стѣборныхъ церкви епископомъ въ землю хранится отъ стѣборныхъ церкви иконахъ и окормляются отъ него всячими потребами пѣвелѣніемъ отъ епископа ихъ или милостищею отъ крестолюбцовъ, аще не даваётся своимъ рукодѣліемъ» (у *пресос. Макарія*, VIII, 154. прим.).

Вассіаново время было понимаемо въ смыслѣ селенія, населеніаго мѣста, деревни (тутъ была не неправильность перевода, а двусмысліе, произведенное временемъ: когда переводимы были правила, слово «село» значило поле, а потомъ оно начало быть употребляемо въ смыслѣ селенія); въ 18 правилѣ того же собора помянутыя имѣнія обозначены по гречески словомъ προάστεια, что Максимъ перевелъ словами: «приградіе сельное», каковыя слова по толкованію Вассіана означали пашни и винограды, а не села съ житейскими христіанами, тогда какъ у насъ въ переводѣ опять стояло слово: сѣла, понимавшееся въ сей-часъ указаниемъ смыслѣ¹⁾). Открытие Вассіана, что въ греческомъ подлинникѣ занимавшихъ его правила говорится не о селахъ, населеніиъ крестьянами, было собственно мнимое, ибо Вальсамонъ въ своемъ толкованіи на 12 правило седьмаго вселенскаго собора, которое переведено было для него Максимомъ вмѣстѣ съ правиломъ, ясно говорить, что подъ проастіями должно разумѣть не только наши и виноградники, которые бы обрабатывали монахи собственными руками, но и сельскія усадьбы съ поселенными на нихъ крестьянами (холопами²⁾): по Вассіану иоспѣніиъ провозгласить, что въ греческой Кормчей, находящейся въ московской соборной церкви и привезенной митр. Фотіемъ, съ которой Максимъ переводилъ для него правила, сель у монастырей не вѣтъно держать и что въ нашей русской Кормчей вѣроятно кто нибудь приписать къ правиламъ, что монастырамъ держать села³⁾). Впрочемъ, Вассіанъ не отважился на то, чтобы исправить пе-

¹⁾ См. у *Павлова* О секуляризациіи, стр. 74 sqq, и у преосв. *Макарія*, VIII, 154 sqq.

²⁾ «Приградіе сельное, аще насељники обитаемо вновѣ, добродѣльно будеть, сего убо ради добродѣль да не продається», — у преосв. *Макарія*, VIII, 155 fin.; въ подлинникѣ: τὸ ἐξώχωρον προάστειον, ἐὰν εὐπρόσδοκον καταστῆ, ώς διὰ παροίκων σίτισθεν ἐκ νέου, τοῦτο μὲν τὸ ἐξώχωρον, διὰ τὸ εὐπρόσδοκον, σὺν ἑκποληγράφεσται, — у *Радлы* и *П. И.*, 595 (сельское имѣніе, если станетъ доходнымъ, бывъ изпова населено крестьянами [холопами], то таковое сельское имѣніе, ради его доходности, да не отчуждается. т.е. если сельское имѣніе, дотолѣ не населенное и не обработанное, а поэтому и бездоходное, будетъ населено и будетъ обрабатываться и такимъ образомъ станетъ доходнымъ, то...).

³⁾ Вассіанъ провозглашаетъ это въ «Собраниі вѣкоего старца», которое, какъ говорили мы, номѣщено имъ въ его Кормчей, см. у *Павлова* О секуляризациіи стр. 74.—И въ современной Вассіану греческой Кормчей было тоже самое, что въ Фотіевой; но онъ не ссылается вообще на греческую Кормчую, при чемъ разумѣлась бы современная, а именно на Фотіеву, потому что современная Вассіану греческая Кормчая не имѣла авторитета въ глазахъ Русскихъ.

реводъ спорныхъ правилъ въ самомъ текстѣ своей Кормчей сообразно съ тѣмъ, какъ перевѣсть ихъ Максимъ. Онъ только сдѣлалъ относительно сего на концѣ своей Кормчей оговорку, которая читается: «есть въ святыхъ правилѣхъ (подразумѣвается—по славянскому ихъ переводу) супротивно святому евангелію и апостолу и вѣхъ святыхъ отецъ житітельству, но не смѣхъ сего (исправлениія супротивнаго) на своей души положити». Даѣтъ онъ говорить, что возвѣщалъ о семъ митрополиту Варлааму и всему священному собору и что митрополитъ съ соборомъ не велѣли ему ничего выставливати (выкидывать изъ правилъ), сказавъ: «кто цѣломудръ разумъ имѣть, лучшаго держите, еже есть по Божѣ, такоже и мы хотимъ и благословляемъ»¹).

Счастіе защитниковъ монастырскаго вотчиновладѣнія, что Вассіанъ не зналъ посланій митр. Кипріана къ Аѳанасію Высокому, въ которомъ этотъ говоритъ, что «еже села и люди держати инокомъ, пе предано есть святыми отци», и съ настоятельностю представляеть Аѳанасію, что «нагуба черницею сели владѣти и тамо частая происхожденія творити»²). Иначе онъ—Вассіанъ, такъ сказать, посыпалъ бы съ этимъ посланіемъ, и защитникомъ монастырскаго вотчиновладѣнія далеко не легко было бы отстрапить неожиданнаго, въ одно и то же время и позднѣйшаго и весьма авторитетнаго, ихъ противника.

О преп. Иллѣ извѣстія говорятъ, что онъ сдѣлалъ собору 1503-го года предложеніе, чтобы у монастырей не было вотчинъ, но не говорятъ того, что его требование, ограничиваясь именемъ только монастырями, не простидалось на вотчины епископскихъ каѳедръ и вообще мірскихъ церквей. Вассіанъ прямо заявляетъ это о себѣ, называя клеветой его противниковъ то, будто онъ велѣтъ государю отнимать села не только у монастырей, но и у мірскихъ церквей. Однако, и по отношению къ вотчинамъ епископскихъ каѳедръ онъ предъявляетъ очень важныя требования. Онъ говоритъ, что вотчины эти (согласно канонамъ церковнымъ) должны быть «благоугодиѣ» вѣдаемы парочито поставленными на сіе икономами,—что изъ доходовъ, которые получаются съ нихъ, епископъ долженъ употреблять на себя только возможно скромную часть и что все излишнее за тѣмъ, «съ епископли доклада и съ всего освященнаго собора поповъ его», употреблять иконому на веноможеніе пуждающимся причетникамъ и на благотворенія нищимъ и убогимъ, вдовамъ и сиротамъ и приходящимъ странникамъ и на искупленіе плененныхъ. При этомъ Вассіанъ рѣзко обличаетъ современныхъ

¹) У пресв. Макарія, VIII, 156.

²) Акт. Ист. т. I, стр. 479 бі., въ Наміти. Нац. col. 263.

ему епископовъ русскихъ, которые, по его словамъ, вовсе не помышляя о благотвореніяхъ, иждивали всѣ доходы своихъ каѳедръ на то, что умножили себѣ несметно безчисленные образы одѣжь и пищь, и которые для умноженія своихъ доходовъ занимались ростовиществомъ, столько же не милостию постуная съ должниками, какъ и всякие другие ростовщики¹).

Одновременно съ полемикой письменной, какъ мы говорили, Вассіанъ велъ устную пропаганду среди боярства. Такъ какъ въ живой рѣчи онъ былъ невоздержанъ на языкъ до самой крайней степени и до совершенной необузданности и такъ какъ этотъ языкъ его былъ очень острый и при его наклонности къ вульгарной прямотѣ въ выраженіяхъ очень сильный: то нѣть сомнѣнія, что въ устной пропагандѣ онъ разилъ и бичевалъ своихъ противниковъ и язвительными обличеніями и площадью бранью столько, сколько могли это способы человѣческіе слухи. Понятно, что и противники его должны были пить къ нему самую ожесточеннѣю неуважительность. Но они ничего не могли ему сдѣлать, потому что онъ находился подъ защитой великаго князя, который видѣлъ свой расчетъ въ томъ, чтобы предоставить свободу его перу и языку. Во главѣ противниковъ нашего пропагандиста нестиженательности оставался до 1515-го года противникъ Иловъ преп. Іосифъ Волоколамскій († 9-го Сентября 1515-го года), и Вассіанъ пеноциононосилъ его личнымъ образомъ, такъ какъ ненавидѣть его не только какъ противника, но въ своемъ оскорблѣніи самолюбіи и какъ человѣка, который одержалъ верхъ надъ имъ передъ великимъ княземъ по дѣлу объ еретикахъ калявшихся. Іосифъ былъ быть состояніи отвѣтчать и на полемику и на брань Вассіана, и что касается до полемики, то онъ былъ способенъ къ ней въ безконечной степени болѣе, чѣмъ послѣдователій. Нѣть сомнѣнія, что Іосифъ имѣлъ и величайшее желаніе писать въ защиту вотчиновладѣній, чтобы побороть и уничтожить Вассіана положительными доказательствами. И однако онъ былъ связанъ. Вассіанъ упоминаетъ о какомъ-то писаніи противъ него Іосифа по вопросу о вотчиновладѣній²); но вѣроятно, это было частное письмо къ кому нибудь въ Москву; что же касается до писаний публичныхъ, то, какъ оказывается изъ одного письма Іосифа, воля великаго князя (хотя онъ былъ столько же приближенный къ послѣднему человѣку, только съ другой стороны) налагала на его

¹) Православи. Собрѣдан. 1863 г., ч. III, стрр. 192 sqq, 207.

²) Ibid. стр. 18-

уста печать молчания¹⁾). Такимъ образомъ, государственныя соображенія великаго князя предоставили Вассіану полную свободу писать и говорить. Такъ какъ ни онъ не былъ посвященъ въ эти соображенія, ни его противники: то весьма вѣроятно думать, что онъ питался надеждой побороть нерѣшительность великаго князя и заставить его отобрать у монастырей вотчины, а противники въ свою очередь опасались возможности такого дѣянія со стороны великаго князя.

Если великий князь предоставилъ Вассіану свободу писать и говорить противъ вотчиновладѣнія монастырей по своимъ государственнымъ разсчетамъ, то относительно митр. Варлаама есть пѣкоторыя основанія думать, что онъ былъ въ семъ случаѣ сторонникомъ Вассіана по своимъ убѣжденіямъ. Постѣдній говоритъ, что предпринялъ составленіе своей новой редакціи Кормчей по благословенію митрополита Варлаама²⁾, и потомъ, что встрѣтивъ недоумѣніе относительно пѣкоторыхъ каноническихъ правилъ дѣлать докладъ о нихъ митрополиту и всему священному собору³⁾. Чтобы Вассіанъ говорилъ неправду, это нельзя допустить: сейчасъ указаніе онъ утверждаетъ и сообщаетъ въ записахъ, читаемыхъ въ самой его Кормчей, а Кормчая была не только начата, но и окончена имъ въ бытность Варлаама на кафедрѣ митрополичьей, такъ что онъ лгалъ бы на митрополита такъ сказать въ присутствіи его самого⁴⁾. Но въ новой редакціи Кормчей, которую

¹⁾ См. письмо преп. Іосифа къ Василію Андреевичу Челаддину (у Хрущова стр. 260), котораго Іосифъ проситъ исходатайствовать ему у государя дозволеніе говорить и писать противъ Вассіана. Іосифъ желалъ получить дозволеніе писать противъ Вассіана затѣмъ, чтобы отвѣтить на укоризну постѣднаго, будто онъ—Іосифъ, запрещая принимать кающихся еретиковъ, уподобился еретику Иосату. Но изъ письма видно, что онъ и вообще не могъ писать противъ Вассіана.—Есть статья преп. Іосифа, посвящая заглавіе: «Яко не подобаетъ святымъ Божиимъ церквамъ и монастырямъ обида и насилие творити и въхмѣнти имѣнія и стижанія ихъ», которая читается въ Волоколамск. ркн. Моск. Дух. Академії № 659, а. 532—566, и содержаніе которой передается въ Историческомъ очеркѣ секуляризациіи церковныхъ земель въ Россіи А. С. Назлова, стрр. 55—59. Но статья направлена не противъ Вассіана, который отрицалъ право монастырей владѣть вотчинами, а противъ волоколамскаго князя Федора Борисовича и подобныхъ ему, которые, не отрицая права монастырей владѣть вотчинами, только посагали (въ присвоили себѣ право посагать) на монастырскія имущество.

²⁾ У *пркоса. Макарія*, VIII. 150 прим.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ Что Кормчая для твигельно окончена Вассіаномъ въ 1517-мъ году, какъ онъ говорить въ присп. къ ней, это подтверждаютъ свидѣтельства, сдѣланія

предпринять составить Вассианъ, не было никакой общечерковной нужды и единственнымъ побуждениемъ, которымъ онъ водился въ семь случаѣ, должна быть считаема его надежда открыть и доказать, что читавшіяся въ позднѣйшихъ нашихъ Кормчихъ каноническія правила, которыми дозволяется монахамъ владѣніе вотчинами, суть поддельныя. Трудно допустить, чтобы для митрополита могло составлять секретъ это побужденіе; но если онъ благословилъ трудъ, предпринятый по такому побужденію, то можно подозрѣвать, что онъ сочувственно относился къ самому побужденію, ибо иначе, не будучи въ состояніи остановить Вассиана своимъ неблагословеніемъ и запрещеніемъ, онъ могъ отказать ему въ благословеніи. Даѣ же мы знаемъ, что къ числу главныхъ друзей и совѣтниковъ Вассиана принадлежалъ старецъ митрополита Варлаама по имени тоже Вассианъ⁴⁾. Если бы митрополитъ былъ врагомъ Вассиана, то едва ли бы онъ сталъ терпѣть при себѣ старца, который былъ однимъ изъ главныхъ его друзей. Наконецъ, и характеръ митр. Варлаама, насколько мы его знаемъ и о чёмъ ниже, даетъ иѣкоторыя основанія предполагать въ немъ человѣка, близкаго по образу мыслей къ преп. Илл. Сорскому.

Обращаемся къ другому дѣятелю времени митр. Варлаама преп. Максиму Греку.

Преп. Максимъ есть въ нашей церковной исторіи лицо — съ одной стороны, совершило случайное, а съ другой стороны — сколько знаменитое въ ней самой, столько же важное и по отношенію къ ея науки. Великій князь Василій Ивановичъ и митр. Варлаамъ пожелали имѣть въ славянскомъ перевода одну греческую книгу. У насъ на Москвѣ вовсе не было въ то время людей, способныхъ совершить желаемый переводъ; поэтому обратились за переводчикомъ па Аѳонъ, вслѣдствіе чего и былъ присланъ оттуда Максимъ. Если бы, совершивъ переводъ, Максимъ тотчасъ же возвратился назадъ, какъ предполагалось, то онъ не имѣлъ бы ровно никакого значенія въ исторіи нашей церкви. Въ предисловіи или въ постѣсловіи къ переведенной имъ книгѣ читалось бы, что книга переведена въ такомъ-то году такимъ-то аѳонскимъ монахомъ, и этимъ бы кончилось все дѣло. Но иоселъ перевода книги Максимъ оставилъ быть въ Москвѣ и потомъ остался у насъ на всегда, — и опять стала нашимъ церковно-историче-

противъ него на соборѣ 1531-го года, — Член. Общ. Ист. в Древн. 1847-го года. № 9, Препіе Даніла съ Вассианомъ, стр. 2 col. 2.

⁴⁾ Сейчасъ указанное препіе, стр. 2, col. 2 sub fin..

скимъ дѣятелемъ. Человѣкъ блестяще талантливый и высоко-образованный въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, онъ имѣлъ специальную врожденную наклонность къ дѣятельности пророка или публициста—обличителя, и его знаменитость какъ нашего дѣятеля состоитъ въ томъ, что онъ, среди многообразной учительности, выступилъ небоязливымъ и горячимъ обличителемъ и бичевателемъ религиозно-нравственныхъ пороковъ современного ему русского общества,—что онъ явился у насъ проповѣдникомъ истинаго христіанства противъ фарисейства вигѣшней набожности, которое онъ у насъ нашелъ. Для науки русской церковной истории Максимъ весьма важенъ тѣмъ, что въ своихъ обличительныхъ писанияхъ онъ далъ ей такое яркое изображеніе нравственной физіономіи современного ему русского общества, какого мы напрасно искали бы у писателей природно-русскихъ. Никто самъ въ себѣ не замѣчаетъ своихъ особенностей, по каковой причинѣ эти послѣдніе писатели не въ состояніи были видѣть особенности нравственнаго облика современного имъ русского общества. Для этого нуженъ былъ сторонній способный наблюдатель,—и таковъ именно былъ преи. Максимъ, наблюдатель въ высшей степени способный.

Наши біографическія сіѣдѣнія о Максимѣ за время его жизни до прибытія въ Россію очень скучны. Составлено у насъ иѣсколько сказаний о немъ, но уже послѣ, или даже много послѣ его смерти и людьми, которые ничего не знали о домосковскомъ періодѣ его жизни¹⁾). Читается въ нашихъ рукописяхъ замѣтка о родинѣ и родителяхъ его, сдѣланная неизвѣстнымъ современникомъ и внесенная и въ сказанія о немъ, которая есть слѣдующая: «Максимово Греково рожденіе отъ града Арты, отца Мануила и Ирины, христіанѣзъ Грекахъ философѣхъ»²⁾). Затѣмъ, другой, извѣстный, современникъ Максима и близкій его знакомый, именно—манахъ Троицкаго Сергіева монастыря Ниль Курля-

¹⁾ Тщательный разыскъ сказаний и памѣтей о Максимѣ предпринятъ въ послѣднее время С. А. Бѣлокуровымъ, и вѣсѣ сказаний (съ прежними одно вновь найденіем), вмѣстѣ со всѣми памѣтами о Максимѣ, напечатаны имъ въ приложеніяхъ къ его изслѣдованію, которое носить заглавіе: «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтії» (Москва, 1898).

²⁾ Замѣтка неизвѣстного современника въ отдѣльномъ видѣ читается въ Троицкой Лаврской ркн. № 200, л. 14, въ ркн. Моск. Дух. Академіи № 153, передний бѣлый листъ, и въ некоторыхъ другихъ рукописяхъ, см. у Бѣлокурова, *idid.*, приложж. стр. ССХХVIII.

тевъ, называетъ его сыномъ воеводскимъ ¹⁾). Название: философы, усвоенное родителямъ Максима, нужно понимать или такъ, что они были люди образованные, или такъ, что они были люди благочестивые, или же то и другое вмѣстѣ. Всѣдѣ за порабощеніемъ турецкимъ, когда родился Максимъ ²⁾), у Грековъ не стало воеводъ въ собственномъ смыслѣ, а поэтому и название воеводы, усвоенное его отцу, должно быть понимаемо въ томъ несобственному смыслѣ, что онъ принадлежалъ къ классу людей благородныхъ. Рожденіе Максима приблизительно должно быть относимо къ году 1475-му ³⁾). Послѣ немногихъ свѣдѣній о немъ, которыхъ сообщаютъ наши современныя записи, мы узнаемъ изъ собственныхъ его сочиненій, что юность свою онъ провелъ въ Италии для изученія наукъ. Надѣленный исключительно блестящими способностями, Максимъ не въ состояніи былъ довольствоваться тѣмъ обученіемъ, которое могъ получить въ домѣ родительскомъ, и долженъ былъ чувствовать потребность въ настоящемъ и высшемъ образованіи. Очень возможно, что его отецъ былъ человѣкъ богатый и былъ въ состояніи доставить ему средства искать высшаго образованія; но не невозможно и то, что онъ принадлежалъ къ числу искателей просвѣщенія, которыхъ не останавливалась никакая бѣдность. Максимъ желалъ себѣ высшаго образованія не западно-европейскаго холастическаго, а своего греческаго филологическо-философскаго, но онъ долженъ былъ отирадиться не въ Константинополь или какое нибудь другое мѣсто собственной Греціи, а въ Италию, потому, что въ то время представители греческаго образованія находились именно въ

¹⁾ Иль Курлятевъ называетъ Максима сыномъ воеводскимъ («сей убо Максимъ сынъ воеводский быль») въ послѣдовіи къ исправленному для него Максимомъ перевodu псалтыри. см. это послѣдовіе въ Описаніи рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, ч. I, стр. 19, № 13, л. 299.

²⁾ Максимъ родился около 1475-го года, о чёмъ сейчасъ, а его родина—городъ Арта, принадлежавший не къ имперіи константинопольской, а къ особому княжеству эпирскому, взять былъ Турками 24-го марта 1449-го года.

³⁾ Максимъ засталъ во Флоренціи живымъ Йеронима Саванаролу, который сожженъ былъ 23-го мая 1498-го года. Судя по тому глубокому впечатлѣнію, которое произвелъ на него послѣдній (см. ниже), должно думать, что онъ видѣлъ его болѣе чѣмъ 20-лѣтнимъ юношемъ. Максимъ умеръ у Тровцы въ 1556-мъ году, и князь Курбскій, видѣвшій его здѣсь въ 1553-мъ году, говорить, что онъ былъ «ужъ въ лѣтѣхъ превосходныя старости умащенъ» (Сказанія Курбск., 2 изд. стр. 39 fin.), т.-е. даетъ основаніе предполагать, что онъ приблизительно находился въ 80-лѣтней старости.

послѣдней. Въ Италии, начиная съ первой половины XIV вѣка, пробудилась горячая страсть къ изученію остававшейся дотолѣ совершенно забытою на Западѣ греческой классической литературы, имѣвшая своимъ величимъ слѣдствіемъ для этого Запада такъ называемое возрожденіе науки. Въ страну, возгорѣвшуюся энтузіазмомъ къ эллинизму, греческіе ученые начали переселиться изъ своего несчастнаго отечества еще до взятія Константина Туруками, а когда случилось это послѣднее событие, и когда насталъ день ужаснаго бѣгства для всѣхъ Грековъ, то развѣ только весьма немногіе изъ нихъ не захотѣли бѣжать въ Италию, чтобы спасаться отъ меча и деспотизма варваровъ. Но если и можно было находить въ самой Греціи одинокихъ немногихъ ученыхъ, которые хотѣли оставаться въ отечествѣ и сполна порабощенному Турками, то всякий Грекъ, желавшій возможно хорошаго греческаго образованія, долженъ былъ стремиться не къ нимъ, а въ Италию. Необходимое условіе образованія составляли библіотеки рукописей; по тогда какъ одиночные ученые, оставившіеся въ самой Греціи, могли обладать только вичтожными библіотеками, главнѣйшіе города Италии, въ которыхъ сосредоточивалось образованіе, устроили общественные библіотеки греческихъ рукописей, ревностнѣйшимъ образомъ собирая ихъ отовсюду, не щадя для этого никакихъ средствъ и усилий и разсылая для ихъ приобрѣтенія и сбиранія нарочныхъ агентовъ по всей Греціи. Наконецъ, Италия была страна европейски-свободная, а нацѣ Греціей отяготѣль деспотизмъ страшнаго парвара: какой же искатель науки не предпочелъ бы того, чтобы приобрѣтать ее, пользуясь благословеннымъ воздухомъ свободы, а не задыхаясь въ удушающей атмосфѣрѣ деспотизма?

Совершенно обстоятельный свѣдѣній о пребываніи Максима въ Италии, съ цѣлю изученія греческой науки, мы не имѣемъ. Онъ говоритъ, что прожилъ въ ней «время довольно»¹⁾: не безъ вѣроятности можно простирадь это довольноное время до 10-ти лѣтъ, полагая крайними предѣлами 1495 и 1505-й годы²⁾. Онъ говоритъ, что учился у знаменитыхъ учителей³⁾; по у какихъ именно, это остается неиз-

¹⁾ Сочиненій Максима Грека Казанск. изд. III, 123.

²⁾ Что Максимъ началъ учиться наукамъ «отъ юности», это говорять Ватопедскіе монахи въ посланіи о немъ къ матр. Варлааму.—Акт. Ист. т. I, № 123, стр. 176 col. 1 fin..

³⁾ Въ посвящительномъ посланіи великому князю Василію Ивановичу, при которомъ представилъ ему переводъ Толковой псалтыри, см. Прибавл. къ твор. свв. отцц. XVIII, 184.

иѣстнымъ. Онь упоминаетъ города Италии, въ которыхъ жилъ во время пребыванія въ ней: Венецию ¹⁾, Падую ²⁾, Флоренцію ³⁾, Феррару ⁴⁾ и Миланъ ⁵⁾. Можно съ пѣкоторою вѣроятностію предполагать, что Максимъ главнымъ образомъ учился въ Падуѣ, ибо здѣшний университетъ былъ обычнымъ мѣстомъ ученія для постѣдующихъ Грековъ. Во время бытности Максима въ Италии каѳедру греческой филологии и философіи занималъ въ Падуанскомъ университѣтѣ его соотечественникъ—эпиротъ по происхожденію Николай (Лаоникъ) Томей (*Τομαῖος*), который извѣстенъ тѣмъ, что въ философіи не былъ другомъ Платона противъ Аристотеля или на оборотъ, какъ это было тогда обычно, но одинаково уважалъ обоихъ великихъ философовъ, и которому усвоется та слава, что онъ первый преподавалъ на Западѣ Аристотеля въ его подлинномъ видѣ, освобожденного отъ искаженій, которыя онъ потерпѣть въ обработкѣ Арабовъ и схоластиковъ ⁶⁾). Миланъ въ Ломбардіи могъ послѣтить Максимъ за тѣмъ, чтобы слушать уроки у знаменитаго Димитрія Халкондила, который былъ профессоромъ греческаго языка при дворѣ миланскаго герцога Людовика Сфорцы и о которомъ современники отзываются такъ, что онъ былъ *Graecorum (eruditorum) suaes aetatis et Atticae eloquentiae facile princeps* ⁷⁾. Во Флоренціи Максимъ долженъ быть прожить болѣе или менѣе продолжительное время, въ первыхъ, потому, что здѣсь былъ центръ греческаго классицизма, ибо здѣсь впервые пробудилась любовь къ нему и здѣсь подъ покровительствомъ знаменитыхъ Медичисовъ, сдѣлавшихъ изъ Флоренціи вторая Афины, его изученіе достигло болѣе высокой степени совершенства, чѣмъ гдѣ либо въ Италии ⁸⁾; во-вторыхъ, для того, чтобы пользова-

¹⁾ См. сейчасъ ниже.

²⁾ Сочиненій Казанск. изд. I, 463 fin..

³⁾ Ibid. III, 194 sqq.

⁴⁾ Ibid. I, 463.

⁵⁾ Ibid. I, 427 и 463 (Лонгобардія).

⁶⁾ См. *Саты Νεσελλην. Φιλολογίαν*, стр. 92.

⁷⁾ У *Саты* ibid. стр. 64.

⁸⁾ Въ знаменитой Платоновой Академіи, основанной съ цѣлью изученія греческой филологии и философіи Козмою Медичисомъ около 1440-го года, въ Максимово время, какъ кажется, не было знаменитыхъ профессоровъ изъ Грековъ: но были знаменитые профессора изъ самихъ итальянцевъ: Ангель Помиціанъ, о которомъ говорить Максимъ (Казанск. изд. I, 463 fin.). но котораго, вѣроятно, онъ уже не захватилъ въ живыхъ ($\dagger$ 1494), и Марсевій Фвціанъ, котораго онъ еще могъ застать живымъ ($\dagger$ 1499).

ваться здѣшнею библіотекою греческихъ рукописей, которая, бывъ собрана усердѣйшими стараніями тѣхъ же Медичисовъ, не только относительнымъ образомъ была лучшою, чѣмъ гдѣ либо въ Италии, но и безъотносительно представляла изъ себя настоящую сокровищницу. Въ Венеции, подъ конецъ своего пребыванія въ Италии, Максимъ долженъ былъ слушать уроци у знаменитаго Яна Ласкариса, который въ 1503-мъ году прибылъ сюда въ качествѣ посла французскаго короля Людовика XII¹). По одному поводу Максимъ говорить въ своихъ сочиненіяхъ, что во время своего пребыванія въ Венеции онъ зналъ тамошнаго знаменитаго типографа Альда Мануччи (1494—1515) и «къ нему часто хаживалъ книжнымъ дѣломъ»²). Извѣстно, что Альдъ Мануччи не только печаталъ греческихъ классикоў, но и тщательно исправлять ихъ текстъ посредствомъ сличеній рукописей и посредствомъ употребленія въ дѣло филологического знанія, для каковой работы при его типографіи состояло цѣлое общество ученыхъ. Очень можетъ быть, что слова Максима: «часто хаживалъ къ нему книжнымъ дѣломъ» нужно понимать въ томъ смыслѣ, что онъ принималъ вѣкоторое участіе въ трудахъ поминутаго общества. Нигдѣ не говорить Максимъ въ своихъ сочиненіяхъ, чтобы онъ былъ въ Римѣ; и со всею вѣроятніею нужно думать, что онъ не былъ въ немъ. Въ большую часть времени его пребыванія въ Италии сидѣть на папскомъ престолѣ Александръ VI, Борджія (1492—1503), наихудшій и безправственнѣйшій изъ всѣхъ папъ, незаконный отецъ пятерыхъ дѣтей и въ томъ числѣ знаменитыхъ Цезаря и Лукреціи Борджіевъ. Не могло быть у Максима охоты видѣть этого папу, о которомъ онъ отзывается, что «всемъ неправданіемъ и злобою (онг.) превыше всякаго законопреступника»³).

¹) Курбскій, по его увѣреніямъ—со словъ Максима, говорить, что послѣдній учился философії у славнаго Іоанна Ласкаря въ Нарвѣ,—Сказани. 2 изд. стр. 296. Но такъ какъ самъ Максимъ ясно даетъ знать, что онъ не былъ въ Парижѣ и знаетъ о немъ только по слуху,—Казанск. изд. III, 179 *sub fin.*: то необходимо думать, что Курбскій не совсѣмъ понялъ Максима и что у парижскаго профессора онъ учился не въ самомъ Парижѣ, а именно въ Венеции.

²) Въ письмѣ къ кнізю Василию Михайловичу (вѣроятно Верейскому, который женатъ былъ на племяннице вел. княгини Софіи Фоминишны, дочери ея брата Андрея) съ объясненіемъ лицевой виньетки на книгахъ, печатанныхъ Мануччиемъ, состоявшей изъ якоря и рыбьи,—см. *Восток*. Опис. Румянц. Муз. № 254 л. 99, стр. 369, и у Смирнова въ Библіолог. Словарѣ, стр. 206.

³) Казанск. изд. III, 201 *fin.*, Ibid. I, 239: говоря прямо о Римѣ, не говорить, чтобы былъ въ немъ.

Чему именно учился Максимъ въ Италии у греческихъ учителей, объ этомъ онъ не говорить обстоятельно въ своихъ сочиненіяхъ, потому что говорить объ этомъ у насъ въ Россіи ему не представлялось поводовъ. А priori необходимо думать, что онъ учился греческой классической филологии, разумѣя подъ этимъ словомъ изученіе классического языка и классической литературы, и греческой классической платоново-аристотелевой философіи. Можетъ быть, уже во время пребыванія въ Италии Максимъ изучалъ отчасти и богословіе, но во всякомъ случаѣ частнѣмъ образомъ, посредствомъ собственнаго чтенія отцовъ, ибо въ Италии греческое богословіе не преподавалось съ каѳедръ. До какой степени онъ сталъ совершеннымъ ученымъ въ томъ, чему онъ учился, мы не можемъ сказать ничего положительного, такъ какъ у насъ въ Россіи его филологическо-философская ученость осталась подъ спудомъ и безъ всякаго приложенія. Но заключая отъ того, что мы знаемъ о немъ, необходимо думать, что, при своихъ талантахъ и своемъ прилежанії, онъ образовалъ изъ себя такого ученаго, который занялъ бы одно изъ паническихъ мѣстъ среди тогдашнихъ греческихъ филолога-философовъ, если бы послѣ ученія вступилъ въ рядъ послѣднихъ въ качествѣ учителя.

Современная Максиму учепая и неученая Италия была страной ужасающаго безвѣрія и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго суевѣрія. Римскіе папы съ своими священными коллегіями кардиналами, въ теченіе вѣковъ явившіе изъ себя зрелице самое позорное, вѣроятно—дѣлая заключеніе отъ самихъ себя, что если бы христіанство было вѣрою истинною, то Богъ не терпѣлъ бы на ихъ мѣстахъ людей столько недостойныхъ, первые были представителями безвѣрія. Вышее общество, погруженное подобно высшему духовенству въ развратъ, искало утѣшать себя среди своихъ пороковъ тѣмъ, чтобы крѣпче укоренять въ себѣ убѣжденіе, что нѣть никакого будущаго воздалия за добродѣтели и никакого наказанія за грѣхи и что все это христіанство есть обманъ и выдумка человѣческая. Философы произносили такой судъ о христіанствѣ, что оно есть вѣра годная развѣ только для старыхъ женщинъ и для невѣждъ¹⁾). Когда пробудилась въ Италии любовь къ изученію греческой классической литературы, то вмѣстѣ съ симъ въ такой же мѣрѣ пробудилаась любовь къ классическому язычеству съ отвращеніемъ отъ христіанства, такъ что наибольшая часть почитателей классического эллинизма были отъявлеными язычниками, и чѣмъ въ большей мѣрѣ были почитателями, тѣмъ въ большей мѣрѣ были врагами хри-

¹⁾ См. въ Прибавл. къ творр. свв. отцц. XVIII, 156.

стіанства. Максимъ, имѣвши поводы говорить объ этомъ безвѣріи современной себѣ Италии, изображаетъ его съ такою же яркостію, какъ и писатели западные¹⁾. Вмѣсть съ безвѣріемъ Италия погружена была въ суевѣrie: въ весьма значительной части ея образованнаго общества, какъ это было тогда и во всей западной Европѣ, господствовала чрезвычайно сильная страсть къ астрологіи, такъ что люди, отвергая божественный промыслъ, хотѣли твердо вѣрить, будто все въ мірѣ управляетъ движениемъ и влияниемъ звѣздъ. Максимъ сознается, что и онъ самъ болѣе или менѣе увлекался господствовавшимъ въ Италии вольномысліемъ и что только Господь, некущій о спасеніи всѣхъ, скоро посѣтилъ его своею благодатію и озарилъ своимъ свѣтомъ его мысль, не давъ ему погибнуть съ тамошними проповѣдниками иечестія²⁾. Однако, если наука и вѣріння философіи временно увлекала было Максима на путь вольномыслія, то истинный и величайший плодъ отъ нея былъ для него тотъ, что она очистила, возвысила и просвѣтила его вѣру, такъ чтобы послѣ онъ могъ явиться у насъ горячимъ проповѣдникомъ заповѣдей Божіихъ противъ преданій человѣческихъ, каковая проповѣдь требовалась характеромъ нашего тогданиаго благочестія.

Максимъ принадлежать къ числу тѣхъ избранныхъ людей, которыхъ Богъ посыпаетъ въ міръ пророками проповѣдывать людямъ Его истины. Въ Италии суждено было видѣть ему подобнаго пророка, чтобы послѣ у насъ въ Россіи онъ имѣлъ передъ глазами примѣръ для своего воодушевленія. Это былъ знаменитый Іеронимъ Савонарола. Готовившись быть врачомъ, Савонарола на 23-мъ году жизни почувствовалъ влечение къ монашеской жизни и вступилъ въ орденъ доминиканцевъ. Въ продолженіе 14-ти лѣтъ онъ употребляемъ былъ начальствомъ въ качествѣ то проповѣдника, то профессора въ разныхъ городахъ Италии, и наконецъ назначенъ былъ аббатомъ флорентинскаго монастыря св. Марка. Въ развратной тогда Италии прекрасная Фло-

¹⁾ Казанск. изд. I, 463.

²⁾ Казанск. изд. I, 463. Максимъ говоритъ и о своемъ отпращеніи къ астрологіи, но выражается весьма неопределенно. Имѣвъ поводы бороться противъ нея въ Россіи, о чёмъ ниже, онъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ противъ нея посланий: «искусствомъ многолѣтнимъ блазненное звѣздочеченіе нознакомъ...; искусствомъ бо сіе разумѣхомъ: иа единаго, спасевымъ (астрологическимъ) учениемъ внемлюща. чисту вѣру въ Бога сохранивша».—Казанск. изд. I. 374 и 375. Какъ понимать тутъ слова: искусствомъ въ смыслѣ яи—собственнымъ опытомъ ил—собственнымъ наблюдениемъ, не видно; вероятнѣе, какъ кажется, послѣднєе.

ренція была городомъ развратнѣйшимъ, такъ что уступала въ семь отношеній развѣ только Риму. Возгорѣвшись ревностию спасти утонавшій въ нечестіи городъ и въ особенности, какъ говорить Максимъ, истребить въ немъ два грѣха, которыми онъ злѣйше былъ порабощены,—богомерзкій содомитизмъ и безчеловѣчное рѣзианіе или ростовщичество, Савонарола выступилъ пламеннымъ проповѣдникомъ покаянія. Исполненная неотразимой силы и убѣдительности проповѣдь имѣла необычайный успѣхъ. Тогда проповѣдникъ, одушевленный успѣхомъ, рѣшился на то, лежавшее въ глубинѣ его души, чтобы обратить свой покаяній призывъ отъ малой частицы церкви, каковую представляла Флоренція, ко всей этой послѣдней,—чтобы заговорить о необходимости ея преобразованія во всемъ ея объемѣ и чтобы съ такимъ же громовымъ словомъ обличенія, съ какимъ обращался онъ къ жителямъ Флоренціи, обратиться къ самому папѣ и ко всѣмъ книжникамъ и фарисеямъ, сидѣвшимъ на Мовсеевомъ сѣдалищѣ. Папа, тотъ Александръ VI, о которомъ мы упоминали, послѣ напрасныхъ попытокъ принудить Савонаролу къ молчанию, привелъ дѣло къ такому концу, что, послѣ пятилѣтней проповѣди, 23-го Мая 1498-го года онъ преданъ быть сожженію. Иреп. Максимъ, жившій во Флоренціи въ то время, какъ проповѣдувалъ въ ней Савонарола, видѣвшій успѣхъ его проповѣди и тотъ конецъ, къ которому она привела его, разсказываетъ о немъ съ величайшимъ энтузиазмомъ¹⁾). Въ одномъ замѣчаніи о непреоборимой ревности Савонаролы Максимъ ясно выражаетъ самого себя и свою душу. Когда папа съ кардиналами прислалъ Савонаролѣ запрещеніе проповѣдывать, то послѣдній, по словамъ Максима, «не точіо не послушаль беззаконіихъ соѣтъ сицевій, но паче разжехся божественною ревностию и соборное ихъ посланіе (аки) неправедно и Богу неугодно обличаше... и сего ради множае пребываше обличая ихъ беззаконія, уже бо—прибавляеть Максимъ—яко лѣпо есть мыслити мнѣ, судивъ себѣ и умрети за благочестіе и Божію славу, аще потребно будетъ: въ нихъ же бо аще возгорится огнь ревности, яже по Бозѣ, не точіо имѣній и стяжаній, но и самое житіе прерѣти творять»...

Если бы Максимъ остался въ Италии и занялъ тамъ одну изъ кафедръ, то, какъ мыувѣрены, въ числѣ прославившихся тогда въ Италии греческихъ ученыхъ и профессоровъ онъ занялъ бы одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Но, старательно обогативъ себя виѣшиней

¹⁾) Казанск. изд. III, 194 sqq.

эллинской мудростю, Максимъ почувствовалъ себя предпазненнымъ не для ней. Его влекла къ себѣ мудрость христіанская, теоретически состоявшая въ изученіи отцовъ и практически въ монашескомъ аскетизмѣ: послѣ долговременнаго ученія въ Италии онъ отправился на Афонъ и тамъ постригся въ монахи. Со всему вѣроятностію должно предполагать, что Максимъ рѣшился постричься въ монахи на Афонѣ, а не гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, по той причинѣ, что Афонъ представлялъ изъ себя единственную сокровищницу книжной мудрости христіанской. На Афонѣ было тогда 18 большихъ монастырей¹⁾; все они имѣли болѣе или менѣе хорошия библіотеки; а это было такое богатство, какого нигдѣ въ другомъ мѣстѣ невозможно было найти. Монастыры, въ которомъ Максимъ постригся, были однимъ изъ столповыхъ, такъ сказать, афонскихъ монастырей—Благовѣщенскій, Ватопедскій.

На Афонѣ, до вызова въ Россію, Максимъ провелъ, по его собственнымъ словамъ, лѣтъ десять²⁾. Необходимо думать, что первымъ его занятіемъ здѣсь, имѣсть съ подвигами монашескими, было прилежное чтеніе отцовъ церкви, чтобы, какъ мы сказали, послѣ приобрѣтенія мудрости вѣнчаной и эллинской пріобрѣсти мудрость христіанскую, т. е. стать въ возможной мѣрѣ широко и основательно начитаннымъ христіанскимъ богословомъ. Сообщая иѣчто положительное о себѣ за время своего пребыванія на Афонѣ, Максимъ говорить, что онъ неоднократно послалъ быть монастыремъ для сбора милостыни и что этими своими путешествіями онъ пользовался, чтобы проповѣдывать и защищать христіанскую православную вѣру. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: «идѣже ии посланъ быхъ отъ священныя обители Ватопедскія, ии новеллью преподобныхъ отецъ моихъ, по милостыни, вездѣ, благодатию святаго Ираклия просвѣщаемъ, православную вѣру проповѣдахъ»³⁾; въ другомъ мѣстѣ: «сподобихся за благовѣріе многоажда во многихъ мѣстахъ подвизатися и не посрамленъ бѣхъ, и напаче противу латыниихъ противуополичася, силыихъ сущихъ во священникахъ писаниихъ и во вѣнчаниихъ»⁴⁾. Слова Максима, по всей вѣ-

¹⁾ См. грамоту вел. кн. Василія Ивановича на Афонъ, вслѣдствіе которой прибылъ въ Россію Максимъ, во Времени. Общ. Ист. и Древн. кн. V, Смѣсь, стр. 32.

²⁾ Казанск. изд. II, 377 лин..

³⁾ Казанск. изд. II, 365 нач..

⁴⁾ Ibid. II, 370 лин. (Въ словахъ послания къ митр. Макарію: «еще и предъ самими вельможами» и пр.—Казанск. изд. II, 364 лин., Максимъ разумѣеть русскихъ вельможъ, составившихъ боярскую думу, къ которымъ онъ писалъ до митрополита).

роятности, должно понимать такъ, что онъ посыпаемъ бытъ монастыремъ за милостыней на острова греческихъ морей, находившееся подъ властію Венецианцевъ, и что здѣсь онъ укрѣпилъ православныхъ въ отеческой вѣрѣ, противодѣйствуя пропагандѣ латинянъ и вступая съ латинскими нарочитыми миссіонерами въ открытия препія¹⁾).

Послѣ 10-лѣтнаго пребыванія на Афонѣ Максимъ долженъ быть предпринять то путешествіе къ намъ въ Россію, которое сдѣлало его нашимъ русскимъ историческимъ дѣятелемъ.

Мы уже говорили выше, что Максимъ предпринялъ путешествіе не съ тѣмъ, чтобы навсегда оставаться у насъ, какъ это случилось, а съ тѣмъ, чтобы исполнить въ Москвѣ одно временное порученіе по книжной части. Въ библіотекѣ великаго князя Василія Ивановича между другими греческими рукописями находилась большая толковая псалтырь, представлявшая изъ себя сводъ толкований (catena) очень многихъ толковниковъ²⁾). Неизвѣстно кто и какими представлѣніями возбудилъ въ великому князю и митр. Варлааму желаніе, чтобы псалтырь эта была переведена на славянскій языкъ³⁾). Такъ какъ въ Москвѣ вовсе не было тогда людей, способныхъ совершить желаемый переводъ, то рѣшились обратиться за переводчиками въ Грецію. Изъ разспросовъ у афонскихъ монаховъ, приходившихъ въ Москву за милостыней, узнали, что такой «переводчикъ книжный» есть въ одномъ изъ афонскихъ монастырей, именно—въ монастырѣ Ватопедскомъ старецъ Савва⁴⁾). Въ 1515-мъ году великий князь отправилъ своихъ пословъ

¹⁾ Чтобы Максимъ проповѣдывалъ православную вѣру въ какихънибудь другихъ православныхъ странахъ, кроме самой Греціи (территорій, населенныхъ Греками), этого нельзѧ предполагать, потому что онъ зналъ только языкъ греческій и латинскій (и италіянскій).

²⁾ О библіотекѣ великаго князя см. въ указанномъ выше изслѣдованіи С. А. Бѣлозурова: «О библіотекѣ московской государей въ XVI столѣтіи».

³⁾ Что касается до «кто», то, по всейѣѣрѣтности, это были Греки, служившіе при дворѣ великаго князя и остававшіеся отъ тѣхъ многихъ Грековъ, которые прибыли въ Москву съ Софіей Оомниншной. Относительно представленій, если они состояли въ указаніи какихънибудь обособленныхъ нуждъ времени, а не въ простомъ указаніи общей важности псалтыри, какъ книги богослужѣбной и четей. мы не находимъ возможнымъ сказать чтонибудь (самъ Максимъ въ своемъ посланіи къ великому князю, составляющемъ предисловіе къ переводу,—см. ниже, не указываетъ ни на какія особынныя нужды времени,—Опис. Синод. ркн. Горск. и Невостр. № 71, л. 1, стр. 84).

⁴⁾ Передъ тѣмъ какъ посыпать великому князю на Афонъ за Саввой, былъ

на Алоицъ съ богатой милостыней во всѣ тамошніе монастыри¹⁾ и съ просьбой къ проту съ соборомъ ирочихъ настоятелей, чтобы они прислали въ Москву на время для послуженія помянутаго старца Савву²⁾. Но Савва по причинѣ старости и болѣзни ногъ отказался ѿхать въ Россію. Тогда прѣтъ алоицкій и монахи ватопедскіе, не желая оставить прощенія великаго князя неполненнимъ, рѣшили послать въ Москву вмѣсто Саввы Максима, какъ человѣка способнаго исполнить то, на что нуженъ былъ государю первый: «пренодобнѣйший отецъ нашъ прѣтъ,—шипнуть монахи ватопедскіе въ Москву,—яко да не останется прощеніе великаго князя бездѣльно и безконечно (не окончено, не исполнено), избрахъ честнѣйшаго брата нашего Максима, еже изъ нашія священныя обители Ватопеди, аки искусна божественному Иисасію и пригожа на сказаніе (способнаго къ переводу) всіхъ книгъ—и церковныхъ и глаголемыхъ елинскихъ (эллинскихъ,—свѣтскихъ или классическихъ): понеже отъ младыя юности въ сихъ возрасте и симъ иаказася добродѣтельнѣй (основательно), и не яко иной пѣбѣй многими почитанымъ токмо (т. е. не начитанъ только въ книгахъ, какъ иные а получилъ настоящее основательное образованіе). Максимъ, зная языки греческій и латинскій, не зналъ русскаго: «но—говорять монахи—надѣемъ же ся, яко и русскому языку борзо и выскнетъ»³⁾. Отзывъ монаховъ ватопедскихъ о Максимѣ показываетъ, что они были

въ Москвѣ за милостыней ватопедскій монахъ (*Муратъева Сношенія Россіи съ Востокомъ*, I, 22 sub fin.): онъ-то, какъ нужно думать, и указалъ на Савву.

¹⁾ Великій князь послалъ двѣ тысячи рублей на поминовеніе родителей и съ просьбой молиться о чадородіи его неплодной супруги Соломоніи,—у *Муратъева ibid.* стр. 23.

²⁾ Грамота великаго князя прѣту съ соборомъ о Савве, отъ 15-го Марта 1515-го года, во Временикѣ Общ. Ист. и Древн. кн. V. Смѣсь, стр. 31. Просьба въ ней: «чтобы есте къ намъ прислали вмѣстѣ съ нашими людьми (посланными на Алоицъ) изъ Ватопета монастыря старца Савву переводчика книжново на время, а тѣмъ бы есте намъ послужили, а мы, ожъ дастъ Богъ, его пожаловавъ, онять къ вамъ отпустимъ». Но Никоновской лѣтописи, VI, 203 fin., и по Софійской 2-й лѣтописи, въ Собр. лѣтт. VI, 257, послы на Алоицъ—Василій Коныль Сиячій и Иванъ Варавинъ были отправлены вмѣстѣ съ посломъ турецкаго султана и съ нашимъ посломъ къ султану Василіемъ Андреевымъ Коробовымъ, того же 15-го Марта, которыхъ подписьана грамота. Ходилъ на Алоицъ сданъ Коныль, а Варавинъ для потребъ великаго князя оставался въ Константино полѣ,—Никон. лѣт. стр. 205.

³⁾ Посланіе монаховъ ватопедскихъ къ митр. Варлааму,—въ Акт. Ист. т. I, № 122. Иль же посланіе къ великому князю, но безъ конца,—во Времени. *ibid.* стр. 32.

весьма высокаго о немъ мнѣнія и твердо были увѣрены, что онъ не посрамитъ ихъ передъ великимъ княземъ. Ихъ увѣренность не обманула ихъ, но если бы они могли предвидѣть то, какая судьба ожидала у насъ ихъ многоученаго собрата, котораго они слали къ намъ съ гордостю за него! Максимъ отправленъ былъ въ Россію изъ Ватопеда въ сопровождениі двухъ монаховъ, которые имѣли оставаться съ нимъ въ Москвѣ, пока онъ не исполнитъ порученія, для котораго быть посылаемъ: одинъ изъ монаховъ былъ Болгаринъ и, можетъ быть, предназначался помогать ему въ изученіи русскаго языка¹⁾). На пути съ Аеона въ Россію въ Іюнѣ-Іюль зѣсяцѣ 1516-го года Максимъ былъ въ Константинополѣ²⁾), а за тѣмъ, послѣ продолжительной остановки въ Крыму, чтб, вѣроятно, требовалось государевыми дѣлами сопровождавшихъ его пословъ³⁾, онъ прибылъ въ Москву 4-го Марта 1518-го года⁴⁾.

¹⁾ Указанное посланіе къ митрополиту, Никон. лѣт. VI, 212 и Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 261. Для чего именно посланы были съ Максимомъ два монаха, ясно не видно: вѣроятно, затѣмъ, чтобы черезъ приданіе его посольству возможно бѣльшой торжественности расположить великаго князя къ возможному увеличенію того «пожалованія», которое опять обѣщалъ за трудъ перевода, и чтобы контролировать Максима относительно сего послѣдняго. Одинъ изъ спутниковъ Максима былъ въ Москвѣ передъ тѣмъ, какъ посыпать великому князю посольство на Алонъ, и можетъ быть—онъ прямо приглашенъ былъ сопровождать имѣющаго прийти въ Москву переводчика.

²⁾ Грамота великому князю патріарха константинопольскаго Феодорита, присланная съ митрополитомъ зигайскимъ, который прибылъ вместе съ Максимомъ (Никон. лѣт. VI, 212). отъ Іюля 1516-го года,—Акт. Ист. т. I, № 121.

³⁾ О житіи или остановкѣ въ Переяславѣ упоминаетъ самъ Максимъ.—Казанск. изд. III, 174 нач..

⁴⁾ Никон. лѣт. VI, 212, Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 260.—Въ указанныхъ выше актахъ (посланныхъ на Алонъ и съ Алона) говорится, что Савва, переводчикъ книжный, вызываемъ былъ въ Москву и Максимъ шелъ въ нее на время, но не говорится прямо, что именно для перевода толковой псалтыри. Что это именно такъ, видно: 1) изъ того, что тотчасъ по прибытіи въ Москву Максимъ приступилъ къ переводу псалтыри и что по окончаніи перевода началъ проситься на Алонъ, какъ совершившій то дѣло, для котораго приходилъ; 2) изъ прямыхъ свидѣтельствъ Максима, что этотъ именно переводъ былъ цѣлью его прихода въ Москву: въ предисловіи къ переводу.—Опис. Сунодд. рукп. Годск. и Невостр. № 71, л. 1, стр. 84, въ позднѣшаго,—Казанск. изд. II, 378. Совершенно возможно, что Максимъ привезъ въ извѣстность библіотеку греческихъ книгъ великаго князя, сдѣлавъ имъ опись, чтѣ слѣдуетъ изъ рѣчей одного сказанія о немъ (и если кнвгъ

Не представляло чрезвычайной важности то дѣло, для которого прибыть Макеимъ и которое имѣло состоять въ перевѣдѣ однѣ книги съ греческаго языка на славянскій; но государь, какъ нужно думать, былъ чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что на Аѳонѣ не отказались исполнить его просьбы и что Макеимъ съ своей стороны не отказался предпринять далекое и трудное путешествіе: онъ встрѣтилъ послѣдняго и его спутниковъ съ великою честью, помѣстилъ ихъ на жительство въ митрополичью Чудовомъ монастырѣ и приказалъ писать и доволить ихъ всяими потребами отъ своей царской трапезы¹). Митрополить съ своей стороны принялъ Макеима и его спутниковъ съ великою любовию и честію²).

Немедленно приступилъ Макеимъ къ переводу псалтыри, для чего онъ прибылъ въ Москву. Такъ какъ онъ не зналъ по-русски, то ему дани были два посольские толмача или переводчики, съ тѣмъ, чтобы онъ переводилъ съ греческаго на латинскій, а они съ латинскаго на славянскій³); для письма дани ему два каллиграфа, которые

этихъ находилось въ библіотекѣ столько, что было что приводить въ порядокъ); очевидно можетъ быть, что онъ составилъ списокъ греческихъ книгъ, не переведенныхъ на славянскій языкъ, какъ утверждаютъ некоторые, основываясь на неизвѣстныхъ намъ свидѣтельствахъ (едва ли не представляющихъ простаго недоразумѣнія). Но онъ былъ вызванъ въ Россію не для того, и не для другаго.

¹) Изъ Ватопеда сопровождали Макеима два монаха: но къ нему присоединились для путешествія въ Москву за милостыней еще два спутника: съ Аѳона проигуменъ Наптелеимонова монастыря и изъ Константинополя отъ патріарха митрополитъ земнойской. Великій князь показалъ одинаковую благосклонность ко всему творчеству Макеима: Икон. лѣт. VI, 212, Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 260 fin..

²) Лѣтопись ibid..

³) Поясненіе посольскимъ латинскимъ толмачамъ, назначенные къ Макеиму, были: Дмитрий Герасимовъ, прозванныйся Малымъ, а потому, когда достигъ глубокой старости,—Старымъ, и Власій. Первый изъ нихъ, употреблявшийся не только какъ толмачъ въ Москвѣ и въ посольствахъ, но и для самостоятельныхъ посольствъ, извѣстенъ переводами съ латинскаго и нѣмецкаго для архиепископовъ новгородскихъ—Геннадія (съ латинскаго книги Де-Лоры, о которой упоминали мы выше, и съ нѣмецкаго надписи на псалмовъ) и Макарія (послѣ митрополита—съ латинскаго Бруноновой псалтыри) и письмами къ первому (объ аллелуйи и о бѣломъ клобукѣ). Второй, сверстникъ первого, участвовалъ съ первымъ въ переводахъ, дѣланныхъ для Геннадія (переводъ надписи на псалмовъ). Со словъ Герасимова Навель Іоаній написалъ въ Римѣ въ 1523-мъ году свое Сказаніе о Россіи, а отчасти со словъ Власія Іоанія Фабръ написалъ таковое же Сказаніе въ Тюбингенѣ въ 1525-мъ году. Письмо Ген-

были: известный московский каллиграфъ своего времени, родомъ Новгородецъ, Михаилъ Иковлевъ Медоварцевъ¹⁾ и монахъ Троицкаго Сергіева монастыря Силуанъ, или, какъ онъ обыкновенно называется, Селиванъ, ставший потомъ ученикомъ Максима и раздѣливший его судьбу²⁾. Толковая псалтырь, которую долженъ быть перевести Максимъ и которая, какъ мы сказали, представляла сводъ толкований очень многихъ отцовъ и писателей (всѣхъ отцовъ и писателей до четыриадцати или до пятиадцати) была по своему объему книгой чрезвычайно большой или совсѣмъ огромной³⁾; переводъ ея былъ трудомъ весьма не легкимъ по той причинѣ, что каждый толкователь писалъ своимъ языкомъ. Но Максимъ занимался дѣломъ перевода съ величайшюю ревностью и прилежаниемъ, такъ чтобы, по его собственнымъ словамъ, ниже дахати имѣть праздность⁴⁾, и успѣль окончить его сравнительно въ недолгое время—въ годъ и пять мѣсяцевъ⁵⁾. Въ то же время, въ видѣ побочной работы, онъ успѣль сдѣлать, по просьбѣ митр. Варлаама, еще другой небольшой переводъ, это именно—переводъ толко-

расимова къ дьяку Мисюрю-Мунехину во Исковъ, написанное въ то время, какъ онъ и Власій переводили съ Максимомъ псалтырь, и въ которомъ онъ говорить объ этомъ переводѣ,—см. въ Прибавл. къ творр. свв. отц. XVIII, 190 sqq. Самъ Максимъ говорить о своихъ сотрудникахъ при переводѣ въ посвятительномъ посланіи ве.икому князю,—Опис. Синод. рукн. № 71, стр. 87.

¹⁾ О Медоварцевѣ см. у Ключниковаго въ Житіяхъ, стр. 163 прим., и у Стросева въ Библіологич. Словарѣ, стр. 93.

²⁾ Что касается до Селивана, то въ записи на одномъ спискѣ переведенныхъ имъ Бесѣдъ Іоанна Златоустаго на евангеліе отъ Матея сообщается относительно того, что онъ сталъ ученикомъ Максима: «Вѣдомо же и о семъ буди, яко сей ишокъ Селиванъ (родомъ старорусецъ) не бѣ отъ постриженія ученикъ Максима, но учения ради вдаша ему въ послушаніе, еже изыскнути ему художества сего отъ него—преводити книги съ еллиногреческаго діалекта на русскій. еще же и повелѣніемъ благочестиваго самодержца русскія земля принуждены бысть учитися», см. Описание рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, ч. I. № 138, стр. 163—164.

³⁾ Въ славянскомъ переводе она—огромный листовой томъ тысячи въ полторы листовъ (обыкновенно писалась въ двухъ половинахъ,—по десяти каѳизмъ въ той и другой).

⁴⁾ Казанск. изд. I, 237. Толмачи Дмитрій и Власій переводили перемѣняясь или чередуясь одинъ съ другимъ,—сейчасъ выше указанное письмо первого къ Мисюрю—Мунехину.

⁵⁾ Самъ Максимъ въ посланіи къ великому князю, о которомъ сейчасъ ниже.

вания на некоторую часть книги Деяний апостольскихъ, толкованія на которую не было у насъ дотолѣ на славянскомъ¹⁾.

Представляя свой трудъ великому князю Василию Ивановичу, Максимъ предварилъ его обширныемъ посланіемъ къ государю, въ котеромъ, послѣ вступительной рѣчи о томъ, какъ онъ—государь отъ пребывающей въ немъ благодати и божественныи ревности пожелалъ имѣть переводъ книги и какъ онъ поискать для сего переводчика на Афонѣ, Максимъ обстоятельно говорить объ отцахъ и писателяхъ, толковацій которыхъ вошли въ составъ свода псалтири. Раздѣлия всѣхъ этихъ отцовъ и писателей на три класса, на державшихся объясненія аналитического (тайственнаго, усматривающаго въ событияхъ и лицахъ историческихъ тайны міра духовнаго), аллегорическаго (иноскказательнаго, подъ которымъ у Максима разумѣется правильное изъясненіе псалмовъ пророчественныхъ) и буквальнаго, онъ характеризуетъ эти классы толкований и дѣлаетъ замѣчанія историческая и критическая о большей части отцовъ и писателей въ отдельности²⁾.

Исполнившъ порученіе, для котораго быть вышнаемъ въ Россію, Максимъ настоятельно просилъ великаго князя, чтобы онъ отпустилъ его обратно на Афонъ³⁾. Какъ ни хорошо было ему житѣе въ Москвѣ при довольствѣ всякими потребами отъ царскія трапезы государя, но необходимо думать, что полуторогодичное пребываніе между Русскими вовсе не расположило его въ пользу своихъ единовѣрцевъ. Человѣкъ высоко-образованный онъ долженъ быть чувствовать себя совершенно чуждымъ и лишнимъ въ нашемъ крайне невѣжественномъ обществѣ. Онъ проинъ свою юность въ странѣ свободы и быть по своей на-

¹⁾ У насъ было на славянскомъ сводное толкованіе на книгу Деяний апостольскихъ не полное, кончавшееся 12-й главой или 30-мъ зачаломъ (это толкованіе въ ркн. Моск. Дух. Академіи № 17, которая дана была въ 1501-мъ году митр. Симономъ въ Троицкій монастырь, а послѣ принадлежала митр. Варлааму, т.-е., вѣроятно, взята была послѣдніемъ отъ Троицы именно по случаю перевода Максимова). Максимъ перевѣлъ толкованіе неизвѣстнаго съ 13 главы или съ 31 зачала до конца, см. Прибавл. къ творр. свв. отцц. ч. 18, стр. 187 sqq (совершаль переводъ съ Власіемъ, толмачемъ латинскимъ и нѣмецкимъ, и окончилъ его въ Мартѣ 1519-го года, см. припись на Троицкой лаврской ркн. № 118, писанной въ 1520-мъ году).

²⁾ См. Опис. сунодд. ркн. Герек. въ Невостр. № 71, стр. 83 йн. sqq, и Прибавл. къ творр. свв. отцц. ч. 18, стр. 177 нач. sqq.

³⁾ Этюю настоятельною просьбою Максимъ оканчиваетъ свое посланіе, приложенное къ переводу псалтири,—Опис. сунодд. ркн. стр. 87, Прибавл. стр. 185.

строенности человѣкъ свободолюбивый (изъ числа тѣхъ людей, которые живо сознаютъ человѣческое достоинство и человѣческія права), а у насъ господствовала суровая власть, чрезвычайно близкая къ настоящему деспотизму. Правда, что въ Турціи былъ и совсѣмъ настоящій деспотизмъ; но Аѳонъ въ семь случаѣ представлялъ счастливое исключеніе, умѣвъ поставить себя такъ, чтобы его отношенія къ Турку ограничивались платой даніи. Оставшись у насъ, Максимъ не могъ заключиться въ самомъ себѣ, а долженъ былъ стать человѣкомъ общественнымъ; но будучи таковымъ, онъ не могъ бытьничѣмъ инымъ, какъ только порицателемъ всего нашего: а такое положеніе, какъ хорошо онъ могъ понимать, было самое неудобное и вовсе не обѣщавшее ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что онъ долженъ былъ сознавать свою неудержимую наклонность къ критикѣ. Но, несмотря на свои усиленія просьбы, Максимъ не былъ отпущенъ великимъ княземъ. У насъ въ то время обыкновенно обѣщали иностранцамъ, приѣзжавшимъ къ намъ на службу, что они свободно будутъ отпускаемы изъ Россіи, когда пожелаютъ, и на самомъ дѣлѣ вовсе не исполняли этого обѣщанія: хотѣли — отпустили, не хотѣли не отпускали¹⁾. Великий князь, вызыvаясь Аѳона Савву, считалъ нужнымъ прямо обѣщать тамошнему начальству, что по м�рованіи въ немъ надобности онъ опять будетъ отпущенъ назадъ; но въ Максимѣ онъ увидѣть человѣка нужнаго себѣ и, совсѣмъ забывши про свое обѣщеніе, рѣшился не отпускать его, хотя послѣдний съ своей стороны и не желалъ оставаться. Усиленная просьба Максима даетъ знать, что ему уже известно было о принятомъ у великаго князя относительно сего рѣшенія и что онъ пытался только надеждой вымолить отпускъ. Увы! нашрасная надежда: спутники его были отпущены²⁾, а онъ, несмотря на всѣ его мольбы, былъ оставленъ въ Россіи.

Но на что былъ надобенъ Максимъ великому князю послѣ перевода толковой псалтири?

¹⁾ «Иноземцамъ съ умомъ и съ дарованіемъ легче было тогда вѣхать въ Россію, нежели выѣхать изъ нее», какъ выражается Карамзинъ своимъ искусствомъ,—VII, 112 бп..

²⁾ Когда Максимъ молилъ великаго князя о себѣ, спутники его еще находились въ Россіи (какъ это видно изъ его мольбы); когда они были отпущены, остается неизвѣстнымъ, вѣдь въ лѣтописяхъ этого не записано (а подъ 11-мъ Сентября 1519-го года записано объ отпускѣ звѣнійского митрополита и проигумена пантелеимоновскаго, но не ватопедскихъ монаховъ, присланыхъ съ Максимомъ).

Прямого отвѣта на этотъ вопросъ намъ не дается. Но оффиціальное, правительствою порученное дѣло, за которымъ мы видимъ Максима тотчасъ послѣ того, какъ онъ былъ оставленъ въ Россіи, есть исправление нашихъ богослужебныхъ книгъ: и необходимо думать, что для этого именно исправлений онъ былъ удержанъ великимъ княземъ¹⁾. Не особенно задолго до приѣзда въ Россію Максима изъкоторые Греки, остававшіеся при великому князѣ послѣ его матери Софы Фоминиши, сдѣлали открытие, что славянскія богослужебныя книги исполнены еретическихъ погрѣшностей, о каковомъ открытии и довели до свѣдѣнія государя. Василій Ивановичъ вовсе не могъ допустить мысли, чтобы наши книги были исполнены погрѣшностей еретическихъ, ибо, впервыхъ, по его представлѣніямъ, какъ и всѣхъ тогданишихъ Русскихъ, нужно было въ семъ случаѣ допустить, что наши чудотворцы, которые употребляли эти книги, не суть чудотворцы²⁾; во-вторыхъ, тогда у насъ обратилось въ твердый церковно-политический догматъ то мнѣніе, что при поврежденіи древнаго православія у поздѣйшихъ Грековъ оно сохраняется во всей чистотѣ своей у насъ — Русскихъ, между тѣмъ какъ

¹⁾ Что Максимъ приступилъ къ исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ не по собственной инициативѣ, какъ можно было бы подумать и какъ мы съ своей стороны думали и имѣли случай высказываться печатно, а именно по порученію великаго князя, это видно изъ того, что, приступивъ къ сему дѣлу, когда еще не зналъ русскаго языка, онъ пользовался помощью толмачей Димитрія и Власія (Казанск. изд. I, 33 sub fin.). Если Максиму помогали въ трудѣ государева чиновники, то ясно, что онъ совершилъ трудъ съ вѣдома государя и по его порученію. Равныя образомъ мы знаемъ, что помогали Максиму въ исправленіи книгъ его бывшіе иисусы Михаилъ Медоварцевъ и старецъ Селиванъ (см. ниже судъ надъ Максимомъ). А это опять ясно показываетъ, что исправленіе производимо было по порученію великаго князя. Да, не зная русскаго языка, Максимъ и не приступилъ бы по собственной инициативѣ и по собственной волѣ къ исправленію книгъ. Иаконецъ, въ своемъ Исповѣданіи вѣры онъ прямо говоритъ, что исправлялъ книги, новшущаясь новѣйшимъ великаго князи, — Казанск. изд. I, 37. Что Максимъ приступилъ къ исправленію книгъ тотчасъ послѣ перевода псалтыри, видно изъ того, что приступилъ къ нему еще пуждаясь въ толмачахъ, между тѣмъ какъ въ 1521-мъ году онъ уже не нуждался въ нихъ (въ семъ году онъ перевелъ безъ толмачей Метафрастово житіе Богородицы, см. ниже).

²⁾ Максиму, когда онъ подтвердилъ открытие, сдѣланное помянутыми Греками, Русскіе говорили: «велию, о человѣче, досаду тѣмъ дѣломъ прилагашь возсіявшиимъ въ нашей землѣ преподобнѣйшимъ чудотворцемъ, они бо спасевшиими священными книгами благоугодиша Богови и живуще и по представлѣніихъ отъ Него прославишаася святыио въ всякихъ чудесъ дѣствовъ». — Казанск. изд. III, 88.

съ допущенiemъ мысли о присутствiи въ нашихъ книгахъ еретическихъ погрѣшностей необходимо было бы отказаться отъ этого доклада. Слѣдствiемъ сего было то, что помянутые Греки, сдѣлавшиe свое открытие и сообщившиe о немъ великому князю, привлекли на себя крайнiй гнѣвъ послѣдняго ¹⁾). Но государь, какъ нужно думать, допускалъ возможность погрѣшностей въ книгахъ нееретическихъ, и съ цѣлью очищенiя книгъ отъ этихъ погрѣшностей и могъ онъ возложить на Максима порученiе сдѣлать ихъ пересмотръ. Относительно исторiи исправленiя Максимомъ нашихъ богослужебныхъ книгъ мы имѣемъ чрезвычайно мало свѣдѣнiй. Постѣ того, что онъ приступилъ къ нему тотчасъ вслѣдъ за окончанiемъ перевода толковой псалтыри, знаемъ только, что онъ исправлялъ Тріодъ Цвѣтную, съ которой и началъ, Часословецъ, Псалтырь, Евангелие, Апостолъ. Такъ какъ Максимъ подтвердилъ открытие, сдѣланное прежними Греками, что въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ находились еретическiя погрѣшности, то онъ не только не заслужилъ за свой трудъ благодарности великаго князя, но, подобно тѣмъ же прежнимъ Грекамъ, и привлекъ на себя его гнѣвъ. Къ рѣчамъ обѣ этомъ мы возвратимся послѣ.

Будучи оставленъ въ Россiи насильствiению, Максимъ, по видимому, долженъ былъ заботиться только о томъ, чтобы поскорѣе окончить новое, возложенное на него, порученiе, съ тѣмъ, чтобы послѣ сего опять проситься домой. Но исправленiе богослужебныхъ книгъ было дѣло такое безконечное, что онъ волей-неволей долженъ былъ помириться съ мыслью оставаться въ Россiи неопредѣленно долгое время. Оставленный въ Россiи и принужденный помириться съ мыслью о самомъ себѣ какъ обѣ ея житель на неопредѣленное время, Максимъ отчасти по впѣшиимъ вызовамъ, отчасти по внутреннимъ побужденiямъ, выступилъ дѣятелемъ въ качествѣ публициста.

Съ 1491-го года жилъ въ Москвѣ, въ должности врача при великомъ князѣ, любекский избѣнецъ Николай, неизвѣстный по фамилiи и называемый у Максима Грека Николаемъ измчиномъ и Николаемъ германомъ (германцемъ ²⁾). Этотъ Николай измчинъ или германъ, по отзы-

¹⁾ Такимъ Грекомъ, по свидѣтельству Герберштейна (у Старчевск. р. 30, col. 1 тип.) былъ Юрiй, по прозванию Мазый, умерший въ 1513-мъ году (Вивліо. XX, 16).

²⁾ Николай любчанинъ, ученой степенью магистръ, прибылъ на службу въ Россiю въ 1491-мъ году съ цесарскимъ посломъ Юрiемъ Деляторомъ, см. Памятники дипломатическихъ сношенiй Россiи съ державами иностраннymi, I, 46, 416, сfr. Карамз. VI. 133—138. Въ 1518-мъ году послы цесаря, по порученiю марграфа

вамъ иностраницъ, видѣвшихъ его въ Россіи, не только хороший докторъ, но и вообще человѣкъ очень учёный¹⁾, принадлежать къ числу тѣхъ европейскихъ людей, которые принимаютъ близко къ сердцу дѣла церковныя. Болѣши въ короткія связи съ панимъ высшимъ церковнымъ обществомъ²⁾, онъ возымѣлъ фантастическую мечту устроить соединеніе русской церкви съ латинскою и повелъ въ этомъ смыслѣ пропаганду устную и письменную³⁾. Онъ утверждалъ, будто латинская церковь, несмотря на свои разности съ греческою, столько же православна, сколько и постѣдная, и будто она, такъ же какъ и эта, сохраняетъ вѣру въ неизмѣнной чистотѣ отъ временъ апостольскихъ⁴⁾, т.-е. какъ, вѣроятно, нужно понимать дѣло, онъ старался доказать, будто разности латинской церкви съ греческою несущественны и не

Бранденбургскаго, просили было, чтобы онъ былъ отпущенъ на родину, но онъ не былъ отпущенъ.—Изм. стр. 416. Онъ не долженъ быть смѣшанъ съ Николаемъ Любевымъ или Булевымъ, ибо умеръ гораздо раньше 1533-го года, въ которомъ живѣй былъ послѣдний (см. ниже) и во всее не долженъ быть признанъ за одно лицо съ Николаемъ Шембергомъ или Самбиргомъ, который былъ въ Москвѣ панскимъ посломъ въ 1518-мъ году (см. Казанск. изд. сочиненій Максима, I, 214 бн.).

¹⁾ Цесаревъ посолъ Францискъ да-Колло, бывшій въ Россіи въ 1518-мъ году, одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, отзываются о немъ: Maestro Nicolo Lubacense—professor di medicina et di astrologia et di tutte le scienze fondatissimo (магистръ Николай любекскій—профессоръ медицины и астрологии и всѣхъ наукъ основательный),—у Карамз. VII. прим. 358. Что Русскіе считали его человѣкомъ мудрымъ и удивлялись его мудрости, см. у Максима,—Казанск. изд. I, 236, 271.

²⁾ Это видно изъ того, что для архіепископа новгородскаго Геннадія Николай перевелъ съ латинскаго книгу противъ жидовъ Самуила Евреина, о которой мы упоминали выше (см. сочиненій Максима Грека Казанск. изд. I, 55) и что для митрополита Даніила онъ перевелъ лѣчебникъ, подъ названіемъ «Доброхотій вертоградъ» (см. Иури. Мин. Пар. Ироев. 1864-го года Апрѣль, отчетъ Румянц. Музея стр. 42).

³⁾ Относительно письменной пропаганды Николая нужно думать, что онъ не выдавалъ публичныхъ сочинений, которыя, конечно, не были бы ему дозволены, а писалъ частныя записи для представлѣнія разнымъ авторитетнымъ лицамъ. Въ бывшей Волоколамской, нынѣ Моск. Дух. Академіи, рукописи № 551 чигается пространный (лл. 262—295 об.) отвѣтъ неизвѣстного (но не Максимовъ) на «посланіе отъ иѣзюего дохтора и великаго риторства (sic) именемъ Николая, отъ иѣзенкія области» къ Вассіану архіепископу ростовскому († 28-го Авг. 1515-го года) о соединеніи церквей.

⁴⁾ Максима Казанск. изд. I, 215.

препятствуют соединенію. Полемикой противъ этой пропаганды Николая иѣмчина и началъ Максимъ свою публицистическую у насъ дѣятельность. На полемику онъ вызванъ быть однимъ московскимъ бояриномъ, именно—Федоромъ Ивановичемъ Карповымъ-Далматовымъ, адептомъ или единомышленникомъ Николая въ отношеніи къ другой его пропагандѣ, о которой скажемъ сейчасъ ниже¹). Когда Максимъ прибылъ въ Москву, Федоръ Ивановичъ, человѣкъ очень умный и почитатель учености²), тотчасъ же постарался познакомиться съ ученымъ Грекомъ, и онъ-то и пожелалъ, чтобы Максимъ высказался по поводу пропаганды Николая о соединеніи церквей, которую онъ, какъ и никто изъ Русскихъ, не былъ увлеченъ, но о степени основательности которой ему любопытно было слышать мнѣніе компетентнаго человѣка. Онъ предложилъ Николаю написать обстоятельную записку по вопросу и передать ее Максиму, съ тѣмъ, чтобы послѣдний высказалъ о ней свое сужденіе³). Это было еще въ то время, какъ Максимъ занимался переводомъ толковой псалтыри. Какъ ни крайне занять былъ онъ трудомъ перевода, но онъ нашелъ возможнымъ написать Карпову въ два приема (въ двухъ одно за другимъ посланіяхъ) обширный трактатъ о главнейшей новинѣ латинянъ, дѣлающей невозможнымъ соединеніе церквей,—объ ихъ ученихъ относительно исходженія Св. Духа и отъ Сына⁴). По окончаніи перевода псалтыри Максимъ продолжилъ полемику противъ Николая отчасти вслѣдствіе собственныхъ вызововъ самого послѣдняго, отчасти безъ всякихъ вызововъ. Николай, получивъ отъ Карпова сейчасъ указанный трактатъ Максима, обращался къ нему съ епистолями и устными спросами и прошеніями, и Максимъ въ ответъ на обращенія Николая написать три ему посланія, въ которыхъ

¹) Федоръ Ивановичъ Карповъ-Далматовъ сдѣланъ окольничимъ въ 1517-мъ году и умеръ, оставаясь тѣмъ же окольничимъ, въ 1530-мъ году,—Вивіюе. XX. 19 и 24. Служилъ въ Носольскомъ Приказѣ, см. Карамз. къ т. VII примм. 42 и 306 и Намятниковъ дипломатическіи спошениіи съ державами иностранными т. 1-й, въ Index'ѣ Карповъ.

²) Весьма умное и замѣчательно литературное письмо его къ Максиму см. въ Казанск. изд. сочиненій послѣдняго, III, 274 прим. Изъ письма видно и то, что онъ былъ почитателемъ званія и учености. Намеки Максима, что Карповъ стремился усвоить себѣ отъ иностранцевъ настоящее образованіе—Казанск. изд. I, 371, 375.

³) Казанск. изд. сочиненій Максима I, 236.

⁴) Этотъ трактатъ, написанный въ два приема,—въ двуихъ посланіяхъ къ Карпову, въ Казанск. изд. ч. I стрр. 235 и 267. №№ XII и XIII.

снова главнымъ образомъ ратуетъ противъ латинскаго догмата Filioque, но въ которыхъ опровергаетъ и другія неправыя новины: субботний посты, беженство священниковъ, употребленіе опреѣноковъ¹). Въ одномъ изъ посланий Максимъ убѣждаетъ самого Николая присоединиться отъ латинства къ православію²), а въ двухъ есть указанія, что послѣдній намѣревался сдѣлать это³). Когда онъ умеръ, не исполнивъ своего намѣренія, или потому, что намѣреніе было притворнымъ или потому, что онъ былъ постигнутъ внезапною смертію, ибо дѣйствительно таковою смертію онъ умеръ: то Максимъ написалъ и еще одно обличительное слово противъ одного изъ его писаній о соединеніи церквей, вѣроятно—того, которое пользовалось наибольшею известностью⁴). Въ этомъ словѣ Максимъ доказываетъ, что соединеніе церквей возможно будетъ только въ томъ случаѣ, если латиниане отвергнутъ свой догматъ Filioque, употребленіе опреѣноковъ и ученіе о чистилицѣ⁵).

Полемика Максима противъ пропаганды Николая пѣмчина о соединеніи церквей, бывшъ ведена имъ главнымъ образомъ по вѣршины прямымъ вызовамъ (Карнова и самого Николая), собственно говоря, весьма мало касалась русского общества. Русскіе до такой степени были вооружены противъ латинянъ и до такой степени считали соединеніе невозможнымъ, что должны были слушать фантастическую проповѣдь Николая не иначе, какъ со смѣхомъ. Если Максимъ находилъ у латинянъ три-четыре ереси, препятствующія соединенію, то они напротивъ твердо вѣрили, что у латинянъ тридцать и двѣ ереси, если не болѣе⁶). Но послѣ этого начала публицистической дѣятельности Максима, которому не можетъ быть усвоено особеннаго значенія для

¹) Казанск. изд. ч. I, стрр. 323, 509 и 341, №№ XIV, XXV и XV.

²) № XV.

³) Стрр. 324 и 530 ип.

⁴) Казанск. изд. ч. I, стр. 213, № XI. Что слово писано послѣ смерти Николая—стр. 214 ип., а если далѣе Максимъ обращается къ нему, какъ къ живому, то—это простая реторическая просопонея (А слово похвальное апостоламъ Петру и Павлу, въ немже обличенія на три большія латинскія ереси,—Казанск. изд. I, 180, X, писано уже послѣ,—въ Твери, и безъ всякаго вѣшняго повода, а потому, что Максимъ предпринялъ написать рядъ обличительныхъ словъ на всѣхъ невѣрующихъ и неправо вѣрующихъ).

⁵) Это суть три большія ереси, о которыхъ говорить Максимъ въ похвальномъ словѣ апостоламъ Петру и Павлу.

⁶) Вѣрили на основаніи тѣхъ греческихъ полемическихъ сочиненій, о которыхъ—1-й полов. I тома стр. 691 ип.

Русскихъ, все дальнѣйшее въ ней имѣло уже прямое отношеніе къ нимъ, болѣе или менѣе важное.

Наша дѣятельность Максима раздѣляется на два периода: первый — отъ прибытія въ Россію до 1525-го года, когда случилась съ нимъ катастрофа, надолго лишившая его возможности писать; второй — съ того времени послѣ 1525-го года, когда онъ снова получилъ возможность писать и до конца жизни. Теперь у насъ рѣчь о первомъ періодѣ дѣятельности. Этотъ періодъ въ свою очередь простирается на правленія двухъ митрополитовъ,—Варлаама, при которомъ прибылъ Максимъ, и начало правленія преемника Варлаамова Даниила, при которомъ случилась съ нимъ катастрофа. Но такъ какъ здѣсь уже не представляется возможнымъ раздѣлять дѣятельность на части, то въ настоящей главѣ о митр. Варлаамѣ мы скажемъ о ней, поколику она обнимаетъ правленія обоихъ митрополитовъ.

Можетъ быть, не по строгому хронологическому порядку, но чтобы не прерывать рѣчи о Николаѣ иѣмчинѣ, мы должны сказать теперь о литературной борьбѣ Максима противъ распространенія въ русскомъ обществѣ страсти къ астрологіи.

Максимъ написалъ цѣлый рядъ сочиненій въ обличеніе астрологіи. Но, къ прискорбію, сочиненія эти, будучи прекрасными по отношенію къ ихъ цѣли обличенія, даютъ намъ весьма мало историческихъ указаний относительно распространенія у насъ страсти къ астрологіи. Именно остается для насъ нерѣшеннымъ вопросомъ: видѣть ли въ поманутомъ Николаѣ иѣмчинѣ насадителя у насъ астрологіи или же думать такъ, что онъ только старался поддерживать и распространять то, что уже нашелъ готовымъ?

Николай иѣмчинъ, какъ очень многіе изъ тогдашнихъ западныхъ ученыхъ, но свидѣтельствамъ о немъ иностраницъ и преп. Максима, быть ревностѣйшимъ почитателемъ астрологіи¹⁾). Одно лицо, къ которому адресовано одно изъ посланій Максима противъ астрологіи, прямо называется ученикомъ прелестника Николая германа²⁾). Имѣемъ и еще свидѣтельство о томъ, что Николай старался о распространеніи у насъ предиѣщай западныхъ астрологовъ, о чёмъ скажемъ ниже.

¹⁾ Съ, выше свидѣтельство Франциска да-Комо. Максимъ въ первомъ словѣ противъ астрологіи къ Карнову по чтенію иѣкоторыхъ синековъ его говоритъ о Николаѣ иѣмчинѣ, что астрологіи и упражненіямъ въ ней онъ несметно пригѣнялся.—Онне. Синод. ркни. Годск. и Невостр. № 191 д. 174. стр. 537 (то же въ Троицк. Лаврск. ркни. №№ 200 и 201).

²⁾ Иночъ, бывшій во игуменѣхъ,—Казанск. изд. I, 447 fin..

Но въ сочиненіяхъ Максима противъ астрологіи, за исключениемъ того, что одно лицо называется ученикомъ Николая, вовсе не говорится, чтобы онъ именно былъ наставителемъ у насть астрологіи; кромѣ поманутаго о немъ ничего не говорится, а пишется безлично противъ астрологіи, относительно которой не сообщается, кѣмъ именно она была у насть наследдена. Такое отношение Максима къ Николаю заставляетъ считать вѣроятнѣйшимъ то, чтобы не видѣть въ немъ перваго у насть наставителя астрологіи, а видѣть только человѣка, который съ своей стороны старался лишь о поддер-жаніи и распространеніи у насть уже найденнаго имъ готовыемъ. При-нимая это, необходимо будеть представлять себѣ дѣло такъ, что вѣдѣніе астрологіи и страсть къ занятіямъ ею остались и сохранились въ нашемъ обществѣ отъ Імператорствующихъ, половину иѣры которыхъ, какъ мы говорили, составляли тайныя науки и въ томъ числѣ астрологія ¹⁾.

Изъ сочиненій Максима не видно, до какой степени была распро-странена у насть страсть къ астрологіи. Но принимая во вниманіе, что люди всегда и вездѣ имели величайшую страсть къ этой свое-образной наукѣ, открывавшей будто бы тайны предвѣзнавать будущее и предвѣтращать несчастія, со всею вѣроятностю слѣдуетъ думать, что въ книжномъ нашемъ обществѣ, которому она могла быть до иѣ-которой степени доступна, она пользовалась не меньшимъ уваженіемъ, чѣмъ было это на Западѣ. Какъ бы то ни было, но Максимъ, весьма близко познакомившися съ астрологіей въ Италии и отъ всей души возненавидѣвши ее за ся предъ для христіанской иѣры и христіанскихъ правовъ людей, написать, какъ мы сказали, длинный рядъ обличитель-ныхъ противъ нея сочиненій. Эти сочиненія суть: два посланія къ Федору Ивановичу Карпову-Далматову, о которомъ упоминали мы выше и который принадлежалъ къ числу адентовъ астрологіи ²⁾, посланіе къ

¹⁾) Максимъ называетъ нашу астрологію наукою латинянъ и иѣмцевъ; но это не необходимо понимать такъ, чтобы онъ указывалъ на Николая, а можетъ быть понимаемо такъ, что, не зная настоящаго источника нашей астрологіи, онъ предпо-ложительно производилъ ее отъ латинянъ и иѣмцевъ на томъ основаніи, что у по-слѣднихъ она господствовала.

²⁾) Казанск. изд. I, 399 и 347, №№ XVIII и XVI. Первое посланіе въ иныхъ рукописяхъ, какъ и напечатано, читается переработаннымъ изъ частнаго посланія въ публичное сочиненіе. Но его первоначальное происхожденіе открывается изъ указаний втораго посланія Максима къ Карпову, ср. стрр. 347, 357 и 375 съ стр. 427 и со всѣмъ содержаніемъ первого, какъ мы принимаемъ, посланія. Но свидѣтельству рѣк. Царскаго № 242. лл. 290 и 322. посланія написаны: первое въ 1523-мъ году, второе въ 1524-мъ году.

неизвестному князю ¹⁾), посланіе къ неизвестному ивоку, бывшему во игуменѣхъ, который сталъ почитателемъ астрологіи, бывшъ сорвращенъ къ ней Николаемъ пѣмчиномъ ²⁾ и два публичныхъ, ни къ кому не адресованныхъ, слова, изъ которыхъ одно противъ астрологіи, а другое въ частности противъ предсказаний западныхъ астрологовъ о всемирномъ потопѣ ³⁾.

Въ своихъ сочиненіяхъ Максимъ доказываетъ, что астрологія, при ся нелѣпости, есть наука нечестивѣйшая,—что, подчиняя все теченіе жизни въ мірѣ и всѣ дѣла людей вліянію звѣздъ, она отрицаєтъ божественный промыселъ надъ міромъ и свободную волю человѣка, превращая постѣдніяго съ его добрами и злами дѣлами въ простую беззывѣтию игрушку звѣздныхъ вліяній,—что такимъ образомъ она разрушаетъ все евангельское ученіе и все христіанство. «Если нашъ разумъ и воля,—пишетъ Максимъ о нечестивости ученія астрологіи въ отношеніи къ нравственной жизни людей,—управляются зодіакальными вліяніями, будучи движими къ добру или ко злу, то суетна апостольская проповѣдь, суетны и (наши) вѣрованія, да будетъ отвергнутъ законъ, да будетъ отринуто евангеліе, да прекратятся молитвы, потому что все это излишне и бесполезно: мы находимся подъ необоримой властью деепотическихъ владыкъ, которые насильственно влекутъ насъ ко злу, Афродита (планета) въ блудѣ, Марсъ въ убийство и разбой, Меркурій въ кражу; пусть никто не старается прилежать добродѣтели и убѣгать отъ зла, но (тотъ или другой изъ насъ), узнавъ свой жребій, каковъ онъ есть (подъ властію какой планеты кто состоится), пусть считаетъ себя добрымъ, если ему выпадетъ жребій быть подъ властію доброго господина, и пусть не трудится освободиться отъ власти своего господина, если ему выпадетъ жребій быть подъ злымъ, потому что это совершение напрасно; постѣдній пусть не боится страшныхъ испытаний праведнаго Судіи, потому что неѣсть дать тогда достаточный отвѣтъ, а именно—укажетъ на насиліе злого своего владыки, которымъ противъ воли увлекаемъ былъ ко злу; пусть и тотъ, кто воз-

¹⁾ Ibid. I, 435.

²⁾ Ibid. I, 446.

³⁾ Ibid. I, 337 и 457, №№ XVII и XXII. Отчасти и мимоходомъ касается Максимъ астрологіи въ другихъ своихъ сочиненіяхъ: напримѣръ въ Бестѣ души и уму... и на звѣздочетцевъ.—ibid., II, 58 іп. sqq. и въ Словесахъ супротивныхъ ко Иоанну Лодовику.—Опис. Синод. рукп. Герск. и Невостр. № 191. л. 223, стр. 543.

сіль въ добродѣтеляхъ, не ждѣть себѣ воздаянія отъ праведнаго и истиинаго Судіи, потому что его добродѣтели не отъ его доброй воли, а отъ того случаинаго обстоятельства, что онъ достался въ жребій доброму владыкѣ, величестве влиянія котораго шелъ по пути добра какъ иѣко подъяремное животное¹⁾). Противъ астрологіи съ ея учениемъ о зависимости жизни міра и свободы людей отъ влиянія звѣздъ Максимъ приводить многочисленныя свидѣтельства Слова Божія, отцовъ церкви и лучшихъ греческихъ философовъ, разказывается также примѣры, какъ государи, вѣровавши въ предсказанія астрологовъ, жалкимъ образомъ обманывались въ своихъ надеждахъ. Федоръ Ивановичъ Карновъ представлялъ Максиму, будто астрологія нужна для христіанъ и очень потребна; онъ утверждалъ, будто никто изъ древнихъ царей и военачальниковъ не сгѣлѣть ничего доблестнаго безъ астрологическаго предъуведѣнія и отвѣта, откуда выводимъ заключеніе, что астрологія есть наука нужнѣйшая для людей и заслуживающая наибольшаго уваженія, какъ служащая къ соблюдению и укрѣпленію царствъ. Отвѣча на это представление Карнова, Максимъ послѣ ссылки на указанныя выше свидѣтельства противъ астрологіи, какъ противъ науки нечестивой, а сгѣдовательно и не могущей быть полезною людямъ, говорить, что если и бывали цари и военачальники, которые вѣрили астрологамъ, то языческіе римскіе императоры повѣтѣли изгонять ихъ изъ Рима и изъ всей Италии, а христіанскіе византійскіе императоры строго воспрещали изученіе ихъ нечестивой науки,—обращаясь къ примѣрамъ истории показываетъ, что величія дѣла совершаены были безъ всякаго участія астрологовъ, которые суть только обманщики,—указывая на западную Европу, удостовѣряясь, что единственный и вмѣстѣ несомнѣній плодъ отъ нечестивой и пелѣной науки, какова астрологія, есть тотъ, что она подрываетъ въ людяхъ чистую вѣру въ Бога и вводить между ними невѣріе. Въ 1520-мъ или 21-мъ году выданъ былъ въ Германии астрологический альманахъ, въ которомъ астрологъ Іоаннъ Штоффлеръ предсказывалъ, что въ 1524-мъ году міръ погибнетъ отъ новаго всеобщаго потопа, чѣмъ павель укажетъ на всю западную Европу; этотъ альманахъ былъ полученъ и у насъ въ Россіи и на основаніи его Николай иѣмчинъ предсказывалъ Русскимъ, что въ лѣто 7032-е по российскому счету будетъ вселенныя странамъ и царствамъ и областемъ и градомъ и обычаемъ и достоинствамъ и скотомъ и блутамъ морскимъ,—и вѣнчъ всѣмъ земнороднымъ, несумѣнное измѣненіе и пре-

¹⁾ Казанск. изд. I, 402.

мѣненіе¹). Противъ предсказанія альманаха о потопѣ и написать Максимъ свое указанное выше частное слово. Онъ доказываетъ, что нечестиво вѣрить въ возможность новаго всемирнаго потопа, когда Господь далъ Ною обѣщаніе, что таковаго потопа болѣе не будетъ²).

Сочиненія или списанія преп. Максима противъ астрологіи, по своему характеру, если можно такъ выразиться, страстно-убѣдительныя, со всею справедливостью должны быть названы прекрасными, и не можетъ подлежать сомнѣнію, что они приносили величайшую пользу русскому обществу.

Максимъ прибылъ въ Россію въ то время, какъ Вассіанъ Косой вѣль свою полемику и пропаганду противъ вотчиновладѣнія монастырей, и этотъ послѣдній для своихъ сиравокъ въ греческой Корице имѣть нужду завязать знакомство съ нимъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ познакомить его и съ предметомъ своей полемики, тотчасъ же, какъ онъ явился въ Москву. Когда Максимъ объявилъ себя въ полемику рѣши-
тельнымъ сторонникомъ Вассіана, этотъ, иѣтъ сомнѣнія, настоятельно убѣждаль его подать свой компетентный голосъ относительно спорнаго предмета. Необходимо однако думать, что Максимъ не приминулъ бы подать свой голосъ и безъ всякихъ убѣжденій со стороны Вассіана. Вопросъ о томъ, должно или не должно владѣть монастырямъ вотчи-
нами, представлялъ собою слишкомъ важный вопросъ изъ числа тѣхъ вопросовъ, которые входили въ кругъ компетенціи Максимовой. Но Максимъ былъ человѣкъ, который вмѣнялъ себѣ въ обязанность отзы-
ваться на все, входившее въ кругъ его компетенціи, хотя бы то и не важное. Онъ считалъ себя призваннымъ съ необиновеніемъ глаголать слово истины во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, где слово его могло имѣть мѣсто: «и икто же не засрить мнѣ,—говорить онъ въ одинъ деньъ своемъ списаніи, адресованномъ именно къ нашемъ русскимъ монахамъ, хотя и не по поводу вотчиновладѣнія,—аще, повинуясь божественнымъ по-
ученіемъ (повелѣвающимъ предъ цари глаголати и не стыдитися) дер-
зостише пишу и по ревности Божіей возстаю на обличеніе иѣкихъ
братьевъ моихъ безчинствующихъ и сопротивъ нашимъ обѣтамъ, яже въ

¹) См. письмо Николая иѣмчина къ дьяку Мисюрю-Мунехину у Цапова въ Русскомъ расколѣ старообрядства, стр. 158.

²) Въ 1523-ъ или 24-мъ году Николай иѣмчинъ былъ постигнутъ внезап-
ною смертью, и Максимъ написалъ на его смерть краткую эпиграмму: «Міру убо
преставленіе предвозвѣщати сиѣшль еси. о Николаѣ, повинувся забѣдамъ, внезап-
ное же житія твоего разореніе предрещи не возможъ еси, ниже предъувѣдѣти: что
твоего безумія безумійше!» въ пр.—Казанск. изд. I. 455, N. XXI.

Богу, жительствующихъ и мыслящихъ¹⁾). Совершенно вѣроятно, что Максимъ созидалъ все неблагоразуміе принимать участіе въ полемикѣ крайне жгучаго свойства; но не напрасно онъ говорилъ о Савонаролѣ, что «въ нихже бо аще возгорится огнь ревности, яже по Бозѣ, не точю имѣній и стяжаній, но и самое житіе презрѣти творять»: онъ принадлежать къ числу людей, вовсе неспособныхъ новиноваться голосу благоразумія.

Вассіанъ, вслѣдъ за Ниломъ, возставая противъ вотчиновладѣнія монастырей, доказывалъ, что монахи должны питаться трудами рукъ своихъ, а въ случаѣ нужды обращаться къ милостынѣ. Максимъ, не освобождая монаховъ отъ обязанности трудиться самимъ, допускаетъ, чтобы главнымъ средствомъ ихъ содержания была милостыня, какъ это было въ тогданий Греціи, но подъ условіемъ иного съ ихъ стороны понедѣнія въ отношении къ мірянамъ, нежели какъ это было въ послѣдней. Для решения вопроса: какой способъ содержания монаховъ лучшіе и соотвѣтственнѣе монашеству,—сборъ ли милостыни по городамъ и селеніямъ чрезъ отряжаемыхъ монастырями братій, какъ это было въ Греціи, или наше вотчиновладѣніе, Максимъ написалъ трактатъ, который представляетъ изъ себя діалогъ между двоими проповѣдниками и который надписывается: «Стязаніе о извѣстномъ ипоческѣмъ жительствѣ, лица же стизующихся Филохтимонъ да Ахимонъ, сирѣчъ любостижательный да нестижательный²⁾). Объявляя себѣ рѣшительнымъ сторонникомъ греческаго сбора милостыни, Максимъ со всею силою возстаѣтъ противъ нашего вотчиновладѣнія. Его доводы противъ послѣднаго въ сущности тѣ же самые, что доводы Вассіана, воспроизведенаго ирен. Нила Сорскаго. Монашество есть совершенное отреченіе отъ міра для исполненія заповѣди Спасителя: аще хощени совершишь быти, иди, продажь имѣніе твое и дажѣ нищимъ... Слѣдовательно, монахи, владѣющіе вотчинами, нарушаютъ свой обѣтъ и обращаются къ лжи и пустое слово, и слѣдовательно—они подлежатъ тѣмъ карамъ, которыми угрожается нарушителямъ обѣщаній, данныхыхъ Богу. Преподобные начальники ипаческаго божественнаго житія Павелъ Оневскій, Антоній и Иахомій, Евоімій и Савва Освященій и прочіе всею душою и мыслию тицались убѣгать возвращенія къ міру чрезъ притяжаніе имѣній. Владѣя вотчинами, монахи погружаются въ житейскія попеченія, вовлекаются въ плащи и свары и браны и тяжбы

¹⁾ Казанс. изд. II. 220.

²⁾ Казанс. изд. II. 89, № III.

часты сель ради: а это ли есть истинное монашество? Владѣніе вотчинами порабощаетъ монаховъ страсти сребролюбія, а эта страсть есть корень всѣхъ золъ. Не монахамъ, отрекшимся отъ мѣра, обижать своихъ ближнихъ, а между тѣмъ иенасытная страсть сребролюбія монаховъ-вотчинниковъ дѣлаетъ то, что они нещадно угнетаютъ своихъ крестьянъ работами и что они безъ всякоаго милосердія обираютъ ихъ какъ ихъ заимодавцы, являясь въ послѣднемъ случаѣ ростовщиками—жидами. Лишишь у Максима противъ Вассіана есть то, что онъ даетъ остроумно-язвительный отвѣтъ на оправданіе тѣхъ монаховъ-вотчинниковъ, въ монастыряхъ которыхъ было общежитіе. Любостяжательный въ заключеніе преній говоритъ нестяжателю: «прекрати свое продолжительное суетловіе; не заслуживаемъ мы никакого осужденія за то, что приобрѣтаемъ имѣнія и владѣемъ землями и селами: ни у кого иль насть иѣть ничего своего и ненозионительно никому (изъ насть) что нибудь взять (но все принадлежитъ монастырю); а поэтому мы и справедливо называемся нестяжателями, такъ какъ никто изъ насть не имѣтъ ничего своего, но все (у насть) общее всѣмъ». На это нестяжатель отвѣчаетъ любостяжателю: «говоришь ты мнѣ иѣчто смѣшиное; это никакъ не отличается отъ того, какъ если многіе живутъ съ одной блудницей и какъ въ случаѣ укоризы за сіе каждый изъ многихъ будетъ говорить: я вовсе не грѣшну, ибо она есть одинаково общее достояніе всѣхъ, или—подобно это тому, какъ если бы кто вышелъ на разбой въ шайкѣ разбойниковъ и совершилъ вмѣстѣ съ другими грабежъ, а потомъ, бывъ схваченъ и пытаeтъ, сталъ бы говорить: я совершение невиненъ, все награбленное осталось у другихъ, а я ничего не взялъ».

Свое мнѣніе въ спорѣ между стяжателемъ и нестяжателемъ Максимъ высказываетъ словами, которыя влагаетъ въ уста послѣдняго: «множае лучшее и спасительнѣе ииццентрующимъ за Христа обходить грады и страны, и аще иѣгдѣ случится поношеннимъ быти и обесчеститися, со благодареніемъ терпѣти, заповѣдь Спасову соблюдающимъ и уставы иноческаго житія, нежели обливатися сребромъ и златомъ и ограждаемъ быти землими и селы кромѣ заповѣди Господня».

Но объявляя сборь милостыни, что служило средствомъ содержания греческихъ монаховъ, за множае лучшее и спасительное, чѣмъ наше вотчиновладѣніе, и допуская его въ качествѣ главнаго средства содержания монаховъ, Максимъ, какъ мы сказали, желаетъ видѣть иное отношеніе послѣднихъ къ мірянамъ, нежели какъ это было у монаховъ греческихъ. Собирая съ мірянъ милостыню, нужно чѣмъ нибудь пріобрѣтать право на это и чѣмъ нибудь возвдавать за это. О монахахъ греческихъ ничего подобнаго нельзѧ сказать, и вмѣсто нихъ Ма-

кесимъ указываетъ русскимъ монахамъ на примѣръ монаховъ западныхъ, латинскихъ. Для сей цѣли Максимъ написать сочиненіе, которое озаглавливается: «Новѣсть страшна и достопамятна и о совершенномъ иноческомъ жительствѣ»¹⁾. Разсказавъ о чудесномъ случаѣ, подавшемъ поводъ къ основанию ордена Картузіанского (въ чёмъ состоитъ повѣсть страшна и что представляеть собою собственно фабулу) Максимъ изображаетъ чрезвычайно строгій уставъ этого ордена, предписывающий совершиенную нестижательность, и говорить, что монахи принадлежащіе къ нему, равно какъ и другіе (многіе?) западные монахи, единственнымъ средствомъ своего содержанія имѣютъ милостыню отъ доброхотствующихъ мірянъ, которая отчасти собирается ими самими чрезъ нарочно посыпаемыхъ братій въ ближайшія къ монастырямъ города и селенія, отчасти присыпается ими въ самые монастыри. Міряне не только не тяготятся содержать монаховъ посредствомъ подаянія имъ милостыни, но и дѣлаютъ это съ величайшимъ усердіемъ. Почему же такъ? Поэтому, отвѣчаетъ Максимъ, что монахи западные «исполнены всякихъ философій и разума богодохновленныхъ писаний»,—въ изученіи которыхъ они потруждаются день и ночь,—что, поставляя свою главною добродѣтелью любовь къ ближнимъ, они проявляютъ ее въ томъ, чтобы непрестанно заниматься дѣломъ христіанскаго наставлений и учений мірянъ; по сей-то причинѣ они глубоко и уважаются и чтутся послѣдними. «Таковыхъ убо (въ учительствѣ) себѣ дающе безпрестанно людемъ—говорить Максимъ о монахахъ—и аки чадолюбиви отцы несущеся безпрестанно спасеніи многихъ, честни бывають всѣмъ вкуни и любими, его же ради со всякимъ благодареніемъ и добрыми изволеніемъ прилагаютъ имъ вседневную пищу и прочая, елика къ житию потребна суть». Въ образецъ того, какіе ревностные и великие бываютъ на Западѣ между монахами учители народа Максимъ предлагаєтъ подробную повѣсть о Савонаролѣ.

Итакъ, милостыня отъ мірянъ, оплачиваемая трудомъ ихъ непрестанного христіанскаго ученія,—вотъ, по Максиму, средство содержания монаховъ. Впрочемъ, какъ мы сказали, онъ не освобождаетъ монаховъ и отъ обязанности трудиться самимъ. Въ эпилогѣ къ Стизанію о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ онъ убѣждаетъ нестижательного «жительствовать со всякою правдою и преподобіемъ, въ потѣ лица своего идуще хлѣбъ свой»; въ другомъ мѣстѣ онъ увѣщавасть монаховъ «жити безстижанию и преподобно своими труды, велие богатство мицимъ пищету»²⁾.

¹⁾ Казанс. изд. III. 178, № XXVI.

²⁾ Казанс. изд. II, 149.

Кромъ Стязанія о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ Максимъ простираю въсказывается противъ нашого вотчиновладѣнія монастырей и еще въ двухъ сочиненіяхъ. Эти сочиненія суть: «Слово о показаніи (нелицемѣрномъ и о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ»¹⁾ и 2) прекрасное по своимъ учительнымъ качествамъ «Слово воспоминально о исправленіи иноческаго житія къ иѣхимъ честнымъ инооби-
нямъ»²⁾. Доводы Максима противъ вотчиновладѣнія монастырей, какъ мы говорили, тѣ же самые, чѣмъ у Вассіана; но такъ какъ Максимъ былъ настоящій и блестящій ораторъ, то ихъ изложеніе, конечно, со-
вѣтъ иное, нежели у послѣдняго. Что касается до практическаго зна-
ченія убѣдительныхъ доводовъ Максимовыхъ, то весь смыслъ ихъ, увы!
единственію тотъ, что онъ собиралъ угли огненные на свою голову.

Важайшимъ видомъ публицистической или учительной дѣятель-
ности Максима въ Россіи, какъ мы сказали выше, былъ тотъ, что онъ
явился среди Русскихъ проповѣдникомъ истиинаго христіанства про-
тивъ ихъ крайней привязанности къ вѣнчаной набожности. Эту пропо-
вѣдь свою онъ вѣль и въ первое время своего пребыванія въ Россіи,
о которомъ говоримъ; но такъ какъ онъ вѣль ее и во всю свою
жизнь, то мы скажемъ о ней постѣ.

Къ первому времени пребыванія Максима въ Россіи относится
его протестъ противъ поведенія Русскихъ въ отношеніи къ патріарху
константинопольскому. Мы говорили выше, что послѣ взятія Констан-
тинополя Турками въ 1453-мъ году Русскіе нашли необходимымъ при-
нять то рѣшеніе, чтобы прекратить фактическую связь съ патріархомъ,
какъ съ начальникомъ, и чтобы ставить себѣ своихъ митрополитовъ са-
мимъ. Вскорѣ затѣмъ они сочли нужнымъ и позволили себѣ сдѣлать
и иѣчто болѣе. Но слушаю постановленія въ Константинополѣ въ
1475-мъ году на каоедру литовскую Спиридона Сатаны, какъ мы тоже
говорили выше, у насъ внесено было въ обѣщательныя грамоты ново-
поставляемыхъ архіереевъ, которыи они давали митрополиту, слѣдую-
щее обѣвціе: «а къ митрополиту Спиридону, парицаемому Сатанѣ,
взыскавшему постановленія во области безбожныхъ Туровъ отъ нога-
наго царя или кто будетъ иной митрополитъ, поставленъ отъ латыни или
отъ турскаго области, не приступати мнѣ къ нему». Противъ присвоен-

¹⁾ Казан. изд. II. 119, № IV. Слова оглавленія, поставленыя въ скобкахъ—
по рукописямъ.

²⁾ Ibid. II. 394, № XXXVI (слово предваряется посланіемъ). Отчасти на-
правлены противъ вотчиновладѣнія краткія Слова о показаніи и на несплатное чрево
и безчисленихъ золъ виновно иночествующимъ,—ibid. II. 148 и 153.

вій Русскими права ставить себѣ своихъ митрополитовъ самимъ, по-
мимо патріарха, и противъ сейчасъ указаннаго обѣщанія и считать
своимъ долгомъ протестовать Макею. Онъ протестовалъ устно и
письменно. Устный энергическій протестъ его прежде всего былъ на-
правленъ на то, что Русскіе незаконно ставятъ себѣ своихъ митро-
политовъ. По письменному, въ виду крайне щекотливаго и такъ сказать
совсѣмъ криминального свойства матеріи, онъ не находилъ возможнѣмъ
этого сдѣлать и ограничиваетъ свой протестъ только однимъ указанн-
иемъ обѣщаніемъ. Притомъ онъ высказываетъ его не въ пастоицемъ
публичномъ сочиненіи, а или въ частномъ письмѣ къ неизвѣстному
лицу или въ публичномъ сочиненіи, которому намѣренію дана форма
частнаго письма. Весьма небольшое сочиненіе это имѣть слѣдующее
пространное заглавіе: «Сказаніе ко отрицающимся на поставленій и
клевущимъ своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему свя-
щенію собору, еже не пріимати поставленія на митрополію и на
владычество (епископство) отъ римскаго папы латинскія вѣры и отъ
цареградскаго патріарха, аки во области безбожныхъ Туровъ ногаиаго
цари, и поставленнаго отъ нихъ не пріимати»¹⁾). Сказавъ, что отира-
щаться и отмѣтаться рукоположенія римскаго папы, какъ отидааго
отъ лика православныхъ архіереевъ, достойно и праведно и необходимо,
Макею спрашивается неизвѣстное, дѣствительное или вообра-
жаемое, лицо, къ которому адресуется: «а рукоположенія константино-
польскаго вселенскаго патріарха, который и до сихъ поръ, Божіей
благодатію, пребываетъ во всякомъ православіи и благозаконіи, по
какой причинѣ отмѣтаенія, о пречуднай? Затѣмъ Макею предста-
вляеть своему собесѣднику: священные каноны, къ соблюденію кото-
рыхъ архіереи обязуются своимъ рукописаніемъ, нигдѣ не учать тому,
чтобы отлучаться имъ отъ своего патріарха, доколѣ этотъ православно
предстоитъ святой Божіей церкви; если въ Константинополѣ вмѣсто
православныхъ царей невѣрные мучители, то первенствующая церковь
отъ вознесенія Спасителя въ до Константина Великаго находилась въ
такомъ же положеніи и не только не осквернялась властью нечести-
выхъ, но и сїяла носредѣ нечестія какъ солнце; священство больше
земного царства и если въ Константинополѣ не стало земиахъ хри-
стіански-православныхъ царей, то духовно - царствующій - патріархъ
остается неотриненіемъ отъ руки Божіей благодати и сохраняется
этю благодатію среди нечестивыхъ во всякомъ православіи. Въ на-
шемъ сказаніи Макея содержится implicite его протестъ и противъ

¹⁾ Казанск. изд. III, 154, N. XXII.

того мнѣнія Русскихъ о Грекахъ, будто порабощеніе турецкое повредило у послѣднихъ чистоту истиннаго православія. Но въ отношеніи къ этому мнѣнію, которое едва ли могло оставаться ему неизвѣстнымъ, онъ и ограничивается только симъ протестомъ *implicite*. Другое, противъ чего онъ нарочито протестуетъ, это—мнѣніе, неизвѣстно насколько распространенное между тогдашними Русскими и высказанное ему однимъ лицомъ, будто старый Иерусалимъ (съ своей святыней), вслѣдствіе долговременнаго обладанія отъ Сарацинъ, сталъ непотребнымъ и будто его мѣсто заняла Москва. Въ оправдженіе этого мнѣнія относительно Иерусалима Максимъ написалъ: «Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николикже, аще и многа лѣта обладаеми суть отъ ноганихъ»¹⁾). Возможно, вирочемъ, во второмъ случаѣ понимать Максима такъ, что, оправдывая мнѣніе Русскихъ о непотребности будто бы старого Иерусалима, онъ хотѣть и имѣть въ виду прикосновеніе оправдывать ихъ мнѣніе и вообще о поврежденіи православія у Грековъ.

Оставленный великимъ княземъ въ Россіи для исправленія богослужебныхъ книгъ, Максимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняя, какъ необходимо думать, дававшийся ему порученія, занимался и переводами съ греческаго. О переводахъ мы скажемъ въ нарочитомъ обозрѣніи литературныхъ трудовъ Максима, а теперь замѣтимъ только, что одинъ изъ нихъ дать материалъ для его обвиненія, когда при преемникѣ Варлаамовомъ Даніилѣ съ нимъ случилась бѣда и онъ подидалъ суду.

Прерывая на некоторое время рѣчи о Максимѣ, мы должны теперь кончить о самомъ Варлаамѣ.

Варлаамъ не дожилъ на кафедрѣ митрополичьей до своей смерти, а оставилъ ее при своей жизни, и именно—оставилъ такъ, какъ дотолѣ не оставлять ее еще ни одинъ изъ русскихъ митрополитовъ (за исключениемъ исключительного Клиmentа Смолятича): онъ былъ согнанъ съ нея государемъ. Мы видѣли выше, что великий князь Иванъ Васильевичъ весьма не расположены былъ къ митрополиту Геронтию и что, несмотря на все желаніе избавиться отъ него, не могъ свести его съ кафедры. Но очень немногого утекло времени и воды, и Василий Ивановичъ не только согналъ Варлаама, но и посадилъ его въ заточеніе. Что было причиной гибели государя на митрополита, остается достовѣрнымъ образомъ неизвѣстнымъ. У Герберштейна читаемъ о нашемъ событии слѣдующее: «въ то время, какъ я былъ въ Москвѣ посломъ императора Максимилиана (въ 1517-мъ году), митрополитомъ

¹⁾ Казанск. взд. III, 156, № XXIII.

быть Варфоломеем (илиибка вмѣсто: Варлаамъ), мужъ святой жизни; когда государь нарушилъ клятву, данную Шемяччу имъ самимъ и митрополитомъ и предпринялъ пѣчъ другое, казавшееся противнымъ (не подлежащимъ) его власти, то (митрополитъ) пришелъ къ государю и сказалъ: если ты восхищаешь себѣ всю власть, то я не могу оставаться на моемъ мѣстѣ, и, отдавая ему свой посохъ, отказался отъ должности; государь тотчасъ принялъ посохъ вмѣстѣ съ должностю, а бѣдняка, заковавъ въ жѣлѣза, немедленно отправилъ на Бѣлоозеро; говорить, что иѣкоторое время онъ оставался тамъ въ жѣлѣзахъ, а потомъ былъ освобожденъ и остальное время жизни прожилъ въ монастырѣ простымъ монахомъ¹⁾). Шемяччъ (Василій Ивановичъ, внукъ Дмитрія Шемяки, князь новгород-сѣверскій), вопреки клятвеннымъ охранимъ грамотамъ великаго князя и митрополита, былъ схваченъ въ Москвѣ не при Варлаамѣ, а при его преемнике Даниилѣ; следовательно, въ этомъ случаѣ Герберштейнъ говорить неправду. Можно однако подозревать, что онъ говорить не совершенную неправду, а именно—могло быть такъ, что великий князь предлагалъ Варлааму вызвать обманымъ образомъ Шемяччу въ Москву и что этотъ не согласился. Въ остальныхъ исопредѣленыхъ словахъ Герберштейна о причинѣ удаленія митрополита съ каѳедры, очевидно, должно разумѣть то, что великий князь хотѣлъ въ какихъ-то отношеніяхъ присвоить себѣ власть послѣдняго. Если бы Варлаамъ, какъ говорить, Герберштейнъ, самъ отказался отъ каѳедры, то великому князю не за что было бы ссылать его. Эта ссылка, о которой говорить и наша лѣтопись²⁾, даетъ знать, что митрополитъ пытался было протестовать противъ посягательства на его власть со стороны великаго князя и что государь, въ гнѣвѣ на стойкость митрополита, и не ограничился только тѣмъ, чтобы низвести его съ каѳедры, но и послалъ его въ заточеніе. Наложеніе на низведенаго митрополита жѣлѣзъ или оковъ какъ будто представляетъ пѣчъ не совсѣмъ вѣроятное; однако съ рѣшительностію объявили за неизѣроятное мы не находимъ возможнымъ. Варлаамъ низведенъ былъ 17-го или 18-го Декабря 1521-го года³⁾. Но нашей

¹⁾ У Старцевок. р. 20, col. 1.

²⁾ Софійская 2-я, изъ Собр. лѣтг. VI. 264; митрополитъ, оставившій каѳедру, «онде на Симоново, а съ Симонова сосланъ въ вологодскій уѣздъ на Камено».

³⁾ По Никоновской и Воскресенской лѣтописямъ. Варлаамъ низведенъ былъ 17-го Декабря 1521-го года, а Даниилъ поставленъ 27-го Февраля 1522-го года: по Софійской 2-й лѣтописи.—первый низведенъ былъ 18-го Декабря 1522-го года,

лѣтописи онъ сосланъ бытъ въ Каменный или Каменскій монастырь на Кубенскомъ озерѣ. Когда онъ скончался въ ссылкѣ, въ лѣтописяхъ не записано.

а второй поставленъ 27-го Февраля 1523-го года. Въ пользу Софійской лѣтописи, повидимому, говорить свидѣтельство писца и потомъ ученика Максимино-грекова монаха Селивана, который въ предисловіи къ своему переводу бесѣдъ Златоустаго на евангелие отъ Іоанна пишетъ, что переводъ совершенъ въ лѣто 7032-е, во второе лѣто свидѣтельства Даниила (Троицк. Лаврск. ркн. № 200, л. 8). Но имѣемъ указанія, которая заставляютъ считать и фролитейшимъ показаніе Никоповской и Воскресенской лѣтописей, а у Селивана въ его 7032-мъ сентябрьскомъ году разумѣть мѣсяцы Сентябрь—Декабрь 1523-го года. Даніилъ во второй мѣсяцъ своего пребыванія на каѳедрѣ—Мартъ посвятилъ двухъ архіереевъ 23 и 30 чисель (Никон въ Вескр. лѣтт.): посвященія архіереевъ обычно совершаются въ воскресенья, а сей-часъ указаныя числа были въ воскресенья въ 1522-мъ, а не 1523-мъ году.

МИТРОПОЛИТЪ ДАНИИЛЪ.

Варлаамъ бытъ низведенъ Василіемъ Ивановичемъ съ митрополичьей кафедры за то, что не хотѣлъ ходить во всей его—государя волѣ. Слѣдовательно, великому князю нуженъ бытъ въ митрополиты на мѣсто Варлаама такой человѣкъ, который имѣлъ бы это желаніе ходить во всей его волѣ. Выборъ государя, какъ показали послѣдствія,—совершенно удачный, падъ на игумена Іосифова Волоколамскаго монастыря Даниила.

На игуменіи въ Волоколамскомъ монастырѣ Даниилъ непосредственно преемствовалъ его основателю преп. Іосифу. Однако стать онъ этимъ преемникомъ Іосифа не по назначению самого послѣдняго и далеко не совсѣмъ ожиданиемъ образомъ. Преп. Іосифъ считать десять человѣкъ изъ старшой братіи монастыря способными запять послѣ него игуменское мѣсто, и въ числѣ этихъ десяти человѣкъ не называлъ Даниила¹⁾. Но когда онъ передъ смертью предоставилъ сдѣлать выборъ преемника себѣ самой братіи монастыря, то братія, обходя десятерыхъ, которыхъ считалъ онъ достойными, избрала именіе Даниила. Одинъ изъ жизнеописателей преп. Іосифа говоритъ, что братія, послѣ предложенія тѣхъ и другихъ кандидатовъ, наконецъ остановилась на Даниилѣ въ своемъ совѣтѣ потому, что онъ былъ старецъ, «любяй иницету и пребываю въ трудѣхъ и въ постѣхъ и въ молит-

¹⁾ Такъ какъ великий князь Василій Ивановичъ присвоилъ самому себѣ право назначать игуменовъ въ монастыря, то преп. Іосифъ, находившійся съ своимъ монастыремъ подъ его особыніемъ и исключительнымъ патронатомъ, не задолго до своей смерти написалъ ему письмо на тотъ случай, если бы онъ—государь пожелалъ самъ назначить преемника ему Іосифу: убѣдительно прося великаго князя, не называть новаго игумена изъ постриженниковъ другихъ монастырей, а назначить изъ собственной братіи его монастыря, преп. Іосифъ называетъ государю въ своемъ письмѣ десять человѣкъ большихъ братьевъ, которые, по его мнѣнію, достойны бытъ назначенными въ игумены и въ числѣ которыхъ неѣтъ Даниила. Письмо Іосифа къ великому князю въ его житіи, написанномъ Саввою Крутицкимъ, изд. *Невостр.* стр. 59.

вахъ», и что узнали о немъ, «яко хощеть во инъ монастырь на игуменство¹⁾). Откровенное извѣстіе жизнеописателя о Даніилѣ, что онъ хотѣлъ на игуменство въ другой монастырь, ясно даетъ знать, что онъ былъ человѣкъ честолюбивый, принадлежавшій къ числу тѣхъ, весьма немалочисленныхъ у насъ въ старое время монаховъ, которые искали себѣ игуменскихъ мѣсть, чтобы потомъ стараться о дальнѣйшемъ движениіи къ архіерейству,—специальная рѣчи объ этомъ мы будемъ вести послѣ. Игуменскія мѣста приобрѣтались честолюбивыми монахами двоякимъ образомъ: если искатель былъ человѣкъ богатый, то онъ покупать себѣ мѣсто—или у архіерея или у архіерейскихъ чиновниковъ или у чиновниковъ свѣтскихъ, смотря по тому, у кого можно было купить и отъ кого зависѣло назначеніе; если искатель былъ человѣкъ бѣдный, то ему предстояло такъ выдвинуть себя изъ числа другихъ монаховъ, чтобы о немъ заговорили и чтобы монахи какого нибудь монастыря пожелали взять его себѣ на игуменство. Имѣемъ основанія думать, что Даніиль принадлежалъ ко второму классу честолюбивыхъ монаховъ²⁾). Слѣдовательно, для него путь къ игуменству былъ путь отличій, каковымъ, по словамъ жизнеописателя, онъ имѣнно ишелъ. Но если Даніиль такъ успѣть отличиться монашескими достоинствами, что имѣлъ надежду быть выбранымъ на игуменство въ какой нибудь другой монастырь, то все таки непонятно, какъ онъ, помимо весьма многихъ достойнѣйшихъ, былъ выбранъ на игуменство въ самомъ Іосифовомъ монастырѣ. Въ объясненіе этого непонятнаго остается предполагать, что онъ былъ человѣкъ весьма ловкій, такъ что успѣль какимъ-то неизвѣстнымъ образомъ расположить въ свою пользу большинство монаховъ. На основаніи существующихъ свидѣтельствъ должно быть принимаемо, что Даніиль избранъ быть въ игумены необычайно молодымъ, лѣтъ 30-ти или немногіго старѣ³⁾). А это еще болѣе заста-

¹⁾ Сейчасъ помянутый Савва, стр. 63.

²⁾ Даніиль по мѣсту рожденія прозывался рязанцемъ (Савва въ Житіи Іосифа) и не имѣлъ родовой фамиліи. На этомъ основаніи слѣдуетъ заключать, что онъ былъ не изъ бояръ, а изъ простыхъ.

³⁾ Герберштейнъ утверждаетъ, будто Даніилъ поставленъ быть въ митрополиты лѣтъ около 30-ти отъ рода (у *Старчевск.* р. 20, col. 1); но при этомъ выходило бы, что онъ избранъ въ игумены 24-хъ лѣтъ, чтѣ совершенно невѣроятно. Такъ какъ, съ другой стороны, Герберштейнъ самъ видѣлъ Даніила въ 1526-мъ году, то нельзя принимать его словъ и за показаніе совершенно вздорное: нужно думать, что онъ былъ обманутъ моложавостью Даніила лѣтъ на десять или нѣсколько болѣе.

плять удивляться сейчасъ указанному его качеству. Быть неожиданно выбранъ братію, Даніилъ не быть отвергнутъ Іосифомъ, а слѣдовательно—и этотъ послѣдній, хотя вовсе не имѣль его въ виду самъ, все таки считалъ его достойнымъ.

Избранный въ игумены Волоколамскаго монастыря, Даніилъ, если не могъ мечтать о митрополіи, то вполнѣ могъ быть увѣренъ въ архіерейстїѣ. Волоколамскій монастырь былъ любимѣйшимъ монастыремъ великаго князя, а слѣдовательно и игуменъ его, въ случаѣ угодности государю,—однимъ изъ первыхъ кандидатовъ въ епископы. Даніилъ былъ человѣкъ специально способный угождать; но, какъ кажется, онъ не просто хотѣлъ угождать великому князю, но и увѣритъ его, что быть вполнѣ достойнымъ преемникомъ преп. Іосифа на игуменствѣ. Преп. Іосифъ былъ ревностѣйшимъ поборникомъ строгаго общежитія, для чего и основалъ свой собственный монастырь. Передъ своей смертью онъ со слезами молилъ великаго князя позаботиться, чтобы послѣ него не были нарушены въ его монастырѣ заведенные имъ порядки. Великий князь, взявшиійся быть нарочитымъ «прикащикомъ» монастыря, почасту навѣщалъ его послѣ Іосифа и убѣждалъ монаховъ хранить преданный имъ отъ послѣдняго законъ, а обычаевъ другихъ монастырей не перениматъ, прибавляя, что если не станутъ хранить, то опять сажать исправить ихъ и тогда имъ будетъ не зѣло любо¹⁾). Такимъ образомъ, заботы о поддержаніи въ монастырѣ строгаго общежитія составляли главное, чѣмъ Даніилъ могъ показать себя достойнымъ преемникомъ Іосифа въ глазахъ великаго князя. И мы имѣемъ отъ времени игуменства Даніила письменный его трудъ, который какъ будто нарочитымъ образомъ разчитавъ именно на сейчасъ указанное. Этотъ письменный трудъ есть посланіе Даніила къ монахамъ своего монастыря съ обличеніями къ винѣ въ начавшемся между ними нарушеніи завѣта Іосифова о безусловной нестижательности и съ увѣщаніями неизмѣнико хранить преданный имъ уставъ²⁾). Въ виду того, что для собесѣданія съ людьми, которые находились лицомъ къ лицу, не было нужды въ письмени, можно подозрѣвать, что главною цѣлью посланія было не то, чтобы простереть учительное слово къ монахамъ, а то, чтобы произвесть желаемое впечатленіе на великаго князя. Впрочемъ, могъ быть Даніилъ и искренно ревнителемъ нестижательности, ибо честолюбіе не исключаетъ всѣхъ безъ изъятія добродѣтелей.

¹⁾ У Саввы въ житіи Іосифа, стрр. 61 fin и 65.

²⁾ См. изслѣдованіе В. Н. Жмакина: «Митрополитъ Даніилъ и его сочиненія», стр. 663 fin sqq.

До пизведенія Варлаама съ каѳедры митрополичьей Данійль вгуменствовалъ въ Волоколамскомъ монастырѣ въ продолженіе шести лѣтъ (преп. Іосифъ † 9-го Сентября 1515-го года). За это время великий князь успѣлъ узнать его настолько, чтобы найти вполнѣ угодиимъ себѣ, а онъ съ своей стороны сумѣлъ достигнуть того, чтобы приобрѣсти себѣ все расположеніе государя. И Василий Ивановичъ, желая замѣнить на каѳедрѣ митрополіи человѣка строптиваго человѣкомъ безусловно—покориимъ, поставилъ его на мѣсто Варлаама.

Поставленій въ митрополиты, Данійль не обманулъ надеждъ, которыя были возлагаемы на него великимъ княземъ: онъ показалъ себя настолько раболѣбнымъ и угодливымъ, насколько это могло быть желательно поетъднему.

Другое, чѣмъ онъ озnamеновалъ себя, это—его беспощадная и непримиримая ненависть къ врагамъ своихъ принциповъ и къ своимъ личнымъ.

Вообще, какъ дѣятеля и какъ нравственное лицо мы знаемъ Даніила только съ худыхъ и совсѣмъ отталкивающихъ его сторонъ. Однако, должны мы сдѣлать оговорку, что тотъ же самыи Данійль представляетъ изъ себя иѣчто совсѣмъ иное въ области письменнаго пастырскаго ученія: ту или другую цѣну придавать этому ученію самому по себѣ и отдѣльно взятыму, но здѣсь Данійль занимаетъ въ ряду нашихъ митрополитовъ не только одно изъ видныхъ мѣсть, но и мѣсто совсѣмъ выдающееся и совсѣмъ исключительное, рѣшительно и необыкновенно возвышающееся въ этомъ отношеніи надъ всѣми прочими нашими митрополитами.

Варлаамъ, какъ мы говорили, пизведенъ былъ съ митрополіи 17-го или 18-го Декабря 1521-го года; Данійль поставленъ въ митрополиты 27-го Февраля 1522-го года.

Онъ занималъ каѳедру въ продолженіе 17-ти лѣтъ, по тотъ же Февраль мѣсяцъ 1539-й годъ.

Не имѣя почти совершенніо никакихъ свѣдѣній объ его церковно-правительственной дѣятельности, мы должны говорить отчасти объ услугахъ, оказанныхъ имъ великому князю, главнымъ же образомъ объ его торжествѣ надъ людьми, представлявшими враждебное ему направление.

Не знаемъ, дѣлалъ или не дѣлалъ великий князь предложеніе Варлааму о томъ, чтобы въроломнымъ образомъ достать въ Москву Шемячу, но съ Даніиломъ они весьма скоро устроили это дѣло. Шемячъ, Василий Ивановичъ, былъ внукъ Дмитрія Шемяки, который послѣ отца Юрія Дмитріевича и брата Василия Косаго осначивалъ великонижескій престолъ у Василия Васильевича Темнаго и который

умеръ отъ отравы въ Новгородѣ въ 1453-мъ году. Сынъ Дмитрія Иванъ бѣжалъ изъ Новгорода въ Литву, где король польскій и великий князь литовскій Казимиръ († 1492) дать ему въ наследственное владѣніе Рыльскъ и Новгородъ-Северскій. Въ 1500-мъ году, когда король польскій и великий князь литовскій Александръ, зять Ивана Васильевича III, поднялъ въ Литвѣ гоненіе на православныхъ, сынъ и преемникъ Ивановъ на полученніи удѣлья—нашъ Василій рѣшился передаться Москвиѣ и въ качествѣ приисѣжника этой послѣдней озnamеновалъ себя какъ блестящій воитель противъ Литвы и Крыма. Но онъ имѣлъ не-примиримаго врага себѣ въ сосѣднемъ удѣльномъ князѣ Василіи Суменовичѣ стародубскомъ (внукѣ союзника его дѣду Ивана Андреевича Можайскаго, который бѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ Иваномъ Шемячичемъ и вмѣстѣ съ нимъ получилъ отъ короля наследственный удѣль). Этотъ Василій Суменовичъ непрестанно клеветалъ на него великому князю, будто онъ замышляетъ снова передаться Литвѣ. Въ 1517-мъ году Шемячичъ бытъ призываєтъ въ Москву и успѣхъ оправдаться отъ взвѣденій на него врагомъ обвинений. Но Василій Суменовичъ продолжалъ свои доносы и успѣхъ достигнуть того, что великий князь, освобождая себя отъ сомнѣй и предуиреждая ту опасность, чтобы оружіе воинственнаго князя не обратилось противъ него, рѣшился избавиться отъ Шемячича посредствомъ его заключенія. Онъ, вторично бытъ потребованъ въ Москву. Такъ какъ на сей разъ, вѣроятно, онъ подозрѣвалъ умыщеніе противъ него и не хотѣлъ явиться, если великий князь и митрополитъ не вышлютъ ему охранниковъ крестоцѣлованныхъ грамотъ, то великий князь и митр. Даниилъ послали ему же-лаемыя грамоты ¹⁾). Полагаюсь на письменныя клятвы, Шемячичъ явился въ Москву 18-го Апрѣля 1523-го года, а спустя 23 дня, 11-го Мая, онъ бытъ схваченъ и посаженъ подъ стражу ²⁾). Митрополитъ не только не стыдилъ своего вѣроломнаго поступка, но и находилъ возможнымъ говорить объ его удачѣ съ благодарностью къ Богу ³⁾.

Даниилъ принадлежалъ къ числу ревностѣйшихъ учениковъ и сторонниковъ преп. Іосифа по вопросу о вотчиновладѣніи монастырей.

¹⁾) Герберштейнъ у *Старчевск.* р. 45. col. 2. Враги Давыда говорили о немъ послѣ захвата Шемячича: «а того митрополитъ не помнить, что къ Шемячичу грамоту писать и руку свою къ той грамотѣ приложилъ, а взять его на образъ Иречистые да на чудотворцевъ да на свою душу»,—Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 144 col. 2.

²⁾) Герберштейнъ, р. id., Типографск. лѣт. 318 бп..

³⁾) Акт. Эксп. ibid..

Слѣдовательно, какъ таковой, онъ долженъ быть видѣть своихъ враговъ въ Вассіанѣ Косомъ и преп. Максимѣ Грекѣ. Полное и беспощадное торжество надъ этими врагами и составляеть главное, чѣмъ Даніилъ озnamеновалъ свое правленіе.

Защитники вотчиновладѣнія монастырей, съ преп. Іосифомъ во главѣ, неѣтъ сомнѣнія, не питали чувства любви къ преп. Нилу Сорскому, посль того, какъ онъ поднялъ вопросъ объ отображеніи у монастырей вотчинъ. Но преп. Нилъ, сдѣлавъ свое предложеніе на соборѣ 1503-го года и потерпѣвъ неудачу, не хотѣлъ вести полемики противъ вотчиновладѣнія и не хотѣлъ обращаться къ пропагандѣ противъ него, а оставилъ вотчиновладѣтелей въ покой. Смѣнившій Нила въ качествѣ противника вотчиновладѣнія Вассіанъ Косой новель дѣло совершиенно иначе. Онъ задался мыслью, путемъ полемики письменной, вооружить противъ вотчиновладѣнія монастырей общественное мнѣніе, а путемъ личныхъ вліяній на великаго князя, что дѣлало возможнымъ для него его исключительное положеніе, и путемъ устной пропаганды среди окружавшихъ государя бояръ, попытаться достигнуть того, чтобы отображеніе вотчинъ у монастырей совершено было насильственнымъ образомъ. Естественно, что защитники вотчиновладѣнія, съ преп. Іосифомъ во главѣ, должны были почувствовать къ Вассіану самую непримиримую ненависть. Отъ преп. Іосифа наслѣдовать эту ненависть Даніилъ и долженъ былъ чувствовать ее тѣмъ въ болѣшей степени, что она была для него наслѣдствомъ. Преп. Максимъ Грекъ, оказавшись единомышленникомъ Вассіана, выступилъ какъ его сотрудникъ: подобно послѣднему опѣ предпринять противъ вотчиновладѣнія полемику письменную, и если, можетъ быть, не пытался лично вліять на великаго князя, не бывъ въ состояніи этого дѣлать, то, не подлежитъ сомнѣнію, вѣль горячую пропаганду устную, насколько обращался въ средѣ Русскихъ. И онъ долженъ былъ привлечь на себя ненависть Даніила не сколько не менѣшую, чѣмъ Вассіанъ, но и гораздо болѣшую, ибо если онъ не могъ непосредственно вліять на великаго князя, то его авторитетъ въ глазахъ общества былъ болѣшій, чѣмъ Вассіановъ, а его убѣдительность и искусство какъ полемиста и пропагандиста были неравнѣнно болѣшіе.

Но необходимо думать, что, будучи ненавистны Даніилу какъ противники вотчиновладѣнія, Вассіанъ и Максимъ постарались еще и о томъ, чтобы сдѣлать его своимъ личнымъ непримиримымъ врагомъ. Когда великий князь, извергнувъ Варлаама, собирался назначить ему преемника, то, какъ не можетъ подлежать сомнѣнію, Вассіанъ употребилъ все свои старанія, чтобы воспрепятствовать избранию ненави-

стнаго ему юношина, каковъ бытъ Даниилъ. Великій князь, державшій Вассіана въ приближеніи къ себѣ вовсе не за тѣмъ, чтобы слушаться его, не обратилъ на его протесты никакого вниманія: но отъ этого ненависть къ нему Даниила не могла быть менѣе. Не воспрепятствовавъ назначенію Даниила, Вассіанъ долженъ былъ чувствовать наклонность вымѣщать себя тѣмъ болѣе безпощадною его критикой; а между тѣмъ митрополитъ былъ вовсе не такой человѣкъ, чтобы могъ оставаться неуязвимымъ для критики. Ради удовлетворенія честолюбія отдавшій себя въ волю великаго князя до покертованія правилами нравственными, онъ началь свою дѣятельность такимъ поступкомъ, какъ вѣроломство по отношенію къ Шемяччу. Безмолвно-покорный слуга государя, забывший о своемъ пастырскомъ долгѣ представительства, онъ не являлся подобно прежнимъ независимымъ митрополитамъ ходатаемъ передъ государемъ за тѣхъ, кто подвергался его гнѣву, такъ что для подвергавшихся несчастію опалы вовсе не стало обычного пріѣзжинца. За поступокъ и за поведеніе митрополитъ осуждаемъ быть въ обществѣ, и, конечно, первымъ въ числѣ самыхъ язвительныхъ судей, насколько можно было подвергать митрополита суду, выдѣля великаго князя, былъ Вассіанъ. Проповѣдникъ идеаловъ, можетъ быть, не совсѣмъ безукоризненный, онъ имѣлъ тотъ идеалъ епископа, чтобы послѣдній, ограничивая по возможности собственныя потребности, главнымъ образомъ употреблять доходы своей каѳедры на вспомоществованіе бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ и на прокормление приходящихъ странниковъ. Несколько не удовлетворяли этому идеалу и всѣ наши тогдашніе епископы, за что Вассіанъ и обличалъ ихъ, но въ особенности долженъ былъ подавать ему поводъ къ такимъ обличеніямъ ненавистный ему митрополитъ. Во время искасія игуменства и потомъ архіерейства Даниилъ, можетъ быть, вѣръ себѣ постникомъ и воздержникомъ: но, достигнувъ всего, онъ хотѣлъ жить хорошо и весело¹). И если Вассіанъ обо всѣхъ современныхъ ему архіереяхъ говорилъ, что имъ надобно не что нибудь, а «ширы и села и скакати и смыкати съ воры»²), то не могло быть пощады отъ него имѣвшему наклонность жить въ свое удовольствіе митрополиту.

¹⁾ Герберштейнъ говоритъ о Даниилѣ, что онъ былъ человѣкъ дюжій и тучный (*robustus et obesus*), съ лицомъ краснѣмъ,—что, повидимому, онъ преданъ былъ болѣе чреву, чѣмъ посту и молитвеннымъ бѣднѣямъ, и что когда нужно было являться въ народѣ для служеній, онъ придавалъ лицу своему блѣдность посредствомъ окуриваній себѣ строй,—у Старческ. р. 20, col. 1 sub fin..

²⁾ Запись о соборѣ на Маковѣ 1531-го года.—въ Член. общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 7, стр. 8 col. 1.

Преп. Максимъ, бывъ противникомъ Даниила по вопросу о вотчиновладѣніи монастырей, не могъ питать къ нему той личной предвзятой ненависти, которую имѣть къ нему Вассіанъ. Но у него слишкомъ велика была наклонность къ критикѣ людей, и въ обществѣ Вассіана онъ не могъ не сдѣлаться столько же усерднымъ критикомъ митрополита, какъ и этотъ, съ тѣмъ только различіемъ, чтобы быть критикомъ несравненно болѣе тонкимъ и ядовитымъ.

Чрезмѣрную ненависть къ Вассіану и Максиму долженъ быть питать Даниилъ въ качествѣ представителя защитниковъ вотчиновладѣнія. Но ненависть личная, какъ известно, превосходить всякую другую ненависть, въ особенности, когда ненавидящій дѣйствительно сознаетъ за собою тѣ недостатки, за которые становится предметомъ злой критики. Слѣдовательно, Даниилъ долженъ быть питать ненависть къ Вассіану и Максиму самую ожесточеннѣю, къ какой только онъ могъ быть способенъ, а онъ способенъ быть, какъ показали послѣдствія, къ ненависти самой безощадной и непримиримой.

Не вдругъ могъ добраться Даниилъ до Вассіана, но онъ скоро добрался до Максима, чтобы обрушиться на этого послѣдняго своей местью со всею ужасною силой.

Онъ поставленъ былъ въ митрополиты 27-го Февраля 1522-го года, а Максима онъ имѣть въ своихъ рукахъ, какъ уничтоженнаго врага, въ началѣ 1525-го года, слѣдовательно—торжествовалъ свою победу надъ нимъ всего черезъ три года по вступленіи на митрополичью каѳедру.

За этотъ промежутокъ времени мы знаемъ о двухъ дѣйствіяхъ Даниила по отношенію къ Максиму, изъ которыхъ одно имѣть тѣть смыслъ, что митрополитъ или пытался привлечь его на свою сторону или хотѣть усыпить его бдительность, а другое состояло въ томъ, чтобы руки врага употребить въ свою пользу. Въ 1523-мъ году писецъ Максима иноокъ Селиванъ, выучившійся у него греческому языку, совершилъ для митрополита подъ его редакціей переводъ съ греческаго бе-сѣдѣ Іоанна Златоустаго на евангеліе отъ Иоанна. Въ предисловіи къ переводу Селиванъ не одинъ разъ и съ ударениемъ говорить, что онъ совершилъ проторы и пепеченіемъ митрополита¹⁾, т.-е. даетъ знать, что какъ ему—переводчику, такъ и редактору заплачено было съ паччютою щедростью. Щедрость могла имѣть ту или другую изъ сей-часъ выше указанныхъ цѣлей. Затѣмъ, Даниилъ настоятельно добивался

¹⁾ Предисловіе Селивана къ переводу въ Троицкой лаврской ркп. № 200, листъ 8.

было отъ Максима, чтобы этотъ перевѣль для него Церковную исторію блаженшаго Феодорита. Максимъ рѣшительно отказался исполнить требованіе митрополита,—потому, какъ объяснялъ онъ постъ, что онъ сался, какъ бы переводъ не послужилъ претыканіемъ и соблазномъ для иѣкоторыхъ православныхъ по причинѣ читаемыхъ въ Исторіи посланий Ария, Македонія и другихъ ересепачальниковъ¹⁾). Но что касается до митрополита, то, какъ необходимо думать, ему кѣмъ-нибудь было винуено, что Исторія блаженнаго Феодорита содержитъ свидѣтельства о дознаніи монахамъ въ древней греческой церкви владѣть вотчинами. Отказъ Максима совершилъ требуемый переводъ возбудить величайший гиѣвъ митрополита, что не мало отдалось потомъ въ его миценіи наверженію врагу; когда Максимъ очутился передъ нимъ въ положеніи подсудимаго передъ судіей, онъ не могъ воздержаться отъ злораднаго удовольствія сказать ему: «достигоша тебе, окаймле, грѣши твои, о немъ же отрекся превести ми священную книгу блаженнаго Феодорита»²⁾).

Какъ ни сильно Даниилъ ненавидѣлъ Максима, но самъ по себѣ, пока этотъ пользовался расположениемъ великаго князя, онъ совершилъ ничего не могъ ему сдѣлать. Чтобы уничтожить Максима, нужно было возбудить противъ него гиѣвъ и привлечь на него ненависть великаго князя. Послѣднее было сдѣлано,—и Максима постигла великая бѣда.

Чѣмъ Даниилъ успѣлъ возбудить противъ Максима гиѣвъ великаго князя, это составляетъ иѣкоторый вопросъ. Полагаютъ, что Максимъ самъ возбудилъ его противъ себя своимъ протестомъ противъ развода государя съ его нелюдной супругой Соломоніей, каковой разводъ имѣлъ мѣсто въ одномъ и томъ же году съ постигшей его опалой (въ концѣ 1525-го года, тогда какъ онала—въ началѣ того же года). Но современныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, чтобы Максимъ протестовалъ противъ развода совсѣмъ неѣтъ. Позднѣйшія свидѣтельства говорятъ о протестѣ, но, какъ дѣло и должно было бы быть, они ставятъ первымъ протестующимъ Вассіана Косого и за нимъ Максима³⁾. Между тѣмъ о

¹⁾ Постаніе Максима къ Даниилу уже изверженному,—Казанс. изд. II, 372 стр.

²⁾ Ibid. стр. 372 fin..

³⁾ «О сочтаніи втораго брака, твореніе Нансѣнио, старца Бераントова монастыря», о которожъ см. ниже, и за иная иѣкоторые хронографы,—у Карадамз. къ т. VII прим. 279, Курбскій. изд. 2 стр. 5 fin. (говорящій прямо о Вассіанѣ, а о Максимѣ говорящій не прямо).

Вассіанъ почти съ полною увѣренностью должно сказать, что онъ не протестовать: если бы онъ позволилъ себѣ сдѣлать это, то подвергся бы опаснѣ величаго князя одновременно съ Максимомъ; но мы знаемъ, что онъ былъ выданъ государемъ митрополиту только уже гораздо позднѣе, и имѣемъ положительныя свидѣтельства, что сохранять благоволеніе къ себѣ государя послѣ его развода и втораго брака¹⁾). И безъ протеста, который могъ находить Максимъ невозможнымъ и белумънымъ, какихъ бы мыслей ни было о предметѣ, было чѣмъ привлечь на него тяжкій гнѣвъ государя. Но своей натурѣ Максимъ быть неудержимый критикъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. Но онъ, человѣкъ высокообразованній и проводній около десяти лѣтъ изъ Италии, вдругъ попалъ въ Россію; это—почти то же, что нынѣшній западный европеецъ съ его—Максима наклонностями попалъ въ Персію или въ Хиву, Бухарію, въ Афганістанъ. Презывачайно многое, если не все вообще, онъ долженъ быть находить въ нашихъ государственныхъ порядкахъ и государственной жизни неудовлетворительнымъ и заслуживающимъ порицанія, и на все долженъ быть простереть свою критику. Эта критика весьма многаго нашего, можетъ быть, и не разгѣвалъ бы великаго князя на Максима до такой степени, какъ на самомъ дѣлѣ случилось, хотя и имѣла бы для него своимъ слѣдствиемъ то, что онъ не былъ бы отпущенъ изъ Россіи, чтобы, возвратившись домой, не стать глазатаемъ между Греками нашей худой славы²⁾). Но Максиму не могъ воздержаться отъ того, чтобы не простереть своей кри-

¹⁾ Съ. Акт. т. I, № 173: грамота по просьбѣ Вассіана отъ 14-го Сентября 1526-го года, а государь женился во второй разъ 21-го Января того же года.

²⁾ Въ слѣдственномъ дѣлѣ о бояринѣ Иванѣ Никитичѣ Бересенѣ, который обвиненъ былъ какъ соучастникъ Максима въ хулахъ на великаго князя, читаемъ показаніе Максима: «да Максимъ же сказывалъ,—въспросилъ меня Бересень: «хотѣть ли тебя великій князь отпустити въ Святую гору?» и азъ молвишъ: «прошуси дей у великаго князя много и онъ мене не отпустить»; въ Бересень мѣтъ молвишъ: «а и не бывати тебѣ отъ насть»; и азъ ему молвишъ: «за что ему меня не отпустить? взялъ государь насть отъ нашіе браты на томъ, что ему насть въ назадъ отпустити»; и Бересень молвишъ: «держкомъ на тебя мнѣнья, пришоль еси сюда, а человѣкъ если разумной, и ты здѣсь увѣдалъ наше добрая и лихая, и тебѣ тамъ пришодъ все сказывать»,—Акт. т. I, № 172, стр. 142 бп. Это до такой степени большое опасеніе пересказовъ Максима въ Грекіи о нашихъ порядкахъ, что рѣшено было не отпускать его, очевидно, указываетъ на то, что Максимъ заявилъ себѣ какъ слишкомъ спынныи порицатель нашихъ порядковъ.

тики и на представителя порядковъ—самого великаго князя, и именно—на специфическихъ свойства Василия Ивановича. Государь этотъ былъ самовластецъ, весьма близкій къ настоящему деспоту, а Максимъ съ своей стороны и по натурѣ и по воспитанію до такой степени мало чувствовалъ симпатіи къ деспотизму, что не могъ противъ него не высказываться. Между тѣмъ одну изъ страшныхъ людемъ особенностей деспотическихъ натуру составляеть то, чтобы не терпѣть ни малыши себѣ критики,—и вотъ тутъ-то и была бѣда и погибель Максима: великому князю было наговорено на него, что онъ есть его—государи дерзкій иноноситель, и великий князь, послѣ того какъ болѣе или менѣе былъ убѣждены въ сираведливости наговоровъ, воспыпалъ противъ него необузданнѣемъ гнѣвомъ. Неограниченное самовластіе Василия Ивановича, естественно, возбуждало противъ него всѣхъ тѣхъ, кому приходилось становиться жертвою самовластия; Максимъ привыкалъ къ себѣ изъ которыхъ изъ этихъ недовольныхъ, чтобы говорить съ ними о государѣ—осторожно или неосторожно, но не въ томъ смыслѣ, чтобы воздавать ему хвалы. А это могло быть представлено великому князю въ такомъ видѣ, что Максимъ съ своими иерусскими понятіями возстановляетъ Русскихъ противъ власти его—государи, при чемъ испамѣренная неосторожность могла быть превращена въ намѣренный злой умыселъ. Одни изъ обвинительныхъ пущетовъ противъ Максима говорятъ, что «великаго князя (опъ) называлъ гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ, какъ и прежніе гонители и мучители нечестивые были», и не можетъ быть сомнительнымъ, что именно это обвиненіе составляло то средство, при помощи которого возбуждена была въ государѣ нестерпимая ненависть къ Максиму. Невозможно думать, что въ своихъ неосторожныхъ рѣчахъ о государѣ Максимъ заходилъ слишкомъ далеко. Еще менѣе онъ могли быть доказаны, ибо у тѣхъ, кто слышалъ ихъ отъ Максима въ качествѣ его собесѣдниковъ, не могло быть охоты выдавать себя. Но въ подобныхъ случаяхъ и малое идти за многое, ибо предполагается, что если сказалъ мало, то думаешь много.

Возстановленій противъ Максима до нестерпимой ненависти къ нему, великій князь, естественно, исполнился такой же жажды уничтожить и раздавить его какою давно сиѣдаемъ былъ митрополитъ. Но, вѣроятно, при всей своей ненависти къ Максиму Василий Ивановичъ находилъ, что карать человека за одни нескромные отзывы о немъ—государѣ, имѣвшіе характеръ не какойнибудь публичный, а частный, которые высказывались въ частныхъ бесѣдахъ и стали известными путемъ доносовъ, значило бы сдѣлать не что иное, какъ именно под-

тврдить отзыви о немъ Максима. Поэтому рѣшено было изобрѣсти на послѣднаго другія обвиненія, на основаніи которыхъ можно было бы осудить его. Имѣемъ указанія, что старались изобрѣтать обвиненія весьма усиленно, прибѣгая для сего и къ такому средству, какъ подговоръ нѣкоторыхъ его знакомыхъ взвести на него клеветы¹⁾. Такъ или иначе, но обвиненія, о степени основательности которыхъ сейчасъ ниже, были найдены, и государь рѣшилъ судить его съ тѣмъ, чтобы жестоко осудить.

Бѣда, устроенная митрополитомъ Максиму, какъ мы сказали, постигла его въ началѣ 1525-го года: онъ былъ взятъ подъ стражу съ тѣмъ, чтобы быть преданимъ суду, въ первой половинѣ Февраля мѣсяца этого года²⁾. Хотя обвиненія, имѣвшія быть представленаими на судъ, были церковнаго характера только на наименьшую часть, по великой князю поручилъ судить Максима митрополиту съ соборомъ епископовъ, и только на первомъ засѣданіи собора присутствовалъ самъ съ своими братьями и боярами, для чего послѣдній собирался на этотъ первый разъ въ его государевыхъ палатахъ. Существующія извѣстія о соборѣ говорятъ, что онъ имѣлъ многочисленныя засѣданія и производилъ великий взыскъ о винахъ Максима³⁾. Если это дѣйствительно такъ, то должно думать, что намѣреніемъ образомъ растянуто было производство суда, для того чтобы показать, будто вины Максима требуютъ многихъ изысканій и будто онъ—человѣкъ очень виновный.

Сейчасъ мы сослались па существующія извѣстія о соборѣ 1525-го года, и мы должны начать рѣчь о соборѣ именно съ этихъ

¹⁾ Но дѣлу Максима вмѣстѣ съ помянутымъ Иваномъ Никитичемъ Берсенемъ обвиненъ былъ крестовый дьякъ великаго князя (Типографск. лѣт. стр. 381) Осдорпъ Жареный. Этотъ Жареный сообщалъ Берсеню, какъ показывалъ на него послѣдній, что великий князь присыпалъ къ нему игумена Троицкаго (ве Порфирия, который оставилъ игуменство въ Сентябрѣ 1524-го года, а Арсения Сахарусова или Сухарусова, который поставленъ былъ въ январѣ 1525-го года,—Типogr. лѣт. стр. 381) съ словами: «только мнѣ солжи на Максима, и азъ тебя пожалую». Правда, на очной ставкѣ съ Берсенемъ Жареный утверждалъ, что говорилъ ему совсѣмъ другое, а именно—что великий князь присыпалъ къ нему—Жареному игумена съ тѣмъ, чтобы онъ сказалъ на Максима всю истину: но большая вѣроятность на сторонѣ показанія о Жареномъ Берсеня.—Лѣт. Эксп. т. I, № 172 стр. 144 col. 2.

²⁾ Акт. Эксп. ibid..

³⁾ Занись о соборѣ 1531-го года, см. что говорится сейчасъ далѣе и слѣдующее примѣчаніе.

известий. Максимъ судимъ былъ два раза, въ 1525-мъ году и потомъ въ 1531-мъ году. Объ обоихъ судившихъ его соборахъ мы имѣемъ записи. Но, къ сожалѣнію, эти записи—не официальные протоколы производства суда на соборахъ, а чи-то частныя историческія о нихъ записи, какъ будто всего вѣроятнѣе—принадлежащія самому митр. Даніилу. Первое, что должно быть сказано противъ этихъ записей, есть то, что въ весьма значительной части случаевъ онѣ не приводятъ отвѣтовъ Максима на обвиненія и что въ тѣхъ случаяхъ, когда приводятъ ихъ, мы вовсе не можемъ положиться на достовѣрность излагаемаго въ устахъ Максиму ихъ неизвѣстными авторомъ. Второе есть то, что по записямъ нельзя съ совершенною уѣренностю опредѣлить, въ чёмъ обвиняютъ было Максимъ на первомъ соборѣ и въ чёмъ на второмъ. Запись о первомъ соборѣ весьма неполная, и какіе пункты обвиненія были предъявлены противъ Максима, это мы должны узнавать изъ записей о второмъ соборѣ. Но эта послѣдняя запись составлена такъ, что въ ней сливаются рѣчи обѣ обоихъ соборахъ¹⁾.

По записи о самомъ соборѣ 1525-го года мы достовѣрно знаемъ, что Максимъ обвиняютъ быть на немъ въ одной ереси; затѣмъ, насколько можно выдѣлить въ записи о соборѣ 1531-го года, относящееся къ нашему собору, онъ еще обвиняютъ быть на немъ въ дерзкихъ рѣчахъ о нашихъ отношеніяхъ къ патріарху константинопольскому, въ преступленіяхъ политическихъ и рѣчахъ политически-преступныхъ и въ одномъ преступлении уголовномъ.

Мнимая ересь Максима состояла въ слѣдующемъ. Приступивъ, по порученію великаго князя, къ исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ, когда не зналъ еще русскаго языка, и начавъ исправленіе Цвѣтной Тріоди, Максимъ допустилъ нogrѣшности языка, привнесшія еретическую мысль, въ исправленіи службы на Вознесеніе. Гдѣ прежде него въ службѣ читалось о Христѣ: взыде на небеса и сѣде одесную Отца,... сѣдай одесную Отца, онъ исправилъ: сѣдѣши (сѣдѣть еси) одесную Отца, сѣдѣвъ..., сѣдѣши одесную Отца. Допустивъ нogrѣшности, Максимъ воображалъ, что неправильное замѣнило правильнымъ, и хотѣть защищать свои поправки. На этомъ основаніи было представлено на него слѣдующее обвиненіе: «Максимъ иночъ святогорецъ говорилъ и училъ многихъ и писалъ о Христѣ, яко сѣдѣніе Христово одесную Отца и монодишие и минувшее: якоже Адамово селеніе въ раи

¹⁾ Обѣ записи, поящія одно общее заглавіе: «Прѣніе Даніила митрополита Московскаго и всея Руси со иночомъ Максимомъ святогорцемъ», напечатаны въ Чел. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года, № 7.

и прямо рая съѣдѣніе, тако и Христово съѣдѣніе одесную Отца мимошедшее». Чтобы Максимъ принимать и проповѣдувать ересь, что съѣдѣніе Христово одесную Отца есть мимошедшее, это, какъ само собою понятно, крайняя пѣлѣость, по онъ дѣйствительно могъ защищать свою неправильную поправку, и пока совсѣмъ хорошо не узналь русскаго языка, могъ защищать болѣе или менѣе упорно. По-руссски переведено было: «сѣде», — второе и третье лицо, а въ греческомъ подлинникѣ аористъ: ἐκάθισας, ἐκάθισεν; по русски переведено было: «сѣдлай», а въ греческомъ подлинникѣ аористъ: καθίσας (т. е. возсѣдшай). При своемъ незнаніи русскаго языка Максимъ, очевидно, находилъ аргументъ, что греческій аористъ вѣрище и правильнѣе передать по-русски не прошедшими совершенными и не настоящими временами, а прошедшими несовершенными: на этомъ основаніи онъ сдѣлалъ свою неудачную поправку и на этомъ основаніи онъ могъ защищать ее, пока не знакомился хорошо съ русскимъ языкомъ. Къ чему онъ ссылался на селеніе Адама въ раю и на съѣдѣніе прямо рая, мы не можемъ объяснить, но быть сомнѣнія не затѣмъ, чтобы доказывать, будто съѣдѣніе Христово одесную Отца и эти селеніе и съѣдѣніе суть одно и тоже. Запись о соборѣ 1525-го года, которая говоритъ объ одномъ нашемъ пунктѣ обвиненій, утверждаетъ, что когда Максиму прочтено было на соборѣ обвиненіе, онъ отвѣчалъ тоже, что говорилъ и прежде: «въ томъ разницы ни котораго нѣсть, а то мимошедшее Адамово селеніе въ раю и съѣдѣніе прямо рая мимошедшее есть, также (и) Христово съѣдѣніе одесную Отца мимошедшее есть». Такъ какъ въ 1525-мъ году Максимъ настолько хорошо долженъ бытъ знать русскій языкъ, чтобы понимать различіе между выраженіями сѣде и сѣдлѣть, то довольно сомнително, чтобы это была правда, которая, вѣроятно, состояла въ томъ, что онъ просилъ у собора прощенія въ своей нена-мѣренной погрѣшности. Но если бы это и дѣйствительно было такъ, то и для кого не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что Максимъ защищалъ не ересь, а неправильный переводъ, считая его за правильный. Такимъ образомъ, если бы и дѣйствительно было такъ, какъ представляеть дѣло запись о соборѣ, вина Максима состояла бы не въ томъ, что онъ защищаетъ ересь, а въ томъ, что онъ защищаетъ неправильный переводъ, привносящий,—чего онъ не созиавалъ,—еретическую мысль, т. е. вина Максима состояла бы въ томъ, что онъ хотѣлъ вообразжать себя знающимъ русскій языкъ лучше самихъ Русскихъ. За свое упорство, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто, Максимъ исконько не заслуживалъ похвалы, хотя этимъ упорствомъ онъ и не причинялъ никому никакого вреда, такъ какъ его исправленія

прежде чѣмъ быть принятими, должны были пройдти черезъ цензуру церковной власти. Но ясно, что провозгласить его еретикомъ можно было только при помощи того средства, чтобы намѣренно привлечь *qui pro quo*, — одно за другое. Митрополитъ и воспользовался возможностью сдѣлать это: Максиму прочтено было обвиненіе; онъ настаивалъ на правильности перевода; это намѣреніемъ образомъ было понято такъ, будто онъ настаиваетъ на еретической мысли, заключающейся въ его минномъ правильномъ переводѣ, — и его провозгласили еретикомъ.

Дерзкія рѣчи Максима о Русскихъ касательно ихъ отношений къ патріарху Константинопольскому состояли въ томъ, что онъ укорялъ ихъ или за отрицаніе отъ патріарха, яко отъ сущаго во области бѣлобожныхъ Турокъ, или за именование его имени па богослуженій, и потому — что укорялъ ихъ за постановленіе ими своихъ митрополитовъ въ самой Москвѣ, а не въ Константинопольѣ. «Да ты же Максимъ — читается обвиненіе — говорить многимъ здѣсь па Москвѣ: великому князю и митрополиту кличутъ многолѣтіе и еретиковъ проклинаютъ, занеже творять имъ по писанію имъ по правиломъ, а митрополитъ поставляется своими епископами па Москвѣ, а не въ Цареградѣ отъ патріарха». Въ первой половинѣ обвиненія, представляющейся иепонятною, должно отыскивать смыслъ такимъ образомъ, что или слова «еретиковъ проклинаютъ» относить къ патріарху и разумѣть отрицаніе отъ него, какъ отъ еретика, или, понимая эти слова въ обыкновенномъ смыслѣ, подразумѣвать пропускъ словъ: а патріарха не поминаютъ. Таѣ или иначе, но относительно всего, что читается въ обвиненіи, вина Максима состояла единственно въ томъ, что онъ смѣль говорить Русскимъ пепрѣятную для нихъ правду, па которую они не въ состояніи были отвѣтchatъ ему что либуть удовлетворительное. Но поводу своего укора Русскимъ, что они ставятъ своихъ митрополитовъ въ Москвѣ, Максимъ говорилъ на соборѣ 1531-го года, когда ему повторено было обвиненіе: «дознавался я, почему не ставятся митрополиты русские по прежнему и по старому обычаю въ Константинопольѣ, и мнѣ сказали, что патріархъ Константинопольский далъ благословенную грамоту русскимъ митрополитамъ ставиться своими епископами; и я много добивался видѣть эту грамоту, но и до сихъ поръ не видать ея»...

Политическая преступленія, въ которыхъ Максимъ обвиняется быть на соборѣ 1525-го года, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, онъ — Максимъ и его сообщникъ Савва (архимандритъ новоспасский, который былъ родомъ также Грекъ) вмѣсто добра умышляли и совѣщались зло великому князю: посыпали грамоты къ турецкимъ нашамъ и къ самому турецкому султану, подпимая султана на

государя; да они же—Максимъ и Савва говорили: великий князь ведеть войну противъ Казани, но не придется ему владѣть ею, потому что для турецкаго султана (который считаетъ Казань вассальною себѣ) срамъ будетъ терпѣть это («ратуетъ князь великий Казань, да иѣколи ему будетъ, и соромъ Турскому,—ему не терпѣти»). Обвиненіе на Максима съ Саввой, будто они посылали грамоты къ турецкимъ пашамъ и къ самому султану, поднимая султана на великаго князя не только представляютъ pendant къ обвиненію Максима въ ереси, но иѣчто и еще гораздо болѣе удивительное и въ своеемъ родѣ совершенное. Два греческихъ монаха, живущіе въ Москвѣ, затѣваютъ такое дѣло, какъ носрѣдствомъ своихъ инсемъ къ пашамъ и султану возбудить послѣднаго къ войнѣ противъ великаго князя: похоже ли это на что либуть сколько нибудь вѣроятно? И для чего монахи ножелали бы возбудить султана къ войнѣ? Чтобы онъ завоевалъ Россію? Но какая бы была монахамъ польза отъ этого и была ли хоть одна, не совершение невозможное было возможно: султанъ, вовсе не помышлившій о томъ, чтобы воевать противъ Россіи, о чёмъ по географическимъ условіямъ помышлять ему было бы и совсѣмъ нелѣпо, находился тогда въ такихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, что письма монаховъ тотчасъ же были бы доставлены въ Москву. И если бы до такой степени тяжкое обвиненіе имѣло хоть тѣль правды, то вмѣсто заточенія въ монастыряхъ, которыми подверглись Максимъ и Савва, не случилось ли бы того, чтобы они осуждены были на самую ужаснѣйшую и позорицѣйшую смертную казнь, какую только можно выдумать? Къ обвиненію, вѣроятно, подала поводъ какая нибудь пѣлѣнная клевета, и хотя ему не вѣрили, но такъ какъ нужны были обвиненія для комедіи суда, то посѣнили сказать: давай и его сюда и чѣмъ страшнѣе тѣмъ лучше¹⁾). Что касается до рѣчей Максима и Саввы: ведеть великій князь войну противъ Казани и пр., то очень могли они говорить что нибудь въ томъ родѣ, что великій князь можетъ поссориться этой войной съ султаномъ и что сеора съ послѣднимъ есть иѣчто не совсѣмъ пріятное: но и тутъ не

¹⁾ Въ описи царскаго архива второй половины XVI вѣка значится, что у бывшаго спасскаго архимандрии Саввы взяты были какія-то грамоты греческія посольныя,—Акт. Экспед. т. I, стр. 341, ящикъ 61. Слѣдовательно, онъ имѣлъ какое-то отношеніе къ посольствамъ вел. князя въ Константинополь: вѣроятно, что ему давано было переводить грамоты.

невозможно, что Максиму съ Саввой усвоены были рѣчи, которыя говорили не они¹⁾.

Во-вторыхъ, они же—Максимъ и Савва знали про умысли и похвалибы турецкаго посла Скиндеря, который похвалился поднять султана противъ государя: Максимъ знать про это и не донесъ великому князю и его боярамъ. Турецкій посолъ или точибе—посланецъ Скиндеръ, родомъ Грекъ (князь Манкулинскій), нѣсколько разъ прїѣзжавшій въ Москву при Василии Ивановичѣ не столько для переговоровъ государствахъ, сколько для закупокъ султану русскихъ товаровъ (мѣховъ), и между прочимъ находившійся въ Москвѣ передъ временемъ опали Максима, вѣль себя у насъ пехорошо и можетъ быть дѣйствительно хвалился поссорить султана съ великимъ княземъ²⁾). Знать или не знать Максимъ что инбудь про похвалибы Скиндеря, если онъ имѣлъ мѣсто, мы не можемъ сказать³⁾; но не подлежитъ сомнѣнію, что великий князь обстоятельно зналъ обо всемъ поведеніи Скиндеря помимо Максима. Стѣдовательно, ему вмѣялось въ вину только то, что онъ съ своей стороны не сдѣлалъ доноса.

Политически-преступныя рѣчи, въ которыхъ обвиняемъ былъ Максимъ на соборѣ 1525-го года и которая представляли собою lèse-majesté или оскорблѣніе величества, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, онъ говорилъ многимъ людямъ: владѣть султану русской землей, потому что ему ненавистны родственники (бывшихъ) константинопольскихъ императоровъ, а великий князь Василий внукъ Оомы морейскаго. Грекъ и горячій греческій патріотъ будто бы говорилъ подобное, становясь на турецкую точку зренія! Можетъ быть, что по поводу успѣшныхъ стараний великаго князя Василия Ивановича завязать тѣсный союзъ съ султанами⁴⁾ Максимъ высказывался совсѣмъ въ противномъ смыслѣ, а именно—что напрасно великий князь сей-часъ указаниемъ дѣлаетъ,—что между нимъ, какъ родственникомъ прежнихъ константинопольскихъ императоровъ, имѣющимъ права на ихъ настѣдіе, и между султаномъ не можетъ быть искренней дружбы.

¹⁾ Эти рѣчи дѣйствительно говорилъ Скиндеръ, о которомъ сейчасъ ниже.—*Карамз.* VII. 79 sub fin..

²⁾ *Карамз.* VII. 90, *Соловьевъ V*, 4-го изд. 354 нач..

³⁾ Если вѣрить показанію Максима, которое онъ далъ, бывъ допрашиваемъ съ Берсенемъ, то онъ и не видалъ Скиндеря, а только слышалъ про него.—Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 143 col. 2.

⁴⁾ См. *Соловьевъ V*, 4-го изд. стр. 350 sqq..

Во-вторыхъ, Максимъ называлъ великаго князя гонителемъ и мучителемъ нечестивымъ, какъ были прежніе гонители и мучители нечестивые. Объ этомъ обвиненіи, которое должно быть считаемо истинной и единственной причиной того, что великий князь воспыпалъ страшнымъ гневомъ противъ Максима и почувствовалъ къ нему непримириимую ненависть, мы говорили выше.

Втретыхъ, Максимъ говорилъ: великий князь выдать землю крымскому хану, а самъ испугавшись побѣжать отъ турецкаго султана; а ему какъ не бѣжать: если пойдетъ султанъ, то онъ долженъ или харать (подать) платить или бѣжать. Обвиненіе это непоправимо, а именно—не видно въ немъ, къ кому относится: а самъ испугавшись побѣжать,—къ великому князю или хану. Если къ великому князю, то мы вовсе не можемъ указать случая, который бы разумѣлся. Если къ хану, то обвиненіе нужно понимать такъ: Максимъ симѣлся надъ великимъ княземъ, что онъ выдать свою землю крымскому хану, а напротивъ послѣдняго, когда этотъ побѣжалъ отъ султана, старался оправдывать, говоря, что ему и вѣльзя было не бѣжать, потому что и пр. Что касается до выдачи великимъ княземъ своей земли хану, то тутъ, нѣть сомнѣнія, разумѣется внезапное и страшное нашествіе на Москву хана Магмѣдъ-Гирея въ 1521-мъ году, когда великий князь удалялся изъ Москвы въ Вологодамскъ и когда онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ кунить у хана миръ цѣпью обязательства платить ему дань. Что Максимъ могъ отзываться о поведеніи великаго князя въ семъ случаѣ съ болѣшей или меньшей критикой, это совершенно возможно.

Преступленіе уголовное, въ которомъ обвиняемъ былъ Максимъ на соборѣ 1525-го года, было колдовство. «Да ты же Максимъ,—глаголъ обвиненіе,—волшебными хитростями египетскими писалъ еси водками на дланяхъ своихъ и распредѣтилъ длані свои противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлять, волхвую». Это нелѣпое обвиненіе показываетъ, что способенъ былъ митрополитъ Да-нилъ, съ одобренія великаго князя, выдумать на Максима, и какой вѣрия заслуживаются и другія обвиненія¹⁾...

¹⁾ По изложению обвиненій на Максима въ записи о соборѣ 1531-го года, следовало бы, навидимому, относить къ обвиненіямъ собора 1525-го года еще то, что Максимъ укориля наши монастыри и церкви за ихъ вотчиновладѣніе. Но такъ какъ въ 1525-мъ году еще не была выданъ митрополиту великимъ княземъ Василиемъ, то должно думать, что въ этомъ году въ подемика противъ вотчиновладѣнія монастырей еще не была представлена первому послѣднимъ какъ предметъ осужде-

Такимъ образомъ, на соборѣ 1525-го года Максимъ провозглашенъ бытъ отъ Даниила и—что должно подразумѣвать—великаго князя церковнымъ сретикомъ и тяжкимъ политическимъ и уголовнымъ преступникомъ. Какъ таковой, онъ приговоренъ бытъ соборомъ къ отлученю отъ церкви и къ наказанию тюремному заключенію въ монастырѣ.

Для тюремнаго заключенія Максимъ отиравленъ бытъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, т. е. къ монахамъ, которые должны были питать къ нему такую же ненависть, какъ и самъ Даниилъ, и слѣдовательно—которые могли бытъ вполнѣ надежными и надлежаще суровыми его стражами. Не знаемъ, было ли приказано отъ великаго князя и митрополита подвергать Максима истязаніямъ въ темницѣ или монахи волоколамскіе хотѣли дѣлать это по собственной инициативѣ къ нему, но онъ самъ, разумѣя, какъ должно думать, свое пребываніе имѣнію въ Волоколамскомъ монастырѣ, увѣряетъ, что въ темницахъ «сразы и дымы и глады уморечь бытъ»¹⁾.

Обвиненный имѣстъ съ Максимомъ въ преступленіяхъ государ-

нія. Затѣмъ, мы не приводимъ обвиненія, которое Герберштейнъ выставляетъ какъ единственную причину гибели государя на Максима, имѣвшаго своимъ слѣдствиемъ его заточеніе въ 1525-мъ году, именно—обвиненія въ томъ, что онъ порицалъ несправедливость нашихъ богослужебныхъ книгъ. У Герберштейна читается о катастрофѣ случившейся съ Максимомъ въ 1525-мъ году: «узали мы въ Москвѣ, что по проѣздѣ великаго князя патріарху константинопольскому прислали одного монаха, по имени Максимилиана (т.-е. Максима), чтобы онъ привелъ въ порядокъ и исправилъ всеѣ книги, начоны и частныя постановленія, относящіяся къ вѣрѣ; когда монахъ сдѣлалъ это и нашедъ (въ книгахъ) многія и важныя погрешности, объявилъ государю, что онъ есть настоящій схизматикъ, не слѣдующій ни римскому, ни греческому обряду: то вскорѣ послѣ такого заявленія, хотя государь (дотолѣ) былъ къ нему весьма расположень, онъ, какъ говорить, нечезъ и по мнѣнію многихъ утонъ»,—у *Старческ.*, р. 30, col. 1. Но именно относительно нашего пункта обвиненій въ запискѣ о соборѣ 1531-го года прямо дается знать, что онъ не бытъ приводимъ на соборѣ 1525-го года: на соборѣ 1531-го года митрополитъ укоряеть Михаила Медоварцева за то, что онъ не донесъ о хулахъ Вассіана и Максима на наши книги передъ соборомъ 1525-го года,—запискѣ стр. 10 col. 1 sub fin.. На этомъ основаніи слѣдуетъ думать, что о катастрофѣ, случившейся съ Максимомъ, Герберштейнъ получила свѣдѣнія отъ лицъ, которыхъ не знали дѣла обстоятельно и которая сообщали ему въ видѣ положительныхъ извѣстій свои собственныхъ предположеній.

¹⁾ Казанск. изд. II, 365.

ственныхъ архимандритъ новосиацкій Савва сосланъ бытъ въ волоколамскій Возмицкій монастырь¹⁾.

Въ Іосифовомъ Волоколамскомъ монастырѣ Максимъ пробытъ въ темничномъ заключеніи шесть лѣтъ. Затѣмъ, въ 1531-мъ году онъ названъ бытъ въ Москву на почтый соборъ, чтобы выслушать новыя обвишнія и чтобы быть отправленнымъ въ темницу другаго монастыря.

Успѣвъ достигнуть, чтобы Максимъ осужденъ бытъ на пожизненное темничное заключеніе, Даніилъ достичь по отношенію къ нему своей цѣли, состоявшей въ томъ, чтобы уничтожить его, и повидимому долженъ бытъ оставить его въ покое. Но митрополитъ поступилъ иначе. Можетъ бытъ, онъ опасался, какъ бы доброжелатели Максима не сумѣли оправдать его въ глазахъ великаго князя и не возвратили ему благоволенія государя; можетъ бытъ, онъ вообще находилъ, что—чѣмъ болѣе будешь имѣть обвиненій противъ врага, тѣмъ дѣло вѣригѣ и безопаснѣе. Какъ бы то ни было, но, засадивъ Максима въ заключеніе, Даніилъ вовсе не оставилъ его въ покое: онъ предпринялъ старательные розыски новыхъ противъ него обвиненій. Когда старанія увѣличились успѣхомъ, митрополитъ и счелъ за нужное подвергнуть своего врага вторичному соборному суду, чтобы сдѣлать его осужденіе возможно прочнымъ и безоворотнымъ. Къ 1531-му году Даніилъ успѣлъ достигнуть, чтобы великий князь выдалъ ему и другаго его врага—Бассіана, и именно на соборъ, который бытъ созванъ для осужденія сего послѣднаго, и долженъ бытъ предстать Максимъ для вторичнаго суда. Это обстоятельство даетъ знать, что въ 1531-мъ году митрополитъ не имѣлъ ии малѣйшаго основанія опасаться, чтобы великий князь возвратилъ Максиму свое благоволеніе, и слѣдовательно—

¹⁾ Типографек, лѣт. стр. 386. Что касается до судьбы даннаго Максиму въ писцы въ ставшаго его ученикомъ монаха троицкаго Селивана: то Курбскій, называя его мужемъ искусствомъ обоего любомудрія—вѣщняго и духовнаго, увѣряетъ, будто митр. Даніилъ «въ своемъ епископскомъ дому злю смertio за малые дни уморилъ его».—Сказаній 2 изд. стр. 42, а запись на одномъ изъ списковъ переведенныхъ имъ съ греческаго Бесѣдъ Иоанна Златоустаго на евангеліе отъ Матѳея увѣряетъ, что онъ вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Максимомъ заточенъ бытъ въ Волоколамскій монастырь и въ монастырѣ. «въ дыму задушенъ. скончался».—Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, ч. I, № 138, стр. 163—164. Но изъ одного сообщенія о немъ, читаемаго въ описи царскаго архива второй половины XVI вѣка слѣдуетъ, что онъ неизвѣстно когда (до собора 1531-го года, на которомъ уже не фигурируетъ) умеръ естественно смертью,—Акт. Экснед. т. I, № 289, ящикъ 27, стр. 337 col. 2.

дастъ знать, что главною причиною, по которой митрополитъ желать вторичнаго суда надъ Максимомъ, была вообще его непримиримая ненависть къ врагу. Запись о соборѣ 1531-го года дѣйствительно свидѣтельствуетъ, что ненависть эта была непримирима и неукротима. Необходимо думать, что и Максимъ своимъ поведеніемъ въ Волоколамскомъ монастырѣ весьма много содѣствовалъ тому, чтобы она не только не ослабѣла, но и достигла до послѣдней степени своей силы и напряженности. На соборѣ 1531-го года Максимъ съ особеннымъ настоианіемъ обвинился между прочими въ томъ, что, бывъ заключенъ въ темницу въ Волоколамскомъ монастырѣ ради обращенія, онъ вовсе не показалъ покаянія и исправленія и утверждалъ, что-де его заключили безъ вины и что онъ-де не знаетъ за собой ни единаго грѣха. Уничтоженный врагъ вовсе не думать смиряться и имѣть смѣлость говорить о своей невинности, обвиняя такимъ образомъ своего судію: естественно, что ненависть къ нему судіи вовсе не могла ослабѣть.

Ошибка, допущенная Максимомъ при исправленіи службы на Вознесеніе и сдѣлавшаяся митрополиту известною до собора 1525-го года, указала послѣднему, где искать новыхъ противъ него обвинений. Обратились къ этому его исправленію богослужебныхъ книгъ и къ его переводахъ съ греческаго, и дѣйствительно нашли иѣсколько обвинительныхъ противъ него пунктовъ. Затѣмъ, открыли за нимъ еретическое мыслье помимо тѣхъ ересей, которыми онъ навносили въ книги и въ свои переводы. Измѣнившіяся обстоятельства времени дали митрополиту возможность предъявить противъ него обвиненіе, которое не могло быть предъявлено на соборѣ 1525-го года. Наконецъ, монахи волоколамскіе выступили противъ него обвинителями за время его жизни въ ихъ монастырѣ.

Первую группу обвинений, которая предъявлены были противъ Максима на соборѣ 1531-го года составляло слѣдующее:

1) Въ 1521-мъ году, еще не зная хорошо русскаго языка, Максимъ перевѣль, по порученію великаго князя или митр. Варлаама, Метафрастово житіе Богородицы и допустилъ въ переводѣ три ошибки языка, вводящія еретическія мысли¹⁾). На соборѣ Максимъ признался

¹⁾ Во-первыхъ, разсказъ Метафраста о томъ, что по совѣщанію священниковъ Пречистая Дѣва обручила била Іосифу, какъ могшему сохранить непарушимымъ ея дѣвство, въ подлинникѣ оканчивается словами: ἦ, δέ τονάρχεια μέχρι μυητέστε; το. Максимъ перевѣль эти слова: «совокупленіе же до обрученія бѣ». Переводъ былъ буквально точенъ: но отъ двусмыслія неудачно употребленаго предлога: до и отъ не совѣтъ удачной передачи слова: τονάρχεια словомъ: совокупленіе получался тотъ

ошибки за ереси и съ клятвой отрицался отъ хульного учения, которое онѣ давали. Но такъ какъ прежде онъ защищать правильность своего перевода, то соборъ хотѣть находить и рѣшилъ, что его появление неискренно и что онъ дѣйствительно виновенъ въ тѣхъ еретическихъ мысляхъ, которые содержатся въ переводѣ.

2) Исправляя переводъ богослужебныхъ книгъ, Максимъ, во-первыхъ, сдѣлалъ несолько выпусковъ частныхъ мѣстъ изъ существовавшаго славянскаго текста сообразно съ тѣмъ текстомъ греческимъ, который имѣлъ подъ руками; напр. въ книгѣ Деяній апостольскихъ въ главѣ 8-й читалось въ прежнемъ славянскомъ текстѣ: *рече же Филиппъ (кажешику): аще отречеш отъ всею сердца твоего, можно ти суть; отвѣтиша же рече: вѣрю Сына Божія быти Иисуса Христа*, но слова эти не читались въ томъ греческомъ текстѣ, который былъ у Максима подъ руками и онъ ихъ загладилъ¹⁾; всѣхъ такихъ выпу-

хульный смыслъ, что иллюстрированіе Іосифа съ Дѣвой имѣло мѣсто прежде обрученія. Дѣйствительный смыслъ.—думаемъ, что не особенно удачной фразы, есть тотъ, что сочетаніе Іосифа съ Дѣвой простиралось лишь до обрученія, состояло лишь въ обрученіи, не переходя въ бракъ, т.-е. что Іосифъ дѣйствительно сохранилъ девство Дѣвы (Михаилъ Медоварцевъ, когда услышалъ, что носятся рѣчи о хульномъ словѣ: совокупленіе, замѣтилъ его въ своемъ синекѣ житія Богородицы словомъ: совѣщаніе!). Во-вторыхъ, слова Метафраста о Дѣвѣ: *ὅτι σπέριστος ἀνδρὸς σύδαιφος ἐχειμονεῖ* переведены были Максимомъ: «аки сѣмени мужеска никакоже причастившиеся», т.-е. вмѣсто: яко, потому что. неудачно употреблено было: аки, которое значить: какъ бы, какъ будто. Втретыхъ, приводимыя Метафрастомъ слова евангелиста объ Іосифѣ: *ὅτε ὅπτω δίκαιος ὦ* (Мато. I, 19) Максимомъ переведены были: «аки нраведенъ сый», при чемъ опять вмѣсто: яко неудачнымъ образомъ употреблено было: аки.—Греческий подлинникъ Метафраста житія Богородицы напечатанъ только въ отрывкахъ: Натрол. Миня т. 115, col. 532 sqq. Перваго изъ нашихъ трехъ мѣстъ пѣть на греческомъ въ печатномъ, но оно взято Метафрастомъ въ слова на Рождество Христово, усвояемаго Григорію Иверскому (въ которомъ приводится разсказъ объ обрученіи изъ какого-то апокрифа.—*ἀπορέργος τινός ιστορίας*), а это слово въ Натрол. Миня т. 46 и наше мѣсто въ немъ col. 1140; второе и третье мѣста въ самыхъ отрывкахъ Метафраста—coll. 533 и 535.—Что житіе перенесено было Максимомъ за десять лѣтъ до нашего изъ него собора, сказано о соборѣ на Вассиана Косаго,—въ Чтен. общ. Ист. и Древн. 1847-го года. № 9, стр. 9 col. 2.

1) Слова эти и дѣйствительно читаются не во всѣхъ греческихъ синекахъ, см. ученые изданія Нового Завѣта съ показаніемъ разности (въ евангеліи св. митр. Алексія слова эти написаны на полѣ).

сковъ указано было четыре¹⁾: во-вторыхъ—допустить иѣсколько неудачныхъ поправокъ въ языкѣ²⁾. Выпуски частныхъ мѣстъ, которые позволили себѣ сдѣлать Максимъ, дѣйствительно представляли дѣло очень немаловажное; но, какъ онъ увѣрялъ, онъ дѣлалъ докладъ о нихъ митр. Варлааму³⁾, и во всякомъ случаѣ самъ онъ непосредственно не вводилъ своего перевода въ употребленіе и допустить или не допустить выпуски зависѣло отъ церковной власти. Что касается неудачныхъ поправокъ въ языке, то Максимъ исколко не отстаивалъ ихъ и просилъ за нихъ прощенія⁴⁾.

Изыскивая въ исправленныхъ Максимомъ книгахъ его мнѣния ереси, соборъ не затруднился поставить въ число этихъ ересь даже простую ошибку имена. Въ правилахъ (анаѳематствованіяхъ) Кирилла Александрийскаго читалось: «аще кто не нарицасть пречистую Богородицу Дѣву Марию, да будетъ ироклять»; въ однѣмъ изъ списковъ Вассіановой Кормчей, въ окончательной редакціи которой принималъ иѣкоторое участіе Максимъ, оказалась пропущеною частица «не» и написаннымъ: «аще кто нарицаеться». Соборъ и относительно этого очевиднаго пропуска имена допрашивалъ Максима почему они съ Вассіаномъ написали такъ въ своихъ правилахъ.

¹⁾ Сейчасъ указанный памятъ еще три слѣдующіе: великаго отпуска на Троицкой вечернѣ; въ евангеліи отъ Луки, гл. 8, ст. 15, слова: *еіа Іисусъ глаголя возласи: имъя уши слытати, да слышатъ* (о которыхъ должно быть сказано то же, что о словахъ книги Дѣяній) и въ 8-мъ членѣ Символа вѣры слова: иетиннаго.

²⁾ Этихъ поправокъ указывается двѣ: во-первыхъ, гдѣ въ нашихъ книгахъ было прежде: безстрашно божество, Максимъ видѣ поправилъ: нестрашно божество, а видѣ—безстрашно божество: во-вторыхъ—Максимъ съ Вассіаномъ написали въ своихъ книгахъ и правилахъ: «яже воистинѣ на то Бога разорляемаго вѣру въ почесть презираемъ».

³⁾ Но запись о соборѣ 1531-го года Максимъ говорилъ, что дѣлалъ докладъ митр. Варлааму обѣ одномъ выпуски, именно—великаго отпуска на Троицкой вечернѣ. Но съ вѣроятностю нужно думать, что онъ тоже дѣлалъ и относительно другихъ выпусковъ.

⁴⁾ Но запись о соборѣ Максимъ пытался возложить вину за выпуски на писца своего Михаила Медоварцева. Если бы это было правда, то со стороны Максима это было бы не особенно хорошо и благовидно. Но выпуски не представляли ничего злоумышленного: Максиму не было никакихъ препятствий объяснить истинную причину, почему онъ ихъ сдѣлалъ въ поэтому, не только имѣя въ виду нравственный характеръ Максима, но и сейчасъ сказанное, мы весьма сомнѣваемся въ справедливости показаний запись.

Неправляя наши богослужебныя книги, Максимъ по незнанію русскаго языка допустилъ въ поправкахъ несколько погрѣшностей относительно этого послѣдняго. Въ свою очередь онъ нашелъ въ существовавшемъ переводѣ книгъ несколько очень важныхъ ошибокъ. На послѣднемъ основаніи онъ порицалъ этотъ существовавшій переводъ какъ неудовлетворительный. Но, о чёмъ говорили мы выше, Русскіе по своимъ тогданинмъ взглядамъ на себя и на Грековъ (наше православіе выше чѣмъ православіе Грековъ) и по своему тогданинму пониманію дѣла (по старымъ книгамъ спасались наши чудотворцы), не могли а priori допустить мысли объ этой неудовлетворительности стараго перевода и должны были видѣть въ его порицаніи Максимомъ предпамѣренно несправедливую хулу на русскую церковь. Такимъ образомъ, въ семъ случаѣ обвинилъ бы Максима не одинъ только митр. Даниилъ, но и всякий Русскій съ настоящими русскими того времени воззрѣніями. Однако, если это такъ не по отношеніи къ одному только Даниилу, а и всѣмъ тогданинмъ Русскимъ, то сами же они дали Максиму право не считаться съ ихъ тогданинми взглядами, ибо сами же поручили ему исправленіе книгъ. Человѣку поручаютъ исправленіе книгъ; онъ паходитъ въ книгахъ погрѣшности, и затѣмъ поручившіе не хотятъ, чтобы онъ говорилъ о присутствіи въ книгахъ погрѣшностей и ставить ему это послѣднее въ вину. Вирочемъ, въ настоящемъ случаѣ есть та дѣйствительная вина Максима, что онъ преувеличивалъ несправедливость нашихъ книгъ и что переводъ въ нихъ вовсе былъ не такъ неудовлетворителенъ, какъ хотѣть онъ представлять, чтд самъ же онъ весьма ясно доказалъ, когда внослѣдствіи, въ видахъ своего оправданія, хотѣть доказать противное. Не среѣмъ понятію то, что митрополиту оставалось неизвѣстнымъ о порицаніяхъ Максима существовавшему переводу книгъ передъ соборомъ 1525-го года. Какъ бы то ни было, по послѣ сего собора бывшій писецъ Максима Михаилъ Медоварцевъ и некоторые другія лица сдѣлали митрополиту заявленіе¹⁾, что Максимъ слишкомъ худо отзывался о прежнемъ перевѣдѣ нашихъ богослужебныхъ, а съ ними и всѣхъ другихъ церковніихъ книгъ, говоря, что на Руси (сколько пібудь исправныхъ) книги никакихъ неѣть—ни евангелия, ни апостола, ни исалтири, ни правиль, ни уставовъ ни отеческихъ ни пророческихъ. Въ такомъ порицаніи нашихъ книгъ Максимъ и былъ обвиняемъ на соборѣ. Въ свое оправданіе онъ отвѣ-

¹⁾ Подали митрополиту звинъ на Максима относительно его крайнихъ укоризнъ старымъ русскимъ книгамъ московскаго Успенскаго собора протопопъ Афанасій, да протодіаконъ Иванъ Чюшка, да поль Василій.

чать, что сейчас приведенного не говаривалъ, а говорилъ, что здѣсь на Руси книги не прямы, а иныя книги перепорчены переводчиками и что ихъ надобно вновь переводить. Если вѣрю передается намъ отвѣтъ Максима, то опь въ значительной степени подтверждалъ сдѣланное на него обвиненіе.

Ересъ, которую открыли за Максимомъ помимо найденныхъ въ его книгахъ, была слѣдующая: «Многажды многимъ людемъ Максимъ говорилъ такъ: Христосъ изиде на небеса, а тѣло свое на земли оставилъ и то-де тѣло промежъ иѣхихъ горъ ходить, но пустымъ мѣстомъ, а отъ солнца погорѣло и почернѣло аки главия». Но увѣренію записей о соборѣ справедливость этого обвиненія подтверждала многіе свидѣтели. Если это и правда, то отсюда видно, что за свидѣтели возводили обвиненія на Максима и какимъ пелѣюстямъ о немъ расположены были вѣрить митрополиту. Изъ объясненій Максима оказалось, что онъ говорилъ пѣчто подобное «къ иѣкої рѣчи, что то говорять лихіе люди невѣриные»; т. е. онъ передавалъ чье-то чужое вранье, какъ вранье, а оно было усвоено ему самому¹⁾.

На соборѣ 1525-го года Данійль ничего не могъ говорить о той книжѣ Максима, въ которой было все дѣло, т. е. обѣ его полемикѣ противъ вотчинниковладѣнія монастырей, ибо въ этомъ году великій князь еще не хотѣлъ и не находилъ нужнымъ наложить на полемику своего *veto* и оставлялъ при себѣ ея представителемъ Вассіана. Но къ 1531-му году митрополитъ получилъ въ свои руки и Вассіана съ тѣмъ, чтобы судить его между прочимъ за полемику; слѣдовательно, теперь пастало время открытымъ рѣчамъ и по отношенію къ Максиму. Наше обвиненіе противъ него читается въ записи о соборѣ въ такомъ видѣ: «Да ты же, Максимъ, святаго Божія собориная и апостольская церкви и монастыри укоряещи и хулиши, что они стяжаніе и люди и доходы и села имѣютъ: а и въ вашихъ монастырѣхъ во Святой горѣ и въ иныхъ мѣстахъ въ вашей земли и у церквей и у монастырей села есть, да и въ писаніяхъ отеческихъ писано,—вѣдѣно ихъ держати святымъ церквамъ и монастыремъ; да ты же, Максимъ, святыхъ чудотворцовъ Петра и Алексея и Юны(у) митрополитовъ всеи Руси и преподобныхъ чудотворцовъ Сергія и Варлаама и Кирилла и Нафана и Ма-

¹⁾ Никита Хоніатъ въ своемъ «Сокровищѣ православной вѣры» говорить обѣ еретикахъ, которые держались мнѣнія, что Христосъ по воскресеніи Его покинулъ на землѣ Свое тѣло и вознесся на небо только божествомъ, см. А. Н. Лебедева Очерки исторіи византійско-восточной церкви отъ конца XI-го до половины XV-го вѣка. стр. 577 нач..

карія укоряши и хулиши, а говориши таъ: занеже они держали го-
роды и волости и села и люди и судили и пошлины и оброки и дани
имали и многое богатство имѣли, ино имъ нельзѣ быти чудотворцомъ».
Что отвѣчаль Максимъ въ свое оправданіе, въ записи о соборѣ ни-
чего не сказано. Но во всякомъ случаѣ неправда то, будто онъ воз-
ставалъ противъ вотчиновладѣнія соборныхъ церквей и монастырей,—
онъ такъ же какъ и Вассіанъ, восставалъ противъ вотчиновладѣнія
однихъ послѣднихъ. Затѣмъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что обвиненіе,
будто Максимъ не признавать нашихъ чудотворцевъ за чудотворцевъ,
есть или простой собственій выводъ митрополита изъ его полемики
противъ вотчиновладѣнія монастырей или усвоеніе ему того, что въ
значительной степени справедливо было по отношенію къ Вассіану:
Максимъ былъ человѣкъ рѣзкій и горячій, но вовсе неспособный къ
такимъ неосновательнымъ крайностямъ, къ какимъ способамъ былъ его
русскій другъ. Преувеличеніе нужно было митрополиту для того, чтобы
полемика Максима противъ вотчиновладѣнія получила смыслъ пре-
ступности и въ глазахъ чыхъ бы то ни было.

На основаніи донесеній волоколамскихъ монаховъ Максимъ обви-
няемъ быть на соборѣ: 1) въ томъ, что, бывъ посланъ въ монастырь
исповѣдатися и каляти съ приложеннымъ илачемъ и слезами о своихъ
еретическихъ хулахъ, онъ не показалъ ни малѣйшаго раскаянія и го-
ворилъ о себѣ: не имѣю на себѣ вины никакія, напрасно заѣлючили
меня безъ вины; 2) въ томъ, будто продолжать хвалиться еллинскими
и жидовскими волшебными хитростями и чернокнижными волхвованіями
и будто продолжать губить многое христіанство.

Какой общій судъ о Максимѣ произнесъ Данилъ послѣ собора
1531-го года въ записи о послѣднемъ этого не говорится, но это от-
части открывается изъ словъ митрополита, обращенныхъ къ Михаилу
Медоварцову съ укоризною, что онъ долгое время таилъ извѣстныи
ему вины Максима: «Столько много времени (покрывалъ ты) Максима
и нока Грека, а невѣдомаго и незнаемаго человѣка, новопришедшаго
изъ Турскіе земли, и книги переводица и писанія составляюща хуль-
шая и еретическая и во многіе люди и народы сѣюща и распространяюща
жидовская и еллинская ученія и аріанская и македонская (sic)
и прочая нагубныя ересяи». Слова эти показываютъ, что ненависть
Данила къ Максиму, искони не бывъ ослаблена шестилѣтними сра-
даниеми послѣдняго, сохранила всю свою силу, какъ будто бы онъ
только что успѣть достать врага въ свои руки ¹⁾.

¹⁾ Въ другомъ жестѣ митрополитъ забывая, какимъ образомъ Максимъ по-

На соборѣ 1531-го года Макеимъ, измученный шестилѣтними тяжкими страданіями, искалъ у своихъ судей пощады себѣ, усерднѣйше прося прощеній въ тѣхъ своихъ винахъ, которыя могъ до избѣгнуть признавать винами, каковы нogrѣшительныя поправки въ богослужебныхъ книгахъ¹⁾. Но, увы! вмѣстѣ съ непримиримо враждебнымъ ему митрополитомъ оставался столько же непримиримо враждебнымъ къ нему и великій князь, въ рукахъ которого собственно была его судьба. И послѣ церковного собора, подтверждительно обвинившій, онъ спаса долженъ быть отправиться въ темничное заключеніе, только перемѣнивъ мѣсто посѣдѣнія: вмѣсто Волоколамскаго монастыря, который понадобился для Вассіана, онъ посланъ былъ въ тверской Отрокій монастырь, подъ надзоръ тверскаго епископа Акакія, который былъ также изъ постриженниковъ волоколамскихъ.

Послѣ 1531-го года Макеимъ оставался въ живыхъ до 1556-го года, и 20-ть лѣтъ изъ этихъ 25-ти провелъ въ заключеніи—на половину темничномъ, на половину петемничомъ. Всего онъ прожилъ въ Россіи 38-ми лѣтъ, а изъ нихъ—26-ть въ заключеніи, въ томъ числѣ—16-ть въ темничномъ.

Такова была судьба въ Россіи Максима, который ищетъ къ намъ для исполненія одного временнаго книжнаго порученія, съ тѣмъ, чтобы потомъ щедро одареніемъ отъ великаго князя возвратиться домой! Чего нибудь болѣе трагическаго невозможно выдуматъ. Конечно, трагическое есть удѣль натуръ, подобныхъ Максимовой: имѣешь смѣлость, высказывая свои убѣжденія, создавать себѣ враговъ, имѣй готовность и страдать. Но создаваемые смѣлостью враги вѣ всѣ бываютъ способны къ одинаковой ненависти; по волѣ Промысла, несчастіемъ Максима было то, что каюдрѣ митрополичью занять его врагъ, способный къ ненависти столько жестокой и непримиримой, какъ Даниилъ.

Въ 1531-мъ году, какъ мы говорили, Даниилъ торжествовалъ полную победу надъ своими врагами: онъ досталь въ свои руки отъ великаго князя и Вассіана Косаго.

Какимъ образомъ удалось ему это послѣднее, мы совершенно ничего не можемъ сказать достовѣрнаго: Вассіанъ находился въ великомъ приближеніи къ государю, а затѣмъ мы видимъ его на церков-

паль въ Россію, прививающій его къ тѣмъ Грекамъ (и Гречинкамъ), которые таскались въ Россію за милостыней: «пошли есть—говорить онъ ему—отъ Святых горъ изъ Турскія державы къ благочестивому и христолюбивому государю... милостиши для...»

¹⁾ См. его самого, — Казанск. изд. II, 370.

номъ соборномъ судѣ въ такой же полной власти митрополита, какъ и Максимъ. Въ записи о соборѣ на Вассіана вовсе нѣтъ указаний, чтобы митрополитъ прибѣгалъ противъ него къ тому же средству, чтѣ и противъ Максима, т. е. къ его оговору передъ государемъ, какъ хулителя постѣднаго; слѣдовательно, митрополиту удалось достать его въ свои руки пынѣмъ образомъ. Представляется вѣроятнымъ думать слѣдующее. Великій князь держалъ при себѣ Вассіана не столько по искреннему расположению къ нему, сколько изъ того расчета, чтобы посредствомъ его страшить и держать въ возможной покорности себѣ защитниковъ вотчиновладѣнія; но Даниилъ во время своего десятилетнаго пребыванія на каѳедрѣ до такой степени успѣлъ добазать великому князю свою безусловную покорность и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣлъ пріобрѣсти такое полное его расположение, что государь наконецъ почувствовалъ себя такъ сказать нравственно обязаннымъ и вмѣстѣ возъимѣлъ склонность къ тому, чтобы выразить свое довѣріе и благоволіе къ нему посредствомъ такого решительного знака, какъ выдача ему его врага. Великій князь могъ затрудняться тѣмъ, что самъ же нарочито покровительствовалъ Вассіану въ его полемикѣ противъ вотчиновладѣнія монастырей, пользуясь имъ какъ своимъ орудіемъ. Но Вассіанъ былъ человѣкъ небезукоризненный: и относительно своей полемики противъ вотчиновладѣнія и относительно другаго онъ могъ быть представленъ настолько виновнымъ, чтобы подлежать церковному суду и осужденію. Эта виновность Вассіана и давала великому князю извиненіе въ томъ, что онъ захотѣлъ выдать его митрополиту.

Преданный великимъ княземъ митрополиту и подвергнутый отъ послѣднаго соборному суду, Вассіанъ обвинялся быть на соборѣ въ стѣдующемъ¹⁾:

1) Онь—Вассіанъ дерзнулъ сдѣлать дѣло, котораго отъ вѣка не бывало: посягнулъ на великую книгу священныхъ правиль апостольскихъ, соборныхъ и отеческихъ, малую пѣкую часть, угодную его малоумію, выписавъ изъ нея, а иное все разметавъ. Митрополитъ разумѣеть то, что Вассіанъ исключить изъ своей Кормчей книги законы греческихъ императоровъ, относящіеся къ церкви, которые по его—митрополита представлѣніямъ внесены въ Кормчую святыми отцами и соборами и имѣютъ одинаковое значеніе авторитета и непорушимости съ самыми правилами каноническими. Вассіанъ въ свое оправданіе го-

¹⁾ Запись о соборѣ 1531-го года на Вассіана, принадлежащая одному и тому же неизвѣстному автору съ записями о соборахъ на Максима, въ Членіяхъ общ. Ист. и Древи. 1847-го года № 9.

ворить, будто составить новую Кормчую его понудилъ митр. Варлаамъ съ священнымъ соборомъ.

2) Опъ—Вассіанъ написать въ своеї Кормчей: «есть въ святыхъ правилахъ супротивное евангелю и апостолу и святыхъ отецъ жительству», а также написать въ ней и много другаго блазненнаго,— говорилъ о правилахъ, что онъ писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа, и называлъ ихъ кривилами, а не правилами. Признавая певѣрнымъ славянскій переводъ правилъ, Вассіанъ дѣйствительно написать въ своеї Кормчей объ этомъ именно переводѣ: «есть въ святыхъ правилахъ» и пр., т. е. по нашему славянскому ихъ переводу. Касательно отзыва Вассіана о правилахъ, что онъ суть не правила, а кривила, лица доносившія на него прямо показывали, что отзывъ относился къ славянскому переводу¹⁾). Объ этомъ послѣднемъ несбужданий на языкъ Вассіанъ дѣйствительно могъ произносить подобный отзывъ, и, какъ увѣряетъ запись о судѣ надъ нимъ, онъ даже повторялъ его и передъ митрополитомъ съ епископами²⁾). Справедливости обвиненія на себя, будто говорилъ о правилахъ, что онъ писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа, Вассіанъ не признавалъ, и должно со всею вѣроятностю думать, что оно было клеветой на него: онъ полагалъ, что греческій подлинникъ правилъ не противорѣчитъ его образу мыслей, а подтверждаетъ его; а стѣдовательно, не имѣть и побужденій возставать противъ правиль въ ихъ подлинникѣ.

3) Чудотворцевъ, владѣніяхъ селами и крестьянами, называлъ смутотворцами и въ частности не хотѣть почитать новыхъ, всѣми почитавшихся, чудотворцевъ: Макарія Колязинскаго и митр. Іоны. Вассіанъ далъ отвѣтъ въ такомъ смыслѣ, что то и другое сираиведливо³⁾).

¹⁾) По свидѣтельству Михаила Медоварцева Вассіанъ говорилъ: «правила здѣшніе кривила, а не правила»;—запись о соборѣ на Максима 1531-го года, стр. 10 col. 1 вач..

²⁾) Митрополитъ спрашивалъ, по записи, Вассіана на соборѣ: «передо мною— митрополитомъ и передъ владыки прежде инышияго собора назвать еси божественное правило— кривило²»—стр. 11 col. 1.

³⁾) Соборный допросъ Вассіану касательно Макарія и Іоны въ записи читается: «и митрополитъ спросилъ: да ты же, Васіянъ, говорилъ про чудотворцовъ: Господи! что ся за чудотворцы! сказываютъ, иль Колязивъ Макаръ чудеса творить, а мужикъ быль сельской; и Васіянъ отвѣчалъ: азъ его зналь (Макарій † 1483), простой быль человѣкъ, а будетъ ся чудотворецъ, ино какъ вамъ любо и съ нимъ, чудотворепъ ли сей будеть, не чудотворецъ ли; и митрополитъ ему жалвилъ: аще восхощеш судили святыхъ..., и Васіянъ рече: ино, господине, вѣдаешь Богъ да ты

Ночему онъ не хотѣть почитать митр. Іоны, когда этотъ былъ не монахъ, а епископъ, и когда по его собственному мнѣнію епископамъ дозволено было владѣть вотчинами, это въ записи о соборѣ не объясняется.

4) Въ своей Кормчей книгѣ вмѣсто полнаго исповѣданія православныхъ вѣры помѣстилъ неполное. Митрополитъ, если не ошибаемся, разумѣеть то, что читавшееся въ рукописныхъ Кормчихъ «Истолкованіе изображенія святаго вѣры, еже есть: Вѣрю во единаго Бога»..., что Вассиановой Кормчей помѣщено было въ сокращенномъ видѣ (при чѣмъ, какъ нужно думать, сокращеніе принадлежало не Вассиану съ его сотрудниками, а взято было ими какъ готовое, т. е. какъ готовая сокращенная редакція Истолкованія). Вассианъ отвѣчалъ, что это мѣсто Кормчей писаль и правиль по его порученію другой и что пусть этого другаго и спросить ¹⁾.

5) Защищалъ вмѣстѣ съ Максимомъ еретическія мысли, допущенные послѣднимъ въ его переводѣ Метафрастова житія Богородицы, т. е. защищалъ вмѣстѣ съ Максимомъ правильность неправильныхъ мѣстъ въ этомъ его переводѣ. Совершенно вѣроятно, что это было такъ, и вину Вассианову составляло тутъ его невѣжество. Онъ дать отвѣтъ, который далеко его не рекомендуется, а именно: «миѣ до Максима дѣла нѣть никакого и не говориваль есми съ нимъ ничево» ²⁾.

6) Говорилъ о русскихъ богослужебныхъ книгахъ: «здѣшніе книги всѣ лживы, а до Максима есмѧ по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили ни молили, а нынѣ есмѧ Бога познали Максимомъ и его учениемъ» ³⁾. Что отвѣчалъ Вассианъ на это обвиненіе, остается неизвѣ-

и съ своими чудотворцы...; и митрополитъ его спросилъ: слышаи есмѧ отъ многихъ достовѣрныхъ, яко вси православніи поклоняются честному гробу и святымъ мощемъ святаго Іоны митрополита чудотворца, да ты-де Васианъ единъ токмо не покланяешься ему и не почитаешь его, якоже достоинъ честь святымъ приносити; и Васианъ отвѣчалъ: язъ ве вѣдаю, Іона чудотворецъ ли», —стр. 11 col. 2 нач..

¹⁾ Этотъ другой, болѣе или менѣе помогавшій Вассиану въ составленіи его Кормчей и бывшій у него пасцомъ, есть монахъ Исаакъ Собака, принадлежавшій, какъ нужно думать, къ выдающимся профессіональнымъ каллиграфамъ своего времени (въ 1523-мъ году властями Троицкаго Сергіева монастыря ему поручено было изготовить роскошный списокъ евангелія учителянаго,—Лаврской библіотеки № 100), послѣ 1544-го года бывшій архимандритомъ Чудова монастыря (послѣ Іоны Собаки, который въ 1544-мъ году былъ поставленъ въ епископы), Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 380, col. 1.

²⁾ Запись о соборѣ на Максима 1531-го года стр. 9 col. 1 fin.

³⁾ Запись о соборѣ на Максима 1531-го года стр. 10 col. 1.

стнымъ; но непозволительно крайняя рѣзкость отзывовъ вообще была въ его натурѣ.

7) Въ правилахъ Кирилла патріарха Александрийскаго написано: «Аще кто не парищаетъ пречистую Богородицу Дѣву Марію, да будеть проклятъ», а онъ—Вассіанъ написалъ въ своей Коричей: «аще кто парищаетъ Богородицею святую Дѣву Марію, да будеть анаема». Т. е. митрополитъ не затруднялся создать тяжкую ересь Вассіану, какъ и Максиму, изъ простой ошибки писца. Вассіанъ отвѣчалъ, что онъ Госпожу Богородицу не хулить и что развѣ случилась ошибка.

8) Онъ—Вассіанъ называлъ и признавалъ Иисуса Христа тварію, а не Богомъ. Относительно этой ереси Вассіана былъ выставленъ противъ него свидѣтель, который обвинялъ его совершенно убѣрительно, какъ слышавшій отъ него хулыны рѣчи собственными ушами. Самъ Вассіанъ рѣшительно отрицалъ справедливость обвиненія, и съ полною увѣренностию должно думать, что оно было совершенно несправедливо, возникнувъ изъ намѣреніаго или ненамѣреніаго перетолкованія какихъ либодѣй неосторожныхъ и преобдуманныхъ его словъ, на которыхъ онъ былъ слишкомъ способенъ. Если бы онъ признавалъ Иисуса Христа тварію, т. е. простымъ человѣкомъ, то онъ не признавалъ бы и божественнаго происхожденія христіанской вѣры и долженъ былъ бы отрицать ее какъ таковую. А если бы это было такъ, то, во-первыхъ, не могъ бы утаиться полный образъ мыслей Вассіана о христіанствѣ и тогда онъ былъ бы еретикъ исколько не шуточный, чѣмъ и не преминулъ бы доказать митрополитъ, а во-вторыхъ—онъ отрицалъ бы тогда монашество, а следовательно—и вся его дѣятельность, состоявшая въ полемикѣ и пропагандѣ противъ монашства ложнаго за монашество истинное, представляла бы изъ себя совершившое безсмысліе. Что усвоеніе Вассіану нашей ереси было исклѣпой, намѣренной или ненамѣренной, напраслиной на него, это всего яснѣ видно изъ другой его ереси, отъ которой онъ не отказывался.

9) Эта другая ересь Вассіана, неизвѣстно какъ явившаяся—созданная имъ самимъ или отъ кого усвоенная, состояла въ томъ, что онъ признавалъ плоть Господню нетлѣнною до воскресенія. Относительно сего въ записи о соборѣ на него читаемъ: «И митрополитъ спросилъ Васіяна: самъ еси мудрствовалъ (и) иныхъ поучаль своему мудрованію, глаголя тако: плоть Господня до воскресенія нетлѣнна: ино то супротивно евангелію и апостолу и святыхъ отецъ учению, то ересь древнія нетлѣнно-минимая, проклятая ото всѣхъ соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ; и Васіянъ отвѣчалъ: азъ, господище, какъ дотолѣ говорилъ, такъ и нынѣ говорю: плоть Господня нетлѣнна; и митрополитъ

лить ему молвилъ: гдѣ ты слыхалъ то и видалъ (написаннымъ), что ты говоришь—плоть Господня нетленна отъ воплощенія Его и до воскресенія Его? и Васъянъ речъ: и слыхалъ есми и видать (написаннымъ) такъ; и митрополитъ ему молвилъ: у кого еси слышать и гдѣ еси видѣлъ такъ написано; и Васъянъ речъ: а то вѣдаетъ Богъ да ты, кто хочетъ искать, тотъ и найдеть».

Изъ сейчасъ представленааго нами видно, что Васъянъ былъ не невиновенъ. Но если бы великий князь не хотѣлъ выдать его митрополиту, то не подпаль бы онъ и соборному суду. А коль скоро великий князь захотѣлъ выдать его, то все равно—и въ случаѣ совершенной невинности онъ могъ бы быть представленъ крайне виновнымъ. Мы хотимъ сказать, что Васъянъ подпаль суду и осужденію не потому, чтобы онъ былъ виновенъ, а потому, что онъ былъ врагъ митрополита и что великий князь выдалъ его послѣднему какъ таковаго.

Послѣ соборнаго суда и осужденія Васъянъ посланъ былъ въ заточеніе на Макеевово мѣсто—въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, въ которомъ и умеръ неизвѣстно когда до 1545-го года¹⁾.

Кромѣ способствованія захвату Шемячича другая нарочитая услуга, которую долженъ былъ оказать митр. Данииль великому князю Василию Ивановичу, состояла въ томъ, чтобы дозволить государю развестись съ первой супругой и вступить во второй бракъ.

Первой супругой Василия Ивановича была Соломонія или Соломонида Юрьевна Сабурова, на которой отецъ женилъ его поздолго до своей смерти 4-го Сентября 1505-го года. Проживъ съ женой 20-ть лѣтъ, Василий Ивановичъ не имѣлъ отъ нея дѣтей. Не желая оставлять престола великокняжескаго своимъ братыムъ и желая получить прямаго наследника въ лице сына, онъ рѣшился развестись съ нею и вступить во второй бракъ. Побужденіе къ разводу было такое, котораго вовсе не допускаютъ правила церковныя, но митр. Данииль нашелъ возможнымъ или нашелся вынужденнымъ дать это дозволеніе: 28-го Ноября 1525-го года Соломонія была насильственно²⁾ пострижена въ монахини, а чрезъ два певстуши мѣсяца, 21-го Января

¹⁾ См. въ изслѣдованіи Жакинас: Митрополитъ Данииль и его сочиненія, стр. 232.

²⁾ О насильственности постриженія: Курбскій.—не особенно достовѣрны, изд. 2, стр. 4, въ Герберштейнъ, бывшій въ Россіи на другой годъ послѣ развода и свѣдовательно—заслуживающій полной вѣры,—у Старчевск. р. 18, col. 2 (лѣтописи: Никоновская, Софийская 2-я, Типографская, Исковская 1-я подъ 1523-мъ годомъ, не говорятъ о насиліи).

1526-го года, великий князь женился во второй разъ на Еленѣ Васильевнѣ Глинской.

Существуетъ позднѣйшее сказаніе о второмъ бракѣ Василія Ивановича, которое увѣраетъ, что великий князь писалъ посланіе къ четыремъ патріархамъ, прося у нихъ дозволенія на разводъ, и что по сему поводу аѳонскіе монахи добровольно, не бывъ прошепты государемъ, держали у себя многочисленнѣйшій соборъ отъ всей Греціи,—что патріархи рѣшительно отказали въ проосьбѣ и что монахи постановили какой-то приговоръ (остающійся неизвѣстнымъ), такъ какъ въ напечатаніи спискѣ сказанія посланіе монаховъ къ великому князю читается въ неоконченномъ видѣ),—что послѣ отказа патріарховъ митр. Даниїлъ сказалъ великому князю: не имѣй печали, государь, возьмемъ сами на себя со всѣмъ соборомъ разрѣшить тебѣ желаемое тобою. На вопросъ: какъ думать о сказаніи, мы затрудняемся отвѣтить что нибудь положительное. Есть въ немъ несомнѣнно ложное, нѣтѣнно легендарное, и въ тоже время—нѣкоторыя фактическія указанія, которыя какъ будто заставляютъ предполагать источникомъ позднѣйшаго автора что-то современное¹⁾). А что отъ вел. кн. Василія Ивановича

¹⁾ Сказаніе, напечатанное въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. 1847-го года, № 8, надписывается: «Вынесъ изъ государевой грамоты, что прислано къ великому князю Василію Ивановичу о сочетаніи второго брака и о разлученіи первого брака чадородія ради, твореніе Исаѣнію, старца Ферапонтова монастыря». Въ сказаніи находимъ слѣдующее. Василій Ивановичъ, вознамѣрившись развестись съ первой супругою, началь совѣтоваться о семъ съ старцемъ Вассіаномъ, т.-е. Косымъ, котораго имѣлъ въ величайшемъ къ себѣ приближеній. Когда старецъ рѣшительно объявилъ государю, что это есть дѣло невозможное, послѣдній исполнился противъ него гнѣва и ярости и приказалъ посадить его подъ стражу въ Чудовъ монастырь. Послѣ этого государь съ митр. Данииломъ научили чудовскаго архимандрита Іошу (1518—1544)звести обвиненія на жившихъ въ Чудовомъ монастырѣ Максима и Савву святогорцевъ и на учениковъ Максима Селивана и Михаила Медоварцева, а со всѣми этими и на Вассіана, дабы неѣхъ можно было осудить соборно, «заради того, чтобы изложенія и обличенія ихъ не было при сокрушенії(?) брака». Разославъ всѣхъ названныхъ въ заточеніе (Максима въ Тверь, Вассіана въ Іосифовъ монастырь, Савву въ Зосиминъ, Селивана въ Соловки, Михаила Медоварцева въ Коломну), великий князь послалъ епистолю къ четыремъ патріархамъ. Патріархи отвѣчали отказомъ, говоря: «не подобаетъ тако тебѣ—государю творить, по-неже и мірской чади правила святыхъ отецъ запрещаютъ», а патріархъ Єрусалимскій Маркъ воспринялъ великому князю свидѣствомъ, пророчествуя ему, что если онъ вступить во второй бракъ, то наследникъ его отъ этого брака будетъ великий тиранъ и мучитель всѣхъ своихъ подданныхъ (изъ этого видно, что сказаніе со-

ие поздиѣ 1520-го года дѣйствительно ходило, за чѣмъ-то неизвѣстнымъ, посольство къ патріарху константинопольскому, это мы знаемъ достовѣрнымъ образомъ, изъ источника официальнаго: въ описи царскаго архива второй половины XVI вѣка значится, что въ архивѣ находились «списки владыки тверскаго Нила (родомъ Грека, занимавшаго каѳедру съ 24-го Августа 1509-го года по 3-е Апрѣля 1521-го года), чтѣ посланъ бытъ къ патріарху во Царьгородъ»¹⁾. Если дѣйствительно вел. кн. Василій Ивановичъ обращался было къ патріарху константинопольскому съ просьбою о дозволеніи вступить во второй бракъ: то опять обращался постѣ того, какъ отецъ его провозгласилъ о патріархѣ, что Русскіе имѣютъ его—патріарха чюжка отъ себя и отречена, такъ что мы видѣли бы передъ собой въ одно и тоже время и признаніе и непрѣзнаніе авторитета патріарха константинопольскаго. Впоѣдѣствіи времени, о чѣмъ скажемъ ниже, дѣйствительно въ такомъ имѣни положеніе дѣло и находилось.

Мы сказали выше, что не имѣемъ почти совершенно никакихъ свѣдѣній о церковно-правительственной дѣятельности митр. Даниила. Слово «почти» заключаетъ въ себѣ то ограниченіе, что намъ извѣстно одно дѣло. Въ началѣ своего правленія Даниилъ, съ согласія великаго князя, произвелъ ионую перенесіе приходскихъ церквей своей митрополичьей епархіи, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать новую на нихъ раскладку податей,—церкви оскудѣвшія противъ прежняго прихожанами

ставлено не ранѣе второй половины правленія Грознаго). Въ это время былъ на Афонѣ монахъ Ферапонтова монастыря Гаврілъ. Монахъ этотъ предложилъ отъ себя афонцамъ вопросъ о разлученіи государева брака, а послѣдніе, бывъ исполнены великой благодарности къ государю за его къ ihnenъ благодѣянія, составили въ Ватопедскомъ монастырѣ соборъ отъ всей Горы, состоявшій изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Постановивъ на соборѣ приговоръ, афонцы послали великому князю епистолю съ помянутымъ Гавріломъ, которого вывезъ въ Россію посолъ великаго князя Иванъ Копычевъ, ходившій въ Крымъ (*Карамз. VII. 78*). Какой приговоръ постановили афонцы, это остается неизвѣстнымъ, потому что въ напечатанномъ спискѣ сказанія иухъ епистолія къ великому князю не вѣжель конца.

Авторъ смыкаетъ соборы 1525-го и 1531-го годовъ: затѣмъ, у него есть какой-то илемянникъ великаго князя Лаковричи. Но дѣйствительно былъ въ то время патріархъ іерусалимскій Маркъ (см. *Le Quien's Oriens Christianus*, III, 516) и не ошибается авторъ, называя (въ епистоліи афонцевъ) турецкихъ султановъ того времени Селима, † 1520, и Сулеймана, † 1566 (есть въ сказаніи неизвѣстно какого чужого языка слова: друкеле (дрюкеле), урлюкеле (юрдюкеле)—рекише православные христіане, ардаиръ—рекиша шапка, келевдерія).

¹⁾ Акт. Экспед. т. I. № 289, стр. 339, ящикъ 36 фин..

облегчить въ дани, а на церкви, у которыхъ прибавилось прихожанъ, возвысить эту дань¹⁾).

Митр. Дави́ломъ установлено было мѣстное празднованіе двумъ святымъ: въ 1521-мъ году Макарію Колязинскому и въ 1531-мъ году Нафнутию Боровскому. Нарочитыя рѣчи о семъ будуть во второй половинѣ тома, въ главѣ о богослуженіи.

Поставленный Данииломъ въ 1526-мъ году на кафедру новгородскую архіепископъ Макарій, вносядѣстіи знаменитый митрополитъ, предпринималъ заботы о томъ, чтобы во всѣхъ монастыряхъ своей епархіи ввести общежитітельный уставъ монашеской жизни. Есть указанія, что Макарій дѣлать это съ полнаго одобренія митрополита. Какъ ученикъ преп. Іосифа Даниилъ долженствовалъ быть горячимъ поборникомъ общежитія противъ своеизъянного «житыника» особаго, каковымъ онъ и действительно является въ своихъ сочиненіяхъ. Но чтобы онъ предпринималъ заботы о введеніи общежитія въ монастыряхъ всей митрополіи или по крайней мѣрѣ своей митрополичьей епархіи, на это мы не знаемъ указаний.

Въ правленіе митр. Даниила имѣла мѣсто успѣшиная проповѣдь христіанства однимъ изъ инородцевъ, обитавшихъ въ предѣлахъ нашего отечества, именно—Лонарамъ, живущемъ на Кольскомъ полуостровѣ; но такъ какъ проповѣдь эта продолжалась еще и при митр. Макаріи, то въ главѣ о послѣднемъ мы о ней и скажемъ.

4-го декабря 1533-го года скончался великий князь Василій Ивановичъ, оставилъ своего наследника престола (послѣднюющаго Ивана Васильевича Грознаго) трехлѣтнимъ ребенкомъ (родился 25-го Августа 1530-го года). На смертномъ одре великий князь приказалъ свою княгиню съ дѣтьми (наследникомъ Иваномъ и его братомъ Юріемъ) отцу своему Даниилу митрополиту. По смыслу этого приказа митрополитъ имѣть быть главою боярской думы, чтобы руководить дѣлами государственными, подобно тому, какъ св. Алексей стоялъ во главѣ бояръ въ малолѣтство Дмитрія Ивановича Донскаго. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не случилось. Митрополитъ не только не сталъ руководителемъ дѣлъ государственныхъ, хотя и употребляемъ быть въ нихъ какъ орудіе, когда это было нужно (при поимкѣ брата покойнаго великаго князя, старицкаго князя Андрея Ивановича); но и по отношенію къ своей собственної церковной области долженъ быть до-

¹⁾ См. Акт. Ист. т. I, № 129. Что дѣло было въ началѣ правленія митр. Даниила, видно изъ того, что некоторые монастыри еще не являли митрополиту захваченныхъ грамотъ прежнихъ митрополитовъ (начало акта).

пустить со стороны великой княгини и боярской думы такія распоряженія и дѣйствія, которыми посягалось на права и преимущества духовенства и изъ которыхъ одно было направлено какъ бы лично противъ него самого.

Въ 1531-мъ году Василій Ивановичъ предоставилъ Даніилу Вассіана Косаго, а въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ его смерти великая княгиня и боярская дума, дѣлая иѣкоторый шагъ къ осуществленію процовѣди Вассіана противъ вотчиновладѣнія монастырей, выдали распоряженіе, чтобы на будущее время монастыри ни подъ какимъ видомъ не приобрѣтали вотчинъ покупкою и не принимали какъ вкладъ по душамъ безъ дозволенія правительства ¹⁾.

Въ 1534-мъ году была построена въ Москвѣ Китай-городская стѣна, а въ Новгородѣ городская окружная стѣна на Софійской сторонѣ. Какъ въ Москвѣ, такъ и въ Новгородѣ, сборъ денегъ на строеніе стѣнъ произведенъ былъ со всѣхъ гражданъ, и какъ въ одной, такъ и въ другомъ, вмѣстѣ съ мѣрными былъ положенъ урокъ и на все духовенство, въ Москвѣ—съ митрополитомъ, въ Новгородѣ—съ архіепископомъ во главѣ ²⁾). О Новгородѣ лѣтописецъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое совершенно вѣроятно относить и къ Москвѣ: «а (прежде) священнаго лика никакоже съ простою чадію ни въ какихъ дѣлѣхъ не совокупляли».

Въ 1535-мъ году съ архіепископа новгородскаго Макарія и съ монастырей новгородской епархіи взяты были деньги на выкупъ нашихъ пленныхъ у крымскихъ Татаръ ³⁾). Съ вѣроятностію можно думать, что сборъ произведенъ былъ съ архіереевъ и монастырей и во всѣхъ епархіяхъ.

Въ 1536-мъ году было сдѣлано правительствомъ частное посягательство на имущественные права новгородского духовенства: присланы были изъ Москвы сыны боярскій и подьячій съ приказаниемъ отписать пожину у всѣхъ окологородныхъ монастырей и у всѣхъ городскихъ церквей и давать ихъ въ бразгу или въ аренду тѣмъ же монастырямъ и духовенствамъ тѣхъ же церквей, чого которая пожина стоить ⁴⁾). Т. е. собственники пожинъ сдѣланы были ихъ арендаторами, съ тѣмъ, чтобы

¹⁾ См. Милютіна О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, стр. 439, и Павлова Исторической очеркъ секуляризациіи церковныхъ земель въ Россіи, стр. 102.

²⁾ Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI. 292 и 293.

³⁾ Ibid. стр. 294.

⁴⁾ Ibid. стр. 299 fin.

платили въ казну арендныи деньги. «Се учинилося, говорить лѣтописецъ, не особенно ясно объясняя дѣло, по оклеветанію иѣкоего лука и безума человѣка».

3-го Апрѣля 1538-го года скончалась вдова Василія Ивановича Елена, оставивъ управлить государствомъ за 8-лѣтнаго сына боярскую думу, и это событие имѣло своимъ слѣдствіемъ то, что митр. Даніиль долженъ быть печальнымъ образомъ разстаться съ своей каѳедрой. Въ боярской думѣ тотчасъ же послѣ смерти княгини явился единоличный узурпаторъ, захватившій всю государственную власть въ свои руки; это былъ старій между боярами думы князь Василій Васильевичъ Шуйскій. Спустя около полугода выступилъ соперникомъ ему князь Иванъ Федоровичъ Бѣльскій, который въправленіе Елены былъ посанженъ въ тюрьму и который былъ освобожденъ изъ заключенія именно имъ—Шуйскимъ. Между двумя соперниками митрополитъ, предпочтавшая ли лучшаго худшему или по другимъ соображеніямъ, присталь къ сторонѣ Бѣльскаго. Однако, Шуйскій скоро успѣхъ одолѣть Бѣльскаго и снова посадить его въ тюрьму. Можно думать, что митрополиту удалось было послѣ сего помириться съ Шуйскимъ, ибо этотъ, отѣлавшись отъ Бѣльскаго, оставилъ въ нокѣ его—митрополита. Но тутъ произошла пѣкоторая перемѣна: Василій Васильевичъ Шуйскій умеръ, передавъ послѣ себя власть своему брату Ивану. Второй братъ и поспѣшилъ согнать Даніила съ каѳедры, чтѣ имѣло мѣсто 2-го Февраля 1539-го года ¹⁾). Согнанный съ каѳедры митрополитъ посланъ былъ или удалился въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, прожилъ еще 8-мъ лѣтъ и окончилъ жизнь 22-го Мая 1547-го года ²⁾).

Итакъ, митр. Даніиль, какъ нравственная личность, представляеть изъ себя человѣка далеко несвѣтлаго: честолюбивый, искательный, на

¹⁾ У *Карамз.* къ т. VIII прим. 80.

²⁾ См. у Жмакина въ изслѣдованіи: Митрополитъ Даніиль и его сочиненія, стр. 247. Низведеній съ каѳедры 2-го Февраля Даніиль далъ отреченную грамоту отъ ней только уже 26-го Марта. Это должно понимать такъ, что спачала не позабылись взять у него грамоты, а потомъ она оказалась нужна для его преемника, который не могъ считаться безъ того законнымъ. Онъ и дѣйствительно благословляеть и прощаетъ въ грамотѣ заднимъ числомъ своего будущаго преемника, который уже давно былъ поставленъ. Что касается до самого себя, то причиной своего удаленія Даніиль выставляетъ то, что «разсмотріхъ разумѣнія своя немощна къ таковому дѣлу и мижею свою погрѣшителну и недостаточна себя разумѣхъ въ такихъ святительскихъ начинаніихъ». Отрекается не только отъ каѳедры, но (какъ всегда бывало въ старое время и чтѣ само собою разумѣлось) и отъ всего архиерейскаго дѣйства въ именованія: грамота въ Акт. Зксп. т. I. № 185, стр. 163.

мѣстъ митрополита покорный слуга и рабъ великаго князя до забвенія своихъ обязанностей, способный къ такимъ дѣйствіямъ угодничества, при которыхъ требовалось вѣроломное клитвопреступление, исполненный безпощадной ненависти къ своимъ врагамъ и готовый на всякия средства для ихъ уничтоженія, наконецъ—въ частной своей жизни принадлежавшій къ числу тѣхъ людей, которые любятъ хорошо пожить (и, какъ кажется, еще и корыстолюбивый¹⁾).

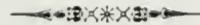
Но тотъ же митрополитъ Даниилъ, какъ мы говорили, занимаетъ совершение выдающееся положеніе среди другихъ нашихъ митрополитовъ въ качествѣ учителя не дѣломъ, а письменнымъ словомъ: онъ написалъ не два-три поученія, какъ другіе митрополиты, а цѣлую большую книгу учительныхъ словъ и цѣлую такую же книгу учительныхъ посланий.

Быть учителемъ посредствомъ письменъ, не будучи учителемъ на дѣлѣ, совершиенно возможно и это силошь и рядомъ такъ въ учительной или учительской средѣ, ибо, во-первыхъ, есть истинъ учения теоретическая, при которыхъ нравственность учителя остается въ сторонѣ, во-вторыхъ—и истинамъ практическимъ можно учить, существуетъ или не существуетъ собственная охота ихъ исполнить. Но, во всякомъ случаѣ, если человѣкъ посвящаетъ себя дѣлу учительства исключительнымъ образомъ нарочито, то не можетъ быть это не признано очень замѣчательнымъ. Два побужденія могутъ быть при семъ предполагаемы: простое славолюбіе и искреннѣе желаніе принести ближнему пользу хотя не дѣломъ, то словомъ. Предполагать въ отношеніи къ Даниилу одно послѣднее побужденіе едва ли было бы основательно, по мы не имѣемъ достаточныхъ основаній и на то, чтобы предполагать одно только первое побужденіе. Если мы предположимъ оба побужденія вмѣстѣ; если мы предположимъ, что Даниилъ отчасти вошелъ въ славолюбіемъ, а отчасти искреннимъ желаніемъ возмѣстить свою неучительность посредствомъ дѣла учительности посредствомъ слова: то во всякомъ случаѣ эта послѣдняя учительность должна быть вмѣнена ему какъ очень немалая заслуга, которая въ довольно значи-

¹⁾ Дьякъ Федоръ Жареній между прочимъ показывалъ: «гнѣвенъ на меня митрополитъ про то, (что) не давалъ есми ему тѣхъ денегъ, коли онъ не служилъ» (Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 144, col. 2 нач. и прим. 6), т.-е. не платилъ государевыхъ денегъ, когда митрополитъ не служилъ службъ, за которую полагалась государева плата (сfr. Дополн. къ Акт. Ист. т. I, стрр. 190, 195, 202, 204).

тельной степени должна искушать въ нашихъ глазахъ его нравственные недостатки.

Предметъ учителныхъ словъ и посланий митр. Даниила составляютъ: во-первыхъ, теоретическо-богословскія или вѣроучительныя истины, нарочитаго раскрытия которыхъ, по его мнѣнію, требовали обстоятельства времени; во-вторыхъ, нравственное христіанское учение, обращенное къ мірянамъ, съ рѣзкимъ обличеніемъ пороковъ современного общества, и втретихъ,—специально нравственное и дисциплинариое учение, обращенное къ монахамъ. Къ обстоятельнымъ рѣчамъ о сочиненіяхъ митр. Даниила мы возвратимся послѣ, т. е. во второй половинѣ тома.

МИТРОПОЛИТЪ ІОАСАФЪ.

На мѣсто низверженаго Шуйскимъ Даниила поставленъ быль въ митрополиты игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Ioасафъ¹⁾.

Въ минуту низверженія Даниила находились въ Москвѣ шесть епископовъ. Какимъ образомъ оказались они здѣсь,—быть ли нарочито вызваны Шуйскимъ именно для того, чтобы известить Даниила и поставить преемника ему, или съѣхавши для какого нибудь другаго дѣла, остается неизвѣстнымъ; вѣроятнѣе, какъ кажется, первое²⁾). Какъ бы то ни было, но съ находившимися на лицо епископами поставленіе новаго митрополита могло быть совершено очень скоро. И оно дѣйствительно совершено было чрезвычайно скоро: Ioасафъ былъ избранъ въ митрополиты на третій день по пизведеніи Даниила 5-го Февраля, а посвященъ былъ на седьмой день 9-го Февраля. Сохранившаяся запись объ избраниіи Ioасафа увѣряетъ, что епископы не совершили только простой обрядъ избрания, провозгласивъ кандидата, который былъ имъ указанъ, но произвели его настоящимъ образомъ, именно—что были избраны ими три кандидата: архимандритъ Чудовскій Іона, нашъ Ioасафъ и игуменъ повгородскій Хутынскій Оеодосій и что по томъ изъ трехъ кандидатовъ избранъ одинъ дѣйствительный посредствомъ жеребьеванія³⁾. Если это правда, то съ вѣроятностю нужно

¹⁾ По фамиліи Скрипиницъ, поставленный въ игумены изъ старцевъ того же Троицкаго монастыря въ 1529-мъ году.

²⁾ Запись объ избраниіи Ioасафа говоритьъ, что находившіеся въ Москвѣ шесть епископовъ совершили избрание, «имѣюще съ собою волю и хотѣніе боголюбивыхъ епископовъ русскихъ» (остальныхъ, не находившихся въ Москвѣ,—Акт. Эксп. т. I, № 184, II, стр. 161 col. 2). Если запись говоритъ въ семъ случаѣ правду, то не бывшіе въ Москвѣ епископы, бывъ приглашены въ нее для избрания новаго митрополита послѣ изведенія Даниила, не успѣли бы прислать своихъ повольныхъ грамотъ въ тѣ три дня, которые прошли отъ его изведенія до избрания Ioасафа. Слѣдовательно, вѣѣсть съ находившимися въ Москвѣ епископами они приглашены были ранѣе и, не явившись лично, прислали помянутыя грамоты.

³⁾ Сохранилась не одна запись объ избраниіи Ioасафа, а двѣ: въ первой говорится, что онъ избранъ сейчасъ указанымъ образомъ 5-го Февраля; во второй,

думать, что три кандидата все однаково были угодны Шуйскому и прямо были имъ указаны.

Въ сохранившемся чинѣ поставлениія Іоасафа въ митрополиты замѣчательно исповѣданіе вѣры, которое онъ произнесъ при семъ поставлениіи. Въ исповѣданіи этомъ онъ не отрицается отъ патріарха константинопольского, аки во области безбожныхъ Турокъ сущаго, но говоритъ: «во всѣмъ постыду и по изначальству согласуя(ю) всесвятѣйшимъ вселенскимъ патріархомъ, иже православиѣ дръжащимъ истинную и непорочную христіанскую вѣру, отъ святыхъ апостоль установленную и отъ богоносныхъ отецъ преданную, а не тако, якоже Исидоръ принесъ отъ новозлочестивѣ процаѣтшаго несвященнааго латинскаго собора»¹⁾). Чѣмъ объяснить это признаніе со стороны Іоасафа непонрежденности православія у современныхъ ему Грекои,— вліяніемъ ли представлений Максима Грека или иначъ чѣмъ, сказать не можемъ. Такъ или иначе, но и послѣ него Русскіе остались при своемъ прежнемъ мнѣніи, что у позднѣйшихъ Грековъ повреждена чистота истиннаго православія и что хранителями этой чистоты православія остаются они—Русскіе²⁾.

Іоасафъ занималъ каѳедру митрополичью весьма недолгое время, всего три года безъ мѣсяца, и бытъ изведенъ съ нея тѣмъ самимъ Шуйскимъ, которымъ былъ поставленъ.

Бывъ поставленъ Шуйскимъ, онъ объявилъ себя, подобно Даниилу, сторонникомъ Бѣльскаго. Что побудило его къ этому, положительнымъ образомъ не знаемъ; но съ болышио вѣроятностю нужно думать, что не какіе нибудь расчеты личные, а заботы о благѣ государственномъ,— что въ Шуйскомъ онъ видѣлъ правителя недостойнаго, каковымъ этотъ и дѣйствительно бытъ, и что въ Бѣльскомъ онъ надѣялся видѣть правителя лучшаго. Соединившись съ нѣсколькими боярами, Іоасафъ успѣлъ

что онъ избранъ 6-го Февраля «по писанію книжному»,—Акт. Эксп. ibid. II, стр. 161, и I, стр. 158, col. 1 fin.. Это противорѣчіе, вѣроятно, нужно примирять такъ, чтобы во второмъ случаѣ разумѣть не избрание, а возведеніе. ср. Царственную книгу, стр. 77.

¹⁾ Акт. Эксп. ibid., стр. 162 col. 1.

²⁾ Можно думать, что въ чинѣ поставлениія Іоасафа вписано исповѣданіе вѣры старое, употреблявшееся у насъ до того времени, какъ было у насъ провозглашено новое мнѣніе о Грекахъ, и что только прибавлено въ немъ обѣ Исидорѣ, ибо въ этомъ исповѣданіи между прочимъ читается: «и ни сотворити мы иначе по нужде ни отъ царя, (т. е. императора константинопольскаго) или отъ князя велика»..., ibid. стр. 162 col. 1 sub fin..

достигнуть того, чтобы Бѣльскій освобождѣнъ бытъ изъ темницы и занять мѣсто Шуйскаго во главѣ правительства. Это было въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1540-го года ¹⁾, т. е. спустя безъ мѣсяца полтора года послѣ затѣяния имъ—Іоасафомъ каѳедры митрополичьей. Шуйскій уступилъ. Но преданные ему бояре и дѣти боярскіе устроили настоящій вооруженный заговоръ о низверженіи Бѣльскаго, и еще спустя полтора года въ ночь со 2-го на 3-е Января 1542-го года послѣдняго захватили силою, чтобы отправить въ ссылку и потомъ умертвить. Вмѣстѣ и одновременно съ Бѣльскимъ бытъ согнанъ съ каѳедры и Іоасафъ, котораго отправили въ заточеніе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь ²⁾.

Въ продолженіе полутора лѣтъ господства Бѣльскаго Іоасафа, по свидѣтельству лѣтописей, бытъ его помощникомъ въ дѣлѣ управлій государствомъ ³⁾. Карамзинъ отзыкается о Бѣльскомъ и о времени его правленія съ великими похвалами ⁴⁾. Можетъ бытъ, онъ и правъ; однако, положительныя основанія, на которыхъ онъ въ семъ случаѣ опирается, какъ будто не могутъ бытъ признаны совершенно достаточными и съ увѣренностью какъ будто можетъ бытъ утверждаемо только то, что Бѣльскій дѣйствительно бытъ лучше Шуйскаго. А такимъ образомъ, и обѣ Іоасафъ, какъ о государственномъ дѣятелѣ, мы не можемъ сказать ничего опредѣленного и рѣшительного, кромѣ того, что замѣнивъ Шуйскаго Бѣльскимъ, онъ замѣнилъ бытъ худшаго лучшимъ.

О церковно-правительственной дѣятельности Іоасафа за его кратковременное правленіе памъ извѣстно то, что въ 1540-мъ году по его благословенію и повелѣнію и вмѣстѣ по благословенію новгородскаго архиепископа Макарія священникъ новгородскаго Софійскаго собора Агафонъ составилъ Великій міротворный кругъ, содержащий пасхальныя расчисленія на полный 532-лѣтній индиктіонъ, и вмѣстѣ руководство къ этимъ расчисленіямъ или какъ бы учебникъ пасхалии ⁵⁾.

¹⁾ См. *Соловьевъ* т. VI. изд. З стр. 36.

²⁾ Но разсказу Царственной краяги, заговорщики, арестовавъ Бѣльскаго, преступили къ митрополичьему дому и начали осаждать его метавиемъ камней. Митрополитъ бѣжалъ на Троицкое подворье; но бояре послали за нимъ туда дѣтей боярскихъ, которые едва его не убили. Митрополитъ скакалъ убѣжища во дворцѣ государевомъ, но бояре пришли за нимъ сюда и взяли его, чтобы отправить въ ссылку,—стр. 102. Но свидѣтельству Грознаго, Іоасафъ бытъ согнанъ съ митрополіи «съ великимъ безчестіемъ».—въ Сказаніяхъ Курбскаго, изд. 2 стр. 184.

³⁾ Никон. лѣт. VII, 33, Царств. кн. стр. 160.

⁴⁾ VIII. 36.

⁵⁾ Экземпляръ Міротворного круга, написанный самимъ Агафономъ, находится въ библіотекѣ Троицкой Лавры.—№ 736; въ библіотекѣ Моск. Дух. Академіи есть

Если справедливо предположение, что митр. Иоасафу принадлежит житие архидиакона новгородского Серапиона, изъ-за ссоры съ преп. Иосифомъ Волоколамскимъ пизведенного съ кафедры: то онъ весьма не жаловалъ этого послѣдняго. А что во всякомъ случаѣ до болѣшей или меньшей степени онъ не жаловалъ Иосифа, каковое обстоятельство служить къ иѣкоторой его характеристикѣ, это видно изъ его замѣчанія на дѣянія Стоглаваго собора ¹⁾.

Съ значительной вѣроятностію нужно усвоять митр. Иоасафу освобожденіе отъ темничаго заключенія преп. Максима Грека, чтѣ также служить къ его характеристики. Объ этомъ скажемъ ниже въ главѣ о митр. Макаріи.

Въ библиотекахъ Троицкой Сергіевой Лавры и Московской Духовной Академіи сохраняется до 23 №№ рукописей (кромѣ богослужебныхъ), принадлежавшихъ митр. Иоасафу. Это даетъ основанія предполагать, что онъ принадлежать къ числу нарочито книжныхъ людей своего времени. А прекрасное письмо болѣшей части рукописей даетъ знать, что онъ былъ любителемъ книгъ въ смыслѣ любителя изданій изящныхъ, роскошныхъ.

Если вѣрить свидѣтельству Иоанна Васильевича Грознаго, то по своей жизни Иоасафъ, подобно Даниилу, принадлежалъ къ числу людей, которые любить хорошо ножить ²⁾.

Сосланный въ Кирилловъ монастырь, Иоасафъ переведенъ быть потомъ, послѣ 1547-го года, въ Троицкій Сергіевъ монастырь ³⁾. Въ 1551-мъ году ему присыпаемы были сюда для просмора постановленія

списокъ,—фундамент. библіот. № 104 (историческія извѣстія см. въ нарочитомъ «историкѣ рекше лѣтописецѣ» книги,—Лаврск. ркн. л. 27, Академ. ркн. л. 29).

¹⁾ Казанск. изд. стр. 425 бін.,—придворчое и неосновательное замѣчаніе къ тому, что говорится объ Іосифѣ на концѣ главы 1-й,—стр. 20 бін..

²⁾ Въ знаменитомъ учительномъ посланіи въ Кирилловъ монастырь Грозный пишетъ: «пригоже ли такъ въ Кирилловѣ быти, какъ Иоасафъ митрополитъ у Троицы (см. сейчасъ ниже) съ крылошами пироваль?» и потомъ говорить, что въ самой Кирилловомъ монастырѣ Иоасафъ хлопоталъ было о прібавкѣ поваровъ,—Акт. Ист. т. I, № 204, стр. 383. Собственныя замѣчанія Иоасафа на постановленія Стоглава относительно монастырей даютъ видѣть въ немъ любителя хорошаго стола.—Стогл. гл. 100 («а въ великихъ обителѣхъ всякие бы квасы были—и старые и черствые и выкислые и сладкіе и жигущіе и сѣченые и простые: чье каково естество подыметъ, таквмъ бы и поконти по немощемъ»).

³⁾ См. книжку: Списокъ погребенныхъ въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ отъ основавшаго ее до 1880-го года. Москва, 1880, № 66.

Стоглаваго собора. Въ одномъ изъ своихъ замѣчаній на постановленія собора онъ обнаруживаетъ достойную всякой похвалы заботливость о томъ, чтобы тяглые люди или крестьяне не были подавляемы бременемъ налоговъ¹⁾.

Въ Троицкомъ Сергиевомъ монастырѣ Иосафъ скончался (какъ принимаютъ) 27-го Іюля 1555-го года²⁾.

¹⁾ На постановленіе собора о собиранії денегъ для искупленія пѣнныхъ Иосафъ сдѣлалъ замѣчаніе: «чтобы не съ сою (или тяголъ крестьянскихъ, какъ постановилъ соборъ) имати тотъ окупъ, имати бы окупы изъ митрополичи и изъ архиепископи и изо всѣхъ владычныхъ казнь и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ; какъ, государь, ты пожалуешь, положишь, на комъ что велиши взять; а християномъ, государь—царь, и такъ твоей много тягли въ своихъ податѣхъ: государь, покажи имъ милость, какъ тебѣ—государю Богъ положить на сердце».

²⁾ См. помянутую книжку: Списокъ погребенныхъ. ibid., и другую книжку: Надписи Троицкой Сергиевой Лавры, собранныя архимандритомъ Леонидомъ, Спб., 1881. № 134.

МИТРОПОЛИТЪ МАКАРИЙ.

На мѣсто сокращенного съ кафедры Іоасафа поставленъ былъ въ митрополиты новгородскій архіепископъ Макарій.

Съ Макаріемъ уже не случилось болѣе того, чѣмъ двумя его предшественниками: онъ благополучно пережилъ смуту боярскаго самовластия и оставался на каѳедрѣ до самой своей смерти, правивъ русской церковью сравнительнымъ образомъ очень продолжительное время,—двадцать два года безъ двухъ съ половиной мѣсяцевъ.

Когда выше приходилось намъ упоминать о Макаріи, мы прилагали къ его имени эпитеты: знаменитый и знаменитѣйший. И дѣйствительно, онъ представлялъ собою высшаго пастыря русской церкви знаменитѣйшаго изъ всѣхъ, которые были прежде него и которые были постѣ него. Онъ знаменитъ въ области нашей письменности, хотя самъ и не былъ писателемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; но особенно онъ знаменитъ въ области верховно-пастырской дѣятельности. Въ области письменности, помимо многаго, чтобъ написано про его замысленію и порученію, онъ знаменитъ такимъ предпріятіемъ, какъ собраніе всѣхъ существовавшихъ у насъ памятниковъ отеческой письменности въ одно мѣсто, съ цѣлью издания какъ бы всеобщей ей библиотеки; въ области пастырской дѣятельности онъ знаменитъ такимъ, небывалымъ и прежде, и постѣ него, дѣяніемъ, какъ созывъ собора для очищенія нашей церкви по возможности отъ всѣхъ ея недостатковъ и пороковъ и для полнаго ея обновленія. Въ своихъ великихъ помыслахъ и дѣлахъ, какъ скажемъ ниже, Макарій явился выразителемъ требованій своего времени; но, во-первыхъ, не всякий и не кто угодно можетъ быть такимъ выразителемъ, а почти столько же немногіе избранные люди, какъ и гдѣ, что возвышаются надъ своимъ временемъ, а во-вторыхъ,—можно быть выразителемъ только плохими и фальшивыми, тогда какъ онъ явился выразителемъ достойнѣйшимъ и искреннѣйшимъ.

Много выше мы говорили, что и о знаменитѣйшемъ изъ нашихъ пастырей, каковъ митр. Макарій, наши свѣдѣнія далеко не достаточны. Въ старое время у насъ не писали біографій знаменитыхъ людей, а

только житія святихъ, почему мы и не имѣемъ нарочитаго о немъ сказанія. Есть сказаніе объ его немощи, преставленіи и погребеніи (написанное, какъ нужно думать, въ качествѣ матеріала для его будущаго житія, относительно необходимости появленія котораго авторъ сказанія питалъ надежду); но сказаніе это именно и ограничивается только его предсмертной болѣзнью и погребеніемъ и, сообщая два биографическихъ о немъ свѣдѣнія, совершенно ничего не говоритъ объ его дѣятельности ¹⁾). Что касается до лѣтописей, то новгородско-исковскія лѣтописи, къ нашему счастію, говорять объ его дѣятельности въ санѣ архіепископа новгородскаго, а лѣтописи московскія совершение ничего не говорятъ объ его дѣятельности въ санѣ митрополита, такъ что мы узнаемъ о послѣдней единственно изъ самыхъ сохранившихся ея памятниковъ.

Изъ какого сословія былъ Макарій по своему происхожденію и изъ какого мѣста по своему рождению, остается неизвѣстнымъ ²⁾). Родился онъ, если вѣрить показанію нѣкоторыхъ списковъ его духовной грамоты, въ 1481—82-мъ году ³⁾). Принялъ онъ монашество и мона-

¹⁾ «О немощи и преставленіи и погребеніе (віс) Макарія, митрополита всея Руси»,—ркн. библіотеки Московской Духовной Академіи, нового уставшаго письма. въ числа рукописей, поступившихъ въ библіотеку изъ Московской Духовной Консисторіи, № 20/102 (30 четверточныхъ листовъ съ десятью строками на каждой страницѣ; другой экземпляръ нашего сказанія, также нового письма,—въ Московскомъ Нубличномъ Музѣѣ, см. *Ключевскую Житія святыхъ*, стр. 221).

²⁾ Извѣстны имена неизвѣстнаго званія его родителей—Леонтій въ ивока Евфросинія, см. вкладную запись на евангеліи, которое было приложено имъ въ митрополичье село Голенищево,—въ Опис. сунодд. ркн. Годск. въ *Невостр.* № 41. стр. 279.

³⁾ Мѣсто духовной грамоты Макарія, которое въ Акт. Ист. т. I. № 172, стр. 329 col. 1 (и также въ отрывкѣ изъ лѣтописи о времени Грознаго, напечатанномъ въ III томѣ Русской Исторической Библіотеки, издаваемой Археографич. Коммиссіей, col. 199 fin.) читается: «и тамо (въ Новгородѣ) правящу ии престоль святія Софії. неизреченныя премудрости Божія Слова, 16 лѣтъ, и въ ято 7050-е первопрестольникъ, великий господинъ, преосвященный Іоасафъ, митрополитъ всея Руси, оставилъ митрополію русскую и отойде въ Кирилловъ монастырь», въ пояснитомъ сказаніи «О немощи и преставленіи» читается: «и тако правящю ии престоль святія Софії и неизреченныя премудрости Божія Слова 16 лѣтъ, бывшу ии возрастомъ 60 (славянская цифра—буква кси) лѣтъ, и первопрестольникъ, великий господинъ», и пр.—л. 151 fin. (академическая рукопись представляетъ собою тетрадь, вынутую изъ книги, и паганіанія въ ней—листы 130—160).

ществовалъ въ Пафнутьевомъ Боровскомъ монастырѣ¹⁾). Поставленъ въ архіепископы новгородскіе изъ архимандритовъ можайскаго Лужецкаго или Лужковскаго монастыря²⁾.

Одна изъ лѣтописей увѣряетъ, что Макарій, будучи архимандритомъ лужецкимъ, успѣлъ пріобрѣсти очень большую любовь великаго князя Василія Ивановича³⁾). Въ можайскомъ Никольскомъ соборѣ неизвѣстно—съ какого времени до XVI вѣка находится чудотворный образъ святителя Николая, на поклоненіе которому имѣли обычайѣздить государи⁴⁾: во время своихъ поѣздокъ въ Можайскъ и могъ познакоми-

¹⁾ Въ сказаний о немощи и преставленіи говорится, что когда заболѣлъ Макарій предсмертною болѣзнью, то «повелъ послать въ Пафнутьевъ монастырь, въ свое постриженіе, ко игумену съ братію, и возвѣстити свою немощь, чтобы прислали старца духовна для бережія въ немощи»,—л. 131 fin.; и потому—что когда поѣтиль его государь, то онъ говорилъ послѣднему: «обѣщался есмъ отъить въ молчальное житіе къ Рождеству пречистеи Богородицы въ Пафнутьевъ, въ свое постриженіе»,—л. 137 sub fin.. Однъ неизвѣстный опальный, обращавшійся къ Макарію съ просьбою о зодатайствѣ передъ царемъ, между прочимъ пишетъ въ своемъ посланіи къ нему: «высокое бо истинное любомудріе иноческое. еже есть мнишеское, глаголю. житіе избрavъ... и много лѣтъ пребывая во уставѣ преподобнаго Пафнотія, въ немже много лѣтъ пребывъ и достойно ходивъ. житіе жестокое искусишъ... см. въ Правосл. Собесѣда. 1863-го года, ч. 3. стр. 412 fin.. Извѣстны двѣ рукописи, приложенные Макаріемъ въ Пафнутьевъ монастырь: евангелие тетръ (великолѣпное. о которомъ см. въ извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, т. I, col. 180, и въ Обзорѣніи рукописей и старопечатныхъ книгъ въ книгохранилищахъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей Калужской епархіи, напеч. въ Член. Общ. Ист. и Древн. 1865-го года, кн. IV, стр. 9 fin.) и сборникъ, содержащий Просвѣтитель преп. Іосифа Волоколамскаго и грамоты митрополитовъ (Восток. Румянц. Муз. № 204, стр. 274 нач.). Во вкладной записи къ первой рукописи Макарій называетъ себя постриженникомъ Пафнутьева монастыря.

²⁾ Лужецкій или Лужковскій монастырь, находящійся въ одной верстѣ отъ Можайска, на берегу рѣки Москвы, основанъ въ 1408-мъ году преп. Ферапонтомъ Бѣлозерскимъ, сподвижникомъ преп. Кирилла Бѣлозерскаго, по просьбѣ можайского Бѣлозерскаго князя Андрея Дмитріевича, сына Дмитрія Ивановича Долскаго,—Ист. лер. V, 25. У Строева въ Спискахъ іерарховъ показывается, что Макарій былъ архимандритомъ Лужецкаго монастыря съ 1506-го года,—col. 179. Но это выходитъ бы, что онъ поставленъ въ архимандриты 24-хъ или 25-ти лѣтъ, чтѣ воне невѣроятно. Можетъ быть, у Строева: 1506-го года по опискѣ или по печаткѣ вмѣсто: 1516-го.

³⁾ «Князь же великий любяше его зло»,—Исковек. 1-я лѣт.. въ Собр. лѣтт. IV, 296.

⁴⁾ Собственно не образъ, пиганий на доскѣ, а рѣзная изъ дерева статуя

миться Василій Ивановичъ съ Макаріемъ, какъ съ первымъ лицомъ въ мѣстномъ городскомъ духовенствѣ, каковъ былъ архимандритъ лу-жецкій. Что касается до средствъ, которыми Макарій пріобрѣлъ лю-бовь великаго князя, то общія наши представленія и свѣдѣнія объ его нравственному характерѣ вовсе не позволяютъ думать, чтобы на пер-вомъ мѣстѣ между ними было льстивое угодничество, какъ это у митр. Дашила. Деятельность Макарія въ Новгородѣ показываетъ, что онъ былъ горячимъ ревнителемъ общежительной жизни монаховъ, и слѣдо-вательно—даетъ основанія предполагать, что онъ ввелъ или поддержи-валъ въ своеемъ Лужецкомъ монастырѣ строгое общежитіе. А это и могло быть начальнымъ, чѣмъ онъ привлекъ къ себѣ расположение го-сударя, ибо Василій Ивановичъ, изъявившій готовность преп. Іосифу Волоколамскому оставаться нарочитымъ приказчикомъ его монастыря съ заведенными имъ въ послѣднемъ порядками, смотрѣть на себя какъ бы на призванного и присяжнаго покровителя строгой общежительной жизни монаховъ. Затѣмъ, лѣтошись сообщаєтъ памъ, что Макарій об-ладалъ особыннимъ даромъ учительного и назидательного собесѣдо-вания, что «дана ему бысть отъ Бога мудрость въ божественнѣи писа-ніи (бесѣдовати) повѣстями многими, (такъ что было) просто всѣмъ разумѣти»¹). Но если всѣ наши князья старого времени были иска-телями учительныхъ монашескихъ бесѣдъ, то въ особенности былъ имъ Василій Ивановичъ, который (при другихъ своихъ нравственныхъ недостаткахъ или вопреки этимъ другимъ недостаткамъ) до того чтиль монашество, что хотѣлъ умереть не иначе, какъ въ монашескихъ одеждахъ.

Макарій поставленъ былъ въ архіепископы новгородскіе 4-го Марта 1526-го года²).

Передъ его поставленіемъ кафедра новгородская оставалась не замѣщеною въ продолженіе цѣлыхъ 17-ти лѣтъ³), съ того самаго времени, какъ въ 1509-мъ году изверженъ былъ архіепископъ Сера-піонъ, иссorившійся съ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ. Что было

св. Николая, представляющая его во весь ростъ, держащимъ въ одной руцѣ цер-ковь, а въ другой мечъ, и стоящая въ кютѣ или храминѣ (будкообразной),—см. извѣстія объ иконѣ-статуѣ (о которой совершенно нѣтъ ничего историческаго) въ Душеполезн. Член. 1572-го года. ч. 3, стр. 408 (тутъ же въ о богоизбранныхъ по-ѣздкахъ въ Можайскъ государей).

¹) Исковск. 1-я лѣт., стр. 296 бп..

²) Лѣтт. Иконовск., Софійск. 2-я, Исковск. 1-я, Новгородск. 2-я.

³) 17-ти лѣтъ безъ 7 недѣль,—Новгородск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 148, подъ 1516-мъ годомъ бп., и 184 бп..

причиной этого совсѣмъ необыкновенно продолжительного медлѣнія со стороны великаго князя дать Новгородцамъ архіепископа, ясно не видно; но со всею вѣроятностію нужно думать, что причиной было то впечатлѣніе, которое осталось у государя отъ поведенія Серапіонова. Съ 1478-го года, когда Новгородъ окончательно покоренъ бытъ Иваномъ Васильевичемъ, у Новгородцевъ отнято было право самимъ избирать себѣ архіепископовъ, и эти послѣдніе начали быть приискаемы имъ изъ Москвы. Но Серапіонъ, третій изъ московскихъ архіепископовъ, по поводу своей ссоры съ ирен. Іосифомъ вѣль себя по отношенію къ великому князю такъ высоко и самосознательно, что будто бытъ избраний самими Новгородцами владыка прежняго независимаго Новгорода. И со всею вѣроятностію нужно думать, что Василій Ивановичъ, нѣкотернѣйши къ подобнымъ проявленіямъ высоты и самосознанія, хотѣлъ необычайно долгимъ образомъ медлить съ поставленіемъ въ Новгородъ новаго архіепископа для той цѣли, чтобы дать въ Москвѣ забыть, что этотъ Новгородъ бытъ прежде знаменитымъ вольнымъ городомъ. Если это дѣйствительно такъ, то необходимо предполагать, что, рѣшившись наконецъ снова дать Новгороду архіепископа, великий князь остановилъ свой выборъ имінию на Макаріѣ потому, что не опасался встрѣтить въ немъ по отношенію къ себѣ, нѣдѣбно какъ въ Серапіонѣ, возрожденаго вольнаго Новгородца. Въ этомъ смыслѣ выборъ государя бытъ безошибоченъ: Макарій не бытъ человѣкомъ строптиваго превозношенія и вовсе не имѣлъ такого взгляда на свою епископскую власть, что я-де въ своемъ черницѣ воленъ взыскати и рѣшити.

Василій Ивановичъ проводилъ Макарія въ Новгородъ съ выраженіями своего полнаго и нарочитаго къ нему благоволенія. Кромѣ того, что онъ весьма любилъ вновь поставленаго имъ архіепископа, были еще личныя его обстоятельства, которыми должны были усугубить его благоволеніе къ постѣднему. Менѣе чѣмъ за полтора мѣсяца до посвященія Макарія въ архіепископы великий князь вступилъ во второй бракъ (21-го Января 1526-го года), въ надеждѣ имѣть отъ второй жены наследника, котораго въ продолженіе 20-лѣтъ не имѣть отъ первой жены. Въ своемъ иламениномъ желаніи получить наследника онъ долженъ бытъ усердно искать и просить молитвъ у уважаемыхъ пастырей, а таковъ имінио бытъ Макарій, котораго онъ дѣйствительно усерднымъ образомъ просилъ обѣ этихъ молитвахъ, попечѣвъ ему возглашать въ ектеніяхъ нарочитое прошеніе о дарованії великой княгинѣ плода чрева¹⁾). Свое благоволеніе къ Макарію великий князь вы-

¹⁾ Исковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. т. IV, 296.

разить тѣмъ, что, отправляя его на каѳедру, возвратилъ ему всю казну старыхъ новгородскихъ архієпископовъ и что далъ ему своихъ бояръ¹). Подъ казной старыхъ архієпископовъ, понимая это слово не объ однихъ только деньгахъ, но и обо всякомъ вещевомъ или вещномъ имуществѣ, должно разумѣть ту казну, которую Иванъ Васильевичъ увезъ изъ Новгорода при его покореніи въ 1478-мъ году (и которая, какъ слѣдуетъ изъ нашего о ней извѣстія, сохранилась въ казнѣ великаго князя въ отдельной и неприкосновенной цѣлости). Что касается до того, что передъ Макаріемъ новгородская каѳедра не имѣла достаточнаго количества бояръ, то должно думать, что значительная часть бояръ каѳедры лишилась боярства, подвергнувшись опалѣ великаго князя вмѣсть съ Серапіономъ²).

Чрезвычайно долговременное неимѣніе архієпископа, какъ само собою понятно, было обстоятельствомъ въ высшей степени непріятнымъ для Новгородцевъ. Не говоря о томъ, что подобнымъ состояніемъ безвладычности должна была до крайности оскорбляться ихъ гордость, слишкомъ неудобно было это въ отношеніи практическому, касательно получения священниковъ (которыхъ они, вѣроятно, ставили у всѣхъ сосѣднихъ епископовъ, смотря по близости,—у смоленскаго, тверскаго, ростовскаго и вологодскаго), и также касательно архіерейскаго суда (который, вѣроятно, былъ для нихъ въ самой Москвѣ у митрополита). Изъ этого понятно, что Новгородцы должны были привѣтствовать поставленіе имъ архієпископа въ лицѣ Макарія съ величайшою и съ живѣйшею радостію. Радость эту они и заявили тѣмъ, что когда Макарій прибылъ къ нимъ, они вышли встрѣтить его буквально всѣмъ городомъ³). Но радость ихъ должна была исполниться и переполниться, когда они увидѣли, что постѣ безконечнѹ долгаго ожиданія они получили въ Макаріи такого архієпископа, какихъ, начиная съ самыхъ древнихъ временъ, бывало у нихъ весьма немногого.

¹) Ibid..

²) См. посланіе Серапіона къ митр. Симону (собственно принадлежащее, какъ мы сказали выше, автору Серапіонова житія) въ Памятникахъ Кушелева-Безбородко, IV, 211 нач..

³) «Изыдома въ срѣтеніе его соборъ святѣй Софїи со кресты, и вѣсъ священницы Великого Новагорода, и вѣсъ христоименитии сановиници государя великаго князя, и весь народъ Великого Новагорода отъ малы въ до велика и съ женами и съ дѣтьми»,—Прѣбавл. ко 2-й Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 282. Макарій прибылъ въ Новгородъ спустя пять мѣсяцевъ послѣ посвященія,—29-го Іюля 1526-го года,—ibid..

Человѣкъ исключительный настолько, чтобы питать великий по-мысль объ уврачеваніи церкви отъ всѣхъ ея недостатковъ и поро-ковъ, Макарій не принадлежать къ числу тѣхъ, такъ сказать—только теоретически исклучительныхъ людей, къ которымъ относятся слова Писанія: *врачу, исцѣлился самъ*. Онъ изъ самого себя являть пастыря по возможности достойнаго, и таковыи опь показалъ себя и на ка-ѳедрѣ новгородской.

Лѣтописи новгородско-исковескія говорять о иѣкоторыхъ особен-ныхъ дѣлахъ Макарія въ санѣ архіепископа; онѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ намъ, что Макарій выступалъ изъ ряда обыкновенныхъ епископовъ, когда дѣлаютъ общіе отзывы о времени его правленія, какъ о времени благословленіемъ¹⁾). Но лѣтописи не даютъ намъ обстоятельной характеристики его, какъ пастыря, ограничиваясь сверхъ повѣствованія обѣй его особыхъ дѣлахъ краткими и отрывочными указаниями. На основаніи того, что лѣтописи сообщаютъ намъ о немъ пространно или кратко и въ основаніи указаний, которыми мы находимъ въ сохранившихся отъ него самого актахъ за время его архіепископ-ства, мы получаемъ такой образъ его какъ пастыри, который по всей справедливости долженъ быть названъ истиинно свѣтымъ. Свою рев-ностъ обѣй исполненіи пастырскихъ обязанностей опь простираетъ такъ далеко, что, выступая инициаторомъ, хотѣть вводить у себя въ епар-хіи лучшее помимо всей митрополіи²⁾; въ отношеніи къ духовенству онъ былъ строгимъ блюстителемъ суровыхъ для послѣдняго, но сдѣ-ланныхъ въ видахъ общаго блага церкви, прежнихъ соборныхъ о немъ постановлевій³⁾, и въ то же время не отягощалъ его податями, а облегчать его отъ нихъ, и не предавалъ грабительству своихъ чинов-никовъ, а старался защищать отъ послѣдняго⁴⁾; въ своемъ личномъ

¹⁾ Новгородск. 2-я лѣт.—въ Собр. лѣтт. III, 148 (п 185), Исковск. 1-я лѣт. ibid. IV, 296 fin..

²⁾ Реформа жизни монастырей, о которой сейчасъ ниже.

³⁾ Въ Стоглавѣ свидѣтельствуется, что «въ Новѣградѣ и во Исковѣ при Макаріи архіепископѣ никакоже вдовы иноны и дьяконы у церквей не были ни мало времія»,—Казанск. изд. стр. 62 fin.. см. также уставную грамоту Макарія, давнюю исковскому духовенству въ 1538-го года, въ Исторіи княжества Исковскаго *митр. Епенія*. ч. II. стр. 83.

⁴⁾ Лѣтопись говоритъ, что при Макаріи монастырямъ стало легче въ податяхъ.—Исковск. 1-я, въ Собр. лѣтт. IV, 296 fin.. О стараніяхъ Макарія за-щищать духовенство отъ грабительства и поборовъ своихъ чиновниковъ см. сейчасъ выше помянутую уставную грамоту.

поведеніи относительно духовенства онъ былъ не грознымъ властителемъ, а настоящимъ, кроткимъ и благопривѣтливымъ, паstryремъ¹⁾; въ своихъ отношеніяхъ къ мірской своей паствѣ онъ былъ: общественно—горячимъ представителемъ за опальныій городъ и за опальныя въ немъ единицы лицъ передъ московскимъ правительстvомъ; частно—благодѣтелемъ пуждающихся²⁾; иаконецъ, являясь одинако угоднымъ и священикамъ и мірянамъ, онъ былъ усерднѣйшимъ благоукрасителемъ общеноародной святыни Новгородцевъ—каѳедральнаго архіепископскаго храма святой Софії.

Не особеннюю, повидимому, похвалу Макарію составляетъ то, что онъ не отягощалъ духовенства податями и защищалъ его отъ грабительства своихъ чиновниковъ,—что въ своихъ личныхъ отношеніяхъ къ нему былъ не грознымъ властителемъ, а настоящимъ кроткимъ паstryремъ. Но для его времени это есть величайшая ему похвала. До какой степени архіереи наклонны были тогда угнетать духовенство податями и до какой степени они наклонны были смотрѣть на него властельски, это показываютъ примѣры ближайшихъ предшественниковъ Макарія на новгородской каѳедрѣ Гениадія и Серафіона. У первого не обуздало наклонности къ поборамъ строжайшее соборное запрещеніе; а второй явно и откровенно высказалъ тотъ взглядъ на духовенство, что это—его холопы и рабы.

Что Макарій былъ горячимъ ходатаемъ за опальныхъ Новгородцевъ передъ московскимъ правительстvомъ, объ этомъ лѣтописи говорять настоятельно. Одна изъ нихъ пишетъ, что онъ былъ «людемъ заступлениe веліе»³⁾, другая пишетъ, что когда онъ былъ въ Москвѣ въ 1534-мъ году, то много печалованія творилъ о побѣдныхъ людехъ изъ своей архіепископии, еже во опалѣ у государя великаго князя множество много⁴⁾. Что касается до успѣха ходатайствъ, то о 1534-мъ годѣ лѣтописи говорить, что «государь князь великий (собственно—великая княгиня Елена за малолѣтняго Иоанна) архіепископова ради печалованія многимъ милость показа»⁵⁾; а вообще этотъ успѣхъ лѣтописи пред-

¹⁾ Лѣтопись характеризуетъ отношенія Макарія къ духовенству такъ, что называетъ его тихимъ дателемъ, его же любить Богъ,—Прибавл. къ Софійск. 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 284 sub fin..

²⁾ О первомъ сейчасъ ниже; о второмъ—Псковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 297 нач. («сиротамъ кормиль бысть»).

³⁾ Псковск. 1-я лѣт.. въ Собр. лѣтт. IV, 296 fin..

⁴⁾ Прибавл. къ Софійск. 2-й, ibid.. VI. 295.

⁵⁾ Сейчасъ указанія. Прибавл. ibidd..

ставляютъ такимъ, что называютъ его—Макаріевы времена временами тихими и прохладными для Новгорода¹⁾.

Макарій занималъ новгородскую архиепископскую кафедру въ продолженіе 16-ти лѣтъ.

Скажемъ объ ею особенныхъ дѣлахъ за времена архиепископства, о которыхъ знаемъ изъ лѣтописей и изъ его собственныхъ актовъ, сохранившихся до настоящаго времени.

Въ самомъ непродолжительномъ временіи по занятію кафедры Макарій предпринялъ произвести реформу образа жизни въ монастыряхъ епархіи. Въ нашихъ русскихъ монастыряхъ, вслѣдъ за монастырями греческими, были два вида жизни: общинножитіе или общежитіе, при чёмъ монахи не имѣли или не должны были имѣть ничего собственнаго, и особножитіе, при чёмъ паоборотъ монахи не имѣли ничего общаго, а каждый—все собственное. Истинный видъ монашеской жизни есть общинножитіе, а особножитіе есть жалкое злоупотребленіе, изобрѣтенное людьми, которые хотѣли быть монахами единственно по имени и по видѣнію виду. Но у васъ, какъ и въ Греціи, общинножитіе было только въ нѣкоторыхъ лучшихъ монастыряхъ, а рѣшительно господствующимъ видомъ жизни монаховъ было особножитіе. Такъ это было во всей Россіи; такъ это было и въ епархіи новгородской. Предпринятая Макаріемъ реформа монашеской жизни въ новгородской епархіи состояла въ томъ, чтобы во всѣхъ по возможности монастыряхъ ввести общинножитіе. Что Макарій былъ ревнителемъ истинной монашеской жизни—общинножитія противъ не истинной жизни—особножитія, въ этомъ нѣть ничего удивительнаго: могъ онъ быть въ семъ случаѣ ученикомъ преп. Іосифа Волоколамскаго; могъ онъ быть и иначимъ ученикомъ, а подобно Іосифу самостоятельнымъ поборникомъ истины и противникомъ лжи. Но когда онъ предпринялъ свою реформу, то онъ выступилъ тѣмъ замѣчательнѣмъ инициаторомъ, каковаго мы указали въ немъ выше. Митр. Даниилъ, при которомъ совершеніе реформы имѣло мѣсто, также былъ поборникомъ общинножитія, какъ ученикъ преп. Іосифа, и однако онъ вовсе не помышлялъ о гомъ, чтобы вводить его во всѣхъ монастыряхъ русскихъ или по край-

¹⁾ Новгородск. 2-я. въ Собр. лѣтт. III, 148 (въ 185). Преп. Максимъ Грекъ въ посланіи къ Макарію, написанномъ вскорѣ по занятію послѣднимъ кафедры митрополичьей, говоритъ ему, разумѣя времена его архиепископства: «колико обидимыхъ изъ темницъ и отъ узъ разрѣшилъ еси? Заточенія возвзвалъ еси, присмертнія оживилъ еси» (то посланіе, которое напечатано преосв. Филаретомъ и о которомъ см. ниже,—по издан. преосв. Филарета стр. 95).

ней мѣрѣ во всѣхъ монастыряхъ своей митрополичьей епархіи. Лѣтопись даетъ знать, что, отправляясь изъ Москвы въ Новгородъ, Макарій искрописъ у митрополита благословеніе на свое предпріятіе ¹⁾). Къ его осуществленію онъ приступилъ послѣ того, какъ нѣсколько осмотрѣлся на каѳедрѣ, во второе лѣто своего святительства, въ 1527—28-мъ году ²⁾). Вѣроятно, онъ опасался, что если будетъ дѣйствовать единственно отъ своего лица, то монахи новгородскіе будутъ возражать ему, что онъ требуетъ отъ нихъ того, чего не требуется отъ монаховъ во всей остальной Россіи, и онъ обратился съ просьбою къ великому князю, чтобы этотъ подкрепилъ его своимъ повелительнымъ писаніемъ ³⁾.

Не знаемъ, исполнилъ ли великий князь просьбу Макарія, но ему во всякомъ случаѣ удалось достигнуть блестательнаго результата. Въ Новгородѣ и его ближайшей окрестности находилось болѣе 22 хъ монастырей; изъ нихъ было общеожитіе только въ четырехъ монастыряхъ ⁴⁾, а во всѣхъ остальныхъ—особножитіе. Макарій созвалъ къ себѣ игуменовъ особножитныхъ монастырей и началь кратко увѣщавать ихъ, чтобы они ввели у себя общениожитіе, какъ повелѣваютъ святые отцы. Плодомъ краткихъ и, какъ пужно подразумѣвать—убѣдительныхъ, увѣщаній было то, что изъ 18-ти городскихъ и окологородныхъ «именихъ» монастырей 16-ть ввели у себя общину и что только два упорно

¹⁾) Лѣтопись говоритъ, что Макарій, прощаюсь съ Данииломъ, «поклонившися къ нему, глагола: молю ти, отче святый, да Бога молиши о мнѣ, да негли мощна мя сотворить скончати все, о немже ся есмь обѣщаъ»,—Исковск. 1-я, въ Собр. лѣтт. IV, 296. Подъ обѣщаниемъ со всему вѣроятностью должно разумѣть реформу жизни монашеской, съ чего началъ Макарій свою дѣятельность въ Новгородѣ. Выраженіе «есмь обѣщаъ» какъ будто даетъ знать, что митрополитъ возложилъ на Макарія обязанность произвести нашу реформу. Но такъ какъ вовсе невѣроятно допустить, чтобы митрополитъ возложилъ на Макарія обязанность сдѣлать то, чего самъ не дѣлалъ: то выраженіе «есмь обѣщаъ» нужно понимать въ смыслѣ: вызвался, изъявилъ желаніе сдѣлать.

²⁾) Прибавл. къ 2-й Софійск. лѣт.,—въ Собр. лѣтт. VI, 284 (второе лѣто отъ прибытія Макарія въ Новгородъ кончалось Іюлемъ 1528-го года).

³⁾) Посланіе Макарія къ великому князю въ Донолни, къ Акт. Иср. т. I, № 25. Такъ какъ посланіе намъ извѣстно безъ конца, то не видно, въ чёмъ собственно состояла просьба (въ общихъ словахъ она выражается: «въ твоей отчинѣ въ Великомъ Новгородѣ и Исковѣ упраздни иѣкое безчиніе своимъ царьскимъ по-велѣніемъ»).

⁴⁾) Юрьевомъ, Хутынскомъ, Вижниковомъ и Огненскомъ,—см. сейчасъ указанное посланіе Макарія къ великому князю.—sub fin..

остались при прежнихъ порядахъ. Всегдѣ за городскими и окологородными монастырами начали вводить у себя общежитіе и прочіе монастыри епархіи. Изъ словъ лѣтописи какъ будто слѣдуетъ, что эти прочіе монастыри съ такою же готовностію вняли увѣщанію архіепископа, какъ и монастыри городскіе—окологородные; однако, числовыхъ давніхъ о нихъ она не сообщается¹⁾.

Вмѣстѣ съ реформой жизни монастырей Макарій уничтожилъ въ нихъ одно злоупотребленіе, уже запрещенное прежде, но продолжавшее оставаться въ новгородской епархіи. Соборъ 1503-го года постановилъ, чтобы на будущее время монахини не жили въ однихъ монастыряхъ съ монахами; по въ Новгородѣ и до Макарія оставалось такъ, какъ было прежде собора 1503-го года. Онь отвелъ монахинь въ особые монастыри и поставилъ надъ ними вмѣсто игуменовъ игуменій²⁾.

Другимъ особымъ дѣломъ Макарія, о которомъ мы знаемъ, было то, что онъ употребилъ старанія утвердить христіанство между инородцами епархіи, которые, бывъ креющими давно, оставались болѣе язычниками, чѣмъ христіанами и до его времени. Инородцы эти были жители Волской пятины новгородской области, лежавшей отъ Новгорода на сѣверѣ (часть нынѣшней губерніи санктпетербургской отъ рѣки Луги на востокѣ и пѣкоторая часть губерніи новгородской отъ Волхова на западѣ и потомъ восточная полоса Финляндіи до 64 градуса на сѣверѣ), состоявшіе изъ финскихъ народовъ—Воды (отъ котораго название пятини, въ санктпетербургской губернії), Кареловъ и другихъ мелкихъ. Большинство Кареловъ было крещено въ 1227-мъ году³⁾, а Воды крещена была, вѣроятно, еще раньше; по и спустя три столѣтія послѣ крещенія ко времени Макарія, живя изолированно отъ настоящихъ Русскихъ, поселений которыхъ между ними не было, и пользуясь передѣніемъ и потворствомъ священниковъ, а также незаботливостью и высшей церковной власти, тѣ и другіе со всѣми вообще инородцами мѣстности продолжали усердно держаться вѣры отцовъ.

¹⁾ Прѣбывл. къ Софійск. 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. VI. 284 sqq. Что касается до игуменовъ двухъ монастырей, не хотѣвшихъ ввести у себя общежитія, то, по словамъ лѣтописца, «(они) сказаша пужу себѣ, еже которой пѣсть, и архіепископъ рече имъ: по дѣломъ напиши между пріимете отъ Бога».—Уставную грамоту Макарія обѣ общежитія одному изъ новгородскихъ монастырей, который не привадлежалъ къ числу 18-ти именитыхъ и принялъ общежитіе послѣ 16-ти, см. въ Акт. Ист. т. I. № 292.

²⁾ Ibid., стр. 285.

³⁾ См. I т. 1-ю половину, стр. 182 прим..

Макарію донесено было, что Водь и Карелы церквей для молитвы не посещают и къ священникамъ па исповѣдь не ходать, а молятся по своимъ сквериымъ мольбищамъ деревамъ и камнямъ,—что они жрутъ жертвы и пьютъ питья мерзкимъ бѣсамъ, призыва на свои скверныя общественные моленія чудскихъ арбувъ (жрецовъ, волхвовъ),—что постовъ христіанскихъ не соблюдаются,—что мертвыхъ своихъ кладутъ съ своими арбуми по курганамъ и по коломищамъ, а не на ногостахъ у церквей,—что къ новорожденнымъ сначала призываютъ арбувъ для нареченія именъ и потомъ уже священниковъ,—что па свои кануны или домовые праздники призываютъ тѣхъ же арбувъ, которые арбуяты (колдуютъ, наговариваются) имъ надъ капонами (кутиями и сътами праздничными),—что многіе люди живутъ у нихъ брачною жизнью законопреступно, безъ церковнаго вѣнчанія. Узнавъ о такомъ религіозномъ состояніи инородцевъ Водской пятини, Макарій рѣшился истребить у нихъ язычество. Онъ испросилъ дозвolenіе на сie у великой княгини Елены съ боярами,—дѣло было въ 1534-мъ году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти Василія Ивановича,—и отправилъ въ Водскую пятину своего домового іеромонаха ¹⁾ въ сопровожденіи двухъ своихъ боярскихъ дѣтей. Іеромонахъ, какъ читаемъ въ посланий съ нимъ къ духовенству Водской пятини грамотѣ Макарія ²⁾, долженъ былъ обойти всю пятину и дѣлать слѣдующее: во-первыхъ, во всѣхъ приходахъ соывать къ себѣ всѣхъ прихожанъ и заставлять ихъ къ своемъ присутствіи разорять и въ конецъ истреблять всѣ скверныя мольбища, находившіяся въ селахъ, въ деревняхъ и въ лѣсахъ; во-вторыхъ, пѣть по всѣмъ приходамъ молебны и посыпать мѣстныхъ священниковъ съ святою водой по всѣмъ селеніямъ прихода, чтобы они кропили ею всѣхъ православныхъ христіанъ отъ мала и до велика и мѣста и жилища ихъ ³⁾. Въ случаѣ, если бы какіе прихожане изъявили ослушаніе и нераскаянность, Макарій приказываетъ своимъ дѣтямъ боярскимъ, имѣвшимъ сопровождать іеромонаха, отдавать ихъ на крѣпкія поруки, «сроча» къ его архиєпископскому суду (назначая сроки явиться на судъ

¹⁾ Илію, который известенъ какъ авторъ житія болгарского святого—Георгія мученика средеческаго или софійскаго, см. нашу книгу Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской въ румынской, стр. 666.

²⁾ Она въ Дополин. къ Акт. Ист. т. I, № 28.

³⁾ Воду, которая имѣла быть освящаема въ каждомъ приходѣ, Макарій предписываетъ смѣшивать съ тою святою водой, которую онъ передъ отправленіемъ іеромонаха освятилъ самъ въ св. Софіи съ животворящими крестовъ и съ чудотворныхъ иконъ и съ святыхъ мощей и которую онъ послалъ съ іеромонахомъ.

къ нему—архієпископу) и грозить имъ великой опалой государя и своимъ конечнымъ изверженiemъ (sic) безъ милости. Іеромонаху вмѣнялось въ обязанность вездѣ призывать къ себѣ арбуевъ и ихъ учениковъ или помощниковъ, съ тѣмъ, чтобы накрѣпко поучать ихъ отречься отъ ихъ скверныхъ дѣлъ, и потомъ отдавать ихъ въ пароочное поученіе и надзоръ мѣстнымъ священникамъ. Относительно будущаго времени Макарій предписываетъ въ своей грамотѣ: на тѣхъ арбуевъ, которые не перестанутъ арбуйти, священники должны доносить дѣтамъ боярскимъ, въ помѣстяхъ которыхъ арбуи будуть обличены въ своей дѣятельности, а эти имѣютъ представлять ихъ къ нему—архієпископу; на тѣхъ прихожанъ, которые не перестанутъ язычествовать, священники должны доносить ему—архієпископу. Самимъ священникамъ, въ случаѣ если они не будутъ имѣть пощечинъ о заблудившихъ христіанахъ и не станутъ учить и наказывать ихъ, Макарій угрожаетъ въ грамотѣ, что быть имъ отъ него въ конечномъ извержении безъ милости.

Отряженій Макаріемъ іеромонахъ, исполняя возложенное на него порученіе, совершилъ два, одно за другимъ, путешествія по Водской пятинѣ.

Нельзя вѣрить свидѣтельству лѣтописей, чтобы попытка Макарія искоренить язычество между инородцами пятини и совершение водворить между ними христіанство, имѣла полный успѣхъ, ибо однѣмъ искорененiemъ мольбницъ нельзя было искоренить язычества, а относительно способности и готовности къ учительству мѣстныхъ священниковъ можно быть представлений только до послѣдней степени скромныхъ. Вовсе не подтверждается свидѣтельство лѣтописей и показаніями документальными¹⁾). Но Макарій положилъ благое начало, безъ которого ничего не бываетъ и постѣ которого оставалось продолжать его

¹⁾ Преемникъ Макаріева на новгородской кафедрѣ Оеодосій иссыпалъ подобно ему своего священника въ Водскую пятину и въ своей грамотѣ къ духовенству пятини пишетъ: «здѣ до насъ слухъ дошелъ отъ многихъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что де и выиѣ (послѣ Макарія) въ вашихъ мѣстахъ многие христіане заблудили отъ истинныѧ христіанскія православныѧ вѣры»...,—Вивліо. XIV, 168, Дополн. къ Акт. Ист. т. I, стр. 57 col. 2 (самому духовенству Оеодосій говорятъ: «а вы, игумены и священницы, по заповѣди государя великаго князя и по архієпископию Макаріеву духовному наказу отъ таковыхъ злочинъ ихъ не унимаете и не наказываете ихъ учений по церковному преданію»,—Вивліо. 169 бп., Дополн. 58, 1 sub бп.).

преемникамъ, какъ это послѣдніе и дѣлали, по крайней мѣрѣ, во время его бытности на кафедрѣ митрополичьей¹⁾.

Мы сказали, что Макарій озnamеновалъ себя какъ усерднѣйшій благоукраситель общепародной святыни Новгородца—храма св. Софіи.

Для благоукрашения св. Софіи онъ едѣлалъ слѣдующее:

1) Тринадцать иконъ главнаго яруса тогдашняго иконостаса («большіе десесусы»), соотвѣтствующаго второму верхнему ярусу именівшіхъ иконостасовъ, которая были—икона Спасителя съ Божіей Матерью и Предтечою и иконы 12-ти апостоловъ, онъ обложилъ серебряными позолоченными ризами и снабдилъ позолоченными лампадами (и малыми для масла, а большими для свѣчъ²⁾);

2) Имишнія такъ называемыя мѣстныя иконы, которая въ его время еще не стояли въ иконостасѣ, а виѣ єго, онъ украсилъ богатыми ковровыми пелепами и двѣ изъ нихъ, наиболѣе чтимая, какъ кажется, тоже обложилъ серебряными позолоченными ризами³⁾;

3) Онъ устроилъ великолѣпныя царскія двери и великолѣпную отъ различныхъ тафтъ занавѣсъ или завѣсу въ олтарную арку (которая тогда еще не была заслонена именівшими мѣстными иконами и вся была открыта⁴⁾);

4) Онъ устроилъ великолѣпный амвонъ⁵⁾ (въ той формѣ, какую имѣли амвони въ его время и которая не имѣть ничего общаго съ теперешнею⁶⁾);

5) Падъ главными входными дверями въ церковь съ наружной стороны онъ приказалъ едѣлать новое и лучшее, чѣмъ какое было прежде, настѣнное письмо⁷⁾:

¹⁾ Лѣтопись, говорящія о нашей попыткѣ Макарія, суть: Прибавл. къ Исковской 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. V, 73, В, и Прибавл. къ Софійск. 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 296 нач. По свидѣтельству первой изъ лѣтописей, посланный іеромонахъ нашелъ между вновородцами и некрещеныхъ, которыхъ и крестилъ, а по свидѣтельству второй лѣтописи—онъ покореніемъ у нихъ не только язычество, но и народные обычаи: «еже женамъ ихъ волосъ своихъ не постригати и ризъ яко мертвѣчныхъ на главахъ и рамбахъ (бѣлыхъ платковъ) не носити».

²⁾ Прибавл. къ 2-й Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI. 301.

³⁾ Софійск. 2-я лѣт. ibid. стр. 285. Самыя иконы Макарій поставлялъ по чину, ср. о семъ ниже.

⁴⁾ Ibidd..

⁵⁾ Ibid., стр. 291.

⁶⁾ См. I т. 2-ю полов. стр. 197 fin. sqq.

⁷⁾ Софійск. 2-я лѣт. стр. 285 fin..

6) Онъ спилъ еъ церкви огромный для своего времени колоколь, «яко страшной трубѣ гласящей»¹⁾.

Давая знать о достоинствѣ украшеній, сдѣланныхъ Макаріемъ въ церкви, и о томъ впечатлѣніи, которое онъ производили на Новгородцевъ, новгородскія лѣтоиски выражаются о каждомъ изъ нихъ какъ о великими чудномъ и лѣномъ видѣти. Къ этимъ украшеніямъ съ ихъ стороны археологическо-технической мы возвратимся послѣ.

Помимо св. Софії Макарій показалъ свою заботливость и о другой читмой святынѣ Новгородцевъ. Такъ, онъ поиновилъ и украсилъ кузню и монистами чудотворную икону Знаменія Божіей Матери²⁾. А по свидѣтельству лѣтоиски, онъ и вообще показалъ великое тщаніе и прилежаніе о церквяхъ Божіихъ³⁾.

Хотѣть было Макарій оставить память о себѣ въ Новгородѣ не только въ великолѣпныхъ украшеніяхъ св. Софії, но и въ монументальныхъ сооруженіяхъ нецерковныхъ. Однако, въ этомъ случаѣ за свое увлеченіе суетнымъ исканіемъ славы онъ наказанъ былъ неудачей. Въ Новгородѣ явился изо Искова самоучка-хитрецъ по инженерной части и глядя на Волховъ говорилъ: хотя рѣка эта и очевь широка, но если бы кто-нибудь далъ мнѣ средства, то я поставилъ бы на ней мельницу. Когда о рѣчахъ донесено было Макарію, то его прельстила мысль о такомъ знаменитомъ дѣлѣ, какъ постановка мельницы на Волховѣ: «преже бо, говорить лѣтоиски, наченъ єже о церквяхъ Божіихъ тщаніе и великое прилежаніе, (восхогѣ) даже и до самыхъ вещей, еже бысть сія вещь, сдѣлати, еже изъ начала града не бывала, даже бы и та вещь была еъ дому святѣи Софїи». Хитрецъ, по приказанію Макарія, дѣйствительно поставилъ мельницу на Волховѣ, истративъ при этомъ огромныя, какъ нужно думать, деньги на устройство особаго рода плотины. Но первое же весеннее половодіе рѣки совершило уничтожило все сооруженіе. Эта неудачная постройка мельницы между прочимъ показываетъ, какою любовью пользовался Макарій у Новгородцевъ: они весьма сомнѣвались, чтобы на Волховѣ могла быть поставлена мельница, и тѣмъ не менѣе, какъ бы тѣша архіепископа, помогали строить ему мельницу всѣмъ городомъ⁴⁾.

¹⁾ Ibid. стр. 287 и Прибавл. къ Новгор. 2-й лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 185.

²⁾ Прибавл. къ Софійск. 2-й лѣт., стр. 284.

³⁾ Ibid. стр. 286.

⁴⁾ О постройкѣ мельницы—Софійск. 2-я лѣт.. стр. 286, и Исковск. 1-я лѣт., стр. 297 вач. Болѣе или менѣе вскорѣ послѣ Макарія Новгородцы научились ставить мельницы въ на Волховѣ, ябо въ описаніи путешествія въ Россію датскаго

Въ похвалу пастырской ревности Макарія говоритъ слѣдующее. Въ 1535-мъ году въ Новгородѣ и во Псковѣ побросаны были въ тюрьмы казанские Татары, составлявшіе людей (домово-служилыхъ) жившаго въ Россіи бывшаго казанскаго царя Шигъ-Алея, на которыхъ за что-то опалилось правительство. Мужчины, числомъ болѣе 150 человѣкъ, всѣ уморены были въ тюрьмахъ, а женщины оставлены въ живыхъ. Макарій выпросилъ Татароў у правительства «на свое бремя» (на свое попеченіе) и роздалъ ихъ священникамъ, чтобы послѣдніе крестили ихъ и выдавали замужъ¹⁾.

Противъ любви къ Макарію бѣлого духовенства его епархіи, по-видимому, говоритьъ то, что когда въ 1535-мъ году строили во Псковѣ новый архіепископскій домъ, то, по словамъ лѣтописи, монастыри мили горилицы и повалупу склады, а приходскіе священники не пособили архіепископу ни въ чёмъ²⁾). Но съ наибольшою вѣроятностю это нужно объяснить не такъ, чтобы бѣлое псковское духовенство не любило Макарія, а такъ, что оно хотѣло злоупотреблять его добротою, надѣясь на безнаказанность.

Выше мы говорили, что въ 1535-мъ году съ Макаріемъ и съ монастырей новгородской епархіи взяты были деньги на выкупъ нашихъ плѣнныхъ у крымскихъ Татаръ. О томъ, съ какими чувствами Макарій сдѣлать взносъ денегъ, лѣтопись говоритъ: «и боголюбивый архіепископъ Великого Новагорода и Пскова владыка Макарій и пастырь словеснаго Христова стада, слышавъ сія (приказъ о деньгахъ), и вскорѣ подвигся на се духовное дѣло и повелъ взборѣ собрати семь сотъ рублевъ: помяну слово Господне: аще злато предадимъ, въ то мѣсто обрящемъ другое, а за душу человѣческую нѣсть что измѣнии дати»³⁾.

Великій князь Василій Ивановичъ «зѣло любляше» Макарія, когда онъ былъ архимандритомъ Лужецкимъ. Этую любовь къ себѣ государя Макарій сохранилъ и въ санѣ архіепископа новгородского до самой его смерти, посльдовавшей 4-го Декабря 1533-го года. Вызванный въ Москву вмѣстѣ съ иѣкоторыми другими архіереями тотчасъ послѣ смерти Василія Ивановича (въ Январѣ 1534-го года), онъ, по

привца Іоанна, которое имѣло мѣсто въ 1602-мъ году, говорится, что въ Новгородѣ «много прекрасныхъ водянинъ мельницъ, очень крѣпко построенныхъ на рекѣ», — русск. перев. въ Член. Общ. Ист. и Древн. 1867-го года, кн. IV, стр. 6.

¹⁾ Псковск. 1-я лѣт., въ Собр. лѣтт. IV, 300 и 301, Софійск. 2-я лѣт. ibid. VI, 297.

²⁾ Псковск. 1-я лѣт. стр. 301 нач..

³⁾ Пробавл. къ 2-й Софійск. лѣт., стр. 294.

свидѣтельству лѣтописи, былъ удостоиваемъ самаго благосклоннаго вниманія отъ великой княгини Елены¹⁾). Но въ 1536-мъ году, какъ говорили мы выше, по оклеветанію какого-то лукава и безумца человѣка были отобрани въ казну ножи у новгородскихъ городскихъ и окологородныхъ церквей и монастырей: это ясно показываетъ, что на Макарія привлечено было неподобное правительства. Въ какихъ отношеніяхъ находился онъ къ послѣднему во все оставленное время своего пребыванія на новгородской кафедрѣ, не имѣемъ свѣдѣній; но судя по тому, что лѣтописи представляютъ время его правленія временемъ для Новгорода по отношенію къ спокойствію со стороны Москвы тихимъ и прохладнымъ, должно думать, что послѣ непродолжительной опалы онъ снова пользовался въ Москвѣ прежнимъ благоволеніемъ.

Въ санѣ архіепископа новгородскаго началь Макарій свою литературную дѣятельность. Какъ уже мы давали знать, дѣятельность эта состояла не въ томъ, что онъ самъ былъ писателемъ, а въ томъ, что онъ поручалъ писать и переводить другимъ и что онъ замыслилъ такое предпріятіе, какъ собраніе въ одно мѣсто всѣхъ читомыхъ (отеческо-учителльныхъ) книгъ, обрѣтавшихся въ русской землѣ. Изъ 16-ти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ занимать онъ новгородскую кафедру, 12-ть лѣтъ онъ посвящалъ между прочимъ послѣднему труду, а также въ Новгородѣ, по его порученію, написаны были пѣкоторыя сочиненія и совершенныя пѣкоторые переводы. Объ этомъ мы будемъ говорить послѣ.

Итакъ, въ кафедрѣ архіепископіи новгородской Макарій показалъ себя настыремъ наивозможнѣй и въ вышшей степени достойнымъ. Чтение новгородско-псковскихъ лѣтописей несомнѣнно убѣждаетъ въ томъ, что онъ, бывъ архіепископомъ весьма исключительнымъ, пользовался величайшою любовию какъ самихъ Новгородцевъ, т. е. жителей Новгорода, такъ и всей своей настыри.

Говорится о немъ, что во времи бытности его архіепископомъ новгородскимъ «многія ради его добродѣтели въ всей Россіи слава о немъ проиходжаше»²⁾). Имѣемъ свидѣтельство, что слава его выступала даже и за предѣлы Россіи. Въ 1541-мъ году патріархъ іерусалимскій Германъ присыпалъ въ Москву двухъ своихъ іеромонаховъ для прощенія испомоществованія на уплату великихъ долговъ, которые онъ долженъ былъ сдѣлать, спасая отъ пекѣрьныхъ воззбновленій имъ

¹⁾ Софійск. 2-я лѣт., стр. 294 seqq.

²⁾ Говорить это Василій Михайловичъ Тучковъ въ послѣдованіи къ житію преп. Макарія Клерката.

храмъ гроба Господня. Къ архієпископу Макарію патріархъ обращался съ особой просительной грамотой и прислалъ ему особые «поминки» (состоявшіе болѣе чѣмъ изъ 30-ти частицъ разной іерусалимской святыни ¹).

Изъ архієпискоцовъ новгородскихъ въ митрополиты всея Руси Макарій поставленъ былъ па мѣсто Іоасафа спустя два съ половиною мѣсяца по извержениіи Шуйскаго послѣднаго.

Карамзинъ и, какъ кажется, Соловьевъ намѣрены заподозривать, что Макарій достигъ кафедры митрополичьей не совсѣмъ прямымъ путемъ. Первый, указывая на то, что главными помощниками Шуйскаго въ извержениіи Бѣльскаго, а съ нимъ и Іоасафа, были новгородскія дѣти боярскія, говоритъ: «любя и мірскую честь, Макарій, можетъ быть, оказалъ Шуйскому услуги въ Новгородѣ и склонилъ жителей онаго на ихъ сторону, въ надеждѣ заступить мѣсто Іоасафа» ²). А второй, не выказываясь прямо, какъ будто съ намѣреніемъ указываетъ на новое, послѣ Карамзина ставшее извѣстіемъ, обстоятельство, что Макарій имѣлъ связи съ Шуйскими до занятія кафедры митрополичьей ³). Мы съ своей стороны находимъ подозрѣніе совершенно неосновательными и несправедливыми. Если новгородскія дѣти боярскія, какъ и всѣ Новгородцы, были сторонниками Шуйскихъ, то удовлетворительное объясненіе этому дается безъ предположенія, что ихъ склонилъ на сторону послѣдніхъ именно архієпископъ ⁴). Чѣмъ касается до связей Макарія съ Шуйскими, то о нихъ извѣстно только то, что одинъ изъ Шуйскихъ, подпавшій опалѣ, обращался къ нему съ просьбой о ходатайствѣ передъ великой княгиней Еленой ⁵). Но въ то время

¹) Запись о томъ, что 21-го Марта 1541-го года государь послалъ въ Новгородъ къ Макарію двухъ старцевъ іерусалимского патріарха Германа,—грамоту Германа къ Макарію въ роспись поминковъ патріарха архієпископу, которые 29-го Мая 1541-го года явили второму старцу—іеромонаху первого Арсенія и Досифею (съ присовокупленіемъ легендарного сказанія о іерусалимскихъ вратахъ, чѣмъ отъ Святыхъ къ потоку Кедровскому),—въ Волоколамской рукописи, находящейся теперь въ библиотекѣ Московской Духовной Академіи, № 571, лл. 104—110. Срѣ въ 1-мъ выпуске XV тома Палестинского Сборника трудъ Н. Ф. Каптерева: Синоптическія іерусалимскія патріарховъ съ русскимъ правительствомъ, стр. 8.

²) VIII, 46.

³) VI. 3-го изд. стр. 38.

⁴) См. у Соловьева *ibid.* стр. 37.

⁵) Андрей Михайловичъ (поздѣйший правитель); его просительное посланіе къ Макарію (написанное съ реторикой, замѣткованной въ письмовнике) въ Документахъ Акт. Ист. т. I, № 27.

было въ обычай обращаться къ защите архіереевъ и безъ связей съ ними, ибо «печалование» считалось ихъ обязанностью, и опальный Шуйский, не имѣя связей съ Макаріемъ, а будучи только знакомъ съ нимъ, могъ просить его о ходатайствѣ просто потому, что зналъ его за архіерея, нарочито расположеннаго къ ходатайствамъ, и вмѣстѣ за архіерея, который пользовался весьма большимъ влияніемъ у государини. Очень можетъ быть, что новгородскія дѣти боярскія предлагали Макарія въ митрополиты; но это могли они сдѣлать не по пропискамъ послѣдняго, а потому, что безукоризненнымъ образомъ онъ пріобрѣлъ великую любовь своей новгородской настыни и что они—дѣти боярскія считали его кандидатомъ достойнѣйшимъ, каковымъ онъ былъ и на самомъ дѣлѣ. Если бы Макарій искалъ каѳедры митрополичьей, то онъ постарался бы получить ее отъ Шуйского по извержениіи Даниила. Самъ онъ въ своей духовной грамотѣ говорить о своемъ поставлении: «въ лѣто 7050-е первопрестольникъ, великий господинъ, Іоасафъ митрополитъ всея Руссии, оставилъ митрополію русскую и отоиде въ Кириловъ монастырь въ молчаніе житіе, и не вѣмъ, которыми судами Божіими избранъ и ионуженъ быхъ азъ смиреній не токмо искъ соборомъ рускія митрополія, но и самимъ благочестивымъ и христолюбивымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всея Руссии самодержцемъ, мнѣ же смиренному иаміозѣ отрицающуся, по свидѣтельству божественныхъ иисаій, и не возможохъ преслушатись, по ионужденъ быхъ и поставленъ на превеликій престолъ рускія митрополія»¹⁾; не заподозривая Макарія во лжи, мы рѣшительно наклонимъ думать, что дѣло было дѣйствительно такъ, какъ онъ представляетъ въ сейчасъ приведенныхъ словахъ, т. е. что онъ не только не искалъ каѳедры митрополіи, а напротивъ принужденъ быть занятъ ее. Передъ тѣмъ, какъ быть ему поставлену, два митрополита были свергнуты съ каѳедры самымъ позорнымъ образомъ, и второй изъ нихъ такъ, что подвергалась опасности и самая его жизнь. При такомъ положеніи дѣла естественно было, чтобы всякая честолюбія смолкли и чтобы у всѣхъ прошла охота занять мѣсто митрополита. А въ подобныхъ случаяхъ, когда ни у кого не бывастъ охоты занять мѣсто, обыкновенно вспоминаютъ про достойнѣйшихъ, требуя, чтобы они присели себя въ жертву. Такъ какъ достойнѣйшимъ былъ именно Макарій, то епископы и могли приступить къ нему съ просьбою, чтобы онъ согласился занять каѳедру, на что не было охоты ни у кого либо изъ нихъ ни вообще у кого нибудь другаго. Если предположимъ, что

¹⁾ Лет. Ист. т. I. № 172, стр. 329 col. 1 fin..

при избраніи преемника Іоасафу епископы водились не одними лишь своекорыстными побужденіями, то и въ семъ случаѣ выборъ ихъ долженъ быть остановиться на Макарії. При данныхъ обстоятельствахъ положеніе митрополита было въ высшей степени трудное и не всякой могъ съ нимъ справиться. Но если на кого можно было возлагать наибольшія надежды, такъ это именно на мудрецкаго между ними (несколько впрочемъ не въ смыслѣ іезутизма) архиепископа новгородскаго. Макарій говоритьъ, что онъ памноѣ отрицался «по свидѣтельству божественныхъ иисаій»; повидимому, это—безъ смысла; но какъ необходимо думать, этимъ онъ указываетъ на то фактическое, что онъ искаль было для себя предлоговъ къ отречению отъ каѳедры митрополіи въ правилахъ каноническихъ, которыхъ запрещаютъ архиереямъ переходить съ одной каѳедры на другую.

Макарій нареченъ былъ въ митрополитъ соборомъ 8-ми епископовъ 16-го Марта 1542-го года; поставленъ 19-го Марта. Въ минуту этого поставления, если вѣрить указанному выше свидѣтельству, ему было 59—60 лѣтъ отъ роду.

Мы уже сказали выше, что съ Макаріемъ не случилось болѣе той бѣди, которая постигла двухъ его предшественниковъ,—что онъ оставался на каѳедрѣ до самой своей смерти и правилъ русскою церковью очень продолжительное время, увѣковѣчивъ свою память знаменитыми дѣлами.

Съ 19-го Марта 1542-го года, когда Макарій занялъ каѳедру и когда великому князю Ивану Васильевичу шель 12-й годъ, настоящее—самовластное боярское правленіе продолжалось до конца слѣдующаго 1543-го года. Князь Иванъ Шуйскій, извергшій Бѣльскаго и митр. Іоасафа, вскорѣ послѣ сего исчезъ со сцены, бывъ постигнутъ смертью или по крайней мѣрѣ болѣзию, и его мѣсто, въ качествѣ самоуправныхъ правителей государства, заняли трое его родственниковъ, съ княземъ Андреемъ Михайловичемъ Шуйскимъ во главѣ (который, бывъ до 1541-го года исковскимъ намѣстникомъ, означеновалъ себя какъ возмутительнѣйший грабитель¹⁾). Людямъ окружавшимъ государя-мальчика и ненавидѣвшимъ Шуйскихъ удалось достигнуть того, чтобы 29-го Декабря 1543-го года онъ неожиданно приказалъ схватить Андрея Шуйскаго и предать позорной смертной казни. Мѣсто Шуйскихъ не занимали болѣе новые формальные временищики, но теперь управление государствомъ перешло въ руки безымянной толпы близкихъ къ государю людей, между которыми наибольшее вліяніе имѣли дяди послѣд-

¹⁾ Исковск. 1-я лѣт. въ Собр. лѣт. IV, 304.

ияго по матери — князья Глиненкіе. Такъ продолжалось до конца 1546-го года, когда 16-лѣтній государь началъ нравить самостоительно. Нѣть сомнѣнія, что въ продолженіе этихъ пяти лѣтъ, среди всевозможныхъ смутъ и интригъ въ боярствѣ и вообще при дворѣ, положеніе митрополита было въ высшей степени трудное и тягостное. Что касается до его дѣятельности въ это время, то мы о ней знаемъ, что при Шуйскихъ онъ спасъ жизнь одному государеву любимцу, отъ которого хотѣли отдѣлаться послѣдніе, и что послѣ нихъ въ наставшую эпоху онъ старался по возможности ограничить обиліе этихъ онатъ и по возможности вносить миръ и тишину въ волновавшееся интригами придворное море. Шуйскіе замѣтили, что успѣль вкрадься въ особенную любовь государя бояринъ Федоръ Семеновичъ Вороццовъ. Желая избавиться отъ любимца, они съ своими сторонниками и сообщниками внезапно схватили его во дворцѣ въ присутствіи самого великаго князя (9-го Сентября 1543-го года) и выволокли воинъ изъ дворца съ тѣмъ, чтобы убить. Посланный государемъ ходатайствовать за Вороцкова передъ Шуйскими, митрополитъ успѣль достигнуть своей цѣли, но какимъ пріятнымъ временемъ были для него годы малолѣтства государя, видно изъ того, что буйствовавшіе сторонники Шуйскихъ надавали ему при этомъ толчки и что одинъ изъ нихъ изорвалъ саногами подоль его мантіи¹⁾. Цѣлая ватага правителей государства, смѣнившая Шуйскихъ, отдѣлываясь отъ сторонниковъ этихъ послѣдніихъ и отъ всѣхъ своихъ враговъ и завистниковъ, употребляла государя, какъ свое орудіе, чтобы означеновать себя непрерывнымъ и длиннымъ рядомъ онатъ. Нѣточес говорять только объ одной онатѣ, которая снята была стараніями митрополита²⁾. Но преи. Максимъ Грекъ, писавший къ Макарію тотчасъ послѣ того, какъ кончилась эта эпоха онатъ, говоритъ, что онъ предстательствовалъ за всякаго обидимаго и доблестно терпѣль противившихся безумию его по Божѣ ревности³⁾. Тотъ же Максимъ изображаетъ предшествующее состояніе государства какъ состояніе лютей бури, которую митрополитъ старался укрощать и предлагать въ тишину своею тихостію и кротостію⁴⁾.

Совершенію несправедливо было бы обвинять Макарія за то, что Иванъ Васильевичъ получилъ слишкомъ дурное воспитаніе. Нѣть сомнѣнія, что онъ съ величайшимъ сокрушениемъ сердца смотрѣль, какъ

¹⁾ Царств. книж., стр. 112 біл.. Грозный въ Сказанихъ Курбекаго, стр. 184.

²⁾ Икона, лѣт. VII. 46, Царств. книж. стр. 119 біл..

³⁾ Казанск. изд. II, 361 (пославіе писано въ 1547-мъ году, см. ниже).

⁴⁾ Ibid. стр. 359.

бояре и весь любимцы намѣренно и ненамѣренно портили и развращали государя. Но онъ не имѣлъ возможности вырвать его изъ ихъ рукъ, чтобы самому стать его воспитателемъ.

Послѣ того, какъ въ лицѣ казненнаго Андрея Шуйскаго 13-лѣтній великий князь устранилъ временщиковъ—узурпаторовъ власти, его правление подъ руководствомъ любимцевъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ по конецъ 1546-го года, состояло въ томъ, что онъ разъѣзжалъ по своимъ селамъ для потѣхъ или подъ предлогомъ богослужебъ предпринималъ увеселительныя поѣздки по монастырямъ,—что, повинуясь внушеніямъ действительныхъ правителей, онъ изрекалъ приговоры смертнаго казни боярамъ. Съ Декабря 1546-го года, на 17-мъ году возраста, Иванъ Васильевичъ вдругъ началъ новое правление. 12-го Декабря онъ возвратился изъ продолжительной увеселительной поѣздки по своимъ селамъ и по монастырямъ. А на другой день, 13 го Декабря, на совѣтѣ съ митрополитомъ онъ принялъ рѣшеніе вступить въ бракъ и предварительно того вѣничаться царскимъ вѣницомъ, съ какового рѣшенія и начинается известная славная эпоха его государствованій.

Съ самой минуты взятія Константиноополя Турками московскіе великие князья начали считать себя преемниками императоровъ или царей византійскихъ. О причинѣ такого ихъ мнѣнія о себѣ мы уже говорили выше. Римскому царству, въ которомъ родился Христосъ, предназначено существовать на землѣ до скончанія вѣка, чтобы быть охранителемъ Христовой церкви; но по судьбамъ Божиимъ царство это не имѣло постоянно оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, но должно было совершить иѣсколько перемѣщений: сначала оно было въ древнемъ и настоящемъ Римѣ; потомъ перемѣстилось во второй Римъ—Константинополь; наконецъ, послѣ взятія Константиноополя Турками, оно перемѣтилось въ нашу Москву, которая стала третимъ Римомъ и вторымъ Константиноополемъ: таковы были представленія нашихъ предковъ. Какъ мы видѣли выше, уже Василій Васильевичъ Темный, при которомъ случилось взятіе Константиноополя Турками, называется благовѣрнымъ и боговѣнчаннымъ царемъ. Но весьма не вдругъ рѣшились великие князья московскіе на то, чтобы формально возложить на себя вѣнецъ царей византійскихъ и чтобы формально провозгласить себя царями: въ своихъ дѣйствіяхъ они были вообще весьма неспѣшны и осторожно-осмотрительны, имѣли обычай выжидать, чтобы всякие взгляды достаточно назрѣли и созрѣли въ сознаніи общества. Спустя полстолѣтія послѣ взятія Константиноополя Турками, въ правленіе Василія Ивановича, который былъ кровнымъ потомкомъ царей византійскихъ по своей матери, русскіе люди съ особенной настойчивостію

заговорили, что ихъ Москва есть третій Римъ и что ихъ московской государь есть единий во всей поднебесной царь христіаномъ¹). Въ это время сочинены были и попыя права нашихъ великихъ князей на вѣнецъ царскій, а именно—будто вѣнецъ этотъ быть дарованъ имъ еще императоромъ греческимъ Константиномъ Мономахомъ и будто они ведутъ свой родъ отъ Августа Кесаря²). И вотъ, сынъ Василья Ивановича Иванъ Васильевичъ и рѣшился наконецъ формальнымъ образомъ воспринять сань царя чрезъ торжественное вѣнчаніе на царство.

¹) См. посланіе къ Василю Ивановичу старца иконарека Елизарова монастыря Филофея, панег. въ Правосл. Собесѣди. 1863-го года, ч. I, стр. 343 ип. sqq. въ его же посланіе къ иконарекому дьяку Милюю-Мунехину († 1528-го года) въ томъ же Правосл. Собесѣди. 1861-го года, ч. II, стр. 84 sqq.

²) Сочинено было сказаніе, будто Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ, желая поискать себѣ славы прежнихъ русскихъ князей, послалъ свое войско на греческую имперію, чтобы оно погнало грады и веся,—будто императоръ греческий Константинъ Мономахъ (умерший за 60 лѣтъ до занятія Владимиромъ великокняжескаго престола), желая купить миръ у Владимира, приспалъ ему царскій вѣнецъ (съ другими регалиями), чтобы онъ былъ вѣнчанъ имъ отъ посланныхъ трехъ епископовъ,—будто Владимиръ Всеволодовичъ, самъ вѣнчавшійся царскимъ вѣнцомъ, заповѣдалъ не дѣлать этого послѣдующимъ великимъ князьямъ, дабы удѣльные князья не воевали съ нимъ изъ зависти и не погубили государства, и будто онъ передалъ вѣнецъ своему младшему сыну Юрию Долгорукому для храненія изъ рода въ родъ, пока Богъ не воздвигнетъ царя истиннаго самодержца, въ государствѣ русскомъ. см. у *Карамз.* къ т. II прим. 220. Что касается до происхожденія нашихъ князей отъ Августа Кесаря, то воспользовались литовскимъ сказаниемъ, будто первый государь Пруссіи Ирусъ, бывъ братъ Августа Кесаря, и начали выводить Рюрика изъ Пруссіи, выдавая его за потомка Ируса (Степени. кн. I, 7 и 78 ип.). Что сказание о Владимирѣ Мономахѣ и новая генеалогія Рюрика сочинены не позднѣе Василья Ивановича, см. редакцію сказанія о Владимирѣ, въ которой есть и о происхожденіи Рюрика отъ Пруса, въ Описаніи сборникової Нубличной Библіотеки А. Ф. Бычкова, № 17, л. 95 (сfr. у *Карамз.* ibid.). Деяніосто-однолѣтій авторъ сказания называетъ себя Спиридономъ—Саввой и не безъ вѣроятности можетъ быть принимаемъ за митрополита Спиридона Сатану, о которомъ говорили мы выше (такъ называемая шапка Мономаха известна по духовнымъ завѣщаніямъ великихъ князей съ Иваномъ Даниловичемъ Калитой. Иванъ Даниловичъ просто называетъ ее золотой шапкой, т.-е. безъ прибавленія, что она Мономахова).—Василіо. I, 50. На Дмитрия Ивановича при его вѣнчаніи на великое княженіе, 4го Февраля 1498-го года, она возложена была уже какъ шапка Мономахова,—Собр. госуд. грамм. и договр. II, 27. Наконецъ, къ ней сочинено было въ наше сказаніе. О прочихъ регалияхъ будто бы присланыи Константиномъ Мономахомъ Владимиру Мономаху, сравнивая духовныя завѣщанія великихъ князей въ томъ же томъ Вивліошки и въ Собраниї Государств. Грамотъ т. II.

Кому принадлежала инициатива этого решения, положительнымъ образомъ не можетъ быть сказано. Но мы съ совершенною увѣренно-стю думаемъ, что она принадлежала не столько самому Ивану Васильевичу, сколько митр. Макарію. Въ Декабрѣ 1546-го года государь былъ и всего 16-ти лѣтнимъ юношей; правда, что этотъ юноша быть далеко не изъ числа обычновенихъ, но во всякомъ случаѣ 16-ть лѣтъсливикомъ невѣроятныи возрастъ для такого важнаго решения, какъ восприятіе на себя сана царя. При томъ же онъ былъ воспитываемъ такъ, чтобы не помышлять о чёмъ нибудь серьёзномъ, а предаваться единственно забавамъ и потѣхамъ. Что же касается до митр. Макарія, то, принадлежавшъ къ числу тѣхъ людей, которые находили, что для Россіи наступило время стать действительнымъ царствомъ, онъ могъ ускорить возложеніемъ на государя царскаго вѣща съ тѣмъ весьма важнымъ намѣреніемъ, чтобы попытаться произвести въ немъ благой переворотъ. Государь былъ воспитываемъ окружавшими его боярами такъ, что, совершившо забывая про свои обязанности, предавался единственно потѣхамъ и увеселеніямъ. И Макарій могъ одушевляться надеждою, что мысль о высокомъ санѣ царя подействуетъ на него благодѣтельнѣ, — что она нравственно пробудить его и заставить измѣниться и стать другимъ человѣкомъ. Намъ думается, что и фактическая исторія того, какъ принято было государемъ решение возложить на себя царскій вѣнецъ, именно свидѣтельствуетъ, что инициатива главнымъ образомъ принадлежала не ему самому, а митрополиту. Эту фактическую исторію мы уже отчасти передали выше. 15-го Сентября 1546-го года великий князь предпринялъ увеселительное путешествіе по своимъ селамъ и по монастырямъ и провелъ въ немъ до 12-го Декабря; возвратившись въ Москву этого послѣдняго числа, онъ на другой день, 13-го Декабря, выѣхалъ и сопѣтовался съ митрополитомъ, сѣдѣвшимъ каковаго свиданія — совѣта и было принятіе имъ решения вѣничаться царскимъ цѣнцомъ¹⁾). Если бы великий князь самъ принялъ решение, то весьма странно было бы, что передъ тѣмъ какъ объявить боярамъ и народу это весьма важное решение, онъ предпринялъ беззаботно-веселое путешествіе. Испо, что во время этого путешествія, въ которое, по словамъ лѣтописи, великий князь только то и зналъ, что тѣшить себя съ своей свитой бѣшеной щездой на ямскихъ подводахъ, къ страшному отягощению крестьянъ тѣхъ мѣсть, черезъ которыхъ проѣзжалъ²⁾), у него не было ничего серьёзнаго на умѣ и слѣдор-

¹⁾) Царств. книж. стр. 126 фн..

²⁾) Исковек. 1-я лѣт., въ Собр. лѣтт. IV, 307.

вательно—что рѣшеніе неожиданнымъ образомъ было принято имъ по возвращеніи въ Москву, на свиданіи съ митрополитомъ. Можетъ показаться страннымъ и не особенно вѣроятнымъ, что митрополитъ въ одно свиданіе и вдругъ убѣдилъ великаго князя къ такому важному рѣшенію, какъ то, о которомъ говоримъ. На самомъ дѣлѣ въ этомъ ничего не будетъ слишкомъ странного, если мы предположимъ, что свиданіе продолжалось не пять минутъ и не полчаса, а было нарочитое и продолжительное свиданіе для серьѣзныхъ рѣчей, и что митрополитъ, принявший свое намѣреніе сдѣлать попытку обращенія государя на путь добра, успѣлъ завладѣть имъ у его любимцевъ на цѣлый день: натура исключительнымъ образомъ впечатлительная и сильная, Иванъ Васильевичъ способенъ быть къ тому, чтобы сразу переломить себя и чтобы отъ заботъ о потѣхахъ вдругъ обратиться къ помысламъ о царскомъ вѣнцѣ.

Торжественное вѣчаніе государя царскимъ вѣнцомъ совершено было 16-го Января 1547-го года.

Послѣ сего вѣчанія онъ вступилъ въ браѣ съ Анастасіею Романовною спустя двѣ недѣли съ половиною,—3-го Февраля.

Надежды Макарія на исправленіе государя дѣйствительно оправдались и, можетъ быть, даже въ болѣе значительной степени, нежели какъ онъ ожидалъ. Возлагая на себя царскій вѣнецъ, Иванъ Васильевичъ не только самъ рѣшился стать другимъ человѣкомъ, чѣмъ какимъ быть прежде, но и государство свое до пѣкоторой степени сдѣлать новымъ и лучшимъ государствомъ, чѣмъ дотолѣ. Онъ рѣшился измѣниться самъ, потому что становясь изъ великаго князя царемъ онъ становился по сану другимъ,—вышимъ и какъ бы гораздо болѣе отвѣтственнымъ государемъ. Но вмѣсть съ тѣмъ, какъ онъ самъ сталъ изъ великаго князя царемъ, и его государство стало изъ великаго княжества царствомъ. Слѣдовательно, и оно должно было обновиться и стать лучшимъ соотвѣтственно своей новой высшей роли. Но этой причинѣ, рѣшивъ собственное измѣненіе, государь сознать необходимость и обновленія государства, такъ чтобы для постѣдняго, какъ занявшаго повную высшую степень сановную, начался новый лучшій періодъ существованія. Счастію людей Богъ содѣйствуетъ иногда чрезъ несчастія: чтобы государь окончательно укрѣпился въ своей рѣшимости, не особенно въ продолжительномъ времени послѣ его вѣчанія царскимъ вѣнцомъ, 21-го Июня того же 1547-го года въ Москвѣ случилось страшное несчастіе,—ужасный, не бывалый дотолѣ, пожаръ, который, какъ проявление грознаго гибѣва Божія, произвелъ на него потрясающее дѣйствіе. Въ 1550-мъ году государь совершилъ какъ бы торже-

ственное новолѣтіе послѣдующей лучшей жизни своей и послѣдующаго периода лучшей жизни для государства. Онъ созвать соборы церковный и земскій и испросивъ у первого вмѣстѣ съ своими боярами прощенія въ своихъ прежнихъ винахъ и согрѣшенияхъ, обращался черезъ посредство втораго ко всей землѣ съ моленіемъ оставить другъ другу вражды и тяготы свои; въ присутствіи обоихъ соборовъ онъ заповѣдалъ своимъ боярамъ и приказнымъ людямъ помириться на сроکъ со всѣми, кого они обижали; дать относительно будущаго времени торжественное обѣщаніе въ томъ, что самъ будетъ судьей и обороной, (чтобы) неправды разорять и хищевія возвращать, и наконецъ,—что должно было относиться не къ одному только его правлѣнію, но составлять обновленіе земли и на все послѣдующее время,—приказалъ исправить судебнікъ своего дѣда и написать великия заповѣди (относительно устройства суда), чтобы этотъ послѣдній былъ праведенъ и безпосуленъ во всякихъ дѣлахъ¹⁾). Государь иѣсколько замедлилъ съ этимъ празднествомъ своего рода новолѣтія, какъ нужно думать, потому, что, съ одной стороны, предложеніе митрополита принять царскій вѣнецъ застало его врасплохъ, такъ что онъ не сразу могъ собрать свои силы, чтобы на дѣлѣ осуществить свое намѣреніе стать новымъ человѣкомъ, а съ другой стороны—потому, что онъ желалъ явиться передъ представителями народа окруженный ореоломъ военной славы, для чего предпринялъ два похода подъ Казань (съ 11-го Декабря 1547-го по 7-е Марта 1548-го года и съ 20-го Ноября 1549-го по 25-е Марта 1550-го года, оба окончившіеся впрочемъ неудачно).

Помышлялъ было государь и объ иномъ обновленіи Россіи, именно—о вещественномъ обновленіи ея промышленного быта черезъ вызовъ изъ западной Европы всякаго рода мастеровъ и ремесленниковъ. Но эти его помышленія остались не осуществленными²⁾.

¹⁾) Рѣчь царя къ народу на Лобномъ мѣстѣ въ Собр. госуд. грамм. и довоев. II, 45; рѣчь царя къ собору 1551-го года въ Стоглавѣ,—Казанск. изд. стр. 46 бп..

²⁾) Въ концѣ 1547-го года отправленъ былъ въ западную Европу для приведенія всякихъ мастеровъ и ремесленниковъ (и будто бы художниковъ и ученыхъ и въ томъ числѣ даже богослововъ!) проживавшій въ Москвѣ и какъ-то вкравшійся въ довѣріе государя Иѣменець Гавсъ Шлитте (Schlitte, называемый также Schlitt, Schlitten, Schleitte). Навербованъ (будто бы) очень большое число требовавшихся людей, онъ отправился съ ними въ Россію, но въ Любекѣ, граждане которого не хотѣли будто бы пропустить къ намъ мастеровъ, имѣвшихъ содѣйствовать вдовренію участь ремесль и подвятію благосостоянія нашего отечества, онъ былъ подъ

Итакъ, митр. Макарій, не имѣвши возможности быть воспитателемъ Ивана Васильевича, оказалъ государству величайшую услугу тѣмъ, что совершилъ нравственное исправление Ивана IV, подѣйствовавъ на его благородное честолюбіе. Что онъ возложилъ царскій вѣнецъ на Ивана Васильевича, само по себѣ это не составляетъ его особенной заслуги, ибо вѣнецъ этотъ государи наши возложили бы на себя и безъ него; но что онъ поспѣшилъ возложить его на Ивана Васильевича, въ намѣреніи благодѣтельно подѣйствовать на послѣдняго, въ чемъ и не обманулся, это должно быть признаваемо за нѣсомнѣнную и очень важную заслугу¹⁾.

одинъ предложенъ исаженъ въ тюрьму, а падранные имъ люди расѣялись. Къ сожалѣнію, мы не имѣмъ нашихъ офиціальныхъ актовъ о Шлітте, а то, что известно о немъ взъ иностраннѣхъ источниковъ на основаніи его собственныхъ показаній, заедуживаетъ чрезвычайно мало вѣры, потому что, какъ очевидно, онъ былъ величайшій авантюристъ, см. о немъ *Карамз. VII*; 70 и примм. 205—207, у *Тургенева* въ *Historica Russiae Monimenta*, т. I, р. 134 sqq, *Фидлера* Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit der Romischen Kirche im sechzehnten Jahrhundert (Wien, 1862), ss. 22 fin. и 54 (изпечатанъ открытый листъ, данный Шлітте, который называется Hans Schleitte, императоромъ Карломъ V въ Аугсбургѣ 30-го Иваря 1548-го года), и въ Чтен. общ. Ист. и Древн. 1893-го года, кн. I, Бумаги датского архива, стрр. 15 и 288 (изпечатано письмо Шлітте къ датскому королю Христиану III отъ 25-го Иваря 1554-го года, въ которомъ онъ разсказываетъ о своей неудачной миссіи). Къ знаменитому авантюристу мы возвратимся еще ниже.

¹⁾ Что касается до священника Сильвестра, который, на основаній Курбскаго, считается виновникомъ метаморфозы, произшедшей съ государемъ: то мы, не признавая его виновникомъ этой метаморфозы, принимаемъ только, что онъ вмѣстѣ съ Алашевымъ былъ (явился) помощникомъ митрополита въ томъ, чтобы удерживать и утверждать государя на пути добра (что касается до знаменитой картины Карамзина, какъ послѣ страшного пожара 21-го Июля 1547-го года Сильвестръ «проблажался къ Иоанну съ подъятіемъ, угрожающимъ перстомъ, съ видомъ пророка».... VIII. 62 ип.: то какъ будто въ 1547-мъ году Сильвестръ еще и не былъ приближеніемъ къ государю. Сохранилась роспись подношений, которая по порученію архиепископа новгородскаго передъ Паехой 1548-го года имѣли быть разнесены въ Москву властимъ и взятыми изъ лицами архиепископовыми сыномъ боярскими: въ числѣ лицъ, которымъ назначены подношения, иѣть священника Сильвестра. см. роспись въ Царствіяхъ С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, т. III, еол. 48 sqq.—Что посланіе къ царю Ивану Васильевичу обѣ испорченіи содомскаго блуда между высочими боярами и въ хонашеївущемъ духовенствѣ и обѣ отсутствіи у Русскихъ истиничаго крестнаго землѣ, написанное между 1547-мъ и 1551-мъ годами и изпечатанное въ Г.к. Чтен. общ. Ист. и Древн. за 1874-й годъ, не при-

Возлагая царский вѣнецъ на Ивана Васильевича, Макарій помышлять въ отношеніи къ государству о томъ, чтобы совершиТЬ нравственное исправлениЕ государя. Но вмѣстѣ съ симъ царскимъ вѣнцомъ у него соединены были и чрезвычайно важные помыслы церковные. Судьбами Божиими нашему русскому государству предназначена была высокая роль стать третьимъ православно-христіанскимъ царствомъ. Слѣдовательно, и нашей церкви вмѣстѣ съ государствомъ была предназначена высокая роль стать первенствующею между всѣми частными православными церквами. Съ минуты принятія великимъ княземъ царскаго вѣща государство наше формальнымъ образомъ заняло мѣсто и вступило въ права третьаго римскаго царства. Вмѣстѣ съ симъ и церковь наша такимъ же образомъ заняла свое высокое положеніе. Но свѣтильникъ, поставленный на свѣщницѣ, долженъ свѣтить; возвышаемый принимаетъ на себя нравственный долгъ заботиться о томъ, чтобы внутренними качествами соотвѣтствовать своему виѣшнему положенію. И вотъ, Макарій, человѣкъ избранный, поставленный во главѣ русской церкви во времѧ благопотребное, и былъ живѣйшимъ образомъ одуиневленъ сознаніемъ этого нравственнаго долга. Русская церковь по своимъ внутреннимъ качествамъ должна была соотвѣтствовать виѣшнему высокому положенію, которое она заняла; но онъ находилъ, что этого соотвѣтствія церковь далеко не имѣла; и онъ рѣшился совершиТЬ обновленіе, подобно тому, какъ нововѣчаний царь рѣшилъ подъ его влияниемъ совершиТЬ обновленіе государства. На другой годъ послѣ того, какъ государь совершилъ помянутое празднество государственнаго новолѣтія, Макарій созвать великий соборъ для очищенія русской церкви отъ всѣхъ существовавшихъ въ ней пороковъ и недостатковъ и для такого исправленія и улучшенія ея жизни во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы оттолѣ эта послѣдняя стала истинно новою и по возможности безпорочною жизнью.

Этотъ соборъ, получивший название Стоглаваго (отъ раздѣленія книги его постановлений на 100 главъ) и сколько нибудь подобнаго которому не бывало ни прежде ни послѣ, и составляетъ то дѣяніе Макарія, которое даетъ ему неоспоримое право на почетѣйшее мѣсто

надлежать Сильвестру,—объ этомъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о письменности).—Думается намъ, что Сильвестръ, переведенный Макаріемъ въ Москву изъ Новгорода (какъ товарищъ его Симеонъ переведенъ былъ изъ Пскова?), сталъ приближеннымъ къ государю при большемъ или меньшемъ посредствѣ и содѣйствіи митрополита, надѣявшагося, что эта приближенность будетъ на пользу государю.

между всеми высшими пастырями русской церкви, какъ знаменитѣйшему изъ всего ихъ ряда¹⁾.

Но прежде чѣмъ предпринимать дѣло обновленія церкви, Макарій позаботился еще о другомъ. Стояніе и славу всякой церкви составляютъ ея святые. Имя свое благоволеніе къ русской церкви, которой суждено быть высокій жребій, Богъ прославилъ ее немалочисленнымъ сонмомъ святыхъ. Но значительная часть этихъ ея свѣтильниковъ и этихъ молитвепниковъ за нее оставалась дотолѣ торжественно не прославленію, а другая значительная часть хотя была прославлена, но только мѣстно, такъ что святые, не бывъ святыми всей русской церкви и оставаясь для послѣдней въ смыслѣ цѣлаго какъ бы не существующими,— не украшающими собой ея общаго неба, разсѣянно почитаемы были только въ извѣстныхъ областяхъ, округахъ и городахъ. Новое положеніе церкви требовало, чтобы она, доказывая свои права на него, украшалась всею духовною красотой, которая была ей дана, и чтобы она сохранялась на высотѣ своего стоянія молитвами всего сонма своихъ чудотворцевъ. И Макарій, желая предпринять дѣло обновленія церкви уже съ готовою помощью себѣ всѣхъ русскихъ чудотворцевъ, началъ съ этого торжественнаго прославленія тѣхъ изъ нихъ, которые оставались дотолѣ не прославленными, или которые, бывъ частнымъ образомъ прославлены, составляли только мѣстныхъ святыхъ, для какой цѣли собирая два собора,— въ 1547-мъ и въ 1549-мъ году. Изъ святыхъ, бывшихъ дотолѣ только мѣстными, Макарій провозгласилъ на своихъ соборахъ общecerковыми святыми или общими святыми всей русской церкви двадцать—двухъ; изъ подвижниковъ, которые оставались дотолѣ совсѣмъ не прославленными, Макарій провозгласилъ таковыми же общecerковыми святыми восемьмерыхъ, или всего произгласилъ на обоихъ соборахъ общecerковыми святыми тридцатирихъ; провозгласивъ всѣхъ или наибольшую часть прежнихъ мѣстныхъ святыхъ общecerковыми святыми, Макарій провозгласилъ на ихъ мѣсто девять новыхъ мѣстныхъ святыхъ, такъ что на обоихъ соборахъ всего было провозглашено имъ 39-ть святыхъ. До Макарія общихъ святыхъ въ русской церкви было 22: провозгласивъ 30-ть новыхъ таковыхъ святыхъ Макарій увеличилъ число ихъ болѣе чѣмъ вдвое. О самомъ производствѣ Макаріемъ канонизаціи святыхъ на соборахъ мы будемъ обстоятельно говорить во второй половинѣ тома, въ главѣ о богослу-

¹⁾ И когда Карамзинъ говоритьъ, что «ей достопамятный соборъ, по важности его предмета, знаменитѣе всѣхъ иныхъ. Бывшагу въ Киевѣ, Владимирѣ и Москвѣ» (VIII. 70 нач.); то говоритьъ совершенную правду.

женіи, при чёмъ дадимъ и списки какъ прежнихъ, такъ и новыхъ святыхъ (а пока укажемъ читателю на наше изслѣдованіе: «Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви», напечатанное въ «Богословскомъ Вѣстнике» за 1894-й годъ).

Обращаемся къ собору, который созванъ былъ Макаріемъ въ 1551-мъ году для обновленія русской церкви и который носить название Стоглаваго.

Не смотря на всю исключительную знаменитость Стоглаваго собора, современные ему лѣтописцы наши не сказали о немъ ни единаго слова, такъ что если бы не сохранилось самыx его дѣяній, то мы могли бы даже и не знать о немъ¹⁾. Нѣкоторыя историческія извѣстія о соборѣ находимъ въ самыx его дѣяніяхъ. Онъ созванъ былъ въ началѣ 1551 г., именно—торжественно открыть былъ въ царскіхъ палатахъ, въ которыхъ происходили и всѣ его засѣданія, 23-го числа Февраля мѣсяца. На немъ присутствовали всѣ епископы митрополіи въ числѣ 9-ти, многіе архимандриты, игумены и строители монастырей, пустынники и духовные старцы изъ простыхъ монаховъ, протопопы и священники «со всѣми—какъ говорится въ дѣяніяхъ—освященными соборы всего россійскаго царствія»²⁾.

Царь открылъ соборъ двумя къ нему рѣчами,—краткою устною, которую сказаль самъ, и простирающію письменною, которая была подана имъ всегда за первою и была по его приказанію прочтена. Устная рѣчь царя есть слѣдующая: «Молю васъ, святѣйшіе отцы мои, аще обрѣтохъ благодать предъ вами, утвердите въ мя любовь, яко въ приснаго вами сына, и не обленитесь върещи слово къ благочестію единомыслию о православной нашей христіанской вѣрѣ и о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о нашемъ благочестивомъ царствіи и о устроеніи всего православнаго христіянства, зѣло бо желаю и срадуюся и согласую сослужебенъ съ вами быти вѣрѣ поборникъ, въ славу святыя и животворящія и иераздѣльныя Троица, Отца и Сына и святаго Духа, въ хвалу же и славу благочестивыя нашія вѣры и церковныхъ

¹⁾ Найдены извѣстія о Стоглавомъ соборѣ у нѣкоторыхъ лѣтописцевъ XVII в. (см. въ I кн. Архива историко-юридическихъ свѣдѣній Галачова, отд. 6, III. стр. 30, сообщеніе П. Быляева; «Две выписки изъ лѣтописного сборника» и въ газетѣ «Дѣль», 1863-го года № 11, статью Безсонова: «Издание Стоглава»,—стр. 17 col. 1). Но извѣстія не вѣрутъ отъ лѣтописцевъ XVI в., а приписаны самими лѣтописцами XVII в. на основаніи Стоглавника (историческое сообщеніе котораго о соборѣ.—гл. I нач.. они дословно и воспроизводятъ).

²⁾ Стогл. глл. 1, 4, 52 и 100. Казанск. изд. стрр. 18, 46, 254 и 429.

уставовъ, тѣмъ же и всякому разгласію отнынѣ далече быти повелѣваемъ, всякому же согласію и единомыслию содержатися въ нась¹⁾). Въ пространной письменной рѣчи царь приносить публичное покаяніе во многихъ и тяжкихъ грѣхахъ своей прошлой первой юности, когда онъ, по его словамъ, согрѣшилъ предъ Богомъ и передъ человѣками всякимъ законопреступленіемъ, еже немощно писаніемъ исписати и человѣческимъ языкомъ излаголати, и когда онъ, тоожде мудрствуя съ боярами, т. е. подчиняясь вліянію своихъ любицѣвъ, допустилъ, чтобы многіе (изъ его подданихъ) злѣ потреблены были междуусобною бѣдою и чтобы бѣднымъ крестьянамъ чинено было всякое насилиство; воздавая благодареніе Богу, что Онъ обратилъ его на путь добра и пробудилъ иль немъ ненависть ко всѣмъ ирежимъ злымъ его дѣламъ, царь указывается на многія тяжкія бѣствія, которымъ подвергалась тогда Россія и говорить о необходимости общаго покаянія и исправленія для всей земли, дабы наконецъ не прекратилось Божіе долготерпѣніе, призвавшее казацми къ покаянію, и дабы не запустѣло царство русское, какъ запустѣли за свои грѣхи многія царства въ древнія и новыя времена; увѣщаю настырей къ тому, чтобы они первые подали примеръ раскаянія и исправленія и вмѣстѣ молились объ отиращеніи бѣствій, посылаемыхъ Богомъ, государь снова и усилевшимъ образомъ повторяетъ къ нимъ свои мольбы потружаться обѣ истинной и непорочнай православной христіанской вѣрѣ и утвердить и изяснить (ее), какъ предали святые отцы, по божественнымъ правиламъ, да не будетъ ни которое исполнованіе чрезъ божественные правила во всякихъ нашихъ христіанскихъ законахъ безъ обличенія, т. е. да не останется не устранимъ совершение никакое нарушение законовъ и никакое злоупотребленіе²⁾.

Прежде чѣмъ пригласить соборъ обратиться къ его занятіямъ, царь представить ему свой земскій судебнікъ и свои уставныя грамоты, изъ которыхъ первый онъ приказалъ исправить, а вторыя написать въ предшествующемъ 1550-мъ году также съ благословеніемъ собора. Заявляя представителямъ церкви, что желаетъ имѣть въхъ соѣтниками въ земскихъ дѣлахъ и нуждахъ³⁾, государь просить членовъ собора

¹⁾ Стогл. гл. 2 конецъ, Казанск. изд. стр. 25 fin..

²⁾ Стогл. гл. 3, Казанск. изд. стр. 26 fin. sqq.

³⁾ «Л что наши мужи или которые земскіе нестроенія, и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ, и вы, разсудя по правиламъ святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ, утверждайте во общемъ согласіи вкупе, а язъ вамъ, отнемъ своимъ, и съ братию и съ своими бояры челомъ бью»,—Казанск. изд. стр. 49 нач..

прочесть судебникъ и грамоты и разсудить, все ли написанное въ нихъ согласно съ правилами святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ и съ прежними русскими законами, и затѣмъ для неподвижной крѣпости утвердить ихъ своими подписями¹⁾.

Задачу собора должноствовало составлять то, чтобы онъ, совершая обновленіе русской церкви, очистилъ ее отъ всѣхъ существовавшихъ въ ней недостатковъ. Подробный и раздѣльно обстоятельный списокъ этихъ послѣднихъ былъ составленъ заранѣе и представленъ собору уже готовымъ: царь подалъ ему 69 вопросовъ, въ которыхъ содержалось указаніе недостатковъ, имѣвшихъ подлежать его сужденію, и именно—37 вопросовъ подать при самомъ открытии собора и 32 по иѣкоторомъ времени. Въ постановлѣніи приговоровъ относительно недостатковъ, указанныхъ въ вопросахъ царя, съ иѣкоторымъ прибавленіемъ недостатковъ и не указанныхъ въ вопросахъ, и состояла дѣятельность собора. Свои весьма обширныя запятія, плодомъ которыхъ была цѣлая большая книга постановлений, соборъ окончилъ чрезвычайно въ непродолжительное время: онъ торжественно открылъ былъ 23-го Февраля, а подъ 17-мъ Мая говорится о «новомъ соборномъ уложеніи», какъ уже о готовомъ и утвержденномъ кодексѣ законовъ русской церкви, по которому на будущее время долженъ быть совершаляемъ судъ²⁾). Но такъ какъ соборное уложение, прежде чѣмъ было утверждено, посыпало было въ Троицкій Сергиевъ монастырь на разсмотрѣніе митр. Иоасафу и другимъ находившимся здѣсь на покое властямъ, а также въсѣмъ здѣшнимъ соборищамъ старцамъ: то на этотъ посыпъ должны были вычтены недѣли двѣ-полторы³⁾).

¹⁾ Стогл. гл. 4, Казанск. изд. стр. 46 fin. sqq.

²⁾ См. Акт. Ист. т. I, № 125, стр. 185 col. 2 fin. (подтверждательная подпись на грамотѣ). 11-го Мая 1551-го года царь съ соборомъ епископовъ постановилъ приговоръ о томъ, чтобы впередъ архіереямъ и монастырямъ ни у кого не покупать вотчинъ безъ доклада ему—государю.—въ Акт. Ист. т. I, № 227, и въ Казанск. изд. Стоглава стр. 430. Такъ какъ этотъ приговоръ долженъ быть привинчаемъ за актъ, отѣльный отъ дѣяній Стоглаваго собора и особый (ибо его постановилъ царь съ соборомъ епископовъ, а не одинъ соборъ, и въ началѣ его стоить особыя помѣта числа п года), то нужно думать, что послѣднія окончены были до 11-го Мая.

³⁾ Уложение было посыпано къ Троицѣ между прочимъ съ Троицкимъ игуменомъ Серапиономъ (Казанск. изд. стр. 415 fin.). Но Серапионъ пересталъ быть Троицкимъ игуменомъ до 17-го Мая, ибо не позднѣе этого послѣднаго числа на него мѣсто назначенъ былъ другой—Артемій (о которомъ см. ниже).

Великая мысль совершил обновление церкви путем соборного законодательства принадлежала митр. Макарию. Между темъ въ дѣяніяхъ Стоглаваго собора мы находимъ, что какъ будто вся инициатива его устроенія принадлежала не митрополиту, а царю. Въ предисловіи къ дѣяніямъ говорится, что «державный самодержецъ, прекроткій царь Иванъ, мноземъ разумомъ и мудростю вѣнчанъ и въ совершенномъ благочестіи царство содержа, (бывъ) осияваемъ благодатию божественнаго Духа, зѣло воспалися утробою и съ теплымъ желаніемъ подвижеся не токмо о устроеніи земскомъ, но и о многоразличныхъ церковныхъ исправленіихъ, и возвѣщаетъ отцу своему преосвященному Макарію митрополиту всея Русіи и соборъ Божіихъ слугъ совокупити повелѣ вскорѣ»¹⁾). Въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ собору при его открытии, царь выражается такъ, что какъ будто онъ имению и единственно былъ виновникомъ его созыва²⁾). Наконецъ, списокъ вопросовъ, содержавшихъ въ себѣ указаніе недостатковъ церковной жизни, противъ которыхъ долженъ быть принять свои мѣры соборъ, составленъ не отъ лица митрополита, а отъ лица царя и поданъ собору послѣднимъ.

Относительно этого обстоятельства, что дѣйствующимъ лицомъ вмѣсто митрополита является царь, должно думать, что уступка первымъ мѣстамъ послѣднему была отчасти невольная, отчасти намѣренна— добровольная. Юный царь, съ которымъ удалось митрополиту совершить неожиданную нравственную метаморфозу, обладалъ молодымъ честолюбiemъ и тщеславіемъ: поставленный на новый путь сторонними усилиями, онъ хотѣлъ усвоить это самому себѣ и желалъ принимать и выдавать себя за истиннаго и дѣйствительнаго виновника всего новаго, что началось со времени случившейся съ пимъ нравственной перемѣны. Удовлетворяя такому желанію государя, митрополитъ и долженъ былъ уступить ему первенствующую виѣшнюю роль въ дѣлѣ устроенія собора и написать въ предисловіи къ Стоглавнику, будто онъ созвалъ соборъ по предложенію его—государя (и инициативу устроенія соборовъ 1547 и 1549 годовъ Иванъ Васильевичъ хочетъ усвоить также самому себѣ³⁾). Но должно принимать, что невольная уступка вполнѣ совпадала и съ добровольнымъ желаніемъ митрополита. Если самъ онъ одушевлялся великимъ помысломъ о необходимости обновленія церкви, то

¹⁾ Казанск. изд. стр. 23 бн..

²⁾ Ibid. стр. 25 бн. sqq.

³⁾ Стогл. Казанск. изд. стр. 43 sqq.

ин сколько не слѣдуетъ отсюда, чтобы одушевлялось тѣмъ же помысломъ и все высшее духовенство,—архіереи, архимандриты и игумены монастырей, или по крайней мѣрѣ большинство этого духовенства. Обновленіе церкви значило искорененіе въ ней всякихъ злоупотреблений, а всѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о тогдашнемъ нашемъ духовенствѣ, рѣшительно заставляютъ думать, что большинство его было за сохраненіе злоупотреблений, а не за ихъ искорененіе. Правда, въ предисловіи къ дѣяніямъ Стоглаваго собора говорится, что архіереи, получивъ приглашеніе на соборъ, радостю неизглаголанною обѣты быша и яко небопарные орлы, легкія крыла имѣющіе, устремились въ Москву ¹⁾: но или должно видѣть въ этихъ словахъ одно изъ реторическихъ мѣсть, обыкновенныхъ въ офиціальныхъ писаніяхъ, или понимать ихъ не о внутреннихъ чувствахъ, съ которыми явилось большинство архіереевъ, равно какъ архимандритовъ и игуменовъ, а о вышней личинѣ, которую всѣ они нашли благоразумнымъ и необходимымъ принять на себя. Такимъ образомъ, если бы Макарій, созывая соборъ для обновленія церкви, действовалъ отъ своего лица, то онъ морѣ бы возбудить противъ себя въ высшемъ духовенствѣ очень большой ропотъ. Но когда действующимъ вмѣсто него и за него выступилъ самъ царь, то этотъ ропотъ не могъ имѣть мѣста. Въ заключеніе своей устной рѣчи къ собору царь сказалъ: «всѣкому разгласю отнынѣ далече быти повелѣваемъ, всякому же согласю и единомыслию содержатися въ нась» ²⁾. Словами этими государь, очевидно, повелѣваетъ присутствующимъ оставить всякое разгласіе съ митрополитомъ, т. е. оставить всякия попытки противорѣчій и противодействія ему въ принятіи мѣръ къ искорененію злоупотреблений ³⁾.

¹⁾ Казанск. изд. стр. 24 fin..

²⁾ Казанск. изд. стр. 26.

³⁾ Въ своей письменной рѣчи къ собору, убѣждая архіереевъ потружаться объ утвержденіи и изъясненіи православной христіанской вѣры, государь напоминаетъ имъ, что каждый изъ нихъ обѣщался при своемъ поставленіи пожертвовать за вѣру даже и жизнью, и говорить, что имъ вовсе не предстоитъ подобной опасности, а только—попошеніе отъ безумныхъ человѣкъ (Казанск. изд. стр. 40 fin.). Надѣть безумными человѣками должно разумѣть тѣхъ, противъ кого имѣли быть направлены мѣры собора: но мѣры эти въ весьма значительной своей части имѣли быть направлены противъ архіереевъ и архимандритовъ—игуменовъ монастырей. Называя безумными тѣхъ, кто сталь бы возставать противъ усилій собора объ искорененіи злоупотреблений, государь даетъ знать архіереямъ и архимандритамъ—игуменамъ, какъ они посмотрѣть на изъ противодействіе этимъ усиліямъ.

Вопросы, содержащие указание недостатковъ въ церковной жизни, относительно которыхъ должны быть сдѣлать свои постановленія соборъ, написаны отъ лица царя и были переданы собору послѣднимъ; но въ составитель ихъ ясно даетъ видѣть себя митрополитъ. Во-первыхъ, они представляютъ такое знаніе недостатковъ церковной жизни, какое усвоить царю въ 1551-мъ году совершило невѣроятно; во-вторыхъ, въ нихъ указываются недостатки жизни и особенности обычаевъ новгородско-псковской церкви¹⁾, знаніемъ которыхъ въ 1551-мъ году царь несомнѣннымъ образомъ вовсе не могъ обладать и которые выдаются Макаріемъ, какъ бывшаго новгородскаго архіепископа²⁾.

Но, отдавая справедливость и царю, должно сказать, что онъ отнесся къ мысли Макарія о необходимости обновленія церкви съ величайшимъ сочувствіемъ и что онъ явился въ семь случаѣ ревностѣйшимъ помощникомъ митрополита. Его представленія о себѣ какъ о царѣ вмѣняли ему заботы о церкви еще въ большую обязанность, чѣмъ заботы о государствѣ, ибо первую обязанность его какъ царя составляли попеченія о церкви,—и онъ искренне проникнуть быть сознаніемъ этой обязанности. Когда онъ говорить присутствующимъ на соборѣ, что зѣло желаетъ и срадуется и согласуетъ сослужебенъ быти съ ними вѣрѣ поборникъ, то онъ высказывалъ имѣніо тѣ чувства, которыми быть дѣйствительно одушевленъ. Весьма замѣчательно и приносить величайшую честь царю и слѣдующее. Дѣянія собора должны были совершаться при его непосредственномъ участіи, чтѣ онъ считалъ необходимымъ въ видахъ охраненія митрополита отъ какой либо оппозиціи; но чтобы это участіе не обратилось во вредъ правильности и вообще качеству постановленій собора, онъ заявляетъ присутствующимъ на немъ: «аще ли азъ буду вамъ супротивенъ кромѣ божественныхъ правилъ, вы о семъ не умолкните, аще преслушникъ буду, восприте ми безъ всякаго страха, да жива будеть душа моя и вси подлежащи вамъ, яко да непороченъ будетъ истинный православный християнскій законъ»³⁾.

(Вопросы собору, бывъ написаны митрополитомъ, были представлены имъ царю. Государь съ своими совѣтниками, между которыми

¹⁾ См. Казанск. изд. стрр. 73 fin., 75, 175, 176, 177 fin., 180 fin., 202.

²⁾ Въ одномъ изъ вопросовъ вѣроятно—по недосмотру, прямо оставляется говорящимъ писавшій ихъ митрополитъ: «а намъ паstryремъ о томъ небреженіи о всемъ отвѣтъ дати»,—Казанск. изд. стр. 53. вопр. 6.

³⁾ Стоглавн. Казанск. изд. стр. 42 нач..

специально компетентнымъ по церковнымъ дѣламъ быть священникъ Сильвестръ, могъ болѣе или менѣе наложить на нихъ свою руку,— измѣнить и дополнить ихъ. Но что именно должно быть усвоено въ вопросахъ государю, указать этого мы не имѣемъ никакой возможности¹⁾. Усвоять исключительно ему указаніе всѣхъ злоупотребленій въ высшемъ духовенствѣ мы считаемъ совершенно несправедливымъ, ибо мы имѣемъ всѣ основанія думать, что и самъ митрополитъ былъ искренно одушевленъ желаніемъ всѣхъ уничтожить. Равнымъ образомъ и рѣзкій тонъ рѣчи въ иѣкоторыхъ случаяхъ не указываетъ непремѣнно, по нашему мнѣнію, чтобы редакція рѣчи принадлежала царю: желавшій искоренить злоупотребленія митрополитъ, конечно, не имѣлъ къnimъ чувства любви, а слѣдовательно и онъ могъ выражаться рѣзкимъ образомъ. Лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣзкость принимаетъ тонъ, такъ сказать, публицистический, нужно видѣть руку государя, ибо при отсутствіи наклонности къ этому тону у Макарія, она очень сильна была у Ивана Васильевича).

Выше мы сказали, что соборъ окончилъ свои весьма обширныя занятія чрезвычайно въ непродолжительное время. Въ объясненіе этой чрезвычайной скорости необходимо предполагать, что у Макарія не только былъ составленъ списокъ вопросовъ съ указаніемъ неисправностей и недостатковъ въ области церковной жизни, подлежащихъ исправленію и устраниенію, но уже готовы были и отвѣты на вопросы, такъ что соборъ не столько дѣлалъ свои постановленія, сколько разсмотривалъ и одобрялъ постановленія уже сдѣланныя. Во всякомъ случаѣ, какъ именно происходило на соборѣ дѣло относительно написанія постановленій, мы не имѣемъ совершенно никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Постановленія собора, какъ мы сказали, составляютъ цѣлую большую книгу (большую въ рукописяхъ; въ печати по Казанскому изданію—429 осмушечныхъ страницъ). Книга эта, не имѣющая никакого собственнаго названія или титула²⁾, въ офиціальныхъ актахъ митр.

¹⁾ Что священникъ Сильвестръ принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ написаніи (утвержденія) постановленій Стоглаваго собора, это необходимо было бы и само собою предполагать: во всякомъ случаѣ мы имѣемъ относительно этого положительное свидѣтельство: Сильвестръ былъ однимъ изъ троицъ, которые возили постановленія собора въ Троицкій монастырь, къ митр. Іоасафу,—Стоглави. Казанск. изд. стр. 415 fin..

²⁾ Предшествующее книгѣ ея оглавленіе надписывается: «Сказаніе главамъ въ настоящей сей книгѣ»; затѣмъ безъ всякаго оглавленія она начинается истори-

Макарія и царя Ивана Васильевича, равно какъ имъ современныхъ и и послѣдующихъ, называется «соборнымъ уложеніемъ»¹), а отъ переписчиковъ названа была Стоглавникомъ, такъ какъ раздѣляется на сто главъ²); подъ вторымъ названіемъ, съ грамматическимъ измѣненіемъ слова въ: Стоглавъ, она и извѣстна въ ученої литературѣ. Общее содержаніе книги есть слѣдующее: краткое историческое извѣщеніе о времени открытия собора, о лицахъ, присутствовавшихъ на немъ и о предметахъ его занятій; предисловіе къ дѣяніямъ собора, въ которомъ говорится, какъ царь, освящаемый благодатию божественнаго Духа, выразилъ митрополиту свое желаніе созвать соборъ для многоразличныхъ церковныхъ исправлений; дѣлъ рѣчи царя къ собору при его открытии—краткая устная и пространная письменная; третья рѣчь царя къ собору, поданная на письмо (и отчасти устно произнесенная?) вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ представилъ на разсмотрѣніе послѣдняго земскаго судебнаго подаль ему первые 37 вопросовъ о церковныхъ неисправностяхъ и недостаткахъ, имѣвшихъ подлежать его обсужденію; эти первые 37 вопросовъ; постановленія собора въ отвѣты на половину изъ этихъ вопросовъ; вторые 32 вопроса царя вмѣстѣ съ отвѣтами на нихъ, именно — такъ, что непосредственно послѣ каждого вопроса дается и отвѣтъ на него; постановленія собора въ отвѣты на другую половину первыхъ вопросовъ царя вмѣстѣ съ иѣкоторымъ количествомъ постановлений о такихъ предметахъ, которые не указаны въ вопросахъ; наконецъ, замѣчанія на постановленія собора, сдѣланныя митр. Иоасафомъ.

Постановленія собора представляютъ собою отвѣты на 69 вопросовъ, поданныхъ ему царемъ,—37 вопросовъ при самомъ его открытии и 32 по иѣкоторому времени. Главное содержаніе Стоглавника составляютъ отвѣты на первые 37 вопросовъ, въ которыхъ заключается важнѣйшее, относительно чего долженъ быть сдѣлать свои постановленія соборъ; а отвѣты на вторые 32 вопроса, менѣе важные по содержанію и краткіе по объему, всѣ вмѣстѣ составляютъ въ немъ только одну главу (41-ю).

Ческимъ извѣщеніемъ о времени собора и лицахъ, присутствовавшихъ на немъ: «Въ ято 7059-е мясяца Февраля въ 23-й день быша сіи вопросы и отвѣты мнози о различныхъ церковныхъ чинѣхъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ» и пр.

¹) См. акты сейчасъ ниже. Называется она соборнымъ уложеніемъ и въ самомъ ея текстѣ,—Казанск. изд. стрр. 238 и 415.

²) См. Казанск. изд. Стоглава. стр. 1 прил. 2.

Указанное нами расположение въ Стоглавникѣ отвѣтовъ на первые вопросы—не такое, какого бы слѣдовало ожидать, т. е. что отвѣты на вопросы не поставлены подъ одинъ рядъ, а распадаются на двѣ половины, отдѣленныя одна отъ другой вторыми вопросо-отвѣтами, по всей вѣроятности, нужно объяснять такъ, что именно въ указанномъ порядке были постановлены соборныя опредѣлѣнія. Почему соборъ, давъ отвѣты на одну половину первыхъ вопросовъ, хотѣлъ медлить съ отвѣтами на вторую половину, на вопросъ объ этомъ можетъ быть отвѣчено не положительно, а только предположительно. Во второй половинѣ отвѣтовъ содержатся весьма важныя опредѣлѣнія о святительскомъ или архіерейскомъ судѣ и о монастыряхъ съ монахами: можно думать, что соборъ желалъ обсудить эти опредѣлѣнія возможно тщательнѣе, а поэтому и хотѣлъ имѣть для нихъ возможно продолжительное время. Частный порядокъ отвѣтовъ не соотвѣтствуетъ порядку вопросовъ, т. е. вопросы читаются въ одномъ порядке, а отвѣты—въ другомъ и своемъ порядке.

Относительно изложения постановленій собора въ книгѣ его дѣяній или въ Стоглавникѣ должно быть сказано слѣдующее: во-первыхъ, постановленія излагаются безъ соблюденія строгаго систематического порядка; во-вторыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда по сложности предметовъ требовалась многія постановленія, эти послѣднія соединяются въ одно мѣсто, чтобы представлять изъ себя группу (богослуженіе, святительскій судъ, монашество), однако соединяются не весь сполна, такъ что послѣ читаются дополнительныя къ нимъ постановленія; втретьихъ, постановленія о нѣкоторыхъ предметахъ читаются по нѣсколько разъ (падзоръ надъ духовенствомъ, вѣнчанія пошлины, иконоисписаніе). Вообще, должно думать, что, не заботясь о строгой систематизаціи, что не принадлежало къ числу нарочитыхъ заботъ нашихъ законодателей древняго и стараго времени и было для нихъ дѣломъ неподсильнымъ, соборъ изложилъ письменно свои постановленія въ томъ порядке, въ какомъ онѣ на самомъ дѣлѣ были имъ произносимы или утверждаемы. Чѣмъ касается до повтореній, то онѣ, не составляя достоинства изложения, указываютъ, что къ нѣкоторымъ матеріямъ соборъ возвращался по нѣсколько разъ.

Раздѣленіе книги дѣяній собора на главы, которыхъ, какъ мы говорили,—100, отъ чего название Стоглавникъ или Стоглавъ, требуетъ нѣкоторыхъ замѣчаній. Въ этомъ раздѣленіи находимъ: во-первыхъ, что поставлено подъ главами не относящееся къ существенному содержанію книги, именно—историческое извѣщеніе о соборѣ, предисловіе къ книгѣ и рѣчи царя (первая четыре главы); во-вторыхъ, что въ

нѣкоторыхъ случаяхъ раздѣляется на нѣсколько главъ одно постановление собора, именно—что свидѣтельства, приводимыя постѣднимъ въ подтвержденіе себя изъ правилъ каноническихъ, изъ законовъ греческихъ императоровъ и нашихъ великихъ князей отдѣляются въ особы главы отъ самыхъ постановлений; вътрьихъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ соединяются въ одну главу по два совершенно разныхъ определенія. Относительно первого случая, т. е. что поставлено подъ главами указанное выше не составляющее самыхъ соборныхъ постановлений, со всею вѣроятностію нужно думать, что намѣреніемъ редактора книги было въ семъ случаѣ его желаніе предохранить книгу отъ произвола послѣдующихъ переписчиковъ: поставивъ указанное подъ главами, они какъ бы крѣпко запуменоровывали его и такимъ образомъ отнимали у переписчиковъ возможность опускать все это, какъ несущественное, чѣмъ въ противномъ случаѣ они легко могли дѣлать. Ставя подъ особыми отъ самыхъ постановлений главами свидѣтельства, приводимыя въ ихъ подтвержденіе, редакторъ книги, какъ съ вѣроятностію нужно думать, водился двумя побужденіями,—во-первыхъ, сейчасъ указаннымъ выше, чтобы отнять у переписчиковъ возможность опускать свидѣтельства, и во-вторыхъ—чтобы съ особою силою выставить послѣднія на видъ. Неоднократно и съ особенными настояніемъ соборъ говоритъ, что они поступать при своихъ решеніяхъ не самочинно и не самовольно, а сообразуясь съ преданіемъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ и съ священными правилами: следовательно, свидѣтельствамъ, которая опять приводить, какъ pièces justicatives, они должны быть придавать особо важное значеніе и желать того, чтобы, съ одной стороны, они не могли быть опускаемы переписчиками, а съ другой стороны—чтобы читатели обращали на нихъ все свое вниманіе: чрезъ постановленіе свидѣтельствъ подъ особыми главами и достигались обѣ эти цѣли. Соединеніе въ одну главу двухъ разныхъ постановлений, конечно, не можетъ быть признано достоинствомъ редакціи, но редакторъ поступать такимъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда постановленія слишкомъ братки, чтобы составить отдельныя главы.

Такъ какъ отвѣты на вторые 32 вопросы составляютъ въ Стоглавникѣ всѣ вмѣстѣ одну главу (41-ю), то понятно, что все сейчасъ сказанное о раздѣленіи на главы относится къ отвѣтамъ на первые 37 вопросовъ.

Въ видахъ полемики съ раскольниками, которые относительно нѣкоторыхъ спорныхъ съ нами пунктовъ имѣютъ Стоглавъ на своей сторонѣ, митр. Илларионъ въ своей Исторіи русской церкви высказать предположеніе, что соборъ 1551-го года только написалъ было въ от-

вѣть на вопросы царя свои постановленія, но что заготовленныя постановленія по какимъ либо сомнительнымъ обстоятельствамъ не были утверждены или самимъ соборомъ или царемъ, и что такимъ образомъ постановленія эти, оставшися безъ утвержденія, не получали силы настоящихъ законовъ и не были обнародованы, какъ таковые¹). Минѣніе митр. Платона, съ цѣллю приведенія его въ ближайшее соответствіе интересамъ полемики видоизмѣненное такъ, что Стоглавъ представляетъ собою черновыя записки собора 1551-го года, передѣланныя постѣ него какимъ-то частнымъ лицомъ, пѣкоторыми изъ нашихъ ученихъ настоятельно было защищаемо до не особенно давней поры²). Но въ настоящее время уже не можетъ подлежать никакому спору и сомнѣнію, что соборъ не только написалъ свои постановленія, но и утвердилъ и обнародовалъ ихъ собравшіе какъ законодательный кодексъ и что мы имѣемъ собраніе постановленій, какъ таковой кодексъ, въ книгѣ называемой Стоглавникомъ или Стоглавомъ. Во-первыхъ, намъ извѣстенъ длинный рядъ современныхъ офиціальныхъ свидѣтельствъ, что соборъ 1551-го года выдалъ свое «соборное уложеніе», по которому имѣли на будущее время производиться церковное управление и совершаться церковный судъ³). Во-вторыхъ, мы обладаемъ совершенною

¹) Исторія т. II, стр. 36 fin. sqq.

²) Минѣніе митр. Платона видоизмѣнѣло преосв. Филаретъ (въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о книгѣ Стоглавъ», помѣщенной въ Москвитянинѣ 1845-го года, ч. VI, № 12, отд. 1, см. также его Исторію періодъ 3-й, § 36, прим. 2, взд. 3-го стр. 138); поддерживали его въ измѣненномъ видѣ преосв. Макарій (въ Исторіи раскола, стр. 45 sqq) и казанскій издатель Стоглава г. Добротворскій (въ предсловіи къ послѣднему). Преосв. Макарій имѣлъ мужество отказатьсь отъ своего мнѣнія, когда убѣдился въ его несправедливости (Исторія русской церкви т. VI, стр. 220 нач.), а г. Добротворскій, къ сожалѣнію, не имѣлъ этого мужества (хотя и заслуживаетъ полной благодарности за свои беспристрастныя старанія привести въ извѣстность всѣ оффіціальныя свидѣтельства о Стоглавѣ, говорящія именно противъ него, см. его статьи: «Дополнительная объясненія къ изданию Стоглава» въ Изв. Собесѣди. 1862-го года ч. 3, стр. 297, и «Каноническая книга «Стоглавъ» или неканоническая», ibid. 1863-го года ч. 1, стрр. 317 и 421, и ч. 2 стр. 76).

³) Въ подтверждительной присяге царя на грамотѣ Иоакимовскому Чухломскому монастырю отъ 17-го Мая 1551-го года читается: «а кому будетъ чего искати на игумѣнѣ съ братію, ино ихъ судить отецъ нашъ Макарій, митрополитъ всеса Русія, по новому соборному уложенію», — Акт. Ист. т. I. № 125, стр. 185 col. 2 fin.. Въ грамотѣ митр. Макарія новгородскимъ священникамъ отъ 21-го Мая 1551-го года читается: «а судити (архиепископскимъ боярамъ) по соборному уложенію... и о всемъ по тому чинити, какъ въ соборномъ уложеніи писано», — напеч. въ Казанск. взд. Стог-

ясными официальными свидѣтельствами, что это соборное уложеніе представляетъ собою именно тотъ кодекс или та книга, которая носить название Стоглавника или Стоглава¹).

глава. стр. 420 прим. Въ жалованной несудимой грамотѣ царя новгородскому Юрию монастырю отъ 29-го Мая 1531-го года читается: «а о архіепископѣ судѣ учнити бѣ мнѣ (царю) имъ (архимандриту съ братію) указъ по новому соборному уложенію»,—Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 46, стр. 63 fin.. Въ другой грамотѣ митр. Макарія новгородскому священникамъ отъ 26-го Іюня 1551-го читается: «а судити архіепископлими бояромъ и дьякомъ судь впередъ по соборному уложенію..., и о всемъ по тому учнити, какъ въ соборномъ уложеніи писано»,—Акт. Эксп. т. I, № 229, стр. 221 col. 1. Въ соборномъ приговорѣ обѣ учрежденія въ Москвѣ по-новскихъ старостъ, постановленіемъ въ конѣ 1551-го года, читается: «и придать (митрополитъ) имъ (старостамъ) законъ божественныхъ писаний соборного уложения»,—Акт. Эксп. т. I, № 232, стр. 227 fin.. Въ царскомъ наказѣ обѣ обязанностя по-новскихъ старостъ, постановленіемъ въ Заволочье въ Декабрѣ 1551-го года, читается: «о всѣхъ церковныхъ чинахъ и о вашемъ священническомъ пребываніи буди вамъ наказъ и соборное уложение отца нашего Макарія, митрополита всея Руси»,—ibid. № 231, стр. 226 sub fin.. Въ грамотѣ царя строителю Тотемскаго монастыря Феодосію отъ 20-го Февраля 1554-го года читается: «а кому будетъ чего искать на строителѣ Феодосіѣ съ братію, ино иль судить во всемъ отецъ нашъ Макарій, митрополитъ всея Руси, по новому соборному уложенію»,—Ист. Іер. VI, 416 fin.. Въ грамотѣ новгородского архіепископа Никона во Нековѣ отъ 20-го Августа 1556-го года предписывается исковскому духовенству поступать относительно избранія поповскихъ старостъ «но царскому совѣту и по соборному уложенію» и дается знать, что по этимъ царскому совѣту и по соборному уложенію духовенство и поступало, см. у А. Н. Попова въ Описаніи рукописей Хлудова, № 82, стр. 215. Таковыя же свидѣтельства представляютъ собою наказные списки, о которыхъ въ слѣдующемъ примѣчаніи. Еще см. Акт. Ист. т. I, № 154, II, стр. 252 col. 1 нач., Акт. Эксп. т. I, № 244, стр. 267 и Дополн. къ Акт. Ист. т. I, №№ 48 и 114, стрр. 68, col. 2 sub fin., и 161, col. 1 нач.—Но описаніе казны царской Мастерской палаты 1720-го года, въ палатѣ этой между прочими находилась «Книга о вопросахъ и отвѣтахъ о различныхъ церковныхъ чинахъ великаго князя Иоанна Васильевича Макарію митрополиту, въ красномъ бархатѣ съ бляхами и серебряными застежками. писана(я) полууставомъ зъ подостъ», см. Описаніе запечатанныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ Иркузово, составленное А. Е. Викторовымъ, выпускъ первый, М. 1877, стр. 229, л. 197. Можно думать, что «Книга» представляла собою подлинный Стоглавъ, и можно питать некоторую надежду, что она гдѣ нибудь еще и скрывается цѣлая и какъ нибудь еще и найдется.

¹) Такъ какъ соборное уложение 1551-го года, по причинѣ его обширнаго объема, не могло быть разсыпано всюду въ подлинномъ видѣ, потому что совер-

Мы не будемъ здѣсь излагать подробнымъ образомъ постановлій Стоглаваго собора. Постановленія эти такъ широко обнимаютъ церковную жизнь, что, излагая ихъ, нужно было бы предпринять нарочитое изображеніе сей послѣдней. Но нарочито изображать жизнь эпизодическимъ образомъ здѣсь было бы совершенно неудобно и неумѣстно; этому нарочитому изображенію жизни во всѣхъ ея видахъ будетъ посвящена вторая половина тома. Здѣсь мы ограничимся краткимъ и общимъ указаниемъ того, что сдѣлано было Стоглавымъ, соборомъ, чтобы можно было составить себѣ иѣкоторое общее представление объ его дѣятельности.

Митр. Макарій, какъ мы говорили выше, предположилъ задачу собора то, чтобы совершилъ чрезъ него полное обновленіе русской церкви, такъ чтобы церковь, бывъ очищена отъ всѣхъ недостатковъ

шенно невозможно было бы изготовить потребнаго количества его списковъ: то разсылаемы были сокращенныя выписи изъ него, въ современныхъ офиціальныхъ актахъ называемыя наказами, а отъ иѣкоторыхъ ученыхъ получившія название наказныхъ списковъ. Въ настоящее время позѣстныя таковыя наказы или наказные списки: адресованный къ приходскому духовенству и посланный митрополитомъ въ 1551-мъ г. во Владимиръ и въ 1558-мъ г. въ Каргополь (напечатанъ *Илью Б. Быляевымъ* въ особомъ приложениѣ къ 9 № газеты «День» за 1863-й годъ, подъ заглавиемъ: «Наказные списки соборного уложения 1551-го года или Стоглава» и г. *Добротворскимъ* въ Иправосл. Собесѣди. 1863-го г., ч. I, стрр. 87 и 202); адресованный въ монастыри и посланный митрополитомъ въ Іюлѣ 1551-го г. въ московскій Симоновъ монастырь (грамота, при которой былъ посланъ наказъ съ указаниемъ его содержанія, напечатана въ Казанск. изд. Стоглава, стр. 258 прим.) и неизвѣстно когда именно въ Іоанновъ Волоколамскій монастырь (см. въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности *Тихонравова*, т. V, отд. III, стр. 128, прим.). Изъ сличій этихъ наказовъ или наказныхъ списковъ съ Стоглавомъ ясно и видно, что соборное уложение 1551-го года по вопросамъ благочестиваго царя о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ есть именно то самое уложение, которое мы имѣемъ въ Стоглавѣ (въ грамотѣ, при которой наказъ былъ посланъ митрополитомъ въ Симоновъ монастырь, читается: «ко всѣмъ священнымъ соборомъ русскія митрополія отнынѣ и впередъ съ Божію помощью собориѣ уложихомъ по вопросомъ благочестиваго царя о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ и о исправленіи, о монастырскихъ чинѣхъ, и общепредательномъ житіи, и о піянственномъ пятіи, и о святительскомъ судѣ и о пророчихъ священныхъ по преданию святыхъ апостоль и святыхъ отецъ и по священнымъ правиламъ и по божественному уставу, ничто же претворяюще...») — Въ защиту подлинности Стоглава, какъ уложения собора 1551-го утвержденного и обнародованного имъ, писали: *Иванъ Д. Быляевъ* въ предисловіи къ изданію наказного списка. *Иванъ Д. Быляевъ*, въ статьѣ: «Стоглавъ и наказные списки со-

во всѣхъ сferахъ и частныхъ видахъ своей жизни, стала иость того какъ бы новою и возрожденною церковью и начала новый лучшій періодъ своего существованія. Попытку осуществленія этой обширной задачи и представляютъ собою постановленія Стоглаваго собора. Постановленія эти имѣютъ своими предметами: церковное богослуженіе, епархиальныя архіерейскія управлѣнія и судъ, жизнь духовенства вышшаго и приходскаго нынѣшаго, монашество и монастыри, христіанскую жизнь мірянъ.

Въ отношеніи къ богослуженію соборъ стремится достичнуть въ своихъ предписаниихъ: чтобы вѣсѣ службы церковныя, общія и частныя, были совершаемы сполна и неопустительно по уставу; чтобы онѣ совершаемы были правильно; чтобы общественное богослуженіе проходило чинно въ смыслѣ чинности его совершеннія поющими и въ

борнаго уложенія 1551-го г.», напечатанной въ Православномъ Обозрѣи за 1863 г., т. XI, стр. 189, Бѣзсоновъ въ статьяхъ: «Новости въ русской литературѣ—изданіе Стоглава» и «Еще о Стоглавѣ», напечатанныхъ въ газетѣ «День» за 1863-й годъ №№ 10, 11 и 33, въ Кашире въ статьѣ: «Какъ иногда дѣйствуютъ у насъ рецензенты», напечатанной тамъ же, № 30.—Стоглавъ взвѣстенъ въ настоящее время въ трехъ редакціяхъ: раздѣленной на главы редакціи обширной (изданной Казанской Духовской Академіей въ 1862-мъ году и вторично г. Субботинымъ въ 1890-мъ году); раздѣленной на главы редакціи сокращенной (напечатанной Кожанчиковымъ въ Сиб., въ 1863 г.) и редакціи отчастіи сокращенной, отчастіи обширнѣйшей, не раздѣленной на главы, представляющей собою въ томъ видѣ, какъ извѣстна въ печати, лишь некоторую часть соборнаго уложения противъ редакціи Стоглава обширной (напечатанной Калачевымъ въ издававшемся имъ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, кн. 5. Сиб., 1863). Подлинное соборное уложение, утвержденное и выданное соборомъ, представляетъ собою раздѣленная на главы редакція обширная (которой извѣстны списки, относящіяся къ такому времени и принадлежавшіе такимъ мѣстамъ и лицамъ, когда и которыми неподлинное не могло быть принято за подлинное: таковы списки: Троицкій лаврекій № 215—современный и фундамент. библіотеки Московск. Дух. Академіи № 194, принадлежавший знаменитому старцу Троицкаго монастыря второй половины XVI вѣка Варсонофию Икимову). Сокращенная редакція, раздѣленная на главы, явилась когда то послѣ начала XVII вѣка, ибо въ ней дѣлается ссылка на печатные московскіе служебники,—стр. 66. Что касается до редакціи сокращено-обширнѣйшей, не раздѣленной на главы, то Калачевъ и г. Добротворскій считаютъ вѣроятнѣмъ, а професс. Макарій—весѣмъ вѣроятнѣмъ, видѣть въ ней первоначальную, черновую, редакцію дѣланий Стоглаваго собора (Калачевъ въ предисловіи къ изданию рукописи; Добротворскій «въ биографической замѣткѣ о церкви въданіи постановленій Стоглаваго обра 1551-го г.-го», напечатанной въ III части Правосл. Обозр. за 1863-й годъ;

смыслъ чинности присутствованія на немъ молящихся; чтобы текстъ богослужебныхъ книгъ былъ освобожденъ отъ находившихся въ немъ нogrбнностей; чтобы эти богослужебныя книги были по возможности исправны со стороны ихъ приготовленія переписчиками; чтобы въ церковныхъ обрядахъ водворены были однообразіе и правильность; чтобы иконы были писаны иконописцами удовлетворительными и надлежащими образомъ; наконецъ, чтобы устройство церквей (собственно—олтарей) было, въ соотвѣтствіе потребностямъ богослуженія, надлежащимъ.

Относительно епархиальнаго управлениія мѣроprіятія Стоглаваго Собора состоять: въ установлениі гораздо болѣе дѣятельнаго, чѣмъ прежде, надзора надъ инициативой приходскимъ духовенствомъ чрезъ учрежденіе новыхъ органовъ надзора; въ ограничениіи произвола архіереевъ

проеф. Макарій въ Ист., V. 227, прим.). Мы съ своей стороны болѣе, и не только болѣе, а самыи рѣшительнымъ образомъ склонляемся къ тому, чтобы видѣть въ редакціи принадлежащую позднѣйшему досужему юристу недоконченную переработку обширной, раздѣллпой на главы и представляющей собою подлинное уложеніе Стоглаваго собора, редакції. Что соборъ написалъ, утвердилъ и издалъ свои дѣянія въ качествѣ законодательнаго кодекса, это не подлежитъ никакомуомнѣнію. Но при существованіи такого бѣловаго списка Стоглава съ какой стати и для какой цѣли стали бы списывать черновыя записи собора? Да и гдѣ взяли бы ихъ для списыванія, такъ какъ онѣ, конечно, составляли канцелярскую тайну? Вообще, при несомнѣнномъ существованіи бѣловаго Стоглава на имѣющіяся теперь иѣсколькія его редакціи необходимо смотрѣть такъ, что одна редакція представляетъ собою подлинный Стоглав (и такова есть редакція, напечатанная Казанской Духовной Академіей и т. д. Субботинъ), а остальныя редакціи суть позднѣйшія частные передѣлки подлинной (во всякомъ случаѣ не можетъ быть принято мнѣніе проеф. Макарія, что редакція, о которой говоримъ, представляла соборную книгу въ томъ видѣ въ какомъ она была послана на разсмотрѣніе митрополита Іоасафа, ибо въ извѣстіи о посыпаніи къ Іоасафу дѣяній собора ясно дается звать, что къ нему была посыпана книга этаъ дѣяній уже въ окончательномъ ея видѣ, — Казачск. изд. Стогл. стр. 414—415. «По совѣту благочестиваго царя, — говорить извѣщеніе, и митрополита и архіепископовъ и епископовъ царское предисловіе соборному совѣту и о всякихъ потребахъ вопросы и противу царскаго предложенія отвѣты святительскія писанію предадоы по правилу святыхъ апостоль и святыхъ отецъ и по прежнѣхъ царскихъ великихъ князей православныхъ законовъ и сія всея писанія царскихъ вопросовъ и святительскіи отвѣты посыпани къ Живопачальной Троице въ Сергиевъ монастырь къ бывшему Іоасафу митрополиту»... Извѣщеніе между прочимъ представляетъ собою и ясное свидѣтельство, что соборомъ написаны были бѣловыя его дѣянія).

и ихъ чиновниковъ во взиманіи съ духовенства и мірянъ разныхъ пошлинъ; въ ограждениі низшаго духовенства отъ поборовъ уѣздныхъ епархіальныхъ чиновниковъ (десятиниковъ); въ распоряженіяхъ о приходскихъ церквахъ, клонившихся къ тому, чтобы церкви эти не стояли безъ иѣлія.

Относительно епархіального суда постановленія Стоглаваго собора состоять: въ устраний такъ называемыхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ отъ вторженія въ область архіерейскаго суда, составлявшую духовный судъ въ собственною смыслѣ этого слова; въ постановленіи суда этихъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ, насколько онъ былъ имъ предоставленъ, подъ такой контроль гласности и общественнаго надзора, чтобы онъ сталъ по возможности судомъ справедливымъ.

Въ отношеніи къ жизни вышаго и низшаго духовенства Стоглавый соборъ указываетъ недостатки этой жизни того и другаго класса духовенства, обращаясь въ первомъ случаѣ къ совѣсти самихъ епископовъ, а во второмъ случаѣ поручая искорененіе недостатковъ заботливости вновь учрежденныхъ имъ надзирателей. Для приготовленія и избрания по возможности достойныхъ кандидатовъ во священники, которымъ преподаются подробныя наставленія относительно ихъ обязанностей, соборъ озабочился заведеніемъ лучшихъ училищъ грамотности, нежели какія существовали прежде, и предписалъ епископамъ большую противъ прежніяго строгость избрания.

Въ отношеніи къ монастырямъ и монахамъ заботы Стоглаваго собора состояли: въ искорененіи злоупотреблений по завѣдыванію имуществами и доходами монастырей со стороны ихъ настоятелей и въ установлении надъ этимъ завѣдываніемъ строгаго контроля; въ изгнаніи изъ монастырей пьянства и разврата; въ запрещеніи настоятелямъ особыхъ трапезъ въ своихъ кельяхъ и такъ называемыхъ обѣздовъ по вотчинамъ; въ запрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ однихъ монастыряхъ и въ монастыряхъ особождитыхъ жить мірянамъ; въ запрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ міру: первымъ—священниками, вторымъ—просфоронеками у приходскихъ церквей; въ запрещеніи монахамъ и монахинямъ волочиться по міру; въ принятіи мѣръ противъ строителей новыхъ монастырей, дѣлавшихъ сіе не для Бога, а для обмана людей и для своего чрева.

Относительно христіанской жизни мірянъ Стоглавый соборъ, посль общихъ въ семъ смыслѣ увѣщаній, дѣластъ предписанія: противъ правственныхъ выдававшихся пороковъ времени (судебное цѣлованіе креста

на лживѣ и содомскій блудъ), противъ безнравственныхъ обычаевъ (стриженіе бородъ, имѣвшее безнравственную цѣль, и мытье въ баняхъ мужчинъ съ женщинами), противъ житейскихъ обычаевъ, противныхъ христіанскому закону (яденіе удавленіи), противъ игры въ зернь, соотвѣтствовавшей пынѣшней игрѣ въ карты, противъ татаро-маний въ одѣжѣ (ношеніе на головахъ тафей), противъ народныхъ увеселеній, представлявшихъ собою остатокъ еллинства или язычества, противъ волшебства или колдовства и противъ суевѣрій, противъ тогдашихъ увеселителей народа—скомороховъ, противъ скитавшихся по миру пройдохъ, притворицковъ и обманщицковъ.

Не знаемъ, видно или не видно изъ сей часъ представленнаго общаго обозрѣнія мѣроопріятій Стоглаваго собора, что митр. Макарій одушевленъ бытъ искреннимъ желаніемъ совершить при его посредствѣ возможно полное и возможно дѣйствительное обновленіе русской церкви. Но въ этой благородѣйшой искренности желанія весомѣтно убѣждаетъ насъ чтеніе книги дѣяній Стоглаваго собора въ ея подлинномъ видѣ. Одновременно съ тѣмъ, какъ въ Москвѣ созванъ бытъ нашъ соборъ, на Западѣ, въ римско-католической церкви, проходилъ Тридентскій соборъ, имѣвши ту же самую цѣль, чѣмъ и нашъ. Съ полнымъ и правомъ мы можемъ сказать, что въ отношеніи побужденій нашъ соборъ несравненно выше римско-католического: тогда какъ этотъ послѣдній былъ дѣломъ вынужденнаго, со стороны папы, нашъ былъ напротивъ со стороны представителя нашей церкви дѣломъ добровольнѣйшаго.

Не все мѣры, которыя были приняты Стоглавымъ соборомъ или митрополитомъ черезъ соборъ къ устраниенію недостатковъ въ церковной жизни, могутъ быть признаны совершенно достаточными. Чтобы устранить изъ богослужебныхъ книгъ описки переписчиковъ, соборъ возложилъ обязанность на протопоповъ и на старѣйшинъ священниковъ дозирать все книги, находившіяся какъ въ церквяхъ, такъ и въ продажѣ, чѣмъ, очевидно, было дѣломъ вовсе неисполнимымъ. Но помимо введенія книгоиздатанія, о которомъ митрополитъ съ царемъ и начали потомъ заботиться, невозможно было придумать никакихъ настояще дѣйствительныхъ мѣръ. Создавая неудовлетворительность училищъ, въ которыхъ обучались грамотѣ кандидаты во священники, соборъ предписалъ завести лучшій училище. Однако, эти лучшій училища имѣли быть тѣми же частными училищами, чѣмъ и прежде, и въ дѣйствительности не могли стать лучшими. Но нельзѧ винить митр. Макарія за то, что онъ въ семь случаѣ не въ состояніи былъ возвыситься

надъ своимъ временемъ и не могъ додуматься до училищъ казенныx¹⁾.

Но если пѣкоторыя изъ мѣръ, принятыхъ митрополитомъ Макаріемъ, не могутъ быть признаны слишкомъ дѣйствительными, чтѣ не должно быть ставимо ему въ вину, то о другихъ мѣрахъ должно сказать, что онѣ приносятъ ему истинную и истиновеличайшую честь. Таковы мѣры, принятыя имъ къ устраненію недостатковъ и злоупотреблений въ церковномъ управлениѣ и судѣ. Та откровенность, съ которою опѣь признаетъ и высказываетъ эти недостатки и злоупотребленія, и тѣ ревность и рѣшительность, съ которыми опѣь стремится къ ихъ искорененію, представляютъ пѣчто такое, чтѣ настоятельнѣйше могло бы быть рекомендовано всему послѣдующему времени вилить до нынѣшняго нашего. Если бы узаконенное Макаріемъ на Стоглавомъ соборѣ относительно церковнаго суда сохранилось послѣ него, то его узаконенія былѣ бы величайшимъ благодѣяніемъ для низшаго духовенства и вмѣстѣ для мѣрянъ, насколько эти вторые подлежали церковному суду. А узаконеніе имъ относительно надзора надъ низшимъ духовенствомъ могло бы до пѣкоторой степени служить примѣромъ и для нынѣшняго времени (разумѣемъ посыпть епископами по епархіямъ парочитыхъ экзарховъ,—Казанск. изд. стр. 317).

Съ величайшиою похвалой должно отозваться обѣ узаконеніяхъ Макарія и относительно монастырей съ монахами (Въ бытность архіепископомъ новгородскимъ подиавъ вопросъ и усердно старавшись о введеніи общежитія во всѣхъ монастыряхъ епархіи, Макарій въ постановленіяхъ собора не предписываетъ общежитія къ обязательному введенію во всѣхъ монастыряхъ митрополіи, а лишь усердно,—впрочемъ не парочно и не пространно и какъ бы только мимоходомъ, рекомендуетъ его произволицмъ настоятелямъ и монахамъ особенно житыхъ монастырей²⁾): это необходимо понимать такъ, что въ данномъ случаѣ онѣ встрѣтиль рѣшительное сопротивленіе себѣ со стороны тѣхъ архимандритовъ и игуменовъ, которые засѣдали на соборѣ).

¹⁾ Архієпископъ новгородскій Геннадій не додумался ранѣе Макарія до казенныx училищъ, а разумѣбѣ въ своемъ извѣстномъ посланіи къ митр. Симону,—Акт. Ист. т. I. № 104, тѣ же самыя училища, которая предписываетъ завести ¹⁾тоглавый соборъ.

²⁾ Стоглав. гл. 52, Казанск. изд. стр. 256—257.—А если ранѣе собора Макарій не поднималъ вопроса о введеніи общежитія во всѣхъ монастыряхъ митрополіи: то можно думать, что онѣ отлагали его поднятіе вмѣніе до собора.

Не только не возстановилъ Макарій приговора, постановленнаго было соборомъ 1503-го года, о незвиманіи епископами платы за поставлениі въ церковныя степени, но и выступаетъ его прямымъ противникомъ. Это нужно объяснять не тѣмъ, чтобы онъ былъ человѣкъ гордостолюбивый,—таковыи онъ вовсе не былъ, а тѣмъ, что на основаніи существовавшихъ въ пользу платы свидѣтельствъ (которые и приводятся въ Стоглавниѣ,—гл. 87—89) онъ считалъ ее законно существующею, а постановленіе собора 1503-го года незаконно и несправедливо посягающимъ на права епископовъ. Т.-е. Макарій не возышался до того, чтобы законное вопреки каноновъ находить, подобно Нилу Сорскому, незаконнымъ.

Есть въ узаконеніяхъ Стоглава еще одинъ пунктъ, который какъ будто бросаетъ иѣкоторую тѣнь на митрополита Макарія и о которомъ должно сказать. Въ царскихъ вопросахъ было предложено на разсужденіе собора: какъ быть съ тѣми Русскими, которые попадаютъ въ плѣнъ къ крымскимъ Татарамъ и которые оказываются въ невозможности сами выкупаться изъ плѣна (вопросъ 10-й изъ первыхъ 37-ми). Соборъ приговорилъ, что такихъ плѣнныхъ выкупать царской казной, «а сколькоѣ годомъ того плѣннаго окуну изъ царевой казны разойдется, и то роскинути на сохи (тѣгла) по всей земли, чей кто ни буди, всѣмъ ровно, занеже тѣковое искупленіе общая милостыня парицается» (гл. 72). На этотъ приговоръ собора митр. Иоасаѳъ едѣлать замѣчаніе, въ которомъ просилъ цари, чтобы крестьяне освобождены были отъ взноса денегъ на окунь, такъ какъ имъ (и безъ того) много тягли въ своихъ податяхъ, и чтобы деньги на него были взимаемы съ митрополичьей и съ епископскихъ казенъ и по раскладѣ со всѣхъ монастырей (Казанск. изд. стр. 427). Но предложеніе Иоасафа не было принято соборомъ и приговоръ его остался въ томъ видѣ, какъ онъ былъ первоначально постановленъ. Причиной непринятія предложения Иоасафова должно быть предполагаемо одно изъ двухъ: или что Макарій самъ вмѣстѣ съ другими членами собора не хотѣть принять его, или что онъ вопреки своему желанію долженъ быть уступить пожеланію остальныхъ членовъ собора. Мы не можемъ, т.-е. не имѣмъ данныхъ, высказаться положительнымъ образомъ: но на основаніи обличихъ свѣдѣній, которыхъ мы имѣмъ о Макаріи, съ совершенною увѣренностью думаемъ, что долженъ быть предполагаемъ не первый, а второй случай.

(Заботясь о введеніи правильности и единобразія формъ въ обрядахъ, Макарій предписалъ въ Стоглавѣ, чтобы персты для крестнаго знаменія и для священническаго благословенія слагаемы были двое-

перетно и чтобы пъснь аплиуя была возглашаема не трегубо, а сугубо. Какъ понимать простоту и невѣжество, которая, по словамъ собора 1667-го года, обнаружилъ Макарій въ семъ случаѣ, объ этомъ мы скажемъ ниже, въ нарочитыхъ рѣчахъ о нашихъ предписаніяхъ Макарія. Но когда изъкоторые наши ученые распространяютъ эти простоту и невѣжество на все, чтд написало Макаріемъ въ Стоглавѣ, и па всю вообще его дѣятельность, то они по невѣдѣнію или по предпамѣренности являются возмутительно несправедливыми къ знаменитѣйшему изъ нашихъ церковныхъ дѣятелей).

Постановленія собора 1551-го года, чтобы быть приведеными въ дѣйствіе, имѣли быть офиціальными образомъ обнародованы. Но это обнародованіе не могло совершиться такъ, чтобы всюду, куда надлежало, разослана была книга дѣяній собора въ ея подлинномъ видѣ. Въ то время у насъ еще не было книгоиздатанія, а книга дѣяній собора настолько обширна, что изготовить потребное количество рукописныхъ ея экземпляровъ было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ. Поэтому, вмѣсто подлинной книги дѣяній соборныхъ были обнародованы выписки или экстракти изъ нея, которые въ офиціальныхъ актахъ называются наказами¹⁾ и которыми изъкоторые ученые дали название наказиахъ епископовъ. Въ настоящее время намъ известны двѣ такихъ выписки, изъ коихъ одна адресована къ приходскому духовенству съ его уѣздными властями, а другая къ монахамъ. Та и другая известны намъ посланными митрополитомъ въ два мѣсяца его епархіи (первая—во Владимиръ и Каргополь, вторая—въ Симоновъ и въ Іоанновъ Вологодской монастыри), и такъ какъ та и другая изъ нихъ въ обоихъ случаяхъ есть одна и также (т. е. одна и также посланная во Владимиръ и Каргополь и одна и также въ указанные монастыри), то слѣдуетъ думать, какъ это совершенно вѣроятно и само по себѣ, что была приготовлена одна выписка,—известная намъ, для разсылки по всѣмъ приходскимъ духовенствамъ, и одна,—также известная, по всѣмъ монастырямъ, и что епископы и разсылали ихъ по своимъ епархіямъ. Въ первой изъ выписокъ, раздѣляющейся па 57 параграфовъ, еокранено излагаются узаконенія Стоглаваго собора, преимущественно относящіяся къ приходскому духовенству (объ архіерейскомъ судѣ, объ архіерейскихъ пошлинахъ, о богослуженіи, о священ-

¹⁾ Съ царскій наказъ въ Заволочье о поповскихъ старостахъ отъ Декабря 1551-го г. въ Актѣ. Экс-т. I. № 231, стр. 226 fin: «о всѣхъ церковныхъ чинѣть и о вашемъ священническомъ пребываніи буди наказъ намъ и губорное уложение отца нашего Макарія, митрополита всея Руссіи».

никахъ и ихъ поведеніи и обязанностяхъ, о мірянахъ и ихъ порокахъ и поведеніи¹⁾); во второй выпискѣ буквально воспроизводится изъ книги дѣяній собора главы (девять съ частью десятой), относящіяся къ монастырямъ и монахамъ²⁾.

Какъ не скоро могла быть совершена разсылка выписокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—какъ не скоро могли быть повсюду введены въ дѣйствіе и новые законы, видно изъ того, что митрополитомъ въ его епархіи выписки разсылаемы были не менѣе какъ до 1558-го года (выписка въ Каргополь послана была митрополитомъ 2-го Февраля 1558-го года).

Имѣемъ извѣстія, что и въ тѣхъ мѣстахъ, где постановленія собора были обнародованы скоро, они вводимы были въ дѣйствіе не всѣ сразу, а постепенно, хотя, къ сожалѣнію, и не знаемъ, въ чемъ именно состояла эта постепенность. Въ концѣ 1553-го года былъ въ Москвѣ соборъ на еретика Матея Башкина, о которомъ скажемъ ниже. Въ записи объ этомъ соборѣ, подъ 25-мъ Октября мѣсяца, читается: «была рѣчъ (у) царя и государя, великого князя, съ отцомъ своимъ Макаріемъ, митрополитомъ всея Русіи, и съ архиепископомъ,—новгородскимъ или ростовскимъ,—и съ епископы и съ болары и съ всѣми священными съборомъ о прежнемъ соборномъ уложеніи о многоразличныхъ дѣлѣхъ и чинѣхъ, (и по книжѣ соборной члы),—которые дѣла исправилися и которые еще не исправилися; и царь государь богомольцемъ своимъ говорилъ: чтобы Богъ далъ впередъ и прочие дѣла исправлены были»³⁾. Въ началѣ 1555-го года былъ въ Москвѣ соборъ для учреж-

¹⁾ Выписка, какъ указывали мы выше, напечатана Ильею В. Бѣляевымъ въ особомъ приложении къ газетѣ День за 1863-й г. и г. Добротворскимъ въ 1-й части Правосл. Собесѣд. за 1863-го г. Слѣченіе выписки съ Стоглавомъ, сдѣланное г. Добротворскимъ, см. въ Правосл. Собесѣд. 1862-го г., ч. 3-я стр. 313 sqq.—Въ концѣ 1551-го г. былъ выданъ соборный приговоръ объ учрежденіи въ Москвѣ, согласно постановленіямъ Стоглаваго собора, поповскіхъ старости, въ которомъ прописывается инструкція поповскімъ старостамъ,—Лкт. Эксп.. т. I, № 232, стр. 227. Очень можетъ быть и совершенно вероятно, что инструкція поповскімъ старостамъ была разсылаема и въ другія мѣста независимо отъ наказа.

²⁾ Грамота, при которой препровождена была выписка, съ указаніемъ ея содержанія, напечатана въ Казанск. изд. Стоглава, стр. 258 прим. и см. еще въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности *Тихонъ-Человѣкъ*, т. V, отд. III, стр. 128 прим..

³⁾ Сейчасъ приведенное читается въ Розыскѣ о дѣлѣ Висковатомъ, который судимъ былъ соборомъ, созваннымъ на Башкина, вслѣдъ за этимъ послѣднимъ,—въ Чеч. общ. Ист. въ Древи, 1858-го г. кн. II, отд. 3, стр. 1 бп, Слова, поставленныя въ скобкахъ, взяты у преосв. Филарета,—Ист. первою 3, § 36, на

девія епархії въ новозавоеваній Казані. Никоновская лѣтопись въ своєму извѣстіи объ этомъ соборѣ даетъ знать, что на немъ также было разсуждаемо о введеніи въ дѣйствіе постановлений Стоглаваго собора, именно—она выражается: «съдошася всеи русскіи архиепископы и епискупи и архимандриты и игумены о многоразличіихъ чинѣхъ церковныхъ и о многихъ дѣлѣхъ ко утвержденію вѣры христіанской»¹⁾.

Мы сказали, что государь отнесся къ мысли Макарія о необходимости обновленія церкви съ величайшимъ сочувствіемъ и что онъ явился въ сеѧ случаѣ ревностнѣйшимъ его помощникомъ. Необходимо думать, что онъ употребилъ все свое самодержавное и безапелляціонно-сильное вліяніе, чтобы устранить оппозицію митрополиту со стороны членовъ собора при начертаніи новыхъ законовъ. Но онъ не ограничился этимъ и хотѣль дѣятельно помогать митрополиту не только въ начертаніи законовъ, но и въ томъ, чтобы законы были исполнены. Еще на соборѣ онъ подалъ свое «написаніе», въ которомъ, подтверждая уложенія послѣдніго относительно монаховъ, объясняетъ, что если эти уложенія будуть пренебрѣгнуты отъ иныхъ безчиниахъ и непослушливыхъ, тѣмъ отъ святителей о семъ быти въ великому запрещеніи и во отлученіи, а отъ него—государя будуть (опы) во изгнаніи и въ мѣрсомъ паказаніи²⁾. Въ концѣ 1551-го года онъ выдалъ свойнаказъ поповскимъ старостамъ, которые учреждены были для надзора надъ духовенствомъ и которымъ поручено было контролировать судъ архіерейскихъ десятинниковъ, и земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, которые имѣли помогать поповскимъ старостамъ въ послѣднемъ случаѣ, чтобы тѣ и другіе исполнили возложенія на нихъ обязанности вадлежаніемъ образомъ³⁾. Въ Апрѣлѣ 1552-го года государь поручилъ двумъ своимъ чиновникамъ смотрѣть въ Москвѣ, чтобы священники и монахи не ходили по корчмамъ и не ушивались въ пьянство, и имъ же поручилъ кликать по торгамъ, чтобы православные христіане отъ мала и до велика не творили всего того, что запрещается предписаніями собора (именемъ Божіимъ во лжѣ не клялись, и на кривѣ креста не

концѣ прим. 2, который приводить выше жѣсто изъ Розыска по той же самой рукописи, чѣмъ и въ Члѣніяхъ. Въ послѣдніхъ слова опущены или по недосмотру или потому, что въ ветхой и поврежденной рукописи ихъ уже нельзя было прочесть. См. также «Сказаніе вкратцѣ о соборѣ на Матвѣя на Башкина» въ Чл. Общ. Ист. въ Древн. 1847-го г., № 3, стр. 1 col. 1.

¹⁾ VII. 231 нач..

²⁾ Стоглав. гл. 49, Казанская изд. стр. 236 нач. seqq.

³⁾ Акт. Эксп. т. I, № 231, стр. 226.

цѣловали, и иными неподобными клятвами не клялись, и матери бы не лаялись, и отцемъ и матерью скверными рѣчми другъ друга не упрекали» и пр.¹⁾.

Рѣчи о Стоглавомъ соборѣ должны быть закончены вопросомъ: насколько въ дѣйствительности совершилось это обновленіе церкви, составлявшее великую цѣль и задачу митр. Макарія при его созванії? Увы! грустный отвѣтъ на вопросъ есть толькъ, что обновленіе не совершилось почти никако. Макарій ввелъ было въ дѣйствіе постановленія собора, но тотчасъ же послѣ него почти все узаконеніе имѣло забыто и все пошло по старому, какъ бы совсѣмъ и не бывало собора, дѣянія котораго превратились въ простой исторической памятникъ. Послѣ Макарія нуженъ былъ бы рядъ такихъ же Макаріевъ, чтобы старое не успѣло снова ожить, а этого не случилось... Въ результатѣ только то, что знаменитый дѣятель, трудившійся безплодно, все-таки остается знаменитымъ дѣятелемъ, а утѣшениемъ служить то, что исторіи и другихъ страшь и церквей полна примѣрами подобныхъ дѣятелей...

Тотчасъ послѣ того, какъ Стоглавый соборъ окончилъ свои дѣянія, царь съ митрополитомъ и епископами постановилъ соборный приговоръ объ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ. Поэтому, мы скажемъ теперь обо всѣхъ узаконеніяхъ царя Ивана Васильевича относительно церковныхъ недвижимыхъ имѣній за время правленія митр. Макарія.

Начиная съ собора 1503-го года противники вотчиновладѣнія монастырей изъ среды самихъ монашествующихъ вели проповѣдь о томъ, что посагательство на право этого вотчиновладѣнія есть пѣчто допустимое съ точки зрѣнія нравственной и съ точки зрѣнія церковного права. Проповѣдь имѣла своимъ слѣдствиемъ то, что государи, бывъ возбуждаемы ею, рѣшились на посагательство въ интересахъ государства. Когда мысль о прямомъ отобраліи вотчинъ у монастырей встрѣтила на соборѣ 1503-го года рѣшительный отпоръ со стороны духовенства, государямъ осталось обратиться къ мѣрамъ ограниченія права вотчиновладѣнія. Это они и сдѣлали, при чёмъ мѣры эти простирали вмѣстѣ съ вотчинами монастырскими и на вотчины архіерейскія. Иванъ Васильевичъ III постановилъ иѣкотория мѣры къ ограниченію права пріобрѣтенія архіереями и монастырями вотчинъ; послѣ Василия Ивановича, не постановившаго никакихъ новыхъ мѣръ ограниченія и только сохранившаго и охранявшаго мѣри отда, вели-

¹⁾ Акт. Ист. т. I, № 154, II стр. 252 col. 1 fin..

кая княгиня Елена съ боярами постановила эти новыя мѣры (выше стр. 735). Наконецъ, Иванъ Васильевичъ IV постановилъ и еще новыя и весьма рѣшительныя мѣры. Однако, приятие этихъ новыхъ и рѣшительныхъ мѣръ относится уже ко времени послѣ смерти Макарія и къ концу собственнаго правленія государя. Что же касается до времени Макарія, то отчасти были приняты новыя мѣры не особенной важности, отчасти подтверждены были прежнія мѣры, а отчасти устраниены были злоупотребленія, допущенные при боярскомъ правленіи дѣтскихъ лѣтъ государственныхъ.

Первое извѣстное узаконеніе Ивана Васильевича нашей категоріи касается архіерейскихъ и монастырскихъ подгородныхъ слободъ. Когдато до 1550-го года государь постановилъ, чтобы новыя архіерейскія и монастырскія подгородные слободы тянули съ городскими людьми во всякое тягло и съ судомъ, т. е. чтобы онѣ платили всѣ городскія по-даты и исправляли всѣ городскія новинности и чтобы онѣ подсудны были не самимъ архіереямъ и монастырямъ, а городскимъ намѣстникамъ. Въ Сентябрѣ 1550-го года едѣланы были государемъ вторичныя постановленія о слободахъ и именно слѣдующія: старыя слободы держать архіереямъ и монастырямъ по старинѣ по прежнимъ грамотамъ; новыхъ слободъ имъ не ставить; въ старыхъ слободахъ не прибавлять многихъ новыхъ дворовъ; если бы сынъ захотѣлъ отъ отца или зять отъ тестя или братъ отъ братьевъ, то для такого ставить новый дворъ, но не ставить новыхъ дворовъ для вновь приходящихъ людей (которые,—подразумѣвается,—должны быть поселяемы только во дворы выѣзывающихъ); если по той или другой причинѣ освободятся старые дворы, то называть въ нихъ новыхъ слобожанъ изъ сельскихъ нашенныхъ и плененныхъ людей, какъ было прежде, а не изъ городскихъ посадскихъ, за исключеніемъ въ послѣднемъ случаѣ нетяглыхъ казаковъ; слобожанамъ вольно оставлять слободы въ узаконенный срокъ (10рѣвъ день), чтобы переходить въ жители посадскіе или сельскіе¹).

За сей часъ приведеннымъ узаконеніемъ о слободахъ слѣдуетъ нашъ приговоръ о вотчинахъ, имѣвшій мѣсто тотчасъ по окончаніи Стоглаваго собора.

Передъ самимъ соборомъ или въ то время, какъ онъ происходилъ, пѣкоторые изъ монашествующихъ противниковъ вотчиновладѣнія монастырей имѣли бесѣды съ царемъ о монастырскихъ вотчинахъ, съ

¹) Узаконеніе о слободахъ внесено въ Стоглавъ, въ 98-ю главу, — Казанск. изд. стр. 412.

цѣлію изложенія передъ нимъ своихъ взглядовъ (игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Артемій, о которомъ скажемъ ниже). Самъ царь очень хорошо зналъ, что въ монастыряхъ проходятъ съ вотчинами большій злоупотребленія и что онъ никакъ не содѣйствуютъ къ поддержанию въ нихъ истинно-монашеской жизни, и выражался по этому поводу очерть рѣзко ¹⁾). Сочиненія прен. Максима Грека противъ вотчиновладѣнія монастырей, такъ ярко изображающія все противорѣчіе между совершившимъ отречениемъ монаховъ отъ міра и этимъ вотчиновладѣніемъ, неѣть сомнѣнія, очень хорошо были ему известны. Такимъ образомъ, царь Иванъ Васильевичъ не только могъ желать отобранія вотчинъ у монастырей въ интересахъ государственныхъ, но могъ быть и искренно убѣжденнымъ, что это отображеніе было бы полезнымъ для самаго монашества. Но такъ или иначе, однако въ виду непоборимо-твѣрдаго стоянія за вотчинами огромнаго большинства самихъ монаховъ онъ вовсе не отважился и заявить мысли объ отобраніи у монастырей вотчинъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не отважился бы на это и въ томъ случаѣ, если бы митрополитъ былъ противникомъ вотчиновладѣнія монастырей, ибо въ семъ случаѣ и митрополитъ держаль бы свои убѣждѣнія только про себя, не отваживаясь заявлять ихъ и не помышляя о томъ, чтобы ихъ осуществлять. Но митрополитъ былъ искренимъ и горячимъ защитникомъ вотчиновладѣнія монастырей, хотя и столько же горячимъ противникомъ злоупотребленій и зла, съ которыми соединено было это вотчиновладѣніе въ дѣйствительности. Это обстоятельство должно было имѣть своимъ слѣдствіемъ то, чтобы и о мѣрахъ къ ограниченію права вотчиновладѣнія монастырей государь не думалъ слишкомъ рѣшительныхъ. И послѣ Макарія онъ отважился на эти рѣшительныя мѣры весьма не скоро; тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ не имѣть наклонности думать о нихъ при немъ, ибо онъ питалъ къ нему—Макарію чувства самаго глубокаго уваженія.

Находя возможнымъ думать только о мѣрахъ ограниченія, Иванъ Васильевичъ простиralъ эти постѣднія мѣры, подобно своимъ предшественникамъ, сколько на вотчины монастырскія, столько же и архіерейскія.

¹⁾ См. въ Стоглавѣ вопросъ 15-й изъ числа первыхъ 37-ми, посланіе Грознаго къ Гурю Казанскому въ Татищевско-Миллеровскомъ изданіи его Судебника, изд. 2, стр. 231 нач., и дѣяніе собора 1580-го г. въ Собр. государstv. грамм. и договr. I, 584 бп. (въ неполномъ видѣ и съ 1581-мъ годомъ — въ Акт. Экспед. т. I, № 308).

Онъ имѣть въ виду постановить свой приговоръ о вотчинахъ тотчасъ послѣ Стоглаваго собора, а поэтому и не дѣлать никакихъ предложенийъ въ этомъ смыслѣ на самомъ соборѣ. На семь послѣднемъ были припяты мѣры къ тому, чтобы архіереи и настоятели монастырей не расхищали вотчинъ, принадлежащихъ каѳедрамъ и монастырямъ, и чтобы тѣ и другіе не злоупотребляли доходами съ вотчинъ, и затѣмъ, послѣ торжественнаго и нарочитаго подтвержденія самаго права вотчиновладѣнія, припята была только одна мѣра къ ограниченію этого права, которая въ собственномъ смыслѣ и не можетъ быть названа мѣрою. Она состояла въ предписаніи собора архимандритамъ и игуменамъ тѣхъ монастырей, у которыхъ земель и сель довольно, чтобы они не стужали благочестивому царю и не просили у него излишняго¹⁾.

Въ соборномъ приговорѣ, имѣвшемъ мѣсто тотчасъ по окончаніи Стоглаваго собора, именно—11-го Мая 1551-го года, постановляется слѣдующее: 1) На будущее время архіереямъ и монастырямъ ни у кого не покупать вотчинъ безъ доклада государю и никому изъ бояръ не давать вотчинъ въ монастыри по душамъ безъ того же доклада; въ случаѣ нарушенія сего вотчина бездепежно отбирается въ казну, и если она будетъ куплена, то покупатель лишается своихъ денегъ. Этотъ пунктъ приговора подтверждаетъ узаконеніе, сдѣланное великой княгиней Еленой съ боярами. 2) Если вотчина дана будетъ въ монастырь по душѣ безъ всякаго условія, то она не выкупается; если же она будетъ дана съ условіемъ, что роду или наследникамъ оставляется право выкупить ее, то, согласно узаконеніямъ Ивана Васильевича и Василія Ивановича, этотъ выкупъ и на будущее время долженъ имѣть мѣсто, и именно, какъ говорится объ этомъ еще и въ Стоглавѣ (гл. 75, Казанск. изд. стр. 342), наследники должны внести ту сумму, въ которую оцѣнена будетъ вотчина въ духовной или даний грамотѣ. 3) Узаконеніе двухъ предшествующихъ государей, чтобы въ пѣкоторыхъ повсиріобрѣтенныхъ областяхъ вотчины не были продаваемы въ монастыри и не были даваемы по душамъ безъ доклада государю остается на будущее время въ своей полной силѣ; тѣ вотчины, которыя въ нарушеніе сего узаконенія отданы по душамъ безъ доклада, взять на государя и, заплативъ за нихъ деньги, отдавать ихъ въ помѣстья. Первая половина этого пункта сама собою подразумѣвается въ пункѣ первомъ; но государь повторяетъ ее, какъ оправданіе второй половины пункта. 4) Помѣстия и червя земли, которыми архіереи и монастыри насильно завладѣли за долги или которыя несправедливо записаны за

¹⁾ Гл. 75. Казанск. изд. стр. 343.

ними опиечиками земель, возвратить прежнимъ владѣльцамъ. 5) Прозвѣсти сыскъ о салахъ и волостихъ и рыбныхъ ловляхъ и всякихъ угодьяхъ и оброчныхъ деревняхъ, которая послѣ смерти Василія Ивановича, въ малолѣтство государя, подавали бояре архіереямъ и монастырямъ, и учинить такъ, какъ было при Василіи Ивановичѣ, т. е. все даниое послѣ него архіереямъ и монастырямъ спова отобрать¹⁾.

На Стоглавомъ соборѣ, по предложенію царя, сдѣланъ быль приговоръ объ его—царскихъ ругахъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ (о дачѣ хлѣба и соли и денегъ и воека на свѣчи и меду на кутью и пшеницы на проефоры). Василій Ивановичъ и послѣ него Елена назначили инымъ монастырямъ и приходскимъ церквамъ руги не постоянныя или вѣчныя, а временныя, на известные годы. Послѣ смерти Елены, въ малолѣтство государево, монастыри и церкви успѣли обратить эти руги изъ временныхъ въ постоянныя. За симъ, въ то же малолѣтство государево бояре подавали монастырямъ и приходскимъ церквамъ новыя руги (постоянныя и временныя). Объ этихъ ругахъ царь и дѣлать представление собору. Послѣдній отдалъ па волю царю обратить временныя руги отца и матери, сдѣланыя послѣ нихъ постоянными, спова во временныя, а руги, надаванныя послѣ нихъ, стмѣшить, но при этомъ ходатайствовать предъ государемъ за монастыри и церкви бѣдныя²⁾. Постановленіе Стоглаваго собора о ругахъ было подтверждено и въ соборномъ приговорѣ о вотчинахъ, и при этомъ, если только въ приговорѣ не допущена источность редакціи, съ распространениемъ отмѣнъ и на время матери государевої, именно: 1) всѣ руги, даныя монастырямъ и церквамъ послѣ Василія Ивановича, отставить и выдавать только тѣ руги, которая были при немъ и при Иванѣ Васильевичѣ; 2) всѣ руги, сдѣланыя послѣ Василія Ивановича изъ временнихъ постоянными, снова обратить во временныя.

Въ 1557-мъ году государь выдалъ дополнительное узаконеніе относительно выкупа вотчинъ, даваемыхъ въ монастыри по душамъ. Оно есть слѣдующее: Если человѣкъ, дающій въ монастырь вотчину по душѣ съ условіемъ, что она можетъ быть выкуплена настѣнниками, назначить иѣ своей духовной грамотѣ елиникомъ высокую цѣну выкупа:

¹⁾ Соборный приговоръ въ Акт. Эп. т. I, № 227, стр. 212, и въ Стоглавѣ.—Казанск. изд. стр. 430.

²⁾ Гл. 97; предложеніе царя въ возрастѣ 31-мъ. Замѣчательно, что Стоглавъ обвишаетъ въ полученіи новыхъ ругъ послѣ смерти Елены только приходскій церкви или епархииковъ сихъ послѣдніхъ безъ монастырей, тогда какъ царь въ своемъ предложеніи обвишаетъ столько же и монастыри, ставя ихъ на первомъ мѣстѣ.

то пастырьники могут протестовать противъ этого и требовать оцѣнщиковъ («мѣриковъ»), но не иначе какъ въ то время, пока духовная еще не явлена и не утверждена. Если же они заявятъ протестъ уже послѣ сего, то должны заплатить за вотчину ту выкупную цѣну, которая назначена въ духовной¹⁾.

Существуетъ отвѣтъ митр. Макарія къ царю Ивану Васильевичу «о недвижимыхъ вещехъ, вдашныхъ Богови въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ», въ которомъ митрополитъ самъмъ энергическимъ образомъ и съ обширнымъ изложеніемъ доводовъ протестуетъ противъ желанія государя приобрѣсти себѣ недвижимая имѣнія митрополичьей кафедры и который составляетъ весьма немалую загадку²⁾). Какъ единственное вѣроятное объясненіе этой загадки памъ представляется слѣдующее: Въ концѣ 1550-го года царь приговорилъ съ боярами испомѣстить въ московскомъ уѣздѣ тысячу человѣкъ дѣтей боярскихъ, лучшихъ служь, и 28 человѣкъ бояръ и окольничихъ, которымъ быть готовымъ къ послыслѣ, т. е. всегда находиться въ Москвѣ, при дворѣ, и у которыхъ не было вотчинъ и помѣстій въ московскомъ уѣздѣ³⁾. Такъ какъ для этого испомѣщенія требовалось огромное количество земли, то, вѣроятно, что государь, находившійся въ затрудненіи съ своими землями казенными, желалъ купить у митрополита вотчины его кафедры, находившіяся именно въ московскомъ уѣздѣ. Если митрополитъ крайне энергическимъ образомъ протестуетъ противъ желанія государя, которое не заключало въ себѣ никакихъ видовъ хищничества, то, вѣроятно, потому, что онъ видѣлъ въ этомъ весьма опасный прецедентъ: купивъ у митрополита вотчины въ одпомъ мѣсть, государь могъ потомъ изъявить желаніе купить и всеѣ вообще церковныи вотчины.

Въ начатѣ 1555-го года, какъ упоминали мы выше, была учреждена епархія въ новозавоеванной Казани (взятой 2-го Октября 1552-го года). Область епархіи была образована изъ города Казани съ окрестными улусами, изъ города Святыи или Свиязека съ горной (правой) стороной (Волти), изъ города Василия или Васильсурска и изъ всей вятской земли⁴⁾). Енисекону казанскому усвоено титло архіепискона и назначено мѣсто подъ архіепископомъ новгородскимъ и выше

¹⁾ Акт. Ист. т. I, N 154, VI, стр. 257 col. 2.

²⁾ Отвѣтъ напечатанъ въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древности Тихонравова», т. V, отд. III, стр. 129.

³⁾ Вивліе. VIII, 1. и Времени. общ. Ист. въ Древн. т. 20, отд. III, стр. 41.

⁴⁾ Никел. атт. VII, 231.

архієпископа ростовскаго ¹). Первымъ архієпископомъ казанскимъ поставленъ былъ 3-го Февраля 1555-го года Гурій, игуменъ Селижарова Троицкаго монастыря. На содержаніе архієпископа назначено было: десятина изъ казанскихъ, свіяжскихъ и чебоксарскихъ таможенныхъ пошлинъ, опредѣленное жалованье въ количествѣ 865 рублей и дача хлѣба и всѣхъ столовыхъ запасовъ натурой ²). Въ первоначальномъ заведеніи помогали архієпископу деньгами и хлѣбомъ митрополитъ, всѣ еписконы и монастыри ³). Относительно обращенія въ христіанскую вѣру Татаръ архієпископу дано было наставленіе: «всякими обычан, какъ возможно (т.-е. всякими способами, сколько возможно), пріучать ему Татаръ къ себѣ и приводити ихъ любовью на крещеніе, а страхомъ ихъ ко крещенію никакъ не приводити» ⁴).

Учрежденіе епархіи казанской послужило для царя и для митрополита близайшимъ поводомъ къ тому, чтобы они озабочились введеніемъ въ Москву книгопечатанія.

Если вѣрить одному не особенно надежному свидѣтельству, то будто бы предположено было вызвать въ Москву типографщиковъ изъ-за границы еще въ 1547-мъ году ⁵). Когда на Стоглавомъ соборѣ было разсуждаемо о томъ, что книжные писцы слишкомъ преувеличительно пишутъ богослужебныя книги, то не могло не приходить на мысль царю и митрополиту, что единственное дѣйствительное средство помочь въ семъ случаѣ злу состояло въ заведеніи книгопечатанія, которое уже давно было у другихъ и которое, какъ то знали на Москвѣ ⁶), было уже употребляемо и Греками. Однако мысль оставалась мыслью. Когда открыта была епархія казанская и когда для снабженія

¹) Ibid. стр. 232 sub fin..

²) Акт. Эксн. т. I, № 241, IV (по Иаконов. лѣт. Ibid.: десятина изъ всѣхъ казанскихъ доходовъ); деньги на жалованье архієпископу собирались съ монастырей. см. Акт. Юрид. 1838-го г. № 209, II.

³) Иакон. лѣт. Ibid..

⁴) Акт. Эксн. Ibid., стр. 260 col. 1 fin.; тутъ же обѣ отпускѣ Гурія въ Казань. См. еще ниже въ подробныхъ извѣстіяхъ обѣ епархіяхъ выписку лѣтописной записи изъ Волоколамской рукописи.

⁵) Въ числѣ ремесленниковъ, набранныхъ будто бы Гансомъ Шантте, о которомъ говорили мы выше, называется одинъ типографщикъ,—у Карамз. къ т. VIII прим. 206. Но если и дѣйствительно былъ этотъ типографщикъ (какъ и всѣ другие ремесленники), то остается неизвѣстнымъ—былъ ли онъ приглашенъ по порученію царя или по собственной волѣ Шантте.

⁶) Послѣ словіе къ первопечатному апостолу.

новопостроенныхъ ея церквей богослужебными книгами царь приказалъ накупить послѣднихъ на торгу, у книжныхъ лисцовъ: то оказалось, что только немногія изъ книгъ были исправны и что большая часть была переполнена описками и ошибками («растѣни отъ преписующихъ»). Это обстоятельство и побудило царя съ митрополитомъ рѣшительно озабочиться осуществлениемъ мысли о введеніи книгопечатанія¹). Рѣшительно принятая мысль, по неизвѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, была осуществлена на дѣлѣ только спустя семь лѣтъ: уже подъ Февралемъ мѣсяцемъ 1556-го года упоминается «мастеръ печатныхъ книгъ» Маруша Нифедьевъ²), родомъ новгородецъ³), а къ печатанію первой книги приступлено было только 19-го Апрѣля 1563-го года. Въ одномъ извѣстномъ Сказаніи о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ говорится, что первые опыты печатанія въ ней до 1563-го года производились вмѣсто настоящихъ буквъ «малыми пѣкими и неискусными начертаніи»⁴). Очень можетъ быть, что Маруша Нифедьевъ обучился типографскому мастерству только по слуху и самоучкой и что онъ употребилъ цѣлые годы на то, чтобы научиться вырѣзыванію буквъ и потомъ чтобы наладить самое печатаніе. Могло произойти замедленіе и отъ того, что введенію книгопечатанія сильно противились многіе отъ тѣхъ прѣжественныхъ начальниковъ и учителей⁵), т.-е. епископовъ и архимандритовъ—игуменовъ, которые заставили дѣйствительныхъ первыхъ печатниковъ бѣжать изъ Москвы⁶). Этими дѣйствительными первыми печатниками, положившими у насъ начало книгопечатанія, были—діаконъ московского Гостинского собора (находившагося въ Кремлѣ, на дворцовой площади) Иванъ Федоровъ и Петръ Тимофеевъ, родомъ мстиславецъ, научившися своему искусству неизвѣстно гдѣ и отъ кого. Какъ мы сказали, они начали печатать первую книгу, каковою быть апостолъ, 19-го Апрѣля 1563-го года; это былъ послѣдній годъ жизни Макарія, и печатаніе книги было окончено уже послѣ его смерти, 1-го Марта 1564-го года⁶).

¹) Ibid.

²) Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 96.

³) Видно изъ того, что зналъ новгородскихъ ремесленниковъ,—ibid. стр. 148 col. 1 fin.: «Да Маруша же памъ сказывалъ, что есть въ Новѣгородѣ, Васюкомъ зовутъ...», и см. у Карадам., къ т. VI прим. 201. п. 3 и fin..

⁴) См. въ Описаніи старопечатныхъ книгъ Царскаго, стр. 439.

⁵) См. Послѣдовіе первого московского печатника діакона Ивана Федорова къ его львовскому апостолу 1573-го года.

⁶) Въ послѣдовіи къ первопечатному апостолу говорится, что повелѣніемъ

При митр. Макарии послѣ собора 1549-го года было канонизовано и еще некоторое количество святыхъ. Объ этомъ мы скажемъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о богослуженіи.

Итакъ, административная дѣятельность митр. Макарія, представляя собою дѣятельность знаменитую и изъ ряда воинъ выходящую, состояла главнымъ образомъ въ томъ, что въ 1551-мъ году онъ созвалъ соборъ для обновленія церкви и что потомъ онъ заботился о введеніи въ дѣйствіе постановлений собора.

При митр. Макарии получила свободу преп. Максимъ Грекъ. Къ этому послѣднему мы теперь и обратимся, чтобы докончить наши о немъ рѣчи.

Выше мы остановились на томъ, что преп. Максимъ, послѣ вторичнаго соборнаго суда надъ нимъ, имѣвшаго мѣсто въ 1531-мъ году, посланъ былъ въ заключеніе вмѣсто Иосифова Волоколамскаго мона-

царя и благословеніемъ митрополита «начаша изыскывати мастерства печатныхъ книгъ въ лѣто 61 осмая тысячи (1553), въ 30 лѣто государства его». Но 30-е лѣто государства Ивана Васильевича приходилось въ 7071-мъ (1563-мъ) г. и 61 есть тутъ опечатка вмѣсто 71 (которую и исправляетъ Иванъ Одеровъ въ послѣдовавшій къ своему львовскому апостолу 1573-го г., говоря, что «друкарня составлена въ Москвѣ въ лѣто 7071, въ 30 лѣто государства его»).—Наше книгопечатаніе производить отъ датчанина Яна Миссенгейма (Бокбнндра, чѣ, можетъ быть, есть не фамилія, а обозначеніе ремесла,—переплетчикъ), который приходилъ къ Ивану Васильевичу отъ датскаго короля Христіана III въ 1552 г.. Но Миссенгеймъ собственно присыпалъ былъ въ Москву королемъ для совращенія царя въ лютеранство, котораго онъ—король бытъ горячимъ поборникомъ, и чтобы миссіонеру лютеранства поручили у насъ заведеніе книгопечатанія, это есть дѣло совершение невѣроятное. При томъ, вовсе и неизвѣстно положительнымъ образомъ, чтобы Миссенгеймъ былъ книгопечатникомъ. Король пишетъ въ посланіи къ царю, что посыпаетъ съ Миссенгеймомъ біблію (въ Лютеровомъ переводе) и другія дѣлѣ книги, въ которыхъ содержится сущность нашей христіанской (лютеранской) вѣры (катихизисъ) и что если книги въ Москвѣ будутъ приняты и одобрены, то онъ—Миссенгеймъ позаботится, чтобы онъ переведены были на русскій языкъ и напечатаны во многихъ тысячахъ экземпляровъ». «Позаботится напечатать во многихъ тысячахъ экземпляровъ», ad multa exemplariorum millia exendi curat, скрѣпе должно быть понимаемо не такъ, что Миссенгеймъ заведеть для напечатанія типографію въ Москвѣ, ибо это была бы очень длинная исторія, а такъ, что онъ закажетъ напечатать за границей. Письмо Христіана къ царю издано Снегиревымъ въ Русскомъ историческомъ сборнике Погодина, т. 4, стр. 117. См. нашу статейку: «Къ вопросу о началѣ книгопечатанія въ Москвѣ», помѣщеннуя въ февральской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника» за 1895-й годъ.

стыра въ тверской Отрочь монастырь, съ тѣмъ, чтобы быть подъ надзоромъ тамошняго епископа Акакія. Въ Твери Максимъ пробылъ ровно 20 лѣтъ, до 1551-го года. Необходимо полагать, что все время, пока Даниилъ оставался на кафедрѣ, чѣдѣ было до 2-го Февраля 1539-го года, онъ содержимъ бытъ въ настоящемъ заключеніи, ибо послѣдній все это время сохранялъ свою непримиримую ненависть къ нему¹⁾). Должно однако думать, что въ Твери съ самаго начала заключеніе было не такъ жестоко и сурово, какъ въ Волоколамскомъ монастырѣ. Акакій былъ изъ монаховъ волоколамскихъ²⁾; но, какъ видно, онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ «презныхъ» юсифлии, которые способны были ненавидѣть противниковъ вотчиновладѣнія съ такою безпощадною ненавистью, какую питалъ къ Максиму Даниилъ. Самъ Максимъ отзыается объ Акакіи, что онъ жаловалъ его,—упокоилъ всякимъ довольствомъ многа лѣта, что его—епископа многолѣтнее бреженіе и жалованіе ему—Максиму невозможно забыть. Правда, что Максимъ отзыается такъ объ Акакіи лицу, очень близкому къ послѣднему³⁾. Но онъ былъ человѣкъ неспособный къ лести и если бы не имѣть причинъ быть благодарнымъ епископу, то вмѣсто того, чтобы говорить лесть, не говорить бы ничего. Какъ бы то ни было, по мы положительно знаемъ, что въ Твери, съ самаго начала пребыванія тамъ, Максиму даны были перо съ чернилами и бумага и дозволено было писать сочиненія. Существуетъ сборникъ сочиненій Максима, составленный имъ самимъ; въ предисловіи къ этому сборнику, онъ говоритъ, что началь составлять его наставшу четыредесятому лѣту осмыя тысячи, т.-е. въ 1532-мъ году⁴⁾; а это второй годъ пребыванія Максима въ Твери.

Выходили между Максимомъ и Акакіемъ недоразумѣнія и размолви, но, кажется, что онѣ не отзывались вреднымъ образомъ на

¹⁾ Какъ это видно изъ посланія къ нему Максима, писаннаго послѣ изверженія его съ кафедры.—Казанск. изд. II, 367. См. о посланіи ниже.

²⁾ Но несправедливо отожествляется съ братомъ иреп. Юсиѳа Акакіемъ, см. К. Н. Невоструева Рецензію на книгу Хрушова: «Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Юсиѳа Савина, преп. игумена Волоколамскаго», стр. 13 fin..

³⁾ Диакону Акакія Григорію,—Казанск. изд. II, 423.

⁴⁾ Тотъ сборникъ, предисловіе котораго, «сказующе вкратцѣ силу книжку сея», начинается: «Настоящая новосъчиненая книжка даръ есть всесвятаго и поклоняемаго Духа»,—ркнн. Московск. Духовн. Академіи №№ 42 и 153 (что составитель сборника, говорящій въ предисловіи о Максимѣ въ третьемъ лицѣ, есть самъ онъ, см. ниже, въ обзорѣ литературныхъ трудовъ Максима).

судьбѣ первого. Въ Твери, какъ нужно думать, Максимъ занимался пересмотромъ перевода псалтыри; при этомъ пересмотрѣ онъ между прочимъ сдѣлалъ ту поправку, что 2-й стихъ 89-го псалма, который прежде читался: «Господи, прибѣжище бысть намъ», написать: «Господи, прибѣжище быль еси намъ». Акакій, по иѣкоторымъ отзывамъ—человѣкъ, мало ученый грамотѣ¹), смущался поправкой Максима и говорилъ: «восе—де Максимъ писаниемъ сицевымъ своимъ мудрствуетъ, что намъ ужъ иѣсть прибѣжище къ Богу». Максимъ писалъ по этому поводу оправдательное посланіе къ одному лицу, которое близко было къ нему и вмѣстѣ къ епископу²). 22-го Іюля 1537-го года случился въ тверскомъ Кремльѣ (городѣ) большой пожаръ, отъ которого весь онъ выгорѣлъ; вмѣстѣ со всѣми другими строеніями сгорѣлъ и находившійся въ немъ архіерейскій каѳедральный соборъ, какъ кажется—только что обновленный Акакіемъ, и сгорѣлъ такъ, что не успѣли спасти изъ него совершенно ничего—ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ³). Вмѣсто того, чтобы явиться по этому случаю утѣшителемъ до краинѣ огорченаго епископа, Максимъ воспользовался имъ по своему: на мѣсто истиинаго христіансаго благочестія ставя вѣнчию набожность, предки наши отличались величайшей ревностью къ благоурашенію храмовъ,—и Максимъ, изъясня то, почему Господь не пощадилъ благоукрашенійшаго храма, каковъ быль соборъ, написалъ въ видѣ бесѣды между Акакіемъ и Господомъ безиощадное, какъ рѣчи древнихъ пророковъ, обличительное слово на наше фарисейски вѣнчіе благочестіе. Но и эта жестокая выходка Максима противъ Акакія, которая находить свое извиненіе въ его неудержимо-горячей ревности по истинѣ и правдѣ Божіей и въ его благомъ намѣреніи, по которой онъ могъ бы и не позволять себѣ, достигая той же цѣли другими способами, не сдѣлала епископа непримиримымъ его врагомъ:

¹) Но отзыву, читаемому въ одномъ изъ сказаний о Максимѣ, см. Опис. Синод.-ркпп. Горск. и Невостр. № 192, л. 26 (стр. 580 нач.).

²) Именно къ помянутому діакону Акакіеву Григорію.—Казанск. изд. II, 421 (Григорій переписывалъ Максиму его сочиненія). — *ibid.* 424: Максимъ дружески обличалъ его за пьянство (запойное) и за безлѣпотное безчинствованіе въ пьяномъ видѣ,—*ibid.*, 386). Не совсѣмъ понятно, что Максимъ объясняется съ Акакіемъ черезъ посланіе, а не устно: вѣроятно, цѣль его—та, чтобы оправдаться не передъ однимъ епископомъ, но и передъ другими, которые смущались его поправкой: существуетъ посланіе къ Григорію и въ видѣ безличнаго слова.—ркпп. бблѣткѣ Троицкой Лавры, № 200, л. 359 об., и № 201, л. 105.

³) Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI. 303 нач..

весьма вѣроятно, что Акакій посердился и посѣтовалъ на него, по потомъ имѣть велиководише простить ему¹). Вообще, этотъ мало ученый грамотѣ епископъ, являющійся доброжелательнымъ покровителемъ Максима въ то время, какъ большинство людей многого ученыхъ грамотѣ относилось къ нему за его крайне рѣзкія обличенія съ силыю ненавистью, представляеть собою очень замѣчательное явленіе и долженъ быть поминутъ въ исторіи самымъ теплымъ словомъ.

По истине великой благодарности заслуживаетъ Акакій за то, что онъ дозволитъ Максиму писаніе сочиненій съ самаго первого времени пребыванія постѣднаго въ Твери. Не дай Акакій этого дозволенія тотчасъ по прибытіи Максима въ Тверь и получи его Максимъ только послѣ изверженія Даниила съ каѳедры при Іоасафѣ или при Макаріи, мы могли бы лишиться значительной части сочиненій знаменитаго церковнаго публициста.

Въ Москвѣ до 1525-го года, какъ мы говорили выше, Максимъ писалъ противъ латинства, пропагандировавшаго Николаемъ иѣмчина, противъ астрологіи, противъ вотчиновладѣнія монастырей, въ защиту патріарха константинопольскаго и православія Грековъ. Писалъ ли онъ тогда еще что либудь, остается неизвѣстнымъ. Но со всею вѣроятностью нужно думать, что наибольшая часть осталыхъ многочисленныхъ его сочиненій написана имъ въ Твери. Въ этихъ оставленыхъ сочиненіяхъ, представляющихъ въ отношеніи къ содержанію весьма большое разнообразіе, выдаются по своей важности двѣ группы ихъ: во-первыхъ, рядъ словъ противъ вѣръ нехристіанскихъ (противъ язычества одно, іудейства одно и магометанства три) и христіанскихъ иеноіѣданій неправославныхъ (противъ латинства одно и въ дополненіе къ прежнимъ, противъ армянства и вновь явившагося лютеранства по одному); во-вторыхъ, рядъ нравственно-обличительныхъ и учительныхъ словъ, обращенныхъ къ самимъ Русскимъ. Въ первой серіи словъ Максимъ хотѣлъ доставить Русскимъ какъ бы краткое руководство къ полемическому богословію для собесѣдованій со всѣми нехристіанами и христіанами неправославными. Во второй серіи словъ онъ является пророкомъ—обличителемъ самихъ Русскихъ.

¹)Многіе или по крайней мѣрѣ вные изъ читателей Максимова слова о тверскомъ пожарѣ укоряли Максима за то, что онъ выводить въ немъ говорящимъ Господа, чтѣ находили неприличнымъ. см. его оправданіе относительно сего въ посланіи къ Грозному, которое почему то надписывается: «Отвѣтъ вкрайѣ къ святому събору о инѣхъ оклеветанъ бываю» и которое напечатано *прѣсв. Филире-томъ* въ приложении къ статьѣ: Максимъ Грекъ, поубѣщенной въ Москвитянинѣ 1842-го г., часть VI, № 11, стр. 84.

Тогдашие предки наши непоколебимо тверды были въ своемъ православии и никакая пропаганда, сколько бы ни вооруженная знаніемъ и искусствомъ, не могла быть для нихъ опасною. Но къ безотчетной непоколебимой твердости небезполезно было присоединеніе иѣ-которой сознательной отчетливости, такъ чтобы предки наши не только могли затыкать свои уши отъ всякихъ рѣчей, оглашавшихъ ихъ вѣру, но до иѣ-которой степени въ состояніи были давать и отвѣты противникамъ. А этого и хотѣлъ Максимъ достигнуть своими словами противъ вѣръ иерихристіанскихъ и противъ христіанскихъ исповѣданій неправославныхъ. Онъ очень хорошо понималъ, что наибольшее практическое значеніе для Русскихъ имѣло опроверженіе магометанства, такъ какъ съ его представителями у нихъ были наиболѣе дѣятельныя и частныя сношенія¹⁾; а поэтому противъ него именно онъ и писать съ особеною нарочитостью.

Страшное бѣдствіе, постигшее Максима въ Россіи, повидимому, должно было побудить его къ тому, чтобы писать сочиненія, единственно угодныя Русскимъ, дабы возвратить себѣ ихъ благоволеніе и такимъ образомъ добиться свободы и отпуска на Аѳонъ. Но горѣвшій въ пень «огнь ревности, яже по Бозѣ», былъ такъ силенъ, что заставлялъ его забывать о самомъ себѣ. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на пророка, котораго Божія благодать послала отъ Святыя горы, чтобы проповѣдывать Русскимъ людямъ Божію правду²⁾; и заключенный въ темницу, онъ хотѣлъ, не помышляя о самомъ себѣ, исполнить свою пророческую миссію, какъ палежащую ему нужду, т.-е. какъ возложенную на него Богомъ обязанность, со всѣмъ усердіемъ и со всею небоязнивенностю. Послѣ трактатовъ противъ вотчиновладѣнія монастырей наибольшая часть правдиво-обличительныхъ и учительныхъ словъ, обращенныхъ къ самимъ Русскимъ, написана Максимомъ въ тверскомъ заключеніи.

Между обличительно-учительными словами преп. Максима, адресованными къ самимъ Русскимъ, должны быть нарочитымъ образомъ названы два, это: «Слово пространнѣе излагающе съ жалостію нестроенія и безчинія царей и властелѣхъ(-лей) послѣдняго вѣка сего»³⁾

¹⁾ Ср. посланіе Максима къ Грозному, напечатанное преобр. *Филаретомъ*, которое мы указали сейчасъ выше, стр. 85.

²⁾ См. сейчасъ указанное посланіе Максима къ Грозному, стр. 84 sqq.

³⁾ Казанск. изд. II. 319 (Оглавление приведено и) рукопись Московской Духовной Академіи № 42, которая принадлежала митрополиту Іоафасу.

и «Главы поучительны къ начальствующимъ правовѣрно»¹). Въ Словѣ Максимъ обличаетъ и оплакиваетъ грабительственное правлѣніе бояръ въ малолѣтство Ивана Васильевича Грознаго, а въ Главахъ, написанныхъ для сего послѣдняго вскорѣ послѣ его вѣничанія царскимъ вѣницомъ, поучаетъ нововѣченнаго царя относительно того, чѣмъ долженъ быть и въ чемъ долженъ полагать свои заботы настоящій хороший государь. Слово отличается такой необыкновенной смѣлостью и такой безпощадной рѣзкостью обличенія и бичеванія, что невольно видишь въ Максимѣ древнаго пророка,—тѣхъ Исаю и Амоса, примѣромъ которыхъ, но его собственнымъ словамъ, онъ старался одушевляться²). А главы, при совершенной небоязливости и нестыднелемости поученія, отличаются такимъ прекраснымъ качествомъ этого послѣдняго, что подъ ними съ удовольствиемъ подпишался бы всякаго времени лучший государственный человѣкъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Вообще, эти два сочиненія Максима суть двѣ такою значенія и такой важности политическія брошюры, что однѣ способы были бы составить самую почетную славу человѣка (Увѣрены мы, что послѣ Ивана Васильевича Грознаго ни одному изъ государей нашихъ не было подаваемо ничего подобнаго Главамъ поучительнымъ, которыя адресовалъ ему Максимъ).

Мы говорили выше, что Максимъ явился у насъ проповѣдинникомъ истиннаго христіанства противъ христіанства лживаго и фарисействующаго. Эта проповѣдь составляетъ главное въ его обличительно-учительныхъ словахъ, обращенныхъ къ самимъ Русскимъ.

Неизбѣжнымъ елѣдствіемъ отсутствія у народа образованія должно быть такое извращеніе христіанской вѣры, чтобы вѣнчанія набожность была поставлена на мѣсто истиннаго благочестія, чтобы первой, которая сама во себѣ, безъ послѣдняго, не имѣть ровно никакого значенія и есть совершенное ничто въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, была усвоена вся спасающая сила. Установляется взглядъ, будто молитва и посты (въ смыслѣ пеяднія въ извѣстные дни скромнаго) составляютъ то, чтѣ безъ всего другаго вводить человѣка въ царство небесное, и люди создаютъ себѣ такое понятіе о благочестіи, чтобы,

¹) Ibid. II, 157. «Тетрадка, въ ней же главы 27, списана мудро добре къ самому великому князю», о которой говорить Максимъ въ посланіи къ казначею митр. Макарію Алексѣю,—ibid., стр. 383 fin., содержала именно наши главы, ибо въ сейчасъ помянутой Іоасафовской рукописи они читаются съ прямо обозначеніемъ (на полѣ) ихъ раздѣленіемъ на 27.

²) См. указанное выше посланіе Максима къ Грозному, напечатанное *Преслов. филологомъ*, стр. 84 seqq.

не заботясь о нравственно-добрыхъ дѣлахъ, усердно заботиться о частыхъ и продолжительныхъ молитвахъ и о строгомъ соблюдении постовъ. Этотъ печальный случай извращенія христіанства имѣлъ мѣсто съ нашими предками.

Максимъ нашелъ у насть величайшее усердіе къ молитвѣ вмѣстѣ съ таковыми же усердіемъ къ ея мѣстамъ—храмамъ, величайшую строгость въ соблюдении постовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ, что въ этомъ только и полагаемо было у насть все благочестіе: и онъ, представлявши собою олицетвореніе пламеній ревности противъ всякой лжи, возымѣль свой пророческій голосъ для проповѣди объ истинномъ благочестіи. Что не молитва и посты, а подобающая христіанская жизнь и особенно дѣла любви къ ближнимъ составляютъ это истинное благочестіе,—что въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ говорилъ устами пророковъ: *милости хочу, а не жертвы, разумъ Божій, а не всесожженій* (Осій 6, 6),—что въ Новомъ Завѣтѣ Спаситель далъ двѣ заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ, сказавъ: *«въ сюю обую заповѣдю весь законъ и пророчи висяты»* (Мате. XXII, 40), и еще сказавъ: *не всяко глаголятъ мя: Господи, Господи, видите въ царствіе небесное: но творя волю Отца Моего, иже есть на небесахъ»* (Мате. VII, 21),—это составляетъ предметъ иепрестанной и неустаний и самой настоятельной проповѣди Максима въ его обличительно-учительныхъ словахъ, обращенныхъ къ самимъ Русскимъ. «Добро, говоритъ Максимъ, по истинѣ добро и весьма спасительно—молитва и посты, ибо одни утишаютъ и умерицвляютъ плотскія склонности и очищаютъ помыслы, а другая соединяется съ Богомъ и одухотворяетъ и боговиднымъ творить молящаго трезвенно; но если мы не имѣмъ добродѣтелей, заповѣданныхъ намъ Спасителемъ нашимъ, то молитва и посты ни во что вмѣняются передъ праведнымъ Судіей¹⁾... Кто забываетъ божественные уставы, предписывающіе намъ щедроты, милость, священную любовь, благозаконіе, правду, тихость, кротость и добре цѣломудріе и преподобное смиренномудріе, и кто думаетъ быть благовѣрнымъ только отъ неядвія нѣкоторыхъ брашень и отъ слушанія своими ушами божественныхъ словесъ: тотъ ослѣпился душевными очами и далеко отпалъ отъ священнаго собора святыхъ, ибо Господу угодны не слышатели закона, а тѣ, которые всегда прилежно соблюдаются его; безъ него соблюдения все прочее безъ пользы—и воздержавіе отъ брашень и долгое упражненіе въ молитвахъ²⁾.... Не строгимъ ли постомъ и

¹⁾ Казанск. изд. II, 349.

²⁾ Ibid. стр. 68.

бѣніями и цѣсноиѣніями думаемъ мы благоугодить Богу и напаче избѣжать онаго страшнаго суда? Но Онъ увѣичиваетъ (на Своемъ судѣ) стоящихъ одесную его за одно только человѣколюбіе и щедроты къ живущимъ, ибо говоритъ: елико сотвористе отъ меньшихъ сихъ братій Моихъ, Мнеъ сотворили; также и стоящихъ ошуюю Онъ поношасть не за то, что они не исправили постовъ великихъ и бѣній и не воспѣли Его долгими пѣніями, а за то, что никогда не показали никакого человѣколюбія къ живущимъ, которыхъ не стыдится называть и Свою братьєю. Ради добрыхъ дѣлъ, показанныхъ къ живущимъ въ бѣдахъ, увѣичиваетъ тогда праведныхъ Праведный и милостивыхъ Милостивый и Человѣколюбивый, а о ироичихъ исправленіяхъ и подвигахъ духовныхъ Онъ умалчиваетъ, разумѣю—многіе посты и молитвы и всенощная стоянія и отходы въ дальныя и необитаемыя нустыни, хотя показать намъ, что безъ человѣколюбія и милости къ живущимъ въ бѣдахъ все это безполезно и ни во что Имъ не вмѣняется, ибо Самъ говоритъ: милости хощу, а не жертвы, разумъ Божій, а не всесожженія¹⁾.... Да будетъ вѣдомо намъ благочестивымъ, что доколѣ пребываемъ во грѣхѣ, т.-е. въ преступлениіи божественныхъ заповѣдей Христа Бога, то хотя бы и все молитвы преподобныхъ и троپари и молебныя каноны читали мы по всѣ дни и часы, отнюдь ничего не приобрѣтаемъ, ибо самъ Владыка Христосъ говоритъ намъ, какъ бы укорая нась: что Ми глаголете: Господи, Господи, и не творите, яже Азъ повелѣвало, т.-е. доколѣ продолжаете преступать заповѣди Мои, напрасно призываєте Меня многими и продолжительными молитвами; одна молитва благоприятна Ему и благоугодна и для нась спасительна, это—отстуپить всей душой отъ всякаго преступленія святыхъ Его заповѣдей и крѣпиться въ страхѣ Его, дѣлая всякую правду съ радостю духовною и любовью пелицемѣрию²⁾.

Есть у Максима три нарочитыя слова противъ фарисейской набожности Русскихъ,—два очень краткія и одно сравнительное образомъ довольно пространное. Послѣднее приведенное нами мѣсто: «Да будетъ вѣдомо памъ благочестивымъ»..., читается въ одиномъ изъ этихъ словъ. Сдѣлаемъ еще вынески и изъ остальныхъ двухъ. Въ «Словесахъ», акі отъ лица Богородицы, къ лихомицомъ и сквернимъ, всякия

¹⁾ Ibid., стрр. 95, 407 fin..

²⁾ Ibid. стр. 213 («Сказаніе живущимъ во грѣхѣ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молящимся Богу во вси дни, надѣющимся спасеніе получити»).

злобы исполненъи, а каноны всякими и различными пѣснами угожати чающимъ», Максимъ заставляетъ говорить Божію Матерь въ обличающему имъ миному праведнику: «О тварь Божія премудрая! Тогда будеть миѣ пріятно часто воспѣваемое (миѣ) тобой: «радуйся», когда увижу, что ты на дѣлѣ исполняешь заповѣди Родившагося отъ меня и отступаешь всякой злобы, блуда и лжи, гордости и лести и неправеднаго хищенія чужихъ имѣній; а пока всего этого держишься и (во всемъ этомъ) со услажденіемъ сердца пребываешь, веселись кровью бѣдствующихъ убо ихъ (братій твоихъ) и несъто высасывая изъ нихъ мозгъ двойными процентами (на ссуженія деньги) и страшнимъ обремененіемъ въ работахъ: то иначе для меня не отличаешься отъ ино-племениника—склона и христоубийственныхъ людей, хотя и хвалишься крещеніемъ. Отнюдь не внимаю тебѣ, хотя и безчисленные каноны и стихири красногласно поено миѣ, ибо услышь, что Господь хощетъ милости, а не жертвы, и разума Божія, а не веселоженій. Какъ свинья, ты несъто насыщаешься всякаго студодѣянія и какъ хищникъ—волкъ похищаешь чужкія стяжанія и лихомиствуешь надъ бѣдными вдовицами и изобилуешь и обливаешься всякими дѣлами беззаконными, играя зерною какъ христопевавищникъ татаринъ и пьянствуя и наслаждаясь всегда гусями и скверными блудными нѣснами и совершенію отринувъ отъ своей мысли страхъ Божій: и ты ли думаешь благоугодить миѣ множествомъ каноновъ и стихиръ, который воспѣваешь миѣ высокимъ воілемъ? Не слышишь ли проповѣдника, явственно говорящаго, что творящіе таковое наслѣдѣть не царство Божіе? А если (наслѣдѣть) не царство Божіе, то очевидно, что вѣчную горькую муку подъ землей. Итакъ, не прельтай себя, но если желаешь избѣжать муки и получить царство Божіе вмѣстѣ со всѣми праведными, то совершиенно отступи отъ всякой своеї беззаконной злобы, а противоположныя добродѣтели возлюби отъ всей души, сокрывъ въ своей мысли страхъ Божій, любовь и желаніе небесныхъ благъ, ибо иначе невозможно тебѣ и мукѣ избавиться и угодить страшному Судіи... ¹⁾). Въ словѣ на похоронъ тверскаго соборнаго храма Максимъ заставляетъ Акакія спрашивать Господа: за что Онъ прогнѣвалъ на рабовъ своихъ, когда они безпрестанно совершиали Ему духовные празники красногласными пѣснами боголиціиныхъ священниковъ и шумомъ доброгласныхъ свѣтлошумныхъ колоколовъ и различными воинами благоуханиными и когда Его и пречистой Его Матери иконы величенно украшали золотомъ и серебромъ и драгоценными каменьями,—и влагаетъ и въ уста Господа от-

¹⁾) Казанск. изд. II, 241, XV.

вѣть епископу: вы (не только не угождаете Мне!), о люди! во и напи-
чаце прогибаляете Мои утробы, предлагая Мне шумъ добrogласныхъ
пѣній и колоколовъ и многоцѣнное украшеніе иконъ и благоуханій
различныхъ воней. Если все это вы приносите Мне отъ законныхъ
сипеканій и праведныхъ трудовъ вашихъ и правою мыслию, какъ древ-
ний Авель: то любезныи Мне ваши дары и призрю на нихъ и боже-
ственными дарованіями воздарю васъ, ибо Я—праведный воздарователь
и не оставилъ безъ мзды и чашу студеной воды. Если же приносите
Мне это, о люди! отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, отъ лих-
иманія и хищений чужихъ имѣній, то не только возненавидѣть ваши
дары душа Моя, какъ смѣшанные съ слезами спроть и бѣдныхъ вдо-
вицъ и кровями убогихъ, но еще и вознегодуетъ на васъ, какъ при-
носящихъ недостойно Моей и правды и человѣколюбивой мысли, (и сдѣлао
сь вашими дарами то), что или истреблю ихъ страшнымъ отнемъ или
отдамъ въ расхищеніе склонъ... Бейтесь притчи, перестаньте безза-
конновать, постарайтесь инневитскимъ дѣятельності покаяніемъ умо-
лить праведную ярость Мою, потому что Я есмь Богъ, не хотящій
беззаконій, ненавидящій всѣхъ дѣлателей его,—имя ихъ истреблю отъ
земли, а праведныхъ люблю и въ настоящемъ (вѣкѣ) защищаю ихъ, а
въ будущемъ прославляю. Какое Мне отъ васъ угодное служеніе? То
ли, что Я видимъ есмь написанный на иконѣ посияніемъ золотой вѣ-
нецъ, а живой совѣтъ погибаю отъ голода и мороза, тогда какъ вы
сами сладко питаетесь и всегда упиваитесь и украшаете себя различ-
ными одеждами? Удовлетвори Меня въ томъ, въ чемъ Я скуденъ, и
не пропиши Я у тебя золотого вѣнца: Мое украшеніе и Мой златоко-
ваний вѣнецъ есть иницихъ и спроть и вдовицъ посѣщеніе и доволь-
ное препитаніе, какъ наоборотъ скудость у нихъ въ потребномъ есть
досада миѣ отъ васъ и самое крайнее безчестіе, хотя бы и не пре-
станио гремѣли вы въ храмахъ Моихъ безчисленными гласами добро-
гласныхъ пѣній, ибо не жертвы Я хочу, а милости. Какое Мне на-
слажденіе отъ вашихъ красногласныхъ пѣній ¹⁾, (когда онѣ возносятся
ко Мне) вмѣстѣ съ рыданіями и вздоханіями Моего иницаго, воиню-
щаго ко Мне отъ страшного голода? Я называюсь судіей вдовицъ и
отцомъ спиральныхъ и предстателемъ иницихъ умиленіихъ: будьте подобны
Мне и о нихъ прилежите и словомъ и дѣломъ. Такъ какъ вы хвали-
тесь вонями и добронумными колоколами и говорите, что свѣтло по-

¹⁾) Въ Казанск. изд. напечатано: «Кое же наслажденіе мыслимое вашими»...
нужно: «Кое же наслажденіе мысли Моеи вашими»...

читаете Меня: то прилежно и со вниманиемъ услышьте сіе спасительное Мое учение и въ сердцахъ вашихъ твердо напечатлѣйте его: не для того, чтобы искать доброумныхъ болоколовъ и пѣспопѣй и многоцѣпныхъ воней сонель Я на землю, о люди! и въ вашъ зракъ облекся, но желая премного вашего спасенія, котораго нѣть для меня ничего болѣе драгоцѣннаго; поэтому и въ книгахъ цовелѣль Я написать Мои спасительныя заповѣди, чтобы вы могли знать, какъ подобаетъ угождать Мне. Вы же книгу Моихъ словесъ спаружи и внутри весьма обильно украшаете серебромъ и золотомъ, а силу нашиянныхъ въ ней повелѣй Моихъ ни принимаете, ни исполнять хотите, и напротивъ поступаете такъ, что какъ будто все написанное въ ней считаете за ложь и за тщету»... ¹⁾.

Проповѣдуя Русскимъ истинное христіанство, преп. Максимъ въ тоже время со всевозможной силой бичевалъ важнѣйшия пороки, которые господствовали въ ихъ средѣ. Къ рѣчамъ объ этомъ мы возвратимся постѣ, когда будемъ говорить о нравственномъ состояніи русскаго общества за наше времія.

До изверженія митр. Даніила съ каѳедры, чтѣ случилось 2-го Февраля 1539-го года, преп. Максимъ жить въ тверскомъ Отрочемъ монастырѣ какъ узникъ, въ темничномъ заключеніи. Когда и кѣмъ былъ онъ освобожденъ изъ темничнаго заключенія, чтобы жить въ монастырѣ въ качествѣ одного изъ его монаховъ и таіъ сказать на свободѣ его четырехъ стѣнь, положительнымъ образомъ остается неизвѣстнымъ: но представляется вѣроятнѣмъ думать, что эта свобода была дарована ему болѣе или менѣе вскорѣ по изверженіи Даніила его преемникомъ Іоасафомъ. Существуетъ посланіе преп. Максима къ князю Петру Ивановичу Шуйскому ²⁾, сыну поминутаго выше временщика, писанное въ 1542-мъ году и имѣющіо—какъ нужно думать, не позднѣе самыхъ первыхъ мѣсяцевъ нравленія митр. Макарія ³⁾. Но въ посланіи этомъ Максимъ не просить объ освобожденіи изъ темницы, чѣмъ и даетъ знать, что онъ уже былъ освобожденъ изъ нея. Касательно образа мыслей и настроенія митр. Іоасафа мы не имѣемъ совсѣмъ обстоятель-

¹⁾ Казанск. изд. II, 260.

²⁾ Казанск. изд. II, 415.

³⁾ Необходимо думать, что Максимъ писаль къ Петру Ивановичу въ то времія, какъ отецъ послѣднаго находился еще у кормила власти: по Иванъ Шуйскій сонель со сцены въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ поставленія Макарія въ митрополиты (Что въ 1542-мъ году, это видно изъ словъ Максима въ пославіи, что онъ безпрічастенъ пребываетъ лѣтъ уже 17: $1525+17=1542$).

ныхъ свѣдѣній; но что онъ не принадлежалъ къ числу сторонниковъ юсифлянства и вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ принадлежалъ къ числу почитателей преп. Максима, на это мы имѣемъ иѣкоторыя указанія¹⁾.

Освободившиесь изъ темницы монастыря, преп. Максимъ, естественно, долженъ былъ устремиться своими помыслами къ тому, чтобы освободиться и изъ другой, обнирпѣйшей, темницы, которую составляла для него вся Россія. Но на первыхъ порахъ онъ вовсе не находилъ возможнымъ и заявлять этихъ своихъ помысловъ. Въ сейчасъ помянутою посланію къ князю Петру Ивановичу Шуйскому, писаниемъ въ 1542-мъ году, онъ говорить: «не прошу оно, да отпущенъ буду въ ону честную и многожелаемую всѣмъ православиимъ Святую гору,— вѣмъ бо и самъ, яко таковое мое прошеніе нѣсть вамъ любезно ниже благопріятно»²⁾. Не прося обѣ отпустекъ на Афонъ, сначала онъ просилъ о другомъ. Осуждениій митр. Данииломъ на темничное заключеніе, онъ имѣетъ съ тѣмъ, бывъ провозглашенъ еретикомъ, подвергнутъ быть церковнemu запрещенію и отлученію отъ причастія святыхъ таинъ. Допущенія къ причастію святыхъ таинъ и просилъ онъ спасчала. Сейчасъ помянутое посланіе къ Петру Ивановичу Шуйскому представляеть собою просительное писаніе къ боярской думѣ, содержащее нашу проосьбу; весьма вѣроятно, что одновременно съ посланіемъ къ Шуйскому онъ посыпалъ просительное посланіе— писаніе, адресованное и прямо самой думѣ, но это послѣднее остается неизвѣстнымъ намъ; въ посланіи же къ Шуйскому Максимъ выражаетъ свою проосьбу: «пропу отъ ваше велѣнія свѣтлости, да мя сподобите причастія пречистыхъ и животворящихъ христовыхъ таинъ, иихже иепричастенъ пребываю лѣтъ ужъ 17-ть»³⁾. Къ посланіямъ, адресованнымъ Шуйскому и думѣ (если второе посланіе было) Максимъ приложилъ оправдательное писаніе, подъ заглавiemъ: «Исповѣданіе православной вѣры Максима иноха изъ Святаго горы, имже извѣщаєтъ о Христѣ Іисусѣ всякаго православнаго же священника же и князя, что по всему истиннѣиши есть православенъ инохъ, всю православну вѣру

¹⁾) Что Іасафъ не принадлежалъ къ числу сторонниковъ юсифлянства, обѣ этомъ см. выше стр. 742 нач. Что онъ принадлежалъ къ числу почитателей преп. Максима, обѣ этомъ послѣ скажаннаго нами о немъ выше, можно еще заключать изъ того, что сохранился принадлежавшій ему сборникъ сочиненій Максима,—ркп. Московской Духовной Академіи фундамент. № 42.

²⁾) Казанск. изд. стр. 418.

³⁾) Казанск. изд. стр. 418.

соблюдая цѣлу и непремѣнну и непорочну¹), въ которомъ кромѣ извѣщенія о своемъ православіи, состоящемъ въ изложениіи православнаго ученія вѣры, оправдывается отъ обвиненій, взведенныхъ на него по поводу исправленія имъ нашихъ богослужебныхъ книгъ и имѣвшихъ значеніе не только въ глазахъ митр. Даниила, но и всего русскаго общества.

На первый разъ Максимъ не имѣлъ усилка съ своей просьбой, но скоро онъ достигъ его, и это благодаря митр. Макарію, который питалъ къ нему величайшее уваженіе.

Съ посланіемъ къ Петру Ивановичу Шуйскому и съ прошеніемъ къ боярской думѣ, какъ мы сказали, Максимъ обращался не позднѣе самыхъ первыхъ мѣсяцевъ правленія Макарія. Вскорѣ послѣ этого у него начались сношенія съ митрополитомъ. Не знаемъ, было ли такъ, что самъ Макарій обратился къ Максиму съ изъявленіемъ своего уваженія къ нему и съ предложеніемъ денежной помощи или Максимъ обратился къ нему съ своей просьбой, только митрополитъ на первый разъ отвѣчалъ Максиму, что узы его цѣлуетъ, яко единаго отъ святыхъ, но пособить ему не можетъ, потому что живъ связавшій его, т. е. Даниилъ, который одинъ и имѣть право разрѣшить его. Но съвѣту ли Макарія или самъ по себѣ Максимъ написалъ посланіе Даниилу, въ которомъ просилъ у него разрѣшенія отъ несправедливо наложеннаго запрещенія²). Но Даниилъ, опасавшійся, что при изъявленіи имъ готовности снять запрещеніе, Максимъ потребуетъ нового соборнаго суда, который бы оправдалъ его—Максима и слѣдовательно обвинилъ его—Даниила, отказался снять запрещеніе и указалъ Максиму какъ на средство достичнуть своей цѣли—притвориться опасно больнымъ (ибо, по правиламъ каноническимъ, и находящіеся подъ запрещеніемъ, въ случаѣ смертной болѣзни, должны быть сподобляемы причастія,—1-го всел. собора пр. 13). Тогда Максимъ написалъ Макарію посланіе, въ которомъ говорить, что не ищетъ суда, а милости, и не отмѣстается причастія и безъ суда,—что сокровениѣ и со лжою причащающіе божественныхъ таинъ онъ нѣсть учень отъ святыхъ апостоль и преподобныхъ отецъ и что «еже по Бозѣ и правдою связано, (того) ини разрѣшити не можетъ, живу сущу связавшему, а еже неправедно и по страсти и по гибѣву безсловесному связанное не

¹) Казанск. изд. I. 23. Это Неповѣданіе Максимъ называетъ въ послѣдующихъ своихъ писаніяхъ и посланіяхъ «либеллью» (*libellum*).

²) Казанск. изд. II. 367.

такмо разрѣшился отъ иного мошно есть, по ниже силу соуза имать отпюдъ»¹⁾). Не знаемъ, какъ было далѣе,—убѣдили ли Макарій Даніила снять съ Максима запрещеніе или онъ сдѣлать это собственою властію; но запрещеніе было снято съ Максима. Случилось это, какъ слѣдуетъ заключать изъ дальнѣйшаго, не позднѣе 1543-го года или втораго года правленія Макарія²⁾.

Освобожденій отъ запрещенія, Максимъ тотчасъ же началъ стараться о томъ, чтобы испросить себѣ отпускъ на Аѳонъ. Но, увы! въ семъ случаѣ всѣ его старанія были совершенно напрасными. Если уже въ 1525-мъ году, рѣшено было не выпускать его изъ Россіи, потому что онъ «человѣкъ разумной и увѣдаль наша добрая и лихая и ему пришель туда (въ Грецію) все сказывати»³⁾; то тѣмъ болѣе не могъ онъ быть выпущенъ, когда прожилъ въ Россіи, чтобы совершилъ искромѣйшимъ образомъ, узнать все ся лихое, и еще 20 лѣть и когда на основаніи того, чѣмъ были для него эти 20 лѣть, существовали самые полные резоны опасаться, что все это лихое онъ выставитъ на позоръ всего свѣта.

Съ просьбою объ отпуску на Аѳонъ Максимъ обратился къ государю и къ боярской думѣ въ 1544-мъ году или на другой годъ послѣ того, какъ освободился отъ церковнаго запрещенія⁴⁾. Когда просьба

¹⁾ Это посланіе, изъ котораго узнаемъ и предшествующее, напечатано *пркоса Филиаретомъ* въ приложеніи къ статьѣ: «Максимъ Грекъ», помѣщенной въ *Москвитянинѣ*, 1842-го г. № 11, стр. 91. Издатель полагаетъ, что оно адресовано митр. Ioасафу, по въ немъ говорится о преподобномъ инокѣ Алексѣ, протосигелѣ и судохрашителѣ митрополита, а это казначей митр. Макарія,—см. Извѣстій Археолог. Общ. т. III, стр. 49 fin.. Вмѣстѣ съ самимъ митрополитомъ Максимъ искаль и къ этому его казначею (принимаемому учеными за Адашеву, хотя въ самомъ посланіи: «преподобне отче»),—Казанск. изд. II, 382. Въ опроверженіе клеветъ Дашиловыхъ на себя Макарію, Максимъ приложилъ къ посланію, которое адресовалъ послѣднему, оправдательное списаніе: «Словцо отвѣщательно о книжномъ исправлѣніи»,—Казанск. изд. III, 79.

²⁾ Въ 1544-мъ году, о чѣмъ сейчасъ ниже, Максимъ просится на Аѳонъ и не проситъ о допущеніи къ аричастію, сдѣдовательно—быть уже допущенъ.

³⁾ Акт. Эксп. т. I, № 172, стр. 143 col. 1.

⁴⁾ Ипросительное посланіе къ государю (который еще не называется царемъ)—Казанск. изд. II, 376. Ипросьбу къ боярской думѣ представляетъ собою «Слово отвѣщательно о исправлениіи книгъ русскихъ»,—ibid. III, 60 (Указывая время написанія Слова, Максимъ говоритъ, сколько лѣть онъ одержимъ постигшими его въ 1525-мъ г. «людими»: по въ разину спискахъ цифра лѣть различная: въ однихъ

осталась неуслышанием, Максимъ рѣшился дѣйствовать чрезъ своихъ ватопедскихъ монаховъ. Эти послѣдніе убѣдили патріарховъ константинопольскаго и александрийскаго написать о Максимѣ въ Москву и вмѣстѣ съ тѣмъ написали и сами¹⁾). А когда получены были въ Москвѣ оставшіяся безъ всякаго дѣйствія восточныя просьбы, онъ и самъ снова обращался было съ посланіями къ государю и къ митрополиту¹⁾.

Обращаясь въ Москву съ напрасными просьбами обѣ отпускѣ въ Аѳонъ, Максимъ прожилъ въ тверскомъ Отрочемъ монастырѣ до 1551-го года. Въ этомъ послѣднѣмъ году игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Артемій, почитатель его образа мыслей и его направлений, выпросилъ его себѣ къ Троицѣ. Въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, послѣ 5 лѣтъ жизни въ немъ, Максимъ и скончался въ 1556-мъ году (неизвѣстнаго мѣсяца и числа), доживъ, несмотря на всѣ перенесенные страданія, до лѣтъ весьма преклонной старости.

Подробный обзоръ письменныхъ трудовъ преп. Максима мы сдѣляемъ во второй половинѣ тома, въ главѣ о литературѣ взятаго нами периода времени.

Въ правленіе митр. Макарія было обнаружено у насть существованіе ереси раціоналистической (антитринитаріанской) и вмѣстѣ съ нею еретического вольномыслія, которое представляло изъ себя болѣй или меньшій протестантізмъ. Поклонявшие ереси и люди, зараженные вольномысліемъ, насколько тѣ и другіе были открыты, подвергнуты были церковному соборному суду и осужденію и затѣмъ гражданскому наказанію.

19 лѣтъ, въ другихъ 18, въ иныхъ—15; подлинною цифрою нужно считать первую, такъ что $1525+19=1544$). Государю Максимъ препроводилъ вмѣстѣ съ пославшемъ «словесь (своихъ) тетратки» (посланія копецъ).

¹⁾ Посланіе къ царю патріарха константинопольскаго Діонисія, отъ лица собора, который поставилъ его въ патріархи (что было 17-го Авраѣля 1546-го г.,—Круzia Tuteograecia, р. 165 fin.) и на которомъ присутствовалъ въ случившійся въ Константинополѣ патріархъ іерусалимскій Германъ, написанное въ Іюнѣ 1546-го года.—въ Жури. Мин. Нар. Просв. 1834-го года, въ статьѣ: «О трудахъ Максима Грека», стр. 272, и въ Сношеніяхъ съ Востокомъ Муравьевъ, 1, 44. Посланіе патріарха александрийскаго Іоакима отъ 4-го Авраѣля 1545-го года — въ томъ же Журналѣ, ibid. стр. 275, въ Акт. Историч. т. I, № 297, и у Муравьева, ibid. стр. 46 (у послѣдняго годъ выставленъ неправильно).

²⁾ Посланіе къ государю, котораго Максимъ называетъ царемъ, слѣдовательно—написанное послѣ 16-го Января 1547-го года,—Казанс. изд. II. 346. Посланіе къ митрополиту ibid. стр. 357.

Существование ереси и вмѣстѣ съ ней неправомыслия было обнаружено следующимъ образомъ. Въ великомъ постѣ 1553-го года пришелъ на исповѣдь къ священнику московскаго Благовѣщенскаго собора, по имени Сумеону, боярскій сынъ Матвѣй Семеновъ Башкинъ¹). Какъ на самой исповѣди, такъ и въ послѣдующихъ домашнихъ бесѣдахъ о вѣрѣ, новый сынъ духовный показался священнику человѣкомъ необычайнымъ, потому что простираясь къ нему многие вопросы недоумѣнны, высказывались взгляды на христіанскую нравственность, показавшіяся ему страшными и толковать апостоль развратиамъ (неправильнымъ) образомъ. Заподозривъ чистоту образа мыслей Башкина, Сумеонъ сказалъ объ его недоумѣніяхъ вопросахъ и развратномъ толкованіи апостола, иль Петровомъ постѣ того же года, товарищу своему священнику Сильвестру, известному любимцу царя Ивана Васильевича. Сильвестръ, уже и прежде того слышавший, что про Башкинаносится слава недобрая, донесъ о немъ вмѣстѣ съ Сумеономъ государю. Послѣдний приказалъ схватить Башкина и такъ какъ въ минуту допроса собирался побѣлть изъ Москвы въ Колому, то до своего возирания велѣлъ отдать его двумъ старцамъ Іоаннія Волоколамскаго монастыря, съ тѣмъ, чтобы эти разсматривали его житіе и производили ему допросъ. Сначала Башкинъ исповѣдавъ себѣ православіемъ христіаніемъ и не хотѣлъ сознаться ии въ какомъ неправомыслии; но по томъ его постигъ гибель Божій: началь опь страшно бѣноваться, извѣшивать воинъ свой языкъ и кричать разными голосами; пришедши послѣ сего въ разумъ, опь услышалъ страшный гласъ Богородицы, повелѣвающей ему покаяться и открыть своихъ единомыслениковъ,—это онъ и сдѣлалъ, исписавъ своей рукой всѣ свои ереси и указавъ своихъ единомыслениковъ²). Самъ Башкинъ оказался еретикомъ—раціон-

¹⁾ Священникъ Сумеонъ, родомъ исковитинъ, переведенный изъ Искова въ Москву, вѣроятно иак. Макаріемъ и, вѣроятно, въ одно время съ Сильвестромъ, былъ потомокъ Благовѣщенскімъ протопопомъ и духовникомъ государевымъ (послѣ протопопа Андрея, послѣдующаго иакрополита Афанасія, который постригся въ монахи за два года до смерти иакр. Макарія). — Собр. афт. IV, 315) и окончатель жизнъ въ Іоанніевъ Волоколамскому монастырѣ, въ которомъ постригся съ именемъ Симона при игумѣнѣ Евгемії Турковѣ (1575—1587), см. запись на оставшемся послѣ него въ Волоколамскомъ монастырѣ служебникѣ, теперь находящемся въ библіотекѣ Можковской Церковной Академіи, изъ Волокол. № 83 (запись напечатана въ Описании Волоколамскаго рукописей, находящихся въ библіотекѣ Академіи,—стр. 9).

²⁾ Показанія о Башкинѣ священниковъ Сильвестра и Сумеона въ актѣ Фисп. т. I, № 238, III и IV, стр. 246 seqq., и въ Член. Общ. Ист. и Древн. 1847-го

налистомъ. Но въ своемъ оговорѣ единомыслениковъ онъ указалъ не только такихъ же, какъ онъ, еретиковъ—раціоналистовъ, но и людей, болѣе или менѣе зараженныхъ еретическимъ вольномыслѣемъ, имѣвшимъ характеръ протестантизма. А такимъ образомъ, одновременно и открыто было существование одного и другого класса еретиковъ.

Еретиковъ—раціоналистовъ, о которыхъ мы скажемъ спачала, было открыто двѣ группы: это—Башкинъ съ его товарищами и потомъ монахъ одного изъ заволжскихъ монастырей Феодосій Косой съ своими учениками.

Ереси Башкина и Косаго если не представили совсѣмъ одну и ту же ересь, то во всякомъ случаѣ были весьма близки одна къ другой. Оба они отвергали троичность Божества и не признавали Иисуса Христа за Бога; оба они отвергали всю вѣршину христіанскую церковь, какъ позднѣйшее (послѣ Христа) человѣческое созданіе или измышленіе. Однако это тождество ересей или весьма близкое сходство ихъ между собой есть только случайное, ибо они росы по своему происхожденію: одна имѣть одинъ источникъ этого происхожденія, другая—другой.

Башкинъ заразился раціоналистическими ученіемъ, какъ онъ самъ показывалъ о себѣ и въ чёмъ не вѣрить ему нѣть никакого основанія, отъ двухъ, жившихъ въ Москвѣ Поляковъ или, можетъ быть, Русскихъ изъ Литвы—Матвѣя антекаря и Андрея Хотѣева¹). Относительно раціонализма самихъ сейчасъ называемыхъ двухъ Поляковъ или литовскихъ Русскихъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго. Извѣстно, что западные проповѣдники унитаризма или антитриинтиаризма напали въ Польшѣ съ Литвой главное для себя убѣждающе и что здѣсь оказалось возможнымъ для нихъ существование въ видѣ особыхъ сектъ; но сколько знаемъ, они начали появляться здѣсь не ранѣе 1551-го года²), такъ что раціонализмъ называемыхъ двухъ какъ будто

года № 3, отд. II, стр. 18 sqq; грамота митрополита о Троицкомъ игуменѣ Артеміи въ Соловецкій монастырь въ Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 col. 2; Икон. лѣт. VII, 203 fin..

¹) «А злое ученіе,—сказалъ (Башкинъ),—принялъ (онъ) отъ Литвина Матвѣя антекаря да Оndрюшка Хотѣева, латыниковъ».—Икон. лѣт. VII, 204 sub fin.. Дѣлѣя Висковатый, о дѣлѣ котораго ниже, ссылается относительно одного латышскаго мнѣнія на Матвѣя (Matvіja) Ляхса,—Акт. Эксп. т. I, № 238, стр. 242 col. 2, и Член. Общ. Ист. и Древн. 1847-го г. № 3, отд. II, стр. 10 col. 2 (въ обозрѣ случаю вмѣсто Ляхса читается Няхъ). Весьма вѣроятно, что это—нашъ Матвѣй антекарь.

²) Въ 1551 г. поѣхалъ Польшу Лелій Социнъ, племянникъ котораго Фаустъ Социнъ основалъ потомъ въ пей секту Социнианъ.

не можетъ быть производимъ отъ нихъ. Какъ бы то ни было, но, принимая фактъ, что соратителями Башкина были двое Поляковъ или двое литовскихъ Русскихъ, мы должны допустить—или что наши свѣдѣнія о началѣ западнаго унитаризма въ Польшѣ—Литвѣ недостаточны¹⁾, или что рационализмъ соратителей Башкина долженъ быть произведенъ изъ другаго, неизвѣстнаго намъ, источника.

Что касается до рационалистического ученія Феодосія Косаго съ его учениками—заволжскими старцами, то оно было видоизмѣнено имъ продолженіемъ ереси Жидовствующихъ.

Мы говорили выше, что соборъ 1504-го года положилъ конецъ существованію секты Жидовствующихъ, какъ секты, но что отдѣльные послѣдователи ереси успѣли спастись отъ полицейскихъ розысковъ, которые произведены были передъ соборомъ. Многіе или нѣкоторые изъ этихъ отдѣльныхъ послѣдователей нашли себѣ убѣжище въ пустыняхъ заволжскихъ, гдѣ ересь и продолжала свое существованіе, чтобы потомъ выступить въ видѣ христіанского рационализма, освобожденаго отъ всего жидовскаго.

По вопросу объ отношеніи къ Жидовствующимъ церкви и государства заволжские старцы съ преп. Ниломъ Сорекимъ во главѣ выступили противниками большинства нашего духовенства, имѣвшаго въ своей глаive преп. Іосифа Волоколамскаго. Послѣднее требовало смертной казни еретиковъ главнѣйшихъ и не хотѣло принимать покаянія еретиковъ, оставленныхъ въ живыхъ, приносившагося ими постыдѣ осужденія; на противъ, заволжскіе старцы съ Ниломъ были противъ смертной казни еретиковъ и стояли за то, чтобы принимать ихъ покаяніе, изъявленное когда бы то ни было. Съ величайшей и самой страстию враждой относились представители большинства къ мнѣнію своихъ противниковъ; но и эти въ свою очередь относились съ такой же враждой къ мнѣнію большинства. Когда мнѣніе послѣдняго одержало решительную побѣду, то гибель и мнѣніе заволжскихъ старцевъ за понесенное пораженіе выражалось такимъ образомъ, что они захотѣли

¹⁾ Принимается на основаніи существующихъ извѣстій, что итальянскіе вольномисленіе люди, образовавшіе изъ себя (въ Виченцѣ) между 1531-мъ и 1542-мъ гг. (послѣ того, какъ въ первомъ изъ годовъ Михаиль Серветъ, Испанецъ, напечаталъ свою книгу: *De trinitatis erroribus*) общество унитаріевъ, спасаясь изъ отечества отъ учрежденной въ немъ во второмъ изъ годовъ инквизиціи, бѣжали въ Турію, Моравію и Швейцарію и что бѣжавшіе въ послѣднюю въ начали потомъ, послѣ 1551-го г., переходить въ Польшу. Но могло быть и такъ, что нѣкоторые прямо изъ Италии бѣжали въ Польшу.

быть какъ бы укрывателями еретиковъ, предоставивъ имъ у себя полную свободу. Что это было дѣйствительно такъ, положительное свидѣтельство обѣ этомъ даютъ извѣстія о Вассіанѣ Косомъ. Несомнѣнно, что Вассіанъ никакъ не былъ Жидовствующимъ и что вообще онъ былъ совершенно православнымъ (за исключениемъ того, что въ неразумномъ такъ сказать иперправославіи держался ереси петрѣнииномъ); но когда открыты были въ его пустынѣ два монаха, державшіеся жидовства, то онъ употребилъ всѣ свои старанія, чтобы закрыть и спасти ихъ¹⁾). Свобода, предоставленная еретикамъ въ пустыняхъ, какъ само собою понятно, составляла тайну по отношенію къ правительству духовному и свѣтскому; а поэтому, необходимо думать, она тамъ выражалась такимъ образомъ, что приплюто было не спрашивать кого бы то ни было относительно образа мыслей и что каждый былъ предоставленъ тамъ въ семъ отношеніи самому себѣ.

Такъ, въ пустыняхъ заволжскихъ нашла себѣ убѣжище послѣ собора 1504-го года ересь Жидовствующихъ, и ея-то раціонализмъ, бывъ очищегъ отъ жидовства, и явился въ видѣ христіанско-раціоналистической ереси Феодосія Косаго. Кто былъ преобразователемъ ереси жидовской въ христіанский раціонализмъ—самъ ли Феодосій Косой или кто нибудь другой прежде него, положительнымъ образомъ сказать не можемъ; но вѣроятнѣйшимъ представляется думать первое²⁾.

Возвращаемся къ Башкину и его ереси.

Заразившись раціонализмомъ отъ Поляковъ или Литовцевъ Матвѣя антекаря и Андрея Хотѣева, Башкинъ путешествовалъ въ Заволжье для знакомства съ тамошними раціоналистами³⁾. Это знакомство, очень можетъ быть, имѣло своимъ слѣдствіемъ и то, что, дотолѣ болѣе или менѣе отличный отъ заволжцевъ въ своихъ еретическихъ мнѣніяхъ, Башкинъ сблизился и объединился съ ними.

Мы дали знать выше, что Башкинъ былъ совращенъ въ раціонализмъ нашими Поляками или Литовцами не одинъ, а съ товарищами.

¹⁾ См. письмо о нелюбкахъ между старцами Кирилловскими и Іосифовскими, въ Прибавл. къ творр. свв. отц. X, 506.

²⁾ Обличитель ереси Косаго Зиновій Огненскій, о которомъ ниже, прямо говорить, что именно Косой придумалъ для книгъ Мусеевыхъ, составлявшихъ фундаментъ его вѣроученія, новое название «столовыя книги» (Казанск. изд. его Истории показанія стр. 210) и тѣмъ даетъ знать, что именно онъ былъ ересіархомъ или преобразователемъ ереси.

³⁾ Икон. лѣт. VII, 204: «[а и на старцовъ на заволжскѣ говорилъ (Башкинъ), что его злобы не дулили и утверждали его въ томъ].

Этихъ товарищей было показано Башкинъмъ два человѣка—вѣроятно, московскіе жители, братья Григорій и Иванъ Тимофеевы Борисовы ¹⁾.

Схваченный въ Петровъ постъ 1553-го года Башкинъ съ сей-часъ помянутыми товарищами былъ соборно осужденъ и осужденъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ того же года. После соборного осуждения все трое посланы были для наказненія заключенія въ монастыри: Башкинъ въ Іосифовъ Волоколамскій, одинъ изъ Борисовыхъ—въ Валаамскій, другой—неизвѣстно въ какой ²⁾.

До нась не сохранилось ни собственнаго покаяннаго исповѣданія Башкина ³⁾ ни акта соборнаго суда надъ ими ⁴⁾, или, по крайней мѣрѣ, одно и другой остаются до сихъ поръ неизвѣстными. Изложеніе еретическаго ученія Башкина и его товарищѣ мы находимъ: въ грамотѣ митрополита Макарія въ Соловецкій монастырь о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи (о которомъ скажемъ ниже ⁵⁾) и въ посланіи царя Ивана Васильевича къ преп. Максиму Греку ⁶⁾. Такъ какъ митрополитъ и государь излагаютъ ученіе дословнымъ образомъ едино, то должно думать, что они воспроизводятъ изложеніе изъ одного и того же источника, по всей вѣроятности—изъ соборнаго акта. Грамота и посланіе представляютъ ученіе въ слѣдующемъ видѣ: 1) Господа Бога и Спаса нашего Іисуса-Христа неравна Его Отцу повѣдаютъ:

¹⁾ Икон. лѣт. VII, 204, сѣр Акт. Эксп. т. I, № 289, стр. 355', ящ. 229.

²⁾ Современная запись о Башкинѣ въ рукописи Волоколамскаго монастыря, нынѣ Московской Духовной Академіи, № 362, л. 305 нач.: «Осудить ихъ (Башкина съ товарищами) государь царь православный, князь великий, Иоаннъ Васильевичъ да преосвященный Макарей митрополитъ и со всемъ священнымъ соборомъ въ лѣто 7062-е Декабря и въ заточенія ихъ разослали; Матоѣй Башкинъ—привезли его въ Іосифовъ Декабря 22, въ пятокъ, приезъ Германъ архимандритъ» (Старицкій, послѣ Свѣржескій?). О ссылкѣ Ивана Борисова въ Валаамскій монастырь изъ котораго онъ бѣжалъ въ Свѣтскую землю (Ниццію). см. Акт. Эксп. т. I, № 289, ящ. 229. Что осудили еретиковъ неизвѣданнымъ быти (въ заключеніи), да не сѣютъ злобы своея роду человѣческому,—Икон. лѣт. VII, 204 бп..

³⁾ Пришедъ въ раскаяніе, Башкинъ «писца своею рукою о всемъ подлинно—и свое еретичество и хулы и свои единомышленники», — Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 col. 2 бп..

⁴⁾ Въ описи царскаго архива, составленной при Грозномъ,—Акт. Эксп. т. I № 289: «ящикъ 189, а въ немъ дѣла соборные подлинные въ листѣхъ, за митрополичею рукою, 62, 63 (т.-е. 7062-мъ и 63-мъ годовъ) Матоїя Башкина и Артемія, бывшаго Троицкаго игумена и иныхъ»: см. еще ящикъ 222.

⁵⁾ Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 col. 1 синъ бп..

⁶⁾ Акт. Цет. т. I, № 161, стр. 297 col. 2.

2) честное и святое тѣло Господа нашего Иисуса-Христа и честную и святую Его кровь и во что же полагаютъ, но токмо прость хлѣбъ и просто вино вмѣняютъ; 3) святую и соборную апостольскую церковь отрицаютъ, глаголюще, яко вѣриныхъ соборъ—сіе есть токмо церковь, сія же зданная иначто же есть; 4) божественная плоти Христовы воображеніе и пречистыя Богоматере и всѣхъ святыхъ Его честныхъ иконъ изображеніе идолы наричуютъ; 5) покаяніе и во что же полагаютъ, глаголюще: какъ престанеть (человѣкъ) грѣхъ творити, аще у священника и не покается, то иѣть ему грѣха; 6) отеческая преданія и ихъ житія баисловіе вмѣняютъ и на седьмь вселенскихъ соборъ святыхъ отецъ гордость возлагаютъ, глаголюще, яко все себя дѣля писали, чтобы имъ всѣмъ владѣти и царевимъ и святительскимъ; 7) вся божественная Писанія (святыхъ отецъ) баисловіе наричуютъ, апостоль же и евангелье не истинно (но по своему) излагають (объясняютъ, толкуютъ).

Въ посланіи митрополита въ Соловецкій монастырь обѣ Артеміи постъ формальнаго, переданнаго нами, изложенія ереси Башкина, читаются еще иѣкоторыя дополнительныя извѣстія относительно его учения о лицѣ Иисуса Христа. Онѣ суть слѣдующія: «Матоѣй Башкинъ Сына единороднаго отъ Отца роздѣлилъ и неравна Сына Отцу именовалъ, и говорилъ такъ: «и что грубо учиню Сыну и во страшное припествіе Отецъ мя можетъ избавить отъ муки, и а что грубо учиню Отцу и Сынъ не избавить мя отъ муки»; и молился Матоѣй единому Богу Отцу, а Сына и святаго Духа отставилъ»¹⁾.

Характеристику нравственнаго учения и поведенія Башкина и вмѣстѣ съ тѣмъ иѣкоторую характеристику его, какъ живаго человѣка, даетъ памъ священникъ Суменои въ своемъ донесеніи о немъ митрополиту. Священникъ пишетъ: «Матоѣй (Башкинъ) въ великой постыдѣ у меня на исповѣди былъ, а сказывать на исповѣдѣ христіанинъ-де есмь, вѣрю въ Отца и Сына и Святаго Духа и поклоняюся образу Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистой Богородицѣ и великимъ чудотворцемъ и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ, а тогда меня великими клятвами и моленіемъ умолили на исповѣдь принять, и я его принялъ; да тутъ мнѣ говорилъ: великое-де дѣло ваніе, написано-де: иначто же сеѧ любви больни, еже положити душу свою за други свои, и вы-де по насть души свои илагаете и бдите о душахъ нашихъ, яко слово воздати вамъ въ день судный; и посль того

¹⁾ Ibid. стр. 253 col. 1.

пріѣзжать ко миѣ на подворье (на домъ) да чель бесѣды евангельскія, да что написано пайдеть тамо, якожъ ти (быти?) христіаномъ, да учаль миѣ говорити: Бога ради пользуй мя душевне, иадобеть-де, чтѣ написано въ бесѣдахъ тѣхъ, честь, да на слово не надѣятьтись, быти бѣ и дѣломъ свершитися (т.-е. не ограничиваться только тѣмъ, чтобы знать написанное, но стремиться исполнить и на дѣлѣ), да все-де пачало отъ васъ, прежде вамъ священникомъ собою начало показати да и насть научити; да туто же въ евангеліи есть: «научитеся отъ Меня, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть»: ино-де которая нужа человѣку быти смирену, кротку и тиху? то-де все, чтѣ на васъ лежить, первое-де вамъ творити да и насть учити; и послѣ того прислати по меня человѣка и я къ нему пріѣхаль, и учаль (опы) говорити: во апостолѣ-де написано: «весь законъ въ словеси склончавается: возлюбили искренияго своего, яко самъ себе, аще себе угрязаете и сиѣдаете, блудите, да не другъ отъ друга сиѣдени будите», а мы-де Христовыхъ рабовъ у себя держимъ, Христосъ всѣхъ братью нарицасть, а у насть-де на иныхъ и кабалы, на иныхъ—бѣглии, а на иныхъ—нарядния, а на иныхъ—полния, а я-де благодарю Бога моего, у меня-де что было кабаль и полныхъ, то-де если все изодрали да держу-де, государь, своихъ добровольно: добро-де ему и онъ живеть, а не добро и онъ куды хотеть, а вамъ отцемъ приложе посвящати насть почасту и о всемъ наказывать, какъ намъ самимъ жити и людей у себя держати, не томити¹⁾...

Въ сейчасъ приведенныхъ словахъ Башкинъ изображается наимъ-какъ человѣкъ съ горячимъ религіознымъ чувствомъ и вмѣстѣ съ глубокимъ и живымъ чувствомъ нравственнымъ,—какъ человѣкъ, котораго неотступно и настоятельно занимала мысль о своемъ нравственному самоусовершеніи. А это совсѣмъ необычное дѣло, каково—дарование свободы рабамъ, показываетъ въ немъ человѣка, способнаго къ высокому религіозному увлечению. Подобный человѣкъ, естественно, долженъ быть обладать наклонностью къ тому, чтобы слушать проповѣдь противъ вѣшнне-обрядового, мертваго, христіанства. Но, склонивъ свой слухъ къ проповѣди Матвѣя аптекаря и Андрея Хотѣва, Башкинъ и увлеченъ быть ими, при своей, какъ нужно думать, увлекающейся натурѣ, слишкомъ далеко...

Приходъ Башкина на исповѣдь къ священнику Симеону показываетъ, что онъ быть взятъ въ то время, какъ находился на пути воз-

¹⁾ Акт. Зекл. т. I, N 238. IV, стр. 248. Член. Общ. Ист. и Древн. 1847-го. N 3. отд. II, стр. 22.

вращенія отъ иеврѣя къ вѣрѣ. Если онъ пришелъ къ священнику на исповѣдь и умолилъ его допустить къ ней великими клятвами и моленіемъ, если онъ настоятельно просилъ священника пользовать его душевне: то ясно, что онъ тяготился иеврѣемъ и искалъ примирить себя съ вѣрою. Будучи схваченъ, Башкинъ сначала заперся въ своихъ ересяхъ, а потомъ, пораженный бѣснованіемъ, началъ каяться. Какъ думаемъ, это нужно понимать такъ, что спачала онъ заперся изъ страха, а потомъ отъ мучительного думанія надъ тѣмъ, открываться или не открываться, дошелъ до душевной (отъ разстройства нервовъ) болѣзни и рѣшился чистосердечно раскаяться.

Почему Башкинъ, несмотря на свое чистосердечное раскаяніе, все-таки посланъ былъ въ ножизненное заключеніе, не можемъ сказать. Можетъ быть, возобладать на соборѣ тотъ юсифовскій принципъ, что отъ еретика захваченнаго не пріемляется покаяніе (и если это такъ, то весьма не рекомендуется соборъ и прежде всего, конечно, митрополита, ибо Башкинъ, рѣшившійся на то, чтобы искать истину въ церкви, самъ стремился къ тому, чтобы быть взятымъ); можетъ быть, знали (успѣли узнать) его непрѣдѣльный характеръ и опасались, что онъ снова отпадеть къ ереси, чтобы выступить ея пропагандистомъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что представление нами выше официальное изложеніе еретического ученія Башкина вовсе не заботится о томъ, чтобы изобразить точнымъ образомъ именно его ученіе, не захватывая ученія Косаго. На это мы имѣемъ положительныя указанія въ самомъ изложенії¹⁾). Но вообще мы не имѣемъ возможности къ тому, чтобы изобразить ересь Башкина настоящeточнымъ образомъ.

Обращаемся къ Феодосію Косому.

Историческая свѣдѣнія о Феодосіи, получившемъ прозваніе Косаго отъ физического недостатка косоглазія, состоять въ томъ, что онъ былъ приближенный и должностной рабъ или дворовый человѣкъ одного изъ московскихъ знатныхъ бояръ (ключникъ, дворецкий),—что, бѣжавъ отъ господина, онъ постригся на Бѣлоозерѣ въ монахи,—что прежде обличенія въ ереси онъ провелъ въ монашествѣ болѣе или

¹⁾ Въ изложеніи читается: Башкинъ и его товарищи хулѣ глаголютъ на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и неравна Его Отцу повѣдаютъ; «вѣціи же еще и другіе поучаютъ на сіе злочестіе»,—Акт. Эксп. стр. 250, col. 1 sub fin. Это «нѣціи» несомнѣнно относятся не къ Башкину съ товарищами, а къ Феодосію Косому съ учениками.

менѣе продолжительное время,—что какъ монаху ему много угоджалъ и его бывшій господинъ¹⁾).

Всѣдѣствіе оговора Башкина или другихъ, оговоренныхъ послѣднимъ, заволжцевъ, Косой пойманъ бытъ въ концѣ 1553-го года или въ 1554-мъ году²⁾). Привезеній въ Москву для суда и посаженій въ заключеніе въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей, онъ успѣлъ прежде или послѣ произнесенія наѣмъ суда, освободиться изъ заключенія и бѣжать въ Литву³⁾.

Мы такъ же не имѣмъ акта соборнаго суда надъ Косымъ, если только онъ бытъ, какъ не имѣмъ этого акта суда надъ Башкинымъ. Свѣдѣнія обѣ его ереси мы находимъ въ двухъ иолемическихъ противъ него сочиненіяхъ. Одно изъ сочиненій написано монахомъ новгородскаго Отенскаго монастыря⁴⁾ Зиновіемъ; другое—монахомъ неизвѣстнымъ по имени и неизвѣстнаго монастыря. Къ Зиновію, который въ не совсѣмъ достовѣрныхъ изгѣбствахъ называется ученикомъ преп. Максима Грека, который самъ называетъ своихъ учителей людьми прорѣщенними и который, представляя себю весьма замѣчательное для XVI вѣка явленіе, бытъ человѣкъ въ собственномъ смыслѣ слова образованій, пришли въ 1566-мъ году два монаха старорусскаго Спасскаго монастыря и третій мірянинъ, всѣ полузараженные ересью Косаго, и настоятельно просили его, какъ человѣка ученаго, сказать о послѣдней свое мнѣніе. Въ отвѣтѣ на просьбу пришедшихъ, въ видѣ

¹⁾ «Истинны показаніе» Зиновія Отенскаго, о которомъ сейчасъ ниже, Казанск. изд. стрр. 23 sqq, 200.

²⁾ Вѣроятѣбо, что Косой оговоренъ бытъ не самимъ Башкинымъ, а уже другими, оговоренными отъ него, заволжцами, ибо виначе Никоповская лѣтопись должна бы бытъ называть его въ числѣ оговоренныхъ Башкинимъ, тогда какъ она не называетъ его.—VII, 204. Но показанію въ Зиновія Отенскаго,—Казанск. изд. Истинны показанія стр. 879, Косой взять бытъ послѣ Артемія, бывшаго игумена Троицкаго, а это вѣтъ бытъ въ концѣ 1553-го года (см. ниже).

³⁾ Изъ того обстоятельства, что Никоновская лѣтопись, говори о судѣ надъ Башкинимъ, не говорить о судѣ надъ Оеодосіемъ (VII, 204) слѣдовало бы заключать, что онъ бѣжалъ до суда. Но, съ другой стороны, въ описаніи царскаго архива, составленномъ при Грозномъ, читается: «ящикъ 222, а въ немъ соборные дѣла, сински черные, Матвея Башкина, да Артемія бывшаго игумена Троицкаго, и Оеодоса Косага и иныхъ старцовъ»,—Акт. Эксп. т. I, № 289.

⁴⁾ Отенскій монастырь (отия пустыни) находится въ 50 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Новгорода, на рекѣ Большой Вишерѣ, впадающей въ Волховъ, въ крестецкомъ уѣздѣ (место постриженія и место погребенія св. Іоны, архіепископа новгородскаго).

собесѣданія съ ними, Зиновій и написалъ весьма обширное обличительное сочиненіе на ересь, которому далъ название: «Истини показаше къ вопросившимъ о повомъ учениі»¹). Неизвѣстный по имени неизвѣстнаго монастыря монахъ писалъ по просьбѣ православныхъ Литовско-Русскихъ, среди которыхъ проповѣдывалъ свою ересь Феодосій. Православные прислали монаху списокъ ересей Феодосія и прошли написать на нихъ опроверженіе. Исполняя просьбу, монахъ и написалъ опроверженіе въ видѣ посланія къ просителямъ, которому далъ название: «Посланія многословнаго», такъ какъ оно очень обширио²).

1566-й годъ, когда пришли къ Зиновію трое полузараженныхъ ерсью Косаго, былъ 12-й или 13-й годъ пребыванія постѣдняго въ Литвѣ. Вступивъ въ общество здѣшнихъ антитринитаріевъ, онъ могъ болѣе или менѣе измѣнить свое ученіе противъ того, какъ проповѣдывалъ его на Москвѣ. А такимъ образомъ въ Истини показаніи Зиновія Отенскаго намъ собственно передается не московское, а литовское ученіе Косаго, хотя очень можетъ быть, что между тѣмъ и другимъ ученіемъ и не было никакой разности. Что касается до Посланія многословнаго, то существуютъ основанія полагать, что оно писано въ самое первое время пребыванія Феодосія въ Литвѣ. Ученіе постѣдняго излагается въ немъ совершиенно согласно съ Истини показаніемъ, но, во-первыхъ, въ немъ неѣтъ одного очень важнаго пункта, а во-вторыхъ—есть нѣсколько пунктовъ лишнихъ.

Въ Истини показаніи Зиновія Отенскаго ученіе Косаго передается въ слѣдующемъ видѣ:

Богъ единъ, а не троиченъ.

Иисусъ Христосъ, основатель христіанскаго религіознаго общества, не есть Богъ.

Надобаетъ духомъ покланяться Богу, а не виѣниимъ образомъ. Вся виѣнина церковь съ ея іерархіей, таинствами, богослуженіемъ и учрежденіями представляетъ изъ себя позднѣйшее человѣческое (не отъ Христа идущее) преданіе и измѣненіе и какъ таковая должна быть отвергнута (еписконы и священники суть ложные учителя, идолъскіе жрецы и мањаки, т.-е. льстцы, угодники; въ храмы не должно

¹) Напечатано Казанской Духовной Академіей въ 1863-мъ году.

²) Напечатано въ харьковскомъ «Духовномъ Вѣстнике» за 1865-й годъ и потомъ А. П. Поповымъ во 2-й кн. Член. Общ. Ист. и Древн. за 1880-й годъ. Нѣкоторые уверяютъ «Посланіе многословное» тому же Зиновію Отенскому; но мы въ этомъ весьма сомнѣваемся, о чёмъ скажемъ ниже въ обзорѣ литературы.

ходить, ибо они суть кумирины; къ священникамъ не приходить, молебновъ не пѣть, молитвъ у священниковъ не требовать, не каяться къ нимъ и не причащаться отъ нихъ, ладаномъ не кадиться, на похороненіи отъ епископовъ и священниковъ не отпѣватъся, по смерти не поминаться: все это человѣческое преданіе; кресты и иконы скрывать, ибо они суть идолы; святыхъ на помощь не призывать и молчать имъ не покланяться; постовъ не соблюдать; писаний отеческихъ не читать; монастыри и всѣ ихъ уставы—человѣческое преданіе).

Истинное христіанство состоить не въ дѣлахъ виѣшней набожности (которая суть простое человѣческое измышленіе), а единственно въ исполненіи заповѣди Иисуса Христа о любви къ ближнимъ.

На землѣ отца себѣ не именовать, но на небеси Бога Отца себѣ именовать (въ Посланиѣ многословномъ: не должно почитать родителей ни именовать отцовъ, ибо написано: «не нарицайте себѣ отца на земли, единъ Отецъ ваний—Богъ»).

Какъ имению мыслить Косой обѣ Иисусѣ Христѣ, это въ Истинѣ показаніе не совѣтъ ясно. Зиновій хочетъ думать и настаиваетъ на томъ, что онъ считалъ Его за простаго человѣка. Но собесѣдники Зиновія съ своей стороны какъ будто настаиваютъ на томъ, что Косой считалъ Его за существо сотворенное, высшее простаго человѣка, или по крайней мѣрѣ за простаго человѣка, одареннаго отъ Бога сверхъестественными дарованиями¹⁾.

Въ Посланиѣ многословномъ не достаетъ пункта ученія о Богѣ и обѣ Иисусѣ Христѣ, и потому лишніе пункты: про всѣ иѣры, которая суть во всѣхъ языкахъ, Косой говоритъ, что всѣ люди суть одно у Бога: и Татары и Нѣмцы и прочие языки; у христіанъ не должно быть властей и не должно имъ воевать; не слѣдуетъ подавать подаяній нищимъ, ибо они суть исы, а написано: иѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и повреци искомъ.

Относительно опущеній должно думать, что на первыхъ порахъ своего пребыванія въ Литвѣ Косой не находилъ удобнымъ проповѣдывать своего ученія обѣ единобожій.

Что касается до лишнихъ пунктовъ, то, если они не усвоены Косому отъ другихъ антитринитаріевъ, должно думать, что собесѣдники Зиновія или опустили ихъ по забвению или сами ихъ не признавали.

¹⁾ Казанск. изд. Истинѣ показанія стр. 214 seqq.

Ересь Феодосія Косаго представляє собою преобразування житівства въ рациональне христіанство. Онь припиняється чимъєсть съ юдізовствуючими, що Богъ есть единъ; но и Іисуса Христа онъ не считає за какого нибудь обманщика, а припиняє за посланника Божія, який вмѣсто ветхаго Моисеева завѣтія установилъ свой новий завѣтъ. Ветхій завѣтъ состоялъ въ почитаннії единаго Бога и въ соблюденнії предписаныхъ Богомъ обрядовъ. Іисусъ Христосъ, установляя свой новий завѣтъ, отмѣнилъ обряды и предписалъ поклоняться Богу духомъ, а на мѣсто обрядовъ дать новую нравственную заповѣдь о любви къ ближнимъ, какъ къ самимъ себѣ. Сколько можно входить въ процесію мыслей Косаго, онъ усвоилъ юдіовське ученіе объ единобожії на основаннії слѣдующаго: и іудеи и христіане одинако признаютъ книги Моисеевы за книги богодухновенія; но въ этихъ книгахъ Богъ совершиенно ясно проповѣдує о себѣ (т.-е. какъ находитъ Косой), что Онъ есть единъ; Богъ, возвѣстившій себя единимъ чрезъ Моисея, не могъ послѣ стать троичнимъ, и т. д. Но, припиняя юдіовське ученіе объ единобожії, Косой вмѣсть съ тѣмъ считає юдіовський Моисеевъ законъ отмѣненимъ и припиняє новий завѣтъ Іисуса Христа за истинный новий завѣтъ, замѣнившій собою ветхій, на томъ основаннії, что первый представляетъ нѣчто несправненіе вышнее противъ послѣдняго,—что заповѣдь о любви къ ближнимъ, какъ къ самимъ себѣ, убѣждаетъ его въ подлинности и истинностіи нового завѣта.

Основывая свое ученіе объ единобожії па книгахъ Моисеевыхъ, Косой называть ихъ столповыми книгами ибо роученія. Священное Писаніе Нового Завѣта онъ не отвергаетъ, но толкоитъ его по своему, т.-е. такъ, чтобы выходило, будто объ Іисусѣ Христѣ говорится въ пемъ только какъ о человѣкѣ; при этомъ, посланіе къ Евреямъ, въ которомъ съ непрекращеною ясностію говорится объ Іисусѣ Христѣ, какъ о Богѣ, онъ не признавалъ за подлинное писаніе ап. Павла. Писанія отеческія опъ объявлялъ за баснословіе, но онъ находилъ въ нихъ иѣкоторую истину среди лжи, т.-е. нѣчто, какъ ему казалось или какъ хотѣть онъ представлять, говорящее за него, и этимъ нѣчто онъ пользуется въ подтвержденіе себя.

Не знаемъ мы, насколько Косой самостоятельнымъ образомъ изучалъ Священное Писаніе Ветхаго и Нового Завѣта и писанія отцовъ, чтобы собратъ оружіе противъ сверхъчестственного христіанства со всѣмъ его виѣннимъ устройствомъ. Но во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть выступить противникомъ его болѣе или менѣе хорошо вооруженнымъ въ то оружіе, которое было возможно. Мы говорили выше,

что у Евреевъ тщательно собранъ быть весь арсеналъ оружія противъ христіанства, какое могло быть найдено и что этотъ арсеналъ болѣе или менѣе въ полномъ объемѣ поступилъ въ обладаніе нашихъ Жидовствующихъ. Слѣдовательно, и помимо собственныхъ стараний Косой имѣть готовымъ то, что было ему нужно. Дѣйствительно, насколько известна намъ доказательная сторона полемики Косаго противъ сверхъестественного христіанства, мы находимъ въ немъ полемиста, обладающаго знаніемъ и можно выражаться — ерудиціей.

Какъ велико было число людей, зараженныхъ рационалистической ересью Феодосія Косаго, положительнымъ образомъ мы не знаемъ. Но таковыми называются единственно старцы заволжскихъ монастырей, и слѣдовательно — о сколькою болѣе числомъ чистъ людей во всякомъ случаѣ не должно думать. Что касается до количества этихъ старцевъ, то говорится, что на основаніи доноса Башкина и по произведеніямъ по томъ розыскамъ взяты были многие¹⁾). Но подъ многими взятыми нужно разумѣть не однихъ только учениковъ Косаго, но еще людей еретически-вольнomyсленныхъ, которые, не отвергая сверхъестественного христіанства, болѣе или менѣе уклонялись отъ чистоты православія и о которыхъ будемъ говорить сейчасъ ниже. Вообще, представляется наиболѣе вѣроятнымъ думать, что количество настоящихъ учениковъ Косаго между заволжскими старцами было очень не велико.

Обращаемся же сейчасъ помянутымъ еретически-вольнomyсленнымъ людямъ, не отвергавшимъ сверхъестественного христіанства.

Выше мы говорили, что ересь Жидовствующихъ распространялась у насъ въ двухъ видахъ: въ видѣ настоящей ереси или, точнѣе говоря, — настоящаго отступничества, состоявшаго въ совершенномъ отрицаніи христіанства, и въ видѣ болѣшаго или меньшаго еретического вольнomyслія, не дошедшаго до совершеннаго отрицанія христіанства. Отъ правительственныйыхъ розысковъ, произведенныхъ передъ соборомъ 1504-го года, удалось укрыться пѣкоторой части настоящихъ Жидовствующихъ; тѣмъ болѣе должна была укрыться отъ нихъ болѣе или менѣе значительная часть людей еретически-вольнomyсленныхъ, такъ какъ для послѣднихъ это было значительно легче. Настоящіе Жидовствующіе, въ томъ или другомъ числѣ, нашли себѣ убѣжище у заволжскихъ старцевъ. Подобнымъ образомъ, нашла себѣ у нихъ убѣжище та или другая часть и людей еретически-вольнomyсленныхъ. Но Башкинъ, дѣлая свой доносъ на своихъ единомышленниковъ, находив-

¹⁾ У Зиновія Огенского въ Истинѣ показаній.—Казанск. изд. стр. 879.

шихся въ Заволжье, не ограничился только настоящими единомысленниками, каковыми были унитарии или антитринитарии съ Косымъ во главѣ, но указалъ и на этихъ людей еретически-вольномысленныхъ, не отрицавшихъ сверхъестественного христіанства или только болѣе или менѣе склонявшихъ въ своихъ мѣніяхъ отъ чистоты православія. Всѣдѣстіе оговора Башкина и всѣдѣстіе розысковъ, произведенныхъ на основаніи оговора, привлечено было къ соборному суду и подвергнуто осужденію то или другое количество изъ этихъ еретиковъ, представлявшихъ изъ себя нашихъ протестантовъ.

Люди вольномысленные, о которыхъ говоримъ, явились такимъ образомъ, что проповѣдники жидовства по отношенію къ ihnen изъ совращаемыхъ ими имѣли неполный успѣхъ,—не успѣвая соврашать этихъ иныхъ въ настоящее жидовство, успѣвали только заражать ихъ болѣшимъ или меньшимъ вольномыслѣемъ. Понятно, что проповѣдники успѣвали заражать вольномыслѣемъ одного болѣе, другаго менѣе, и что всякаго заражали они въ своей собственной мѣрѣ; а отсюда понятно, что между зараженными вольномыслѣемъ не могло быть единства и единобразія (определенной системы) въ образѣ мыслей и въ пунктахъ склоненія отъ православія, по что каждый изъ нихъ былъ самъ по себѣ. Соединеніе того или другаго количества людей вольномысленныхъ въ одномъ мѣстѣ, каково Заволжье, заставляетъ предполагать, что между ними произошло въ отношеніи къ образу мыслей объединеніе—или общее, всѣхъ въ одну какъ бы въ секту, или частное—въ извѣстное количество группъ. Было это дѣйствительно такъ, или какъ и при первоначальномъ мѣстномъ разъединеніи каждый быть самъ по себѣ, съ увѣренностью сказать не можемъ, потому что не имѣмъ относительного этого надежныхъ свидѣтельствъ. Но само по себѣ вѣроятѣйшимъ представляется, очевидно, послѣднее: а равнымъ образомъ за послѣднее говорить и свидѣтельства или не совсѣмъ определенія или не совсѣмъ надежныя, какая имѣмъ¹⁾.

¹⁾ Въ грамотѣ въ Соловецкій монастырь о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи (о которомъ сейчасъ читается, что некоторые изъ единомысленниковъ Башкина сказали на себя, «что святые иконы не покланялись да и уложили передъ него подъ казанью (sic), что имъ и передъ святыми иконы не покланялись»,—Акт. Окн. т. I, № 239, стр. 250 бп.). Но разумѣются ли въ грамотѣ люди вольномысленные, о которыхъ говорятъ, или ученики Косаго, этого въ себѣ не видно. Курбский говоритъ, что между Кирилловскими монахами есть *секта* такихъ, которые считаютъ иконателями соборныхъ посданій не лицемѣръ, а старцевъ презвитеровъ, см. у *Восток. Рукоп. Муз.* стр. 243 ед. 2 и у *Напова* въ *Извесіяхъ*

Какъ бы то ни было, но и отдельныхъ лицъ между заволжскими старцами, зараженными вольномысліемъ, пѣть ни одного, вольномысленія мѣйнія котораго были бы памъ достовѣрнымъ образомъ извѣстны. Мы имѣемъ извлеченіе изъ соборнаго разыска и всего объ одномъ изъ этихъ старцевъ, но и единственный разыскъ сообщаетъ памъ только обвиненія, которыя были взводимы на подсудимаго, но не даетъ возможности рѣшить, какая изъ вольномысленныхъ мѣйній ему усвоившихся дѣйствительно ему принадлежали.

Этотъ единственный старецъ, о которомъ мы и скажемъ, есть бывшій игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Артемій.

Артемій, неизвѣстно гдѣ имѣвшій свою родину и къ какому сопровождению принадлежавшій по рожденію, былъ постриженникъ преп. Корнилія Комельского (монастырь котораго находится въ грязовецкомъ уѣздѣ вологодской губерніи, въ 5-ти верстахъ къ югу отъ города Грязовца). Въ 1536-мъ году, по благословенію преп. Корнилія, онъ перешелъ изъ монастыря послѣдняго въ одну изъ пустынѣй, находившихся въ окрестности Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, именно—пустынью, называвшуюся Порфириевою (Перфириевою, Перфильевою), которая, по всей вѣроятности, была основана тѣмъ бѣлозерскимъ пустынникомъ Порфириемъ, который съ 1521-го года по 1524-й годъ былъ игуменомъ Троицкаго Сергіева монастыря и который за смѣлое обличеніе вел. кн. Василія Ивановича въ одномъ неподхвальномъ дѣяніи прогнаанъ былъ съ мѣста¹⁾). Въ 1548-мъ году Артемій имѣлъ такую репутацію, должно думать—въ одно и то же время и какъ инока строгой жизни и какъ человѣка книжно-учительного, что былъ приглашаемъ въ настоятели Корниліева монастыря²⁾. Передъ 1551-мъ го-

рукописей Хлудова, стр. 114 нач.. Но можно думать, что Курбскій, слышавшій сей часъ сказанное мѣйніе отъ нѣкоторыхъ Кирилловскихъ монаховъ, говорить о сектѣ не какъ о томъ, что было ему положительно извѣстно, а какъ о томъ, что онъ самъ только предполагаетъ.

¹⁾ См. послѣдовіе къ рукописи 1543-го года, находящейся въ библіотекѣ бывшей Царскаго,—Опис. Строева № 25, стр. 11, писецъ которой ипокъ Артемій несомнѣнно есть нашъ Артемій.

²⁾ Что былъ приглашаемъ въ настоятели Корниліева монастыря, объ этомъ говоритъ самъ Артемій въ одномъ посланіи къ царю Ивану Васильевичу, см. въ IV томѣ Русской Исторической Библіотеки, въ которомъ напечатаны посланія Артемія, сол. 1440. Что это было въ 1548-мъ году, слѣдуетъ изъ извѣстной памъ смены игуменовъ Корниліева монастыря, см. у Строеva въ Синската іерарховъ въ настоятелей монастырей, сол. 750.

домъ слава его въ обоихъ сейчасъ указанныхъ отпоеиахъ дошла до Москвы и по прошепю братіи Троицкаго Сергіева монастыря онъ вызванъ бытъ изъ пустыни, чтобы бытъ поставленнымъ въ игумены монастыря, въ каковые, несмотря на свое рѣшительное нежеланіе, и бытъ поставленъ по приказанию государя между 1-мъ—17-мъ Мая 1551-го года¹⁾). Пробывъ на невольномъ игуменствѣ падъ монахами, права которыхъ были ему крайне не по сердцу, лишь шесть съ половиною мѣсяцевъ и озламевавъ себя на немъ тѣмъ, что перевель къ Троицѣ изъ Твери ирен. Максима Грека, онъ снова удалился въ пустынью²⁾). Когда обличенъ бытъ въ ереси и взять подъ стражу Башкинъ: то Артемій, какъ человѣкъ учительный, вызванъ бытъ изъ пустыни, чтобы говорить съ нимъ книгами. Но Башкинъ, а равно и другіе, начали оговаривать его самого—Артемія, что «онъ не истинноствуетъ христіанскаго закону». Отъ оговоровъ онъ «безвѣстно сбѣжалъ» было изъ Москвы въ Заволжье; но бытъ привезенъ и подвергнутъ соборному суду³⁾.

¹⁾ Относительно славы Артемія сѣг. отзывы о немъ Благовѣщенскаго священника Сильвестра,—въ Акт. Эксп. т. I, № 235, стр. 246, col. 2.—Что бытъ выбранъ въ игумены Троицкаго монастыря «по братскому прошепю», см. въ томъ же отзывѣ священника Сильвестра,—ibid...—Принимается, что Артемій поставленъ бытъ въ игумены Троицкіе 17-го Мая 1551-го года, на томъ основаніи, что 17-го Мая были подписаны царемъ на его имя, какъ игумена Троицкаго, иѣкотория, данныя монастырю, грамоты,—Акт. Экспед. т. I, № 72, стр. 53 col. I нач., Акт. Ист. т. I, № 132, стр. 193 sub fin.: но грамоты могли бытъ подписаны, и вѣроятнѣе, что бытъ подписаны, не въ самыи день поставленія.

²⁾ Объ оставлениіи игуменства Артеміемъ священникъ Сильвестръ говорить: «не по мнозѣ времени Артемій игуменство оставилъ за свою совѣсть и отъиде въ пустынью»; священникъ Суменонъ со словъ иѣкоторыхъ заволжскихъ старцевъ говорить: «побыль на игуменствѣ, и онъ видѣть, что душѣ его не въ пользу игуменство, и того ради игуменство оставилъ, хочеть себѣ внимати, чтобы отъ Бога не зогнити душою и Христовы заповѣди совершити и евангельскія въ апостольскія, и отъ своею руку питати,—вищею и одежою доволити»,—Акт. Эксп. т. I, № 236, стрр. 247 col. 1 нач. и 249, col. 2; Курбскій говоритъ: «отошоль въ пустынью, и царя не послушавъ, отъ того великаго монастыря, многаго ради мятежу и любопытствательныхъ, издавна законопреступныхъ, мнозовъ».—Сказаний изд. 2, стр. 134. Что Артемій бытъ на игуменствѣ шесть съ половиною мѣсяцевъ, это время его игуменствованія означается въ спискахъ настоятелей Троицкаго монастыря.

³⁾ Грамота обѣ Артеміи,—Акт. Эксп. т. I, № 239, стрр. 251 col. 1 и 253 col. 2 fin..

На соборѣ, какъ передаетъ извлеченіе изъ розыска о немъ, Артемій обвиняемъ былъ Башкинъ и другими свидѣтелями въ слѣдующемъ. «Башкинъ писалъ и говорилъ (на него) многія богохульныя вины: о иконостасѣ поклоненіи и о причастії тѣла Христова и чего-деи въ евангельѣ и во апостолѣ не писа(но) и того-деи держати не нужно, и о преданії святыхъ отецъ». Бывшій єерапонитовскій игуменъ Нектарій показывалъ: «Артемій говорилъ ему о Троицѣ: во Іосифовѣ-де книгѣ Волоцкаго написано негораздо, что послать Богъ въ Содомъ двухъ ангеловъ, сирѣчъ Сына и святаго Духа; да Артемій же повгородскихъ еретиковъ не проклинаетъ и латинъ хвалить и поста не хранить». Къ сейчасъ сказаниому Нектарій обвинялъ Артемія во многихъ богохульныхъ и иныхъ еретическихъ винахъ. Бывшій игуменъ Троицкаго Сергіева монастыря Іона писалъ на Артемія, что онъ говорилъ хулу о крестномъ знаменіи: «иѣть-деи иѣ томъничего, прежде-деи сего на четь своеемъ знаменіе клади, а иныѣча своимъ произволеніемъ большіе на себѣ кресты кладутъ, да и на соборѣ-деи о томъ крестномъ знаменіи слово было, да не досиѣлиничего». Келарь Троицкаго Сергіева монастыря Адріанъ Антиловъ показывалъ на Артемія, что онъ говорилъ: пѣть панихиды и обѣди по умершимъ иѣть пользы, этимъ они не избудуть мукъ. Троицкій монахъ Ігнатій Курачовъ писалъ про Артемія, что слышалъ отъ него, какъ онъ смѣялся надъ поющими канономъ Іисусовъ и акаѳистомъ Божіей Матери, говоря, что-деи только и знаютъ выкрикивать: «таки Іисусе, таки Іисусе»; «радуйся, да радуйся». Кирилловскій игуменъ Симеонъ писалъ на Артемія, что онъ по поводу поиманія Башкина говорилъ: «не вѣдаю(ть) того, что ересь; сожги Курицына да Рукавого, и иныѣча того не вѣдаютъ, про что ихъ сожгли». Наконецъ, самъ митрополитъ Макарій обвинялъ Артемія въ томъ, что на соборѣ противъ Башкина онъ — Артемій называлъ ереси постѣдниго не ересями, а простыми его глупостями,—что говорилъ, будто иныѣ еретиковъ иѣть и что не должно судить еретиковъ такъ, чтобы предавать ихъ казни¹⁾.

Если бы признать все сейчасъ изложенное за справедливое или—если бы имѣть возможность отличить въ изложенномъ справедливое отъ ложнаго: тогда мы знали бы, въ чемъ состояли еретической мѣркви Артемія (хотя знали бы все таки не совсѣмъ определенно, поко-

¹⁾ Извлеченіе изъ соборнаго розыска обѣ Артеміи въ грамотѣ о немъ въ Соловецкій монастырь, которую мы несколько разъ указывали выше.—Акт. Эксп. т. I, № 239 (о подлинномъ спискѣ розыска *ibid.* стр. 251, col. 1, и въ описаніи царскаго архива.—Акт. Экспед. т. I, № 289, ящики 189 и 222).

лику не совсѣмъ опредѣленно и глухо онъ обвиняется). Но мы имѣемъ основательныя побужденія не принимать первого и не имѣемъ возможности сдѣлать втораго. Самъ Артемій ни въ чёмъ не признавалъ себя виновнымъ, большую часть пунктовъ обвиненія отвергнувъ какъ ложь, а относительно остальныхъ давъ объясненіе въ томъ смыслѣ, что онъ былъ перетолкованъ или что отъ его поведенія сдѣланы были несправедливыя заключенія объ его мнѣніяхъ¹⁾). Но если должно быть признано за фактъ то, что Артемій не былъ невиновенъ, ибо впослѣдствіи онъ самъ признавалъ свою виновность²⁾), то имѣемъ мы основанія полагать, что онъ виновенъ былъ и не во всемъ томъ, въ чёмъ былъ обвиняемъ. Курбскій, считающій Артемія также совершило неиновнымъ, вѣроятно—на основаніи той ревности о православії, кото-

¹⁾ Обвиненіе Башкина Артемій отвергнулъ, какъ ложныя. Всѣ обвиненія Нектарія, кроме о нехраненіи поста, отвергнулъ; а относительно послѣдняго сказалъ, что когда случалось быть ему въ міру, нарушалъ посты (но не отвергалъ его необходимости). На обвиненіе Юны Артемій сказалъ, что о крестномъ знаменіи ему не говорилъ, а про соборъ и именно—про ишѣній говорилъ. На обвиненіе Адріана Авгілова Артемій сказалъ, что говорилъ про тѣхъ, которые жили раслѣниемъ житіемъ и людей грабили, а послѣ смерти начнутъ иѣть по нимъ панихиды, и что Богъ приношенія о такихъ не пріемлетъ и что не будетъ имъ ничего,—тѣмъ не избыть имъ муки. На обвиненіе Игнатія Курачова Артемій отвѣчалъ, что говорилъ про тѣхъ, которые поютъ каноны и акаонты, а обѣ исполненія заповѣдей Божіихъ не заботятся. На обвиненіе Сулеона Артемій отвѣчалъ, что не про другихъ, а про самого себя говорилъ, что не знаетъ, за что сожгли новгородскіхъ еретиковъ. Что отвѣчалъ Артемій на обвиненіе самого митрополита, въ извлеченіи изъ розыска этого не читается.

²⁾ Во время своей жизни въ Литве, въ которую бѣжалъ изъ заключенія, Артемій писалъ или Феодосію Косому или одному изъ учениковъ послѣдняго, бѣжавшаго вмѣстѣ съ нимъ (Фомѣ): «неправеднымъ наукамъ приложился еси, ихже иногда и мы сами, не ощущивше сущая въ нихъ прелести антихристова духа, не дрѣзнухомъ хулати, но въ иѣкихъ рѣчатъ не разнствовахомъ.—для того попустить намъ Богъ пострадати таковая къ обращенію лучшему и своему познанію», см. въ IV т. Русск. Историч. Бібліотеки сол. 1420. Игуменъ Нектарій между прочимъ доносилъ на Артемія собору, что онъ бѣжалъ изъ псковскаго Нечерскаго монастыря въ Новый городокъ въ вѣнецкій (Нейгаузенъ, находящійся въ 17 верстахъ отъ Нечерскаго монастыря) и тамъ вѣръ изъ восхвалилъ. Отрицая послѣднее обвиненіе Артемій не совсѣмъ вразумительно говорилъ на соборѣ о цѣли своей поѣздки: «на умѣ у него было, что было ему говорiti какъ христіянскій законъ съ римскимъ закономъ потому-ли какъ у насъ»; но не можетъ подлежать сомнѣнію, что дѣйствительную цѣль поѣздки составляло ближайшее ознакомленіе съ протестантствомъ (которое почти уже совершенно вытеснило тогда изъ Лифляндіи католичество).

рую онъ показалъ послѣ, живя въ Литвѣ, въ которую бѣжалъ изъ заключенія въ московской Россіи, утверждаетъ, что онъ былъ жертвой клеветы, а именно—что, принадлежавъ къ числу противниковъ вотчиновладѣнія монастырей, онъ былъ оклеветанъ любостяжательными, всякихъ лукавства исполненными, епископами и монахами, которые боялись, чтобы онъ не возвратилъ прежней великой любви къ себѣ государя и чтобы не возбудилъ противъ нихъ послѣдняго¹⁾). И дѣйствительно оказывается вѣроятнѣмъ допустить, что Артемій, не бывъ единствено жертвою клеветы, былъ въ болѣшей или меньшей степени оклеветанъ. Существуетъ его посланіе къ царю Ивану Васильевичу, писаніе, какъ нужно думать, въ то время, какъ онъ жилъ въ Москвѣ, бывъ вызванъ въ нее говорить кнігами съ Башкинъ. Изъ этого посланія мы узнаемъ, что приведенный изъ пустыни для занятія мѣста игумена Троицкаго монастыря, чтобы было въ то самое время, какъ происходилъ Стоглавый соборъ, онъ имѣлъ съ царемъ рѣчи о вотчинахъ монастырскихъ,—что защитники вотчиновладѣнія монастырей, поелику чѣмъ быть его противникомъ, подозрѣвали, будто онъ совѣтывалъ государю отнять у монастырей села и что вслѣдствіе этого была на него отъ этихъ защитниковъ великая вражда²⁾). Курбскій считаетъ главнымъ павѣтникомъ Артеміевымъ бывшаго берапонтовскаго игумена Нектарія³⁾; но весьма не невѣроятно предполагать, что главвѣтникъ клеветникомъ быть Башкинъ. Быть взятъ подъ стражу, этотъ послѣдній отданъ быть, пока не будетъ собранъ на него соборъ, подъ наблюденіе двумъ старцамъ Волоколамскаго монастыря⁴⁾: послѣ того какъ пришоль или приведенъ быть въ раскаяніе, онъ и могъ быть наученъ монахами волоколамскими, которые были защитниками вотчиновладѣнія монастырей *par excellence* и *excellence*, чтобы оклеветать Артемія.

Такимъ образомъ, повторяемъ, и обѣ единственномъ заволжскомъ старцѣ, еретически-вольномысленныи мифіи котораго сообщаются намъ подробнѣмъ образомъ, остается намъ достовѣрно неизвѣстнымъ, чѣмъ именно составляло эти его мифія (Помимо своего пѣкотораго, и при томъ временнаго, вольномыслія, Артемій представляетъ собой въ качествѣ православнаго проповѣдника о предпочтеній заповѣдей Божіихъ преданіямъ человѣческимъ втораго у насъ въ семъ родѣ проповѣдника послѣ преп. Максима Грека и ученика этого послѣдняго. Какъ къ та-

¹⁾ Сказаний стр. 134 sqq.

²⁾ Въ IV т. Русск. Историч. Библіотеки сол. 1440.

³⁾ Сказаний, стр. 135.

⁴⁾ Герасиму Ленкову и Филову Иодеву.—Иск. лѣт. VII, 204.

ковому проповѣднику мы возвратимся къ нему во второй половинѣ тома¹⁾.

Послѣ подробныхъ, хотя и далеко недостаточныхъ свѣдѣній объ еретически-вольномысленныхъ миѳийахъ одного изъ заволжскихъ старцевъ, имѣемъ частныхъ указанія на отдѣльныи еретически-вольномысленные миѳія, которыхъ держались многие или иѣкоторые изъ нашихъ старцевъ и вообще изъ людей, зараженныхъ шедшимъ отъ жицества вольномыслѣемъ.

Объ единомыслениникахъ Башкина, подь которыми, можетъ быть, должно разумѣть не учениковъ Косаго, а тѣхъ вольнодумцевъ, о которыхъ говоримъ, сообщается, что иѣкоторые изъ нихъ «сами сказали на себя (собору), что святымъ иконамъ не покланялись, да и уложили передъ сего подъ казанью (sic), что имъ и впредь святымъ иконамъ не покланятись»²⁾. Объ одномъ изъ учениковъ Артеміевыхъ сообщается, что онъ петялся съ соборомъ о чудотворцахъ и называлъ святаго Николу простымъ мужемъ³⁾. Курбскій увѣриеть, что иѣкоторые изъ кирилловскихъ монаховъ содержали такую ересъ, будто соборные посланія написаны не апостолами, а старцами, презвитерами церковными, и что титулъ апостольскихъ приписалъ имъ чести ради⁴⁾. Объ одномъ изъ людей вольномысленныхъ утверждается даже, весьма вирочемъ подозрительное относительно достовѣрности, будто онъ, приближаясь къ Косому, хотя и не принадлежавъ къ числу его учени-

¹⁾ Изъ посланій Артемія къ царю Ивану Васильевичу заключаютъ, что этотъ склонялся къ его образу мыслей. Но не мнѣаетъ имѣть въ виду то, что говорить, соборная грамота обѣ Артемія въ Соловецкій монастырь. Именіе—грамота говоритъ, что «благочестивый царь начать ихъ (обвиненныхъ въ вольномыслѣ) испытывать премудрѣ, хотя отъ нихъ увѣдати извѣстно, како убо сіи лукавіи и какова имуть свою мудровалія»,—Акт. Экспед. т. I, стр. 250, col. 2. На основаніи этихъ словъ не невозможно предполагать, что царь просилъ Артемія написать о томъ-то и о томъ-то не потому, чтобы склонялся къ его образу мыслей, а потому, что хотѣлъ, иѣсколько іезунтски, вымытать его образъ мыслей (Въ одномъ посланіи къ царю Артемій пишетъ: «твоє теплое заступленіе похвалляемъ, не радующеся о паденіи врагъ».—IV т. Историч. Вибліот.. col. 1382 нач.. Неизвѣстно, что именно разумѣеть Артемій, но можно подозрѣвать, что на счетъ теплаго заступленія овъ обманывался).

²⁾ Грамота обѣ Артеміи.—Акт. Эксп. т. I, № 239, стр. 250 fin..

³⁾ Порфирий.—Никон. Акт. VII, 205.

⁴⁾ См. Востокова Опис. Румянц. Муз. стр. 243 и Нопова Опис. рукн. Хлудова, стр. 114 нач..

ковъ, не парицаль Христа Бога нашего Вседержителемъ и говорилъ, что болѣе согрѣшаємъ Богу, нарица Христа Вседержителемъ¹).

Обиція представлій, которыя должно имѣть о заволжскихъ старцахъ, зараженныхъ еретическимъ вольномысліемъ, и о всѣхъ вообще людяхъ вольномысленныхъ, составившихъ отродіе жидаства, состоять въ томъ, чтобы воображать ихъ себѣ людьми болѣе или менѣе уклонившимися къ протестантизму,—людьми болѣе или менѣе отвергавшими церковную вѣщность и все то, что у подобныхъ еретиковъ называется человѣческимъ преданіемъ. Но установлѣніе какой инбудь ясной опредѣленности представлений, при тѣхъ скучныхъ данихъ, которыми мы располагаемъ, есть дѣло невозможное.

Вольномысліе, посѣянное въ нашеи обществѣ проповѣдниками жидаства, нашло себѣ между прочимъ убѣжище въ пустыняхъ заволжскихъ. Однако оно не сосредоточилось въ нихъ однихъ, но осталось въ большей или меньшей,—совсѣмъ неизвѣстной намъ,—мѣрѣ разсѣяннымъ и по другимъ мѣстамъ. Велѣствіе долосовъ Башкина бывъ открыто въ Заволжье, оно было открыто потомъ или вмѣстѣ съ тѣмъ и въ другихъ мѣстахъ. Курбскій говоритъ: «за повелѣніемъ царевымъ митрополитъ повелѣлъ оныхъ ругателей вездѣ имати, хотище истизати ихъ о расколѣхъ ихъ, и иже церковь возмущали, и гдѣ елико аще обрѣтено ихъ, вездѣ имано и провожено до мѣста главнаго московскаго (т. е. до Москвы), наче же отъ пустыни завольскихъ, бо и тамо прозибона оная руганія»²).

Какъ велико было число людей вольномысленныхъ, открытыхъ въ заволжскихъ пустыняхъ и въ другихъ мѣстахъ, остается неизвѣстнымъ. У Зиповія Отенскаго говорится о нашихъ людяхъ вольномысленныхъ и вмѣстѣ обѣ ученикахъ Косяго, что поиманы были многіе³); но это «многіе» очень неопределенно, ибо одинаково могло быть употреблено о числѣ лицъ, какъ ограничивающемся десяткомъ, такъ и доходящемъ до сотенъ. Соображая тѣ, что въ извѣстіяхъ офиціальныхъ и полуофиціальныхъ и въ лѣтописи вовсе не говорится о множествѣ взятыхъ⁴),

¹) Обѣ епископѣ рязанскому Кассіану (см. Сказание вкратцѣ о соборѣ на Матвѣя на Башкина.—въ Член. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 3). Но о томъ же епископѣ говорится, іїд., что онъ поклонялся мощамъ святыхъ, а обѣ его учитель соловецкіи старцы Исаакій (Іоасафъ?) Бѣлобаевъ говорится, что онъ (только) вѣчно отъ церковныхъ законъ развращалъ, іїд..

²) Сказаний стр. 133 ип..

³) Истиннѣ показаніе, Казанск. изд. стр. 879.

⁴) Грамота обѣ Артемію въ Соловецкіи монастыре,—Акт. Эксп. т. I, № 239;

наиболѣе вѣроятнымъ представляется думать, что количество многихъ взятыхъ людей вольномысленныхъ заключалось въ пѣсколькихъ десяткахъ. Въ частности извѣстны: Артемій, бывшій игуменъ Троицкій, съ тремя своими учениками, изъ которыхъ одинъ жилъ съ нимъ въ пустынѣ и взять былъ вмѣстѣ съ нимъ ¹⁾), а два другіе были монахами Новоезерскаго монастыря и взяты были въ 7065, т. е. 1556—7-мъ году ²⁾), монахъ Савва Шахъ ³⁾), Феодоритъ, креститель Лопарей, о которомъ, какъ о таковомъ, скажемъ ниже и который передъ тѣмъ, какъ быть взяту, находился на архимандриї въ суздальскомъ Евѳиміевомъ монастырѣ ⁴⁾), монахъ Соловецкаго монастыря Исаакъ или Ісааѳъ Бѣлобаевъ ⁵⁾), епископъ разансій Кассіанъ. Послѣдній не былъ обличенъ въ вольномыслии по розыску, а самъ обличилъ себя и, такъ сказать, былъ обличенъ Богомъ. Когда приведены были на соборъ заволжскіе старцы и съ ними сейчасъ поминутый Исаакъ Бѣлобаевъ, бывшій старцемъ или учителемъ Кассіана по монашеству, то онъ началъ защищать всѣхъ еретиковъ, а въ особенности своего бывшаго учителя и началъ хулить книгу ирен. Іосифа Волоколамскаго на новгородскихъ еретиковъ: по у него внезапно отнялись рука, нога и языкъ (т. е. съ нимъ случился параличъ), такъ что онъ принужденъ былъ оставить епископію и уйти въ монастырь (одинъ изъ заволжскихъ ⁶⁾).

Сказание вкратцѣ о соборѣ на Матвѣя на Башкина.—Чтен. Общ. Ист. и Древн. 1847-го года № 3; Никон. лѣт. VII, 204.

¹⁾ Порфирій; объ его новманіи вмѣстѣ съ Артеміемъ—Акт. Эксп. т. I, № 238, III, стр. 247 col. 1.

²⁾ Описание царскаго архива въ Акт. Эксп. т. I, № 289, ящикъ 190.

³⁾ Никон. лѣт. VII, 204, Курбскій стр. 134.

⁴⁾ Курбскій, стр. 132 sqq.

⁵⁾ Сказание вкратцѣ о соборѣ на Матвѣя на Башкина. Думаемъ, что Исаакъ Бѣлобаевъ, о которомъ говорить Сказаніе, есть одно и то же лицо съ Іоасаѳомъ Бѣлобаевымъ, о которомъ говоритъ Курбскій,—Сказаний стрр. 130 и 135.

⁶⁾ Сейчасъ указанное Сказание о соборѣ вкратцѣ. Пресмыкъ Кассіановъ поставленъ былъ 17-го Марта 1554-го года, а соборъ на Башкина, какъ мы сказали, собранъ былъ въ концѣ 1553-го года.—Въ Историческомъ обозрѣніи Рязанской іерархіи *T. Возложженскаю* (Москва. 1820 года) на какомъ-то неуказаннымъ основаніи утверждается, будто ипгр. Макарій имѣль ссору съ Кассіаномъ изъ-за того, «что онъ (епископъ) на митрополита жаловался государю въ томъ, что онъ въ Рязанской епархіи чрезъ своихъ сиящениковъ освящавъ пѣсколько церквей и что государь, разсмотрѣвъ сіе дѣло, невелѣлъ болѣе митрополиту встуپать въ епархиальныя дѣла», и это обстоятельство принимается за вѣроятную причину извержения съ каѳедры епископа митрополитомъ,—стр. 46.

Артемій съ первой серіей открытыхъ еретически—вольномысленіихъ людей бытъ соборно осужденъ не позднѣе 24-го Января 1554-го года ¹⁾; но, какъ видно изъ сказанного (о двухъ ученикахъ Артеміевыхъ монахахъ новоезерскихъ), розыски продолжались и потомъ по крайней мѣрѣ до 1556—57-го года ²⁾.

Не знаемъ, все ли еретически-вольномысленные люди, найденные виновными, были приговорены къ одному и тому же наказанію. Но известное намъ наказаніе, къ которому приговорены были все или болѣе виновные, состояло въ пожизненномъ тюремномъ заключеніи въ монастыряхъ ³⁾. Между другими осужденными бывший Троицкій игуменъ Артемій посланъ бытъ для заключенія въ Соловецкій монастырь. Изъ Соловковъ онъ бѣжалъ въ Литву и здѣсь, раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, означеновать себя ревностнымъ побораниемъ за православіе противъ Феодосія Конага съ товарищами и противъ местныхъ еретиковъ ⁴⁾.

Вмѣстѣ съ Артеміемъ Курбскій называетъ совершенно невиновными Феодорита, Савву Шаха и Исаака Вѣлобаева (если считать его за одно лицо съ Іоасафомъ Вѣлобаевымъ), и представляетъ дѣло такимъ образомъ, что когда открыты были въ Бѣлозера дѣйствительные еретики, то любостяжательные спикони и монахи воспользовались случаемъ, чтобы отѣлиться отъ поименованныхъ, которые были проповѣдниками нестяжательности, и обѣлевати ихъ въ ересяхъ ⁵⁾). Представляется не невѣроятнымъ допустить, что и по отношенію къ остальнымъ, кромъ Артемія, есть въ словахъ Курбскаго такая же часть

¹⁾ Отъ 24-го Января 1554-го года грамота о немъ уже осужденномъ въ Соловецкій монастырь,—Акт. Эксп. т. I, № 239.

²⁾ Въ волоколамской рукописи № 362, л. 305, читается современная запись: «въ лѣто 7063-е (1554-55-го года) иные явившеся еретики, два чернца съ Бѣлаозера, а привель (sic) ихъ старецъ Александръ, Ивановской человѣкъ Уиного».

³⁾ Ивон. лѣт. VII, 204 лн.. Въ описавіи царскаго архива говорится, что «разосланы (были) по монастырямъ и въ заточеніе и подъ начало»,—Акт. Эксп. т. I № 289, ящ. 190; въ заточеніе и подъ начало—какъ будто два различныя наказанія.

⁴⁾ Артемія приказово было держать въ Соловецкомъ монастырѣ въ строгомъ заключеніи (грамота о немъ въ монастырь), да и не изъ строгаго заключенія бѣжать съ Соловковъ очень не легко. Если Артемій успѣлъ бѣжать, то этимъ ясно дается предполагать, что между монахами монастыря были люди ему сочувствовавши.

⁵⁾ Сказаній стр. 134 sqq.

правды, какая по отношению къ нему, т. е. что они были виновны, но что враждебные имъ епископы и монахи съ помощью клеветы на нихъ старались представить ихъ болѣе виновными, нежели сколько они были на самомъ дѣлѣ (Феодоритъ постѣ полуторагодичнаго заключенія въ Кирилловомъ монастырѣ получилъ отъ митрополита свободу,— Курбск. стр. 137, и потомъ въ 1557-мъ году былъ посланъ государемъ въ Константинополь для испрошеннія у патріарха утвердительной грамоты въ санѣ царя).

Одновременно съ тѣмъ, какъ начался въ Москвѣ соборный судъ на еретиковъ и людей еретически-вольномысленныхъ, былъ подвергнутъ подобному же соборному суду одинъ человѣкъ, смутившій церковный миръ русскаго общества своею излишней и неразумной, какъ было найдено, ревностию о православіи, что имѣло вѣкоторое отношеніе къ тѣмъ же еретикамъ и людямъ еретически-вольномысленнымъ. Эта излишне и неразумно-ревностный человѣкъ, привлекшій на себя соборный судъ, былъ думный государевъ дьякъ Иванъ Михайловичъ Висковатый, возставший противъ нововведеній, какъ ему казалось, въ написаніи иконъ.

21-го Июня 1547 го года былъ въ Москвѣ великий пожаръ, о которомъ упоминали мы выше и въ который между прочимъ выгорѣлъ въ Кремль придворный государевъ Благовѣщенскій соборъ со всѣми находившимися въ немъ иконами. Для писанія новыхъ иконъ въ соборъ вызвали были иконописцы изъ Новгорода, Искова и изъ другихъ городовъ, и смотрѣніе за ними было поручено священнику собора Сильвестру, известному любимцу Грознаго. Когда иконы были написаны и поставлены въ соборѣ и когда начали ходить смотрѣть ихъ, Висковатый нашелъ, что многія изъ нихъ представляютъ собою нововводное и противное соборнымъ правиламъ обѣ иконописаній измышленіе. Онъ полагалъ, что 7-й вселенскій соборъ не дозволяетъ писать на иконахъ ничего, кромѣ образа Спасителя по плоскому Его смотрѣнію или виду, кромѣ распятія Господня и кромѣ образовъ Богородицы и святыхъ¹⁾, т. е. ничего, кромѣ такъ сказать историческихъ, воспроизвѣдающихъ реальную дѣйствительность, портретовъ; между тѣмъ на по-

¹⁾ «Въ правилахъ писано святаго седьмаго собора.—говорилъ Висковатый.— кромѣ плоскаго смотрѣнія Господня и распостертія на крестѣ и образа Пресвятыя Богородицы и святыхъ угодниковъ, иныхъ образовъ не писать, кромѣ тѣхъ образовъ, и заповѣдію утвердила, кромѣ съборного уложенія не мудрствовать»,— дѣла о Висковатомъ по изданию его въ Член. общ. Ист. и Древн. 1858-го года стрр. 2 и 32 лін..

выхъ иконахъ изображены были: Богъ Отецъ или Господь Саваоѳъ по видѣнію пророка Даниила въ видѣ сѣдовласаго старца; святая Троица въ видѣ трехъ ангеловъ; Спаситель символически въ пѣсколькихъ видахъ—въ видѣ ангела съ крыльями, сѣдящаго на верху креста въ доспехѣ, въ видѣ младаго юноши, облеченаго въ броню и имѣющаго въ руѣ мечъ, въ видѣ царя Давида: Духъ святый въ образѣ голубя, и цѣлые сюжеты многихъ иконъ представляли взятое не изъ міра вѣщественно-видимаго, таковы иконы: Предвѣчный совѣтъ, Ноинъ Богъ отъ дѣлъ своихъ, Единородный Сынъ, Слово Божіе, Пріїндите людіе тріп-постаспому божеству и поклонимся, Вѣрую во единаго Бога, написанное при томъ въ двухъ различныхъ видахъ (въ церкви въ одномъ видѣ, на паперти въ другомъ) и вѣкоторыя другія. Усматривая въ новыхъ иконахъ нововводное и противное соборнымъ правиламъ измѣненіе, Висковатый самыемъ энергическимъ образомъ и оночился противъ нихъ: онъ приходилъ въ соборъ и къ собиравшимся для смотрѣнія иконъ толпамъ народа обращался съ самыми рѣзкими противъ нихъ обличеніями,—«вони!» противъ нихъ, какъ выражается соборное о немъ дѣяніе⁴⁾. Почему онъ не поступилъ такъ, чтобы вмѣсто восплѣнія къ народу придти къ митрополиту и послѣднему высказать свои сомнѣнія относительно иконъ, въ чёмъ послѣ укорялъ его соборъ, не видно: можетъ быть, онъ имѣлъ въ виду вооружить противъ Сильвестра общественное мнѣніе. Когда обнаружены были ересь Башкина и вольнопыслѣ Артемія, Висковатый, полагавшій, что Сильвестръ совѣтенъ съ Артеміемъ (у него было Артемій на испытаніи передъ тѣмъ, какъ быть поставленнымъ въ игумены Троицкіе, и тогда онъ далъ объ Артеміи хороший отзывъ), и знаяшій, что другому священнику Благовѣщенскаго собора Сумеону Башкину есть сынъ духовный, заподозрилъ, что чрезъ новыя иконы проводятся еретическія мысли Башкина и Артемія: въ изображеніи Иисуса Христа въ видѣ ангела ему подозрѣвалось то ко-варство, чтобы отрицать равенство Иисуса Христа съ Богомъ Отцомъ, а Его изображеніе на крестѣ со склонными руками ему казалось скрывающимъ мудрованіе тѣхъ, которые утверждали, что Онъ (Иисусъ Христосъ) не очистилъ насъ отъ грѣха и которые считали Его за простаго человѣка.

⁴⁾ Вмѣстѣ съ иконами Висковатый возставалъ противъ нового жертвениника, сѣдавшаго въ соборѣ, въ которомъ находилъ неправославныемъ то, что онъ сдѣланъ былъ слишкомъ великъ, не менѣе престола, и что не приставленъ былъ визитную къ стѣнѣ, и потомъ еще противъ аллегорическихъ изображений, которыя написаны были въ государевой (подписанной, Грановитой) палатѣ.

И послѣ своихъ волей противъ новыхъ иконъ къ народу Висковатый не поступилъ такъ, чтобы пойти съ своими заявленіями о нихъ къ митрополиту: онъ хотѣлъ сдѣлать эти послѣднія собору. Можетъ быть, онъ разсчитывалъ и желалъ привлечь на Сильвестра соборное осужденіе. Какъ бы то ни было, но дѣло тотчасъ же послѣ того, какъ Висковатый далъ ему офиціальное движеніе, приняло такой оборотъ, что изъ обвинителя онъ превратился въ обвиняемаго. Въ концѣ 1553-го года собранъ былъ соборъ на Башкина, и Висковатый сдѣлалъ свои заявленія противъ новыхъ иконъ въ одномъ изъ первыхъ его засѣданій (кажется, въ самомъ первомъ), — 25-го Октября. Но митрополитъ далъ ему рѣшительный отвѣтъ, что онъ мудрствуетъ объ иконахъ неправильно, что новые иконы написаны по древнимъ образцамъ, согласно преданию святыхъ апостоль и святыхъ отецъ, и высказалъ ему угрозу, какъ бы онъ, возставъ на еретиковъ, самъ не попасть въ еретики. Спустя нѣсколько времени, въ Ноябрѣ мѣсяца, Висковатый подалъ митрополиту «списокъ» или пространную «исповѣдь», въ которой изложилъ основанія, почему сомнѣвался въ новыхъ иконахъ, и просилъ у митрополита съ соборомъ вразумленія и, въ чемъ погрѣшилъ, прощенія. Митрополитъ послалъ исповѣдь къ государю съ спросомъ: какъ велѣтъ онъ съ ней поступить, и государь приказалъ изъвидѣтельствовать ее соборю. Соборъ имѣть два засѣданія для слушанія исповѣди, далъ на нее столько же пространной, какъ она, письменной отвѣтъ и приговорилъ Висковатаго, 14-го Января 1554-го года, за то, что онъ три года смущалъ православныхъ христіанъ своими кричаніями противъ новыхъ иконъ, къ трехгодичной эпитетіи: одинъ годъ илакать виѣ дверей церковищъ, прося у входящихъ вѣриыхъ творить за себя молитвы, исповѣдая свои согрѣшенія; другой годъ— послушать божественныя писанія (т.-е. исходить изъ церкви по окончаніи литургіи оглашенніхъ); третій годъ—стоять въ церкви съ вѣриими, но общенія (св. таинъ) не принимать¹⁾.

Собственно говоря, Висковатый былъ правъ, и ошибался только въ томъ, что ссылался на 7-й вселенскій соборъ. Не 7-й вселенскій соборъ, а отчасти 6-й вселенскій соборъ, главнымъ же образомъ отцы

¹⁾ Прежде чѣмъ наложена была на Висковатаго эпитетія, онъ пребылъ двѣ седмины въ соборномъ отлученіи: но когда онъ былъ подвергнутъ отлученію, не видно. Дѣло Висковатаго напечатано: въ неполномъ видѣ — въ Акт. Эксп. т. I. № 238, стр. 241; въ не совсѣмъ полномъ видѣ — въ Чтен. общ. Ист. и Древн. 1847—1848-го года, № 3, и совсѣмъ въ полномъ видѣ (подъ названіемъ Розыска) — въ тѣхъ же Чтен. общ. Ист. и Древн. 1858-го года, кн. II.

и учители церкви, прежде и посль 7-го вселенского собора защищавшіе иконочтитаніе отъ иконоборцевъ, указывая цѣль и назначеніе иконъ и отстрия дѣланія противъ нихъ возраженія, говорять, что иконы должны быть изображеніемъ дѣйствительныхъ лицъ и дѣйствительныхъ событій, такъ чтобы иконописаніе представляло изъ себя въ строгомъ смыслѣ слова живопись историческую (было такъ сказать исторіей въ краскахъ¹). Но иконописцы греческіе уже давно выступили изъ этихъ тѣсныхъ предѣловъ на свободу творчества, и значительной части иконъ, противъ которыхъ возставалъ Висковатый, могли быть указаны многочисленные существовавшіе образцы, каковое указаніе и сдѣлать митрополитъ въ своемъ отвѣтѣ Висковатому. Греческихъ образцовъ некоторыхъ иконъ митрополитъ не могъ указать, потому что иконы, т.-е. сюжеты, были заимствованы новгородскими иконописцами отъ живописцевъ западныхъ. Но иконописцы писали ихъ съ существовавшихъ у нихъ подлинниковъ, и митрополитъ думать, что эти подлинники взяты съ древнихъ образцовъ греческихъ. Съ некоторыми частными замѣчаніями Висковатаго соборъ согласился и приказалъ сообразно имъ исправить иконы².

¹) 6-й вселенский соборъ запрещаетъ писать Спасителя въ видѣ служившаго Его прообразомъ агнца и повелѣваетъ писать Его въ собственномъ Его видѣ, имѣющѣ съ чѣмъ говорить вообще противъ извѣстной категоріи изображеній,—въ пра-вилѣ 82-мъ. Отцовъ и учителей церкви, которые говорятъ объ иконахъ указаніемъ паче, именно — патріарха константинопольскаго Германа I, папу Григорія II, Іоанна Дамаскіна, патріарховъ: александрийскаго Христофора, антіохійскаго Іова и іерусалимскаго Василія (написавшихъ въ 836-мъ году общее отъ троихъ посланіе къ импер. Феофилу, извѣстное подъ именемъ Многосложнаго свитка), въ славянскомъ переводе см. въ Сборникѣ, содержащемъ «слова избранныя святыхъ отецъ о поклоненіи, и о чести святыхъ иконъ» (изъ количествѣ 12 ти), напечатанномъ въ Москвѣ въ 1642-мъ году и извѣстномъ подъ именемъ Малаго соборника (иана Григорій II ошибочно называется въ сборнике святымъ Григоріемъ Двоесловомъ). І. Дамаскінъ, кратко указывая то, чтѣ можетъ быть изображаемо на иконахъ, говоритъ: Ἀπλῶ δὲ λέγετο εἰκόνη, δουάρεσθα πολὺν εἰκόνας πάντων τῶν σχημάτων, ὡν εἰκόνεις, —третье слово объ иконахъ, въ Натрол. *Миня* т. 94, сол. 1344 (въ русскомъ переводе это слово печатается въ приложении къ русскому переводу Православнаго исповѣданія Петра Могилы). Писать иконы — по-гречески ἰστορεῖν εἰκόνας, см. *Док. Gloss. Graecis.* подъ сл. *истореинъ*.

²) Въ распятіи на крестѣ Спаситель изображенъ быль па новыхъ иконахъ не по древнимъ греческимъ образцамъ (а по католическому обычая) съ длинными сжатыми (а не рас простертymi) и съ руками ослабленными, (а не прямо простертymi, т.-е. опустившимся, повисшимъ на нихъ). Соборъ приказалъ переписать это по древ-

Въ исторії этого такъ сказать похода Висковатаго противъ носыхъ иконъ остается совсѣмъ непонятнымъ то, что царь и митрополитъ дозволяли ему вошить противъ нихъ цѣлья три года. Образъ поведенія Висковатаго весьма даетъ подозрѣвать, что онъ находился съ Сильвестромъ во враждѣ и хотѣлъ привлечь на любимца государева бѣду. А образъ поведенія митрополита по отрапорту къ Висковатому ясно даетъ видѣть, что онъ крайне недоволенъ былъ послѣднимъ за то, что этотъ довелъ дѣло до нубличнаго соборнаго обсужденія.

Въ 1547-мъ году Иванъ Васильевичъ Грозный воспринялъ титулъ царя и торжественно вѣничался царскимъ вѣницомъ. Спустя десять лѣтъ постѣ сего, въ 1557-мъ году, по единомысленному, какъ это необходимо предполагать, решенію съ митрополитомъ, онъ обратился съ просьбою объ утвержденіи его въ санѣ цари къ патріарху константинопольскому. Въ 1556-мъ году приходитъ въ Москву отъ патріарха константинопольского Діонисія за милостынею митрополитъ евгрипсей и визический Іоасафъ. Съ этимъ Іоасафомъ въ слѣдующемъ 1557-мъ году (30-го Января) посланъ былъ въ Константинополь про-

тивъ греческимъ образцамъ (А относительно изображенія Духа Св. «въ итичѣ образѣ незнаемѣ» соборъ обѣщается поискать свидѣтельствъ въ божественномъ писаніи и указъ учшинъ сообразно съ тѣмъ, что будетъ найдено).—Согласно рѣчамъ отцовъ и учителей церкви, что невозможно изображать на иконахъ невидимое въ неописуемое божество Бога Отца (патр. Германъ, папа Григорій, Іоаннъ Дамаскинъ) иѣкоторые у насъ еще и въ XVI и XVII вѣкѣ возставали противъ изображеній Бога Отца въ образѣ сѣдовласаго старца по видѣнію пророка Давіла, см. посланіе игумена Артемія противъ лютеранъ въ IV т. Русск. Историч. Библіот.. сол. 1305, и посланіе львовскаго братства къ патр. Іеремію 1592-го года въ Акт. Зан. Росс. т. IV, № 33, стр. 43, сол. 2 sub fin.: а о статьѣ, написанной въ защиту этой иконы извѣстнымъ чудовскимъ монахомъ Евѳиміемъ, ученикомъ Епифанія Славинецкаго, см. въ Опис. синод. ркнп. Горск. и Невостр. № 337, л. 184, стр. 806. Подробное описание иконы Спасителя, на которой онъ представленъ въ образѣ царя Давида,—въ сейчасъ указаніемъ Описаніи. № 322, л. 243 об.. стр. 639, а благопріятное мнѣніе объ этой иконѣ прип. Максима Грека, который и вообще былъ не противъ сочиненія иконъ или не противъ сочиненіихъ иконъ, передаваемое въ письмѣ его толмача Дмитрія Герасимова къ дьяку Мисюрю-Мунехину, см. въ Прибавл. къ творр. свв. отци, ч. XVIII, стр. 190.—Въ иконописаніи митр. Макарій былъ болѣе или менѣе специалистъ, ибо самъ былъ до той или до другой степени иконописецъ. см. Икон. лѣт. т. VII, стрр. 238 и 269 (въ 1555-мъ году вмѣстѣ съ Благовѣщенскимъ протопономъ Андреемъ, послѣдующимъ митрополитомъ Афанасіемъ, онъ поновлялъ образъ Николы Великорѣпкаго. «бѣ бо иконному писанію навыченъ.... иконому бо иконному митрополитъ и Андрей вѣчніи сей хитрости»...).

сить у патріарха утвердительной грамоты государю въ санѣ царя бывшій архимандритъ Спасо-Евѳиміева монастыря Феодоритъ, о которомъ сказали мы выше, какъ обѣ одноть изъ лицъ, подвергшихся суду за вольномысліе. Преемникомъ патр. Діописія Іоасафомъ II и приелана была въ 1562-мъ году прошевиная государемъ утвердительная грамота, которая, быть написана въ 1561-мъ году (не означенныхъ мѣсяца и числа), подписана кромѣ самого Іоасафа 32-мя митрополитами константинопольской патріархіи, однимъ архіепископомъ и тремя епископами¹⁾.

Дѣло обѣ этой патріаршіей утвердительной грамотѣ со всею вѣроятностію нужно понимать такъ, что Иванъ Васильевичъ, бывъ вѣнчанъ царскими вѣнцомъ отъ своего митрополита, съ одной стороны—не находилъ нужнымъ искать благословенія патріарха константинопольского, а съ другой стороны—не надѣялся получить это благословеніе, такъ какъ для патріарха признать русскаго государя царемъ, преемникомъ царей константинопольскихъ, значило какъ бы отказаться отъ надежды на возстановленіе греческаго царства въ Константинополѣ, и что патріархъ чрезъ митр. Іоасафа самъ предложилъ государю утвердить его въ санѣ царя своею грамотою. Не находя нужною для себя грамоты, но въ то же время считая ее весьма небезполезною, Иванъ Васильевичъ, по совѣту, какъ необходимо предполагать, съ митрополитомъ, и поспѣшилъ воспользоваться предложеніемъ патріарха. Что же касается до этого постѣдняго, то у него былъ нехудой замыселъ, съ одной стороны, стать по отношению къ русскому государю, такъ сказать, на ногу напы, а съ другой стороны—создать своей кафедрѣ большой временный или навременный источникъ дохода. Патріархъ утверждаетъ въ своей грамотѣ, будто царскаго вѣнчанія не можетъ совершить не только какой нибудь митрополитъ, въ томъ числѣ и московскій, но что и между патріархами имѣютъ право на это только двое—римскій и константинопольскій, и въ приложении къ грамотѣ частіемъ письмѣ предлагаетъ государю, чтобы послать его—патріарха (тотъ же митрополитъ евгрицкій и визническій Іоасафъ), какъ его эзархъ, повторить надъ нимъ отъ лица его—патріарха царское вѣнчаніе²⁾. Если бы на Москвѣ признали ученіе патріарха, что ему

¹⁾ Въ греческомъ подлиннику съ славянскими переводами грамота издана въ 1850-мъ году кн. Оболенскимъ подъ заглавіемъ: «Соборная грамота православной восточной церкви, утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Іоаниномъ IV Васильевичемъ. 1561-го года».

²⁾ См. въ сочиненії П. Ф. Кантакузена Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 29.

исключительно принадлежить право царского вѣнчанія, и если бы согласились, чтобы посолъ его повторилъ вѣнчаніе Ивана Васильевича: то создали бы себѣ такую же зависимость отъ патріарха, въ какой находились отъ царя императоры западные, и за вѣнчаніе каждого потомъ государя должны были бы платить ему болѣе или менѣе значительную сумму денегъ. Щедро заплативъ за полученную грамоту (не только самому патріарху, но и всѣмъ подписавшимъ ее архіереямъ), Иванъ Васильевичъ вовсе не призналъ ученія патріарха и вовсе не изъявилъ желанія быть вторично вѣнчаннымъ на царство отъ его посла.

Черезъ годъ и восемь мѣсяцевъ послѣ отправленія въ Константинополь Феодорита, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1558-го года, посланы были на Востокъ, для раздачи милостыни, новгородскій архидіаконъ Геннадій и купецъ Василій Позняковъ. Посольство это замѣчательно тѣмъ, что, по свидѣтельству 2-й Новгородской лѣтописи, на архидіакона Геннадія вмѣстѣ съ раздачей милостыни было возложено еще порученіе «обычай въ странахъ тѣхъ писати»¹⁾. Если бы архидіаконъ исполнилъ порученіе и если бы его записки дошли до насть, тогда мы могли бы видѣть, въ чёмъ состояло порученіе, и если не видѣть, то догадываться: съ какою цѣллю было оно дано. Но архидіаконъ умеръ въ Константинополь, не исполнивъ порученія²⁾. Правда, спутникъ его Василій Позняковъ оставилъ послѣ себя записки, но записки, содержащія не описание обычаевъ греческихъ, а разсказъ о посѣщеніи имъ въ Египтѣ патріарха александрийскаго Іоакима и потомъ обыкновенное паломническое или поклонническое описание Синая и Йерусалима³⁾. Такимъ образомъ, о цѣли, съ которой дано было порученіе архидіакону Геннадію писать обычай греческихъ странъ, остается дѣлать только предположенія. Единственное вѣроятное, что можетъ быть предполагаемо, это—что царь и митрополитъ желали знать: до какой степени справедливо установленное у насть тогда мнѣніе о Грекахъ, будто у нихъ повреждена чистота истиинаго православія. Но на другой вопросъ: почему царь и патріархъ желали знать,—потому ли что

¹⁾ Собр. лѣтт. III, 159 (у Карамз. т. VIII, прям. 587, col. 81 fin.).

²⁾ См. у Мурзинова въ Сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ. I. 95 fin..

³⁾ Записки Познякова, называемыя «Хожденіемъ во Йерусалимъ и по инымъ святымъ мѣстамъ», напечатаны въ I кн. Чтен. Общ. Истор. п. Древн. за 1884-й годъ и отдельно Палестинскимъ Обществомъ въ 1887-мъ году, составляя 18-й выпускъ его сборника.

они сомневались въ справедливости мѣнія или что паобороть, бывъ увѣрены въ его справедливости, хотѣли имѣть возможно болѣе его доказательства, трудно отвѣтить и предположителью. Возможно, что ни первое ни второе, а просто желали удовлетворить своему любопытству. У васъ тогда прощоѣвалось и принималось, что у Гре-ковъ «вѣра православная испроказилася Махметовою прелестю отъ безбожныхъ Турокъ»¹⁾; и царь съ митрополитомъ могли любопытствовать, до какой степени испроказилась вѣра и въ чёмъ именно состояло это испрокаженіе.

Остается сказать намъ о литературной дѣятельности митр. Макарія или, точнѣе говоря, объ его дѣятельности въ области литературы. Объ этой дѣятельности его мы скажемъ здѣсь кратко, такъ какъ пространная и обстоятельная рѣчи о ней будемъ вести во второй пол-винѣ тома, въ главѣ о письменности взятаго нами періода времени.

Мы говорили выше, что Макарій не былъ писателемъ и что онъ знаменитъ въ области литературы не какъ таковой. Однако къ словамъ этимъ должна быть сдѣлана оговорка: онъ не былъ писателемъ наро-читымъ и настоющимъ, но все таки оставилъ послѣ себя нѣкоторыя литературишыя произведенія. А поэтому и рѣчи въ настоящемъ случаѣ прежде его дѣятельности неавторской должны быть о дѣятельности авторской, выражившейся въ этихъ нѣкоторыхъ литературишыхъ произведеніяхъ. Но и прежде рѣчей объ авторской дѣятельности Макарія мы должны еще коснуться вопроса объ его настырски-учительной дѣятельности неписьменной.

Выше мы сказали, что лѣтопись усвоюетъ Макарію даръ учитель-наго и назидательного собесѣданія,—что, по ея свидѣтельству, дана бысть ему отъ Бога мудрость въ божественномъ искавіи бесѣдовать повѣстями многими, чтобы было просто всѣмъ разумѣти. Такъ какъ лѣтопись говоритъ объ учительности Макарія по тому поводу, что онъ, прибылъ въ первый разъ въ Новгородъ въ санѣ архіепископа, обратилъ къ народу съ учительнымъ словомъ въ св. Софії: то иные хотятъ понимать ея свидѣтельство въ томъ смыслѣ, что она говорить о наложенности Макарія къ церковному проповѣдничеству. Затѣмъ, указываютъ на другое свидѣтельство. Игуменъ новгородского Хутынскаго монастыря Феодосій, бывшій потомъ преемникомъ Макарія на архіепи-сопской каѳедрѣ, въ одномъ изъ своихъ посланий къ нему, написанныхъ

¹⁾ Говорить это известный макарьевскій писатель житій святыхъ иконостасій священникъ Василій въ житії Саввы Крыпенского см. у Ключевскаго въ Житіяхъ, стр. 228.

въ то время, какъ онъ, бывъ архіепископомъ, находился въ Москвѣ, говорить: «желательнѣиши ми есть се, еже близъ быти тебѣ и види(ш)ти великаго пастыря, въ храмѣ святага Софїа премудрости Божија на своемъ престолѣ сѣдяща и ученія медоточнаго рѣчи изливающа и напающа душа(-ы)»¹). Сопоставляя это второе свидѣтельство съ первымъ, хотять думать, что Макарій усердно упражнялся въ церковномъ проповѣдничествѣ, но что онъ говорилъ свои слова экспромтомъ или безъ писанія,—что онѣ остались незаписанными и такимъ образомъ не дошли до насъ. Если бы это дѣйствительно было такъ, то Макарій представлялъ бы собой не только замѣчательнѣйшее исключеніе для своего времени, но весьма не позамѣчательное исключеніе и для всего послѣдующаго времени вплоть до нынѣшняго нашего. Но все это не болѣе какъ фантазія. Объ употребленіи Макаріемъ бывшаго присущимъ ему дара познательно-учительнаго собесѣданія должно думать, что оно состояло не въ публичномъ и настоящемъ проповѣдничествѣ, а въ частныхъ бесѣдахъ съ людьми. Въ исключительныхъ случаяхъ Макарій могъ сказывать и, какъ мы знаемъ, дѣйствительно сказывать настоящія слова или поученія; но, пѣть сомнѣнія, сказывалъ вовсе не экспромтомъ. Если бы Макарій обладалъ невѣроятною для человѣка его образованности способностію сказывать слова экспромтомъ и если бы онъ имѣть невѣроятный для его времени обычай дѣлать это, то, по его порученію или безъ его порученія, слова несомнѣнно были бы записываемы и дошли бы до насть письменными. Что касается до приведеннаго обращенія къ Макарію архим. Феодосія, то оно представляетъ собой не болѣе, какъ измѣненный комплиментъ²).

Немногочисленныя литературныя произведенія митр. Макарія суть: два поученія и одна рѣчь, сказанныя государю, и три посланія, адресованныя—два къ тому же государю и одно къ его войску. Поученія сказаны митрополитомъ государю: одно при его вѣничаніи царевицѣ шѣницомъ, другое при его браковѣничаніи съ Анастасіею Романовной; рѣчь произнесена предъ государемъ при его побѣдопосномъ возвращеніи въ Москву изъ третьаго и послѣдняго казанскаго похода (29-го Октября 1552-го года). Изъ трехъ посланий первое по времени есть

¹) Дошли къ Акт. Ист. т. I, № 50, стр. 31 сол. 2 нач..

²) На какіе монструозныя (при помощи письмовника, сочиненнаго греческими риторами) комплименты были способенъ Феодосій. см. выдержку изъ другаго его посланія къ Макарію, приводимую въ статьѣ *свят. Николаевскаго:* «Русская проповѣдь въ XV и XVI вѣкахъ.—» въ журн. Мин. Нар. Просв. ч. 137 (1868-го года), стр. 326 прим..

адресованное къ войску, именем—оть 25-го Мая 1552 го года: оно адресовано къ войску, находившемуся въ городѣ Свіяжекѣ, который годъ тому назадъ былъ основанъ въ 20-ти (тогдашихъ) верстахъ отъ Казани, какъ сторожевая и операционная противъ нея крѣпость; два посланія къ государю писаны во время его третьаго казанскаго похода: одно, оть 13-го Іюля того же 1552-го года, когда государь на своеемъ пути подъ Казань былъ въ Муромѣ; другое, отъ неизвѣстнаго числа поѣздѣ 18-го Августа и до 1-го Сентября, когда государь выступилъ изъ Свіяжска подъ самую Казань. Въ поученіи къ государю, сказаниемъ при его вѣнчаніи царскимъ вѣцомъ, содержатся увѣщанія къ нему о соблюденіи царскихъ обязанностей и о ревнованіи по царскимъ добродѣтелямъ¹⁾). Въ поученіи государю при его браковѣничаніи содержатся наставлій объ обязанностяхъ христіанскихъ, царскихъ и супружескихъ²⁾). Въ привѣтственной рѣчи государю при его возвращеніи изъ казанскаго похода прославляется Богъ, даровавший государю свѣтлую и прославную победу, и самъ государь, показавшій великие труды для достижения этой победы³⁾). Посланіе въ Свіяжекъ написано по тому поводу, что здѣшніе воеводы прислали къ государю извѣстіями о свирѣпствованіи въ городѣ цынги и мора и о несчастномъ неходѣ нашихъ вылазокъ противъ непріятелей. Такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ до Москвы дошли слухи о худомъ поведеніи находившагося въ Свіяжекѣ гарнизона: то митрополитъ увидѣлъ въ постигшихъ его несчастіяхъ наказаніе Божіе за его грѣхи и рѣшился пастырски вразумить и обличить людей привлекшихъ на себя, а вмѣстѣ съ собою и на государство, кару небесную: преподавъ свіяжскимъ воинамъ наставлій о христіанской добродѣтельной жизни, митрополитъ строго обличаетъ ихъ за свирѣпствованій между ними развратъ естественный и особенно противуестественный (содомитизмъ⁴⁾). Въ посланіяхъ къ государю митрополитъ одушевляетъ и убѣждаетъ его къ мужественному и крѣпкому стоянію противъ врага⁵⁾.

¹⁾ Вивліо. VII, 20 нач., въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 39, стр. 48 col. 1. Поученіе читается въ чинѣ царскаго вѣнчанія царя. Кѣмъ составленъ чинъ—Макаріемъ или не Макаріемъ, не знаемъ: но если онъ составленъ не Макаріемъ, то поученіе должно быть усвоено не составителю чина, а самому Макарію: содержащіяся въ немъ наставлівія отличаются такой отеческой небоязненностью, что другой не вложилъ бы ихъ въ уста Макарію.

²⁾ Вивліо. XIV, 227, въ Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 40, стр. 53.

³⁾ Никон. лѣт. VII, 193.

⁴⁾ Никон. лѣт. VII, 10², Акт. Ист. т. I, № 159, стр. 287.

⁵⁾ Посланіе въ Муромъ—въ Никон. лѣт. VII, 130, въ Акт. Ист. т. I, № 160,

Отлагая до дальнѣйшаго обстоятельный рѣчи о сейчасъ указаныхъ литературиыхъ произведеніяхъ митр. Макарія, здѣсь замѣтимъ только, какъ служащее къ его характеристику со стороны нравственности, что въ своихъ поученіяхъ къ государю и отчасти въ своихъ посланіяхъ къ нему онъ учительно говорить ему о царскихъ и вообще христіанскихъ добродѣтеляхъ со всею нелѣпствою небоязнистю.

Славу Макарія въ исторіи литературы, какъ мы говорили, составляетъ его дѣятельность издательская и еще дѣятельность, которую мы не умѣемъ обозначить однимъ словомъ и которая состояла въ томъ, что онъ, представляя изъ себя какъ бы дреинаго графа Румянцева, старался достигнуть осуществленія книжно-литературиыхъ потребностей времени при помощи другихъ.

Послѣ взятія Константиноополя Турками русское государство стало на мѣсто исчезнувшей византійской имперіи; а вмѣстѣ съ государствомъ и русская церковь заняла первенствующее положеніе между

стр. 290; посланіе подъ Казань—въ отрывкѣ изъ лѣтописи въ Собр. лѣтт. VI. 30⁸.—Въ двухъ сборникахъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря читается съ именемъ митр. Макарія весьма краткое поученіе противъ разговаривающихъ въ церкви: напечатано В. И. Жмакинымъ въ приложеніи къ его изслѣдованію: «Митронолитъ Даніилъ и его сочиненія», стр. 84. Описатель рукописей Троицкой Сергіевой Лавры усвояетъ митр. Макарію читаемое въ одномъ сборникѣ лаврской библіотеки (№ 739, л. 615) «Изъ правиль св. отецъ поученіе дѣлемъ духовнѣмъ», но невѣдѣто, на какомъ основаніи, и вопреки вѣроятности (бо въ поученіи дѣти духовныя привлѣшаются молить Господа Бога, «чтобы Господь Богъ избавилъ отъ бесурмѣнства и отъ затынства»).—Немногія учительныя и увѣщаательныя слова, съ которыми Макарій обратился къ войску, шедшему во второй походъ подъ Казань, во Владимирѣ—Никон. лѣт. VII, 67, и благословеніе, преподанное имъ государю на построеніе Свияжска,—ibid. стр. 74, вовсе не составляютъ его рѣчей, какъ литературныхъ произведеній.—Правительственныя извѣстнія грамоты митр. Макарія суть: 1) въ Вотскую пятину обѣ искорененій остатковъ язычества отъ 25-го Марта 1534-го года.—Дополн. къ Акт. Ист. т. I, № 28, 2) Духовскому монастырю обѣ общежитій.—Акт. Ист. т. I, № 292 (обѣ относятся ко времени архіепископства Макаріева въ Новгородѣ), 3) о празднованіи новымъ святымъ, уложенномъ на соборѣ 1547-го года, отъ 26-го Февраля 1547-го года,—Акт. Эксн. т. I, № 213, 4 и 5) дѣлъ наказанія послѣ Стоглаваго собора.—см. выше, 6) обѣ учрежденія въ Москвѣ поповскихъ ста-росты,—Акт. Эксн. т. I, № 232, 7 и 8) дѣлъ уставнія по жалобамъ новгородскихъ священниковъ,—Акт. Эксн. т. I, № 229 и Временн. кн. XIV, Смѣси стр. 15, 9) новгородскому архіепископу Никиму отъ 8-го Февраля 1558-го года съ разрѣше-ніемъ двухъ случаевъ при богослуженіи,—Акт. Эксн. т. I, № 253, 10) въ Соловецкій монастырь о бывшемъ Троицкомъ игуменѣ Артеміи,—ibid. № 239.

всѣми частными православными церквами. Но всякая церковь зиждется на основаніи ученія апостоловъ и отцовъ. Слѣдовательно, русская церковь сообразно требованіемъ ея новаго положенія должна была обладать полнымъ вѣданіемъ той сокровиницы апостольско-отеческой письменности, которая была въ ней скоплена и которою она располагала, и должна была поставить себя въ возможность пользованія всею ею. И вотъ, митрополитъ Макарій, удовлетворяя этой, условливавшейся временемъ, потребности, и задумать великое относительнымъ образомъ предпріятіе собранія въ одно мѣсто всѣхъ святыхъ книгъ, обрѣтавшихся въ русской землѣ. Онь осуществилъ свою мысль такимъ образомъ, что взялъ илантъ Четіихъ-Миней,—что подъ днами мѣсяцевъ помѣстить не только проложныя (краткія) и минейныя (пространнія) сказанія о праздникахъ и житія святыхъ, но и всѣ существовавшия на дни слова и всѣ принадлежащія святымъ дней творенія, насколько могъ найти тѣ и другія, и что церковно-учительная сочиненія писателей несвятыхъ и безъименныхъ помѣстить на концахъ мѣсяцевъ въ видѣ прибавленій. Быть одушевляемъ мыслию о высокомъ положеніи русской церкви еще за долго до того времени, какъ стала митрополитомъ, Макарій началъ свое предпріятіе еще когда былъ архіепископомъ новгородскимъ: трудившись падъ его осуществлѣніемъ въ продолженіе 12-ти лѣтъ въ Новгородѣ онь окончательно совершилъ его уже въ Москвѣ и не ранѣе 1552-го года¹⁾, такъ что всего трудился падъ имъ около 20-ти лѣтъ. Илодомъ трудовъ были 12-ть, но числу мѣсяцевъ, огромнѣйшихъ феліантоў, которые носятъ название Великихъ Макарьевскихъ Четь-Миней. Такъ какъ Макарій трудился надъ собираемъ не самъ непосредственно, а при помощи другихъ, то съ его собственной стороны быть не столько трудъ, сколько траты и заботы. Но несомнѣнно, что предпріятіе стоило ему огромныхъ денежныхъ затратъ и потребовало очень много заботъ; они самъ говорить о новгородскомъ времени собираемъ Миней: «писаль есми сія святые книги въ Великомъ Новѣградѣ, какъ есми тамо былъ архіепископомъ, а писать есми и собираль и во едину мѣсто ихъ совокупилять двадцать лѣтъ, многимъ имѣніемъ и многими различными писари, не щадя

¹⁾ Въ концѣ 1552-го года Макарій приложиа экземпляръ своихъ Четіихъ-Миней въ Московскій Успенскій соборъ, см. вкладную къ нимъ, напечатанную Індольскимъ въ предисловіи къ изданному имъ Оглавленію Миней, составленному въ концѣ XVII в. извѣстными учеными того времени чудовскими монахомъ Евѳиміемъ, также архим. Йосифомъ въ составленномъ имъ Подробномъ оглавлениі Четіихъ-Миней.

серебра и всякихъ почестей»¹⁾... Практическаго значенія великое предпріятіе Макарія не имѣло. Если бы у насть было въ его время книгоиздатаніе и если бы это книгоиздатаніе находилось въ такомъ положеніи, что его Четь-Минеи могли бытъ напечатаны: то люди богатые стали бы покупать ихъ, чтобы такимъ образомъ приобрѣтать цѣлые библіотеки отеческихъ твореній. Но книгоиздатанія при Макаріи у насть еще не было, а послѣ введенія книгоиздатанія у насть уже не бывало другаго Макарія и повсѣ никому не приходило на умъ смѣлой мысли напечатать его Четь-Минеи; переписывать же огромные сборники было совершенно вѣръ средствъ всякихъ частныхъ людей. Не имѣвъ значенія практическаго, Четь-Минеи Макарія имѣли значеніе правственное: эти 12-ть огромнѣйшихъ фоліантовъ свидѣтельствовали, что русская церковь обладала отеческой литературой въ полномъ достаткѣ.

Что касается до втораго, указаннаго выше, вида дѣятельности митр. Макарія, то она посвящена была исторіи церкви и государства.

Макарій установилъ торжественныя церковныя празднованія всѣмъ русскимъ святымъ, которыхъ Богъ прославилъ какъ таковыхъ. Онъ же показалъ усердную заботливость и о распространеніи ихъ славы между людьми, средствомъ къ чему служать ихъ житія. Нѣкоторые изъ канонизованныхъ имъ святыхъ вовсе не имѣли до тѣхъ поръ житій, и онъ озабочился, чтобы житія были составлены; другія имѣли житія, но неудовлетворительно составлены, и онъ озабочился, чтобы житія болѣе удовлетворительнымъ образомъ были обработаны. Житій впервые написанныхъ и исправленыхъ по порученію митр. Макарія насчитывается до 10-ти. Его усердная заботливость о житіяхъ имѣла и то общее значеніе, что весьма оживила у насть агиографическую письменность,—что эта его усердная заботливость о житіяхъ пробудила таковую же заботливость и въ другихъ.

Государство, вступившее въ новый, высший, періодъ политического существованія, должно было позаботиться о своемъ прошломъ, чтобы, съ одной стороны, это прошлое, становившееся для него достояніемъ исторіи, хорошо знать исторически, а съ другой стороны—чтобы объ этомъ прошломъ, приведшемъ его къ настоящему, имѣть осмысленное представление. Митр. Макарій позаботился объ удовлетвореніи обѣихъ этихъ потребностей. Съ первово цѣллю была составлена по его порученію такая лѣтопись, которая бы представляла возможно полный сводъ лѣтописныхъ извѣстій (обо всей Руси за исключеніемъ Новгорода, который имѣлъ свою отдельную исторіографію): это—такъ называемая

¹⁾ Въ сейчасть выше помянутой вкладной.

Никоновская лѣтопись (весьма неудачно названная своимъ инициаторомъ именемъ отъ того, что рукописный экземпляр ея, съ которого она напечатана, принадлежалъ патр. Никону). Со второю цѣлью была составлена по тому же порученію Макарія опись настоящей исторіи; это—Степенная книга, названная такъ по тому, что повѣствование расположено въ ней по степенямъ или по правленіямъ государей.

(Весьма подозрѣаемъ, что Софійскій Временинкъ, имѣющій тоже отношеніе къ исторіографіи Новгорода, чтобъ Никоновская лѣтопись къ исторіографіи остальной Руси, составленъ былъ также по порученію Макарія).

Извѣстенъ одинъ большой переводъ съ латинскаго, сдѣланный по порученію митр. Макарія; это именно—переводъ своднаго толкованія на Исалтыръ, составленнаго Брунопомъ, епископомъ Гербиполенскимъ или Вирцбургскимъ (XI в.), сдѣланный посольскимъ толмачемъ Дмитриемъ Герасимовымъ, о которомъ упоминали мы выше, какъ о сотрудникѣ преп. Максима Грека, въ 1535-мъ году⁴⁾.

Выше въ двухъ мѣстахъ мы обѣщали сказать въ настоящей главѣ, посвященной митр. Макарію: во-первыхъ, о крещеніи Лопарей, которое началось въ правление митр. Даниила, но продолжалось и при Макаріи; во-вторыхъ, о попыткахъ папы привлечь нась—Русскихъ къ союзу съ римскою церковію, которая начались со времени брака вел. кн. Ивана Васильевича съ Софьей Фоминичной въ 1472-мъ году и которая продолжались до времени митр. Макарія и далѣе. Испольяемъ теперь наши обѣщанія.

Лопари или Лапландцы, весьма небольшой, т. е. весьма немногочисленный, народъ финского племени, въ древнєе и старое время обитавши въ предѣлахъ нашего отечества не только па составляющемъ сѣверо-западный уголъ Россіи полуостровѣ, который, бывъ образуемъ заливомъ сѣверного океана—Бѣлымъ моремъ, называется по ихъ имени Лапландіей, а по находящемуся на немъ городу Колѣ—Кольскимъ полуостровомъ, но и вдоль юго-западнаго берега Бѣлаго моря, вдаваясь на югъ болѣе или менѣе далеко изъ архангельской губерніи въ олонецкую губернію. До настоящаго времени уцѣлѣли Лопари, живущіе въ Лапландіи или на Кольскомъ полуостровѣ; а что касается Лопарей юго-западнаго берега Бѣлаго моря, то они уже совершенно обрушились. Вторые Лопари, теперь уже не существующіе, были крещены сполна или не совсѣмъ сполна въ неизвѣстное время болѣе или ме-

⁴⁾ Описание Сунодд. реки. Гурк. въ *Невостр.* № 77 (Собр. лѣтт. VI, 298 лѣт.).

и ѿе задолго до митр. Даниила ¹⁾), и мы имѣемъ говорить исключительно о первыхъ Лопаряхъ, уцѣлѣвшихъ до настоящаго времени и живущихъ въ Лапландіи или на Кольскомъ полуостровѣ.

Подъ 1526-мъ годомъ читается въ лѣтописяхъ: «Того же лѣта 34 (т. е. 7034-го отъ С. М., которое есть 1526-й годъ отъ Р. Х.) прїѣхаша къ государю великому князю Василью Ивановичу на Москву Поморцы и Лопяни съ моря Окіяна, изъ Кандольской губѣ, усть Невы рѣки, изъ Дикой Лопи, и били челомъ государю великому князю, а просили алтимиса и священиковъ церковь свяцати и просвѣтити ихъ святымъ крещеніемъ; и государь князь великий велѣлъ послати богонощу своему архіепискуу Макарію изъ Новагорода отъ соборнаго церкви священника и діакона; и они Ѵхавше свяцали церковь Рожество Іоанна Предотечи, и многихъ Лоплянъ крестина во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ нашу православную христіянскую святую вѣру» ²⁾.

Лопари, о которыхъ говорится въ приведенномъ извѣстіи лѣтописей, жили въ верховьяхъ Кандалакшаго залива Бѣлаго моря, въ мѣстности, гдѣ теперь село Кандалакша, находящееся при впаденіи въ заливъ рѣки, которую лѣтописи называютъ Невой и которая теперь называется Нивой (самое большое селеніе на полуостровѣ послѣ города Колы, имѣющее 74 двора и представляющее собою одинъ изъ главныхъ промышленныхъ пунктовъ архангельской губерніи,—Географ.-статистич. словарь Семенова, сл. Кандалакша). Кто расположилъ кандалакскихъ Лопарей къ принятію христіанства, такъ что они прежде крещенія построили и церковь, остается неизвѣстнымъ. Но необходимо думать, что это былъ какой нибудь пустынникъ или были какіе нибудь пустынники или изъ Соловецкаго монастыря или же изъ неизвѣстнаго монастыря съ материка. Герберштейнъ, бывший во второй разъ въ Москвѣ именно въ 1526-мъ году (съ 26-го Апрѣля по 11-е

¹⁾ Въ 1530-мъ году вел. кн. Васілій Ивановичъ далъ грамоту Лоплянамъ или Лопарямъ, жившимъ по рѣкамъ Кеми (впадающей въ Бѣлое море противъ Соловецкаго монастыря на Соловецкомъ островѣ) и Шуѣ (впадающей въ то же море нѣсколько ниже Кеми), «крещенымъ и некрещенымъ»,—Собр. госуд. грамм. въ догов. I, 436. Но возможно, что «крещенымъ и некрещенымъ» тутъ только канцелярская форма, принятая относительно инородцевъ (это «крещенымъ и некрещенымъ» повторяется и въ подтверждительныхъ грамотахъ Грознаго,—ibid. стрр. 437 и 438).

²⁾ Софійскій Временникъ Строгова, II, 359, въ отрывокъ лѣтописи въ Собр. лѣтт., VI, 282.

Ноября) пишеть: «Особенную заботу духовныхъ (русскихъ) составляетъ то, чтобы приводить какихъ либо людейъ къ своей вѣрѣ; монахи-отицельники уже значительную часть прежнихъ идолопоклонниковъ, долго и настойчиво посыпая между ними слово Божіе, привлекли къ вѣрѣ Христовой; и теперь отираются они въ разныя области, лежащія къ сѣверу и востоку, которыхъ достигаютъ съ великимъ трудомъ, терпя голодъ и подвергая опасности жизнь, и не ожидаютъ и не ищутъ какой либо выгоды, но единственно стремятся къ тому, чтобы сдѣлать дѣло угодное Богу и чтобы души многихъ, увлеченныхъ въ заблужденіе (утверждая иногда смертно ученіе Христово) возвратить на правый путь и приобрѣти ихъ Христу»¹⁾. Поэлы отъ Лопарей къ великому князю должны были прибыть въ Москву, когда находился въ ней Герберстейнъ, и нужно полагать, что какъ на современныхъ проповѣдникахъ христіанства между язычниками ему указывали именемъ на неизвѣстныхъ наимъ просвѣтителей нашихъ язычниковъ. Лопари обратились съ своей просьбой къ самому великому князю, а не къ архіепископу новгородскому, какъ слѣдуетъ думать, потому, что они отправили свое посланство, когда Макарій еще не былъ назначенъ въ архіепископы новгородскіе или что когда онъ, посвященный въ архіепископы, еще не прѣѣжалъ въ Новгородъ (быть поставленъ въ архіепископы Новгородскіе 4-го Марта 1526-го года, онъ прѣѣхалъ въ Новгородъ спустя пять мѣсяцевъ 29-го Іюля). Если неизвѣстные пустыничики, расположивши въ Лопарей къ принятію христіанства, сами не крестили ихъ: то необходимо понимать это такъ, что они не имѣли сана священства.

Подъ 1532-мъ годомъ читается въ лѣтописяхъ: «Тое же зимы прѣѣхаша въ Великій Новгородъ Лопляни съ Мурманскаго моря, съ Колы рѣки, съ Тутоломи, и били челомъ государеву пресвященному архіепископу Макарію и просили антимисовъ и священниковъ, церкви Божія свящати и самѣхъ просвѣтити святымъ крещеніемъ; и богообиный архіепископъ Макарій посла отъ соборной церкви святой Софіи священника и діакона, и они Жавине церкви Божія свящали,—Благовѣщеніе святой Богородицы да чудотворца Николу, въ Филипповъ пость, и самѣхъ многихъ крестини, за Святымъ иносомъ, Лоплянъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ нашу праиславную и святую вѣру»²⁾.

¹⁾ У *Старческаго*, т. I, р. 30, col. 2.

²⁾ Тѣ же Софійск. Временникъ *Старческаго*, II, 371, въ отрывокъ лѣтописи изъ Собр. лѣт. VI, 289.

Лопари, о которыхъ говорится въ нашемъ второмъ извѣстіи лѣтописей, жили въ мѣстности нынѣшняго города Колы, который находится на берегу залива сѣверного океана, между устьями рѣкъ Колы и Туломы,—въ лѣтописяхъ Тутоломы, впадающихъ въ заливъ не далеко одна отъ другой, и двѣ церкви, поставленныя Лопарями и освященныя священникомъ, были именно въ томъ селеніи или становищѣ (волостиѣ), которое потомъ стало городомъ Колой. О пеизвѣстныхъ проповѣдникахъ христіанства кольскимъ Лопарамъ должно быть сказано то же самое, что мы выше сказали о проповѣдникахъ христіанства кандалакскимъ Лопарамъ. Когда лѣтописцы говорятъ, что кольские Лопари жили за Святымъ посомъ, то обнаруживаются не особенно хорошее знаніе топографіи и слова ихъ нужно понимать въ томъ несобственномъ смыслѣ, что—гораздо далѣе Святаго поса.

Одновременно съ тѣмъ или вслѣдъ за тѣмъ, какъ Лопарей кольскихъ обратили въ христіанство пеизвѣстные пустынники, къ Лопарамъ, жившимъ на западъ отъ Колы къ норвежской границѣ, по двумъ, впадающимъ въ сѣверный океанъ, рѣкамъ—Назѣ, которая почти на всемъ протяженіи своего течения служитъ границей между Россіей и Норвегіей ¹⁾, и Неченгѣ, которая течетъ параллельно съ Назой верстахъ во 100 отъ нея на востокъ и верстахъ въ 250—300 на западъ отъ Колы, явился съ проповѣдью христіанства пустынникъ, извѣстный по имени. Это—преподобный Трифонъ Неченгскій. Преп. Трифонъ, уроженецъ пеизвѣстно точнымъ образомъ—какого мѣста новгородской области ²⁾, въ лѣта юности возжелалъ подвизаться подвигомъ, которымъ въ его время подвизались многие, именно—подвигомъ пустыни-

¹⁾ Въ настоящее время рѣка Наза (въ житіи преп. Трифона и въ грамотѣ царя Алексея Михайловича 1675-го года.—Акт. Ист. т. IV, № 254, стр. 549, col. 2 sub fin.: Назъ-рѣка, въ Кингѣ большему чертежу ошибочно: Таза), вытекающая изъ озера Энаре и называемая у Норвежцевъ Назвигомъ, у Финновъ—Нашъ-Юкки, послѣдними нѣсколькоими верстами своего течения принадлежитъ Норвегіи, но до 1828-го года она служила границей между Россіей и Норвегіей на всемъ своемъ протяженіи.

²⁾ Авторъ житія Трифонова говоритъ: «Сей святый великий проповѣдникъ и пустынникъ житель преподобный отецъ Трифонъ рождениѣ и воспитаніе имѣя въ новгородскихъ предѣлахъ, отъ самого ли Новаграда или отъ иныхъ новгородцій страны градовъ и вescей, того въ писаніи не обрѣтаемъ: глаголет же си отъ иныхъ, якобы отечество преподобнаго близъ града Торжка, отъ освященныхъ, благочестно живущихъ, родителей». Житіе Трифона, написанное спустя болѣе или менѣе много времени послѣ его смерти и очень скучное фактическими свѣдѣніями, начечатано въ Правосл. Соборѣдникѣ 1859-го года, ч. 2, стр. 94.

жительства, и къ которому онъ хотѣть присоединить еще и другой подвигъ—приведенія къ Христу блуждавшихъ во тмъ язычества, желаніемъ чего, по приведенному выше свидѣтельству Герберштейна, одушевлялись тогда многіе пустынники: для обоихъ подвиговъ онъ и отиравился въ западную, пограничную съ Норвегіей, часть Лапландіи. Выучившись языкку Лопарей, онъ обратился къ нимъ съ своею проповѣдью и послѣ неизвѣстно сколь продолжительныхъ усилий расположилъ ихъ къ принятію христіанства¹⁾. Не имѣя сана священства, преподобный не крестилъ Лопарей самъ, но, приготовивъ здѣвѣ для будущей церкви будущимъ христіанамъ, онъ отиравился за священникомъ, который бы крестилъ оглашенныхъ имъ и освятилъ церковь, въ Новгородъ къ архіепископу²⁾. Время, когда совершиено было крещеніе пазо-печенгскихъ Лопарей, не указано въ житіи преп. Трифона, можетъ быть определено только приблизительнымъ образомъ. При церкви, которую построилъ преподобный для обращенныхъ имъ (поставивъ ее на рѣкѣ Печенгѣ, въ 7-ми верстахъ выше ея устья) и которая освящена была во имя Св. Троицы, онъ устроилъ монастырь, а о монастырѣ этомъ, называя его монастыремъ честнымъ, въ которомъ со-вокуплена была многа чета иноческаго пребыванія, говорить преп.

¹⁾ Авторъ житія представляетъ дѣло такъ, что Лопаря, желая прогнать отъ себя проповѣдника христіанства, чинили ему «неисповѣдимыя пакости: за вѣасы торгаху и о землю метаху и бяху и ихаху» и покушались на самую его жизнь,—печати. стр. 99 sub fin.: но это утвержденіе автора житія болѣе сомнителльно. И по старымъ и по новымъ свидѣтельствамъ, Лопаря—народъ весьма трусливый и дѣтски-боязливый, такъ что усвоить имъ какія нибудь неисповѣдимыя пакости по отношенію къ Трифону совсѣмъ невѣроятно (авторъ, по всей вѣроятности, вдохновляется въ данномъ случаѣ Епифаніевымъ житіемъ Стефана Пермскаго).

²⁾ Авторъ житія въ нашемъ второмъ случаѣ представляетъ дѣло не только не ладно, но и совсѣмъ пѣтно: за благословеніемъ на построеніе церкви и за ея строителями онъ заставляетъ Трифона идти въ Новгородъ, а священикка для крещенія Лопарей и для освященія церкви заставляетъ его разыскивать по всей Лапландіи и «нечаемо» или случайно найти въ Колѣ. Но священикъ долженъ быть имѣть антиминсъ и получить благословеніе отъ архіепископа, и слѣдовательно—Трифонъ необходимо долженъ былъ идти за нимъ въ Новгородъ. Іеронимка т.-е. іеромонаха Илія, котораго будто бы Трифонъ нечаемо нашолъ въ Колѣ, авторъ житія находитъ въ лѣтописяхъ; а чтобы іеромонахъ Илія лѣтописей, котораго архіепископъ Макарій два раза, въ 1534-мъ и 1535-мъ году, посыпалъ въ Чудь, Ижору и Карелу, утверждать христіанство у этихъ инородцевъ, о чёмъ говорили мы выше, доходилъ до Колы въ Лапландіи, предполагать это иѣть никакого основанія.

Максимъ Грекъ въ предисловіи къ житію соловецкихъ чудотворцевъ¹⁾. Подвизавшись болѣе или менѣе продолжительное время среди познанчегскихъ Лопарей послѣ ихъ обращенія въ христіанство, преп. Трифонъ скончался, по показанію его житія, имѣя 88-мъ лѣтъ отъ роду, 14-го Декабря 1582-го года²⁾.

Кромѣ Трифона Печенгскаго извѣстенъ по имени еще другой просвѣтитель Лопарей, это—Феодоритъ, о которомъ уже нѣсколько разъ говорили мы выше, постриженникъ Соловецкаго монастыря, послѣ Соловецкаго монастыря жившій въ нѣсколькоихъ другихъ монастыряхъ и мѣстахъ, передъ 1556-мъ годомъ бывшій архимандритомъ суз达尔-

¹⁾ Казанск. изд. Максима—III, 266 лп. (Варяжскій градъ у Максима Варгава, отъ котораго монастырь, по его словамъ, отстоялъ яко шестьдесятъ поприщъ, есть норвежскій городъ *Vardöehus*. Уединенный монастырь св. Николая на Печенгѣ противъ Варгава, упоминаемый въ шведскихъ дѣлахъ подъ 1555-мъ годомъ,—*Karalmz.* VIII, 150 нач.. итъ сомнѣнія, есть вашъ монастырь св. Троицы. ошибочно называемый монастыремъ св. Николая). Извѣстна грамота, данная царемъ Иваномъ Васильевичемъ Трифонову Печенгскому монастырю, напечатанная въ Исторіи іерархіи.—IV, 582, и въ Описаніи Архангельской губерніи *Козьмы Молчанова*.—стр. 230: по мы весьма сомнѣваемся въ ея подлинности. Поимѣнная 21-мъ Ноября 1556-го года, она начинается: «По умоленію дѣтей своихъ царевича князя Иоанна Иоанновича и царевича князя Феодора Иоанновича пожаловалъ есма»... Между тѣмъ въ 1556-мъ году царевичу Ивану было лишь два года, а царевичъ Федоръ еще и не родился. Итому, и это вступленіе въ офиціальномъ актѣ: «По умоленію дѣтей своихъ»... вовсе не располагаетъ вѣрить въ грамоту (И въ грамотѣ монастырю царя Алексея Михайловича 1675-го года не упоминается о нашей грамотѣ при указаніи прежнихъ грамотъ монастырю: Акт. Ист. т. IV, № 254, стр. 547 col. 2).

²⁾ Житіе преп. Трифона не ставитъ его ни въ какую связь съ Соловецкимъ монастыремъ, но преп. Максимъ Грекъ въ помянутомъ предисловіи къ житію соловецкихъ чудотворцевъ представляетъ дѣло такъ, что монастырь Трифоновъ въ болѣе или менѣе значительной степени обязанъ своимъ существованіемъ Соловецкому монастырю.—Монастырь Трифоновъ, раззоренный въ 1590-мъ году Шведами, перенесенъ былъ послѣ того въ Колу, въ которой закрытъ въ 1764-мъ году. Въ ведавшее время онъ возобновленъ на своемъ первоначальному мѣстѣ.—Преп. Трифонъ по-гребенъ былъ не въ самомъ Троицкомъ монастырѣ, а въ находившейся верстахъ въ 20-ти отъ него вверхъ по рѣкѣ Печенгѣ Успенской отходной пустынѣ.—Кромѣ монастыря и пустыни грамота царя Алексея Михайловича 1675-го года называетъ поставленіемъ старца Трифона существующую до настоящаго времени (не знаемъ—въ первоначальному ли видѣ) церковь Бориса и Глѣба, находящуюся на рѣкѣ Назѣ въ 5-ти верстахъ отъ ея устья (у самой теперешней Норвежской границы).—стрр. 549 fin. и 555 col. 2.

скаго Евоніміева монастыря, а въ семъ послѣднемъ году суждений и осужденій за вольномысліе и посланный не надолго въ заключеніе, въ 1557-мъ году посыпаний Грознымъ въ Константинополь къ патріарху за утвердительной грамотой въ саїтѣ царя и наконецъ за что-то (за ходатайство будто бы обѣ известионъ Андреѣ Михайловичѣ Курбскомъ) казненный будто бы государемъ. Сейчасъ поминутый А. М. Курбскій, сообщаюшій подробныя, но не отличающіяся обстоятельностію и надежностию, свѣдѣнія о Феодоритѣ, увѣряетъ, что онъ былъ крестителемъ Лопарей, живущихъ около устья рѣки Колы. Но мы положительно знаемъ, что здѣшніе Лопари крещены до Феодорита, миссіонерская дѣятельность котораго между язычниками должна быть отнесима приблизительно къ году 1545-му. Не полагая, чтобы Курбскій совсѣмъ выдумывалъ эту дѣятельность Феодорита, нужно будетъ думать, что онъ былъ крестителемъ того или другаго числа Лопарей восточной части Кольского полуострова, жившихъ по рѣкѣ Пеною, которая течеть въ серединѣ восточной части полуострова съ запада на востокъ и впадаетъ въ Бѣлое море въ его сѣверномъ верховья, и отъ рѣки Пеноя—вверхъ къ Святому носу и внизъ къ Терскому и по Терскому берегу¹⁾.

Что касается до крещенія этихъ попойскихъ или терскихъ Лопарей, то извѣстна грамота царя Ивана Васильевича отъ 20-го Февраля 1575-го года, данная на имя иѣкоего старца Феогноста, изъ которой оказывается, что часть нашихъ Лопарей крещена довольно задолго до сего года, а что другая часть оставалась некрещеной и въ семъ году. Царь пишетъ въ своей грамотѣ, что выборные крещеныхъ и некрещеныхъ Лопарей данной мѣстности били ему членъ, что напередъ сего

¹⁾ Курбскій увѣряетъ, что Феодоритъ создалъ на устьѣ рѣки Колы монастырь во имя Св. Троицы. Но со всемъ вѣроятностію нужно думать, что за Феодоритомъ Кольской монастырь Св. Троицы онъ приписываетъ Трифоновъ Иченгскій монастырь Св. Троицы, при чёмъ свѣдѣнія береть изъ помянутаго, написанаго преп. Макаріемъ Грекомъ, предисловія къ житію соловецкихъ чудотворцевъ (въ которомъ основатель монастыря не называется по имени) и при чёмъ переносить монастырь съ Иченги на Колу потому, что, какъ видно изъ его разсказа о посѣщеніи Феодоритомъ созданного имъ монастыря послѣ удаленія изъ посѣщенія Феодоритомъ (Курбскій) полагаетъ, что Кола была еще далѣе Иченги. Если дѣйствительно созданъ былъ Феодоритомъ монастырь или монастырекъ, то онъ находился гдѣ нибудь на сейчасъ указанной территории попойскихъ Лопарей. Но при этомъ весьма странно и далеко не особенно вѣроятно, что, по словамъ Курбскаго, Феодоритъ, введеній въ сношь монастырь строгое общежитіе, выгнанъ былъ изъ него не лотвянами терпѣть общежитія его монахами.

по ихъ—Лопарей просящъ онъ—государь приказалъ имъ поставить на рѣкѣ Поной церковь апостоловъ Петра и Павла и снабдилъ ее отъ себя всѣмъ нужнымъ,—что они—Лопари церковь поставили и сами крестились, а иные креститься не посмѣли, потому что та церковь запустѣла отъ сильныхъ людей насильства и беречи-де было тое церкви равно какъ и ихъ самихъ, отъ сильныхъ людей некому, и что теперь они—Лопари просятъ его—государя, чтобы некрещеныхъ между ними онъ повелѣлъ крестить, а старыхъ и больныхъ и увѣчныхъ изъ числа крещеныхъ постригать въ иноческий чинъ у помянутой церкви и церковь строить и между ними управу чинить ему—старцу Феогносту. Согласно просящѣ Лопарей, царь поручилъ старцу Феогносту, имѣвшему производить съ Лопарей вмѣсто руги извѣстия взиманія, устроить по старинѣ церковь апостоловъ Петра и Павла и устроить или приговорить къ ней священника, который бы за опредѣленную плату исправлять у Лопарей требы (а самому иакрѣпко оберегать ихъ отъ всякихъ сильныхъ людей насильства и продажи ¹). Въ 1581-мъ году церковь апостоловъ Петра и Павла, продолжавшая стоять безъ пѣнія, т. е. для которой старецъ Феогность по той или другой причинѣ ничего не сдѣлалъ, была поручена государемъ въ завѣданіе Троицкому Сергиеву монастырю (желавшему пользоваться рыбными ловлями въ половинѣ рѣки Поноя, даний Лопарями къ церкви ²).

Обращаемся къ попыткамъ напѣ привлечь пасль—Русскихъ къ союзу съ римскою церковью.

Мы сказали выше, что папа Навель II и кардиналъ Вискаріонъ, решивъ въ 1469-мъ году предложить руку Софии Фоминиши вел. кн. Ивану Васильевичу, мало мечтали при этомъ о новомъ привлечениіи московской Руси къ флорентийской унії, такъ какъ убѣдительный прімѣръ Исаидора былъ еще слишкомъ въ живой памяти, и что они устраивали бракъ главнымъ образомъ изъ желанія привлечь московского государя къ союзу западныхъ государей противъ Турокъ, о которомъ они усердно хлопотали ³). Но должно думать, что они отпускали царевну

¹) Грамота въ Акт. Экспед., т. I, № 288, стр. 334.

²) Грамота ibid. № 309, стр. 373.

³) Выше мы сказали, что Нарлингъ въ *La Russie et le Saint-Siège* усвояетъ инициативу сватовства къ Софѣ вел. кн. Ивана Васильевича не Риму, а Москвѣ. Ссылаясь на документы ватиканского архива, Нарлингъ утверждаетъ, что въ половинѣ 1468-го года приходило въ Римъ посольство изъ Москвы отъ Ивана Фризина,—т. I, р. 132—133. Если это правда, то нужно будетъ представлять дѣло такъ, что Ивану Васильевичу или самому пришла или кѣмъ-нибудь подана была

въ Москву съ гораздо болѣшими мечтами относительно уніи, нежели съ какими предлагали ея руку великому князю. Дѣло въ томъ, что посланный государемъ въ Римъ смотрѣть невѣсту и потомъ привезти ее въ Москву его денежный мастеръ Иванъ Фрязинъ (итальянецъ изъ Виченцы Іоанъ Баттиста Волле) увѣрялъ папу и кардиналовъ, будто великий князь, отказавшись признавать власть патріарха константинопольскаго послѣ того, какъ этотъ поддалъ варварскому игу Турукъ, желаетъ приступить къ уніи флорентийской и признаетъ папу памѣстникомъ Христовыемъ¹⁾). Какъ вель себя въ Москвѣ сопровождавшій царевну легатъ папскій Антоній, совершило ничего неизвѣстно ни изъ русскихъ лѣтописей, ни изъ ватиканскихъ актовъ²⁾). Возможно, что ошь совѣтъ не заводилъ рѣчей объ уніи, бывъ рѣшительнымъ образомъ предупрежденъ относительно сего приставами государя, которые встрѣтили невѣсту въ Юрьевѣ (Дерптѣ). Если же заводилъ, то тотчасъ же долженъ быть получить совершение категорической отвѣты, что хотя великий князь дѣйствительно не признаетъ власти патріарха константинопольскаго, но что тѣмъ не менѣе и о признаніи власти папы римскаго вовсе не помышляеть³⁾). Послѣ свѣдѣній, полученныхъ относительно московскихъ расположений и настроений отъ Антонія, должны бы были прекратиться попытки папы привлечь нась къ союзу съ римскою церковью. Но и послѣ Антонія не переставали находиться люди, которые увѣряли папу, будто русскіе государи имѣютъ готовность приступить къ уніи съ ними, и которые возбуждали папу дѣлать попытки о привлечениіи государей къ уніи. Съ другой стороны, сами государи, хотя прямо и рѣшительно отвѣчали на папскія предложения,

мысль жениться на Софье,—что, опасаясь отказа, онъ не началъ съ формального сватовства, а наперѣдъ послалъ для частныхъ развѣдокъ,—что съ послами, ходившими въ Римъ для этихъ развѣдокъ, и было въ 1469-мъ году прислано Виссариономъ формальное предложеніе руки Софьи.

¹⁾ См. у Карамзина—VI, 40, взятое у Райнальда изъ его *Annales ecclesiastici*, и у самого Райнальда въ сихъ *Annales*, an. 1472. n. 48 sqq.

²⁾ См. у Нарлима въ *La Russie et le Saint-Siège*, I, 173.

³⁾ Что касается до диспуга, на который вызвалъ легата патр. Филиппъ: то отъ него нельзя сдѣлать никакого заключенія. Могъ лиѣть митрополитъ желаніе посрамить легата въ богословскомъ преніи не только въ томъ случаѣ, если онъ заводилъ рѣчи объ уніи, но и въ томъ случаѣ, если онъ не заводилъ этихъ рѣчей. Въ послѣднемъ случаѣ, чтобы предупредить всякия попытки рѣчей со стороны легата обѣ уніи (лѣтописи даютъ знать, что диспутъ былъ предрѣшенъ у митрополита еще до прибытія легата).

что какъ напередъ того съ Божьею волею отъ прародителей своихъ законъ греческій они держать крѣпко, такъ и потомъ съ Божьею волею законъ свой держати крѣпко хотять (см. ниже), вели себя такъ, что какъ бы поддерживали вѣкоторую надежду на благопріятный конецъ попыткъ. Они не только не чуждались обсылокъ или дипломатическихъ спошений съ папами, но усердно поддерживали послѣднія, заявляя, что они хотять быть въ дружбѣ и согласіи съ папами. Эти обсылки, во-периыть, льстили имъ самолюбію, какъ обсылки съ главой западно-европейскаго міра; во-вторыхъ, поддержаніе черезъ обсылки хорошихъ отношеній къ папамъ имъ нужно было для того, что со временеми женитьбы Ивана Васильевича на Софѣ Фоминишнѣ государи наши начали вышесывать съ запада, преимущественно изъ Италии, ремесленниковъ, техниковъ и художниковъ, и что папы, въ случаѣ дурныхъ отношеній къ нимъ государей, могли много воспрепятствовать имъ въ вызовѣ нужныхъ имъ людей. Но сейчасъ сказанному, начиная съ женитьбы Ивана Васильевича на Софѣ Фоминишнѣ, у насъ начались довольно дѣятельныя спошения съ папами, при чёмъ папы помышляли и старались о привлечениіи нашихъ государей къ союзу съ римскою церковью, а государи, вовсе не помышляя объ этомъ союзѣ и бывъ решительно противъ него, поддерживали спошения по другимъ, указаннымъ папами, побужденіямъ. Мы передадимъ свѣдѣнія объ этихъ спошенияхъ, далеко не отличающіяся вирочемъ полнотой, въ хронологическомъ порядке сихъ послѣднихъ.

Вмѣстѣ съ легатомъ папы Антоніемъ, который послѣ 11-педѣльнаго пребыванія въ Москвѣ отпущенъ былъ изъ нея 26-го Января 1473-го года ¹⁾), или вслѣдъ за нимъ посланъ былъ государемъ въ Венецию, жаловаться на неладное поведеніе въ Москвѣ венецианскаго послы Тревизана, Антонъ Фрязинъ, илеманикъ Ивана Фрязина. Изъ Венеции Антонъ ходилъ въ Римъ и возвратился въ Москву, 25-го Апрѣля 1474-го года ²⁾), какъ узнаемъ изъ одного польского источника съ какими-то дѣлами отъ папы къ великому князю ³⁾.

¹⁾ Икон. лѣт. VI, 52 нац., Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 176 fin.

²⁾ Икон. лѣт. VI, 56. Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 179 нац..

³⁾ Длугошъ въ своей Польской исторіи пишетъ, что въ Февралѣ же сѧцѣ 1474-го года пришелъ къ королю польскому венецианскій посолъ Антоній, именемъ—нашъ Антонъ, возвращавшійся изъ Италии, который просилъ проводить его въ Москву, quia eadem negotia summi Pontificis illuc aperit Princepem Moscoviacem acturus.—Лейпцигск. изд. 1712-го года т. II, col. 509.

Спустя немногого послѣ возвращенія Аントона, 24-го Июля 1474-го года, великий князь послалъ въ Италию, отчасти, не дѣлу того же Тревизана, отчасти, вѣроятно, по поводу того, что привезъ Аントонъ отъ папы, отчасти за хорошимъ архитекторомъ, своего посла—Семена Толбузина, сопровождать котораго назначеній быть толькъ же Аントонъ Фризинъ и который возвратился изъ Рима 26-го Марта 1475-го года, приведши съ собою знаменитаго архитектора Аристотеля Фиоравенти¹⁾ (Аристотелю одновременно сдѣланы были предложения отъ великаго князя московскаго и отъ султана турецкаго: если онъ предпочель перваго, который далеко былъ ниже султана въ отношеніи къ могуществу и блеску, то не невозможно подозрѣвать тутъ вліяніе папы).

Въ 1483-мъ году, съ какого-то неизвѣстнаго намъ повода, въ Польшѣ распростраивался слухъ, будто великий князь московскій послать къ папѣ пословъ просить у него царскаго или королевскаго достоинства²⁾. Слухъ этотъ, долго державшійся, дошелъ до Австріи, и послъ императора германскаго Николай Понель, бывшій въ Москвѣ въ 1489-мъ году, представлялъ здѣсь, что только одинъ императоръ имѣть право давать королевское достоинство и что великий князь, если желаетъ получить послѣднєе, долженъ обратиться къ нему — императору³⁾.

Въ 1488-мъ году послалъ великий князь выѣзжихъ изъ Константинополя Грековъ — братьевъ Дмитрія и Мануила Ивановыхъ Радовыхъ въ Римъ, въ Венецию и Медіоланъ. Возвратившись изъ Италии зимой 1489—90-го года послѣ привели съ собой изъ Венеции лекаря мнестра Леона жидовина (котораго всѣмъ скоро постигла несчастная судьба)

¹⁾ Никон. лѣт. VI, 58 и 59 фин., Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII 180 и 181 нач..

²⁾ См. посланіе папы къ королю польскому отъ 7-го Февраля 1484-го года у Тейнера въ *Monumenta Poloniae*. т. II, № CCLVII, р. 230 (дошелъ до короля, какъ сообщено было папѣ и какъ папа сообщалъ королю, слухъ, quod dux Moskowie oratores ad nos misit, petiturus a nobis imperiale vel regalem dignitatem in tota Ruthenica natione).

³⁾ Ся. *Аделина Обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700-го года*, русск. перев. ч. I, стр. 101 фин.—По поводу такихъ же, позднѣе появившихся, слуховъ. Герберштейнъ пишетъ: *Scribunt quidam. Museum a Pontifice Romano et a Caesare Maximiliano (1493—1519) nonum expetivisse et titulum Regium: mihi verisimile non videtur. praesertim eum nulli homini infestior sit. quam summum Pontificis et quem non nisi Doctoris titulo dignatur. Caesarum autem Romanum non majorem se existimat.*—у *Старцевской* р. 13, col. 2.

«и иныхъ мастеровъ Фрязь—стѣниыхъ и полатныхъ и пушечныхъ и серебряныхъ» ¹⁾.

9-го Іюля 1490-го года возвратился изъ Рима посолъ великаго князя Грекъ Юрій Траханіотъ, неизвѣстно когда отправлявшійся изъ Москвы ²⁾.

Въ 1494-мъ году лѣтомъ возвратились въ Москву послы великаго князя Грекъ Мануило Ангеловъ и Данило Мамыревъ, которыхъ послать великий князь «мастеровъ для» въ Венецію и Медіоланъ и которые привели съ собою Алевиза, стѣниаго и палатнаго мастера, Петра пушечника и иныхъ мастеровъ ³⁾.

Въ Мартѣ 1499-го года послать великій князь въ Италію «о своихъ потребахъ» пословъ своихъ Грека Дмитрія Иванова Ралева и Митрофана Оѣдорова Каракарова, которые возвратились въ концѣ 1504-го года, приведши съ собой «многихъ мастеровъ серебряныхъ и пушечниковъ и стѣниыхъ» ⁴⁾.

Тѣ или другіе изъ пословъ, ходившихъ въ Италію въ 1494-мъ и въ 1499-мъ годахъ, или же, можетъ быть, и тѣ и другіе были въ Римѣ для какихъ-то переговоровъ, не приведшихъ ни къ чему. Пава Климентъ VII писалъ въ 1524-мъ году вел. кн. Василію Ивановичу, что, какъ онъ слышалъ, при его предшественикѣ папѣ Александре, занимавшемъ престоль съ 1492-го года по 1503-й годъ, русскіе послы по некоторымъ дѣламъ приходили въ Римъ, но что, къ прискорбію, ничего не было сдѣлано (*Tui legati componendarum rerum causa in urbe Roma versarentur, sed nihil fuise conclusum* ⁵⁾). Вѣроятно, что переговоры были о присоединеніи московскаго великаго князя къ союзу западныхъ государей противъ Турокъ, воевать съ которыми наши великие князья не имѣли никакого желанія, но говорить о войнѣ съ которыми были вовсе не прочь (маня папъ своею притворною готовностію).

¹⁾ Никон. лѣт. VI, 123 нач. и 125.—Ширлингъ на основаніи документовъ миланскаго архива говоритьъ, что 24-го Іюня 1486-го года являлся въ Миланъ въ качествѣ московскаго посла (неизвѣстно—за чѣмъ) Грекъ по имени Юрій Ресансонетес,—*La Russe et le Saint-Siège*, I, 202.

²⁾ Никон. лѣт. VI, 126 нач..

³⁾ Никон. лѣт. VI, 140. Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 228.

⁴⁾ Никон. лѣт. VI, 156 sub fin. и 171, Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 236 и 244.

⁵⁾ См. у *протоієп. Григоровича* въ его изданії: Переписка папъ съ россійскими государями въ XVI-мъ вѣкѣ, стр. 10.

стью присоединиться къ союзу западныхъ государей и откладывая это присоединеніе подъ разными предлогами).

О споменіяхъ съ папами великаго князя Василія Ивановича, ко-
торый заступилъ мѣсто умершаго отца 27-го Октября 1505-го года,
ничего неизвѣстно до 1511-го года. Затѣмъ, Иовій говоритъ въ
своемъ сочиненіи *De legatione Moscovitica*, что въ то время, какъ про-
исходилъ Латеранскій соборъ (начавшійся въ Маѣ 1512-го года и
продолжавшійся до Марта 1515-го года), великий князь Василій, у ко-
тораго нылаша война съ Польшею, хотѣлъ при посредствѣ датскаго
короля Іоанна послать посольство къ папѣ Юлію II, но что за слу-
чавшейся почти въ одинъ день смертью короля (20-го Февраля 1513-го
года) и папы (19-го Февраля 1513-го года) отложилъ намѣреніе по-
сылать посольство ¹⁾.

На помянутомъ Латеранскомъ соборѣ рѣшеніе было крестовый
походъ христіанскихъ государей противъ Турокъ. Къ участію въ по-
ходѣ приглашаемъ быть папою и великий князь московскій посред-
ствомъ грамоты, написанной отъ лица собора 29-го Ноября 1513-го
года ²⁾.

8-го Сентября 1514-го года Поляки одержали при городѣ Оршѣ
блестательную побѣду надъ Русскими. Папа въ Римѣ торжественно
отпраздновалъ эту побѣду, какъ побѣду своихъ католиковъ надъ ере-
тиками, и тѣмъ, по словамъ Иавла Іовія, не мало отчуждилъ отъ себя
и великаго князя Василія и весь его народъ ³⁾). После этого споменія
возобновились въ 1517-мъ году. Папа все хлопоталъ обѣ устроеніи
крестового похода противъ Турокъ, который рѣшеніе было на Латеранскомъ
соборѣ въ 1513-мъ году, и съ цѣллю побужденія и убѣжде-
нія государей составить военный союзъ онъ послать въ 1515—1516-мъ
году по дворамъ ихъ своего легата, монаха Доминиканскаго ордена,

¹⁾ У *Старчевскою*, т. I, р. 4, col. 1 sub fin.. Фидлеръ въ своей статьѣ: *Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit Römischen Kirche im Sechzehnten Jahrhundert*, S. 6 fin., не совсѣмъ лѣпо утверждаетъ, перетолко-
вывая Іовія, будто великій князь просилъ короля ходатайствовать передъ папою,
чтобы его послы были допущены на Латеранскій соборъ.

²⁾ См. у *Пирлиса* въ *La Russie et le Saint-Siège*, I. 260 нач. (на
отвѣтственности котораго и оставляемъ извѣстіе).—Записка, подавная собору въ
Апрѣлѣ 1514-го года архіепископомъ гнезненскимъ Іоанномъ Ласкимъ, о русскомъ
народѣ и его заблужденіяхъ—у *Тургенева* въ *Historica Russiae Monimenta*,
т. I, № CXXIII, р. 123.

³⁾ У *Старчевскою*, т. I, р. 4, col. 1 sub fin..

Николая Шомберга, родомъ иѣмца изъ Пруссии. У Николая Шомберга былъ братъ Дитрихъ Шомбергъ (называемый въ нашихъ лѣтописяхъ и посольскихъ дѣлахъ Феодорикусомъ Шамборкомъ, Теодрихомъ Шемборкомъ), котораго въ Мартѣ 1517-го года магистръ прусскаго пѣмѣцкаго ордена Альбрехтъ послалъ въ Москву къ великому князю для заключенія наступательнаго союза противъ короля польскаго ¹⁾). Своему брату Дитриху Николай Шомбергъ и поручилъ хлопотать о томъ, чтобы привлечь великаго князя къ союзу западныхъ государей противъ Турокъ и вмѣстѣ чтобы привлечь его къ союзу съ римскою церковию. Дитриху Шомбергу на его хлопоты было отвѣчено: «Государь нашъ съ націою хочетъ въ дружбѣ и согласіѣ быти о дѣлѣхъ о которыхъ; а какъ напередъ того государь нашъ съ Божьею волею отъ працітелей своихъ законъ греческій держати крѣпко, такъ и нынѣ съ Божьею волею законъ свой держати крѣпко хочеть» ²⁾). Но Николай Шомбергъ (какъ видно, малый, что называется, не дуракъ) донесъ напѣ, будто дѣло о привлечениіи великаго князя къ указаннымъ союзамъ доведено его стараніемъ и трудами уже до того, что можно имѣть пѣкоторую надежду на благопріятное окончаніе. Вслѣдствіе такого донесенія Николая пана въ 1518—мъ году рѣшилъ было послать въ Россію его самого. Но посольство почему-то не состоялось (можетъ быть, откланилъ его самъ Шомбергъ, знаяшій отъ брата обѣ истинномъ положеніи дѣла и вовсе не надѣявшійся привести его къ тому благопріятному окончанію, надежду на которое онъ обманышмъ образомъ подать напѣ ³⁾).

¹⁾ Иакоп. лѣт. VI, 206. Софійск. 2 лѣт. и Воскрес. лѣт.. въ Собр. лѣтт. VI, 258 и VIII, 260, у Карамз. VII, 50.

²⁾ См. у Карамз. т. VII, прим. 191.—А обѣщасть было Шомбергъ отъ лица пана, что «непобѣдимѣйшаго царя всея Русіи пана хотеть короновати во крестьянскаго царя», а митрополита московскаго «возвысити и учинити патріархомъ, какъ было прежде константинопольской».—ibid. прим. 189.

³⁾ Грамота пана великому князю, имѣвшая быть доставлена послѣднему Шомбергомъ, отъ 4-го Іюня 1518-го года, и наказъ Шомбергу отъ 1-го Октября того же года у протоіер. Григоровича въ изданії: Нерчинска пана съ россійскими государями въ XVI вѣкѣ. стрр. 94 въ 97; одинъ наказъ у Тейнера въ Monimenta Poloniae. I, 378 (Шомбергъ называется Samberg'омъ). Въ наказѣ пана говорить, что если великій князь соединится съ римскою церковию на условіяхъ флорентійской унії: то онъ—пана украсить его королевскою честью и титломъ и будетъ имѣть его въ числѣ любезнѣйшихъ своихъ сыновей, и съ охотою возложить на него всѣ украшенія, коими возможно ему—папѣ почтить его—князя (что донесъ Шомбергъ обѣ уснѣхъ своихъ хлопотъ, обѣ этомъ говорить пана въ наказѣ).

Въ 1519-мъ году король польскій Сигизмундъ, находившійся въ войнѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, просилъ папу о посредничествѣ между нимъ—королемъ и великимъ княземъ. Въ Римѣ, послѣ того, какъ обсудилъ дѣло комитетъ кардиналовъ, рѣшено было въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1518-го года послать въ Москву послана, епископа гардіенскаго Захарію. Но посланство, какъ и предшествующее, почему-то не состоялось. Посоль короля польскаго, чтобы побудить папу взять на себя роль и хлопоты посредника, увѣрилъ его, будто великий князь имѣть расположение приступить къ союзу съ римскою церковию, и папа начинаетъ свое посланіе къ великому князю, которое имѣло быть представлено ему епископомъ Захаріей: «Послѣ того какъ памъ донесено людьми, достойными вѣры, что благородіе твоє, подвигнутое божественнѣмъ вдохновеніемъ, имѣть въ помышленіи, чтобы возвратиться къ союзу и повиновенію святой римской церкви» и пр.¹⁾.

Въ 1520-мъ году прибыть въ Москву, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ папы, генуезецъ Навель Чентуріоне, съ цѣллю попытаться открыть новый торговый путь въ Индію. Не успѣвъ достичнуть своей цѣли, онъ какимъ-то совсѣмъ непонятнымъ образомъ составилъ себѣ во время бытности въ Москвѣ убѣжденіе о возможности соединенія Русскихъ съ римскою церковию. Извинивъ съ этимъ убѣжденіемъ къ папѣ, онъ отправленъ быть послѣднимъ къ великому князю въ качествѣ его послана, имѣвшаго хлопотать о соединенії, при чёмъ, спабженъ быль грамотою папы, написанною 25-го Мая 1524-го года, въ которой великий князь настоятельно убѣждается приступить къ союзу съ римскою церковию. На грамоту папы великий князь отвѣчалъ своею грамотой, помѣченной Апрѣлемъ 1525-го года, въ которой, совершиенно умолчивши о церковномъ соединеніи, пишетъ: «Вы прислали къ намъ Павла капитана, генуэзскаго гражданина, съ грамотою, въ коей пишете намъ, чтобы сопроводили мы быть съ вами и съ другими христіанскими государями въ союзѣ противъ негѣрныхъ и чтобы послы наши могли взаимно съ обѣихъ сторонъ ходить и видѣть благоеостояніе наше. Но мы, по волѣ Божіей, какъ и прежде сего стояли за христіанство, такъ и нынѣ стоимъ и впредъ, волею Божію, противъ певѣрныхъ за христіанство стоять будемъ, какъ милосердый Господь памъ въ томъ поможетъ. А съ вами и съ иными христіанскими государями желаемъ быть въ союзѣ;

¹⁾ Посланіе, имѣвшее быть отправленіемъ съ епископомъ Захаріемъ, отъ 26-го Сентября 1519-го года, — у Турикова въ *Historica Russiae Monimenta*, I. 128, и у протоієр. Григоровича *ibid.* стр. 3; затѣмъ см. *Histoire de la Russie et le Saint-Siège*, I. 270 sqq.

равно согласны и на то, чтобы послы наши могли ходить съ обеихъ сторонъ и видѣть взаимное наше благосостояніе». Посылая съ Павломъ своего гонца къ папѣ, извѣстнаго посольского толмача Дмитрія Герасимова, и прося папу въ посланіи, безъ замедленія отпустить его назадъ, великий князь еще пишетъ папѣ: «Если благоугодно вамъ будетъ отправить къ намъ своего гонца: то пошлите его и пожалуйте чрезъ него извѣстите насть о томъ, какъ вы устроили дѣло, чтобы съ нами какъ вамъ, такъ и прочимъ христіанскимъ государямъ, стоять противъ невѣрныхъ, и что у васъ постановлено, о томъ дайте намъ вѣдать также своею грамотою, черезъ вашего гонца»¹⁾.

Дмитрій Герасимовъ возвратился отъ папы въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1526-го года, приведши съ собою послана—епископа скаренскаго Іоанна²⁾.

Вмѣстѣ съ епископомъ Іоанномъ великій князь послать къ папѣ, въ концѣ 1526-го года, своихъ пословъ—Еремія Матвієва Трусова и дьяка Тимофея Семенова Лодыгина (въ лѣтописяхъ называемаго Шарапомъ Лодыгинымъ), которые были послѣдними послами къ папѣ Василия Ивановича³⁾.

Въ первую половину правленія Ивана Васильевича Грознаго, по 1563-й годъ, когда скончался митр. Макарій, не было попытокъ со стороны папы привлечь насть къ союзу съ римскою церковію: но имѣла мѣсто смѣшная и исполненная комедія, въ которой отъ лица самого государя ведены были хлопоты о томъ, чтобы опять принять былъ въ подчиненіе римской церкви. Више мы упоминали о Нѣмцѣ Гансѣ Шліtte

¹⁾ Посланіе папы къ великому князю и отвѣтъ великаго князя папѣ у *протоіер. Григоровича* *ibid.*, стрр. 9 и 19.

²⁾ О возвращеніи Дмитрія Герасимова съ епископомъ Иоанномъ Френчюжко-вымъ (*sic*) Икон. лѣт. VI, 232, и Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 271; обѣ епископѣ у *Пирлата* въ *La Russie et le Saint-Siège*, I, 296 fin. sqq.

³⁾ Икон. лѣт. VI, 232 fin., Воскрес. лѣт. въ Собр. лѣтт. VIII, 272 нач.. Грамота великаго князя къ папѣ съ послами отъ Декабря мѣсяца 1526-го года у *протоіер. Григоровича* *ibid.*, стр. 25.—Трусовъ и Лодыгинъ, возвратившися въ Москву въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1528-го года, извѣстны тѣмъ, что вывезли съ собой изъ Италии «Попѣсть о храмѣ святаго Богородицы, въ немъ же родился отъ лакума и Аины» (извѣстномъ лоретскомъ). На концѣ попѣсти читается запись: «Въ лѣто 7036-е придоша на Москву Іоанія посланици великаго князя Василия Ивановича отъ папы римскаго Клиmenta четвертаго Еремій Трусовъ съ товарищи. вже видѣша сию святую церковь, отъ Рима 300 верстъ, и къ памъ сіе писаніе донесоша. а стоять та церковь посторонъ Рима, въ римской дръжавѣ папинѣ», см. Библіологич. словарь *Строева*. стр. 271 fin..

или Шліттенѣ, именно—что въ 1547-мъ году онъ посланъ былъ Иваномъ Васильевичемъ въ западную Европу набрать для Россіи ремесленниковъ, художниковъ и ученыхъ,—что съ набранными нужными людьми онъ прибылъ было въ Любекъ, чтобыѣхать далѣе въ Россію моремъ, но что Любчане, не желавши пропускать въ Россію веденныхъ имъ людей, посадили его подъ какимъ-то предлогомъ въ тюрьму, а помянутыхъ людей заставили разсѣяться, и что наконецъ послѣ полуторагодичнаго сидѣнія въ тюрьмѣ ему удалось уѣхать изъ нея. Все ли въ этомъ разсказѣ о Шлітте, принадлежащемъ ему самому, составляетъ правду, остается неизвѣстнымъ: возможно, что правду составляетъ только то, что онъ за долги сидѣть въ тюрьмѣ. Уѣхавъ изъ тюрьмы, Шлітте непонятнымъ образомъ и съ непонятною цѣлію задался мыслію, привести своего довѣрителя, московскаго государя, безъ спроса у него и безъ его согласія, въ подчиненіе римской церкви. Мы сказали, что съ непонятною цѣлію, ибо когда Шлітте явился бы къ Ивану Васильевичу съ извѣстіемъ, что безъ его—государя спроса и согласія онъ—Шлітте устроилъ его подчиненіе римской церкви: то его—Шлітте ожидали бы или плаха съ топоромъ или висѣлица съ веревкой. Остается думать, что, представлявъ собою исключительно сумасбродъ, Шлітте надѣялся, что, подчинивъ государя безъ его согласія и вѣдома римской церкви, онъ приведетъ его въ посторѣгъ и будетъ награжденъ по должностному. Какъ бы то ни было, но Шлітте задался указаниемъ мыслію. Затѣмъ, онъ остался непонятнымъ, что онъ не самъ хотѣть приводить въ исполненіе свою мысль, а возложилъ это дѣло на другаго. 1-го Августа 1550-го года въ городѣ Минденѣ (который находится въ сѣверной Германіи, на рекѣ Везерѣ, на юго-западѣ отъ Ганновера) онъ принялъ на службу къ московскому государю пѣкоего австрійскаго дворянинна Іоганна Штейнберга или Штемберга, на котораго и возложилъ исполненіе своей мысли о подчиненіи государя римской церкви¹⁾). Вѣроятно, онъ увѣрилъ Штейнберга, бывшаго, какъ необходимо думать, одного съ инымъ именемъ ягодой, что государь желаетъ и ищетъ подчиненія и что въ случаѣ исполненія мысли ихъ ожидаютъ величайшія на-

¹⁾ Контрактъ, заключенный Шлітте съ Штейнбергомъ,—у *Tургенева въ Historicae Russiae Monumenta*, т. I, № CXXX, р. 134. Далѣе у Тургенева помещена грамота папы къ всѣмъ князю отъ того же 1-го числа Августа 1550-го года,—р. 140. Если бы принимать, что дата выставлена вѣрно, то нужно было бы понимать дѣло такъ, что Шлітте и Штейнбергъ сфабриковали грамоту въ самый день заключенія контракта (но у *Фишлера* въ *Ein Versuch der Vereinigung* грамота безъ даты).

грады. Нашелся и человѣкъ, который предложилъ свои деньги для веденія дѣла, это—иѣкій австрійскій графъ Еберштейнъ.

Заручившись настоятельнымъ рекомендательнымъ письмомъ къ папѣ императора Карла V (отъ 13-го Сентября 1551-го года), таковыми же письмомъ состоявшаго при императорѣ папскаго папы, а также и другихъ влиятельныхъ лицъ при императорѣ, Штейнбергъ отправился въ Римъ (послѣ 21-го Октября 1551-го года, которымъ помѣчены некоторые изъ рекомендательныхъ писемъ). Въ Римѣ съ своими заявленіями о желаніи московскаго государя присоединиться къ римской церкви спачала онъ принять былъ весьма благосклонно Но потомъ дѣло перемѣнилось. О хлопотахъ его—Штейнберга привести въ союзъ съ римскою церковью государя московскаго узналъ король польскій. Король понялъ дѣло такъ, что Иванъ Васильевичъ изъявляетъ готовность подчиниться римской церкви, желая получить отъ папы королевскій вѣнецъ; а такъ какъ онъ—король весьма не желалъ, чтобы сталъ такимъ же, какъ онъ, королемъ государь московскій, то онъ и началъ самимъ энергическимъ образомъ противодѣйствовать исполненію мнемаго плана Ивана Васильевича. При дворѣ папы образовались двѣ партии: русская, которая стояла за то, чтобы принять русскаго государя въ подчиненіе римской церкви, и польская, которая решительно этому противилась. Борьба между партиями тянулась и продолженіе двухъ лѣтъ до конца 1553-го года, и загадочное дѣло кончилось тѣмъ, что Штейнбергъ куда-то безслѣдно изчезъ¹⁾).

Эпизодъ этотъ самъ по себѣ крайне интересенъ (и такъ какъ онъ все еще остается загадочнымъ, то желательно, чтобы кто либуть занялся имъ съ возможною парочитостію), но въ исторіи русской церкви онъ собственно не имѣть значенія, ибо чужие люди куралесили на счетъ и за счетъ Москвы совершенно безъ ея согласія и вѣдома. Карамзинъ утверждаетъ, что послѣ разныхъ странствованій Штитте въ 1557-мъ году возвратился въ Москву²⁾). Если это правда: то или государь остался въ совершенной неизвѣстности объ его затѣ подчи-

¹⁾ Дѣло Штитте—Штейнберга подробно излагается у *Юсифа Фидлера* въ статьѣ: Ein Versuch der Vereinigung der Russischen mit Romischen Kirche, напечатанной въ Iuniheft des Jahrganges 1862 der Sitzungsberichte der phil. hist. Classe der Wiener Kais. Akademie der Wissenschaften (XL Band, съ приложеніемъ документовъ), и у *Пирлинга* въ La Russie et Sait-Siège, I, 326 sqq.

²⁾ VIII, 70 fin. и прим. 207.

нить напѣ его—государя или же онъ поплатился за свою затѣю головой ¹)...

Послѣ сейчась нами разсказанаго, за время до конца 1563-го года, когда скончался митр. Макарій, извѣстно о сношенихъ папы съ Москвой то, что въ 1561-мъ году папа (Пій IV) приглашать или только памѣревался было пригласить царя Ивана Васильевича прислатъ своихъ пословъ на имѣвшій быть возобновленіемъ Тридентскій соборъ ²).

Каѳедру русской митрополіи Макарій занимать въ продолженіе двадцати одного года и девяти съ половиною мѣсяцевъ. Онъ скончался, какъ мы уже давали знать выше, въ глубокой старости, будучи 82-хъ лѣтъ, 31-го Декабря 1563-го года ³).

¹) Въ послѣднемъ случаѣ онъ не могъ почасть въ извѣстный суподикъ Грознаго, посланный паремъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, потому, что онъ былъ еретикъ.

²) Грамота папы къ царю отъ 13-го Августа 1561-го года, неизвѣстно—посланная ли или только написанная и оставшаяся не посланною,—у *Tyriensis Historicae Russiae Monumenta*, 1, 180. Въ 1565-мъ году, уже послѣ смерти митр. Макарія, папа послалъ или предполагалъ послать государю дѣянія Тридентскаго собора: грамота папы, съ которой онъ послалъ или памѣревался послать дѣянія, отъ 10-го Іюля 1565-го года. см. у *Hirsainga* въ *La Russie et le Saint-Siège*, 1, 378.

³) Въ помянутомъ выше сказаний «О немощи и о преставлении» Макарія сообщается слѣдующее о предсмертной его болѣзни. 15-го Сентября, на память великомученика Никиты, митрополитъ со всѣми соборами (священниками) пѣлъ молебны въ Успенскомъ соборѣ и ходилъ по обычаяу съ крестнымъ ходомъ къ пречистой Богородицѣ. «иже звомое място подъ Ехоловымъ (sic: т.-е. подъ Елоховымъ, къ церкви великомученика Никиты на Старой Басманной, главный престолъ которой въ честь Владимирской Божіей Матері?), где пѣлъ молебны съ водосвятіемъ и совершилъ литургію. Въ тотъ же день послѣ вечерняго правила митрополитъ сказалъ своимъ старцамъ, что чувствуетъ себя тяжко больныиъ («нача сказывать старцемъ своимъ, что изнемогаетъ велие тѣло студено со болѣзнию одержимо суть»; можетъ быть, нужно читать: изнемогаетъ велими, тѣло студеною болѣзнию одержимо есть; вообще, должно думать, что митрополитъ простудился въ крестномъ году). Тяжко занемогши, онъ приказалъ послать въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь, въ свое постриженіе, къ игумену съ братію, чтобы прислали старца духовнаго для береженія (его) въ немощи; изъ монастыря прислали старца Елисея, который любилъ митрополита и который ходилъ за нимъ имѣть съ его митрополичиимъ казначеемъ старцемъ Корнилемъ. Между 15-мъ и 19-мъ Сентября государь собрался къ Троицѣ изъ праздника прен. Сергія (25-го Сентября) и передъ дорогою пришолъ отиѣть напутственный молебень въ Успенскій соборъ; митрополитъ приказалъ свести себя

Кончая тѣмъ, съ чего начали, мы должны повторить, что съ своимъ величимъ замысломъ совершилъ возможно полное обновленіе русской церкви, такъ чтобы послѣдняя во всемъ объемѣ ея жизни была очищена отъ всѣхъ недостатковъ и пороковъ, Макарій занимаетъ совершенію выдающееся положеніе между всѣми высшими настырями русской церкви, бывшими прежде него и послѣ него, какъ исключительно знаменитѣй между всѣми ними. Изъ этихъ высшихъ настырей можетъ быть до иѣкоторой степени приравниваемъ къ нему только одинъ, это—стояцій на другомъ концѣ изятаго нами отдѣла времени Кирилла III, первый митрополитъ постѣ нашествія Монголовъ (и вѣроятно, могъ бы еще быть приравниваемъ Михаилъ-Митей, если бы ему суждено было стать митрополитомъ).

Какъ обновитель церкви, Макарій не долженъ быть представляемъ реформаторомъ, что уже отчасти мы давали знать выше. Онъ горячо былъ противъ недостатковъ и злоупотреблений, которые признавались за таковые общимъ голосомъ и общимъ мнѣніемъ всѣхъ или такъ называемымъ *sensus communis* въ обширномъ смыслѣ этого выраженія; но онъ не принадлежалъ къ числу иѣкоторыхъ людей того времени,

иъ соборъ и простился съ государемъ. На время своего отсутствія государь приказалъ навѣщать митрополита чудовскому архимандриту Ленкѣю, чудовскому старцу, своему духовнику, Афанасію (бывшему протоиону Благовѣщенскаго собора Авдрею, преемнику Макарія на митрополичьемъ каѳедрѣ) и богоявленскому игумену, духовнику митрополита, Оеодосію. 19-го Сентября митрополитъ приказалъ соборовать себя масломъ. 4-го Ноября онъ приказалъ въ послѣдний разъ сводить себя въ Успенскій соборъ, чтобы совершить прощеніе (которое описывается въ сказаніи подробно) съ его духовенствомъ. Въ отсутствіе государя навѣщали митрополита царевичъ Иванъ и братъ государевъ Юрій Васильевичъ. Возвратившійся отъ Троицы государь послѣль митрополита 3-го Декабря; митрополитъ просилъ государя отпустить его въ Нафнутіевъ монастырь, но государь убѣдилъ его отложить намѣреніе: тутъ сообщается, что митрополитъ далъ было это обѣщаніе въ 1547-мъ году, когда изъ великій пожаръ 21-го Іюня, бывъ спускаемъ съ кремлевской стѣны, онъ упалъ и чуть не убился до смерти, но что по волѣ государя остался на каѳедрѣ, а епископами, собравшимися на Стоглавый соборъ или на одинъ изъ предшествующихъ соборовъ, былъ разрѣшенъ отъ обѣщанія. Начавъ послѣ сего сильно изнемогать, митрополитъ опять неотступно началъ просить государя обѣ отпускѣ въ Нафнутіевъ монастырь и прислалъ ему письмо обѣ этомъ съ его духовникомъ Афанасіемъ; но государь самъ приходилъ къ митрополиту съ царевичами Иваномъ и Оеодоромъ и потомъ присыпалъ свою царицу Марию (вторую супругу—Черкешенку) настоятелью просить его отложить намѣреніе. 21-го Декабря государь въ третій разъ послѣль митрополита и при этомъ, выражая свое рѣшительное нежеланіе, чтобы онъ уда-

которые, возвысившись надъ всѣми, хотѣли видѣть недостатки, злоупотребленія и неправильности тамъ, гдѣ ихъ не видѣли всѣ: онъ быльше противъ вотчиновладѣнія монастырей, а за него; онъ не восстановилъ опредѣленія собора 1503-го года о незвиманіи платы за постановленія въ церковныя степени; онъ не отмѣнилъ опредѣленія того же собора о вдовыхъ священникахъ; въ своемъ новеденіи по отношенію къ Банкину опять едва ли не дѣйствовалъ по тому правилу, что не приемлется показаніе еретика, приносимое уже послѣ того, какъ онъ обличенъ въ ереси.

За все сейчасъ указаніе, Макарій обыкновенно причисляется къ юсифлипамъ или по крайней мѣрѣ къ сторонникамъ юсифлинетва. Но, какъ мы говорили уже выше, юсифлине защищали то, за что было и рѣшительнѣйшее большинство духовенства, и слѣдовательно—могло быть держаться однихъ и тѣхъ же убѣждений и взглядовъ съ юсифлинями и въ то же время не принадлежать къ пимъ какъ къ таковымъ. Но своимъ убѣжденіемъ и взглядамъ юсифлине были ни чѣмъ инымъ, какъ представителями рѣшительного большинства нашего духовенства, такъ что въ семъ смыслѣ было юсифлинетвующимъ это рѣшительное

заявляя въ Нафнутіевъ монастырь (и отошелъ на тотъ свѣтъ какъ простой монахъ) разодралиъ то письмо, которое опять прислалъ было ему—государю. 24-го Декабря государь присыпалъ къ митрополиту для его павѣщенія своего боярина, съ которымъ приказалъ извѣстить его, что иѣли ему (на часахъ) многолѣтіе, и вмѣсть прошептъ у него молитвъ за себя, за свое семейство и за все православное христіанство. Ночувствовавъ приближеніе часа смертнаго, митрополитъ приказалъ читать канонъ на исходъ души, причастіяся Христовыхъ Таинъ и простившисъ со всѣми присутствующими приказалъ своему духовнику читать молитву отходную: скончался раннимъ утрожъ 31-го Декабря, когда въ соборѣ начали благовѣстить къ заутренѣ. Ногребенъ на другой день, 1-го Января 1564-го года. Когда по совершенніи отиѣванія тѣла умершаго, прнесенное въ соборъ на одѣ, положено было въ приготовленный каменный гробъ (у єверной стѣны), прочтена была его прощальная грамота (которая—въ Акт. Ист. т. I, № 172, стр. 328). Говорится, что во время болѣзни митрополитъ многажды говорилъ своимъ старцамъ: «видѣхъ предъ собою люди въ блѣдыхъ ризахъ»,—что передъ самой смертью началъ сказывать: «видѣхъ жену престарѣющууюся въ кельи своей (sic) предо мною сгоящю». Когда передъ вами сосьмъ тѣла изъ дома въ церковь государь приказалъ открыть лицо на прощаніе и на видѣніе, то «быть лице его яко свѣтъ сия за его чистое и непорочное и духовное и милостивное житіе и за прочая добродѣтели,—не яко мертвa, но яко спящa, видѣти тогда» (Въ жигії прен. Александра Свирскаго, въ сказаніи о явленіи игумену Иродіону прен. Александра вмѣстѣ съ митр. Макаріемъ, дается знать, что во время пребыванія его на кафедрѣ митрополія затворилось у него правое око).

большинство. Составляя въ большинствѣ особую партію, іосифляне отличались отъ него по своимъ убѣждевіямъ, а своимъ нравственнымъ характеромъ: своимъ работѣніемъ угодничествомъ вообще и передъ свѣтскою властію въ частности и своей, какъ это выражалось въ Да-нилѣ, безощадно-непримиримой ненавистью къ людямъ, дерзившимъ ратовать противъ вотчиновладѣнія монастырей. Несомнѣнно, что въ этомъ смыслѣ Макарій вовсе не былъ іосифляниномъ. Онъ обладалъ въ высшей степени счастливымъ и благословеннымъ характеромъ, который дѣлалъ его истиннымъ человѣкомъ мира и миротворенія; но онъ хранилъ миръ съ людьми и водворялъ его между ними вовсе не посредствомъ угодничества имъ, какъ обѣ этомъ несомнѣнно даетъ заключать его поведеніе по отношенію къ государю, иъ которому мы не видимъ ни малѣйшей тѣни угодничества¹).

Что касается до его отношеній къ противникамъ вотчиновладѣнія монастырей, то мы уже говорили обѣ его отношеніяхъ къ преп. Максиму Греку. Горячій защитникъ вотчиновладѣнія онъ питалъ такое великое уваженіе къ этому горячemu противнику потчионовладѣнія, что писалъ ему: «узы твоя цѣлауетъ, яко единаго отъ святыхъ»²).

Черты индивидуального нравственного характера Макарія, насколько оғѣ намъ извѣстны, мы указывали выше. Оғѣ изображается намъ какъ человѣкъ кроткий, милостивый къ нуждающимся, усердно представительствующий за наставляемыхъ, миролюбивый и миротворецъ и, наконецъ, какъ меценатъ книжно-трудолюбивыхъ щедрый и милостиво-благопривѣтливый.

«О Боже!—восклицаетъ царь Иванъ Васильевичъ въ одномъ изъ своихъ посланій,—коль бы счастлива русская земля была, коли бы владыки таці были, яко преосвященный Макарій»³): вотъ настоящій и справедливейший эпиграфъ къ жизнеописанію митр. Макарія!

¹) Курбскій въ одномъ мѣстѣ обвиняетъ Макарія въ угодничествѣ царю (Сказаний стр. 135). Но обвиненіе не имѣть смысла, ибо въ данномъ мѣстѣ Курбскій долженъ бы быть обвинять не митрополита въ угодничествѣ царю, а наоборотъ—цара въ угодничествѣ митрополиту.

²) См. посланіе Максима къ Макарію, напечатанное въ приложении къ статьѣ: «Максимъ Грекъ», въ Москвитянинѣ 1842-го года, ч. VI, № 11, стр. 91.

³) Въ посланіи къ Гурю казанскому отъ 5-го Августа 1557-го года, напечатанномъ въ Татищевско-Миллеровскомъ изданіи Судебника, 2 изд. 1786-го года стр. 229 бін.. Авторъ житія св. митр. Филиппа, желая восхвалить послѣдняго, говоритъ: «благій правъ подражая благолюбиваго Макарія митрополита, усердно постїаща постѣдовати честнымъ стонамъ его» (у преосв. *Макарія* въ Ист., VI, 299, примѣч.).

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

Къ стр. 41 fin.. Ханы золотоординскіе не воспрещали своимъ татарскимъ царевичамъ, боярамъ и чиновникамъ отъѣзжать на службу къ нашимъ князьямъ (въ Родословной книгѣ, изданной *Новиковыми*, показанъ очень длинный рядъ боярскихъ родовъ, выѣзжихъ изъ Орды,— ч. II стр. 421). Но необходимымъ условіемъ пріема князьями на службу этихъ татарскихъ выходцевъ и вообще ихъ натурализациіи у насъ было принятіе ими нашей христіанской православной вѣры.

Къ стр. 63. Въ настоящее время преобладаетъ мнѣніе, что толкованія Аристотеля должны быть считаемы старшими толкованій Зонари, именно—что Аристотелевы толкованія, написанныя по порученію импер. Иоанна Комнина (1118—1142), относятся къ первой—второй четверти XII вѣка, а что Зонаринны толкованія, написанныя въ первые годы правленія импер. Мануила Комнина (1143—1180), относятся ко второй—третьей четверти XII вѣка.

Къ стр. 71 нач.. Въ Греціи требовали приношеній или подарковъ митрополиты отъ подвѣдомыхъ имъ епископовъ, когда эти послѣдніе являлись на ежегодные окружные (митрополитанскіе) соборы,—7-го вселенск. собора пр. 6 fin..

Къ стр. 74 нач.. «Безъ причащенія же да не крутятъ никого же». Можетъ быть, безъ причащенія и не въ самый день брака, а вообще передъ бракомъ.

Къ стр. 76 fin.. Относительно нашего обычая водить певѣсть къ водѣ срѣ у Свидѣ въ Словарѣ подъ сл. *λουτροσθρος* о таковомъ же обычай греческомъ.

Къ стр. 84, къ прим. 2. Мы не считаемъ Дубровки за дочь владимирскаго вел. кн. Юрія Всеволодовича, о женитьбѣ на которой Василька въ 1226-мъ году говорить такъ называемая Густинская лѣтопись, потому, что бракъ Василька съ дочерью Юрія (которая приходилась ему четырехъородной теткой, т. е. находилась съ пимъ пе въ третьей, а въ девятой степени родства) не представлялся бы ничего незаконнаго (а также и имя жены Васильковой Дубровка или Домбровка говорить противъ того, чтобы считать ее за дочь Юрьеву).

Если правду говорить Густинская лѣтопись о женитьбѣ Василька на дочери Юрія, то въ Дубровкѣ нужно будетъ видѣть вторую жену Василька (приимая при семъ, что иначе или у самихъ Галичанъ-Владимирцевъ она называлась Елепой, такъ какъ Ипатская лѣтопись говоритъ подъ 1265-мъ году о смерти великой княгини Васильковой, имеющей Олены). Польскій родословъ Яблоновскій, какъ указываетъ Карамзинъ,—къ т. IV прим. 55, считалъ Дубровку княжною Заславской.

Къ стр. 95, къ примм. 1 и 2. 18-го Апрѣля празднованіе иконѣ Божіей Матери Максимовской (одно изъ двухъ: или потому празднуется иконѣ 18-го Апрѣля, что дѣйствительно этого числа прибыль Максимъ во Владимиръ, или наоборотъ потому относится его прибытіе во Владимиръ къ 18-му Апрѣля, что этого числа положено празднованіе иконѣ).

Къ стр. 130. Герберштейнъ говоритъ: *Seid apud Tartaros—superius sacerdos,—у Старчевск. т. 1, р. 70, col. 1.*

Къ стр. 143. О кончины и погребеніи св. Петра читается въ его первомъ житіи: «Оснований же бывши церкви и гробъ собѣ сотвори (святитель) святыма своими руками. По малѣ же времени възвѣщена бысть святымъ ангеломъ смерть его. Си же нача литургію творати о здравіе (—и) благовѣрныхъ царей и за благовѣрнаго князя Ивана, за княгиню, и за дѣти, и за вся волъ его, и о всемъ мірѣ, за вся усопшиа цари и князи, и за вся крестьяне усопшаа. Кончавъ святую службу и созвавъ многи ишица, по (и) іереи и черноризици и черноризици, и створи милостиши многи, и разда имѣніе свое не токмо иищимъ, (по) и ереомъ, черноризцамъ, черноризицамъ, всѣмъ церковникомъ и домочадцамъ. А благовѣрному князю не сущи тогда во градѣ. И призва единого отъ вельможъ, иже бѣ устроинъ старѣйшина граду, наречаемъ именемъ Протасей; сей бѣ на ишица милостивъ и милосердъ сердцемъ, и рече ему: «о чадо, миръ подай иже благовѣрному князю и всему дому его, и тебѣ миръ». И вда ему илагалице на устрой церкви и на поминаніе своеа памяти, и ироочаа домы (люди?) церковния призыва. Вечеру же бывши, и нача святый вечернию молитву, и еще сущи молитвѣ во устѣхъ его и рече преподобному архимандриту Феодору, егоже воименова на митрополію: «миръ ти, чадо, азъ почити хощу». И абѣ предаєть духъ. И послаша вѣсть ко князю. Благовѣрный же князь вскорѣ прїеха во градъ. И сену же святому во гробу, они же иишица, яко мергнца несущи, по открыса пѣкоему иновѣрцу о святѣмъ, и видѣвъ святаго сидящи на одрѣ своемъ, съ оба нопы одра его благословляюща носяща одръ и благовѣрнаго князя и весь родъ его и вся крестьяне. Онѣмъ же до-

несшимъ въ основанную церковь, надгробную пѣнь иѣвши, и вложиша во гробъ святое его тѣло, иже бѣ самъ створилъ, мѣсяца Декабря въ 21 день» (у преосв. Макар., въ приложж. къ IV т. Ист., стр. 311).

Лѣтописи Ипконовская,—III, 131 fin., Воскресенская,—въ Собр. лѣт. VII, 200 нач., и Типографская,—стр. 80, сообщаютъ, что па похороненіи св. Петра присутствовалъ епископъ луцкій Феодосій.

Къ стр. 161, къ 3-му прим. 160-й стр. fin.. Что митр. Феогностъ или вообще не бывалъ въ Кіевѣ или не былъ въ немъ по своемъ прибытии на Русь (изъ чего первое слѣдовало бы какъ вѣроятное заключеніе), обѣ этомъ прямо, хотя неопределенно, говорить Типографская лѣтопись: «Въ лѣто 6836 пріиде на Русь митрополитъ Гречинъ, имепемъ Феогностъ; той на Кіевѣ не бываль», — стр. 82 sub fin..

Къ стр. 163, къ прим. 3. Поєлѣловіе напечатано еще въ изданиемъ Археографической Коммісіей посмертніомъ трудѣ А. Е. Викторова: Описи рукописныхъ собраний въ книгохранилищахъ съверной Россіи, стр. 68.

Къ стр. 164. Въ 1351-мъ году папа побуждалъ Шведовъ къ крестовому походу противъ Русскихъ, см. его посланіе къ архіепископу упсальскому отъ Марта мѣсяца сего года у *Турнепса* въ Historia Russiae Monimenta, I, 115.

Къ стр. 169, къ примич.. Мы спрашивались въ суподальной рукописи: митрополитъ именію 'Росію', а не 'Росіѧ', слѣдовательцо—не написать русскій, а греческаго города Росія или Русія; при томъ же овъ и не Θεόγνωστος, какъ онибично прочель о. архимандрить, а Θεόδοσιος (вѣроятно, тотъ же, который подписался подъ соборнымъ актомъ 1355-го года, — Acta Patriarchat. Constantinop. I, 433. Соборные томы противъ Варлаама и варлаамитовъ напечатаны въ 151-мъ томѣ Натрологіи *Мілія*, бывъ заимствованы изъ Доспоеева изданія Годесχуппера, но нашего тома нѣть между ними).

Къ стр. 178. Слова εὐθύνητος τοῦ πράγματος А. С. Павловъ переводить: если настоитъ дѣло, требующее разсужденія,—col. 50, середина. Мы не согласны съ нимъ потому, что о дѣлахъ, требующихъ разсужденія, говорится далѣе («но прилучающемся необходимымъ церковнымъ нуждамъ»), такъ что при его переводѣ получается не совсѣмъ ладный иллюзізмъ; при томъ же и слово εὐθύνητος (у Павлова, въ слѣдъ за Миклоничемъ, неправильнѣо εὐθύντος вмѣсто εὐθυν-τος),—болѣе за отчетъ, чѣмъ за разсужденіе (указываемъ переводъ А. С.—ча въ виду того возможнаго случая, что онибаемы мы, а не овъ).

Къ стр. 181 нач. Словà о томъ, когда Киевъ сталъ литовскимъ, по недосмотру не исправлены согласно съ тѣмъ, что говоримъ на стр. 128 (и на стр. 160—161 въ прим. 3-мъ).

Къ стр. 197 fin. Моллагавзадинъ, по всей вѣроятности, нужно читать: Молла Гавзадинъ, т. е. молла или мулла, по имени Гавзадинъ.

Къ стр. той же, къ примч., къ словамъ о перстнѣ св. Алексія. Но преосв. Савва въ 5-мъ изданіи (а можетъ быть, и до 5-го, только не въ 1-мъ) своего Указателя патріаршой ризницы говоритъ, что уже въ описи послѣдней 1695-го года значится: «перстень Алексія митрополита аранской мѣди, подарокъ ногайскаго царя Жанбѣка,—стр. 47, col. 2 прим..

Къ стр. 200, къ прим. 2. Говорится это и въ Степений книгѣ,—I, 463 fin..

Къ стр. 243. О ходившихъ въ Москвѣ слухахъ, что Михаилъ-Митай умеръ насильственnoю смертью, которые мы съ своей стороны считаемъ неосновательными и которые, какъ нужно думать, возникли изъ сопоставленія виновности его смерти съ крайнею нелюбовию къ нему духовенства,—въ Никон. лѣт., IV, 76.

Къ стр. 247. Никоновская лѣтощь, давая знать, что грабительство было ненестовое, говоритъ: «И разсулиша посуды многи и раздана сюду и сюду, а яже поминковъ и даровъ,—никто же можетъ рещи или изчилиги, и тако едва возмогоша утолити всѣхъ»;—IV, 76 нач..

Къ вопросу объ отношеніи тогдашнихъ рублей къ нынѣшимъ или наоборотъ можемъ указать еще слѣдующее. Въ 1382-мъ году вел. кн. Дмитрій Ивановичъ платить за погребеніе избитыхъ Тохтамышемъ жителей Москвы (которая, бывъ взята хапомъ 26-го Августа нашего года, подверглась отъ него страшному разграбленію, а жители которой были преданы страшному избѣженію) отъ 80-ти человѣкъ мертвыхъ по рублю или по конѣкѣ съ четвертью за человѣка,—Типографск. лѣт. стр. 181, Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣт. VIII, 47 sub fin.. Въ 1472-мъ году Нековици поднесли «въ почесть» Фхавицей черезъ ихъ городъ невѣсмѣ вел. кн. Ивана Васильевича Софѣѣ Фомининицѣ «отъ всего Некова» 50 рублей неизѣями,—Нековск. лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 244 и 245. Въ 1475-мъ году европейски-зиаменитый архитекторъ Аристотель Фиоравенти пораженъ былъ на службу къ вел. кн. Ивану Васильевичу за жалованье десяти рублей въ мѣсацъ,—Софійск. Временикъ Стросса, II, 142, Софійск. 2 лѣт. въ Собр. лѣтт. IV, 199 нач..

Къ стр. 258, къ прим. 1. Хожденіе Игнатія напечатано еще На-лестинскимъ Обществомъ, составляя 12-й выпускъ его сборника.

Къ стрр. 270 и 402. Когда мы говоримъ, что Стефанъ Пермскій убѣдительно доказываетъ несправедливость и незаконность отдѣленія Стригольниковъ отъ церкви, и потому—что его списаніе не могло представлять ни малѣйшей убѣдительности для Стригольниковъ: то мы оказываемся противорѣчащими себѣ самимъ потому, что въ первомъ случаѣ недостаточно обстоятельнымъ образомъ дѣлаемъ оговорку. Мы разумѣемъ убѣдительность воине не безотносительную, которая была невозможна при существованіи факта взиманія платы, а лишь относительную, поскольку таковая возможна была при существованіи этого факта и которая для самихъ Стригольниковъ при ихъ пониманіи постѣднаго и вообще при ихъ точкѣ зрѣнія на дѣло дѣйствительно исколко не могла быть убѣдительною. Т. е. мы хотимъ сказать, что Стефанъ несомнѣнно показываетъ свое искусство доказывать, но что если онъ не достигаетъ цѣли, то по причинѣ уже не зависѣвшей отъ него.

Къ стрр. 294. Сличая одну съ другой двѣ старшія извѣстныя рукописи Мѣрила праведнаго—Троицкую лаврскую пергаменную, относимую описателемъ рукописей Лавры къ исходу XIV вѣка (Описанія рукописей Лавры № 15), и Московской Духовной Академіи бумажную, второй половины XV вѣка (Фундамент. № 187, у архим. Леонида въ Описаніи рукописей Академіи вып. 2, стр. 267) находимъ: во-первыхъ, что въ обѣихъ рукописяхъ Мѣрило раздѣляется на двѣ части, изъ коихъ въ первой части обѣихъ рукописей — правоучительныя выписки о правомъ судѣ изъ Свяц. Писанія, изъ отцовъ церкви и изъ такъ называемой Ичелы, а во второй части обѣихъ рукописей — выписки изъ Кормчей книги каноновъ и гражданскихъ греческихъ законовъ съ добавлениемъ русскихъ—Устава Владимира (въ видѣ той исторической записи, которую указываемъ въ 1 полов. I т., стр. 528) и Правды Ярославовой¹⁾); во-вторыхъ, что первая часть Мѣрила (правоучительная), будучи въ лаврской рукописи значительно болѣе обширною, чѣмъ въ академической рукописи, по отношенію къ тому, чтѣ есть въ послѣдней, представляетъ совершенное тождество съ нею, именно—что въ первой рукописи 54 главы, а во второй—31 глава, и что эти 31 глава совершенны однѣ и тѣ же въ обѣихъ рукописяхъ, при чѣмъ въ

¹⁾ Въ академической рукописи вторая часть имѣть свое особое заглавіе, которое есть: «Главы избранны отъ правилъ святыхъ апостоль и седмикъ вселенскъ святыхъ съборъ, не токмо же тѣхъ, но и помѣстныхъ и иже иныхъ святыхъ отецъ особно бывшихъ, правиль о богословіи и о православиї вѣрѣ и о правилѣхъ».

лаврской рукописи онъ составляетъ первую половину нашей части Мѣрила, и что вторая часть Мѣрила (юридическая) — въ одной рукописи своя, а въ другой рукописи своя, или въ одной рукописи отличная отъ другой. Изъ сейчасъ сказаннаго слѣдуетъ, что за собственное Мѣрило должна быть принимаема первая часть рукописей, общая имъ обѣимъ, съ тѣмъ предположеніемъ относительно излишка одной рукописи противъ другой, что или въ академической рукописи не сполна написанъ подлинникъ или что въ лаврской рукописи сдѣлано значительное дополненіе къ подлиннику¹). Могла быть эта часть Мѣрила праведнаго составлена и въ Россіи, ибо всѣ выписки въ ней сдѣланы изъ книгъ, которые существовали въ славянскомъ переводе, но пѣтъ пренатствій считать ее и за переведенную съ греческаго. Что касается до предисловія къ Мѣрилу, имѣющаго форму поученія къ великому князю: то по причинѣ его темноты и по причинѣ философскаго характера рѣчей въ немъ о Богѣ и о человѣкѣ болѣе вѣроятно считать его за переведенное съ греческаго, чѣмъ за оригиналъ русское, съ тою только оговоркой, что переводчикомъ сдѣланы въ немъ три небольшія вставки изъ предисловія къ дѣяніямъ собора 1274-го года (Первая половина поученія князю съ его заключеніемъ напечатана у *Розенкампфа* въ Обозрѣніи Кормчей книги, — въ 1-мъ изд. 262 стр. послѣднаго счета. — Чѣдѣ говорить о Мѣрилѣ праведномъ А. С. Навловѣ въ предисловіи къ своему изданію «Книги законнія», — стр. 15 fin., относится ко второй части или ко вторымъ частямъ Мѣрила).

Къ стр. 296. Стефанъ пермскій поминается какъ святой (подразумѣвается — мѣстно чтимый) въ грамотѣ митр. Симона отъ Августа 1501-го года, — Акт. Ист. т. I, № 112, II fin.. И Герберштейнъ даетъ знать, что Стефанъ началь быть почитаемъ Русскими какъ святой болѣе или менѣе задолго до его времени, — у *Старчевскаю*, т. I, р. 58, col. 1 (*in numerum deorum relatus est ясная ошибка вмѣсто: in numerum sanctorum*).

Къ стр. 323, къ прим. 4. Запись на Тѣствицѣ, на концѣ рукописи, л. 279 об.: «Вѣто 6895, апрѣліа 24 (въ подлиннике цифры, подразумѣвается, по-славянски), съврѣнившаяся сія книги вѣтудинской

¹) Одна изъ статей въ составляющемъ излишокъ лаврской рукописи противъ академической есть русская, именно — известное совопрошаніе о тунѣ Константина, князя полоцкаго, нарываемаго Безрукимъ, съ Симеономъ, епископомъ тверскимъ (*Карамз. IV*, прим. 178). Но, не дѣлясь отъ этой статьи общаго заключенія ко всему, составляющему излишокъ, можно понимать дѣло такъ, что лишь она одна представляетъ собой вставку.

обитѣли Кипріапомъ, смѣреніемъ митрополитомъ киевскамъ и всеза РОСІЯ».

Къ стр. 324, къ прим. 2. Относительніо Горюшкина, бывшаго профессора Московскаго Университета, случилсѧ lapsus memoriae и вмѣсто lapsus linguaе. См. о немъ въ 1-мъ томѣ Словаря свѣтскихъ писателей митр. Евгенія, изданиемъ Спеціевымъ (М. 1838), стр. 332 fin., и въ Біографическомъ словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго Университета, изданиемъ къ столѣтію Университета, ч. I, стр. 247.

Къ стр. 344. Подъ Октябрьемъ 1397-го года упоминается епископъ луцкій Феодоръ,—Собр. лѣтт. VIII, 71 нач.. Слѣдовательно, въ Февралѣ 1398-го года епископъ Іоаннъ былъ уже удаленный Кипріапомъ съ каѳедры.

Къ стр. 371, къ прим. 3. Такъ какъ латинское крещеніе совершается не чрезъ погруженіе, а чрезъ окропленіе, и такъ какъ и православные западной Руси, вѣроятно, уже и во времена Витовта, какъ постѣ, крестили не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе и чрезъ то же латинское окропленіе: то Витовтъ, видѣвшій въ крещеніи, какъ нужно думать, простой обрядъ, могъ не находить никакого затрудненія въ томъ, чтобы дозволить бранить (но не купать) себя сколько угодно разъ.

Къ стр. 375 fin., къ прим.. Что Григорій Цамблакъ былъ ученикомъ митр. Евоимія, указаніе на это хотѣть видѣть именно въ при водимыхъ пами (стр. 376) словахъ Григорія: «съ рожденіемъ пасть отцемъ», которая хотѣть разумѣть не о дѣйствительному его—Григорія отцѣ, а обѣ Евоиміи, какъ духовномъ его отцѣ.

Къ стр. 393. Въ исповѣданіи вѣры новоиздаваемыхъ епископовъ, читаемомъ въ чинѣ епископскаго посвященія, относящемся ко времени митр. Фотія, новоизданный епископъ между прочимъ обѣщає: «Не сотворити миничесоже (противнаго канонамъ) по нужди отъ царя или отъ князя велика или отъ князій многихъ или отъ людей многихъ, аще и смертью претязть... Внегда познати ми тебѣ, господину моему, безъ слова всякаго ми ѻхати къ тебѣ; хотя ми князи дръжать, хотя ми бояре дръжать (т. е. не ищутъ, не дозволяютъ ѻхать), не ослушагимися повелѣній твоего, господина своего, митрополита всеза Руси,—Акт. Экспед. т. I, № 370, стр. 463, col. 2 нач., въ Намм. *Изд.* col. 453—454. Если бы полагать, что требование этихъ обѣщаний припадлежитъ именно Фотію, а не составляеть требование давнаго и представляющаго вмѣстѣ со всѣмъ чиномъ переводъ съ греческаго (на что какъ будто указываютъ слова: «ни отъ царя» и

что и само по себѣ болѣе вѣроятно): то оно служило бы къ его—Фотія характеристикѣ. Вѣроятно, за свидѣтельство о твердомъ характерѣ Фотія или о томъ его «мужествѣ», о которомъ говорить Никоновская лѣтопись, должно быть припоминаемо извѣстіе (къ сожалѣнію, весьма краткое и вовсе не обстоятельное), что въ 1411-мъ году (2-го Февраля,—Никон. лѣт. V, 36 fin.) онъ поставилъ въ тверскіе епископы москвитину Антонія вопреки желанію тверичей,—лѣтопись Даниловича пѣ Чен. Общ. Ист. и Древн. 1898 г. кн. IV, стр. 62—63 (Какъ будто дѣло было такъ, что къ жеребьеванію въ епископы назначены были два кандидата,—одинъ по желанію и по указанію тверскаго князя изъ тверичей, другой вопреки желанію князя самимъ Фотіемъ изъ москвичей, и что когда вышлися жеребей послѣднаго, Фотій поставилъ его въ епископы, несмотря на нежеланіе князя и вообще тверичей). Къ характеристицѣ Фотія служить то, что въ 1418-мъ году онъ «нужено» поставилъ въ епископы человѣка, котораго считалъ достойнымъ епископства, имению — игумена Спасо - Каменскаго монастыря Грека Діонисія въ архіепископы ростовскіе,—Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 141.

Къ стр. 394. Фотій пытался было заставить новгородцевъ возвратить ему мѣсячный судъ тою мѣрою или тѣмъ средствомъ, что по долгѣ не ставить имъ въ архіепископы избиравшихся ими кандидатовъ. Преемника Иоанну, о которомъ стр. 318, онъ не ставилъ въ продолженіе года и двухъ мѣсяцевъ, потомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, года елиникомъ и полутора лѣтъ сланикомъ (Новгородск. 1 лѣт. въ Собр. лѣтт. III, 105 fin. sqq.). Капоны предписывались не отлагать поставления епископовъ, кромѣ случаевъ неизбѣжной нужды, даѣше трехъ мѣсяцевъ,—4-го вселенск. собора пр. 25: во у насъ въ этомъ случаѣ прежде и послѣ Фотія, какъ вирочемъ и въ Греціи, совсѣмъ не обращаемо было вниманія на капоны.

Къ стр. 395, къ прим. 1. А въ устраниеніе претензій новгородцевъ, заявленной ими патріарху, что они не хотятъ, чтобы архіепископъ ихъ по зову митрополита ходилъ къ сему послѣднему (стр. 307 sub. fin.), архіепископъ Евѳимиі обѣщается Фотію въ своей грамотѣ: «Еще же и на томъ обѣщеваюся: никогда позвати мя тобѣ господину моему, пресвященному митрополиту Кіевскому и всея Руси Фотію, безъ слова всякаго бѣхати ми къ тебѣ». И то и другое обѣщаніе, по всей вѣроятности, не были обѣщаніями, которыхъ нарочно требованы были Фотіемъ отъ Евѳимиі, а были обычными обѣщаніями, которыхъ давали всѣ новопоставляемые архіереи: но онѣ какъ разъ были противъ поведенія новгородцевъ и противъ ихъ претензій.

Къ стр. 402. См. къ стр. 270.

Къ стр. 426, къ прим. 1. Если бы принимать, какъ принимается Карамзинъ,—V, 161 fin., что послѣ возвращенія съ собора Базельскаго Исидоръ былъ посланъ императоромъ въ Италию къ папѣ: тогда не невозможно было бы допускать, что онъ очень поправился папѣ и что отчасти по рекомендациіи послѣдняго былъ поставленъ въ митрополиты русскіе. Но чтобы послѣ возвращенія съ собора Базельскаго Исидоръ быть посланъ императоромъ въ Италию къ папѣ, это ини откуда неизвѣстно и предполагать это неѣ никакого основанія (сfr Исторію Флорентійскаго собора *Остроумова-Горскаго*, стрр. 26—36). А Карамзинъ предполагаетъ послольство Исидора въ Италию къ папѣ на основаніи нашихъ русскихъ сказаний, утверждающихъ, будто онъ поставленъ въ митрополиты московскіе, бывъ подосланъ папою (Шихлеръ въ *Geschichte d. kirchlichen Trennung zwischen dem Orient und Occident*, — II, 49 fin., поисторіи Карамзина, считается, какъ видится, предполагаемое исторіографомъ за положительное и за взятое изъ надежнаго источника).

Къ стр. 441, къ прим. 1. Грамота папы Исидору—еще у *Turpinus* въ *Historica Russiae Monimenta*, t. I, p. 120.

Къ стр. 455, къ прим. 2. Относительно соборнаго опредѣленія 1440 го года см. поправку въ нашей статьѣ: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», напечатанной въ I кн. Член. Общ. Ист. и Древн. за 1896-й годъ, стр. 12 прим.. Это не было настояще соборное опредѣленіе, вбо не было самаго собора, а было поданное императору, по его требованію, коллективное заявленіе и объясненіе не признавающихъ упіи архіереевъ, патріаршихъ сановниковъ и настоятелей константинопольскихъ монастырей.

Къ стр. 458. Относительно значенія флорентійской упіи въ исто-рии нашей русской церкви сfr нашу статью: «Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами», напечатанную въ лікарьской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника» за 1892-й годъ.

Къ стр. 489. Въ монастырь пришелъ и по монастырю ходить митрополитъ, а одинъ изъ монаховъ монастыря въ это время спалъ! Митрополитъ пришелъ въ самую хлѣбную, въ которой спать монахъ, и передъ приходомъ митрополита онъ—монахъ не былъ разбуженъ! Извѣ, что достовѣрность сказанія далеко не безспорна...

Къ стр. 499. Въ той же рукописи бывшей Царскаго читается еще не напечатанное краткое посланіе митр. Юны «О поученіи православныхъ христіанъ, чтобы отца духовнаго слушали во всякихъ духовныхъ дѣлахъ»,—л. 26.

Къ стр. 514. Такъ какъ Никоновская лѣтопись говорить, что уже въ 1432-мъ Василій Васильевичъ былъ посаженъ посломъ хана велико княженіе «у Пречистые у Золотыхъ дверей»,—V, 111: то, можетъ быть, свидѣтельство «Слова избраннаго» нужно понимать такъ, что Іона реставрировалъ врата (двери), сдѣланыя кѣмъ-то изъ его предшественниковъ.

Къ стр. 531. Изъ описи Троицкаго монастыря 1641-го видно, что надъ могилой митр. Феодосія была надгробница (ибо упоминается «о двухъ покровахъ тафтиныхъ, которые кладутся на митрополитовъ», т. е. на Феодосія съ Іоасафомъ) и что могила эта, была по близости могилы архіепископа Серапіона или въ посвященіи имъ послѣднаго патакѣ. Въ настоящее время по уничтоженіи, неизвѣстно—когда и по чьему распоряженію, надгробницы, мѣсто могилы митр. Феодосія остается вовсе неизвѣстнымъ.

Къ стр. 548. По смерти митр. Филиппа нашли на тѣлѣ его «великія чѣли желѣзныя» или большия вериги, которая повѣсили надъ гробомъ его и къ которымъ потомъ всѣ прикладывались исцѣленія ради,—Никон. лѣт. VI, 53 fin. и 2-я Софійск. лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 197 sub fin.. При перенесеніи тѣла митрополитовъ во второй новый Успенскій соборъ, до котораго отъ смерти Филиппа прошло 6 лѣтъ и э мѣсяцемъ безъ 8 дней, открывши его гробъ, нашли его лежащимъ «всего цѣла въ тѣлѣ» и не дѣлали надъ нимъ надгробницы иъ продолженіе 12-ти дней,—Воскресенск. лѣт. въ Собр. лѣт. VIII, 203 sub fin.: медленіе съ большою вѣроятностію можно понимать такъ, что ожидали, не прославить ли Богъ погребеннаго тѣла чудотвореніемъ.—О мѣстѣ гроба митр. Филиппа въ Успенскомъ соборѣ Никоновская и Воскресенская лѣтописи говорятъ: «а гробъ его бѣ близъ вратъ церковныхъ ѿверныхъ, идѣже бѣ гробъ пресвященнаго митрополита Іоны, а хода въ ѿверные двери на правой сторонѣ»,—первая—VI, 54, вторая—въ Собр. лѣт. VIII, 178 нач., а 2-я Софійская лѣтопись, точнѣйшимъ образомъ указывая мѣсто гроба, говоритъ, что Филиппъ положенъ быть «посторонъ» Іоны митрополита, т. е. именно рядомъ съ послѣднимъ,—въ Собр. лѣтт. VI, 197 sub fin..—Такъ какъ постъ Филиппа митрополиты были кладены вдоль ѿверной стороны собора, конечно, одинъ подъ другаго: то дѣйствительный порядокъ положенныхъ у стѣны митрополитовъ долженъ быть: св. Іона, Филиппъ I, Геронтій, Симонъ, Макарій.

Къ стр. 564 къ прим. 1. Подъ псалмами, по которымъ еретики правила пожидовски, архіепископъ Геннадій, по всей вѣроятности, разумѣеть тѣ мнѣніи псалмы, о которыхъ говоримъ мы на сгр. 604 sub fin..

Къ стр. 570. Покойный А. С. Навловъ напечаталъ въ Памятникахъ канонического права отрывокъ изъ поученія митр. Зосимы съ соборомъ 1490-го года, которое надписывается: «Смиреннаго Зосимы, митрополита всея Руси, и всего священаго сабора поученіе всему православному христіанству, на еретики обличеніе и изъ сана изверженіе и отъ святаго Божій церкви отлученіе», найденный имъ въ одной чудовеской рукописи,—№ 116, col. 785. Въ полномъ видѣ это поученіе, дѣйствительно содержащее, какъ предполагалъ Навловъ, разсказъ о формальпомъ собориомъ судѣ надъ еретиками, найдено въ одной рукописи Публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ хранителемъ рукописей въ Музейхъ С. О. Долгополовъ и скоро имѣть быть напечатано имъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Российскихъ.

Къ стр. 604 fin. Покойный И. М. Строевъ въ статьѣ своей: «Хронологическое указание материаловъ отечественной исторіи, литературы, правоѣдѣнія, до начала XVIII столѣтія», напечатанной въ I части Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (въ февральской книжкѣ 1834-го года), говоритъ, разумѣя нашу минимую псалтирь, что по волѣ митр. Филиппа I «Феодоръ новокрещеній перевѣтъ съ Еврейскаго Исаакиа»,—стр. 162, § 67. Но въ двухъ рукописяхъ бывшей библіотеки Кирилло-Белозерскаго монастыря, содержащихъ нашу минимую псалтирь, нѣтъ имени переводчика (см. у архим. Варлаама, какъ пами указано) и откуда береться Строевъ, не указывающій своего источника, остается неизвѣстнымъ. Въ одной изъ двухъ рукописей теперь не достаетъ 1-го листа минимой псалтире (см. *ibid*): можетъ быть на этомъ листѣ и значилось имя переводчика (цѣ возможно, что листа этого нужно искать въ рукописяхъ самого Строева, поступившихъ въ древнехранилище Погодина, которое теперь находится въ Петербургской Публичной Библіотекѣ). Что касается до Феодора новокрещенаго, то таковой дѣйствительно былъ. Въ одной изъ рукописей Ундолльского читается «Посланіе Феодора жидовина», которое давно указано А. Е. Викторовымъ въ его «Очеркѣ собранія рукописей В. М. Ундолльского»,—стр. 41 fin., № 1254, лл. 59—61, по на которое недавно обратилъ вниманіе проф. М. Н. Соколовъ, имѣющій скоро напечатать его въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Российской. Авторъ посланія, адресованного къ его бывшимъ единовѣрцамъ и содержащаго укоры имъ за непрізнаніе прпнiedшаго Мессіи—Спасителя, сообщасть о себѣ, что онъ обратился изъ юдейства въ православное христіанство, будучи въ 40-лѣтнемъ возрастѣ, при великому кнзѣ Василии Васильевичѣ и при митр. Іоанѣ. По какимъ побужденіямъ усвоенъ былъ переводъ минимой псалтири новокрещен-

ному Еврею Феодору, если только Строевъ, по какой либо ошибкѣ или по какомунибудь недоразумѣнію, не самъ усвояетъ его ему, не совсѣмъ для насъ ясно.—Объ еврейскомъ подлинникѣ миѳомъ исалтири см. замѣчаніе въ Прибавл. къ творр. свв. отц., XII, 644, прим..

Къ той же стр. 604. Изъ другихъ книгъ, принадлежавшихъ Евреямъ, которыхъ переведены были на русскій языкъ, чтобы стать достояніемъ нашихъ Жидовствующихъ, въ настоящее время известны еще: Логика знаменитаго еврейскаго ученаго Моисея Маймонида ($\dagger$ 1204),—конечно, та самая, о которой говорить какъ объ одной изъ книгъ, имѣющихся у Жидовствующихъ, Геннацій архіепископъ новгородскій въ посланіи къ Иоасафу, бывшему архіепископу ростовскому, и такъ называемая «Тайная Тайныхъ», представляющая собою многообъемлющее учительное или руководственное сочиненіе для государей, написанное будто бы Аристотелемъ для Александра Великаго и переведенное съ греческаго языка на арабскій, а съ арабскаго языка на еврейскій. См. рефератъ, читанный проф. Соболевскимъ въ собраниі Общества любителей древней письменности 5-го Марта прошлаго 1899-го года и напечатанный въ приложенияхъ къ № CXXXIII Памятниковъ древней письменности и искусства (Логика Маймонида, кроме сплошальной рукописи, въ которой нашелъ ее г. Соболевскій, читается еще въ одной изъ рукописей бывшихъ Соловецкаго монастыря, теперь находящихся въ библиотекѣ Казанской Духовной Академіи, см. Описанія рукописей ч. I, стр. 406, № 263/105, л. 44 об.; обстоятельный библіографіческій свѣдѣній о Логикѣ, именно—объ ея изданіяхъ, переводахъ на европейскіе языки и комментаріяхъ—у Фюрста въ *Bibliotheca Judaica*, II, р. 303 sqq. О книгѣ «Тайная тайныхъ», въ еврейскомъ перевѣдѣніи называемой: Содѣ гассодотъ, что значитъ именно: Тайна тайнъ, въ латинскомъ перевѣдѣніи *Secretum secretorum* или *De secretis secretorum*, см. *Io. Alb. Fabricii Bibliothecae Graecae lib. III*, р. 167, *Io. Christ. Wolffii Bibliothecae Hebraeae t. I*, р. 222, и у *Ф. Н. Буслаева* въ Исторической христоматіи, col. 1401; оглавление ея у *Сильвестра Медведева* въ «Оглавлении книгъ, кто ихъ сложилъ»,—§ 18, Книга, юже состави Аристотель філософъ. Она называлась еще Аристотелевыми вратами [какъ называется ее царь Иванъ Васильевичъ въ своихъ вопросахъ къ Стоглавому собору,—вторыхъ вопросовъ воvr. 17-й, Казанск. изд. стр. 179] потому, что отдельы главы въ ней называются вратами, т. е. воротами [см. выдержки изъ книги у Буслаева въ христоматіи, col. 1400, и виши ся оглавленія въ Описаніи рукописей Виленской Публичной Библиотеки, составл. *Ф. Добriansкимъ*, № 272 (222), стр. 464—465, и въ Описаніи рукописей Археографической Комиссіи, составл. *И. Бар-*

суковимъ, № 229, стр. 175—184, каковое назнаніе отдеюловъ главъ или самыхъ главъ обычно у еврейскихъ инсателей [указание примѣровъ сего см. въ помянутой *Bibliotheca Iudaica* Фюрста]. Списковъ книги «Тайная тайныхъ» извѣстно достаточное количество).—Мы сказали выше, что жи-довство изображается намъ преп. Іосифомъ Волоколамскимъ въ такомъ видѣ, что на половину оно является вѣрою, на половину занятіемъ тайными науками (стр. 600 нач.): книга «Тайная тайныхъ» съ ея наставленими о примѣтахъ должна быть причиленемъ къ разряду тѣхъ книгъ, которыя составляли профессіональныя книги жи-довства именно какъ занятія тайными науками (можетъ быть, что и раффи, представляющий собой гадательную астрологическую книжку, доставлены были нашимъ предкамъ также жи-довствующими).—Г. Соболевский въ своемъ рефератѣ указываетъ смотрѣть о книгѣ «Тайная тайныхъ» въ XI вынускѣ Вѣстника Археологии и Искусства, вынедшемъ въ прошломъ 1899-мъ году: по мы доселѣ никакъ не могли достать выпуска въ папкѣ бого-спасаемый Носадъ).

Къ стр. 606—607. С. А. Бѣлокуровымъ найдено въ одной изъ рукописей собрания, принадлежащаго И. А. Овчинникову и находяща-гося въ селѣ Городцѣ нижегородской губерніи, еще другое непереводное полемическое сочиненіе противъ жи-довъ и противъ жи-дов-ствующихъ. Это—«Твореніе (пѣкоего) ивока Савы Сѣнного осгрова, на жи-довъ и на еретики посланіе», которое, не будучи въ прямомъ смыслѣ сочиненіемъ переводнымъ, не составляеть и настоящаго сочиненія оригинальнаго, а состоить почти что изъ однихъ голыхъ вынисокъ языка называемой Толковой Пален, которая представляется собою полемическое сочиненіе (переведенное съ греческаго) противъ жи-довъ и противъ магометанъ. Посланіе, какъ будто написанное между 1490-мъ и 1504-мъ годами, адресуется господину Дмитрею Васильевичу и написано по тому поводу, что когда опять—господинъ Дмитрій былъ посломъ, то говорилъ съ жи-довиномъ съ Захаріею со Скарою и могъ заразиться отъ него тѣмъ худымъ, что отъ него слышалъ. Подъ господиномъ Дмитріемъ Васильевичемъ разумѣется бояринъ Дмитрій Васильевичъ Шенинъ, который въ 1487—1488-мъ году ходилъ посломъ великаго князя къ крымскому хану Менгли-Гирею. Подъ жи-довиномъ Захаріею Скарою разумѣется кафанский Еврей Захарій Скара, которыи, какъ слѣдуетъ думать, быль большими денежными тузомъ и че-ловѣкомъ съ большими значеніемъ въ торговомъ и вообще финансово-мѣрѣ и который, вѣроятно, бысь недоволенъ житѣемъ въ Каффѣ, послѣ того какъ она въ 1475-мъ году взята была у Генуезцевъ Тур-ками, черезъ нашихъ купцовъ, юздавшихъ въ Крымъ, два раза про-

силъ у великаго князя дозволенія прѣѣхать на житѣе въ Москву и два раза посредствомъ грамотъ быль приглашаемъ великимъ княземъ къ себѣ (Первая грамота великаго князя Еврею Захарѣ Скарѣ, отъ 14-го Марта 1484-го года, посланная, вѣроятно, съ посломъ въ Крымъ къ хану княземъ Василемъ Ивановичемъ Ноздроватымъ, который отправился изъ Москвы именно 14-го Марта 1484-го года, напечатана въ Собраниі государственныхъ грамотъ и договоровъ, ч. II, № 20, стр. 24, и въ Рус. Историч. Сборникѣ, т. XLI, стр. 41; вторая грамота Скарѣ, отъ 18-го Октября 1487-го года, посланная именно съ Дмитриемъ Васильевичемъ Шепинскимъ, который отправился изъ Москвы этого 18-го Октября 1487-го года, напечатана въ V томѣ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, въ приложеніяхъ къ статьѣ: «Историческое и Дипломатическое собраніе дѣлъ происходившихъ между Россійскими Великими Князьями и бывшими въ Крымѣ Татарскими царами съ 1462 по 1533 годъ», — № 8, стр. 272, и въ томъ же Сборникѣ Р. И. О. т. XL. Въ грамотахъ, тождественныхъ по содержанию, великій князь пишетъ Скарѣ: «Нисать къ намъ еси о томъ, чтобы ты у насъ быти, и ты бы къ намъ поѣхаль; а будешъ у насъ, наше жалованье къ собѣ увидинъ; а похоченъ намъ служити, и мы тебя жаловати хотимъ; а не похоченъ у насъ быти, а вѣсхоченъ отъ насъ оиять въ свою землю поѣхати, и мы тобя отпустимъ добровольно, не издержавъ». Собиравшися, по, какъ видно изъ промежутка времени между грамотами, не торопившися поѣхать въ Москву, Скара, если прособирался до 1490-го года, когда быль въ Москвѣ соборъ на Жидовствующихъ, конечно, отложилъ свое намѣреніе переселиться въ нее). Подъ монастыремъ Сѣниаго острова, икономъ которого быль Савва, по всей вѣроятности, должно разумѣть Троицкій Сѣниовскій монастырь, который находился на острову или островку Ладожскаго озера Сѣнномъ, лежащемъ у южнаго берега озера, вверхъ и влево отъ устья Волхова, см. В. Запризскаго Матеріаль для историко-топографического газетѣданія о православныхъ монастыряхъ, III, 191, № 2150. Полагаемъ, что «твореніе» написано Саввою между 1490—1504-мъ годами, на томъ основаніи, что онъ говорить объ обличеніи Богомъ новгородскихъ поповъ, учение жидаовское пріимшихъ (въ началѣ творенія), подъ каковымъ обличеніемъ должно разумѣть соборъ 1490-го года, и не говорить о жестокихъ казняхъ, которыми постигли Жидовствующихъ послѣ собора 1504-го года. Историческаго о Жидовствующихъ въ «твореніи» кромѣ того, сейчасъ указанного, что Богъ не сприѣхъ и обличить новгородскихъ поповъ, учение жидаовское пріимшихъ, ничего

и есть. Оно печатается г. Бѣлокуровымъ въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Къ стр. 613. Въ Нековской 1-й лѣтописи помѣщенъ указъ митр. Спирона во Нековъ о постановлѣніяхъ собора, состоявшихся 1-го Сентября, въ которомъ ничего не говорится о постановлѣніи 6-го Августа,—Собр. лѣтт. IV, 277. Весьма вѣроятно понимать это молчаніе такъ, что о постановлѣніи 6-го Августа былъ особый указъ и отъ лица не митрополита, а великаго князя.

Къ стр. 619, къ прим. 1. День соборованія—1-е Сентября указанъ еще въ двухъ лѣтописяхъ: Собр. лѣтт. III, 184, и IV, 277, примѣч..

Къ стр. 646. Стоглавый соборъ увѣщаваетъ священниковъ возвращать равнодѣліе и равнопитіе простымъ людямъ и самимъ воздерживаться отъ нихъ: «А которые простые люди имутъ пити до обѣда, и вы (священники) такимъ возбранайте и просвиры и богородична хлѣба не давайте, дондеже исправятся, да и сами бы есте священницы, не отправивъ правила, равнаго питія и яденія (въ) неподобно время никакоже касалися, да не отъ васъ будеть соблазнъ миру»,—Стогл. гл. 24, Казанск. изд. стр. 119. Возвратимся къ грѣху равнодѣлія и равнопитія во второй половинѣ тома.

Къ стр. 650—651. Въ одной изъ рукописей Соловецкаго монастыря, теперь находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, ~~издѣлѣтъ оставленнѣе венциѣствомъ на нынѣ по своему содерянію~~ запись о венцахъ, случившейся во дни митрополита Варлаама,—объ искушенинъ, бывшемъ въ соборѣ на сваценнѣонока: можетъ быть, случившаяся венецъ и имѣетъ какое-нибудь историческое значеніе. См. Описанія рукописей ч. I, стр. 366, № 239, л. 557 об.—О самомъ митрополитѣ Варлаамѣ должно быть сказано, что онъ до той или другой степени знакомъ былъ съ искусствомъ иконописавія и что когда въ 1518-мъ году привезены были изъ Владимира въ Москву для пополненія обетованнїя иконы владимирскаго Успенскаго собора: то онъ участвовалъ съ иконописцами въ трудахъ ихъ пополненія,—Софійск. 2-я лѣт. въ Собр. лѣтт. VI, 262, Воскресенск. лѣт. ibid. VIII, 265.—По свидѣтельству сейчасъ указанныхъ двухъ рукописей,—Собр. лѣтт. VI, 254, и VIII, 254, при митр. Варлаамѣ въ 1514-мъ году была пополнена и украшена икона Владимирской Божіей Матери, именно—(послѣ пополненія иконы?) сдѣланъ былъ для нея кіотъ, украшенный серебромъ и золотомъ.

Къ стр. 654—655, къ примѣч.. Вассіаново «Собрание отъ святыхъ правилъ и отъ многихъ книгъ», на которое ссылаемся въ примѣч.

на стр. 654, есть то его послѣдовіе или заключительное резюме, о которомъ говоримъ въ примѣч. на стр. 655.

Къ стр. 666 fin.. Въ послѣдовіи Нила Курлятева къ переводу псалтыри, читаемому въ рукописи бывшей Царскаго № 327, Опис. стр. 323, иѣть словъ: «сей убо Максимъ сынъ поеводескии бысть». Поэтому возможно, что въ Соловецкой рукописи, равно какъ и въ другихъ иѣкоторыхъ рукописяхъ, онѣ составляютъ позднѣйшую вставку.

Къ стр. 678, къ прим. 3. Дмитрій Заецовъ или Зайцовъ, который въ 1493-мъ году сопровождалъ послана великаго князя къ датскому королю Грека Дмитрія Радева Палеолога, можно думать, есть именно пашь Дмитрій Герасимовъ. Каракинъ въ Исторіи (VI, 142) и Бачковъ въ Указатѣль къ лѣтописямъ (сл. Зайцовъ) называютъ его дьякомъ, но лѣтописи не называютъ его дьякомъ, а между тѣмъ, что Герасимовъ ходилъ посломъ въ Дашию, обѣ этомъ говорить, передаваясь его словъ свѣдѣнія о немъ. Навель Іовій въ своемъ *De legatione Moscovitica*. Что касается до лѣтъ возраста Герасимова, то въ 1523-мъ году, когда онъ былъ посломъ въ Римѣ, онъ имѣть за 60 лѣтъ (Навель Іовій *ibid.* и у *Turcenovi* въ *Historica Russiae Monumenta*, т. I, р. 132), а въ 1535-мъ году, когда переводить псалтири Брушонову для архіепископа Макарія, находился въ старости мастигой (см. отрывокъ лѣтописи въ Собр. лѣтт. VI, 299 нач.), слѣдовательно — въ 1493-мъ году онъ долженъ быть имѣть возрастъ уже не молодой для того, чтобы быть послану съ посломъ. Кроме указаннѣихъ вами переводовъ Герасимову принадлежитъ еще переводъ латинской грамматики Донаата (Донатуса), см. I т. Издѣлійаний по русскому языку, изд. Академіей Наукъ (*В. И. Яничемъ*), стр. 813.—Къ словамъ на 5-й строкѣ примѣчаній: «цифрами къ первому обѣ аллилуїи и о бѣломъ клубочкѣ» нужно прибавить: и въ отсѣть на его — архіепископа вопросъ: «како седми тысѧчи лѣта преходатъ и знаменія совершенія пе явиша ни когорое», — Опис. сунодъ ркни. *Горск.* и *Несвостр.* № 189, л. 328 об., стр. 515.

Къ стр. 684, къ примѣчанію, которое начинается на предыдущей страницѣ. Въ 1517—1518-мъ году былъ въ Москвѣ не пашкій легатъ Николай Шомбергъ, а его братъ Дирихъ Шомбергъ, см. ниже стр. 866—867.

Къ стр. 707 fin.. Предисловіе Селивана къ переводу бессѣдъ Златоустаго на евангеліе отъ Матея (а не отъ Іоанна, что у насъ обмолвкой) напечатано въ I т. Издѣлійаний по русскому языку, изданныхъ Академіей Наукъ (*П. В. Яничемъ*), стр. 626 fin..

Къ стр. 732—733. Письмо афонскихъ монаховъ къ великому князю Василію Ивановичу, читаемое безъ своего конца въ панегирии синескѣ творенія Нансина, читается съ концомъ въ житіи Максима Грека, составленномъ въ первой — во второй четверти XVIII вѣка и панегириемъ С. А. Бѣлокуровымъ въ приложенияхъ къ его изслѣдованию: «О библіотекѣ московскихъ государей въ XVI столѣтіи», — стр. LXI sub fin.. Приговоръ монаховъ относительно желанія великаго князя встрѣтить во второй бракъ бытъ: «не есть въ правилѣхъ святыхъ отецъ браку сочетаніе второму, не поспѣваемъ и мы и запрещаемъ», — стр. LXIV fin..

Къ стр. 734 fin.. Одна лѣтопись обвиняетъ митр. Даниила въ томъ, что со вдовой Василія Ивановича Еленой онъ уморилъ въ темницѣ этого брата государева: 7015 (1537) лѣта поимали князя Оидра Ивановича, великого князя брата, велика княгиня Олена да митрополитъ Даниилъ, и посадили его въ набережную полату, да положили на него великую тягость, и умериша его смертию,—Собр. лѣт. III, 200.

Къ стр. 735. Коломинце, финск. kalmisto, значить: кладбище, см. въ Словарѣ Срезневскаго это слово. Нель коломинцами разумѣются собственная языческая кладбища Воды или вообще инородцевъ.

Къ стр. 761, къ прим. 1. Запись читается еще въ рукописи бывшей Царскаго. № 461, л. 235 об., Опис. стр. 575.

Къ стр. 784, къ прим. Яснѣйшее свидѣтельство, что Стоглавый соборъ написалъ и утвердилъ свои постановленія и выдать книгу этихъ постановленій въ качествѣ законодательного кодекса, представляеть собою то, что читается о Стоглавомъ соборѣ въ записи о соборѣ 1553 го года и что приподится намъ на стр. 793-й (строка 13 текста и слѣд.). А если преосв. Филаретъ, приводящий слова записи, въ то же время, именно тутъ же, говорить и старается доказывать, будто «Стоглавъ — не болѣе какъ записи частнаго лица о соборѣ 1551-го года, а не каноническій актъ»: то на это можетъ быть только сказано, что предложатая мысли деспотически обращаются съ волею людей и для доказанія себя заставляютъ ихъ прибѣгать къ какой бы то ни было лягушкѣ!...

Къ стр. 785, къ примъч. Извѣстно по третьему наказному списку обоихъ классовъ, т. е. назначенному и для приходскихъ церквей и для монастырей. Третій наказный списокъ для приходскихъ церквей, посланный въ 1552-мъ году епископомъ сарскимъ и подонскимъ Саввею въ города его епископіи Вязму и Хлыненъ (въ настоящее время — село тверской губерніи, зубцовскаго уѣзда, лежащее на югъ отъ Зубцова, почти на самой границѣ съ сычевскимъ уѣздомъ смоленской

губернії), изъ одной рукописной Кормчей конца XVI вѣка, находящейся въ библіотекѣ С.-Петербургской Духовной Академіи, напечатанъ А. С. Навловымъ въ IX томѣ Записокъ Новороссійскаго Университета. Третій наказный списокъ для монастырей, посланный въ неизвѣстномъ году въ неизвѣстный монастырь епископомъ смоленскимъ, читается въ одной рукописи второй половины XVI вѣка, находящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи, а въ новой копіи, спитой съ рукописи,—въ Московскомъ Публично-Румянцевскомъ Музѣѣ, см. Отчетъ сего Музѣя за 1873—1875 г., стр. 52, и. 8.

Къ стр. 786, къ примѣч. Въ библіотекѣ новгородского братства св. Софіи находится рукопись 1595-го года, въ которой содержится Стоглавъ, представляющій изъ себя четвертую до иѣкоторой степени редакцію. Текстъ Стоглава въ рукописи—тотъ самый, который въ полной редакціи, раздѣленной на сто главъ, или въ подлинномъ Стоглавѣ (напечатанномъ въ Казани и г. Субботинъ); но, во первыхъ, главы числомъ тѣ же сто, расположены въ другомъ порядке, чѣмъ тамъ, и въ иѣкоторыхъ,—немногихъ, случаяхъ по двѣ главы соединено въ одну главу, а въ иѣкоторыхъ, также немногихъ, случаяхъ, одна глава раз, дѣлена на иѣсколько главъ; во-вторыхъ, кое-что прибавлено и кое-что опущено противъ поманутой полной редакціи. Изъ опущеній особенно замѣчательно опущеніе 40-й главы, надписанной особенно: «Отъ священника правиль о постриженіи брадъ» и подвергающей виновныхъ въ брадобрітіи крайне строгому наказанію. Возможно, что опущеніе это—случайное; но не невозможно, что оно и намѣренное, т. е. что или писецъ нашего списка или писецъ одного изъ предшествующихъ списковъ, отъ которыхъ идеть нашъ списокъ, не раздѣлялъ взгляда собора на брадобрітіе, почему и опустилъ его опредѣленіе о послѣднемъ (рукопись писана въ Исково-Печерскомъ монастырѣ, по соображенію съ безбородыми Прѣмцами, и возможно, что писецъ рукописи смотрѣлъ на брадобрітіе иными глазами, нежели какими смотрѣли на него въ Москвѣ, ири чѣмъ онъ могъ не знать того, что въ Москвѣ брадобрітіе имѣло свое особое, неправильное, значеніе, ради которого соборъ караетъ его съ крайней строгосью, именно—что оно вызывалось и требовалось омерзительнымъ, сильно распространеннымъ у насъ тогда, порокомъ архепокий или мужеложства). См. о рукописи въ статьѣ: «Новооткрытый рукописный Стоглавъ 16 вѣка», напечатанной въ сентябрьской и въ октябрьской книжкахъ «Богословскаго Вѣстника» за прошлый 1899-й годъ (съ самимъ авторомъ статьи, который неожиданно образомъ хочетъ воззстановить взглядъ на Стоглавъ преосв. Платона и Филарета, мы не вступаемъ въ полемику).

Къ стр. 821 нач. Читаемый въ двухъ рукописяхъ библіотеки Кирилло-Белозерскаго монастыря еврейскій молитвеникъ, бывшій въ употребленіи у Жидовствующихъ (выше стр. 604), нужно думать, принесенъ быть въ монастырь этими посѣдѣнными.

Къ стр. 831, къ 3-й и 2-й строкамъ снизу текста. Подъ «посѣдѣніемъ» должно разумѣть, что «было это дѣйствительно такъ» (строка 7-я снизу).

Къ стр. 845, къ прим.. Подъ изображеніемъ Духа Св. «въ птичъ незнаемъ образѣ», можетъ быть, должно разумѣть изображеніе Его головою не вверхъ, а внизъ, причемъ опредѣленій видъ голубя превращался въ неопределенный видъ какой-то вообще птицы.

Къ стр. 847. Архидіаконъ Геннадій и Василій Нозняковъ послали съ милостыней велѣдѣствіе проосьбы къ царю о милостынѣ отъ александрийскаго патріарха Іоакима. Старцы патріарха, прибывши въ Москву 20-го Января 1558-го года, разказывали здѣсь о великомъ чудѣ, которое совершилось съ посѣдѣніемъ, именно—что по требованію александрийскаго наши (египетскаго султана), возбужденаго противъ христіанъ жидами, они вышли смертоносный ядъ и остался совершенію непредимѣмъ. Вѣроятно, что желаніе обстоятельно разузнать о чудѣ, совершившемся съ александрийскимъ патріархомъ, было одиною изъ причинъ отправленія вмѣсть съ Нозняковымъ архидіакона Геннадія. А чудо могло интересовать царя и митрополита какъ само по себѣ, такъ и по связи его съ вопросомъ о томъ, повреждена или не повреждена у Грековъ чистота истиннаго православія.

СПИСКИ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ И МИТРОПОЛИТОВЪ.

<p>Великіе князья владимирскіе, потомъ московскіе.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Ярославъ Всеvolodовичъ, сынъ Всеvoloda Юрьевича, прозваніемъ Большое Гнѣздо, внукъ Юрия Долгорукаго, правнукъ Владимира Мономаха. 1238—1246. 2. Святославъ Всеvolодовичъ (польско-юрьевскій), братъ предыдущаго, 1247—1248. 3. Михаилъ Ярославичъ Хареборитъ, сынъ Ярослава Всеvolодовича. 1248 (сомнительный). 4. Андрей Ярославичъ (сузальскій), братъ предыдущаго, 1249—1252. 5. Александъръ Ярославичъ Невскій (новгородскій), братъ предыдущаго, 1252—1263. 6. Ярославъ Ярославичъ (тиверскій), братъ предыдущаго, 1263—1271. 	<p>Великіе князья литовскіе.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Миндохъ, 1238—1263. 2. Вишеслѣвъ, сынъ Миндохга, 1263—1268. 3. Шварцъ, сынъ Данила Романовича Галицкаго, мужъ дочери Миндовговой, 1268—1270.
---	---

Великіе князья галицкіе: 1. **Даниилъ Романовичъ**, сынъ Романа Мстиславича Волынскаго, **(1205—) 1229—1264;** 2. **Левъ Даниловичъ**, сынъ предыдущаго, **1264—1301;** 3. **Юрій Львовичъ**, сынъ предыдущаго **1301—1315;** 4. **Андрей Юрьевичъ**, сынъ предыдущаго, **1315—1324;** 5. **Юрій Андреевичъ**, сынъ предыдущаго; **1324—1337;** 6. **Богданъ Тройденовичъ**, княжичъ язовецкій, жена котораго была dochь Юрия Львовича или Андрея Юрьевича, **1337—1340,** смертью котораго въ послѣднемъ году прекратилось существованіе княжества Галицкаго.

Митрополиты всея Россіи.	Отдѣльные митрополиты галицкіе и літ- товскіе, потомъ кіевскіе.
1. Киприллъ III, 1242—1249— 1281.	

Великіе князья владимирскіе, потомъ московскіе.	Великіе князья литовскіе.
7. Василій Ярославичъ (ко- стромской), братъ предыдущаго, 1272— 1276.	4. Вонишель во второй разъ, 1270.
8. Дмитрій Александрови- чъ (переславскій), сынъ Александра Я—ча Невскаго, 1276—1282.	5. Троїдентъ , 1270—1283.
9. Андрей Александрови- чъ (городецкій), братъ предыдущаго, 1282—1284.	6. Витепъ или Витенесь, 1283—1315.
10. Дмитрій Александрови- чъ во второй разъ, 1284—1293.	
11. Андрей Александрови- чъ во второй разъ, 1293—1304.	
12. Михаилъ Ярославичъ (тверской), 1304—1319.	7. Гедиминъ , сынъ или братъ Витепа, 1315—1341.
13. Юрій Даниловичъ (мо- сковский), сынъ Данила Александровича, внукъ Невскаго, 1319—1322.	
14. Дмитрій Михайловичъ (тверской), 1322—1326.	
15. Александъ Михайлови- чъ (тверской), братъ предыдущаго, 1326—1327.	
16. Пшем. Даниловичъ Ка- лита , 1328—1340.	
17. Сумеонъ Пшемоничъ Гордый, 1340—1353.	8. Евнухъ , сынъ Гедимина, 1341—1345.

Митрополиты всея Россіи.	Отдѣльные митрополиты галицкіе и літ- товскіе, потомъ кіевскіе.
2. Максимъ, 1283—1305.	Въ 1303-мъ году поставленъ отдѣль- ный митрополитъ галицкій, неизвѣстный по имени, который (вѣроятно) умеръ около одного времени съ Максимомъ и послѣ смерти которого кафедра митро- поліи опять была закрыта.
3. Св. Петръ, 1308—1326.	Въ 1316—1317-мъ году поставленъ особый митрополитъ літтовскій, по имени Оеофилъ , кафедра котораго (вѣроятно) была закрыта при поставленіи въ митро- политы всея Россіи Оеогноста.
4. Оеогностъ, 1328—1353.	Въ 1331-мъ году была открыта не на долгое время митрополія галицкая. Въ 1337—1338-мъ году снова была открыта митрополія галицкая, закрытая потомъ въ 1347-мъ году.

<p>Великие князья владимирские, потомъ московские.</p> <p>18. Иванъ Ивановичъ, 1353—1359.</p> <p>19. Дмитрій Константиновичъ (суздальскій), правнукъ Андрея Ярославовича. 1360—1362.</p> <p>20. Дмитрій Ивановичъ Донской, 1362—1389.</p> <p>21. Василій Дмитревичъ, 1389—1425.</p> <p>22. Василій Васильевичъ Темный, 1425—1433.</p> <p>23. Юрій Дмитревичъ (зен-нигородско - галицкій), сынъ Донского. 1433.</p> <p>24. Василій Васильевичъ во второй разъ, 1434.</p> <p>25. Юрій Дмитревичъ во второй разъ, 1434.</p> <p>26. Василій Юрьевичъ Ко-сой, сынъ предыдущаго, 1434.</p> <p>27. Василій Васильевичъ въ третій разъ. 1434—1446.</p> <p>28. Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, сынъ Юрія Дмитревича, 1446.</p>	<p>Великие князья литовские.</p> <p>9. Ольгердъ, братъ предыдущаго. 1345—1377.</p> <p>10. Ягайло или Ягелло, сынъ Ольгерда, 1377—1386 (съ 1386-го года, подъ именемъ Владислава II, король польский).</p> <p>11. Скиргайло, братъ предыдущаго. 1386—1392.</p> <p>12. Витовтъ, сынъ Кейстутія, брата Ольгердова, 1392—1430.</p> <p>13. Свидригайло, братъ Ягайла, 1430—1432.</p> <p>14. Сигизмундъ, братъ Витовта. 1432—1440.</p> <p>15. Казимиръ, сынъ Ягайла, 1440—1492 (съ 1447-го года и король польский).</p>
---	--

Митрополиты всея Россіи.	Отдѣльные митрополиты галицкіе и літ- овскіе, потомъ кіевскіе.
5. Св. Алексій, 1354—1378.	Оеодоритъ, незаконный митропо- литъ літовскій, 1353—1354.
6. Михаилъ-Митий, нареч- енный митрополитъ, 1378—1379.	Романъ, митрополитъ літовскій, 1354—1361.
7. Кипріанъ, 1381—1382.	Митрополитъ галицкій Антоній, 1371—1392.
8. Нимісъ, 1382—1385, 1388— 1389.	Митрополитъ літовскій Кипріанъ, 1375—1381, 1382—1389.
9. Діонисій, нареченный митропо- литъ, 1384—1385.	
10. Кипріанъ, во второй разъ, 1390—1406.	
11. Фотій, 1408—1431.	
12. Неподоръ, 1436—1441.	Митрополиты кіевскіе:
13. Св. Іона, 1448—1461.	1. Григорій Болгаринъ, по- ставленный въ Римѣ въ 1458-му году, до 1470-го года упіатъ, въ послѣдніемъ году отрекшійся отъ унії и возвратив- шійся къ православію, $\dagger$ 1472.

Великие князья владимирские, потомъ московские.	Великие князья ливовские.
29. Василий Васильевич, въ четвертый разъ, 1447—1462.	
30. Иванъ Васильевичъ III, 1462—1505.	16. Александръ, сынъ предъ- идущаго, 1492—1506 (съ 1501-го года и король польский).
31. Василий Ивановичъ, 1505—1533.	17. Сигизмундъ I, братъ предъ- идущаго (вмѣстѣ и король польский), 1506—1548 (въ 1544-мъ году пере- давшій управление Литвой своему сыну Сигизмунду-Августу).
32. Иванъ Васильевичъ IV, Грозный, 1533—1584 (до 1538-го года подъ онекой матери; съ 16-го Ян- варя 1547-го года—царь).	18. Сигизмундъ-Августъ, сынъ предыдущаго (вмѣстѣ и король польский) 1548—1572 (въ 1568-мъ году на Люблинскомъ сеймѣ соединеніе Литвы съ Польшею въ одно государство).

Митрополиты всея Россіи.	Отдѣльные митрополиты галицкіе и ла- товскіе, потомъ киевскіе.
14. Оеодосій, 1461—1464.	
15. Филиппъ I, 1464—1473.	2. Мисаилъ, 1475—1480. (Сиприонъ Сатани, само- вольно поставленный въ 1474-мъ или 1475-мъ году и не принятый въ Литвѣ).
16. Геронтій, 1473—1489.	3. Сумеонъ, 1481—1488.
17. Зосима, 1490—1494.	4. Іона Глазна, 1492—1494.
18. Симонъ, 1495—1511.	5. Сп. Макарій, 1495—1497.
19. Варлаамъ, 1511—1521.	6. Юсифъ Болгариновичъ, 1498—1501.
20. Даниилъ, 1522—1539.	7. Іона II, 1502—1507.
21. Іоасафъ, 1539—1541.	8. Юсифъ II, Солтанъ, 1507— 1521.
22. Макарій, 1542—1563.	9. Юсифъ III, 1522—1534.
	10. Макарій II, 1534—1556.
	11. Сильвестръ Бельке- вичъ, 1556—1567.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

ПОСВЯЩЕНИЕ КНИГИ.....	I—IV.
ПРЕДСЛОВИЕ.....	V—VIII.

Порабощеніе Руси Монголами и отношенія хановъ монгольскихъ къ русской церкви или къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству	1—49.
--	-------

О Монголахъ или Татарахъ до порабощенія ими Руси—1. Первое нашествіе ихъ на Русь 1223-го года и Казыкинская битва—3. Нашествіе 1227—28-го года и порабощеніе северо-восточной Руси—4. Ужасность опустошенній этой Руси—9. Порабощеніе въ 1229-мъ году юго-западной Руси съ такимъ же ужаснымъ ея опустошеннемъ и походъ въ западную Европу—10. Установленіе гоенодства Монголовъ надъ Русью—12. Поведеніе и участъ духовенства во время поработительного нашествія Монголовъ—14. Бывствіи, которымъ подверглась церковь во время этого нашествія—16. Отношенія, въ которыхъ стали Монголы къ вѣрѣ Русскихъ и къ ихъ духовенству, состоявшія въ полной ихъ терпимости къ вѣрѣ и въполномъ признаніи ими правъ духовенства, и причины этихъ полной терпимости и полнаго признанія—17. Предположеній относительно исторіи терпимости—24. Исторія фактически-формальныхъ отношеній хановъ къ русской церкви и къ русскому духовенству—27. Ханскіе языки монголодамъ и содержащіеся въ нихъ предисловія относительно вѣры Русскихъ и ихъ духовенства—32. Небезусловность непричастности духовенства тяготимъ ига монгольского—39. Епіекопія сарайская, проповѣдь христіянства между Татарами, выходъ татарскихъ дѣвицъ за нашихъ кназей—41 (и въ дополн.—876). Частные случаи поведенія хановъ, какъ будто представляющіе собою позраженіе противъ совершиенной терпимости ихъ къ нашей вѣрѣ и противъ строгаго уваженія ими права нашего духовенства—41. Осужденіе ханами на мученическую смерть за вѣру: князя Михаила Всеволодовича Черниговскаго—42, и князя Романа Ольговича Рязанскаго—47; попытка хановъ обложить данію наше духовенство—48; утверждій пѣкоторыхъ нашихъ лѣтописей относительно намѣреній хановънести свою татарскую вѣру въ одной изъ русскихъ областей—49.

Митрополиты киевские и всяя Россіи.

Митрополитъ Кириллъ III.....50—89.

Предположеніе о судьбѣ послѣдняго предѣ нашестьвіемъ Монголовъ митр. Іосифа—50. Предположеніе о причинѣ избрания первого послѣ нашестьвія Монголовъ митрополита, каковъ Кириллъ, изъ природныхъ Русскихъ—50. Избрание этого митрополита южно-русскимъ великимъ княземъ Данииломъ Романовичемъ—51. Причина скораго избранія—52. Путешествіе Кирилла въ Грецію для посвященія—53. Признаніе его за своего митрополита сѣверною Русію—54. Непребываніе его постоянно въ Кіевѣ, но частыя покиданія имъ послѣдняго для странствованій по Руси—55. Отсутствіе свѣдѣній о путешествіяхъ его въ родную ему галицкую Русь—58. Установленіе при немъ отношеній Монголовъ къ русской церкви—59. Учрежденіе имъ епископской каѳедры въ Сараѣ—60. Ярлыкъ ему хана Менгу-Темира и общее его съ ханомъ посольство къ императору константинопольскому—61. Приобрѣтеніе имъ изъ Болгаріи Корытей книги—62 (и въ дополни.—876).

X Владимирскій соборъ 1274-года и его дѣянія, содержащія рядъ предисловій противъ недостатковъ церковной жизни и противъ существовавшихъ въ ней злоупотребленій—65 (и въ дополни.—876). Вопросы епископа сараскаго Феогноста константинопольскому патріаршему собору—78. Извѣстный по лѣтоисчислѣ частный случай изъ церковно-правительственной дѣятельности Кирилла—80. Его участіе въ государственныхъ дѣлахъ Руси—81. Сношенія съ папой и можетъ быть кратковременный церковный союзъ съ нимъ галицкаго великаго князя Даниила Романовича—81 (и въ дополни.—876—877). Предложеніе касательно отношеній къ этимъ сношеніямъ митрополита—86. Попытка папы привлечь къ союзу съ римскою церковью владимирскаго великаго князя Александра Ярославича—87. Кончина Кирилла—88.

Митрополитъ Максимъ .....90—97.

Избрание втораго послѣ нашестьвія Монголовъ митрополита, каковъ Максимъ, снова изъ Грековъ—90. Прибытие Максима на Русь, путешествіе его въ Орду къ хану и призываѣ имъ къ себѣ всѣхъ Русскихъ епископовъ—90. Путешествіе его по Руси—91 fin.. Отсутствіе извѣстій объ его церковно-правительственной дѣятельности—92. Уставъ его о постѣ среды и пятка—92. Участіе его въ государственныхъ дѣлахъ—94. Перенесеніе имъ каѳедры митрополіи изъ Кіева во Владимиръ—94 (и въ дополни.—877). Открытие особой митрополіи галицкой—96. Кончина Максима—97.

Митрополитъ св. Петъръ . . . . . 98—144.

Житія св. Петра—не вполнѣ удовлетворительный источникъ свѣдѣній о немъ—98. Посылка въ Константинополь посль смерти митр. Максима великимъ княземъ владимирскимъ, удѣльнымъ княземъ тверскимъ, Михаиломъ Ярославичемъ игумена Геронтія для постановленія изъ митрополиты всей Россіи и одновременно съ этимъ посылка въ Константинополь великимъ княземъ галицкимъ Юріемъ Львовичемъ игумена св. Петра для постановленія въ отдѣльные митрополиты галицкие—99 fin.. Біографическая свѣдѣнія о св. Петре—102. Устраненіе патріархомъ Геронтія и постановленіе въ митрополиты всей Россіи св. Петра—103. Пожеланіе вел. кн. Михаила Ярославича принять св. Петра и притворное примиреніе съ нимъ—105. Доносъ на св. Петра патріарху, съ цѣлю его удаленія съ каѳедры, сдѣланній великимъ княземъ черезъ тверскаго епископа Андрея, и Переяславскій соборъ на Петра подъ предсѣдательствомъ патріаршаго клирика или чиновника—106. Вопросъ о неизѣбѣстныхъ положительныхъ образомъ обвиненіяхъ, взведенныхъ великимъ княземъ на св. Петра—108. Вторичная попытка великаго князя удалить св. Петра съ митрополичьей каѳедры—112. Скудость свѣдѣній о церковно-правительственной дѣятельности сп. Петра—115 fin.. Его законоположеніе о вдовыхъ священникахъ—116. Его учительными поезданія—117. Его поѣздка въ Орду къ хану и полученный имъ отъ хана языкъ—121 fin.. Подпившися у пасынка противъ взиманія епископами платы за постановленія въ церковныя степени—123 fin.. Отданіе Литвы и Галиціи въ особую митрополію—125. Еретикъ Сентъ—130 (и въ дополн.—877). Сношенія съ папою галицкаго великаго князя Юріемъ Львовичемъ—132. Соберійный приговоръ объ ежегодной помоции патріарху константинопольскому со стороны водїдомыхъ ему митрополитовъ—132. Переинесеніе св. Петромъ (не собственно такъ называемое) каѳедры митрополіи изъ Владимира въ Москву—133. Кончина св. Петра, его причтіе къ лику святыхъ и остающіеся посль него до настоящаго времени священные предметы и венцы—142 fin.. (и въ дополн.—877).

Митрополитъ Феогностъ . . . . . 145—170.

Избрание св. Петромъ имѣтъ съ вел. кн. Иваномъ Даниловичемъ своего кандидата въ митрополиты и незанятіе этимъ кандидатомъ каѳедры митрополичьей, по взамѣнъ того объявленіе себи за Москву ношимъ дѣйствительнымъ митрополитомъ, выбраннымъ изъ Константинополя изъ Грековъ—145. Постановленіе этого дѣйствительного митрополита, каковъ былъ Феогностъ, и прибытие его на Русь посль того, какъ (пѣроятно) удалось ему достигнуть закрытія особой митрополіи литовской—147. Его содѣйствіе вел. кн. Ивану Даниловичу въ воз-

выпеніїи Москви—148. Торжественное причтеніе имъ къ лику святыхъ своего предшественника Петра и важное политическое значение этого прославленія Петра—150. Услуга, оказанная Феогностомъ вел. кн. Ивану Даниловичу наложеніемъ церковного отлученія на тверскаго князя Александра Михайловича и на Пековичей—152. Открытие особой галицко-литовской митрополіи и по стараніямъ Феогноста ея закрытие—153. Путешествіе его въ Константинополь—155. Попытка хана наложить дань на русское духовенство и счастливое устраниеніе ея Феогностомъ—155 fin. Новое открытие и новое закрытие галицко-литовской митрополіи—157 (и въ дополни.—878). Путешествія Феогноста по Руси—162. Соборъ иль Костромъ и снемъ (съѣздъ) клизей про причеть церковный—163. Составляющій вопросъ ереся на Руси при Феогностѣ—163 fin. (и въ дополни.—878). Вызовъ нашихъ богословіовъ на международный диспутъ съ богословами латинскими (иведенными, и Магнусъ, король шведскій)—164 (и въ дополни.—878). Домашній препій о земномъ раѣ—166 нач.. Жалоба на Феогноста патріарху новгородскаго архіепископа Моисея—167. Заслуги Феогноста передъ Москвой—168. Отзывъ о немъ Никифора Григоры—168 (и дополни.—878). Кончина его—170.

Митрополит св. Алексій . . . . . 171—225.

Житіе св. Алексія—еще менѣе удовлетворительный источникъ свѣдѣній о немъ, чѣмъ житіе св. Петра о семъ послѣднемъ, и значительное восполненіе ихъ сохранившимися греческими актами—171. Происхожденіе и дѣтство св. Алексія—172. Постриженіе въ монахи—174. Назначеніе въ митрополичи намѣстники—174. Испрошенніе у патріарха согласія на то, чтобы въ случаѣ смерти Феогноста онъ—Алексій былъ поставленъ его преемникомъ, и посвященіе его въ епископы владимирскіе—175. Путешествіе Алексія въ Константинополь для поставленія въ митрополиты и годичное проживаніе въ Константинополѣ на испытаніи—176 fin.. Поставленіе его въ митрополиты съ возложеніемъ на него обизательства—черезъ каждые два года, лично или чрезъ уполномоченныхъ, являться на состояній при патріархѣ соборъ—178. Постановленіе особаго митрополита для Литвы, по имени Феодорита, патріархомъ терновскимъ и по избиреніи незаконнаго митрополита, при чемъ патріархомъ константинопольскимъ формально было призвано перенесеніе съдалица митрополитовъ всей Россіи изъ Києва во Владимиръ, постановленіе этимъ патріархомъ законнаго особаго митрополита для Литвы, по имени Романа—179 (и въ дополни.—878). Тужба съ посвѣдніемъ Алексія передъ патріархомъ изъ-за Киева и одержаніе надъ нимъ побѣды 181 fin.. Рѣшеніе патріарха по жалобѣ новгородскаго архіепископа Моисея на митр. Феогноста—185. Возвращеніе Алексія домой изъ Константинополя съ постановленіемъ—187 fin.. Отсутствіе свѣдѣній о церковно-правительствен-

ной его деятельности—188. Его учительные послания—188. Путешествие въ Константинополь для новой тяжбы съ митрополитомъ литовскимъ—190. Смерть митрополита антоневского и закрытие особой литовской митрополии—192. Государственная деятельность Алексія—193—196, 198—206. Исполнение имъ ханши Тайдулы—196. Пренесение въ Ордъ о пѣрѣ съ мулади Гаваздиномъ—197 (и въ дополнении.—879). Государственная деятельность Алексія—198. Загадочная грамота патріарха константинопольского архіепископу новгородскому—205. Открытие особой митрополии галицкой—208. Поставление изъ особые митрополиты литовские Киприана, имѣшаго подъ известными условіями смынить на каѳедрѣ митрополіи всей Россіи, живаго св. Алексія, и необыкновенное смятіе, произведенное симъ постановлениемъ въ московской Руси—209 fin.. Избрание въ Москву преемника св. Алексію—215 fin.. Строение и позабытие имъ монастырей и его значеніе въ исторіи нашего монашества—216. Хранящееся въ Чудовомъ монастыре и усвоеюаемое ему преданіемъ славянское евангеліе—218. Значеніе его какъ государственного деятеля—222. Его кончина и установление празднованія его памяти—224.

Двѣнадцатилѣтнія замѣшательства на каѳедрѣ митрополіи послѣ кончины св. Алексія . . . . . 226—296.

Избрание въ преемники св. Алексію архимандрита Михаила (Мития)—226. Биографический съѣдѣній о Михаилѣ (Митии)—226. Доказательства того, что сп. Алексій назначилъ и благословилъ его въ свои преемники—229. Испрошенніе у патріарха согласія на поставление Михаила въ преемники св. Алексію—231. Приездъ Киприана въ Москву, арестъ его изъ пей и позорный высылка изъ пей—232. Привлеченіе патріархомъ Михаила въ Константинополь—235. Возведеніе великимъ княземъ Михаила по смерти сп. Алексія на дворъ митрополичий и вопросъ о предосудительности поведенія Михаила въ качествѣ нареченнаго митрополита—236. Принятос было имъ и потому, вслѣдствіе случившихся обстоятельствъ, оставленное намѣреніе поспѣтитьсъ изъ митрополиты въ самой Россіи—239. Сеора его съ Діонисіемъ, спекономъ сузdalскимъ—240. Путешествіе его изъ Константинополя и византийская его смерть на кораблѣ въ виду Константинополя—242 (и въ дополнении.—879). Заключительная рѣчь о немъ—243. Поставление изъ митрополиты имѣшаго умершаго Михаила сопутствовавшаго ему архимандрита Нимиша—244. Вопросъ объ истинныхъ виновникахъ этого дѣлія—244. Исторія постановленія Нимишова—247 (и въ дополнении.—879). Призваніе великимъ княземъ изъ Киева Киприана—249. Прибытие въ Россію Нимиша и его заточеніе—249 fin.. Оглашеніе великимъ княземъ Киприана и призваніе Нимиша—250. Посольство въ Константинополь съ требованіемъ позаложенія Нимишова и

поставлениі въ митрополиты епископа сузdal'скаго Діонисія; назначеніе патріархомъ въ митрополиты Діонисія и захватъ сего посльдняго въ Кіевѣ—251. Путешествіе Пиміна въ Константинополь для хлопотъ о возстановленіи себи на кафедрѣ митрополії—254. Назначеніе патріархомъ Пиміна и провозглашеніе митрополитомъ всиіи Россіи Київрана—255. Медленіе Київрана вхать въ Москву—257. Возвращеніе Пиміна въ Москву, новое путешествіе въ Константинополь и смерть въ послѣднемъ—257.

Св. Стефанъ епископъ пермскій.

О житіи св. Степана, написанномъ Епифаніемъ премудрымъ—262. Пропохожденіе, ученіе и начальная жизнь св. Степана—263 fin.. Постриженіе въ монахи и жизнь въ монастырѣ, посвященіе довершенню самообразованія и подвигамъ монашескимъ—265 (изученіе греческаго языка—267). Чомысьль стать просвѣтителемъ жившаго близъ его роднаго города Устюга языческаго народа Пермяковъ-Зырянъ—270 (и въ дополніи.—880). Изобрѣтеніе зырянскай азбуки ← перевѣдь богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ—274. Пепрошеніе благословеній искъти на проповѣдь къ Зырянамъ у нареченаго митрополита Михаила (Митія)—276. Отправление на проповѣдь—278. Первый мадий ученьѣ проповѣди и скорозатѣмъ великій ученьѣ—280. Приготовленіе новокрещеннымъ духовенства и устроеніе у нихъ богослуженій—283. Противодѣйствіе Степану зырянскихъ языческихъ волхвовъ и ихъ посрамленіе (Памъ египтикъ)—286. Поставленіе Степана въ епископы зырянскіе съ наименованіемъ пермскаго—287. Докончаніе двла обращенія Зырянъ и старанія объ ихъ утверждении въ христіанствѣ—289. Отличительная характеристическая черта проповѣднической дѣятельности Степана—292. Попеченіе его о Зыринахъ въ отношеніи житейскомъ—292 fin.. Литературная и писательская его дѣятельность—293 (и въ дополніи.—880). Кончина его и прославленіе его памяти какъ святаго—295 (и въ дополніи.—881).

Митрополитъ Київранъ.....297—356.

О національности и о родовой фамиліи Київрана—297. Объясненіе того, какъ онъ могъ попасть къ клиру константинопольскаго патріарха—298. Отправление его изъ Константинополя на Русь и прибытие въ Москву—300. Судъ его надъ тверскимъ епископомъ Евѳиміемъ Внеленіемъ—302. Скора его съ Новгородцами изъ-за мѣсячнаго суда—306. Тяжба его съ архіепископомъ сузdal'скимъ за предѣлы спархіи—319. Личная брань его съ преп. Евѳиміемъ сузdal'скимъ—321. Отсутствіе свѣдѣній объ его церковно-правительственной дѣятельности—322. Свидѣтельство о переводе имъ на славянскій языкъ Кормчей книги—322. Осужденіе епископа луцкаго Саввы—323 fin.. Две грамоты ему вел. кн. Василія Дмитріевича—324 fin.. Его

собственныи административного содержания грамоты пъ Новгородъ и Неконъ—328 fin.. Сдѣланное имъ для нашего церковнаго богослуженія—329. Пришесеніе въ Москву изъ Владимира иконы Владимирской Божіей Матери—331. Путешествіе Кипріана въ литовскую Русь,—дѣла его тамъ и неблагопріятная для православія перемѣна обстоятельствъ—333. Церковный дѣла въ Галиції—342 (и въ дополн.—882). Непочитаніе русскими великимъ княземъ императора и патріарха константинопольскихъ—345. Денежная помощь Русскихъ Грекамъ—346. Литературная или писательская дѣятельность Кипріана—347 fin.. Собственноручное писаніе имъ книгъ—354 fin.. Кончина его и отзывъ о немъ лѣтописецъ—355.

Митрополитъ Фотій . . . . . 357—413.

Вѣроятное предположеніе относительно того, почему кн. Василій Дмитріевичъ не избралъ преемника Кипріану въ самой Россіи—357. Исканіе Витовтомъ отдельнаго митрополита для Литвы; отказъ ему и постановленіе на всю митрополію Фотія—358. Біографическая свѣдѣнія о Фотіи до постановленія въ митрополиты и постановление—358 fin.. Прибытие его въ Литву и признаніе его Витовтомъ—361. Прибытие въ Москву. Энергичная его старанія познать разницкое движимое и недвижимое имѣніе митрополичьей кафедры и возбужденія похитителями имѣній вражда къ нему великаго князя—362. Постыденіе имъ Владимира и избѣгнутая опасность попасть въ путь къ Татарамъ—365. Бракъ дочери кн. Василія Дмитріевича съ греческимъ царевичемъ—366. Претензія митрополита къ великому князю относительно неизѣбѣнныхъ доходовъ митрополичьей кафедры—368. Возбужденія похитителями имѣній крайнихъ личинъ вражда противъ Фотія со стороны Витовта и по сей причинѣ принятое послѣднимъ памѣреніе поставить отдельнаго митрополита литовскаго—369. О кандидатѣ Витовта въ особые литовскіе митрополиты Григорій Цамблакъ—374 (и въ дополн.—882). Поставленіе Григорія въ митрополиты—377. Писаніе и дѣятельніе Фотія противъ Григорія—380. Послѣ скорой смерти Григорія примиреніе Фотія съ Витовтомъ и закрытие отдельной литовской кафедры—383. Постыденіе Фотіемъ Литвы—387. Галиція при немъ въ церковномъ отношеніи—388. Усердная его учительность и недостатки, находимые въ его церковныхъ словахъ и учительныхъ посланіяхъ—389. Немногое извѣстное изъ его церковно-правительственной дѣятельности, именно— подтвержденіе имъ узаконенія си. Петра о вдовыхъ священикахъ—393. Безуспѣшные старанія его о возвращеніи отъ Новгородцевъ мѣсячнаго суда—394 (и въ дополн.—883). Секта Стригольниковъ: ея возникновеніе—396; ея учение—398; причина ея возникновенія—400; написанія противъ нея обличительныи сочиненія—402; численность сектантовъ—404; посланіе Фотія во Невовъ о Стригольникахъ и подавленіе Нековичами секты—405.

Отношения Фотия къ преп. Навлу Обнорскому, характеризующія его какъ пастыря—407. Его посланія во Исковъ—408. Явившаяся у Русскихъ мысль ставить своихъ митрополитовъ въ самой Россіи—409. Государственная служба Фотія—410. Дружеское расположение къ нему Витовта послѣ примиренія съ нимъ—411. Умноженіе имъ недвижимыхъ имѣній митрополичьей кафедры—412. Его кончина—413.

Митрополитъ Исидоръ..... 414—468.

Избрание преемника Фотію св. Ионы въ самой Россіи—414. Причиной, по которой Иона медлилъ идти въ Константинополь на посвященіе, должно быть считаемо не поставление въ митрополиты Герасима, епископа смоленскаго, ибо этотъ постланецъ былъ въ отдельные митрополиты литовскіе—416, а замѣшательства, происходившія въ великомъ книженіи—418. Отправление св. Ионы въ Константинополь для поставленія и посвященіе тамъ въ митрополиты русскіе передъ самимъ его прибытіемъ Грека Испидора—419 fin. Биографической съѣдѣніи объ Испидорѣ и вопросъ о причинѣ, заставившей избрать его въ митрополиты—421 (и въ дополни.—884). Прибытіе его въ Москву—428. Сборы его на Ферраро-Флорентійской соборѣ и сочиненность въ нашихъ лѣтописяхъ того, что говорится о сопротивлении его путешествію со стороны великаго князя—430. Путешествіе его на соборъ—433. Прибытіе его на соборъ и роль его на соборѣ—438. Вопросъ о томъ, что заставило его стать горячимъ сторонникомъ униі—441. Возвращеніе путешествіе его съ собора и посланіе его къ своей наставѣ изъ Будима въ Венгрию—443. Прибытіе домой и долговременная остановка въ Литвѣ—446. Какъ принята была униі королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскими—448. Какъ принять былъ самъ Испидоръ южно-русскими православными—450. Прибытіе его въ Москву и минимое всеобщее крайнее смущеніе его поведеніемъ—452. Рѣшеніе поступить съ нимъ какъ съ измѣнникомъ православію, принятое до его прибытія въ Москву—454. Арестъ его, судъ надъ нимъ и его бѣгство—456 sub fin.. Значеніе флорентійской униі въ исторіи нашей русской церкви—458 (и въ дополни.—884).

Митрополиты московскіе и всяя Россія.

Митрополитъ св. Иона..... 469—515.

Отсутствие у Русскихъ мужества на то, чтобы спрятнуть съ себя власть патріарха-уніата, и при нежеланіи съ другой стороны, чтобы ихъ православный митрополитъ былъ поставленъ этимъ патріархомъ, ихъ рѣшеніе обратиться къ патріарху съ просьбою о дозвolenіи имъ поставить себѣ митрополита самимъ—469. Но той или другой причинѣ не полученніе Русскими дозволенія—476. Вторичное рѣшеніе ихъ обратиться съ тою же просьбою въ Константинополь,

оставшеся безъ исполненія—477. Рѣшеніе ихъ поставить митрополита самимъ, безъ дозволенія патріарха—478 fin.. Причины, ускорившія это ихъ рѣшеніе—479. Продолжительный колебанія ихъ привести рѣшеніе въ исполненіе и оправданіе ими себя относительно первого—481. Поставленіе ими св. Іоны въ митрополиты безъ дозволенія изъ Константиноополя, медленіе относительно извѣщенія туда о своемъ поступкѣ и при случившейся тамъ перемѣнѣ обстоятельствъ—484. Отказъ отъ исполненія намѣренія при новой, случившейся въ Константиноополѣ, перемѣнѣ обстоятельствъ—487. Биографическая съѣдѣнія о св. Іонѣ до постановленія его въ митрополиты—488 fin.. Протестъ иѣкоторыхъ Русскихъ противъ постановленія его въ митрополиты безъ дозволенія патріарха-уніата—490. Старанія его распространить свою власть на литовскія и галицкія епископіи митрополіи, уничтожилася успѣхомъ неисполнена—491. Очищеніе имъ полученныхъ въ свою власть епархій литовскихъ отъ иѣкоторой заразы иендоризма—493 fin.. Единственно извѣстное церковно-правительственное его дѣло—причтение къ лицу святыхъ митр. Алексія—494. Учительныи его грамоты на Ватку, на Новгородъ и во Нековъ—495. Отношеніи его къ литовской части его митрополіи—499. Нарушеніе устава о постѣ, допущенное архіепископомъ ростовскимъ Феодосіемъ—499. Обереженіе св. Іоною своихъ преимуществъ какъ митрополита—500. Участіе его въ дѣлахъ государственныхъ—501. Прибытіе въ Литву митрополита-уніата Григорія—503. Напрасны старанія со стороны великаго князя московскаго и св. Іоны не дать Григорію сѣсть на литовской части митрополіи—504. Принятіе мѣръ противъ Григорія въ самой Москве—506. Раздѣленіе русской митрополіи на двѣ особыя митрополіи—507. Рѣшеніе московскихъ Русскихъ ставить своихъ митрополитовъ у себя дома, принятое ими постѣ взятія Константиноополя Турками—507. Вопросъ о томъ, дано ли было Русскимъ патріархами константинопольскими дозволеніе ставить своихъ митрополитовъ у себя дома—511. Юридическая сторона дѣла—513. Заботы св. Іоны о инѣніей представительности—514 (и въ дополн.—585). Его кончина и его причтение къ лицу святыхъ—514.

Митрополитъ Феодосій . . . . . 516—531.

Необычнымъ образомъ совершиное избрание Феодосія въ митрополиты—516. Предосторожности, принятые при семъ противъ литовскаго митрополита-уніата Григорія—518. Съ посвященіемъ Феодосіева начало фактической независимости русскихъ митрополитовъ отъ патріарховъ константинопольскихъ—519. Выдающееся мѣсто, которое должно быть предоставлено ему среди нашихъ митрополитовъ—520. Безъуменіан грамота ростовскаго архіепископа, свидѣтельствующая объ особенной архиастырской ревности ея автора, которая съ иѣкоторою вѣроинтоцію можетъ быть условіемъ Феодосію какъ архіепи-

копу ростовскому—520 fin.. Предпринятая имъ въ санѣ митрополита попытка исправленія нашего духовенства, окончившися печальной неудачей, заставившей его удалиться съ каѳедры—521. Грамота его въ Новгородѣ о Григоріи литовскомъ—524. Грамота въ Новгородѣ противъ поснагательства мірскихъ властей на права архіепископа и на недвижимыи церковныи измѣнія—525. Неудачная исканія Пековичей получить себѣ особаго епископа—526. Окончаніе крещенія Пермяковъ—527. Посвященіе Феодосіемъ греческаго митрополита Кесаріи Филипповой—529. Его кончина—531 (и въ дополн.—885).

Митрополитъ Филиппъ I..... 532—548.

Поставленіе Филиппа въ митрополиты—532. Посланія великаго князя и митрополита въ Новгородѣ съ уніїзациемъ не отдаваться подъ власть польского короля и не приступать къ Григорию литовскому—532 (и съ заявлениемъ, что на Москвѣ имѣютъ чюжа и отречена отъ себя самого патріарха константинопольскаго, который восприсоединеніе Григоріи къ православію и призналъ митрополитомъ всея Россіи—535 fin.). Предпринятіе Филиппомъ постройки новаго Успенскаго собора въ Москвѣ—538. Стойко-ревностная заботливость его объ охраненіи уваженіи къ православію по поводу прѣзда въ Москву второй супруги великаго князя Софии Фоминишины въ сопровождениі папскаго легата—542. Церковно-правительственныя грамоты его въ Новгородѣ и Пековѣ—544 fin.. Самосудъ, дозволенный себѣ пековскимъ духовенствомъ по отношенію ко вдовымъ священникамъ—545 fin.. Кончина Филиппа—548 (и въ дополн.—885).

Митрополитъ Геронтій..... 549—607.

Избрание Геронтия въ митрополиты—549. Самовольное постановление въ Константинополь въ митрополиты литовскіе Спиридона Сатаны и мѣры противъ константинопольскаго самоволія, принятые въ Москвѣ—550. Стройка московскаго Успенскаго собора—551. Споры великаго князя съ митрополитомъ о томъ, какъ ходить съ крестнымъ ходомъ при освященіи церквей—по солнцу или противъ солнца—553. Брань митрополита съ ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ изъ-за Кириллова Бѣлозерскаго монастыря—555 fin.. Наказаніе митрополитомъ чудовскаго архимандрита Геннадія за обезщепеніе последнимъ богоявленской воды—556 fin.. Удаленіе его съ каѳедры по случаю болѣзни и возвращеніе на нее, не смотря на противодѣйствіе сему великаго князя—557. Грамота его на Витку—558. Грамота его къ великому князю на Угру—568 fin.. Загадочный скорбный воспоминаніе лѣтощего по поводу постановленія имъ трехъ епископовъ—559. Ересь Жидовствующихъ: возникновеніе въ 1470—1471-мъ году секты Жидовствующихъ и первое ея распространеніе—560. Открытие въ 1487-мъ г. ея существованія, осужденіе и казнь въ 1488-мъ году

немногихъ еретиковъ, еретичество которыхъ было до иѣкоторой степени доказано, и остановка стараний объ искорененіи ереси до смерти митр. Геронтия 563 нач. (и въ дополн.—885). Возведеніе на каѳедру митрополіи тайного послѣдователя ереси Зосимы и соборъ на еретиковъ 1490-го года, имѣвшій мѣсто вѣдь за поставленіемъ Зосимы—566 fin. (и въ дополн.—886). Казни еретиковъ и исторія ереси до изгнанія Зосимы—570 fin.. Возведеніе на каѳедру митрополіи православнаго Симона и нескорое достижениe послѣднимъ того, чтобы великий князь рѣшился казнить еретиковъ—577 нач.. Соборъ на Жидовствующихъ 1504-го года, ихъ осужденіе и казни, и судьба тѣхъ изъ нихъ, которые осталисьТЬ живыхъ—582. Вопросъ о существѣ ереси Жидовствующихъ—585 нач.. Вопросъ о численности еретиковъ—601. Письменные памятники, которые есть вѣроятностю должны быть принимаемы за памятники, оставленныя послѣ себя Жидовствующими—604 (и въ дополн.—886). Сочиненія противъ нихъ переводныя и оригиналныя—605 (и въ дополн.—888).

Митрополиты Зосима и Симонъ.....608—647.

Зосима. О способѣ его избрания въ митрополиты—608. Разчиненіе имъ пасхалии на 20 лѣтъ во семьи тысячи—608. Отдача имъ вмѣстъ съ архіепископомъ новгородскимъ Вологды епископу пермскому—609. Отставление при немъ во Невовѣ вдовыхъ священниковъ отъ службы—609 (Удаленіе его есть каѳедры и сомній о иѣкоторыхъ въ его еретичествѣ—574 fin.).

Симонъ. Особенности чина его поставленія и значеніе этихъ особенностей—610. Соборъ 1503-го года о незиманіи платы за постановленія въ церковныхъ степеняхъ, о неслуженіи въ міру вдовымъ священникамъ, о невдовыхъ священникахъ, упивающихся допьяна и о купно-житіи монаховъ съ монахинями—612 (и въ дополн.—890). Написаніе Георгія Скрипци противъ постановленія собора о вдовыхъ священникахъ—621. Списаніе преп. Іосифа Волоколамскаго въ защиту постановленія собора—622. Поднятіе на соборѣ вопроса объ отбораніи вотчины у монастырей и отношеніе къ вопросу вел. кн. Иллана Васильевича—624. Принятіе великимъ княземъ иѣкоторыхъ мѣръ къ ограничению перехода недвижимыхъ имѣній отъ мірскихъ вотчинниковъ во владѣніе епископскихъ каѳедръ и монастырей—636. Сеора Серапіона, архіепископа новгородскаго, съ Іосифомъ Волоколамскимъ, окончившися пизложеніемъ первого—636. Учительная посланія Симона въ Великую Пермь—645 (и въ дополн.—890). Его кончина—647.

Митрополитъ Варлаамъ .....648—699.

Избрание Варлаама въ митрополиты и способъ этого избрания—648. Совершеннное отсутствие свѣдѣній объ его церковно-правительственной деятельности—649 (и въ дополн.—890). Жидъ Исаакъ, мо-

жетъ быть, при немъ пытавшися распространять у насъ жидовство—649. Дѣятель его времени инонъ Вассианъ Патрикѣвъ Косой съ своей полемикой и пропагандой противъ вотчновладѣнія монастырей—650 (и съ своей новой Кормчей—657). Другой дѣятель его времени преп. Максимъ Грекъ: значение Максима въ нашей церковной исторіи—665; биографическая свѣдѣнія о немъ до его прибытія въ Россію—666; его прибытіе въ Россію во исполненіе просьбы къ аѳонцамъ великаго князя—675. Переводъ имъ Толковой пеалтири съ частію толкованія на двѣнадцать апостольскія и напрасная его просьба къ государю обѣ отпускъ его домой—678. Исправленіе имъ нашихъ богослужебныхъ книгъ—682. Публичистическая его дѣятельность, состоявшая въ писаніи посланій и словъ: противъ проповѣди Николая нѣмчина о соединеніи церквей—683; противъ астрологіи—687; противъ потчновладѣнія монастырей—691. Его протестъ противъ поведенія Русскихъ въ отношеніи къ патріарху константинопольскому и обличеніе имъ Русскихъ за ихъ мнѣніе о поврежденіи чистоты православія у Грековъ—695. Изгнаніе митр. Варлаама съ каѳедры вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ—697.

Митрополитъ Даниилъ..... 701—738.

Даниилъ на игуменствѣ въ Волоколамскомъ монастырѣ, избраніе его вел. кн. Василіемъ Ивановичемъ въ митрополиты и его характеристика—700. Его содѣйствіе великому князю въ захватѣ Шемячицы—703. Его вражда къ противникамъ вотчновладѣнія монастырей Вассиану Косому и Максиму Греку и привлеченіе имъ тяжкаго гиѣва государя на втораго изъ нихъ—704 fin.. Соборъ на Максима 1525-го года, его осужденіе и заключеніе въ Волоколамскомъ монастырѣ—711. Соборъ на Максима 1531-го года, его вторичное осужденіе и заключеніе въ тверскомъ Отрочьемъ монастырѣ—719. Судъ и осужденіе на соборѣ 1531-го года Вассиана Косаго—726 fin.. Разрѣшеніе Данииломъ вел. кн. Василію Ивановичу развестись съ его первой неплодной супругой и вступить во второй бракъ—731 (и въ дополни.—892). Изгѣстное церковно-правительственное дѣло Даниила—733. Положеніе его послѣ смерти вел. кн. Василія Ивановича—734 (и въ дополни.—892). Носятельства правительства на права и преимущества духовенства во время регенерства вдовы великаго князя Елены—735 fin.. Изгнаніе Даниила съ каѳедры митрополіи—736. Заключительный отзывъ о немъ—736 fin..

Митрополитъ Іоасафъ..... 739—743.

Избраніе Іоасафа въ митрополиты—739. Замѣчательная особенность въ чинѣ его поставления—740. Между временщиками, спорившими о власти, предпочтеніе имъ лучшаго худшему, послужившее причиной его изгнанія—740. Немногое извѣстное изъ его церковно-прави-

тельственной деятельности—741. Ничто къ его характеристикѣ—742.
Его ссылка и кончина—742 фин.

Митрополит Макарій.....744—875.

Недостаточность свѣдѣній о жизни и дѣятельности Макарія—744. Его поставленіе въ архіепископы новгородскіе—745 фин.. Его дѣятельность въ санѣ архіепископа новгородскаго—750 нач.; въ частности: введеніе имъ общежитія въ новгородскихъ монастыряхъ и прекращеніе купожитія монаховъ и монахинь въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ—752; старанія его объ утвержденіи христіанства между инородцами Водской пятины—754; благоукрашеніе имъ храма св. Софіи и вообще его заботливость о новгородской святынѣ и тщаніе о тамошнихъ церквяхъ—757. Неудачная попытка его озnamеновать себѣ монументальнымъ сооруженіемъ пещерскими—758. Дѣла его и пощеніе его, свидѣтельствующія объ его пастырской ревности и добродѣтель—759. Оношенія его къ правительству въ бытность архіепископомъ новгородскимъ—759. Литературная его дѣятельность за время архіепископствования въ Повгородѣ—760. Какимъ онъ вообще показалъ себя на каѳедрѣ архіепископіи Повгородской—760. Слава его, выступавшая за предѣлы Россіи—760 фин.. Избрание его на митрополиты и несправедливость подозрій Карамзина и Соловьева, будто онъ достигъ каѳедры митрополіи не совѣтъ прямымъ путемъ—761. Его тяжелое положеніе и его благая пастырски-общественная дѣятельность до совершенія дѣлъ государя—763. Произведенія въ государѣ метаморфоза, виновникомъ которой со всесю вѣротицію долженъ быть считаемъ онъ—митрополитъ, избраніе государя царемъ вѣнцомъ и его помыслы и старанія объ обновленіи государства—765. Предпринятіе Макаріемъ обновленія церкви—771. Соборы 1547-го и 1549-го годовъ о канонизаціи святыхъ—772. Стоглавый соборъ 1551-го года: историческіи свѣдѣнія о соборѣ—773; какъ понимать то, что въ дѣяніяхъ собора инициаторомъ его предстаиваетъ государь, а не митрополитъ, и какъ относился первый къ мысли послѣдняго объ обновленіи церкви—776; какъ объяснять то, что свои обширныя запятія соборъ окончилъ въ несъмъ непроложительное время; о книгѣ дѣяній собора, называемой Стоглавникомъ или Стоглавомъ—779; о томъ, что книга эта предстаиваетъ собою написанный, утвержденный и введеній соборомъ въ дѣйствіе кодексъ его постановленій (о подлинности Стоглава)—782 фин.. (и въ дополн.—892); обзоръ постановленій Стоглаваго собора и извторыя частныхъ замѣчаній о постановленіяхъ—785; какимъ способомъ обнародованы были постановленія собора, какъ не скоро могло совершиться ихъ обнародование и что онъ съ постепенностю вводимы были въ дѣйствіе—792; помощь митрополиту со стороны государя въ томъ, чтобы постановленія собора, получивъ силу закона, дѣйствительно были исполнены

илемы—794; отвѣтъ на заключительный вопросъ о соборѣ: совершилось ли то обновленіе церкви, которое составляло цѣль и задачу митр. Макарія при его созваніи—795. Узаконенія царя Ивана Васильевича о первовныхъ недвижимыхъ имѣніяхъ—795. Недоумѣній отвѣтъ митрополита къ царю о недвижимыхъ вещахъ, вданныхъ Богови—800. Учрежденіе въ 1555-мъ году епархіи казанской—800 *fin.*. Занесеніе книгопечатанія въ Москву—801. Окончаніе рѣчей о преп. Максимѣ Грекѣ: его жизнь въ Твери у архіепископа Акакія и отношенія къ нему послѣдняго—803; сочиненія, написанныя имъ въ Твери—806; нравственно-обличительныя и учительные слова его, обращенные къ Русскимъ—807; проповѣдь его объ истинномъ христіанствѣ противъ христіанства лживаго и фарисействующаго—808; освобожденіе его изъ темницы, прошбы о допущеніи къ причастію св. таинъ, напрасныи хлопоты объ отпускѣ на Афонъ, переводъ его изъ Твери въ Троицкій Сергіевъ монастырь и кончина въ семъ послѣднемъ—813. Ереи Матиїа Башкина и Феодосія Косаго—817. Вольномысліе бывшаго троицкаго игумена Артемія и другихъ—830. Дѣло дьяка Висковатова, возстававшаго противъ новыхъ иконъ, написанныхъ въ Благовѣщенскій соборъ—841. Полученіе отъ патріарха константинопольского грамоты, утверждающей вел. кн. Ивана Васильевича въ санѣ царя—845. Отправленіе пословъ ва Востокъ, съ порученіемъ „обычай въ странахъ тѣхъ писати”—847. О литературной дѣятельности митр. Макарія или объ его дѣятельности въ области литературы—848. Крещеніе Лопарей—854. Попытки начать привлечь насть—Русскихъ къ союзу съ римскою церковью—861. Дѣло Шпитте—Штейнберга, хлопотавшихъ передъ папою будто бы по порученію царя Ивана Васильевича о принятіи первымъ послѣдняго въ союзъ съ римскою церковью—869 *fin.*. Кончина митр. Макарія—872. Заключительный отзывъ о немъ—873.

Дополненія и поправки.....	876—895.
Списки великихъ князей и митрополитовъ.....	896—903.
-

ЗАМЪЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ И ОБМОЛВКИ¹⁾.

<i>Стран.:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Нужно:</i>
20	16 снизу	известно	известного
30	6 "	Кирилъ	Кирилъ
46	10 "	извѣ	иць
48	9 "	Оеогноста	Оеогноста
—	7 "	въ Орду	во Орду
56	7 "	именно — чтобы	именно — производить его такъ, чтобы
105	5 "	его спискамъ	спискамъ послѣдняго
118	14 "	настѣѣ	настѣѣ
120	18 сверху	то мы	но мы
126	12 снизу	Литви	Литви
—	6 "	воли	волѣ
153	8 "	Оеогноста	Оеогноста
166	20 "	постригся въ монашество	постригся въ монахи
169	9 "	Φεόγνωτος	Φεόγνωτος
171	10—11 св.	постриженіи въ монашество	постриженіи въ монахи
185	4 снизу	ρωγός	ρωγός
200	12 сверху	при себѣ	при семъ
201	8 "	на нее	въ нее
295	10 снизу	перваго счета	послѣдняго счета
355	3 "	митрополиты	митрополиты
360	6 "	σουζουται	σουζουται
368	15 "	Βαρβάνος	Βαρβάνος
387	18 сверху	возмутительное безобразіе	возмутительное нравственное безобразіе
390	18 снизу	не церковный	церковный
393	12 "	не могли быть)	не могли быть)
406	2 "	годамъ	году

¹⁾ Въ выпискахъ изъ греческихъ актовъ, которыхъ приходится видѣть въ привѣчаніяхъ, указываемъ ошибочное написаніе и чтеніе словъ, не указывая неправильно поставленныхъ удареній и приыханій.

Невыдержанность относительно прописныхъ буквъ, лежащая отчасти на нашей, отчасти не нашей, ответственности, непрѣятна и намъ самимъ: но мы ничего не можемъ сдѣлать съ нею, кромѣ того, чтобы сказать, что она безвредна...

Родительный надежь единственного числа именъ прилагательныхъ не рѣдко, не по нашей винѣ, напечатанный съ окончаніемъ *ою*, соблаговолить самъ читатель поправлять на *аю*.

За достаточное количество опечатокъ просятъ извиненія у читателя наши крайне плохіе глаза.

Стран.:	Строка:	Напечатано:	Нужно:
422	10 сверху	заключаетъ	полагаетъ
506	7 "	не будуть не имѣть	не будутъ имѣть
528	8 "	и такъ мы	и такъ какъ мы
531	6 снизу	проводіявшаю	проводіавшаю
542	2 сверху	(1-го Іюля ¹⁾	(1-го Іюля)
544	6 "	дозволить	дозволишь
550	16 "	самого	самаго
—	2 снизу	то	это
560	2 сверху	чисто жидовство	чистое жидовство
565	1 снизу	Ioасафу	Ioасафу
569	12 "	Генадія	Генадія
575	19 "	1871-го года	1847-го года
593	11 сверху	побороть	поборать
594	1 снизу	кабалѣ	каббалѣ
604	6 "	Филиппа	Филина
608	1 "	по 19-е Мая	по 17-е Мая
610	13 сверху	стр. 595	стр. 577
616	5 "	улагаетъ	улагаетъ
622	10 снизу	сѹмѹрѣбѹтъ	сѹмѹрѣбѹтъ
635	3 "	А касается	А что касается
642	10 сверху	какъ царское	какъ по царскому закону «царское
649	14 "	Русіи	Руси
659	1 снизу	систематическихъ	систематическимъ
699	8 "	евангеліе отъ Ioанна	евангеліе отъ Матея
703	21 "	придавать цѣну	давать цѣну
707	8 "	на евангеліе отъ Ioанна	на евангеліе отъ Матея
735	15 "	ближнему	ближнимъ
740	7 сверху	во всѣмъ	во всемъ
742	10 снизу	Ioасафъ	Ioасафъ
745	6 "	Кирилловъ монастырь	Кириловъ монастырь
762	16 сверху	Руссіи	Руси
784	21 "	по новому	по новому
794	8 снизу	изъ концѣ прим.	на концѣ параграфа прим.
795	1 "	стр. 252	стр. 251
801	14 сверху	введеніемъ	зведеніемъ
804	5 снизу	книжку	книжки
822	7 сверху	Валаамскій	Валаамскій
840	18 "	Вѣлобаевымъ	Вѣлобаевымъ
841	16 "	Михайловичъ	Михайловичъ
844	9 снизу	сѹмѹрѣбѹтъ	сѹмѹрѣбѹтъ
862	20—21 сн.	Antonія, должны	Antonія, повидимому, должны
876	10 снизу	λοιτροбѹрос	λοιτροбѹрос;
878	12 "	Гѹрос	Тѹрос;
885	1 "	ub	sub

—**—

Цѣна безъ пересылки **4 р. 50 к.,**
съ пересылкой **5 р.**

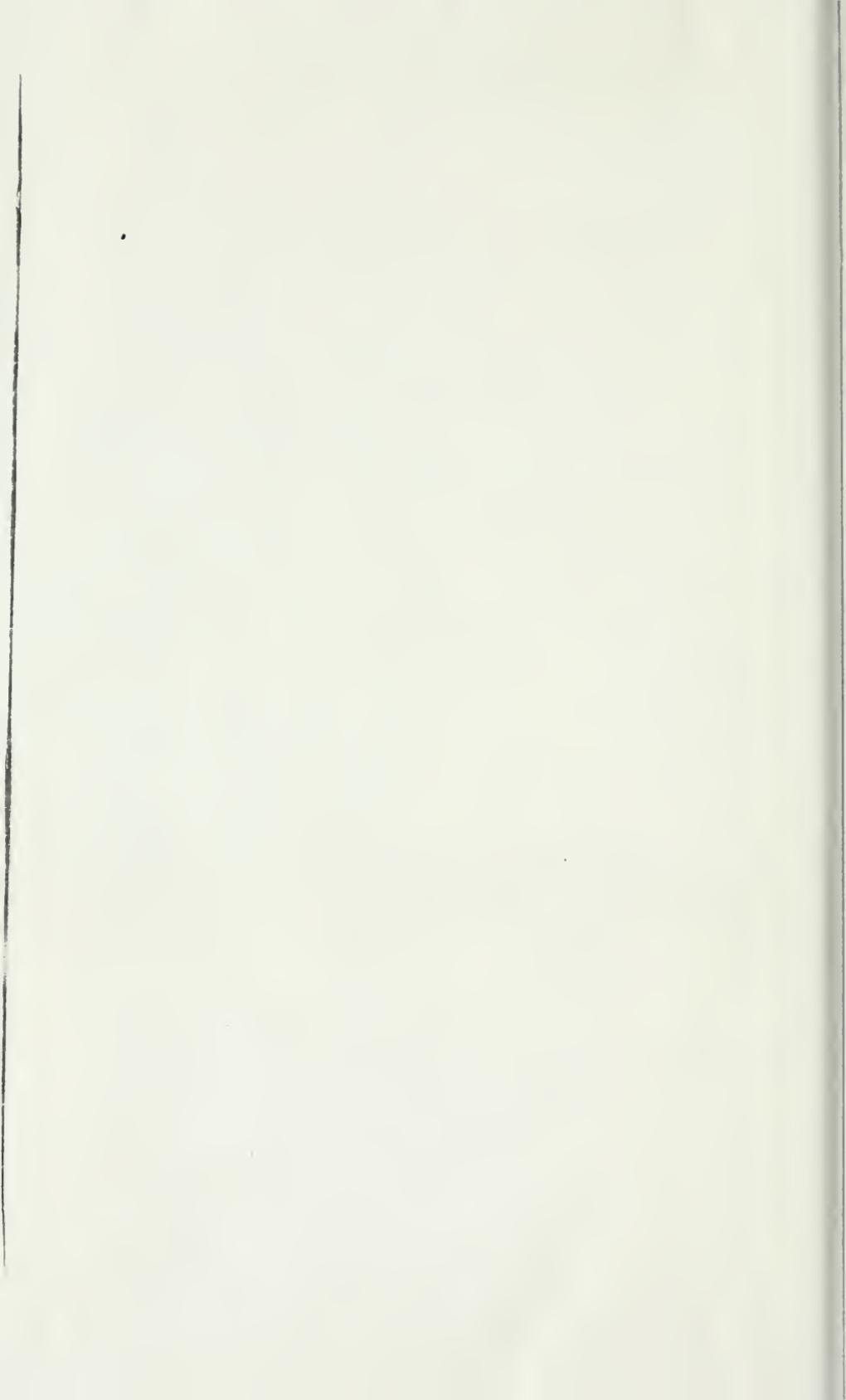
**—

ДРУГІЯ СОЧИНЕНИЯ АВТОРА ЭТОЙ КНИГИ:

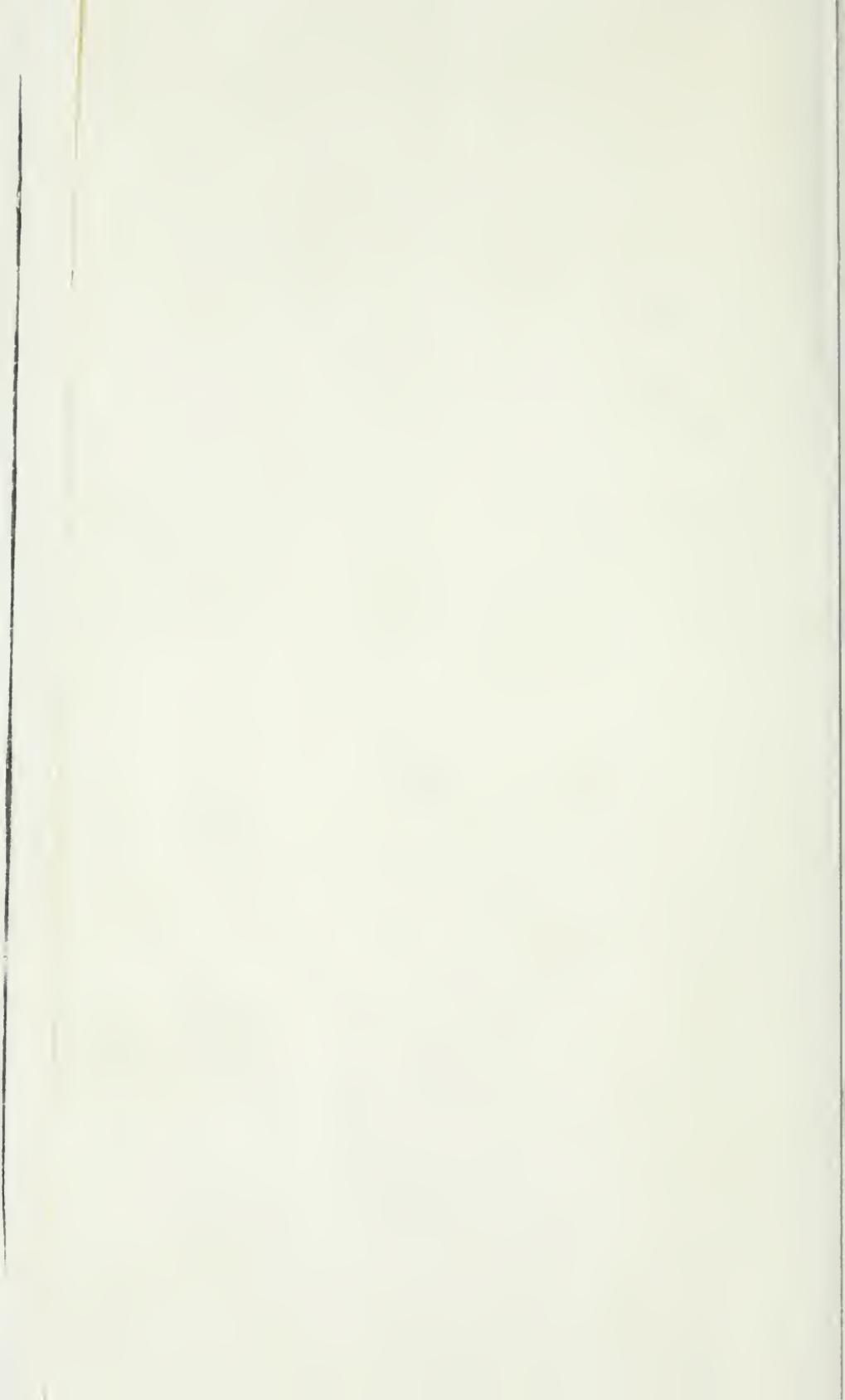
1. Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской,—цѣна безъ пересылки **2 р. 75 к.,** съ пересылкой **3 р.**
2. Исторія канонизаціи святыхъ въ русской церкви,—цѣна безъ пересылки **1 р. 75 к.,** съ пересылкой **2 р.**
3. Преподобный Сергій Радонежскій и Троицкая Лавра (Жизнеописаніе преподобнаго Сергія и путеводитель по Лаврѣ),—цѣна безъ пересылки **2 р.,** съ пересылкой **2 р. 25 к.,**

могутъ быть выписываемы: первыя два — отъ автора, по адресу: въ Сергиевскій Посадъ Московской губерніи, изъ редакціи «Богословскаго Вѣстника» — по тому же адресу и отъ Сергія Алексѣевича Бѣлокурова, по адресу: въ Москву, въ Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, на углу Воздвиженки и Моховой; послѣдніе — изъ редакціи «Богословскаго Вѣстника».

BX Golubinskii, Evgenii Evsigne-
485 evich
G58 Istorija russkoj tserkvi.
1901 Izd. 2., ispr. i dop.
t.2
pt.1

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY TORONTO LIBRARY
